

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и культуры народов Приуралья

**Древности Прикамья эпохи железа
(I тыс. – первая половина II тыс. н.э.):
хронологическая атрибуция**

Материалы и исследования
Камско-Вятской археологической экспедиции
Том 25

Ижевск
2012

УДК
ББК

*Рекомендовано к изданию Институтом истории и культуры народов Приуралья
Удмуртского государственного университета*

Научные редакторы: кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории
и культуры народов Приуралья Л.И.Липина;
научный сотрудник Института истории и культуры народов
Приуралья Н.Ф.Широбокова

Рецензенты: декан факультета гуманитарного образования Самарского государственного
технического университета, доктор исторических наук, профессор А. В.
Богачев;
профессор кафедры музееведения и искусствоведения ФГБОУ ВПО «Казанский
государственный университет культуры и искусства», доктор исторических
наук К. А. Руденко

Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.):
хронологическая атрибуция. Коллективная монография. Материалы и
исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд-
во «Удмуртский университет», 2012. – с.

ISBN

В коллективной монографии представлены результаты исследований в области
датировки и хронологии различных памятников Прикамья I тыс. н.э. – первой половины II
тыс. н.э., изученных за последние 40 лет сотрудниками Камско-Вятской археологической
экспедиции Удмуртского государственного университета. Книга адресована археологам,
этнографам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым своего края.

Подготовка к изданию осуществлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект №11-01-00112а), издание выполнено при
финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации,
соглашение 14.В37.21.0006 «Историко-культурное наследие народов Прикамья – носитель
и ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества» в
рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические
кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

УДК
ББК

© Коллектив авторов, 2012
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»

Содержание

Предисловие	5
Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Конструктивная и хронологическая классификации материалов Ныргындинского I могильника II-III вв.	7
Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского I могильника I-V вв. в бассейне р.Тулвы	58
Черных Е.М. О хронологии культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье	65
Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.)	73
Голдина Р.Д., Бернц В.А. К вопросу о хронологии погребений III-V вв. н.э. Тарасовского могильника	94
Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология материалов Тураевского I могильника (конец IV-V вв.) (бескурганная часть)	114
Голдина Е.В. Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть)	127
Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.)	139
Голдина Е.В. Хронология бус могильников неволинской культуры	167
Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.)	179
Голдина Р.Д. О датировке Бартымского комплекса памятников в Приуралье	195
Голдина Е.В. О датировке бус Бартымского I селища и Бартымского I могильника	203
Голдина Е.В. Бусы городища Лобач и могильника Сухой Лог	210
Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры	227
Бернц В.А., Пастушенко И.Ю. Важгортский II могильник эпохи средневековья в Коми-Пермяцком округе	236
Голдина Р.Д., Кананин В.А. Хронология верхокамских древностей VI-XIV вв.	242
Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.)	253
Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник XI-XII вв. в бассейне р.Сылвы	273

Книга посвящается кафедре археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, сделавшей многое для становления археологического центра в Удмуртском государственном университете: Валентину Лаврентьевичу Янину, академику, бессменному руководителю кафедры археологии МГУ с 1978 г. Борису Александровичу Рыбакову, академику, блестящие лекции которого по истории России слушала проф. Р.Д. Голдина Леониду Романовичу Кызласову, доктору исторических наук, профессору, семинар которого «Погребальный обряд народов Евразии» посещала проф. Р.Д. Голдина, а специальный курс «Южная Сибирь в раннем железном веке и средневековье» слушала доц. Е.М. Черных. Герману Алексеевичу Федорову-Давыдову, доктору исторических наук, профессору, руководившему аспирантами Удмуртского университета ныне проф. К.И. Корепановым (1974-1977 гг.), доц. Н.А. Лещинской (1984-1988 гг.), доц. Т.К. Ютиной (1983-1986 гг.), доц. Е.М. Черных (1989-1991 гг.), интеллигенту высочайшего уровня, умевшему направлять молодых ученых, не подавляя своим авторитетом. Его спецкурс «Историография археологии» прослушали все, кто учился в аспирантуре МГУ, многие работали у него в экспедиции на раскопках Селитренного городища. Особая благодарность специалисту мирового класса по истории древнего стекла, человеку редкого ума, обаяния и доброты Юлии Леонидовне Щаповой, председателю Государственной Экзаменационной Комиссии на историческом факультете Удмуртского университета в 70-е гг. XX в., секретарю Ученого Совета МГУ, в котором защитили докторскую диссертацию проф. Р.Д. Голдина (1990 г.), кандидатские диссертации – проф. О.М. Мельникова (1989 г.), доц. Е.М. Черных (1992 г.); руководителю аспирантки Е.В. Голдиной (1991-1994 гг.). Ю.Л. Щапова неоднократно читала спецкурс «Естественнонаучные методы в археологии» в Удмуртском университете, организованный ею в МГУ научный семинар «Морфология древностей» во многом способствовал формированию новых методологических подходов в исследовательской практике Удмуртского университета.

Предисловие

В результате реализации проекта «Древности Прикамья в эпоху железа: хронологическая атрибуция» (№11-01-00112а) подготовлена к изданию коллективная монография, подводящая итог 40-летним изысканиям в этой области коллектива археологов Удмуртского государственного университета (г.Ижевск). Абсолютное большинство материалов, используемых в монографии – новые, оригинальные, полученные в результате полевых работ Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета (руководитель – профессор Р.Д.Голдина).

Том 1 посвящен наиболее значительному по объему блоку: хронологии пермских древностей конца IV – XIV в. н.э. Верхнего Прикамья, которые относятся к неволинской, ломоватовской и родановской культурам. Большая часть материалов проанализирована не только с помощью формальной типологии и методов аналогий, но и с применением методов взаимовстречаемости предметов в комплексах, корреляционных плеяд, планиграфии. Наиболее ранняя часть представлена 108 могилами Бродовского курганного могильника конца IV – V в. н.э. неволинской культуры (Голдина Р.Д.). Принципиально новые знания удалось получить при хронологизации 133 захоронений из 108 курганов и 185 бескурганых могил Верх-Саинского могильника (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А.). Здесь впервые в Прикамье были обособлены захоронения VI, а также VII, VIII и начала IX вв. Особое место занимают материалы всемирно известного Неволинского могильника VII – начала IX в., при этом удалось не только убедительно обосновать хронологические рамки, но и разделить его на отдельные стадии: второй половины VII, VIII, конца VIII и начала IX в. (Голдина Р.Д.). Важно и хронологическое деление материалов Агафоновского II могильника IX–XII вв., отражающего переходный период от ломоватовской к родановской культуре предков коми-пермяков (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Ютина Т.К.). Значительный интерес представляют и результаты хронологического анализа погребений Аверинских I и II могильников VI–XIV вв. н.э., характеризующих ломоватовско-родановское время одного из локальных вариантов культуры коми-пермяков – верхокамского (зюздинского) (Р.Д.Голдина, В.А.Кананин).

Сверх запланированных работ были выполнены хронологическая оценка комплексов Бартымского I могильника середины VII в. н.э. (Р.Д.Голдина), а также могильника Сухой Лог, отражающего заключительную фазу неволинской культуры последней четверти VIII – первой четверти IX в. (Р.Д.Голдина, С.А.Перевозчикова). Кроме того, дополнительно была изучена хронология бус городища Лобач и могильника Сухой Лог, а также Бартымских I селища и могильника (Е.В. Голдина).

Том 2 посвящен хронологической оценке памятников I тыс. н.э. Среднего Прикамья и бассейна р.Вятки. Значительная часть статей посвящена древностям Средней Камы чегандинской культуры пьяноборской историко-культурной общности: могильники Ныргында I и II, Тарасовский I–V вв., Тураевский (бескурганная часть) IV–V вв. На основе подробнейшей классификации материалов 363 погребений могильника Ныргында I удалось обосновать ее датировку в пределах: вторая половина II – первая половина III в. (Р.Д.Голдина, Г.Н.Журавлева, А.А.Красноперов). Большие перспективы для изучения Среднего Прикамья на рубеже эр имеет хронологическое изучение 267 захоронений могильника Ныргында II (Г.Н.Журавлева). Разработана хронология комплексов III–V вв. уникального Тарасовского могильника, самого крупного из исследованных финно-угорских памятников (1880 могил) (Р.Д.Голдина, В.А.Бернц). Значительный интерес для изучения процессов великого переселения народов в Прикамье имеет хронология Тураевского I могильника (бескурганная часть) конца IV–V вв. (Р.Д.Голдина, В.А.Бернц). Для оценки состояния экономической ситуации, культурных и торговых контактов в Прикамье в первой половине I тыс. н.э. будет иметь решающее значение, разработанная Е.В.Голдиной, хронология бус Тарасовского и Тураевского I (бескурганная часть) могильников. Большой раздел этой главы посвящен анализу более 200 погребальных комплексов из 17 могильников I–XI вв. Вятского края, относящихся к худяковской, еманаевской и кочергинской культурам железного века (Н.А.Лещинская).

В целом, подготовленные к изданию материалы по хронологии памятников прикамского края, раскопанных археологами Удмуртского университета за последние 40 лет и изученные с помощью современных методик научного анализа, представляют собой фундаментальное основание для дальнейших историко-культурных исследований не только Приуралья, но и других областей Евразии.

Конструктивная и хронологическая классификации материалов Ныргындинского I могильника II-III вв.

Очерк изучения древностей конца раннего железного века в Прикамье

Эпоха раннего железа в Прикамье охватывает период с VIII в. до н.э. по V в. н.э. Последние три века приходятся на Великое переселение народов, знаменующее собой наступление средних веков.

Первые, случайные, находки пьяноборской эпохи в Прикамье были сделаны в середине XIX в. Еще до основания Археологической комиссии (1859 г.) в Музей антропологии и этнографии Академии наук была доставлена бронзовая «эполетообразная» застёжка, найденная у д.Княж-Погост на р.Выми. В 1868 г. в Археологическую комиссию поступил Безводнинский клад. Однако возраст этих находок тогда не поддавался определению (Худяков М.Г., 1933, с.3, 16). В 1880 г. в Общество археологии истории и этнографии при Казанском Императорском университете помощником Елабужского исправника П.П.Пасынковым были доставлены 287 находок из с.Пьяный Бор. Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагавшегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая находящиеся под ним костяки и вещи. В последующие годы на памятнике, заинтересовавшем многих своеобразием и эффектностью коллекции, производились раскопки, сбор материалов, а также покупка находок у местного населения (П.А.Пономарев, А.А.Спицын, Сухоедов, Рязанцев, Ф.Д.Нефедов, И.Н.Смирнов). Коллекции предметов были частично изданы (Нефедов Ф.Д., 1899; Спицын А.А., 1901а; Древности..., 1933). По заключению А.А.Спицына, богатый пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которые было предложено называть «пьяноборскими» (Спицын А.А., 1901а, с.1).

В 1898 г. А.А.Спицын произвел раскопки I и II Ныргындинских могильников, исследовав 45 погребений, 9 и 36 соответственно (Древности..., 1933). Он же отнес к пьяноборской культуре основной комплекс находок с Гляденовского костыща, раскапывавшегося в 1896-1897 гг. (Спицын А.А., 1901б, с.268), а также высказал мнение, что культура Пьяноборского могильника является непосредственным продолжением культуры Ананьинского могильника (Спицын А.А., 1901а, с.7). Впоследствии к пьяноборской культуре был отнесен еще ряд памятников: Вичмарский, Воробьевский, Сунцевский, Азелинский, Старостекольный завод, Айшинский, Мари-Луговской, Сюкеевский и несколько крупных кладов (Худяков М.Г., 1929, 1933; Калинин Н.Ф., 1948; Смирнов А.П., 1949, 1952).

В 20-х гг. XX в. памятники железного века Прикамья изучал А.В.Шмидт, который обратил внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложил их разделить. Памятники Верхнего Прикамья он относил к гляденовской культуре, а Среднего Прикамья – к пьяноборской (Шмидт А.В., 1928).

В 1933 г. М.Г.Худяков опубликовал материалы Ныргындинских I и II могильников по результатам раскопок А.А.Спицына, датировал пьяноборскую культуру II в. до н.э. – V в. н.э. и отнес к ней все памятники Прикамья этого времени, включая и памятники в верхнем течении р.Камы.

В целом пьяноборская эпоха в этот период характеризовалась не столько материалами раскопок, сколько эффектными вещами, происходящими из многочисленных кладов (Трошковский, Мандынский, Чегандинский, Ахтиальский, Исенбаевский, Каракулинский). Большинство даже выявленных памятников было изучено рекогносцировочными поездками и незначительными раскопками.

Новый этап в накоплении полевых материалов начался с середины XX в. В связи с подготовкой к изданию «Очерков по истории УАССР» стала ощущаться нехватка сведений по археологии края. Поэтому по инициативе Удмуртского НИИ и

Республиканского краеведческого музея Совет Министров УАССР издал распоряжение за №710-Р от 28 июля 1954 г. об организации Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф.Генинга (Останина Т.И., 2000, с.31). Основным районом работ в 1954-1956 гг. стала прикамская Удмуртия. Разведочные группы осуществили сплошное обследование правобережья р.Камы от с.Красный Бор до пристани Сайгатка. Были обследованы почти все ранее известные по данным И.А.Талицкой памятники, выявлено 75 новых, продолжены раскопки могильников Нырғында I и II, исследованы Чегандинский II, Мазунинский, Сайгатский (совместно с КАЭ), Азелинский, Суворовский, вновь открыты Нивский, Чепанихинский, Быргындинский, Ижевский (Генинг В.Ф., 1955; 1956; 1957; 1959; 1962; 1967; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961). Эти материалы были частично опубликованы (Генинг В.Ф., 1963; 1967; 1970; 1971).

Одновременно в 50-60-е гг. велись разведочные работы и на левом берегу р.Камы, где действовало сразу несколько экспедиций ИЯЛИ КФАН на территории ТАССР, ИЯЛИ БФАН на территории БАССР. В 1957 г. Н.А.Мажитов раскопал Чиатавский, в 1958, 1961 гг. – Камышлы-Тамакский, А.Х.Халиков – Кырнышский (1958 г.), В.Ф.Генинг – Уяндыкский (Генинг В.Ф., 1970, 1971) могильники. С этого времени количество материалов постоянно увеличивалось – исследовались Кушулевские II и III, Урманаевский II, Суюндюковский (Васюткин С.М., 1982) некрополи. Крупные разведочные работы в 1955-1960 гг. на территории Башкирии проводились уфимским краеведом А.П.Шокуровым, им было обнаружено 327 новых памятников, среди которых несколько пьяноборских (Шокуров А.П., 1970). В 1967 г. были продолжены раскопки могильника Уяндык I и открыт Уяндык II (Пшеничнюк А.Х., 1986а). Шквал новых полевых материалов, появившихся вследствие создания каскада Камских ГЭС позволил по-новому взглянуть на все вопросы, связанные с пьяноборской культурой.

Весь материал, полученный во время исследований пьяноборских памятников до 1960 г. был обобщен В.Ф.Генингом в монографии «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» (1970). Это наиболее полная работа, где автор показал историю изучения, дал описание известных памятников и на материале могильника Чеганда II, по-новому осветил вопросы хронологии. Культура датирована им III в. до н.э. – III в. н.э. Территориально группы памятников значительно отличаются, поэтому В.Ф.Генинг считал необходимым выделить несколько самостоятельных культур: кара-абызскую, осинскую, гляденовскую и чегандинскую. Несмотря на различия, они имеют генетическое родство, что проявляется в близкой материальной культуре, поэтому, по его мнению, должны быть объединены в единую этнокультурную общность. В III в. н.э. в истории финноязычного населения Прикамья произошли существенные изменения в материальной культуре и социальной структуре, которые автор связывал с притоком зауральского населения и образованием новых археологических культур. Взгляды В.Ф.Генинга на эту проблему эволюционировали. К 1970 г. он признал, что удмуртское Прикамье лишь часть пьяноборского «айсберга», и выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послеананьинская эпоха (Генинг В.Ф., 1970), по сути, вернувшись к концепции А.П.Смирнова. В пределах пьяноборской эпохи он предложил выделить 4 культуры (III в. до н.э.): *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осинскую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (1970, с.8; 1988, с.29). От пьяноборского массива В.Ф.Генинг отделил памятники III–V вв. удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (1967, с.35), а также памятники III–V вв. бассейна р.Вятки, выделив их в азелинскую культуру (1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (Смирнов А.П., 1964, с.244-246).

В 70-80-е гг., в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС, шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, Р.М.Фаттахов, А.Х.Халиков), уфимскими (Б.Б.Агеев, С.М.Васюткин, В.А.Иванов, В.К.Калинин, Н.М.Мажитов, Г.И.Матвеева, Ю.А.Морозов, А.Х.Пшеничнюк

и др.), свердловскими (Л.И.Ашихмина, В.Ф.Генинг, В.В.Одинцов) и ижевскими (Р.Д.Голдина, Г.Н.Клюева, Т.И.Останина, Т.К.Ютина) археологами.

В 1968 г. была организована Нижне-Камская археологическая экспедиция (под общим руководством О.Н.Бадера), которая, силами 5 отрядов, начала широкие охранные раскопки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. В ее рамках башкирским отрядом под руководством К.В.Сальникова, Н.А.Мажитова были исследованы Юлдашевский, Старо-Киргизовский, Кушулевские II и III могильники. Татарским отрядом под руководством А.Х.Халикова, П.Н.Старостина – Деуковские II и III, Меллятамакский I; под руководством В.Ф.Генинга – продолжены раскопки Нырғындынского I и II (Бадер О.Н., 1972); Московским под руководством Г.Н.Матюшина – открыт Трикольский могильник (АО за 1972, с.167-168; Иванов В.А., 2003, с.203-215). В 1976-1980 гг. экспедиция БГУ вскрыла 415 погребений на Ново-Сасыкульском (Васюткин С.М., Калинин В.К., 1982). Тогда же и позднее были продолжены раскопки на Трикольском могильнике (АО за 1978, с.173-174; АО за 1979, с.145-146; АО за 1983, с.142), открыт и исследован могильник Куштиряк (АО за 1980, с.127). Крупные работы на территории Башкирии проводил Н.А.Мажитов, которым изучен Каратамакский (Мажитов Н.А., 1962; 1968; 1977) могильник. Археологическая экспедиция ИИЯЛ КФАН СССР раскопала могильник у д.Старый Чекмак (АО за 1974, с.157-158; АО за 1975, с.180-181; АО за 1976, с.136).

Обобщение части этих материалов выполнено Б.Б.Агеевым (1992), который датировал культуру II в. до н.э. – III в. н.э., используя прежнее название – пьяноборская. Им были охарактеризованы особенности материальной культуры как поселений, так и могильников, погребальный обряд, хозяйство, общественный строй. Автор выделил 9 территориальных групп памятников, которые были связаны им с особенностями племенной организации общества этого времени (Агеев Б.Б., 1981; 1992).

В монографическом исследовании Т.И.Останиной «Население Среднего Прикамья в III–V вв.» (1997) обстоятельно рассмотрены многие вопросы истории этого края в середине I тыс. н.э.: погребальный обряд, расселение, датировка и периодизация, демографическая характеристика и социальная структура населения, хозяйство, происхождение и место этих памятников в истории удмуртского Прикамья. Вслед за В.Ф.Генингом, Т.И.Останина относил памятники этого времени к мазунинской культуре.

Д.Г.Бугровым (2006) были проанализированы материалы более 200 поселений рубежа эр Иско-Бельского междуречья, обследованных в 1960-1990 гг., на основании которых им были реконструированы особенности фортификационных систем укрепленных поселков, их типологическая градация: места постоянного проживания, убежища, производственные центры и культовые места, структура расселения населения этого времени, выделены 7 регионов, отражающих хозяйственно-территориальные объединения ранних соседских общин, выяснена численность жителей этого края – 150-320 человек.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета (руководитель Р.Д.Голдина) на памятниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афонино, Нырғында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский могильник), на юге Пермского края (Краснояр, Кудашево) (Казанцева О.А., 2004) и Кировской области (Ошки, Первомайское, Худяки, Кордон и др.) позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послепалеолитическое время (Голдина Р.Д., 1987, с.10-15; 1999, с.206-217). Согласно ей в конце своего существования огромная *ананьинская* общность разделилась на две – *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: пракоми и праудмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г.Худяков, А.П.Смирнов и В.Ф.Генинг, а занимала вполне

самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Татарии и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р.Белой), худяковскую (бассейн р.Вятки) и красноярскую (Среднее Прикамье). Дата пьяноборской общности – III в. до н.э. – V в. н.э. Работы последних лет в целом подтверждают правильность этой гипотезы. В частности и предлагаемая публикация материалов Нырғындынского I могильника, датируемого II–III вв. н.э. – новое подтверждение непрерывности развития материальной культуры в Среднем Прикамье между II и III столетиями.

Особенностью научного осмысления памятников пьяноборской эпохи является то, что большинство из них до сих пор в полном объеме не опубликованы (Красноперов А.А., 2006б, табл.II). Чаще всего в печати представлена краткая характеристика погребального обряда, типология инвентаря (каждый раз «новая», сделанная по «новым» признакам и на «новых» основаниях), для иллюстрации которой использовались «выдержки» из материала. Это касается и «эталонного» памятника, который послужил основой для выделения и характеристики самой археологической культуры – Чегандинского II могильника. В той же ситуации находится изучение и поселенческих материалов. К настоящему времени полностью – по комплексам – опубликован только Тарасовский могильник (Голдина Р.Д., 2003; 2004), содержащий 1880 погребений.

Главная задача изучения пьяноборских древностей – скорейшая публикация всех полученных к настоящему времени материалов.

История изучения Нырғындынского I могильника*

Памятник находится на боровой террасе правого берега р.Камы, в 0,5 км к СЗ от бывшей Барановской пристани (Ижболдино). Могильник располагается в 2,8 км к ВЮВ от д.Нырғында Каракулинского района Удмуртской Республики (рис.1-1), в 2,2 км к ЗЮЗ от д.Быргында на овальном всхолмлении надпойменной террасы высотой 3 м. Площадка покрыта густым подлеском (рис.1-2).

В 1892 г. при корчевании пней в «запасном лесу» возле д.Нырғында местный житель Емельян Балабухин нашел человеческий череп, кость руки и огромную эполетообразную застёжку, которую местные власти переслали в Императорскую археологическую комиссию (Генинг В.Ф., 1970, табл.К, №46). В 1898 г. здесь побывал А.А.Спицын и открыл два могильника пьяноборского типа – Нырғында I и II (ОАК за 1898 г.).

Небольшую коллекцию вещей, хранившуюся в Сарапульском музее, собрал Л.А.Беркутов. В составе ее: шейные подвески (Генинг В.Ф., 1971, табл.II-1,4,5 – 15 шт. и табл.XIX-2 – 1 шт.), застёжка (Генинг В.Ф., 1971, табл.VII-10), медная фибула (Генинг В.Ф., 1971, табл.XXIV-7), 20 крупных и 10 мелких золоченых бусин (Генинг В.Ф., 1971, табл.XV-1,5,6), 30 мелких рубленых бусин зеленого цвета (Генинг В.Ф., 1971, табл.XV-19), медная, голубая бочонковидная из непрозрачной пасты и крупные матово-фиолетовые бусы. Оригинальна костяная пластинка – пронизка (?) овальной формы с

---

* Архивные материалы: Бухтеева М.А. Отчет 1954 г.; Генинг В.Ф. Отчет 1954 г.; Голдина Р.Д., Чистякова М.Н. Отчет 1969; Голдина Р.Д. Отчет 1970 г.; Голдина Р.Д. Отчет 1971 г.; Ашихмина Л.И. Отчет 1975 г.; Ключева Г.Н. Отчет 1979 г.; Голдина Р.Д. Отчет 1995 г.

Литература: ОАК за 1898 г., с.41-42; Худяков М.Г., 1929, с.41-50; Древности..., 1933, с.18; Худяков М.Г., 1933, с.15-18; Худяков М.Г., 1934, с.79-92; Калинин Н.Ф., 1948, с.73-86; Смирнов, 1949, с.22-32; Смирнов А.П., 1952, с.74; Талицкая И.А., 1952, №342; Генинг, 1955, с.63; Генинг, 1957, с.171; Генинг, 1958, №237; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, рис. 6, №17, с.82; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Одинцов В.В., Стоянов В.Е., 1970, с.138-139; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Прокопов А.В., Чистякова М.Н., 1971, с.147-149; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972, с.182-183; Генинг В.Ф., 1971, №15; Голдина Р.Д., 1977, №21; Памятники истории и культуры Удмуртии, 1979, №396; Бадер О.Н., 1981, с.5; Голдина Р.Д., 1981, с.13; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985, №57; Памятники истории и культуры Удмуртии, 1990, №934(414); Волков С.Р., Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., Соловей В.М., 1994, с.30-32; Памятники Отечества, 1995, №52; Голдина Р.Д., 1996, с.39-43; Останина Т.И., 1997, №54, с.250-269; Голдина Р.Д., 1999, с.208, 258; УРЭ, 2000, с.520; Останина Т.И., 2000, №42, с.45; Широбокова Н.Ф., 2002, с.134.

одним заостренным концом и хорошей отделкой граней.

В 1954 г. раскопки производил В.Ф.Генинг, исследовавший небольшую свободную от леса площадку (36 кв.м, 8 погребений) к северу от раскопа А.А.Спицына (Генинг В.Ф., 1971, рис.31-6). Погребения сильно разрушены корнями деревьев, сохранность скелетов очень плохая. В 1969-1971 гг. работы были продолжены Удмуртским отрядом НКАЭ под руководством Р.Д.Голдиной (294 погребения) (Голдина Р.Д. Отчет за 1970; 1971 г.; Голдина Р.Д., Чистякова М.Н. Отчет за 1969 г.), в 1975 г. – Л.И.Ашихминой (8 погребений) (Ашихмина Л.И. Отчет за 1975 г.), и в 1979 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой) (6 погребений) (Клюева Г.Н. Отчет за 1979 г.). За все время на общей вскрытой площади 3330 кв.м выявлено 323 погребения, 50 ям и канава (рис.2, 3).

Коллекции памятника хранятся в различных городах*, многократно передавалась, что сказалось на сохранности предметов. Большая часть железных вещей сильно пострадала и представляет собой неопределимый лом, часть бронзовых (мелких) предметов утрачена, часть вещей депаспортизована.

Памятник получил известность очень давно, и с тех пор стал одной из археологических легенд Прикамья. Практически каждый специалист (А.А.Спицын, А.П.Смирнов, Н.А.Мажитов, В.Ф.Генинг, Р.Д.Голдина, Б.Б.Агеев, Т.И.Останина, и многие др.), занимающийся периодом конца раннего железного века, считал своим долгом обратить внимание на эти материалы. Оба Ныргындинских могильника, вместе с Пьяноборскими и Чегандинским, являются опорными для построения хронологических схем развития древностей Прикамья рубежа эр. Результаты раскопок А.А.Спицына 1898 г. были опубликованы только в 1933 г. (Древности ..., 1933), а многие материалы из раскопок последующих лет до настоящего времени широкой публике неизвестны.

Такое положение дел характерно для многих памятников этого времени. Описания погребений и типология опубликованы только для Чегандинского (Генинг В.Ф., 1971), Юлдашевского (Пшеничнюк А.Х., 1986б), Уяндыкских (Пшеничнюк А.Х., 1986а), Чиатавского (Мажитов Н.А., 1959), Камышлытамакского (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968), Сасыкульского (Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986), Кушулевского III (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1985; 1986), Икского (Ашихмина Л.И., Клюева Г.Н., 1984; Арматынская О.В., 1988) могильников. И только Тарасовский могильник опубликован по комплексам (Голдина Р.Д., 2003; 2004). До сих пор не введены в научный оборот карабызские могильники р.Белой и некрополи азелинского типа Нижней Камы и Вятки.

Первое обобщение материалов Ныргындинских I и II могильников было задумано еще В.Ф.Генингом (Генинг В.Ф., 1971, с.91, 96). Но, вследствие изменения научных интересов, многочисленных переездов, тема не получила развития. Результаты раскопок поступили в распоряжение ученицы Владимира Федоровича – Р.Д.Голдиной и ее ученицы – Г.Н.Клюевой (Журавлевой), специализирующейся именно на этой эпохе (Журавлева Г.Н., 1995). Последняя полностью обработала материал в рамках своей обстоятельной дипломной работы (Клюева Г.Н., 1977), которая осталась неопубликованной. Раскопки последующих лет, накопленный наукой опыт датирования, многочисленные новые аналогии и т.п. потребовали существенного пересмотра ряда положений, высказанных ранее, и, прежде всего, хронологии памятника.

Основной погребальный обряд могильника Ныргында I – трупоположения. Захоронения совершены в простых грунтовых ямах, которые сохранились плохо, так как выкопаны в песке. Средняя длина могил составляла 201 см, ширина – 76 и глубина 75 см. Ямы имели подпрямоугольную, вытянутую форму. Из 279 могил, где выяснена ориентировка, 80 (28,6%) ориентированы в меридиональном направлении, 199 (71,4%) в широтном (Сабилов Т.Р., 2011, табл.150).

---

* Раскопки А.А.Спицына – Эрмитаж (Санкт-Петербург) (Древности ..., 1933), В.Ф.Генинга – НМУР (Ижевск) (Останина Т.И., 2004, №61), остальное – МДСИКВМ УдГУ (Ижевск). Часть вещей, согласно передаточным листам, хранилась в ПНИАЛ УрГУ (Екатеринбург) и МИКНСП (Сарапул), и, к настоящему времени, вероятно утеряна.

Большинство погребений одиночные, выявлено 4 парных, в могиле 224 найдены два черепа. Погребенные уложены преимущественно вытянуто на спине, ориентированы, главным образом, головой на восток. Сопровождающий инвентарь обнаружен в 142 могилах (50%), без него – почти столько же – 137 могил (49,1%). Большинство безынвентарных погребений располагалось в северо-восточной части памятника, небольшая группа – в южной половине (рис.3). Среди находок: височные и нагрудные подвески, бусы, бляшки и бляхи, сьюльгамы, застёжки с неподвижным крючком, пряжки, наконечники стрел, глиняные сосуды и другие вещи. На площади раскопа зафиксировано 50 ям, некоторые из них имели отношение к погребениям.

В связи с подготовкой всех материалов Ныргындинского I могильника к опубликованию, достаточно актуальными стали вопросы их классификации и датировки, чему и посвящена эта статья*.

О принципах классификации

Проблема классификации археологических материалов известна в литературе более ста лет (см. историографические обзоры В.Б.Ковалевской (1976; 2000), Л.С.Клейна (1979)). Методологические основы применения классификации в археологии содержатся в работах Ю.Л.Щаповой (1988, 151 с.; 2000, 143 с. и др.), В.Б.Ковалевской (1976; 2000), Е.М.Колпакова (1991) и других. По мнению большинства исследователей, классификаций одного и того же материала может быть несколько. Важно, для какой цели она предназначена и насколько успешно работает.

В общих чертах можно выделить два стандарта создания типологий: 1 – *формальная*, крайне дробная, исходящая из максимального учета всех признаков и 2 – *обобщенная*, учитывающая не все, а только признаки, уже проявившие свою значимость.

Как показывает опыт, для решения хронологических задач на большом фактическом материале, хороший результат дает второй вариант при котором изыскиваются наиболее динамично развивающиеся признаки предметов. Именно они и позволяют уловить характернейшие особенности категорий вещей для какого-либо конкретного узкого периода. При этом, совсем не обязательно, чтобы типология была создана для многих одновременных памятников какого-либо региона. Вполне возможно, что и типология, разработанная для одного памятника, может успешно работать при условии его существования в течение длительного периода.

К настоящему времени предложено несколько обоснованных морфологических классификаций как чегандинских древностей (Генинг В.Ф., 1970; Агеев Б.Б., 1992; Останина Т.И., 1997), так и отдельных категорий предметов. Все они построены на принципах строгой иерархии признаков, где в основание положен какой-то группообразующий признак, а все последующие признаки как бы «вытекают» из первого по принципу взаимного соподчинения. Конечные ячейки в подобных схемах занимают предметы – определённого варианта, подтипа, типа, отдела. Такие иерархические классификации достаточно хорошо приспособлены для упорядочения массового

---

* Авторы расходятся в определении культурной принадлежности памятников. Точка зрения Р.Д.Голдиной подробно изложена в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (Голдина Р.Д., 1999, с.206-277). Согласно ей, рассматриваемый могильник относится к чегандинской культуре (включающей и мазунинские памятники) пьяноборской культурно-исторической общности, объединяющей, кроме чегандинской, худяковскую на р.Вятке, кара-абызскую на р.Белой и красноярскую на Средней Каме культуры. А.А.Красноперова вопросы языковой и этнической интерпретации принципиально не интересуют, а называть памятники, по его мнению, предпочтительнее устоявшимися названиями: «пьяноборские», «мазунинские», «азелинские».

В данной работе, представляющей результаты раскопок Р.Д.Голдиной, использована и предлагаемая ею номенклатура.

материала. Но выбор в числе значимых «ведущего» признака усугубляет субъективность исследования (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.107). Например, для средневековых памятников Прикамья форма рамки пряжки имеет второстепенное значение, значительно важнее признак – техника изготовления пряжки: трехсоставные, цельнолитые, шарнирные и т.д.

Предлагаемая в данной работе классификация, построенная по формальным принципам, сделана для всех категорий инвентаря и учитывает все многообразие внешней геометрии и конструктивных особенностей находок *с учетом предметов, происходящих с других пьяноборских памятников*. Она получилась крайне раздробленной. С одной стороны, в дальнейшем это позволит включить на единых основаниях материалы других памятников, с другой, при решении задач хронологии ее необходимо основательно переработать, исключив некоторые таксономические уровни.

Предпочтение было оказано горизонтальной шкале «равнозначных» аналитических признаков, а всё внимание сосредоточено на рассмотрении каждого отдельно взятого значения признака, а также их взаимных сочетаний на изделиях одной категории. Наиболее эффективными, с нашей точки зрения, являются принципы исследования, предложенные Е.М.Алексеевой (для бус), Ю.А.Щаповой и Ю.А.Лихтер (для украшений) и А.В.Богачевым (для пряжек).

В первую очередь был произведён отбор признаков, существенных в типолого-хронологическом исследовании. Затем, с целью вычленения всех известных на данный момент значений каждого признака, был составлен описательный код (в графическом варианте) по серии независимых признаков (в основном, геометрические формы), которые и стали основой выделения типов.

Безусловно, «назначение» признака на низшем уровне в большей мере интуитивно и основано на объеме знания материала. Иногда региональный материал не дает всего многообразия и необходимо привлекать данные территориально отдаленных комплексов. Еще одной сложностью оказывается определение таксономических уровней классификации. В частности, для пронизок, подвесок и пряжек, выделить основные геометрические формы оказалось не сложно, но сама многочисленность выделенных уровней создает трудности. В результате образуется множество теоретически возможных вариантов типа и группировок вариантов, хотя в реальном материале находится ограниченное количество связей. В ряде случаев оказалось возможным ограничиться более общими показателями, так как, в условиях индивидуального производства некоторые признаки оказываются нечетко выделенными или зависят от элемента случайности при изготовлении.

Отделы выделены по категориям предметов, типы – по форме, подтипы – по сечению, варианты и подварианты – по декору и особенностям конструкции. Большинство предметов имеет однотипную конструкцию независимо от материала исполнения, поэтому материал (бронза, железо и др.) не является существенным признаком для классификации чегандинского материала. Во всех случаях материал выделен в таксон «вид». Подвиды также не зависят от материала и различаются по размеру. В некоторых случаях (фибулы, бусы, бляхи) самостоятельная классификация не разрабатывалась, поскольку существует уже устоявшаяся и общепризнанная. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что этот вариант классификации является одним из рабочих.

Конечно, иерархическое деление материала не может быть глобальным, нельзя взять всю совокупность материала и организовать его по этой системе, итоговая иерархия неизбежно будет такой длинной, что потеряется сам смысл исследования. Также естественно, что «равнозначность» признаков – принципиально неверное допущение. Но предельная визуальная схематизация предлагаемой классификации, множество сочетаний абрисов предполагает возможное расширение материала, а типологические схемы, в определенном смысле, являются «определителями вещей» (Длужневская Г.В., 1994, с.21; Гавритухин И.О., 1996, с.117).

Классификация украшений*

Отдел **бляшки** (318 экз.).

Тип 1. Круглые. Различаются по сечению, способу крепления (отверстие, ушко, планка), количеству элементов крепления (вариант 1 – с одним элементом, 2 – с двумя и т.д.), размерам (подвид 1 – крупные, 2 – средние, 3 – малые, размеры определены субъективно), отчасти, декору. Все изготовлены из бронзы и относятся к виду Б, который, в дальнейшем описании, опущен. Пропущенные ячейки означают, что в анализируемых памятниках такие варианты нам не известны (схема 1).

сечение					
крепление					
количество крепежных элементов	1 	2 	3 	4 	
количество рядов крепежных элементов	1 	2 			
размер	маленькие	средние	большие	очень большие (бляхи)	

Схема 1. Принципы классификации одночастных бляшек

Подтип 1. Округло-выпуклые бляшки с планкой на обороте (111 экз.).

Вариант 1. С одной планкой.

Подвид 2. Среднего размера (5 экз.; табл.1–100-104)**.

Подвид 3. Малого размера (106 экз.; табл.1–1-99,105-111).

Подтип 2. Округло-выпуклые бляшки с ушком для крепления (40 экз.).

Вариант 1. С одним ушком.

Подвид 1. Крупного размера.

Подвариант а. В центре прорезь в виде сегментов круга, по периметру декор из псевдошнура, ушко широкое (1 экз.; табл.2–38).

Подвид 2. Среднего размера (19 экз.; табл.2–7-14,16-18,22-26,30,34,37).

Подвид 3. Малого размера (13 экз.; табл.2–1-6,15,19-21,31,32,35).

Вариант 2. С двумя ушками.

Подвид 1. Крупного размера (всего 3 экз.; табл.2–27,39,40).

Подвариант а. По периметру декор из полугорошин (1 экз.; табл.2–39).

* Благодарим к.и.н. Д.Г.Бугрова за ценные замечания, высказанные в процессе обсуждения работы, и помощь в поиске труднодоступной литературы.

** Выражаем самую искреннюю признательность к.и.н. и замечательному археологическому художнику Ларисе Ивановне Липиной, которая взяла на себя труд отрисовать всю коллекцию находок с памятника.

Подвид 2. Среднего размера (3 экз.; табл.2–28,29,36).

Вариант 3. С четырьмя ушками.

Подвид 1. Крупного размера (1 экз.; табл.2–33).

Подтип 3. Плоская или чуть выпуклая бляшка с небольшой выпуклостью в центре (25 экз.).

Вариант 1. С одним ушком.

Подвид 1. Крупного размера (4 экз.; табл.3–3,18,19,24).

Подвид 2. Среднего размера (21 экз.; табл.3–1,2,4-17,20-23,25).

Подтип 4. Конически-выпуклые бляшки с планкой для крепления (66 экз.).

Вариант 1. С одной планкой.

Подвид 2. Среднего размера (46 экз.; табл.4–1-13,15-28,33,36,39-42,49,50,52-56).

Подвид 3. Малого размера (20 экз.; табл.4–14,29-32,34,35,37,48,51,57-66).

Подтип 5. Плоские бляшки с ушком для крепления (34 экз.).

Вариант 1. С одним ушком.

Подвид 2. Среднего размера (22 экз.; табл.5–5,9).

Подвид 3. Малого размера (24 экз.; табл.5–7,8,13-34).

Вариант 2. С двумя ушками (8 экз.; табл.5–1-4,6,10-12).

Подтип 6. Плоские бляшки с отверстием для крепления (42 экз.).

Вариант 1. С одним отверстием.

Подвид 1. Крупного размера (7 экз.; табл.6–25-28,30-32).

Подвид 2. Среднего размера (23 экз.; табл.6–9,10,15-24,29; 7-27-36).

Подвид 3. Малого размера (2 экз.; табл.6–1,2)

Вариант 2. С двумя отверстиями (6 экз.; табл.6–3-8).

Вариант 3. С тремя отверстиями (4 экз.; табл.6–11-14).

Тип 2. Многочастные. Конструктивно являются развитием бляшек, соединенных в различных сочетаниях. Подтипы выделены по количеству соединенных окружностей. Варианты и подварианты определены по особенностям крепления (схема 2).

количество окружностей	бляшки			
	1	2	3	4
вид крепления				
	планка	ушко		
количество крепежных элементов				
	1	2		4
количество рядов крепежных элементов				
	1	2		
кривизна поверхности				
	плоская	выпуклая		
расположение крепежных элементов				
	в центре	по краям	езде	
количество повторяющихся элементов				
	1	2	3	4

Схема 2. Принципы классификации многочастных бляшек

Подтип 2x1. Из двух вертикально расположенных окружностей в один ряд.

Вариант 1. С ушком для крепления.

Подвариант 1. С ушком в центре задней стороны. Ушко одно (1 экз.; табл.7–22).

Подвариант 2. С двумя ушками в центре бляшек (4 экз.; табл.7–21,23-26).

Подтип 2x2. Из четырех окружностей расположенных в два ряда.

Вариант 1. С ушком для крепления.

Подвариант 1. С двумя ушками в центре задней стороны (2 экз.; табл.7–17,18).

Подтип 3x1. Из трех вертикально расположенных окружностей в один ряд.

Вариант 1. С ушком для крепления.

Подвариант 1. С двумя ушками в центре задней стороны (36 экз.; табл.7–10-14).

Подвариант 2. С двумя ушками, расположенными в крайних бляшках (2 экз.; табл.7–15,16).

У одного экземпляра крепление не сохранилось, на лицевой поверхности спиральный декор (табл.7–20).

Подтип 4x1. Из четырех вертикально соединенных окружностей в один ряд.

Вариант 1. С ушками для крепления.

Подвариант 2. С ушками по центру бляшек. Ушек два, расположены в крайних бляшках (37 экз.; табл.7–1-7).

Вариант 2. Со сплошной планкой на обороте.

Подвариант а. Наружная поверхность выпуклая (1 экз.; табл.7–8).

Подвариант б. Наружная поверхность плоская, декорирована спиральями (1 экз.; табл.7–9).

Бляшки из соединенных кругов характерны для самых разных периодов и территорий и датирующего значения не имеют. Бляшка из четырех соединенных кругов со спиральным декором имеет аналогию в сборах с Ананьинского могильника (Нефедов Ф.Д., 1899, рис.6).

Отдел **бляхи** (35 экз.). Бляхи являются разновидностью бляшек очень крупного диаметра. Часть блях превращена в застежки путем пробития отверстия для иглы. Разделять их по самостоятельным категориям представляется нецелесообразным (ср. Агеев Б.Б., 1992, с.36-38). По этим признакам они разделены на подварианты. Все, кроме двух, относятся к виду Б – бронзовые (схема 3).

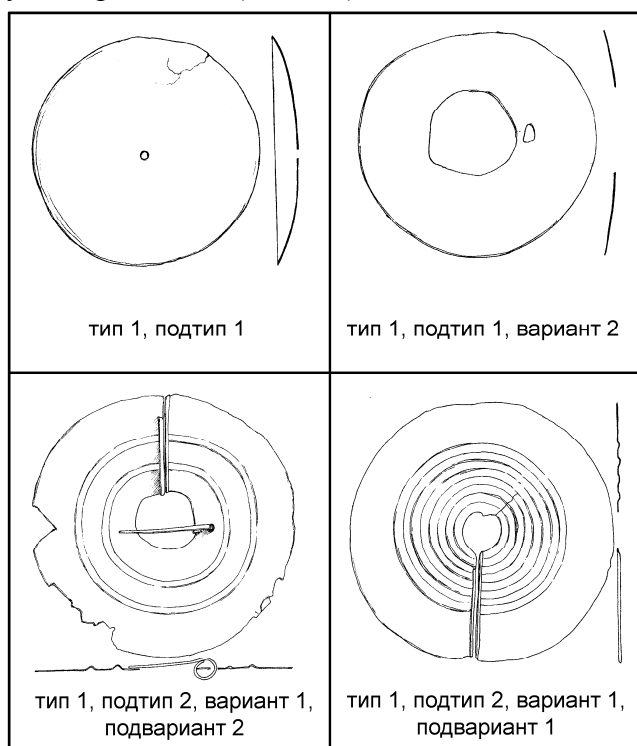

Схема 3. Принципы классификации блях

Тип 1. Круглые бляхи.

Подтип 1. Собственно бляхи (27 экз.).

Вид Б. Бронзовые (26 экз.; табл.8–1-12; 9–1-12; 10–1,2).

Вид Ж. Железная имитация бляхи (1 экз.; табл.10–5).

Подвариант 2. Застежка из такой бляхи (2 экз.).

Вид Б. Бронзовые (табл.10–3,4).

Подтип 2. С плоской поверхностью, отверстием в центре, рассеченные от центра к краю.

Вариант 1. Декорированные выпуклыми концентрическими валиками.

Подвариант 1. Собственно бляхи (3 экз. и 1 фрагмент; табл.11–1-3,7-19).

Подвариант 2. Застежка из такой бляхи (1 экз.; табл.11–4).

Подтип 3. Округлой или близкой формы, сильно выпуклые.

Вид Р. Изготовлены из раковины (1 экз.; табл.10–6).

Бляха, изготовленная из крупной створки раковины моллюска семейства Turbinidae (определение д.б.н. Я.И.Скоробогатова (Останина Т.И., 1997, с.62, 83)), Pectunculidae

(определение к.г.-м.н. В.М.Реймана (Литвинский Б.А., 1972, с.141)), современный ареал обитания которых ограничен водами Индийского океана. Бляхи-раковины имеют матовый белый цвет, иногда со следами лощения. В Прикамье характерны для памятников мазунинского типа, где в целом виде являлись декором поясов, а во фрагментах – подвесками к ожерельям. Иногда они встречаются в именковских древностях (Красноперов А.А., 2007).

Единственный аналог использования этих раковин приводит Б.А.Литвинский. В могильниках Памира раковины несколько меньшего диаметра (23-55 мм), некоторые с гравировкой, являлись наглазниками. Аналогичные раковины с орнаментом происходят из мегалитических сооружений Южной Индии (Литвинский Б.А., 1972, с.141-142). На сегодняшний день все исследователи придерживаются мнения об индийском происхождении предметов (Останина Т.И., 1997, с.63).

Бляшки, бляхи и подвески по внешнему виду делятся на две большие группы: I – изготовленные из металла, имеющего зеленую патину и II – сохранившие первоначальный желтый цвет, иногда, с сероватым оттенком.

В оценке крупных блях мнения авторов расходятся. А.А.Красноперов считает их сарматскими зеркалами (Красноперов А.А., 2006а; 2009, с.97-98). Р.Д.Голдина убеждена, что эти предметы служили для украшения нагрудной части женского костюма. В некоторых могилах они располагались именно в области груди в количестве до 6 экземпляров (Генинг В.Ф., 1971, рис.5). Не слишком ли много зеркал для одной дамы? Кроме того, они имеют хорошо выраженную выпуклую поверхность. Сарматские же зеркала в основном плоские (Скрипкин А.С., 1990, рис.34-36).

Бляхи, отнесенные к подтипу 1 – рассеченные от центра к краю, в Прикамье характерны для памятников бассейна р.Вятки где датируются II–IV вв. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, рис.5-3,4; 6-8-10), но встречаются и в мазунинских погребениях: Ангасяк, п.10, Мазунино, п.62, Нива, п.64, Тарасово, п.217, 1071, 1342, Покровка, п.147, где датированы III–IV вв. (Останина Т.И., 1978, табл.VII-6; 1992, рис.26-4; 1997, с.50; Васюткин С.М., 1980, табл.7-9; Голдина Р.Д., 2003, табл.88-1-13, 437-2, 518-1-4). Основной ареал их распространения – памятники древней мордвы. В этих могильниках типология таких блях построена на количестве концентрических валиков – чем меньше, тем древнее изделие. На дату отчасти указывает находка бляхи с тремя валиками (Шитов В.Н., 1988, табл.XI-3) в погребении 66 Кошибеевского могильника вместе с гривной с замком из красной эмали (Шитов В.Н., 1988, табл.XI-2; Корзухина Г.Ф., 1978, с.56, рис.22-8). Авторы последнего дополнения по поводу использования эмалей уточнили особенности декора и хронологию трех этапов их развития. К первой стадии относятся сравнительно небольшие вещи без отростков и прорезных полей с маленькими вставками эмали красного цвета. Для второго этапа характерны крупные вещи с отростками, прорезной орнаментацией и эмалью не только красного цвета. На третьей стадии распространяются изделия с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.120). В лесостепной зоне эмали ранней стадии эволюции стиля относятся ко 2 половине II в. н.э. В конце II в. появляются вещи второй стадии, а около середины III в. возникают первые ажурные украшения без эмали (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.123-124). Гривна из Кошибеевского могильника обладает чертами, переходными от первой стадии ко второй: стадия А – Т-образных фибул (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, рис.136-5,6), А – треугольных фибул (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, рис.137-6,8,9), Б – малых подвесок-лунниц (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, рис.138-8) и может быть датирована в пределах последней четверти II – 1 четверти III в. н.э. В.В.Гришаков бляхи с радиальной прорезью, края которой завернуты в трубочку и орнаментом из выпуклых борозд вокруг центрального отверстия относит к хронологической группе 1. Вся группа, на основании корреляции и находок группы эмалей датирована концом II – первой половиной III в. н.э. (Гришаков В.В., 2008, с.86, 93).

Отдел **накладки** (62 экз.). Отдел чрезвычайно сложен для создания единой

классификационной схемы, что объясняется механическим объединением в нем разнородных предметов на основе сходства принципов их крепления. А.В.Богачев посчитал возможным работать с идеальными формами контуров накладки, но в его разработке представлены только поясные принадлежности (Богачев А.В., 1992, с.84-91). Считая его метод наиболее удобным, оговоримся, что в настоящей работе основой классификации является геометрическая форма всех делений, мало учитывается способ прикреплении и поперечное сечение, что объясняется характеристиками материала.

Морфология изделий потребовала предварительного деления на несколько групп (подотделов). Были выделены накладки с геометрическим контуром «простых» и «сложных» форм. К последним относятся поясные и, отчасти, обувные накладки мазунинского времени. В силу особенностей, деление их на типы по единым основаниям оказалось нецелесообразным и они выделены в самостоятельную категорию инвентаря.

Подотдел 1. «Ажурные» (19 экз.). Ажурные накладки характерны исключительно для памятников чегандинской культуры, очень редко встречаясь вне ее ареала, единичные находки известны в памятниках кара-абызской культуры (Пшеничнюк А.Х., 1964, рис.5-20; 1968, рис.11-9,10) и азелинского типа (Лещинская Н.А., 1995, рис.2-18; 2002, рис.4-22-24). Типология ажурных накладок недостаточно разработана; попытки их классифицировать либо вообще не предпринимались (Генинг В.Ф., 1970, с.57-58), либо были малоэффективны (Агеев Б.Б., 1992, с.39-40).

Элементы накладок имеют единые орнаментальные мотивы, но характерных сочетаний, являющихся общими для большинства находок не образуют. Можно выделить несколько основных типов, остальные представлены единичными экземплярами.

В большинстве изделий присутствуют повторяющиеся мотивы декора. Они выделены в качестве самостоятельных вариантов. Подварианты описывают сочетания декоративных элементов (схемы 4, 5).

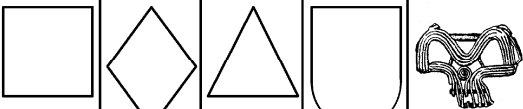

форма										
центральный элемент	спираль									
	x1	1	2	3	4					
	x2		4	6	8					
	x3			6	12					
дополнительный элемент	спираль					гребенка		"треугольники"	зернь	"косичка" скань
		2	3	4	односторонняя	двухсторонняя				
										

Схема 4. Принципы классификации «ажурных» накладок

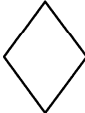

форма	четырёхугольник				круг	"песочные часы"
						
линии сторон	вогнутые		выгнутые			
крепление						
количество крепежных элементов						
количество рядов крепежных элементов	1	2				

Схема 5. Принципы классификации накладок

Вариант 0. Без декора.

Вариант 1. Одна крупная спираль.

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру.

Вариант 3. Одна крупная спираль с прикрепленными к ней двумя малыми.

Вариант 4. Полоса парных прорезных треугольников, соединенных вершинами.

Вариант 5. Имитация веревочки или косички.

Вариант 6. Зернь, псевдозернь.

Тип 1. Гребенчатая, «зубья» сзади укреплены перекладинами.

Вариант 0. Без декора (2 экз.; табл.12–1,2).

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру, сзади укрепленные перекладинами.

Подвариант 1. Горизонтально расположенная спираль в центре (1 экз.; табл.12–3).

Тип 2. Ромбические.

Вариант 1. Одна крупная спираль, сзади укрепленная перекладинами.

Подвариант 1. Спираль в центре (2 экз.; табл.12–4,5).

Тип 3. Бантикообразные (коньковые). Волнообразно изогнутая лента опирается на прямое основание.

Вариант 5. Все элементы орнаментированы двумя-тремя псевдошнурами (1 экз.; табл.12–7).

Тип 4. Прямоугольная узкая планка, дополненная двумя противостоящими спиралями.

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру.

Подвариант 1. Спираль сверху (1 экз.; табл.12–16).

Тип 5. Гребенчатая. Подпрямоугольной формы, нижний край прорезан в виде длинной гребенки и укреплен на обороте перекладинами.

Варианты 4 и 6. Полоса парных прорезных треугольников, соединенных вершинами. Изделие декорировано зернью.

Подвариант 1. Верхний край обломан, сохранились треугольники зерни. В центре полоса прорезных треугольников, обращенных вершинами друг к другу (1 экз.; табл.12–15).

Тип 6. Спиральные S-видные.

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру (4 экз.; табл.12–9-12).

Тип 7. Крупная спираль, дополненная (снизу) двумя меньшими.

Вариант 3. Одна крупная спираль с прикрепленными к ней двумя малыми (1 экз.; табл.12–13).

Тип 8. Ромбическая, с дополнениями на верхнем и нижнем углах.

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру.

Подвариант 1. Ромб, с острых углов дополненный парами противостоящих спиралей (1 экз.; табл.12–6).

Тип 9. Четыре соединенные противостоящие спирали.

Вариант 2. Две спирали, соединенные в S-видную фигуру.

Подвариант 1. Спираль соединена центральной планкой (1 экз. и 1 фрагмент; табл.12–17,19).

Некоторые ажурные накладки типов не образуют, являясь уникальными экземплярами.

Экз. 1. Крупная плоская пластина, у нижнего края декорированная полосой треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Ряд из одной крупной спирали с прикрепленными к ней двумя малыми (1 экз.; табл.12–18).

Экз. 2. Пластина каплевидной формы, дополненная у узкого конца двумя спиралями (1 экз.; табл.12–14).

Экз. 3. Фрагмент пластины с 4 окружностями и «веревочкой» (1 экз.; табл.12–8).

Подотдел 2. Простых геометрических форм (схема 5) (18 экз. и 1 фр.).

Тип 1. Квадратные.

Подтип 1. С двумя отверстиями для крепления.

Вариант 1. Квадратные с вогнутыми сторонами (2 экз.; табл.13–20,21).

Тип 2. Ромбические.

Подтип 1. С одним ушком (2 экз.; табл.13–17,18).

Тип 3. Прямоугольные.

Подтип 0. Без крепления.

Вариант 1. Бронзовые прямоугольные пластины – нагрудники (2 экз.; табл.13–25,26).

Подтип 1. С одним ушком.

Вариант 1. Прямоугольные пластины с декором из параллельных вертикальных линий вдавленных треугольников (2 экз.; табл.13–15-16).

Вариант 2. Вытянутый прямоугольник с вогнутыми длинными сторонами. Декорирован по периметру и по центру псевдокосичкой. С коротких сторон дополнен пятью кругами (2 экз.; табл.13–22,23). Обувные.

Подтип 2. Со шпеньками.

Подтип 3. С отверстиями для крепления.

Вариант 2. Горизонтально вытянутая прямоугольная пластина с одной вогнутой длинной стороной. Остальные три декорированы насечками (1 экз.; табл.13–27б).

Тип 4. Трапециевидные.

Вариант 1. Трапециевидная пластина с загнутыми назад сторонами, выпуклым коротким и вогнутым длинным основаниями. Декорирована полугорошинами и «решеткой» (1 экз.; табл.13–27а).

Тип 5. Полутрубицы с одним закругленным концом и двумя планками на обороте. Декорированы пояском выпуклых валиков и прорезными треугольниками идущими от центра вниз к закругленному концу (5 экз.; табл.13–27в-ж).

Поясные накладки прямоугольной формы, с двумя вертикально расположенными ушками на обороте и орнаментом из двух рядов заглубленных треугольников на лицевой стороне, относятся к распространенному типу поясных украшений (Генинг В.Ф., 1970, с.58, 168), иногда даже именуемому «накладками пьяноборского типа» (Пшеничнюк А.Х., 1976, с.68; Генинг В.Ф., 1988, с.143). Существуют в двух основных вариантах: длинные узкие и широкие короткие. Отлиты по восковой модели. Датируются I–II вв. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.92). Несколько подобных накладок найдено в Сибири (Кондрашев А.Н., 2003, рис.4; Усть-Полуй, 2003, рис.13 и др.), где их рассматривают в горизонтальном

положении и считают металлопластикой с изображением губ (Кондрашев А.Н., 2003, с.248). Самые западные находки происходят из Карелии (Манюхин И.С., 1996, рис.58-6; Косменко М.Г., 2009, рис.5-4,6) и могильников Tarangrääberkultur (устное сообщение Вяч.С.Кулешова).

Анализ технологических следов производства ажурных накладок позволил Д.Г.Бугрову (2006^{*}) реконструировать процесс производства как литье по выплавляемой модели, изготовленной в наборной технике, близкой технике воскового плетения. Модель ажурной накладки собиралась из восковых стерженьков и пластин на некой рабочей плоскости лицевой стороной вниз; после сборки на изнаночную сторону накладывался каркас из дополнительных восковых стерженьков или полосок, фиксирующий ажурную часть накладки. Затем модель, не снимая с плоскости, заформовывали в глину; по высыхании глины получившуюся половину формы с моделью переворачивали, лицевую сторону модели также закрывали глиной. Полученную форму просушивали и прокаливали, чтобы вытопить воск. После отливки форма разбивалась – обломок такой формы с негативом оборотной стороны ажурной накладки происходит из сборов на Муновском могильнике (Генинг В.Ф., 1970, с.107, рис.17-5). Другие имеют в основе модели более или менее крупную восковую пластину, в которой вырезался один или несколько замкнутых проемов, иногда весьма сложной конфигурации; внутри проема в обычной технике набирался ажурный узор (Генинг В.Ф., 1970, табл.П-6,9-11; Васюткин С.М., 1982, табл.1-1-3,42-44; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-7-9,12). В углах таких проемов часто прослеживаются надрезы, оставленные ножом, продвинувшимся при раскрое восковой пластины дальше нужного. Наконец, при изготовлении прорезных накладок модель делалась из восковой пластины с вырезами, не имеющими ажурного заполнения. Это накладки с зубчатым краем (Генинг В.Ф., 1970, табл.П-7,8; Васюткин С.М., 1982, табл.1-45; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-1; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.5-30; Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.6-39). Рассмотрение нами ажурных накладок Нырғындынского I могильника с этих позиций подтвердило справедливость выводов Д.Г.Бугрова.

Ажурные накладки всегда индивидуальны, что затрудняет выделение «типов». Самостоятельными типами ажурных накладок, характерными для нескольких памятников, можно считать двойную гребенчатую накладку с двумя спиралями (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-11; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.5-25; Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.6-27,31,34; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. 1972, рис.3-31; Васюткин С.М., 1982, табл.1-2,3; Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, рис.8-6; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.П-9), двойную гребенчатую накладку без декора (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-1; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.5-30; Васюткин С.М., 1982, табл.1-45; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.П-8), одинарную гребенчатую со спиралями и прорезными или зернеными треугольниками (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-6; Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.6-24,35; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1972, рис.5-3; Васюткин С.М., 1982, табл.1-1; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.3-16), треугольную с одной спиралью (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-9; Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.11-5; Васюткин С.М., 1982, табл.2-9, 4-8,18; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.П-6; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.3-15), прямоугольную планку с двумя тройными спиралями снизу (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-2; Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.6-26; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.5-31; Васюткин С.М., 1982, табл.4-30; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.П-13; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.3-11), ромбическую с одной спиралью (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-8; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. 1972, рис.3-31; Васюткин С.М., 1982, табл.1-43, 2-3,7; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.П-11), S-видную с четырьмя дополнительными спиралями (Васюткин С.М.,

---

^{*} Благодарим Д.Г.Бугрова за возможность ознакомиться и использовать материалы его неопубликованной диссертации.

1982, табл.4-19; Старостин П.Н., 1978, рис.1-15; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.II-12). Есть они и на Старочекмакском (погр.11, 12, 13, 17, 23, 31, 33, 41, 42, 47), Нырғындынском II (погр.20, 49, 51, 94, 110, 125, 147, 203, 209, 212), Кипчаковском (погр.6, 14, 15, 18, 20, 24, 49) могильниках. Также на двух-трех памятниках обнаружены накладки в виде прямоугольной планки с двумя или тремя маленькими спиралями, треугольные накладки с прямоугольными прорезями, S-видные.

В пьяноборских памятниках редко встречаются накладки из псевдошнура, выполненные в виде бантика или очень стилизованной лошадки. Они встречены в Кушулевском III (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.10-10), Старочекмакском (Археологические памятники Восточного Закарья, 1989, рис.8-11) могильниках.

По-видимому, абсолютно все типы ажурных накладок относятся ко времени после рубежа эр, что подтверждается нахождением их в комплексах с бусами типов 686 (Алексеева Е.М., 1975, с.44-45), 81 (Алексеева Е.М., 1975, с.46), 84, 86 (Алексеева Е.М., 1975, с.47), 249 (Алексеева Е.М., 1978, с.47), 434, 437 (Алексеева Е.М., 1982, с.39-40), халцедоновыми 3, 4 (Алексеева Е.М., 1982, с.11-12), зеркалами типа 6.10.1 (Скрипкин А.С., 1990, с.142-156, рис.33) (Нырғында II, п.110, 125, Афонино, п.153, Сасыкуль, п.130, Юлдашево, п.64, Кушулево III, п.67, Чеганда II, п.28, Камышлытамак, п.98) (Красноперов А.А., 2009, с.99). Отдельные экземпляры ажурных накладок пережиточно присутствуют в азелинских памятниках Нижнего Прикамья III–IV вв. н.э. (Агеев Б.Б., 1992, с.40).

Крупные плоские бронзовые пластины без декора из погребения 138 (табл.13–25,26) являлись украшением нагрудника. Однако большинство их зафиксировано не на месте ношения – на груди, а отдельно, рядом с костяком. Единственный случай фиксации пластинчатого нагрудника на костяке – погребение 5 Урманяевского II могильника. В нем обнаружены две бронзовые прямоугольные пластины без орнамента размером 13х8,5 см. На оборотной стороне сохранились фрагменты ткани и кожи, очевидно, за отверстия пластины пришивались к основе (Васюткин С.М., Отчет за 1966 г.). Аналогичная пластина происходит из сборов с поверхности 1976 г. могильника Старый Чекмак (СтЧ 76/154, размеры 15х10,5), она сохранилась почти полностью, частично повреждены края, на одной из длинных сторон пробиты два отверстия (Красноперов А.А., 2006б, рис.54).

Крупные накладки с вогнутыми длинными сторонами по форме очень схожи с прямоугольными застегками с неподвижным крючком (табл.13–22,23) (Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.XX-7) и найдены также на Тарасовском могильнике (Голдина Р.Д., 2003, табл.276-24,25, 278-14,15, 489-3, 491-2,3, 495-3,4, 496-3, 521-3,4).

Отдел поясные и обувные накладки мазунинского типа (21 экз.).

Принципы типологии, отчасти, учитывают геометрическую форму, но большинство предметов имеют надрезы по краю. Часть мазунинских накладок представлена достаточно простыми формами: круг, лист, сердце, треугольник. Большинство же имеют сложную форму, образованную рядом площадок, соединенных перемычками. Площадки могут быть круглой, удлиненной/приостренной, квадратной (трапецевидной) формы. Другой особенностью является поперечное сечение: накладки с квадратными и круглыми площадками плоские, а с удлиненными – имеют ребро разной степени выраженности. Еще одной отличительной чертой (этот признак имеет принципиальное значение) является оформление края изделия, это могут быть фасетки или/и небольшие надпилы. Большинство форм накладок имеет два типа крепления: 1 – плоская пластина с отверстиями, в которые вставлялись шпеньки; 2 – загнутая пластина с планкой для крепления, огибающей ремень снизу и закрепленной в верхней части шпёнком, иногда с декоративной шляпкой-горошиной. Отмеченные моменты позволяют предложить следующую схему типологии. Типы выделены по форме площадок, варианты – по их количеству, подварианты по декору: фасетки (ф) или надпилы/надрезы (н). Способ крепления кодирован в варианте: А – плоская пластина, Б – загнутая пластина. Для последних отдельно отмечено наличие привески в форме колечка, капли или якорька. Наблюдается некоторая динамика формы привески. Она является следствием развития

самой накладки: экземпляры с одной площадкой привесок не имеют, с увеличением их количества появляются привески-колечки, а затем – каплевидные. Это, вероятно, зависело от стремления соблюсти пропорции – чем больше площадок, тем длиннее привески.

Все экземпляры Нырғындынского I могильника имеют крепление «А» – плоская пластина со шпеньком. Привесок не имеют (схема 6).

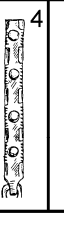

				привески	
		есть	нет	концевые “перетяжки”	
					0
5	4	3	2	1	количество площадок
форма площадки					
					

Схема 6. Принципы классификации поясных накладок мазунинского типа

Тип 1. С площадкой квадратной (трапециевидной) формы, плоские.

Вариант 0. Без центральной площадки, по форме напоминают песочные часы.

Вариант 1. С одной центральной площадкой (5 экз.).

Подвариант н – с надпилами по бокам площадки (табл.13–1-5).

Вариант 2. С двумя площадками, соединенными перемычкой (9 экз.).

Подвариант фн – с надпилами по сторонам площадок и фасетками в местах сужения и на углах (табл.13–12-14).

Вариант 3. С тремя площадками, соединенными перемычками (6 экз.).

Подвариант ф – с фасетками (табл.13–6-11).

Из классификационной схемы выпадет несколько экземпляров накладок не получивших распространения, встреченных в одном-двух погребениях и, вероятно, являвшихся работой одного мастера(?). Это – вертикальная композиция из овала, ромба и овала из согнутой пополам бронзовой пластины (задняя планка не сохранилась) с одним шпеньком (1 экз.; табл.13–19).

Накладки мазунинского типа, найденные на памятнике, относятся к самым ранним типам. Н.А.Лещинская датировала вятский вариант таких накладок III – началом IV в. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.90-91, рис.4-5-11). Т.И.Останина комплекс погребения 4 Нырғындынского I могильника с такими накладками отнесла к самым ранним среди мазунинских и датировала III в. н.э. (Останина Т.И., 1997, рис.23-7-13).

Аналогии последней описанной накладке – вертикальная композиция из овала, ромба и овала с одним шпеньком, есть только на Тарасовском могильнике (Голдина Р.Д., 2003, табл.636-2-5,7,8).

Уникальной находкой для среднекамских памятников пьяноборского времени является бронзовый наконечник (табл.13–27). Он состоит из трех частей. Верхняя – трапециевидная пластина с выемкой в основании, украшена рядами круглых и прямоугольных выпуклостей, средняя – прямоугольная пластина с полукруглой выемкой в верхней части, по трем граням орнаментирована насечками и нижняя – из пяти отдельных полых трубочек с заостренными концами, также украшенных посередине несколькими поперечными линиями, а вдоль нижней части – рядами ромбов. Все изделие было закреплено, по-видимому, на ткани, фрагменты которой сохранились. Об этом же говорят и отверстия по углам средней пластины, с помощью которых она крепилась к

тканой основе.

Отдел **застежки с неподвижным крючком** (30 экз.).

По форме различаются как с морфологической, так и с конструктивной точек зрения. Геометрических форм известно четыре: круглая (К), овальная (О), прямоугольная (П), с вогнутыми длинными сторонами – прогнутая (Пр) и восьмиугольная (В). По конструкции можно выделить рамчатые (1), перекладчатые (2), с центральным полем (3), щитковые (4), дужковые (5) и втульчатые (6). Типы выделены по сочетанию обоих элементов, подтипы – по способу крепления: с кнопками, петлей, крючком на обороте или дужкой, варианты – по декору рамки: без декора (0), с псевдошнуром – насечки (1), полугорошинами (2), подварианты – по особенностям конструкции внутри рамки, количеству декоративных кнопок, зооморфным изображениям (схема 7).

форма	круглые		овальные		прямоугольные		восьмерковидные		прогнутые			
конструкция	рамчатые		перекладчатые		с центральным полем		щитковые		дужковые		втульчатые	
крепление	кнопка		петля		крючок		дужка					
количество крепежных элементов	варианты					подварианты						
декор рамки	без декора		псевдошнур		полугорошины		декоративные кнопки		зооморфные изображения			
форма перекладин	<div><div></div><div></div><div></div><div></div><div></div><div></div></div>											
	0,5											
	1											
	2											
количество спиц		2		4		6		7			10	
декор в поле	по оси		по периметру		спирали							

Схема 7. Принципы классификации застежек с неподвижным крючком

Тип 1К. Рамчатые круглой формы.

Подтип 1-1. С одной кнопкой.

Вариант 0. Рамка без декора (2 экз.; табл.14–1; 17–4).

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром (1 экз.; табл.14–2).

Подтип 2. С петлей на обороте.

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 1. Внутри рамки с задней стороны два круга (спирали), снаружи – четыре окружности (2 экз.; табл.14–4,5).

Тип 1О. Рамчатые овальной формы.

Подтип 1-1. С одной кнопкой.

Вариант 0. Рамка без декора (3 экз.; табл.14–15,17,18).

Тип 2К. Перекладчатые круглой формы.

Подтип 1-1. С одной кнопкой.

Вариант 0. Рамка без декора.

Подвариант 1. Перекладины в виде крестов из псевдошнура (2 экз.; табл.14–6,7).

Подвариант 2. Перекладины в виде двух двойных дуг, соприкасающихся вершинами (1 экз.; табл.14–8).

Подвариант 3. Перекладина из псевдошнура поперек рамки (1 экз.; табл.14–10,12).

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 3. Перекладина из псевдошнура поперек рамки (1 экз.; табл.14–11).

Подтип 1-3. С тремя, одной основной и двумя декоративными кнопками.

Подвариант 3. Перекладина из псевдошнура поперек рамки (1 экз.; табл.14–9).

Подтип 2. С петлей на обороте.

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 3. Гладкая перекладина поперек рамки со стилизованной головой медведя (1 экз.; табл.14–3).

Тип 3К. Круглой формы с центральным полем. Центральное поле окружено псевдошнуром.

Подтип 1-1. С одной кнопкой.

Вариант 0. Рамка без декора.

Подвариант 6. С шестью спицами без декора (1 экз.; табл.14–19).

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 4. С четырьмя спицами из псевдошнура (2 экз.; табл.14–16,20).

Подтип 1-7. С семью кнопками, одной основной и шестью декоративными.

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 6. С шестью спицами без декора (1 экз.; табл.14–13).

Тип 3О. Овальной формы с центральным полем.

Подтип 1-1. С одной кнопкой.

Вариант 1. С псевдошнуром.

Подвариант 8. С восемью спицами без декора (1 экз.; табл.14–14).

Тип 4К. Щитковая круглой формы. Декор, обычно, расположен вдоль продольной оси застежки.

Подтип 1-2. С двумя основными кнопками.

Вариант 0. Рамка без декора.

Подвариант 2. С двумя прорезями у крючка и кнопок. Щиток без декора (2 экз.; табл.15–3,6).

Подтип 2. С петлей на обороте.

Вариант 0. Рамка без декора.

Подвариант 1. С одной прорезью у крючка. Щиток с двумя параллельными линиями полугорошин (2 экз.; табл.15–2,5).

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 1. С одной прорезью у крючка. Щиток с одной линией полугорошин (1 экз.; табл.15–1).

Тип 4П. Щитковая прямоугольной формы.

Подтип 2. С петлей на обороте.

Вариант 1. Рамка с псевдошнуром.

Подвариант 1. С одной прорезью у крючка. Щиток с одной линией полугорошин (1 экз.; табл.15–4).

Тип 5К. Круглый щиток и выступающая дужка. Все относятся к подтипу 2 – с петлей на обороте.

Вариант 0. Рамка без декора.

Подвариант 2. С выпуклыми полугорошинами на щитке (1 экз.; табл.15–7).

Вариант 2. С выпуклыми полугорошинами по краю щитка.

Подвариант 0. Без декора – кара-абызские (1 экз.; табл.15–10).

Подвариант 2. С выпуклыми полугорошинами на щитке (1 экз.; табл.15–8).

В коллекции имеется крючок, отломанный от застежки (табл.15–9).

Застежки всех рассмотренных типов распространены широко. Исключение составляют пряжки с прямоугольной и овальной пластиной, которые тяготеют к южным памятникам культуры (Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.3-1-4, 9-7; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.11-24; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.12-25,26; Казаков Е.П.,

Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1972, рис.5-5; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.5-20), а также происходят из кара-абызских комплексов (Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.15-1,2, 16-14, 19-1). «Чисто» кара-абызская дужковидная пряжка (тип 5) (Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.15-6,7; 1993, рис.8-6) встречается в чегандинской культуре крайне редко (Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.3-9; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.10-1,3; Нырғында II, п.202). Очевидно, что развитие идет в направлении усложнения формы: от простых рамчатых к перекладчатым и щитковым в сторону большей угловатости. Но динамика этого развития не ясна.

Отдел эполетообразные застёжки (4 экз.).

Представляют собой крупные поясные застёжки, состоящие из двух пластин – задней и передней, соединённых псевдовитыми «жгутами». Одна – передняя – треугольной или трапециевидной формы, оканчивается крючком. Вторая – задняя, чаще всего, представляет собой выпуклый или умбоновидный в сечении круг, окружённый псевдошнуром и кольцом полушаровидных выпуклостей. Количество последних меняется в зависимости от размеров застёжки. Иные формы (подтреугольная, подтрапециевидная, «лапчатая») задней пластины встречаются реже, но почти всегда окружены псевдошнуром.

На варианты и подварианты застёжки разделены по форме задней пластины и количеству «жгутов» (схема 8).

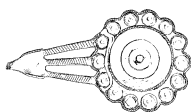
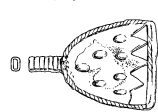
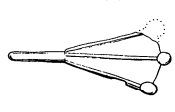
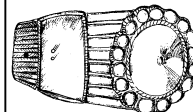
технология	литая		"на пластине"														
форма задней пластины	круглая					подтреугольная				лапчатая(?)				зооморфная		овальная	
																	
количество соединительных жгутов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		12					

Схема 8. Принципы классификации эполетообразных застёжек

Вариант 1. С круглой задней пластиной.

Подвариант 3. С тремя «жгутами» (2 экз.; табл.16–1,3). У одной на обороте, вместо обычного «костылька» для крепления, кольцо на ножке (табл.16–1).

Подвариант 8. С восемью «жгутами» (1 экз.; табл.16–4).

Вариант 2. С подтреугольной задней пластиной закруглённых очертаний.

Подвариант 1. С одним жгутом (1 экз.; табл.16–2).

Эполетообразные застёжки являются одной из наиболее характерных принадлежностей женского костюма чегандинской культуры. Основной регион их бытования – Средняя Кама, Вятка, Средняя Волга – образуют три территориально-хронологических ареала (Лаптева Т.А., 1995). Находки за пределами этой территории единичны (местонахождение Княжпогост на р.Вычегде) (Васкул И.О., 1992, с.9, рис.2-17; 1997, с.373, рис.9-13). Самобытный (четвёртый) вариант и обособленную группу представляют застёжки Западной Сибири (Худяков М.Г., 1929, с.50, №47-49, табл.2 – рис.4; Ширин Ю.В., 2003, с.69-71). Там они входят в состав поясов с 2-4 большими бляхами и парными или одной удвоенной привесками из пронизок и концевых привесок.

Почти 50 лет назад В.Ф.Генинг, анализируя в диссертации все известные к тому времени могильники, предложил свой вариант хронологии и периодизации пьяноборских древностей. В основе схемы лежала идея М.Г.Худякова об эволюции эполетообразных застёжек от одно- к многожгутовым (Худяков М.Г., 1929). Таблица была приведена в монографиях 1970-1971 гг. и более поздних работах (1988), не претерпев изменений (Генинг В.Ф., 1970, рис.20; 1988, рис.4). По его мнению, застёжки с одним жгутом – самые архаичные и относятся к стадии А, датированной III–II вв. до н.э. (Генинг В.Ф., 1970, рис.20). На Кушулевском III могильнике (погр.180) эполетообразная застёжка с одним жгутом найдена вместе с диагональнополосатой бочонковидной бусиной, такие бусы датируются Е.М.Алексеевой I–II вв. н.э. (Алексеева, Е.М., 1978, с.47, тип 249).

Эполетообразная застежка с одним основным и двумя дополнительными жгутами (Сасыкуль, погр.100) происходит из комплекса с бусами в виде виноградной грозди бирюзового цвета и округлой зеленой бусиной с темно-синей орнаментальной полосой с желто-красными четырехлистниками. По Е.М.Алексеевой бусы в виде грозди датируются концом I – III в. н.э. и преобладают в I в. н.э. (Алексеева Е.М., 1975, с.45-46, тип 76а); бусы с орнаментальной полосой – в I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1982, с.38, типы 404-406). Еще одна застежка с подтреугольной задней бляхой и одним жгутом происходит из Старочекмакского могильника (погр.19). Датирующие вещи в том же комплексе – бусы-подвески в виде полосатого треугольника и стрелки. По Е.М.Алексеевой первые датируются эпохой позднего эллинизма (Алексеева Е.М., 1978, с.42-43, тип 184), вторые – I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.43-44, тип 197). Вполне возможно, что хронологическое значение в эполетообразных застежках имеют не только и не столько количество жгутов, сколько форма бляхи. Различия в количестве жгутов отмечается только в застежках «традиционной» формы. Застежки же «нетрадиционной» формы – треугольные, зооморфные – маложгутовые (ср. зооморфные эполетообразные застежки из Сибири: Ширин Ю.В., 2003). Однако приведенные данные не дают однозначной возможности использовать эполетообразные застежки для датировок (Красноперов А.А., 2009, с.99). Ранние варианты имеют круглые в сечении жгуты, отлитые из бронзы на железном каркасе. Более поздние – жгуты уплощенного сечения, вероятно, уже без каркаса (это вопрос требует дополнительного рассмотрения). Однозначно поздними являются экземпляры, выбитые на пластине (погр.45 Усть-Брыскинского могильника^{*}).

Отдел **сюльгамы** (7 экз.).

По конструктивным особенностям являются двусоставными пряжками. Экземпляры, в основном, индивидуальны, но по сечению кольца и особенностям оформления «концов» можно выделить несколько подтипов и вариантов (схема 9). Все сюльгамы сделаны из бронзы.

сечение основы					
оформление концов	с трубкой	с кнопкой	склепанные	с усами	с закрученными концами
сечение концов	трубчатые	завернутые	плоские	степень закрученности	
оформление нижней части	петля	сплошное	с разрывом	спирали	«лучи»
				количество элементов	
				2	3
оформление «периметра»					4
					5
		«лучи»	полугорошины		

Схема 9. Принципы классификации сюльгам

^{*} Благодарим к.и.н. Д.Г.Бугрова за информацию о неопубликованном комплексе.

Подтип 1. Кольцо круглого (округлого) сечения.

Вариант 1. В нижней части декор в виде плоских спиралей. Может быть декоративным или конструктивным.

Подвариант 2. С двумя спиральями (1 экз.; табл.17–10).

Подвариант 3. С тремя спиральями (1 экз.; табл.17–12).

Вариант 2. Концы сюльгамы могли быть завернуты в виде трубочек или отлиты отдельно.

Подвариант 4. С четырьмя трубочками. Трубочки соединены провисшей петлей (1 экз.; табл.17–8).

Подтип 2. Кольцо плоского сечения.

Вариант 2. В трубочки могли быть завернуты концы сюльгамы, или сделаны отдельно.

Подвариант 2. С двумя трубочками (1 экз.; табл.17–6).

Бронзовое кольцо и железная игла. Трубочки образованы завернутыми концами (1 экз.; табл.17–7).

Вариант 3. Концы раскованы, в них пробито соединительное отверстие (ремонт?). Бронзовое кольцо и железная игла (1 экз.; табл.17–11).

Подтип 3. Пластина с концентрическим ребром.

Вариант 2. В трубочки могли быть завернуты концы сюльгамы, или сделаны отдельно.

Подвариант 5. С пятью трубочками (1 экз.; табл.17–9).

Подтип 4. Пластина с рядом полугорошин по внешнему краю (1 экз.; табл.17–3).

Сюльгамы с закрученными в трубочку концами со 2 половины II в. н.э. встречаются в памятниках Дагестана позднесарматского времени – с плоскими 14-гранными бусами, подвесками-лунницами, двучленной лучковой фибулой и сильнопрофилированной фибулой причерноморских типов (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000, рис.23-3, 31-1, 58-6; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2001, рис.45-2, 58-1,2; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2004, рис.25-4,5, 64-5).

Отдел **пряжки** (56 экз., включая фрагменты).

Наиболее удачная, на наш взгляд, типология пряжек предложена А.В.Богачевым (Богачев А.В., 1990; 1992). К сожалению, большинство экземпляров периода раннего железного века изготовлены из железа и настолько фрагментированы, что применить ее затруднительно. Работать с двумя классификациями, для бронзовых и железных предметов отдельно, представляется нецелесообразным. Предложенный здесь вариант классификации является исключительно рабочим.

В материалах могильника зафиксировано два типа пряжек: двусоставные, состоящие из рамки и язычка, и трехсоставные, состоящие из рамки, язычка и задней пластины. Все части конструкции подвижны. Это, а также сечение рамок позволяет выделить несколько типов.

Тип 1. Двусоставные круглые, все вида Ж – железные.

Подтип 1. Рамка круглого сечения.

Подвид 1. Малые (12 экз.; табл.18–1,2,5-13,15).

Подвид 2. Средние (5 экз.; табл.18–3,4,14,16,17).

Подвид 3. Крупные (7 экз.; табл.18–20,21; 19–2-6).

Подтип 2. Рамка прямоугольного сечения.

Подвид 1. Малые (4 экз.; табл.18–23-25,28).

Подвид 2. Средние (13 экз.; табл.18–18,19,26,27,29,30,33-39).

Подвид 3. Крупные (2 экз.; табл.19–1,7).

Подтип 3. Рамка квадратного сечения.

Подвид 2. Средние (2 экз.; табл.18–31,32).

Подтип 4. Рамка ромбического сечения.

Подвид 3. Крупные (1 экз.; табл.19–8).

Тип 2. Односоставная круглая – пряжка-кольцо, бронзовая.

Подтип 1. Рамка круглого сечения.

Подвид 3. Крупные (1 экз.; табл.17–1).

Тип 3. Двусоставная круглая, бронзовая.

Подтип 5. Рамка подтреугольного сечения со сглаженными гранями.

Вариант 1. Язычок в центре имеет расширяющуюся площадку подпрямоугольной формы.

Подвид 3. Крупные (1 экз.; табл.17–2).

Тип 4. Трехсоставная (фрагмент). Рамка и пластина соединены, язычок не сохранился, бронзовая.

Подтип 1. Рамка круглого сечения.

Подвид 1. Малая. Круглое незамкнутое спереди кольцо с двумя выступами для крепления (1 экз.; табл.17–5).

Тип 5. Трехсоставные, все части соединены подвижно, бронзовые.

Подтип 6. Рамка уплощенного овального сечения.

Вариант 1. Пластина трапецевидной формы.

Подвид 3. Крупная. Овальная рамка прямоугольного сечения, уплощенный язычок, не достигающий до края рамки, пластина трапецевидной формы украшена пятью выпуклыми полугорошинами (1 экз.; табл.19–17).

Тип 6. Трехсоставная, все части соединены подвижно, бронзовая.

Подтип 1. Рамка круглого сечения.

Вариант 2. Пластина прямоугольной формы со слегка вогнутыми длинными сторонами.

Подвариант 0. Пластина без декора.

Подвид 1. Малая. Овальная рамка круглого сечения, слегка прогнутый, не достигающий до края рамки язычок с маленьким уступчиком у основания, пластина имеет четко выраженные уступы у рамки (1 экз.; табл.19–14).

Подтип 3. Рамка квадратного сечения.

Вариант 2. Пластина прямоугольной формы с вогнутыми длинными сторонами.

Подвариант 1. По периметру пластины декор из насечек.

Подвид 2. Средняя (1 экз.; табл.19–16).

Тип 7. Трехсоставные, все части соединены подвижно, железные.

Подтип 1. Рамка круглого сечения.

Вариант 3. Пластина прямоугольной формы.

Подвид 1. Малые (2 экз.; табл.19–13).

Тип 8. Трехсоставная, все части соединены подвижно (язычок не сохранился), железная.

Подтип 2. Рамка пластинчатого сечения.

Подвариант 1. Рамка прямоугольной формы.

Подвид 1. Малые (1 экз.; табл.19–12).

Помимо них найдены неопределимые фрагменты пряжек (табл.19–10,15) и фрагмент плоской в сечении пластины от трехсоставной пряжки (табл.19–9). Интересен бронзовый наконечник ремня, декорированный по периметру насечками, по центру – три крупные полугорошины (1 экз.; табл.19–18).

Круглорамчатые бесщитковые железные пряжки с подвижным язычком были распространены на Кавказе в I в. н.э. (Абрамова М.П., 1998, с.209).

Трехсоставные пряжки появляются позже. На Кавказе круглорамчатые пряжки с прямоугольным щитком датируются концом I в. н.э. (Абрамова М.П., 1998, с.211). В Прикавказье их наиболее ранние (мелкие) экземпляры характерны для комплексов переходных от чеганды к мазунино, поздних кара-абызских погребений (Пшеничнюк А.Х., 1976, рис.22-15; 1987, рис.1-21; Овсянников В.В., 2006, рис.2-16,39). В погребении

485 Охлебининского могильника подобная пряжка найдена с лучковой фибулой 4 варианта (Пшеничнюк А.Х., 1987, рис.1-20). В материалах Крымской Скифии круглорамчатые пряжки начинают замещаться овальнорамчатыми в 1 половине III в., и полностью вытесняются к середине III в. (Труфанов А.А., 2005-2009, с.218).

Пряжка 3-5-1-Б-3 (табл.17-2) – с площадкой на язычке, очень своеобразна. Такие экземпляры редко, но встречаются в чегандинских могильниках – группа IV, отдел В, тип 7 и 8 по Б.Б. Агееву (Агеев Б.Б., 1992, с.47,152, рис.12-17,20). Одна найдена в Сибири – могильник Сопка-2, п.650 (Елагин В.С., Молодин В.И., 1991, рис.18-1), одна – в азелинском Масловском могильнике (устное сообщение Д.Г.Бугрова*), одна – в Кошибеевском (Шитов В.Н., 1988, табл.ХII-11).

Из трехсоставных интерес представляют две бронзовые. Пряжка 6-1-2-Б-1 (табл.19-14) соотносится с типом Малашев II – пряжки с длинными прямоугольными нефасетированными пластинами, гладкими круглыми рамками и короткими прогнутыми язычками. Экземпляры с язычком без уступа у основания отнесены к группе I – середине – второй половине II в. н.э. (Малашев В.Ю., 2000, с.195, 198, 209). С первой половины III в. распространяется слабо выраженное утолщение в передней части рамок и спрямление в задней части (Малашев В.Ю., 2000, с.209), как у пряжки типа 5-6-1-Б-3 (табл.19-17).

Последний описанный предмет (табл.19-18) – наконечник ремня. Близкое по форме изделие происходит из сборов 2011 г. с Таутовского могильника в Чувашии (устное сообщение Н.С.Мясникова*). Пряжки и наконечники-подвески с очень длинной задней пластиной известны в могильниках западных сармат (Vaday A., Szöke B.M., 1983, taf.13-1,2; Kulcsar V., 1998, кеп.1-6-8; Кульчар В., 2000, рис.1-6-8) – с пшеворскими фибулой и пряжкой, датируемыми концом II – началом III в. н.э.

Этому наконечнику сопутствует цельнолитая застежка с пластиной крестовидной формы, напоминающей летящую птицу и прямоугольным кольцом-приемником (табл.20-23).

Отдел фибулы (3 экз.).

Детальная классификация фибул Восточной Европы дана А.К.Амброзом (Амброз А.К., 1966). Она была в общих чертах несколько дополнена и уточнена А.С.Скрипкиным (Скрипкин А.С., 1977). Ее мы и будем придерживаться в настоящей работе.

Группа Амброз-11. Сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов (по А.С.Скрипкину). Характерными особенностями являются: многовитковая пружина, намотанная на стержень, спинка отделена от головки и ножки биконическими утолщениями, приемник плоский с бусинкой на конце.

Тип 1. С крючком для верхней тетивы.

Вариант 2. С длинной спинкой, приемник начинается сразу за бусиной.

Вариант 2б. С пластинчатой спинкой (2 экз.; табл.20-1,2).

Ныргында 1, погр.211 (пружина не сохранилась, спинка круглая), погр.316 (с пластинчатой спинкой).

Тип Останина-3 (Останина Т.И., 1997, с.45). Прогнутые с ленточным корпусом, расширяющимся на концах – бантикообразные.

Вариант 3б. Беспружинные равноконечные симметричные. Признаки: два отверстия для крепления иглы и приемника (1 экз.; табл.20-11).

Ныргында 1, сбор (с выгнутой средней частью и насечками на торцах) (Древности..., 1933, табл.11-16).

Фибулы типа Останина-3 известны лишь в Прикамье – 11 экз. (Зуевключевское I гор.; Ст. Кабаново, погр.20, 92, 102, 141; сбор; Бирск, погр.40; Тарасово, погр.1549, 1848Б; Худяки, погр.72) (Черных Е.М., 2004, рис.6-16; Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, табл.3-15, 10-14, 12-5, 17-20, 19-12; Мажитов Н.А., 1968, табл.8-9; Голдина Р.Д., 2003, табл.579-1-4, 692-9).

---

* Благодарим к.и.н. Д.Г.Бугрова за возможность ознакомиться с рукописью его неопубликованной статьи.
* Благодарим Н.С.Мясникова за информацию о неопубликованной находке.

Во всех случаях они обнаружены с мазунинским материалом. В погребении 1848 Тарасовского могильника найдено сразу три типа фибул: прогнутая подвязная, бантикообразная и «глазчатая» (Голдина Р.Д., 2003, табл.692). Это позволяет датировать последние два типа тем же временем. Дате не противоречит и остальной инвентарь погребения.

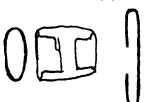

Сильнопрофилированные фибулы 2 варианта встречаются во второй половине II в. н.э. (Скрипкин А.С., 1977, с.112-113; 1984, с.44). Анализируя фибулы из Кобяковского могильника, В.М.Косяненко по отрицательной совстречаемости фибул с широкой и пластинчатой спинками между собой, сопутствующим находкам (зеркала Хазанов IX) датировала экземпляры с пластинчатой спинкой II в. н.э., с возможным заходом в III в. н.э. (Косяненко В.М., 2008, с.85-88). В комплексах ранее начала II в. н.э. они не встречены ни разу (Труфанов А.А., 2005-2009, с.206,208). Верхняя граница их бытования приходится на рубеж II–III вв. н.э. (Труфанов А.А., 2005-2009, с.292-294). На Кавказе наиболее поздние образцы с пластинчатой спинкой распространены в 1 половине III в. н.э. (Мошкова М.Г., 2000, с.187; Гугуев Ю.К., 2000, с.145; Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.131).

В целом сильнопрофилированные фибулы нехарактерны для сарматских памятников Южного Урала и поступали с запада, из танаисских мастерских (Мошкова М.Г., 2000, с.192). А.С.Скрипкин отмечает в Заволжье лишь две фибулы этой группы – в Усатово и Иванцовке (Скрипкин А.С., 1977, с.111). На Южном Урале М.Г.Мошкова указывает также две, в Лебедевке и случайную находку (Мошкова М.Г., 2000, с.192, рис.3-7,8), и еще две найдены в Целинном (Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000, рис.28-2, 34-2). Один экземпляр происходит из Сибири – Усть-Абинский, погр.7 (Ширин Ю.В., 2003, табл.LXXIV-62).

В Прикамье фибулы этого типа представлены в количестве 10 экз. (Красноперов А.А., 2009, с.96-97). Они найдены на Сасыкульском, Чегандинском, Старокабановском могильниках и в сборах с Ананьинского могильника (Tallgren A.M., 1919, fig.104-12, p.142; Генинг В.Ф., 1970-1971, табл.II-20; Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.9-9-12; Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, табл.13-9).

Отдел **пронизки** (189 экз.).

К пронизкам относятся предметы, имеющие сквозные отверстия для нанизывания на ремешок. Классификация пронизок по типам проведена на основе формы предмета, подтипы выделены по сечению профиля и делятся на округлые (1), полукруглые (незамкнутые с задней перекладиной) (2) и вытянутые (линзовидные незамкнутые) (3). Варианты и подвиды – по отдельным деталям формы или размерам. Все предметы изготовлены из бронзы, поэтому категория «вид» везде опущена (схема 10).

сечение профиля	круглое	полукруглое	линзовидное		
					
размер (длина)	короткие	длинные			
					
количество повторяющихся элементов					
	 1	 2			
направление	в 2 стороны				
поверхность	гладкая	гофрированная	с ребром		

Схема 10. Принципы классификации пронизок

Тип I. Спиральновитые. Из плоской или уплощенной сегментовидной проволоки. Количество витков различно ввиду хрупкости предметов.

Подтип 1. Круглые (33 экз.; табл.21–1-33).

Тип II. Пронизки – обоймы. Представляют собой бронзовую пластинку, загнутую на какую-либо основу. Длина ее, чаще всего, превышает ширину (87 экз.).

Подтип 3. Линзовидные незамкнутые. По размерам делятся на подвиды:

Вариант 0. Без декора.

Подвид 1. Маленькие, из узкой тонкой проволоки (8 экз.; табл.21–34-41).

Подвид 2. Маленькие, из плоской широкой раскованной проволоки (34 экз.; табл.21–42-45,47-54,100,101).

Подвид 3. Крупные, из плоской широкой раскованной проволоки (44 экз.; табл.21–55-97,99).

Вариант 1. С гофрированной поверхностью.

Подвариант 1. «Незамкнутая» с двумя задними перекладинами (1 экз.; табл.21–98).

Тип III. Короткоцилиндрические пронизки-бусы. По размерам делятся на подварианты (76 экз.).

Подтип 1. Круглые.

Вариант 0. Без декора.

Подвид 1. Крупные. Обычно использовались в качестве напускных бусин на височные подвески (6 экз.; табл.21–155,156 и табл.26–12,14,16,17).

Подвид 2. Малые (19 экз.; табл.21–133-143,166-173).

Вариант 1. С ребром.

Подвид 2. Малые (21 экз.; табл.21–144-154,157-165).

Подтип 2. Полукруглые с одной задней перекладиной.

Вариант 0. Без декора.

Подвид 1. Небольшие, иногда с нечетко выраженным поперечным ребром по центру тулова (28 экз.; табл.21–46,104-129).

Подвид 2. Крупная (1 экз.; табл.21–102).

Вариант 1. Трехчастная (1 экз.). «Состоит» из трех узких пронизок, в вертикальной композиции (табл.21–103).

Тип IV. Цилиндрические длинные (стержневидные) (12 экз.).

Подтип 1. Круглые.

Вариант 1. Одна трубочка (2 экз.; табл.22–11,12).

Подтип 2. Полукруглые с задними перекладинами.

Вариант 1. Одна полутрубица (9 экз.; табл.22–1-9).

Вариант 2. Две полутрубицы (1 экз.; табл.22–23).

Тип V. «Сапожковые» (4 экз.).

Подтип 2. Полукруглые с задней перекладиной.

Вариант 2х2. Разнонаправленные парные «сапожки»

Подвариант 1. В один ярус (2 экз.; табл.22–26,29).

Подвариант 2. В два яруса (2 экз.; табл.22–27,28).

Тип VI. Пронизки, выполнявшие функцию концевых подвесок. Имеют крепление (в виде замкнутой полутрубицы) с одной стороны (2 экз.).

Подтип 1. Круглые.

Вариант 1. От верхнего конуса расходятся три псевдокосички, заканчивающиеся тремя кольцами. Выполнена в технике наборного воска (1 экз.; табл.22–25).

Подтип 3. Линзовидные.

Вариант 1. Плоская, ажурная, удлиненной закругленной формы с тремя кольцами (1 экз.; табл.22–24).

Пронизка VI-1 не характерна для среднекамских памятников. Подобные

распространены на Вятке в комплексах II–IV вв. (Лещинская Н.А., 1995, рис.13-12). Погребение 299 Нырғындинского I могильника с такой пронизкой Т.И.Останина отнесла к одному из самых ранних среди мазунинских – III в. н.э. (Останина Т.И., 1997, рис.23-1-6).

Пронизка VI-2, наоборот, типична для чегандинских могильников. Б.Б.Агеев отмечал находки таких украшений (отдел В, подвески, тип 10) в погр.45, 126, 167, 214 Афонинского; 267, 357 Сасыкульского; 20, 101, 111, 203 Нырғындинского II; 8, 100, 209 Чегандинского II могильников (Агеев Б.Б., 1992, с.114). К сожалению, ни в одном из указанных погребений концевые подвески не обнаружены, как и включающая их конструкция. Они зафиксированы на Афонинском (погр.56, 117), Сасыкульском (погр.22, 130, 135, 214, 242, 365), Нырғындинском II (погр.189) и Чегандинском II (погр.16, 213) могильниках (Красноперов А.А., 2006б).

Сапожковые пронизки, хоть и являются одной из характерных особенностей материальной культуры прикамского населения, более многочисленны в памятниках марийского Поволжья, где датируются довольно широко – I – первой половиной III в. (Спицын А.А., 1901а; Халиков А.Х., 1962; Степанов П.Д., 1980; Никитина Т.Б., 1999; Гришаков В.В., 2008; Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009). Парные полупронизки-трубочки распространены на запад вплоть до Финляндии (Carpelan С., 2004, рис.7а).

Отдел **подвески** (60 экз.).

Все изготовлены из бронзы и относятся в виду Б (схема 11). Типы выделены по форме. Нижняя часть подвески имеет разные варианты оформления. Наблюдаются три варианта крепления (подтипы): 1 – ушко в верхней части, отлитое отдельно; 2 – ушко на оборотной стороне; 3 – ушко в верхней части, отлитое вместе с подвеской.

форма																	
оформление нижней части																	
способ крепления																	

Схема 11. Принципы классификации подвесок

Тип 1. Треугольные и трапециевидные с отверстием в одном из концов. Рублены из крупных блях. Форма неустойчива и зависела от умения изготовителя (28 экз.).

Подтип 1. Плоские.

Подвид 1. Крупные. Представляют собой сегмент круглой бляхи (16 экз.; табл.23–29-33,35-45).

Подвид 2. Маленькие. Представляют собой часть бляхи (12 экз.; табл.23–14,19-28,34).

Тип 2. Треугольные с отверстием в широкой части. Рублены из блях. Отличаются от предыдущих расположением отверстия для подвешивания (4 экз.).

Подтип 1. Плоские.

Подвид 2. Маленькие (4 экз.; табл.23–15-18).

Тип 3. Подвески в виде плоского кольца или плоской круглой бляшки (сплошной или прорезной) с 3-5 кольцами или бляшками меньшего размера в нижней части (так называемые «кошачьи лапки») однозначно интерпретируются в литературе как шейные украшения (11 экз. и 1 фрагмент без нижней части).

Состоят из трех основных элементов. Лишь в двух известных случаях центральная часть не имеет форму круга. Различаются по способу крепления (подтипы). Это может быть петелька из загнутого назад стержня, отлитого вместе с подвеской; плоская петелька,

или бляшка с ушком сзади. Центральный диск может быть сплошным или прорезным (2 варианта). Количество малых дисков варьируется, как и их оформление (прорезные или полнотелые) (подварианты).

Подтип 1. Плоские с загнутой назад петелькой из специально оставленного при отливке металлического «отростка».

Вариант 1. Центральный диск сплошной.

Подвариант 3а. С тремя малыми сплошными дисками (табл.23–1-10,12,13).

Тип 4. Колокольчики.

Подтип 2. Объемные.

Вариант 1. С ушком, отлиты в плоской форме (и затем прокованы?) в «развертке», затем согнуты в конус, петелька загнута в ушко, шов запаян (8 экз.; табл.22–10,13-19).

Вариант 2. Без ушка. Согнуты из тонкой пластины (3 экз.; табл.22–20-22).

Тип 5. Подпрямоугольная.

Подтип 1. Плоская.

Подвид К. Каменная. Выполнена из песчаника в виде вытянутого прямоугольника, с приостренной верхней частью. На обеих сторонах нанесены знаки (1 экз.; табл.16–11).

Типы 1 и 2, как вторичные изделия, датируются не ранее исходных образцов.

Тип 3 – шейные подвески датированы В.Ф.Генингом и Н.А.Лещинской I–II вв. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.92; Лещинская Н.А., 1995, с.90, рис.2-1-5).

Тип 4 редок. Кроме Нырғынды I встречен в Коростинском кладе (Древности..., 1933, табл.XI-6). В качестве предположения, можно отметить их сходство с ведерковидными подвесками из Неапольского (Сымонович Э.А., 1983, табл.XLV-7-10) и Кобяковского могильников, датированные I–II вв. н.э. (Косяненко В.М., 2008, с.142, рис.32-4, 45-4)

Отдел **височные подвески** (84 экз. и 19 фрагментов).

Височные подвески могут быть разделены на типы по общей форме – кольцевые, вопросовидные, стержневые с двумя кольцами и «мазунинские». Использование размеров (пропорций) височных подвесок в качестве одного из типологических признаков (Останина Т.И., 1997, с.34-36) невозможно ввиду сильной деформации большей части подвесок. Все изготовлены из бронзы – вид Б (схема 12).

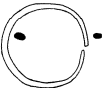

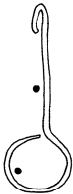

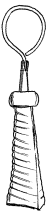
	без привески	с привеской					мазунинского типа					
												
	с подвеской	листовидная		литая коническая		витая	составная		стержень	перевитая	обвитая	
без декора												
		узкая	широкая	цельная	полая						бронза	железо бронза
с декором	1:2	чегандинского типа										
	1:1											

Схема 12. Принципы классификации височных подвесок

Вне классификации остались несколько колец и их фрагментов, идентифицировать которые как самостоятельные кольчатые подвески или как обломки колец вопросовидных или стержневых подвесок крайне затруднительно.

Тип 1. Кольцевые (12 экз.).

Вариант 1. Без привески. Большинство представлено фрагментами, что затрудняет идентификацию (10 экз.; табл.24–1-3,11-16,22,23).

Вариант 2. С петлевидной привеской (2 экз.; табл.24–39,40).

Тип 2. Вопросовидные (71 экз.).

Вариант 1. Отвисящая часть литая, круглого сечения (41 экз.).

Подвариант 1. Отвисящая часть полнотелая (35 экз.; табл.25–1-31,33,34,39,41,42).

Подвариант 2. Отвисящая часть полая (6 экз.; табл.25–32,35-38,40).

Вариант 2. Отвисящая часть витая (13 экз.).

Подвариант 2. Отвисящая часть витая только в нижней части, верхняя часть – гладкая (1 экз.; табл.24–32).

Подвариант 3. Отвисящая часть целиком витая (12 экз.; табл.24–24-31,33-36).

Вариант 3. Отвисящая часть в виде стержня или листовидная (7 экз.).

Подвариант 1. Отвисящая часть узкая (4 экз.; табл.26–2,3,5,6).

Подвариант 1а. Отвисящая часть изогнута в двойную петлю (1 экз.; табл.26–4).

Подвариант 2. Отвисящая часть широкая (2 экз.; табл.24–37,38).

Вариант 4. Отвисящая часть наборная. Отдельно сгибалось кольцо из проволоки и конус подвески из тонко раскованого, часто гофрированного листа (10 экз.).

Подвариант 2. Отвисящая часть частично гофрированная (2 экз.; табл.26–11).

Подвариант 3. Отвисящая часть полностью гофрированная (8 экз.; табл.26–12-17).

Вид Б-Бб. Бронзовая с напускными бронзовыми пронизками-бусами (7 экз.).

Тип 3. Стержневые с двумя кольцами (1 экз.).

Тип 4. Мазунинского типа (5 экз.). Имеют одинаковую форму: прямой стержень, верхний конец которого имеет крючок, а нижний – замкнутое кольцо. Различаются по размерам (Останина Т.И., 1997, с.33-35) и технике изготовления, по которой и выделены подтипы – из гладкого стержня, из двух перевитых стержней и в виде гладкого стержня, обвитого уплощенной или подграненой проволокой.

Подтип 1. Выполнены из гладкого стержня (1 экз.; табл.26–7).

Подтип 2. Выполнены из двух перевитых стержней (2 экз.; табл.26–1,10).

Подтип 3. Выполнены из гладкого стержня, обвитого уплощенной или подграненой проволокой (2 экз.; табл.26–8,9).

Технология изготовления височных подвесок детально изучена Д.Г.Бугровым. Вопросовидные подвески с монолитным конусом отлиты предположительно в неразъемной форме (нет следов литейного шва, дефекты литья (наплывы-«капельки») располагаются бессистемно, а не вдоль предполагаемого стыка половинок разъемной формы), скорее всего, по оттиску готового изделия или твердой модели (возможно, по экземплярам с более гладкой поверхностью и уплощенным сечением кольца). Расплав заливался со стороны основания конуса, о чем свидетельствует его форма, обусловленная степенью примыкания расплава к стенкам формы: если стенки «не смачивались» расплавом, основание приобретало выпуклую форму, если «смачивались» – вогнутую, с бортиком по краям. Полученная отливка была прямой, кольцо выгибалось позже; об этом свидетельствует деформация металла (поперечные «морщины» и трещинки), заметная у части подвесок на сгибе в основании кольца, а также прослеженные на кольцах хорошо сохранившихся экземпляров своеобразные прямые отрезки длиной около 1 см, возможно, соответствующие ширине губок щипцов, которыми сгибалось кольцо. Аналогичная особенность фиксируется и у значительной части вопросовидных подвесок (Бугров Д.Г., 2006).

Принципиальная схема и техника изготовления подвесок с полый отвисающей частью идентична, снизу конус имеет полость, получаемую путем вставки в литейную форму конического глиняного (деревянного) стержня. Остатки таких стержней, спекшиеся и зажатые металлом при остывании отливки, заполняют полости конусов некоторых подвесок.

Вопросовидные височные подвески наиболее широко и разнообразно представлены именно в древностях чегандинской культуры. Единично витые вопросовидные подвески присутствуют в комплексах рубежа нашей эры гляденова (Смирнов А.П., 1952, с.90, табл.ХІХ-8; Генинг В.Ф., 1988, рис.32-3; Васкул И.О., 1992, рис.2-19; Казанцева О.А., 1995, с.156, рис.1-24; Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1999, с.24, рис.16-1). Несколько больше вопросовидных подвесок в материалах кара-абызской культуры (Генинг В.Ф., 1988, с.54, рис.9-3,4), А.Х.Пшеничнюк витые подвески выделил в вариант 2 типа ІІІ височных подвесок, а подвески с литым конусом – в вариант 3 того же типа (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.179). Большинство подвесок типа ІІІ исследователь отнес к ІІІ этапу кара-абызской культуры (ІІ в. до н.э. – ІІ в. н.э.). Ряд кара-абызских подвесок с витой трубицей он датировал более ранним временем – ІІІ–ІІ вв. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.172), а экземпляры из Уфимского могильника (Збруева А.В., 1952, табл.VI-6; Пшеничнюк А.Х., 1973, с.172, 179) и Шиповских курганов І группы (Пшеничнюк А.Х., 1976, с.42, 76, рис.6-4) – ІV–ІІІ вв. до н.э. В связи с этим интересен вопрос о происхождении вопросовидных височных подвесок пьяноборского времени. Устоявшееся мнение об их позднеананьинских истоках основано на находке из Уфимского могильника (Генинг В.Ф., 1970, с.51), который, был отнесен к раннекара-абызским (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.167). Известны находки вопросовидных подвесок в саргатском могильнике ІІ в. до н.э. – ІІ в. н.э. Сидоровка (Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997, с.71-72, рис.63-3,5) и в памятниках большереченской культуры – могильнике ІV–ІІІ вв. до н.э. Милованово-2 (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с.17, 30, табл.ХХVІІІ-3-4; LI-185) и поселении

V–III вв. до н.э. Большие Елбаны VII (Степная полоса, 1992, табл.69-8).

Н.А.Лещинская вятский вариант витых подвесок, сходный с нашим типом 4, относит ко второй подгруппе первой хронологической группы вятских древностей (II – начало III вв. н.э.) (Лещинская Н.А., 1995, с.90, рис.3-13-17); для первой хронологической группы в целом (I–III вв. н.э.), судя по иллюстрации, характерны витые подвески с укороченными трубицами (Лещинская Н.А., 1995, рис.5-3-9). Дальнейшее развитие таких подвесок она доводит до начала IV в. н.э. (вторая хронологическая группа) (Лещинская Н.А., 1995, с.91, рис.4-18-21). В азелинских могильниках Нижнего Прикамья витые вопросовидные подвески присутствуют до конца IV в. н.э. (Старостин П.Н., 2002, с.29-30), а в могильниках Марийского Поволжья – и до V в. н.э. (Халиков А.Х., 1962, с.164, табл.XXXIV-8; Никитина Т.Б., 1999, рис.45-15, 53-2).

Редким типом являются широкие листовидные подвески. Они известны в погр.1179 Тарасовского (Голдина Р.Д., 2003, табл.470-10-11), могилах 73, 202 Нырғындынского II, погр.17 Урманаевского (Васюткин С.М., Отчет за 1966 г.), погр.74 Юлдашевского (Пшеничнюк А.Х., 1986б, рис.6-6,7), захоронении 41 Кушулевского (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.4-7), могиле 30 Красноярского (Казанцева О.А., 1988, рис.3-26; 2004, рис.30-5, ф.1), из сборов и погр.15 Кипчаковского (Зубов С.Э., 2000, рис.2-7) могильников. Причем в Кипчаковском, Красноярском, Урманаевском могильниках они выполнены из золота, а в остальных – из бронзы.

Отдел браслеты (11 экз.).

Известно 3 браслета, выполненных из бронзы и 8 (?) – из железа. Бронзовые сделаны из круглого или уплощенного в сечении дрота (табл.27–2-4), железные – из прямоугольного (табл.27–1,5-11).

Для памятников Прикамья начала I тыс. н.э. характерны два вида железных пластинчатых браслетов – одновитковые и многовитковые. Все найденные на могильнике экземпляры представлены фрагментами. Это не позволяет дать более подробную характеристику.

Отдел гривны (1 экз.). Единственная гривна выполнена из круглого в сечении дрота, имеет расширяющиеся округлые концы (табл.17–13).

Отдел перстни (1 экз.). Единственный многовитковый перстень выполнен из бронзы (табл.20–5).

Отдел бусы.

Бусы являются самой многочисленной категорией находок. Классификация бус большинства пьяноборских могильников опубликована Б.Б.Агеевым (Агеев Б.Б., 1992, с.32-35). К сожалению, качество рисунков и описаний не позволяет использовать ее для сопоставления. Бусам мазунинских могильников посвящен целый ряд публикаций Т.И.Останиной (Останина Т.И., 1984, с.31-34; 1997, с.110-112). Небольшие выборки бус из памятников Нижнего Прикамья: Тойгузинского II городища и погребения 30 Тетюшского II могильника азелинского типа обработаны Д.Г.Бугровым (Бугров Д.Г., 2004, табл.1; 2007).

Большинство типологий бус разных авторов идентифицировано с типами по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1975; 1978; 1982). Работа Е.М.Алексеевой, несмотря на определенные недостатки избранного ею подхода (Столярова Е.К., 2001, с.209-222), является наиболее полной сводкой античных бус Восточной Европы. Типология бус Нырғынды I имеет лишь приблизительные аналогии в работе Е.М.Алексеевой (отмечены «*») или не нашла соответствия в ее классификации.

Бусы с металлической прокладкой.

Тип 1. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. У одних бус края отверстий ничем не отмечены, а поверхность гладкая, другие – имеют ярко выраженную продольную структуру и окруженные закраинками отверстия; эти особенности определяют два варианта типа:

Вариант а. Бусы с гладкими краями отверстий и ровной поверхностью, некоторые

сделаны из желтоватого стекла. Значительно преобладают диаметры 4-6 мм, наиболее распространены бусы с диаметром 4 мм при толщине 3 мм (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3). Бусы описываемого варианта относятся к одним из наиболее распространенных в Северном Причерноморье, встреченных повсеместно. Они характерны для эпохи эллинизма и преобладают в это время. В первые века н.э. бусы продолжали выпускаться, но в меньшем количестве, либо употреблялись старые. Им на смену пришли округлые бусы с закраинками вокруг отверстий и ярко выраженной продольной структурой, описанные ниже в варианте б.

Бусы варианта а, датируемые римским временем, в некотором отношении близки бусам варианта б и, возможно, являются разновидностью этих последних, отличающейся хорошо заглаженными закраинками. В первые века н.э., как и на бусах варианта б, на них можно иногда заметить продольную структуру, хотя она выражена гораздо слабее; подобно бусам варианта б у них преобладают узкие каналы отверстий. В целом же округлые бусы без закраинок с монолитной структурой присущи комплексам эллинистического времени. Ныргында I, погребения 45, 103, 113, 264*, 264, 275*, 275, 293, 315, 319.

Вариант б. Бусы с продольной структурой и закраинками вокруг отверстий. Часто бусины объединены по 2-6 в нерасчлененных столбиках. Иногда стекло имеет желтоватый оттенок. Преобладают мелкие бусы с диаметрами 2-5 мм, особенно распространены диаметры 3-4 мм. Описываемые бусы, подобно бусам предыдущего варианта, относятся к наиболее распространенным в Северном Причерноморье. Они отмечены только в погребениях первых веков н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8). Ныргында I, погребения 14, 23, 38, 45, 171, 211, 299, 302, 315.

Среди стеклянных украшений бусы с внутренней металлической прокладкой образуют своеобразную в технологическом отношении группу. В них тонкий слой металла помещался между двумя слоями прозрачного стекла, обычно бесцветного, реже светло-желтого. Большая часть бус просвечивает изнутри золотым блеском, некоторые светятся серебряным, что позволяет предположить применение не только внутреннего золочения, но и серебрения. Однако методом спектрального анализа не удалось установить характер металла, так как слой прокладки оказался слишком тонким, и для исследования потребовалось бы уничтожить большое количество бус. Серебряным блеском обладают лишь некоторые округлые бусы с закраинками вокруг отверстий и цилиндрические пронизи; те и другие отмечены только среди беспаспортного материала Херсонеса и Пантикапея, поэтому нет твердой уверенности в принадлежности их к античному времени.

Тип 2. Пропорциональные и удлиненные бочковидные бусы. Подобно предыдущему типу, варианты внутри описываемого типа выделяются с учетом технических деталей.

Вариант а. Бусы с однородной структурой и гладкими краями отверстий. Наиболее распространены бусы с диаметром 4 мм при общей длине 5 мм, а также с диаметром 7 мм при длине 8 мм. Относятся как к эллинистическому, так и римскому времени. III-I вв. до н.э. датируются 13 комплексов, содержащих 129 бусин; с I-III вв. н.э. связано 12 комплексов, содержащих 164 бусины; остальные погребения датировке не поддаются (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-9,12). Ныргында I, погребение 315.

Вариант б. Бусы с ярко выраженной продольной структурой и закраинками вокруг отверстий. Преобладают бусы с диаметрами 5-6 мм при длине 7 мм. Все бусы описываемого варианта связаны только с комплексами римского времени (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-11,13,14). Ныргында I, погребения 8, 315.

Тип 22. Бочковидные бусы с валиками по краям. Вероятно, они изготовлялись из трубочки при помощи формовочных щипцов, а затем расчленялись. Это делалось произвольно, так как на одном конце бусины могло оказаться две перетяжки, а на другом – ни одной; бусы оставались и в неразделенных столбиках по две. Бусы характерны для I-III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-24-29). Ныргында I, погребение 315.

Одноцветные бусы.

Тип 4. Округлые бусы из глухого и прозрачного темно-лилового стекла. Одни из них имеют продольную структуру ядра и гладкие края отверстий. У других бус при продольной структуре ядра отверстия окружены закраинками. Третьи имеют поперечную или спиралевидную структуру ядра, а края у них окружены спиралевидными завитками. Описываемые бусы встречаются непрерывно в комплексах с III в. до н.э. по III в. н.э. Наибольшей популярностью они пользовались во II–I вв. до н.э., когда были распространены бусы с гладкими краями отверстий и диаметром поперечного сечения 3–5 мм (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1). Такие же экземпляры продолжали употребляться и позже, но с I в. н.э. появились округлые лиловые бусы, сделанные из тянутых трубочек (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребения 103, 113, 130.

Тип 6. Округлые бусы из прозрачного янтарно-желтого стекла с гладкими краями отверстий. Бусы описываемого типа употреблялись непрерывно с I в. до н.э. по II в. н.э. Некоторые ранние бусы сформованы на основе керамической трубки (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1). Ныргында I, погребение 164.

Тип 9. Округлые бусы из глухого светло-зеленого стекла. Одни из них имеют гладкие края отверстий и слабо выраженную поперечную структуру ядра. Эти бусы относятся ко II–I вв. до н.э. У других бус различима продольная структура ядра и закраинки вокруг отверстий; они изготовлены из тянутых трубок при помощи формовочных щипцов. Эти бусы датируются I–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребение 264.

Тип 13. Округлые бусы из глухого бирюзового стекла. Бусы IV–III вв. до н.э. свиты из жгута и имеют спиралевидные закраинки вокруг отверстий. Бусы II–I вв. до н.э. имеют гладкие края отверстий. Бусы, сделанные из тянутых трубочек, распространены среди бус первых веков н.э., они имеют характерные закраинки вокруг отверстий и продольную структуру ядра. Бусы с гладкими краями отверстий также использовались в первые века н.э., особенно во II–III вв. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребения 15, 82, 103, 113, 130, 264, 275.

Тип 15. Округлые синие бусы. Они существовали во все времена античной эпохи, но особенно популярны были в первые века н.э. В V–I вв. до н.э. бусы преимущественно свивали из жгута. В эпоху эллинизма в ходу были также небольшие бусы с гладкими краями отверстий и, вероятно, продольной структурой ядра. С рубежа н.э. распространились бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек; они имеют продольную структуру ядра, характерные закраинки вокруг отверстий и часто объединены в нерасчлененных столбиках. Эти бусы характерны для I–II вв. н.э. Бусы, свитые из жгута, продолжали употребляться в первые века н.э., особенно в III–IV вв. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребения 38, 54, 82, 113, 163, 164, 252*, 264, 275, 315.

Тип 16. Округлые бусы из глухого голубого стекла, употреблялись в эллинистическое время и первые века н.э. В комплексах IV–I вв. до н.э. отмечены только экземпляры с мягкими очертаниями и гладкими краями отверстий. В I–II вв. н.э. были в ходу бусы, изготовленные из трубочек. Для II–IV вв. н.э. характерны бусины, свитые из жгута (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребения 170, 252*, 264.

Тип 17. Округлые бусы из бесцветного прозрачного стекла. Одни из них абсолютно бесцветны, другие имеют слабые голубоватый, желтоватый, зеленоватый и лиловатый оттенки. Округлые бусы из бесцветного прозрачного стекла существовали во все времена античной эпохи. Структура ядра этих бус выражена нечетко, поэтому очень сложно установить разницу в способах их изготовления в различные хронологические периоды. Можно только отметить, что бусы, выполненные из тянутой трубочки и имеющие характерные закраинки вокруг отверстий, связаны преимущественно с комплексами I–II вв. н.э., а свитые из жгута крупные экземпляры были распространены в позднеримскую эпоху (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3). Ныргында I, погребения 103, 113, 114, 130, 264.

Тип 23. Бочковидные бусы из прозрачного янтарно-желтого стекла. Структура ядра продольная, отверстия окружены закраинками. Бусы отмечены в комплексах, датируемых второй половиной I в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-5). Ныргында I, погребение 264.

Тип 26. Бочковидные бусы из глухого бирюзового стекла. Свитые из жгута. Датируются III–II вв. до н.э. Другие бусы сделаны из тянутых трубочек, II в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-6). Ныргында I, погребение 114.

Тип 29. Укороченные бочковидные бусы из глухого грязно-синего стекла, структура ядра продольная. Комплексы относятся к I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-4). Ныргында I, погребение 114.

Тип 30. Бочковидные бусы из глухого голубого стекла, они разновременны: относятся к III–I вв. до н.э. и ко II–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-6). Ныргында I, погребения 48, 54.

Тип 63. Цилиндрические бусы из прозрачного темно-зеленого стекла. Одни из них отсечены от вытянутых трубочек, другие свиты из жгута. Бусы наиболее характерны для второй половины I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-17, 18). Ныргында I, погребение 170.

Тип 65. Цилиндрические бусы из прозрачного сизо-зеленого стекла. Одни из них имеют вид четких цилиндров, очертания других смягчены; большинство бус имеет продольную структуру ядра, отверстия у некоторых окружены закраинками. Бусы связаны с комплексами первых веков н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-11-13,17). Ныргында I, погребение 38*.

Тип 99. Бусина усеченно-биконической формы, из прозрачного янтарно-желтого стекла. III–I вв. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28). Ныргында I, погребения 48, 103.

Тип 100. Бусина усеченно-биконической формы, из прозрачного грязно-синего стекла. III–I вв. до н.э. – II–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28). Ныргында I, погребения 48, 113.

Тип 101. Бусина усеченно-биконической формы, из глухого голубого стекла. Такие бусы характерны для I в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28). Ныргында I, погребение 170.

Тип 137. Искривленные бусы, среди которых встречаются неправильные четырнадцатигранники и экземпляры в виде параллелепипеда. Стекло глухое: черное, белое, красное, оранжевое; прозрачное: лиловое, темно-зеленое, сизо-зеленое, ярко-бирюзовое, темно-синее. Датируются II–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-42). Ныргында I, погребение 264*.

Тип 203. Удлиненные пронизи спиралевидной формы свиты из жгута, витки плохо примыкают друг к другу и не заглажены; некоторые пронизи были дополнительно обжаты, в результате чего получили подквадратную форму сечения. Стекло глухое черное, прозрачное желтое, сизо-зеленое и синее. Бусы характерны для III–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-83-86). Ныргында I, погребение 79.

Глазчатые бусы.

Тип 1. Округлая черная бусина с пятнышками из глухого белого стекла. Данных для датировки нет (Алексеева Е.М., 1975, табл.12-39). Ныргында I, погребение 79.

Тип 34. Округлые бусы из глухого серо-голубого стекла, украшенные тремя глазками. Глазки слоисто-щитковые: на белом диске, лежит голубой. I в. н.э. (Алексеева Е.М., 1975, табл.16-1,6). Ныргында I, погребение 264*.

Полосатые бусы.

Продольно-полосатые орнаменты.

Тип 249. Бочковидные бусы с орнаментом из чередующихся разноцветных полос, расположенных наклонно по отношению к продольной оси. У большинства бус есть технологическое ядро из зеленого или сероватого стекла, которое целиком покрыто

цветными нитями или лентами; иногда на нем оставлены свободные полосы, которые вплетаются в общий узор. Орнаментальные полосы сделаны из глухого белого или желтого, иногда бесцветного стекла. Под полосы из бесцветного прозрачного стекла обычно подложена золотая фольга. Этот тип бус появляется в конце I в. н.э., массово распространяется в I–II вв. н.э. и доживает до III в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, табл.29-70,73). Ныргында I, погребение 170*.

Тип Ныргында 1. Сине-зеленая полупрозрачная неправильной формы бусина с продольными желтыми волнами отнесена Е.М.Алексеевой к I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.50).

Бусы из египетского фаянса.

Тип 16. Округло-ребристые бусы бирюзового цвета. Пропорции неустойчивые. Фактура бус неодинакова. Бусы с плоскими дольками датируются II в. до н.э. – II в. н.э., преобладают в погребениях I в. н.э. (Алексеева Е.М., 1975, с.33-34). Ныргында I, погребение 79.

Каменные бусы.

Горный хрусталь.

Тип 2. Шаровидные и поперечно сжатые округлые бусы, просверленные с одного конца, с широким каналом отверстия, в месте выхода сверла наружу обычно выколка с рваными краями (Алексеева Е.М., 1982, табл.35-22,23). Ныргында I, погребение 297.

Халцедон.

Тип 3. Округлые поперечно сжатые и шаровидные бусы из глухого и полупрозрачного камня белого (голубоватого) цвета. Сверление одностороннее, канал отверстия широкий, края его не отмечены никакими деталями. Бусы относятся к I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-12). Ныргында I, погребения 4, 8, 284, 297.

Тип 4. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из глухого и полупрозрачного голубоватого камня. Сверление одностороннее, канал отверстия широкий, в месте выхода сверла наружу обычно выколка с рваными краями. Бусы датируются к I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-11,13). Ныргында I, погребения 220, 308.

Бусы из раковины.

Тип 7. Раковины каури природной формы, служившие подвесками (Алексеева Е.М., 1982, табл.43-19). Ныргында I, погребение 315.

Тип Ныргында 1. Бусы, резаные из створок раковины неопределимого моллюска. Часть бус крупного диаметра, другая часть – мельче. Все экземпляры сильно пострадали от пребывания в земле. На некоторых бусинах видно, что первоначально они были залощены. Ныргында I, погребения 8, 39, 299, 311, 315.

Глиняные бусы.

Тип Ныргында 1. Округлые или бочковидные, поперечно сжатые бусы из глины с примесью мелко толченой раковины или скорлупы. Ныргында I, погребения 291, 301.

Большинство представленных типов распространены очень широко. Особенно это касается рубленого бисера синего/темно-синего/фиолетового цветов. Датирующее значение имеют бусы типа 249, все бусы с металлической прокладкой, а также каменные. Наиболее ранние халцедоновые бусы в Прикамье известны в погребениях Ныргындиных I и II могильников. Бусы типа 249 распространены в Прикамье достаточно широко: Сасыкуль, п.195, 297 (Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986, рис.8-25), Камышлытамак, п.10, 11, 18, 72, 75 (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.4), Тарасово, п.1049, 1099, 1243, 1389, 1435 (Голдина Р.Д., 2003, табл.443-18-2, 489-1-2, 544-8-1), Кушулево III, п.39, 41, 67, 180 (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986, рис.3-19-21), Чеганда II, п.89, Юлдашево, п.64, Деуково, п.16 (Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1972, рис.3-10), Пьяный Бор (Древности ..., 1933, табл.XI-8). Нижняя граница бусиных

---

* Прочие находки см.: Красноперов А.А, 2009, с.95, табл.3,4.

комплексов, в целом, не опускается ниже рубежа эр.

Орудия труда и предметы быта

Отдел **ножны** (4 экз.).

Чегандинские ножны (табл.28–1-4) представляют собой полый уплощенный конус с незамкнутой задней стороной, соединенной двумя/тремя перекладинами, расположенными у верхнего, нижнего устья или в центре. Декор состоит из поперечных линий, выпуклых валиков, иногда с насечками, полугорошинами (табл.28–1-3) или отсутствует. Может располагаться в центре, у верхнего и/или нижнего края. Во всех случаях индивидуален.

Один экземпляр выполнен из целого железного листа (табл.28–4).

Начало периода бытования ножен такой формы и конструкции определяется находками в комплексах Крымской Скифии. Инвентарь из гробницы №37 Неаполя Скифского относится ко второй половине II в. до н.э., а реконструируемая Ю.П.Зайцевым точная дата захоронения – 114-113 гг. до н.э. (Зайцев Ю.П., 2001, с.43,46, рис.6-6). Бронзовые ножны найдены в склепе 39/погр.III Беляуса, которое по керамике датировано не ранее II в. до н.э., а верхняя дата завершения захоронений в склепе, по фибуле неапольского варианта при погр.VII, отнесена к последней четверти II – рубежу II–I вв. до н.э. (Дашевская О.Д., 2001, с.93-94, рис.2-18). Ножны этого типа также найдены в Битаке, Копак-Таше (Пуздровский А.Е., 2007, с.72, рис.32-4, 33-II-6, 34-17, 36-1,4,8,9, 37-II-8, 52-2,3), Неаполе Скифском (Сымонович Э.А., 1983, табл.XXXVIII-37,38,40,41; Дашевская О.Д., 1991, табл.62-7,8) с фибулами среднелатенской схемы «зарубинецкого» и неапольского вариантов (Пуздровский А.Е., 2007, с.80-81) второй половины II – третьей четверти I в. до н.э., в Копак-Таше – до конца I в. до н.э. (Пуздровский А.Е., 2007, с.82). В памятниках типа Поянешти-Лукашевка – могильник Долиняны (Каспарова К.В., 1993, табл.XXX-10; Смирнова Г.И., Мегей В.Ф., 2000, рис.5-36, 7-55а) они датируются второй половиной I в. до н.э. Но указанные даты свидетельствуют лишь о начальной дате, ранее которой ножны такого типа не могли появиться в памятниках Прикамья.

Два экземпляра железных ножен происходят из Кошибеевского могильника (Шитов В.Н., 1988, табл.XII-2,12), одни – бронзовые – из Шемышейского (Полесских М.Р., 1974, рис.1-4) – первой хронологической группы конца II – первой половины III в. по В.В.Гришакову (Гришаков В.В., 2008, с.93). И.Р.Ахмедов относит эти погребения к группе 1В – также от середины II до середины III в. н.э. (Ахмедов И.Р., 2007, с.137-138).

Отдел **ножи** (60 фрагментов).

Традиционно, ножи делятся на типы по форме спинки (Агеев Б.Б., 1992, с.49), либо по наличию уступа при переходе лезвия в черенок. Большая часть ножей настолько фрагментирована, что определить тип не представляется возможным (табл.29–1-48; 30–1-5,10-17).

Отдел **шилья** (4 экз.).

Тип 1. Представляют собой стержень, уплощенный к черешку и утонченный к острию, все изготовлены из железа.

Подтип 1. Круглого сечения (3 экз.; табл.30–6,7,9).

Подтип 2. Прямоугольного сечения (1 экз.; табл.30–8).

Отдел **наконечники стрел** (28 экз., включая фрагменты).

Существуют общие обзоры этой категории предметов (Генинг В.Ф., 1970, с.82-83; Иванов В.А., 1984, с.12-14). Разработана классификация наконечников на обширном материале (1069 экз. из более чем 200 комплексов, распределенных на пять типов) (Агеев Б.Б., 1992, с.45, 117-118).

Железные наконечники можно разделить на два типа.

Тип 1. Черешковые, с треугольной головкой, трехгранные (2 экз.; табл.31–20,26).

Тип 2. Черешковые трехлопастные (26 экз.; табл.31–8-19,21-25,27,28).

Один наконечник (табл.30–6) неясной формы имеет линзовидное сечение.

Костяные наконечники стрел (6 экз.; табл.31–1-6) все втульчатые, трехгранные.

Железные трехлопастные наконечники типа 4 по А.М.Хазанову в III–II вв. до н.э. стали господствующими у сармат Поволжья и Приуралья и широко распространились у населения Средней Азии и Казахстана (Хазанов А.М., 1971, с.37), а затем устойчиво доминировали в колчаных наборах вплоть до II–III вв. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с.38-40; Скрипкин А.С., 1990, с.73, 168, 172-173). А.Х.Пшеничнюк отметил высокую встречаемость железных трехлопастных наконечников в погребениях III этапа кара-абызской культуры (II в. до н.э. – II в. н.э.) (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.175). В могильниках Приуралья этот тип стрел представлен очень широко – по сводке Б.Б.Агеева – 753 экз. (Агеев Б.Б., 1992, с.46), уступая только костяным наконечникам.

Костяные втульчатые наконечники стрел – атрибут воинской культуры исключительно чегандинского населения. Они бытуют на всем протяжении пьяноборского времени (Агеев Б.Б., 1992, с.46), а по мнению Т.И. Останиной и в III в. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.76, 106-107, рис.18-14-16, 23-25). Следует указать на их полное отсутствие в Восточной Европе.

Население, считающееся предшественниками пьяноборцев – поздние ананьинцы Средней и Нижней Белой и раннекара-абызские племена (Агеев Б.Б., 1992, с.102-106) втульчатыми костяными наконечниками стрел не пользовались: у ананьинцев их не было (Халиков А.Х., 1977, с.204) (единственный экземпляр с Сорочьегогорского городища морфологически существенно отличающийся от пьяноборских (Руденко К.А., 2002, с.20, рис.21-5) и несколько томаров (Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006, с.32)); у кара-абызцев они крайне малочисленны и появились на позднем этапе культуры, со II в. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1973, с.175, 187), под влиянием чегандинцев (Иванов В.А., 1984, с.14). В раннесарматских памятниках Приуралья костяные наконечники, за исключением двух черешковых наконечников из Старокиишкинского могильника (Садыкова М.Х., 1962, с.105, табл.VIII-7), практически отсутствуют (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.109).

Отдел **удила** (5 экз.). Основная масса удил не имеет псалий (табл.32–1-3), у одного экземпляра сохранившийся псалий – стержень с двумя отверстиями (табл.32–4). Фрагмент удил с кольчатыми псалиями (табл.32–5), судя по сохранности металла, относится к гораздо более позднему времени (XVII–XIX вв.).

Псалии.

Подтип 1. Из четырехгранного дрота.

Вариант 1. Стержневые.

Подвариант 1. Квадратный дрот с двумя плоскими прямоугольными петлями в центре (1 экз.; табл.32–4).

Вариант 2. Кольчатые.

Подвариант 1. Овальное кольцо (1 экз.; табл.32–5).

Железные двухсоставные удила без псалий выделены Б.Б.Агеевым в тип 1, с прямыми двухпетельными псалиями четырехгранного сечения – в тип 4А (Агеев Б.Б., 1992, с.49). И те, и другие характерны для пьяноборских памятников. По находке фибулы в Чертовицком могильнике (Медведев А.П., 1990, рис.12-4,12), комплексам п.711 Усть-Альмы (Пуздровский А.Е., 2007, рис.100-II), к.8/п.2 хут.Шевченко (Шепко Л.Г., 1987, рис.8-4), Усьман к.4/п.2 (Максименко В.Е., 1998, рис.78-3), Неаполь Скифский, конское погребение 3 (Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2007, рис.11-3), стержневые псалии с двумя боковыми петлями датируются I – началом II вв. н.э. Косвенно дата подтверждается тем, что, начиная со II в. н.э. стиль конской сбруи резко меняется (Максименко В.Е., 1998, с.137).

Глиняное пряслице (1 экз.; табл.27–17) имеет форму диска полукруглого сечения с отверстием. Различаются обычно размерами, весом (более важный признак, который определяет толщину получаемых нитей), формой сечения.

В коллекции имеется костяная трубочка с усеченной (срезанной) нижней частью, круглая в сечении. Подобные изделия в основном считаются колчанными застегками.

В литературе встречаются определения «свисток» (Васюткин С.М., Калинин В.К.,

1986, с.121), «рождкообразные колокольчатые привески» (Агеев Б.Б., 1992, с.44) «костяная трубочка» (Зубов С.Э., Отчет за 1994 г.). Многообразие названий обусловлено неясностью их использования. Некоторые исследователи предметы аналогичной формы считают застёжками (Мошкова М.Г., 1963, табл.21-18-21, 23-8,44; Пшеничнюк А.Х., 1976, рис.33-2; 1993, рис.12-6,7).

Отдел глинная посуда.

Из погребений и с площадки памятника происходят фрагменты керамики*. Выделяются пять основных комплексов: ананьинский, чегандинский, бахмутинский, средневековый и неорнаментированный.

Наиболее многочисленны фрагменты чегандинских сосудов. Большинство из них имеет хорошо заглаженную поверхность, серый или светло-коричневый цвет, примесь раковины в тесте. Форма посуды – чашевидная (табл.33–1-5; 34–21,22), скорее всего, дно округлое. Верхняя часть сосудов слабо профилирована, шейки прямые или слегка отогнутые. Орнамент скуден и представлен, в основном, горизонтальным рядом редких круглых ямок по шейкам сосудов (табл.33–2-5; 34–21,22).

Ананьинский комплекс представлен двумя достоверными фрагментами. Основные признаки: светло-коричневые толстые стенки, веревочный орнамент (табл.35–1,2).

Сосуд бахмутинского типа (табл.35–26) происходит с уч.Б/1 и имеет прямую, слабо выраженную шейку, плоско срезанный венчик, мелкий песок в тесте и украшен двумя рядами круглых ямок.

Средневековый комплекс представлен фрагментом нижней части сосуда: дно уплощенное, диаметр 10-14 см, цвет серый, в тесте примесь органики, песка и, возможно, шамота. Найден в яме II и датируется поздним средневековьем (табл.35–22).

Некоторым своеобразием отличаются шесть фрагментов от разных сосудов (табл.35–3-6,8,9), орнаментированные веревочным штампом в виде подковы. Аналогичная посуда происходит с более поздних памятников Верхнего Прикамья: Опутятское городище (Генинг В.Ф., 1980, с.118-126, рис.27-1,3,7; Голдина Р.Д., 1985, табл.XLV-9,12,13), Харинского, Каневского, Урьинского, Аверинского II, Бурдаковского могильников, Гордкушетского I селища (Голдина Р.Д., 1985, табл.XXXIV-3,7,8, XXXV-13, XXXVIII-3,6,11,21, XLVI-11) и Зауралья: памятники макушинского типа (Могильников В.А., 1987, с.176-177, табл.LXXII-12,17,19). Подобный орнамент известен на прикамской ананьинской керамике: Зуевключевское, Белоглазовское (Марков В.Н., 2007, рис.26-7) гор., Гремячинское поселение (коллекции КА ПГУ) (Красноперов А.А., в печати).

Хронология могильника

В целом, хронология могильника определяется в широком варианте в пределах I–III вв. н.э. Нет ни одного комплекса, который можно было бы уверенно датировать до нашей эры. В сборах с площадки памятника и в некоторых погребениях содержатся материалы, уверенно идентифицируемые как раннемазунинские. При более детальном рассмотрении можно обозначить более узкие рамки функционирования могильника. Для некоторых погребений на основании бусинного материала (табл.А) и аналогий другому инвентарю можно определить более короткий диапазон. В частности, не ранее II в. датируются следующие захоронения.

Таблица А

Хронология бус Нырғындынского I могильника

№ погребения	№ типа по Е.М.Алексеевой	Датировка типа по Е.М.Алексеевой	Датировка набора бус
4	36 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-12)	I–II вв. н.э.	I–II вв. н.э.
8	26 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-11,13,14)	связаны с комплексами римского времени	I–II вв. н.э.
	36 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-12)	I–II вв. н.э.	

* Благодарим к.и.н. И.Ю.Пастушенко за консультации по вопросам атрибуции керамики.

14	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	в погребениях первых веков н.э.	I–II вв. н.э.
23	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	в погребениях первых веков н.э.	I–II вв. н.э.
38	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	в погребениях первых веков н.э.	I–II вв. н.э.
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	характерны для I–II вв. н.э., свитые из жгута, продолжали употребляться в III–IV вв.	
	65 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-11-13,17)	первые века н.э.	
45	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	первые века н.э.
	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	
103	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	I–II–(III – ?) вв. н.э.
	4 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	III в. до н.э. – III в. н.э.	
	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв. н.э.	
	17 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	I–II вв. н.э.	
164	6 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1)	I в. до н.э. – II в. н.э.	I–II вв. н.э.
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
170	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э. – изготовленные из трубочек, II–IV вв. н.э. – свитые из жгута	I–II–(III – ?) вв. н.э.
	63 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-17)	вторая половина I–II вв. н.э.	
	101 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28)	I в. н.э.	
	249 (Алексеева Е.М., 1978, табл.29-70,73)	I–II вв., доживают до III в. н.э.	
171	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	
211	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	
220	46 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-11,13)	I–II вв. н.э.	I–II вв. н.э.
252	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	I–II–(III – ?) вв. н.э.
	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э. – изготовленные из трубочек, II–IV вв. н.э. – свитые из жгута	
275	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	
	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв.	
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
284	36 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-12)	I–II вв. н.э.	I–II вв. н.э.
293	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
№ погребения	№ типа по Е.М.Алексеевой	Датировка типа по Е.М.Алексеевой	Датировка набора бус
297	26 (Алексеева Е.М., 1982, табл.35-22,23)	–	I–II вв. н.э.
	36 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-12)	I–II вв. н.э.	
299	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
302	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
308	46 (Алексеева Е.М., 1982, табл.37-11,13)	I–II вв. н.э.	I–II вв. н.э.
315	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-4-8)	первые века н.э.	

	2а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-9,12)	эллинистическое и римское время	
	2б (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-11,13,14)	римское время	
	22 (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-24-29)	I–III вв. н.э.	
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
319	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	I–II вв. н.э.
114	17 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	I–II вв. н.э.	II в. н.э.
	26 Алексеева Е.М., 1978, табл.33-6)	II в. н.э.	
	29 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-4)	I–III вв. н.э.	
130	4 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	III в. до н.э. – III в. н.э.	II в. н.э.
	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв.	
	17 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	I–II вв. н.э.	
15	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв.	
48	30 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-6)	III–I вв. до н.э., II–IV вв. н.э.	II–III вв. н.э.
	100 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28)	III–I вв. до н.э., II–III вв. н.э.	
54	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	II–III вв. н.э.
	30 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-6)	III–I вв. до н.э., II–IV вв. н.э.	
79	203 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-83-86)	III–IV вв. н.э.	II–III вв. н.э.
	16в(3) (Алексеева Е.М., 1975, с.33-34)	II в. до н.э. – II в. н.э.	
	1а (Алексеева Е.М., 1975, табл.12-39)	–	
82	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв. н.э.	II–III вв. н.э.
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
113	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	II–III вв. н.э.
	4 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	III в. до н.э. – III в. н.э.	
	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв.	
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
	17 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	I–II вв. н.э.	
	100 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-28)	III–I вв. до н.э., II–III вв. н.э.	
163	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
264	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	(I – ?)–II–III вв. н.э.
	1а (Алексеева Е.М., 1978, табл.26-2,3)	первые века н.э.	
	9 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,3)	I–IV вв. н.э.	
	13 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	II–III вв.	
	15 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э., свитые из жгута – III–IV вв.	
	16 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1,2)	I–II вв. н.э. – изготовленные из трубочек, II–IV вв. н.э. – свитые из жгута	
	17 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-1-3)	I–II вв. н.э.	
	23 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-5)	2 половина I в. до н.э. – III в. н.э.	
	137 (Алексеева Е.М., 1978, табл.33-42)	II–III вв. н.э.	
	34г (Алексеева Е.М., 1975, табл.16-1,6)	I в. н.э.	

Погребение 38 (табл.36–1-5) – II в. н.э. (бусы, общий облик комплекса).

Погребение 41 (табл.36–6-16) – середина II – середина III в. н.э. (ножны, общий облик комплекса) (Ахмедов И.Р., 2007, с.137-138; Гришаков В.В., 2008, с.93).

Погребение 102 (табл.37–1) – не ранее второй половины II в. н.э., вероятно, первая половина III в. н.э. (сюльгама) (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000, рис.23-3; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2001, рис.58-1,2).

Погребение 164 (табл.37–2,3) – последняя четверть II – первая половина III в. н.э. (фрагмент бляхи, бусы) (Гришаков В.В., 2008, с.86,93).

Погребение 170 (табл.37–4) – I–II вв. н.э. (бусы).

Погребение 211 (табл.37–5) – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (фибула) (Скрипкин А.С., 1977, с.112-113; Косяненко В.М., 2008, с.85-88; Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.131).

Погребение 264 (табл.38–1-6; 39–1-7) – II – начало III в. н.э. (бусы, общий облик комплекса).

Погребение 293 (табл.40–1,2) – середина II – середина III в. н.э. (ножны) (Ахмедов И.Р., 2007, с.137-138; Гришаков В.В., 2008, с.93);

Погребение 296 (табл.37–6-8) – I – начало II в. н.э. (удила) (Медведев А.П., 1990, рис.12-4), но середина II – середина III в. н.э. (ножны) (Ахмедов И.Р., 2007, с.137-138; Гришаков В.В., 2008, с.93). Общая дата – не ранее середины II в. н.э.

Погребение 297 (табл.40–3-5) – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (сюльгамы, бусы) (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000, рис.20-6, 31-1, 58-6; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2004, рис.25-4,5).

Погребение 312 (табл.40–6-8) – последняя четверть II – первая половина III в. н.э. (сюльгама, наконечник ремня и застежка) (Vaday A., Szöke B.M., 1983, taf.13-1,2; Kulcsar V., 1998, кер.1-6-8; Кульчар В., 2000, рис.1-6-8; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000, рис.20-6, 31-1, 58-6; Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2004, рис.25-4,5).

Погребение 315 (табл.41–1-21; 42–1-8) – последняя четверть II – первая четверть III в. н.э. (бляха, ведровидные подвески, бусы) (Гришаков В.В., 2008, с.86,93; Косяненко В.М., 2008, с.142).

Погребение 316, 317 (табл.43–1-4) – вторая половина II – первая половина III в. н.э. (фибула) (Скрипкин А.С., 1977, с.112-113; Косяненко В.М., 2008, с.85-88; Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.131).

Погребение 320 (табл.43–6-14) – вторая половина II в. н.э. (ножны) (Ахмедов И.Р., 2007, с.137-138; Гришаков В.В., 2008, с.93). В целом перечисленные могилы можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н.э.

Выделяется еще одна группа могил, которые можно отнести к первой половине III в.

Погребение 4 (табл.44–1,2) – первая половина III в. н.э. (накладки, бусина) (Останина Т.И., 1997, рис.23).

Погребение 34 (табл.44–3) – первая половина III в. н.э. (пряжка) (Малашев В.Ю., 2000, с.209).

Погребение 47 (табл.44–10-12) – первая половина III в. н.э. (накладка, височная подвеска) (Останина Т.И., 1997, рис.23).

Погребение 254 (Спицын 4/5) (табл.44-13) – последняя четверть II – первая половина III в. н.э. (бляха) (Гришаков В.В., 2008, с.86,93).

Погребение 258 (Спицын 9) (табл.45–9-14) – первая половина III в. н.э. (накладки, бляха-раквина, височные подвески) (Останина Т.И., 1997, рис.23).

Погребение 299 (табл.45–1-8) – первая половина III в. н.э. (бляха, пронизка/подвеска, височные подвески, бусины) (Останина Т.И., 1997, рис.23; Гришаков В.В., 2008, с.86,93).

Погребение 308 (табл.44–4-9) – первая половина III в. н.э. (фасетированные накладки, бусы) (Малашев В.Ю., 2000, с.208).

Таким образом, для исследованных захоронений могильника Ныргында I может быть

предложено две даты: широкая – II–III вв. и более узкая – вторая половина II – первая половина III в. н.э. Планиграфия датированных погребений (рис.4) показывает относительно равномерное распределение на площади памятника могил второй половины II – первой половины III в. н.э. и некоторую концентрацию их в западной части раскопа, а также сосредоточение поздних захоронений (первая половина III в. н.э.) в южной, наиболее низменной части всхолмления. Это подтверждает общее впечатление, что «рост» памятника шел с севера на юг, от наиболее возвышенной части холма к низине.

Хотелось бы обратить внимание на то, что материалы Нырғындинского I могильника, как и Тарасовского, еще раз указывают на стабильность отрезка времени – рубеж II и III столетий н.э., который до недавней поры считался временем серьезных перемен и перемещений удмуртского населения Среднего Прикамья, определяющих нижнюю границу мазунинской и азелинской культур (В.Ф.Генинг). Скорее всего, начало III в. на Средней Каме это период относительно спокойного развития местного финно-угорского населения.

Список литературы

Абрамова М.П., 1998. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь. С.209-229.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г., 2000. Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 2 / Тр. Дагестанской экспедиции. Т.1 / МИАР. Вып.2. М. 140 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г., 2001. Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 4 / Тр. Дагестанской экспедиции. Т.II / МИАР. Вып.4. М. 151 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г., 2004. Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Шестой / Тр. Дагестанской экспедиции. Т.III / МИАР. Вып.5. М.: Наука. 143 с.

Агеев Б.Б., 1981. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1985. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа: БФАН СССР. 40 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа: БФАН СССР. С.75-94.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып.Г1-12. М.: Наука. 96 с.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып.Г1-12. М.: Наука. 120 с.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып.Г1-12. М.: Наука. 104 с.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР / САИ. Вып.Д1-30. М.: Наука. 142 с.

АО за 1972: Васильев И.Б., Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф., Рутто Н.Г. Работы Московского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 г. М., 1973. С.167-168.

АО за 1974: Казаков Е.П. Работы в Татарии // АО 1974 г. М., 1975. С.157-158.

АО за 1975: Казаков Е.П. Работы в Татарии // АО 1975 г. М., 1976. С.180-181.

АО за 1976: Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Фаттахов Р.М. Раскопки могильника Старый-Чекмак // АО 1976 г. М., 1977. С.136.

АО за 1978: Иванов В.А. Исследования памятников раннего железа в низовьях р.Белой // АО 1978 г. М., 1979. С.173-174.

АО за 1979: Иванов В.А. Раскопки памятников пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // АО 1979 г. М., 1980. С.145-146.

- АО за 1980: Васюткин С.М. Разведки в Башкирии // АО 1980 г. М., 1981. С.127.
- АО за 1983: Голдина Р.Д. Исследование средневековых памятников в Прикамье // АО 1983 г. М., 1985. С.142-143.
- Арма тынская О.В., 1988. Новые исследования Икского могильника в устье р.Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский университет. С.31-42.
- Археологические памятники Восточного Закамья, 1989. Казань. 99 с.
- Ахмедов И.Р., 2007. Инвентарь мужских погребений / Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. / РСМ. Вып.9. М. С.137-185.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях в Каракулинском р-не УАССР в 1975 г. (Отчет о раскопках Нырындинского I могильника в 1975 г.) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.50 // Архив ИА РАН. Р-1. №5666.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971 г. М. С.182-183.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Одинцов В.В., Стоянов В.Е., 1970. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1969 г. М. С.138-139.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Прокопов А.В., Чистякова М.Н., 1971. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1970 г. М. С.147-149.
- Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н., 1984. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский госуниверситет. С.44-53.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск. 220 с.
- Бадер О.Н., 1972. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 г. // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Знание. Вып.1. С.7-26.
- Бадер О.Н., 1981. Итоги работ Нижнекамской экспедиции // ВАУ. Вып.15. Свердловск. С.3-6.
- Богачев А.В., 1990. Опыт эволюционно-типологической группировки раннесредневековых пряжек лесостепного Поволжья. Свердловск. 31 с.
- Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. н.э. Среднего Поволжья). Самара. 208 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: Рифей. 268 с.
- Бугров Д.Г., 2004. Погребение женщины-«ремесленницы» из Тетюшского II могильника // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 100-летию со дня рождения М.Г.Худякова. Казань: Школа. С.77-94.
- Бугров Д.Г., 2006. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье / Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань. 221 с.
- Бугров Д.Г., 2007. Бусы Тойгузинского II городища // ПИФК. Вып.XVII. М.; Магнитогорск. С.442-453.
- Бухтеева М.А. Отчет об археологической разведке по правому берегу р.Камы, в районе д.Ныргынды, Каракулинского р-на УАССР / Отчет об археологических исследованиях УАЭ в 1954 г. // НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д.516 // Архив НМУР. №3, 1498 // Архив ИА РАН. Р-1. №963.
- Васкул И.О., 1992. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке / Серия препринтов «Научные доклады». Вып.287. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. 20 с.
- Васкул И.О., 1997. Памятники гляденовской культурной общности // Археология республики Коми. М.: ДиК. С.349-399.

- Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях БАССР в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3242, 3242а.
- Васюткин С.М., 1980. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: УдГУ. С.72-91, 187-196.
- Васюткин С.М., 1982. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: БФАН СССР. С.125-144.
- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа: БФАН СССР. С.95-122.
- Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986. Старо-Кабановский могильник // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск: Удмуртия. С.95-126.
- Волков С.Р., Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., Соловей В.М., 1994. Разведочные работы в Каракулинском р-не Удмуртской республики // АОУП. Йошкар-Ола. С.30-32.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / МИАР. Т.11. М.: Таус. 465 с.
- Гавритухин И.О., 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // Культуры евразийских степей 2 половины I тыс. н.э. Самара: СОИКМ. С.115-133.
- Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках могильника Нырғында I. Пристань Барановская Каракулинского р-на УАССР. Правый берег р.Камы / Отчет об археологических исследованиях УАЭ в 1954 г. // НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д.516 // Архив НМУР. №3 // Архив ИА РАН. Р-1. №963.
- Генинг В.Ф., 1955. Археологическая экспедиция 1954 г. // Молот. № 2. С.62-64.
- Генинг В.Ф., 1956. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1955 // Молот. №1.
- Генинг В.Ф., 1957. Очерк работ УАЭ в 1954 г. // Записки УдНИИ. Вып.18. Ижевск. С.160-178.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып.2. Казань. С.157-219.
- Генинг В.Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып.2. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5. Ижевск-Свердловск. С.5-144, 158-160, 24 табл.
- Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып.7 / Памятники мазунинской культуры. Ижевск-Свердловск. С.7-84.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть I. // ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск. 255 с.
- Генинг В.Ф., 1971. История населения удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. // ВАУ. Вып.11. Ижевск-Свердловск. 190 с.
- Генинг В.Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С.92-135, 197-217.
- Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука. 240 с.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. Вып.1. Свердловск. С.76-84.
- Голдина Р.Д. Раскопки Нырындинского I могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ летом 1970 г. // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.1. Д.183/1970; Ф.П. Д.89/1970 // Архив ИА РАН. Р-1. №4098.

- Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Нырынди́нского I могильника в 1971 г. // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.1. Д.208/1971; Ф.П. Д.104, 104а/1971 // Архив ИА РАН. Р-1. №4459.
- Голдина Р.Д., 1977. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С.10-44.
- Голдина Р.Д., 1981. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета за 1973-1976 гг. // ВАУ. Вып.15. Свердловск. С.10-14.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхней Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 280 с.
- Голдина Р.Д., 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.
- Голдина Р.Д. Отчет о разведке, проведенной летом 1995 г. в Каракулинском р-не Удмуртской республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.326 // Архив ИА РАН. Р-1. №19096.
- Голдина Р.Д., 1996. Силуэты растаявших веков. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский Университет». 464 с.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.2, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия. 721 с.
- Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.1, текст – каталог погребений. Ижевск: Удмуртия. 318 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. Ижевск. С.54-110.
- Голдина Р.Д., Чистякова М.Н. Отчет о раскопках Нырынди́нского I могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ в 1969 г. (Т.1.) // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.1. Д.181/1969; Ф.П. Д.75/1969 // Архив ИА РАН. Р-1. №4129.
- Гришаков В.В., 2008. Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып.2. Пенза. С.82-137.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / АЕС. Вып.7. Казань: ИИ АН РТ. 173 с.
- Гугуев Ю.К., 2000. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону / МИА Дона. Вып.1. Ростов/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест». С.141-155.
- Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму / САИ. Вып.Д.1-7. М.: Наука. 142 с.
- Дашевская О.Д., 2001. Земляной склеп №39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы Крыма / Тр. ГИМ. Вып.118. М. С.87-95.
- Длужневская Г.В., 1994. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX-XII вв. н.э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc.VI. Lodz. С.21-43.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып.2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С.1-27, табл.I-XI.
- Елагин В.С., Молодин В.И., 1991. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск: Наука – СО. 125 с.
- Журавлева Г.Н., 1995. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск.
- Зайцев Ю.П., 2001. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма / Тр. ГИМ. Вып.118. М. С.13-58.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2007. Элитный некрополь 2 в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. Симферополь: Универсум. С.81-108.
- Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. №30. М.: Изд-во АН СССР. 321 с.

Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском р-не Башкортостана в 1994 г. (открытый лист №455 от 27 июня 1994 г., форма №1) // Архив ИА РАН. Р-1. №19141.

Зубов С.Э., 2000. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. Самара: СОИКМ. С.44-51.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 86 с.

Иванов В.А., 2003. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р.Белой // УАВ. Вып.4. Уфа: Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МКиНП РБ. С.199-215.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1972. Деуковский II могильник // ОНКАЭ. Вып.1. М.: Знание. С.105-121.

Казанцева О.А., 1988. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский университет. С.43-64.

Казанцева О.А., 1995. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета. С.156-166.

Казанцева О.А., 2004. Каталог археологических памятников Бардымского р-на Пермской области. Ижевск. 175 с.

Калинин Н.Ф., 1948. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань: Татгосиздат. С.23-96.

Каспарова К.В., 1993. Периодизация и хронология / Культура Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. / Археология СССР в 20-ти тт. Т.13. М.: Наука. С.90-92.

Клейн Л.С., 1979. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л.: ЛГУ. С.50-74.

Клюева Г.Н., 1977. Нырғындынский I могильник – памятник пьяноборской культуры в Среднем Прикамье // Диплом. Архив ИИКНП. Ф.1. Д.99. 81 с., прил. Ижевск.

Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1979 г. в Каракулинском р-не УАССР // Архив ИА РАН. Р-1. №7873.

Ковалевская В.Б., 1976. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе // СА. №2. С.257-265.

Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.: Наука. 192 с.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.

Колпаков Е.М., 1991. Теория археологической классификации. СПб.

Кондрашев А.Н., 2003. Обследование состояния городища Няксимволь I в Березовском р-не // ХМАО в зеркале прошлого. Вып.1. Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та. С.244-249.

Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI вв. н.э. в Среднем Поднепровье / САИ. Вып.Е1-44. М.: Наука. 124 с.

Косменко М.Г., 2009. Древности железного века с ананьинскими элементами в Карелии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып.8. Елабуга. С.108-121.

Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) / ДД. Вып.9. Азов. 544 с.

Красноперов А.А., 2006а. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Сб. научн. статей. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ. С.144-148.

Красноперов А.А., 2006б. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.) / Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск. Т.1. 273 с.; Т.2. 305 с.

Красноперов А.А., 2007. Украшения из раковин в погребальном инвентаре

- мазунинской культуры в Прикамье (первая половина – середина III – середина VI вв. н.э.) // Экология древних и традиционных обществ. Вып.3. Тюмень: Вектор Бук. С.108-111.
- Красноперов А.А., 2009. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сб. к 70-летию П.Н. Старостина / АЕС. Вып.10. Казань: ИИ АН РТ. С.92-105.
- Красноперов А.А. Погребальная керамика Прикамья: керамика из пьяноборских и мазунинских могильников // в печати.
- Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища (классификация и хронология) // МИА. №156. М. С.145-169.
- Кульчар В., 2000. Новые аспекты этнического определения сарматских погребений из Хевиздёрка // ДА. №1. С.64-71.
- Лаптева Т.А., 1995. Эполетообразные застёжки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та. С.128-156.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1999. Гляденовское костеище (Материалы раскопок 1995-97 гг. Из собрания Пермского областного краеведческого музея). Каталог. Пермь: ПОКМ. 77 с.
- Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р.Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета. С.88-128.
- Лещинская Н.А., 2002. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: ИД «Удмуртский ун-т». С.38-68.
- Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука – ВЛ. 270 с.
- Мажитов Н.А., 1959. Чиатавский могильник // Башкирский археологический сборник. М. С.100-113.
- Мажитов Н.А., 1962. Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. Вып.2. Свердловск. С.65-71.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.: Наука. С.84-113, табл.2-40.
- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука. 239 с.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Уфа: БФАН СССР. Т.3. С.33-59.
- Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / ДД. Вып.6. Азов. 304 с.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып.1. Ростов/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест». С.194-232.
- Манюхин И.С., 1996. Позднекаргапольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск. С.220-237.
- Марков В.Н., 2007. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / АЕС. Вып.4. Казань: ИИ АН РТ. 136 с.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука – СО. 198 с.
- Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та. 220 с.
- Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР в 20-ти тт. М.: Наука. С.163-232.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып.Д1-10. М.: Изд-во АН СССР. 88 с.
- Мошкова М.Г., 2000. Что такое III в. до н.э. в истории сарматов // ИАИАИАНД в 1998 г. Вып.16. Азов. С.337-341.
- Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье,

произведенных летом 1893 и 1894 г. // МАВГР. Т.3. М. С.42-74.

Никитина Т.Б., 1999. История населения марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Тр. МАЭ. Т.V. Йошкар-Ола: МарИИЯЛИ. 159 с.

ОАК за 1898 г. СПб., 1901.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф.Корзухиной, И.К.Фролова и Е.Л.Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / РСМ. Вып.10. М. С.113-141, 287-315.

Овсянников В.В., 2006. Этнокультурная ситуация в среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск. С.81-87.

Останина Т.И., 1978. Нивский могильник III-V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск: НИИ при СМ УАССР. С.92-117.

Останина Т.И., 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия. С.26-92.

Останина Т.И., 1992. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск. 95 с.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 327 с.

Останина Т.И., 2000. Археологические исследования В.Ф.Генинга на территории Удмуртии // Музей: история и современность. Ижевск. С.30-51.

Останина Т.И., 2004. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда: каталог. Ижевск: ИД «Удм. ун-т». 230 с.

Памятники истории и культуры Удмуртии, 1979. Ижевск.

Памятники истории и культуры Удмуртии, 1990. Ижевск.

Памятники Отечества, 1995. Полное описание России: Удмуртия / Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М. №1-2 (33).

Полесских М.Р., 1974. Шемышейский могильник селиксенского типа // КСИА. Вып.140 / Восточная Европа в I-II тыс. н.э. М.: Наука. С.73-75.

Пуздровский А.Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пшеничнюк А.Х., 1964. Биктимировский могильник // АЭБ. Т.2. Уфа: Башкирское кн. изд-во. С.215-231.

Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т.3. Уфа: БФАН СССР. С.59-104.

Пшеничнюк А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.5. Уфа: БФАН СССР. С.162-243.

Пшеничнюк А.Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР. С.35-131.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука. 200 с.

Пшеничнюк А.Х., 1986а. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р.Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа: БФАН СССР. С.26-44.

Пшеничнюк А.Х., 1986б. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой. Уфа: БФАН СССР. С.45-74.

Пшеничнюк А.Х., 1987. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа. С.67-76.

Пшеничнюк А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.32-61.

Руденко К.А., 2002. Остров «Мурзиха» и его окрестности: Хронологический атлас

- археологических коллекций НМ РТ (1991-1999 гг.): Опыт микрорегионального исследования. Казань: Школа. 208 с.
- Сабилов Т.Р., 2011. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме / Дисс. ... канд. ист. наук. // Архив ИИКНП. Ижевск. Ф.4/1. Д.173.
- Садыкова М.Х., 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // АЭБ. Уфа. Т.1. С.88-122.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. №2. С.100-120.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 150 с.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 300 с.
- Смирнов А.П., 1949. Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИИМК. Вып.25. М. С.22-32.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Урала // МИА. №28. М.: Изд-во АН СССР. 274 с.
- Смирнов А.П., 1964. Генинг В.Ф. Азелинская культура. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Рецензия // СА. №4. М.
- Смирнова Г.И., Мегей В.Ф., 2000. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с.Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 г.) // Stratum plus. №4. С.156-171.
- Спицын А.А., 1901а. Пьяноборский могильник // МАР. №25. СПб. С.1-7, табл.1-4.
- Спицын А.А., 1901б. Гляденовское костыще // Записки РАО. Т.ХII. Вып.1, 2, н.с. СПб. С.228-269, табл.I-XVII.
- Старостин П.Н., 1978. Первый Меллятамакский могильник // Древности Иско-Бельского междуречья / ОНКАЭ. Вып.2 / Работы Татарского отряда. Казань: ИЯЛИ КФАН. С.126-142.
- Старостин П.Н., 2002. Нармонский могильник. Казань: Школа. 62 с.
- Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Морд. книж. изд-во. 108 с.
- Степная полоса..., 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20-ти тт.. М.: Наука. 493 с.
- Столярова Е.К., 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Тр. ГИМ. Вып.118. М. С.194-222.
- Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова Думка. 174 с.
- Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы (по данным, собранным М.В.Талицким) // МИА. М. №27. 226 с.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука – СО. 184 с.
- Труфанов А.А. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. 2005-2009. №4. С.117-328.
- Удмуртская республика, 2000. Энциклопедия. Ижевск.
- Усть-Полуй: I в. до н.э. Каталог выставки, 2003. Салехард; СПб.: МАЭ РАН. 76 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М. 216 с.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.
- Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. МАЭ. Т.2. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. С.7-187.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М.: Наука. 262 с.
- Худяков М.Г., 1929. «Эполетообразные» застёжки Прикамья // Сборник («аспирантов») ГАИМК. Вып.1. Л. С.41-50.

Худяков М.Г., 1933. Ныргындинские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып.2. Л.: Типография «Печатный Двор». С.15-18, табл.IX-XI.

Худяков М.Г., 1934. Культово-космические представления в Прикамья в эпоху разложения родового общества // ПИДО. №11-12. С.76-97.

Черных Е.М., 2004. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск: УИИЯР УрО РАН. С.113-131.

Шепко Л.Г., 1987. Позднесарматские курганы в северной Приазовье // СА. №4. С.158-173.

Ширин Ю.В., 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость». 288 с.

Широбокова Н.Ф., 2002. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках (1973-2000) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. С.102-140.

Шитов В.Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. / Тр.МНИИЯЛИЭ. Вып.93. Саранск: Морд. кн. изд-во. С.4-43.

Шмидт А.В., 1928. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Т.7. Л.

Шокуров А.П., 1970. Материалы к археологической карте нижнего течения р.Белой и среднего течения р.Ик // Древности Башкирии. М.: Наука. С.131-160.

Щапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М. 151 с.

Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. М.: МГУ. 120 с.

Щапова Ю.Л., 2000. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. 143 с.

Яблонский Л.Т., 2006. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакской эпохи (по находкам в Южном Приаралье) // Древности скифской эпохи / МИАР. Вып.7. М. С.277-296.

Carpelan C., 2004. Short review of prehistoric and early medieval connections between the Kama region and Finland in the light of archaeological evidence // Пути средневековых торговцев. Пермь: ПГПУ. С.17-32.

Kulcsar V., 1998. Újabb szempontok a hévízgyörki szarmata sírok etnikai meghatározásához // Egy Múzeum Szolgálatában. Aszód. P.75-84.

Tallgren A.M., 1919. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale / Suomen Muinais muistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Forn-minnesföreningens Tidskrift. XXXI. Helsinki.

Vaday A., Szöke B.M., 1983. Szarmata temető és gepida sír Endrőd-Szujókeresztén // Communicationes Archaeologicae Hungariae. P.79-132.

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КРАСНОЯРСКОГО I МОГИЛЬНИКА БАССЕЙНА Р.ТУЛВЫ

Красноярский I могильник располагается в Бардымском районе Пермского края. Памятник был обнаружен в 1986 г. отрядом Камско-Вятской археологической экспедицией (КВАЭ) под руководством О.А.Казанцевой (Казанцева О.А., отчет за 1986 г.). За период с 1987 по 1989 гг. могильник был исследован стационарно, вскрытая площадь составила 2643 кв. м, на которой были изучены 144 грунтовых индивидуальных погребения (Казанцева О.А., отчеты за 1987-89 гг.; Казанцева О.А., 1989, с.60-62). Из общего числа погребений большинство могил – 115 (79,86%) содержат вещевой инвентарь, а 29 (20,14%) – не имеют сопровождающих предметов.

Предварительная дата функционирования Красноярского I могильника была обозначена в публикации автора раскопок III–V вв. н.э. (Казанцева О.А., 1988, с.43-65). Разработанная типология вещевого инвентаря Красноярского I могильника позволила позднее перейти к оценке хронологии материалов. Культурная принадлежность могильника была определена как позднегладеновская (Казанцева О.А., 1995, с.156-165). Анализ лепной керамики могильника, аналогии погребальному обряду, вещевому комплексу памятника позволили автору соотнести его с осинским вариантом гладеновской археологической культуры и датировать II–V вв. н.э. (Казанцева О.А., 2004, с.21-22).

Актуальность хронологии материалов заключается в том, что погребальные комплексы памятника являются эталонными для могильников тулвинской группы гладеновской археологической культуры. Вопросами хронологии этой культуры занимался видный пермский ученый Ю.А.Поляков (Поляков Ю.А., 1980). Разработанная им периодизация гладеновской культуры основана на небольших материалах поселений и двух могильников – Городок и Заосиновский, которые отличаются малым количеством вещей в погребениях. С накоплением источниковой базы, публикациями материалов могильников, расположенных в Среднем Прикамье, Поволжье стало возможным вновь обратиться к хронологии погребальных комплексов Красноярского I могильника и соотнести ее с опубликованными материалами и хронологией предметов новых археологических памятников.

При обработке материала использовалась методика В.Ф.Генинга и В.А.Борзунова, примененная Л.Н.Коряковой для хронологии погребений саргатской археологической культуры (Корякова Л.Н., 1981, с.103-108). Погребальный инвентарь был разбит на категории, которые датировались по аналогиям. Затем исследовались связи между предметами с помощью коэффициента корреляции. В результате были выделены близкие группы вещей, а затем они соотносились с известными аналогиями, и на основе этой процедуры группы предметов были сведены в хронологическую таблицу. Кроме того, каждое погребение датировалось путем сопоставления дат всех предметов, найденных в нем. Для изучения было взято 22 погребения, содержащих не менее двух вещей различных категорий. Железные находки (например, ножи, шилья), имеющие широкие временные рамки бытования были исключены из работы (Казанцева О.А., 1995, с.156-165).

В итоге были выделены три разновременные хронологические группы узкого диапазона: I в. н.э., II в. н.э., IV в. н.э. и пять смежных хронологических групп: I–II вв. н.э., I–III вв. н.э., II–III вв. н.э., IV–V вв. н.э., III–IV вв. н.э. (рис.1,2).

К хронологической группе I в. н.э. относятся бронзовая височная подвеска с напускной стеклянной бусиной (рис.1–1) и подвеска из золотой фольги овальной формы с отверстием в верхней части (рис.1–2). Бронзовая височная подвеска имеет аналогии в материалах пьяноборских некрополей (Чеганда II, Ныргында II) и памятниках кара-абызской культуры – Шиповском, Камышлы-Тамакском, Уяндыкском могильниках

(Генинг В.Ф., 1970, с.50-52; Пшеничнюк А.Х., 1976, с.42; Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968, с.38-58). Подвеска из золотой фольги овальной формы встречена в коллекциях Охлебининского, Кушулевского могильников, где датируется I в. н.э. (Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1985, с.2, рис.2-11). Подвеска овальной формы, но выполненная из бронзы, найдена в Чегандинском II могильнике (Генинг В.Ф., 1970, с.52, табл.1-13).

Хронологическая группа II в. н.э. представлена бронзовой нагрудной бляхой, украшенной прочерченным орнаментом в виде цветка из шести лепестков и тремя concentрическими кругами (рис.1-3). Подобные предметы обнаружены в Охлебининском (Пшеничнюк А.Х., 1968, с.59-104; он же, 1993, с.46, рис.9-13), Биктимировском (Генинг В.Ф., 1988, с.53, рис.9-13) и Кошибеевском (Древности Восточной Европы, 1969, с.241) могильниках кара-абызской культуры, где датируются II в. н.э. Аналогичное изображение шестилепестковой розетки отмечено на бронзовых бляхах Гляденовского костыща (Генинг В.Ф., 1988, с.143). Полированные бронзовые бляхи с отверстием в центре и шестилепестковой розеткой отмечены в п.53 и в разрушенном погребении Андреевского кургана I-II вв. н.э. (Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с.146, рис.21-2,7; Зубов С., 2011, рис.23-7).

Хронологическая группа I-II вв. н.э. характеризуется следующими типами вещей: бронзовыми застегками с неподвижным крючком (рис.1-6,7); бронзовой подвеской трапециевидной формы, крепление для продевания ремешка которой оформлено в виде головы медведя (рис.1-4), бронзовыми пронизками с утолщением в середине и двумя перекладинами на обороте (рис.1-8), бронзовыми ножнами в виде полутрубицы волнообразной формы, украшенной продольными рядами полугорошин (рис.1-5), круглой бронзовой бляхой конической формы с четырьмя петлями на обороте (рис.1-9). Подобные бляхи обнаружены в материалах Охлебининского могильника (Генинг В.Ф., 1988, рис.17-27). Бронзовые бляшки со слегка выпуклой поверхностью найдены на Гляденовском костыще (Генинг В.Ф., 1988, с.142).

Хронологическая смежная группа I-III вв. н.э. представлена бронзовыми трапециевидными подвесками (рис.2-1), пластинчатыми накладками с треугольниками и двумя петельками для крепления на обороте (рис.2-2), плоскими круглыми бляшками с отверстием в центре (рис.2-3). Пластинчатые накладки с прорезанными треугольниками имеют широкие аналоги в Приуралье в пьяноборскую эпоху и датируются II-III вв. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.58; Корякова Л.Н., 1981, рис.3-22; 1998, рис.17-83, с.17). В хронологической схеме вещевого инвентаря памятников Европейского северо-востока в пьяноборскую эпоху такие накладки занимали интервал I-III вв. н.э. (Васкул И.О., 1992, с.12). Найдены они также в кулайской археологической культуре Среднего Приобья (Шеркалинский могильник), где относятся к этому же времени (Чиндина Л.И., 1984, с.228, рис.22-6). Единичные находки подобных накладок встречены в Ленинском кургане прохоровской культуры (Мошкова М.Г., 1963, табл.32, рис.8), в кургане Кадырово IV в Месягутовской лесостепи IV-III вв. до н.э. (Савельев Н.С., 2007, с.247, рис.34-15), в Ананьинском (Збруева А.В., 1952, с.78), Старшем Ахмыловском могильниках (Патрушев В.С., 1984, с.229, 236, 244, 263). В коллекциях Гляденовского и Юго-Камского городищ бронзовые пластинчатые накладки Ю.А.Поляков относит к среднему этапу функционирования гляденовской культуры (Поляков Ю.А., 1980, с.89, табл.82). Бронзовые круглые и трапециевидные подвески встречены в Шиповском могильнике (Башкирия) в пп.4, 231, 238, 268, 324 (Овсянников В.В., 2007, с.115, рис.28-11; там же, с.166, рис.79-8; там же, с.149, рис.62-16; там же, с.156, рис.69-12; там же, с.166, рис.79-8).

Следующая хронологическая группа датируется II-III вв. н.э. (рис.2-4-6). Интересна стеклянная синяя бусина с желтым глазком (рис.2-4), имеющая аналогии в пьяноборском могильнике Ныргында I, время бытования которой определяется в пределах II-III вв. н.э. Подобные бусины отмечены и в материалах Гляденовского костыща (Поляков Ю.А., 1980, с.97). Многочитковые железные пластинчатые браслеты (рис.2-5) встречены в п.77 Юлдашевского могильника (Пшеничнюк А.Х., 1986, с.65). Своеобразно выглядит шейное

украшение в виде ожерелья из бронзовых обойм на кожаном шнурке с зооморфными (волк) прямоугольными накладками с (рис.2–6). Аналогов ожерелью нет, хотя парное изображение животных (медведя), обращенных головами в разные стороны, на прямоугольной пластине встречено, например, в Усть-Сарапульском некрополе (Арматынская О.В., 1986, рис.4-10). Следует отметить, что излюбленные мотивы древнего искусства ананьинцев – медведь, волк, конь, были традиционны и для племен гляденовской археологической культуры. Но в ананьинское время преобладает парное изображение животных, обращенных головами друг к другу (Бадер О.Н., 1960, с.156).

Особенностью хронологической группы III–IV вв. н.э. является то, что она состоит из различных бронзовых подвесок: спиральновитых (рис.2–10,11), подвесок-цепочек (рис.2–7-8), подвесок с трапециевидными привесками (рис.2–9). Все перечисленные типы украшений Красноярского I могильника входят во вторую хронологическую смежную группу погребального инвентаря могильников мазунинской культуры, где датируются Т.И.Останиной III–V вв. н.э. (Останина Т.И., 1983, с.75). Спиральновитые пронизки встречают аналогии в п.238 Шиповского могильника кара-абызской культуры (Овсянников В.В., 2007, с.149, рис.62-19).

В хронологическую группу IV в. н.э. вошли бронзовый дрот (рис.2–15), бронзовый браслет, концы которого украшены насечками (рис.2–16), зооморфная бронзовая накладка (рис.2–12). Бронзовые дроты обнаружены в памятниках Поволжья и Приуралья в I тыс. н.э. (Винничек В.А., Винничек А.В., 2003, с.64-77; Мухамадиев А.Г., 1984, с.220-221). На территории Среднего Прикамья они встречены в материалах Кудашевского (Казанцева О.А., 2011, с.257), Тарасовского (Голдина Р.Д., 2004, с.66), Тураевского I могильников (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.324). Бусинный материал состоит из бисера, изготовленного из заглашенного зеленого стекла, крупных каменных халцедоновых бус (рис.2–14). Бронзовые браслеты с насечками на концах известны по материалам мазунинских памятников III–IV вв. н.э. (Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, с.69), встречены в п.249 Шиповского могильника (Башкирия) (Овсянников В.В., 2007, с.151, рис.64-11). Зеленый стеклянный бисер (тип 49 по хронологии бус Т.И.Останиной) встречен в смежной хронологической группе III–IV вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.111). Е.М.Алексеева относит рубленый зеленый бисер в причерноморских комплексах вещей к довольно широкому временному отрезку – III в. до н.э. – IV в. н.э. (Алексеева Е.М., 1975, с.72). Но по верхней дате, указанной Е.М. Алексеевой, он согласуется с нашей хронологической группой. К этой группе была отнесена в прежней хронологической схеме бусина из заглашенного белого стекла, но при микроскопическом изучении материала бусины было определено, что это не стекло, а кварц (рис.2–13). Датировка подобных бусин указана выше (Алексеева Е.М., 1975, с.72). Крупные халцедоновые бусы (рис.2–14) характерны для комплексов памятников III–IV вв. н.э., таких как Усть-Сарапульский, Старо-Кабановский (Арматынская О.В., 1986, с.46, рис.5-7; Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, с.69), а в Кудашевском некрополе они отмечены в погребениях IV–V вв. н.э. (Казанцева О.А., 2011, с.7-8; Быкова Н.В., Казанцева О.А., 2012, с.100). Встречены такие бусы и в материалах вятских памятников, например, могильнике Тюм-Тюм (пп.33, 94, 102), где датируются III–IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010). Отмечены халцедоновые изделия в погребальных комплексах Волго-Камья в III–IV вв. н.э., где они существовали довольно короткий хронологический отрезок (Лещинская Н.А., 1995, с.88). Найдены бусы и в материалах Шиповского могильника в пп.90, 93, 110, но размер их меньше (диаметр 1,4-1,5 см), чем в Красноярском I могильнике (Овсянников В.В., 2007, с.133, рис.46-11; с.135, рис.48-9). Зооморфная бронзовая накладка (рис.2–12) не имеет прямых аналогий, но стилистически она близка изображению животного (вид сверху) на поясной пряжке из Охлебининского могильника кара-абызской культуры (Воробьева С.Л., 2012, с.94).

Хронологическая группа IV–V вв. н.э. представлена бронзовыми пронизками-медведями (рис.2–17), трехсоставными бронзовыми пряжками (рис.2–18), бронзовой

гвивной ромбического сечения (рис.2–19). Граненые бронзовые гвивны известны по материалам могильников харинского типа, где датируются не раньше V в. н.э. (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, с.69). Гвивны ромбического сечения входят в хронологическую группу V в. н.э. в Тураевском I могильнике (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.441). Подобные гвивны входят в четвертую хронологическую группу (V в. н.э.) погребальных комплексов памятников Вятского бассейна (Лещинская Н.А., 1995, с. 110, рис. 10–26). Кроме того, в Старо-Кабановском могильнике бронзовые гвивны входят в состав жертвенных комплексов только в IV–V вв. н.э. (Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, с.78). Данная гвивна тоже происходит из жертвенного комплекса и этим подтверждает датировку выделенной хронологической группы. Трехсоставные бронзовые пряжки (рис.2–18) встречаются в коллекциях позднepyаноборских некрополей и датируются не позже IV в. н.э. (Арматынская О.В., 1986, с.44; Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, с.68; Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.437). Появление в этой группе бронзовых пронизок-медведей, типичных для могильников постпьяноборского круга тоже подтверждает датировку этой группы.

Таким образом, хронология, разработанная по материалам Красноярского I могильника позволяет проследить развитие материальной культуры населения, оставившего могильник. Предметы в хронологических группах немногочисленны, что является отличительной чертой гляденовских могильников. В определенной степени схема дополняет хронологические таблицы могильников III–V вв. н.э. Среднего Прикамья, например, трапециевидные бронзовые подвески (рис.2–1) в погребальных комплексах мазунинских могильников встречаются чаще всего со спиральными подвесками (рис.2–11), то есть в III–V вв. н.э. (Останина Т.И., 1983, с.75). Интересны технические детали изготовления некоторых предметов, что отразилось в морфологии вещей, которой они отличаются от изделий пьяноборской археологической культуры. Например, бронзовые овальные застёжки с неподвижным крючком, оформлены вдавлениями по краю, что отличает эти застёжки от типично пьяноборских предметов, которые оформлены полугорошинами.

Специфический комплекс предметов мазунинской культуры в материалах памятника состоит из подвесок-цепочек и спиральновитых пронизок (III–IV вв. н.э.). Обращает на себя внимание отсутствие фибул в комплексах Красноярского I могильника, столь характерных для мазунинской культуры.

Специфические предметы тулвинской группы памятников гляденовской археологической культуры представлены в Красноярском I могильнике предметами пермского звериного стиля: разнообразными зооморфными накладками, подвесками (реалистичными, стилизованными), выполненными в плоской и объемной технике, на которых отмечены образы медведя, волка (рис.1–4; 2–6,12,17). Наличие этих вещей почти во всех хронологических группах демонстрирует непрерывное развитие предметов звериного стиля, истоки которого уходят в ананьинскую культуру.

О датировке памятника. В предыдущей схеме за нижнюю дату памятника был принят II в. н.э. Аргументом для ее пересмотра являются самые ранние вещи на могильнике – бронзовая височная подвеска с напускной стеклянной бусиной и подвеска овальной формы, выполненная из золотой фольги, которые четко датируются I в. н.э., имеют аналогии в погребальных комплексах этого времени Охлебининского могильника. На этом основании эту дату и необходимо принять за нижнюю границу функционирования памятника, именно в этом и состоит изменение данной схемы с момента хронологии материалов (Казанцева О.А., 1995, с.156–165). Верхняя дата могильника определена датирующими вещами – бронзовой гвивной ромбического сечения, пронизками-медведями, время бытования которых в публикациях погребальных комплексов могильников раннего железного века Среднего, Верхнего Прикамья и северо-восточной Башкирии обозначено V в. н.э.

Хронология материалов Красноярского I могильника позволяет рассмотреть вопрос формирования территории памятника. Погребения из ранних хронологических групп: I в. н.э., I–II вв. н.э., II в. н.э., II–III вв. н.э. располагаются в восточной части, а могилы III–IV вв. н.э., IV в. н.э., IV–V вв. н.э. размещаются в западной (поздней) части. Следовательно, вероятнее всего, памятник заполнялся в направлении с востока на запад.

Вопрос о культурной принадлежности памятника не вызывает сомнения. Могильник принадлежал местному – гляденовскому древнему населению Тулвинского поречья (Казанцева О.А., 1995, с.159). Кроме того, на позднем этапе существования памятника в его материалах фиксируются контакты с южными соседями (население кара-абызской, мазунинской культур) Среднего Прикамья в середине I тыс. н.э., что ярко проявляется в изменении погребального инвентаря могильника. Речь идет о предметах вооружения, которые не вошли в комплексы вещей, пригодных для анализа хронологии и, как результат этого, не получили отражения в хронологической шкале. На основании хронологической оценки материалов некрополя и аналогий с предметами погребальных комплексов памятников Среднего Прикамья и северо-восточной Башкирии следует отметить, что Красноярский I могильник датируется I–V вв. н.э. В итоге исследования отметим перспективность разработки единой хронологической шкалы для могильников этой культуры на территории южных районов Пермского Прикамья.

Список источников и литературы

Источники

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): спец. 07.00.06-археология: Дисс. ... канд. ист. наук. Т.1. Уфа, 2012. 291 с.

Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. №11655. 86 л.

Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском и Куединском районе Пермской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. №12210. 215 л.

Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. №13111. 161 л.

Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе в Пермской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. №13798. 61 л.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в среднем и верхнем Прикамье (III в. до н.э. – VI в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. №2269.

Литература

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1985. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа. 34 с.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.Г1-12. М.: Наука.

Арматынская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.26-46.

Бадер О.Н., 1960. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // Уч. зап. ПГУ. Т.ХII. Вып.1. Труды КАЭ. Пермь. С.151-159.

Быкова Н.В., Казанцева О.А., 2012. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып.1(18). С.93-104.

Васкул И.О., 1992. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском северо-востоке. Сыктывкар. Вып.287. 20 с.

Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов. С.64-125.

Винничек В.А., Винничек А.В., 2003. Слитки из цветных металлов как средства платежа на средневековых поселениях Верхнего Посурья и Примокшанья // Записки краеведов. Вып.1. Пенза. С.64-77.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.). Ч.1. Свердловск-Ижевск. 224 с.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука. 240 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск. Вып.12. С.58-87.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме: монография. Ижевск. Т.1. 319 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. 499 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань. 173 с.

Древности восточной Европы. М.: Наука, 1969.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. 326 с.

Зубов С., 2011. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, Germany. 136 с.

Казанцева О.А., 1988. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск. Т.2. С.43-65.

Казанцева О.А., 1989. Исследования в Бардымском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. С.60-62.

Казанцева О.А., 1995. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.156-165.

Казанцева О.А., 2004. Красноярский могильник // Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск: Изд-во «Ижевский полиграфический комбинат». С.21-22.

Казанцева О.А., 2010. Изделия из минералов в коллекции Кудашевского могильника // Десятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С.7,8.

Казанцева О., 2011. Кудашевский могильник - новый источник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba. P.VIII. P.252-259.

Корякова Л.Н., 1981. Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып.15. С.103-112.

Корякова Л.Н., 1998. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т. 240 с.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.88-127.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Уфа. Т.3. С.38-58.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.Д.1-10. 32 с.

Мухамадиев А.Г., 1984. Бронзовые слитки-деньги – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тыс. н.э.) // СА. №3. С.220, 221.

- Овсянников В.В., 2007. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье / В.В.Овсянников, Н.С.Савельев, И.М.Акбулатов, В.Н.Васильев. Уфа: Гилем. 166 с.
- Останина Т.И., 1983. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С.72-79.
- Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск. 327 с.
- Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. Т.13 / Отв. ред. А.Е.Леонтьев. М.: Институт археологии РАН. 212 с.
- Патрушев В.С., 1984. Марийский край VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола. 277 с.
- Поляков Ю.А., 1980. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. Автореф. канд. дисс. М. 18 с.
- Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Уфа. Т.3. С.59-104.
- Пшеничнюк А.Х., 1976. Шиповский комплекс памятников IV в. до н.э. – III в. н.э. // Древности Южного Урала. Уфа. С.61.
- Пшеничнюк А.Х., 1986. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа. С.45-74.
- Пшеничнюк А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.32-61.
- Савельев Н.С., 2007. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем. 260 с.
- Чиндина Л.И., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 256 с.

О ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОГО I ГОРОДИЩА В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ

Одной из ключевых проблем в археологии Урало-Поволжского региона является вопрос преемственности ананьинской и пьяноборской (чегандинской) археологических культур. Но, как бы ни различались взгляды исследователей, он, тем не менее, всегда решался в автохтонном ключе. Разногласия ученых сводились, главным образом, к вопросам хронологической атрибуции чегандинских (раннепьяноборских) комплексов и их содержательному анализу (правомерности выделения здесь нескольких самостоятельных АК, а не единой пьяноборской АК). Схема В.Ф.Генинга, обосновавшего положение об эволюционной смене ананьинской культуры чегандинской в Нижнем Прикамье в III в. до н.э. (1958, с.57-58; 1962, с.37; 1970, с.170-175; 1988, с.28), казалось, прочно закрепились в работах исследователей различных школ, но в дальнейшем была скорректирована В.А.Ивановым и Б.Б.Агеевым. Основанием для пересмотра явилось, прежде всего, отсутствие, по мнению авторов, в правобережных раннечегандинских некрополях (Чеганда II и Ныргында II) убедительно датированных комплексов ранее конца II в. до н.э. Тогда как на Нижней Белой функционирование пьяноборских некрополей выпадает, главным образом, на предшествующий период (Иванов В.А., 1985; Агеев Б.Б., 1976; 1992). Дополнительным аргументом для авторской позиции послужило эвристическое наблюдение С.В.Кузьминых о свертывании в IV в. до н.э. ананьинского очага цветной металлообработки (1983, с.180). Взгляды башкирских ученых сводились к постулированию решающей роли в генезисе пьяноборской культуры среднебельского раннекараабызского населения. По мнению Б.Б.Агеева, безусловным стимулом к развитию для «малочисленных и изолированных» потомков ананьинцев послужила миграция кара-абызцев на Нижнюю Белую и Каму в III–II вв. до н.э. Располагая практически теми же материалами, Б.Б.Агеев тогда же критически пересматривает данные В.Ф.Генинга по ананьинским городищам Нижнего Прикамья и Нижней Белой, утверждая, что большая их часть в пьяноборское время была заброшена, новые же городища основывались на прежде не обжитых местах (Агеев Б.Б., 1992, с.105).

Исследования, проводившиеся в последние два десятилетия, позволяют вновь вернуться к данной проблеме. Тем более что историческая ситуация в Прикамье на грани двух эпох раннего железного века (ананьинской и пьяноборской), с учетом новейших источников, выглядит не столь однозначно. В данной статье были использованы наблюдения автора за особенностями динамики поселенческих структур правобережья Камы в конце I тыс. до н.э., а также за стратиграфией Зуевключевского I городища. Последнее является не только одним из самых крупных в регионе, но еще и изученным достаточно большой площадью (около 8000 кв. м), с использованием самых различных методов (рис.1; Черных Е.М., 2004; 2009).

Раскопки большими площадями целого ряда городищ Среднего и Нижнего Прикамья в 90-х гг. XX в. – первом десятилетии XXI в. дополнили список укрепленных поселений, жизнь на которых началась задолго до формирования чегандинской культуры: это Зуевключевское I, Чеганда II, Вятское (Мошкарское верхнее), Нырғындынские I и II, Сухаревское, Усть-Нечкинское I, Кухтинское, Степановское I. Накопление культурного слоя на них продолжалось в ананьинско-пьяноборское время без каких-либо явных перерывов. На мой взгляд, говорить о «затухании» жизни на камских городищах в конце АКИО (речь в данном случае идет о правобережье) нет оснований. Называть здешнее ананьинское население на позднем этапе «малочисленным и изолированным» не позволяет сам источник. Так, в каракулинской группе памятников (ключевой в этом районе) количество укрепленных поселений в IV–III вв. до н.э. увеличивается с 8 до 14 (Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011, с.55-83). К этому же времени выше по течению Камы оформляется сарапульская группа (5 городищ и около десятка открытых поселений);

строятся укрепленные пункты на территории, где на предыдущем этапе ананьинские объекты вообще не были известны – Усть-Нечкинское, Паздеровское, Степановские городища.

Активно «обживается» ближайшая округа этих центров расселения, обнаруживая характер выраженных скоплений («кустов»). Так, непосредственно в окрестностях Зуевключевского I городища выявлено 7 открытых селищ и 1 городище-убежище (Зуевключевское III). Округа Нырғындинских I и II городищ включала 8 селищ и третье городище (Нырғындинское IV); вблизи Степановских I и II открыто более 1,5 десятков поселений различного ранга (Черных Е.М., 2000, с.12; Карпушкина О.А., Черных Е.М., 2007, с.88-91). Заметим, что речь идет только о выявленных памятниках. Значительная часть изученных разведочными и стационарными работами населенных пунктов была основана еще в финале функционирования АКИО и продолжала существовать в период сложения чегандинской культуры.

Поселения внутри выделенных микрорайонов характеризуются упорядоченностью, избирательной топографической приуроченностью, составом культурных остатков. Это были долговременные крупные и мелкие, сезонные промысловые и производственные поселки, что, безусловно, указывает на организованность социально-экономической жизни оставивших их социумов. Не менее значимо, как представляется, что именно в IV–III вв. до н.э. планировочное пространство городищ дополняется массовыми и разнообразными культовыми артефактами, что придает им функции сакральных центров.

На Зуевключевском I городище для реализации религиозных практик выделяется специальная зона, за пределами его хозяйственно-бытовой части, – святилище (напрашиваются аналогии с Гремячанским поселением и Гляденовским городищем в Пермском Прикамье (Вечтомов А.Д., 1967, с.144-146). Кроме отдельных выразительных по составу находок жертвенников, на нем изучена и большая культовая постройка.

Но вернемся к динамике поселенческих памятников. Количественный анализ поселений неплохо исследованного каракулинского течения Камы выдает следующую тенденцию: культурные слои с маклашеевской и раннеананьинской керамикой отмечены на 10 изученных объектах; поселений с керамическими комплексами V–III вв. до н.э. известно уже около 40. Следовательно, говорить о резком увеличении населения в Удмуртском Прикамье основания имеются, но это явление имело место не в III–II вв. до н.э., а в V–IV вв. А это могло означать лишь то, что приводимая выше динамика была обусловлена спонтанными трансформациями, происходившими в самом ананьинском обществе. Их пик приходится на IV в. до н.э., когда прекращают функционировать известные некрополи – Зуевский, Каракулинский, Котловский, Релка – и разрушаются, как об этом писал С.В.Кузьминых, прежние связи, сформировавшиеся еще в рамках ананьинского очага металлургии и металлообработки (1983). При этом, на крупных ананьинских городищах жизнь, напротив, не замирает. Зуевключевское I городище, изученное к настоящему времени наиболее полно, позволяет более пристально рассмотреть ситуацию в Прикамье на протяжении последних трех столетий существования АКИО.

Культурный слой Зуевключевского I городища накапливался в течение длительного периода, отразив смены разных археологических эпох (Черных Е.М., 2009; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011, с.60-63). С ананьинским временем на памятнике связаны два основных слоя (№6 и №3). Шестой слой (раннеананьинский) зафиксирован на площадке городища не повсеместно, а, главным образом, в северной части мыса. Здесь он сохранился локально, на площади около 1 000 кв.м (общая площадь городища – 33 тыс. кв.м), и его формирование было связано со строительством небольшого поселка, включавшего три наземных жилища и несколько хозяйственных ям (Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986, с.56-57; Черных Е.М., 2009, с.79-80, рис.7; 8). Констатировать связь этого раннего поселения ананьинцев с имеющимися на городище фортификациями пока не представляется возможным. Для деревянной стены, выстроенной с внутренней стороны

вала, имеется радиоуглеродная дата – не позднее середины IV в. до н.э. Но развал стены образовался на зольно-пепельном слое среднего этапа АКИО (Черных Е.М., 2009, с.78, табл.1). Это обстоятельство не позволяет рассматривать ее как самую раннюю в оборонительной системе городища. Сохранившийся внешний вал городища имел не менее семи периодов подновления: накоплению зольно-пепельных слоев на площадке соответствуют три нижних горизонта насыпи вала, еще четыре подсыпки вала были осуществлены уже в послеананьинское время. К тому же, в одном из разрезов вала (2002 г.), под слоем погребенной почвы были обнаружены следы более ранних укреплений, синхронизация которых с поселениями на площадке остается открытой.

Период V–III вв. до н.э., судя по напластованиям третьего слоя, достаточно мощным и насыщенным многочисленными остатками жизнедеятельности, был основным в истории ананьинского городища. Ему соответствуют и активное фортификационное строительство, и устройство крупного поселения с рядовой застройкой многочисленными жилыми, хозяйственными и культовыми сооружениями, и весьма представительные серии вещей и керамики, неплохо коррелируемых с абсолютной датировкой слоя. Мощность зольно-пепельных слоев, залегающих в интервале 20-60 см от современной поверхности, в среднем составляет 0,3 м. Если принять за образец расчеты, предложенные для дьяковских городищ, с близкими к нижекамским по природно-климатическим условиям характеристиками, то слой мощностью 20-30 см, при скорости накопления 1 см за 10-13 лет, мог отложиться за 200-300 лет (Гусаков М.В., 2006, с.40-41). В общих чертах эти цифры близки датировке позднеананьинского слоя городища, полученной традиционным методом, по комплексу вещей, – V–III вв. до н.э. (Черных Е.М., 2009, с.81). Это костяные и медные трехлопастные втульчатые наконечники стрел, железные ножи, бронзовые бляшки, подвески, спиральновитой перстень, глиняные и каменные орнаментированные пряслица, изделия из кости и рога с зооморфными мотивами и т.п. (Черных Е.М., 2009, рис.10). Им соответствует керамика каменноложской и ныргындинской стадий ананьинской КИО (Ашихмина Л.И., 1985, с.11, табл. на с.22).

Зольно-пепельные слои Зуевключевского I городища несут в себе следы как незначительных, так и более «тотальных» перепланировок, что хорошо документируется остатками жилых сооружений, при возведении которых использовались плотные напольные подсыпки из смеси песка и суглинка (Черных Е.М., 2008, с.219-226). Необходимость таких перестроек диктовалась, конечно, не только естественным «сроком жизни» жилищ, но и неблагоприятными внешними факторами, следствием которых, очевидно, являются следы неоднократного разрушения и модернизации напольных укреплений городища, пожаров, а также остатки человеческих захоронений, совершенных в пределах поселения. Одно из таких захоронений – подростка – было изучено вблизи вала. Захоронение совершено в верхней части зольно-пепельного слоя, без инвентаря. Кости имели следы температурного воздействия. Радиоуглеродный возраст костного образца, полученный в ИИМК РАН – 2420 ± 160 лет (Je-7013), с двумя калиброванными датами – 780 BC-390 BC (одна сигма, вероятность 68%) и 900 BC-100 BC (две сигмы, вероятность 95%), как это можно видеть, вполне согласуется с традиционной археологической датировкой вещевого комплекса из слоя (см. выше).

В характере культурных напластований на отдельных участках городищенской площадки наблюдается вариативность (Черных Е.М., 2009, с.81). В северном и северо-западном секторах городища, где зафиксирована наибольшая плотность застройки (рис.1-2), в структуре позднеананьинского слоя выявлены два последовательных горизонта, отличающихся как особенностями заполнителя жилищ, так и характером жилой застройки. В свою очередь, внутри этих горизонтов имеются основания для выделения более узких строительных периодов/ярусов: пока с очевидностью можно говорить об одном (возможно, двух) для нижнего горизонта и 2-х – для верхнего. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что зольно-пепельные слои городища характеризуются длительным и равномерным накоплением (текстура слоев рыхлая, скрыто-слоистая), за

исключением эпизодически зафиксированных следов криогенных деформаций, возникающих, по мнению специалистов, при нарушении режимов увлажнения и температуры. Уровень залегания остатков в нижнем горизонте позднеананьинского слоя приходится на отметки 40-60 см от современной поверхности, в верхнем – 25-45 см.

Морфотипический облик культурного слоя пьяноборской эпохи иной. Чегандинский слой не имеет таких ярко выраженных зольно-пепельных прослоев, как ананьинский. К сожалению, он в значительно большей степени разрушен позднейшей распашкой. Но на тех участках, где удалось зафиксировать его в ненарушенном состоянии, слой представлял собой крупнозернистую темно-серую супесь, насыщенную кусочками сырой и обожженной глины. Остатки жилищ в слое «считываются» по глиняным площадкам очагов и полов. В отличие от ананьинских, в интерьере чегандинских построек, наряду с очагами, имелись и достаточно крупные хозяйственные ямы. Переход от ананьинского слоя к чегандинскому в северной, юго-восточной и центральной частях площадки не носил резко выраженного характера. В южной зоне площадки стратиграфическая ситуация имела несколько иной вид. Здесь были изучены объекты, приуроченные к верхней части зольных слоев и связанные, главным образом, с функционированием позднеананьинского святилища. На ряде участков они были перекрыты слоем «чистого» песка без находок, намеренно принесенного на площадку. Подобное же явление, как мне представляется, зафиксировано при раскопках Дьякова городища в Подмоскovie, исследователи которого склонны видеть в этом определенный ритуальный смысл (Кренке Н.А., 2011, с.29).

Можно допустить, что какой-то очень незначительный перерыв между ананьинским и чегандинским периодом в активной жизнедеятельности на городище все же был. Об этом свидетельствует тонкая (6-8 см) прослойка погребенной почвы в насыпи внешнего вала (Черных Е.М., 2009, с.78, рис.2-1). Впрочем, наличие такой прослойки можно объяснить и временным забрасыванием фортификаций при продолжении жизни в самом поселке. Пьяноборский комплекс датирован по серии весьма выразительных находок – бронзовой застежки с неподвижным крючком, полихромной бусины, накладки типичного карабызского типа, подвесок – уточки и бубенчика, бантиковидной и бабочковидной фибул – с достаточно широким интервалом бытования – II в. до н.э. – V в. н.э. (Черных Е.М., 2009, с.81-82, рис.15). Имеется и абсолютная дата для верхнего слоя городища (по образцу угля из чегандинской производственной ямы) – 1790 ± 120 BP (80-110 AD, 1 сигма с вероятностью 68 %).

Установленные особенности стратиграфии городища и связанных с ним жилищно-хозяйственных объектов, прежде всего, жилищ позднеананьинского и чегандинского периодов, позволяют более детально рассмотреть распределение в них керамики и вещевого инвентаря. Для таких наблюдений и построения хроностратиграфических колонок были использованы два локальных участка – в северном и северо-западном секторах городища (рис.2), где относительная позиция жилых построек надежно определяется, во-первых, по фактам их взаимного перекрывания как в плане, так и в вертикальных разрезах, во-вторых, по особенностям планировки и, в-третьих, по составу керамических и вещевых наборов. Обратимся к полученным схемам.

Первая «колонка» (рис.3) построена на основании материалов из раскопа XVIII в северном секторе городища (кв.ЗИКЛМ/22-26). Самым ранним сооружением в этой части являлось жилище XVIII. Оно зафиксировано по слегка заглубленному в материк основанию прямоугольной формы. Длинная ось жилого сооружения ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры основания 8,76х4,6-5,3 м. Края постройки фиксировались на отметках: верхний – 35 см, нижний – 60 см. Слой, заполняющий периметр постройки, представлял собой плотную супесь серо-коричневого цвета, с линзами золы и растащенными из очагов кусочками обожженной глины. Пол постройки достаточно ровный. В ее границах изучены 3 очага (из них два – основные, на тяжелых глиняных «подушках») и 3 небольших выгребных ямы, заполненных углем и золой. Вблизи очагов

расчищены скопления керамики. Интереснейшей деталью, связанной с данным жилищем, является захоронение младенца, обнаруженное в небольшой ямке под западной стенкой. Характерными признаками сосудов из жилища можно назвать небольшие размеры, невысокие шейки, иногда с округлыми краями венчиков, слабо выраженными «валиками», средне- или сильновыпуклыми плечиками. Орнаментом служил ряд округлых ямок в основании шейки (рис.3–20–21). Другой популярный прием декорировки сосудов – шнур – встречается в виде сдвоенных, строенных, четверных рядов, в сочетании с рядом ямок, нанесенных поверх отпечатков шнура (рис.3–19). Яркими маркерами данного периода можно назвать изделия из кости и рога, выполненные в характерных ананьинских традициях: в данном случае это роговой гребень (рис.3–18). Комплекс может быть синхронизирован со средним горизонтом городища Каменный Лог, датированным VI–V вв. до н.э. (Ашихмина Л.И., 1977, с.142–153), но, скорее всего, не позднее второй половины V в. до н.э.

После прекращения функционирования данного жилища, на его месте были возведены две жилых постройки (или одна, но со следами существенной достройки и перепланировки) – № XIV и XVII. Остатки постройки XVII были прослежены по пятну плотной коричневой супеси (слой №21), залегавшей выше заполнителя жилища XVIII и отделенной от него углистой прослойкой толщиной до 5 см. Постройка имела правильный прямоугольный план, с некоторым заглублением пола в северной половине помещения, размеры 6,3х5,0 м. Уровень фиксации основания постройки – 35–50 см. Ориентировка сооружения иная – с севера на юг. С интерьером жилища были связаны два очага на глиняных вымостках, зольник и вновь, как и в первом случае, захоронение младенца – только уже рядом с очагом. Очевидно, здесь мы имеем свидетельство последнего ритуала, символизировавшего прекращение жизни в доме. К северу от постройки, почти вплотную к ней, изучен массивный очаг с двумя симметрично расположенными очажными канавками, в окружении мощного слоя золы с включениями мелкой гальки. Уровень фиксации объектов – 35–40 см. В отчете по результатам полевых исследований они были обозначены как сооружение XIV. В сооружении найдено большое количество фрагментов керамики, в том числе, в скоплениях, 5 каменных зернотерок типичной ладьевидной формы, миниатюрный сосудик, орнаментированный мелкими ямками по шейке (рис.3–15). Возможно, сооружение представляло собой хозяйственно-бытовой пристрой к жилищу XVII. Облик керамики из обоих объектов в целом несет признаки традиций предшествующего времени, но можно заметить и новые черты – более резкий отгиб шейки, появление воротничка и большую крутизну плечика (рис.3–13,14,17). В обработке кости можно видеть те же типичные для ананьино характеристики (рис.3–12). Следует вообще заметить, что все следы косте- и роогообработки на городище были обнаружены только в сооружениях двух нижних строительных ярусов.

Жилище XVII в западной половине перекрывалось сооружением XIII. Можно констатировать, что в ориентировке жилищ произошли изменения: в этом ярусе они развернуты в направлении СЗ–ЮВ. В то же время слои, заполнявшие оба жилища, практически не отличались. Уровень фиксации жилища XIII – 20–35 см. Размеры основания постройки 11,2х4,4 м. В жилище находились яма и 6 очагов: 4 – в его северной половине и 2 – в южной. В заполняющем слое обнаружено большое количество позднеананьинской керамики, 6 зернотерок, обломки тиглей, точильный камень, обломок глиняного пряслица с прямоугольным асимметричным сечением, сломанная лопатка-тупик, бронзовое височное кольцо. Последнее, втопанное в пол постройки, имело весьма характерную восьмерковидную форму (рис.3–7). Такие подвески известны в погребальных комплексах Зуевского могильника (Древности Камы., 1933, табл.1–28), находящегося в 1,5 км от городища, а также в ряде кара-абызских могильников р.Белой, где датируются IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1967, с.160, табл.1; Воробьева С.Л., 2010, с.48–51). Керамика из жилища не претерпевает изменений, за исключением явно наметившейся тенденции к «вытягиванию» сосудов по вертикали и ослаблению

профилировки (рис.3–8-11). Увеличивается и доля встречаемости сосудов, украшенных рядом ямок. Взятые в совокупности, эти черты характеризуют ныргындинский тип керамики IV–III вв. до н.э. (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, с.80-82; Ашихмина Л.И., 1977, с.154).

Жилище XIII, в свою очередь, было перекрыто чегандинским жилищем XV. От него сохранились только глиняная вымостка пола толщиной 10-15 см, шириной около 5,0 м и длиной более 4,1 м, а также очаги и две хозяйственные ямы, располагавшиеся по центральной оси жилого помещения. Эти черты становятся очень характерными для устройства прикамских жилищ пьяноборской эпохи (Черных Е.М., 2008, с.52-53). Остатки чегандинского жилища залегали непосредственно под дерном, на глубине 15 см, в слое темно-серой крупнозернистой супеси (№2), насыщенной угольками, золой, кусочками обожженной глины. В пределах жилища и, особенно, в границах глинобитной вымостки пола, найдены фрагменты глиняных «лепешек», глиняные бусина (рис.3–1) и обломок статуэтки (рис.3–2), обломки тиглей, каменный отбойник. На полу и в ямах собрана керамика типично чегандинских форм – слабопрофилированные горшковидные сосуды с прямой или слабоотогнутой шейкой, скупо украшенные ямочными вдавлениями круглой, треугольной или ромбической формы, или без них (рис.3–3-5), края венчиков оформлены защепами или вдавлениями.

Аналогичные следы жилищ пьяноборского времени изучены еще на ряде участков городища – жилища XXVII, XXXV. В.Ф.Генинг и Л.И.Ашихмина, публикуя материалы из раскопок начала 1970-х годов, также отмечали неудовлетворительную сохранность жилых построек пьяноборского времени (1986, с.62). Значительные антропогенные разрушения верхнего слоя городища не позволяют и сегодня предложить надежную реконструкцию их облика, а также планировки чегандинско-пьяноборского укрепленного поселка. Но можно уверенно говорить об изменении принципов застройки, существовавших на прежнем этапе.

Во многом аналогичные хроностратиграфические «колонки» выполнены еще для двух соседних участков слоя в северо-западной зоне городища. С незначительными нюансами они демонстрируют те же особенности распределения жилых объектов и находок в культурном слое памятника, что и охарактеризованная выше. Это обстоятельство позволяет представить некую суммированную схему развития материального комплекса городища (рис.4), в которой использованы вещи и сосуды из разных сооружений. В нижней части схемы приводятся находки из сооружений XXXVII и XXXVIII (рис.4–23-34). Жилище XXXVIII было возведено непосредственно на слое пожара, следы которого отмечены еще при раскопках вала. Кстати, это жилище располагалось почти вплотную к внутреннему склону вала, а вот соседнее с ним жилище XXXVII, судя по горизонту залегания, было выстроено чуть позже. Состав находок, как это легко заметить, перекликается с материалами из жилища XVIII: резная кость (рис.4–30,32), нарядные ямочно-шнуровые раппорты на округлобоких сосудах (рис.4–29,31,34). Верхний горизонт позднеананьинского слоя (жилища XXIV, XXVI, XXXIa) «открывается» столь же типичным ассортиментом керамики (рис.4–19-22) и вещей – медными наконечниками стрел (рис.4–14,15), бронзовой парной бляшкой с перемычкой и вертикальной петлей на обороте (рис.4–17). Аналогии данному комплексу хорошо известны по ананьинским материалам, но, судя по комплексам Зуевского могильника, не выходят за пределы IV в. до н.э.

Последний период позднеананьинского строительства на городище представлен на схеме материалами из жилищ I, XXVIII, XXXII. На ранее рассмотренном участке застройки этот период/строительный ярус представлен жилищем XIII. Керамика из жилищ выделяется хорошо сформированными «воротничками», ямочным и ямочно-шнуровым декором (рис.4–9,10,12); особо следует отметить зарождающуюся «моду» на «сдвоенные» ямки. Датирующих вещей немного, но есть и весьма выразительные – медный наконечник стрелы с треугольной головкой, опущенными лопастями и

выступающей втулкой (рис.4–13). В кара-абызских некрополях они отмечены в погребениях III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1993, с.40); в колчаных наборах кочевников-сарматов доживают до рубежа III–II вв. (Куринских О.И., 2011, с.51, рис.5). В постройках верхнего горизонта все более заметными находками становятся глиняные антропоморфные фигурки (рис.4–8,11). Эта традиция будет продолжена и в чегандинское время, но здесь наряду с глиняными антропоморфами и «лепешками» (рис.4–2), появляются еще и скульптурные изображения животных (рис.4–6).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что материалы одного из крупнейших городищ Удмуртского Прикамья не дают оснований для выводов о резкой смене населения при переходе от ананьинской культуры к пьяноборской. Стратиграфия культурных отложений на площадке городища, наряду с выразительным комплексом объектов его материальной культуры, свидетельствуют скорее о плавном, поступательном развитии местных обществ на протяжении V в. до н.э. – рубежа новой эры. О преемственности культурных традиций позволяют судить находки предметов культовой антропоморфной пластики, встречающейся как в позднеананьинских объектах, так и в чегандинском слое, и, особенно, формы керамических сосудов, в приемах украшения которых надолго «задерживается» шнур, но абсолютно господствующими со временем становятся ямочные вдавления различной формы. Материалы Зуевключевского I городища не подтверждают и сложившийся стереотип восприятия горизонтального пояса ямок как хронологического индикатора пьяноборской посуды. Статистические подсчеты дают для сооружений нижнего яруса позднеананьинского слоя 23,9% сосудов, украшенных только рядом ямок (Устинуна А.Е., 2005, с.46). Уместно также напомнить, что традиция декорирования камской посуды рядом ямочных вдавлений по горлу была известна еще в маклашеевское время (Халиков А.Х., 1980, с.39) и сохранялась в Прикамье практически до позднего железного века. Нет оснований говорить и о резкой смене характера глиняного начина, пропорций сосудов, техники нанесения ямочных вдавлений.

За незначительными перерывами в застройке городища на протяжении второй половины I тыс. до н.э. вовсе необязательно следует видеть смену населения, тем более что собственно «классические ананьинские» материалы городища, как это следует из его стратиграфии и планиграфии, дают хорошо видимые следы неоднократных перестроек и перепланировок жилой застройки. Так что объяснение хронологической лакуны в погребальных комплексах III–II вв. до н.э., может оказаться скрытым в каких-то иных явлениях прошлой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б., 1976. К хронологии могильника Чеганда II // СА. №3.
- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа. 140 с.
- Ашихмина Л.И., 1985. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Сыктывкар. 26 с.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар. С.54–69.
- Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Учен. зап. ПГУ. Пермь. №148. С.133–155.
- Воробьева С.Л., 2010. К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Уфа. С.48–51.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск. 192 с.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Свердловск; Ижевск. Вып.10. 224 с.

- Генинг В.Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып.4. С.5-52.
- Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М. 240 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2011. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.18. Ижевск. 168 с.
- Гусаков М.В., 2006. К вопросу об образовании культурного слоя на городищах дьяковской культуры // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конф. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИИ-Природа. С.36-44.
- Древности Камы., 1933. Древности Камы по раскопкам А.А.Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Л. Вып.2. 27 с.: ил.
- Иванов В.А., 1985. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. С.85-99.
- Карпушкина О.А., Черных Е.М., 2007. Новые данные о системе расселения в удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всерос. науч. конф. Сыктывкар. С.88-91.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.: ил.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: медь и бронза. М.: Наука. 258 с.
- Куриных О.И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с.Покровка) // РА. №3. С.42-54.
- Пшеничнюк А.Х., 1967. О периодизации кара-абызских памятников // Учен. зап. ПГУ. Пермь. №148. С.156-170.
- Пшеничнюк А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.32-61.
- Устинина А.Е., 2005. Посуда ананьинского времени удмуртского Прикамья (на материалах Зуевключевского I городища): Дипломная работа. Ижевск// Архив ИИКНП. Ф.1 Д.622. 58 с.: ил.
- Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура / САИ. М.: Наука. Вып.В1-24. 128 с.
- Черных Е.М., 2000. Степановское городище - новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Ижевск. Вып.1. 30 с.
- Черных Е.М., 2004. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: УдНИИ УрО РАН. С.113-131.
- Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета. 272 с.
- Черных Е.М., 2009. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника): Серия «Археология евразийских степей». Елабуга. Вып.8. С.76-97.

Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.)

Археологическая карта бассейна р.Вятки в I – начале II тыс. н.э. представлена 25 погребальными памятниками (рис.1). Хорошо документированные материалы 14 вятских некрополей использованы в данной работе для хронологического анализа. Это памятники пьяноборского времени: могильники Кордон, Тюм-Тюмский, Уржумский, Азелинский, Суворовский, Худяковский, Ошкинский, Первомайский, Вичмарский, Городищенский; могильники раннего средневековья: Тат-Боярский, Концовский и развитого средневековья: Кочергинский, Юмский. Кроме того в работу были введены материалы Мари-Луговского могильника IV-V вв., расположенного на периферии (левобережье марийского течения р.Волги) распространения памятников азелинского типа. Для периода второй половины I – нач. II тыс. н.э. были использованы также материалы ветлужских Веселовского и Черемисское кладбище могильников, комплексы которых близки стилистически вятским Юмскому, Кочергинскому некрополям.

Большинство известных до 70-х гг. могильников чаще всего связывалось с пьяноборским кругом памятников. Поэтому проблема датировки отдельных погребений и могильников в целом тесно переплеталась с общей проблемой периодизации пьяноборской эпохи в Приуралье.

В публикации 1933 г. «Материалы по археологии Камы» проводилась точка зрения на существование пьяноборского периода с III в. до н.э. до V в. н.э. в 3-х основных этапах: 1-й – III в. до н.э. – I в. н.э.; 2-й – I–III вв. н.э. (куда был включен Воробьевский могильник) и 3-й – III–V вв. н.э. (среди ряда могильников упомянуты Мари-Луговской, Вичмарский, Атамановы Кости (Древности Камы..., 1933, с.16). Наиболее значительные исследования по вятским памятникам в начале 30-х гг. были осуществлены М.Г.Худяковым. Погребальные комплексы первой половины I тыс. н. э. он связывал с развитием пьяноборской культуры (в двух ее стадиях – собственно пьяноборской и атамановской), верхний рубеж которой доводил до IV–V вв. н.э. Именно к этому времени он относил Сунцевский могильник и материалы первых раскопок Мари-Луговского, Вичмарского и Азелинского могильников (Худяков М.Г., 1933). Тем самым автор включал в пьяноборскую эпоху и памятники «эпохи великого переселения народов» и расширял территориальные рамки пьяноборской культуры, включая в них р.Вятку с ее притоками.

Основные выводы М.Г.Худякова в дальнейшем поддерживал в своих работах А.П.Смирнов. Придерживаясь точки зрения, что пьяноборская культура существовала до V в. н.э., автор в ряде статей по-разному оценивал датировку вятских могильников (1949; 1961, с.102, 103, 125-127; 1949а, с.63-80). Для последних публикаций А.П.Смирнова характерно отнесение могильников типа Воробьевского и Атамановы Кости ко 2-му этапу пьяноборья (I–III вв. н. э.), а комплексы Вичмарского, Азелинского, Суворовского, Мари-Луговского могильников к 3-му этапу (IV–V вв. н.э.). Отдельные же вещи Азелинского и Суворовского могильников А.П.Смирнов считал возможным датировать VI–VII вв. н.э. (1964, с.243).

В.Ф.Генинг, сравнив исследованные им Азелинский и Суворовский могильники с близкими памятниками Волго-Вятского междуречья, выделил их в особую азелинскую культуру III–V вв. н.э., считая ее результатом проникновения чегандинского населения на Вятку [8]. Позднее при анализе хронологии поясной гарнитуры Прикамья I тыс. н.э. В.Ф.Генинг наиболее вероятной датой могильников считал III–IV вв. н.э. (1979, с.99).

В хронологической схеме А.К.Амброза азелинская культура развивается в 2-х этапах: VI в. н.э. (могильники Суворовский, Мари-Луговской) и VII в. н.э. (отдельные

погребения Суворовского и Азелинского могильников (1971, с.106-107).

Конец I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э. представлены в Вятском бассейне могильниками Юмским, Кочергинским, Лопьяльским и др. Большинство исследователей памятники отнесены к IX–XI вв. н.э. (Архипов Г.А., 1973).

В конце 80-х – начале 90-х гг. Р.Д.Голдиной предложена схема развития археологических культур Прикамья, в которой материалы Вятского бассейна I тыс. н.э. представлены в 3-х последовательно сменяющихся археологических культурах: худяковской (III в. до н.э. – V в. н.э., вятский вариант пьяноборья); еманаевской (VI–IX вв. н.э.) и кочергинской (X–XIII вв. н.э.) (1987, с.13-14, 22-23, 28).

Даже беглый обзор работ выявляет различия в хронологической оценке вятских древностей, что затрудняет определение основных этапов развития материала, соотношение его с социально-этнической, исторической динамикой развития древнепермских групп бассейна р.Вятки. В данной статье предпринята попытка создания единой хронологической шкалы для погребальных комплексов I – начала II тыс. н.э. В работе учтены результаты предшествующих исследований, новые источники, заполнившие временные лакуны I-II и VI-VIII вв. н.э.; введенные в последнее время в научный оборот материалы исследований нижекамских и поволжских могильников азелинского типа, раннесредневековых некрополей (Старостин П.Н., 2002, 2009; Никитина Т.Б., 1999; Ошибкина С.В., 2010). В работе исследован материал 17 могильников конца I–XI вв. н.э. Для хронологического анализа использовались металлические украшения костюма из 219 четко зафиксированных погребальных комплексов на основе дробной типологии материала, учитывающей 417 типов вещей. Работа осуществлялась путем создания корреляционных плеяд на основе анализа взаимовстречаемости типов вещей в закрытых комплексах и выявления хроноиндикаторов. При хронологической оценке выявленных плеяд учитывались современные разработки в области хронологии позднесарматских древностей (М.Г.Мошковой, В.Ю.Малашева и др.), материалов центральных районов Восточной Европы (А.М.Обломского, Р.В.Терпиловского, И.Р.Ахмедова, И.В.Белоцерковской и др.), поясной гарнитуры I тыс. н.э. (И.П.Засецкой, И.О.Гавритухина, А.В.Комара, М.М.Казанского и др.).

В итоге исследования в развитии вятского материала I - начала II тыс. н.э. было выявлено существование 11 самостоятельных хронологических групп и ряда смежных.

Первая группа (конец I – II вв. н.э.) представлена 25 типами вещей из 11 погребений (Первомайский могильник: пп.42, 49, 73, 45, 12; Ошкинский могильник: пп.28, 25, 22, 26, 23; Городищенский могильник: п.2).

Группа в целом характеризуется сохранением в облике материальной культуры традиций ананьинско-раннепьяноборского времени. Чаше всего погребения в этой хронологической группе сопряжены находками многозвеньевых бляшек (рис.3 - 5, 6), крупных эполетообразных застёжек (рис.2 - 12). Встречаются застёжки с неподвижным крючком: кольцевые (рис.2 - 1-3), с обоймицей (рис.2 - 5), с вытянутой прямоугольной пластиной (рис.2 - 6); шейные небольшие подвески (рис.3 – 1-4); спиральновитые из широкой пластины перстни (рис.3 - 10), крупные умбоновидные бляхи (рис.4 - 16), перстни с орнаментированным щитком в вертикальной проекции (рис.3 – 8,9). В целом комплекс имеет широкие аналогии в раннепьяноборских (чегандинских) древностях Камско-Бельского междуречья, кара-абызских материалах рубежа эр. Эти параллели усиливают и одиночные находки в вятских погребальных комплексах хронологической группы: ажурно-прорезная подвеска (рис.3 - 14), пластинчатая застёжка с неподвижным крючком (рис.2 - 10), сюльгама с «кусамы-трубочками» (рис.3 - 13), бляха-застёжка (рис.3 - 16), браслет с обмоткой (рис.3 - 15) и другие. Однако, сопоставляя хронологические наблюдения над эволюцией чегандинских материалов (Генинг В.Ф., 1970; Пшеничнюк

А.Х., 1986, 1986а; Агеев Б.Б., 1992; Голдина Р.Д., 2003), кара-абызских древностей (Пшеничнюк А.Х., 1968; Овсянников В.В., Савельев Н.С. и др., 2007; Воробьева С.Л., 2011), наиболее убедительной датой для вятского комплекса можно считать II в. н.э. Здесь нет такого разнообразия типов застежек с неподвижным крючком, крупные эполетообразные застежки с круглой бляхой и многочисленными жгутами – переходный тип между ранними застежками подтреугольных пропорций и стандартным типом застежки прямоугольной формы с овальной бляхой и широкими жгутами, которые встречаются уже с трехсоставными пряжками не ранее III в.

Вместе с тем в первой хронологической группе более ранний облик имеет комплекс п.49 Первомайского могильника: эполетообразная застежка треугольной формы, с круглой бляхой и четырьмя жгутами (рис.2 - 11), ажурно-прорезная бляха-накладка (рис.2 - 9) и крупная ромбическая накладка (рис.2 - 7). Подобную эполетообразную застежку Б.Б.Агеев на могильнике Чеганда II относил к хронологической группе В – I в. н.э. (Агеев Б.Б., 1992, с.62-63); Т.А.Лаптева при анализе эполетообразных застежек Прикамья – к I в. до н.э. – I в. н.э. (Лаптева Т.А., 1995, с.131). Ромбические накладки с петельным креплением наиболее часто встречаются в кара-абызских комплексах II в. до н.э. – II в. н.э. (Воробьева С.Л., 2011). Возможно к рубежу I–II вв. н.э. можно отнести и п.42 Первомайского могильника, где в комплексе встречены височная подвеска в виде знака вопроса с литым стержнем (рис.2 - 8), подобная зафиксирована на Биктимировском кара-абызском могильнике II в. до н.э. – II в. н.э. (Воробьева С.Л., 2011, рис.19 - 12), и восьмеркообразная застежка с неподвижным крючком (рис.2 - 4), по мнению некоторых исследователей, в чегандинских памятниках более характерна для II–I вв. до н.э. (Агеев Б.Б., 1992, с.56, 62). Нахождение вместе с ними в погребении умбоновидных бляшек (рис.3 - 11), кольцевой застежки (рис.2 - 3) подтягивают в целом комплекс к группе II в. Реальность даты рубежа I–II вв. для закрытых комплексов вятских могильников поддерживается и находкой в п.35 Первомайского могильника очковидной сюльгамы с миндалевидной рамкой (рис.2 - 13). Наиболее полная сводка этих изделий была составлена С.Э.Зубовым (Зубов С.Э., 2011, рис.62) с возможной датировкой памятников или комплексов из которых они происходят – I–II вв. н.э. (Зубов С.Э., 2011, с.70, 71, 84, 85).

Во II в. формируется серия изделий, широко распространенная вплоть до начала III в.: это мелкие полусферические бляшки – элемент чаще всего головного убора, витые из бронзовой проволоки перстни (рис.4 - 12), бронзовые бусины (рис.4 - 15), височные подвески в виде знака вопроса с конической витой трубицей (рис.4 - 17) и нагрудные литые пластины с прорезной, шнуrowой орнаментацией.

Вторая хронологическая группа (конец II – начало III в.) объединяет небольшую группу погребений (Ошкинский могильник: пп. 6, 11, 12, 16, 17, 30, 31; Первомайский могильник: пп.20, 32) с 10 типами вещей. Группа слабо сопряжена внутренне, т.к. представлена комбинацией единичных находок, но проявляет устойчивую взаимосвязь с группами II и III вв. Особое положение группы в хронологической схеме определяется сохранением в облике инвентаря традиций предшествующего времени: это застежки-сюльгамы (рис.4 – 7,8), бляшки со сдвоенными и строенными овалами (рис.4 – 1-3) близкие в конструктивном и стилистическом решении изделиям Тарасовского могильника из комплексов II в. с находками плоских бляшек, застежек с неподвижным крючком, сапожковидными пронизками (Голдина Р.Д., 2003, табл.531, 562, 582). Вместе с тем, в погребальных костюмных комплексах этой группы появляются предметы, бытование которых приходится на III в.: крупные бляхи-застежки с рельефными концентрическими валиками, шейные подвески со спиралевидной орнаментацией. Впервые встречаются эполетообразные застежки стандартной подпрямоугольной формы (рис.19В - 13), массовое использование которых приходится на III–IV вв.; лучковая подвязная фибула (Ошкинский могильник, п.31), появляющиеся в Прикамье не ранее первой половины III в. (Лещинская Н.А., 2010, с.134-136, рис.1, 3, 4). К началу III в. можно отнести и

флаконовидную пронизку (рис.4 - 9), в материалах Тарасовского могильника характерная для раннемазунинских комплексов (Голдина Р.Д., 2003). Сочетание стилистических традиций II и III вв. проявилось в нагрудной бляхе (рис.4 - 10): с одной стороны это крупная литая пластина, характерная для изделий II в., с другой – изображенные на ней кони – точная копия коньковых подвесок III в. (рис.9 – 9,10). Крупная литая колесовидная подвеска (рис.4 - 11) возможно является орнаментально усложненным более поздним вариантом застежек из комплексов II в. Тарасовского могильника (Голдина Р.Д., 2003, табл.528-11).

Третья хронологическая группа (III в.) содержит 28 погребений из 4-х могильников (Ошкинский могильник: пп.1, 3, 4, 9, 14, 27; Кордон могильник: пп.3, 4, 10, 12; Худяковский могильник: пп.1, 14, 26, 28, 46, 53, 56, 72, 78, 84, 87, 88, 100, 102, 106, 112; Первомайский могильник: пп.1, 16) с 35 типами погребальной бронзовой пластики.

Характерной особенностью этого периода является формирование принципиально нового облика ременной гарнитуры, которая складывается в поясных, обувных, частично в сбруйных и портупейных наборах. Основными структурными элементами теперь чаще выступают рамчатые, трехсоставные пряжки, накладки, наконечники ремней. Конструктивно-орнаментальная стилистика изделий позволяет наметить несколько групп ременных наборов.

I группа: уздечный набор, входящий в жертвенный комплекс мужского погребения 14 Ошкинского могильника (Лещинская Н.А., 2000, рис.13-15), представлен трехсоставными пряжками с округлой рамкой, слегка утолщенной в передней части, простым язычком, удлинненным прямоугольным щитком без фасетировки (рис.5 – 9,11-13). В набор входили двухчастные накладки – наконечники с прямоугольной формой зажима и подвески (рис.5 – 14-17). Характерная особенность комплекса (отсутствие фасетировки, прямоугольная форма щитков пряжек, наконечников) сближает его с позднесарматскими изделиями с территории Северного Кавказа, Нижнего Дона, выделенными В.Ю.Малашевым в группу I в хронологических рамках середина – вторая половина II в. с некоторым захождением в первую половину III в. (Малашев В.Ю., 2000, с.198-199, 209, рис.2, 3). Для вятских экземпляров более вероятна дата III в., учитывая утолщенность передней части рамок пряжек – прием, который по наблюдению В.Ю.Малашева в позднесарматском мире начинает проявляться с первой половины III в. (Малашев В.Ю., 2000, с.209). Определенную хронологическую нагрузку несут и другие изделия из жертвенного набора п.14 Ошкинского могильника. Оригинальны двусоставные удила со стержневидными бронзовыми псалиями плоского сечения, с прорезными кольцами на концах, украшенные треугольным выступом во внутреннем поле (рис.5 - 28). Удила со стержневидными псалиями достаточно частая находка в раннепьяноборских памятниках Камско-Бельского междуречья (Агеев Б.Б., 1992, с.49, табл.14). Однако, по конструктивным особенностям (овальное расширение или кольцо на концах псалий) ближе к ошкинскому изделию псалии из андреевско-писеральской группы памятников, датировки которых разными авторами варьируют от I до III вв. н.э. (Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009, с.42, 51, рис.22-5,7; 29-26; Халиков А.Х., 1962, табл.XXIV-11,12). Принцип использования элемента диска, кольца в конструкции псалий зафиксирован в верхнедонском Вязовском могильнике, по предположению А.П.Медведева, относящемуся к первым десятилетиям II – середине III вв. н.э. (Медведев А.П., 1990, с.152, 167, рис.45-4). В целом, наибольшая концентрация находок удил с такими псалиями исследователями отмечается для памятников сарматского времени Дона, Нижней Волги, Северного Кавказа, Крыма в хронологический период от второй половины I в. до н.э. – начала II в. н.э. (Akhmedov I.R., 2001, p.363-364, fig.1:1-2), захватывая и конец III – IV в. н.э. (Малашев В.Ю., 2008, с.270). Самые же ближайшие аналогии ошкинскому комплексу есть в находках уздечного набора из Таутовского могильника (р.Чулуй-Щирма, правобережье р.Суры). Н.С.Мясников, Е.Л.Ефимов датируют комплекс II – началом IV в. н.э. (2009, с.106-108, рис.2, 3). Однако, его отличительные особенности: элементы фасетирования,

овальные расширения концов подвесок двухчастных накладок, прямоугольные накладки со срезанными гранями, формируются по разработкам В.Ю.Малашева во второй половине III в., а в отдельных комплексах (Байрамгулово, курган 2, п.2) могут доживать и до IV в. (Малашев В.Ю., 2000, с.200, 207, рис.2-Н5, рис.6-Д; 7-А). В сравнении, комплекс п.14 Ошкинского могильника, содержащего лучковую одночленную фибулу, можно датировать III в. н.э., скорее всего серединой III в. Из степного пояса Волго-Донского междуречья позднесарматского времени вятский уздечный комплекс проявляет достаточную близость с уздечным набором кургана 60 нижневолжского могильника Старица (пряжки, наконечники, бляхи, элементы удила), характерным для второй половины II – первой половины III в. н.э. (Кривошеев М.В., 2005, с.69, 72, рис.2Б).

Безусловным хронологическим индикатором выступает находка в Ошкинском погребении фрагмента лучковой фибулы, судя по находкам целых экземпляров на могильнике (рис.8 - 12), относящаяся к лучковым одночленным фибулам, которые в соответствии с устоявшимися типологическими схемами близки группе 15, серии I, вариантам 4-5 по А.К.Амброзу (1966, с.47-51). В целом, основные признаки и хроноиндикаторы I группы ременных наборов указывают скорее на начало и середину III в.

II группа ременных наборов включает трехсоставные, преимущественно бронзовые, пряжки с овальной рамкой, уплощенной (подпрямоугольной) в сечении, с простым язычком, прогнутым иногда в средней части и прямоугольным щитком. Особенность стилистического решения орнамента изделий – развитые формы фасетирования рамки и щитка. Внутри этой группы пряжек по особенностям щитка можно выделить вариант а: пряжки, чаще поясные, имеют массивный прямоугольный щиток, на отдельных экземплярах намечается вогнутость боковых стенок (рис.7 – 19,21,23). Как правило, в комплексе с такими изделиями идут одночленные прямоугольные накладки с фасетированием (рис.7 – 1-8). Вариант б – это обувные пряжки с длинным прямоугольным, часто изогнутым в профиле щитком (рис.7 – 17,18,22). Подобные пряжки всегда сочетаются или с двухчленными фасетированными накладками – наконечниками, попарно крепящимися на концах ремешков, со свободной подвеской (рис.7 – 11-15), или с наборными наконечниками, жестко фиксируемыми на концах штифтами (рис.7 - 16). Изделия обоих вариантов могут встречаться в одних комплексах (Ошкинский могильник, пп.3, 4; Лещинская Н.А., 2000, рис.4, 5), что указывает на их одновременность.

Хронологическим индикатором в целом для ременных наборов II группы выступает развитая стилистика фасетирования, которая не могла сформироваться ранее времени распространения этого стиля на сарматских пряжках и наконечниках Венгерской низменности в последней четверти II – первой трети III в. (Вадаи А.Х., Кульчар В., 1984, с.256-258) и степных образцов с территории Нижнего Дона, Северного Причерноморья, Крыма, Поволжья первой половины III в. (Малашев В.Ю., 2000, с.199-200, 208-209). В вятских комплексах с подобной ременной гарнитурой встречаются лучковые одночленные фибулы (Лещинская Н.А., 2000, рис.2), в погребениях Тарасовского могильника (пп.36, 307, 497) – привозные провинциально-римские фибулы – броши с эмалью (Голдина Р.Д., 2003, табл.14, 134, 135, 214; Лещинская Н.А., 2010, с.137, рис.5). Круглые броши с эмалью, судя по сводкам А.К.Амброза, чаще встречались в причерноморских, кавказских памятниках II–III вв. (1966, с.32). Шестиугольная фибула – брошь из п.36 Тарасовского могильника близка находке из позднесарматского нижневолжского Суловского кургана 6, которую А.С.Скрипкин датировал второй половиной II – началом III в. (Скрипкин А.С., 1977, с.117, рис.6-25).

В единичных случаях (Худяковский могильник, п.881) обувные пряжки изготавливались из железа и, судя по набору накладок, которые их сопровождают, они занимали более позднюю хронологическую позицию: рубежа III–IV вв.

Группа III ременных наборов. Вместе с железными обувными пряжками из п.88 Худяковского могильника в одном жертвенном комплексе находились цельнолитые обувные пряжки с длинным прямоугольным, изогнутым в профиле, щитком;

прямоугольной рамкой, уплощенной в сечении, по ширине равной или слегка превышающей ширину щитка. Щиток орнаментирован продольными сглаженными рельефными линиями (рис.7 - 20). Стилистика вятских изделий чрезвычайно близка сарматским пряжкам с территории Венгрии, по классификации А.Х.Вадаи и В.Кульчар, одночленным пряжкам первой группы, типа I (Вадаи А.Х., Кульчар В., 1984, с.246, 247, рис.1-15) последней четверти II – первой половины III в. Вятские экземпляры, явно появившиеся не ранее середины III в., использовались длительное время, судя по следам ремонта. На это указывает и положение п.88 Худяковского могильника в корреляционной таблице в конце III, возможно начале IV в.

Группа IV ременных наборов включает трехсоставные бронзовые пряжки (функциональное назначение не ясно) с узкой, тонкой, вытянутой прямоугольной пластиной – щитком; округлой рамкой с овальным или полуовальным сечением, слегка утолщенной в передней части и спрямленной в задней части; язычок с небольшим уступом, слегка прогнут. Щиток и язычок орнаментированы насечками и гравировкой (рис.6 – 1,2). Положение этих пряжек в хронологической группе III в. объясняется наличием комплекса таких признаков как утолщенность и спрямленность рамки, уступ на язычке, наиболее характерных, по мнению В.Ю.Малашева, для пряжек второй половины III в. в материалах юга Восточной Европы (Малашев В.Ю., 2000, с.209). В вятских погребальных комплексах с такими пряжками встречаются поясные накладки из согнутой пластины простой прямоугольной формы или фасетированной пластины с зубчатой орнаментацией (рис.6 – 3,12,13). Сочетания таких накладок в одном поясе, особенно характерно для Худяковского могильника. При этом накладки с зубчатым оформлением отличаются от более поздних вариантов этого типа большей шириной пластины и разряженностью орнаментального поля (рис.6 – 12,13). Кроме того, в комплексах встречаются шейные подвески, эволюция развития которых приходится на II–III вв.

Группа V ременных наборов представлена бронзовыми трехсоставными пряжками с коротким подпрямоугольным щитком, сужающимся к концу. Чаще использовались в обувных наборах. Одним из вариантов развития этого типа пряжек являются образцы (рис.6 – 10,11), имеющие уплощенную в сечении рамку, язычок с уступом, фасетирование рамки и язычка – признаки сближающие эти изделия с пряжками группы IIa (рис.7 – 19,21,23). Вместе с тем фасетирование щитка пряжек имитируется загнутыми гранями продольных стенок, прием, имеющий более позднюю, чем развитое фасетирование, хронологическую окраску, но вряд ли выходящий за пределы второй половины III в. Не противоречит этой дате и комплекс сопровождающих накладок: сочетание накладок из согнутой пластины с колечками-привесками (рис.6 - 3) с более ранними (первая половина, середина III в.) одночастными штифтовыми накладками (рис.7 – 1-8).

В другом варианте этого типа пряжек появляется простой неорнаментированный щиток из согнутой пополам тонкой пластины, округлая рамка, утолщенная спереди и короткий прогнутый язычок с уступом и элементами фасетировки (рис.6 - 14). Пряжки входили в обувной набор вместе с двухчастными наконечниками ремней. Последние имели небольшую каплевидную основу и длинную массивную фасетированную привеску с овальным расширением на конце (рис.6 - 15), которое на позднесарматских образцах появляется со второй половины III в. (Малашев В.Ю., 2000, с.210).

Группу VI ременных комплектов составляют трехсоставные бронзовые пряжки с коротким сужающимся щитком и округлым выступом на конце. Рамка изделий овальная, утолщенная спереди, язычок простой или с уступом, слегка провисающий. Щиток, иногда язычок, имеют явное или сглаженное фасетирование (рис.6 – 6,9). В единичном случае пряжка выполнена из железа.

Пряжки с использованием овала в конструкции щитка особенно характерны для могильников азелинского типа Вятки и Нижней Камы, при этом их морфологическое разнообразие – результат не только эволюции формы, но и наличия как привозных типов, так и их местных подражаний. Возможно к импортным образцам можно отнести изделия

из п.117 Рождественского V могильника: трехсоставные бронзовые пряжки с овальным расширением отличались от большинства вятских изделий узким вытянутым щитком, богатой орнаментацией из фасеток, насечек, гравировки, наличием выступов-площадок на язычке и в центре щитка. Пряжки входили в богатый погребальный воинский комплекс, сопровождаемый останками двух коней (Старостин П.Н., 2009, рис.24). Высокий процент в нижнекамском ареале азелинских памятников захоронений с конем, ярко выраженная воинская субкультура, импортная продукция, курганная насыпь на Усть-Брыскинском могильнике дает основание говорить о включении в финно-пермскую среду Нижнего Прикамья пришлой группы (Лещинская Н.А., 2009, с.115-116). Возможное время этого события – конец III – начало IV в. В частности рельефные выступы на пряжках Рождественского V могильника – признак, распространяющийся на ременных гарнитурах от западных районов Причерноморья до Приуралья, по мнению В.Ю.Малашева, не ранее второй половины III в. (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, с.55). К рубежу III-IV вв. можно отнести и комплекс пряжек из п.78 Худяковского могильника (рис.6 – 6,9). Морфология пряжек явно указывает на их местное изготовление. Находки вместе с ними наборных фасетированных наконечников ремней (рис.6 - 5), одночленных накладок (рис.6 - 4) больше указывает на III в. Однако появляются наконечники ремней вытянутой подпрямоугольной формы с овальным расширением на концах, крепящиеся к ремню в верхней части при помощи штифтов и дополнительной пластины с внутренней стороны (рис.6 - 7). Основная масса их на вятских памятниках функционирует в первой половине IV в.

Помимо описанных ременных наборов в женских погребениях III в. часто встречаются пояса с эполетообразной застежкой и широким кожаным ремнем, украшенным бронзовыми пронизями, скрепленными различными вариантами обойм (рис.9 – 13,14). Узкие ремешки из пронизок и обоймочек использовались и как налобные венчики. Продолжают встречаться височные подвески в виде знака вопроса с витой конической трубицей с тенденцией к удлинению стержня и внутренней фиксации с помощью деревянной основы (рис.8 – 7,8). Только на рубеже III-IV вв. появляется новый вариант височных подвесок: с коротким прямым стержнем (рис.8 – 4-6). Эволюционным развитием перстней с крупным вертикальным щитком (рис.2 – 8,9) стали перстни с прямоугольным щитком в горизонтальной проекции, украшенные рельефными орнаментированными валиками (рис.8 – 1,2,9). К новым элементам костюмных комплексов можно отнести плоские коньковые подвески (рис.9 – 9,10) в орнаментальной стилистике изображений на бляхах II в. (рис.4 - 10), пронизи с подвесками (рис.9 – 2-7), наколенные бляхи из обувных наборов (рис.9 – 1,8), пластинчатые браслеты (рис.8 – 16,18). Формируется ранний вариант съемного нагрудника: тонкие прямоугольные бронзовые пластины, украшенные точечным орнаментом в технике пуансон, иногда с изображением коней, нашивались на тканевую, кожаную основу и носились с помощью кожаного ремешка (рис.9 – 11,12).

На датировку группы в целом III в. указывают и как частые находки изделий из смежной хронологической группы II-III вв., так и единичные находки раннего облика: застежка с неподвижным крючком (рис.8 - 13) и круглая застежка с треугольным сечением (рис.8 - 15), которая близка изделиям Тарасовского могильника из комплексов II в. (Голдина Р.Д., 2003, табл.535, 560) или рубежа II-III вв. (Голдина Р.Д., 2003, табл.564).

Четвертая хронологическая группа (IV в., возможно без последней четверти) представлена 68 типами вещей из 55 погребений (Худяковский могильник: п.15; Первомайский могильник: пп.1, 7, 19, 31, 56; Азелинский могильник: пп.1, 3, 5, 6, 10, 11, 12, 16, 20; Суворовский могильник: пп.1, 3, 5, 7, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 23, 26, 28, 29, 30, 31; Тюм-Тюмский могильник: пп. 33, 35, 36, 39, 41, 45; 55, 58, 60, 71, 87, 94, 105, 132, 134; Мари-Луговской могильник: пп.8а, 11, 13а, 14, 24, 36, 39, 40, 60). Это наиболее интенсивный хронологический период в развитии вятского пьяноборья, на который

приходится большая часть Азелинского, Суворовского могильников, начинают активно заполняться площадки Тюм-Тюмского, Мари-Луговского некрополей.

Формируется выразительный облик ременной гарнитуры. Для мужского поясного набора наиболее характерны массивные пряжки с прямоугольным щитком, имеющим вогнутые продольные стороны (рис.10 – 1,2,5,12,13). Реже встречаются пряжки с прямоугольным щитком, одинаковым по ширине (рис.10 – 7,8). Рамки пряжек овальной или В-образной формы имеют подпрямоугольное, реже округлое сечение, короткий массивный фасетированный язычок, с невысоким выступом-площадкой у основания, или простой - ненависающий. Щитки пряжек чаще фасетированы по граням, иногда имеют 2 или 4 округлых выступа по краям. Орнаментальные композиции дополнялись декоративными валиками, насечками, зонами сетчатой гравировки. Насечки, гравировка и фасетки иногда встречаются на рамках и язычках изделий. В поясной ансамбль с пряжками входили крупные наконечники ремней из согнутых пополам пластин с вогнутыми сторонами и штифтовым креплением, неорнаментированные или оформленные в стилистике пряжек (рис.10 – 3,6,9,11). Ремень украшался накладками из согнутой пополам пластины с рельефно-геометрическим оформлением внешних пластин и привесками колечками (рис.12 – 1-10,17).

Прикамские пряжки и наконечники ремней с вогнутыми боковыми сторонами не раз уже привлекали внимание исследователей. И.А.Бажан и И.О.Васкул наиболее близкие параллели наконечникам ремней видели в центральноевропейских изделиях из областей западнобалтской, вельбаркской культур, где они датируются в пределах второй пол. II – пер. пол. III в. н.э. Их попадание в лесную зону Восточной Европы авторы связывают с «военно-торговыми водными магистралями» из Польского Поморья на северо-восток (Бажан И.А., Васкул И.О., 1988). Не затрагивая сейчас дискуссию об истоках этого стиля, стоит заметить, что камско-вятские экземпляры наконечников, щитков пряжек, близкие европейским по признаку формы, отличаются наличием фасетированных граней, орнаментацией. Основное время их функционирования приходится на период не ранее рубежа III-IV вв. и большую часть IV в. При этом богато орнаментированные образцы (Мари-Луговской могильник, п.60, рис.10 - 7; Рождественский V могильник, п.73, Старостин П.Н., 2009, рис.15-39), чаще фиксируемые в нижнекамских и поволжских азелинских могильниках, стоит рассматривать как наиболее ранние из этого хронологического отрезка.

Нередко с описанным поясным комплексом встречаются пряжки и наконечники ремней из обувных наборов. Это трехсоставные пряжки с прямоугольным сужающимся щитком с овальным расширением на конце (рис.11 – 11,13-15), отличающиеся от более ранних изделий этого типа (рис.6 – 6,9) фасетированием только граней. Такое же оформление щитка характерно и для цельнолитых пряжек с овальной (рис.11 - 10) или квадратной (рис.11 - 12) рамками, грани последних оформлены глубокими срезами. В качестве обувных, иногда возможно портупейных, пряжек использовалась и серия цельнолитых застежек с подпрямоугольными щитками и квадратной рамкой, с фасетированными гранями (рис.11 - 5). В сочетании с ними обувные ремешки дополнительно украшались накладками с каплевидной основой и привесками-колечками (рис.12 – 11,12).

В роли обувных пряжек выступали также трехсоставные пряжки с коротким овальным щитком, слегка оттянутым от кольца за счет петель. Округлая рамка пряжек утолщена спереди, язычок или простой, закрывающий рамку сверху, или короткий, прямой, с выступом-площадкой у основания (рис.11 – 1-3). Серия нижнекамских азелинских пряжек этого типа чаще всего имеют фасетированные грани щитка (Старостин П.Н., рис.15-4, 5; 39-47, 48). По периодизации ременных гарнитур позднесарматского времени Северного Кавказа и Нижнего Дона В.Ю.Малашев щитки округлой формы появляются в пер. пол. III в., доживают до конца III в., а новый пик их распространения приходится уже на гуннское время (Малашев В.Ю., 2000, с.209). В нижнекамском

азелинском Нармонском могильнике в п.15 такие пряжки встречены с подвеской-лунницей, относящейся к кругу изделий с выемчатой эмалью, которые были широко распространены в средней полосе Восточной Европы в позднеримское время. Исследователи отмечают наибольшую концентрацию этих находок на территории Днепро-Донской лесостепи позднезарубинецкого горизонта и ранних этапов киевской культуры со втор. пол. II – до конца III в. н.э. (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.122, 123; Родинкова В.Е., 2007, с.370, 371). Вместе с тем возможно их функционирование и в IV в. (палитра мнений представлена в работе: Зиньковская И.В., 2011, с.72-80). В частности подвески-лунницы Среднего Поднепровья Е.Л.Гороховский датировал III-IV вв. (Гороховский Е.Л., 1982, с.136). Этой же даты придерживается Д.Г.Бугров, составивший сводку предметов с выемчатой эмалью из памятников Нижнего Прикамья (Бугров Д.Г., 1994).

Ближний комплекс пряжек (с округлым щитком, с прямоугольным щитком с вогнутыми сторонами) встречается в рязано-окских погребениях стадии 2с (IV в.) по И.Р.Ахмедову совместно с находками серии фибул: двучленных прогнутых подвязных и «воинских», датируемых второй третью – третьей четвертью IV в. по Е.Л.Гороховскому или 310/320-350/355 гг. по И.А.Бажану и О.А.Гей (Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 2007, с.143, 144, рис.13, 15).

Большинство азелинских обувных пряжек сопровождается находками одночленных наконечников ремней из подпрямоугольных фасетированных пластин с овальным расширением на конце (рис.11 – 16-22). На позднесарматских наконечниках расширение овальной или округлой формы, по мнению В.Ю.Малашева, появляется со второй половины III в. и продолжает встречаться и в раннем IV в. (Малашев В.Ю., 2000, с.210).

Для женского поясного комплекса традиционными элементами можно считать эполетообразную застежку стандартного типа (рис.12 - 18) и накладки из согнутых пополам длинных и узких фасетированных пластин с зубчатой орнаментацией и подвесками колечками (также использовались в украшении головного убора) (рис.12 - 19). Кроме этого поясная гарнитура нередко дополнялась халцедоновыми дисками (от 2 до 8), которые безусловно являлись привозными изделиями (Старостин П.Н., 2008, с.10, 11). В Камско-Вятском междуречье наибольшая концентрация изделий из халцедона приходится на памятники азелинского типа, где они используются, преимущественно, в поясной гарнитуре и шейных ожерельях (Пастушенко И, Бернц В., 2008). Генетически они связаны с позднесарматскими древностями Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья, Южного Урала, где халцедоновые диски являлись навершиями для мечей (Безуглов С.И., 2000, с.180-181) периода II – середины III в. Массовое поступление их на территорию, занятую азелинскими племенами, вероятнее всего, происходило на рубеже III-IV и IV в. Количество находок халцедоновых изделий в погребениях V в. заметно сокращается и, возможно, имело место вторичное использование более ранних предметов.

Значительно разнообразнее в IV в. становится женский костюмный комплекс. Связь с предшествующим периодом прослеживается в эволюционном развитии известных уже типов металлической пластики: височных подвесок в виде знака вопроса (рис.14 – 25-28), лапчатых подвесок (рис.14 – 13,17), крупных блях-застежек (рис.15 – 6,10), нагрудных пластин (рис.15 - 13), многовитковых перстней (рис.14 - 4), трансформируется иконография коньковых подвесок (рис.15 – 7-9). В моду входит ношение гривен: круглопроволочных с различными типами креплений (рис.13 – 1,2), часто дополненных бусами, в том числе халцедоновыми; витых (рис.13 – 3,4). Только для азелинских памятников характерны граненые дрововые гривны с точечным, прочерченным орнаментом, иногда с зооморфными образами на концах (рис.13 – 5-7). Среди браслетов преобладают пластинчатые (рис.14 – 9,10,14,18) или круглопроволочные с расплюснутыми концами (рис.14 - 19). В комплексе перстней преобладают пластинчатые с точечной орнаментацией (рис.14 – 1-3,7). В качестве застежек платья широко начинают применяться круглопроволочные и пластинчатые сюльгамы с «усами» (рис.14 – 6,11,12;

19В – 7,8). В височные и шейные наборы входят варианты кольцеобразных подвесок (рис.15 – 11; 19В – 1-3). Фиксируется первая небольшая группа шумящих подвесок, основной пик которых приходится на конец IV-V вв. (рис.15 – 1-3).

Складывается сложный и насыщенный по элементам женский головной убор по типу этнографической шапочки такьи удмуртов, первые реконструкции которого были предложены В.Ф.Генингом (1963, рис.31, 32). Ведущими элементами здесь выступали накладки (рис.14 - 24) и пронизки с обоями.

Пятая хронологическая группа (конец IV-V в. н.э.) представлена 31 погребением (Тюм-Тюмский могильник: пп.1, 21, 50, 54, 57, 59, 77, 79, 86, 93, 102, 122, 123, 124, 128, 130; Первомайский могильник: пп.3, 4, 5, 8, 9, 10, 13, 24, 25, 41; Суворовский могильник: п.21; Мари-Луговской могильник: п.12; Уржумский могильник: пп.1, 2; Вичмарский могильник: п.8), которые объединяют 32 типа украшений. Для характеристики исследуемой группы определяющим является вид поясной гарнитуры. Прежде всего, появляются новые типы пряжек: небольшие трехсоставные пряжки со слегка утолщенным спереди кольцом, нависающим, но не выступающим далеко за кольцо язычком, нередко с уступчиком; с небольшими овальными, сегментовидными, треугольными, прямоугольными пластинами (рис.16 - 4-15,17). Им соответствуют наконечники ремней из перегнутых прямоугольных пластин с цилиндрическим расширением внизу, украшенные полугорошинами или насечками по верхнему краю (рис.16 - 1-3). Время появления подобной гарнитуры неоднократно обосновывалось различными исследователями, исходя из сходств прикамских материалов с предметами керченских катакомб, датированных монетами конца IV – первой половины V вв. н.э. (Засецкая И.П., 1979, с.5-22, рис.3). Близкие параллели с вятскими комплексами прослеживаются в Тураевском могильнике V в. н.э. на Нижней Каме (Генинг В.Ф., 1976, с.88-94, рис.25, 27, 30, 32); в материалах бродовской стадии неволинской культуры, датировка которой (конец IV – V вв. н.э.) надежно обоснована Р.Д.Голдиной (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.90-91, табл.LXV); в материалах I стадии (V – начало VI вв. н.э.) Безводнинского могильника в Горьковском Поволжье (Краснов Ю.А., 1980, с.99-102, рис.39-11-14). Подобные пряжки и наконечники в вятских погребальных комплексах чаще встречаются с плоскими ромбическими накладками (рис.16 - 24), но нередко и с традиционными формами геометрических накладок с привесками колечками, лапками (рис.18А – 10; 19В - 6, 9-12). Особенностью комплексов исследуемой группы является широкое распространение разнообразных форм подвесок. Это многочисленные варианты украшений с плоской или умбоновидной круглой основами (рис.17 - 8,9,12,13,15,17,18); с прямоугольными пластинами (рис.17 - 1-4,10,11); коньковые подвески (рис.17 - 16). Преимущественно в Вятском бассейне встречаются крупные шумящие подвески с узкой горизонтальной прямоугольной основой и многочисленными привесками (рис.17 - 4) и массивные арочные подвески со сложным орнаментальным полем (рис.17 - 19). Массовое распространение последнего типа приходится на V в. н.э., однако отдельные экземпляры без особых технологических и композиционных изменений можно встретить и в комплексах VI–VII вв. н.э. Вероятно, такие уникальные и особо значимые изделия могли передаваться из поколения в поколение. Следует заметить, что существование на Вятке развитых форм шумящей гарнитуры в V в. н.э. явление уникальное для Приуралья и объясняемое, скорее всего, близостью Вятского региона к западному финно-поволжскому миру. Возможно также, что импульс к развитию шумящих украшений Прикамья был воспринят с Вятки.

Шестая хронологическая группа (конец V – VI вв. н.э.) объединяет 41 тип вещей из 28 погребений Концовского (п.п.1, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 24, 25, 28, 29, 30) и Тат-Боярского (п.п. 3, 4, 5, 13, 16, 18, 20, 21, 24, 29, 31, 37, 10, 47, 52) могильников. Данная группа содержит комплекс вещей, который датируется концом V – VI вв. н.э. (возможно, без конца VI в. н.э.). Несмотря на ярко выраженную самобытность этой группы, прослеживается четкая преемственность с материалом, так называемого,

позднеазелинского облика и всего пьяноборского этапа в целом. В данный период, вероятно, завершается массовое использование эполетообразных застёжек. Отдельные экземпляры представлены теперь цельнолитыми пластинами с имитацией основных деталей (рис.21 - 16). По-прежнему разнообразен комплекс шумящих подвесок. Типологически близки предшествующим типам подвески с умбоновидной (рис.21 - 8), прямоугольной (рис.21 - 6,12) основами. Появляются новые элементы: разнообразные колесовидные основы (рис.21 - 7), различные модификации привесок из лапок, колокольчиков и т.д., часто соединенные с основой через восьмеркообразные звенья. Популярны также бронзовые бляшки, но предпочтение отдается многозвеньевым типам (рис.20 - 5,6). Как правило, они входят в состав сложных головных уборов наряду с двухсоставными накладками (рис.20 - 37), которые близки подобным типам IV–V вв. н.э., отличаясь только конструктивными элементами и формой привески. Плоские бляхи-застёжки с крупной иглой предыдущих этапов трансформируются в разнообразные формы застёжек (часто вырезанные из пластин) со свободно вращающейся иглой и петельно-прорезным оформлением края (рис.21 - 13,14). Новым в костюмном комплексе является широкое использование в качестве нагрудных, головных и височных украшений подвесок «бельков» (рис.21 - 2,4). По мнению В.А.Семенова, они изображают детенышей тюленей – бельков (Семенов В.А., 1980, с.35); по мнению Е.П.Казакова, напоминают серебряные псевдопряжки раннегеральдического облика (Казаков Е.П., 1991, с.19). Ареал их распространения – памятники именьковской культуры, Бирский могильник бахмутинской культуры, могильник на Чертовом городище на р.Ветлуге, памятники еманаевской культуры на р.Вятке, Варнинский могильник на р.Чепце. Время появления практически синхронно для всех групп памятников – это VI в. н.э. (по мнению Е.П.Казакова – вторая половина VI в. н.э.). Анализируя результаты картографирования объекта, Е.П.Казаков предполагает, что «бельки» были привнесены в Вятско-Камский бассейн именьковскими племенами, которые использовали украшения в поясной гарнитуре, а вятско-камские типы применялись как подвески. Соглашаясь с мнением о функциональном назначении предметов, трудно сейчас однозначно говорить об их именьковском происхождении, т.к. памятники именьковской культуры с этой категорией находок содержат всего лишь 1, 2, редко 5 экземпляров, в то же время отдельные могильники Вятки и Камы могут содержать от 5 до 10 и более экземпляров; Варнинский могильник – 11; Тат-Боярский могильник – 20 (7 бронзовых и 13 серебряных). Кроме того, в последнем могильнике можно уловить тенденцию к эволюции этой категории украшений. В погребениях VI в. н.э. – это небольшие изящные подвески, чаще выполненные из бронзы. В последующем VII в. н.э. проявляется тенденция к укрупнению предмета, увеличению пропорции треугольного выступа в основании. Составное украшение из крупных серебряных подвесок зафиксировано в жертвенном комплексе VIII в. н.э. Тат-Боярского могильника (рис.24 - 23). Типологически близки к ним 8 экземпляров серебряных подвесок из Лопьяльского могильника VIII–X вв. н.э.

С изучаемой хронологической группой связаны находки первых вариантов обувных застёжек, широко известных в могильниках Вятки с IX в. н.э. Ранние экземпляры отличает круглая форма приемника (рис.20 - 4). Датирующими возможностями для данного периода обладает поясная гарнитура. Преобладают средние и крупные бронзовые пряжки, преимущественно трехсоставные, часто с сильно выступающей иглой, с фигурной или прямоугольной пластиной, с овальным или В-образным приемником (рис.20 - 20-24,26-29, 33,34). Они встречаются в комплексе с простыми прямоугольными накладками (рис.20 - 14-19) и наконечниками ремней из тонких бронзовых прямоугольных пластин с заостренным концом (рис.20 - 30-32). Подобного рода поясная гарнитура в ломоватовской культуре объединена с более ранними типами в понятие «харинский тип», отнесена к харинской стадии V–VI вв. н.э. (Голдина Р.Д., 1985, с.124-126, рис.16). Но уже в материалах неволинской культуры она характеризует самостоятельную, верх-саинскую группу VI в. н.э., датировка которой соотносится с

находками сасанидских монет конца V в. н.э. (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.91-92, табл.LXVI). Кроме того, сопутствующий комплекс предметов не сочетается с находками так называемого «геральдического облика», распространение которых в Прикамье приходится на последнюю четверть VI в. н.э.

Седьмая хронологическая группа объединяет 34 типа вещей из 15 комплексов Концовского (пп.13, 18) и Тат-Боярского (пп.1, 7, 11, 14, 17, 22, 23, 34, 39, 42, 46, 49, 51) могильников. Характерной чертой группы и ее датирующим определителем является поясная гарнитура так называемого «геральдического» стиля. Пряжки, как правило, с небольшой, прямоугольной или треугольной пластинами, лировидным или В-образным приемником, часто с выраженным ложом для язычка (рис.22 - 28,33). Среди накладок встречаются различные варианты мечеобразных, простые прямоугольные, полуовальные простые или с прорезным орнаментом, якорьковидные, Х-образные, Т-образные, роговидные, псевдопряжки и т.д. (рис.22 - 1-15,17,18,25-27,29-32). Подобная поясная гарнитура широко распространяется с середины VI в. н.э. на обширных пространствах Евразии и хронологическая эволюция ее прослежена в многочисленных исследованиях по различным областям (Степи Евразии ..., с.9-46, рис.6, 12, 15, 19, 20, 23; Айбабин А.И., 1990, с.59-64, рис.2, 39, 40, 48, 50-52; Афанасьев Г.Е., 1979, с.43-51).

Принимая во внимание вариативность, развитие и видоизменения «геральдических» поясов на столь обширной территории, главная роль при датировке отводится хронологическим разработкам более близких, к Вятке регионов. Детальные исследования в этой области сделаны Р.Д.Голдиной на верхне-камских материалах, где подобные пояса названы ею «агафоновскими» и датированы концом VI – VII вв. н.э., и на материалах неволинской культуры, где они выделены в особую хронологическую группу – «бартымскую». Выводы автора по датировке стадий концом VI – VII вв. н.э. аргументированы находками сасанидских монет Кавада I, Пероза, Хосрова I (Голдина Р.Д., 1985, с.127-128; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, с.92-93, табл.LXVII). С «геральдической» поясной гарнитурой сочетаются позднейшие модификации умбоновидных бляшек (рис.16-21-23). Появляются первые варианты крупных серебряных блях (рис.22 - 24), развитые формы которых характерны для могильников конца VIII – X вв. н.э. Единственной находкой является крупная серебряная бляха-застежка с «крылатой» иглой (рис.22 - 20). Область наибольшего распространения их – средневековые могильники мордвы и муромы, а наиболее интенсивный хронологический диапазон – VII – VIII вв. н.э. (Циркин А.В., 1987, с.49, 86, рис.11-6, 25; Гришаков В.В., Зеленева Ю.А., 1990, с.31, рис.10-4). Близки к ним находки подобных блях из погребений конца VII – начала VIII вв. н.э. (пп.111, 113) Безводнинского могильника (Краснов Ю.А., 1980, рис.37-1, 2, с.103-104).

Группы VI и VII вв. н.э. объединяет значительная серия вещей. Возможно, с расширением источниковедческой базы удастся сузить хронологический диапазон бытования для отдельных типов. В костюмных комплексах этого времени традиционно для Вятки используются различные варианты умбоновидных бляшек с преобладанием в декоре ажурно- прорезного орнамента (рис.23А - 11,14,16-18). Популярны шумящие наборные украшения из мелких бронзовых двухсоставных подвесок, использовавшиеся как в поясной, так и в обувной гарнитуре (рис.23А - 1-3,6). Часто встречаются парные подвески с умбоновидной основой и длинной шумящей пронизью, заканчивающейся набором конических, коньковых и др. пронизок (рис.23А - 19,20). Впервые найдены пронизки со вздутиями. В височных наборах часто используются кольцевые подвески, нередко набор колец, соединенных через разделитель и дополненных многочисленными привесками (рис.23А - 22). Использование подобных типов в вятских костюмах могло быть воспринято от поволжско-поветлужских групп населения, где подвески встречаются в материалах 2-й и 3-й стадий Безводнинского могильника (VI–VII вв. н.э.) (Краснов Ю.А., 1980, рис.24-1, 2, 3), в дальнейшем трансформируясь в височные кольца с

многогранными головками в древностях IX–XI вв. н.э. этого региона. Близкие по конструкции и функциональному использованию двухчленные накладки Тат-Боярского могильника (рис.20 – 25,37) найдены в ряде погребений (пп.54/55 и 134) (Краснов Ю.А., 1980, рис.27-7, 8, 9, 15; рис.28) того же Безводнинского могильника. Фиксируемые параллели, вероятно, являются отражением в материальной культуре усилившихся в этот период контактов пермоязычного населения Вятского бассейна с поволжско-финским миром. Значительная типологическая связь по основным элементам смежной хронологической группы прослеживается со средневековыми погребальными комплексами VI–VII вв. н.э. Приуралья (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, табл.LXVI-1, 17, 46-48; табл.LXVII-21, 65-70, 83-87, 97).

Восьмая хронологическая группа представлена 4 погребениями (пп.25, 27, 32, 33) Тат-Боярского могильника и объединяет 15 типов вещей. Группа немногочисленна, но представляет значительный интерес, т.к. впервые были вычленены чистые комплексы (а не отдельные предметы), объединяющие раннесредневековые могильники Вятки с памятниками IX–XI вв. н.э. В вещевых комплексах этой группы встречаются предметы, выполненные в «геральдическом» стиле – серповидные накладки (рис.24 - 7,8), аналогичные предметам в комплексах конца VII – VIII вв. н.э. неволинской стадии в бассейне р.Сылвы; литые стилизованные коньковидные накладки с одним овалом в верхней части (рис.24 - 1-6), встречающиеся в комплексах второй половины VIII – начала IX вв. сухоложской стадии неволинской культуры (Голдина Р.Д. Водолаго Н.В., 1990, табл.LXVIII-26, табл.LXIX-25-28); в могильниках Верхней Камы Голдина Р.Д., 1970, с.92-93, табл.6-95). Вместе с тем появляются предметы, изготовленные в технике штамповки, часто из тонких листов серебра: накладки (рис.24 - 10-12), нагрудник (рис.24 - 22), подвески (рис.24 - 23), наиболее характерные для конца I тыс. н.э. Шарнирные пряжки (рис.24 - 17) в Приуралье появляются преимущественно в VIII в. н.э. Интересна находка кожаного кошелька с серебряной обкладкой (рис.24 - 23), развитые формы подобных предметов характерны для могильников типа Веселовского на р.Ветлуге IX–XI вв. н.э. (Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960, с.36). О существовании комплексов конца VII – VIII вв. н.э. на Вятке в какой-то мере может свидетельствовать находка в п.23 Концовского могильника серебряной монеты Хосрова II (590–628 гг.) (Стефанова И.И., 1982, с.102), основная масса которых в Прикамье функционировала с предметами неволинской стадии на р.Сылве и деменковской стадии на Верхней Каме (Голдина Р.Д., 1985, с.130). К сожалению, в случае с Концовским погребением монета Хосрова II найдена с бронзовой кругло-проволочной гривной с широким хронологическим диапазоном и ажурной арочной шумящей подвеской, расцвет функционирования которой приходится на V в. н.э., а единичные экземпляры более позднего времени, скорее всего, результат наследования. В настоящее время рано предлагать точную датировку исследуемого хронологического этапа. Однозначно определено лишь промежуточное положение группы между комплексами середины VII в. и началом IX в. н.э.

Последние три хронологические группы объединяют материалы Юмского и Кочергинского могильников. Для проведения более четкого деления материала по векам привлечены погребальные комплексы Веселовского и Черемисское кладбище могильников в бассейне р.Ветлуги. В научной литературе памятники исследуемого хронологического этапа представлены слаборасчлененными по векам комплексами с общей датировкой в пределах IX–XI вв. н.э., что во многом объясняется небольшим количеством погребений в могильниках, значительной вариативностью категорий вещей при небольшом количестве изделий отдельных типов. Следствием этого в данной работе было появление больших смежных групп, которые со временем, вероятно, будут исследованы более детально. Несмотря на это, удалось определить группы предметов с более сильной степенью связи в пределах коротких временных границ.

Девятая хронологическая группа включает 34 типа вещей из 18 погребальных

комплексов Кочергинского (пп.1, 3, 4, 5), Юмского (пп.2, 4, 7, 8), Черемисского кладбища (пп.1, 3, 5, 7, 10, 11, 13) и Веселовского (пп.3, 4, 10) могильников. Особенностью этого периода является появление различных вариантов накладок салтовского типа: прямоугольных, сердцевидных, овальных, иногда с колечками-привесками, с геометрическим или растительным орнаментом (рис.25 - 1-5,12). С ними коррелируются цельнолитые пряжки с вытянутой прямоугольной пластиной, часто с приостренным концом, часть пластин украшена несложным орнаментом (рис.25 - 23, 30; 28 - 12). Встречаются шарнирные пряжки (рис.25 - 24,25), в массе – восьмеркообразные пряжки (рис.25 - 26). Аналогии подобной поясной гарнитуре многочисленны на огромной территории Восточной Европы во второй половине VIII – IX вв. н.э. Для Приуралья время появления поясов салтовского типа надежно обосновано концом VIII – началом IX вв. н.э. многочисленным монетным материалом из Мыдланьшайского могильника (Янина С.А., 1962, с.129; 9, рис.Х; Генинг В.Ф., 1962, табл.IV); Аверинского II могильника (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с.87) и других. Нагрудные украшения представлены вариантами подвесок с умбоновидной основой (рис.29 - 34), продолжающих развитие предшествующих раннесредневековых форм. Конец VIII – XI вв. н.э. – время появления шумящих подвесок с треугольной, каплевидной основой (рис.29 - 42,43) и очковидных подвесок (рис.29 - 35,44). Основной район локализации этих типов украшений – Вятско-Ветлужское междуречье, однако встречаются они на всей территории от Верхней Камы до Приладожья. Появившись на рубеже VIII – IX вв. н.э., они успешно конкурируют с другими украшениями Вятско-Ветлужского междуречья и в X–XI вв. н.э. Новыми типами шумящих украшений следует считать биконьковые (рис.25 - 36); с горизонтально-стержневой основой (рис.25 - 37,38); арочные (рис.25 - 21). Близкие аналогии к ним встречаются в комплексах IX в. н.э. верхнекамских могильников (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис.70-15-18, 31), в памятниках IX–X вв. н.э. мордвы и муромы (Циркин А.В., 1987, рис.14 - 1-4,8). Пластинчатые браслеты с отогнутыми концами аналогичны подобным из погребений второй половины VIII – первой половины IX в. Варнинского могильника (Семенов В.А., 1980, рис.10-205), в п.1 Мыдланьшайского могильника – с подвеской из серебряного дирхема (Аббасиды, 208 г.х. – 823/824 гг. н.э.) (Генинг В.Ф., 1962, с.11–12). Большое количество аналогий к вятским материалам можно проследить в комплексах Больше-Тиганского могильника (поясная гарнитура, пластинчатые браслеты, коньковые и арочные подвески, височные серьги, перстни), дата которого надежно обоснована многочисленным монетным материалом конца VIII – первой четверти IX вв. н.э. (Chalikowa E.A., Chalikow A.H., 1981, с.57-59, Faf I-XXXIYE).

Для десятой и одиннадцатой групп особенно трудно определить хронологические рамки. Здесь возможно в целом говорить о X–XI вв. н.э. и лишь наметить группы предметов в пределах конца IX – середины X вв. н.э. (десятая хронологическая группа) и середина X – XI вв. н.э. (одиннадцатая хронологическая группа). Для **десятой** характерно еще широкое использование каплевидных и очковидных шумящих подвесок с наметившейся тенденцией к вычурности орнамента за счет декорирования зернью; сочетание в комплексах браслетов многогранных (рис.28А - 15), пластинчатых (рис.28А - 16-20) и со змеевидными головками (рис.26 - 22-24). Среди пряжек встречаются шарнирные (рис.26 - 1) и цельнолитые (рис.28А - 13,14) с пластинами, украшенными сложным растительным узором; восьмеркообразные с лировидным фигурным приемником (рис.26 - 7). Появляются монетовидные подвески (рис.26 - 14,25). В п.24 Веселовского могильника они встречены с монетой середины X в. н.э. (Саманиды, Нухр ибн Наср, дважды пробитый дирхем – 333 г.х. – 944/945 гг. н.э.) (Архипов Г.А., 1973, с.63).

Одиннадцатая группа характеризуется появлением в вещевых комплексах калачевидных серег (рис.27 - 6-9), которые по исследованиям Н.А.Макарова относятся к типу, бытовавшему на севере Руси преимущественно во второй половине XI в. н.э., судя

по многочисленным находкам монет (Макаров Н.А., 1989, рис.2). Подобные находки были обнаружены в Рябиновском кладе с дирхемами, позднейшие из которых чеканены в 968 и 978 гг. Из этого же клада происходят 2 бронзовые подвески «всадницы». Подвески подобного типа нередко встречаются в материалах Прикамья, Поволжья, Поветлужья, Приладожья и Прионежья с комплексом X–XI вв. н.э. (Спицын А.А., 1895; Марков А.К., 1910, с.8; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с.42, рис.2-39; Голубева Л.А., 1979, с.41-42, табл.16; Рябинин Е.А., 1981, с.24-27, табл.IX; Кочкуркина С.И., 1989, с.266, рис.83-18). В частности, находка из п.4 Дубовского могильника встречена с монетой середины X в. (Саманиды, Наср ибн Ахмет. Самарканд, 325 г.х. – 936–937 гг. н.э.) (Архипов Г.А., 1973, с.22-23, рис.20-10). Среди височных подвесок продолжают бытовать круглопроволочные подвески треугольной формы со змеевидным оформлением основания (рис.27 - 5). В п.3 Черемисского кладбища они обнаружены вместе с болгарским подражанием саманидскому дирхему конца X в. (Архипов Г.А., 1973, с.68, рис.17-5). Достаточно хороший хронологический определитель – подковообразные фибулы с многогранными головками (рис.27 - 30,38). Они встречаются на значительной территории финно-угорского мира и скандинавских стран. В отличие от проблемы их происхождения, относительно датировки фибул особых расхождений у исследователей нет. Время наибольшего распространения подобных типов – X–XI вв. н.э. (Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985; Кочкуркина С.И., 1989, с.265, рис.83-8, 9; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с.40, рис.2-12; Мальм В.А., 1967; Савельева Э.А., 1987, с.122, рис.32-16, 20). Не противоречат датировке группы и находки плетеных и витых браслетов с каменными вставками на концах (рис.27 - 39), зафиксированные в болгарских памятниках XI–XII вв. н.э. Подобный тип обнаружен в п.81 Кичилькосьского I могильника с серебряной монетой, чеканенной в Шпейере при Конраде II (1024–1039) и комплексом вещей, датируемых не позднее второй половины XI в. н.э. (Савельева Э.А., 1987, с.154-155, рис.32-13). Отдельные типы поясных пряжек встречаются в материалах марийских памятников. Пряжка типа (рис.27 - 25) найдена в п.3. Дубовского могильника с монетой середины X в. (Саманиды, Наср ибн Ахмед, Самарканд, пробитый дирхем – 329 г.х. – 940/941 г. н.э.) (Архипов Г.А., 1973, с.63). Стиль исполнения биконьковых подвесок (рис.27 - 20) близок подобным украшениям из хронологических групп X–XI вв. верхнекамских могильников (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис.72; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, рис.2-50, 74). Правомерность хронологической оценки девятой и десятой групп подтверждает взаимовстречаемость украшений и монетных находок на Веселовском могильнике. Кроме уже перечисленных в п.14, обнаружено 2 оттиска с дирхемов (1-й – чекан Волжского Булгара 376 г.х. – 986/987 гг. н.э. и 2-й – оттиск с Саманидского дирхема, чеканенного в Бухаре в 387 г.х. – 996/997 гг. н.э. во время правления Нуха II ибн Мансура) (Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960, с.52); в п.22 – 2 медных подражания дирхему, которые можно отнести к XI в. н.э.; в п.26 – 5 серебряных подражаний брактеату (Архипов Г.А., 1973, с.66) и в п.27 – пробитый дирхем начала XI в. н.э. (Зияриды, Кабус Джурджан 3(9)2 г.х. – 1001/1002 гг. н.э.) (Архипов Г.А., 1973, с.63). Аналогичная ситуация зафиксирована при раскопках могильника «Нижняя Стрелка» в левобережной пойме р. Волги. Здесь близкие с вятскими типы погребального инвентаря сопровождалась находками 11 серебряных дирхемов, 11 оттисков с дирхемов. По определению Г.А.Федорова-Давыдова, большинство монетного материала датируется в пределах X в. н.э. (2 монеты и 4 оттиска изготовлены в Волжской Булгарии с 970 по 989 гг. Денарий из п.23 чеканен в Англии в 1017–1023 гг.) (Никитина Т.Б., 1990, с.94). Можно было бы продолжить список аналогий, но уже перечисленные дают надежное основание датировать позднейшие комплексы вятско-ветлужских памятников X–XI вв. н.э.

Проведенные хронологические исследования древностей в бассейне р.Вятки позволили не только проследить эволюцию отдельных категорий украшений, определить время функционирования основных погребальных памятников, но и наметить и обосновать основные этапы развития этого региона в I – начале II тыс. н.э.

Важным итогом исследований было выделение хронологических групп первых веков н. э. на материалах Ошкинского могильника и ряда погребений Первомайского могильника, что указывает на формирование вятских археологических культур на местной ананьинско-раннепьяноборской основе. Между вещевыми комплексами первых веков н.э. и последующими хронологическими группами III–V вв. н.э. наблюдается устойчивая типологическая преемственность, отдельные могильники функционируют на стыке этих периодов без резкой смены характера инвентаря, погребальной обрядности и других признаков, которые свидетельствовали бы об инфильтрации на р.Вятку в III в. н.э. части чегандинского населения. Это позволяет вновь обратиться к положению, которое активно отстаивал еще А.П.Смирнов (1964), а в последние годы поддержанному Р.Д.Голдиной (1987, с.13-14), о развитии пьяноборья вплоть до конца V в. н.э. Материалы I–V вв. н.э. в Вятском бассейне объединены в худяковскую культуру, вятский вариант пьяноборской общности III в. до н.э. – V в. н.э. Анализируя динамику развития погребального материала худяковской культуры можно наметить две четкие хронологические стадии внутри культуры. 1-я стадия – ошкинская (III в. до н.э. – первая половина III в. н.э.) включает Ошкинский могильник, ряд погребений Первомайского, Худяковского, Кордон могильников, Городищенский, Воробьевский, Атамановы Кости могильники. 2-я стадия (вторая половина III – V вв. н.э.) включает памятники, ранее выделенные В.Ф.Генингом в азелинскую культуру III–V вв. н.э.: Азелинский, Суворовский, Тюм-Тюмский могильники, а также ряд погребений Худяковского могильника, основная масса комплексов Первомайского могильника, Уржумский, Мари-Луговской, Вичмарский могильники. Учитывая распространенность в научной литературе термина азелинская культура или памятники «азелинского» типа, предлагается сохранить это название за 2-й хронологической стадией худяковской культуры. Итак, очертив рамки двух стадий худяковской культуры, необходимо коснуться вопроса о начальных этапах культуры. Имея четко зафиксированные погребальные комплексы конца I–II вв. н.э., необходимо заметить, что встречается ряд отдельных находок и керамических материалов, дающих рубеж I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. Интересные материалы были получены при изучении многослойных поселений на р.Вятке и ее притоках: Никульчинского, Кривоборского, Аргыжского и Буйского городищ. При исследовании позднеананьинского керамического комплекса полностью раскопанного Аргыжского городища (Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002) В.В.Ванчиковым была выделена серия сосудов с раковинной примесью в тесте раннепьяноборского облика, стратиграфически приуроченная к верхним отложениям культурного слоя. Это сосуды с короткой вертикальной шейкой, плавно переходящей в слабо выпуклое тулово и сосуды с прямой высокой раскрытой горловиной и слабо профилированным туловом. Их особенностью является низкая степень орнаментированности и отсутствие сочетания двух и более приемов нанесения декора на одном сосуде. По мнению В.В.Ванчикова морфологические особенности этой керамики зарождались в «гладкой» позднеананьинской культурно-типологической группе посуды (Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002, с.32, рис.31 – 1-5). Таким образом, раннепьяноборский керамический комплекс с позднеананьинскими ремиссиями на Аргыжском городище, скорее всего, формировался на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Подобная посуда была выявлена на Кривоборском (р.Чепца, правый приток р.Вятки) и Буйском (р.Буй, левый приток р.Вятки) городищах. На последнем найден значительный комплекс керамики с аналогичными аргыжскому характеристиками: это чашевидная и горшковидная посуда с разной степенью профилированности, с примесью раковины в тесте, низкой степенью орнаментированности, отсутствием сочетаний различных приемов нанесения декора (Лещинская Н.А., 2009, рис.2). Для буйской керамики, хронологически не выходящей за рубеж тысячелетий, более характерна орнаментация рядами круглых ямок или ямками, собранными в треугольники, ромбы (Лещинская Н.А., 2009, рис.2-4,8,11,18). I–II вв. н.э. может маркировать посуда с орнаментальной тенденцией трансформации круглой ямки в подтреугольное вдавление (Лещинская Н.А., 2009, рис.2-

2,4,10,17), появление редких оттисков гребенчатого штампа и шнура. Близкие аналогии к описанной посуде прослеживаются в керамических комплексах III в. до н.э. – II в. н.э., прежде всего, на чегандинских и кара-абызских поселениях пьяноборской общности.

На Буйском городище подобная керамика коррелируется как с находками отдельных бронзовых изделий пьяноборского облика в культурном слое, так и двух кладов. Один обнаружен у внешней стенки раннепьяноборского жилища 4 и состоит из бронзовых украшений, среди которых есть как широко распространенные изделия: восьмеркообразные бляшки, ажурно-прорезная накладка с многочисленными аналогиями в чегандинских погребальных памятниках I в. до н.э. – II в. н.э., так и комплекс оригинальных нагрудных пластин, орнаментальные композиции которых выполнены в стиле украшений I в. до н.э. – II в. н.э. (Лещинская Н.А., 2009, рис.3, 4). Второй клад был зафиксирован вблизи вала, в производственной зоне Буйского поселка: 186 железных кельтов, 9 железных наконечников копий и 5 бронзовых гривен. Автор раскопок Л.И.Ашихмина датировала клад IV-III вв. до н.э. – II-III вв. н.э. (Ашихмина Л.И., 1987, с.118). Наиболее архаично в нем выглядят бронзовые гривны, которые по стилистике ближе к кара-абызским вариантами IV-III вв. до н.э. из Уфимского (Збруева А.В., 1952, табл.VI-18) и Охлебинского (Пшеничнюк А.Х., 1968, рис.6 – 11) могильников Башкирии, чем к гривнам ранних погребений I-II вв. н.э. близкого к Буйскому городищу Ошкинского могильника. Более широкий хронологический диапазон дают кельты и наконечники копий, которые могли быть в обращении как в позднеананьинское время, так и в первых веках н.э., судя по материалам Андреевского кургана в Мордовии. Последний датируется разными исследователями I в. до н.э. – I в. н.э. (Степанов П.Д., 1973, с.91; 1980, с.26-44), I в. до н.э. – III в. н.э. (Кропоткин В.В., 1969, с.35-36), I-II вв. н.э. (Вихляев В.И., 2000, с.45-46; Зубов С.Э., 2011). Кельты, как отмечает автор раскопок Буйского городища (Ашихмина Л.И., 1987, с.117-118), встречаются в материалах дьяковской и городищской культур Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья, а также в сарматских памятниках I-III вв. н.э. Таким образом, появляется все больше оснований утверждать, что классическое вятское азелино сформировалось на местной ананьинско-раннепьяноборской основе и есть основания для существования рабочей гипотезы о возможности датировать начальный этап худяковской культуры в рамках общепринятой периодизации пьяноборья Приуралья с III в. до н.э.

Археологические памятники VI-IX вв. н.э. объединены в рамках еманаевской культуры. Характер погребального инвентаря этого времени указывает на существование двух стадий в культуре: тат-боярской VI-VII вв. н.э. (Тат-Боярский, Концовский могильники, Безводнинский клад, вероятно, к этому же кругу памятников можно отнести Шор-Унжинский могильник) с характерным геральдическим обликом поясной гарнитуры и четкими позднеазелинскими традициями костюмного комплекса и юмской стадии VIII-IX вв. н.э. (отдельные погребения Тат-Боярского могильника, Юмского и Кочергинского могильников, ряд вещевых наборов из сборов Лопьяльского могильника, материалы из разрушенного Вятского могильника) с сочетанием в облике материальной культуры местных вятских, поволжско-финских и общеевропейских (поясная гарнитура салтовского типа) традиций.

Погребальные комплексы X-XI вв. н.э. представляют раннюю стадию формирования кочергинской культуры X-XIII вв. н.э. Сюда входят отдельные погребения этого периода с Юмского, Кочергинского могильников, материалы из разрушенного Стрижевского могильника на р.Быстрице и погребение с поселения Буй I на левобережье р.Вятки.

Предложенная хронология и периодизация погребальных памятников Вятского бассейна I тыс. н.э., безусловно, в отдельных аспектах потребует более детальных разработок и уточнений с накоплением материала, но согласованность ее основных моментов с уже апробированными хронологическими шкалами, существующими в Приуралье, позволяет считать выработанную общую схему развития древностей Вятского

региона перспективной.

Литература

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1990.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971, № 3. С.106-1135.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР / Археология СССР. САИ. Вып.Д1-30. М.
- Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. (к вопросу о происхождении народа) // Йошкар-Ола, 1973. 198 с.
- Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА М., 1979. Вып.158. С.43-51.
- Ашихмина Л.И. Клад с Буйского городище // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987. С.103-120.
- Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып.11. Сыктывкар, 1988. С.76-89.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С.169-193.
- Бугров Д.Г. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С.33-38.
- Вадаи А.Х., Кульчар В., 1984. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta archaeologicae academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. XXXVI. P.239-261.
- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа. С.95-122.
- Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.
- Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызского населения эпохи раннего железа (IV до н.э. – IV в. н.э.) // Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011.
- Генинг В. Ф. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 5.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (чегандинская культура III в. до н. э. - II в. н. э.) // ВАУ. Свердловск; Ижевск, 1970. Вып. 10.
- Генинг В.Ф. Мыдлань-шай - удмуртский могильник VIII—IX вв. // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3. С. 7-111.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 56-108.
- Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 96-106.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 57-118.
- Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 6-36.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.11. Ижевск, 2003.

- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 173 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. 215 с.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С 39-60.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Вып. Е1-59.
- Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Муром VII-XI вв. Йошкар-Ола, 1990. 71 с.
- Гришаков В.В., Zubov C.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Казань. Вып.7. 172 с.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933.
- Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 168. С. 5-22.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. №30. 322 с.
- Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. №2. М., 2011. С.72-80.
- Зубов С. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I-III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Lap Lambert Academic Publishing, 2011.
- Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск. 1988. С. 4-24.
- Казаков Е.П. Об одной из групп украшений именковской культуры // Проблемы археологии среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 14-20.
- Кочуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X-XIII вв. Петрозаводск, 1989. 345 с.
- Кочуркина С.И., Линецкий А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. 223 с.
- Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980. 223 с.
- Кривошеев М.В. Комплексы позднесарматского времени могильника Старица 4 // Археологические Записки. Вып.4. Ростов-на-Дону. С.65-72.
- Кропоткин В.В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА АН СССР. М., 1969. Вып.119. С.32-36.
- Лаптева Т.А. Эполетообразные застёжки Прикамья // типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С.128-155.
- Лещинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н.Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья / Археология евразийских степей. Вып.10. Казань, 2009. С.111-121.
- Лещинская Н.А. Новый раннесредневековый могильник в бассейне Средней Вятки // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987. С. 64-80.
- Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000. 55 с.
- Макаров Н.А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 51-64.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени //

- Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Вып.1. С.194-232.
- Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М., 2008. С.265-283.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.
- Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967.
- Марков А.К. Топография кладов восточных монет. СПб, 1910.
- Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. 218 с.
- Мошкова М.Г., 2000. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып.3. С.186-196.
- Мясников Н.С., Ефимов Е.Л. Новые археологические материалы Таутовского могильника железного века в Чувашии // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Казань, 2009. С.106-110.
- Наговицин Л.А., Семенов В.А. Городищенский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978 С. 118-123.
- Никитина Т.Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 17. С. **81-118**.
- Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф.Корзухиной, И.К.Фролова и Е.Л.Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Раннеславянский мир. Вып.10. М., 2007. С.113-141.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007.
- Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III-IV вв. М., 2010. 211 с.
- Ошибкина С.В., Иванова М.Г. Отчет о работе Вятской археологической экспедиции за 1972 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4740, 4740а.
- Пастушенко И., Бернц В. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. №11. Казань, 2008. С.12-23.
- Пшеничнюк А.Х. Охлебинский могильник // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 59-104.
- Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 26-44.
- Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // **Археологические работы в низовьях Белой**. Уфа, 1986а. С. 45-74.
- Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир. Вып.9. Гл.7. М., 2007. С.358-371.
- Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 1987.
- Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5-435.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. М. №2. С.100-120.
- Смирнов А.П. (Рецензия) // СА. М., 1964. № 4. С. 240-246. Рец. на кн. Генинга В.Ф. Азелинская культура III вв. // **Очерки истории Вятского Края в эпоху великого переселения народов**.

- Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья // Козмодемьянск, 1949а. 134 с.
- Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. М., 1961. Вып. 95. 170 с.
- Смирнов А.П. Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. 25. С. 22-32.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические изыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. М., 1893. Вып. 1. 191 с.
- Старостин П. О халцедоновых украшениях из азелинских погребений // *Finno-Ugrica*. №11. Казань, 2008. С.8-11.
- Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань, 2002. 62 с.
- Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология Евразийский степей. Вып.9. Казань, 2009. 143 с.
- Степанов П.Д. Андреевский курган. Саранск, 1980. 108 с.
- Степанов П.Д. Волжские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА АН СССР. М., 1973. Вып.136. С.86-91.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.
- Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С 90-103.
- Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 158-180.
- Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 59 с.
- Циркин А.В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 299 с.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. МИИ КВАЭ. М., 2002. Т.3. 186 с.
- Янина С.А. Куфические монеты из могильника Мыдланьшай // ВАНУ. Свердловск, 1962. Вып. 3. С. 129-139.
- Akhmedov Ilia R., 2001. New data about the origin of some constructive parts of the horse-harness of the Great Migration Period // *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st-5th centuries A.D.* Aszod-Nyiregyhaza. P.363-388.
- Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altun- garnan der Kama und in Ural (Das graberfeld von Bolschie Tigani) // *Magyar nemzeti muzeum*. 1981. 132 с.

К вопросу о хронологии погребений III-V вв. н.э. Тарасовского могильника

Тарасовский могильник I-V вв. н.э., расположенный на Средней Каме, представляет собой один из крупнейших и ярких памятников чегандинского варианта пьяноборской общности. Его изучение продолжалось с 1980 по 1997 года, за это время вскрыто более 16000 кв.м. площади, изучено 1880 могил. Каталог могил и предварительная характеристика памятника опубликованы (Голдина Р.Д., 2003; 2004), по погребальному обряду защищено диссертационное исследование (Т.Р.Сабилов, 2011), что позволило вписать комплекс тарасовских погребений в культурно-хронологическую систему представлений о народонаселении правобережья Среднего Прикамья III в. до н.э. – V в. н.э..

Тарасовский могильник является пока крупнейшим из всех известных финно-угорских погребальных памятников. Полученные в ходе полевых работ материалы датируются I-V вв. н.э. Могильник относится к чегандинской культуре пьяноборской культурно-исторической общности. В основе этнокультурной оценки материалов Тарасовского могильника лежит концепция Р.Д. Голдиной о существовании в рамках III в. до н.э. – V в. н.э. пьяноборской общности, в состав которой входила, в том числе, чегандинская культура с подразделением на три стадии: икская (III-I вв. до н.э.), афонинская (I-II вв. н.э.) и мазунинская (III-V вв. н.э.) (по В.Ф. Генингу и Т.И. Останиной III-V вв. – время функционирования мазунинской культуры).

Определенное осмысление итогов исследования Тарасовского могильника в контексте общей исторической ситуации в регионе дано в монографии Р.Д.Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа»; также обоснована принадлежность памятника к чегандинскому варианту пьяноборской культурно-исторической общности (Голдина, 1999). Важность тарасовских материалов для прикамской археологии отмечена в статьях о могильнике, которые попали в две энциклопедии – Уральскую историческую (Голдина, 1998. С.508) и Энциклопедию Удмуртской Республики (Голдина, 2000. С.671).

Украшения и принадлежности костюмного комплекса, в избытке выявленные при раскопках некрополя, послужили основой для самых разных исследований. Были затронуты вопросы семантики декоративных изделий (Липина Л.И., 2007), технологии изготовления разных категорий украшений (Григорьева Т.М., 2005, 2006, 2007; Перевозчикова, 2005), выделения составных частей костюмного комплекса пьяноборского населения (Красноперов А.А., 2005, 2006а, 2006б). Н.А.Лещинская на примере одной категории бронзовой пластики – фибул – рассмотрела торгово-культурные связи прикамского населения (Лещинская Н.А., 2010). Также вопросы типологии и хронологии застёжек Тарасовского могильника активно разрабатывались Т.А.Лаптевой (Лаптева Т.А., 1993, 1994).

Особый интерес вызывают предметы вооружения: некоторые категории оружия – «косы-горбуши», шлемы – стали темой для отдельных статей. С.Р.Волковым (Волков С.Р., 1995, 1996) в соавторстве с Р.Д.Голдиной была опубликована статья «Шлемы Тарасовского могильника» (Голдина Р.Д., Волков С.Р., 2000). «Косы-горбуши» исследовались С.Е.Перевошиковым и И.Ю.Пастушенко (Перевошиков С.Е., Пастушенко И.Ю., 2006). Анализ предметов вооружения Тарасовского могильника с точки зрения половозрастных особенностей описан в статье С.Р.Волкова и Т.Р.Сабирова «Комплекс вооружения Тарасовского могильника I-V вв. н.э.» (Волков С.Р., Сабиров Т.Р., 2005).

Процесс железоделательного производства и металлографический анализ продукции черной металлургии Тарасовского могильника был затронут в работах С.Е.Перевошикова, В.В.Кондрашина, З.Ш.Нагиева (Кондрашин В.В., Перевошиков С.Е., 2002; Нагиев З.Ш., 2003). В.В.Кондрашин в своей работе характеризует уровень развития железообработки

прикамского населения (по анализам материалов пьяноборских могильников, в том числе и Тарасовского) как соответствующий большинству лесостепных культур Восточной Европы раннего средневековья (Кондрашин В.В., 2003). В монографии С.Е.Перевощикова (Перевощиков С.Е., 2002) рассматриваются погребения мастеров-ремесленников, к которым относятся и некоторые захоронения Тарасовского могильника. Еще одна находка из раскопок Тарасовского могильника – латунный слиток – является темой статьи С.Е.Перевощикова (Перевощиков С.Е., 2010).

Технико-технологические аспекты изготовления глиняных сосудов из погребений Тарасовского могильника стали предметом рассмотрения О.А.Казанцевой (Казанцева О.А., 1996), которая в статье «Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I-V вв.н.э.)» (Казанцева О.А., 2011) выявила хронологические группы тарасовской керамики.

Публикация статей по материалам Тарасовского могильника позволила другим отечественным авторам проводить аналогии с прикамским материалом. Так, Д.А.Сташенков (Сташенков Д.А., 2010а. С.115; Сташенков Д.А., 2010б. С.273) находит в раннеименьковских материалах аналогии точильным камням из погребений №№111, 112; бусинам из погребений №№467 и 966 Тарасовского могильника. Е.В.Лурье (Лурье Е.В., 2009) сравнивает в своей статье прикамские (в том числе и Тарасовские) шлемы IV-V вв. с находками из Англии (VI в.) и Средней Швеции (конец VI – начало VII вв. н.э.). С.А.Бадаев (Бадаев С.А., 2000) в своем реферате статьи Р.Д.Голдиной и С.Р.Волкова «Шлемы Тарасовского могильника» (Голдина Р.Д., Волков С.Р., 2000) излагает свое видение материала (Сабиров Т.Р., 2011, с.24-26).

Погребения могильника визуально достаточно четко подразделяются на две большие группы – раннюю (пьяноборскую) и позднюю (мазунинскую). Р.Д.Голдина и Н.А.Лещинская, кратко характеризуя хронологические группы памятника, выделяют 4 последовательно сменяющихся друг другом этапа. Группа I-II вв. н.э. характеризуется, по их мнению, сохранением в облике материальной культуры традиций ананьинско-чегандинского облика. Вторая группа конца II-III вв. н.э. определяется появлением бронзовых бабочковидных фибул небольших размеров простого декора, трехсоставных железных пряжек, бронзовых пряжек с удлинённой подтреугольной пластиной, поясных накладок подпрямоугольных форм, наконечников ремней (как простых, так и наборных) из перегнутой пластины. Датированными являются лучковые подвязные фибулы, пружинные фибулы с гладким корпусом и пластинчатым приемником. Третья группа III-IV вв. н.э. характеризуется трехсоставными (как правило, железными) пряжками и наконечниками ремней с зауженной серединой, бронзовыми накладками с привесками, крупными накладками из створок раковин, бронзовыми цельнолитыми фасетированными пряжками с удлинёнными щитками с округлым расширением на конце (более ранние варианты), более поздние варианты (IV в. н.э.) имели, вероятно, укороченные пропорции и слабо выраженный декор. К этому периоду относятся богатые воинские захоронения с уздечными наборами, мечами, шлемами. Хронологическим индикатором 4 группы V в. н.э. являются поясные пряжки «харинского типа», ромбические бронзовые поясные накладки, наконечники ремней из согнутых пластин с расширением в месте сгиба; среди украшений популярны бабочковидные фибулы и фибулы «сайгатского» типа, пронизки-медведи, круглопроволочные гривны и браслеты, головные уборы, украшенные накладками-обоймами. В заключение отмечается, что материалы могильника обладают уникальной возможностью для разработки эталонной хронологической шкалы всей первой половины I тыс. н.э. Прикамья (Голдина, Лещинская, 1997, с.22-24).

По мнению А.А.Красноперова, мазунинские комплексы Тарасовского могильника подразделяются на две группы. Для одной характерны фасетированная поясная гарнитура, бронзовые височные подвески и бабочковидные фибулы, для другой – височные подвески и бабочковидные фибулы на железной основе, отсутствие фасетировки на поясной гарнитуре. Первая группа датируется по практически полному отсутствию материала

пьяноборского времени, наличие фибул Скрипкин I-1-4, III-1, III-2, многочисленными параллелями в декоре поясной гарнитуры и оружия в сарматском мире, в меньшей степени – бусами; датирующим материалом для второй группы А.А.Красноперов считает привозные фибулы и подражания им (Амброз 17 и асимметричные дуголенточные, бусы из пасты печеночного цвета, отчасти поясная гарнитура и исчезновение форм предыдущего периода (Красноперов А.А., 2008, с.119). Ряд вещевых комплексов Тарасовского могильника подробно рассмотрен в работе Т.И.Останиной (1997): погребение №25 датировано III в. н.э., №14 – концом III в. н.э., №№2,19,52,61 – IV в. н.э. (1997, с.270, рис.24;26).

По данным планиграфического анализа Тарасовского могильника, выполненного по некоторым датирующим категориям погребального инвентаря, видна большая представительность на памятнике группы могил мазунинского времени. Данные планиграфии позволяют условно поделить могильник на две хронологические части: южная (до 46-48 линий раскопа) датируется I-II вв. н.э., северная – III-V вв. н.э. Приблизительно количество погребений I-II вв. составляет около четверти всех захоронений, количество захоронений III-V вв. – около трех четвертых от общего числа могил. За основу для анализа были взяты следующие группы вещей: застёжки с неподвижным крючком (I-II вв. н.э. по В.Ф.Генингу), бронзовые фибулы (III в. по Т.И.Останиной), накладки из раковин моллюсков (конец III – V вв. н.э. по Т.И.Останиной), железные гривны с бронзовой обмоткой (V в. н.э. по Т.И.Останиной). Распределение погребений с этими типами инвентаря на могильнике показывает направление заполнения площадки памятника захоронениями: с юга на север. Нет ни одного случая, когда какие-нибудь из данных категорий вещей были найдены в погребении одновременно. Более того, видно, что площадка могильника заполнялась планомерно и равномерно. В мазунинской части памятника наблюдается повышение количества погребений с подарочными наборами и, напротив, уменьшение количества безынвентарных захоронений (Сабиров Т.Р., 2011).

Как указано выше, количество погребений мазунинского периода значительно превышает количество предыдущего, пьяноборского, времени. Для выделения среди них более узких хронологических групп был использован метод взаимовстречаемости (табл.1). В итоговую таблицу вошло 83 типа (подтипа, варианта, подварианта) вещей из 105 погребений¹, подразделяющихся, достаточно условно, на три группы. Весь массив ременной гарнитуры, подвергнутый анализу, достаточно условно подразделяется на 6 групп – 3 основные и 3 смежные (промежуточные); 1 смежная группа занимает позицию между 1 и 2 основными, 2 и 3 промежуточные «лежат» рядом, между 2 и 3 основными группами.

Первая основная группа представлена следующими типами вещей: прямоугольными бронзовыми накладками из согнутой пластины, с фасетками, насечками, свободно вращающимся кольцом ПЗ7г (рис.1-1), цельнолитой пряжкой с круглой рамкой и удлиненным трапециевидным щитком ПД12а- (рис.1-2), прямоугольными плоскими накладками с фасетками и насечками ПЗ6а,б (рис.1-3), часть из которых имеет лопастевидное расширение на одном из концов ПЗ6д (рис.1-4), двусоставными пряжками, украшенными фасетками и насечками, с овальной рамкой и щитком с зауженной серединой ПБП7в1,в3 (рис.1-5), прямоугольными плоскими накладками с зауженной серединой П40ж (рис.1-6), П40в (рис.1-7), железными наборными наконечниками ремней из 2-4 пластин АП-1б,1г,1ж (рис.1-8), бронзовыми прямоугольными плоскими накладками, с насечками и без них ПЗ6г (рис.1-9), ПЗ7в (рис.2-10), ПЗ7а (рис.2-11), ПЗ7б (рис.2-12), ПЗ7д (рис.2-13), наборными наконечниками из 3-4 согнутых пластин с привесками или без них БХ1б,1г,1д,1е,1ж,2а (рис.2-14; 3-14), накладками из створок раковин *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae* типа III часто с бронзовыми

¹Ряд погребений, содержащих детали поясных наборов, по той или иной причине в таблицу не вошел.

умбоновидными накладками (рис.3-15; 4), бронзовыми накладкой из согнутой пластины, с фасетками, привеской ПЗ8а (рис.5-16), двусоставной пряжкой с В-образной рамкой, украшенной насечками, трапезиевидным щитком ПБП1а1 (рис.5-17), листовидными накладками из согнутой пластины, с насечками или без них ПЗ2а,34в (рис.5-18), наконечниками из согнутой пластины с зауженной серединой, украшенными фасетками и насечками БІV2а (рис.5-19), накладками из согнутой пластины с двумя площадками на лицевой стороне, фасетками и насечками, с кольцом П40з (рис.5-20), квадратным наконечником из согнутой пластины без расширения в месте сгиба БІ1а (рис.5-21), накладками из согнутой пластины с двумя площадками на лицевой стороне, с округлыми или листовидными привесками ПЗ7е (рис.5-22), накладками из согнутой пластины с тремя площадками на лицевой стороне и якорьковидными привесками ПЗ8в (рис.5-23), накладками из согнутой пластины с зауженной серединой, с фасетками и насечками, свободно вращающимся кольцом подвариантов П40г,е (рис.5-24) и П40б (рис.5-25), двусоставными пряжками с прямоугольной рамкой и щитком с зауженной серединой ПБV2а1 (рис.5-26), бронзовой пряжкой с овальной рамкой, украшенной фасетками и насечками, с железным щитком с зауженной серединой ПБП7в2 (рис.5-27), плоскими бронзовыми накладками с зауженной серединой, часто украшенными насечками П40а (рис.5-28).

Во вторую основную группу вошли бронзовые цельнолитые пряжки, украшенные фасетками, с квадратной рамкой, удлиненным трапезиевидным щитком с круглым расширением на конце типа ПДП1а-,а1 и прямоугольным щитком типа ПДП2а1 (рис.8-38), плоскими двукружковыми накладками с насечками и/или фасетками П20а (рис.8-39), накладками из согнутой пластины, лицевая часть которых состоит из двух несимметричных частей, со свободно вращающимся кольцом типа П22а (рис.8-40), бронзовой пряжкой с В-образной рамкой и железным щитком с зауженной серединой ПБП2а1 (рис.8-41), двусоставными бронзовыми пряжками (рис.8-42), плоскими трехчастными накладками варианта П23а (рис.8-43), цельнолитыми пряжками с треугольной и трапезиевидной рамками, вытянутыми треугольными щитками с круглым расширением на конце типов ПДV2а1, ПДVІ1а1,б1,б- (рис.8-44), плоскими наконечниками ремешков вариантов БП1а,1б,2б (рис.8-45), трехчастными накладками из согнутой пластины варианта П23б (рис.9-46), наконечником из согнутой пластины без расширения в месте сгиба с двумя круглыми накладками на лицевой стороне БП3б (рис.9-47), двусоставными пряжками с овальными рамками и щитками с зауженной серединой типа ПБП7г-,г1 (рис.9-48), плоским наконечником с зауженной серединой и приостренным передним краем БІV1а (рис.9-49), двусоставной пряжкой с В-образной рамкой и щитком с зауженной серединой, украшенном насечками ПБП2а2 (рис.9-50), трехчастными накладками из согнутой пластины со свободно вращающимся кольцом варианта П23в (рис.9-51), наконечниками из согнутой пластины без расширения в месте сгиба типа БІV2а1 (рис.9-52), накладками из согнутой пластины со свободно вращающимся кольцом вариантов П21а,б,в,г (рис.9-53).

Третья основная группа представлена бронзовыми наконечниками вытянутой треугольной формы типа БVІ1а (рис.13-66), бронзовыми двусоставными пряжками с овальной рамкой и щитком треугольной формы типа ПБП8а1,б1,в1 (рис.14-67), овальной рамкой и щитком с зауженной серединой типа ПБП7а1 (рис.14-68), овальной рамкой, украшенной насечками и щитком почковидной формы типа ПБП5а3 (рис.14-69), плоскими или выполненными из двух пластин наконечниками ремешков с секировидным расширением на конце БV1а,3а (рис.14-70), двусоставными пряжками с овальной рамкой и почковидными щитками типов ПБП5а2,а4 (рис.14-71), овальной рамкой и овальными щитками подвариантов ПБП3а1,б1,в1 (рис.14-72), поясными наконечниками в форме полый коробочки со стеклянными (?) вставками варианта БП5а (рис.14-73), двусоставной пряжкой с овальной рамкой и почковидным щитком, украшенным золотой пластинкой с мелкой зернью и тремя сердоликовыми вставками подварианта ПБП5б1 (рис.14-74),

наборным наконечником из трех согнутых пластин БХ1в (рис.15-75), двусоставными пряжками с овальной рамкой и квадратным щитком типа ПБП1а1 (рис.15-76), овальной рамкой и щитком полуовальной формы подвариантов ПБП4а1,а2,а3,а4,б1в-,в1 (рис.15-77), ременными наконечниками из согнутой пополам пластины с расширением в месте сгиба вариантов БП4а,4б,4в,4г (рис.15-78; 16-78), двусоставными пряжками с овальной рамкой и квадратным щитком ПБП1а3 (рис.16-79), овальной рамкой и прямоугольным щитком варианта ПБП2а-,а1 (рис.16-80; 17-80) и подварианта ПБП2а4 (рис.17-81), плоскими ромбическими накладками П4а (рис.17-82), двусоставными пряжками с овальной рамкой и щитком сегментовидной формы подвариантов ПБП6а1,а3,а5,а7,в1,в2,в3,г1 (рис.17-83).

Материал трех смежных (переходные) групп представлен различными элементами поясных наборов. В первую промежуточную группу входят бронзовые рамчатые пряжки, украшенные насечками, варианта ПА1-г-, г1,г2 (рис.6-29), двукружковые накладки из согнутой пополам пластины, часто украшенные насечками, со свободно вращающимся кольцом вариантов П19б,а (рис.6-30), накладки из согнутой пластины округлой или овально-вытянутой формы с кольцом П31а (рис.6-31), железные наконечники с зауженной серединой, плоские или из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба вариантов АП1а,2а,2б,2в,2г,2д,2е (рис.6-32), бронзовые двукружковые накладки из согнутой пластины, как правило, украшенные насечками или фасетками, со свободно вращающимся кольцом типа П20б (рис.7-33), железные двусоставные пряжки с овальной рамкой и щитком с зауженной серединой ИБП262,462,4в- (рис.7-34), наборные наконечники с привесками из трех или четырех согнутых пластин АП1е,1з (рис.7-35), бронзовые накладки из согнутой пластины, лицевая часть состоит из двух частей овально-округлой формы, с кольцом варианта П18б (рис.7-36), наконечники из согнутой пластины без расширения в месте сгиба БП3а,3в (рис.7-37).

Во вторую смежную группу входят предметы следующих типов: бронзовые накладки из согнутой пластины, украшенные фасетками, с кольцом П40г1 (рис.10-54), железные наконечники из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба АП1а,1б,1в (рис.10-55), наборные наконечники из трех согнутых пластин с привесками АП1д (рис.10-56), бронзовые накладки из согнутой пластины с двумя площадками на лицевой стороне, с колечками П37д1 (рис.10-57), листовидные накладки из согнутой пластины с кольцами или без них П34а,б (рис.10-58), железные двусоставные пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком ИБ3а-, ИБП1а-, 1а1,1а2,1а3,1б2,1б4,1б5,3а- (рис.10-59; 11-59), бронзовые круглорамчатые пряжки ПА1-а-,а2-,а3-,а4-,е- (рис.11-60).

В последнюю, третью, смежную группу, расположенную между 2 промежуточной и третьей основной, вошли железные квадратные и ромбические накладки типов Па,2б (рис.12-61), двусоставные пряжки с овальной рамкой и щитком с зауженной серединой типов ИБП4в1 (рис.12-62) и ИБП4а-,а1,а2,в2, ИБП2а2 (рис.12-63; 13-63), бронзовые двусоставные пряжки, язычок и щиток которых выполнены из одного куска металла ПП1а1, ПП1а2 (рис.13-64), овальнорамчатые пряжки подвариантов ПАП-а-,а1-,а2-,а4-,а6-,а9-,а12-,б2-,г1 (рис.13-65).

Для определения хронологического диапазона существования выделенных групп, обратимся к характеристике поясной гарнитуры. В первую группу вошли 28 типов инвентаря из 35 погребений², обратимся к характеристике этого материала. Пряжки, подобные пряжкам типа ПБП7в1,в3 (рис.1-5), украшенные фасетками и насечками, но с менее зауженной пластиной известны в вятских материалах, где Н.А.Лещинская датирует их III в. н.э. (Лещинская Н.А., 2012, статья в настоящем сборнике). Аналогии бронзовым накладкам из согнутой пластины, с фасетками, насечками и свободно вращающимся бронзовым кольцом типа П37г (рис.1-1) также встречаются в вятских материалах, время их бытования определено Н.А.Лещинской III в. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.104, рис.4-2). Многочисленные бронзовые плоские накладки, как правило, украшенные насечками,

² В этих могилах, кроме вещей 1 основной хронологической группы, содержатся предметы 1 и 2 промежуточных групп.

фасетками, с одним или двумя отверстиями или шпеньками для крепления типов ПЗ6а (рис.1-3), ПЗ6д (рис.1-4), ПЗ6г (рис.1-9), ПЗ7в (рис.2-10), ПЗ7а (рис.2-11), ПЗ7б (рис.2-12), датируются III в.н.э. и находят аналогии как в прикамских материалах (Останина Т.И., 1984, с.45, табл.25-8,9,26, 26-7,9; она же, 1997, с.296, рис.51-67-69), в том числе в инвентаре 1 половины III в. н.э. из Ныргындинского I могильника (Голдина Р.Д., Красноперов А.А., 2012, статья в настоящем сборнике, табл.44-6-9; 45-9-11), так и в погребальном инвентаре вятских могильников (Лещинская Н.А., 1995, с.104, рис.4-10,11; она же, 2012, статья в настоящем сборнике).

Среди предметов этой группы обращают на себя внимание накладки, изготовленные из согнутой пластины, с двумя площадками на лицевой стороне, оформленные насечками, с бронзовыми привесками-лапками или привесками-каплями типа ПЗ7е (рис.5-22). Прямоугольные накладки (наконечники) различных размеров с привесками-лапками, оформленными фасетками, известны достаточно широко в позднесарматских и более поздних материалах степного региона. Так, В.Ю.Малашев, анализируя ременные гарнитуры позднесарматского времени Северного Кавказа и Нижнего Дона, выделяет, среди прочего, два типа наконечников: тип Н2 – с короткой пластиной и длинной привеской, датируемый III в. н.э., и тип Н7 – с короткой или длинной фасетированной пластиной и короткой привеской с фасетками по краям и секировидным расширением на конце, которые датированы им серединой – 2 половиной IV в. н.э. (Малашев В.Ю., 2000, с.224; рис.1; 2; 5-Б7; 12-Б5-9; Д-1; Е-5; 3-2). С.И.Безуглов, характеризуя материал катакомбных могил позднеримской эпохи нижнедонских степей, датирует предметы, выделяемые В.Ю.Малашевым в тип Н7, несколько иначе. Предмет из могильника Вербовый Лог VI (курган 1) он соотносит с 1 хронологической группой – 40-50 гг. III в. н.э. – 1 треть IV в. н.э., а наконечник из некрополя Маяк (курган 15) – со 2 хронологической группой – 2 треть IV – рубеж IV-V вв. н.э. (Безуглов С.И., 2008, с.289-290; с.298, рис.4-12; с.301, рис.7-15). Говорить о полных аналогиях здесь вряд ли возможно, однако, следует отметить, что морфологически наиболее близки к нашим накладкам с привесками (по форме привесок) наконечники типа Н7 (по В.Ю.Малашеву) (2000, рис. 1; 2; 12-Б5-9; Д-1; Е-5; 3-2). В вятских материалах III в. также известны прямоугольные накладки, оформленные насечками и/или фасетками с декорированными привесками с закругленным или секировидным концом (Лещинская Н.А., 1995, с.104, рис.4-15-17; она же, 2012, статья в настоящем сборнике).

Накладка, подобная накладке типа ПЗ8а (согнутая пластина, украшенная фасетками с бронзовой привеской-лапкой; рис.5-16), но с простой, недекорированной каплевидной привеской, датирована Т.И.Останиной IV в. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.269, рис.51-45), также как и накладки с зауженной серединой типа П40з (рис.5-20), изготовленные из согнутой пластины, оформленные насечками и фасетками, со свободно вращающимся кольцом (там же, с.269, рис.51-43).

Интерес представляет большая группа накладок, изготовленная из створок раковин *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae* (рис.3-15; 4), обитавших в тропических зонах Тихого и Индийского океанов. Эти раковины имеют отверстие в центре, белый матовый цвет и лощеную поверхность, два экземпляра орнаментированы круглыми вдавлениями (рис.3-15), образующими симметричный узор на лицевой стороне. Несомненно, этими предметами дорожили – в ряде случаев на них остались следы ремонта. Часто раковины закреплялись на основе ремня с помощью бронзовых умбоновидных накладок различных форм (рис.4). Кроме Тарасовского могильника, накладки из раковин известны в погребальном инвентаре синхронных памятников мазунинского времени Удмуртского Прикамья: Ижевском, Покровском, Чепанихинском, Афонинском, Мазунинском, Ныргындинском I, Заборьинском, Боярском (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с.176). По мнению Т.И.Останиной, поясные бляхи из раковин в III-IV вв. н.э. были распространены преимущественно на правобережье р.Камы (удмуртская группа мазуно), а в V в. н.э. – на правобережье р.Белой (башкирская группа) (Останина Т.И., 1997, с.62-63; с.269, рис.51-

65). По мнению Е.В.Голдиной и Р.Д.Голдиной, эти раковины поступали на территорию Прикамья сухопутным путем через Среднюю Азию (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с.176), о чем свидетельствует находка подобной раковины в материалах позднесарматского могильника Покровка 10 (курган 43) (Малашев В.Ю., Яблонский, 2008, с.286, рис.162-5).

Оригинальными изделиями, входящими в 1 группу, являются ременные наборные наконечники типа АШ-,1б,1г,1ж, изготовленные из 2-4 железных согнутых пластин, часто с железными привесками (рис.1-8) или из 3-4 бронзовых согнутых пластин типа БХ1б,1г,1д,1е,1ж,2а, оформленных насечками и фасетками, часто с бронзовыми декорированными привесками различных форм (рис.2-14; 3-14). Т.И.Останиной подобного рода изделия (как железные, так и бронзовые) выделены в тип 4, который, по ее мнению, характерен для удмуртской группы памятников мазунинского времени Прикамья (Останина Т.И., 1997, с.61-62; с.258, рис.12-16,30). Наборные недекорированные наконечники (из 2-4 железных или бронзовых согнутых пластин) более простого облика и с привесками вытянутой каплевидной формы известны, например, в грунтовых погребениях Тураевского I могильника, где они датированы IV-V вв. н.э. и соотнесены со второй хронологической группой V в. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010 г., с.145; с.396, табл.221-6,7; с.397, табл.222-2; с.411, табл.236; с.412, табл.237-2-6; с.443, табл.267-66). Наборные железные наконечники, близкие по облику Тураевским, известны в инвентаре Заборьинского грунтового могильника мазунинского времени, предварительно датированного IV в. н.э. (Бернц В.А., 2008, с.432; с.444, рис.10). Подобные наконечники известны в рязано-окских могильниках – они изготовлены из бронзы, орнаментированы точками, насечками и другими геометрическими узорами, датированы И.В.Белоцерковской концом III – первой половиной IV в. н.э. (Белоцерковская И.В., 2007, рис.9-25,26,28). И.Р.Ахмедов соотносит такие наконечники с периодом 2С – середины IV в. н.э. (Ахмедов И.Р., 2007, схема 1-56). В вятских материалах III в. н.э., в частности, в Худяковском могильнике азелинского этапа худяковской культуры известны наборные наконечники, выполненные из трех плоских бронзовых пластин, декорированных фасетками и насечками (Лещинская Н.А., 1995, с.104, рис.4-28; Голдина Р.Д., 1999, с.237, рис.114-1).

В целом для материала первой группы погребений характерно декорирование лицевой поверхности бронзовых деталей поясов фасетками и насечками (рис.1-1-7,9-11,13,14,16,17,18-20,22-25,28). Элементы поясной гарнитуры первой группы выглядят достаточно монолитно и очень парадно, видимо, неся на себе в бóльшей степени эстетическую нагрузку и придавая всему костюмному комплексу роскошный вид, хотя нельзя «сбрасывать со счетов» и защитную функцию пояса как оберега, о чем могут свидетельствовать многочисленные привески на накладках и наконечниках (рис.1-8; 2-14; 3-14; 5-16,22,23). Все вошедшие в 1 основную группу элементы поясных наборов в других группах не выявлены, за исключением железных и бронзовых наборных наконечников, несколько экземпляров которых «убежали» в первую (рис.7-35) и вторую (рис.10-56) смежную, а также в третью основную (рис.15-75) группы. Также следует обратить внимание на железные наборные наконечники с кольцевыми подвесками (рис.1-8), так как по данным Т.И.Останиной, «...наконечники с кольцеобразными подвесками сделаны всегда из бронзы...» (1997, с.61). Обращает на себя внимание небольшое количество пряжек – 5 позиций (9 экземпляров) (рис.1-2,5; 5-17,26,27); в 3 случаях из 5 пряжки использовались в качестве поясных (рис.1-2; 5-17,27), в 2 – обувных (рис.1-5; 5-26). Наборные пояса из этих погребений выглядят достаточно монолитно; они отличаются от поясов последующих групп, в первую очередь, накладками из раковин, количество которых варьировало от 1 до 3 экземпляров (рис.5). Только пояс из могилы №453 по форме накладок «выбивается» из общего ряда ремней (рис.6-1).

В погребальном инвентаре погребений 1 группы найден ряд бронзовых фибул (рис.1-8-15). Пять из них (рис.1-8,10,13-15) соответствуют типу 9 группы 13 в классификации

А.К.Амброза, либо вариантами 1-3 типа 1 по классификации Т.И.Останиной (Останина Т.И., 1997, с.42-44) – бабочковидные фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, прикамский вариант. По А.К.Амброзу, они являются вариантом дальнейшего развития сарматских фибул и типологически не могут быть ранее IV в. н.э. (Амброз А.К., 1966, табл.5-23; 6-1). Фибула из жертвенного комплекса могилы №307 (рис.1-10) близка фибуле из погребения №52 Тарасово (фибулы отличаются друг от друга несколько иной орнаментацией), комплекс которого датирован Т.И.Останиной IV в. н.э. (1997, с.272, рис.26-12). В захоронении №312 найдена небольшая ромбическая фибула (поволжско-сарматская с завитком) (рис.1-11), сходная с фибулой из погребения №47 Мазунинского могильника, комплекс которого датирован концом III – началом IV вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.46; с.274, рис.28-2). В целом, наиболее вероятные хронологические рамки этой группы III (2 половина?) – 1 половина (середина?) IV вв. н.э.

В первую смежную группу входят 9 типов вещей, содержащиеся в 36 погребениях³. Железные пряжки с овальной рамкой и щитком с зауженной серединой (рис.7-34) по мазунинским материалам Прикамья датированы В.Ф.Генингом IV в. н.э. (1979, хронологическая таблица Б-2; В-3; Д-2-4), Т.И.Останиной – IV-V вв. н.э. (1997, рис.51-42), в материалах грунтовых погребений Тураевского I могильника – IV-V в. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.145; с.442, табл.266-62).

Накладки, подобные накладкам типа П31а (рис.6-31), известны в азелинских древностях, например, в могилах №№ 93,206,264,272 Рождественского V могильника (Старостин П.Н., 2009, с.104, рис.20-А6а; с.121, рис.35-5,6; с.128, рис.42-Д13; с.129, рис.43-Б8), погребении №41 некрополя Тюм-Тюм (Ошибкина С.В., 2010, с.129, табл.16-22; с.165, табл.52-18). В мазунинских материалах они датированы IV в. н.э. (Останина Т.И., 1997, рис.51-51). За пределами прикамского региона вещи подобного рода известны в катакомбе №122 сарматского могильника Клин-Яр III, где они датированы серединой III в. н.э. (Малашев В.Ю., 2008, с.270; с.280, рис.3-18). В погребении №57 Кошибеевского могильника они соотнесены с хронологическим периодом 2 половины III – начала IV в. н.э. (Белоцерковская И.В., 2007, с.164, рис.10-5; схема 1-41). Подобные накладки с несколько иным оформлением края лицевой стороны пластины известны в цебельдинской культуре, где хронологически они соотнесены с периодом 7 – 400-425 гг. н.э. (Гей О.А., Бажан И.А., 1997, с.100, табл.28-4). А.А.Богачев датирует подобные накладки III-IV вв. н.э. (тезиковский этап) (1992, с.143-144, рис.20,21).

В эту же группу вошли накладки типов П19в (рис.6-30) и П20б (рис.7-33) – бронзовые накладки из согнутой пополам пластины, лицевая сторона которых представляет собой два круга, соединенных прямоугольной площадкой различной длины. В.Ф.Генинг по материалам Прикамья датировал накладки подобного рода III-IV вв. н.э. (1979, хронологическая таблица В-9; Г-7). В грунтовых могилах Тураевского I некрополя накладки подобного облика несколько иных пропорций соотнесены с третьей хронологической группой и датированы 2 половиной IV – V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.445, табл.269-80). По мнению А.В.Богачева, наборные пояса с этими двукружковыми накладками бытовали в течение последней четверти IV – первой четверти V в. н.э. (Богачев А.В., 2007, с.16-18, рис.1-3,4). Известны накладки такого облика и в азелинских материалах, например, в погребениях №№75, 207 Рождественского V могильника (Старостин П.Н., 2009, с.100, рис.16-15; с.118, рис.32-А12). Подобные накладки найдены в погребении 2 кургана 2 могильника Байрамгулово, входящего в круг памятников гунно-сарматской культуры. С.Г.Боталов соотносит этот некрополь с поздним этапом культуры, датированным его IV-V вв. н.э. (Древняя история Южного Зауралья, т. II, с.236; с.237, рис.10-31; с.253).

Накладки, подобные предметам типа П18б (рис.7-36), известны в материалах Прикамья, где датированы В.Ф.Генингом первой половиной IV в. н.э. (1979,

³ Эти погребения соотносятся с 1 и 2 группами.

хронологическая таблица Б-9), Т.И.Останиной – концом IV – началом V в. н.э. (1997, рис.51-84).

Достаточно многочисленны ременные железные наконечники (как плоские, так и из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба) с зауженной серединой типа АШ1а,2а,б,в,г,д,е (рис.6-32). По материалам Прикамья они датированы Т.И.Останиной IV-V вв. н.э. (1997, с.296, рис.51-27). Подобные предметы известны в материалах азелинского времени (Бажан И.А., Васкул И.О., 1988, с.81, рис.3-11,27,40,56,76,100; Генинг В.Ф., 1963, с.44, рис.21; с.45, рис.22; табл.V-17,19; XXIII-12,13; Ошибкина С.В., 2010, с.158, табл.45-3). Как считают И.А.Бажан и И.О.Васкул, подобные наконечники «...обнаруженные за пределами Восточной Европы, датируются в пределах второй половины II – первой половины III в. н.э. Максимум их распространения приходится на рубеж II-III вв. н.э. ...Тот факт, что на территории Волго-Камья выявлено большое число погребений с наконечниками ремней J-IV-I позволяет рассматривать данный регион как центр распространения подобных изделий» (Бажан И.А., Васкул И.О., 1988, с.80,82). По их мнению, возникнув на территории Польского Поморья, эти предметы распространились во II-III вв. н.э. в пшеворской, западно-балтской и вельбаркской культурах, откуда они поступали в качестве импорта в лесную зону Восточной Европы, причем, вряд ли они пришли в Прикамье южным путем от сармат, так как там такие варианты наконечников не известны (там же, с.85-86). В эту же группу входят железные наборные наконечники из 3-4 согнутых железных пластин с железными привесками, описанные выше.

Бронзовые наконечники из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба (рис.6-37) датированы Т.И.Останиной IV-V вв. н.э. (1997, с.296, рис.51-28). Подобные вещи известны в вятских материалах, например, в захоронении №33 Тюм-Тюмского могильника, где датированы III-IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010, табл.4-10). За пределами прикамского региона подобные наконечники известны, к примеру, в катакомбе №122 могильника сарматского времени Клинь-Яр III, которая датирована серединой III в. н.э. (Малашев В.Ю., 2008, с.270; с.280, рис.3-17).

Для материала 1 промежуточной группы характерны крупные железные пряжки со щитком с зауженной серединой и наконечники подобного облика, бронзовые наконечники из согнутой пластины и небольшие круглорамчатые пряжки, декорированные насечками (все они использовались в качестве портупейных для крепления ножен ножей), накладки из согнутых пластин, лицевая сторона которых состоит из двух овалов или кругов, соединенных площадкой, а также небольших круглых накладок с «ножкой». Декорирование фасетками и насечками гораздо более малочисленное и «бедное» по сравнению с предыдущей группой. Присутствие в этой группе железных наборных наконечников объясняется, вероятно, их «запаздыванием». Четко определить хронологические рамки этой небольшой группы предметов затруднительно, вероятно, они достаточно широкие, включающие в себя IV и, вероятно, начало V вв. н.э.

Во вторую основную группу входит 16 типов вещей, происходящих из 21 могилы (погребения второй группы). Интересны бронзовые литые пряжки типа ПДШ1а-,a1 (рис.8-38), подобные (без фасетирования) которым есть в вятских материалах азелинского времени, датированные В.Ф.Генингом 1 половиной IV в. н.э. (1979, хронологическая таблица Г-4), Н.А.Лещинской – IV в. н.э. (1995, с.106, рис.7-13). Подобная цельнолитая пряжка, но несколько иных пропорций и без фасетирования, есть в погребении №122 Рождественского V могильника (Старостин П.Н., 2009, с.107, рис.23-Б-10). В погребениях №54 и 264 этого же памятника есть еще две цельнолитые пряжки с круглым расширением на конце щитка (там же, с.95, рис.12-Е7; с.128, рис.42-А1), отличающиеся по форме («плечики» при переходе от рамки к щитку) и пропорциям от тарасовских экземпляров. Пропорции одной из них (могила №54) несколько сближают ее с типом ПДВ2а1 (рис.8-44). Кроме того, еще в ряде могил (№№62,76,93,117,171) Рождественского V некрополя найдены пряжки с удлиненными трапециевидными щитками с круглым (округлым) расширением на конце, но они не цельнолитые, а составные, хотя традиция оформления

щитка круглым расширением просматривается достаточно четко. М.Г.Мошкова, проанализировавшая сбруйные наборы из сарматских погребений Лебедевского могильника (группа VI), указывает на находку в кургане 3 бронзовой составной пряжки с круглой рамкой и удлиненно-трапециевидным щитком с округлым расширением на конце (там же найдена подвеска, повторяющая форму этого щитка). По ее мнению, пряжки с таким расширением на конце щитка существовали уже в середине III в. н.э. и что «...подобная форма щитка и подвески нигде не встречается среди пряжек и подвесок из сарматских памятников и в данном случае несомненно связана с традициями и производством северных оседлых соседей южноуральских кочевников» (Мошкова М.Г., 2001, с.242; с.247, рис.2-11; с.248, рис.3-6).

Цельнолитые пряжки типа ПДV2a1, вошедшие в эту группу (рис.8-44), имеют иные формы рамки (трапеция или треугольник) и длинный вытянутый щиток, но наличие круглого расширения в задней части щитка сближает их с азелинскими и предыдущим типом (рис.8-44). Пряжки, подобные бронзовым трехсоставным пряжкам с округлой рамкой и овальным щитком, оттянутым от рамки типа ПБ12a1,б1 (рис.8-42) известны в материалах азелинского времени, к примеру, в погребениях №27 Рождественского V могильника (Старостин П.Н., 2009, рис.10-Б2) и №40 могильника Тюм-Тюм (Ошибкина С.В., 2010, с.128, табл.15-7). В мазунинских материалах пряжки, щитки (правда, не овальные, а круглые) которых оттянуты от рамок (тип 8, вариант 1 по Т.И.Останиной), по мнению Т.И.Останиной, аналогичны черняховским пряжкам, самая поздняя дата бытования которых – конец IV в. н.э. (1997, с.66).

Двукружковые накладки типа П20a (рис.8-39) известны в погребальном инвентаре грунтовых захоронений Тураевского I могильника 2 половины IV – V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.400, табл.225-18). Как указывалось выше, А.В.Богачев наборные пояса с такими накладками датирует 1 четвертью IV – первой четвертью V в. н.э. (Богачев А.В., 2007, с.16-18, рис.1-1,2). Декорированные бронзовые накладки из согнутой пластины типа П22a (рис.8-40), лицевая часть которых состоит из двух несимметричных (круглой и квадратной) частей, соединенных квадратной площадкой, имеют аналогии среди вятских материалов, где датированы очень широко – III-V вв. н.э. Единственное их различие – вятские экземпляры не орнаментированы (Генинг В.Ф., 1963, табл.XXII-4; он же, 1979, хронологическая таблица Г-6; Лещинская Н.А., 1995, с.113, рис.13-В9). Еще один тип бронзовых накладок П21a (рис.9-53) также находит параллели в вятских материалах и датируется Н.А.Лещинской, как и предыдущий тип, III-V вв. н.э. (1995, с.113, рис.13-В6); подобные накладки известны, например, в инвентаре погребений №94А могильника Тюм-Тюм III-IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010, с.164, табл.51-1) и №№73,117 Рождественского V могильника (Старостин П.Н., 2009, с.99, рис.15-38-40а; с.108, рис.24-А18). В.Ф.Генингом такие накладки в массиве прикамских материалов датированы 1 половиной IV в. н.э. (1979, хронологическая таблица Б-9), Т.И.Останиной подобные вещи отнесены к концу IV – началу V вв. н.э. (1997, с.296, рис.51-84).

Трехчастные накладки, входящие во 2 основную группу, представлены, в частности, предметами типа П23a (рис.8-43). Аналогичные накладки известны в комплексе V в. н.э. (могила №28А) Покровского могильника, синхронном памятнике мазунинского времени (Останина Т.И., 1997, с.276, рис.30-6), а также в грунтовом захоронении №20 Тураевского I могильника, где они соотносятся со 2 хронологической группой V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.438, табл.262-26).

Бронзовые наконечники, выполненные из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба с зауженной серединой типа БIV2a1 (рис.9-52) находят аналогии в вятских материалах III-IV вв. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.106, рис.6-5), например, в инвентаре погребения №1 азелинского могильника Тюм-Тюм III-IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010, с.114, табл.1-9). Здесь уместно еще раз упомянуть работы И.А.Бажана и И.О.Васкула (1988), В.А.Богачева (1992), В.Ф.Генинга (1963), Т.И.Останиной (1997), С.В.Ошибкиной (2010), в которых описываются и анализируются

наконечники с зауженной серединой; более подробные ссылки на эти работы даны выше, при описании железных наконечников типа АП1а,2а,б,в,г,д,е (рис.6-32).

Наконечники, подобные предметам типа БП1а,1б,2б (рис.8-45), известны в позднесарматских материалах со II в. н.э. Так, М.В.Кривошеев и А.С.Скрипкин, анализируя позднесарматские комплексы междуречья Волги и Дона, соотносят подобные предметы с группами IV и III, датируемые ими 2 половиной II – 1 половиной III вв. н.э. (IV) и 1 половиной III в. н.э. (III) (2006, рис.2). В.Ю.Малашев соотносит наконечники подобного облика с типом Н3а (подгруппы Па и Пб), хронологические рамки существования которого определяет в пределах III в. н.э. (Малашев М.Ю., 2000, с.197; рис.1; 2, 4-Б8, В1,2; 6-Б2). А.А.Строков, рассматривая 2 экземпляра наконечников такого облика из погребений Фанагорийского некрополя, датирует комплекс могилы №4 склепа МТФ 1991 г. 2 половиной IV в. н.э. – из нее происходит вытянутый узкий треугольный наконечник с выемкой, куда вставлялся ремень (близок нашему экземпляру из погребения №243; Голдина Р.Д., 2003, с.107, табл.105-10). Второй предмет (плоский и несколько меньших размеров) найден в погребении №30/2005, дата этого комплекса – 1 половина V в. н.э. Находки таких наконечников известны на Боспоре и в Крыму в эпоху великого переселения народов (А.А.Строков, 2009, с.314). По мнению М.М.Казанского и И.Р.Ахмедова, данные наконечники появляются во второй трети IV в. н.э., но особенно характерны для гуннского времени, а наиболее поздние – к постгуннскому; они особенно характерны для оседлого населения понтийского региона и бассейна Волги, хотя встречаются и у степных кочевников (там же). В средневековых материалах IV-V вв. н.э. подобного рода изделия известны также в погребении №232 Мокинского могильника (Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., 2011, с.65; с.79, рис.7-8).

Во вторую основную группу вошли предметы, изготовленные из бронзы – цельнолитые и составные пряжки, двух- и трехчастные накладки, плоские наконечники и наконечники из согнутой пластины, декорирование которых, как и в предыдущей группе, встречается редко. Возможная дата группы – IV (2 половина?) – начало V в.н.э. (?)

Вторая смежная группа представлена 7 типами вещей из 28 погребений всех трех групп. Пряжки представлены железными щитковыми экземплярами типа IB1а-, IB1а-1а1,а2,а3,1б2,б4,б5,3а- (рис.10-59) (вероятно, близки варианту 1 типа 7 по Т.И.Останиной) и бронзовыми рамчатыми пряжками типа ПА1-а-, -а2, -а3, -а4, -е- (рис.11-60) (вероятно, типы 1,2 по Т.И.Останиной). «Узкая» датировка этих пряжек вряд ли возможна, достаточно сказать, что бронзовые прикамские «рамки» отнесены Т.И.Останиной к широкому хронологическому диапазону – III-V вв. н.э. (1997, рис.51-40,41).

Накладки типа П40г1 (рис.10-54) отнесены Т.И.Останиной к специфическим вещам удмуртской группы (1997, с.325, рис.79-28). Они известны в мазунинских материалах синхронных могильников, например, в комплексе IV в. н.э. могилы №48 Ижевского некрополя (там же, с.271, рис.25-11), в погребении №24 Заборьинского могильника, предварительно датированного IV в. н.э. (Бернц В.А., 2006, с.374-375, рис.13-1-1; 14-1), в Тураевском I могильнике в группе погребений V в. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.443, табл.267-65). Накладки, подобные бронзовым листовидным типа П34а (рис.10-58) также известны в памятниках мазунинского времени, где датированы IV в. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.296, рис.51-48).

Период бытования железных наконечников из согнутой пополам пластины без расширения в месте сгиба, подобных предметам типа АП1а,1б,1в (рис.10-55), достаточно широк, они, например, известны в погребальном инвентаре раннеаланских комплексов (могильник Брут 2, курганы 10,11,17), где они датируются 2 половиной II – 1 половиной III вв. н.э. (Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.299, рис.133-7-9,11). В Прикамье они датированы Т.И.Останиной IV в. н.э. (1997, с.296, рис.51-56). Железные наборные наконечники из 3 железных согнутых пластин с привесками типа АП1д1 (рис.10-56), как уже указывалось выше, Т.И.Останиной (также как и бронзовые) выделены в тип 4,

который, по ее мнению, характерен для удмуртской группы памятников мазунинского времени Прикамья (Останина Т.И., 1997, с.61-62; с.258, рис.12-16,30).

В третью промежуточную группу вошло 5 типов вещей из 33 могил 2 и 3 групп. Накладки, близкие по облику железным квадратным накладкам типа IIa (рис.12-61) с 4 гвоздиками со шляпками-полугорошинами, но с 5 такими же гвоздиками, известны в материалах грунтовой части Тураевского I могильника, где они найдены в могилах 2 половины IV – V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.448, табл.272-93). Подобные накладки, также с 5 заклепками для крепления найдены в Шатрищенском могильнике (погребение №4 мыса 4); они выделены в группу 3A и атрибутированы как предметы 2 половины IV – начала V вв. н.э. (Белоцерковская И.В., 2007, гл.3.2, схема 3, №20, рис.21-6). Ромбические накладки типа I26 (рис.12-61) с 4 бронзовыми гвоздиками также находят аналогии (разница в количестве заклепок) в материалах грунтовой части Тураево I, где найдены в комплексе V в. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.443, табл.267-69).

Остальные 4 типа вещей – это пряжки, преимущественно, железные. Двусоставные железные пряжки с овальной рамкой и щитком с зауженной серединой типов IBП4в1 (рис.12-62) и IBП4а-а1,а2,в2, IBП2а2 (рис.12-63; 13-63) датируются в прикамских материалах достаточно широко – IV–V вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.296, рис.51-42). Например, в тураевских материалах (грунтовая часть) время их бытования соответствует 2 половине IV – V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.445, табл.269-79; с.447, табл.271-92), они найдены в Усть-Сарапульском могильнике IV-V вв. н.э. (Арматынская О.В., 1986, рис.4-19), В.Ф.Генинг датирует их серединой – 2 половиной IV в. н.э. (1979, хронологическая таблица Б-2, В-3, Д-1-4). Бронзовые овальнорамчатые пряжки типа ПАП-а-а1,-а2,-а4,-а6,-а9,-а12,-б2,-г1 (рис.13-65) (вероятно, тип 1 по Т.И.Останиной) также имеют широкий хронологический диапазон – IV-V вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.63-63; с.296, рис.51-40).

Для 2 и 3 смежных групп характерны крупные железные пряжки с прямоугольной или зауженной в середине пластиной, кругло- и овальнорамчатые бронзовые пряжки, бронзовые некрупные накладки, изредка оформленные фасетками или насечками, железные накладки – то есть, либо материал, датируемый концом мазунинского периода, либо материал, имеющий широкий временной диапазон; вероятные хронологические границы этих групп – IV-V вв. н.э.

В третью основную группу вошло 18 типов предметов из 35 погребений 3 группы, преимущественно, пряжек и наконечников; накладки представлены в 1 случае. Накладки, аналогичные бронзовым плоским ромбическим накладкам типа II4a (рис.17-82), известны в погребениях №№1,77 Тюм-Тюмского могильника III-IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010, с.92, рис.24; с.114, табл.1-8; с.147, табл.34-2,4), в вятских материалах V в. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.110, рис.10-24), по материалам Удмуртского Прикамья они датированы также V в. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.296, рис.51-10). По мнению В.Б.Ковалевской, подобные накладки происходят из могил V-VI и VI-VII вв. н.э. с территории Башкирии и являются основным и почти единственным типом накладок на кожаных поясах населения, оставившего Бирский могильник (2000, с.149; с.163, рис.XII-27).

В эту группу вошли исключительно бронзовые овальнорамчатые пряжки со щитками различных форм. Пряжки со щитком с зауженной серединой, подобные предмету типа ПБП7а1 (рис.14-68), но несколько иных пропорций и с язычком другой формы, известны в кургане 10 могильника Брут 2, в раннем комплексе 2 половины II – 1 половины III в. н.э. (Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.298, рис.132-21,22). Пряжки, подобные пряжкам типа ПБП8а1,б1,в1 (рис.14-67), но иных пропорций и с другими по форме язычками, в вятских материалах датированы Н.А.Лещинской V в. н.э. (1995, с.110, рис.10-4-6). Там же, в вятских материалах V в. н.э. найдена пряжка подобная предмету типа ПБП5а2 (рис.14-71) (Голдина Р.Д., 1999, рис.117-9). Пряжка, подобная пряжке типа ПБП1а1 (рис.15-76) известна в инвентаре разрушенной урновой кремации Н-35К могильника Hünenberg/Гора Великанов (Зеленоградский район Калининградской области), комплекс которой

датируется по пряжке, являющейся ближайшим прототипом артефактов стиля Sösdala из Dollkeim и Warnkam, временем незадолго до 450 г. н.э. (Кулаков В.И., 2008, с.94-95; с.97, рис.9-1). Пряжки, близкие по форме щитка (полуовал) пряжкам типа ПБП4а1,а2,а3,а4,б1в,в1 (рис.15-77) известны в прикамских материалах, где датируются достаточно широко – IV-V вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.296, рис.51-30), в вятских материалах V в. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.110, рис.10-8). Пряжки подварианта ПБП4а4 этого типа прикреплялись к ремням с помощью заклепок с очень крупными шляпками-полугорошинами. По мнению В.Ю.Малашева, еще в группе Пб, то есть со 2 половины III в. н.э. штифты, использовавшиеся для крепления пряжек к ремню, оформляются крупными декоративными шляпками полусферической формы (2000, с.201). Пряжки с прямоугольными щитками типа ПБП2а-,а1 (рис.16-80; 17-80) и подобные им известны в позднесарматских материалах междуречья Волги и Дона 2 половины II – 1 половины III вв. н.э. (Кривошеев М.В., Скрипкин А.С., 2006, с.126, рис.2; Малашев В.Ю., 2000, с.195,209,221, рис.2; 3-А2,Б4,В4,Г2,3,Д1,Е1; 4-А6), в кургане 14 раннеаланского могильника Брут 2, где они датированы 2 половиной II – 1 половиной III вв. н.э. (Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009, с.298, рис.132-9), в катакомбе 122 могильника сарматского времени Клинь-Яр III, которая датирована серединой III в. н.э. (Малашев В.Ю., 2008, с.270; с.280, рис.3-27,28), в погребении №142 того же памятника, датированном серединой – 2 половиной III в. н.э. (Флеров В.С., Малашев В.Ю., 2000, с.11-12; с.14, рис.2-8; с.16), в рязано-окских могильниках Заречье и Кораблино, где они датированы III – 1 половиной IV вв. н.э. (Белоцерковская И.В., 2007, глава 3.3, рис.9-1-3,5,9). Подобные пряжки известны, например, также в позднесарматских материалах населения Южного Приуралья (могильники Покровка 2, курган 9; Красный Яр, курган 3), где они датируются 2 половиной III в. н.э. (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, с.327, рис.203-1,2; с.331, рис.207-3,4). По материалам грунтовой части Тураево I подобные изделия датируются 2 половиной IV – V вв. н.э. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.444, табл.268-75).

Бронзовые наконечники типа БIV1а (рис.14-66) близки ряду предметов типа БШ1а,1б,2б (рис.8-45); здесь еще раз уместно упомянуть работы М.В.Кривошеева и А.С.Скрипкина (2006), В.Ю.Малашева (2000), А.А.Строкова (2009), более подробные ссылки на которые даны выше. Бронзовые наконечники, набранные из нескольких согнутых пластин типа БIX1в (рис.15-75), описаны выше; здесь только еще раз отметим, что они соответствуют типу 4 по классификации Т.И.Останиной (1997, с.61).

Достаточно широкие аналогии находят бронзовые наконечники из согнутой пополам пластины с расширением в месте сгиба типа БШ4а,4б,4в,4г (рис.15-78; 16-78). Изделия подобного облика известны на территории Южного Приуралья, в инвентаре кургана 43 позднесарматского могильника Покровка 10 (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, с.286, рис.162-3), из позднесарматских материалов Северного Кавказа и Нижнего Дона, где они соотнесены В.Ю.Малашевым с группами Пб – 2 половины III в. н.э., Ша – 1 четверти IV в. н.э., Пб – середины IV в. н.э. и IV – 2 половины IV в. н.э. (2000, рис.1;2;8-А5,6;9-Б6,7;10-Б2;12-Е6;13;13-В4). Подобные наконечниками с расширением в месте сгиба найдены в погребении №7 Уржумкинского могильника (Никитина Т.Б., 1999, с.129, рис.47-9), в погребениях №№1,59,77 могильника Тюм-Тюм III-IV вв. н.э. (Ошибкина С.В., 2010, с.114, табл.1-9; с.143, табл.30-2; с.147, табл.34-2,4). Они известны в вятских и мазунинских комплексах V вв. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.110, рис.10-2,3; Останина Т.И., 1997, с.296, рис.51-18), в материалах погребения №232 Мокинского могильника IV-V вв. н.э. (Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., 2011, с.65-66; с.79, рис.7-4). Длинный узкий наконечник с расширением в месте сгиба найден в погребении V в. н.э. могильника у села Лучистое (захоронение №16, склеп 100), использовавшийся в качестве обувного (Хайрединова Э., 1999, с.203, 206; с.222, рис.8-2).

Наконечники типа БV1а,3а (рис.14-70) представляют собой длинные узкие предметы с секировидным расширением в передней части. Один из них (могила №1798), выполненный из двух пластин, близок наконечнику из Усть-Сарапульского могильника

IV-V вв. н.э. (Арма тынская О.В., 1984, рис.3-10). Что касается плоских наконечников, то, возможно, здесь следует упомянуть материалы позднесарматского могильника Новый (курган 1, погребение №2). В.Ю.Малашев выделяет плоские фасетированные наконечники в тип Н8 (группа IV) и датирует 2 половиной IV в. н.э. (2000, рис.1;2;12-K), С.И.Безуглов соотносит их со 2 хронологической группой и датирует несколько иначе – 2 третью IV – рубежом IV-V вв. н.э. (Безуглов С.И., 2008, с.301, рис.7-14).

Интересны 3 наконечника типа БП5а (рис.14-73), выполненные в форме полый замкнутой коробочки с несимметричным расширением в месте сгиба, изготовленные из бронзы с позолотой; лицевая сторона каждого имеет 4-5 гнезд со стеклянными (?) вставками бордового (темно-вишневого) цвета треугольной, прямоугольной или полуовальной формы. Вряд ли эти предметы являются оригинальными, вероятно, это реплики, выполненные местными мастерами. Возможные аналогии – это три предмета из позднесарматских могильников Утамыш и Муслюмово, выполненные в форме полый коробочки с симметричным или несимметричным расширением в месте сгиба, на лицевой стороне – гнезда со вставками квадратной и прямоугольной формы. В.Ю.Малашев соотносит их с типом Н10, определяя время бытования этих предметов в пределах групп Пб, Пв, Пг, IV, общие хронологические рамки которых – 2 половина III в. н.э. – 2 половина IV в. н.э. (Малашев В.Ю., 2000, рис.1; 2; 13-B3,Г10,11).

Для предметов, вошедших в эту группу, характерно практически полное отсутствие декорирования предметов за исключением наконечников с секировидным расширением на конце (рис.14-70) и пряжки (рис.14-69). Железных предметов среди них нет, все изготовлены из бронзы. В эту же группу вошли три бронзовых с позолотой наконечника поясов, выполненные в форме полый замкнутой коробочки, на лицевой стороне которых есть гнезда со стеклянными (?) вставками (рис.14-73). Здесь же «присутствует» пряжка с серебряной рамкой и железным щитком, который с лицевой стороны закрыт золотой пластинкой с тремя сердоликовыми вставками, гнезда для которых, как и окружность самого щитка, украшены мелкой зернью (рис.14-74). Наиболее вероятная дата этой группы – V в. н.э. (возможно, рубеж IV-V – V вв. н.э.).

Сравнивая детали поясной гарнитуры из разных групп, видно, что в основные группы вошли, за редким исключением, бронзовые изделия, железные, наоборот, сгруппировались в большинстве своем, в промежуточных группах. Если сравнивать бронзовые изделия, то хорошо видно, что их первоначально богатое декорирование исчезает; изменяются пряжки – на смену бронзовым трехсоставным с декором и зауженным щитком (рис.1-5; 5-26) и цельнолитым (рис.8-38,44) приходят, как правило, крупные железные (рис.7-34; 10-59; 11-59; 12-63; 13-63), небольшие бронзовые кругло- и овальнорамчатые (рис.11-60; 13-65), а в V в. н.э. – выглядящие достаточно монолитно трехсоставные овальнорамчатые с прямоугольными, овальными, полуовальными, почковидными, сегментовидными щитками (рис.14-69,71,72; 15-76,77; 16-79,80; 17-80,83). Здесь же стоит отметить, что в основных группах «присутствуют», за исключением одной пряжки с железным щитком (рис.5-27), только бронзовые изделия, все железные пряжки, а также рамчатые, вошедшие в таблицу, «попадают» в смежные группы. «Выходят из обращения» прямоугольные плоские декорированные накладки, соседствуя, а затем сменяясь накладками из согнутой пластины с колечком, с одной, двумя или тремя квадратными или прямоугольными площадками на лицевой стороне, а впоследствии – накладками, лицевая пластина которых состояла из 2 частей овальной (близкой к ней) или круглой формы (иногда форма была несимметричной), трех частей несимметричной или круглой формы; в V в. появляются железные прямоугольные, квадратные и ромбические накладки, удлиненно-листовидные, а также плоские бронзовые ромбические накладки. Наконечники из составных «превращаются» в обычные, изготовленные из одной пластины, часто с зауженной серединой (особенно много железных) или с расширением в месте сгиба (бронзовые).

В целом, хронологические рамки вышеописанных групп поясной гарнитуры, вошедших в итоговую таблицу, могут выглядеть следующим образом:

1 основная группа – III (2 половина?) – 1 половина (середина?) IV вв. н.э.

2 основная группа – IV (2 половина?) – начало V в.н.э. (рубеж?)

3 основная группа – V в. н.э. (возможно, рубеж IV-V – V вв. н.э.).

1-3 смежные группы – IV-V вв. н.э. (возможно, нижняя граница – рубеж III-IV вв. н.э.).

Данная работа – первая попытка подробной систематизации погребальных комплексов памятника. Она вряд ли может претендовать на всеохватность того огромного количества погребального инвентаря, который был получен в результате длительных раскопок. Она, прежде всего, «уязвима» тем, что в нее вошло всего 105 погребений, в то время как многие могилы, содержащие, в том числе, и детали поясной гарнитуры, по ряду объективных причин не были подвергнуты анализу. Нижняя хронологическая граница *вошедших в таблицы комплексов* вряд ли может быть определена началом III в. н.э., так как могилы с плоскими накладками с одной площадкой в центре, аналогичные предметам из погребений I половины III в. н.э. из Нырғындынского I могильника, по ряду причин не вошли в итоговую таблицу. Не вызывает сомнений общая датировка памятника – I-V вв. н.э., как и разделение его комплексов на вполне самостоятельные, сменяющие друг друга группы. При анализе итоговой таблицы видно, что общая тенденция взаимосменяемости групп намечена верно, по крайней мере, первая (нижняя левая) и третья (верхняя правая) группы выделились вполне отчетливо, несмотря на «нечеткость» из границ. Связано это с тем, что для центральной части таблицы (погребений) характерна «смешанность» инвентаря разных групп, чем и вызвана «размытость» их границ. В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что в силу своей уникальности – длительного времени существования, большого количества погребальных комплексов и полной изученности – Тарасовский могильник является идеальным источником по изучению разнообразных аспектов жизни населения Прикамья в первой половине I тысячелетия н.э.

Библиография

Неопубликованные источники

Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Тарасовского могильника в Сарапульском районе УАССР, Верх-Саинского городища в Березовском районе Пермской области и Худяковского могильника в Тужинском районе Кировской области в 1980 году. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.110. Ижевск, 1981.

Голдина Р.Д. Отчет об археологических исследованиях в Удмуртской АССР и Пермской области в 1981 г. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.138. Ижевск, 1982.

Голдина Р.Д. Отчет об археологических исследованиях в УАССР и Пермской области в 1982 г. Т.ІІ. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.152. Ижевск, 1983.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР, Пермской области в 1983 г. Т.І. Тарасовский могильник. /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.173. Ижевск, 1984.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1984 г. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.194. Ижевск, 1985.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1985 г. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.225. Устинов, 1986.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1986 г. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.235. Устинов, 1986.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1987 г. Т.І. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.261. Ижевск, 1988.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Удмуртской АССР и Пермской области в 1987 г. Т.1. Продолжение. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.261а. Ижевск, 1988.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском районе Пермской области, в Кильмезском и Слободском районах Кировской области в 1988 г. Т.1. Исследования Тарасовского могильника и Тарасовского I селища /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.273. Ижевск, 1988.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском районе Пермской области и в Кильмезском районе Кировской области в 1989 г. Т.1. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.286. Ижевск, 1990.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР, Березовском районе Пермской области и в Кильмезском районе Кировской области в 1989 г. Т.1. Продолжение. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.286а. Ижевск, 1990.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики и Березовском районе Пермской области в 1990 г. Т.1. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.291. Ижевск, 1990.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1991 г. Т.1. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.310. Ижевск, 1992.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1991 г. Т.1. Продолжение. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.310а. Ижевск, 1992.

Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях в Сарапульском районе Удмуртии, проведенных летом 1992 г. Исследования Тарасовского могильника /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.311. Ижевск, 1992.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики в 1993 году. Тарасовский могильник /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.316. Ижевск.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики в 1994 году (Исследования Тарасовского могильника) /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.317. Ижевск.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики в 1995 г. (Исследования Тарасовского могильника) /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.323. Ижевск, 1996.

Голдина Р.Д. Отчет о разведке, проведенной летом 1995 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.326. Ижевск.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики в 1996 году. (Исследования Тарасовского могильника) /Р.Д.Голдина // Архив ИИКНП. Ф.2, д.330. Ижевск.

Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской республики летом 1997 г. (Исследования Тарасовского могильника) /Р.Д.Голдина //Архив ИИКНП. Ф.2, д.338. Ижевск.

Решетников Н.Л. Отчет об обследовании Тарасовского могильника, проведенном Сарапульским районным краеведческим музеем осенью 1979 г. /Н.Л. Решетников //Архив ИИКНП. Ф.2, д.99. Ижевск.

Сабиров Т.Р., 2011. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. 133 с., прил. Ижевск.

Опубликованные источники

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме, т. II, иллюстрации. Ижевск. 721 с.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме, т.I, текст – каталог погребений. Ижевск. 319 с.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып.Д1-30. М. 111 с., ил.

Арматинская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Ижевск. С.26-46.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Руменцева О.С., 2007. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып.9. М. С.133-275.

Бадаев С.А. Реферат статьи Голдиной Р.Д. и Волкова С.Р. «Шлемы Тарасовского могильника» (Уфимский археологический вестник, выпуск 2, Уфа, 2000). 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://badaew.narod.ru/goldina.htm> (дата обращения: 17.04.2011 г.)

Бажан И.А., Васкул И.О., 1988. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. II. Сыктывкар. С.76-89.

Безуглов С.И., 2008. Курганные катакомбные погребения поздне римской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М. С.284-301.

Бернц В.А., 2006. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы науч. симпозиума и науч.-практ. конф. Ижевск. С.351-389.

Бернц В.А., 2008. Погребальный инвентарь Заборьинского грунтового могильника мазунинского времени в Удмуртском Прикамье // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск. С.423-445.

Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара. 208 с.

Богачев А.В., 2007. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV-V веков // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург. С.14-22.

Волков С.Р., Сабиров Т.Р. Комплекс вооружения Тарасовского могильника I-V вв. н.э. // Удмуртия: история и современность: Материалы Межд. научно-практ. конф. «Проблемы и перспективы функционирования родных языков». Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2005. – С.9-14

Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. 468 с.

Гей О.А., Бажан И.А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. 144 с.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Вып.5. Ижевск. 160 с.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. №158. М. С.96-106.

Голдина Р.Д., 1998. Тарасовские селища и могильник // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. С.508.

- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 464 с.
- Голдина Р.Д., 2000. Тарасовские селища и могильник // Энциклопедия Удмуртской Республики. Ижевск. С.671.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск. 499 с.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // УАВ. Вып.2. Уфа. С.98-122.
- Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., 1997. Хронология Тарасовского могильника I-V вв. в Среднем Прикамье // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Тез. докл. II междунар. арх. конф. Самара. С.21-24.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. «Дальний» импорт Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) / В книге: Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск. С.156-247.
- Григорьева Т.М., 2005. Технология изготовления бронзовых застёжек Тарасовского могильника // Материалы XXXVII УПАСК. Челябинск. С.63-64.
- Григорьева Т.М., 2006. Сюльгамы Тарасовского могильника // Материалы XXXVIII УПАСК. Астрахань. С.94-95.
- Григорьева Т.М., 2007. Технология изготовления застёжек с неподвижным крючком Тарасовского могильника I-V вв. // XVII УАС. Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). Екатеринбург-Сургут. С. 183-185.
- Древняя история Южного Зауралья, 2000. Т.П. Ранний железный век и средневековье. Челябинск. 494 с.
- Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс.н.э. (по данным некрополей): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск. 21 с.
- Казанцева О.А., 2011. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I-V вв. н.э.) // Вестник УдГУ. Вып.1. Ижевск. С.55-62.
- Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М. 364 с.
- Кондрашин В.В., 2003. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э. – VII в. н.э. (технологический аспект): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск. 24 с.
- Кондрашин В.В., Перевошиков С.Е., 2002. Металлографический анализ ножей и наконечников копий из Тарасовского могильника (по материалам раскопок Р.Д.Голдиной) // Археологія та етнологія східної Європи: матеріали і дослідження. Т.3. Одеса. С.130-132.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., 2011. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Вып.1 (15). С.65-80.
- Краснопёров А.А. Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия. Материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург. С.77-92.
- Краснопёров А.А., 2006а. Одежда населения Среднего Прикамья по материалам Тарасовского могильника // Материалы XXXVIII УПАСК. Астрахань. С.100-101.
- Красноперов А.А., 2006б. Пояс в пьяноборских погребениях // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург. С.116-117.
- Красноперов А.А., 2008. Бирский и Тарасовский могильники: сравнительная характеристика датирующих возможностей комплексов с фибулами // УАВ. Вып.8. С.117-129.
- Кривошеев М.В., Скрипкин А.С., 2006. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. №1. С.124-136.

- Кулаков В.И., 2008. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I-VI вв. н.э.) // РА. №1. С.88-100.
- Лаптева Т.А., 1993. Хронология фибул Прикамья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. Екатеринбург. С.138-140.
- Лаптева Т.А., 1994. Эполетообразные застёжки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск. С.128-155.
- Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.88-128.
- Лещинская Н.А., 2010. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природ, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч. конф. Ижевск. С.134-144.
- Липина Л.И., 2007. Образ медведя в ископаемых костюмных комплексах: к реконструкции духовной культуры древних жителей Прикамья // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. Вып.1. Ижевск. С.24-36.
- Лурье Е.В., 2009. Шлемы эпохи Меровингов: лесной мир и германцы. [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/l/lurxe_e_w/helme.shtml (дата обращения: 17.04.2011 г.)
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ремённых гарнитур позднесарматского времени // сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. С.194-232.
- Малашев В.Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М. С.265-283.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время по материалам могильника Покровка 10. М. 365 с.
- Мошкова М.Г., 2001. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып.1. Волгоград. С.236-249.
- Нагиев З.Ш., 2003. Крицы Тарасовского могильника // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона: Материалы XXXV УПАСК. Йошкар-Ола. С.60-61.
- Никитина Т.Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды МАЭ. Т.V. Йошкар-Ола. 160 с.
- Останина Т.И., 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, открытия, исследования. Ижевск. С.26-92.
- Останина Т.И., 1997. население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск. 328 с.
- Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III-IV вв. / Материалы охранных исследований. Т.13. М. 212 с., илл.
- Перевозчикова С.Е., 2005. Височные украшения Тарасовского могильника // Удмуртия: история и современность: Материалы Межд. научно-практ. конф. «Проблемы и перспективы функционирования родных языков». Ижевск. С.59-63.
- Первошиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск. 175 с.
- Первошиков С.Е., 2010. Об одной находке из Тарасовского могильника I-V вв. н.э. // XVIII УАС: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа. С.318-320.
- Первошиков С.Е., Пастушенко И.Ю., 2006. «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность: Материалы науч.-практ. конф. Вып.5. Ижевск. С.105-121.
- Старостин П.Н., 2009. Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып.9. Казань. 144 с.

Сташенков Д.А., 2010а. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Т.12. №6. Самара. С.272-275.

Сташенков Д.А., 2010б. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара. С.111-116.

Строков А.А., 2009. Ременные гарнитур гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь-Керчь. С.303-319.

Флеров В.С., Малашев В.Ю., 2000. Сбруйный набор III в. из могильника Клинь-Яр III // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк. С.11-18.

Хайрединова Э., 1999. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев. С.203-230.

Хронология материалов Тураевского I могильника (конец IV-V вв.) (бескурганная часть)

Памятник известен с 1959 г. По мнению В.Ф.Генинга, он состоял из 11 курганных насыпей, разрушенных распахкой и занимавших небольшую площадь размерами 40х80 м (рис.1-1). Могильник исследован в 1959-1960 гг. В.Ф.Генингом, в 1969-1970 гг. В.Ф.Генингом и В.В.Одинцовым. В 1959-1960 гг. было изучено 8 курганов с 13 захоронениями (№I-III, V-IX) (Генинг В.Ф., 1976, с.55). В это время курганы высотой 0,3-1,5 м были хорошо заметны на поверхности. Курган IV достигал высоты 2 м. В начале 60-х гг. все поле, включая курганы, было распахано и на их прежнее место указывали лишь небольшие, растащенные плугом, куски песчаника из заполнения могил и насыпей курганов. В 1969 г. В.Ф.Генингом и В.В.Одинцовым был раскопан курган IV с двумя захоронениями, а в северной части могильника были выявлены 8 бескурганных погребений (Генинг В.Ф., 1976, с.55-56).

Подкурганные захоронения мужские, воинские, у двух погребенных отсутствовал череп, у третьего он лежал отдельно, в небольшом прикопе. Инвентарь могил красноречиво говорит о том, что это захоронения ратников – в них обнаружено 8 мечей, 11 ножей и кинжалов, 8 наконечников копий, 2 шлема, 4 кольчуги, 5 топоров, 10 удил, 7 «кос» и множество бронзовых и серебряных пряжек, наконечников ремней, пряжки-колечки, уздечные обоймы, подпружные железные пряжки, бусины из янтаря и другие вещи.

Судя по плану, опубликованному В.Ф.Генингом в 1995 г. (Gening W., 1995, s.267, abb.2), бескурганная часть располагалась в 70 м севернее кургана IV (по более раннему плану – в 50 м, а по тексту – в 90 м) (Генинг В.Ф., 1976, рис.2, с.80), исследованного одновременно с ней. Поиски могил, предпринятые в 1970 г., результата не дали (Генинг В.Ф., 1976, с.56).

В 1986-1990 гг. раскопки на могильнике были продолжены отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д.Голдиной при участии Н.В.Водолага (Водолага Н.В., отчеты за 1986-1989 гг.; полевые материалы за 1990 г.). В ходе работ была обнаружена грунтовая часть могильника (рис.1-2). За это время на площади 2595 кв.м. исследовано 266 погребений (нумерация могил продолжала нумерацию В.Ф.Генинга: первое захоронение – №9, последнее – №274). Ежегодно исследовались значительные площади – от 196 кв.м. (1986 г.) до 558 кв.м. (1989 г.). Наибольшая территория была раскопана в 1987 г. – 1210,5 кв.м. (рис.2). В этом же году было изучено и максимальное число захоронений – 130.

В западной части раскопа на уровне –25-30 см были обнаружены следы исследований 1969 г. – часть котлована раскопа, канавки, остатки раскопанных могил. В северной, северо-восточной и восточной частях раскопа зафиксированы следы разведочных траншей (рис.3). Эти остатки позволили выяснить соотношение курганной и бескурганной частей могильника более точно.

В целом, стратиграфия слоев на могильнике проста: пахота мощностью 20-45 см; могилы, заполненные слоями №№2, 4 и 5; подстилающий слой №3 – светло-коричневая глина. Заполнение погребений, особенно глубоких, плохо выделялось на фоне подстилающего слоя, видимо, поэтому по результатам многочисленных разведочных траншей (рис.3), прорезавших некоторые из могил, они не были обнаружены и только раскопки большими площадями и внимательнейшее наблюдение за характером слоя помогли решить эту задачу.

Раскопы 1986-1990 гг. не выявили краев могильника. Наблюдается лишь некоторая разряженность могил в северо-западном углу раскопа, возможно, указывающая на близость периферии памятника.

Основные особенности погребального обряда Тураевского I могильника выглядят следующим образом.

1. Памятник находится на ровном высоком плато коренной террасы, постепенно понижающемся к реке, в 2 км от кромки современного правого берега р.Камы.

2. Бескурганные захоронения расположены нечеткими рядами, вытянутыми с северо-запада на юго-восток, взаимонарушения редки.

3. Среди 274 могильных ям преобладают ямы подпрямоугольной формы с вертикальными стенками и плоским дном без дополнительных конструкций.

4. Наиболее характерна ориентация могильных ям – СВ-ЮЗ (83,6% от общего количества погребений).

5. Размеры ям: длина – 1,8-2,4 м, ширина – 0,5-0,7 м, глубина – 0,7-1,1 м.

6. Все захоронения совершены по способу трупоположения (в 26 случаях кости не сохранились), вытянуто на спине (в четырех случаях ноги подогнуты влево или вправо), руки вдоль тела (иногда согнуты в локтях), головой на ЮЗ с небольшими отклонениями (80,3% от общего количества костяков), ногами по направлению к воде.

7. Среди погребенных, у которых определены пол и возраст (194 случая), большинство женских (118 случаев), мужских меньше (76 случаев).

8. Основная масса захоронений – индивидуальные (260 погребений). В 12 ямах было захоронено по двое умерших, в одной – четверо, еще в одной – шестеро.

9. Остатки деревянных погребальных конструкций прямоугольной формы выявлены в 78 случаях (28,5% от общего количества погребений), как правило, в виде пятен тлена; в нескольких случаях сохранились продольные дощатые стенки (высота – 3,0-7,0 см, в одном случае – 13,0-6,0 см). В одной могиле верхний торец был закруглен, в четырех случаях на дне выявлены остатки белого вещества (мел?).

10. Погребальный инвентарь обнаружен в 264 случаях (89,8% от общего количества костяков), в 30 могилах (10,2%) инвентарь не обнаружен.

11. В системе положения инвентаря выделяются две тенденции. Первая – вещи были найдены при костяках так, как люди носили их при жизни; это украшения костюма (головные уборы, украшения рукавов, обувные наборы), шеи, груди и рук, элементы поясов, которые были надеты на тела умерших, и мелкие орудия труда, привешенные к ним. Вторая – сопровождающий (съемный) инвентарь лежал в «нехарактерных» для него местах: подарочные наборы (жертвенные комплексы) и развернутые пояса, уложенные вдоль тел или (единично) обернутые вокруг стоп погребенных.

12. Среди погребального инвентаря можно выделить «женский», «мужской» и «смешанный» (встречающийся как в женских, так и в мужских погребениях) инвентарь. «Женскими» категориями можно считать височные украшения (подвески и кольца), гривны, фибулы, стеклянный бисер, мелкие (съемные) украшения (подвески, привески, цепочки-привески, пронизки), браслеты, пинцеты, железные шилья, глиняные сосуды и фрагменты керамики, головные и обувные наборы, украшения рукавов, подарочные наборы (жертвенные комплексы); сюда же можно отнести бронзовые перстень, дрот, железную коробочку. «Мужскими» категориями инвентаря являлись предметы вооружения (наконечники стрел, копий, топоры, меч), конская упряжь (удила и узда), колчанные крючки и точильные камни. Кроме «женской» и «мужской» групп вещей, можно также выделить «смежную», инвентарь которой встречается как в женских, так и в мужских могилах. Ее характеризуют стеклянные бусы, бронзовые бляшки, накладки, сюльгамы, пряжки, пояса, наконечники поясов, железные ножи и ножи-ложкари.

Без сомнения, погребальный обряд Тураевского I могильника сходен с погребальным обрядом синхронных могильников мазунинского типа (мазунинский этап чегандинской культуры пьяноборской общности – по Р.Д.Голдиной). Это подтверждается сравнением обряда памятника с опубликованной проф. Т.И.Останиной системой сочетания основных категорий признаков погребального обряда населения мазунинского типа III–V вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, с.31).

Определение времени использования бескурганной части Тураевского I могильника представляется делом и простым, и сложным. Простым, потому что памятники такого

типа хорошо известны в Среднем Прикамье, а сложным потому, что оснований для абсолютного датирования этих древностей необычайно мало. Вместе с тем, работы предшественников-энтузиастов в изучении хронологии древностей середины I тыс. н.э. Евразии позволяют надеяться на успешное решение этих проблем в будущем. Значительные успехи в этом плане достигнуты И.А.Бажаном, О.А.Гей (1992), И.О.Гавритухиным, В.Ю.Малашевым (1998), И.О.Гавритухиным (1999), М.М.Казанским (Kazanski M., 1992; 1999), С.И.Безугловым (2000), В.Ю.Малашевым (2000), И.Р.Ахмедовым, И.В.Белоцерковской, О.С.Румянцевой (2007), В.Ю.Малашевым, Л.Т.Яблонским (2008) и другими. Что касается датировки и хронологии материалов первой половины I тыс. н.э. Прикамья и сопредельных областей, то здесь значителен вклад В.Ф.Генинга (1963; 1965; 1967; 1970; 1979), П.Н.Старостина (1967; 2002; 2009), Н.А.Мажитова (1968), Б.Б.Агеева (1992; 1993), Н.А.Лещинской (1995), Т.И.Останиной (1997), А.В.Богачева (1992; 1998 и др.), Ф.А.Сунгатова, Г.Н.Гарустовича, Р.М.Исупова (2004) и других.

Инвентарь исследованных грунтовых захоронений могильника характерен для памятников мазунинского типа – заключительного этапа пьяноборской общности. Это височные подвески в виде замкнутого знака вопроса (подвески «мазунинского типа»), фибулы (бабочковидные, «сайгатского типа»), железные и бронзовые гривны, браслеты, поясная гарнитура, мелкие украшения (бляшки, подвески, цепочки, пронизки) и прочее. Аналогии этим материалам известны во многих могильниках мазунинского времени: Ангасякском (Васюткин С.М., 1980, с.72-91), Заборьинском (Бернц В.А., 2008, с.423-445), Ижевском (Генинг В.Ф., 1967, с.123-140; Останина Т.И., 1984, с.26-92), Кудашевском (Казанцева О.А., 2004, 176 с.; она же, 2004а, с.132-139), Мазунинском (Генинг В.Ф., Мырсина Е.М., 1967, с.85-115), Нивском (Останина Т.И., 1978, с.92-117), Покровском (Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологической коллекции, 1992, 96 с.), Сайгатском (Стоянов В.Е., 1962, с.117-134), Старо-Кабановском (Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986, с.64-125), Старо-Муштинском (Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004, 172 с.), Тарасовском (Голдина Р.Д., 2003, 722 с.; она же, 2004, 319 с.), Усть-Сарапульском (Арматинская О.В., 1986, с.26-46), Чепанихинском (Останина Т.И., 1984, с.26-92), Югомашевском (Останина Т.И., 1997, рис.35; 36) и других. Кроме того, подобные предметы встречаются в материалах вятских могильников первой половины I тыс. н.э. (Лещинская Н.А., 1995, с.88-128), в том числе, в погребальных комплексах азелинского типа (Генинг В.Ф., 1963, 160 с.; Ошибкина С.В., 1979, с.71-79; она же, 2010, 212 с.; Старостин П.Н., 2002, 64 с. и др.), в могильниках бахмутинской (Мажитов Н.А., 1968, 162 с.; Амброз А.К., 1980, с.3-56) и именьковской (Старостин П.Н., 1967, 99 с.; Матвеева Г.И., 2004, 168 с.) культур, в Красноярском могильнике среднекамского варианта пьяноборской общности (Казанцева О.А., 1988, с.43-64; она же, 1995, с.156-165; она же, 2004, 176 с.; Голдина Р.Д., 1999, с.247-254, рис.123-125).

Исследование материалов Тураевского I могильника методом взаимовстречаемости предметов (табл.1) показало, что в целом инвентарь довольно однообразен и условно подразделяется на 2 группы: раннюю и позднюю. Их объединяет смежная группа, предметы которой встречаются как в ранней, так и поздней части. К ранней группе 1 отнесены: височная подвеска типа IIa (табл.2-1), подвеска-лунница IX1a (табл.2-2), пряжка PIB (табл.2-3), фибула DI1 (табл.2-4), браслет I3a (табл.2-5), пряжка IB1 (табл.2-6), фибула VI1a (табл.2-7), подвеска V1a (табл.2-8), наконечник пояса IAI2 (табл.2-9), пряжки типов IIIA1a1 (табл.2-10) и IB13a (табл.2-11), подвески типов IIa (табл.2-12) и V3a (табл.2-13), привески II26 (табл.2-14), пряжки типов IIAP-a (табл.3-15), PIB (табл.3-16), PIB2a1 (табл.3-17), IIIA1 (табл.3-18), IAP-a, a1, 2 (табл.3-19), височная подвеска I2в (табл.3-20), подвеска V2a (табл.3-21), гривна IV2a (табл.3-22), браслет II2 (табл.3-23), бляшки II1a (табл.3-24), наконечник пояса IAI1 (табл.3-25).

Группу 2 составляют: накладки XIII1a (табл.4-26), ножны с накладкой типа III26 (табл.4-27), браслеты V1a, б (табл.4-28), привеска IX1a (табл.4-29), браслеты III1a, в (табл.4-

30), накладки VIIIa (табл.4-31), пряжка PBIv1a1 (табл.5-32), накладки XIa (табл.5-33), пронизка III-б (табл.5-34), бляшки I4a (табл.5-35), накладки типов IX1a (табл.5-36), VI1a (табл.5-37), наконечник пояса PAI2a (табл.5-38), браслет I2 (табл.5-39), пряжки типов PAI2a1 (табл.5-40), PBI3a1 (табл.5-41), подвеска IV1a (табл.5-42), пряжка PBI4a1 (табл.5-43), гривна IIa, б, 2a (табл.6-44), пряжки типов IAI-a, a2 (табл.6-45), IAV-a, б (табл.6-46), наконечник ремня IAI1a (табл.6-47), накладки VIIa, б (табл.6-48), фибула AII2a (табл.6-49), пронизки II-a, б (табл.7-50), подвеска VIIa (табл.7-51), накладки-обоймы IIг (табл.7-52), наконечники поясов PAIIa, б (табл.7-53), накладки XIV1a, б (табл.7-54), гривны V1a, б (табл.7-55), пряжка IIIA (табл.8-56), накладки IIa, б, в (табл.8-57), браслеты II1, 1a (табл.8-58), зооморфные пронизки VI-a, б (табл.8-59), фибула BI2a (табл.8-60), накладки II2д, е (табл.8-61), пряжка IB (табл.8-62), накладки XIIa, б (табл.9-63), браслет II (табл.9-64), накладки II2к, л, м (табл.9-65), наборные наконечники обуви и пояса I, IB (табл.9-66), пряжка IBIIa, 2a, б (табл.9-67), височная подвеска I2б1, 2 (табл.9-68), накладки IV1a, 2a (табл.9-69).

Группа 3, смежная, представлена следующими типами: браслетами IV1a, б (табл.10-70), подвесками IIa, б (табл.10-71), наконечником ремня IA (табл.10-72), бляшками IIa, 2a (табл.10-73), наконечниками ремня и обуви PAIIa (табл.10-74), пряжками PBI1a (табл.10-75) и PAI-a, a1 (табл.11-76), гривнами I2a, б, в (табл.11-77), подвесками VIIIa (табл.11-78), пряжками IBII2б, 2б1 (табл.11-79), накладками XII2a, б, в, г, д (табл.11-80), фибулами AI3a, б (табл.11-81), гривнами IIa, б (табл.12-82) и IIIa, 2a (табл.12-83), пронизками I-a, б (табл.13-84), III-a (табл.13-85) и IV-a (табл.13-86), бляшками I3a, б, в, г (табл.13-87), фибулой BI1б, 2a (табл.13-88), накладками XI1a, б, в (табл.13-89), пряжкой IBII (табл.13-90), фибулами AI2a, б (табл.13-91), пряжками IBII1a, 2a, 2a1 (табл.13-92), накладками IIa, б, в (табл.14-93), наконечниками ремней IAI2 (табл.14-94), браслетами IIa, б, в (табл.14-95), пряжками IBII (табл.14-96), височными подвесками IIб1, 2 (табл.14-97). Эта группа убеждает в том, что изученные бескурганые захоронения принадлежат единому этносу – финно-пермскому населению Прикамья, имеющим своим истоком чегандинскую культуру.

К первой, ранней, группе могил отнесено 21 захоронение, содержащее 25 типов вещей (табл.1).

Среди предметов, представляющих собой явный анахронизм в массиве инвентаря этой группы, известна височная подвеска со спиральновитой трубицей (тип IIa; табл.2-1). Подобные формы во множестве встречены в чегандинских памятниках III в. до н.э. – II в. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.50-51, табл.I-1, 2, 7, 8). Они известны в это же время и на р.Вятке, но только других размеров и выполнены из проволоки. Здесь они датированы Н.А.Лещинской I–IV вв. н.э. (1995, рис.5-3-9; 8-18-20). Подобные экземпляры найдены в захоронении 3 кургана 6 Бродовского могильника, отнесенного ко второй половине V в. н.э. (Голдина Р.Д., 1986, табл.6-27, 28). Интересно, что в других мазунинских могильниках, материал которых детально проанализирован Т.И.Останиной, их нет. Вероятно, реликтовый характер имеет и трапецевидная подвеска типа IIa (табл.2-12). Подобные выявлены в могилах I в. н.э. могильника Чеганда II (Генинг В.Ф., 1970, рис.20-71), а также в древностях II–III вв. н.э. Вятского края (Лещинская Н.А., 1995, рис.3-9). В I–II вв. н.э. на памятниках чегандинской культуры (Генинг В.Ф., 1970, рис.20-63, 90) обнаружены и подвески типа V2a (табл.3-21), которые зафиксированы в это же время и на р.Вятке (Лещинская Н.А., 1995, рис.2-2, 3).

На фоне основной массы инвентаря выглядят архаичными предметы, известные уже по чегандинским памятникам, но не вошедшие по разным причинам в корреляционную таблицу. Таковы трапецевидные и подтреугольные привески (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.391, табл.216-3, 4; с.393, табл.218-20), лапчатая привеска (там же, с.391, табл.216-2), бронзовый витой перстень (там же, с.386, табл.211-23), застежки-сюльгамы (там же, с.387, табл.212). Интересна привеска, изготовленная из фрагмента передней части эполетообразной застежки (там же, с.392, табл.217-17), подобная встречена в погребении

124А Ижевского могильника (Останина Т.И., 1984, табл.14-19). Возможно, что привеска неправильной подквадратной формы (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.392, табл.217-16) также является фрагментом эполеообразной застежки. Перстень, подобный витому тураевскому, изготовленный из узкой бронзовой пластинки, свернутой в два оборота, извлечен из Ныргындинского II могильника и датирован В.Ф.Генингом стадиями В-Г чегандинской культуры – I–II вв. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.56, табл.XVIII-2).

Для определения времени существования этой группы важное значение имеют некоторые изделия, происходящие, по мнению Н.А.Лещинской, из могил IV в. н.э. Вятского края: спиральновитой браслет с закрученными концами (тип I3a; табл.2-5) (Лещинская Н.А., 1995, рис.9-1), круглые подвески с бронзовыми «пуговичками» на внешней стороне (тип V1a; табл.2-8) (там же, рис.8-5, 6), бронзовые гривны из дрота прямоугольного сечения, украшенные геометрическим орнаментом (тип IV2a; табл.3-22) (там же, рис.9-11, 12). По наблюдениям Т.И.Останиной, височные подвески типа I2в (табл.3-20) датируются IV – началом V в. н.э. (Останина Т.И., 1997, рис.4-4-6).

Из общего массива инвентаря первой группы выделяются несколько предметов не местного производства. Это две трапециевидные привески, украшенные чеканкой с изнаночной стороны (табл.2-14), имеющие аналогии в именковских (Матвеева Г.И., 1981, рис.14-5, 6) и зарубинецких (Кухаренко Ю.В., 1964, табл.17-1-3) материалах. Фрагмент железной двучленной «воинской» фибулы (табл.2-4), группа 17 по А.К.Амброзу, датирована им IV в. н.э. (1966, с.70, табл.10-12-20; 21-2). Круглая золотая подвеска диаметром 0,9 см, оформленная насечками (имитация зерни), с гранатовой вставкой и петелькой для подвешивания (табл.2-13). Возможная аналогия – подвески из позднесарматской могилы 1 кургана 28 могильника Новоалександровка I (раскопки Е.И.Беспалого, 1984 г.), которые представляют собой круглые подвески с петельками для крепления, с круглыми же выпуклыми прозрачными стеклянными вставками красного и синего цветов в центре, оформленные по периметру сканью; диаметр подвесок – 0,7-0,8 см (Беспалый Е.И., 1990, с.221, рис.5-19; с.222). Этот комплекс, совместно с остальными семью позднесарматскими погребениями могильников Высочино V, VII и Новоалександровка I, датируется автором статьи временем не ранее середины II и не позднее середины III в. н.э. (там же, с.222). Из позднесарматского погребения упомянутого выше могильника Высочино V (курган 18) происходят 6 круглых золотых кулонов (найжены на уровне 5-го шейного позвонка); каждый из них имеет петельку для подвешивания, круглые выпуклые вставки из граната и сердолика, оформленные по краю зернью. Автор раскопок датировал эти предметы второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (Беспалый Е.И., 2000, с.161, 162; с.165, рис.2-12). Подобные подвески и кулоны, возможно, могли служить образцом для более простых копий – тураевская подвеска выполнена менее тщательно, на что указывает плоская поверхность вставки и имитация зерни.

Интересен фрагмент бронзовой подвески-лунницы с двумя фигурными концами-рожками (один отломлен); сохранившийся конец оформлен тремя отростками-трилистниками. На корпусе и сохранившемся конце – гнезда для эмалевых вставок треугольной и квадратной формы соответственно; в центральном гнезде сохранились остатки красной эмали (табл.2-2).

Подобные подвески-лунницы известны на обширной территории Восточной Европы (Прибалтика, Среднее Поднепровье, Волго-Окское междуречье). По мнению Г.Ф.Корзухиной, их объединяет между собой единство художественных приемов и определенные закономерности в компоновке декоративных элементов (1978, с.51). По ее классификации, все маленькие лунницы, к которым относится и фрагмент тураевского экземпляра, отнесены ко второй категории (типу) подвесок и рассматриваются в едином массиве (Корзухина Г.Ф., 1978, с.47, 48). А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский, в свою очередь, предлагают свой вариант типологического ряда малых лунниц. По их мнению, эмалевые вставки на корпусе, отростки на концах и ажурная орнаментация появляются на

второй стадии развития восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями. В Поднепровье эволюция этих украшений завершается изготовлением богато орнаментированных «кружевных» лунниц (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.119; рис.138-15, 16).

Из найденных подвесок-лунниц по пропорциям, форме корпуса, рожек и эмалевых гнезд наиболее близки тураевской подвеске три лунницы, две из которых найдены на территории Киевской области: одна близ с.Кагарлык (Корзухина Г.Ф., 1978, с.65, №15; Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.290, рис.138-15), вторая – случайная находка с поселения киевской (?) культуры в Бориспольском районе (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.299, рис.147-7). Третья лунница происходит с территории Жмеринского района Винницкой области (там же, с.300, рис.148-5). Отличие этих экземпляров от тураевского состоит в оформлении концов рожек – у перечисленных выше лунниц отростки на концах рожек ажурно оформлены маленькими колечками (там же, с.290, рис.138-15; с.300, рис.148-5) или, как у подвески из Бориспольского района, гнездами для эмали (там же, с.299, рис.147-7). Кроме того, помимо красной эмали, на рожках двух поднепровских экземпляров использована эмаль белого (там же, с.300, рис.148-5) и черного цветов (Корзухина Г.Ф., 1978, с.102, табл.9-6; Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007, с.290, рис.138-15). У тураевской подвески-лунницы, судя по сохранившемуся фрагменту, отростки-трилистники на концах рожек гладкие, без каких-либо гнезд для эмали или ажурных колечек.

Ближайшие по территории находки подвесок-лунниц известны в Нижнем Прикамье (Бугров Д.Г., 1994, с.33-38, рис.ХІІІ). Это две лунницы из Нармонского могильника (Старостин П.Н., 2002, с.17, 18; с.57, рис.13-10; 14-2), подвеска из Девичьего городка (разведка 1982 г. Е.А.Беговатова; Бугров Д.Г., 1994, с.34, рис.ХІІІ-Б4) и подвеска из Танкеевского могильника (Бугров Д.Г., 1994, с.34, рис.ХІІІ-Б7).

Комплексы Нармонского могильника, содержащие лунницы, датируются Д.Г.Бугровым IV в. н.э. и рубежом IV–V вв. н.э. (1994, с.35), общая же датировка могильника определяется П.Н.Старостиным IV в. н.э. (Старостин П.Н., 2002, с.37). Лунница из Танкеевского могильника, по аналогиям, датируется III в. н.э. – в данном случае это пример вторичного использования вещи, так как погребение, из которого она происходит, отнесено к IX в. н.э. (Бугров Д.Г., 1994, с.35). По форме корпуса и пропорциям наиболее близка тураевской подвеска из Девичьего городка, правда, судя по сохранившемуся фрагменту, отростки на концах ее рожек (в отличие от тураевской) ажурно оформлены маленькими колечками (Бугров Д.Г., 1994, с.34, рис.ХІІІ-Б4).

Для определения даты этой группы интерес представляют и грибовидные янтарные подвески, обнаруженные в захоронении 106. Они хорошо известны от Британии до Палестины в III – начале V в. н.э. Особенно распространены в вельбаркско-черняховской среде, в Причерноморье, реже – у поздних сармат Подонья и Поволжья (Мастыкова А.В., 1999, с.174). В Прикамье они найдены в погребении 2 кургана 39 и могиле 3 кургана 24 Бродовского курганного могильника, датированных Р.Д.Голдиной концом IV – началом V в. н.э. (1991, рис.3).

Таким образом, материалы первой группы могил Тураевского I некрополя укладываются, в целом, в рамки IV в. н.э., но тяготеют, более всего, ко второй половине IV – рубежу V в. н.э. Однако, не исключено, что в составе группы будут выделены захоронения и более ранней поры.

Вторая группа, более поздняя, представлена 48 погребениями с 44 типами вещей (табл.1). В ней также присутствуют предметы чегандинского облика, в частности, двойные пронизки-полуцилиндрики (табл.5-34), изготовленные по южным образцам (Северное Причерноморье, Закавказье) и обнаруженные в прикамских материалах со II в. н.э. (Генинг В.Ф., 1970, с.61, 62; рис.20-104; табл.IV-19, 20; Агеев Б.Б., 1992, с.127, табл.8-16).

Довольно многочисленны предметы, датирующиеся по аналогиям с мазунинскими древностями V в. н.э.: височные подвески типа I261, 2 (табл.9-68) (Останина Т.И., 1997, рис.51-8), пронизки-обоймы типа II-а, б (табл.7-50) (там же, рис.5-23), накладки с двумя или тремя овалами без колечка, украшенные головками штифтов типа XIIIa (табл.4-26) (там же, рис.30-6), прямоугольные накладки без колечек с двумя гвоздиками или штифтами типа IIд, е (табл.8-61), ромбические накладки типа IV1a, 2a (табл.9-69) (там же, рис.51-10), листовидные накладки типа VIIa, б (табл.6-48) (там же, рис.11-28; 51-4), накладки от налобных украшений типа IIг (табл.7-52) (там же, рис.51-21), наконечник ремня из железной пластины типа IAI1a (табл.6-47) (там же, рис.51-18), асимметричные дуголенточные фибулы типа BI2a с привесками (табл.8-60) (там же, рис.30-16), бронзовые ножны с накладкой типа III2б (табл.4-27) (там же, рис.51-14).

По аналогиям с вятскими материалами к V в. н.э. отнесены бронзовые гривны с ромбическим сечением типа VIa, б (табл.7-55) (Лещинская Н.А., 1995, рис.10-26), ромбовидные подвески с «пуговками» на лицевой стороне типа IV1a (табл.5-42) (там же, рис.11-1, 2, 9, 11-13, 15, 17, 19), трехсоставные пряжки типов ПБИ3a1, ПБИ4a1, ПБИV1a1 (табл.5-32, 41, 43) (там же, рис.10-8-10).

Более широкий диапазон – IV–V вв. н.э. – имеют следующие вещи, в нашей серии встреченные в могилах V в. н.э.: бронзовые пряжки типа IIIAI2a1 (табл.5-40) (Останина Т.И., 1997, рис.51-20), железные рамчатые пряжки типа IAI-а, а2 (табл.6-45) (там же, рис.13-14), железные трехсоставные пряжки типа IB, украшенные бронзовыми пластинами (табл.8-62) (там же, рис.13-21; 30-19), прямоугольные наконечники ремней из пластин типов PAII1a, б (табл.7-53) и PAII2a (табл.5-38) (там же, рис.12-8, 11-14; 51-18), бабочковидная фибула типа AII2a (табл.6-49) (там же, рис.25-17; 27-3), бляшки типа I4a (табл.5-35), бронзовые браслеты типов IIIa, в (табл.4-30) и VIa, б (табл.4-28) (там же, рис.11-39; 20-7; 29-9; 33-7; 51-31).

Еще шире, в III–V вв. н.э., встречались в мазунино железные пряжки типа IBII1a, 2a, б (табл.9-67) (Останина Т.И., 1997, с.65), железные браслеты типа II1, 1a (табл.8-58) (там же, рис.10-10) и типа II (табл.9-64) (там же, рис.9-29; 20-1).

В эту же группу попали подвески-коньки типа VIIa (табл.7-51), которые напоминают вятские экземпляры, датированные Н.А.Лещинской второй половиной II – началом III в. н.э. (1995, рис.3-22, 24). Однако, эти предметы на р.Вятке изящны, имеют хорошо проработанный орнамент, подчеркивающий линию тела, ног, копыт и этим существенно отличаются от тураевских. Последние выполнены грубо, орнамент скуден, что вполне может быть объяснено хронологическим различиями. Кроме того, на вятских памятниках IV и V вв. н.э. также встречались изделия, сделанные схематично, без особых украшений (Лещинская Н.А., 1995, рис.8-23; 11-16). Подобные «конёчки» известны и в рязано-окских могильниках, где они отнесены И.Р.Ахмедовым к стадии 1А конца I – начала II в. н.э. (Ахмедов И.Р., 2007, схема 2-3). Здесь они также отличаются ажурным, «кружевным» орнаментом, что объясняется более ранним «возрастом».

Замечательны зооморфные пронизки, изображающие медведей и уток в характерной вятской манере (табл.8-59). Однако медведи датированы Н.А.Лещинской второй половиной II – началом III в. н.э. (1995, рис.3-1, 2), а уточки – I–VII вв. н.э. (там же, рис.13-7-12). Ни в коем случае не подвергая сомнениям датировки Н.А.Лещинской, они, очевидно, соответствуют развитию материальной культуры в бассейне р.Вятки, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в могиле 66 Тураевского I могильника эти предметы найдены вместе, еще и с коньком. Т.И.Останина относит их к V в. н.э. (1997, рис.9-2; 51-6).

В могилах этой группы встречались накладки типов IIIa, б, в (табл.8-57), II2к, л, м (табл.9-65), VIIIa (табл.4-31), IX1a (табл.5-36), XIa (табл.5-33), XIIa, б (табл.9-63), XIV1a, б (табл.7-54), сбруйные накладки типа VIIa (табл.5-37), гривны типа IIIa, б, 2a (табл.6-44), железные пряжки типа IAV-а, б (табл.6-46). Гривна, аналогичная предмету из захоронения 186 (тип II1б) (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, с.368, табл.193-1, 1-1-3), была

найдена в могиле 25 Ангасякского могильника в Башкирии, где датирована III–IV вв. н.э. (Васюткин С.М., 1980, с.81; с.192, табл.4-20).

Оригинальным изделием, обнаруженным на Тураево I, являются наборные наконечники ремней типа ПБ1а (табл.9-66) (Останина Т.И., 1997, с.61, тип 4). Подобные известны в рязано-окских могильниках, где они датированы И.В.Белоцерковской концом III – первой половиной IV в. н.э. Там они выполнены из бронзы (в Тураево преобладают железные – 13 из 17 экз.) и орнаментированы точками, насечками и другими геометрическими узорами (Белоцерковская И.В., 2007, рис.9-25, 26, 28). И.Р.Ахмедов рассматривает такие наконечники как атрибут периода 2С – середины IV в. н.э. (Ахмедов И.Р., 2007, схема 1-56). В захоронении 72 мыса I могильника Кораблино они служили для крепления портупейного ремня (там же, рис.13-23).

К третьей, смежной, группе, соединяющей первую и вторую серию могил, относится 17 типов вещей (табл.1). Среди них многие имеют аналогии в мазунинских древностях, где датируются IV–V вв. н.э.: височные подвески типа Пб1, 2 (табл.14-97) (Останина Т.И., 1997, рис.4-7), ожерелья из пронизок типа IVa (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, табл.31-5, 9; 74-12-3-4; 219-22 и табл.13-86 наст. изд.) (там же, рис.5-12), круглопроволочные бронзовые типа П1а, 2а (табл.12-83) (там же, рис.7-1, 2) и железные типа I2а, б, в (табл.11-77) (там же, рис.78-11) гривны, браслеты типа IV1а, б (табл.10-70) (там же, рис.10-6, 7), железные пряжки типов IBП (табл.14-96), IBП2б, 2б1 (табл.11-79) (там же, рис.13-20), IBП1а, 2а, 2а1 (табл.13-92) (там же, рис.13-21), железные наконечники ремней типа IAI2 (табл.14-94) (там же, рис.12-6), бабочковидные фибулы типов AI2а, б (табл.13-91) (там же, рис.51-25) и AI3а, б (табл.11-81) (там же, рис.38-9), прямоугольные фибулы типа БПб, 2а (табл.13-88) (там же, рис.51-23), круглые выпуклые бляшки (табл.13-87) (там же, рис.4-22-25; 51-29), трапециевидные подвески типа П1а, б (табл.10-71) (там же, рис.8-12, 15). Более широкий диапазон III–V вв. н.э. определен Т.И.Останиной для бронзовых пряжек типа ПА1-а, а1 (табл.11-76) (там же, рис.12-27-29), железных пряжек типа IBП (табл.13-90), железных браслетов типа П1а, б, в (табл.14-95) (там же, рис.10-1). К V в. н.э. отнесены Т.И.Останиной бронзовые пронизки типа I-а, б (табл.13-84) (там же, рис.5-14, 15, 19; 51-2). Второй половиной IV – началом V в. н.э. (период 3А) И.Р.Ахмедов (2007, схема 3-20, рис.21-6) датирует железные накладки типа П1а, б, в (табл.14-93).

В вятских материалах II–V вв. н.э. встречались бронзовые накладки из двух соединенных овалов и колечком типа ХП1а, б, в (табл.13-89) (Лещинская Н.А., 1995, рис.13-5, 6, 9-11). Здесь в V в. н.э. начинают использоваться в шумящих подвесках привески-колокольчики типа VIII1а (табл.11-78) (там же, рис.11-4, 10). К этой же группе относятся железные гривны типа П1а, б (табл.12-82), бронзовые пряжки типа ПБП1а (табл.10-75), накладки с двумя соединенными кругами типа ХП2а, б, в, г, д (табл.11-80), железные наконечники поясов типа IА (табл.10-72), бронзовые мелкие прямоугольные наконечники поясов из пластин типа ПАП1а (табл.10-74), круглые плоские бляшки типа П1а, 2а (табл.10-73), круглые пронизки типа П1-а (табл.13-85).

В целом, описанные типы украшений укладываются в рамки второй половины IV–V вв. н.э. Именно этим временем мы и предлагаем датировать бескурганные захоронения Тураевского I могильника, подразделив их на две части: раннюю – вторая половина IV – начало V вв. н.э. и позднюю – V в. н.э. Погребения ранней группы располагаются по всей площади раскопа, концентрируясь в большей степени в его юго-восточной стороне (рис.3). Захоронения V в. н.э. распределяются на раскопе более равномерно, что, возможно, объясняется их большим числом. Следует учитывать, что на плане обозначены только могилы, вошедшие в корреляцию. Возможно, при дальнейшем анализе состав групп будет уточнен, какие-то типы вещей переместятся в раннюю группу, но, в целом, картина вряд ли существенно изменится. Надеемся, что со временем удастся выделить могилы и 6 в. н.э., которые сейчас не просматриваются.

Сравнение материалов курганов и бескурганных могил показывает их значительную разницу. Наиболее уместно сопоставление подкурганных захоронений и первой группы

бескурганного массива, предположительно относящегося ко второй половине IV–V вв. н.э. Как уже отмечено, их отличает обилие оружия и защитных доспехов в могилах под курганами, а также отличия поясной гарнитуры. Под курганами она весьма немногочисленна и практически отсутствуют поясные накладки, а в бескурганной части пояса украшены не только пряжками и наконечниками ремней, но и разнообразными многочисленными накладками. Особо следует отметить множество деталей, выполненных из железа. Под курганами встречались и детали поясов, украшенных в полихромном стиле (Gening V., 1995, abb.19-13, 14; 29-5, 7). Сходны лишь некоторые варианты трехсоставных (Gening V., 1995, abb.19-2, 3 и табл.3-18 наст. изд.; abb.19-7 и табл.3-16, 17) и рамчатых пряжек (Gening V., 1995, abb.19-5, 6 и табл.3-15 наст. изд.). Похожи и отдельные типы наконечников ремней (например: Gening V., 1995, abb.19-14 и табл.7-53 наст. изд.).

Существенным обстоятельством при определении датировки Тураево I является соотношение материалов бескурганной части с курганами, раскопанными В.Ф.Генингом. Взгляды этого исследователя на дату курганов эволюционировали. В 1962 г. он датировал их III–V вв. н.э. (1962, с.77). В публикации 1976 г. В.Ф.Генинг определял общую дату в пределах конца IV – первой половины V вв. н.э., выделив 3 группы: раннюю – конец IV в. н.э., среднюю – начало V в. и позднюю – вторая четверть V в. н.э. (Генинг В.Ф., 1976, с.107-108). В работе 1995 г. исследователь еще более скорректировал дату памятника: ранняя стадия отнесена им к концу IV в. н.э., средняя – к концу IV – началу V вв. и поздняя – к первой четверти V в. н.э. (Gening V., 1995, s.326). Думается, что последний вариант датировки – конец IV – первая четверть V вв. н.э. – наиболее близок к истине.

Важна оценка даты Тураевских курганов одним из крупнейших знатоков евразийских древностей середины I тыс. н.э. – М.М.Казанским, который датирует эти курганы второй половиной IV – самым началом V вв. н.э. (Казанский М.М., 2002, с.195). Некоторые типы поясной гарнитуры Тураево с обоймой в виде полумесяца связаны им с раннесасанидской традицией, привнесенной, по его мнению, на Урал какими-то кочевниками из Центральной Азии, с сасанидской границы (там же, с.196).

Следует отметить и другие суждения на эту тему. Например, А.К.Амброз считал, что Тураевские курганы относятся к концу V – началу VI вв. н.э. (Амброз А.К., 1971, с.107). Несмотря на наши симпатии к проф. А.В.Богачеву, трудно согласиться с ним в том, что 15 подкурганных могил Тураево отложились на протяжении полутора столетий – в V и первой половине VI вв. н.э. (Богачев А.В., 1992, с.152, рис.23, 24). Этот период был более коротким, вероятнее всего, длительность его не превышала нескольких десятилетий, а может быть и лет.

Однако если учитывать материалы не только курганов, но и бескурганной части, которая отнесена нами ко второй половине IV – V в., то, вполне возможно и сохранение тураевского этапа в хронологии поволжских древностей по А.В.Богачеву (1992). Только составные составляющего этого отрезка будут более многочисленными и разнообразными.

Интересны оценки и других ученых относительно даты Тураевских курганов. В частности, В.Ю.Малашев, определяя место погребения VII/16 этого памятника в системе позднесарматских материалов, подчеркивает близость их предметам из Тугозвонovo, Брюхановского выселка, Муслюмово, а также к серии из Бродов – курган 25/1 и 26/1 (Голдина Р.Д., 1986, табл.14-2; она же, 1991, с.168-169), указывая, вместе с тем, на оригинальность бродовских и тураевских пряжек и их существенное отличие от гарнитур сарматского круга (Малашев В.Ю., 2000, с.204-205).

Дальнейшее изучение некоторых категорий находок, например, стеклянного сосуда из кургана V Тураево, позволяет более глубоко оценить значение этой находки и дает новые подтверждения обоснованности даты его рубежом IV–V вв. н.э. В частности, стеклянные сосуды с синими налечами, как пишет И.О.Гавритухин, найдены на широкой территории от Пиренейского полуострова до Кавказа и от Скандинавии до Египта. В черняховской культуре они известны лишь на Днепровском левобережье и датируются

ранней частью гуннской эпохи (вторая половина IV – начало V вв. н.э.). Сосуды этого типа имели восточносредиземноморское – ближневосточное происхождение (Гавритухин И.О., 2007, с.11-13). Морфология, типология и химический состав тураевской стеклянной лампы из кургана V, проведенный С.И.Валиуллиной, подтверждают ее восточносредиземноморские истоки, так как она близка образцам из палестинской стекольной мастерской в Джаламе (Валиуллиной С.И., 2009, с.134-138).

В итоге, по нашему мнению, бескурганная часть Тураевского I могильника датируется второй половиной IV – V вв. н.э. Ранняя группа относится ко второй половине IV – началу V вв. н.э. и синхронна Тураевским курганам, поздняя – к V в. н.э.

Библиография

Архивные материалы

Водолаго Н.В., 1987. Отчет о работах в Пермской области и Татарской АССР в 1986 году (Тураевский I могильник) / Устинов. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.238. 66 с.

Водолаго Н.В., 1988. Отчет об исследованиях раннесредневековых могильников в бассейне р.Камы в 1987 году (Тураевский I могильник). Т.II / Ижевск. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.255. 219 с.

Водолаго Н.В., 1988. Отчет об исследованиях раннесредневековых могильников в бассейне р.Камы в 1987 году (Тураевский I могильник). Т.III / Ижевск. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.256. 180 с.

Водолаго Н.В., 1989. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 году (Тураевский I могильник). Т.I / Ижевск. Архив ИИКНП. Ф.2. Д.275. 170 с.

Водолаго Н.В., 1990. Полевые материалы раскопок Тураевского I могильника в Менделеевском районе ТАССР / Ижевск. Архив ИИКНП. Ф.3.

Литература

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа. 140 с.

Агеев Б.Б., 1993. Хронология и периодизация пьяноборской культуры // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.62–70.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып.Д1-30. М. 111 с.

Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч.1 // СА. №2. С.96–123.

Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. С.3–56.

Армаутинская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.26–46.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С., 2007. Культура рязанско-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып.9. М. С.133–275.

Бажан И.А., Гей О.А., 1992. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. С.115–122.

Безуглов С.И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.I. Ростов-на-Дону. С.169–193.

Бернц В.А., 2008. Погребальный инвентарь Заборьинского грунтового могильника мазунинского времени в Удмуртском Прикамье // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск. С.423–445.

Беспалый Е.И., 1990. Погребения позднесарматского времени у г.Азова // СА. №1. С.213–223.

Беспалый Е.И., 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону. С.156–168.

Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара. 207 с.

Богачев А.В., 1998. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Учебное пособие к спецкурсу. Самара. 106 с.

Бугров Д.Г., 1994. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола. С.33–38. Рис. XIII.

Валиуллина С.И., 2009. Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10. Казань. С.134–138.

Васюткин С.М., 1980. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С.72–91, 187–196. Рис. 1, 2. Табл. 1–8.

Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов. С.64–125.

Гавритухин И.О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск. С.160–209.

Гавритухин И.О., 2007. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. С.9–24.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. Самара. С.28–86.

Генинг В.Ф., 1962. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете, 1-7 февраля 1961 г. / ВАУ. Вып. 2. Свердловск. С.71–80.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // ВАУ. Вып. 5. Ижевск. 160 с.

Генинг В.Ф., 1965. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // Akta Archaeologica. XVII, fol. 1-4. Budapest. S.335–342.

Генинг В.Ф., 1967. Ижевский могильник IV-V вв. // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7. Ижевск. С.123–140.

Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7. Ижевск. С.7–84.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Ижевск. 224 с., илл.

Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань. С.55–108.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. №158. М. С.96–106.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М., 1967. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7. Ижевск. С.85–115.

Голдина Р.Д., 1986. Исследования курганный части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.47–98.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 464 с.

- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск. 721 с.
- Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск. 319 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск. 499 с.
- Казанский М.М., 2002. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск. С. 193–197.
- Казанцева О.А., 1988. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С. 43–64.
- Казанцева О.А., 1995. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 156–165.
- Казанцева О.А., 2004. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск. 176 с.
- Казанцева О.А., 2004а. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск. С. 132–139.
- Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1-43. Л. 92 с.
- Кухаренко Ю.В., 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1-19. М. 68 с.
- Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 88–128.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М. 162 с.
- Малашев В.Е., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону. С. 194–217.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. 365 с.
- Мастыкова А.В., 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев. С. 171–202.
- Матвеева Г.И., 1981. О происхождении именковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. С. 52–73.
- Матвеева Г.И., 2004. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именковская культура. Учебное пособие. Самара. 168 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 10. М. С. 113–141.
- Останина Т.И., 1978. Нивский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. С. 92–117.
- Останина Т.И., 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, открытия, исследования. Ижевск. С. 26–92.
- Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск. 327 с.
- Ошибкина С.В., 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. №158. М. С. 71–79.

- Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм // Материалы охранных исследований. Т.13. М. 212 с.
- Покровский могильник IV-V вв., 1992. Каталог археологической коллекции / Сост. Т.И.Останина. Ижевск. 96 с.
- Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып.Д1-32. М. 99 с.
- Старостин П.Н., 2002. Нармонский могильник. Казань. 64 с.
- Старостин П.Н., 2009. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып.9. Казань. 144 с.
- Стоянов В.Е., 1962. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып.4. Свердловск. С.117–134.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа. 172 с.
- Gening W., 1995. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein. Z.265–326.
- Kazanski M., 1992. Les arctoi gentes et «L’empire d’Hermanaric». Sonderdruck ans Germania. 70, 1. Halbland. S.75–122.
- Kazanski M., 1999. Les tombes des chefs militaires de l’époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno. P.293–316.

Характеристика и датировка бус Тураевского I могильника (бескурганная часть)*

Коллекция бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) насчитывает 8307 экземпляров (из-за плохой сохранности 450 бусин рассыпались). Преобладают стеклянные бусы – 8298, обнаружены также 4 халцедоновые, 2 бронзовые и 1 костяная. Найдены 2 подвески из янтаря (табл.1).

Таблица 1

Тураевский I могильник. Распределение бус по материалу

Материал	Количество	%
стекло	8298	99,9
халцедон	4	0,05
янтарь	2	0,2
бронза	2	0,2
кость	1	0,01
Всего	8307*	100

*из них: целые – 8273, фрагменты – 34.

Изучение стеклянных бус Тураевского I могильника позволило выявить 14 видов форм (табл.2). Значительно преобладают зонные (6138 экз.) и цилиндрические (1692) бусы. Кроме того, обнаружены: бочонкообразные (252 экз.), многочастные (150), в форме шестиугольной призмы (12), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (9), шарообразные (8), в форме плоского цилиндра (сплюснутые вдоль канала) (6), биконические (3), в форме неправильного куба (3 экз.). По одному предмету обнаружены бусы следующих форм: катушкообразная, эллипсоидная, биконическая со срезанными вершинами, ребристая бочонкообразная. Не установлен этот признак у 21 фрагмента стеклянных бус.

Халцедоновые бусы имеют зонную (1 экз.), шарообразную (1) и бочонкообразную (2) форму. Бронзовые бусы отличаются подобными характеристиками: 1 – зонная, 1 – бочонкообразная. Костяная бусина имеет неправильную цилиндрическую форму (с подтреугольным сечением).

Измерение бусины производилось по следующим параметрам: диаметр, высота и диаметр отверстия. Для упорядочения полученных данных была использована шкала, предложенная Ю.Каллмером (Callmer J., 1977, p.35). Величины диаметров разбиты на группы через каждые 2 см. Пропорции бусины определяются соотношением диаметра к высоте и в зависимости от этого бусы относятся к группам: короткие – $H/D \leq 0,5$; средне-короткие – $0,5 < H/D \leq 1$; средне-длинные – $1 < H/D < 1,5$; длинные – $H/D \geq 1,5$. Данные о размерах бус даны в таблице, в которой по горизонтали размещены величины диаметров, а по вертикали – информация о пропорциях бус (табл.3).

Таблица 2

Тураевский I могильник. Форма бус

Материал	стекло	халцедон	янтарь	бронза	кость	неизв. камень	всего	%
Форма								

* В статье проанализированы бусы из раскопок 1986-1990 гг.

зонная	6138	1		1			6140	73,91
цилиндрическая	1692				1		1693	20,38
бочонкообразная	252	2		1			255	3,07
многочастная зонная/бочонкообразная	148/2						150	1,81
шестиугольная призма	12						12	0,14
параллелепипед со срезанными вершинами	9						9	0,11
шарообразная	8					1	9	0,11
плоский цилиндр (сплюснутая вдоль канала)	66						6	0,07
биконическая	3						3	0,04
неправильный куб	3						3	0,04
катушкообразная	1						1	0,01
эллипсоидная	1						1	0,01
биконическая со срезанными вершинами	1						1	0,01
ребристая бочонкообразная	1						1	0,01
не установлена	21						21	0,25
подвеска			2				2	0,02
Всего	8298	3	2	2	1	1	8307	
%	99,89	0,04	0,02	0,02	0,01	0,01		100

На памятнике обнаружены бусы диаметром от 2 до 28 мм. Преобладают экземпляры диаметром 3-5 мм (8078 экз.), которые в научной литературе чаще всего известны как бисер. Значительно реже встречаются бусы диаметром 15-17 мм (61 экз.), 12-14 мм (52), 6-8 мм (42), 18-20 мм (18) и 9-11 мм (15 экз.). Очень редко встречаются бусы диаметром < 3 мм (8 экз.) и бусы диаметром 21-23 мм (8 экз.). Самый большой диаметр (28 мм) обнаружен у одной халцедоновой бусины. По пропорциям бусы распределились следующим образом: короткие (6090 экз.), средне-короткие (2007), средне-длинные (142), длинные (44 экз.). Установить размеры не удалось у 24 фрагментов бус.

Таблица 3

Тураевский I могильник. Корреляция диаметров и пропорций стеклянных бус

H/D \ D (мм)	<3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	21-23	24-26	27-29	не устан.	Всего	%
H/D ≤ 0,5 короткие	1' -	5' 6046	9' 4	13' 4	17' 10	21' 16	25' 8	29' 2	33' -	37' -	-	6090	73,31
0,5 < H/D ≤ 1 средне-короткие	2' 8	6' 1866	10' 22	14' 8	18' 41	22' 45	26' 10	30' 6	34' -	38' 1	-	2007	24,16
1 < H/D < 1,5 средне-длинные	3' -	7' 130	11' 9	15' 3	19' -	23' -	27' -	31' -	35' -	39' -	-	142	1,71

H/D≥1,5 длинные	4'	8'	12'	16'	20'	24'	28'	32'	36'	40'			
	-	36	7	-	1	-	-	-	-	-	-	44	0,53
не установлено	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	24	24	0,29
Всего	8	8078	42	15	52	61	18	8	-	1	24	8307	
%	0,1	97,24	0,51	0,18	0,63	0,73	0,22	0,1	-	0,01	0,29		100

Анализ технологии изготовления стеклянных бус Тураевского I могильника дал следующие результаты (табл.4). Подавляющее большинство бус изготовлено из тянутой трубочки (8103 экз.). Среди этих бус преобладают одноцветные (7735 экз.), а также выявлено 366 предметов с металлической прокладкой и 2 экз. с декором. Зафиксированы бусы, выполненные в технике навивки (87 экз., из них 85 – одноцветные, 2 – с декором) и бусы, изготовленные из тянутой палочки (81 экз., из них 73 – одноцветные, 8 – с декором). Одна декорированная бусина изготовлена путем сгибания пластины. Технология изготовления не установлена в 26 случаях.

Таблица 4

Тураевский I могильник. Технология изготовления стеклянных бус

Технология	Одноцветные	С металлической прокладкой	С декором	Всего	%
тянутая трубочка	7735	366	2	8103	97,65
навивка	85	-	2	87	1,05
тянутая палочка	73	-	8	81	0,98
сгибание пластины	-	-	1	1	0,01
не установлена	25	-	1	26	0,31
Всего	7918	366	14	8298	
%	95,42	4,41	0,17		100

Стеклянные бусы в массе своей одноцветные (8285 экз.), лишь 14 имеют декор. Выявлены следующие виды декоров (табл.5): глазчатые (10 экз.), продольные полосы (2), пятнистый (1), зигзагообразный поперечный декор (1 экз.).

Таблица 5

Тураевский I могильник. Виды декоров стеклянных бус

Виды декора	Кол-во	%
глазчатые	10	71,43
продольные полосы	2	14,29
пятнистые	1	7,14
зигзагообразный поперечный декор	1	7,14
Всего	14	100

Цвет бусины определен с помощью шкалы цветов, которая насчитывает 21 цветовой тон, каждый из которых по интенсивности и светлости имеет 8 различных оттенков. Шкала цветов была разработана на кафедре археологии МГУ на основе атласа цветов Рабкина Е.Б. (1956).

У одноцветных бус и бус с декором определен цвет основы бусины, для бус с металлической прокладкой дается цвет внешнего слоя стекла. На памятнике найдена декорированная бусина, у которой нельзя однозначно определить цвет основы и декора, она названа многоцветной (табл.6).

Цветовая гамма стеклянных бус Тураевского I могильника насчитывает 20 вариантов (табл.6). Бусы синего (2175 экз.), бирюзового (1473) и желтого (1371 экз.) цветов самые многочисленные. Часто встречаются желто-зеленые (1040 экз.), сине-зеленые (820), черные (445), бесцветные (369) и зеленые (313 экз.) бусы. Реже обнаружены красно-коричневые (120 экз.), сине-фиолетовые (930), белые (21 экз.) бусы. Некоторые изделия имеют лишь оттенок определенного цвета: оливковый слабый (61 экз.), зеленый слабый (26), желтый слабый (11), коричневый слабый (1 экз.). Редки находки бежевого (4 экз.), фиолетового (2), пурпурного темного (3), серо-голубого (1 экз.) цветов. Не удалось установить цвет у 10 бусин.

Анализ прозрачности стеклянных бус показал, что на могильнике преобладают непрозрачные экземпляры (6242). Полупрозрачные и прозрачные насчитывают, соответственно, 1461 и 581 экземпляр. Не удалось определить прозрачность у 13 предметов из-за коррозии и у 1 экземпляра вследствие многоцветности (табл.7).

Таблица 6

Тураевский I могильник. Цвет стеклянных бус

Цвет	Кол-во	%
синий	2175	26,21
бирюзовый	1473	17,75
желтый	1371	16,52
желто-зеленый	1040	12,53
сине-зеленый	820	9,88
черный	445	5,36
бесцветный	369	4,45
зеленый	313	3,77
красно-коричневый	120	1,45
оливковый слабый	61	0,74
сине-фиолетовый	30	0,36
зеленый слабый	26	0,31
белый	21	0,25
желтый слабый	11	0,13
бежевый	4	0,05
фиолетовый	2	0,02
пурпурный темный (почти черный)	3	0,04
серо-голубой	1	0,01
коричневый	1	0,01

коричневый слабый	1	0,01
многоцветный	1	0,01
не установлен	10	0,12
Всего	8298	100

Таблица 7

Тураевский I могильник. Прозрачность стеклянных бус

Степень прозрачности	Кол-во	%
прозрачная	581	7,0
полупрозрачная	1461	17,61
непрозрачная	6242	75,22
не установлена	14	0,17
Всего	8298	100

Создание типологии для бус Тураевского I могильника проведено по системе, разработанной мною для бус Верхнего Прикамья IV–IX вв. н.э. (по материалам могильников неволинской культуры) (2010). Типология бус Тураевского I могильника является ее продолжением. Бусы разделены на группы, подгруппы, типы и подтипы. Критерием выделения групп среди стеклянных бус является технология их изготовления. Для бус, изготовленных из других материалов – вид материала. Номера групп обозначены римскими цифрами. Для выявления подгрупп учитывается наличие или отсутствие декора и вид материала. Номера подгрупп обозначены прописными буквами русского алфавита. Типы учитывают форму, цвет, прозрачность, вид декора (обозначены арабскими цифрами). Подтипы характеризуют цвет декора (обозначены строчными буквами русского алфавита). Описание каждого типа имеет кодовое обозначение размеров бус данного типа и их общее количество. Метод кодирования также заимствован из работы Е.В.Голдиной (2010, с.12-13). Данная система основана на таблице корреляции диаметров и пропорций бус, позволяет характеризовать их размер одним знаком (табл.3).

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутой трубочки

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип IA1 (611 экз.; рис.1). Зонная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная (бисер). Погребение (п.) 51 (2*-5**), п.62 (27-5'), п.73 (1-5'), п.101 (4-5'), п.117 (7-5'), п.125 (16-5'), п.132 (17-5'), п.134 (6-5'), п.135 (63-5'), п.137 (98-5'), п.138 (16-5'), п.141 (33-5'), п.142 (100-5'), п.148 (1-14'), п.159 (12-5'), п.178 (176-5'), п.212 (2-5'), п.214 (3-5'), п.220 (1-5'), п.225 (76-5'). В мазунинских могильниках они датируются IV–V вв. н.э. (Останина Т.И., 1997, табл.34).

Тип IA2 (662 экз.; рис.1). Зонная голубая (синий средний) непрозрачная. Погребение 13 (10-5'), п.19 (4-5'), п.29 (1-14'), п.77 (40-5'), п.120 (103-5'), п.122 (24-5'), п.165 (50-5'), п.174 (7-5'), п.186 (15-5'), п.195 (86-5'), п.202 (4-5'), п.207 (8-5'), п.212 (45-5'), п.214 (2-5'), п.218А (29-5'), п.218Б (45-5'), п.219Б (46-5'), п.221 (24-5'), п.246 (41-5'), п.250 (24-5'), п.269 (50-5'), сбор с поверхности (4-5').

Тип IA4*** (1257 экз.; рис.1). Зонная желтая непрозрачная (бисер). Погребение 13 (1-5'), п.14 (1-5'), п.29 (57-5'; 11-6'), п.51 (3-5'), п.60 (3-5'), п.62 (13-5'), п.73 (6-5'; 3-6'), п.77

* – первая цифра в скобках означает количество экземпляров

** – вторая цифра в скобках означает кодовое обозначение размера бус. Расшифровку кода смотри по таблице 3

*** – пропуск порядкового типа бус, в данном случае IA3, означает его отсутствие на Тураевском I могильнике

(79-5'), п.101 (25-5'), п.107 (376-5'), п.134 (38-5'), п.137 (7-5'), п.138 (1-6'), п.159 (1-5'), п.165 (20-5'), п.174 (2-5'), п.178 (17-5'), п.195 (29-5'), п.218А(29-5'), п.218Б (35-5'), п.220 (1-5'), п.246 (20-5'), п.257 (478-5'), п.269 (2-5'). Т.И.Останина относит этот тип бус в Среднем Прикамье к IV–V вв. н.э. (1997, табл.34). Аналогичны бусам Северного Причерноморья первых веков нашей эры (Алексеева Е.М., 1978, с.63, тип 5).

Тип IA6 (17 экз.; рис.1). Зонная зеленая непрозрачная (бисер). Погребение 174 (17-5'). По материалам мазунинских могильников подобные бусы Т.И.Останиной датируются III–IV вв. н.э. (1997, табл.34).

Тип IA7 (152 экз.; рис.1). Зонная бирюзовая полупрозрачная (бисер). Погребение 10 (33-5'), п.25 (1-5'), п.73 (9-5'), п.77 (7-5'), п.83 (63-6'), п.165 (8-5'), п.172 (3-5'), п.178 (1-5'), п.250 (27-5').

Тип IA8 (1692 экз.; рис.1). Зонная бирюзовая непрозрачная (бисер). Погребение 14 (32-5'), п.19 (159-5'), п.25 (5-5'), п.34 (21-5'), п.51 (31-5'), п.60 (1-5'), п.62 (27-5'), п.73 (50-5'), п.77 (9-5'), п.101 (42-6'), п.138 (31-5'), п.145 (1-6'), п.159 (1-5'), п.165 (376-5'), п.170 (46-5'), п.174 (149-5'), п.175 (3-5'), п.177А (90-5'), п.195 (172-5'), п.201А (7-5'), п.201Г (30-5'), п.212 (64-5'), п.220 (2-5'), п.246 (138-5'), п.257 (205-5').

Тип IA9 (387 экз.; рис.1). Зонная черная непрозрачная (бисер). Погребение 10 (10-5'), п.13 (2-5'), п.34 (2-5'), п.51 (20-5'), п.62 (5-5'), п.73 (74-5'), п.82 (1-5'), п.83 (7-6'), п.84 (1-5'), п.101 (2-5'), п.125 (2-5'), п.165 (23-5'), п.178 (1-5'), п.195 (2-5'), п.201А (4-5'), п.207 (3-5'), п.212 (3-5'), п.218Б (3-5'), п.219Б (2-5'), п.225 (3-5'), п.246 (5-5'), п.250 (212-5'). В мазунинских могильниках они датируются IV в. н.э. (Останина Т.И., 1997, табл.34).

Тип IA10 (1 экз.; рис.1). Бочонкообразная черная (синий средний темный) непрозрачная. Погребение 145 (1-10').

Тип IA11 (2 экз.; рис.1). Бочонкообразная бирюзовая полупрозрачная. Погребение 145 (2-6').

Тип IA13 (5 экз.; рис.1). Бочонкообразная бесцветная полупрозрачная (бежевый или зеленый слабый оттенок). Погребение 77 (1-6'), п.225 (4-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.65, тип 17). Т.И.Останина (1997, табл.34) датирует подобные экземпляры IV в. н.э.

Тип IA16 (5 экз.; рис.1). Бочонкообразная зеленая непрозрачная. Погребение 14 (1-10'), п.101 (1-10'), п.188 (1-18'), п.212 (1-10'), п.236 (1-14').

Тип IA17 (1 экз.; рис.1). Бочонкообразная бирюзовая непрозрачная. Погребение 263 (1-10').

Тип IA30 (580 экз.; рис.1). Цилиндрическая голубая непрозрачная (бисер). Погребение 13 (21-6'), п.19 (4-6'), п.77 (19-6'), п.120 (67-6'), п.122 (13-6'), п.147 (1-6'), п.165 (58-6'), п.174 (26-6'), п.186 (21-6'), п.187Б (5-6'), п.195 (35-6'), п.201Г (36-6'), п.207 (5-6'), п.212 (45-6'), п.215 (1-6'), п.218А (20-6'), п.218Б (80-6'), п.219Б (30-6'), п.221 (15-6'), п.246 (30-6'), п.250 (20-6'), п.269 (24-6'), сбор с поверхности (4-6').

Тип IA31 (260 экз.; рис.1). Цилиндрическая синяя полупрозрачная (бисер). Погребение 62 (13-6'), п.101 (2-6'), п.117 (13-6'), п.125 (11-6'), п.132 (32-6'), п.135 (22-6'), п.137 (64-6'), п.138 (38-6'), п.142 (65-6').

Тип IA32 (259 экз.; рис.1). Цилиндрическая бирюзовая непрозрачная (бисер). Погребение 14 (19-6'), п.19 (76-6'), п.25 (4-6'), п.51 (7-6'), п.83 (5-6'), п.84 (5-6'), п.138 (40-6'), п.174 (88-6'), п.177А (15-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.67, тип 66). По сведениям Т.И.Останиной (1997, табл.34), этот тип датируется III–IV вв. н.э.

Тип IA34 (112 экз.; рис.1). Цилиндрическая желтая непрозрачная (бисер). Погребение 25 (5-6'), п.29 (12-6'), п.51 (2-6'), п.73 (2-6'), п.77 (35-6'), п.134 (39-6'), п.135 (10-6'), п.165 (7-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.67, тип 60).

Тип IA35 (53 экз.; рис.1). Цилиндрическая черная непрозрачная (бисер). Погребение 10 (2-6'), п.13 (1-6'), п.14 (1-6'), п.51 (7-6'), п.73 (17-6'), п.83 (5-6'), п.178 (1-6'), п.195 (2-

6'), п.201Г (17-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.67, тип 54).

Тип IA37 (9 экз.; рис.1). Цилиндрическая красно-коричневая непрозрачная (бисер). Погребение 25 (4-6'), п.77 (4-6'), п.84 (1-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.67, тип 57).

Тип IA41 (5 экз.; рис.1). Многочастная зонная синяя непрозрачная. Погребение 207 (1-7'), п.221 (4-7'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.65, тип 15).

Тип IA43 (2 экз.; рис.1). Многочастная зонная зеленая непрозрачная. Погребение 195 (2-7'). Подобны бусам Северного Причерноморья I–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.64, тип 9).

Тип IA45 (1 экз.; рис.1). Многочастная зонная черная непрозрачная. Погребение 215 (1-7').

Тип IA46 (1 экз.; рис.1). Многочастная бочонкообразная сине-зеленая или зеленая непрозрачная. Погребение 147 (1-7').

Тип IA53 (2 экз.; рис.1). С дополнительной поверхностью, в форме параллелепипеда со срезанными углами, поверхность пурпурная (темная) полупрозрачная, основа – желтая непрозрачная. Погребение 39 (1-10'), п.82 (1-10').

Тип IA56 (7 экз.; рис.1). Многочастная зонная красно-коричневая непрозрачная. Погребение 207 (1-7'), п.221 (6-7'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.63, тип 3).

Тип IA58 (99 экз.; рис.1). Зонная красно-коричневая непрозрачная (бисер). Погребение 51 (2-6'), п.73 (5-5'), п.77 (39-5'), п.140Б (3-5'), п.172 (2-5'), п.178 (6-5'), п.195 (1-5'), п.201А (1-5'), п.218Б (1-5'), п.221 (33-5'), п.225 (1-5'), п.246 (1-5'), п.257 (1-5'), п.263 (3-5'). Известны среди бус Северного Причерноморья I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.63, тип 3).

Тип IA59 (5 экз.; рис.1). Зонная синяя или сине-фиолетовая непрозрачная. Погребение 51 (1-5'), п.77 (1-5'), п.103 (1-5'), п.178 (2-5'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.65, тип 15).

Тип IA60 (198 экз.; рис.1). Цилиндрическая желто-зеленая непрозрачная (бисер). Погребение 13 (12-6'), п.77 (2-6'), п.84 (4-6'), п.101 (1-6'), п.103 (2-6'), п.117 (3-6'), п.120 (26-6'), п.125 (1-6'), п.134 (6-6'), п.135 (5-6'), п.137 (6-2'; 26-6'), п.138 (1-6'), п.172 (27-6'), п.174 (20-6'), п.175 (1-6'), п.178 (1-6'), п.201А (7-6'), п.202 (5-2'; 42-6').

Тип IA65 (833 экз.; рис.1). Зонная желто-зеленая непрозрачная. Погребение 10 (1-5'), п.13 (135-5'), п.14 (2-5'), п.19 (3-5'), п.34 (9-5'), п.51 (4-5'), п.62 (2-5'; 1-10'), п.73 (5-5'), п.77 (17-5'), п.83 (19-6'), п.84 (12-5'), п.101 (92-5'), п.103 (1-5'), п.120 (6-5'), п.134 (4-5'), п.137 (51-5'), п.145 (1-10'), п.165 (1-5'), п.172 (25-5'), п.174 (40-5'), п.175 (10-5'), п.177А (3-5'), п.178 (6-5'), п.195 (35-5'), п.201А (50-5'), п.201Г (1-5'), п.202 (60-5'), п.212 (18-5'), п.214 (11-5'), п.218А (2-5'), п.218Б (17-5'), п.219Б (11-5'), п.222 (2-5'), п.225 (134-5'), п.246 (923-5'), п.257 (108-5'), п.269 (1-5'). Подобны бусам Северного Причерноморья I–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.64, тип 9).

Тип IA66 (18 экз.; рис.1). Зонная бесцветная (белая) непрозрачная. Погребение 39 (1-10'), п.145 (2-10'), п.178 (2-6'), п.195 (1-6'), п.212 (10-6'), п.215 (2-6'). Известны среди бус Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.63, тип 2).

Тип IA69 (1 экз.; рис.1). Многочастная зонная бесцветная (белая) непрозрачная. Погребение 215 (1-7'). Аналогична бусам Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.63, тип 2).

Тип IA71 (2 экз.; рис.1). Цилиндрическая коричневая непрозрачная. Погребение 82 (2-9').

Тип IA74 (12 экз.; рис.1). В форме шестиугольной призмы сине-фиолетовая, синяя или бирюзовая непрозрачная. Погребение 29 (1-8'), п.73 (1-8'), п.74 (1-8'), п.125 (1-8'),

п.140Б (1-8'), п.178 (6-8'), п.246 (1-8'). Подобные экземпляры в Северном Причерноморье датируются I–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.70, тип 125).

Тип IA75 (207 экз.; рис.1). Цилиндрическая зеленая или бирюзовая полупрозрачная (бисер). Погребение 10 (128-6'), п.13 (10-6'), п.83 (27-6'), п.101 (4-6'), п.117 (3-6'), п.125 (4-6'), п.135 (9-6'), п.137 (18-6'), п.138 (1-6'), п.172 (3-6'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.64, тип 69).

Тип IA76 (220 экз.; рис.1). Зонная зеленая полупрозрачная (бисер). Погребение 13 (6-5'), п.14 (5-5'), п.19 (2-5'), п.25 (10-5'), п.51 (5-5'), п.62 (3-5'), п.73 (16-5'; 1-6'), п.84 (12-5'), п.117 (1-5'), п.134 (2-5'), п.137 (23-5'), п.138 (4-5'), п.140Б (1-5'), п.141 (13-5'), п.159 (1-10'), п.172 (3-6'), п.178 (1-6'; 68-5'), п.187Б (1-5'), п.195 (2-5'), п.201А (4-5'), п.201Г (10-5'), п.207 (8-5'), п.212 (5-5'), п.218А (3-5'), п.225 (6-5'), п.269 (4-5'). Близки бусам Северного Причерноморья III в. до н.э. – IV в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.64, тип 8).

Тип IA86 (7 экз.; рис.1). Цилиндрическая бесцветная (оливковый слабый) прозрачная (бисер). Погребение 84 (3-6'), п.101 (1-5'), п.117 (1-6'), п.137 (2-6').

Подгруппа Б. Продольно-полосатые

Тип IB8 (2 экз.; рис.1). Цилиндрическая черная непрозрачная.

Вариант а. Полосы черные, белые, красно-коричневые. Погребение 73 (1-6'), п.125 (1-6').

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой

Тип IB21 (1 экз.; рис.1). Многочастная бочонкообразная с желтым внешним слоем. Погребение 167 (1-8').

Тип IB29 (359 экз.; рис.1). Зонная с бежевым внешним слоем. Многочастная или одночастная зонная с бежевым внешним слоем. Погребение 25 (4-5'; 3-7'), п.51 (52-5'; 2-7'), п.62 (1-5'), п.73 (101-5'; 6-7'), п.77 (5-6'), п.84 (10-5'; 20-7'; 2-8'), п.165 (2-7'; 7-8'), п.178 (3-5'; 2-7'; 1-8'), п.195 (2-7'; 3-8'), п.201А (7-5'; 3-7'; 1-8'), п.202 (5-8'), п.207 (30-5'; 35-7'; 19-8'), п.212 (2-7'), п.218А (2-7'), п.218Б (5-5'; 1-7'; 2-8'), п.220 (2-5'), п.225 (1-5'; 1-8'), п.246 (1-5'; 1-7'), сбор с поверхности (5-5'; 7-7'; 3-8'). Подобны бусам Северного Причерноморья II в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.30-31, тип 5).

Тип IB35 (6 экз.; рис.1). Бочонкообразная или шарообразная с бесцветным (желтоватым) внешним слоем. Возможно, желтый оттенок дает металлическая прокладка. На неволинских памятниках таких бус нет. Погребение 48 (1-10'), п.73 (1-18'), п.138 (1-10'), п.257 (2-10'; 1-14').

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутой палочки

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип IVA2 (1 экз.; рис.1). Зонная синяя непрозрачная. Погребение 62 (1-10').

Тип IVA7 (2 экз.; рис.1). Шарообразная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная. Погребение 77 (1-15'), п.85 (1-15').

Тип IVA9 (2 экз.; рис.1). Шарообразная или бочонкообразная зеленая непрозрачная. Погребение 62 (1-6'), п.148 (1-18').

Тип IVA16 (3 экз.; рис.1). Бочонкообразная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная. Погребение 24 (1-18'), п.77 (1-15'), п.257 (1-11').

Тип IVA19 (4 экз.; рис.1). Бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная. Погребение 73 (1-18'), п.133 (1-18'), п.148 (1-18'; 1-22').

Тип IVA24 (30 экз.; рис.1). Бочонкообразная бесцветная (оливковый слабый, желтый слабый) прозрачная. Погребение 11 (1-18'), п.40 (1-18'), п.60 (1-22'), п.65 (1-22'), п.67 (1-22'), п.71 (1-26'), п.97 (1-22'), п.101 (1-18'; 4-22'), п.120 (1-22'), п.139 (1-22'), п.143 (1-18'), п.162 (1-22'), п.171 (1-18'), п.172 (1-26'), п.180 (1-18'; 4-22'), п.213 (1-18'), п.235 (2-18'; 2-22'), сбор с поверхности (1-18'; 1-22').

Тип IVA29 (1 экз.; рис.1). Эллипсоидная голубая или синяя непрозрачная. Погребение 202 (1-8').

Тип IVA36 (3 экз.; рис.1). Биконическая синяя или бирюзовая полупрозрачная. Погребение 11 (1-10'), п.106 (1-10'), п.138 (1-9'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья II–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.68, тип 85).

Тип IVA45 (3 экз.; рис.1). В форме параллелепипеда синяя или сине-зеленая полупрозрачная. Погребение 257 (3-6').

Тип IVA49 (2 экз.; рис.1). В форме параллелепипеда со срезанными углами синяя, сине-фиолетовая или бирюзовая полупрозрачная. Погребение 73 (1-12'), п.167 (1-12'). Подобны бусам Северного Причерноморья II–IV вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.70, тип 134).

Тип IVA52 (1 экз.; рис.1). В форме параллелепипеда со срезанными углами зеленая прозрачная. Погребение 172 (1-8').

Тип IVA66 (2 экз.; рис.1). Зонная и бочонкообразная оливкового слабого цвета полупрозрачная или прозрачная. Отверстие сделано подквадратным инструментом. Погребение 80 (1-21'), п.144 (1-17'). Аналогичны бусам Северного Причерноморья I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.65, тип 17).

Тип IVA68 (6 экз.; рис.1). Зонная зеленого слабого (оливкового слабого) оттенка прозрачная или полупрозрачная. Погребение 148 (1-22'; 1-26'), п.149 (1-17'), п.167 (1-21'), п.180 (1-25'), п.257 (1-30'). В Северном Причерноморье похожие бусы датированы I–II вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.65, тип 17).

Тип IVA70 (1 экз.; рис.1). Цилиндрическая красно-коричневая непрозрачная. Погребение 32 (1-7').

Тип IVA71 (1 экз.; рис.1). Бочонкообразная бирюзовая или сине-фиолетовая непрозрачная, крупная с площадками у отверстий. Погребение 267 (1-18').

Тип IVA82 (1 экз.; рис.1). В форме параллелепипеда со срезанными углами бирюзовая непрозрачная. Погребение 39 (1-12').

Тип IVA87 (6 экз.; рис.1). Плоская цилиндрическая (сплюснута вдоль канала) бирюзовая непрозрачная или полупрозрачная. Погребение 71 (1-11'), п.82 (1-11'), п.85 (1-11'), п.154 (1-12'), п.172 (2-12').

Тип IVA93 (1 экз.; рис.1). Зонная зеленая или желто-зеленая непрозрачная. Погребение 101 (1-10').

Тип IVA98 (1 экз.; рис.1). Параллелепипед со срезанными вершинами пурпурный средний темный (почти черный) полупрозрачный. Погребение 39 (1-12').

Тип IVA99 (1 экз.; рис.1). Цилиндрический желто-зеленый непрозрачный. Погребение 74 (1-8').

Тип IVA100 (2 экз.; рис.1). Параллелепипед со срезанными вершинами желтый (бежевый) прозрачный. Погребение 164 (2-11').

Подгруппа Б. Глазчатые

Тип IVB8 (3 экз.; рис.2). Бочонкообразная бесцветная (оливковый слабый) прозрачная.

Вариант в. Глазок красно-коричневый с синими, белыми ресничками. Погребение 73 (1-18'), п.101 (1-18'), п.149 (1-18').

Тип IVB12 (1 экз.; рис.1). Шарообразная бирюзовая полупрозрачная.

Вариант и. Глазок красно-коричневый, белый. Глазки расположены хаотично по тулову. Погребение 85 (1-10').

Тип IVB52 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная синяя непрозрачная.

Вариант а. Глазок черный, реснички желтые, красно-коричневые. Погребение 222 (1-14').

Тип IVB53 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная белая непрозрачная.

Вариант а. Глазок красно-коричневый с белыми и коричневыми ресничками. Глазок подквадратной формы. Погребение 19 (1-18').

Группа V. Бусы, изготовленные из многослойной тянутой палочки

Подгруппа Г. Глазчатые

Тип VIГ3 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная (близка к шарообразной), сварена из двух кусков многослойной палочки, состоящей из глазков. Глазки расположены в три ряда.

Вариант а. Глазок сине-фиолетовый, белый, сине-фиолетовый. Погребение 154 (1-18').

Группа VI. Бусы, изготовленные путем сгибания полосы

Подгруппа Г. Глазчатые

Тип VIГ7 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная белая непрозрачная. Полоса сварена из трех кусков многослойной палочки, затем согнута.

Вариант а. Глазок зеленый с красно-коричневыми, серыми (?) ресничками. Глазок подквадратной формы. Погребение 267 (1-18').

Группа VIII. Бусы, изготовленные способом навивки

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип VIIIA1 (73 экз.; рис.2). Зонная зеленая полупрозрачная. Может иметь иные оттенки: оливковый слабый, сине-зеленый, желто-зеленый, желтый слабый. Погребение 1 (1-21'), п.15 (1-21'), п.26 (1-21'), п.29 (1-17'; 1-25'), п.32 (1-18'), п.33 (1-17'), п.39 (2-13'; 2-22'), п.40 (1-22'), п.44 (1-22'), п.46 (1-26'), п.48 (1-18'; 1-22'), п.66 (2-17'; 1-18'; 1-29'), п.68 (1-18'; 1-26'), п.73 (1-18'), п.74 (1-21'), п.76 (1-22'), п.77 (1-17'), п.78 (1-25'), п.85 (1-22'), п.86 (1-21'), п.93 (1-21'), п.99 (1-22'), п.101 (1-22'), п.120 (1-25'), п.128 (1-18'; 1-21'), п.131 (1-18'), п.136 (1-21'; 1-22'); п.141 (1-25'); п.145 (1-26'), п.148 (1-22'; 1-30'), п.154 (1-26'; 1-30'), п.158 (1-26'), п.159 (1-21'), п.162 (1-18'), п.165 (1-22'), п.178 (1-21'; 1-30'), п.189 (1-22'), п.190 (1-18'), п.195 (2-13'; 1-25'; 1-26'), п.196 (1-18'), п.198 (1-22'), п.201А (1-15'), п.210 (1-14'; 1-22'), п.224 (1-22'), п.235 (1-21'), п.243 (1-30'), п.244 (1-30'), п.247 (1-22'), п.249А (1-18'), п.254 (1-22'), п.258 (1-14'), п.260 (1-14'; 1-22'), п.268Б (1-21'), п.271 (1-17').

Тип VIIIA7 (8 экз.; рис.2). Зонная или бочонкообразная синяя или сине-фиолетовая прозрачная. Погребение 82 (1-21'), п.162 (1-21'), п.163 (1-18'), п.172 (2-18'), п.180 (2-22'), п.186 (1-17').

Тип VIIIA8 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная бирюзовая (?) непрозрачная. Погребение 64 (1-17').

Тип VIIIA11 (1 экз.; рис.2). Зонная коричневая (слабый оттенок) прозрачная. Погребение 39 (1-29').

Тип VIIIA12 (1 экз.; рис.2). Цилиндрическая фиолетовая полупрозрачная. Погребение 62 (1-9').

Тип VIIIA13 (1 экз.; рис.2). Зонная черная непрозрачная. Погребение 195 (1-18').

Подгруппа Г. Пятнистые

Тип VIIIG2 (1 экз.; рис.2). Зонная зеленая (слабый оттенок) полупрозрачная.

Вариант а. Пятна красно-коричневые, желтые, бирюзовые, черные расположены хаотично. Погребение 73 (1-18').

Подгруппа Д. С зигзагообразным поперечным декором

Тип VIIID1 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная зеленая прозрачная. Технология изготовления установлена не точно.

Вариант а. Зигзагообразные поперечные полосы, чередуются цвета: коричневый, зеленый, желтый. Зеленую полосу дает основа бусины. Зигзаг выполнен при помощи проведения вертикальных линий инструментом. Погребение 103 (1-22').

Группа X. Бусы, изготовленные из смолистых веществ

Подгруппа А. Янтарные

Тип XA10 (2 экз.; рис.2). Грибовидная подвеска. Погребение 106 (2-11'). Согласно исследованию А.В.Мастыковой (1999, с.171-202), изучившей эту категорию на широком хронологическом и территориальном фоне, подобные подвески были распространены в III – начале V в. н.э. на огромной территории от Британии до Палестины. Наиболее ранние варианты их известны в Прибалтике (вельбаркская, реже пшеворская культуры), откуда были привнесены на территорию черняховской культуры и прилегающие области. Они

появились и в Крыму в позднееримское время из вельбаркско-черняховской среды (Кропоткин В.В., 1978). Такие подвески обнаружены и в степях Подонья и Поволжья в позднесарматских памятниках (Мастыкова А.В., 1999, с.174). В Прикамье они найдены в погребении 2 кургана 39 и могиле 3 кургана 24 Бродовского курганного могильника, отнесенных Р.Д.Голдиной к концу IV – началу V в. н.э. (Голдина Р.Д., 1991, рис.3).

Группа XI. Каменные бусы

Подгруппа Е. Халцедоновые

Тип XIЕ1 (1 экз.; рис.2). Шарообразная черная с серыми пятнами полупрозрачная. Погребение 263 (1-22').

Тип XIЕ3 (1 экз.; рис.2). Зонная. Погребение 85 (1-26'). По данным Т.И.Останиной, в мазунинских могильниках датируется III – началом IV в. н.э. (1997, табл.34).

Тип XIЕ4 (2 экз.; рис.2). Бочонкообразная. Погребение 44 (1-22'), п.171 (1-38').

Группа XIII. Бусы, изготовленные из металла

Подгруппа А. Бронзовые

Тип XIIIА1 (2 экз.; рис.2). Зонная. Погребение 89 (1-25'), п.216 (1-22').

Группа XV. Бусы с неопределенной техникой изготовления

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип XVА10 (1 экз.; рис.2). Катушкообразная коричневая полупрозрачная. Погребение 66 (1-20').

Подгруппа Б. Декорированные

Тип XVБ7 (1 экз.; рис.2). Бочонкообразная бирюзовая полупрозрачная.

Вариант а. Глазок красно-коричневый с черными и желтыми ресничками. Глазок подквадратной формы. Погребение 235 (1-18').

Группа XVI. Костяные бусы

Подгруппа А. Без декора

Тип XVIА1 (1 экз.; рис.2). Цилиндрическая неправильной формы. Сечение подтреугольной формы. Погребение 257 (1-11').

В целом, бусы Тураевского I могильника типичны для памятников Среднего Прикамья мазунинского типа III–V вв. н.э., особенности которых достаточно обстоятельно охарактеризованы проф. Т.И.Останиной (1997). По ее данным, на разных памятниках собрано 21336 бусин. В основном это одноцветный бисер – 20683 экз. (85,5%), 54 полихромных и 40 хрустальных. Основной техникой изготовления бисера было членение стеклянной трубочки, разрезаны из палочки лишь 6,9%. По цвету преобладают синие – 33,3%, желтые – 32,2%, бусы с металлической прокладкой – 7,0% (Останина Т.И., 1997, с.55-57, табл.19).

Аналогичный состав бус выявлен и на Тарасовском могильнике I–V вв. н.э. на Средней Каме, где в 577 захоронениях обнаружено 18512 экземпляров бус. Из них явно привозные: стеклянные (18379 экз., относящиеся к 166 типам), хрустальные (55 экз.), халцедоновые (17), янтарные (35), из раковины (10 экз.). Основную массу стеклянных составляет бисер (более 90%) бирюзового (30,8%), желтого (19,7%), желто-зеленого (9,5%), различных вариантов синего (8,1%) цветов, а также с металлической прокладкой (6,8%). Большинство стеклянных бус (84,3%) сделано способом членения трубочки, лишь 14,1% выполнено из палочки. Интересно, что большинство наборов бус Тарасово относятся к образцовым и основным комбинациям, что свидетельствует об их коротком попадании в Прикамье при минимальном количестве посредников (Кузьминых Н.В., 2001, с.74-75).

Близость наборов бус на многих памятниках III–V вв. Среднего Прикамья подтверждает их приток из одного источника, скорее всего, – мастерских Северного Причерноморья, где во II–III вв. н.э. наблюдалось массовое производство мелкого рубленого бисера сине-зеленого, голубого, лилового и других цветов (Алексеева Е.М., 1978, с.62; 1982, с.52).

Возможно, бусы рубежа эр поступали в Прикамье из Причерноморья через сармат. Сарматские погребения первых веков нашей эры насыщены стеклянными одноцветными, с металлической прокладкой, декорированными бусами, а также гешировыми, сердоликовыми, халцедоновыми, янтарными, меловыми, костяными, фаянсовыми (Скрипкин А.С., 1984, с.34-39; Кондратьев И.И., 1987; 1989). В позднесарматских погребениях Приуралья преобладают гешировые бусы и бисер желтого, белого, зеленого, голубого цветов, известны и многочастные изделия (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976, с.143-144). Изучение бус Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. имеет весьма значительные перспективы.

Список литературы

- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.ГІ-12. М. 120 с.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.ГІ-12. М. 105 с.
- Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск. 264 с.
- Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.
- Кондратьев И.И., 1987. Химико-технологическое изучение древнего стекла // Методы естественных наук в археологии. М.
- Кондратьев И.И., 1989. Стеклянные украшения сарматского Поволжья / Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Кропоткин В.В., 1978. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М.
- Кузьминых Н.В., 2001. Бусы Тарасовского могильника в контексте римского стеклоделательного производства // Материалы XXXIII УПАСКа. Ижевск. С.74-75.
- Мастыкова А.В., 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеимского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев. С.171-202.
- Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск. 328 с.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа. С.132-149.
- Рабкин Е.Б., 1956. Атлас цветов. М.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 150 с.
- Callmer J., 1977. Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca 800-1000 A.D. // Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Nr.11. Bonn-Lund. 229 s.

О датировке и хронологии неволинской культуры

В этом году исполняется ровно 135 лет тому, как европейская археологическая общественность узнала о существовании в Приуралье памятников неволинского типа. Финский ученый И.Р.Аспелин, председатель Финляндского общества изучения древностей, профессор Хельсинского университета, в многотомном труде «Древности северных финно-угров», опубликованном в 1877-1884 гг. на французском языке, сообщил о находках древних предметов из Усть-Иргинского могильника и Шестаковского клада, расположенных в Кунгурском уезде Пермской губернии (Aspelin J.R., 1887, №176). Позже сообщения о памятниках этого района появились в работах пермских историков В.Н.Шишонко (1884, с.614, 619, 627-629) и Ф.А.Теплоухова (1895, с.247-290; 1896, с.152-163).

Неволинская культура занимает побережья р.Сылвы – одного из левобережных притоков рр.Чусовой и Камы, от ее устья до впадения р.Тис, включая все притоки, из которых наиболее крупные – Бабка, Ирень, Иргина, Шаква, Барда. Протяженность территории культуры с севера на юг – около 150 км, с запада на восток – более 100. Ее ключевое географическое положение – между лесом и степью, разветвленная речная сеть, связывающая этот регион, как с югом – р.Белая, так и с севером, западом, юго-западом – р.Кама, и с востоком – Зауральем – рр.Сылва и Чусовая, – позволяло ее населению развиваться успешно и динамично. Постоянные контакты с ближайшими соседями и с отдаленными областями – Средней Азией, Сасанидским Ираном, Византией, Скандинавией и др., откуда воспринимались лучшие достижения человечества, позволили создать прикамскому населению яркую, оригинальную и своеобразную культуру.

В настоящее время неволинская культура является одной из хорошо изученных средневековых региональных общностей Прикамья. В изучении памятников неволинского типа велики заслуги А.А.Спицына, Н.Н.Новокрещенных, А.В.Шмидта, О.Н.Бадера, В.Ф.Генинга, В.А.Оборина. Не будет преувеличением сказать, что основная доля усилий для изучения неволинских памятников принадлежит Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета (руководитель – Р.Д.Голдина). Много сделано для исследования объектов неволинской культуры ведущими сотрудниками УдГУ Н.В.Водолаго, к.и.н. Е.М.Черных, к.и.н. И.Ю.Пастушенко, к.и.н. Е.В.Голдиной, к.и.н. С.Р.Волковым, к.и.н. С.А.Перевозчиковой и другими.

Число известных к настоящему времени памятников – более 270. Характер памятников традиционен для Прикамья: городища (около 40), селища (около 200), могильники курганные (9) и бескурганные (9), клады (более 20). Они располагаются группами с большим по площади центральным городищем, подступы к которому были защищены несколькими сторожевыми. Вокруг располагались многочисленные селища.

Могильники неволинской культуры использовались длительное время и являли собой сложные комплексы, сочетавшие курганные и бескурганные части. Курганных могильников известно 9, из них исследовано 5. курганы располагаются тремя группами: в низовьях р.Сылвы, в устье Шаквы и в ее среднем течении. Топография их различна. Число курганов колеблется от 2 до 50. Они размещены нечеткими рядами или группами. Насыпи невелики, окружены канавками. Могильные ямы имеют прямоугольную форму, наклонные или отвесные стенки без особенностей. Захоронения произведены в гробовищах или срубках, встречалась обкладка стенок камнями. Основной обряд – трупоположение. Умершие уложены вытянуто на спине. Преобладают западная и южная ориентировка костяков. Украшения костюма, главным образом, располагались так, как использовались при жизни. Известны случаи, когда пояс вытянут вдоль умершего, а некоторые типы украшений уложены в берестяные коробочки.

В начале VII в. обычай сооружать курганы исчез, и рядом с курганами появились бескурганные могилы, расположенные рядами. К настоящему времени на 9 могильниках

исследовано около 600 захоронений. Число могил на одном памятнике весьма значительно (115-263). С учетом разрушений площадка Неволинского могильника составляла, вероятно, около 2,5 тыс. кв.м, Верх-Саинского – более 5 тыс. кв.м. Количество могил в рядах 3-25. Форма могильных ям аналогична подкурганным. Захоронения совершены в гробовищах или долбленых колодах, единичны случаи покрытия гроба берестой или обертывания умершего шкурой животного. Способ погребения – индивидуальные трупоположения вытянуто на спине, встречались также коллективные захоронения, преимущественно парные. Умерших хоронили в праздничной одежде с украшениями и различным инвентарем. Погребальный обряд могильников неволинской культуры свидетельствует об единообразии и устойчивости похоронных традиций населения Сылвенского поречья с конца IV по первую четверть IX в.

Большой объем полевых исследований неволинских могильников (около комплексов), насыщенность их как оригинальными прикамскими материалами, так и разнообразными импортными изделиями из разных регионов Евразии, позволяют надеяться на результативность хронологических изысканий. Для решения этой задачи были использованы традиционные методы археологии: формальная типология, культурная стратиграфия, планиграфический анализ, сопоставительный и другие методы. По возможности привлечены данные нумизматики.

В свое время (1991 г.) мной были выделены 5 разновременных, сменяющих друг друга хронологических стадий: I – бродовская (конец IV – V в.), II – верх-саинская (VI в., скорее всего без последней четверти), III – бартымская (конец VI – VII в.), IV – неволинская (конец VII – VIII в., вероятно, без последней четверти) и V – сухоложская (конец VIII – первая половина IX в.).

По истечении 20 лет, с накоплением новых материалов, их осмыслением, серьезными успехами коллег-археологов в изучении хронологии средневековых древностей других регионов (работы С.И.Безуглова, А.В.Богачева, И.О.Гавритухина, И.Р.Ахмедова, Белоцерковской, А.В.Комара, М.М.Казанского, А.В.Мастыковой, В.Ю.Малашева, Т.И.Останиной, А.Г.Иванова, И.А.Бажана и других) мои взгляды существенно изменились и в настоящей работе я хотела бы представить свое несколько скорректированное видение этой проблемы.

Одним из наиболее ранних памятников неволинской культуры является курганная часть Бродовского могильника. К сожалению, он сильно разрушен карстовыми воронками, а также постройками и загонами молочно-товарной фермы и многочисленными дорогами, ведущими к ним. Несколько раскопов разных лет, заложенных в различных местах площадки, показали, что памятник в свое время занимал огромную площадь – более 20 тыс. кв.м и функционировал с последней четверти IV до первой четверти IX в. Наиболее ранняя часть располагалась на выступах коренного берега р.Шаква, более поздняя – на выступе первой надпойменной террасы.

Судя по планиграфии Бродовского могильника, наиболее ранняя его часть располагается на сравнительно ровной плоскости коренной террасы у излучины мыска (раскопы VI, VIII, IX – рис.2) и дальнейший рост памятника шел, главным образом, к востоку и юго-востоку. Именно в юго-восточной части располагались позднейшие подкурганные могилы. Наиболее ранними представляются курганы 26, 23, 25, 24, образующие на раскопах VI, VIII, IX ряд, вытянутый вдоль террасы (рис.3). Однако курганы на этих раскопах не одновременны.

Есть случаи перекрывания могил и нарушения канавок. Например, курган 27 явно позже, чем курган 23, погребение I кургана 25 раньше, чем погребение I кургана 24 (рис.3), и так далее, но немногочисленность и однообразие материала не позволяют провести более детальное хронологическое разделение могил.

Несколько восточнее, на небольшом мысе этой же террасы (раскопы II и V – рис.2) располагались курганы, содержащие типологически близкий раскопам VI, VIII, IX

материал. Наиболее ранним среди них является погребение 1 кургана 7. Скорее всего, погребения 2, 3 и 4, обозначенные также курганом 7, образовывали свою особую группу.

Канавка кургана 7 в юго-западной части нарушена могилой 2 этого же кургана, а также другой канавкой, перекрытой погребением 3. Таким образом, наиболее ранним является погребение 1 кургана 7, позже было выкопано погребение 2, а еще спустя некоторое время – погребение 3. Вероятно, близки по времени к могиле I кургана 7 захоронения (1-2) кургана 10, расположенного несколько восточнее. Канавки обоих курганов (№7 и 10) перекрыты канавкой кургана 6, что доказывает их более ранний возраст. Кроме того, погребение 3 кургана 6 также нарушает канавку кургана 7. А погребение 3 кургана 7 перекрывает грабительский вкоп погребения 2 этого же кургана. Таким образом, последовательность захоронений на этом раскопе восстанавливается в следующем виде: наиболее ранние – погребение 1 кургана 7, затем погребение 2 кургана 7 и могилы I и 2 кургана 10; далее погребения 1, 2 и 3 кургана 6 и, вероятно, погребение 3 кургана 7.

Подобная картина наблюдается и на раскопе У, где наиболее ранними являются могилы I и 2 кургана 16. канавка этого кургана не была зафиксирована. Поскольку северо-восточная канавка кургана 14 имеет неправильную форму, очевидно, она представляет собой неразделенные при фиксации канавку кургана 14 и фрагмент канавки 16. К этому углублению примыкает юго-западная канавка кургана 21, прослеженная достаточно четко. Это дает основание считать курган 21 позже курганов 16 и 14. Северо-восточная канавка кургана 21 нарушена канавкой кургана 11.

Наблюдения за планиграфией могил Бродовских курганов позволяет разделить их на две большие группы. К первой, более ранней, отнести погребения: погребение 1 кургана 26 (далее 26/1), 24/3,4, 25/1, 27/1, 23/1, 39/2, 46/1, 16/1,2, 7/1. Ко второй, более поздней: 7/2,3, 10/1, 15/1, 6/1-3, 21/1, 17/2, 20/1, 22/1, 11/1, 19/1, 45/1.

Ранее (Голдина Р.Д., 1991) я считала возможным выделить более дробные группы, сейчас, мне кажется, более правильным будет обозначить группы крупнее, но иметь в виду мои наблюдения прошлого времени. Возможно, с накоплением новых материалов они себя оправдают.

Следует иметь в виду, что часть могил поздней группы располагается на площади могильника в стороне от основной ранней группы погребений, что указывает на «рост» памятника к востоку и юго-востоку.

Набор вещей наиболее ранней группы весьма своеобразен (табл.4). Это, как правило, небольшие бронзовые трехсоставные пряжки с нависающим, но не выступающим далеко язычком, несколько утолщенным, иногда подгранным впереди кольцом, с пластинами прямоугольной (табл.4–1,57,58), подтреугольной (табл.4–24,44,45,65) и овальной (табл.4–9,63,66) формы. Пластина одной из пряжек украшена тремя каменными вставками, а также позолоченными некрупными и немногочисленными шариками зерни и сканью (табл.4–16). В эту же группу входят наконечники ремней в виде перегнутых узких (табл.4–3-6,25) или широких пластин (табл.4–22,43), лишенных каких-либо украшений, орнамент в виде полугорошин (табл.4–11,56) очень редок. В этой группе известны длинные узкие прямоугольные наконечники ремней из двойной пластины с одним закругленным концом (табл.4–51,75,76), пронизки-коньки (табл.4–53-55) и спиральновитые (табл.4–50), шумящие подвески с небольшой подтреугольной основой (табл.4–56).

В этих могилах встречаются также золотые тисненные накладки уголком (табл.4–30,31), золотые нашивные бляшки с подвеской (табл.4–34,36,38,40,42), янтарные каплевидные подвески (табл.4–29,39), сердоликовые и стеклянные 14-гранные бусы (табл.4–33,35), голубые глухого стекла инкрустированные бусы в форме параллелепипеда (рис.4–37,41), круглые, преимущественно мелкие, железные пряжки (табл.4–15,18,27,49), иногда с пластиной (табл.4–12), железные удила с крупными кольцами (табл.4–13,17,23,28), костяные наконечники стрел с ромбическим сечением без выраженного

черешка (табл.4–14,53). Интерес представляют железные двулезвийные мечи с брусковидными перекрестиями (табл.4–19-21) и пинцеты с фигурными концами (табл.4–62).

Дату этой группы определяют предметы, найденные в комплексе с бусами, в частности, золотые уголковые накладки (табл.4–30,31). Подобные экземпляры, датированные позднесарматским временем – III–IV вв. н.э. (Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш., 1976, рис. 1-1,2, с.148), происходят из Темясовских курганов в Башкирии. Здесь же обнаружены 14-гранные сердоликовые и стеклянные бусы аналогичные бродовским (там же, рис.5-5,13; 7-2-3). Такие бусы широко распространены у племен черняховской культуры во II–IV вв. (Кухаренко Ю.В., 1955, с.146, 148, табл. 1-6,34; II-4,6,8-18; III-3,6,13-17,36,44; Сымонович Э.А., 1955, с.306, рис.6-9-11; Федоров Г.Б., 1960, с.48-49). Грушевидные янтарные подвески, подобные бродовским (табл.4–29,39), обнаружены в Северном Причерноморье и датированы II в. н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с.24, тип 20, табл.24-11). Бронзовые небольшие трехсоставные пряжки с нависающей, но не выступающей за кольцо иглой, несколько утолщенным впереди кольцом имеют большое сходство с некоторыми пряжками из захоронений степной полосы гуннской эпохи конца IV–V вв. (Засецкая И.П., 1994, с.80-81).

В последнее время обозначилась довольно устойчивая тенденция на удревнение памятников первой половины I тыс. н.э. и, прежде всего, позднесарматских. Темясовские курганы, датированные А.Х.Пшеничнюком и М.Ш.Рязановым III–IV вв., другими исследователями сейчас датируются второй половиной II – первой половиной III в. (Мошкова М.Г., 2000, с.187) или серединой – второй половиной III в. (Малашев В.Ю., 2007, с.114). Салиховские курганы, которые автор раскопок Васюткин С.М. относил к концу IV – V в., В.Ю.Малашев датирует второй половиной III – IV в., возможно, началом V в. (там же). Касаясь времени ранней группы пряжек бродовской стадии неволинской культуры, В.Ю.Малашев согласен с тем, что они отложились не ранее 370 г. (Малашев В.Ю., 2000, с.204- 205) и считает, что детали поясов бродовской стадии представляют собой оригинальную серию, не связанную со степными северокавказскими и боспорскими пряжками позднесарматского времени. В.Ю.Малашев уверенно пишет о сходстве некоторых пряжек Бродов с пряжками Муслимова, Брюхановского выселка, Тугозвонова, относимых к выделенным им группам IIIб и IV позднесарматских комплексов и датированных второй половиной IV в. (Малашев В.Ю., 2000, с.204-205). Возможно, раннюю группу могил Бродовских курганов можно датировать последней четвертью IV – первой половиной V в.

Во вторую, более позднюю группу Бродовского могильника входят по-прежнему трехсоставные пряжки, которые становятся несколько крупнее. Их язычки, выступающие за кольцо, часто имеют основания подчеркнутую площадку (табл.5–72-74,81,110,116,129-133), а иногда и выступ (табл.5–123). Кольцо, утолщенное впереди, часто слегка огранено (табл.5–123,125,130). Пластины пряжек разнообразны по форме: овальные, короткие (табл.5–67,81,99,100 и др.), подтреугольные (табл.5–68,115,116), чаще трапециевидные (табл.5–74,79,122,125 и др.). У последних наблюдается характерная сжатость и выступы в передней части пластины (табл.5–72-74,122), а также новый элемент – насечки на боковых гранях и заднем конце пластины (табл.5–129,132,133). Продолжают использоваться вытянутые прямоугольные наконечники ремней из двух пластин (табл.5–75,76), а также типа квадратной коробочки с орнаментом в виде полугорошин (табл.5–77,88,103,117,124,134,139). Последние становятся крупнее. Появился новый тип наконечников – секировидный с фасетками и насечками (табл.5–119). Обращают на себя внимание первые находки прямоугольных накладок (табл.5–140).

Из других украшений примечательны кольцевидные мелкие височные подвески (табл.5–82,83,144), а также в виде знака вопроса с конической спиральновитой пронизкой (табл.5–86,87,127). Продолжают использоваться спиральновитые пронизки (табл.5–90,105,114,142) и пронизки-коньки (табл.5–104).

Из бус распространены мелкие янтарные дисковидные (табл.5–143), стеклянные дисковидные грязно-желтые, сделанные в подражание янтарным (табл.5–91,108,109,110), стеклянные синие в виде куба со срезанными углами (табл.5–112). Многочисленны обоймы из бронзовых пластин, также выполнявшие, вероятно, функции бус-пронизок (табл.5–84,85,102,120). Интерес представляют браслеты: обычный круглопроволочный (табл.5–136) и с завязанными петлей концами (табл.5–89). Из бытовых предметов известны костяное (табл.5–106) и каменное пряслица. Продолжали использоваться костяные наконечники стрел как без четко оформленного черешка (табл.5–70,78), так и с выраженным черешком (табл.5–95,96). В комплексах этого времени обнаружен двулезвийный нож, отличающийся более узким клинком (табл.5–131), чем у мечей первой группы и оригинальные железные удила с бронзовыми стержневыми псалиями (табл.5–126). Наряду с последними продолжали использоваться и удила с кольчатыми псалиями (табл.5–71).

Что касается даты описываемой группы вещей, то некоторыми реперами являются трехсоставные пряжки и сопутствующие им наконечники ремней – коробочки малых размеров. Последние имеют многочисленные аналогии в памятниках степной полосы: курган 43 Покровки 10 (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, с.286, рис.162-3), курган 15 могильника Брут-2 (Габуев, Малашев В.Ю., 2009, с.224, 1-6), курган 5 могильника Маяк (Безуглов С.И., 2008, с.290, 301, рис.7-11), курган 2 Карповки (там же, с.288-289, 298, рис.4-15). В.Ю.Малашевым они датированы III–IV вв. (группы IIб, IIIа,б, IV, рис.1; 2; 8-А5,6; 9-Б6,7; 10-Б2), (Покровка 10).

С.И.Безуглов относит подобные наконечники к середине III – рубежу IV–V вв. Надо сказать, что по общему облику сарматские наконечники этого типа производят впечатление более архаичных нежели бродовские, поэтому датировка последних V в. может быть вполне оправдана.

Следует указать, что разработка хронологии древностей первой половины I тыс. н.э. в Среднем и Верхнем Прикамье находится пока в начале пути. Т.И.Останиной (1997) и Н.А.Лещинской (1995) выполнены ее первые варианты. Прикамские материалы настолько оригинальны, что позволят со временем, опираясь на собственную базу, создать достаточно аргументированную шкалу их развития. Но пока мы только начинаем эту интереснейшую работу. Поэтому любые наблюдения и достижения в этой области наших коллег, изучающих соседние регионы, для нас важны и представляют большую ценность.

Небольшие квадратные наконечники типа коробочки с полугорошинами присутствуют в погребениях 43 и 1802 Тарасовского могильника (Голдина Р.Д., 2003), а также в Тураевском I могильнике, где они датированы V в. (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, табл.263-38; 265-53).

Бронзовая пряжка, близкая бродовской, с сердоликовыми вставками и позолотой найдена в могиле 1850 Тарасовского могильника, где она также датирована V в. (Голдина Р.Д., 2003, табл.693-5).

Наконечники ремней секировидной формы отдаленно напоминающие бродовский, происходят с позднесарматских памятников, где они датированы В.Ю.Малашевым второй половиной IV в. (рис.1,2,12ИЗ), а С.И.Безугловым – рубежом IV–V вв. (Безуглов С.И., 2008, с.301, рис.7-14). На памятниках Среднего Прикамья подобные изделия обнаружены на Усть-Сарапульском могильнике IV–V вв. (Арма тынская О.В., 1986, рис.3-10), на (Останина Т.И., 1997, рис.12-20,25), а также в погребениях V в. 1785, 1798 (Голдина Р.Д.,), где они также отнесены к V в.

Судя по тому, что вторая группа Бродов типологически следует за более ранней первой и предшествует комплексам верх-саинской, более поздней стадии, предположительно ее можно отнести ко второй половине V в.

Комплексов верх-саинской стадии неволинской культуры на Бродах нет. Поскольку здесь присутствуют материалы VII – начала IX в., то надо полагать, они существовали, но были разрушены строениями МТФ, загонами и подъездными путями. Следующая стадия

неволинской культуры – верх-саинская (VI в.) может быть охарактеризована только на материалах эпонимного памятника.

Верх-Саинский могильник функционировал с VI по первую четверть IX в. Подробнее о нем (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. статья в наст. сборнике). Это пока единственный памятник в Верхнем Прикамье, где хорошо выявлены комплексы VI в. К этому времени на памятнике отнесены захоронений, из них женских, мужских, детских и , где пол и возраст не определен. Поскольку основным индикатором при датировках является поясная гарнитура, то на ее основе была разработана таблица взаимовстречаемости деталей поясов (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., там же, рис.). В результате к VI в. были отнесены 28 могил: 20 женских, 2 – девочек, 2 – мужских и 4, где пол и возраст не определен.

В могилах этой группы обнаружены крупные пряжки с округлыми, иногда фасетированными пластинами, овальными, иногда В-образными гранеными кольцами и выступающими за кольцо язычками, иногда с различными выступами у их основания (табл.6–1-3); круглые, иногда фасетированные по краю накладки с отверстием в центре и орнаментом в виде расплюснутых головок шпенок (табл.6–4), а также накладки меньшего размера часто с фасетированным краем (тип А13б, табл.4–19). Особый колорит этой группе придают крупные наконечники ремней типа коробочки с закругленной передней частью и орнаментом на задней части в виде ряда полугорошин – шляпок от шпенок либо в виде головок скобочек (табл.6–11,12), а также множество вариантов плоских прямоугольных накладок, иногда с фасетированным краем и украшениями из полугорошин – расплюснутых головок шпенок, используемых для крепления к ремню (табл.6–5-10).

С поясами этого типа встречались множество вариантов височных подвесок с привесками-бусинами (табл.7–1-3), подвески: кольчатые (табл.7–7,8), различные типы круглых с орнаментом (табл.7–4-6), бантикообразные (табл.7–9,10), обломки основ от шумящих (табл.7–5,7). Из пронизок следует отметить полые уточки с лосиной головой (табл.7–11).

Железные изделия представлены ножами разных вариаций, шильями, удилами без псалий, с небольшими кольцами (табл.7–13) и с костяными псалиями (табл.7–12).

Была обособлена небольшая группа из 9 могил, отнесенная в пределах VI в. к более раннему времени – первой половине VI в. В нее вошли серебряные наконечники ремней типа А2в – коробочки с округлым утолщенным концом, орнаментом из пяти стеклянных или каменных вставок, поле вокруг которых заполнено зернью, образующей треугольники или ромбы, по краю обрамленные поясами скани (табл.8–5); крупные серебряные трехсоставные пряжки, как правило, с В-образным кольцом и пластиной, украшенной вставками, зернью и сканью (табл.8–4); наконечник ремня типа В4 с округлым нижним концом, хорошо выраженной фасетированной площадкой в верхней части (тип В4, табл.1-5); трехсоставная пряжка средних размеров с подпрямоугольной пластиной и язычком с выступом у основания (табл.8–2). Особый интерес представляют пряжки (табл.8–1,8). Обе трехсоставные, с ромбическими пластинами, выступами по углам, украшенными шпенками с полусферической шляпкой. У первой пряжки края пластины фасетированы, язычок имеет уступ у основания и украшен угловыми насечками, у второй – кольцо В-образное плоского сечения, язычок железный (ремонт?).

В могилах первой половины VI в. встречались также калачевидные серьги с заостренными концами (табл.9–1), височные подвески со свободно вращающейся привеской с каменной вставкой-кабошоном и гроздью из трех выпуклостей внизу (табл.9–2), гривны: пластинчатые с трехгранным сечением (табл.9–3,4), витая (табл.10–1); несколько вариантов браслетов: обычные круглопроволочные, с насечками на концах (табл.9–5), подобный с утолщением посередине, с расплюснутыми концами (табл.10–4) и орнаментом на концах (табл.9–6). Особый интерес представляют экземпляры с круглыми вставками на концах из светлого стекла и несколькими серебряными обоями на теле

браслета (табл.1—2,3). К этой же группе относятся: перстень с круглым припаянным щитком и сердоликовой вставкой (табл.10—7), головная лента из множества мелких бронзовых обойм, овальная туалетная коробочка (табл.10—5), многочастная пронизка (табл.10—6), бронзовые зеркала (табл.9—7; 10—8), пластинчатая накладка с изображением голов медведей (табл.8—11) и оригинальные ножны (табл.8—12). Характерны также различные круглые подвески (табл.25-4, 5), четырехкольчатые (табл.25-2), кольчатые с выпуклинами (табл.26-8), а также шумящие с небольшой арочной основой и привесками из раковин-каури (табл.26-7). Из пронизок в это время были распространены плоские коньки (табл.26-5, 9), объемные уточки (табл.26-1), уточки с лосиной головой (табл.26-2), медведи (табл.26-3) и росмаха (табл.26-6).

Ко второй группе (вторая половина VI в.) отнесены 19 захоронений (к.64/1, погр.184, к.41/1, 38/1, 73/1, погр.147, 179, 182, к.12/1А, 44/1, 46/1, 58/1А, 60/1, 16/3, 63/1, 67/1, 16/1, 80/1, погр.174). Из них 15 женских, 2 – мужских и 2, у которых пол не определен. Группа включает в себя вытянутый наконечник ремня с приостренным концом (табл.11—3); подковообразный наконечник ремня с фасетированными краями и креплением к ремню с помощью трех шпеньков с расплюснутыми головками (табл.11—4); цельнолитая пряжка с подтреугольной пластиной и подквадратным кольцом с оформленным ложом для язычка (табл.11—1); кольцо от крупной пряжки с утолщенным впереди кольцом, хоботовидным язычком, украшенным у основания угловыми насечками (табл.11—2).

В погребениях второй половины VI в. продолжали встречаться полые пронизки-медведи (табл.11—10,11) и крупные колесовидные подвески (табл.11—12). Появились височные подвески с четырнадцатигранником (табл.11—5) и с гроздевидной привеской (табл.11—6), кольцевидные подвески (табл.11—7), спиральновитые и трубчатые пронизки, а также пронизки – полые уточки с трубицей (табл.11—8), плоские двойные коньки (табл.11—9), серебряная цепь сложного плетения и круглая туалетная коробочка (табл.11—13).

В могилах VI в. Верх-Саи найдены 24 сасанидские монеты (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., статья в наст. сборнике). Из них 12 относятся к правлению Кавада I (484, 488-531 гг.), 7 – Пероза (457-484 гг.), 2 – Замаспа (497-499 гг.), одна – подражание по типу III/1 драхм Пероза (VI в.), другая – подражание по типу 1/1 драхм Кавада I (VI в.), третья – подражание по типу II/2 драхм Хосрова I (не позже VI в.). Особый интерес представляют 8 монет из погребения 1 кургана 54, которые все были чеканены в правление Кавада I (35, 36, 37 (2 экз.), 40, 41 (2 экз.) и 1 – год не определен). Вероятно, монеты поступали большими партиями из одного источника, а потом уже расходились по округе.

В одной из своих ранних работ несколько могил из этого памятника мной (Голдина Р.Д., 1991, с.173-175, рис.3) были датированы третьей четвертью VI в. Однако анализ материалов всего могильника и работа над другими источниками привели к необходимости расширить дату этих погребений до всего VI в., и отнести их к верх-саинской стадии неволинской культуры.

В целом пояса этой стадии можно охарактеризовать как переходный период между гарнитурой гуннского времени (трехсоставные пряжки с хоботовидными язычками, двупластинчатыми длинными наконечниками ремней и др.) и поясами с деталями геральдических форм. Смешение этих стилей и составляет существо этого переходного периода. Данное обстоятельство и не позволяло долгое время четко выделить этот пласт среди остальных раннесредневековых древностей Приуралья. Об этом хорошо написал А.В.Богачев (2011, с.241).

Материалы, предшествующие геральдическим, в Урало-Поволжье впервые были выделены А.В.Богачевым (1992, рис.23-26, с.152-155). Он неоднократно обращался к характеристике особенностей пряжек этого времени (Богачев А.В., 1992а; 1996а; 2010), а также другим синхронным категориям вещей: калачиковидным серьгам (он же, 1996, с.99-114) и кольцевидным подвескам с выпуклинами (он же, 1998, с.151-166). В наиболее законченном виде концепция А.В.Богачева опубликована в монографии «Славяне,

германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.» (2011, с.228-242). А.В.Богачев предлагает для этих древностей – новоселковских в Поволжье две даты: широкую VI в. и узкую – вторая-третья четверть VI в. (2011, с.241). Думаем, что на современном уровне знаний это предложение вполне оправдано.

О верх-саинской стадии эпонимного могильника неоднократно писал И.О.Гавритухин (1996а, с.120-123, рис.3-5; 1999, с.186, 189). В работе 1996 г. верх-саинская стадия датирована им серединой VI – серединой VII в. (Гавритухин И.О., 1996а, рис.5). Позже, в статье, посвященной анализу огромного числа В-образных цельнолитых пряжек различных регионов, он в целом согласился с предложенной мной датировкой – VI в. (Гавритухин И.О., 1999, с.189).

О том, что часть комплексов Верх-Саи датируются первой половиной VI в. свидетельствует немного данных. Но они есть. Например, в могиле 2 кургана 79 обнаружена пряжка с подромбической фасетированной пластиной и выступами по углам (табл.8–1). Такие пряжки в Прикамье не единичны. Одна из них обнаружена в погребении 26 Митинского могильника (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, табл.), другая в могиле Важгортского могильника в Коми-Пермяцком округе (Бернц В.А., Пастушенко И.Ю., статья в наст. сборнике). На этом же памятнике найдена и пряжка с В-образным кольцом типа (табл.8–3), относящаяся также к VI в. (там же, табл.). Подобная пряжка, только явно привозная, серебряная вместе с прямоугольными накладками и наконечником-коробочкой происходят из погр.16 Безводнинского могильника, где они датированы Ю.А.Красновым VI в. (1980, рис.40-2, с.93, 105, 106). Этот же комплекс А.В.Богачев относит к V – первой половине VI в. (1992, рис.24). Прямоугольные накладки, близкие по форме к верх-саинским, обнаружены в рязано-окских могильниках Борок II и Гавердовском, где они, по мнению И.Р.Ахмедова, появились в середине и существовали до конца V в. (Ахмедов И.Р., 2007, с.146, схема 5-34, рис.25-6,7; 27-4).

Пятым веком датирует И.П.Засецкая подобный верх-саинскому пояс с такими же накладками, наконечником-коробочкой и крупной трехсоставной пряжкой, происходящий из погребения 2 кургана 8 урочища Кубей (Засецкая И.П., 1994, табл.46). В этом же захоронении обнаружены небольшие трехсоставные пряжки и калачиковидные серьги, как в погр.35/1 Верх-Саи. И.П.Засецкая приводит довольно большой круг находок наконечников-коробочек, только более миниатюрных, чем верх-саинские, с памятников кочевников южнорусских степей конца IV – V вв. н.э. из местечка Кучугуры возле г.Алешки, у д.Муслимово, у с.Ново-Ивановка, а также в Крыму в склепах 154, 176, в двух склепах «24 июня 1904 г.» и других пунктах (Засецкая И.П., 1994, с.67).

Архаичные наконечники ремней верх-саинского типа хорошо известны и в Среднем Прикамье в погребениях V в. Тарасовского могильника (Голдина Р.Д., 2003, погр.43 – табл.16-1; погр.75 – табл.28-1,2; погр.169 – табл.667-2; погр.226 – табл.92-2; погр.436 – табл.118-2; погр.696 – табл.298-3 и др.), а также захоронениях 39 и 59 Старокабановского и могиле 1 Югомашевского некрополя (Останина Т.И., 1997, табл.12-11-13).

Наиболее близки верх-саинским пояса из джетыясарской культуры, расположенной в низовьях Сыр-Дарьи, в Восточном Приаралье (Левина Л.М., 1996). Реконструкции поясов, выполненные автором раскопок могильников джетыясара (табл.12), в деталях совпадают с поясами верх-саинского типа. Несмотря на то, что Восточное Приаралье и Прикамье разделяет более 1500 км, между ними существовали прямые торговые контакты (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с.169).

А.В.Богачев составил довольно обширный список комплексов VI в., происходящий из разных частей Евразии (Богачев А.В., 2011, с.234-239), куда вошло и погребение 1 кургана 21 Верх-Саи.

Н.А.Лещинской (1995, с.88-128) проанализирован огромный массив источников из могильников I–XI вв. н.э. бассейна р.Вятки. К VI в. ею отнесены предметы пятой группы, близкие верх-саинским: прямоугольные накладки, трехсоставные пряжки с В-образным кольцом и тремя подтреугольными выступами на пластине ((Лещинская Н.А., 1995, с.93-

94, рис.14-14-17, 28, 33), пластинчатые гривны трехгранного сечения (там же, рис.15) и другие.

Предметы, очень похожие на наконечники пояса верх-саинского типа (табл.3-17) обнаружены О.Хессеном в лангобардской могиле 5 Аркиза в области Тоскана в Италии, где они датируются второй половиной VI в. (Казанский М., 2003, fig.23, левый нижний угол).

Ко второй половине VI в. отнес И.Р.Ахмедов мужское погребение 55 с выразительным уздечным набором из могильника Заречье 4 в Рязанской области. В состав инвентаря могилы входят характерные для VI в. серебряные цельнолитые пряжки с подтреугольной пластиной и выступами по углам, трапециевидные наконечники из согнутой пластины и прямоугольные накладки (Ахмедов И.Р., 1997, с.261-268); Богачев А.В., 2011, с.236). Замечательны круглые накладки с фасетированными краями (тип А1361, табл.5-19), аналогии которым Ч.Балинт приводит из Северной Сирии (Balint Cs., 1992, Taf.5-2-38).

Возможно, вызовет вопросы отнесение к этой группе наконечников ремней с выраженной фасетированной площадкой в верхней части и закругленным нижним концом (табл.8-6). На основании анализа подобных изделий из погр.552 Варнинского могильника И.О.Гавритухин датирует их не ранее середины VI в. и позже (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, с.114-117). По нашим данным эти наконечники использовались и в первой половине VI в.

VII в. в неволинских древностях представлен 14 могилами Верх-Саинского могильника, захоронениями Неволинского и 60 погребенными в 20 могилах Бартымского могильника.

Наиболее ранними (первая половина VII в.) из перечисленных являются 10 могил Верх-Саи: к.9/3, 79/1, 15/3, 26/1, погр.173, к.9/1, к.4/1, 85/1, погр.178, к.102/1. Из них 3 принадлежат женщинам, пол 7 костяков не определен. В этом собрании еще представлены трехсоставные пряжки, характерные для предшествующего времени: крупная с длинным, выступающим язычком (табл.13-7); средних размеров с В-образным кольцом плоского сечения и округлой пластиной (табл.13-3) и еще одна пряжка средних размеров с В-образным граненым кольцом, геральдической пластиной и нависающим язычком, с четко выраженным граненым выступом в его основании (табл.13-4). Но уже появились в разнообразии цельнолитые пряжки: с фигурной пластиной, кольцом плоского сечения (табл.13-1); небольшая пряжка с прямоугольной пластиной и В-образным кольцом (табл.13-6); также небольшая с сердцевидной пластиной, В-образным кольцом и вырезами в месте перехода от пластины к кольцу (табл.13-2,5). Все три пряжки имеют четко обозначенный выступ у основания нависающего язычка и иногда орнаментированы.

Накладки этой группы имеют ярко выраженный геральдический характер: щитовидные с отверстиями (табл.13-24), прямоугольные, с вырезами с приостренными концами (табл.13-17) или с выступом в боковой грани (табл.13-22), прямоугольные с одним приостренным концом и прорезями (табл.13-16), прямоугольные со сглаженными углами (табл.13-25), Т-образные (табл.13-15), Х-образные с прорезями (табл.13-23); массивные псевдопряжки, с четко проработанными краями и сердцевидной верхней частью (табл.13-19); трехчастные с выделенным линиями центром (табл.13-13); четырехлепестковые с отверстиями (табл.13-12); сердцевидные (табл.13-10,11); трехчастные с треугольными концами (табл.13-21); с сердцевидной нижней частью и роговидной верхней (табл.13-26); вытянутые трехчастные с двумя сердцевидными концами (табл.13-14); квадратные (табл.13-8,9); трехлепестковая с трапециевидным верхом (табл.13-20). Наконечники ремней немногочисленны: прямоугольный с приостренным концом и двумя отверстиями посередине (табл.13-18) и крупный с фестончатыми краями и ребром посередине (табл.13-27).

Пояс VII в. представлял собой длинный кожаный ремень шириной 2 см, сплошь украшенный различными геральдическими накладками. К основному ремню подвешены

кожаные привески шириной 1,5 см, также покрытые накладками, заканчивающиеся обычно мечеобразными. К поясу крепились пронизи из бус, различных бронзовых пронизок и иногда – железный нож в ножнах.

Для характеристики набора вещей первой половины VII в. большое значение имеет Бартымский комплекс памятников: 7 кладов, состоящих из сосудов византийского, иранского, хорезмийского происхождения, около 300 византийских серебряных монет императора Ираклия (610-641 гг.), застежка от гривны византийской работы, поселение и могильник из 19 захоронений с 60 погребенными. Важно, что поселение, могильник и 4 клада «выпали из жизни» одновременно в результате вражеского нападения (Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011). Дата этого события определяется несколькими факторами: временем чеканки византийских монет около 615 г., бухарской надписи, сделанной не позднее конца VI – начала VII в. на византийском сосуде (находка 1950 г.), присутствием в захоронении 9Б пояса верх-саинского (харинского типа), отсутствием среди монетного материала драхм Хосрова II, обычно сопровождающих могилы VIII в., преобладанием сердоликовых иранских бус, производство которых прекратилось после 642 г. Перечисленные факты дают основание отнести гибель Бартымского поселка, появление могильника и кладов к промежутку между 615 и 642 гг. или ко второй четверти VII в., ближе к его середине.

Детали наборных поясов в целом подтверждают эту версию. О близости к VI в. свидетельствует пояс харинского типа (Голдина Р.Д. О датировке бартымского комплекса..., статья в наст. сборнике, рис.3-7,4-9,5-16-18), который несет на себе явные признаки вырождения традиции: большие размеры, массивность всех деталей, подчеркнутое и орнаментированное окончание наконечника, фасетирование края пластины. О связи с манерой изготовления предметов VI в. свидетельствует и шарнирная пряжка (там же, рис.4-5). Оформление пластины выступами, а также особенности язычка – массивного, «обнимающего» кольцо, характерные выступы и орнамент в виде насечек, напоминают пряжки VI в. (табл.8-1; 11-2). Однако лировидное кольцо говорит о новых тенденциях в изготовлении пряжек.

В том, что бартымские пояса – изделия VII в. убеждают цельнолитые пряжки с лировидным кольцом различных форм (там же, рис.4-1-4,6), а также геральдические накладки (там же, рис.5-2,4-10,12-14). Однако, последние по своим формам ближе ко второй половине VII в. (табл.14-12,17,19-24,26,27), что дает основание относить основной Бартымский комплекс ко второй четверти VII в., ближе к его середине.

Ко второй половине VII в. относятся 2 мужских и 2 женских захоронения (№№59/1, 70/1, 118, 120) Верх-Саи и 15 (№№84, 89, 102, 141, 170, 188, 196, 202, 212, 213, 221, 223, 230, 233, 250) – Неволино. Среди последних – 7 женских, 7 мужских, в одном случае пол и возраст не определены.

В этих погребениях обнаружены трапецевидные пряжки как гладкие (табл.14-3), так и рифленые (табл.14-5); пряжки иного облика: с лировидным кольцом и сердцевидной пластиной (табл.14-1,2,6), подобная с обычным кольцом (табл.14-4), с лировидным рифленным кольцом и прямоугольной пластиной (табл.14-7).

В эту же группу входят накладки: роговидные с прорезями (табл.14-15), в виде головы животного (табл.14-13), крестовидная, уздечная (табл.14-14), мечеобразные, с изображением личины (табл.14-8), четырехлепестковая (табл.14-11), длинные, прямоугольные с поперечными насечками (табл.14-9) и с изображением верхней части личины (табл.14-10), короткие, широкие с выступами в нижней части (табл.14-19), Т-образные (табл.14-17,18), полуовальные, с заостренным верхом (табл.14-22), якорьковидные с сердцевидным основанием (табл.14-20), круглые гладкие средних размеров (табл.14-21), якорьковидные с шипами в основании (табл.14-23,24), псевдопряжки с якорьковидным верхом (табл.14-26,27), мечевидные гладкие (табл.14-28,29), Х-образные (табл.14-12), мечевидные, короткие, с отверстиями (табл.14-30), прямоугольные (табл.14-16), круглые, двучастные (табл.14-25). Из наконечников ремней

к этой группе отнесены длинные прямоугольные с приостренным концом (табл.14–31).

Поскольку могил VII в. исследовано немного, то сопровождающий их инвентарь пришлось помимо поясов объединить и рассматривать вместе.

Женские могилы сопровождался своеобразным инвентарем: височными подвесками со свободноповорачивающимися привесками различных вариантов (табл.15–1,3-8), перстнями (табл.15–11), крупными пронизками-трубочками (табл.15–23) и коническими (табл.15–22,24), браслетом с рифлеными концами и псевдобусиной в середине (табл.15–10), витой гривной (табл.15–9). Птицевидные пронизки этой группы имели четко проработанный орнамент (табл.15–21). Появились пронизки с изображением сцены терзания зайца птицей (табл.15–20), антропоморфная фигурка (табл.15–16). В могилах женщин найдены двухголовый конек (табл.15–17), ранний вариант арочной шумящей подвески (табл.15–2), колокольчик (табл.14–14) и бубенчик (табл.14–15), кольцевидные нагрудные подвески с утолщениями (табл.15–18,19), печатка с изображением всадника (табл.15–12), биконические и полусферические пряслища. Интерес представляет ранний вариант шумящей подвески (табл.15–13).

Мужские захоронения VII в. отличались присутствием наконечников стрел как костяных (табл.16–1-4) так и трехгранных железных (табл.17–4,5), калачевидных, прямоугольных в сечении кресал и кремневых огнив (табл.16–6), небольшого размера проушных универсальных топоров (табл.16–5; 17–8,9), наконечников копий с листовидным пером (табл.16–9; 17–10) и восьмеркообразных стремян с плоской подножкой (табл.16–8), а также с выгнутой подножкой и плоской пластиной для путлища (табл.16–7).

В мужских могилах VII в. обнаружены простые браслеты с круглым сечением), золотой нартник (табл.17–1), каменное точило (табл.17–2), квадратные подпружные пряжки, удила с двойными кольцами (табл.17–7) и куски спекшихся изделий кольчужного плетения (табл.17–6). Уникален деревянный сосуд с серебряными обкладкой по верху и ручками в виде головок медведя (табл.17–3).

Сопоставление монетного материала и сопровождающего инвентаря показывает, что в могилах, содержащих пояса геральдического типа в Неволинском могильнике встречались монеты Пероза (погр.177), Кавада I (погр.4) и Хосрова I (погр.170, 177, 213, 223, 230).

Монеты Хосрова I, найденные на Неволинском могильнике, были чеканены в разные годы его правления от начальных лет и до конца: 531-536 гг. (погр.12), 549 г. (погр.170), 555 г. (погр.223), 573 г. (погр.213), что может свидетельствовать о систематическом притоке монет этого правителя в Верхнее Прикамье.

Подобная ситуация отмечена и на Верх-Сае. В захоронениях VII в. здесь найдены подражание драхам Варахрана V (погр.131), монеты Кавада I (к.79/1, 83/1, 100/1) и Хосрова I (к.10/1, 24/2, погр.120 – 2 экз.).

Связь инвентаря агафоновского типа с накладками геральдических форм и монет Хосрова I давно отмечена мной и для могильников ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (Година Р.Д., 1979, с.81, 83, 90). В частности, на Агафоновском I могильнике в могилах с инвентарем геральдических типов найдены монеты Хосрова I: в могиле 45 монета чекана 551 г., в могиле 65 – чекана 557 г., в могиле 81 – монета чекана 570 г. Монета Хосрова I найдена также с инвентарем агафоновского типа в могиле 25 Веслянского I могильника в республике Коми (Савельева Э.А., 1979, с.93-95).

Надо иметь в виду, что деление комплексов VII в. на первую и вторую половину пока в значительной мере условно. Вероятно, эта грань могла проходить иначе. Могилы первой половины VII в., возможно, датируются концом VI – второй четвертью VII в., а поздние – серединой и концом VII в. Но то, что обе группы укладываются в VII в. пока сомнению не подлежит.

На Верх-Саинском могильнике зафиксированы случаи взаимонарушения погребений либо курганных канавок друг другом. Показателен в этом отношении самый западный ряд

курганов – 21, 9, 3, 26. Наиболее ранний из них курган 21 датирован VI в. Его канавку перекрывает ровик кургана 9, под которым располагались могилы VI (погр.2) и VII в. (погр.1, 3). Канавку кургана 9 нарушает ровик кургана 3 с погребением VII в. В свою очередь южный конец канавки кургана 3 снесен большой канавкой кургана 26, под которым зафиксировано погребение I VII в. Иногда канавки погребений одного столетия взаимонарушают друг друга: таковы курганы 92 и 91 (VI в.), возможно, 92 (VI в.) и 94 (ограблено), 93 (разрушено) и 92 (VI в.). Могильная яма 102 (не датируется) перекрывала погребение 1 кургана 2 VI в.

Возможно, так же в пределах VI в. произошли перекрытия следующих курганов: канавка кургана 12 (VI в.) нарушала ровик кургана 13 (погребение разрушено пахотой), канавка кургана 13 – ровик кургана 14 (VI в.), ровик кургана 19 (VI в.) перекрыл канавку кургана 18 (погребение не датируется), канавка кургана 31 нарушила ровик кургана 30 (ограблено). Захоронение 112 (VIII в.) нарушило недатированную могилу 1 кургана 28. Важно, что погребение 1 кургана 79, относящееся к VII в., перекрывает погребение 2 этого же кургана, отнесенное к VI в. Следует отметить случаи перекрытия могилами VIII в. канавок курганов с захоронениями VII в., что подтверждает стратиграфией их датировку по материалу. Таковы погребение 128 и ровик кургана 74, а также погребение 141 и канавка кургана 89. Иногда захоронения VII в. совершены вплотную, слегка нарушая друг друга (погр.1 и 2 кургана 52). Зафиксированы случаи, когда могила VII в. (погребение 1 кургана 48) перекрывает недатированное захоронение (погребение 1 кургана 47), или безинвентарные захоронения нарушают могилы VII в. (погребение 123 и погребение 1 кургана 70; могила 145 и погребение 1 кургана 89).

Датировки древностей VII в. обсуждать значительно легче, поскольку по некоторым сюжетам уже высказали свое мнение другие исследователи. В частности И.О.Гавритухин обстоятельно проанализировал инвентарь погребения 3 кургана 15 Верх-Саи и отнес его к первой половине VII в. (2001, с.60-61). Т-образные накладки (табл.13-15) по И.О.Гавритухину, близки экземплярам из Варнинского, Петропавловского могильников и датируются второй половиной VI – серединой VII в. (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, с.112-113). Цельнолитая пряжка с В-образным кольцом и сердцевидной пластиной из погребения 1 кургана 10 (табл.13-2) отнесена И.О.Гавритухиным к джулатской серии и датирована концом VI – началом VII в. (Гавритухин И.О., 1999, с.175). В этой же могиле найдена сасанидская монета Хосрова I чеканки 545 г.

Интерес представляет оценка И.О.Гавритухиным отдельных предметов геральдики в связи с анализом материалов погребения 552 Варнинского могильника. Например, четырехлепестковые накладки (табл.13-12) были распространены, главным образом, в Нижнем и Среднем Прикамье, Нижней Оке и Суре, а также в низовьях Сырдарьи в последней трети VI до середины VII в. (там же, с.106). Накладки якорьковидные с сердцевидным основанием из Верх-Саи (табл.13-26) И.О.Гавритухин считает из всей серии наиболее архаичными и датирует последней третью VI – началом VII в. (там же, с.108-109).

Прямоугольные накладки с выступом в боковой грани (табл.13-22) известны в Новиковском погребении, которое датировано И.О.Гавритухиным около середины VII в. (2001, с.66). Накладки (табл.13-16), а также (табл.13-26) и наконечник ремня (табл.13-18) тоже происходят из этого же погребения (Голдина Р.Д., 2012, табл.225-1, 11, 12, 17, 19). Пряжка (табл.13-5) из погребения 79/1 отнесена И.О.Гавритухиным к черноморско-волжской серии и датирована первой половиной VII в. (Гавритухин И.О., 1999, с.170).

Некоторые изделия VII в. из Верх-Саи имеют прямые аналогии в материалах Кузубаевского I городища и Кузубаевского клада ювелира (Останина Т.И., 2011). Таковы накладки четырехлепестковые (табл.13-12 и табл.18-2,3; 20-2,3,5), х-овидные (табл.13-23 и табл.18-8), сердцевидные (табл.13-10 и табл.18-9), Т-образные (табл.13-15 и 18-12; 20-1), якорьковидные с сердцевидным основанием (табл.13-26 и табл.18-15), нижние детали псевдопряжек (табл.13-19 и табл.18-16,21,22; 20-7,8), лировидная пряжка с сердцевидной

пластиной (табл.13–4 и табл.18–25), В-образная пряжка с прямоугольной пластиной (табл.13–6 и 20–11 и другие). Т.И.Останина датирует Кузубаевские материалы третьей четвертью VII в. (Останина Т.И., 2011, с.85-92). По данным Верх-Саинского могильника эти предметы относятся, скорее всего, к первой половине VII в., а именно ко второй его четверти.

Интересно, что как и в VI в. верх-саинские изделия VII в. необычайно близки джетыасарским. Несмотря на некоторое своеобразие (ведь их изготавливали разные мастера) формы накладок и пряжек тождественны (табл.21 и 22, а также 23 и 24). Реконструкции поясов, выполненные авторами раскопок независимо друг от друга (табл.25 и Голдина Р.Д., 2012, табл.94-2; 122-2), совпадают почти в деталях. Манера сопровождать основной пояс с геральдическими накладками дополнительными узкими привесками сложилась, бесспорно, на Востоке, а потом была усвоена в Прикамье из Средней Азии. Не случайно, И.О.Гавритухин, изучив огромный массив геральдики, выделил две традиции: приуральско-сибирскую и кавказскую (Гавритухин И.О., 1996, с.124). Материалы джетыасара подтверждают общую линию смены евразийских поясов с прямоугольными накладками (в Прикамье – верх-саинские) агафоновскими (бартымскими), которые потом трансформировались в оригинальные неволинские.

Для изучения времени отложения могил второй половины VII в. большое значение имеют сопоставления с уже известными комплексами геральдического облика Прикамья. Детали такой поясной гарнитуры наиболее близки материалам Агафоновского I могильника (Голдина Р.Д. и др., 1980), датируемого И.О.Гавритухиным серединой – второй половиной VII в. (Гавритухин И.О., 2001, с.56). На этом памятнике найдены трапециевидная рифленая пряжка (табл.26–2), мечевидные (табл.26–3-5,24), якорьковидные с сердцевидным основанием накладки (табл.26–7-10; 27–1-5), подобные с шипами в основании (табл.26–11,22), трехчастные (табл.26–6), сердцевидные (табл.26–17, 18; 27–19-22), псевдопряжки (табл.26–13-15; 27–17), х-видные (табл.26–23; 27–11,12), разные варианты вытянутых прямоугольных (табл.26–19,20; 27–8-10,13,14,18), серповидные (табл.27–15,16), Т-образные (табл.26–1; 27–6) накладки. Из пряжек распространены цельнолитые с лировидным кольцом и прямоугольной (табл.27–7) или сердцевидной (табл.26–16,21) пластинами. Пряжки этого типа, появившись в VII, бытовали и на протяжении VIII в.

Гарнитура близких вариантов получена В.А.Семеновым из погребений Петропавловского могильника на юге Удмуртии (Семенов В.А., 1976, с.3-50). Одно из наиболее богатых захоронений этого памятника – №17 датировано И.О.Гавритухиным 2-3-й третями VII в. (Гавритухин И.О., 2001, с.63-64).

Хотелось бы еще раз пояснить свою позицию по поводу места геральдических (агафоновских – для верхней Камы, бартымских – для неволинской культуры) древностей в системе хронологии Прикамья. Как и раньше, я считаю агафоновскими все варианты геральдических деталей наборных поясов в Прикамье, а не только те, что получены при раскопках собственно Агафоновского I могильника (Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980). Последние были датированы мной концом VI – VII в. Считаю, что пора отказаться от кавычек при употреблении термина агафоновские, он существует уже более 40 лет и понимать под ним следует все, что имеет отношение к прикамской геральдике. При этом не надо плодить новые типы и группы, так как для неискушенного читателя это только запутывает картину. Более правильным было бы назвать это стадиями или периодами: Агафоново I, II, III и т.д. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис.90), либо горизонтами (Гавритухин И.О., 2001, с.39-40).

Наши разногласия с А.К.Амброзом 30-летней давности по поводу агафоновского типа (подробнее: Голдина Р.Д., 2012, с.62-63) происходили, в известной степени, оттого, что он был знаком только с одним из многочисленных вариантов этого культурного пласта материалов Прикамья. Сейчас, прежде всего, благодаря работам И.О.Гавритухина, мы хорошо знаем прикамские комплексы геральдики конца VI – первой трети VII в.

(Бирск, погр.165) (Гавритухин И.О., 2001, с.59-60); первой трети VII в. (Варни, погр.552) (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, с.105-128); первой половины VII в. (Верх-Сая, кург.15 погр.3) (Гавритухин И.О., 2001, с.60-61); второй-третьей трети VII в. (Петропавловское) (Гавритухин И.О., 2001, с.63-64); второй-третьей четверти VII в. (Урья) (там же, с.39); середины – второй половины VII в. (Неволино, погр.13) (там же, с.63); (Агафоново, погр.47) (там же, с.56). Со временем количество геральдических комплексов увеличится, станут представительнее их слагающие, но вряд ли существенно изменится дата.

Не надо думать, как некоторые соавторы И.О.Гавритухина, что итоги дискуссии между А.К.Амброзом и Р.Д.Голдиной уже подведены (Иванов А.Г., 2001, с.88-89). Стремясь найти компромисс между позициями Р.Д.Голдиной и А.К.Амброза, И.О.Гавритухин лишь поучаствовал в дискуссии, обозначив свое мнение и поддержав в возможной степени А.К.Амброза. Понимая геральдику в Прикамье как один из мощных пластов местной культуры конца VI – VII в., а не только как пояса Агафоновского I могильника, благодаря работам И.О.Гавритухина и других, я могу сейчас наблюдать разнообразие особенностей геральдики Прикамья, которая по-прежнему укладывается, как я считала ранее, в пределы VII в. (Голдина Р.Д., 1979, с.79-90). Пока трудно определенно говорить о конце VI в., но VII в. можно утверждать уверенно.

Надо признать несостоятельной и идею А.К.Амброза о том, что агафоновские и неволинские пояса, возникнув одновременно, существовали параллельно в VIII в. (Амброз А.К., 1973, с.288-298). И.О.Гавритухин, анализируя множество различных категорий геральдики на огромной территории Евразии, неоднократно писал, что они датируются концом VI – VII в. (Гавритухин И.О., 2001, с.39-40 и др.). О VIII в. речь нигде не идет. Почему же Прикамье является исключением из общего правила? Таким образом, о параллельном развитии агафоново и неволино в течение VIII в. вряд ли следует думать всерьез. Очевидно, они сосуществовали какое-то короткое время на рубеже VII–VIII вв.

Пора, наконец, оставить суждения о том, что неволинские пояса не имеют прототипов в агафоновских древностях (Амброз А.К., 1973; 1980, с.48-52; Иванов А.Г., 1991, с.88-89). Многочисленные новые материалы как Прикамья, так Приаралья и других областей показывают, что манера крепить к основному ремню дополнительные привески с накладками появилась уже на рубеже VI–VII вв. и развивалась во времени. Более того, сейчас выявлены изделия переходного типа (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис.23-1), на которых сочетаются накладки как агафоновских (там же, рис.23-4,5), так и неволинских образцов (там же, рис.23-2,7). Оставалось лишь увеличить ширину лопастей привесок и возник неволинский пояс.

К VIII в. относятся погребений Неволинского и Верх-Саинского. В могилах этого времени найдены множество вариантов металлических, преимущественно бронзовых, деталей поясов, известных в науке под названием неволинского типа. Существует множество вариантов реконструкций таких поясов (Голдина Р.Д., 2012, табл.11,37,42,51 и др.). Они представляют собой кожаный пояс шириной 2-2,5, длиной до 70 см, украшенный на концах пряжкой и наконечником и многочисленными накладками. К основному ремню прикреплены, как правило, 12-16 кожаных привесок размерами 3,5-4х10 см. Три привески, расположенные сзади, орнаментированы обычно тремя тройчатками, остальные – двумя рядами круглых или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми – в нижней. Пояс снабжен одной или двумя пронизями, состоящими из пронизок, бус, завершающимися рожковой или планчатой подвеской. Иногда к поясу был подвешен кинжал в ножнах. Пояса неволинского типа встречаются исключительно в женских захоронениях (Голдина Р.Д., 2012, табл.IX).

Мужские пояса этого времени имеют разные названия – тюркский, катандинский, согдийский и другие. Они найдены преимущественно в мужских захоронениях (в Неволино – 18 случаев, Голдина Р.Д., 2012, табл.I). Лишь несколько могил (6), возможно, принадлежат женщинам. Пояс восточного типа представлял собой кожаную ленту

шириной около 2 см, украшенную, главным образом, геометрическими прямоугольными, арочными, серпообразными и другими оригинальными накладками, цельнолитой пряжкой с плоской, гладкой задней пластиной и наконечником. Такие пояса не имеют дополнительных пронизей.

Разделение поясов VIII в. Прикамья на собственно неволинские и тюркские (восточные) было отмечено мной давно (Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997, рис.4). На это обратили внимание также и другие исследователи (Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999, с.137-138; Комар А.В., 2010, с.184). Для того, чтобы прояснить степень влияния на материальную культуру Приуралья Средней Азии и византийского мира, была намеренно выделена среди восточных поясов еще одна группа: восточные с деталями (пряжкой или наконечником), украшенными растительными узорами или пальметтой и связываемыми некоторыми исследователями с предсалтовскими древностями (Комар А.В., 2010). Их оказалось в Неволино всего 5 и происходили все они из мужских могил.

Детали поясов VIII в. неволинской культуры очень выразительны: крупные пряжки с обычным овальным кольцом и прямоугольной приостренной на конце пластиной (табл.29–2), овальной (табл.29–3) или прямоугольной пластиной (табл.29–1). Чаще всего пластины гладкие, очень редко орнаментированы (табл.29–4,5). В этой же группе известны экземпляры подобных форм, но средних и мелких размеров. Оригинальна пряжка с В-образным кольцом и фигурной пластиной (табл.29–6).

Набор накладок весьма разнообразен: полуовальные с расширенным основанием и прорезьями (табл.29–24); прямоугольные с тисненым узором в форме креста (табл.29–27); полусферические (табл.29–16); тройчатки (табл.29–21); прямоугольные с уступом наверху и орнаментом (табл.29–30,31); полуовальные с заостренным верхом и орнаментом (табл.29–18-20); круглые с орнаментом посередине (табл.29–14,15); роговидные (табл.29–8); полуовальные с заостренным верхом и личиной (табл.29–17); круглые гладкие крупные (табл.29–11); длинные прямоугольные с личиной (табл.29–13,29); ж-образные средних размеров (табл.29–9); крупные, полуовальные с заостренным верхом и прорезью в основании (табл.29–28); серповидные гладкие (табл.29–26); прямоугольная с фигурными вырезами (табл.29–12), калачевидные с орнаментом (табл.29–10); полуовальные с прямоугольной прорезью и орнаментом (табл.29–23,25); полуовальные с растительным орнаментом (табл.29–22).

На ремнях этой группы присутствуют скромные экземпляры наконечников – гладкие без орнамента с прямыми боковыми гранями (табл.29–32) или различными вариантами фестончатого края (табл.29–33,34).

В результате анализа материалов Верх-Саинского могильника способом взаимовстречаемости вещей появилась возможность предварительно разделить комплексы первой и второй половины VIII в. Обращаю внимание на то, что это первый опыт такого деления и результаты его требуют подтверждения другими источниками.

К первой половине VIII в. Верх-Саи отнесены 9 захоронений: из них 1 мужское и 8 женских. Составляющие предметы этой группы: наконечник ремня с орнаментом в виде «косички» по краям (табл.30–6), средних размеров пряжка с полуовальной пластиной, слегка сплюснутым овальным кольцом и небольшим, несколько сжатым в середине язычком (табл.30–1); рамчатая сегментовидная с двумя отверстиями (табл.30–4); цельнолитые пряжки с лировидным кольцом и сердцевидной пластиной (табл.30–2,3) и квадратная с четырьмя выпуклостями накладка (табл.30–5).

Вторая половина VIII в. представлена 21 захоронением Верх-Саи, из них 6 мужских, 15 женских. Состав группы выразителен: поясная гарнитура с изображением пальметты – пряжки (табл.30–7,8), наконечники ремней (табл.30–17,21), накладки (табл.30–12); пряжки и накладки с орнаментом «точка с запятой» (табл.30–11,13); наконечники ремней с изображением виноградной лозы (табл.30–16), с S-овидным орнаментом (табл.30–20), с ажурным геометрическим узором в виде кругов и вписанных в них ромбов (табл.30–18), с изображением сцены охоты (табл.30–19). Пряжки представлены роскошным экземпляром

с изображением охоты (табл.30–10), а также скромным вариантом с полуовальной пластиной (табл.30–9). Из накладок известны полуовальные с расширенным основанием и прорезями (табл.30–14) и ромбические с трилистником на углах (табл.30–15).

В захоронениях женщин VIII в. встречались височные подвески с полыми привесками в виде шаров, конусов, иногда украшенных зернью и сканью (табл.31–1–4), круглопроволочные браслеты с имитацией вставок и зерни на концах (табл.31–5), различные варианты шумящих подвесок (табл.31–9–13), туалетные коробочки, иногда парные (табл.31–8), подвески, в виде свернувшейся змеи (табл.31–7), а также с изображением лица лысого бородатого мужчины негроидного типа (табл.31–6). У женщин этого времени были популярны различные варианты костыльков (табл.32–1–4), подвески-лунницы (табл.32–5,14), в виде «мальтийского креста» (табл.32–13), трапециевидные (табл.32–17), четырехлопастные (табл.32–16), монетовидные (табл.32–11) и различные виды круглых (табл.32–12,15,18–20). Отличаются числом и разнообразием пронизки (табл.32–6–10,21). Из них выделяется пронизка, изображающая мужчину-горбуна с палкой, бородой и в головном уборе типа тюбетейки (табл.32–22). Выразительны концевые подвески, использующиеся для украшения пояса (табл.32–23–26).

Мужские захоронения VIII в. сопровождались оружием и конским снаряжением. Из украшений известны лишь крупная трубчатая пронизка и фрагменты серебряных масок. Оружие представлено костяными, но чаще железными (табл.33–1–10) наконечниками стрел, наконечниками копий (табл.34–8,9), ножами, боевыми топорами с вытянутым обухом (табл.34–4,5) и саблями (табл.34–7,10). Конская упряжь разнообразна: подпружные железные (табл.34–3) и костяная (табл.34–1) пряжки, удила различных модификаций (табл.33–11,12), стремяна преимущественно с уплощенным подножием (табл.33–13–15). Из бытовых изделий найдены кресало (табл.34–6) и костяная рукоять (табл.34–2).

В юго-восточной части Неволинского могильника зафиксировано уникальное для Прикамья явление, когда более ранние могилы с широтной ориентировкой и геральдикой были перекрыты более поздними захоронениями с меридиональной ориентировкой и поясами неволинского облика (рис.5). Например, могилы 212 и 213 с деталями поясов геральдического типа перекрыты могилой 205 с инвентарем более позднего времени. Могила 225 перекрыта могилами 217 и 232, могила 207 – погребениями 226, 244; захоронение 242 – перекрыто могилами 237, 218. Над могилой 229 располагались могилы 209 и 210, над погребением 233 – могилы 209 и 215, над захоронением 230 – могилы 209, 210, 215. При этом инвентарь всех ранних нижележащих могил содержал детали поясов геральдического типа. Над ними располагались могилы с предметами классического неволинского облика. Таким образом, стратиграфически удалось подтвердить одновременность геральдических (бартымских) и неволинских поясов. Отмечен случай, когда над могилой с поясом геральдического типа (№168) (I стадия Неволينو) располагалось погребение 149, содержащее детали пояса салтовского типа (III стадия).

Наиболее ранние могилы (I стадия) располагались шестью нечеткими рядами, ориентированными по линии С-Ю (№1–5,7), в северной и восточной, наиболее возвышенной части холма (рис.6). Еще один ряд подобной ориентировки выявлен в центре памятника (№13). Несколько могил с другой ориентировкой зафиксированы в южной части площадки могильника (ряды №6,8–12). В последующем, в некоторых из этих рядов (№11 и 12) стали накапливаться могилы следующей II стадии.

Видимо, на Неволинском могильнике с самого начала его возникновения хоронили своих сородичей две группы населения, имеющие в обычае разные варианты ориентировки погребенных – либо широтную, либо меридиональную.

Наибольшей плотностью отличались ряды, заполненные в средний период (стадия II) функционирования памятника (рис.7). Погребения в этих рядах располагались близко друг к другу, иногда могилы своими краями соприкасались. В это время были заполнены преимущественно ряды в южной (№21–31), центральной (№15, 17) и западной (№14, 16)

частях памятника. Наиболее многочисленны могилы этого времени в южной половине раскопа. Захоронения среднего периода продолжают заполнение рядов могильника, которые начали формироваться в ранний период (№11, 12).

Поздние могилы (последняя четверть VIII – первая четверть IX в., стадия III, рис.8) размещены, как правило, по периферии площадки. Это могилы, завершающие ряды в восточной (погр.239 – ряд 25, 259 – ряд 31, 244 – ряд 30) и единичные погребения в северной части площадки могильника (погр.149, 169). Продолжали использоваться ряды в западной половине (погр.118 – ряд 21; 146, 148 – ряд 16; 111 – ряд 14). Здесь же был образован новый ряд (погр.158 – ряд 32). В целом, наиболее поздние захоронения Неволинского могильника завершают логическую систему развития двух групп этого памятника, оставивших ряды как с меридиональной, так и с широтной ориентировкой могил.

Случаи взаимонарушений могил выявлены и на Верх-Саинском могильнике. Например, перекрыты друг другом погребения 7 и 8, 55 и 38, 39 и 65 VIII в. и никогда погребения VIII в. не нарушены более ранними. Это еще раз убеждает в правильности хронологического деления комплексов. В одном случае захоронение VIII в. №65 нарушило недатированную могилу 40, а могила с неопределенной датой 102 перекрыла погребение VIII в. 103. В единственном случае захоронение конца VIII – начала IX в. 137 нарушило могилу 136 со скудным инвентарем. Однако далеко не всегда анализ взаимоперекрытия помогает в решении вопросов датировки могил. Например, ровик кургана 5 (погребение без инвентаря) нарушает канавку кургана 6, погребение которого содержит фрагменты железных ножа, пряжки и не датируется.

В могилах с инвентарем VIII в. на Неволинском могильнике найдены монеты Кавада I (погр.53), подражание монете Ормузда IV (погр.54) и монеты Хосрова II (погр.34, 53, 54, 65, 81, 155). Поскольку в могилах 54 и 53 в качестве позднейших присутствовали монеты Хосрова II, очевидно, за ними и остается датирующая функция. Следует обратить внимание на то, что монеты Хосрова II, найденные на Неволинском могильнике, у которых определен год чеканки, были изготовлены в последние годы его правления: 619 г. (погр.155), 623 г. (погр.34), 628 (погр.54). С инвентарем VIII в. на Верх-Саинском некрополе, расположенном в 50 км севернее с.Неволино, найдено 9 монет: 8 – сасанидских и 1 – хорезмийская (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., статья в наст. сборнике). Монеты Хосрова II происходят из могил 5, 38, 92, 93. Интерес представляет найденная в захоронении 53 хорезмийская монета Савшафарна середины VIII в.

Монеты Хосрова II найдены так же в могилах VIII в. на территории ломоватовской культуры Верхнего Прикамья. Это погребения 8, 63, 64 Деменковского (Генинг В.Ф., 1964, с.120), Носковского (Шатров А.Н., 1899, с.81), Плесинского (Оборин В.А., 1964, с.204) могильников. Это явление – связь прикамской геральдики и монет Хосрова I, а также могил классического Неволино (VIII в.) и монет Хосрова II еще предстоит разгадать. Как известно, в Средней Азии в раннем средневековье в качестве денег почти во всех областях (кроме Хорезма) использовались серебряные сасанидские драхмы разных правителей или подражания им, чеканенные в интервале до 150 лет. Фактически сасанидская драхма долгое время была основной международной валютой от границ Китая до Европы. Она чеканилась из серебра высокого качества и была полновесной в отличие от европейских монет. Именно это обстоятельство – широкое одновременное хождение сасанидских драхм чекана разных правителей и разных лет, по-видимому, и определило «запаздывание» сасанидских монет на Урале.

Корреляционные таблицы как по материалам Неволинского, так и Верх-Саинского могильников позволили выделить группы вещей, использовавшихся населением в более длинные хронологические отрезки, на протяжении двух или трех столетий. Набор вещей этих смежных групп менялся, чаще расширялся в соответствии с объемом анализируемого материала. Поэтому он оказался разным для каждого из этих памятников. Соединив результаты обоих могильников, получились следующие составы таких наборов.

Как в VI, так и в VII в. были распространены кольцевидные подвески с выступами небольших размеров (табл.35–1) и круглые подвески с множеством окружностей по краю (табл.35–2). В могилах VI–VIII вв. встречались крестовидные подвески, состоящие из 5 окружностей (табл.35–3). Для VII–VIII вв. характерны пряжки с лировидным кольцом, прямой иглой и прямоугольной пластиной (табл.35–4–6), мечевидные накладки как с прямым (табл.35–7,8), так и «рыбьим» (табл.35–9) верхним концом, наконечники ремней с изображением ряда «голов медведей» (табл.35–10–13), крупные изогнутые рожковые (табл.35–14) и с тройными вздутиями (табл.35–15) пронизки.

С захоронениями VII – начала IX в. связаны обычные круглопроволочные браслеты (табл.36–1), простые колокольчики (табл.36–2), железные рамчатые пряжки (табл.36–5,6), пронизки средних размеров с одним вздутием и прорезями, различных форм точильные камни (табл.36–4), удила без псалий (табл.36–7), некоторые типы железных наконечников стрел (табл.36–8–10) и железные стремена с вогнутым подножием и плоской петлей (табл.36–11).

Для VIII – первой четверти IX в. были характерны восьмеркообразные бронзовые пряжки (табл.37–1,2), средних размеров пряжки с овальным кольцом и овальной пластиной (табл.37–3), круглые накладки (табл.37–4–7), различные варианты прямоугольных накладок с вырезами и без них, с отрезанными углами (табл.37–8–14), калачевидные накладки (табл.37–15–17,20,22), накладки в виде головы барана (табл.37–18,19,21), полуовальные накладки с фестончатым краем (табл.37–23), некоторые типы костыльков (табл.37–26) и пластинчатые браслеты с расширенными концами (табл.37–24).

В могилах мужчин этой же поры найдены железные наконечники стрел бронебойные с ромбическим сечением (табл.38–1) и с раздвоенным пером (табл.38–2), железные накладки (табл.38–3), разные варианты универсальных (табл.38–4–6) и боевых (табл.38–7) топоров, наконечники копий с четырехгранным пером (табл.38–12), восьмеркообразные стремена с округлым подножием и короткой петлей (табл.38–8) и с прямым подножием и длинной плоской петлей (табл.38–8,9), а также удила с S-овидными псалиями (табл.38–10,11).

Датировка классических неволинских комплексов Неволинского могильника особых споров не вызывала. Именно к этой группе относится основная масса могил, раскопанных А.В.Шмидтом и О.Н.Бадером, которые В.Б.Ковалевская датировала последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А.Краснов – VIII в. (Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973, с.280–287), А.К.Амброз – концом VII – первой половиной VIII в. (Амброз А.К., 1973, с.288–298), Р.Д.Голдина – последней четвертью VII – VIII в. (Голдина Р.Д., 1979, с.82–83).

Я уже отмечала факт неоднородности неволинских поясов VIII в., который связан с гендером анализируемой популяции. Классические неволинские пояса – это атрибут женских могил, одновременные им восточные (тюркские, катандинские, согдийские) – мужских.

Интересно, что на обоих вариантах поясов встречались накладки катандинско-пенджикентских типов: прямоугольные (например, табл.37–8–14), серповидные (табл.29–26), полуовальные с прорезью в нижней части (табл.29–23,25,28), в виде головы барана (табл.37–18,19,21) и др. Различаются неволинские и восточные пояса Прикамья лишь большей шириной привесок с множеством накладок (неволинские) и отсутствием низок с пронизками и подвесками (восточные). Присутствие одинаковых типов накладок на поясах обоих вариантов не позволяет их разрывать по времени бытования.

Отвлекаясь от этнической оценки или места находок, правильное называть катандинско-пенджикентский тип восточным, потому что, согласно изысканиям Ч.Балинта (2000, taf.2,2, s.145), это китайский пояс династии Тан (618–906 гг.) (табл.39) и появление его в западных и северо-западных областях (горный Алтай, Западная Сибирь, Средняя и Передняя Азия, Прикамье и др.) – следствие распространения китайского влияния на запад. В начале VII в. при воцарившейся в Китае династии Тан весьма оживились отношения между Китаем и Согдом. Из среднеазиатских городов: Бухары,

Самарканда, Иштихана, Кушании, Кеша и других в Китай направлялись многочисленные посольства. Начиная с 656 г. в Согде становится ведущим тип государственной монеты китайского, танского образца и остается таковым до третьей четверти VIII в., когда его сменил арабский чекан (Смирнова О.И., 1963, с.41-42). В условиях постоянных контактов с танским Китаем появление в Согде, в том числе и Пенджикенте поясов китайского происхождения с накладками геометрических форм вполне объяснимо.

Особую важность для определения времени появления деталей поясов катандинского типа имеют их находки в Пенджикенте (табл.40). Не надо приводить особых аргументов в пользу их идентичности с прикамскими, достаточно указать на несколько вариантов пряжек, например: табл.29–2,3 (Неволино) и табл.40–23-26 (Пенджикент); накладок, например: табл.29–23,25 и др. (Неволино) и табл.40–3,4-10 (Пенджикент); наконечников ремней – табл.29–32-34 (Неволино) и табл.40–11,12,14 (Пенджикент) и другие. По данным В.И.Распоповой эти детали поясов обнаружены в сооружениях Пенджикента конца VII – первой четверти VIII в., рубежа VII–VIII вв., середины VIII в. и третьей четверти VIII в. (Распопова В.И., 1980, с.7). 70-е гг. VIII в. – конец жизни города в результате завоевания арабов. Объекты города – жилища, мастерские хорошо датированы сотнями медных монет местных правителей, которые использовались в повседневной торговле. Особенно часто встречались монеты пенджикентского правителя Бидйана, по разным источникам чеканенные в конце VII – первых гг. VIII в. или 691-720? гг. (Смирнова О.И., 1963, с.16, вариант 1 и с.17, вариант 2), а также самаркандских (согдийских) правителей Тархуна (700?-710 гг.) и Уграка (Гурака, 710-738 гг.) (там же, табл. XXI). Не надо удивляться сравнительно небольшому числу деталей поясной гарнитуры в сооружениях Пенджикента. Ведь это не некрополь, а поселенческий ансамбль, где археологи имеют дело с испорченными, выброшенными, случайно потерянными вещами или специально запрятанными (клад пряжек).

Как считает В.И.Распопова, пояса катандинского типа были распространены в Пенджикенте со второй половины VII до 70-х гг. VIII в. (там же, с.81). Учитывая, что в Средней Азии они появились как минимум на рубеже VII–VIII вв., а может быть и раньше (по В.И.Распоповой), вероятно в это же время они стали известны и в Прикамье (Голдина Р.Д., 1979, с.82-83). Имея в виду систематичность контактов населения Согды и близлежащих областей с Прикамьем в VII в. (монеты, сосуды, серебряные цепи), вряд ли это потребовало нескольких десятилетий, скорее всего, нескольких лет. Видимо, пояса восточного (катандинского) типа появились в Прикамье не позже рубежа VII–VIII вв. (а может быть и раньше) и использовались населением, оставившим Неволинский могильник, до начала IX в. (например: табл.5–72, 73, 76, 78), а другие памятники Верхнего Прикамья – значительно дольше – до XII в.

Материалам этой стадии территориально и хронологически близки древности Самарского Поволжья, связываемые их исследователями А.В.Богачевым, Р.С.Багаутдиновым и С.Э.Зубовым с праболгарами (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998). Большинство этих объектов сосредоточено в пределах Самарской Луки. Их хронологией долгое время успешно занимается А.В.Богачев (Богачев А.В., 1992; Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э., 1996; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998 и др.). Им был выделен самостоятельный брусянский этап и убедительно обоснована его датировка – рубеж VII–VIII – конец VIII в. (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В. и др., 1998, с.150-166). Из древностей этого этапа с неволинской стадией VIII в. сопоставимы оригинальные наконечники ремней разных вариантов, орнаментированные пальметтой, которые найдены на могильнике Новинки II в кургане 8/5 и 14/3 (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В. и др., 1998, рис.15-4, 5). Аналогичны некоторые типы накладок: серповидные из Новинки II кургана 13/2 (там же, рис.16-23), полуовальные со спиральным орнаментом из кургана 14/5 Брусян II (там же, рис.15-6). Представительны в Среднем Поволжье также накладки типов, бытовавших в Неволино в VIII – начале IX в.: калачевидные с разомкнутыми концами происходят из кургана 8/5 Новинки II; кургана

22/4 Бруснян II (там же, рис.15-1, 4); прямоугольные с прорезями – найдены в курганах 8/6 и 13/2 Новинки II (там же, рис.15-3; 16-10), а также мелкие в виде головы барана из кургана 34/2 Бруснян II (там же, рис.16-14). Думаю, что близость памятников Самарского Поволжья и Неволдино не случайна, а гипотеза самарских коллег о принадлежности самарских объектов праболгарам заслуживает пристального внимания.

Для дальнейшей работы над хронологией Приуралья важны идеи А.В.Комара по абсолютному датированию материалов VIII в. (1999, 2006, 2010 и др.). Им выделены горизонты Шиловки (698-725 гг.), последующий – Галиат – Геленовки (725-740 гг.). Раннесалтовский (горизонт Столбище – Старокорсунская) состоит из двух фаз, которые продатированы им фаза 1 – 740-751 гг., фаза 2 – 745-770 гг.; среднесалтовский: горизонт I/II (780-800 гг.), горизонт II (790-830 гг.) (Комар А.В., 1999, с.132; 2010, рис.6). Материалы Неволинского могильника из раскопок А.В.Шмидта и О.Н.Бадера (погр.43, 48, 77) отнесены им к фазе 2 раннесалтовского горизонта – 745-770 гг. (Комар А.В., 1999, с.125-129). Другое же погребение №191 с поясом восточного облика датировано А.В.Комаром 20-30 гг. VIII в. и вошло в его корреляционную таблицу в составе группы 1b (Комар А.В., 2010, рис.5-11). Пояса основной части Неволинского могильника датированы этим ученым 20-30-ми и 40-70-ми гг. VIII в.

Таким образом, хронологическая стадия с поясами неволинского и восточного типов датируется рубежом VII–VIII вв. и 70-80 гг. VIII в. Разумеется, со временем могут быть выделены и комплексы более узкого временного диапазона.

Хотелось бы обратить внимание еще на один сюжет, связанный с распространением деталей поясов, украшенных оригинальными узорами. В прикамских древностях особенно выразительны и многообразны изделия, украшенные растительными мотивами, пальметтами или лентами, перевязанными узлом (табл.3–48). Связь этого мотива с Византией отмечена многими исследователями (Ковалевская В.Б., 1979, с.22; Goldina E., 1992, s.498; Daim F., 2000, s.107-112; Комар А.В., 2009, рис.1,2 и др.). А.В.Комар считает византийским и узор «точка с запятой» (Комар А.В., 2009, рис.2-2).

Как известно, все детали поясов с орнаментом из растительного мира предсалтовского типа А.В.Комар считает византийскими крымского происхождения (2001, с.110-111; 2009, рис.1, 2-2 и др.).

Довольно значительна группа ученых, связывающих этот мотив с мадьярами (Д.Ласло, И.А.Баранов). Пряжкам и наконечникам ремней с изображением пальметты посвящено специальное исследование Б.Иванова и О.Пелевиной (2001, с.88-97), где приведены все сведения о доступных авторам изделиях, возможных центрах их производства и распространении. Они считают расширение ареала этого стиля в конце VII – первой половине VIII в. результатом расселения болгарских племен под натиском хазар (там же, с.95).

Однако вопрос о происхождении растительных мотивов на поясной гарнитуре VIII в. не так прост, как кажется. Ведь явных прототипов изображениям пальметты, виноградной лозы и другим растительным узорам в византийском бронзолитейном искусстве нет. Об этом писал и А.В.Комар (2010, с.186). Справедливости ради следует отметить, что цветочный орнамент на металлических предметах Византии IX-XII вв. весьма выразителен и разнообразен (табл.41) (Банк А.В., 1978, рис.15-17). Однако и в Средней Азии этот мотив также был весьма популярен и многолик (табл.42). К некоторым вариантам этого орнамента (табл.42–9,12,16) очень близок орнамент на одном из наконечников ремней из Верх-Саи (табл.30–6). Прототипом орнамента на пряжке из погребения на плато Тепсень аналогичной верх-саинской (табл.30–7), А.И.Айбабин считает узор пальметты на изделиях согдийских мастеров (Айбабин А.И., 1982, рис.5-1, с.178).

В металлических изделиях Пенджикента растительные мотивы также присутствуют (табл.40–15-17,19). По сообщениям документов хозяйственного содержания, сохранившихся на поселении на горе Муг, основными культурами Пенджикента были пшеница и виноград. Арабские географы сообщают, что окрестности Пенджикента

славились, главным образом, виноградниками (Смирнова О.И., 1963, с.19-20). Согласно китайским хроникам только в самаркандских владениях было 30 больших городов и 300 укрепленных поселков, население которых занималось не только сельским хозяйством, но и художественными ремеслами и оружейным делом (там же, с.20-26). Идея об истоках деталей с пальметтой из районов Средней Азии, в частности Согда, была выдвинута И.А.Барановым (1990, с.123). Она вызвала некоторое недоверие у исследователей, так как в этой области не было прямых прототипов. Но ведь их нет и в Византии! А если вещи этого стиля есть в Прикамье, постоянно контактирующим в VI-VIII вв. со Средней Азией, то вероятность их проникновения именно из Согда весьма высока. Следует отметить, что среди металлической гарнитуры Пенджикента известны и детали с шарнирным соединением частей (табл.40–19), традиционно считающимися выполненными в византийской манере.

Наконечники поясов с пальметтой происходят также из погребения 330 VIII в. Агафоновского I могильника (Голдина Р.Д., 1985, табл.XIII-39), а наконечники с изображениями сцены охоты были обнаружены в могиле 15 Деменковского некрополя и в сборах на Висиме на территории ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1985, табл.XIII-41, 42). Из погребения 259 Варнинского могильника полоумской культуры происходит наконечник с изображением виноградной лозы (Семенов В.А., 1980, табл.XIV-14), подобный верх-саинскому (табл.8-83).

Но особенно многочисленны подобные изделия на территории неволинской культуры. Усть-Иргинский могильник также дал находки пряжки со сценой охоты типа табл.8-85 (Волков С., Пастушенко И., 2006, табл.11-5), наконечника ремня со сценой охоты типа табл.9-22 (там же, табл.9-10), наконечника ремня с виноградной лозой типа табл.8-83 (там же, табл.6-17) и множество типов накладок. На Бродовском могильнике обнаружены полуовальные накладки с прорезью в основании, серповидные, десятки накладок в виде головы барана, сотни полуовальных с вырезами, сотни вытянутых с площадкой в верхней части и прорезями. Особенно многочисленны в Бродах детали поясов, украшенные растительными и зооморфными узорами: пряжка и наконечник ремня с пальметтой (табл.43–16,24), наконечник ремня с виноградной лозой (табл.43–26), несколько накладок с пальметтой (табл.43–8-10), наконечник ремня с S-овидным орнаментом (табл.43–19) и другие вещи.

Как известно, все детали поясов с орнаментом из растительного мира предсалтовского типа А.В.Комар считает византийскими (2001, с.110-111; 2009, рис.1, 2-2 и др.).

Ременная гарнитура неволинской культуры настолько своеобразна, имеет ряд особенностей, отличных от подобных вещей Крыма, Кавказа и степной полосы юго-восточной Европы, что можно говорить о существовании собственной приуральской школы бронзолитейного искусства. Вопрос об этом уже поднимался исследователями.

В 1982 г. А.И.Айбабин опубликовал и проанализировал все известные ему находки поясной гарнитуры, орнаментированные пальметтами, и пришел к заключению, что они датируются преимущественно рубежом VII–VIII вв. Он считает, что в это время в Крыму появились и вошли в моду уральские поясные наборы. Особо было подчеркнuto, что все вещи уральского круга происходят из погребений коренных жителей юго-западного и южного Крыма раннего средневековья: сармато-алан, готов, праболгар. Установлению контактов населения Крыма с Приуральем, как считает А.И.Айбабин, способствовало включение Крыма в сферу влияния Хазарского каганата. Именно тогда в Крыму появилась мода на уральские поясные наборы (Айбабин А.И., 1982, с.178-184).

Идею о том, что детали этих поясов производились в Прикамье, а потом расходились по соседним краям – в Среднее Поволжье, на Оку, в Крым, а не наоборот – с юга в Прикамье, поддержала в 2000 г. В.Б.Ковалевская, исследовавшая громадное количество поясной гарнитуры Евразии IV–IX вв. Некоторые из наконечников ремней и накладок она считает приуральскими (неволинскими). Например, наконечники ремней типа 9 варианта

2 и 4 (Ковалевская В.Б., 2000, табл. III-22, 26; VI-16, 19), накладки отдела 3 типов 1, 3, 4; отдела 10 типа 1 подварианта 2 (Ковалевская В.Б., 2000, табл. XI-6, 34, 35; XII-43) и другие. Важно, что В.Б.Ковалевская определенно утверждает мысль о прикамском происхождении этих изделий (там же, с.121, 122, 146 и др.).

Спустя почти 20 лет, обратившись к проблеме древностей юга Восточной Европы VIII в., а именно поясных наборов горизонта Столбище-Старокорсунская, А.В.Комар коснулся вопроса об уральских наборных поясах, орнаментированных растительными узорами, в том числе пальметтами (Комар А.В., 2000, с.58). Он счел неудачным название – поясные наборы уральского круга, данное А.И.Айбабиным, ссылаясь на немногочисленность уральских находок, и предложил заменить его на пояса «хазарского круга», поскольку именно благодаря хазарской среде они получили столь широкое распространение (Комар А.В., 2000, с.58). Публикуя новые материалы неволинских памятников, в том числе захоронений VIII в., становится очевидным, что именно этот регион был центром производства уникальных бронзовых изделий, созданных местными мастерами по оригинальным сюжетам. Это касается не только подвесок, пронизей, перстней, браслетов, гривен и других украшений, но и, прежде всего, поясной гарнитуры. Вопрос о своеобразии высокохудожественных изделий неволинских мастеров еще требует дальнейшего анализа. На то, что это продукция приуральских мастеров, указывает, прежде всего, многочисленность и разнообразие найденных деталей поясов. По последним данным, число целых или почти целых поясов VIII в. в Приуралье достигло 80, не считая отдельных накладок, пряжек и наконечников. Если для одного пояса неволинского типа обычно использовалось до 100 и более предметов, то для украшения всех этих сохранившихся поясов использовано не менее 8000 различных деталей. Сейчас мы обсуждаем только количественную сторону, а ведь существует еще и качественная – разнообразие форм, орнамента и технологии.

В этой связи особый интерес представляет наборный пояс из погребения 60 Верх-Саи, состоящий из пряжки со сценой охоты (табл.30–10), наконечника ремня с пальметтами (табл.30–21), шарнирными накладками с пальметтами (табл.30–12) и с узором «точка с запятой» (табл.30–13), а также накладками серповидной формы (табл.29–26) и четырехугольными с трилистниками на углах (табл.30–15). Это сочетание деталей поясов различных форм и видов орнамента на одном поясе красноречиво указывает на их одновременность. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что повторяющаяся сцена охоты с собакой на лося, созданная, бесспорно, местным мастером, сочетается с необычными мотивами в виде пальметт и «точки с запятой». Очевидно, что местная школа бронзолитейщиков в VIII в. достигла высочайшего уровня мастерства и создавала новые сюжеты орнаментации бронзовых украшений под влиянием искусства народов причерноморского региона, степей и стран Востока и, прежде всего, Средней Азии.

Учитывая, что памятники неволинской культуры содержат не единичные, а массовые находки деталей таких поясов, следует уверенно говорить, что к VIII в. в Сылвенском поречье сложился уникальный центр по производству различных украшений из бронзы, в том числе и поясов неволинского типа.

Вопрос о названии этого типа поясов имеет, скорее всего, историографический аспект. Вряд ли его следует считать уральским – неволинская культура представляет лишь маленькую часть огромного Урала, и уж ни в коем случае не хазарским, поскольку хазары, возможно, лишь транслировали этот импульс на сопредельные области, получив его от мастеров-литейщиков Приуралья.

Заключительная фаза неволинской культуры представлена 13-ю могилами Неволинского могильника, 8 – Верх-Саинского и 22 – могильника Сухой Лог. В этих комплексах обнаружены цельнолитые пряжки с глазками (табл.44–4,5,6) и орнаментированными (табл.44–1,3,7) пластинами, восьмеркообразные шарнирные пряжки с рифленным кольцом и обоймой (табл.44–2). Накладки этого времени более скромны по

разнообразие форм, чем неволинские: с изображением личины (табл.44–9), сердцевидные (табл.44–10), серповидные (табл.44–11), полуовальные с прорезями (табл.44–16–20), с изображением личины медведя (табл.44–22). Новая тенденция представлена прямоугольной накладкой с растительным орнаментом (табл.44–21), трехчастной с растительными узорами (табл.44–26), разнообразными вариантами шарнирных (табл.44–23,25,27–29), многочисленными – 16 экз. с изображением головок коней (табл.44–24). Наконечники ремней стали меньше по размерам, но шире и массивнее: гладкие с каплевидным вырезом в основании (табл.44–32), гладкие – коробочки (табл.44–35), орнаментированные: кружками и полосками (табл.44–33), веткой с цветком (табл.44–34), узлом (табл.44–15).

Из других украшений встречались литые височные подвески с привесками в виде нескольких шаров (табл.45–1,6) и без них (табл.45–5), височные подвески, собранные из отдельных мелких деталей с полыми конусами и шарами на конце (табл.45–2–4), пластинчатые браслеты с орнаментом на концах (табл.45–7), различные варианты перстней (табл.45–10–12), якорьковидные подвески (табл.45–13). Продолжали использоваться новые модификации браслетов с сердоликовыми вставками на концах (табл.45–8), костыльков (табл.45–14), подвесок-лунниц (табл.45–15), шумящих коньковых (табл.45–16) и с арочной основой (табл.45–), концевых прямоугольных (табл.45–17,18) подвесок. Стали популярными костяные (табл.45–20) и орнаментированные бронзовые бубенчики (табл.45–19,21,23), а также подвески с изображением коня (табл.45–22).

Предметы вооружения и конская упряжь продолжают общую линию развития VIII в. По-прежнему использовались различные вариации железных (табл.46–1–4) и костяных (табл.46–5) наконечников стрел, колчаные крючки (табл.46–6), калачевидные кресала (табл.46–7), фрагмент бронзовой рукояти с кожаной лентой внутри (табл.46–8), железные универсальные (табл.46–10), а также боевые топоры с вытянутым обухом (табл.46–11). Можно считать новыми видами железные наконечники копья с треугольным пером (табл.46–12), боевой топорик с вытянутым обухом с шишечкой и квадратной боевой частью (табл.46–9) и однолезвийные сабли со слабо изогнутым клинком, обоюдным острием и брусковидным перекрестьем (табл.46–15,16). Весьма распространены детали конского снаряжения: восьмеркообразные стремяна с округлым (табл.47–4,5) или плоским (табл.47–7) подножием, а также с вогнутым подножием и плоской пластиной для путлища (табл.46–13), удила с крупными кольцами (табл.47–6,8) и прямыми стержневыми псалиями (табл.46–14). Найдены и другие детали оформления уздечек (табл.47–1–3).

Из поясной гарнитуры интерес представляют накладки с изображениями двух головок коней (табл.44–24). В Прикамье они известны довольно широко: в Неволинском (6 экз.), где они датированы концом VIII – началом IX в., Варнинском (8 экз. – Семенов В.А., 1980, табл.XII-35, 36), Поломском I (Иванов А.Г., 1997, рис.49-14), Бродовском (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, табл.XXXII-31, 32), Деменковском, Русиновском на Верхней Каме (Голдина Р.Д., 1985, табл.XII-53, 54). Кроме того, они обнаружены и на сопредельных территориях: в Башкирии – в Стерлитамакском могильнике (Мажитов Н.А., 1977, табл.I-138), в Кировской области – на Ижевском городище в бассейне р.Пижмы (Никитина Т.Б., 2002, рис.55-4). Подобная накладка найдена в насыпи одиночного кургана Брюсян II (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.16-29) и датирована авторами самым концом VIII в. (там же, с.164). На Северном Кавказе близкая накладка отнесена В.Н.Каминским ко второй половине VIII – первой половине IX в. (Каминский В.Н., 1987, рис.10-64), в салтовских древностях аналогичный тип укладывается, по С.А.Плетневой, во вторую половину VIII – начало IX в. (Степи Евразии..., 1981, рис.37-38).

Замечательна трехчастная накладка с растительным орнаментом (табл.33-16). Она хорошо известна среди материалов памятников степного и лесостепного предсалтовского круга конца VIII в.: погр.1 кургана 6 Веселово I, погр.4 кургана 7 Кайбел, погр.215 Неталовского могильника (Комар А.В., 2010, рис.5-35, 37, 39). Из приуральских

памятников подобные накладки встречались в Поломском I и Варнинском (14 экз.) могильниках поломской культуры (Семенов В.А., 1980, табл. XIII-13).

Среди других украшений некоторый интерес для определения даты представляет височная литая подвеска, состоящая из нескольких одинаковых шариков, закрепленных на одном стержне (табл. 45–1). Такие подвески часто встречались на прикамских памятниках: Верх-Саинских I городище и могильнике, Аверинском II могильнике (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 45-12). Известны они и на р. Чепце – в комплексах второй половины VIII – первой половины IX в. Варней (Семенов В.А., 1980, табл. II-22), на памятниках Татарии: Больше-Тиганском могильнике второй половины VIII – первой половины IX в. (Халикова Е.А., 1976, рис. 8-34) и Тетюшском могильнике (Археологическая карта..., 1985, табл. VI-7-9).

Подобная шумящей подвеске с арочной основой (табл. 45–) происходит из Больше-Тиганского могильника (Халикова Е.А., 1976, рис. 3-12). Арочные шумящие подвески с размытыми растительными узорами (табл. 45–) имеют примерно тот же круг аналогий: Аверинский II могильник (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 51-7, 16), Урьинский, Баяновский (Голдина Р.Д., 1985, табл. XV-8, 9), Плесинский (Оборин В.А., 1962, рис. 41-5), Варнинский (Семенов В.А., 1980, табл. V-6). Они есть и в Башкирии: в Бекешевских курганах IX-X вв. (Мажитов Н.А., 1981, с. 58, рис. 31-10, 11; с. 62, рис. 34-26) и Хусаиновских курганах (Мажитов Н.А., 1981, с. 52, рис. 27-17, 18), а также в Татарии: в Танкеевском, Чишминском (Казаков Е.П., 2007, рис. 26-12, рис. 35-13), а также Больше-Тиганском могильниках (Халикова Е.А., 1976, рис. 6-23).

Колокольчики с рельефным вертикальным орнаментом (табл. 45–) известны в салтовских комплексах второй половины VIII – середины IX в. (Степи Евразии..., 1981, рис. 37-18, 21), этим же временем они датированы на Северном Кавказе (Каминский В.Н., 1987, рис. 5-16; 9-19).

Круг приведенных аналогий убедительно говорит о том, что исследованные комплексы Сухого Лога укладываются в пределы вторая половина VIII – первая половина IX в. Но имеющиеся материалы позволяют уточнить эту дату и определить ее в таком варианте – конец (последняя четверть) VIII – начало (первая четверть) IX в.

При определении абсолютной даты определенное значение имеет монета. На могильнике Сухой Лог в погребении 20 найдена единственная монета – дирхем, в. – 2,67, д. – 24, о. – 7, династии Аббасидов, аль-Махди, 161 г.х. (=777/8 г. н.э.), Медина ас-Салам (Goldina R.D., Nikitin A.V., 1997, p. 123, №78). На территории неволинской культуры из раскопок КВАЭ происходят только 2 куфические монеты: из Сухого Лога и еще одна из ямы LIV Бартымского I селища. Последняя – дирхем, в. – 1,98, д. – 24,5, о. – 12, обрезан по краю, след ушка, Омейяды, 86 г.х. (=705 г. н.э.), Димешк (там же, p. 122, №65). Из 98 монет, найденных на могильниках неволинской культуры лишь одна куфическая – из могильника Сухой Лог. Это свидетельствует о том, что финал неволинской культуры, в том числе и прекращение использования могильников, относится ко времени, когда только начали поступать в Прикамье первые куфические монеты. Позже они продолжали проникать в значительном числе в Верхнее Прикамье на территорию ломоватовской культуры (Аверинский II, Агафоновский I могильники) и в бассейн р. Чепцы (Варнинский, Качкашурский, Мыдланьшай). Но неволинские памятники, по-видимому, в это время уже перестали существовать. Судя по монете из погребения 20 Сухого Лога, это произошло не ранее 777/8 г. н.э., то есть в последней четверти VIII – первой четверти IX в., сразу после появления в Поволжье болгарских племен. Поскольку лучше всего комплексы этого времени представлены в могильнике Сухой Лог, мы предлагаем назвать ее сухоложской. Длительность ее, возможно, была более короткой, чем полустолетие, занимая лишь какой-то отрезок в его пределах. Следует отметить, что могилы сухоложского этапа располагаются, как правило, на окраинах рядов погребений VIII в., обнаруживая планиграфическую и обрядовую преемственность с захоронениями предшествующего времени.

Таким образом, в результате анализа материалов могильников неволинской культуры удалось выделить пять разновременных, сменяющих друг друга хронологических стадий: I – бродовская (конец IV – V в.), II – верх-саинская (VI в.), III – бартымская (VII в.), IV – неволинская (VIII в., вероятно без последней четверти), V – сухоложская (последняя четверть VIII – первая четверть IX в.).

Завершая хронологический анализ, нельзя не сказать о причинах финала неволинской культуры.

В конце VIII в. В Среднем Поволжье появилась новая волна кочевых племен болгар, которые постепенно освоили оба побережья Волги между устьем р.Камы и Самарской лукой (Казаков Е.П., 2002, с.185-194). Наиболее ранние памятники болгар располагаются на правобережье Волги. В VIII и даже в IX в. болгары еще не были мощным организатором торговли в Волжско-Камском бассейне. Государство Волжская Болгария сложилось в Среднем Поволжье на рубеже IX–X вв. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (принятие мусульманства, арабская письменность). В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа, о чем свидетельствуют украшения женского костюма и глиняная посуда. В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Казаков Е.П., 1993, с.38). Например, в Танкеевском могильнике прикамские сосуды составляли 45% всего массива (Казаков Е.П., 2002, с.192).

Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С.Г.Ефимовой среди болгарских серий выявлены два основных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский – так называемая «танкеевская группировка» (1991, с.44-45).

По-видимому, кочевники-болгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: с южной части ломоватовской культуры, с побережья р.Чепцы и из Кунгурской лесостепи. Во всяком случае, по убеждению Т.А.Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгарского населения (1984, с.73).

Современное состояние изученности археологических источников как Волжской Болгарии, так и Приуралья таково, что возможно определение исходных территорий пермского населения, переселившегося в низовья р.Камы и прилегающее Поволжье. Следы самых ранних переселенцев с севера в Волжскую Болгарию фиксируются на рубеже VIII–IX вв. Это впускное погребение кургана №8 Хрящевского могильника в Ульяновской области, в котором найден сосуд ломоватовского облика (Хлебникова Т.А., 1984, с.47-49, рис.5-6). Поток выходцев из Верхнего Прикамья (ломоватово) усилился во второй половине IX в. Об этом свидетельствует выделенная Т.А.Хлебниковой керамика V группы, которая представляла собой круглодонные чаши с раковинной примесью, украшенные отпечатками шнура в сочетании с оттисками гребенки и округлыми вдавлениями (табл. -Г). Ближайшие аналогии эта посуда имеет в Деменковском могильнике и других памятниках ломоватовской культуры (там же, с.69-70).

Другие истоки имела глиняная посуда группы VI, которую Е.П.Казаков и Т.А.Хлебникова связывали с поломско-раннечепецкими памятниками (Казаков Е.П., 1971, с. 129; Хлебникова Т.А., 1984, с.70-73). Это посуда низких пропорций, содержит в тесте шамот и толченую раковину, украшена оттисками шнура и решетчатым штампом (табл. -Б). Близость к поломско-чепецкой у этой посуды очень велика, практически на уровне тождества. Посуда такого типа известна на Танкеевском и Тетюшском могильниках. Вероятно, именно с этим перемещением населения на Волгу связано запустение

верхнечепецких группировок и выпадение некоторых кладов на Чепце. В частности, к этому времени относится выпадение кладов куфических монет Лелекского (младшая монета 802/803 гг.), Вятского (младшая монета 835 г.), Ягошурского (соответственно 842/843 гг.) и Лесогуртского (841/842 гг.) (Мельникова Е., 1999, с.84), а также прекращение функционирования могильника Мыдланынай (поздний дирхем 823-824 гг., Янина С.А., 1962, с. 129). Что касается времени нападения на поселения бассейна р.Чепцы, то следует обратить особое внимание на позднейшие монеты Ягошурского (842/843 гг.) и Лесогуртского (841/842 гг.) кладов, которые красноречиво указывают на 40-е гг. IX в. (Иванов А.Г., 1997, с.111). Вероятно, в результате нападения болгар были захоронены еще два клада на р.Чепце – Седьярский и Нижнее-Чуринский, содержащие серебряные сосуды восточного происхождения.

Что касается населения неволинской культуры, то следы его пребывания в Среднем Поволжье на болгарской территории ощущаются в металлических украшениях, а также в присутствии значительного числа неволинских сосудов на памятниках Волжской Болгарии (Хлебникова Т.А., 1984, с.38-40, 66-73; Казаков Е.П., 1992, с.111 и сл.). Кроме того, неволинские традиции в украшении лепной посуды сохранились и в X–XI вв. (группа VII по Т.А.Хлебниковой), которая представляла собой цилиндрошейную круглодонную посуду, украшенную густым поясом оттисков шнура в виде «косичек», дополненную оттисками гребенчатого штампа (Хлебникова Т.А., 1984, с.106-112).

Население неволинской культуры первым среди пермян испытало воздействие салтовского мира. Кроме украшений и предметов вооружения реально это проявилось и в появлении здесь в конце VIII – начале IX в. круговой посуды салтовского типа. Ее остатки обнаружены на городищах неволинской культуры: Лобач и Верх-Саинском I (Пастушенко И.Ю., 2008, с.389-390). Хотя И.Ю.Пастушенко считает ее появление результатом прямого контакта неволинцев с носителями салтовских традиций Причерноморья, но, скорее всего, это были поволжские болгары, которые и принесли эту посуду в Среднее Поволжье, переселившись сюда из причерноморских степей.

Причиной исчезновения неволинского населения из Сылвенского бассейна явились взаимоотношения с появившимися в Среднем Поволжье болгарами. Первоначально контакты были, очевидно, мирными. Об этом говорит инвентарь праболгарских захоронений на Самарской Луке. Вероятно, население Самарского Поволжья в VIII в. пользовалось услугами мастеров-металлургов Сылвенского бассейна. Не случайно, на этих памятниках так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры неволинского облика.

Очевидно, набеги болгар на территорию неволинской культуры происходили неоднократно на протяжении последней четверти VIII – первой четверти IX в. Сначала прекратила свое существование верх-саинская группа, затем – неволинская, а позже – сухоложская. Вряд ли переселение неволинцев, как и других групп пермян, в Среднее Поволжье было добровольным. Болгары забирали имущество, скот, женщин, детей и мастеров – металлургов и литейщиков. Часть неволинского населения была вынуждена переместиться севернее к родственным группам пермян на р.Чусовую и в южные районы ломоватовской культуры.

Кроме неволинской культуры, на рубеже VIII–IX вв. прекратила свое существование и пограничная группа угорских племен (могильник Большие Тйганы, младшая куфическая монета 789-790 гг. – Халикова Е.А., 1976, с. 177).

Вероятно, вследствие своего географического положения и других обстоятельств (юго-восточная оконечность финно-пермского мира) население неволинской культуры выступало посредником между степным миром, государствами Юга Евразии и пермскими народами. Именно здесь, в Сылвенском поречье, сосредоточились богатейшие собрания изделий иранской, среднеазиатской, византийской торевтики, хмонет, украшений и других престижных ценностей. Население неволинской культуры, творчески перерабатывая импульсы далеких цивилизаций, создало собственную оригинальную

культуру и транслировало достижения южных народов и свои окружающим лесным племенам. Остается только сожалеть, что столь яркая, своеобразная культура, в силу исторических обстоятельств не получила дальнейшего развития на территории, где она возникла, но оставила глубочайший след в истории соседних народов – пермян (коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов), угров (хантов, манси, венгров), тюрков (болгар, татар, башкир) и славян (русских).

Литература

Амброз А.К., 1973. [Рецензия] // СА. №2. С.288-298. – Рец. на кн.: Erdelyi I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969. 199 s.

Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. С.1-56.

Ахмеров Р.Б., 1970. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М. С.161-193.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара. 286 с.

Богачев А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара. 208 с.

Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э., 1996. Праболгары на Средней Волге // Гуманитарная наука в России: сороковские лауреаты. М.

Гавритухин И.О., 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара. С.31-86.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г., 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск. С.99-159.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 296 с.

Генинг В.Ф., 1964. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып.6. С.94-151.

Голдина Е.В., 2011. Бусы Бартымского I селища и Бартымского I могильника // Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников в эпоху средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь. С.307-322.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С.156-247.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып.158. С.79-90.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 280 с.

Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.II. Ижевск. 721 с.

Голдина Р.Д., Голдина Е.В., 1997. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров. С.5-23.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980 Агафоновский I могильник - памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С.3-66.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекс памятников в эпоху средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь. 340 с.

Залесская В.Н., 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 272 с.

Засецкая И.П., 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник. Вып.38: Материалы и исследования по археологии Евразии / Государственный Эрмитаж. СПб. 213 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., 2007. Морской Чулек / Государственный Эрмитаж. СПб. 212 с.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. 326 с.

Иванов А.Г., 1991. Исследования в бассейне реки Чепцы // АОУП. Ижевск.

Иванов А.Г., 2001. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара. С.87-102.

Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973. Рецензия // СА. №2. С.280-287. – Рец. на кн.: Erdelyi I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969. 199 s.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. №2. Киев. С.111-136.

Комар А.В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т.5. С.7-244, 413-432.

Комар А.В., 2010. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. С.169-199.

Оборин В.А., 1964. Камская археологическая экспедиция // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т.2. С.198-206.

Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. С.62-75.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. М. 288 с.

Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.

Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. Вып.158. С.91-96.

Семенов В.А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С.3-50.

Смирнов А.П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. №58. М. 107 с.

Смирнова О.И., 1963. Каталог монет с городища Пенджикент. М. 195 с.

Шатров А.Н., 1899. Археологические сведения о Зюздинском крае // Материалы по археологии Восточных губерний России. Т.3. С.75-86.

Balint Cs., 1992. Der Gurtel im fruhmittelalterlichen Franskaukasus und das Grab von Uc Tepe. Awarforschung. Band 1. Wien. S.309-496.

Balint Cs., 2000. Bizantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteiligen Gürtels // Varia Archaeologica Hungarica IX. Budapest. S.99-162.

Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W., 1969. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest.

Goldina R.D., Nikitin A.B., 1997. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the regions Perm, the Kama-Urals area // Silk Road Art and archaeology. Special Volume. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies. P.111-125.

Хронология бус могильников неволинской культуры

Неволинская культура включает в себя археологические памятники конца IV–IX вв. н.э., расположенные в Сылвенско-Иренском поречье. Территория культуры охватывает почти весь бассейн р.Сылвы от её устья до впадения р.Тис, включая все притоки, из которых наиболее крупные – Бабка, Ирень, Иргина, Шаква, Барда. Протяжённость культуры с севера на юг – около 150 км, с запада на восток – чуть более 100 км.

В настоящей работе использованы материалы четырех наиболее представительных могильников, раскопанных Камско-Вятской экспедицией в 1979-1992 гг.: Бродовского (конец IV – V в.), Верх-Саинского (VI – начало IX вв.), Неволинского (VII – начало IX вв.) и Сухого Лога (конец VIII – начало IX вв.).

Изучаемые комплексы охватывают весь период существования культуры – от конца IV до начала IX в., они хорошо документированы и представляют собой полноценный источник определенного типа. К сожалению, не удалось привлечь для работы материалы дореволюционных раскопок и некоторых исследований советского времени вследствие депаспортизации и отсутствия доступа к коллекциям. В работе исследуется выборка из 4309 бусин, которые происходят из 226 могил, 91 – подкурганных (45% от всех могил) и 135 – бескурганных (42%). Число погребений с бусами в подкурганных захоронениях колеблется от 26 до 55%, а в грунтовых могилах – от 40 до 67%.

Проблема хронологии средневековых бус Прикамья остается одной из слабо разработанных. Были предприняты попытки в узких пределах датировать типы бус поломских могильников – Поломского I и Варнинского (Львова З.А., 1973, 1976, 1983), разработан вариант хронологического деления бус ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983), однако бусы неволинской культуры до сих пор подобным образом не проанализированы.

Для выявления хронологических изменений была проведена статистическая обработка материалов из 175 погребений, содержащих не менее 2 различных бусин (рис.1). Расчеты производились по методике, предложенной Г.А.Федоровым-Давыдовым, согласно которой по соответствующим формулам были подсчитаны коэффициенты сходства между объектами, описанными дискретными признаками. Затем методом корреляционных плеяд полученный массив данных был разделен на группы (плеяды), связанных между собой объектов (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с.136-139, 150-153)*. Поскольку бусы – характерный признак женских погребений неволинской культуры, то можно предполагать, что эти сформированные группы бус отражают не половые или социальные, а скорее всего хронологические различия. Обозначившиеся группы типов бус были размещены на таблице взаимовстречаемости в порядке, определенном силой связи. Была построена корреляционная таблица, на которой по горизонтали отмечены типы бус, а по вертикали погребения, в которых эти типы встречаются (рис.1). В результате были выявлены типы, характерные только для одной группы, а также типы, встречающиеся в нескольких группах. Вероятно, в первом случае мы имеем дело с типами короткого хронологического бытования, а во втором – более длительного. Групп короткого бытования было выделено 5, а длительного – 10. Затем анализ сопровождающего инвентаря, монетного материала и аналогий позволили определить датировку как основных (короткого бытования), так и смежных (длительного бытования) групп. Следует отметить, что метод аналогий привлекался лишь в том случае, когда по публикациям можно было представить достаточно полно морфотехнологический облик бусины.

---

* Математические расчеты были выполнены программистами кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ И.Н.Шиповской и В.Г.Базановой.

Самая ранняя группа представлена 5 подкурганными погребениями Бродовского могильника. К ней относятся девять типов бус (рис.2): бочонкообразные из красно-оранжевого стекла (тип IA18), цилиндрические красно-оранжевые непрозрачные (IA37), а также зелёный непрозрачный бисер (IA38), двухслойная пурпурная полупрозрачная бусина в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (IA53), зонная бусина из зеленоватого прозрачного стекла с неясной техникой изготовления (XVA5). Только в этих погребениях обнаружены мелкие янтарные бусы неопределенной формы (XA9) и грушевидная подвеска из янтаря (XA10). К этой же группе относятся таблетковидные бусы из раковины (XIVA5) и зонные бусы из свинца (XIIIБ2).

Следует обратить внимание на малочисленность предметов этой группы, связанной, вероятно, с небольшим количеством исследованных захоронений этого времени, в том числе и женских. Они составляли меньше 1/3 всех изученных подкурганных погребений Бродовского могильника. В свою очередь это обстоятельство определялось, по-видимому, и малым числом пришлого населения неволинской культуры, появившегося здесь на рубеже IV–V вв.

Из бус этой группы интерес представляют бусы из раковины (XIVA5), которые хорошо известны на памятниках мазунинского типа в Среднем Прикамье, где они датируются Т.И.Останиной V в. (1997, с.111).

Для ранней стадии неволинской культуры характерно преобладание бус, изготовленных из трубочки, присутствие большого числа крупных образцовых и основных комбинаций (признак того, что ожерелья составлены в месте изготовления и поступили с минимумом посредников), незначительное количество стеклянных декорированных бус и распространение янтарных.

По сопровождающему инвентарю захоронения этого типа отнесены Р.Д.Голдиной к бродовской стадии неволинской культуры (1991, с.168-175) и датированы концом IV – V вв. (Голдина Р.Д. Хронология Неволino, в наст. сборнике).

Следующая хронологическая группа объединяет бусы из различных материалов, изготовленные в различных техниках. Изделия данной группы разнообразны, но немногочисленны и чаще всего встречались по 1-2 экземпляра. Все типы бус происходят из 3 погребений Бродовского и 28 погребений Верх-Саинского могильников. Изделия из трубочки представлены бисером следующих типов (рис.2): зонный голубой непрозрачный (IA2), цилиндрический голубой непрозрачный (IA30), цилиндрический синий полупрозрачный (IA31), цилиндрический синий с белыми продольными полосами (IB4). Обнаружена фиолетовая полупрозрачная бусина в форме цилиндра (IA36). Бусы из одноцветной палочки более разнообразны: зонные красно-оранжевые непрозрачные (IVA4); шарообразные: зелёные непрозрачные (IVA9), черные непрозрачные (IVA12) и серо-голубые прозрачные (IVA15); бочонкообразные фиолетовые (темные) полупрозрачные (IVA62) и голубые полупрозрачные (IVA17); эллипсоидные: фиолетовые полупрозрачные (IVA30), а также черные непрозрачные (IVA33); конусовидная синяя полупрозрачная (IVA28); ребристая бочонкообразная бирюзовая непрозрачная (IVA40); бусина в форме параллелепипеда со срезанными вершинами жёлтая непрозрачная (IVA53) и гранёная синяя полупрозрачная бусина особой формы (IVA56).

Глазчатые бусы из палочки выполнены из непрозрачного стекла: зонные жёлтые (IVB7) и красно-оранжевые (IVB10), бочонкообразные оливковые (IVB27) и чёрные (IVB6, IVB31), эллипсоидная жёлтая (IVB45) и глобоидальные с выпуклым туловом (IVB46). Как правило, эти бусы украшены сложными глазками с ресничками или многослойными глазками. Продольно-полосатые бусы из палочки украшены белыми полосами: бочонкообразные черная непрозрачная (IVB1) и синяя полупрозрачная (IVB4), шарообразная бежевая прозрачная (IVB3) и эллипсоидная черная непрозрачная (IVB5). Одна бочонкообразная черная бусина орнаментирована пятнистым декором жёлтого цвета (IVE1).

Подобные бусы, известные в литературе под названием крапчатые, по наблюдениям А.В.Мастыковой, встречались по всей Европе, в том числе и на Кавказе в V–VI вв. Пик их распространения падает на вторую треть V – начало VI в. (Мастыкова А.В., 2009, с.112-115).

Бусы из многослойной палочки представлены следующими типами: эллипсоидная и глобоидальная поперечно-полосатые (VD5, VD4) и конусовидная бирюзовая с белыми зигзагами (VЖ2).

В этой группе сконцентрированы бусы, выполненные способом сгибания полосы. Такие бусы могут быть одноцветными: чёрная зонная непрозрачная (VIA1), бочонкообразные полупрозрачные: бирюзовая (VIA2), синяя (VIA3), красно-оранжевая бочонкообразная непрозрачная (VIA4), жёлтая (VIA5). Кроме того, отличаются многообразием декорированные бусы из согнутой полосы: поперечно-полосатые зонные (VIB1, VIB2), эллипсоидные (VIB7) и цилиндрические (VIB10); мозаичные бочонкообразные (VIB1), шарообразные (VIB3), эллипсоидные (VIB4, VIB5); глазчатые бочонкообразная (VIG1) и цилиндрическая (VIG2); сложная поперечно-полосатая эллипсоидная (VID4). К этой же группе отнесен один тип бус, выполненный способом сварки – глобоидальная из сине-белых глазков (VIIБ7), а также бусы с неизвестной техникой изготовления: синяя полупрозрачная бочонкообразная с сегментовидным сечением (XVA2), бочонкообразные синие непрозрачные с белыми глазками (XVB3), бочонкообразная с бело-бирюзовыми продольными полосами и красными поперечными у отверстий (XVB4). Бусы из других материалов представлены изделиями из янтаря шарообразной (XA1) и бочонкообразной (XA4) формы (рис.3), гагата (XB1), а также предметами из камня: сердоликовые эллипсоидные граненые (XIA6), халцедоновые шарообразные (XIE1), сердоликовые с белым рисунком редких форм: шарообразная с сегментовидным сечением (XIB4), бипирамидальная (XIB5), а также уникальная бусина с черным рисунком (XIB1). Бусы этой группы относятся к верх-саинской стадии неволинской культуры и датируются согласно исследованиям Р.Д.Голдиной VI в. (Голдина Р.Д. Хронология Неволино, в наст. сборнике).

Следующую хронологическую группу составляют находки из 7 погребений Верх-Саинского и 4 захоронений Неволинского могильников. Большинство бус этой группы изготовлены из тянутой палочки (рис.3, VII в.): зонные зелёные полупрозрачные (IVA6), шарообразная красно-оранжевая непрозрачная (IVA11), эллипсоидная коричневая полупрозрачная (IVA34), эллипсоидные с подквадратным сечением из полупрозрачного жёлтого и бирюзового стекла (соответственно IVA42 и IVA43). Некоторые бусы из палочки в форме параллелепипеда со срезанными вершинами из оливкового прозрачного и синего полупрозрачного стекла украшены глазками (IVБ42, IVБ43). Сюда же относятся две уникальные бусины с декором, согнутые из пластины (типы VIБ8 и VIЕ1), а также зонная бусина из сине-зелёного непрозрачного стекла с неясной техникой изготовления (XVA1). Многочисленны в этой группе бусы из других материалов. Каменные экземпляры представлены следующими типами: хрустальная эллипсоидная плоская (XIГ6), хрустальные с голубой поверхностью: граненые эллипсоидные (XIД5) и бипирамидальные (XIД4), зонная бусина с белым покрытием (XIA10). Янтарные бусы имеют эллипсоидную форму с различными сечениями: овальным (XA6), подтреугольным (XA7), подквадратным (XA8). Обнаружены бусы классических форм из раковины: зонная, шарообразная, эллипсоидные (соответственно XIVA1, XIVA2, XIVA3) и одна подвеска (XIVA6), а также бронзовые бусы в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (XIIА2).

Согласно исследованиям Р.Д.Голдиной погребения с бусами этой группы относятся к бартымской стадии неволинской культуры и датируются VII в. (Голдина Р.Д. Хронология неволино..., в наст. сборнике).

Следующая группа происходит из 31 захоронения Верх-Саинского и 13 погребений Неволинского могильников. Здесь широко представлены бусы из трубочки (рис.3, VIII

в.): зонные жёлто-зелёные полупрозрачные (IA5), бочонкообразные жёлтые непрозрачные (IA15), в форме трубочки из жёлто-зелёного полупрозрачного и жёлтого прозрачного стекла (соответственно IA20 и IA21), ребристые жёлтые полупрозрачные (IA28), многочастные зелёные непрозрачные (IA29) и голубая непрозрачная в форме шестиугольной призмы (IA40). Среди бус из трубочки в большом количестве встречены многочастные экземпляры: непрозрачные синие (IA41) и жёлтые (IA42), полупрозрачные: жёлтые (IA50), зелёные (IA44, IA47), бирюзовые (IA48), чёрные (IA51), жёлто-зелёные (IA54). Часть бус из трубочки имеет металлическую фольгу: многочастные зонные коричневые (IB16), ребристые бочонкообразные коричневые (IB23), ребристые многочастные жёлтые (IB25). К этому времени отнесены уникальные находки чёрной непрозрачной бусины из навитой трубочки (IIA2) и многочастных выдутых бусин из бесцветного (оливкового слабого) и синего стекла (IIIA6, IIIA5).

Бусы из палочки, вошедшие в эту группу выполнены преимущественно из бирюзового (цилиндр – IVA63, куб – IVA64, яйцо – IVA65), голубого (цилиндр – IVA38, бипирамида с усечёнными вершинами – IVA55) и синего (зонные – IVA2, биконус с усечёнными вершинами – IVA36) стекла. Обнаружены и другие типы бус из палочки (рис.4): эллипсоидные зелёные полупрозрачные (IVA32), бипирамидальная серая полупрозрачная (IVA44), бусы, покрытые дополнительным слоем зелёного и бирюзового стекла (соответственно типы IVA60, IVA61).

В это время достигают наибольшего распространения глазчатые бусы из палочки. Бусы с плоскими глазками имеют преимущественно зонную, шарообразную или бочонкообразную форму и изготовлены из стекла следующих цветов: зелёного или жёлто-зелёного полупрозрачного (IVB1, IVB23) и непрозрачного (IVB15, IVB47); бирюзового или сине-зелёного полупрозрачного (IVB2, IVB32) и непрозрачного (IVB3, IVB13, IVB22, IVB44); голубого прозрачного (IVB4) и непрозрачного (IVB25). Реже встречаются бусы с плоскими глазками других цветов: фиолетовые полупрозрачные (IVB30), пурпурные полупрозрачные (IVB20) и непрозрачные (IVB29), красно-оранжевые непрозрачные (IVB19), бежевые полупрозрачные (IVB28), слабого оливкового цвета прозрачные (IVB8) и слабого серого цвета непрозрачные (IVB11). Часть бус украшена выпуклыми глазками, расположенными по 3-4 у отверстий. Такие бусы имеют бочонкообразную форму, следующие расцветки и прозрачность: красно-оранжевые непрозрачные (типы IVB34, IVB37), жёлтые непрозрачные (IVB36), коричневые непрозрачная (IVB38) и полупрозрачная (IVB41), зелёные непрозрачные (IVB35), чёрная непрозрачная (IVB40).

По наблюдениям В.Б.Деопик-Ковалевской, бусы с плоскими глазками из зеленоватого прозрачного и бирюзового непрозрачного стекла были широко распространены в VI-IX вв. на Северном Кавказе, а также в Центральном Предкавказье, в Крыму, на Северном Донце (Деопик В.Б., 1961, с.222). Бородавчатые бусы с невысокими глазками и основой из чёрного, зелёного, красного, жёлтого или синего непрозрачного стекла присутствуют в коллекциях северокавказских могильников VIII–IX вв. (там же, с.224). З.А.Львова называет глазчатые бусы с плоскими и выпуклыми глазками типично неволинскими и датирует их VI-VIII вв. (1976, с.62).

В данную хронологическую группу вошли также несколько полосатых бусин из палочки: эллипсоидная пурпурная с белыми продольными полосами (IVB6), зонная пурпурная с белой поперечной полосой (IVГ1), бочонкообразные зелёные с продольными жёлтыми полосами и красно-жёлтыми глазками (IVД1). Бусы, изготовленные путем разрезания и прокола многослойной палочки, в этой группе немногочисленны и представлены редкими экземплярами: зонная с жёлто-бирюзовыми полосами (VD2), бочонкообразная с голубыми, белыми, бирюзовыми, фиолетовыми полосами (VD3), цилиндрические с двумя противоположными глазками и поперечными полосами (VB4), в форме шестиугольной призмы из жёлто-зелёного стекла с беспорядочными волнами по всему объёму (VЖ1). Изделие типа VD3 напоминает

бусину типа 194 из свода Е.М.Алексеевой (1978, с.95, табл.27-91). Такие бусы в Северном Причерноморье датируются I-II вв. н.э. Кроме того, к этой группе относятся зонные мозаичные бусы, сваренные из глазков с ресничками или полосатых глазков (VIIБ1), а также стеклянные бусы с непонятной техникой изготовления (типы XVA6, XVB1, XVB2).

Каменные бусы довольно разнообразны. Известны сердоликовые бусы следующих форм: бочонкообразная (XIA3), бипирамидальная (XIA5), параллелепипед со срезанными вершинами (XIA8), цилиндр (XIA9). Хрустальные бусы имеют форму эллипса с подтреугольным сечением (XIГ5) и бипирамиды с шестиугольником в основании (XIГ8). Одна шарообразная бусина изготовлена из зелёного непрозрачного материала, возможно, нефрита (XIЖ1). Отличается разнообразием форм группа бус из хрусталя, имеющих голубую поверхность, – шар (XIД1), гранёный эллипс (XIД3), яйцо (XIД6), эллипс (XIД7). В эту же группу входят эллипсоидная бусина из глины (XIIА3), а также зонная бусина из неизвестного материала (XVA3).

Эту хронологическую группу бус сопровождает инвентарь классического неволинского типа, который отнесен Р.Д.Голдиной к неволинской стадии и датирован VIII в. (Голдина Р.Д. Хронология неволино..., в наст. сборнике).

Пятую хронологическую группу составили бусы из 4 могил Верх-Саинского, 5 – Неволинского и 4 захоронений Сухоложского могильников. Это бусы из одноцветной тянутой трубочки небольших размеров непрозрачные и зачастую ребристые (рис.5, конец VIII – начало IX в.): бочонкообразные бирюзовые (IA17), ребристые бирюзовые (IA22) и жёлтые (IA27); а также многочастная чёрная непрозрачная бусина (IA52). К этой группе отнесены также бочонкообразные бежевые прозрачные (IA14) бусы. Экземпляры с металлической прокладкой имеют следующие характеристики: зонные бесцветные (IB1), многочастные зелёные (IB14), светло-жёлтые или бесцветные (IB17), коричневые (IB22), ребристая бесцветная (IB24). Темно-коричневые непрозрачные бусы с жёлтыми или белыми продольными полосами (IB2, IB5) бочонкообразной или многочастной формы. Подобные экземпляры обнаружены среди бус Поломского I могильника, а также в комплексах X – начала XI в. из северных и центральных районов Восточной Европы (Львова З.А., 1973, с.85).

Широко представлены в это время дутые бусы: шарообразные светло-коричневые (IIIА1), бочонкообразная бежевая (IIIА3), многочастная светло-коричневая (IIIА7).

Аналогии дутым бусам известны на памятниках Северного Кавказа VIII-IX вв. По наблюдениям В.Б.Деопик, на отдельных памятниках количество их доходит до 10%, а основным центром их распространения является Дарьяльское ущелье (1961, с.216-217). З.А.Львова отметила их присутствие в IX-X вв. в Старой Ладогe, а также на памятниках каролингского времени в районах Верхний Пфальц и Моравия, расположенных вдоль водных артерий Западной Европы (Львова З.А., 1968, с.80).

Ю.Каллмер выявил дутые бусы в районах Фризии и Нижней Саксонии, в Дании и юго-западной Швеции, Готланде, Центральной Германии, верхней Палестине, Австрии, Моравии, Словакии, Паннонии, Кроации, Далмации, Албании и северо-западной Греции, Болгарии, бассейне озера Ильмень, на территории Волжской Болгарии, на Северном Кавказе, в Крыму (Callmer J., 1991, p.26,33). Он относит эти бусы к «восточным», которые появились внезапно и в большом количестве в конце VIII в. на огромной части Европы, Западной и Центральной Азии. Исследователь выделил 26 территорий по различным наборам «восточных» бус. Интересующий нас тип бус обнаружен в Дании и юго-западной Швеции, юго-западной Финляндии, в бассейне озера Ильмень, на территории салтово-маяцкой культуры, ломоватовской и неволинской культур, в Башкирии, в Западной Сибири, в Мордовии, на территории Волжской Болгарии, на Северном Кавказе, в Крыму и Дагестане. По мнению Ю.Каллмера, датированные по монетам могилы в Скандинавии и данные дендрохронологии в Старой

Ладоге показывают, что «восточные» бусы были распространены до конца IX в. (Callmer J., 1991, p.25-38).

Все бусы из одноцветной тянутой палочки изготовлены из бирюзового, голубого или синего стекла. Распространены мелкие бусы из голубого непрозрачного стекла в форме неправильного куба (IVA41). Из стекла такого же качества изготовлены бочонкообразные сплюснутые с двух сторон вдоль канала (IVA26) и яйцевидные (IVA35) экземпляры. Встречены другие типы бус из палочки: эллипсоидная голубая непрозрачная (IVA29), цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная (IVA39), в форме параллелепипеда бирюзовая полупрозрачная (IVA47), в форме шестиугольной призмы синяя полупрозрачная (IVA57). В этой группе обнаружено только два типа бус с плоскими глазками: зонная голубая прозрачная (IVB5), шарообразная коричневая непрозрачная (IVB18). Красно-коричневые полупрозрачные бусы с белыми поперечными полосами изготовлены разными способами – из палочки (IVГ4, IVГ5) и сгибанием пластины (VIB4, VIB9). Обнаружены также другие бусы с поперечными полосами: эллипс с разноцветными полосами (IVГ6), в том числе непрозрачные: эллипс коричневый (VIB5) или синий (VIB6) с одной белой полосой, цилиндр жёлто-зелёный с бело-чёрными полосами (VIB12). С этой группой бус обнаружены полихромные экземпляры: таблетковидная (шар, усеченный дважды вдоль канала) с противопоставленными жёлто-красными глазками и бело-чёрными полосами (VB5); шарообразная с неправильным шахматным рисунком жёлто-коричневая (VB1); бочонкообразная с чёрно-белыми противопоставленными глазками (VG1); параллелепипед с разноцветными диагональными полосами (VE2); бусы с зигзагообразным декором: шарообразная (VIIГ2) и эллипсоидная (VIIГ3); бочонкообразная чёрная непрозрачная с кольцевидными белыми глазками у отверстий и на тулове (XVB5). В данную хронологическую группу вошла уникальная бусина, вырезанная из куса холодного стекла (IXA1), а также бусы из других материалов: сердоликовая бипирамидальная (XIA7), глиняные в форме параллелепипеда (XIIA1) и цилиндра (XIIA2).

Бусы этой группы обнаружены с инвентарем сухоложской стадии неволинской культуры, которая датирована Р.Д.Голдиной последней четвертью VIII – первой четвертью IX в. (Голдина Р.Д. Хронология неволино..., в наст. сборнике).

Наряду с группами узкого бытования выявлены типы бус более широкого диапазона. Так, для конца IV – VI в. (рис.5) характерен бисер из непрозрачного стекла: цилиндрический жёлтый (IA34), зонный зелёный (IA6) и зонный бирюзовый (IA8). По наблюдениям З.А.Львовой ареал распространения бисера в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. охватывал территорию от Средней Азии до Крыма (Львова З.А., 1973, с.87). Кроме того, к данной группе относятся янтарные бусы цилиндрической формы различных размеров (XA3).

Группа бус конца IV – VII в. немногочисленна (рис.6). Бежевые прозрачные или полупрозрачные бусы в форме короткого цилиндра (IA33) чаще всего встречаются в конце IV – V в., но известны и в VI–VII вв. Одна такая бусина, как архаичный предмет, обнаружена в погребении IX в. Редкие находки таких бус известны по материалам Поломского и Варнинского могильников, а также памятников более раннего времени – могильника I–IV вв. Кара-Булак, Бельковского и Бурдаковского могильников Верхнего Прикамья (Львова З.А., 1983, с.95). Многочисленны дисковидные янтарные бусы (XA2) из погребений конца IV – V в. Они имеют правильную форму короткого цилиндра и диаметр от 10 до 17 мм. В VI–VII вв. размеры этих бус увеличиваются до 20-37 мм, а форма становится менее правильной. В эту же группу вошли бусы из раковины цилиндрической формы (XIVA4).

На памятниках конца IV – VIII в. встречались бусы следующих типов (рис.6): бисер из чёрного непрозрачного стекла зонной (IA9) или цилиндрической формы, а также

бусы средних размеров (IA35), бочонкообразные бусы из бесцветного прозрачного стекла с различными оттенками (IA13).

На протяжении бытования всей культуры (рис.6, конец IV – начало IX в.) имели хождение жёлтый непрозрачный бисер зонной формы (IA4), а также бусы, изготовленные из палочки: бочонкообразные синие полупрозрачные (IVA16) и в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (IVA49).

Синие бусы типа IVA49, по мнению А.В.Мастыковой, импортировались из провинций Римской империи и имели хождение в Европе, начиная с III в. Они известны в Центральной Европе в IV – второй четверти V в., в Западной Европе на рубеже V–VI вв., Восточном Средиземноморье (IV в.), на Дунае – во второй половине III – начале V в., в Причерноморье в IV–V вв., на Северном Кавказе в III – начале VII в., в лесной зоне России в V–VI вв. (Мастыкова А.В., 2009, с.106-108). З.А.Львова называет подобные синие бусы типично неволинскими и относит их к VI–VIII вв. (1976, с.62). По материалам неволинской культуры синие бусы редки в конце IV – V и многочисленны в VI–IX, пик их распространения падает на конец VII – VIII–IX вв.

Следует отметить, что в погребениях конца IV – V в. бусы типа IVA16 и IVA49 выполнены более качественно, чем подобные экземпляры более позднего времени.

Таким образом, вышеописанные группы бус широкого бытования имеют нижнюю дату – конец IV – V в., верхнюю – начало IX в. Почти все стеклянные бусы этих групп изготовлены из тянутой трубочки и имеют небольшие размеры. Из палочки изготовлены лишь синие бочонкообразные и бусы в форме параллелепипеда со срезанными вершинами. В ранних погребениях найдены лишь отдельные экземпляры таких бус, расцвет их приходится на VI и VIII, IX вв. (IVA16) или конец VII – VIII вв. (IVA49).

Для VI–VII вв. (рис.6) характерны мелкие посеребренные бусы из трубочки, у которых внешний слой стекла нанесен способом сгибания пластины. Внешний слой стекла бусины может быть бесцветным (IB4), сине-зелёным (IB5), жёлтым (IB6). На некоторых экземплярах под внешним слоем стекла отсутствует слой фольги. Подобные бусы описаны З.А.Львовой в статьях о Поломском и Варнинском могильниках (1973, рис.1-64-67; 1983, с.101,102). И.И.Кондратьев назвал бусы, изготовленные данным способом, «бусами из трубочки третьего варианта» и установил, что в погребениях левобережного Хорезма они появились в IV в. н.э. Проблема их происхождения остается еще нерешенной (Кондратьев И.И., 1992, с.126-130). Из тянутой одноцветной трубочки изготовлен лишь один тип бус: бочонкообразная жёлтая полупрозрачная (IA12).

Группу бус из одноцветной палочки образовали следующие типы: шарообразные бежевые прозрачные (IVA13), бочонкообразные фиолетовые полупрозрачные (IVA20) и красно-оранжевые непрозрачные (IVA19), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами голубые непрозрачные (IVA50) и зелёные прозрачные (IVA52). Поперечно-полосатые цилиндрические бусы изготовлены из согнутой пластины (VIB11). Этим же способом выполнены крупные бочонкообразные бусы, отнесённые к подгруппе сложных и украшенные пятнистым (VID1), либо глазчатым (VID2) декором. В эту же хронологическую группу включена шарообразная бусина, изготовленная способом сварки (VIB4), а также бусы из других материалов: янтарные плоские яйцевидные или эллипсоидные (XA5), хрустальные в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (XIG9) и сердоликовые таблетковидные с белым декором (XIB3) или без него (XIA4).

В группе VI–VIII вв. преобладают бусы трех типов (рис.7): сине-фиолетовые полупрозрачные шарообразные (IVA7) или бочонкообразные с дополнительной поверхностью (IVA59), а также халцедоновые эллипсоидные (XIE2). В работе А.В.Мастыковой (2001, с.23-37) выяснено, что халцедоновые бусы (XIE2) известны на памятниках центральной и восточной Европы, а также на Северном Кавказе (33 пункта), где они датируются концом IV – VI в. и происходят из могил зажиточных женщин. Такие бусы использовали не только в ожерельях, но и как подвески к лентам и шарфам.

Известны и другие типы: зонные чёрные непрозрачные (IVA3), фиолетовые прозрачные (IVA5), бочонкообразные бирюзовые непрозрачные (IVA22) и жёлтые непрозрачные (IVA23), в форме куба жёлтые непрозрачные (IVA48), а также бусы, выполненные из тянутой трубочки: зонные синие полупрозрачные (IA1) и посеребрённые коричневые в форме трубочки (IB11). Декорированные экземпляры представлены следующими типами: зонные и шарообразные глазчатые черные непрозрачные (IVB6; IVB17), бочонкообразные оливковые полупрозрачные (IVB26); зонные бусы из многослойной палочки с двумя противопоставленными глазками (VG2) и с двумя противопоставленными глазками, соединёнными полосами (VB1); согнутые из пластины шарообразная чёрная непрозрачная с белыми полосами (VIB3) и бочонкообразная из многоцветных глазков (VIB2); бусы, сваренные из разноцветных кусочков, эллипсоидные (VIIB1) и бочонкообразная (VIIB2). В погребениях VI-VIII вв. обнаружены также гранёные хрустальные бусы в форме эллипса с вогнутыми гранями (XIГ7).

Бусы VI – начала IX в. отличаются преобладанием изделий из одноцветной палочки (рис.7): зонные синие полупрозрачные (IVA1), шарообразные фиолетовые прозрачные (IVA10), бочонкообразные чёрные непрозрачные (IVA18) и оливковые прозрачные (IVA24), эллипсоидные (IVA27) и бипирамидальные (IVA54) синие полупрозрачные. Глазчатые бусы также изготовлены из палочки: шарообразные бирюзовые полупрозрачные (IVB12), бочонкообразные бирюзовые полупрозрачные (IVB21) и непрозрачные (IVB22). Становятся более разнообразными бусы с металлической фольгой: бочонкообразные коричневые (IB8) и жёлтые (IB10), многочастные коричневые (IB13, IB19) и бесцветные (IB12). В небольших количествах встречаются бусы из тянутой трубочки зонные из фиолетового (IA3) или бирюзового (IA7) полупрозрачного стекла. В погребениях VI – начала IX в. часты бусы из камня (рис.8): сердоликовые шарообразные (XIA1) и зонные (XIA2), хрустальные эллипсоидные (XIГ3) и зонные (XIГ2), а также сердоликовые с белым рисунком шарообразные и зонные (соответственно XIБ1 и XIБ2). Каменные бусы из сердолика и хрусталя аналогичных форм найдены в большом количестве на памятниках Северного Кавказа VI–IX вв., что объясняется, по-видимому, их местным производством (Деопик В.Б., 1963, с.135). Кроме того, к этой группе относятся продольно-полосатые бусы из многослойной палочки (VD1), бочонкообразные и эллипсоидные, сваренные из глазков (VIIB3 и VIIB5), а также зонные бусы из бронзы (XIIIA1). Для VI в. характерны бусы типов IA3, IVA1 и VD1, а для VI–VII вв. – сердоликовые бусы с белым рисунком (XIБ1, XIБ2). Эти данные согласуются с выводами Р.Д.Голдиной и О.П.Королевой о распространении сердоликовых бус с декором на территории ломоватовской культуры в VI–VII вв. (1983, рис.3). Максимальное распространение типов IB8, IVB12, IVB21, XIA1 приходится на VIII в. Хрустальные бусы типа XIГ3 чаще всего встречаются в погребениях VII–IX вв.

В группу VII-VIII вв. (рис.8) вошли бусы из трубочки: бочонкообразные бирюзовые полупрозрачные (IA11), зонные многочастные зелёные непрозрачные (IA43), а также бусы из палочки: шарообразные оливковые полупрозрачные (IVA14), кубические синие полупрозрачные (IVA45), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами зелёные непрозрачные (IVA51), шарообразные оливковые прозрачные с глазками (IVB16), шарообразные черные непрозрачные с белыми полосами (IVГ3). Каменные бусы представлены хрустальными эллипсоидными с овальным сечением (XIГ4), а также хрустальными кубами с голубой поверхностью (XIД2).

К группе VII – начало IX вв. (рис.8) отнесены несколько типов бус из трубочки: бочонкообразные с разноцветными продольными полосами (IB3), посеребрённые зонные коричневые (IB2) и многочастные зелёные (IB20). Большая часть бус этой группы сделана из палочки: шарообразные зелёные полупрозрачные (IVA8), бочонкообразная с овальным сечением синяя полупрозрачная (IVA25), бочонкообразная бирюзовая

полупрозрачная (IVA21), шарообразные зелёные прозрачные с глазками (IVB14), бочонкообразные зелёные полупрозрачные с продольными полосами (IVB2).

Для VIII – начала IX вв. (рис.9) характерно существование разнообразных бус из одноцветной трубочки и бус с металлической прокладкой. Изделия из одноцветной трубочки: бочонкообразная чёрная непрозрачная (IA10); в форме трубочки бирюзовая непрозрачная (IA19); ребристые зелёные непрозрачные (IA24) и полупрозрачные (IA25), а также жёлтые непрозрачные (IA26); цилиндрические бирюзовые непрозрачные (IA32); многочастные чёрные непрозрачные (IA45) и сине-зелёные непрозрачные (IA46). Аналоги ребристым зелёным бусам известны в северокавказских комплексах VIII–IX вв. (Деопик В.Б., 1961, с.218).

Бусы с металлической прокладкой представлены бочонкообразными экземплярами с бесцветным (IB7) и зелёным (IB9) внешним слоем, а также многочастными изделиями бесцветными (IB15, IB18) и жёлтыми (IB21). Наибольшее распространение в VIII–IX вв. получили бусы типа IB7, IB18. Кроме того, в данную группу вошли чёрные бусы с продольными полосами (IB1), синие полупрозрачные из навитой трубочки (IIA1), дутые яйцевидные бусы из светло-коричневого полупрозрачного стекла (IIIA2) и в форме трубочки из бирюзового стекла (IIIA4). В группе VIII–IX вв. присутствуют и бусы из палочки: цилиндрические синие полупрозрачные (IVA37), кубические голубые полупрозрачные (IVA46), в форме параллелепипеда с тремя отверстиями (IVA58).

Подобные разделители с тремя отверстиями из синего полупрозрачного стекла бытовали в Салтово и на Северном Кавказе в конце VIII – начале IX в. (Деопик В.Б., 1961, с.221). Встречаются в VIII–IX вв. и глазчатые бусы из палочки. Наиболее распространенный тип – бочонкообразные бусы из черного непрозрачного стекла с четырьмя выступающими глазками у отверстий (IVB33). Известны и другие типы глазчатых бус: зонная коричневая полупрозрачная (IVB9), бочонкообразные голубые прозрачные (IVB24).

Еще одна особенность бус VIII – начала IX вв. – большое количество экземпляров, выполненных из многослойной палочки и по принципу мозаики. Самым распространенным типом являются бочонкообразные или шарообразные экземпляры с двумя противопоставленными жёлто-красными глазками, соединенными жёлто-зелёными поперечными полосами (VB2). Эти бусы исследует в одной из своих работ Ю.Каллмер (1991, р.25-38). Жёлто-красно-зелёные бусы с противопоставленными глазками, вместе с некоторыми другими типами бус, названы автором «восточными» бусами и датированы им концом VIII – IX в. Находки подобных бус в неволинских могильниках вписываются в эту дату.

В группе VIII – начала IX вв. обнаружены бусы из многослойной палочки жёлто-зелёного или бело-бирюзового цвета в форме цилиндра (VB2) или шестиугольной призмы (VB3) с неправильным шахматным рисунком. Чаще всего эти бусы встречаются в погребениях IX в. Аналогичные экземпляры известны в Старой Ладге, Крыму, Подонье, Мордовии (Львова З.А., 1968, с.68), на Северном Кавказе в VII–IX вв. (Деопик В.Б., 1961, с.231). Многочисленны мозаичные бусы шарообразной формы из глазков красно-жёлто-зелёного цвета (VIIБ2). Известны и другие мозаичные бусы: бочонкообразные (VIIГ1) и цилиндрические (VIIБ6). Каменные бусы представлены шарообразными хрустальными экземплярами (XIГ1).

Сравнительный анализ бус по времени их бытования показал, что на протяжении всей культуры были распространены одноцветные бусы из трубочки без декора (группа IA) (рис.10-1). Динамика их встречаемости различна, пик бытования приходится на конец IV – V и конец VII – VIII вв. Анализируя бусы ломоватовской культуры Р.Д.Голдина и О.П.Королева, получили относительно сходные результаты: пик распространения бус из тянутой трубочки приходится на V–VI вв. (1983, с.65, рис.4).

Следует отметить, что на памятниках Среднего Прикамья I половины I тыс. н.э. бусы, сделанные из трубочки без декора абсолютно преобладают. На Тарасовском

могильнике I-V вв. они составляют 84,3%, на памятниках мазунинского времени – 93,1% (Останина Т.И., 1997, с.55-57), на Тураевском бескурганном могильнике IV–V вв. – 97,7%. Подобная картина отмечена и для неволинской и ломоватовской культур. Очевидно, до начала VI в. бусы на всю территорию Прикамья поступали систематически и из одного или близких источников. Кстати и для могильников саргатской культуры Притоболья также характерны бусы из тянутой трубочки, происходящие из мастерских Сирии и внутренних районов Передней Азии (Довгалюк Н.П., 1998, с.71-72). В VI в. происходит смена источников поступления бус в Верхнее Прикамье.

В неволинской культуре были весьма популярны янтарные бусы (группа ХА), они имели довольно выразительную динамику (рис.10-2). Появившись в Прикамье на рубеже IV–V вв., они достигли максимума использования в VI в. и падения его в VII и более поздних столетиях (Голдина Е.В., 1997).

Практически постоянно на протяжении VI–VIII вв. поступали на территорию неволинской культуры сердоликовые бусы различных форм: шарообразные, зонные, таблетковидные, цилиндрические, бипирамидальные и др. (группа ХІА, рис.10-5).

Что касается сердоликовых бус с декором (группа ХІБ, рис.10-6), то в это время они поступали в Прикамье, скорее всего, из Ирана, где до середины VII в. было налажено крупное производство подобных бус. Они пользовались большим спросом во многих регионах и являлись предметом активной торговли. Конец производства травленых сердоликовых бус связывают с завоеванием Сасанидского Ирана мусульманами в 642 г. (Francis P., 1980, p.26-28). Сердоликовые бусы с декором встречены в 25% изучаемых погребений неволинской культуры и составляют около 9% от всех бус, найденных в этих захоронениях. Очевидно, данные бусы были довольно дорогим украшением, так как большинство могил (81%) содержит по 1-3 сердоликовые бусины с декором. И лишь в единичных богатых захоронениях обнаружены более крупные ожерелья из таких бус.

Основная масса травленых сердоликовых бус появилась на территории неволинской культуры в VI в. Именно в 30 могилах этого времени их найдено 140 экземпляров. В VII в. число их значительно уменьшилось (11 могил, 19 экз.). Единичные изделия доживают до VIII (4 могилы, 4 экз.) и начала IX в. (2 могилы содержали 2 бусины). Скорее всего, эти цифры подтверждают мнение П.Франсиса о прекращении их производства и сокращении торговли в середине VII в.

Косвенным подтверждением этого предположения являются находки бус этого типа в некоторых захоронениях могильника Цибилиум в Абхазии, которые датируются исследователями 530/550 – 640/670 гг. (Мастыкова А.В., 2009, с.103).

С началом VI в. в ожерельях неволинских женщин стали известны бусы, изготовленные путем сгибания полосы со сложным декором (группа VІД, рис.10-3), сделанные из многослойных тянутых палочек таким образом, что срез ее является глазом бусины (группа VГ, рис.10-4). Происхождение бус группы VІД неясно. Аналогии им нам не известны. Однако очевидно, что по способам изготовления и характеру стекла рассматриваемые вещи близки к мозаичным бусам (группа VІІГ и др.), а также бусам миллефиори (группа VБ). Эти изделия являются продукцией специализированных мастерских и были изготовлены, скорее всего, в Египте.

Двухволновыми пиками (VI и VIII в.) характеризуется поступление в Прикамье бус из многослойной палочки, продольно-полосатых, полосы которых чередуются в определенном порядке (группа VД, рис.10-7); бус, изготовленных путем сгибания полосы, мозаичных (группа VІВ, рис.10-8); бус из тянутой трубочки с металлической прокладкой (группа ІВ, рис.11-1); продольно-полосатых бус, изготовленных из однослойных тянутых палочек (группа ІVВ, рис.11-5); глазчатых из многослойных палочек (группа VГ, рис.10-4). В этом можно усмотреть некоторую закономерность, так как почти все вышеописанные группы родственны. Они выполнены из многослойной палочки, отличаются качественным исполнением, за исключением, пожалуй, бус

подгруппы IVB, у которых полосы нанесены недостаточно тщательно и бусы имеют нечеткую форму. Сейчас пока трудно определить причину перерыва в поступлении таких бус в VII в.

В конце VII – VIII в. в неволинской культуре широко использовались одноцветные без декора бусы из однослойных тянутых палочек (группа IVA, рис.11-2); глазчатые бусы из подобных же палочек (группа IVБ, рис.11-6); поперечно-полосатые с плоскими глазками, изготовленные из многослойных тянутых палочек (группа VB, рис.11-4); поперечно-полосатые бусы, изготовленные путем сгибания полосы (группа VIБ, рис.11-3); мозаичные бусы, изготовленные способом сварки (группа VIIБ, рис.11-7); хрустальные с голубой поверхностью (группа XIД, рис.11-8).

Для конца VIII – IX в. наиболее характерны продольно-полосатые бусы, сделанные из тянутых трубочек (группа IB, рис.12-1); одноцветные без декора, изготовленные из выдутых трубочек (группа IIIА, рис.12-2); поперечно-полосатые, выполненные из однослойных тянутых палочек (по З.А.Львовой бусы из «слоёного» стекла) (группа IVГ, рис.45-4); поперечно-полосатые с неправильным «шахматным» рисунком, изготовленные из многослойных тянутых палочек (группа VB, рис.12-5); сложные, сделанные способом сварки (группа VIIГ, рис.12-3).

Бусы подгрупп VB и VIIГ имеют сложную технологию изготовления и являются продукцией тех же мастерских, что и бусы миллефиори (VB) и мозаичные бусы (VIIБ), а именно, Египта. Можно предположить, что бусы VB и VIIГ являются новыми формами, освоенными искусными египетскими мастерами и поступившими на рынки Восточной и Западной Европы в VIII–IX вв. (анalogии: Прикамье – Поломский I могильник, Средняя Азия, Скандинавия, Северный Кавказ (Деопик В.Б., 1961, с.229), Старая Ладога, Крым, Подонье (Львова З.А., 1968, рис.1-34, с.70).

Среди наиболее поздних бус интерес представляют дутые (IIIА) и жёлто-красно-зелёные с противопоставленными глазками «миллефиори» (VB). Именно эти типы стали предметом специального изучения Ю.Каллмера (1991, р.25-38). Он называет их «восточными».

В V и VII вв. многочисленны бусы из раковины (группа XIV, рис.12-6). Перерыв в их бытовании – VI в., скорее всего, случаен, так как они были хорошо известны в Прикамье как в более раннее, так и более позднее время.

Таким образом, удалось выстроить хронологический ряд бус неволинской культуры, в котором каждый, даже самый малочисленный, тип занял свое место и выделились наиболее характерные черты этого хронологического ряда. На раннем этапе существования культуры в конце IV – V в. абсолютное большинство в ожерельях составляют мелкие непрозрачные бусы из трубочки и некрупные янтарные в форме цилиндра. В это же время широко распространены цилиндрические экземпляры из бежевого полупрозрачного стекла, напоминающие янтарные. Иногда они встречались и позднее. Обозначились типы, существующие на протяжении всей культуры с конца IV до начала IX в. Речь идет о жёлтом непрозрачном бисере и синих полупрозрачных бусах в форме бочонка и параллелепипеда со срезанными вершинами. Следует отметить, что синие бусы в погребениях конца IV – V в. имеют более четкие грани и более качественно выделанное отверстие, чем подобные экземпляры в позднейшее время. С VI в. в погребениях начинают появляться разнообразные бусы, выполненные из стеклянной палочки, а также из различных видов камня. Среди особенностей этого времени можно отметить присутствие глазчатых бус из непрозрачного стекла и многочисленность изделий, согнутых из пластины (без декора и с ним). По цвету и качеству стекла бусы из пластины сходны с бусами из палочки, что указывает, по-видимому, на общее место производства. Именно в материалах VI в. впервые зафиксированы сердоликовые и халцедоновые бусы. Хронологический период VI – начало IX вв. характеризуется преобладанием стеклянных бус из палочки (сине-фиолетовые, бирюзовые экземпляры различных форм, глазчатые бусы из полупрозрачного стекла с плоскими и выпуклыми

глазками) и появлением разнообразных изделий с металлической фольгой. Внутри этого временного отрезка бытование разных видов бус неравномерно. Отличительной чертой погребений VI–VII вв. являются находки мелких посеребренных бус с внешним слоем стекла, наложенным способом сгибания пластины. Сердоликовые бусы с декором достигают наибольшего распространения в VI–VII вв., в более позднее время (VIII – начало IX вв.) они встречались реже. На VIII–IX вв. приходится расцвет распространения жёлто-красно-зелёных бус из многослойной палочки и дутых бус. Ю.Каллмер включает эти бусы в группу «восточных» стеклянных изделий, которые появились в конце VIII в. в большом количестве в Европе, Западной и Центральной Азии (1991, р.25-38). Для группы IX в. характерны мелкие бусы из голубого непрозрачного стекла кубические и зонные ребристые.

Список использованной литературы

- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М.Вып. ГІ-12. 120 с.
- Голдина Е.В., 1997. К вопросу о торговых связях населения Прикамья в конце IV–IX вв. по материалам бус // Тезисы докладов к конференции «Проблемы межкультурных взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях». Сарапул. С.70-71.
- Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С.40-72.
- Деопик В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. №3. С.202-232.
- Деопик В.Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. №114. С.122-151.
- Довгалоук Н.П., 1998. Характеристика химического состава бус из памятников саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск. С.54-79.
- Кондратьев И.И., 1992. Стеклянные бусы из погребений левобережного Хорезма // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М. С.118-141.
- Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып.10. С.64-94.
- Львова З.А., 1973. Бусы I Поломского могильника. Ч.1 // АСГЭ. Вып.15. С.83-104.
- Львова З.А., 1976. Бусы I Поломского могильника. Ч.2 // Вопросы археологии Удмуртии, Ижевск. С.51-74.
- Львова З.А., 1983. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. Вып.24. С.90-107.
- Мастыкова А.В., 2001. Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция // РА. №2. С.23-37.
- Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм центрального и западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М. 502 с.
- Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск. 327 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М. 216 с.
- Callmer J., 1991. Beads as a criterion of shifting and exchange connections // Studien zur Sachsenforschung.7. Hilpesheim. P.25-38.
- Francis P., 1980. Etched Beads in Iran // Ornament 4(3). P.24-28.

О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.)

Могильник расположен на выступе правого коренного берега р.Шаквы, правого притока р.Сылвы, на спуске из верхней части в нижнюю д.Шаквы Березовского района Пермского края (рис.1). Поверхность памятника распахивалась, его северо-восточная часть разрушена современными сооружениями. Памятник был открыт в 1981 г. Л.Д.Макаровым, собравшим на пахоте человеческие кости и разнообразные предметы средневекового времени. С 1982 по 1992 гг. с перерывами в 1985 и 1991 гг. могильник исследован Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго. За это время была исследована площадь 5974 кв.м (рис.2).

Верх-Саинский могильник использовался в течение трех с небольшим столетий, и представлял собой сложный комплекс, сочетавший курганныю и бескурганную части. Могильник расположен в 800 м от Верх-Саинского I городища. Ранний этап Верх-Саинского могильника характеризуется курганами, датирующимися VI – первой половиной VII в. Всего на площадке могильника обнаружено 108 курганов со 133 захоронениями. Они располагались в северо-восточной части раскопа довольно выраженными рядами. Как правило, курганы ограничены одной или двумя канавками. Наиболее распространена дугообразная форма канавок, кроме того встречались полукольцевые, кольцевые и подпрямоугольные.

Под одной насыпью обнаружено от одного до четырех погребений. Как правило, захоронения совершены в ямах прямоугольной формы, длиной 1,71-2,5 м, шириной 0,51-1,1 м, глубиной 0,31-0,7 м. В курганной части некрополя сохранились лишь 67 могил, в которых зафиксированы костные останки. Захоронения преимущественно индивидуальные. Умершие были уложены головами, в основном, в восточном направлении с небольшими отклонениями к северо-востоку и юго-востоку.

Под курганами прослежены два типа деревянных погребальных сооружений: прямоугольная рама, сколоченная из плах, а также гробовище, изготовленное из продольных досок и скрепленных в торцах поперечными брусками. Способ захоронения – ингумация. Умерших укладывали на спину в вытянутом положении, руки вдоль тела. Лишь в одном случае кости ног обнаружены в согнутом состоянии.

118 погребений курганной части сопровождался инвентарем: украшениями, поясными деталями, оружием, конским снаряжением и предметами быта. Украшения и принадлежности костюма располагались так, как использовались при жизни. Подвески, бусы, гривны в большинстве своем лежали в области головы, шеи или груди. На могильнике хорошо сохранились кожаные пояса. Обычно, при захоронении пояс либо одевали на умершего, либо просто клали на таз. В редких случаях пояс располагали возле ног или клали на грудь. Пояса украшены бронзовыми или серебряными накладками, к концам прикрепляли пряжку и наконечник ремня. Предметы вооружения представлены ножами, саблями, наконечниками стрел или копий, топорами. Конское снаряжение состояло из удила и стремян. В погребениях выявлены глиняные и деревянные сосуды, служащие, вероятно, для хранения заупокойной пищи. В 8 случаях зафиксированы подарочные наборы, помещенные в берестяную коробочку. Наиболее характерные для них вещи – бусы, подвески, браслеты и височные подвески.

Во второй половине VII в. на Верх-Саинском могильнике обычай сооружать курганы исчез, и рядом с курганами появились бескурганные могилы. На изученной части могильника открыто 185 захоронений. Грунтовая часть памятника датируется второй половиной VII – началом IX в. На поверхности никаких следов захоронений не прослежено, но в древности, вероятно, существовали какие-то надмогильные сооружения, о чем свидетельствуют как редкость взаимонарушений могил, так и относительная

выдержанность рядов. Могильные ямы также имели прямоугольную или близкую к ней форму, вертикальные или слегка наклонные стенки и плоское дно. Длина могил колеблется от 0,69 до 3,6 м, ширина – 0,61-0,8 м, глубина – 0,31-0,70 м.

Во многих могилах зафиксированы остатки дерева от погребальных конструкций и перекрытий. Удалось выделить два варианта внутримогильных сооружений грунтовых захоронений: долбленные колоды и дощатые гробы. Захоронения, как правило, одиночные, но известны и коллективные, среди которых преобладали парные. Способ погребения – труположение. Погребенные уложены вытянуто на спине, руки умерших в равной степени или вытянуты вдоль тела, или согнуты в локтях и положены на таз. Чаще всего согнуты обе руки, иногда одна. Умерших также хоронили в одежде с украшениями и сопутствующим инвентарем: оружием, орудиями труда, предметами быта, конским снаряжением, сосудами с пищей.

В целом, материалы курганной и грунтовой частей Верх-Саинского могильника свидетельствуют о единообразии обряда и устойчивости похоронных традиций данного населения на протяжении с VI по первую четверть IX в.

Могильник использовался с VI по начало IX в. Хронология этого времени для Прикамья обсуждалась неоднократно, поэтому особый интерес представляет корреляция деталей наборных поясов и сопоставление ее результатов с другими, уже известными материалами памятников эпохи средневековья Прикамья: Неволинского, Бродовского, Варнинского и многочисленных могильников ломоватовской культуры.

Предваряя рассуждения о хронологии, хотелось бы обратить внимание на роль поясов в костюме населения лесной зоны Евразии. Если у степных народов пояса – атрибут мужчины, воина (как считают исследователи, по числу накладок можно было определить воинское звание и принадлежность к определенному воинскому контингенту), то в лесной зоне пояс – принадлежность как женского, так и мужского костюма. Более того, женский пояс, в частности в неволинской культуре, сопровождался многочисленными (около 100 и более) разнообразными накладками и выглядел очень нарядным. По данным А.В.Головнева, написавшего замечательную книгу о материальной и духовной культуре самодийцев и угров «пояса носят и мужчины и женщины. Для тех и других подпоясаться означает завершить облачение. Если гостя просят не снимать пояс, значит его торопят продолжить путь или оберегают от того, чтобы нагрянувшие враги не застали его врасплох. Распоясанность у обских угров (как и в русской культуре) служит признаком распущенности и неряшливости» (Головнев А.В., 1995, с.284-285).

Как и для Неволинского (Голдина Р.Д., 2012), для Верх-Саинского могильника был выполнен анализ взаимовстречаемости поясной гарнитуры с помощью корреляционной таблицы (рис.3). Работа над ней длилась более года. Традиционно были отобраны комплексы, содержавшие больше двух деталей поясов. Их оказалось 75 и они разделились на 11 групп: 8 разновременных, самостоятельных (№1-5, 7, 9, 10) и 3 смежных (№6, 8, 11) (табл.1-10).

Первую группу (первая половина VI в.) составляют 9 могил (погребение 2 кургана 9, в дальнейшем оно и другие будет обозначено как 9/2, погр.12/2, 14/1, 16/4, 17/1, 35/1, 54/1, 72/1, 87/1). Среди них 5 женских, 2 могилы девочек и в двух случаях (к.72/1 и 87/1) пол захороненных не определен. В эту группу входят: трехсоставная пряжка типа A1a1 (табл.1-1); наконечник ремня из двух пластин B1b (табл.1-2); серебряные наконечники ремней типа A2в – коробочки с округлым утолщенным концом, орнаментом из пяти стекланных или каменных вставок, поле вокруг которых заполнено зернью, образующей треугольники или ромбы, по краю обрамленные поясками скани (табл.1-3); крупные серебряные трехсоставные пряжки, как правило, с В-образным кольцом и пластиной, украшенной вставками, зернью и сканью типов A6a1, A6b1,2 (табл.1-4); наконечник ремня типа B4 с округлым нижним концом, хорошо выраженной фасетированной площадкой в верхней части (тип B4, табл.1-5); трехсоставная пряжка средних размеров с подпрямоугольной пластиной и язычком с выступом у основания (тип A2a2, табл.1-6);

подобная пряжка, лишь язычок без особенностей (тип А2а1, табл.1–9). Особый интерес представляют пряжки А3а1 (табл.2–7) и А3б1 (табл.2–8). Обе трехсоставные, с ромбическими пластинами, выступами по углам, украшенными шпеньками с полусферической шляпкой. У первой пряжки края пластины фасетированы, язычок имеет уступ у основания и украшен угловыми насечками, у второй – кольцо В-образное плоского сечения, язычок железный (ремонт?).

Ко второй группе (вторая половина VI в.) отнесены 19 захоронений (к.64/1, погр.184, к.41/1, 38/1, 73/1, погр.147, 179, 182, к.12/1А, 44/1, 46/1, 58/1А, 60/1, 16/3, 63/1, 67/1, 16/1, 80/1, погр.174). Из них 15 женских, 2 – мужских и 2, у которых пол не определен. Группа включает в себя вытянутый наконечник ремня с приостренным концом (тип В3, табл.2–10); подковообразный наконечник ремня с фасетированными краями и креплением к ремню с помощью трех шпеньков с расплюснутыми головками (тип Е, табл.2–11); цельнолитая пряжка с подтреугольной пластиной и подквадратным кольцом с оформленным ложем для язычка (тип Б5в, табл.2–12); крупная пряжка с утолщенным впереди кольцом, хоботовидным язычком, украшенным у основания угловыми насечками (тип Д1а1, табл.2–13) и небольшая трехсоставная пряжка с подтреугольной пластиной и язычком, имеющим у основания хорошо выраженный выступ (тип А1б1, табл.2–14).

Следует заметить, что границы следующей группы весьма условны. Основная масса ее могил содержала весьма выразительный набор инвентаря и могла быть в равной степени отнесена как к первой, так и второй группе. Возможно, в будущем будет найдено какое-то другое решение. Но пока мы предлагаем все эти предметы, объединяющие группы 1 и 2, рассматривать как группу 3 (VI в.). Из вещей к ней принадлежат крупные пряжки с округлыми, иногда фасетированными пластинами, овальными, иногда В-образными кольцами и выступающими за кольцо язычками, иногда с различными выступами у их основания (тип А4, табл.3–15); круглые, иногда фасетированные по краю накладки с отверстием в центре и орнаментом в виде расплюснутых головок шпеньков (тип А13а,в, табл.3–16), а также накладки меньшего размера часто с фасетированным краем (тип А13б, табл.4–19). Особый колорит этой группе придают крупные наконечники ремней типа коробочки с закругленной передней частью и орнаментом на задней части в виде ряда полугорошин – шляпок от шпеньков либо в виде головок скобочек (тип А1а, А2а,б, табл.3–17), а также множество вариантов плоских прямоугольных накладок, иногда с фасетированным краем и украшениями из полугорошин – расплюснутых головок шпеньков, используемых для крепления к ремню (тип А1а,б, табл.4–18).

В могилах VI в. найдено довольно много монет и надо полагать не случайно. Очевидно, именно в это время приток сасанидских монет был особенно мощным. Определение их и анализ выполнены А.Б.Никитиным (Goldina R.D., Nikitin A.V., 1997, p.115-120).

I Курган 9, погребение 2. Кв. Н/32–33, 1984. №837/166. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), год 6, монограмма АУ; тип II/2. Драхма, в – 3.38, д – 26, о – 3.

II Курган 9, погребение 2. Кв. н/32–33, 1984. №837/180. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма АУ, тип III/1. Драхма, в – 3.71, д – 27, о – 9, пробита.

III Курган 14, погребение 1. Кв. НО/35–36, 1984. №837/358. Сасаниды, Замасп (497-499 гг.), год 2, монограмма AS, тип I/1. Драхма, в – 3.61, д – 30, о – 3, пробита.

IV Курган 16, погребение 4. 1984. №837/899. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма АW, тип III/1. Драхма, в – 3.81, д – 27, о – 3.

V Курган 17, погребение 1. 1984. №837/453. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 12, монограмма AS, тип I/1. Драхма, в – 3.67, д – 29.5, о – 3, пробита.

VI Курган 17, погребение 1. 1984. №837/447. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 13, монограмма GD, тип II/1. Драхма, в – 4.09, д – 29, о – 3, пробита.

VII Курган 35, погребение 1. Кв. ПР/36–37, 1986. №1468/74. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма AT, тип III/1. Драхма, в – 3.08, д – 25, о – 3, пробита.

VIII Курган 35, погребение 1. Кв. ПР/36–37, 1986. №1468/73. Сасаниды, Пероз (457-

484 гг.), монограмма *LYW*, тип III/1. Драхма, в – 3.48, д – 26.5, о – 3, пробита.

IX Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1360. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 35, монограмма *ML*, тип III/2. Драхма, в – 3.87, д – 29, о – 3, след ушка.

X Курган 54, погребение 1. 1986. № 1468/1365. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 36, монограмма *AY*, тип III/2. Драхма, в – 4.26, д – 29, о – 3, след ушка.

XI Курган 54, погребение 1. Кв. PC/38–39, 1986. №1468/924. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 37, монограмма *NL*, тип III/2. Драхма, в – 3.60, д – 28, о – 4, пробита.

XII Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1361. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 37, монограмма *ALM*, тип III/2. Драхма, в – 4.45, д – 28.5, о – 1, ушко.

XIII Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1362. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 40, монограмма *AYLAN*, тип III/2. Драхма, в – 3.75, в – 29.5, о – 3, след ушка.

XIV Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1363. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 41, монограмма *AN*, тип III/2. Драхма, в – 4.08, д – 29, о – 3, след ушка,

XV Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1364. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 41, монограмма *MY*, тип III/2. Драхма, в – 4.84, д – 29.5, о – 2, ушко.

XVI Курган 54, погребение 1. 1986. №1468/1359. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год ?, монограмма *AYLAN*, тип III/2. Драхма, в – 4.09, д – 30.5, о – 3, след ушка.

XVII Курган 79, погребение 1. 1986. №826/601. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 36, монограмма *SY*, тип III/2. Драхма, в – 3.76, д – 27, о – 3, пробита.

XVIII Погребение 147. Кв. Ж/39, 1989. №1790/333. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 40, монограмма *AY*, тип III/2. Драхма, в – 3.34, д – 28, о – 3, пробита, сломана.

XIX Курган 80, погребение 1. 1986. №826/397. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма *WN*, тип II/3. Драхма, в – 2.82, д – 25.5, о – 3, пробита.

XX Курган 80, погребение 1. 1986. №826/396. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма *WN*, тип III/1. Драхма, в – 3.91, д – 27, о – 3, пробита.

XXI Курган 80, погребение 1. 1986. №826/395. Подражание, по типу III/1 драхм Пероза, VI век. Драхма, в – 2.74, д – 28, о – 3, пробита.

XXII Курган 80, погребение 1. 1986, №826/398. Сасаниды, Замасп (497-499 гг.), год ?, монограмма *AY*, тип I/1. Драхма, в – 2.32, д – 27, о – 3, два фрагмента.

В могиле 156, содержащей монеты, нет поясной гарнитуры, и они отнесены к VI в. по сопровождающему инвентарю.

XXIII Погребение 156. Кв. Д/33, 1989. №1790/145. Подражание, по типу I/1 драхм Кавада I (VI в.). Драхма, в – 2.27, д – 25, о – 3, пробита.

XXIV Погребение 156. Кв. Д/33, 1989. №1790/188. Подражание, по типу II/2 драхм Хосрова I (не позже VI в.), год 28, монограмма *AY*. Драхма, в – 1.80, д – 28, о – 9, пробита.

Обращают на себя внимание монеты из погребения 1 кургана 54, где найдено 8 экземпляров и все чеканены в правление Кавада I. Очень близко время чеканки: 35, 36, 37 (2 экз.), 40, 41 (2 экз.) и один год не определен. Это означает, что монеты поступали из одного источника и большими партиями, а уже потом расходились по округе.

В одной из своих ранних работ несколько могил из этого памятника одним из авторов (Голдина Р.Д., 1991, с.173-175, рис.3) были датированы третьей четвертью VI в. Однако анализ материалов всего могильника и работа над другими источниками привели к необходимости расширить дату этих погребений до всего VI в., и отнести их к верх-саинской стадии неволинской культуры. Подробнее о датировке этой стадии см.: Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры..., в наст. сборнике.

К группе 4, датированной первой половиной VII в., отнесены 10 могил: к.9/3, 79/1, 15/3, 26/1, погр.173, к.9/1, к.4/1, 85/1, погр.178, к.102/1. Из них 3 принадлежат женщинам, пол 7 костяков не определен. В этом собрании еще представлены трехсоставные пряжки, характерные для предшествующего времени: крупная с длинным, выступающим язычком (тип А2а3, табл.6–48); средних размеров с В-образным кольцом плоского сечения и округлой пластиной (тип А4г1, табл.4–23), маленькая пряжка с подобным кольцом и

короткой подтреугольной пластиной (тип А5а, табл.5–32) и еще одна пряжка средних размеров с В-образным граненым кольцом, геральдической пластиной и нависающим язычком, с четко выраженным граненым выступом в его основании (тип В4а1, табл.5–28). Но уже появились в значительном разнообразии цельнолитые пряжки: с фигурной пластиной, кольцом плоского сечения (тип Б7а1, табл.4–20); небольшая пряжка с прямоугольной пластиной и В-образным кольцом (тип Б4а1, табл.5–37); также небольшая с сердцевидной пластиной, В-образным кольцом и вырезами в месте перехода от пластины к кольцу (тип Б9г2, табл.5–43). Все три пряжки имеют четко обозначенный выступ у основания нависающего язычка и иногда орнаментированы.

Накладки этой группы имеют ярко выраженный геральдический характер: щитовидные с отверстиями (типы А11а,б, табл.4–24,25), прямоугольные, с вырезами с приостренными концами (тип А4а, табл.4–21) или с выступом в боковой грани (тип А7, табл.4–26), прямоугольные с одним приостренным концом и прорезами (типы А2е, А2ж, табл.5–27,35), прямоугольные со сглаженными углами (тип А8, табл.5–33), Т-образные (тип А19б, табл.4–22), Х-образные с прорезами (тип А17б, табл.5–29); массивные псевдопряжки, с четко проработанными краями и сердцевидной верхней частью (тип А18в, табл.5–30); трехчастные (тип А13е, табл.5–31), подобные с выделенными линиями центром (тип А13ж, табл.5–34); четырехлепестковые с отверстиями (тип А27а, табл.5–36); сердцевидные (тип А24а и 24б, табл.5–38; 6–45); трехчастные с острыми углами (тип А30, табл.5–41); с сердцевидной нижней частью и роговидной верхней (тип А14б, табл.5–39); вытянутые трехчастные с двумя сердцевидными концами (тип А21, табл.5–42); квадратные (тип А6а, табл.5–44); трехлепестковая с трапециевидным верхом (тип А29, табл.6–46). Наконечники ремней немногочисленны: прямоугольный с приостренным концом и двумя отверстиями посередине (тип Г3б, табл.5–40) и крупный с фестончатыми краями и ребром посередине (тип Г2а, табл.6–47).

В группу 5 (вторая половина VII в.) входят 2 мужских и 2 женских захоронения (70/1, 118, 120, 59/1). Вещи представлены рамчатой трапециевидной пряжкой с рифленным кольцом и таким же язычком (тип Д2а, табл.6–49), обломком цельнолитой пряжки с прямоугольной пластиной (тип Б4д, табл.6–50); оригинальной маленькой пряжкой с сердцевидной пластиной кольцом лировидной формы (тип Б8а2, табл.6–53); мечеобразными, короткими, широкими гладкими накладками (тип А3б1, табл.6–51), накладками прямоугольными с изображением личины (тип А2а, табл.6–52 и тип А3г, табл.7–56); якорьковидными с сердцевидным основанием (тип А14а, табл.6–54); якорьковидными с шипами в основании (тип А15, табл.6–57); псевдопряжками с якорьковидной верхней частью (тип А18а, табл.6–58); Т-образными с соединенной верхней и нижней частью (тип А19а, табл.6–59); четырехлепестковыми (тип А27б, табл.6–60), х-видными без прорезей (тип А17а, табл.6–61), простым вытянутым наконечником ремня (тип Г3а, табл.6–55).

С комплексами VII в. (группы 4, 5) обнаружены следующие монеты.

1. Курган 79, погребение 1. №826/600. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 38, монограмма DA, тип III/2. Драхма, в – 3.80, д – 26.5, о – 2, пробита.

2. Погребение 120. 1986. №1468/2762. Подражание, по типу II/2 драхм Хосрова I (не позже VI в.?), год 30, монограмма AY. Драхма, в – 3.95, д – 29, о – 3, пробита. Штемпель об.с. = №42.

3. Погребение 120. 1986. №1468/2763. Подражание, по типу II/2 драхм Хосрова I (не позже VI в.?), год 30, монограмма AY. Драхма, в – 3.89, д – 29.5, о – 3, пробита. Штемпель об.с. = №41.

В некоторых могилах с монетами деталей поясов нет, но по инвентарю они отнесены к VII в.

4. Курган 10, погребение 1. Кв. РС/32–33, 1984. №837/252. Сасаниды, Хосров I (531-579 гг.), год 8, монограмма GD, тип II/2. Драхма, в – 4.06, д – 28, оси – 9, пробита.

5. Курган 24, погребение 2. 1984. №837/453. Сасаниды, Хосров I (531-579 гг.), год

27, монограмма AY, тип II/2. Драхма, в – 1.86, д – 26.5, о – 3, сломана.

6. Курган 83, погребение 1. Кв. ЗЖ/127, 1986. №1468/2843. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год ?, монограмма AS, тип I/1. Драхма, в – 1.41, д – 26, о – 3, два фрагмента.

7. Курган 100, погребение 1. Кв. Щ/36–37, 1990. №1848/45. Сасаниды, Кавад I (484, 488-531 гг.), год 36, монограмма DYNAN, тип III/2. Драхма, в – 3.66, д – 28, о – 3, пробит.

8. Погребение 131. Кв. Л/41, 1986. №826/312. Сасаниды, Варахран V (420-438 гг.), монограмма MLW, тип I/2. На л.с. надчекан – тамга Бухары. Драхма, в – 3.04, д – 27.5, о – 2, пробита, сломана.

Надо иметь в виду, что деление комплексов VII в. на первую и вторую половину пока в значительной мере условно. Вероятно, эта грань могла проходить иначе. Группа 4, возможно, датируется концом VI – второй четвертью (ближе к середине) VII в., а группа 5 – серединой и концом VII в. Но то, что обе группы укладываются в VII в. сомнению не подлежит. Обоснование датировки см.: Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры..., в наст. сборнике.

К группе 7 (первая половина VIII в.) относятся 9 захоронений (17, 71, 132, 92, 51, 93, 91, 142, 83), из них 1 мужское и 8 женских. Составляющие предметы этой группы: наконечник ремня с орнаментом в виде «косички» по краям (тип Г1г, табл.7–64), средних размеров пряжка с полуовальной пластиной, слегка сплюснутым овальным кольцом и небольшим, несколько сжатым в середине язычком (тип Б1а2, табл.7–65); рамчатая сегментовидная с двумя отверстиями (тип Д4, табл.7–66); цельнолитые пряжки с лировидным кольцом и сердцевидной пластиной (тип Б8а1,3, табл.7–68, 69) и квадратная с четырьмя выпуклостями накладка (тип А6б, табл.7–67). Пряжки типа Г1а2 известны в группе 4 Неволинского могильника, датирующейся VIII – началом IX в. (Голдина Р.Д., Еще раз о хронологии Неволينو, в наст. сборнике, табл.5–69). Но, очевидно, появляются они в Прикамье уже в начале VIII в. Подобные пряжки известны и в Усть-Иргинском могильнике (Волков С., Пастушенко И., 2006, табл.16-9).

В смежную группу 8 (VIII в.) входят захоронения, входящие как в группу 7 (первая половина VIII в.), так и в группу 9 (вторая половина VIII в.). Инвентарь группы своеобразен – накладки: круглые (тип А13б4, табл.7–70), тройчатки (тип А20а, табл.7–72), ж-образные (тип А16а, табл.7–73), вытянутые прямоугольные с разными вариантами изображений личин (тип А2б,в, табл.7–74), наконечники ремней с вертикальным рядом изображений голов медведей (тип Г1б, табл.7–71); цельнолитая оригинальная пряжка с фигурной пластиной и линейным орнаментом, повторяющим ее контуры (тип Б10а1, табл.7–75). Предметы этой группы хорошо известны в неволинских могильниках. Например круглые, ж-образные, тройчатки, вытянутые с изображением личины в большом числе обнаружены в Неволинском (Голдина Р.Д., в наст. сборнике, табл.3–35, 42, 43, 44), эти же типы в Бродовском и Усть-Иргинском (Волков С., Пастушенко И., 2006, табл.2–5; 14–7,10). Следует отметить, что по материалам Неволинского могильника наконечники ремней с изображением медвежьих голов (табл.7–71) встречаются не только в VIII в., но и во второй половине VII в. (Голдина Р.Д., 2012, табл.206–30). К этой же группе относится интересная шарнирная пряжка с изображением крылатого коня из погребения 112, подобная ей была найдена в Бродовском могильнике.

Группу 9 (вторая половина VIII в.) составляют 21 захоронение (находки на уч.Р/17, погр.72, 65А,Б, 69, 103, 128Б, 130, 8, 81, 70, 77, 153, 29, 50, 129, 28, 60, 151, 154, уч.Е/44-45). Из них 6 мужских, 15 женских. Состав группы весьма выразителен: поясная гарнитура с изображением пальметты – пряжки (тип В1а,б1, табл.8–76), наконечники ремней (тип Г1а, табл.9–89), накладки (тип А25в, табл.8–84); пряжки и накладки с орнаментом «точка с запятой» (тип В1а2, табл.8–87 и тип А25б, табл.8–86); наконечники ремней с изображением виноградной лозы (тип Г1з, табл.8–83), с S-овидным орнаментом (тип Г1в, табл.9–89а), с ажурным геометрическим узором в виде кругов и вписанных в

них ромбов (тип Г1е, табл.9–89б). Пряжки представлены роскошным экземпляром с изображением охоты (тип В2б, табл.8–85), а также скромными вариантами с подтреугольной или полуовальной пластинами (тип Б1а1, табл.8–82 и тип Б9а1, табл.8–77). Из накладок известны круглые полусферические (тип А13д, табл.8–79), с изображением головы барана (тип А23а, табл.8–78); полуовальные с расширенным основанием и прорезями (тип А10в, табл.8–80); вытянутые прямоугольные с оформленной площадкой в верхней части и прорезями (тип А2д, табл.8–81); серповидные (тип А26а, табл.8–88) и ромбические с трилистником на углах (тип А22, табл.9–90).

В могилах VIII в. (группы 7-9) обнаружены следующие монеты.

1. Погребение 29. 1982. №1282/263. Подражание, по типу 1/2 драхм Варахрана V (420-438 гг.) чеканившихся в Мерве. VI век (Göbl R., 1967, Em.282, 3-5). Драхма, в – 0.89, д – 22, о – 6, фрагмент.

2. Погребение 91. 1983. №1375/1124. Подражание, по типу 1/2 драхм Варахрана V (420-438 гг.) чеканившихся в Мерве. VI век (Göbl R., 1967, Em.282, 3-5). На л.с. надчекан – тамга Бухары. Драхма, в – 2.91, д – 29, о – 3, пробита.

3. Погребение 92. 1983. №1375/1360. Сасаниды, Хормизд IV (579-590 гг.), год ?, монограмма WYHC, тип I/1. Драхма, в – 2.95, д – 31, о – 3, сломана.

4. Погребение 92. 1983. №1375/1361. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 23, монограмма АНМ, тип II/3. Драхма, в – 3.35, о – 3, фрагмент.

5. Погребение 93. 1983. №1375/1383. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 18, монограмма ВВА, тип II/3. Драхма, в – 3.52, д – 32.5, о – 3.

По сопутствующему инвентарю к этому же времени отнесены следующие могилы с монетами.

6. Погребение 5. 1982. №1282/323. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 35, монограмма ВВА, тип II/3. Драхма, в – 3.49, д – 31, о – 9, пробита.

7. Погребение 38. 1982. №1282/572. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 26, монограмма АНМ, тип II/3. Драхма, в – 1.63, д – 30, о – 3, пробита, сломана.

В одном случае (погр.53) инвентарь не датирует, но сама монета и следовательно могила принадлежит VIII столетию.

8. Погребение 53. 1982. №1282/625. Хорезм, Савшафарн, VIII век, тип Г/V (Вайнберг Б.И., 1977, с.61, табл.ХХІХ). Драхма, в – 2.52, д – 27, о – 12, пробита.

В другом случае (погр.45) в могиле нет датирующих вещей и она отнесена к VIII в. по аналогии с подобными монетами в погребениях 29 и 91.

9. Погребение 45. 1982. №1282/402. Подражание, по типу 1/2 драхм Варахрана V (420-438 гг.) чеканившихся в Мерве. VI век (Göbl R., 1967, Em.282, 3-5). На л.с. надчекан – тамга Бухары. Драхма, в – 2.11, д – 25.5, о – 9, пробита.

Особенно многочисленны детали поясной гарнитуры этой группы в других синхронных памятниках неволинской культуры: Неволинском, Бродовском, Усть-Иргинском, Горбунятском. В частности в Неволинском могильнике встречались пряжки с узором из пальметт (Голдина Р.Д., 2012, табл.207-48), накладки – серповидные (там же, табл.3-46), с изображением головы барана (там же, табл.3-68), полуовальные с прорезями (там же, табл.3-32), вытянутые с верхней площадкой и прорезями (там же, табл.3-36) и другие. Подробное обоснование датировки см.: Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры..., в наст. сборнике.

Захоронения 10 группы (конец VIII – начало IX в.) немногочисленны (3), все – мужские (погр.64, 15, 19). Следует отметить, что выделение этой группы условно, так как она тесно связана с предыдущей, но хотелось бы подчеркнуть ее своеобразие. В группу входят небольшие цельнолитые пряжки с короткими прямоугольными пластинами с орнаментом (тип Б3а1, табл.9–100), а также крупные пряжки с полуовальными пластинами и коротким язычком (тип Б1а2, табл.9–96) и орнаментом на пластине (тип Б2а, табл.9–99). Из накладок характерны полуовальные с ушками (тип А25а, табл.9–94), полуовальные с прорезью (тип А9а, табл.9–97). Наконечники ремней представлены

коротким широким экземпляром с орнаментом в виде рядов кругов и трилистников (тип Г1ж, табл.9–98) и простой полуовальной коробочкой (тип А2г, табл.9–95).

В погребениях этой группы найдены монеты.

10. Погребение 19. 1982. №1282/237. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 8, монограмма WYHC, тип II/2. Драхма, в – 2.32, д – 32, о – 10.

11. Погребение 64. 1982. №1282/739. Сасаниды. Хосров II (590-628 гг.), год 23, монограмма SK, тип II/3. Драхма, в – 1.84, о – 2, пробита, фрагменты.

По бусам к этой же группе отнесено захоронение 46 с монетой.

3. Погребение 46. 1982. №1282/541. Хорезм, Савшафарн, VIII век, тип Г/V (Вайнберг Б.И., 1977, с.61, табл.ХХІХ). Драхма, в – 1.52, д – 24.5, о – 12.

Кроме того, на могильнике присутствуют две могилы с монетами, инвентарь которых не позволяет отнести их к какой-либо хронологической группе.

1. Погребение 33. 1982. №1282/366. Арабо-Сасанидская, с именем Хосрова, год?, монограмма BN/BW. Драхма, в – 1.90, д – 29, о – 3, фрагмент.

2. Погребение 57. 1982. №1282/669. Сасаниды, Хормизд IV (579-590 гг.), год 6, монограмма MY, тип I/1. Драхма, в – 2.36, д – 28, о – 3.

Следует привести и данные о монетах, собранных на поверхности и в слое пахоты на площади раскопа могильника. Связь с какими-либо захоронениями в этом случае не установлена.

1. В слое пахоты. Кв. М/19, 1982. №1282/599. Византия, Юстиниан (?), VI в. 40 нуммиев, в – 12.84, д – 33.5, о – ?, пробита.

2. В слое пахоты. Кв. И/13, 1983. №1375/203. Подражание, по типу I/2 драхм Варахрана V (420-438 гг.), чеканившихся в Мерве. VI век (Göbl R., 1967, Em.282, 3-5). Драхма, в – 2.35, д – 27, о – 10, пробита, сломана.

3. В слое пахоты. Кв. Р/14, 1983. №1375/571. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 20, монограмма GLM, тип II/3. Драхма, в – 2.66, д – 27.5, о – 10, пробита.

4. Кв. 3/42, на глубине 29 см, 1986. №826/875. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 7, монограмма AY, тип II/2. Драхма, в – 3.56, д – 30, о – 3, пробита, сломана.

5. Кв. Г/40, на глубине 25 см, 1989. №1790/102. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 28, монограмма AT или ST, тип II/3. Драхма, в – 3.59, д – 31, о – 9, пробита, сломана.

6. Кв. Г/40, на глубине 25 см, 1989. №1790/94. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 35, монограмма PL, тип II/3. Драхма, в – 3.63, д – 33, о – 12, пробита.

7. На поверхности. 1983. №1375/837. Сасаниды, Хосров II (590-628 гг.), год 21, монограмма NYH/WYH, тип II/3. Драхма, в – 3.20, д – 30, о – 3, пробита, погнута.

8. На поверхности. 1984. №837/900. Сасаниды, Пероз (457-484 гг.), монограмма AY, тип III/1. Драхма, в – 2.26, о – 3, фрагмент.

Полуовальные накладки с прорезью в основании, широко известные в поясах катандинско-пенджикентского типа в Неволинском могильнике (Голдина Р.Д., 2012, табл.209-73) датируются также концом VIII – началом IX в. Там же встречались и цельнолитые пряжки с большой полуовальной пластиной (там же, табл.209-69). Полуовальные накладки обнаружены также в Усть-Иргинском могильнике (Волков С., Пастушенко И., 2006, табл.12-19), а также в комплексах конца VIII – начала IX в. могильника Сухой Лог (Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры, в наст. сборнике, табл.).

В смежную группу 11 объединены 22 могилы VIII – начала IX в., отнесенные к группам 9 и 10. Из вещей к группе принадлежат: восьмеркообразные пряжки (тип Г1, табл.10-101), круглая накладка с прорезью (тип А13а1, табл.10-102), разные вариации квадратных и трапециевидных накладок с прорезями (тип А5а,б,г, табл.10-103), полуовальная с фестончатым краем (тип А9б, табл.10-104) и вариант плоских круглых (тип А13б2,3, табл.10-105). Многие изделия этой группы известны на поясах катандинско-пенджикентского типа на Неволинском могильнике, в частности восьмеркообразные пряжки типа Г1 (Голдина Р.Д., 2012, табл.179–3-7), накладки геометрических форм (типы

А5а,б,г) (там же, табл.209-67), сердцевидные с фестончатым краем (тип А9б) (там же, табл.208-62) и др. Особенно многочисленны предметы этой группы в захоронениях неволинской культуры в Усть-Иргинском (Волков С., Пастушенко И., 2006, табл.1, 7; 3-3), Бродовском и могильнике Сухой Лог (Голдина Р.Д., О датировке и хронологии неволинской культуры..., в наст. сборнике, табл.).

Разделение поясной гарнитуры на хронологические группы позволяет распределить и другой материал: височные подвески, браслеты, перстни, пронизки, подвески, железные изделия в соответствии с этими группами и гендером.

В могилах первой половины VI в. (группа 1) встречались калачевидные серьги с заостренными концами (табл.11-1; 12-5,6), височные подвески со свободно вращающейся привеской с каменной вставкой-кабошоном и гроздью из трех выпуклостей вниз (табл.11-2,5), гривны: пластинчатые с трехгранным сечением (табл.11-6,7; 13-6), витая (табл.14-11); несколько вариантов браслетов: обычные круглопроволочные (табл.11-4; 12-9), с насечками на концах (табл.12-3), подобный с утолщением посередине (табл.12-8), с расплюснутыми концами (табл.12-4) и орнаментом на концах (табл.11-3; 13-7). особый интерес представляют экземпляры с круглыми вставками на концах из светлого стекла и несколькими серебряными обоями на теле браслета (табл.12-10,11). К этой же группе относятся: перстень с круглым припаянным щитком и сердоликовой вставкой (табл.12-2), головная лента из множества мелких бронзовых обоев (табл.12-1), овальная туалетная коробочка (табл.12-7), многочастная пронизка (табл.13-1), бронзовые зеркала (табл.13-3; 14-10), пластинчатая накладка с изображением голов медведей (табл.14-12) и оригинальные ножны (табл.14-4). Характерны также различные круглые подвески (табл.13-4,5), четырехкольчатые (табл.13-2), кольчатые с выпуклинами (табл.14-8), а также шумящие с небольшой арочной основой и привесками из раковин-каури (табл.14-7). Из пронизок в это время были распространены плоские коньки (табл.14-5,9), объемные уточки (табл.14-1), уточки с лосиной головой (табл.14-2), медведи (табл.14-3) и россомаха (табл.14-6).

В могилах второй половины VI в. (группа 2) продолжали встречаться полые пронизки-медведи (табл.15-8,9) и колесовидные подвески (табл.15-12). Появились височные подвески с четырнадцатигранным (табл.15-1) и с гроздевидной привеской (табл.15-2), кольцевидные подвески (табл.15-3), спиральновитые (табл.15-5) и трубчатые пронизки (табл.15-6), а также пронизки – полые уточки с трубицей (табл.15-4), плоские двойные коньки (табл.15-7), серебряная цепь сложного плетения (табл.15-11), круглая коробочка (табл.15-13) и накладка с изображением головы медведя (табл.15-10).

В могилах группы 3 (VI в. включая 1 и 2 половины) зафиксированы множество вариантов височных подвесок с привесками-бусинами (табл.16-13,14,17,18), подвески: кольчатые (табл.16-8,9,12), различные типы круглых с орнаментом (табл.16-3,7,10), бантикообразные (табл.16-5,6), обломки основ от шумящих (табл.16-11,15). Из пронизок следует отметить полые уточки с лосиной головой (табл.16-4), бутыльчатые (табл.16-16) и небольшие с вздутиями (табл.16-1,2).

Железные изделия женских могил группы 3 (VI в.) представлены ножами разных вариаций (табл.17-7-10), шильями (табл.17-3-5), удилами без псалий (табл.17-1), с небольшими кольцами (табл.17-6) и с костяными псалиями (табл.17-2).

Поскольку могил VII в. исследовано значительно меньше, то сопровождающий их инвентарь пришлось объединить и группы 4 и 5 рассматривать вместе. В женских продолжали встречаться височные подвески с подвеской-кабошоном (табл.18-4), калачевидные серьги (табл.18-6), обычные дрововидные браслеты с круглым (табл.18-12) или прямоугольным сечением (табл.18-11), спиральновитые (табл.18-9) и трубчатые пронизки (табл.18-20,21), кольцеобразные (табл.18-17,19) и круглые с умбонами по краю (табл.18-13) подвески. Появились височные подвески из бронзы, имитирующие кабошон (табл.18-2), со свободновисящей привеской в виде полого шара (табл.18-3), с пирамидальной привеской (табл.18-5), серебряная маска-наглазник (табл.18-1), подвески-

колокольчики (табл.18–7) и бубенчики (табл.18–8), пронизки – конические: прямые простые (табл.18–10) и с поперечным рифлением (табл.18–18), а также птицевидные с головой зверя (табл.18–23), в виде птицы, терзающей зайца (табл.18–16), псевдовитые гривны (табл.18–22) и антропоморфное изображение (табл.18–14).

Женские захоронения VII в. (группы 4, 5) сопровождалась железными ножами разных вариантов (табл.19–7–10), которые иногда располагались в ножнах типа, известного в VI в. (табл.19–6), удилами с малыми кольцами (табл.19–1), железными подпружными пряжками (табл.19–2,4) и глиняными полусферическими пряслицами (табл.19–3,5).

В мужских могилах VII в. (группы 4, 5) найдены простые браслеты с круглым сечением (табл.20–4), золотой наглазник (табл.20–3), каменное точило (табл.20–2), квадратные подпружные пряжки (табл.20–1), удила с двойными кольцами (табл.20–5), стремена с округлым подножьем и плоской пластиной путилищем (табл.20–7) и куски спекшихся изделий кольчужного плетения (табл.20–6). Из оружия зафиксированы наконечники стрел: костяные разного сечения (табл.21–1,2,4–8), железные трехгранные (табл.22–2,3), ножи (табл.22–4,7), шило (табл.22–8), наконечник копья с коротким листовидным пером (табл.22–9), универсальные топоры (табл.22–1,5) и обломок меча (табл.22–6). Уникален деревянный сосуд с серебряными обкладкой и ручками в виде головок медведя (табл.21–3).

В первой половине VIII в. (группа 7) женские могилы сопровождалась, как и в VII в., четырехкольчатыми (табл.23–6,7) и круглыми (табл.23–8) подвесками, круглопроволочными браслетами (табл.23–2,3), золотыми наглазниками того же типа (табл.23–1). Появились трубчатые рифленые пронизки (табл.23–11), конические с рифлением (табл.23–10), а также крупные со вздутиями и прорезями (табл.23–13), шумящие подвески с трехкольчатой основой (табл.23–9), планчатые концевые подвески с оригинальным цветочным узором (табл.23–15), биконические пряслица (табл.23–4,5), удила с отдельными отверстиями для двух колец (табл.23–12) и уникальная пронизка с изображением борогатого горбуна с «тютбетейкой» на голове (табл.23–14).

На протяжении всего VIII в. (группа 8) в женских захоронениях встречались литые височные подвески с каплевидной привеской (табл.24–7,8), крупные с поллой привеской, состоящей из корпуса и шара, украшенных поясками скани (табл.24–10), пронизки: средних размеров с прорезями (табл.24–1–3) и без них (табл.24–4), крупные с прорезями, птицевидные с звериной головой (табл.24–11), крупные рожковые, изогнутые (табл.24–9). Подвески представлены лунницей (табл.24–5), колокольчиком (табл.24–6), привесками-лапками (табл.24–15,16) и разнообразными пластинчатыми концевыми подвесками (табл.24–12–14). В это время были популярны подвески: колесовидные (табл.25–8,9), трапециевидные (табл.25–15,16), шумящие с короткой шумящей частью – арочные (табл.25–5), с подтреугольной (табл.25–6) и круглой (табл.25–7) основой, разные варианты костыльков (табл.25–1–4). Известны цепь на тканой основе (табл.25–11), преимущественно биконические пряслица (табл.25–12–14) и железные ножи (табл.25–10).

В могилах женщин второй половины VIII в. (группа 9) собраны височные литые подвески с привесками в виде нескольких шаров (табл.26–3), с привесками в виде двух полых шаров (табл.26–14), перстень с плоским овальным щитком (табл.26–2), подвески: колокольчики (табл.26–9), бубенчики (табл.26–1), четырехкольчатые (табл.26–10), колесовидная (табл.26–16), монетовидная (табл.26–19), лунница с орнаментом (табл.26–15), в виде свернувшейся змеи (табл.26–12), трубчатые пронизки (табл.26–5,8), двучастные с вздутиями без прорезей (табл.26–6,7), браслет с овальными сердоликовыми вставками на концах (табл.26–20), биконические пряслица (табл.26–13,17), подпружные пряжки (табл.26–18) и удила с малыми кольцами (табл.26–21). Уникальна подвеска с изображением лица лысого мужчины негроидного типа с кудрявой бородой (табл.26–11).

Мужские захоронения VIII в. отличались разнообразием инвентаря – преимущественно оружия и конского снаряжения. Из украшений известны лишь крупная

трубчатая пронизка (табл.27–1) и фрагменты серебряных масок (табл.27–3,4). Оружие представлено костяными (табл.27–2) и железными (табл.29–1–21) наконечниками стрел, наконечниками копий (табл.27–9–11), ножами (табл.29–22,23), боевым топором с вытянутым обухом (табл.27–7) и саблей (табл.27–12). Конская упряжь разнообразна: подпружные железные (табл.28–1,5) и костяная (табл.27–5) пряжки, удила различных модификаций (табл.28–2,4,6,8), стремяна преимущественно с плоским подножием (табл.28–3,7,9). Из бытовых изделий найдено кресало (табл.27–8) и костяная рукоять (табл.27–6).

В погребениях женщин группы 10 (конец VIII – начало IX в.) найдены один из вариантов костыльков (табл.30–1), перстень с круглой сердоликовой вставкой (табл.30–2), височная подвеска с полый привеской в виде конуса и шара со скромным украшением в виде пояса скани (табл.30–3), концевая подвеска (табл.30–4), круглопроволочные простые браслеты (табл.30–7,8), ножи (табл.30–5) и пряслице (табл.30–6).

Мужские могилы группы 10 (конец VIII – начало IX в.) сопровождалась привеской-колокольчиком (табл.31–3), кремнем (табл.31–1), обоймой какого-то кожного изделия (табл.31–8). Из оружия найдены костяной (табл.31–2) и железные (табл.31–5–7,9) наконечники стрел, ножи (табл.31–12,13), плохо сохранившийся футляр от сабли (табл.31–10), универсальный топор (табл.31–11). Конское снаряжение представлено остатками узды (табл.32–1–3), стремянами (табл.32–4,5,7) и удилами (табл.32–6,8).

Таким образом, теперь мы представляем по материалам Верх-Саинского могильника развитие самых разных категорий местной культуры от VI до начала IX в.

На Верх-Саинском могильнике зафиксированы случаи взаимонарушения погребений либо курганных канавок друг другом. Показателен в этом отношении самый западный ряд курганов – 21, 9, 3, 26. Наиболее ранний из них курган 21 датирован VI в. Его канавку перекрывает ровик кургана 9, под которым располагались могилы VI (погр.2) и VII в. (погр.1, 3). Канавку кургана 9 нарушает ровик кургана 3 с погребением VII в. В свою очередь южный конец канавки кургана 3 снесен большой канавкой кургана 26, под которым зафиксировано погребение I VII в. Иногда канавки погребений одного столетия взаимонарушают друг друга: таковы курганы 92 и 91 (VI в.), возможно, 92 (VI в.) и 94 (ограблено), 93 (разрушено) и 92 (VI в.). Могильная яма 102 (не датируется) перекрывала погребение 1 кургана 2 VI в.

Возможно, так же в пределах VI в. произошли перекрытия следующих курганов: канавка кургана 12 (VI в.) нарушала ровик кургана 13 (погребение разрушено пахотой), канавка кургана 13 – ровик кургана 14 (VI в.), ровик кургана 19 (VI в.) перекрывал канавку кургана 18 (погребение не датируется), канавка кургана 31 нарушила ровик кургана 30 (ограблено). Захоронение 112 (VIII в.) нарушило недатированную могилу 1 кургана 28. Важно, что погребение 1 кургана 79, относящееся к VII в., перекрывает погребение 2 этого же кургана, отнесенное к VI в. Следует отметить случаи перекрытия могилами VIII в. канавок курганов с захоронениями VII в., что подтверждает стратиграфией их датировку по материалу. Таковы погребение 128 и ровик кургана 74, а также погребение 141 и канавка кургана 89. Иногда захоронения VII в. совершены вплотную, слегка нарушая друг друга (погр.1 и 2 кургана 52). Зафиксированы случаи, когда могила VII в. (погребение 1 кургана 48) перекрывает недатированное захоронение (погребение 1 кургана 47), или безинвентарные захоронения нарушают могилы VII в. (погребение 123 и погребение 1 кургана 70; могила 145 и погребение 1 кургана 89).

Выявлено несколько случаев перекрывания могил VIII в. друг другом (погребение 7 и 8, 55 и 38, 39 и 65) и никогда погребения VIII в. не нарушены более ранними, что еще раз убеждает в правильности хронологического деления комплексов. В одном случае захоронение VIII в. №65 нарушило недатированную могилу 40, а могила с неопределенной датой 102 перекрывает погребение VIII в. 103. В единственном случае захоронение конца VIII – начала IX в. 137 нарушило могилу 136 со скудным инвентарем. Однако далеко не всегда анализ взаимоперекрывания помогает в решении вопросов

датировки могил. Например, ровик кургана 5 (погребение без инвентаря) нарушает канавку кургана 6, погребение которого содержит фрагменты железных ножа, пряжки и не датируется.

Поскольку поясная гарнитура является основой хронологического деления, общая оценка ее заслуживает особого внимания. По времени бытования пояса делятся на 4 варианта: VI в. – верх-саинский, больше известный в литературе как харинский; VII в. – бартымский (геральдический – в Евразии, в Верхнем Прикамье – агафоновский); VIII в. – неволинский с подвариантами: а – собственно неволинский, б – восточный (катандинский, согдийский), в – восточный с деталями предсалтовского; последняя четверть VIII – первая четверть IX в. – сухоложский.

Пояса верх-саинского типа обнаружены в 45 могилах (46,9% от всех могил с поясами), из них в 33-х – женских, 3-х – мужских, в 9 случаях пол умерших не определен. Значительное число женщин с поясами этого облика можно объяснить, возможно, тем, что они по инвентарю легче диагностируются, чем мужские. Пояса бартымского типа найдены в 18 могилах (18,7%): в 5 женских, 3 мужских, в 10, где пол не выяснен. Реконструкция пояса многократно описана (Голдина Р.Д., 2012, с.36). Сравнительно небольшое число могил VII в. объясняется, очевидно, тем, что основная масса их осталась на неисследованной площади, располагаясь восточнее раскопанной части памятника.

Неволинский тип поясов VIII в. зафиксирован в 30 случаях (31,3%): 21 раз – в могилах женщин, 9 – в могилах мужчин. Следует отметить, что собственно неволинский тип встречался исключительно в женских погребениях (20), и лишь в одном случае (погр.129) он отнесен к неволинскому типу условно, так как у него не сохранились классические неволинские накладки. Характеристику поясов неволинского типа см. (Голдина Р.Д., 2012, с.36-37). Среди поясов этого варианта выделены мужские ремни восточного (4 экз.) и восточного с деталями предсалтовского типа (4 экз.), встречающиеся, как правило, в мужских захоронениях. На поясах последнего варианта помимо типичных восточных накладок встречались наконечники ремней и пряжки с изображениями лиан, пальметт, сцен охоты на лося и другие. Сейчас уже ясно, что эти детали поясов вряд ли связаны с причерноморским кругом древностей, скорее всего, они, как и другие накладки восточного геометрического стиля, имеют истоки в Средней Азии и произведены местными мастерами.

И наконец, очень небольшая группа (3 захоронения, 3,1%, табл.I), названная нами сухоложской, датированная последней четвертью VIII – первой четвертью IX в. принадлежит только мужчинам.

На Верх-Саинском могильнике с учетом всех обстоятельств: поясной гарнитуры, другого инвентаря, монет, взаимоперекрытий и др. было продатировано 185 могил (табл.I, рис.4): 119 женских (64,3%), 28 мужских (15,2%), 5 детских (2,7%) и 33, где пол погребенного не определен (17,8%).

Как уже указывалось при анализе таблицы взаимовстречаемости вещей (рис.2) к VI в. отнесены 3 группы (табл.I): 1 – первая половина VI в., 2 – вторая половина VI в. и группа 3 – не разделяющийся VI в. Всего VI в. датируются 48 женских, 4 мужских, 2 детских и 15 – с неопределимым полом – 69 захоронений (37,3%). Планиграфия могил VI в. (рис.5) показывает, что почти все они концентрируются в восточном углу раскопа и в большинстве своем окружены канавками, что позволяет утверждать, что захоронения были подкурганными. В тех случаях, когда канавки возле могил не зафиксированы, очевидно, они были разрушены глубокой распашкой.

Курганы, как и могилы, располагаются рядами, иногда довольно плотными. Всего выделено 24 ряда, относящихся к VI в. (рис.5). Необходимо оговорить, что определение рядов весьма субъективно и число их может быть большим или меньшим. Размещение в рядах курганов довольно плотное, иногда канавки их нарушают друг друга. Количество курганов в ряду колеблется от 1 (ряд 20, 24) до 10 (ряд 14). Почти все канавки обращены «кустьем» в восточную сторону. Большинство рядов вытянуты в направлении С-Ю, а

могилы под ними имели, главным образом, широтную ориентировку головой на В (рис.9). Однако несколько рядов (№21-23) имели противоположную ориентировку погребений, при которой умершие были уложены головой на С. Подобная картина сосуществования широтной и меридиональной ориентировок зафиксирована и на других средневековых могильниках Прикамья: Неволинском, Варнинском и других (Голдина Р.Д., 2012, с.34, 82-83) и объясняется, вероятно, фратриальным делением общин.

Таблица I

Верх-Саинский могильник. Распределение погребенных по полу и хронологическим группам*

Пол, возраст Группа	Женщины	Кол-во	Мужчины	Кол-во	Дети	Кол-во	Не определен	Кол-во	Всего	%
группа 1 первая половина VI в.	9/2, 12/2, 14/1, 16/4, 35/1, 79/2	6			17/1, 54/1	2	15/2, 72/1, 87/1	3	11	
группа 2 вторая половина VI в.	12/1А-В, 16/1, 16/2, 21/1, 38/1, 41/1, 44/1, 46/1, 63/1, 67/1, 73/1, 80/1, 147, 174, 184	17	58/1А, 64/1	2			16/3, 28/2, 60/1, 182	4	23	
группа 3 VI в.	1/2, 7/1, 19/1, 20/1, 24/2, 31/1, 33/1, 37/1, 40/1, 42/1, 44/2, 52/1, 52/2Б, 69/1, 71/1, 75/1, 78/1, 81/1, 96/1, 98/1, 105/1, 106/2, 125, 156, 179	25	2/1, 52/2А	2			22/1, 34/1, 36/1, 56/1, 62/1, 91/1, 92/1, 176	8	35	
Всего VI в.		48		4		2		15	69	37,3
группа 4 первая половина VII в.	4/1, 79/1, 102/1	3	103/1	1			9/1, 9/3, 10/1, 15/3, 26/1, 85/1, 117, 173, 178	9	13	
группа 5 вторая половина VII в.	70/1, 120	2	59/1, 118	2			89/1, 171	2	6	
VII в.	3/1, 24/1, 37/2, 37/3, 74/1, 83/1, 100/1, 101/1, 54, 90, 105, 116, 124, 126	14	108, 143, 169	3	131	1	48/1, 185	2	20	
Всего VII в.		19		6		1		13	39	21,1
группа 7 первая половина VIII в.	51, 71, 91, 92, 93, 132, 142, уч.Р/17	8	17	1					9	
группа 8 VIII в.	2, 11, 16, 20, 22, 30, 32, 38, 41, 42, 53, 62, 67, 68, 73, 88, 107, 111, 112, 138А, 148, 149, 150, 152, 155, 158	26	39, 55, 163, 164, 170	5	133	1	10, 46, 82, 84, 141	5	37	
группа 9 вторая половина VIII в.	8, 29, 50, 65Б, 69, 70, 72, 77, 81, 83, 103, 129, 130, 153	14	7, 28, 60, 65А, 80, 128Б, 151, 154, уч.Е/44-45	9					23	
Всего VIII в.		48		15		1		5	69	37,3
группа 10 последняя четверть VIII – первая четверть IX в.	82/1, 44, 56, 137	4	15, 19, 64	3	74Б	1			8	4,3
Всего		119		28		5		33	185	
%		64,3		15,2		2,7		17,8		100

* При составлении таблицы учтены не только детали поясов, но и бусы, монеты и другой инвентарь

К VII в. отнесены 39 могил (21,1%): 19 женских, 6 мужских, 1 детская и 13 – пол не определен (табл.I). Они располагаются преимущественно по краям рядов в восточной части раскопа, ориентированы по-прежнему меридионально, но фиксируется значительная группа, образовавшая новые ряды в западной части (ряды 21, 23, 25, 22, 26-33), вытянутые в направлении З-В. Примечательно, что иногда захоронения VII в. располагаются под одним курганом, рядом с могилами VI в. (например: курганы 9, 15, 79). Выделяется самый крупный курган на могильнике VII в. – №26, канавка которого ориентирована как и ряд VI в. №17 по линии С-Ю, но погребения в кургане 26 имели противоположную VI в. ориентировку – меридиональную. Многие захоронения VII в. уже не имели канавок, очевидно, этот обычай у населения сылвенского поречья исчез в первой половине VII в. Об этом свидетельствует и отсутствие курганных канавок на Неволинском могильнике, ранние погребения которого датируются второй половиной VII в. (Голдина Р.Д., 2012).

Восьмым веком датированы 69 погребений (37,3%, табл.I): 48 женских, 15 мужских, 1 детское и 5 неопределенных. В это время активно заполнялись северная и южная части раскопанной площади. Из рядов предшествующего времени использовались 3 (№7, 31 и 32). Основная масса рядов ориентирована в широтном направлении (34-50), лишь одно – №128 расположено в ряду, вытянутом по линии С-Ю. Обращает на себя внимание отсутствие стабильной ориентировки у захоронений VIII в. При широтной направленности рядов в северной части раскопа, умершие уложены головой в северную сторону, в южной – в южную. Хотя есть и исключения (погребения 28 и 39, 65). Могилы в рядах разрежены, взаимонарушений практически нет. Интерес представляет ряд 46, где зафиксированы 3 могилы VIII в., из которых погр.164, как и в VI, VII вв., окружено курганной канавкой. Это обстоятельство должно было подчеркнуть особый статус захороненного в этой могиле мужчины, который сопровождался уникальным изделием – серебряной чашей среднеазиатского происхождения.

Могил последней четверти VIII – первой четверти IX в. выявлено 8 (табл.I, 4,3%): 4 женские, 3 мужские и 1 детская. Они располагались как в рядах с меридиональной ориентировкой (№4 и 10), так и широтной (№35, 40, 41, 43, 44). Их размещение показывает, что они продолжали традиции похоронного обряда, сложившиеся у населения этого края в предшествующее время.

В результате планиграфического анализа мы можем достаточно хорошо представить историю функционирования Верх-Саинского могильника. Необходимо указать, что восточная, северная и западная границы памятника не зафиксированы. Лишь южная граница слегка намечена. К сожалению, экономическая ситуация в стране не позволила завершить изучение этого уникального объекта. Наиболее ранние могилы VI в. располагались на самой возвышенной части террасы (рис.9) и дальнейший «рост» памятника шел к востоку, западу, юго-западу и северо-западу. Обращает на себя внимание, что иногда на плане раскопа видны довольно значительные лакуны (уч.ТУ/36-40, Ф-Ч/36-39 и др.), что может быть объяснено либо нарушением слоя при пахоте, либо естественными преградами при функционировании памятника, например, залесенностью площадки.

Таким образом, на основании проведенного исследования, Верх-Саинский могильник датируется VI – первой четвертью IX в. Впервые удалось выяснить не только особенности материальной культуры населения его оставившего, но и динамику ее развития, датировку с точностью до полустолетия. Особенно важным является выяснение специфических черт VI в. в древностях Верхнего Прикамья, что не удавалось сделать на материалах других могильников.

Список использованной литературы

Вайнберг Б.И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М. 223 с.

Волков С., Пастушенко И., 2006. Исследования Усть-Иргинского могильника неволинской культуры // *Finno-Ugrica*. 2005-2006. №6. Казань. С.5-39.

Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // *Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы*. Ижевск. С.167-192.

Голдина Р.Д., 2012. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Монография. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.21. Ижевск. 472 с.

Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 606 с.

Goldina R.D., Nikitin A.B., 1997. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the regions Perm, the Kama-Urals area // *Silk Road Art and archaeology. Special Volume*. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies. P.111-125.

Göbl R., 1967. *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Weisbaden.

О датировке Бартымского комплекса памятников в Приуралье

Материалы Бартымского археологического комплекса в Сылвенском поречье позволяют более впечатляюще оценить в целом памятники VII в. (агафоновский период) в Прикамье.

Памятники у д.Бартым известен давно. Их первое упоминание в литературе связано с находкой в 1925 г. византийского серебряного блюда (Шмидт А.В., 1925а; 1925б; 1933)*. Затем последовали находки серебряных сосудов: иранский в 1947 г. (Бадер О.Н., 1948, с.166; 1949, с.84-89; 1952, с.189-190), второй – византийский – в 1949 г. (Бадер О.Н., 1951, с.95; 1952, с.190-191). В 1950 г. была найдена большая византийская чаша с 264 серебряными византийскими монетами (Бадер О.Н., 1952, с.190-191; Казаманова Л.Н., 1957). В этом же году О.Н.Бадером было предпринято обследование места находок, и они были нанесены на топографический план (рис.1). В шурфе обнаружены ножка от кубка, найденного в 1949 г., еще 8 серебряных монет и серебряная застежка от гривны (Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954, с.6). В 1950 г. В.Ф.Генингом были открыты два селища, расположенные по обоим берегам р.Бартым и отнесенные к сылвенской культуре. Раскоп в 100 кв.м, заложенный на месте находок сосудов, ни культурного слоя, ни находок не дал (Генинг В.Ф., Отчет за 1950 г.). В 50-х гг. были найдены еще 3 хорезмийских сосуда: в 1951 г. (Бадер О.Н., 1952, с.191-192; Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954, с.15-17; Рапопорт Ю.А., 1962; Даркевич В.П., 1976, с.17-18), в 1952 г. (Бадер О.Н., 1954, с.125-128; Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954, с.9-12; Даркевич В.П., 1976, с.18) и в 1957 г. (Даркевич В.П., 1976, с.18).

В 1969 г. место находок кладов осмотрел В.Ю.Лещенко, связавший бартымские клады с селищами сылвенской культуры IX-XV вв. н.э. (Лещенко В.Ю., 1970, с.167). Он датировал клады временем не ранее конца VIII – IX в. (Лещенко В.Ю., 1976, с.186-187) и считал их предметами роскоши местной родоплеменной элиты (Лещенко В.Ю., 1976, с.186-187).

В 1980 г. разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго в западной части Бартымского I селища был обнаружен могильник и раскопаны 4 погребения, содержавшие 13 костяков, а также найдены еще 2 синхронных селища (Бартымские III и IV селища) (Водолаго Н.В., Отчет за 1980 г.). В 1981 и 1983 гг. изучение могильника и селища было продолжено Н.В.Водолаго и Е.М.Черных под наблюдением Р.Д.Голдиной (рис.2). В 1981 г. на площади в 1341 кв.м исследованы 2 сооружения, 22 ямы, 3 кострища, 40 столбовых ямок, а также 15 погребений. В 1983 г. изучены еще 2 жилых сооружения, 40 ям, 11 кострищ и 155 столбовых ямок. Исследованная площадь составила 1821 кв.м.

Предварительно результаты раскопок Бартымского I могильника были опубликованы Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолаго (1984; 1990). На их основе была выделена бартымская стадия (конец VI – VII в.) неволинской культуры (Голдина Р.Д., 1991, с.176-178). Монеты Бартымского могильника были проанализированы в совместной статье Р.Д.Голдиной и А.Б.Никитина (1997).

Материалы Бартымского I могильника были использованы И.О.Гавритухиным при синхронизации материалов Поволжья и Приуралья с древностями днепровских кладов и других территорий (Гавритухин И.О., 1996, с.84-89). Вопросы, связанные с притоком «дальнего импорта» в Прикамье из стран Востока и Причерноморья, в том числе на основе бартымских находок, рассмотрены в статье Е.В. и Р.Д.Голдиных (2010, с.163-164). Общая оценка материалов Бартымских селища и могильника I была дана Р.Д.Голдиной при характеристике неволинской культуры (2008, с.125-126).

Бартымские I селище и I могильник находятся к северо-западу от д.Бартым, частично заняты постройками, огородами и сельхозугодиями. Памятник расположен на пологой

* Подробнее о литературе см.: Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011)

возвышенности правого берега р.Бартым, достигающей высоты 7-8 м (рис.1). Река огибает его с востока, юга и запада. Возвышенная часть террасы распахивается под сельскохозяйственные культуры. Севернее могильника возвышенность занята смешанным лесом. Площадь распространения находок селища I составляет около 60000 кв.м. С нее собраны фрагменты лепной керамики, кости животных, отдельные предметы.

Бартымский I могильник – единственный случай в Приуралье, когда 60 человек, одновременно погибших в результате вражеского нападения, похоронены на площади Бартымского I поселения в 19 могильных ямах. Из 60 человек – почти половина (27) дети: 2 новорожденных, 3 – до двух лет, 22 – от двух до девяти лет. Взрослых 33: мужчин 15, женщин 13, пол пятерых не определен. Групповых захоронений 13, в них похоронены от двух до девяти человек.

Некоторые особенности обряда: малая глубина и незначительные размеры могил, отсутствие деревянных конструкций, количество костяков и их положение свидетельствуют о забвении похоронных традиций населением, оставившим Бартымский I могильник, что объясняется, вероятно, одновременной смертью значительного числа людей и стремлением оставшегося населения похоронить их как можно скорее.

Основная масса захоронений, особенно мужских и детских, почти не содержит инвентаря. Немногочисленны височные подвески, браслеты, поясная гарнитура, подвески, пронизки (рис.3-8). В отличие от других могильников неволинской культуры, в бартымских погребениях отсутствуют предметы быта, оружие, принадлежности конской сбруи, глиняные сосуды с погребальной пищей, встречающиеся в четверти неволинских могил. Все эти особенности объясняются, очевидно, теми же необычными условиями захоронения этих людей.

Бартымский I могильник впервые дал четкие свидетельства прочных, устойчивых кровнородственных связей в пределах малой семьи у финно-угров Приуралья. Численность малой семьи в Бартыме составляла 5-10 человек. В захоронении 16 обнаружены трое мужчин, одна женщина и пятеро детей от 0,5 до 6 лет. Вероятно, в каждом из трех изученных жилищ обитала одна малая семья.

Характер Бартымского I могильника убедительно демонстрирует одновременность всех захоронений. В первой публикации материалов они были датированы второй половиной VII в. (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1984, с.24). В таком варианте датировки большую роль сыграло присутствие в Бартымских кладах хорезмийских сосудов с датами первых лет VIII столетия. С датировкой могильника серединой – второй половиной VII в. согласился и И.О.Гавритухин, обстоятельно проанализировавший его материалы (Гавритухин И.О., 1996, с.86-89). Пряжки из погребения 19Е Бартыма он относит к вариантам черноморско-волжской серии, датируемой им концом VI – VII вв. (Гавритухин И.О., 1999, с.169-171). Дальнейший анализ Бартымских находок позволяет несколько уточнить предложенную нами ранее дату.

Как известно, в пяти могилах Бартыма были найдены монеты разного материала и происхождения: 2 медные – византийская и хорезмийская, а также 6 серебряных иранских (табл.I). Семь монет располагались на дне ямы, одна – хорезмийская – в заполнении погребения 16. Все серебряные монеты пробиты, медные без отверстий. Серебряные монеты использовались, вероятно, в качестве украшений головного убора, или в ожерельях с бусами. Так, две монеты найдены у черепа умершей 11Г и еще одна у головы ребенка 11А. На костях грудной клетки погребенной 11Г обнаружена монета вместе с бусами. В подарочном наборе могилы 9А монета также зафиксирована среди бус. В погребении 5 монета была расположена на костях таза мужчины А, а в могиле 10 – у левого таза умершего Б.

Бартымский I могильник. Определения монет

№ погр.	Место чекана	Определение А.Б.Никитина	
		Династия	Время чекана, гг.
5А	Византия*	Ираклий	610-641
9А	Иран	Кавад I	497
10Б	Иран	Замасп	498
11А	Иран	Пероз	459-484
11Г	Иран	Валаш	487
	Иран	подражание драхме Пероза	
	Иран	подражание драхме Пероза	
16 (засыпь)	Хорезм	Бравик	середина VII в.

* Определение к.и.н. И.В.Соколовой (Государственный Эрмитаж)

Что касается времени чеканки хорезмийской монеты, то существует два мнения. Е.В.Зеймаль считает, что она была изготовлена во время правления в Хорезме Каника (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1984, с.14). А.Б.Никитин относит ее ко времени царствования Бравика (середина VII в.) (Goldina R.D., Nikitin A.B., 1997, p.121, №63). Таким образом, хотя хорезмийская монета из могилы 16 Бартымского I могильника не является основанием для определения абсолютной даты памятника, но она не дает возможности поднять время захоронений выше середины VII в.

Подобные смешанные комплексы сасанидских, византийских и хорезмийских монет обнаружены в Сылвенско-Иренском поречье еще в двух местах: на Усть-Сылвенском жертвенном месте и в Шестаковском кладе.

На Усть-Сылвенском городище и жертвенном месте, примерно в 25 км от Бартыма, в устье р.Сылвы среди других вещей обнаружены 9 монет: шесть византийских, две сасанидских Хосрова I чекана 542 и 554 г. и одна хорезмийская. По определению главного археолога Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края, много лет изучающего древние монеты Прикамья, Р.Ф.Вильданова, хорезмийская монета принадлежит царю Бравиду (Фравиду) из династии Афригидов, а византийские монеты были изготовлены теми же штемпелями, что и бартымские (Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В., 2004, с.126-127).

Состав монет Шестаковского клада, найденного в 1857 г. в устье р.Иргины – одного из левых притоков р.Сылвы необычайно схож с находками на Усть-Сылвенском жертвенном месте: 10 (у В.В.Кропоткина 11) византийских меллиаресиев Ираклия, 10 (у В.В.Кропоткина 11) сасанидских драхм: Ездигерда II (442 г.), Кавада (491-531 гг.), Хосрова I (531-579 гг.), Хормизда IV (579-590 гг.), Варахана (590-591 гг.). Не исключено, что 10 или 11 византийских монет чеканки примерно около 615 г. были привезены единовременно с бартымскими и усть-сылвенскими и число их достигало 300 экземпляров. Ориентировочный вес византийских монет этого привоза составлял, вероятно, около 2 кг серебра.

Р.Ф.Вильданов также считает хорезмийской и бактрийскую монету правления Бравика из Шестаковского клада (Вильданов Р.Ф., электронное сообщение в адрес Р.Д.Голдиной от 20.04.2009).

Ранее я уже обращала внимание на сопряженность поясов агафоновского типа Верхнего Прикамья и сасанидских монет Кавада I, Шахмаса, Валахша, Пероза и отсутствие в этих комплексах монет Хосрова II. Ситуация с бартымскими могилами

подтвердила это предположение. Монеты иранских правителей конца V в. не являются датирующими для бартымских поясов VII в., но это явление – связь их с поясами геральдического облика, пока труднообъяснимое, существует.

Особую важность для определения даты Бартымского I могильника представляют почти 300 серебряных византийских монет, найденных в кладе 1950 г., и медная монета, чеканенная в правление императора Ираклия (610-641 гг.), обнаруженная на костях таза мужчины в могиле 5А. Очевидно, все эти изделия поступили в Прикамье в одном потоке. В результате изучения монет клада Л.Н.Казамановой выяснилось, что они принадлежат к типу гексаграммов или миллиаресиев, чеканившихся Ираклием в 615-629 гг. Бартымский клад, по ее мнению, «поражает однородностью своего состава: он включает в себя только одни двойные миллиаресии (гексаграммы), причем одного типа, почти без вариантов, прекрасной сохранности и очень хорошего веса, часто превышающего среднюю весовую норму гексаграмма» (Казаманова Л.Н., 1957, с.25). Ранней датой клада Л.Н.Казаманова считает 615 г. – время введения в обращение двойного миллиаресия. В собрании имелась довольно большая группа монет (59 экз.), чеканенных одной парой штемпелей, что свидетельствует о том, что Бартымский клад представлял собой единый комплекс, еще не разрозненный обращением. Поздней датой чекана этого типа гексаграммов считается 629 г. (там же, с.25-26).

Таким образом, время совершения захоронений на Бартымском I могильнике тесно связано с кладом 1950 г. и ограничено рубежом – не ранее 615 г. Но оно не может быть существенно и оторвано от него, так как монеты клада не были в обращении и, видимо, поступили в Прикамье через сравнительно короткий промежуток. Здесь они только начали расходиться по ближайшей округе (Усть-Сылва, Шестаково), следовательно, время выпадения кладов также не может быть растянуто на несколько десятилетий.

Обозначилось еще одно важное обстоятельство. И.Ю.Пастушенко обратил внимание на то, что клады вокруг Бартымского I селища могли выпасть не одновременно. Хорезмийские клады начала VIII в. локализуются на площади селища в его юго-западной части, несколько северо-восточнее раскопа, остальные же клады, включая и клад 1950 г. с византийскими монетами, располагались компактной группой в 200-250 м к северо-востоку от селища (рис.1). Вполне вероятно, что только последняя группа кладов связана с Бартымским I могильником, а хорезмийские чаши поступили в Прикамье позже, и выпали в клады в результате повторного нападения на поселок в VIII в.

Косвенным ориентиром в области датировки является и находка пояса верха-саинского (харинского) типа в могиле 9Б. Он обнаружен в качестве погребального дара – сложен втрое и располагался между бедренных костей умершего. Вероятно, он представлял собой семейную реликвию и хранился довольно длительное время. Пояса такого типа были распространены в неволинской культуре преимущественно в VI в. (Голдина Р.Д., 1991, с.173-179).

Для выяснения времени функционирования Бартымского I могильника важна интереснейшая категория византийских импортных вещей – плетеные золотые и серебряные цепи, застежка от одной из которых найдена в Бартымском кладе 1950 г. (рис.9-1). Цепи из драгоценных металлов – одно из любимых украшений богатых женщин, начиная с античности, – систематически встречались в эпоху эллинизма, римское время и в средние века. Они были широко распространены как на Западе, так и на Востоке (Засецкая И.П., Казанский М.М. и др., 2007, с.28).

Золотая цепь сложного плетения была найдена в окрестностях г.Уфы, около д.Новиковки, при добыче известняка в разрушенном мужском захоронении, в котором наряду с другими вещами была найдена золотая цепь (рис.10-4), другая золотая цепь – в г.Уфе, на проспекте Октября при земляных работах – повисла на зубцах экскаватора.

Хорошо сохранившаяся серебряная цепь (рис.9-5) происходит из погребения 115 могильника Такталачук, исследованного Е.П.Казаковым в низовьях р.Белой (Казаков Е.П., 1981, рис.2).

Совершенно аналогичная цепь – гривна с такой же системой застежки (рис.9-2), как в Такталачуке, происходит из Шестаковского клада (Aspelin J.R., 1877, №716; Иванов А.Г., 1998, рис.7-3). Подобные плетеные гривны из серебра известны и на памятниках ломоватовской культуры: в Ташкинском (рис.10-1) и Георгиевском (рис.10-2) кладах, а также в погребении 13 Агафоновского I могильника (рис.9-3).

Аналогичная цепь (рис.10-3) найдена в 1929-1930 гг. в Подчеремском клада на Северном Урале, на правом берегу р.Подчерема (Подчерье), правого притока р.Печоры.

Бронзовый крючок – застежка от гривен подобного типа (рис.9-4) обнаружен в Поломском I могильнике в верховьях р.Чепцы (Иванов А.Г., 1998, рис.7-1). Но иной материал (не серебро), нечеткость формы (шишечка не круглая), грубость выделки явно свидетельствуют о местном подражании. Но ведь существовал где-то и оригинал.

Таким образом, все серебряные гривны Приуралья объединены многими признаками. Они изготовлены из серебра, выполнены в характерной манере – из оригинальной формы колец, при переплетении образующих четырехгранный, подвижный жгут, создающий впечатление «живой, движущейся змеи». Эти предметы отличаются особенными деталями застежки в виде длинного крючка – стержня с утолщением-«шишечкой» на конце, которое продевалось в круглую петлю (рис.9-1-3, 5). И крючок, и петля часто украшены прямоугольными пластинами с напаянными на нее гнездами для вставок в виде 4-х-лепестковой розетки и окружностью в центре, обрамленной по краю пояском зерни.

Золотые цепи из уфимских находок И.П.Засецкая считает византийскими и относит ко второй половине VI – началу VII в. (Засецкая И.П., 2010, с.151). Очевидно, приуральские цепи подобного плетения из серебра также были сделаны в мастерских византийского круга на рубеже VI-VII вв. Поскольку эти изделия обладают целым рядом общих признаков можно предположить, что они были изготовлены в одной мастерской и, скорее всего, поступили в Приуралье одновременно, в одной партии.

Другой сюжет, косвенно указывающий на датировку Бартымского I могильника, связан с составом бус из погребений. В захоронениях Бартыма найдено 163 бусины из стекла, янтаря, хрусталя. Среди них довольно велико число – 68 экз. из красного и красно-оранжевого сердолика. Иногда бусы из сердолика имеют белый орнамент, выполненный в технике травления. Обращает на себя внимание, что в Неволинском, Верх-Саинском и могильнике Сухой Лог из 4074 экземпляров бусы из сердолика составляют 14% (569 экз.) (Голдина Е.В., 2010, с.44-45). В Бартымском I могильнике бус из сердолика 68 экз. – 41,7%, что значительно превышает цифру по другим могильникам. Массовое производство сердоликовых бус, в том числе и травленых, было налажено в VI-VII вв. в сасанидском Иране. Конец производства этих бус исследователи связывают с завоеванием его мусульманами в 642 г. (Francis P., 1980, p.26-28). Основная масса сердоликовых бус поступила на территорию неволинской культуры в VI – первой половине VII в. (Голдина Е.В., 2010, с.62; 2011, с.111). Скорее всего, сердоликовые бусы Бартыма были привнесены в Прикамье вместе с монетами и серебряной утварью до 642 г.

Еще одним подтверждением того, что северо-восточная группа бартымских кладов и Бартымский I могильник могут датироваться первой половиной VII в. является надпись на византийском сосуде (находка 1925 г.), выполненная бухарским письмом – по краю обода поддона, а также (согдийская курсивная?) – по дну сосуда, рядом с византийскими штампами. По палеографическим признакам бухарская надпись относится к концу VI – началу VII в. Таким образом, блюдо, вышедшее из византийских мастерских в середине VI в., довольно быстро оказалось в Бухаре (Лившиц В.А., Луконин В.Г., 1964, с.165-167), а потом и в Прикамье. Подобные находки в Пермском крае не единичны. Отсюда происходит сасанидский серебряный кувшинчик с изображением фигур жриц под арками также с бухарскими письменами (Лившиц В.А., Луконин В.Г., 1964, с.167).

Более многочисленна посуда с самаркандскими (согдийскими) надписями. В частности три блюда с письменами этого варианта найдены в устье р.Иргины (Нижне-

Шахаровский клад), недалеко от Шестаковского (Лившиц В.А., Луконин В.Г., 1964, с.172). Самаркандская (согдийская) надпись выявлена и на блюде из Климовского клада в окрестностях г.Кудымкара. На дне сасанидского блюда с изображением Шапура III и леопарда врезана небольшая надпись (Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987, с.121, надпись №16).

Еще один сосуд с самаркандскими согдийскими письменами происходит из д.Керчево Соликамского уезда Пермской губернии. В.А.Лившиц и В.Г.Луконин определяют это письмо как раннюю разновидность самаркандского согдийского алфавита (1964, с.170-171). Таким образом, согдийские (как бухарские, так и самаркандские) надписи на импортных (сасанидских и византийских) сосудах в Прикамье весьма представительны. Численно преобладают самаркандские.

Таким образом, на основании разделения Бартымских кладов на 2 одновременные группы и находок в одном из них византийских монет чеканки около 615 г., а также бухарской надписи, выполненной не позднее конца VI – начала VII в. на византийском сосуде середины VI в.; выявления в одной из могил пояса верх-саинского (харинского) типа; отсутствия в могилах сасанидских монет Хосрова II Бартымский I могильник может быть датирован, скорее всего, промежутком между 615-642 гг. или второй четвертью VII в. В целом, предметы Бартымского I могильника характеризуют геральдический комплекс неволинской культуры, который составляет одну из ее стадий, названную по имени этого объекта бартымской (Голдина Р.Д., 1991, с.176-179, рис.7).

Список использованной литературы

- Бадер О.Н., 1948. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура // ВДИ. №3. М. С.166-169.
- Бадер О.Н., 1949. Бартымская чаша / КСИИМК. Вып.29. М. С.84-91.
- Бадер О.Н., 1951. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. // КСИИМК. Вып.39. М.-Л. С.89-95.
- Бадер О.Н., 1952. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье: К последним находкам // На Западном Урале. Молотов. С.182-200.
- Бадер О.Н., 1954. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып.55. М. С.117-128.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры: Бартымское местонахождение // Труды ГИМ. Вып.13. С.3-26.
- Водолаго Н.В. Отчет о разведочных работах в Березовском районе Пермской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф.р-1. Д.8856.
- Гавритухин И.О., 1996. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С.58-95.
- Гавритухин И.О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск. С.160-209.
- Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях археологических памятников в бассейне р.Сылвы в 1950 г. // Архив Кунгурского краеведческого музея. Ф.3. Оп.3. Д.27.
- Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск. 264 с.
- Голдина Е.В., 2011. Сердоликовые бусы с декором в Верхнем Прикамье и Великий шелковый путь // КЛИО. Журнал для ученых. СПб. №1 (52). С.11-117.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С.156-247.

Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.

Голдина Р.Д., 2008. Современное состояние изученности неволинской культуры в Сылвенско-Иренском поречье // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск-Шадринск. С.115-141.

Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1984. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р.Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С.3-35.

Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 173 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в сылвенском поречье. Ижевск, Пермь. 340 с.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М. 199 с.

Засецкая И.П., 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник. Вып.38: Материалы и исследования по археологии Евразии / Государственный Эрмитаж. СПб. 213 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., 2007. Морской Чулек / Государственный Эрмитаж. СПб. 212 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск. 308 с.

Казаков Е.П., 1981. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань. С.115-135.

Казаманова Л.Н., 1957. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Труды ГИМ. Вып.26. Ч.2. С.70-76.

Лещенко В.Ю., 1970. Новое византийское блюдо из Верхнего Прикамья // СГЭ. Вып.XXXI. С.49-50.

Лещенко В.Ю., 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М. С.176-188.

Лившиц В.А., Луконин В.Г., 1964. Среднеперсидские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. №3. С.155-176.

Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В., 2004. Раннесредневековый восточный монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье реки Сылта // Вестник Пермского университета. Вып.5. Пермь. С.125-130.

Рапопорт Ю.А., 1962. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. №2. С.51-60.

Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М. 255 с.

Шмидт А.В., 1925а. Кунгурско-Красноуфимский край в археологическом отношении // Кунгурско-Красноуфимский край. Кунгур. №11-12.

Шмидт А.В., 1925б. Серебряное блюдо (Вести с мест. Находки в округе) // Сборник Кунгурского общества краеведения. Кунгур. С.40.

Шмидт А.В., 1933. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // ПИДО. №9-10.

Aspelin J.R., 1877. Antiquites du Nord Finno-Ougrien publiees a l'aide d'une subvention de l'Etat. II. L'age du fer. Antiquites Permiennes. V. Antiquites Tschoudes. Helsingfors.

Francis P., 1980. Etched Beads in Iran // Ornament 4(3). P.24-28.

Goldina R.D., Nikitin A.B., 1997. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the regions Perm, the Kama-Urals area // Silk Road Art and archaeology. Special Volume. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies. P.111-125.

О датировке бус Бартымского I селища и Бартымского I могильника

Коллекция бус **Бартымского I селища** насчитывает 60 экземпляров (из них 12 фрагментов). Преобладают стеклянные бусы – 40 экземпляров, обнаружены также 18 каменных (12 сердоликовых, 3 хрустальных, 1 халцедоновая, 2 фрагмента янтарных) и 2 глиняные бусины.

Изделия имеют разнообразные формы: бочонкообразные (22 экз.) (например рис.1-6, 20, 21), многочастные (7 экз.) (например рис.1-8, 10), зонные (8 экз.) (например рис.2-14), шарообразные (8 экз.) (например рис.1-26), эллипсоидные (3 экз.) (например рис.2-20, 21, 23), в форме параллелограмма со срезанными вершинами (2 экз.) (например рис.1-22; 2-1),. В единичном экземпляре представлены бусы следующих форм: конусовидная (рис.1-23), таблетковидная (рис.2-19), эллипсоидная граненая (в разрезе шестиугольник) (рис.2-24). У 6 фрагментов форма не установлена.

Анализ техники изготовления стеклянных бус дал следующие результаты. Основная масса бус изготовлена из тянутой трубочки (16 экз.) или из тянутой палочки (14 экз.). Преобладающая масса бус из тянутой трубочки относится к подгруппе бус с металлической прокладкой (IB, 15 экз.). Одна бусина, изготовленная из тянутой трубочки, относится к подгруппе одноцветных (IA). В технике наливки изготовлены 6 бусин. Несколько экземпляров выполнено в более сложной технике: из многослойной тянутой палочки (1 экз.) и способом сварки из многоцветных кусочков по принципу мозаики (1 экз.). Техника изготовления одной бусины не установлена.

Стеклянные бусы подразделяются на одноцветные (28 экз.) и декорированные (12 экз.). Выявлены следующие варианты декоров: глазчатые (7 экз.); поперечно-полосатые с плоскими противопоставленными глазками (2 экз.); мозаичная (1 экз.); пятнистые (2 экз.). Среди сердоликовых бус (всего 12 экз.) зафиксированы 2 декорированных экземпляра.

Стеклянные бусы имеют следующие цвета: коричневый (бежевый) (8 экз.), сине-зеленый (6 экз.), сине-фиолетовый (4 экз.), черный (2 экз.), оливковый слабый (3 экз.), голубой (2 экз.), синий (2 экз.), бирюзовый (2 экз.), красно-коричневый (1 экз.), зеленый (1 экз.), зеленый слабый (1 экз.), желто-зеленый (1 экз.), бесцветная (1 экз.). К категории многоцветных относятся 3 бусины. В одном случае цвет бусины из-за коррозии установить не удалось.

В коллекции преобладают прозрачные бусы (24 экз.). Из них 16 бусин украшены металлической прокладкой и имеют прозрачный внешний слой стекла. Кроме того, обнаружено 11 непрозрачных и 5 полупрозрачных бусин.

Классификация бусинного материала выполнена в соответствии с типологией, разработанной для материалов неволинских могильников (Голдина Е.В., 2010).

Группа I. Бусы, изготовленные из вытянутых трубочек (16 экз.)

Подгруппа А. Одноцветные без декора (1 экз.)

Тип IA76 (1 экз.; рис.1-1). Бочонкообразная желто-зеленая полупрозрачная.

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой (15 экз.)

Тип IB8 (2 экз.; рис.1-2,3). Бочонкообразная с бежевым внешним слоем.

Тип IB9 (4 экз.; рис.1-4-7). Бочонкообразная с сине-зелёным внешним слоем.

Тип IB14 (1 экз.; рис.1-8). Многочастная зонная с бирюзовым внешним слоем.

Тип IB18 (1 экз.; рис.1-9). Многочастная бочонкообразная с бесцветным внешним слоем.

Тип IB19 (5 экз.; рис.1-10-14). Многочастная бочонкообразная с бежевым внешним слоем.

К этой же подгруппе относятся также фрагмент внешнего слоя сине-зеленой бусины (рис.1-16) и фрагмент бусины (рис.1-15).

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек (14 экз.)

Подгруппа А. Одноцветные без декора (8 экз.)

Тип IVA8 (1 экз.; рис.1-17). Шарообразная зеленая прозрачная.

Тип IVA13 (1 экз.; рис.1-18). Бочонкообразная бежевая прозрачная.

Тип IVA14 (1 экз.; рис.1-19). Шарообразная оливковая слабой прозрачности.

Тип IVA16 (1 экз.; рис.1-20). Бочонкообразная сине-фиолетовая прозрачная.

Тип IVA19 (1 экз.; рис.1-21). Бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная.

Тип IVA95 (1 экз.; рис.1-22). В форме параллелограмма со срезанными углами, с дополнительной поверхностью: желтая непрозрачная основа покрыта синим полупрозрачным внешним слоем.

Тип IVA96 (1 экз.; рис.1-23). Конусовидная с дополнительной поверхностью: основа белая непрозрачная, покрыта сине-фиолетовым прозрачным стеклом.

Тип IVA97 (1 экз.; рис.1-24). Бочонкообразная с дополнительной поверхностью: основа белая непрозрачная, покрыта сине-фиолетовым прозрачным слоем стекла.

Подгруппа Б. Глазчатые (6 экз.)

Тип IVB23 (1 экз.; рис.1-25). Бочонкообразная зеленая (слабый оттенок) полупрозрачная.

Вариант е: Глазки отсутствуют.

Тип IVB24 (2 экз.; рис.1-26,27). Шарообразная голубая прозрачная.

Вариант а: Глазок красный, желтый.

Тип IVB26 (2 экз.). Бочонкообразная оливковая (слабый оттенок) полупрозрачная.

Вариант д: Глазок красно-коричневый непрозрачный (1 экз.; рис.1-28).

Вариант е: Глазки отсутствуют (1 экз.; рис.1-29).

Тип IVB33 (1 экз.; рис.1-30). Бочонкообразная с четырьмя выступающими глазками у отверстия черная непрозрачная.

Вариант а: Глазок сине-зеленый полупрозрачный, белый.

Группа V. Бусы, изготовленные из многослойных тянутых палочек (2 экз.)

Подгруппа Б. Поперечно-полосатые с плоскими глазками (2 экз.)

Тип VB2 (2 экз.). Шарообразная из отрезка многослойной палочки, проколото поперек.

Вариант в: Глазок: желтый, красно-коричневый непрозрачный; реснички желтые, зеленые полупрозрачные (1 экз.; рис.1-31).

Вариант г: Глазок красный, не определен; реснички: зеленые, белые (1 экз.; рис.1-32).

Группа VII. Бусы, изготовленные способом сварки (1 экз.)

Подгруппа Г. Сложные (1 экз.)

Тип VIIГ3 (1 экз.; рис.2-1). Параллелепипед со срезанными углами. Стеклообразная основа покрыта глазками методом сварки, затем бусине придали форму.

Вариант а: Глазок: бирюзовый, белый, красный; реснички – белые, черные.

Группа VIII. Бусы, изготовленные способом навивки (6 экз.)

Подгруппа А. Одноцветные без декора (3 экз.)

Тип VIIIA8 (1 экз.; рис.2-2). Биконическая бирюзовая непрозрачная.

Тип VIIIA9 (1 экз.; рис.2-3). Бочонкообразная синяя прозрачная.

Тип VIIIA10 (1 экз.; рис.2-4). Бочонкообразная сине-фиолетовая непрозрачная.

Подгруппа Б. Глазчатые (1 экз.)

Тип VIIIB2 (1 экз.; рис.2-5). Бочонкообразная черная непрозрачная.

Вариант а: Глазки желтые.

Подгруппа Г. Пятнистые (2 экз.)

Тип VIIIG1 (2 экз.). Бочонкообразная черная непрозрачная.

Вариант а: Пятна желтые, белые, красно-коричневые, голубые расположены беспорядочно по тулову (1 экз.; рис.2-6).

Вариант б: Пятна желтые, белые, красно-коричневые, голубые, желто-зеленые расположены беспорядочно по тулову (1 экз.; рис.2-7).

Группа X. Бусы из смолистых веществ (2 экз.)

Подгруппа А. Янтарные (2 экз.)

Обнаружены фрагменты двух янтарных бусин, тип которых не установлен (рис.2-9).

Группа XI. Бусы, вырезанные из камня (15 экз.)

Подгруппа А. Сердоликовые без декора (9 экз.)

Тип ХIА1 (2 экз.; рис.2-10,11). Шарообразная.

Тип ХIА2 (6 экз.; рис.2-12-17). Зонная.

Найден также фрагмент бусины, тип которой не установлен (1 экз.; рис.2-18).

Подгруппа Б. Сердоликовые с белым орнаментом (2 экз.)

Тип ХIБ3 (1 экз.; рис.2-19). Таблетковидная.

Тип ХIБ6 (1 экз.; рис.2-20). Эллипсоидная.

Подгруппа Е. Халцедоновые (1 экз.)

Тип ХIЕ2 (1 экз.; рис.2-21). Эллипсоидная.

Подгруппа Г. Хрустальные без декора (3 экз.)

Тип ХIГ1 (1 экз.; рис.2-22). Шарообразная.

Тип ХIГ3 (1 экз.; рис.2-23). Эллипсоидная.

Тип ХIГ7 (1 экз.; рис.2-24). Эллипсоидная гранёная (в разрезе шестиугольник).

Группа XII. Бусы, изготовленные из глины (2 экз.)

Подгруппа А. Без декора (2 экз.)

Тип ХIIА4 (1 экз.). Зонная.

Тип ХIIА6 (1 экз.). Бочонкообразная.

Датировка бус Бартымского I селища позволяет выделить типы, характеризующие каждый из этапов функционирования памятника. Так к первому периоду следует отнести бусы, датирующиеся по достаточно многочисленным аналогиям из неволинских и ломоватовских могильников VI–VII вв. – это стеклянная бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная (IVА19), сердоликовая таблетковидная с белым орнаментом (ХIБ3) (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.56-57; Голдина Е.В., 2010, с.60, рис.34). Период VIII–IX вв. представлен бусами с металлической прокладкой: бочонкообразная с сине-зелёным внешним слоем (IB9), многчастные зонная с бирюзовым внешним слоем (IB14) и бочонкообразная с бесцветным внешним слоем (IB18). В VIII–IX вв. были распространены также полихромные глазчатые бусы: шарообразная голубая прозрачная с красными, желтыми глазками (IVБ24а), бочонкообразная с четырьмя выступающими сине-зелеными, белыми глазками у отверстия черная непрозрачная (IVБ33а). К этому же времени относится шарообразная желто-красно-зеленая бусина, выполненная из отрезка многослойной палочки, проколотого поперек (VB2в) (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.58-59; Голдина Е.В., 2010, с.61-62, рис.33, 37).

Последний период существования поселения документируется, в основном, бусами, выполненными способом навивки: одноцветными (VIIIА8, VIIIА9, VIIIА10), глазчатой (VIIIБ2а), с пятнистым декором (VIIIГ1а, VIIIГ1б), которые датируются в совокупности X–XIV вв. (Щапова Ю.Л., 1962, с.86, рис.1-1, 2; Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.61, цв. вкл. между с.58-59; Полубояринова М.Д., 1988, с.164, 165, 167, 171; Валиулина С.И., 2005, с.89, 90, 95, рис.28-38, 39, 43, 48, рис. 29-38). Вплоть до XI–XII вв. существовали почти все типы бус из сердолика и хрусталя, за исключением янтарных и сердоликовых с декором (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.66, 67; Полубояринова М.Д., 1991, с.20-23, 33-34, 36).

Основная же масса найденных на памятнике бус укладывается в рамки не одного, а двух, реже трех этапов функционирования поселка – это типы IVА16 (IV–IX вв.); IA76, IB19, ХIА1, ХIА2, ХIГ3 (VI–XI вв.); IB8, IVА13, ХIГ7, ХIЕ2 (VI–VIII вв.); IVА14, IVБ23е

(VII–VIII вв.) (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.51-64; Голдина Е.В., 2010, с.48-64, рис.30-37).

В коллекции имеются также две каменные подвески. Первая – халцедоновая (?), каплевидной (грушевидной) в плане формы, с плосковыпуклым поперечным сечением и отверстием в верхней части (рис.2-26). Практически идентичные подвески, но из сердолика, известны в погребальных памятниках салтово-маяцкой культуры на Северном Кавказе, где они единично встречаются в комплексах VII в., чаще в погребениях VIII–IX вв. и вплоть до XI в. (Ковалевская В.Б., 1998, с.22, №20). В Волжской Болгарии известны находки такой же формы, но изготовленные из сердолика, гагата и змеевика (Полубояринова М.Д., 1991, рис.4-1,2; 5-6,7). Вторая подвеска выполнена из сердолика, верхняя часть ее отсутствует, но, скорее всего, подвеска имела трапециевидную или треугольную форму, поверхность тщательно отшлифована (рис.2-25). Аналогии не известны.

Коллекция бус **Бартымского I могильника** насчитывает 163 экземпляра (из них 24 фрагмента). Преобладают стеклянные (69 экз., из них 23 фрагмента) и сердоликовые бусы (68 экз.). Кроме того, обнаружены бусы из янтаря (20 экз., из них 1 фрагмент) и хрусталя (6 экз.).

Изделия имеют разнообразные формы: зонные (61 экз.) (например рис.3-1), шарообразные (23 экз.) (например рис.3-17, 24), в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (12 экз.) (например рис.3-12, 13), многочастные бочонкообразные (10 экз.) (например рис.3-9), бочонкообразные (6 экз.) (например рис.3-6,7), эллипсоидные с подквадратным (10 экз.) (рис.3-22) или подтреугольным сечением (5 экз.) (рис.3-21), эллипсоидные эллиптические (5 экз.) (рис.3-20), а также бочонкообразные сплюснутые дважды вдоль канала (2 экз.) (рис.3-10). В единичном экземпляре представлены бусы следующих форм: ребристая бочонкообразная (рис.3-4), многочастная зонная (рис.3-8), бипирамидальная усеченная дважды с пятиугольником (рис.3-14) или квадратом (рис.3-11) в основании, эллипсоидная (рис.3-26). Не установлена форма у 24 фрагментов.

Анализ техники изготовления стеклянных бус дал следующие результаты. Большинство их изготовлены из тянутой трубочки (41 экз.) или из тянутой палочки (27 экз.). Преобладающая масса бус из тянутой трубочки относится к подгруппе бус с металлической прокладкой (IV, 36 экз.). Пять бусин, изготовленных из тянутой трубочки, относятся к подгруппе одноцветных (IA). Лишь одна бусина выполнена в технике сгибания полосы (VIA).

Среди стеклянных бус доминируют одноцветные экземпляры (62). Стеклянные бусы с декором украшены глазками (7 экз.). Среди сердоликовых бус (всего 68 экз.) зафиксировано 2 декорированных экземпляра.

Стеклянные бусы имеют следующие цвета: коричневый (17 экз.), зеленый (10 экз.), оливковый (8 экз.), сине-зеленый (4 экз.), бесцветный (желтый или оливковый слабый) (3 экз.), синий (2 экз.), пурпурный (1 экз.), сине-фиолетовый (1 экз.).

В коллекции преобладают полупрозрачные (23 экз.) и прозрачные бусы (21 экз.). Среди прозрачных 18 бусин украшены металлической прокладкой и имеют прозрачный внешний слой стекла. Кроме того, обнаружено 2 непрозрачных бусины. Для фрагментов стеклянных бус техника изготовления, цвет и прозрачность не определялись.

Классификация бусинного материала выполнена в соответствии с типологией, разработанной для материалов неволинских могильников (Голдина Е.В., 2010).

Группа I. Бусы, изготовленные из вытянутых трубочек (23 экз.)

Подгруппа А. Одноцветные без декора (5 экз.)

Тип IA1 (1 экз., рис.3-1). Зонная синяя полупрозрачная. Погребение 19А.

Тип IA3 (1 экз., рис.3-2). Зонная пурпурная полупрозрачная. Погребение 19А.

Тип IA5 (1 экз., рис.3-3). Зонная зелёная полупрозрачная. Погребение 19А.

Тип IA24 (1 экз., рис.3-4). Ребристая бочонкообразная зелёная непрозрачная. Погребение 2.

Тип IA41 (1 экз., рис.3-5). Многочастная зонная синяя непрозрачная. Погребение 9Б.

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой (18 экз.)

Тип IB8 (5 экз.; рис.3-6). Бочонкообразная с коричневым внешним слоем. Погребение 3Б (1 экз.), погр.11Г (1 экз.), погр.16Г (2 экз.), погр.19Б (1 экз.).

Тип IB9 (1 экз.; рис.3-7). Бочонкообразная с сине-зелёным внешним слоем. Погребение 16Г.

Тип IB13 (1 экз., рис.3-8). Многочастная зонная с коричневым внешним слоем. Погребение 3Б.

Тип IB19 (9 экз.; рис.3-9). Многочастная бочонкообразная с коричневым внешним слоем. Погребение 2 (2 экз.), погр.3Г (1 экз.), погр.4Б (1 экз.), погр.9А (1 экз.), погр.9Б (2 экз.), погр.12Б (1 экз.), погр.19Б (1 экз.).

Тип IB36 (2 экз.; рис.3-10). Бочонкообразная сплюснутая дважды вдоль канала с коричневым внешним слоем. Погребение 3Б (1 экз.), погр.19Б (1 экз.).

К данной подгруппе относятся также 18 фрагментов бус.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек (22 экз.)

Подгруппа А. Одноцветные без декора (18 экз.)

Тип IVA14 (6 экз.; рис.3-15). Шарообразная оливковая полупрозрачная. Погребение 9 (1 экз.), погр.9А (2 экз.), погр.11Б (1 экз.), погр.11Г (2 экз.).

Тип IVA52 (7 экз., рис.3-16). В форме параллелепипеда со срезанными вершинами зелёная или сине-зеленая полупрозрачная. Погребение 9А (2 экз.), погр.9Б (1 экз.), погр.11Б (3 экз.), погр.11Г (1 экз.).

Тип IVA101 (1 экз.; рис.3-14). Бипирамидальная усеченная дважды с пятиугольником в основании сине-зеленая прозрачная. Погребение 9А.

Тип IVA102 (1 экз.; рис.3-11). Бипирамидальная усеченная дважды с квадратом в основании зеленая полупрозрачная. Погребение 9А.

Тип IVA103 (3 экз.; рис.3-12, 13). В форме параллелограмма со срезанными вершинами бесцветная (желтый или оливковый слабый) полупрозрачная. Погребение 11Г (3 экз.).

К данной подгруппе относятся также 2 фрагмента бус.

Подгруппа Б. Глазчатые (4 экз.)

Тип IVБ14 (2 экз., рис.3-17). Шарообразная зелёная прозрачная.

Вариант а. Глазок красный, жёлтый. Погребение 9А (2 экз.).

Тип IVБ16 (2 экз., рис.3-18). Шарообразная оливковая полупрозрачная.

Вариант а. Глазок красный, жёлтый. Погребение 9А (2 экз.).

К данной подгруппе относятся также 3 фрагмента бус.

Группа VI. Бусы, изготовленные путём сгибания полосы

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип VIA7 (1 экз., рис.3-19). Эллипсоидная с подквадратным сечением сине-фиолетовая полупрозрачная. Погребение 2.

Группа X. Бусы из смолистых веществ (19 экз.)

Подгруппа А. Янтарные (19 экз.)

Тип ХА6 (5 экз., рис.3-20). Эллипсоидная, эллиптическая. Погребение 3Б (4 экз.), погр.11Г (1 экз.).

Тип ХА7 (5 экз., рис.3-21). Эллипсоидная с подтреугольным сечением. Погребение 3Б (4 экз.), погр.11БГ(1 экз.).

Тип ХА8 (9 экз., рис.3-22). Эллипсоидная с подквадратным сечением. Погребение 3Б (5 экз.), погр.11Б (1 экз.), погр.11Г (3 экз.).

К данной подгруппе относятся также 3 фрагмента бус.

Группа XI. Бусы, вырезанные из камня (74 экз.)

Подгруппа А. Сердоликовые без декора (66 экз.)

Тип ХІА1 (9 экз.; рис.3-23, 24). Шарообразная. Погребение 3Б (3 экз.), погр.9 (1 экз.), погр.11Г (5 экз.).

Тип ХІА2 (57 экз.; рис.3-25). Зонная. Погребение 3Б (20 экз.), погр.9А (15 экз.), погр.9Б (2 экз.), погр.11Б (5 экз.), погр.11Г (15 экз.).

Тип ХІА11 (1 экз.; рис.3-26). Эллипсоидная. Погребение 2 (1 экз.).

Подгруппа Б. Сердоликовые с белым декором (2 экз.)

Тип ХІБ1 (1 экз., рис.3-27). Шарообразная. Погребение 9А (1 экз.).

Тип ХІБ2 (1 экз., рис.3-28). Зонная. Погребение 9А (1 экз.).

Подгруппа Г. Хрустальные без декора (6 экз.)

Тип ХІГ1 (4 экз., рис.3-29). Шарообразная. Погребение 9 (2 экз.), погр.9А (1 экз.), погр.9Б (1 экз.).

Тип ХІГ9 (2 экз., рис.3-30). В форме параллелепипеда со срезанными вершинами. Погребение 9 (1 экз.), погр.11Г (1 экз.).

Хронологический анализ бус Бартымского I могильника показал, что ряд типов бус имеет аналогии на могильниках неволинской и ломоватовской культур Верхнего Прикамья и датируется достаточно широко – VI–IX вв.: одночастные и многочастные бусы с металлической прокладкой с коричневым внешним слоем (типы ІВ8, ІВ13, ІВ19), сердоликовые зонные и шарообразные без декора (ХІА1, ХІА2) (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.62, 63, цв. вкл. между с.58-59; Голдина Е.В., 2010, с.60-61, рис.35-36). Сердоликовые бусы с декором (типы ХІБ1, ХІБ2) на памятниках ломоватовской культуры датируются концом VI-VII вв. (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.56, цв. вкл. между с.58-59), а на неволинских могильниках – VI–IX вв. (Голдина Е.В., 2010, с.60-61, рис.35-36). В тоже время, необходимо учитывать, что интенсивность их поступления на территорию неволинской была различной. Основная масса травленых сердоликовых бус появилась в VI в. Именно в 30 могилах этого времени их найдено 140 экземпляров. В VII в. число их значительно уменьшилось (11 могил, 19 экз.). Единичные изделия «доживают» до VIII (4 могилы, 4 экз.) и IX в. (2 могилы содержали 2 бусины) (Голдина Е.В., 2011, с.113). К VII–IX вв. относятся и шарообразные зелёные бусы с красными, жёлтыми глазками (ІВБ14а) (Голдина Е.В., 2010, рис. 36). Концом VII – IX вв. датируются ребристая бочонкообразная зелёная непрозрачная (ІА24) и хрустальные шарообразные (ХІГ1) бусы.

Бочонкообразная бусина с сине-зеленым внешним слоем (ІВ9) на памятниках ломоватовской культуры относится к концу VI-VII вв. (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.57, цв. вкл. между с.58-59), а на неволинских могильниках – концом VII – IX вв. (Голдина Е.В., 2010, с.61, рис.37).

Наиболее ранний и короткий период бытования – VI–VII вв. – имеют типы бус: стеклянные в форме параллелепипеда со срезанными вершинами зелёные или сине-зеленые полупрозрачные (ІВА52), хрустальная в форме параллелепипеда со срезанными вершинами (ХІГ9) (Голдина Е.В., 2010, рис.34), а также янтарные эллипсоидные с различными сечениями (ХА6-ХА8) (там же, рис.37).

В VII-VIII вв. были распространены стеклянные шарообразные оливковые полупрозрачные бусы (ІВА14) и шарообразные оливковые полупрозрачные с красными, жёлтыми глазками (ІВБ16а) (там же, рис.36).

Особый интерес для датировки этих комплексов представляют сердоликовые бусы с декором. Они хорошо известны в других могильниках неволинской культуры: Неволинском, Верх-Саинском, Сухой Лог, где составляют от общего числа бус (4074 экз.) 14% (569 экз.). В Бартымском I могильнике процент их значительно выше и достигает 41,7 (68 экз. из 163 предметов). Основная масса сердоликовых бус с декором (типы ХІБ1, ХІБ2) использовались населением неволинской культуры преимущественно в VI-VII вв. (Голдина Е.В., 2011, с.113). Исследователи отмечают, что хорошо отлаженное производство сердоликовых бус, в том числе и с травленным декором, существовало в Сасанидском Иране. Прекращение этого ремесла связано с завоеванием Ирана

мусульманами в 642 г. (Francis P., 1980, p.26-28). Очевидно, поступление бус Бартымского I могильника из Средней Азии не может быть существенно оторвано от этого события.

Основные выводы.

Коллекция бус Бартымского I селища и Бартымского I могильника представляет собой одну из выборок бус неволинской культуры.

Материалы Бартымского I селища охватывают довольно широкий хронологический диапазон и концентрируются преимущественно в трех хронологических отрезках: VI–VII вв., VIII–IX вв. и X–XIV вв., что отражает, по-видимому, этапы функционирования памятника.

Бусы Бартымского I могильника относятся к более узкому хронологическому периоду – VI – первой половине VII в. Учитывая связь этих бус с византийскими монетами чеканки около 615 гг. (клад 1950 г.), византийским серебряным сосудом с бухарской надписью конца VI – начала VII в. (клад 1925 г.), присутствие большого числа сердоликовых иранских бус (произведенных до 642 г.) этот комплекс можно датировать второй четвертью VII в. Следует отметить, что это первая возможность выявить среди древностей Прикамья набор бус в пределах столь короткого времени.

Список литературы

- Валиулина С.И., 2005. Стекло Волжской Булгарии. Казань. 280 с.
- Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск. 264 с.
- Голдина Е.В., 2011. Сердоликовые бусы с декором в Верхнем Прикамье и Великий шелковый путь // КЛИО. Журнал для ученых. №1(52). С.111-117.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С.40-71.
- Ковалевская В.Б., 1998. Хронология восточно-европейских древностей V-IX вв. Вып.1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. Москва.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. Москва. С.151-219.
- Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. Москва. 112 с.
- Щапова Ю.Л., 1962. О происхождении некоторых типов бус // СА. №2. С.81-96.
- Francis P., 1980. Etched Beads in Iran // Ornament 4(3). P.24-28.

Бусы могильника Сухой Лог и городища Лобач

Типология бус основана на делении бус могильников неволинской культуры в целом, выполненном при изучении 4097 бусин четырех могильников (Голдина Е.В., 2010). Первоначально бусы были разделены на группы: стеклянные – по технологии изготовления; бусы, выполненные из других материалов – по материалу. Строго говоря, следовало группы выделить по материалу, а подгруппы – по технологии изготовления, но поскольку у всех каменных бус технология изготовления единая, а у стеклянных – разнообразна (9 вариантов), было решено сделать принцип обособления групп комбинированным, чтобы не увеличивать число неинформативных градаций. Номера групп обозначены римскими цифрами. Далее бусы были разделены на подгруппы. К подгруппе А отнесены бусы одноцветные без декора, к следующим группам (Б, В и т.д.) – бусы, орнаментированные различными способами, либо различными видами материала. Последовательность подгрупп произвольна. Внутри подгрупп бусы делятся на типы (обозначены арабскими цифрами) по форме, цвету, прозрачности и виду декора, а также на варианты (обозначены строчными буквами русского алфавита) – по цвету декора. Каждая бусина имеет кодовое обозначение размера, которое можно расшифровать при помощи таблицы 11. Параметры, по которым измерены бусы, заимствованы у Ю.Каллмера, анализировавшего скандинавские бусы (Callmer J., 1977, p.35). Нами была составлена таблица, в которой по горизонтали размещены величины диаметров, а по вертикали – информация о пропорциях бус. В результате приведенной корреляции появилась возможность характеризовать размер бусины одним знаком, находящимся в таблице на пересечении соответствующих параметров.

Таким образом, каждая бусина имеет обозначение типа, например IA1,9'. Эта бусина относится к группе I (стеклянная, изготовлена из тянутой трубочки), подгруппе А (одноцветная без декора), к типу 1 – синяя зонная полупрозрачная и имеет размер 9', что соответствует пропорции $H/D \leq 0,5$ (короткие) при диаметре (D) 6-8 мм. Описание каждого типа заканчивается указанием на погребение и количество бус данного типа в этом захоронении. Коллекция бус неволинских могильников была разделена на 15 групп:

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек:

подгруппа А – одноцветные без декора;

подгруппа Б – продольно-полосатые;

подгруппа В – бусы с металлической прокладкой.

Группа II. Бусы, изготовленные из трубочек, сделанных способом навивки:

подгруппа А – одноцветные без декора.

Группа III. Бусы, изготовленные из выдутых трубочек:

подгруппа А – одноцветные без декора.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек:

подгруппа А – одноцветные без декора;

подгруппа Б – глазчатые;

подгруппа В – продольно-полосатые;

подгруппа Г – поперечно-полосатые;

подгруппа Д – продольно-полосатые с плоскими глазками;

подгруппа Е – пятнистые.

Группа V. Бусы, изготовленные из многослойных тянутых палочек:

подгруппа Б – поперечно-полосатые с плоскими глазками;

подгруппа В – поперечно-полосатые с неправильным шахматным рисунком;

подгруппа Г – глазчатые;

подгруппа Д – продольно-полосатые;

подгруппа Е – диагонально-полосатые;

подгруппа Ж – с неопределенным декором.

Группа VI. Бусы, изготовленные путем сгибания полосы:

подгруппа А – одноцветные без декора;

подгруппа Б – поперечно-полосатые;

подгруппа В – мозаичные;

подгруппа Г – глазчатые;

подгруппа Д – сложные;

подгруппа Е – особые.

Группа VII. Бусы, изготовленные способом сварки:

подгруппа Б – мозаичные;

подгруппа В – пятнистые;

подгруппа Г – сложные.

Группа VIII. Бусы, изготовленные способом навивки.

На неволинских могильниках не обнаружены.

Группа IX. Бусы, вырезанные из куска холодного стекла:

подгруппа А – одноцветные без декора.

Группа X. Бусы, изготовленные из смолистых веществ:

подгруппа А – янтарные;

подгруппа Б – гагатовые.

Группа XI. Бусы, вырезанные из камня:

подгруппа А – сердоликовые без декора;

подгруппа Б – сердоликовые с белым декором;

подгруппа В – сердоликовые с черным декором;

подгруппа Г – хрустальные с голубой поверхностью;

подгруппа Д – халцедоновые.

Группа XII. Бусы, изготовленные из глины:

подгруппа А – без декора.

Группа XIII. Бусы, изготовленные из металла:

подгруппа А – бронзовые;

подгруппа Б – свинцовые.

Группа XIV. Бусы, изготовленные из раковины.

Группа XV. Бусы с неопределенной техникой изготовления:

подгруппа А – одноцветные без декора;

подгруппа Б – декорированные.

Далеко не все из вышеперечисленных групп присутствуют на могильнике Сухой Лог, но без знакомства с этими группами не будут ясны пропуски в типологии.

В соответствии с системой, разработанной под руководством Ю.Л. Щаповой каждая бусина была проанализирована по 37 признакам, включающим в себя сведения о ее конструкции и форме, цвете, декору, технологии изготовления и т.д. (Щапова Ю.Л., 1989). На первом этапе работы информация о бусине была занесена на бумажную карту. Вторым этапом явилось создание базы данных. Ввод данных в компьютер и их обработка проводились в СУБД dBase III+, Excell 5.0*.

На **могильнике Сухой Лог** стеклянные бусы составляют 89,9% (276 из 307 экз., табл.1), присутствуют также бусы из сердолика (16 экз.), хрусталя (4 экз.), бронзы (11 экз.).

Табл.1. Могильник Сухой Лог. Распределение бус по материалу

Материал	Количество	%
стекло	276	89,9
сердолик	16	5,2

* Автор приносит благодарность программистам кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ В.Г.Базановой, Л.И.Морозовой и И.Н.Шиповской за помощь в создании базы данных, ее статистической обработке и оформлении работы.

хрусталь	4	1,3
бронза	11	3,6
Всего	307	100

На памятнике преобладают бусы в форме эллипса, усечённого дважды (в традиционной терминологии бочонкообразные), одночастного (87 экз.) и многочастного (48 экз.) (табл.2). Изделия в форме шара и шара, усечённого дважды (зонные), одночастного и многочастного, насчитывают соответственно 31, 42 и 15 экземпляров. Среди форм гранёных бус преобладают куб (17 экз.), куб со срезанными вершинами (17 экз.), четырёхугольная пирамида с закруглёнными вершинами (16 экз.), параллелепипед (9 экз.). Найдено 6 бусин яйцевидной формы. Бусы других форм редки и представлены 1-4 экземплярами.

Табл.2. Могильник Сухой Лог. Форма бус

Форма поперечного сечения	Форма продольного сечения	Количество	%
О К Р У Г Л А Я	шар	31	10
	шар, усечённый	3	0,9
	шар, усечённый дважды (зонная)	42	14
	шар, усечённый дважды многочастный (зонная многочастная)	15	5
	эллипс	4	1,3
	эллипс, усечённый дважды (бочонкообразная)	87	28
	эллипс, усечённый дважды многочастный (бочонкообразная многочастная)	48	16
	цилиндр	3	0,9
	яйцо	6	2
Г Р А Н Ё Н А Я	яйцо, усечённое	1	0,3
	куб	17	5,5
	куб со срезанными вершинами	17	5,5
	параллелепипед	9	2,9
	призма шестиугольная	1	0,3
	пирамида четырёхугольная с закруглёнными вершинами	16	5,2
	бипирамида четырёхугольная, усечённая дважды	2	0,6
Ребристая	эллипс, усечённый дважды (бочонкообразная)	4	1,3
	эллипс, усечённый дважды многочастный (бочонкообразная многочастная)	1	0,3
Всего		307	100

Измерение бусины производилось по следующим параметрам: диаметр, высота и диаметр отверстия. Величины диаметров разбиты на группы через каждые 2 см. Пропорции бусины определяются соотношением диаметра к высоте и в зависимости от этого бусы относятся к группам: короткие – $H/D \leq 0,5$; средне-короткие – $0,5 < H/D \leq 1$; средне-длинные – $1 < H/D < 1,5$; длинные – $H/D \geq 1,5$. Данные о размерах бус представлены в единой таблице, в которой по горизонтали размещены величины диаметров, а по

вертикали – информация о пропорциях бус. Размеры стеклянных бус и бус из других материалов исследованы отдельно.

На памятнике Сухой Лог обнаружены стеклянные бусы диаметром от 3 до 17 мм (табл.3). Половина стеклянных экземпляров имеет диаметр 6-8 мм (141 экз.). Значительно реже встречаются бусы диаметром 9-11 мм (72 экз.) и 3-5 мм (47 экз.). Бусы диаметром более 12 мм редки. По пропорциям стеклянные бусы распределились следующим образом: средне-короткие (111 экз.), средне-длинные (101 экз.), длинные (57 экз.), короткие (7 экз.). Бусы, изготовленные из других материалов, имеют диаметр от 6 до 23 мм (табл.4). Бусы диаметром 6-8 мм (8 экз.), 9-11 мм (14 экз.) и 12-14 мм (5 экз.) составляют 87%. Доминируют средне-короткие бусы (26 экз.).

Табл.3. Могильник Сухой Лог. Корреляция диаметров и пропорций стеклянных бус

H/D	D (мм)	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	Всего	%
H/D≤0,5	короткие	-	3	-	1	3	7	2,5
0,5<H/D≤1	средне-короткие	14	44	47	6	-	111	40,2
1<H/D<1,5	средне-длинные	26	52	17	5	1	101	36,6
H/D≥1,5	длинные	7	42	8	-	-	57	20,7
	Всего	47	141	72	12	4	276	-
	%	17	51,1	26,1	4,3	1,4	-	100

Табл.4. Могильник Сухой Лог. Корреляция диаметров и пропорций бус из других материалов

H/D	D (мм)	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	21-23	Всего	%
H/D≤0,5	короткие	-	1	-	1	-	-	2	6,4
0,5<H/D≤1	средне-короткие	7	13	4	2	-	-	26	83,9
1<H/D<1,5	средне-длинные	1	-	1	-	-	1	3	9,7
	Всего	8	14	5	3	-	1	31	-
	%	25,8	45,2	16,1	9,7	-	3,2	-	100

Цвет бусины определен с помощью шкалы цветов, которая насчитывает 21 цветовой тон, каждый из которых имеет 8 различных оттенков по интенсивности и светлости. Шкала цветов была разработана на кафедре археологии МГУ на основе атласа цветов Рабкина Е.Б. (1956).

У одноцветных бус без декора и бус с декором определен цвет основы бусины, для бус с металлической прокладкой и бус с дополнительной поверхностью дается цвет внешнего слоя стекла. Декорированные бусы, у которых нельзя однозначно определить цвет основы и декора, названы многоцветными и для них сочетания цветов подсчитаны отдельно.

Цветовая гамма стеклянных бус могильника Сухой Лог насчитывает 12 цветов, некоторые цвета представлены разными оттенками (табл.5). Бусы оливкового слабого и желтого цветов самые многочисленные среди бус с металлической прокладкой (50 и 35 экз.). Часто встречаются синие (35 экз.), бирюзовые светлые (31 экз.), бирюзовые (22 экз.) и голубые (синий средний) (10 экз.) бусы. Изделия коричневого слабого и коричневого цветов встречены соответственно в количестве 13 и 10 экземпляров. Редки находки фиолетовых (8 экз.), сине-фиолетовых (4 экз.) и оливковых (4 экз.) бус. Найдены по

одному экземпляру: оранжевая тёмная, сине-зелёная, жёлто-зелёная и чёрная. Многоцветные бусы составляют 59% от всех бус с декором (20 из 34 экз.) (табл.6). Основная масса этих бус окрашена в красно-оранжевый, жёлтый и зелёный цвета (9 экз.) или в красно-оранжевый, жёлтый, белый, бирюзовый (4 экз.). Известно 3 двухцветные жёлто-зелёные бусины (15%). Остальные бусы имеют следующие расцветки: красно-оранжевый, жёлтый, зелёный, белый, синий (2 экз.), красно-оранжевый, жёлтый, зелёный, белый, бирюзовый (1 экз.) и красно-оранжевый, белый, бирюзовый (1 экз.). Таким образом, многоцветные бусы представлены, в основном, трёхцветными (50%) и четырёхцветными (20%) экземплярами. Самое частое цветовое сочетание – красно-оранжевый, жёлтый, зелёный (иногда с дополнениями) (12 бусин, 60%).

Табл.5. Могильник Сухой Лог. Цвет стеклянных бус

Цвет	Без декора	С декором	С металлической прокладкой*	Всего	%
оливковый слабый	-	-	50	50	18,12
жёлтый	2	-	35	37	13,41
синий	30	1	4	35	12,68
бирюзовый светлый	31	-	-	31	11,23
бирюзовый	5	-	17	22	7,97
коричневый слабый	13	-	-	13	4,71
коричневый	-	10	-	10	3,62
синий средний (голубой)	10	-	-	10	3,62
фиолетовый	8	-	-	8	2,9
сине-фиолетовый	4	-	-	4	1,45
оливковый	-	1	3	4	1,45
оранжевый тёмный	1	-	-	1	0,36
сине-зелёный	1	-	-	1	0,36
жёлто-зелёный	-	1	-	1	0,36
серый средний-тёмный (чёрный)	-	1	-	1	0,36
не установлен	-	20**	28***	48	17,39
Всего	105	34	137	276	-
%	38,04	12,32	49,64	-	100

Табл.6. Могильник Сухой Лог. Сочетания цветов в многоцветных стеклянных бусах

	Цвета	Количество	%
2 цвета, 3 экз. 15%	жёлтый, зелёный	3	15
3 цвета, 10 экз. 50%	красно-оранжевый, жёлтый, зелёный	9	45
	красно-оранжевый, белый, бирюзовый	1	5
4 цвета, 4 экз. 20%	красно-оранжевый, жёлтый, белый, бирюзовый	4	20
5 цветов	красно-оранжевый, жёлтый, зелёный, белый, синий	2	10

* для бус с металлической прокладкой указывается цвет внешнего слоя стекла;

** бусы относятся к категории многоцветных, поэтому невозможно определить цвет основы однозначно

*** у этих бус внешний слой стекла не сохранился

3 экз. 15%	красно-оранжевый, жёлтый, зелёный, белый, бирюзовый	1	5
Всего		20	100

Прозрачные бусы, преимущественно стеклянные, составляют половину коллекции (148 экз., 48%). Непрозрачные экземпляры найдены в количестве 82 штук (27%), полупрозрачные – 26 (8%). Не установлена прозрачность у 51 экземпляра (17%).

Изучение декора бус велось по следующим направлениям: характер декора (цветность и рельеф), элементы декора, их место расположения, материал декора и технология его изготовления.

Декор обнаружен на стеклянных и сердоликовых бусах (36 экземпляров, 12% всей коллекции). На стеклянных бусах (34 экз.) выявлено 7 видов декоров. Поперечными полосами в сочетании с глазками украшены 12 бусин (35% от декорированных стеклянных бус). Продольные полосы обнаружены на 9 предметах (26%), поперечные – на 5 (15%), диагональные – на 1 (3%). Поперечные полосы, скомбинированные с неправильным шахматным рисунком выявлены на 3 изделиях (9%). Обнаружено 3 мозаичные бусины (9%). Выпуклыми глазками орнаментирована одна бусина (1%).

Сердоликовые бусы орнаментированы способом травления, который подробно описан в литературе и, в частности, в работе П.Франсиса (Francis P., 1980, s.24-28). На сердоликовых бусах данного могильника обнаружены следующие варианты декора: сетка из пятиугольников с включенными в них трехлучевыми звездами (рис.2 – тип ХІВ2), и непрерывная волна, проходящая между снежинками (рис.2 – тип ХІВ1).

Программа изучения технологии изготовления стеклянных бус и приемов наложения декора основана на данных З.А.Львовой, которая составила детальный список технологических приемов, используемых древними мастерами (Львова З.А., 1979, с.90-103; Щапова Ю.Л., 1989, с.82-92). Бусы из камня, янтаря и раковины имеют одинаковую технологию изготовления: вырезание с последующим сверлением отверстия и шлифованием.

Стеклянные бусы могильника Сухой Лог изготовлены в восьми техниках (табл.7). В коллекции преобладают бусы из тянутой трубочки (54%). Многочисленны экземпляры из палочки (32,2%). Бусы, выполненные из многослойной палочки и выдутой трубочки, составляют соответственно 5,8 и 5,1%. Единичными экземплярами представлены бусы, изготовленные в следующих техниках: сварка (1,4%), сгибание полосы (0,7%), разрезание навитой трубочки (0,4%), вырезание инструментом из куска холодного стекла (0,4%).

Табл.7. Могильник Сухой Лог. Технология изготовления стеклянных бус

Технология	Без декора	С декором	С металли- ческой прокладкой	Всего	%
разрезание тянутой трубочки	6	6	137	149	54
разрезание навитой трубочки	1	-	-	1	0,4
разрезание выдутой трубочки	14	-	-	14	5,1
разрезание палочки	82	7	-	89	32,2
разрезание многослойной палочки	-	16	-	16	5,8
сгибание полосы	1	1	-	2	0,7
сварка	-	4	-	4	1,4
вырезание инструментом	1	-	-	1	0,4
Всего	105	34	137	276	-

%	38,1	12,3	49,6	-	100
---	------	------	------	---	-----

Определенный интерес представляет распределение бус по их числу в погребениях (табл.8). В одном захоронении встречалось от 1 до 105 бусин. Все могильные ямы, содержащие небольшое количество бус (1-5 экземпляров) имели следы грабительских вкопов (6 погребений). Нетронутые захоронения (4) имели большие наборы бус (51-105 экз.).

Табл.8. Могильник Сухой Лог. Распределение бус по количеству в погребениях

Количество бус в погребении	Количество погребений	%	Общее количество бус	%
1	4	40	4	1,3
2	1	10	2	0,6
5	1	10	5	1,6
51	1	10	51	16,5
63	1	10	63	20,4
79	1	10	79	25,6
105	1	10	105	34
Всего	10	100	309*	100

* коллекция насчитывает 307 экземпляров, 2 бусины не сохранились

Половина наборов бус располагалась в области черепа и груди. В другой половине погребений, как место размещения бус, так и пол погребенных определить не удалось (табл.9).

Табл.9. Могильник Сухой Лог. Размещение бус в погребениях

Размещение бус в погребении	Количество погребений	%
череп, грудь	1	10
грудь	4	40
не определено	5	50
Всего	10	-
%	-	100

К изучению бус было применено представление о виде комбинации ожерелий, предложенное Р.Андреа и впервые примененное в России Ю.Л.Щаповой (1991, с.159-160). Эта идея помогает различать способы и место, где были составлены наборы бус. Исследователем выделено три вида комбинаций: образцовая, основная и сборная. Считается, что образцовая комбинация, которую составляет сам изготовитель или торговец, связанный с ним, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. Сборная комбинация создается из различных по материалу и технологии изготовления бус, которые оказались в распоряжении потребителя в данный момент. Основная комбинация – измененная образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение между образцовой и сборной комбинациями (Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л., 1991, с.250).

Для анализа наборов бус с точки зрения вида комбинаций были взяты ожерелья, содержащие не менее двух бусин. Если с определением образцовых комбинаций нет никаких трудностей, то на принципах выделения основных комбинаций необходимо остановиться подробнее. К основным комбинациям нами отнесены ожерелья, которые содержат стеклянные бусы, изготовленные в 1-3 различных техниках и из 1-2 видов каменных бусин. Ожерелья, составленные из 2-5 видов стеклянных и 3 видов каменных бус или из стеклянных, каменных, янтарных и бус из раковины обозначены как сборные комбинации. Металлические и глиняные бусы, которые, скорее всего, являются продуктом местного производства, встречены и в основных, и в сборных комбинациях.

Для анализа вида комбинаций могильника Сухой Лог исследованы 6 погребений из 10. Образцовая комбинация обнаружена в погребении 9 и содержит две бусины из тянутой трубочки (табл.10). Основные комбинации представлены в могилах 8, 10 и 20 и составлены из стеклянных и металлических бус, только из стеклянных или стеклянных и каменных. Сборные ожерелья найдены в двух захоронениях (4, 12). Таким образом, из шести анализируемых комплексов три содержат основные ожерелья, два – сборные и только одно – образцовое. Бусы из трубочки преобладают в двух погребениях (12, 20), бусы из палочки – в одном (10). В могиле 4 бусы из палочки и трубочки представлены почти поровну, а в погребении 8 основу ожерелья составляют бусы из стеклянной трубочки и металла.

Табл.10. Могильник Сухой Лог. Характеристика комбинаций комплексов бус

Образцовая комбинация

Стекло							Камень		10	№ погребения	Количество бус
технология											
1	2	3	4	5	6	7	8	9			
+										9	2
1										1	2

Основные комбинации

Стекло

+			+			+				10	51
1			1			1				1	51

Стекло + камень

+			+				+	+		20	63
1			1				1	1		1	63

Стекло + металл

+					+				+	8	5
1					1				1	1	5

Сборные комбинации

+	+		+		+		+			12	79
+		+	+	+	+				+	4	105
2	1	1	2	1	2		1		1	2	184

6	1	1	4	1	3	1	2	1	2	6	305
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	-----

Условные обозначения к таблице 10:

Стекло, технология изготовления: 1 - тянутая трубочка, 2 - навитая трубочка, 3 - выдутая трубочка, 4 – палочка, 5 – сгибание полосы, 6 – сварка, 7 - вырезание инструментом; камень: 8 – сердолик, 9 – хрусталь; 10 - металл

Таким образом, анализ наборов бус показал, что нет оснований говорить о том, что население неволинской культуры было связано с производителями стеклянных бус напрямую. Скорее всего, обменные контакты были многоступенчатыми и в них были задействованы несколько торговцев. Направление и интенсивность обменных контактов также изменяется во времени.

В соответствии с хронологической шкалой бус могильников неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010, рис. 30-37) бусы могильника Сухой Лог датируются концом VIII – началом IX в. Именно на это время приходится расцвет распространения жёлто-красно-

зелёных бус из многослойной палочки (типы подгруппы VIIБ) и дутых бус (тип IIIА1, IIIА3, IIIА7). Аналогии дутым бусам известны на памятниках Северного Кавказа VIII–IX вв. По наблюдениям В.Б.Деопик, на отдельных памятниках количество их доходит до 10%, а основным центром их распространения является Дарьяльское ущелье (1961, с.216-217). З.А.Львова отметила их присутствие в IX–X вв. в Старой Ладогe, а также на памятниках каролингского времени в районах Верхний Пфальц и Моравия, расположенных вдоль водных артерий Западной Европы (Львова З.А., 1968, с.80). Ю.Каллмер включает дутые бусы и жёлто-красно-зелёных бусы из многослойной палочки в группу «восточных» стеклянных изделий, которые появились в конце VIII в. в большом количестве в Европе, Западной и Центральной Азии (1991, р.25-38).

Табл.11. Код для определения размеров бус

H/D D (мм)	< 3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	21-23	24-26	27-29	30 и >
H/D ≤ 0,5 короткие	1'	5'	9'	13'	17'	21'	25'	29'	33'	37'	41'
0,5 < H/D ≤ 1 средне-короткие	2'	6'	10'	14'	18'	22'	26'	30'	34'	38'	42'
1 < H/D < 1,5 средне-длинные	3'	7'	11'	15'	19'	23'	27'	31'	35'	39'	43'
H/D ≥ 1,5 длинные	4'	8'	12'	16'	20'	24'	28'	32'	36'	40'	44'

Каталог бус могильника Сухой Лог

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IA4* (рис.1). Зонная жёлтая непрозрачная: погр.10 (1** -9').

Тип IA22 (рис.1). Ребристая бочонкообразная бирюзовая (голубая) непрозрачная: погр.10 (1-6', 1-10'), погр.12 (1-11').

Тип IA26 (рис.1). Ребристая бочонкообразная желтая непрозрачная: погр.8 (1-10').

Тип IA46 (рис.1). Многочастная бочонкообразная сине-зелёная или зелёная непрозрачная: погр.20 (1-8').

Подгруппа Б. Продольно-полосатые.

Тип IB5 (рис.1). Многочастная бочонкообразная коричневая непрозрачная.

Вариант б. Полосы желтые: погр.4 (3-12'), погр.10 (1-12').

Вариант в. Полосы белые: погр.4 (1-12'), погр.10 (1-12').

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой.

Тип IB1 (рис.1). Зонная с бесцветным (оливковый слабый) внешним слоем: погр.20 (1-6', 2-9', 1-10').

Тип IB7 (рис.1). Бочонкообразная с бесцветным (оливковый слабый) внешним слоем: погр.4 (1-10', 2-11', 1-14'), погр.10 (1-10'), погр.12 (3-7', 3-10', 8-11', 2-14', 1-15', 1-18'), погр.20 (1-7', 2-10', 2-11').

Тип IB9 (рис.1). Бочонкообразная с зелёным, сине-зелёным или бирюзовым внешним слоем: погр.4 (3-14', 1-15'), погр.12 (1-1', 1-14'), погр.20 (3-6', 1-10').

Тип IB10 (рис.1). Бочонкообразная с жёлтым внешним слоем: погр.4 (1-10', 3-11', 5-14', 1-15'), погр.10 (1-10'), погр.12 (1-6', 1-7', 3-14'), погр.20 (1-11').

* типы даны в соответствии с общей типологией бус неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010)
** первая цифра – количество экземпляров, вторая – шифр размера бусины (для расшифровки кода см. табл.11)

Тип IB12 (рис.1). Многочастная зонная с бесцветным (оливковый слабый) внешним слоем: погр.20 (5-12').

Тип IB14 (рис.1). Многочастная зонная с зелёным или бирюзовым внешним слоем: погр.20 (1-7', 1-11', 4-12').

Тип IB15 (рис.1). Многочастная зонная с желтым внешним слоем: погр.9 (1-12'), кург.20 (4-11', 4-12').

Тип IB18 (рис.1). Многочастная бочонкообразная с бесцветным (оливковый слабый) внешним слоем: погр.4 (2-12'), погр.12 (1-8', 2-12', 5-15'), погр.20 (1-8', 4-12').

Тип IB20 (рис.1). Многочастная бочонкообразная с зелёным или сине-зелёным внешним слоем: погр.12 (2-15'), погр.20 (3-8').

Тип IB21 (рис.1). Многочастная бочонкообразная с жёлтым внешним слоем: погр.4 (3-12', 5-16'), погр.12 (1-16').

Тип IB24 (рис.1). Ребристая многочастная зонная с бесцветным (оливковый слабый) внешним слоем: погр.20 (1-12').

Группа II. Бусы изготовлены из трубочек, сделанных способом навивки.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IIА1 (рис.1). Бочонкообразная синяя полупрозрачная, канал цилиндрический или бицилиндрический: погр.12 (1-18').

Группа III. Бусы, изготовленные из выдутых трубочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IIIА1 (рис.1). Шарообразная светло-коричневая прозрачная: погр.4 (4-10', 1-14').

Тип IIIА2 (рис.1). Яйцевидная усеченная светло-коричневая полупрозрачная: погр.4 (7-11').

Тип IIIА3 (рис.1). Бочонкообразная бежевая (оранжевый темный) полупрозрачная: погр.4 (1-10').

Тип IIIА7 (рис.1). Двучастная бочонкообразная светло-коричневая прозрачная: погр.4 (1-16').

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IVА1 (рис.1). Зонная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная: погр.4 (1-17').

Тип IVА10 (рис.1). Шарообразная фиолетовая или пурпурная полупрозрачная: погр.4 (1-10', 7-14').

Тип IVА16 (рис.1). Бочонкообразная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная: погр.20 (1-11', 1-15').

Тип IVА21 (рис.1). Бочонкообразная бирюзовая или сине-зеленая полупрозрачная: погр.12 (3-19', 1-23').

Тип IVА26 (рис.1). Бочонкообразная, сплюснутая с двух сторон вдоль канала, бирюзовая непрозрачная: погр.10 (2-10').

Тип IVА27 (рис.1). Эллипсоидная синяя или сине-фиолетовая полупрозрачная: погр.12 (1-7').

Тип IVА29 (рис.1). Эллипсоидная голубая непрозрачная: погр.12 (1-16').

Тип IVА39 (рис.1). Цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная: погр.4 (1-14').

Тип IVА41 (рис.1). В форме куба или параллелепипеда с закругленными вершинами голубая или бирюзовая непрозрачная: погр.4 (3-6', 2-7', 14-10', 1-11'), погр.10 (4-6', 12-7', 5-10', 3-11').

Тип IVА47 (рис.1). В форме параллелепипеда бирюзовая полупрозрачная: погр.10 (1-14'), погр.12 (3-14', 1-18').

Тип IVА49 (рис.1). В форме параллелепипеда со срезанными вершинами синяя, сине-фиолетовая или бирюзовая полупрозрачная: погр.4 (2-11', 1-14'), погр.12 (2-19'), погр.20 (1-14').

Тип IVА57 (рис.1). В форме шестиугольной призмы синяя полупрозрачная: погр.12 (1-11').

Тип IVA58 (рис.1). В форме параллелепипеда с тремя отверстиями бирюзовая или синяя полупрозрачная: погр.20 (3-21').

Подгруппа Б. Глазчатые.

Тип IVB33 (рис.2). Бочонкообразная с четырьмя выпуклыми глазками около отверстий черная непрозрачная.

Вариант а. Глазок голубой (бирюзовый), белый: погр.20 (1-11').

Подгруппа В. Продольно-полосатые.

Тип IVB2 (рис.2). Шарообразная или бочонкообразная зеленая или сине-зеленая полупрозрачная.

Вариант б. Полосы желтые: погр.4 (1-14').

Вариант в. Полосы белые, зеленые, красные, желтые: погр.10 (1-11').

Подгруппа Г. Поперечно-полосатые

Тип IVГ5 (рис.2). Эллипсоидная коричневая полупрозрачная.

Вариант а. Одна белая полоса: погр.10 (3-12').

Вариант в. Три белые полосы: погр.10 (1-12').

Группа V. Бусы, изготовленные из многослойных тянутых палочек.

Подгруппа Б. Поперечно-полосатые с плоскими глазками.

Изготовлены из полосатой палочки, сваренной из разноцветных стерженьков. Срез палочки является глазком бусины.

Тип VB2 (рис.2). Шарообразная или бочонкообразная.

Вариант г. Глазок желтый, красный; полосы – белая палочка, покрытая бирюзовым прозрачным стеклом: погр.12 (3-14', 2-18').

Тип VB3 (рис.2). Эллипсоидная.

Вариант а. Глазок синий, белый, красный, желтый; полосы желтые, зеленые: погр.12 (3-18').

Вариант б. Глазок жёлтый, красный; полосы жёлтые, зелёные: погр.12 (3-15').

Подгруппа В. Поперечно-полосатые с неправильным «шахматным» рисунком.

Изготовлены из полосатой палочки, сваренной из разноцветных стерженьков. Изготовление стерженьков: палочка светлого стекла покрыта слоем прозрачного стекла другого цвета, на срезе палочки – неправильный шахматный рисунок.

Тип VB1 (рис.2). Шарообразная.

Вариант а. Полосы желтые, зеленые: погр.6 (1-14').

Тип VB2 (рис.2). Цилиндрическая.

Вариант а. Полосы желтые, зеленые: погр.4 (1-15'), погр.12 (1-15').

Подгруппа Д. Продольно-полосатые.

Изготовлены из многослойной палочки: основа бусины покрыта полосами, чередующимися в определённом порядке, на месте среза сделано отверстие.

Тип VD1 (рис.2). Бочонкообразная.

Вариант г. Основа оливковая непрозрачная; полосы желтые, белые, зеленые, красные, бирюзовые: погр.10 (1-14').

Подгруппа Е. Диагонально-полосатые.

Тип VE2 (рис.2). В форме параллелепипеда.

Вариант а. Основа темно-зеленая непрозрачная; полосы желтые, белые, зеленые, красные, синие: погр.4 (1-14').

Группа VI. Бусы, изготовленные путём сгибания полосы.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип VIA2 (рис.2). Бочонкообразная бирюзовая полупрозрачная: погр.5 (1-10').

Подгруппа Б. Поперечно-полосатые.

Тип VIB6 (рис.2). Эллипсоидная синяя непрозрачная.

Вариант а. Одна белая полоса: погр.4 (1-15').

Группа VII. Бусы, изготовленные способом сварки.

Подгруппа Б. Мозаичные.

Сварены из глазков по принципу мозаики, а затем проколоты. Глазки расположены беспорядочно.

Тип VIIБ2 (рис.2). Шарообразная.

Вариант б. Глазок красный, белый, бирюзовый: погр.8 (1-18').

Вариант ж. Глазок желтый, красный с желтыми, зелеными ресничками: погр.12 (1-18').

Тип VIIБ5 (рис.2). Эллипсоидная.

Вариант б. Глазок желтый, красный, белый, бирюзовый; глазки расположены в три ряда: погр.4 (1-15').

Подгруппа Г. Сложные.

Бусы сварены из отрезков многослойной палочки.

Тип VIIГ1 (рис.2). Шарообразная или бочонкообразная из двух или более кусков, расположенных произвольно.

Вариант а. Глазок красный, жёлтый с жёлтыми, зелёными ресничками (полосами): погр.12 (1-14').

Группа IX. Бусы, вырезанные из куска холодного стекла.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IXА1 (рис.2). Шарообразная синяя прозрачная: погр.10 (1-14').

Группа XI. Бусы, вырезанные из камня.

Подгруппа А. Сердоликовые без декора.

Тип XIА1 (рис.2). Шарообразная: погр.12 (1-10'), погр.20 (2-18', 2-22').

Тип XIА2 (рис.2). Зонная: погр.12 (4-10', 1-18'), погр.20 (2-14').

Тип XIА7 (рис.2). Бипирамидальная усечённая с шестиугольником в основании: погр.12 (1-11'), погр.20 (1-31').

Подгруппа Б. Сердоликовые с белым орнаментом.

Тип XIБ1 (рис.2). Шарообразная: погр.12 (1-10').

Тип XIБ2 (рис.2). Зонная: погр.12 (1-14').

Подгруппа Г. Хрустальные без декора.

Тип XIIГ1 (рис.2). Шарообразная: погр.20 (1-14').

Тип XIIГ2 (рис.2). Зонная: погр.20 (1-21').

Тип XIIГ3 (рис.2). Эллипсоидная: погр.20 (2-19').

Группа XIII. Бусы, изготовленные из металла.

Подгруппа А. Бронзовые.

Тип XIIIА1 (рис.2). Зонная: погр.4 (1-10', 8-14'), погр.8 (1-13', 1-14').

Могильник Сухой Лог. Распределение типов бус по погребениям

Погребение 4.⁴ IB5б (3-12'), IB5в (1-12'), IB7 (1-10', 2-11', 1-14'), IB9 (3-14', 1-15'), IB10 (1-10', 3-11', 5-14', 1-15'), IB18 (2-12'), IB21 (3-12', 5-16'), IIIА1 (4-10', 1-14'), IIIА2 (7-11'), IIIА3 (1-10'), IIIА7 (1-16'), IVA1 (1-17'), IVA10 (1-10', 7-14'), IVA39 (1-14'), IVA41 (3-6', 2-7', 14-10', 1-11'), IVA49 (2-11', 1-14'), IVB2б (1-14'), VB2а (1-15'), VE2а (1-14'), VIБ6а (1-15'), VIIБ5б (1-15'), XIIIА1 (1-10', 8-14'). Всего 91 экз.

Погребение 5. VIA2 (1-10'). Всего 1 экз.

Погребение 6. VB1а (1-14'). Всего 1 экз.

Погребение 8. IA26 (1-10'), VIIБ2б (1-18'), XIIIА1 (1-13', 1-14'). Всего 4 экз.

Погребение 9. IB15 (1-12'). Всего 1 экз.

---

⁴ Часть бус не вошла в типологию из-за плохой сохранности материала

Погребение 10. IA4 (1-9'), IA22 (1-6', 1-10'), IB5б (1-12'), IB5в (1-12'), IB7 (1-10'), IB10 (1-10'), IVA26 (2-10'), IVA41 (4-6', 12-7', 5-10', 3-11'), IVA47 (1-14'), IVB2в (1-11'), IVГ5а (3-12'), IVГ5в (1-12'), VD1г (1-14'), IXA1 (1-14'). Всего 41 экз.

Погребение 12. IA22 (1-11'), IB7 (3-7', 3-10', 8-11', 2-14', 1-15', 1-18'), IB9 (1-1', 1-14'), IB10 (1-6', 1-7', 3-14'), IB18 (1-8', 2-12', 5-15'), IB20 (2-15'), IB2 (1-16'), IIА1(1-18'), IVA21 (3-19', 1-23'), IVA27 (1-7'), IVA29 (1-16'), IVA47 (3-14', 1-18'), IVA49 (2-19'), IVA57 (1-11'), VB2г (3-14', 2-18'), VB3а (3-18'), VB3б (3-15'), VB2а (1-15'), VIIБ2ж (1-18'), VIIГ1а (1-14'), XIA1 (1-10'), XIA2 (4-10', 1-18'), XIA7 (1-11'), XIB1 (1-10'), XIB2 (1-14'). Всего 74 экз.

Погребение 20. IA46 (1-8'), IB1 (1-6', 2-9', 1-10'), IB7 (1-7', 2-10', 2-11'), IB9 (3-6', 1-10'), IB10 (1-11'), IB12 (5-12'), IB14 (1-7', 1-11', 4-12'), IB15 (4-11', 4-12'), IB18 (1-8', 4-12'), IB20 (3-8'), IB24 (1-12'), IVA16 (1-11', 1-15'), IVA49 (1-14'), IVA58 (3-21'), IVB33а (1-11'), XIA1 (2-18', 2-22'), XIA2 (2-14'), XIA7 (1-31'), XIГ1 (1-14'), XIГ2 (1-21'), XIГ3 (2-19'). Всего 59 экз.

Коллекция бус **городища Лобач** насчитывает 36 экземпляров. Часть их хранится в фондах археологического музея УдГУ (17 экз.), другая часть – в фондах Кунгурского краеведческого музея (19 экз.).

Преобладают стеклянные бусы – 27 экземпляров, обнаружены также 6 каменных (5 сердоликовых, 1 хрустальная) и 2 глиняные бусины. Материал одной бусины не определен (табл.12).

Табл.12. Городище Лобач. Распределение бус по материалу

Материал	Количество	%
стекло	27	75
сердолик	5	13,8
хрусталь	1	2,8
глина	2	5,6
не определен	1	2,8
Всего	36	100

На памятнике выявлены бусы следующих форм: эллипс, усечённый дважды (бочонкообразные) (12 экз.), многочастные (7 экз.), шар, усечённый дважды (зонные) (6 экз.), шарообразные (5 экз.), цилиндрические (4 экз.), эллипсоидная (1 экз.), в форме параллелепипеда с закругленными вершинами (1 экз.) (табл.13).

Табл.13. Городище Лобач. Форма бус

Форма	Количество	%
эллипс, усечённый дважды (бочонкообразная)	12	33,3
многочастные	7	19,4
шар, усечённый дважды (зонная)	6	16,7
шар	5	13,8
цилиндр	4	11,2
эллипс	1	2,8
параллелепипед с закругленными вершинами	1	2,8
Всего	36	100

Анализ техники изготовления стеклянных бус дал следующие результаты (табл.14). Основная масса изделий изготовлена из тянутой трубочки (12 экз.) или из тянутой палочки (9 экз.). Все бусы из тянутой трубочки относятся к подгруппе бус с металлической прокладкой. Несколько экземпляров выполнено в более сложной технике: из многослойной тянутой палочки (3 экз.) и способом сварки из многоцветных кусочков по принципу мозаики (2 экз.). Техника изготовления одной бусины не установлена.

Табл.14. Городище Лобач. Технология изготовления стеклянных бус

Технология	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
разрезание тянутой трубочки	-	-	12	12	44,5
разрезание палочки	9	-	-	9	33,3
разрезание многослойной палочки	-	3	-	3	11,1
сварка	-	2	-	2	7,4
не установлено	-	1	-	1	3,7
Всего	9	6	12	27	-
%	33,3	22,2	44,5	-	100

Стеклянные бусы подразделяются на одноцветные (18 экз., 67%) и декорированные (9 экз., 33%). Выявлены следующие варианты декоров: глазчатые (4 экз., 44% от декорированных бус); поперечно-полосатые с плоскими противопоставленными глазками (2 экз., 22%); мозаичные (2 экз., 22%); диагонально-полосатые (1 экз., 11%).

Стеклянные бусы имеют следующие цвета: коричневый (бежевый) (9 экз., 33%), бирюзовый (6 экз., 22%), синий (2 экз., 7%), зеленый слабый (1 экз., 4%), бесцветный (1 экз., 4%). К категории многоцветных относятся 5 бусин (19%). В некоторых случаях цвет бусины из-за коррозии установить не удалось (3 экз., 11%).

Прозрачные бусы преобладают (13 экз., 48%). Из них 12 бусин украшены металлической прокладкой и имеют прозрачный внешний слой стекла. Кроме того, обнаружены 2 полупрозрачные бусины (7%) и 3 непрозрачные (11%). Не удалось определить прозрачность в 4 случаях (15%) из-за коррозии и в 5 случаях (19%) из-за многоцветности бусин.

Каталог бус городища Лобач

Группа I. Бусы, изготовленные из вытянутых трубочек.

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой.

Тип IB8 (рис.3; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Бочонкообразная с коричневым внешним слоем. Датируется по материалам неволинских могильников VI–IX вв. Аналогичные бусы встречаются на могильниках Верх-Сая, Неволينو.

Тип IB9 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5882, уч.в/3-4, слой 2, гл.0-93 см, яма 11; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Бочонкообразная с зелёным, сине-зелёным или бирюзовым внешним слоем. Датируется по материалам неволинских могильников VIII–IX вв. Подобные бусы встречаются на могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Тип IB14 (рис.3; 1 экз., шифр 1531/816, уч.Г'/11, слой 2, гл.30 см). Многочастная зонная с бирюзовым внешним слоем. Датируется по материалам неволинских могильников концом VIII–IX в. Аналогии известны на могильниках Верх-Сая, Сухой Лог.

Тип IB18 (рис.3; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Многочастная бочонкообразная с бесцветным внешним слоем., датируется по материалам неволинских могильников VIII–IX вв. Похожие бусы обнаружены на могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Тип IB19 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5860, уч.Д'/2, слой 2, гл.0-20 см; 6 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Многочастная бочонкообразная с коричневым внешним слоем. Датируются по материалам неволинских могильников VI–IX вв. Подобные бусы встречаются на могильниках Верх-Сая, Неволينو.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IVA6 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5867, уч.Е'/1, слой 2, гл.0-40 см). Зонная зеленая (цвет слабый) полупрозрачная. Датируется по материалам неволинских могильников концом VI–VII в. Близкая аналогия встречена на Неволинском могильнике.

Тип IVA16 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5883, уч.А'/4, слой 2, гл.0-40 см). Бочонкообразная синяя полупрозрачная. Датируется по материалам неволинских могильников концом IV–IX в. Подобные бусы встречаются на могильниках Броды, Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Тип IVA39 (рис.3; 2 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная. Датируются по материалам неволинских могильников концом VIII–IX в. Близкая аналогия встречена на могильнике Сухой Лог.

Тип IVA49 (рис.3; 1 экз., шифр 1266/40, уч.а/5, гл.20 см). В форме параллелепипеда со срезанными углами синяя полупрозрачная. Датируется по материалам неволинских могильников концом IV–IX в. Аналогичные бусы встречаются на могильниках Броды, Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Тип IVA69 (рис.3; 1 экз., шифр 1531/788, уч.Ж'/11, слой 2, гл.20 см). Цилиндрическая бирюзовая непрозрачная. Аналогичных бус на неволинских могильниках не обнаружено, но примерная аналогия встречена на Тарасовском могильнике.

Подгруппа Б. Глазчатые.

В коллекции содержатся три бусины, которые относятся к данной подгруппе. 1 экз., шифр 1531/812, уч.К'/10, гор. 2, гл.25 см; 2 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея. Из-за коррозии невозможно определить цвет их основы и декора и отнести их к определенному типу.

Группа V. Бусы, изготовленные из многослойных тянутых палочек.

Подгруппа Б. Поперечно-полосатые с плоскими глазками.

Изготовлены из полосатой палочки, сваренной из разноцветных стерженьков. Срез палочки является глазком бусины.

Тип VB2. Шарообразная или бочонкообразная.

Вариант к. (рис.3; 1 экз., шифр 1531/823, уч.Г'/6, слой 2, гор. 1, гл.20 см). Глазок белый, красно-коричневый. Полосы белые, синие.

Вариант л. (рис.3; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Глазок черный, серо-зеленый. Полосы черные, красно-коричневые. Бусы подобной техники изготовления встречаются на неволинских могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог. Однако подобных расцветок там нет.

Подгруппа Е. Диагонально-полосатые.

Тип VE3 (рис.3; 1 экз., шифр 1266/36, уч.Б'В'/10, яма 7, гл.97 см). Цилиндрическая.

Вариант б. Основа зеленая полупрозрачная. Полосы желтые, зеленые, красно-коричневые, белые, синие.

Группа VII. Бусы, изготовленные способом сварки.

Подгруппа Б. Мозаичные.

Сварены из глазков по принципу мозаики, а потом проколоты. Глазки расположены беспорядочно.

Тип VIIБ2 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5873, уч.Д'/3, слой 2, гл.0-20 см; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Шарообразная.

Вариант ж. Глазок желтый, красный. Реснички желтые, зеленые. Датируются по материалам неволинских могильников VIII–IX вв. Подобная бусина обнаружена на могильнике Сухой Лог.

Группа XI. Бусы, вырезанные из камня.

Подгруппа А. Сердоликовые без декора.

Тип ХIA1 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5884, уч.В'/4, слой 2, гл.0-30 см; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Шарообразная. Датируется по материалам неволинских могильников VI–IX вв. Такие бусы встречаются на могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Тип ХIA2 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5864, уч.В'/3, слой 2, гл.38 см; 1 экз. – данных нет; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Зонная. Датируются по материалам неволинских могильников VI–IX вв. Аналогичные бусы обнаружены на могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Подгруппа Г. Хрустальные без декора.

Тип ХIG3 (рис.3; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Эллипсоидная. Датируются по материалам неволинских могильников VI–IX вв. Аналогичные бусы встречаются на могильниках Верх-Сая, Неволينو, Сухой Лог.

Группа XII. Бусы, изготовленные из глины.

Подгруппа А. Без декора.

Тип ХIIА4 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5862, уч.в/3-4, слой 2, гл.0-20 см). Зонная. Подобные бусы встречены на Верх-Саинском I городище.

Тип ХIIА6 (рис.3; 1 экз., шифр 1470/5876, уч.А'/ слой 2, гл.0-30). Бочонкообразная. Близкие экземпляры встречены на Верх-Саинском I городище.

Группа XV. Бусы с неопределенной техникой изготовления.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип ХVА9 (рис.3; 1 экз., сбор с поверхности). Бочонкообразная черная непрозрачная (стеклянная?). Техника изготовления не ясна.

Подгруппа Б. Декорированные.

Тип ХVБ9 (рис.3; 1 экз. из коллекции Кунгурского краеведческого музея). Бочонкообразная коричневая (?) прозрачная (?).

Вариант а. Глазок голубой, белые, голубые реснички, красно-коричневый.

Таким образом, основная масса бус городища Лобач датируется VI–IX вв.: бочонкообразная с коричневым внешним слоем (тип IB8), многочастная бочонкообразная с коричневым внешним слоем (тип IB19), сердоликовая зонная (тип ХIA2), хрустальная эллипсоидная (тип ХIG3). Более узкая дата - конец VIII–IX в. определена для следующих типов: бочонкообразная с зелёным, сине-зелёным или бирюзовым внешним слоем (тип IB9), многочастная зонная с бирюзовым внешним слоем (тип IB14), многочастная бочонкообразная с бесцветным внешним слоем (тип IB18), цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная (тип IVA39), мозаичная шарообразная желто-красно-зеленая (тип VIIБ2ж). Однако известны два типа бус более широкого диапазона – конец IV–IX в.: IVA16 (бочонкообразная синяя полупрозрачная) и IVA39 (цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная).

Бусинные коллекции могильника Сухой Лог и городища Лобач имеют много сходных характеристик. Так, на обоих памятниках доминируют стеклянные бусы (89,9 и 75% на могильнике и городище соответственно), сердоликовые и хрустальные бусы обнаружены в небольших количествах. Только на могильнике зафиксированы бронзовые бусы, а глиняные – только на городище.

Наблюдается сходство по форме бус. Преобладают бочонкообразные (28 и 33,3% на могильнике Сухой Лог и городище Лобач соответственно), многочастные (21 и 19,4%), зонные (14 и 16,7%) и шарообразные (10 и 13,8%). Однако, бусы могильника Сухой Лог, разнообразнее по форме: зафиксированы яйцевидные, ребристые и граненые бусы.

Анализ технологии изготовления стеклянных бус показал, что на обоих памятниках, как и на других памятниках неволинской культуры, преобладают бусы, выполненные из тянутой трубочки (54% и 44,5% на могильнике Сухой Лог и городище Лобач

соответственно) и палочки (32,2% и 33,3%). Особенностью могильника Сухой Лог является присутствие бус из выдутой и навитой трубочки.

На памятниках часты находки синих, бирюзовых (различных оттенков), коричневых бус (различных оттенков). Кроме того, на могильнике Сухой Лог многочисленны бусы желтого и оливкового слабого цветов.

Прозрачные бусы встречаются чаще всего и составляют половину обеих коллекций.

Декорированные бусы составляют 12% и 33% соответственно на могильнике Сухой Лог и городище Лобач. Зафиксированы сходные виды декоров: поперечные полосы с плоскими противопоставленными глазками, мозаичные, диагональные полосы. Особенностью могильника Сухой Лог является наличие бус с поперечными полосами, скомбинированными с неправильным шахматным рисунком, а также с продольными полосами; наличие сердоликовых бус с декором; малое количество глазчатых бус. Напротив, особенностью городища Лобач является преобладание бус, декорированных глазками.

На могильнике Сухой Лог выявлено 57 типов и 19 вариантов типов бус, на городище Лобач - 20 типов и 4 варианта. Сравнительный анализ типов бус показал, что на памятниках присутствуют как сходные типы (IB9, IB14, IB18, IVA16, IVA39, IVA49, VIIБ2ж, XIA1, XIA2, XIГ3), так и отличные. Некоторые варианты и типы бус городища Лобач не известны на могильниках неволинской культуры и являются уникальными для данной территории. К таким относятся шарообразные бусы типа ВБ2к (глазок белый, красно-коричневый; полосы белые, синие) и ВБ2л (глазок черный, серо-зеленый; полосы черные, красно-коричневые). Они изготовлены из полосатой палочки, сваренной из разноцветных стерженьков. Срез палочки является глазком бусины. Бусы подобной техники изготовления встречаются на неволинских могильниках, однако подобных расцветок там нет. В погребениях неволинских могильников отсутствуют также зонные (ХIIА4) и бочонкообразные (ХIIА6) глиняные бусы. Городище Лобач и могильник Сухой Лог, без сомнения, входят в круг памятников неволинской культуры.

Список литературы

1. Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV - IX вв.). Ижевск. 264 с.
2. Деопик В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI-IX вв. // СА. №3. С.202-232.
3. Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып.10. С.64-94.
4. Львова З.А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып.20. С.90-103.
5. Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л., 1991. Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнёздово. М. С.244-259.
6. Рабкин Е.Б., 1956. Атлас цветов. М.
7. Шапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М. 120 с.
8. Шапова Ю.Л., 1991. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX-XII вв. (по находкам стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVII международному конгрессу византистов. М. С.159-160.
9. Francis P., 1980. Etched Beads in Iran // Ornament 4 (3). P.24-28.
10. Callmer J., 1977. Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca 800-1000 A.D. // Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Nr.11. Bonn-Lund. P.35.
11. Callmer J., 1991. Beads as a criterion of shifting and exchange connections // Studien zur Sachsenforschung.7. Hilpesheim. S.25-38.

О ДАТИРОВКЕ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 50-е гг. В.Ф.Генингом интенсивно изучались памятники эпохи средневековья р.Чепцы (рис.1) – одного из крупных левобережных притоков р.Вятки. Им были исследованы могильники Весьякар (Генинг В.Ф., 1979) и Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962), Поломское I (Каравалес) (Генинг В.Ф., 1961, с.86-87) и Весьякарское городища (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, с.87-90). В результате появилась возможность выявить характерные особенности этих памятников, определить их даты, поставить вопрос об объединении древностей этого облика в рамках полумской культуры III–IX вв. (Генинг В.Ф., 1958, с.92-102). В последующих работах В.Ф.Генинга полумская культура была разделена на три этапа: гыркесшурский (III–V вв.), каравалесский (VI–VIII вв.) и мыдланьшайский (VIII–IX вв.) (Генинг В.Ф., 1962, с.88; Генинг В.Ф., 1967, с.274).

Однако отсутствие публикаций и детального обоснования датировок материалов полумских могильников привело к сомнениям в правильности датировок и целесообразности обособления полумской культуры. Так, В.Б.Ковалевская, рассматривая в целом поясную гарнитуру Поломского I могильника, изученного в 1906–1908 гг. П.Г.Тарасовым и В.Д.Емельяновым (ОАК за 1906, с.115-116; ОАК за 1907, с.108, 132; ОАК за 1908, с.166–167), отнесла этот памятник к концу VIII – X в. и пришла к выводу о безосновательности выделения полумской культуры в бассейне р. Чепцы (Ковалевская В.Б., 1969, с.84-91).

Дальнейшее накопление данных по средневековым памятникам р.Чепцы позволяет в вопросе о полумской культуре признать правоту В.Ф.Генинга, а не В.Б.Ковалевской. Дата Поломского I могильника, предложенная В.Б.Ковалевской, в свете современных исследований по средневековому Прикамью представляется чрезмерно суженной. Это произошло вследствие применения В.Б.Ковалевской недостаточно корректной методики определения дат по процентному соотношению аналогов поясным деталям всего могильника в целом без деления его на комплексы.

В последние десятилетия на могильниках полумской культуры проведены большие полевые исследования, что позволяет вновь вернуться к проблеме датировки как культуры в целом, так и отдельных ее этапов. Так, в 1983, 1985, 1986 гг. В.А.Семеновым раскопано 114 могил на Толъенском могильнике (Семенов В.А. Отчеты за 1985 и 1986 гг.), им же в 1978, 1980 гг. исследовано 64 погребения на Омутницком могильнике (Семенов В.А., 1985). И особое значение для исследования этой проблемы имеют итоги раскопок Варнинского могильника, где в 1970–1973 гг. В.А.Семеновым изучено 304 захоронения с 312 погребенными (Семенов В.А., 1980). Этот могильник активно изучался в 1984 и 1990 гг. – В.А.Семеновым, в 1991 г. – Н.И.Шутовой, в 1994-1996 гг. – А.Г.Ивановым (Иванов А.Г., 1999, с.8). Особую важность для решения проблем хронологии полумской культуры имеет открытие в 1990 г. и последующие раскопки более ранней, курганной, части могильника, датированной А.Г.Ивановым концом IV – V в. (там же, с.35). Таким образом, в целом памятник относится к концу IV – X в., охватывает весь период культуры, и его материалы позволяют скорректировать наши представления о хронологии.

В.А.Семенов датировал Варнинский могильник и полумскую культуру концом V – первой половиной IX вв. Определив новые даты и при этом сохранив названия, предложенные В.Ф.Генингом, он выделил в ее развитии 3 этапа: I – гыркесшурский (конец V – первая половина VII вв.) с разделением на две группы: 1-я – конец V – первая половина VI вв., 2-я – вторая половина VI – первая половина VII вв.; II этап – каравалесский (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) и III этап – мыдланьшайский (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). В.А.Семеновым была проведена также большая работа по выявлению предметов, относящихся к каждому из этапов, что нашло отражение в составленных им хронологических таблицах (Семенов В.А., 1980, с.10, 11).

В целом общая схема развития поломского материала, предложенная В.А.Семеновым, существенных возражений не вызывает, однако некоторые принципиально важные моменты нуждаются в уточнениях. В частности, близкое знакомство с тенденциями развития вещевых комплексов средневекового Прикамья, а также поясной гарнитуры Восточной Европы позволяет усомниться в правильности объединения в один хронологический пласт комплексов конца V – первой половины VII вв. (гыркешурская стадия, по В.А.Семенову), т. к. предметы V–VI вв., с одной стороны, и конца VI – VII вв. – с другой, хорошо разделяются стратиграфически и типологически. Кроме того, вызывают возражения названия этапов культуры, определенные по слабо изученным и недостаточно точно датированным поселениям, более правильно было бы при этом чаще обращаться к материалам могильников. Представляется также целесообразным несколько уточнить и хронологические рамки культуры, как ее раннюю, так и позднюю дату.

Таким образом, типологический, планиграфический (на Варнинском могильнике многочисленны случаи взаимоперекрывания могил) и культурно-стратиграфический анализ материалов, прежде всего Варнинского, а также других поломских (Мыдланьшай, Весьякар, Омутница, Гордино, Тольен) могильников дает основание выделить в поломских древностях 5 хронологических стадий.

Ранняя стадия известна пока только по материалам Варнинского могильника. Ее погребения расположены в юго-восточной части раскопа (рис.2). Они немногочисленны – 18 захоронений из 9 распаханых курганов, диаметром 2,8–9 м. Канавки имели длину 0,80–2,25 м, ширину 0,29–1,76 м и глубину до 0,82 м. Курганы и погребения были выстроены в четыре ряда, ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Захоронения совершены в простых прямоугольных ямах, глубиной 0,42–0,9 м. Умершие уложены вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, СЗ, редко – З. Сопровождающий инвентарь беден (Иванов А.Г., 1999, с.21–24). В числе его височная подвеска (рис.3-3), бисер печеночного, желтого и черного цветов (рис.3-2), обрывки цепочек (рис.3-4–6), маленькие трехсоставные пряжки (рис.3-10,11), обломок наконечника ремня со шпеньками-полугорошинами (рис.3-1), умбоновидные бляшки (рис.3-8,9), железные кольчатые удила (рис.3-12), железные ножи с желобком вдоль лезвия (рис.3-13) и без него (рис.3-7).

Дату погребений этой стадии конец IV – V в. достаточно убедительно обосновал А.Г.Иванов (1999, с.24–35). Вопрос о названии стадии не прост. Поскольку захоронения этого времени известны только на Варнинском могильнике, а название «варнинская» закреплено уже за стадией III, я предлагаю назвать самую раннюю стадию поломской культуры варнишурской до появления нового памятника с курганными захоронениями на р.Чепце.

Вторая стадия, лучше всего представлена также на Варнинском могильнике. К этому времени можно отнести 17 могил, локализованных в северной части раскопа (рис.2), которые отличаются однотипным и весьма выразительным инвентарем. Среди наиболее характерных вещей этой группы крупные (рис.4-1, 5) и средних размеров (рис.4-9–11, 19) трехсоставные пряжки, различные варианты прямоугольных (рис.4-7, 8, 14–16) или круглых (рис.4-13) накладок, крупные наконечники ремней – коробочки (рис.4-23, 25). В этих же комплексах встречаются височные подвески из одного (рис.4-4) или двух (рис.4-2) крупных или мелких калачевидных (рис.4-20) колец, а также с привеской-бубенчиком (рис.4-3), кольцевидные (рис.4-12) или трапециевидные (рис.4-18) подвески, объемные изображения коня (рис.4-21) и рыси (рис.4-22), пластинчатые гривны с трехгранным сечением (рис.4-28). Из предметов вооружения популярны железные ножи с желобком вдоль лезвия (рис.4-27) и ножами, украшенными бронзовыми пластинами (рис.4-26, 29), костяные наконечники стрел с трапециевидным сечением (рис.4-17), из орудий труда – бронзовые шипчики (рис.4-24) и сверла (рис.4-6).

До обнаружения курганных захоронений на Варнинском могильнике эта группа была самой ранней из всех поломских. Кроме того, изучение материалов Верх-Саинского

могильника в сылвенском поречье дало возможность хорошо представить набор вещей VI в., и именно им соответствуют предметы этого времени в поломской культуре (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке Верх-Саинского могильника, в наст.сборнике). Аналогичны верх-саинским крупные трехсоставные пряжки из полома (там же, табл.3-15); прямоугольные (там же, табл.4-18) и круглые (там же, табл.4-19) накладки, калачевидные височные подвески (там же, табл.23-1); наконечники ремней типа коробочки (там же, табл.3-17), полые пронизки-коньки (там же, табл.26-5) и росوماхи (там же, табл.26-6), деревянные ножны с обкладкой из бронзовых пластин (там же, табл.26-4) и другие предметы. Тождественность многих изделий верх-саинским VI в. позволяет уверенно относить эту стадию именно к этому времени.

Ранний этап поломской культуры в свое время был назван В.Ф.Генингом и В.А.Семеновым гыркесшурским. На городище Гыркесшур (Поломское II) действительно довольно выразительна выборка этого времени, поэтому считаем возможным сохранить это название за второй стадией поломских памятников, определив ее дату в пределах VI в. В конце IV в. возникла варнинская территориальная группа (I) (рис.1-2) в верховьях р.Чепцы, в VI в. – гыркесшурская (II), бalezинская (III), убытская (V). Весьякарский локальный район (IV) был заселен, судя по современным материалам, в VIII в. Возможно, с накоплением новых данных, это произошло и в более раннее время. В отличие от населения кунгурской лесостепи, где традиция сооружать курганы сохранилась до середины VII в. (Верх-Саинский могильник), в верхнекамском (зюздинском) и чепецком районах она исчезла уже в VI в. Особенностью могил VI в. Варнинского некрополя является также западная ориентировка умерших, уложенных в прямоугольные ямы по способу трупоположения. Захоронения сопровождались многочисленными украшениями и предметами быта.

Третья хронологическая группа поломской культуры представлена 23 захоронениями Варнинского могильника, сопровождающимися инвентарем геральдического облика (рис.5). Подобные, предметы хорошо известны на Поломском I могильнике (Ковалевская В.Б., 1969, рис.1-20-22, 31, 32; 2-4-7, 10, 11, 15, 28-30). Поскольку эти вещи в Варнинском могильнике впервые образуют устойчивую многочисленную серию, мы предлагаем называть эту группу варнинской.

В состав этой группы входят различные варианты височных подвесок со свободно висящими привесками (рис.5-1,2,9,11). Среди них оригинальны с двумя орнаментированными овалами в основании (рис.5-3), с каменной вставкой (рис.5-10), и с двумя напускными бусинами (рис.5-4). Овальное кольцо с заходящими друг на друга концами (рис.5-5) продолжает развитие типологической серии предшествующего этапа (рис.4-4). В это время появляется целая серия цельнолитых пряжек, как правило, с В-образным кольцом и сердцевидной или прямоугольной пластиной (рис.5-6, 12, 14, 15, 17, 19, 20), а также восьмеркообразная пряжка с овальным кольцом и прямоугольным приемником (рис.5-18). В качестве архаизмов иногда встречаются трехсоставные пряжки (рис.5-13). Разнообразны поясные накладки и наконечники мечеобразных, геральдических и сопутствующих им форм (рис.5-21-26, 28, 29, 31-34, 36-39). В могилах этой группы появляются трубчатые (рис.5-44), с вздутиями (рис.5-16) и конические (рис.5-51) пронизки. Характерны составные из множества пронизок шумящие подвески со своеобразными бутылчатymi пронизками на концах (рис.5-53). Преемственны с объемными пронизками предшествующей поры изображения клюющих птиц (рис.5-45), коней (рис.5-47) и медведей (рис.5-54). Для этого района характерны своеобразные варианты солярных блях (рис.5-27), полуовальных подвесок (рис.5-30, 43), шумящих подвесок с круглой (рис.5-41), арочной (рис.5-52) и пластинчатой (рис.5-46) основой. В этой же группе встречаются налобные венчики в виде соединенных полуокружностей (рис.5-48), двучастные шумящие привески (рис.5-7, 8), бронзовые копоушки (рис.5-50).

Из оружия в могилах этой группы обнаружены железные шилья (рис.5-40), наконечники стрел (рис.5-35, 42), вытянутый наконечник копья с шипами (рис.5-56),

удила с крупными кольцами (рис.5-55) и палаш (рис.5-57).

Многие перечисленные типы вещей аналогичны предметам агафоновской стадии ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1979, рис.1, 4, 5; 16, с.127-128), датирующей VII в.

Кроме того, в последние десятилетия опубликованы новые материалы из памятников VII в. Приуралья – Бартымского (Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011, табл.51-78) и Неволинского (Голдина Р.Д., 2012, табл.205-206, 210, 211) могильников, Кузебаевского клада ювелира и Кузебаевского городища (Останина Т.И. и др., 2011, рис.1-30), что позволяет уверенно датировать эту группу VII в. В это время продолжают использоваться памятники, основанные в предшествующий период. Могилы этого времени локализуются на Варнинском могильнике к западу от могил VI в. и отличаются тем, что наряду с западной появляется восточная ориентировка погребенных. В других деталях погребального обряда существенных отличий не наблюдается.

Четвертая хронологическая группа представлена 74 могилами Варнинского могильника и 6 захоронениями Весьякарского могильника. Поскольку именно в VIII в. начинает активно функционировать весьякарская группа памятников (городище, могильник и селище у д.Весьякар), мы предлагаем назвать эту стадию весьякарской. Вещи этого времени хорошо известны на Поломском I и II, Гординском, Омутницком, Тольенском могильниках. В это время возникает ряд новых поселений: Адамское II, Качкашурское, Заболотновское, Кельдыковское, Ванегуртское, Аммональный склад селища и Байгурезьское, Каравалес и другие городища.

Из предметов этой стадии наиболее типичны височные подвески с полыми шаровидными (рис.6-1-3, 11-14) или гроздевидными (рис.6-5, 6, 9, 10) привесками. Появляются новые типы цельнолитых пряжек с овальными (рис.6-17, 19) или приостренными пластинами (рис.6-15-18). В качестве архаизмов встречаются пряжки с В-образным кольцом (рис.6-16), а из редких экземпляров – прямоугольные рамчатые (рис.6-25). Среди поясных накладок распространены прямоугольные (рис.6-21-24), арочные (рис.6-26, 32, 37), Ж-образные (рис.6-35), тройчатки (рис.6-34), ромбические (рис.6-61). В отличие от памятников неволинской культуры следует отметить однообразие прямоугольных накладок с изображением личины (рис.6-42). В комплексах весьякарской стадии известны накладки и наконечники ремней, украшенные лозовым орнаментом (рис.6-27, 28), хотя число их значительно меньше, чем в неволино. Среди поясной гарнитуры встречаются также гладкие (рис.6-20, 40), двучленные, орнаментированные (рис.6-29) наконечники ремней и пряжки-колючки (рис.6-30, 65).

Как в ломоватове и неволино, среди предметов весьякарской стадии много различных пронизок (рис.6-8, 39, 45, 46, 47-49, 62, 66), трапециевидных (рис.6-58), коньковых (рис.6-57), пластинчатых шумящих (рис.6-56), бубенчиков (рис.6-59), ложек (рис.6-33), коробочек (рис.6-31), подвесок-костыльков (рис.6-51-52), витых гривен (рис.6-60). Из оригинальных предметов следует отметить пронизки-гуся с вытянутой шеей (рис.6-36), неглубокие прямоугольные бубенчики (рис.6-41), сюльгамы с выступами по кольцу (рис.6-55), ажурные трапециевидные шумящие подвески (рис.6-53), трехчастные подвески (рис.6-63), сложносоставные шумящие подвески с арочной основой (рис.6-44).

Предметы быта, орудия труда и оружие в этой стадии представлены кожаными и берестяными ножами с металлической оправой (рис.6-67, 68), деревянными сосудами (рис.6-64), боевыми топорами (рис.6-69), удилами с S-видными псалиями (рис.6-70), стременами с плоским подножием и расплюсченной петлей (рис.6-71-73), листовидными (рис.6-74-75) и треугольными (рис.6-76) наконечниками копий, в это же время появляются сабли (рис.6-77).

Многие предметы этой группы подобны вещам деменковской стадии ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (Голдина Р.Д., 1970, с.90-91; 1979, рис.1; 1985, с.128-131; Генинг В.Ф., 1979, с.101-102), а также предметам неволинской стадии неволинской культуры (Голдина Р.Д., 1991, рис.8), датирующимся VIII в. Дата материалов

неволинского типа особых споров не вызывает. В.Б.Ковалевская датирует их последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А.Краснов – VIII в. (Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973, с.286), А.К.Амброз – концом VII – первой половиной VIII в. (1973, с.288, рис.1, этап IV). В Пенджикенте детали поясов, близких неволинским, датируются монетами середины 70-х гг. VIII в. (Распопова В.И., 1979, рис.3-1-4, 7; 5-1-11). По последним опубликованным материалам из могильников близкие аналогии предметам этой стадии имеются в могилах VIII в. Неволинского некрополя (Голдина Р.Д., 2012, табл.207, 208, 212-214) и захоронениях этого же времени Верх-Саи (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., в наст. сборнике). Очевидно, и весьякарская стадия полумской культуры должна относиться к VIII в.

Пятая, заключительная стадия, полумской культуры названа В.Ф.Генингом мыдланьшайской по имени могильника Мыдланьшай, содержащего яркий и выразительный материал конца VIII – IX вв. Могильник имеет довольно многочисленный монетный материал восточных династий конца VIII – начала IX в. (744–824 гг.) (Янина С.А., 1962, с.129-139). Кроме могильника Мыдланьшай, к этой стадии относятся более 100 захоронений Варнинского, а также некоторые комплексы Гординского, Весьякарского, Омутницкого, Тольенского могильников.

Среди вещей этой стадии разнообразны типы височных подвесок, многие из которых типологически близки подвескам предшествующего весьякарского времени (рис.7-1-14). Из принципиально новых типов следует выделить треугольные проволочные (рис.7-7), с 14-гранником (рис.7-8), витые (рис.7-10), с несколькими утолщениями на привеске (рис.7-11). Изменился характер поясной гарнитуры: из накладок очень популярны щитовидные различных форм, с изображением личины, с кольцом, с изображением головок коней и другие (рис.7-15-43, 46-53), среди пряжек многочисленны восьмеркообразные (рис.7-44, 45, 54-56, 59-62) и небольшие цельнолитые экземпляры (рис.7-57, 58). Наконечники ремней небольшие гладкие (рис.7-85, 87, 90) или с геометрическим орнаментом (рис.7-86, 89, 91). Становятся очень популярными различные варианты шумящих (рис.7-63-66, 68-71, 73, 81-83) и плоских (рис.7-67, 72, 74, 75, 92, 96, 100) подвесок, костыльков (рис.7-98). Типичны для этого времени флаконовидные привески (рис.7-84, 88), арочные с зернью накладки (рис.7-80-95), музыкальный инструмент типа варгана (рис.7-79), ножны с медной обкладкой и зернью (рис.7-101), калачевидные кресала (рис.7-97, 99), костяные лопаточки-гладилки (рис.7-116), стремяна с вогнутым подножием (рис.7-102, 103). Продолжают использоваться различные типы наконечников стрел (рис.7-109-111), копий (рис.7-104-106, 112), штыри (рис.7-108), боевые топоры (рис.7-114), металлические сосуды (рис.7-113), стремяна (рис.7-118) и удила с S-образными (рис.7-117) псалями, сабли (рис.7-119).

Время мыдланьшайской стадии обосновано В.Ф.Генингом: середина VIII – первая половина IX в. (Генинг В.Ф., 1962; 1979, с.102-103). Поскольку на имеющихся сейчас материалах трудно отделить первую половину IX в. от его второй, можно предположить, что основная масса предметов этой стадии существовала на протяжении всего IX в. Следует отметить также, что инвентарь мыдланьшайской стадии во многом похож и, очевидно, одновременен урьинской стадии ломоватовской (Голдина Р.Д., 1985, с.131-133) и сухоложской стадии неволинской (Голдина Р.Д., 1991, с.181-182) культур, датирующихся сейчас последней четвертью VIII – IX в.

К настоящему времени известно около 100 памятников полумской культуры (Памятники истории и культуры..., 1990): из них более 40 селищ, 33 городища, более 20 могильников и несколько местонахождений и кладов (рис.1). Памятники полумского типа располагались преимущественно по правобережью верхнего течения р.Чепцы от с.Дебессы на востоке до с.Адам на западе (Семенов В.А., 1982, с.57). Протяженность территории с востока на запад – 120 км, с юга на север – около 80 км. Интересно, что полумские памятники тяготеют к верховьям р.Камы, образуя группы на притоках, обращенных в сторону камского истока. Можно выделить четыре локальные группы

(рис.1-2), четко отделяющиеся друг от друга: варнинскую (I) (верховья р.Чепцы); гыркесшурскую (II) (устье р.Лып); бalezинскую (III) (устье р.Юнда) и наиболее многочисленную весьякарскую группу (IV) (варыжско-чепецкое междуречье). В последней группе некоторые памятники (Качкашурское селище и Омутницкий могильник) известны и на левом берегу р.Чепцы.

Отдельные памятники обнаружены за пределами выделенных групп: Староунтемское городище в верховьях р.Юс, Новогинское городище в верховьях р.Пызеп I, на Средней Убыти – Хомяковские городище и селище. Вероятно, вокруг этих единичных пока объектов будут со временем обнаружены новые памятники, и число ранних локальных групп поломской культуры возрастет. Открытие Староунтемского и Новогинского городищ в верховьях рр.Юс и Пызеп I косвенно указывает на направление освоения р.Чепцы – с верховьев р.Камы. Размещение же Хомяковских поселений на р.Убыти отражает стремление поломских племен к активному освоению среднего течения р.Чепцы.

Судя по новейшим материалам, варнинская группа (I) возникла в конце IV – V в. и продолжала существовать до IV в. Возможно, что и группы II и III также функционировали в это же время. Четвертая – весьякарская группа возникла в более позднее время – в VIII в. Благоприятные природные условия, разветвленная речная сеть способствовали увеличению численности населения. В каждой из групп известны основные категории памятников: городища, селища, могильники. Отсутствие селищ и могильников в бalezинской группе – свидетельство несовершенства археологических разведок.

Наиболее активно процесс освоения среднего течения р.Чепцы шел в IX в., когда поломское население, оставив на старых местах незначительную часть сородичей, в основной массе переселилось на запад и заняло здесь не только причепецкие берега, но побережье всех основных притоков (рис.1-3). Центром на новой территории стала многочисленная чепецко-варыжская группа, где число только вновь основанных поселений достигло 16. Здесь продолжали функционировать возникшие в VIII в. Весьякарское и Заболотновское городища, но появились и новые селища (Солдырские I и II, Турайские I и II, Поломское и Подборновское). Варнинская и гыркесшурская группы в IX в. стали немногочисленными. Население продолжало использовать старые поселения, новые почти не возникали, хотя наблюдались попытки освоения левого берега р.Чепцы (Тольенское селище).

В IX в. на Средней Чепце возникло 9 новых локальных групп (рис.1-3): Сепычская – в среднем и нижнем течениях р.Сепыч (V), Дондыкарская – в верховьях р.Омыти (VI), Утемкарская – на правом берегу р.Чепцы, в междуречье рр.Пышкец и Дондинка (VII), Убытская – в бассейне р.Убыти (VIII), Кушманская – на правом берегу р.Чепцы, в междуречье рр.Тум и Люм (IX) и Люмская – на р.Люм (X). Три обособленных группы выделены в бассейне р.Лекмы, в ее нижнем (XI), среднем (XII) и верхнем (XIII) течении.

Число памятников в группах невелико – от трех до шести. В некоторых группах (дондыкарской, утемкарской, убытской, среднелекминской, верхнелекминской) пока не обнаружены могильники, в других (верхнелекминской) пока не известны городища. В отдельных группах (кушманской), судя по числу могильников, пока еще выявлены не все селища. С открытием новых памятников границы отдельных групп будут уточнены, возможным станет выделение дополнительных кустов памятников. Обращает на себя внимание высокий (33,8) процент городищ в поломской культуре. Очевидно, при освоении бассейна р.Чепцы поломское население, учитывая нестабильность обстановки, угрозу внешнего нападения, предпринимало соответствующие меры безопасности и укрепляло свои поселки. Как было выяснено, в первой четверти IX в., вероятно вследствие набегов на жителей Сылвенского поречья кочевников-болгар, появившихся в Среднем Поволжье, прекратила свое существование неволинская культура (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке могильника Сухой Лог, в наст. сборнике). Часть ее населения была уничтожена, часть уведена в Среднее Поволжье, где приняла участие в

сложении государства Волжская Болгария. Вероятно, болгары осуществляли набеги и на верхнечепецкие земли, но произошло это, скорее всего, чуть позже, во второй четверти IX в. Об этом свидетельствует, прежде всего, выпадение некоторых кладов. Так, Лесогуртский клад, расположенный в варнинской группе (I; рис.1-2), состоял из 23 медных заготовок, двух серебряных гривен глазовского типа и 139 сасанидских и арабских монет, из которых позднейшая – аббасидская 841-842 гг. н.э. (Кондратьева Г.Т., 1964, с.233). Этим же временем датируется Ягошурский клад из Балезинской группы (III, рис.1-2), в котором найден серебряный кувшин VIII в., изготовленный в восточных районах Средней Азии, и в нем слиток серебра весом 18 золотников и около 1500 дирхемов. Самые поздние из последних датированы 843-844 гг. (Даркевич В.П., 1976, с.8-9). Из этой же группы происходит Седьярская находка среднеазиатского серебряного кувшина VIII в. (там же, с.9, табл.20-5,6). В убытьской (V) группе выявлен Чуринский клад, состоящий из иранского блюда VI–VII вв. и среднеазиатского блюда второй половины VIII – первой половины IX в. (там же, с.9). Эту же дату – вторую четверть IX в. подтверждают материалы могильника Мыдланьшай из весьякарской группы (IV), самая поздняя арабская монета которого датируется 823-824 гг. (Янина С.А., 1962, с.129). Не случайно в IX в. большинство полумского населения, но не все, покинуло верховья р.Чепцы и стало активно осваивать среднее течение р.Чепцы.

Набеги болгар, вероятно, продолжались и позже, так как в убытьской группе найден Глазовский клад из трех арабских монет, позднейшие из которых чеканены в 780-781 и в 784 гг. (Спицын А.А., 1893, с.80).

К этим событиям IX в., очевидно, имеют отношение некоторые клады гривен глазовского типа, которые по данным А.Г.Иванова, были широко распространены на р.Чепце – 176 экземпляров из 51 местонахождения (Иванов А.Г., 1997, с.74) и датируются им VIII – первой половиной XI в.

В связи с проблемой хронологии полумской культуры хотелось бы еще раз коснуться вопроса о ее происхождении. Ранее мной было высказано мнение о ее связи и даже прямом происхождении от населения ломоватовской культуры – предков коми-пермяков (Голдина Р.Д., 1987, с.18; 1995, с.18; 1999, с.364-365). Открытие на Варнинском могильнике захоронений конца IV – V вв. отнюдь не означает, что бассейн р.Чепцы не связан с ломоватовскими древностями. Это говорит лишь о том, что население полумской культуры находилось в русле тех же событий, что происходили в Прикамье в целом, и что и на р.Чепце пришлое население с курганным обрядом захоронения оказало существенное влияние на пермян Причепечья. Более того, сейчас становится очевидным, что верхнее течение р.Чепцы уже в первой половине I тыс. н.э. было заселено пермьями гляденовской общности, памятники которой хорошо известны в Среднем Прикамье. В 2004 г. А.Г.Иванов открыл гляденовское поселение у с.Зура на р.Ита, правом притоке р.Лозы, левобережном притоке р.Чепцы (Иванов А.Г., 2008, с.134-139). О том, что это не единичный случай, свидетельствует последующее открытие рядом еще одного подобного поселения (устное сообщение Г.А.Степановой). Вероятно, гляденовское население, оставившее многочисленные памятники (около 250) в Среднем Прикамье, активно осваивало близлежащие территории. Только в бассейне р.Очер, правого притока р.Камы сосредоточено более 40 памятников гляденовского типа. Верховья этой реки расположены от русла р.Чепцы на расстоянии 4-х км, а один из ее левобережных притоков на расстоянии 2-х км. Вполне закономерно, что гляденовское население расселялось и на побережья верховий близлежащих рек – Чепцы и Сивы. В верховьях р.Сивы (Больше-Сосновский район Пермского края) обнаружено около десятка поселений первой половины I тыс. н.э. (Памятники истории и культуры..., 1996, с.37-38). Можно предполагать, что верхокамское население ломоватовской культуры, также осваивая верховья р.Чепцы в VI в., а может быть и раньше, встретило здесь родственные группы – потомков гляденовцев, коими они были и сами.

Таким образом, в результате культурно-стратиграфического, планиграфического,

типологического, сопоставительного и других исследований удалось выяснить, что в середине VI в. в верховьях р. Чепцы появляются памятники поломского типа, которые существуют до IX в. включительно и далее. В результате их дальнейшего социально-экономического развития в X в. они трансформировались в чепецкую культуру (X–XIII вв.). Материальная культура объектов поломской культуры эволюционирует и дает возможность разделить ее на 5 последовательных стадий: I – варнишурскую (конец IV – V в.), II – гыркесшурскую (VI в.), III – варнинскую (VII в.), IV – весьякарскую (VIII в.), V – мыдланьшайскую (конец VIII – IX в.). Сопоставление выделенных стадий поломской культуры со схемами развития соседних ломоватовской и неволинской культур дает следующую картину (рис.8). Ломоватовская и неволинская культуры возникли одновременно в конце IV в. и имеют следующие синхронные стадии: бурковскую (ломоватово), бродовскую (неволино), варнишурскую (полом) – конец IV – V вв.; митинскую (ломоватово), верх-саинскую (неволино), гыркесшурскую (полом) – VI в. Памятники VII в. ломоватовской культуры обособлены в агафоновскую стадию, неволинской – в бартымскую, бассейна р.Чепцы – в варнинскую. Восьмой век для Верхней Камы – это памятники деменковского типа, для Сылвенско-Иренского поречья – неволинского, р.Чепцы – весьякарского, а в конце VIII – IX вв. – для ломоватово выделена урьинская стадия, неволино – сухоложская, полома – мыдланьшайская. Следует отметить, что памятники неволинской культуры в массе заканчивают свое существование в первой четверти IX в., а памятники ломоватовской и поломской культур функционировали, очевидно, на протяжении всего IX в. и далее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амброз А.К., 1973. [Рецензия] // СА. №2. С.288-298. Рец. на кн.: I. Erdelyi, E. Ojtozy, W. Gening. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск. 192 с.
- Генинг В.Ф., 1961. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Свердловск. Вып.1. С.23-47.
- Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // ВАУ. Свердловск. Вып.3. С.5-111.
- Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Свердловск. Вып.7. С.7-84.
- Генинг В.Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у д.Весьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск. С.87–106.
- Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып.158. С.96-106.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Свердловск. Вып.1. С.76-90.
- Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск. Вып.9. С.57–118.
- Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып.158. С.79-90.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 280 с.
- Голдина Р.Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск. С.6-36.
- Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.
- Голдина Р.Д., 1995. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.16-30.

- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 464 с.
- Голдина Р.Д., 2012. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Ижевск. 472 с.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекс памятников в эпоху средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь. 340 с.
- Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М. 199 с.
- Иванов А.Г., 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск. 309 с.
- Иванов А.Г., 1999. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // пермский мир в раннем средневековье. Ижевск. С.6-52.
- Иванов А.Г., 2008. Поселение Зура – памятник гляденовско-осинского типа на р.Ита (Удмуртия): предварительное сообщение // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып.V. Пермь. С.134-139.
- Ковалевская В.Б., 1969. К вопросу о «поломской культуре» // Древности Восточной Европы // МИА. №169. С.84-91.
- Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973. [Рецензия] // СА. №2. С.280-287. Рец. на кн.: I.Erdelyi, E.Ojtozy, W.Gening. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
- Кондратьева Г.Т., 1964. Археологические и этнографические работы на р.Чепце // АЭБ. Т.2. Уфа. С.232-236.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б., 2011. Кузебаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия. 218 с.
- Отчеты археологической комиссии за 1906 г. СПб., 1909.
- Отчеты археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1910. 157 с.
- Отчеты археологической комиссии за 1908 г. СПб., 1912.
- Памятники истории и культуры Удмуртии, 1990. Ижевск. 156 с.
- Памятники истории и культуры Пермской области. Археология. Т.I. Пермь, 1996. 299 с.
- Распопова В.И., 1979. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. Вып.158. С.106-113.
- Семенов В.А. Отчет II отряда Удмуртской археологической экспедиции о работе в 1985 г. Архив ИА АН СССР. Р-1. Д.10689.
- Семенов В.А. Отчет II отряда Удмуртской археологической экспедиции о работе за 1986 г. Архив ИА АН СССР. Р-1. Д.11351.
- Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С.5-135.
- Семенов В.А., 1982. К вопросу об этническом составе населения бассейна р.Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск. С.92-118.
- Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып.1. М.
- Янина С.А., 1962. Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып.3. С.129-139.

Важгортский II могильник эпохи средневековья в Коми-Пермяцком округе

Важгортский II (Чинагортский) могильник находится в Юсьвинском районе Пермского края (ранее Коми-Пермяцкий национальный округ), в 600 м к северу от д.Чинагорт, в 1000 м к востоку от д.Федорово. Он расположен на живописном возвышении береговой террасы, полого поднимающейся к водоразделу (левый берег р.Велвы, левого притока р.Иньвы, правого притока р.Камы). Надпойменная терраса, в том числе и площадка памятника, интенсивно распаивается (рис.1).

Памятник известен достаточно давно. Упоминания о некрополе на холме Ярово-дор в 300 м к северу от д.Чинагорт (Важгорт) имеются у И.А.Талицкой (1952, №1081) и В.Ф.Генинга (1955, с.8). В 1983 г. памятник был осмотрен разведочной группой КАЭ ПГУ под руководством В.П.Мокрушина, обнаружены три скопления костей человека, трехсоставная поясная пряжка с бронзовым полукруглым щитком и железными рамкой и язычком, обломок бронзовой обкладки ножен, фрагмент керамики и шаровидное грузило. На основании собранных материалов памятник был отнесен к харинскому этапу ломоватовской культуры и датирован VI–VII вв. н.э. (Мокрушин В.П., отчет за 1983 г., с.5-6, рис.6; Памятники..., 1996, №1589).

В 2004-2005 гг. силами студентов-практикантов филиала УдГУ в г.Кудымкаре на некрополе проводились рекогносцировочные раскопки отрядом КВАЭ под руководством В.А.Бернц и И.Ю.Пастушенко (Отчеты за 2004, 2005 гг.). Тремя раскопками⁵ исследована площадь 494 кв. м, на которой изучены остатки 15 погребений, 21 курганный канавки и 5 ям (рис.2). Предварительные результаты исследований опубликованы (Бернц В.А., 2005; Бернц В.А., Пастушенко И.Ю., 2005а; они же, 2005б).

Изученная часть некрополя значительно разрушена распахом. Так, на возвышенных участках террасы остатки канавок и погребений сохранились лишь в их придонной части – погребения (№№1-5, 10-15) имеют глубину порядка 3-11 см, а канавки – 2-20 см. Сильно пострадали могилы и на соседних, более низких участках. В силу этого восстановить погребальный обряд в полном объеме невозможно.

Могильник относится к типу курганных. Судя по сохранившимся остаткам, можно выделить следующие пары погребений и курганных канавок: могила 12 – канавка 2; 13 – 3; 14 – 5; 1, 2 – 7; 6 – 9, 10, 12; 8 – 18, 19; кроме того, на существование еще нескольких курганов указывают канавки №№4, 6, 20. Таким образом, на вскрытой площади зафиксированы остатки как минимум 9 курганов. Остальные объекты, также являющиеся остатками разрушенных курганов, атрибутировать на данном этапе изучения сложно (до выяснения полной планировки памятника). Тип курганных насыпей точно установить невозможно, вероятно, они имели круглую (канавка №4) или овальную (канавки №№9, 10, 12, 18, 19) форму (рис.2).

Зафиксированные курганные канавки имели подпрямоугольную с закругленными углами (№№7-9, 17, 21), овально-вытянутую (№№1, 10-12, 14), полукольцевую (№4), дугообразную (№№2, 3, 5, 6, 13, 15, 16, 18-20) формы. Вероятно, канавки №№9, 10, 12 представляют собой остатки одного кургана, как и канавки №№18 и 19. Находки обнаружены в 11 канавках и распределяются следующим образом: фрагменты керамики обнаружены в заполнении двух канавок (№№10, 20), зубы, челюсти и кости животных в пяти (№№7-9, 14, 19), зубы и кости животных и фрагменты керамики в двух (№№11, 18), кальцинированные кости, кости животных и фрагмент керамики в заполнении канавки 12.

⁵ В связи с тем, что на раскопе I очертания погребений, кости человека и вещи, относящиеся к могильнику, не обнаружены (выявлены границы очертаний двух пустых ям, вероятно, естественного происхождения и четырех столбовых (поздних) ямок), план раскопа не приводится.

В одном случае (канавка №21) зафиксированы кости животных и кости верхней половины скелета человека, происходящие, возможно, из разрушенного погребения.

Все погребения выявлены в их придонной части. Очертания могильных ям имели подпрямоугольную с закругленными углами форму. Лишь погребение №7, зафиксированное под курганной канавкой №10, несколько отличается – оно было значительно шире в верхней части. Из общего ряда «выделяется» могила №3, в которой было захоронено не тело умершего человека, а только его голова, в силу чего яма имела почти квадратную форму.

Ориентировка могильных ям, в целом, северная с отклонениями к СЗ или СВ: СЗ-ЮВ, С-Ю и ВСВ-ЗЮЗ – по одному погребению, ССЗ-ЮЮВ – 3 (№№12, 13, 15), ССВ-ЮЮЗ – 4 (№№1, 2, 11, 14), СВ-ЮЗ – 5 (№№3, 5-7, 9).

Стенки погребений зафиксированы в придонной части: наклонные (8 могил) или вертикальные (6 могил); в одном погребении выявлены и вертикальные, и наклонные стенки. Дно у всех захоронений плоское. Длина могильных ям колеблется от 78 до 233 см, преобладает длина 165-195 см – 8 могил, по 3 ямы были длиной 211-214 см и 231-233 см; яма с захоронением головы имела длину 78 см. Ширина ям варьируется от 50 до 100 см, преобладает ширина 50-86 см (14 могил). Незначительная глубина погребений (от 3 до 16 см) объясняется длительной распашкой площадки памятника. Взаимонарушения могильных ям не зафиксированы, что объясняется курганным характером могильника; часть канавок, наоборот, перекрывают друг друга (№№5 и 6, 12 и 13, 16-18, 19 и 20) (рис.2).

Остатки деревянных конструкций, вероятно, прямоугольной формы обнаружены в 3 погребениях, сохранившиеся размеры двух из них – 145х50 см (погребение №2), 124х32 см (№5). В захоронении №8, судя по зафиксированному небольшому фрагменту конструкции (30х51 см), погребенный был уложен в ящик, от которого сохранились фрагменты дна, продольных и торцевой стенок; мощность всех сохранившихся фрагментов – 0,1-0,3 см.

Человеческие останки (кости и фрагменты костей) обнаружены в 8 из 15 могил. Ориентацию погребенных можно определить лишь в 4 случаях – они были уложены головами на СВ (№№5, 7), ССВ (№1) и ВСВ (№8). В этих же погребениях определяется положение умерших – вытянуто на спине. В трех захоронениях (№№2, 6, 9) сохранившиеся останки не позволяют установить положение и ориентировку погребенных. Одно погребение отличается от остальных – в нем расчищен череп человека без нижней челюсти.

Вещевой инвентарь найден в 8 могилах (№№1-3, 5-9; 53,3% от общего количества могил), 2 ямах (№№2, 4), а также происходит из пахотного слоя и сборов с поверхности (из разрушенных погребений). Материал представлен украшениями (бусы, подвески, пронизки, поясная и обувная гарнитуры), орудиями труда (ножи), оружием (железные и костяные наконечники стрел), деталями конской упряжи (железные удила). Точное положение вещей в могилах, закономерность в их расположении определить сложно из-за сильной разрушенности погребений. В двух могилах найдены детали обувных наборов: бронзовые пряжки (№5), бронзовые пряжки и наконечники (№8). В погребении №7 слева у черепа обнаружено височное кольцо, вероятно, крепившееся к головному убору. Расположение инвентаря в этих захоронениях позволяет говорить о традиционном положении предметов (деталей костюма) в могилах – так, как человек носил одежду при жизни.

На памятнике собран и незначительный керамический материал ломоватовского типа. Он представлен фрагментами лепной керамики светло-коричневого, коричневого и черного цвета, в глиняном тесте примесь раковины, шамота (или сухой глины) и мелкого песка. Последняя примесь могла носить естественный характер. Поверхность тщательно заглажена мягким предметом. Толщина стенок колеблется в интервале от 3 до 10 мм, преобладает 5-6 мм. Представление о форме дают два фрагмента шеек. Первый от

достаточно крупного бытового сосуда светло-коричневого цвета со сравнительно высокой вертикальной шейкой, плавно переходящей в слабораздутое тулово. Округлый венчик орнаментирован с обеих сторон косопоставленными оттисками гладкого круглого штампа («насечки»). Второй сосуд – закрытая чаша, округлый венчик оттянут наружу и украшен оттисками гладкого круглого штампа («насечки»), плечико орнаментировано рядом сдвоенного горизонтального зигзага, выполненного в псевдорезной технике.

Материал, полученный при исследовании могильника, не многочисленен, но весьма интересен. В его классификации использованы схемы, разработанные в диссертационных исследованиях С.Р.Волкова (1995), Е.В.Голдиной (1998), С.А.Перевозчиковой (2009), а также монографических работах Р.Д.Голдиной (1985; 2012), Р.Д.Голдиной и Н.В.Водолага (1990), Р.Д.Голдиной, С.А.Перевозчиковой и Е.В.Голдиной (в печати), Р.Д.Голдиной, И.Ю.Пастушенко, Е.М.Черных (2011), Е.В.Голдиной (2010) для материалов неволинской и ломоватовской культур.

Бусы выполнены из стекла (6 экз.) и раковины-каури (1 экз.). При их описании использована классификация Е.В.Голдиной. Группы выделены по материалу, а для стекла и по технологии изготовления, подгруппы – по наличию или отсутствию декора, типы – по форме, цветности, прозрачности и виду декора (1998, с.12-30, 202-240; 2010, с.24-47).

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутой трубочки.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IA4 (5 экз.; рис.3–1). Зонные желтые непрозрачные. По материалам ломоватовской культуры датируются достаточно широко – конец V – XI в. (Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.63, рис.3), неволинской – несколько уже – конец IV – IX в. (Голдина Е.В., 2010, с.59-60, рис.34).

Группа IV. Бусы, изготовленные из однослойных тянутых палочек.

Подгруппа А. Одноцветные без декора.

Тип IVA20 (1 экз.; рис.3–2). Бочонкообразная пурпурная (фиолетовая) полупрозрачная. По материалам неволинской культуры датируется VI–VII вв. (Голдина Е.В., 2010, с.59-60, рис.34).

Группа XIV. Бусы, изготовленные из раковины.

Подгруппа А. Без декора.

Тип XIVA6 (1 экз.; рис.3–14). Подвеска – раковина каури. В Прикамье встречаются с ананьинского времени вплоть до XX в. (Голдина Е.В., 2010, с.46). Вместе с тем, основная масса бус из таких раковин в неволинских материалах датируется временем конца VI – VII в. (Голдина Е.В., 2010, с.54, рис.31).

Височные подвески, все изготовлены из бронзы, представляют собой проволоочные кольца с привесками или без них. Для типологии использована схема С.А.Перевозчиковой. Отделы выделены по общей форме и технике изготовления предмета, типы и подтипы – по форме привески или кольца (2009, с.28-37).

Отдел А. Височные кольца без привесок.

Тип 1. Простые проволоочные.

Подтип а. Округлой формы.

Вариант 1 (3 экз.; рис.3–3-5). Небольших размеров (диаметром до 2,5 см), с заостренными концами. В Приуралье встречаются и датируются широко – «от древности до современности».

Отдел В. Височные кольца с привеской в виде бусины или металлического шара, крепившейся к кольцу при помощи стержня-основы.

Тип 2. Привеска в виде полого металлического шара.

Вариант 2 (1 экз.; рис.3–12). Привеска привешена к нижнему кольцу цепи из двух колец. Данный тип украшений встречается в Прикамье во второй половине VI – VII в. (Перевозчикова С.А., 2009, с.67, 69-71).

Отдел Е. Височные кольца со свободно вращающейся привеской, прикрепляющейся к кольцу посредством верхней петельки.

Тип 1 (1 экз.; рис.3–6). Привеска, украшенная каменной вставкой треугольной или овальной формы. Наш экземпляр представлен во фрагментах; сохранились пластина-основа и три полугорошины. Височные подвески такого типа встречаются в могильниках Приуралья в VII в. (Перевозчикова С.А., 2009, с.71). Не исключено, что данные остатки происходят от полностью разрушенных ножен, точнее, их нижней части.

В коллекции имеется также кусок бронзовой проволоки (рис.3–11), который мог являться, с равной долей вероятности, как височным кольцом крупного размера, так и обломком круглопроволочной гривны.

Пряжки, все изготовлены из бронзы. Отделы выделены по способу соединения кольца с пластиной, типы – по форме пластины, подтипы – по форме, размерам и сечению кольца, варианты – по форме и размерам язычка. Для отдела Д (рамчатые) за типологический признак взята форма рамки, подтипа – сечение кольца, варианта – размер пряжки и форма язычка. Здесь и ниже (при анализе бронзовых украшений) использована типология, разработанная Р.Д.Голдиной и С.А.Перевозчиковой для материалов Верх-Саинского могильника (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., в печати).

Отдел А. Трехсоставные, харинского типа с округлым, иногда чуть приплюснутым, свободно вращающимся кольцом, как правило, намного превышающим ширину пластины, и нависающей иглой.

Тип 2. С задней пластиной прямоугольной формы.

Подтип а. С округлым кольцом круглого сечения.

Вариант 2 (3 экз.; рис.4–6,7,11). Язычок с треугольным выступом у основания, иногда орнаментирован поперечной насечкой, пряжка средних размеров.

Тип 3. С задней пластиной ромбической формы с округлыми выступами по углам, иногда орнаментированными насечками.

Подтип а. С округлым кольцом круглого сечения.

Вариант 1 (2 экз.; рис.4–12,15). Язычок имеет треугольный выступ у основания, орнаментированный поперечной насечкой, выходит за пределы кольца.

Подтип б (2 экз.; рис.4–13,16). С В-образным кольцом плоского сечения.

Тип 4 (1 экз.; рис.4–18). Пряжки с короткими округлыми пластинами, отсутствие рамки не позволяет определить подтип и вариант предмета.

Отдел Д. Рамчатые, ремень привязывался непосредственно к кольцу.

Тип 1. Овальные.

Подтип а. Кольцо в сечении округлое.

Вариант 3 (1 экз.; рис.4–10). Мелкие, язычок имеет треугольный выступ у основания и выходит за пределы кольца.

Подтип б. Кольцо ромбическое в сечении.

Вариант 1 (1 экз.; рис.4–17). Крупные, язычок имеет треугольный выступ у основания.

Вариант 3 (1 экз.; рис.4–14). Мелкие.

Накладки, выполнены из бронзы. Группы выделены по способу крепления, типы – по форме, подтипы – по ее отдельным деталям.

Группа 1. Поясные накладки, крепились к ремню с помощью штифтов.

Тип 1. Длинные вытянутые пластины с некоторой вариацией размеров. Иногда украшены насечками, пуансонными вдавлениями и полугорошинами.

Подтип а (1 экз.; рис.4–4). Суженные в центре.

Подтип б (не менее 5 экз.; рис.4–1-3). Прямоугольные.

Подтип в (1 экз.; рис.4–5). Прямоугольные, с зауженными концами.

Тип 13. Круглые.

Подтип а. С прорезью в центре.

Вариант 1 (1 экз.; рис.4–8). Плоские.

Наконечники ремней, все изготовлены из бронзы. Отделы выделены по способу крепления к основе, типы – по форме, подтипы – по орнаменту.

Отдел А. Наконечники – коробочки в виде пластины, обжимающей ремень с двух сторон; крепятся к основе с помощью ряда шпеньков, украшенных с лицевой стороны полугорошинами, и закругленным концом. Иногда сверху и снизу закрыты дополнительными пластинами.

Тип 2. Прямоугольные.

Подтип д (1 экз.; рис.3–19). С лицевой стороны по верхней части имеет дополнительную полосу, украшенную точечным орнаментом. Имеющийся в коллекции экземпляр сильно деформирован.

Тип 3 (1 экз.; рис.3–16). Плоский, квадратный.

Отдел Г. Наконечники в виде пластин, имеющих внутренние шпеньки для крепления к ремню.

Тип 6 (3 экз., в том числе один во фрагментах; рис.3–15,17,18). Квадратные, имитирующие наконечники харинского типа – загнутую пополам пластину, украшены полугорошинами на шпеньках и декоративной планкой с насечками. Подобного рода изделия найдены в Рождественском могильнике именковской культуры (Старостин П.Н., 1967, табл.17-5), а также на городище Лобач (Шокшуев Г.А., отчет за 1961 г., рис.19).

Отдел Е (1 экз.; рис.3–21). Подковообразный наконечник, крепившийся к ремню с помощью трех шпеньков с полугорошинами, украшен насечками, в основании имеет дополнительную пластину.

Поясная гарнитура, описанная выше, хорошо известна по материалам курганных могильников ломоватовской и неволинской культур Прикамья, где она укладывается в рамки VI–VII вв. (Генинг Ф.В., Голдина Р.Д., 1973, рис.4–22; 5; 6–6-8; 7–1-7,11,12; Голдина Р.Д., 1985, табл.V–21; VI; VII–6-8; X–1-12; XI–18,19; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990, табл.XXIV–12,17; XXV–1,2,5,21,22; XXXIII–12,33). Наибольшее количество аналогий имеется в материалах Верх-Саинского могильника, где они датируются VI в. (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., в печати).

Пронизки, все изготовлены из бронзы. Отделы и типы выделены на основе внешней формы, подтипы – по ее отдельным деталям, варианты – по деталям орнамента или размерам.

Отдел Б. Трубчатые.

Тип 3 (представлен фрагментами; рис.3–7-9). Спиральновитые из узкой (1-1,5 мм) полосы с округлым (рис.3–9) и полусферическим (рис.3–7,8) сечением трубицы. Были соединены в три ряда с помощью припаянных бронзовых пластинок (рис.3–7), на концах ремешки соединялись воедино посредством коротких трубиц-обойм из сравнительно широкой (не менее 10 мм) пластины (рис.3–10). Вероятнее всего, являлись украшением головного убора. Аналогичные изделия известны по материалам погребений №81 Агафоновского I, №54 Бурковского, №2 Пыштайнского (Голдина Р.Д., 1985, табл.XXIV–50) могильников, захоронений №1 кургана 54 и №5 Верх-Саинского могильника (Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., в печати).

Отдел Д. Полиморфные (зооморфные).

Тип 4. Коньковые.

Подтип б (1 экз.; рис.3–13). Реалистично выполнены головка и грива коня, представлена фрагментом.

Найден также фрагмент бронзовых ножен (рис.3–20). Подобные изделия появляются в регионе в V в. н.э., но особенности оформления данных ножен позволяют датировать их VI–VII вв. (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, рис.8–14-17).

Интересен предмет из бронзового дрота квадратного (5х5 мм) сечения, длиной 14,7 см, один конец которого заострен (рис.3–22). Из сборов с площади раскопа и ряда погребений происходят находки обломков бронзовых пластин, которые, вероятно, являлись деталями поясных накладок и пряжек (например, рис.4–9).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел (8 экз.), два изготовлены из железа (рис.5–4,5), шесть – из кости (рис.5–1-3,6-8). Классы выделены по материалу,

отделы – по способу насада, группы – по поперечному сечению пера, типы – по форме пера в плане. У костяных изделий выделяются также подтипы – по особенностям оформления боевой головки и переходу пера в черешок (Волков С.Р., 1995, с.11-18; Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011, с.31-33).

Класс I. Железные.

Отдел Б. Втульчатые.

Группа 1. Плоские.

Тип 2 (2 экз.; рис.5–4,5). Ромбические с прямыми плечиками и сторонами и наибольшим расширением в средней части пера. Данный тип наконечников стрел в Прикамье (ломоватовская культура – 5 экз., ломовская – 16 экз.) появляется с VII в. (Волков С.Р., 1995, с.60).

Класс II. Костяные.

Отдел А. Черешковые.

Группа I. Четырехгранно-ромбические (иногда шестигранные в центральной части пера).

Тип 1. Наконечники с наибольшим расширением в нижней части пера, с граненым черешком.

Подтип а (2 экз.; рис.5–6,8). Переход от пера к черешку не оформлен, грани пера и черешка совпадают.

Тип 2 (1 экз.; рис.5–3). Наконечники с наибольшим расширением в средней части пера, переход от пера к черешку не оформлен.

Группа II. Трехгранные.

Подгруппа А. «Высокие», в сечении равносторонний треугольник или равнобедренный с прямым углом в вершине.

Тип 1. Наконечники с наибольшим расширением в нижней части пера, с граненым черешком.

Подтип а (1 экз.; рис.5–1). Переход от пера к черешку не оформлен.

Подтип в (1 экз.; рис.5–2). Боевая головка пера имеет прямоугольное сечение.

Тип 8 (1 экз.; рис.5–7). С параллельными в средней части пера сторонами, переход от пера к черешку не оформлен, грани пера и черешка совпадают.

Наконечники данных типов хорошо известны по материалам гляденовского времени, часто встречаются в могильниках Прикамья до VII в. н.э. (Волков С.Р., 1995, с.58).

Конская упряжь представлена двумя железными удилами (рис.5–9,10). В типологии, разработанной С.Р.Волковым для средневековых древностей Прикамья, классы выделены по количеству членов гызла, отделы – по количеству петель на внешних кольцах гызла и их форме, группы – по наличию и материалу псалий, типы – по форме и способу крепления, подтипы – по количеству и форме дополнительных колец (Волков С.Р., 1995, с.44-46).

Класс. Двусоставные.

Отдел I. Двукольчатые с круглыми внешними кольцами.

Группа Б. С железными псалиями.

Тип 2. С двумя кольчатыми псалиями.

Подтип а (2 экз.; рис.5–9,10). Без дополнительных колец, в одном случае с обжимной пластиной на псалии. Изделия подобного типа в ломоватовских комплексах появляются в V в., бытуют практически до наших дней (Волков С.Р., 1995, с.74).

Таким образом, небольшой, но представительный материал позволяет отнести Важгортский II (Чинагортский) могильник к кругу памятников ломоватовской культуры и датировать его VI в. н.э.

Библиография

Архивные материалы

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях Важгортского II (Чинагортского) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа, проведенных летом 2004 года // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.433.

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях Важгортского II (Чинагортского) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа, проведенных летом 2005 года // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.450.

Волков С.Р., 1995. Вооружение населения Верхнего Прикамья во II половине I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Дисс... канд. ист. наук // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.44. 211 с.

Голдина Е.В., 1998. Бусы Верхнего Прикамья конца IV-IX вв. (по материалам могильников неволинской культуры) / Дисс... канд. ист. наук // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.6. 240 с.

Мокрушин В.П. Отчет о работе Пермского отряда в 1983 г. // Архив АК ПГУ.

Перевозчикова С.А., 2009. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV-IX вв. (историко-генетический подход) / Дисс... канд. ист. наук // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.147. 119 с.

Шокшуев Г.А. Отчет о раскопках городища Лобач и Кляповского могильника в 1961 г. // Архив КИАУ ПГУ.

Литература

Бернц В.А., 2005. К некоторым особенностям погребального обряда ломоватовского населения (на примере Важгортского II (Чинагортского) могильника) // VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г.Ижевска: Материалы конференции. Ч.I. Ижевск. С.99-102.

Бернц В.А., Пастушенко И.Ю., 2005а. Работы в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого национального округа // Археологические открытия 2004 года. М. С.335-336.

Бернц В.А., Пастушенко И.Ю., 2005б. Раскопки Важгортского II (Чинагортского) могильника ломоватовской культуры // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Кудымкар. С.34-38.

Генинг В.Ф., 1955. Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. Вып.57. М. С.115-123.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып.12. Свердловск. С.58-132.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.

Голдина Р.Д., 2012. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье / МИИ КВАЭ. Т.21. Ижевск. 472 с.

Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 176 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск. С.40-71.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011. Бартымский комплекса памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / МИИ КВАЭ. Т.13. Ижевск-Пермь. 340 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI-IX вв. у д.Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / МИИ КВАЭ. Т.19. Ижевск. В печати.

Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.) / МИИ КВАЭ. Т.6. Ижевск. 264 с.

Памятники истории и культуры Пермской области. Т.I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь, 1996. 299 с.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры / САИ. Д 1-32. М. 97 с.

Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы / МИА. №27. М. 224 с.

Хронология верхокамских древностей VI-XIV вв.

Верхокамье – это бассейн р.Камы, от ее верховьев до широты с.Лойно протяженностью более 100 км. Оно расположено на пограничье Кировской области, Пермского края и Удмуртской Республики. В археологическом отношении стало известно в 80-х гг. XIX в. благодаря работам А.А.Спицына, Н.Г.Первухина, А.Н.Шатрова. Стационарные работы на памятниках этого края проводились в 1973–1984 гг. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д.Голдиной. Сейчас здесь известно около 100 памятников эпохи средневековья: 14 городищ, 53 селища, 18 могильников, 6 кладов. Стационарно изучены 10 поселений и 9 могильников с 568 захоронениями VI–XIV вв. (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с.9). Особенно крупные работы проведены на городище Шудьякар и Аверинских I и II могильниках. Материалы последних и легли в основу предлагаемой хронологической шкалы верхокамских древностей. Анализируемые памятники принадлежат зюздинскому варианту ломоватовской и родановской культур и большинством исследователей рассматриваются как предки коми-пермяков.

Аверинский I могильник (XII–XIV вв.) обнаружен в 1973 г. В.А.Кананиным. В 1974 г. Р.Д.Голдиной, а в 1984 г. Е.М.Черных на могильнике были проведены раскопки. Могильник находится в 900 м к северо-западу от д.Авериной (рис.1), в 500 м к северо-западу от городища Шудьякар, в 100 м к юго-востоку от д.Харино на краю коренной террасы правого берега р.Камы (высота 20 м) и своим восточным краем фактически смыкается с Аверинским II могильником. На площади 692 кв.м изучено 26 погребений (рис.2). Могильные ямы прямоугольной формы вытянуты в меридиональном направлении с отклонением к северо-востоку. Погребенные уложены вытянуто на спине. В большинстве захоронений нарушен анатомический порядок костей, в основном – верхней части туловища. Погребальный инвентарь представлен украшениями, орудиями труда, предметами быта, реже – керамикой.

Аверинский II могильник (VI–IX вв.) обнаружен в 1974 г. Р.Д.Голдиной; в 1975-1976 гг. ею же исследован. В 1978 г. раскопки на памятнике проводились В.А.Кананиным, 1982-1984 гг. – Е.М.Черных. Площадка памятника сравнительно ровная, распахивается. На площади 4140 кв.м исследовано 440 погребений, расположенных рядами (рис.3). Ориентация могильных ям разнообразна, но преобладают меридиональная и промежуточная. Погребения совершались в подпрямоугольных ямах размерами 1-3,5х0,3-1,2 и глубиной до 0,8 м по обряду трупоположения или частичной и полной кремации. Многочисленный и разнообразный сопровождающий инвентарь: украшения, оружие, орудия труда, предметы быта, керамика позволяет разделить его достаточно четко на хронологические стадии в пределах 1 или 2-х столетий.

Работа по хронологизации древностей Верхнего Прикамья эпохи средневековья ведется в Удмуртском университете давно (Голдина Р.Д., 1970, с.87-101; 1979, с.79-90; 1991, с.167-192; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1982, с.122-131; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с.39-61 и др.). На основании многолетних наблюдений и детального анализа материалов верхокамских поселений и могильников, была предпринята попытка дополнить и развить предшествующие хронологические схемы и выявить составляющие компоненты новых хронологических групп.

Установлено, что самые ранние вещи найдены в четырех могилах Аверинского II могильника (погр.68, 86, 135, 180) и на Русиновском II селище. В их число входят трехсоставные бронзовые табл.1-1, 2, 4, 5, 8) и железные (табл.1-19) пряжки, как правило, средних или крупных размеров с выступающей иглой, лировидная пряжка с выступом на игле (табл.1-21); пояса с крупными прямоугольными накладками и пластинчатыми наконечниками с утолщением (табл.1-19, 20). Среди предметов этой группы – круглая

накладка, украшенная спиральным орнаментом (табл.1-3); кольцевидные подвески с утолщениями по кольцу (табл.1-6, 7); височные подвески со свободно висящими каплевидной (табл.1-9) или двумя пластинчатыми привесками (табл.1-12), с привеской в виде кольца с псевдогроздью (табл.1-14); несколько вариантов конических пронизок (табл.1-15-17), деревянные ножны, обтянутые бронзовыми или серебряными пластинами и украшенные продольными и поперечными обоймами, скрепленными полугорошинами (табл.1-18), небольшие, из трех соединенных колец, шумящие подвески с овальными пластинчатыми привесками (табл.1-10, 11, 13).

В составе представленных комплексов значительное место занимают бусы определенных типов. Многочисленны дисковидные янтарные (табл.2-189), известны бусы, изготовленные из стеклянной палочки: мелкие, в форме куба со срезанными углами, белого и желтого цветов (табл.2-73, 79); подквадратно-эллипсоидные зеленые (табл.2-70); многогранно-параллелепипедные голубые (табл.2-76); усеченно-яйцевидная бусина с диагонально-линейным орнаментом (табл.2-91); синие, в форме трубочки (табл.2-67); зеленоватого цвета, в виде трубочки, украшенные глазками (табл.2-84); из желтого стекла с коричневым оттенком, сделанные в подражание янтарным (табл.2-60).

Указанные выше металлические предметы имеют полные аналогии в материалах позднихаринских могильников Верхнего Прикамья, относящихся преимущественно к VI в. Пряжки, подобные аверинским, известны в погребении 18 Митинского (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, табл. 4, 10), в могилах 21, 49 Бурковского (там же, табл. 5, 20) и погребении 3 кургана I Агафоновского могильников (там же, табл. 6, 1). Накладки типа ранних аверинских поясов широко распространены в Митинском, Харинском и Агафоновском I могильниках (там же, табл.7, 7, 11, 15). В захоронениях этих же некрополей хорошо известны наконечники ремней (Харино, погр.37/5, 53/1; Митино, погр.4, 9, 26, 39; Бурково, погр.13/2, 16; Агафонов, погр.1/2; Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973, табл.7, 24) и своеобразные ножи харинского типа (Харино, погр.17/4; Агафонов, погр.1/5; Бурдаково I, погр.2/3; Митино, погр.4, 24, 26 и др.; там же, табл.8, 14-16).

Дисковидные янтарные бусы имеют аналогии в памятниках IV–V вв. на Кавказе (Пашковский могильник), на Кубани, в Абхазии (могильник Цебельда), Кабардино-Балкарии (Деопик В.Б., 1959, с.49). Подобные бусы найдены также при раскопках в античных колониях Северного Причерноморья в IV в. до н. э. – IV в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с.23-24). Дисковидные желтые, сделанные из стекла в подражание янтарным, преобладают над всеми другими в могилах V–VI вв. Бродовского могильника (Голдина Р.Д., 1986, табл.6, 20-23; 7, 5; 8, 6, 12, 15), они известны в Ферганском могильнике I–IV вв. н.э., в погребениях Кара-Булак (Львова З.А., 1976, с.55). Таким образом, все представленные памятники, имеющие аналогичный вещевой материал, указывают на V–VI вв. как период, хронологически наиболее близкий ранним погребениям Аверинского II могильника.

Более адекватный набор вещей содержится в многочисленных захоронениях VI в. Верх-Саинского могильника в Сылвенском поречье. Здесь обнаружены абсолютно тождественные трехсоставные пряжки (Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1988, табл. XXV, 1-5), поясные накладки (там же, табл. XXIX, 1-3), наконечники ремней (там же, табл. XXXIII, 10, 12), ножны (там же, табл. XLVII), кольцевидные подвески с утолщениями (там же, табл. XXXVIII, 30), аналогичный набор бус. В комплексах, содержащих этот инвентарь, довольно часто встречались сасанидские монеты конца V в. – Замаспа (чеканка 498 г. – погребение 1 кургана 14), Кавада I (чеканка 496 и 497 гг. – погребение 1 кургана 17), Пероза (465 г. – погребение 2 кургана 9)* Подобный инвентарь могилы 16 Веслянского I могильника, раскопанного в Привычегодье, также сопровождался монетами Пероза (Савельева Э.А., 1979, с.93).

Таким образом, приведенный выше материал свидетельствует о том, что ранние

---

* Определение монет выполнено научным сотрудником отдела нумизматики ГИМа А.Б.Никитиным.

захоронения Аверинского II могильника относятся к концу харинского периода в Прикамье, а именно – к VI в. н.э. На это указывает также и появление наряду с типично харинскими вещами в описываемых комплексах предметов, характерных для последующего времени: кольцевидных подвесок с утолщениями по кольцу (табл.1-6) и различных подвесок со свободно-вращающимися привесками (табл.1-9, 12, 14). Таким образом, ранние комплексы Аверинского II могильника следует относить, вероятнее всего, к VI в.

Следующая группа могил – агафоновского периода (по Р.Д.Голдиной, 1985, с.127-128) – располагается преимущественно в юго-восточной части Аверинского II могильника на мысу, в непосредственной близости от могил VI в. (рис.3). К ней относятся 22 захоронения, содержащие своеобразный инвентарь (табл.3): различные варианты геральдических и гладких вытянутых накладок (табл.3-2-14, 36, 37, 38, 40-45), пряжка с В-образным кольцом и изображением головы сайгака на пластине (сайгак известен только в Средней Азии) (табл.3-1), цельнолитые пряжки с В-образным приемником (табл.3-32), трапециевидные пряжки (табл.3-34, 35), первые варианты шумящих подвесок (табл.3-33, 39), своеобразные типы пронизок-трубочек (табл.3-16-19, 21-23, 51-53, 55-57), пронизки: конические (табл.3-20, 24, 29, 54, 58), с небольшими вздутиями (табл.3-25-28), птицевидные (табл.3-15, 50), а также объемные изображения медведей (табл.3-30, 31). Широко представлены надеты на ремешок двучастные плоские привески (табл.3-46-49).

В могилах, наряду с перечисленными вещами, зафиксированы различные варианты сердоликовых бус с росписью (табл.2-173-175), стеклянных позолоченных зонных и бочонкообразных бус (табл.2-61, 62); найдены голубая бусина в форме куба со срезанными углами (табл.2-163) и глазчатая – зеленоватого цвета, в форме куба со срезанными углами (табл.2-191), а также бусы, изготовленные холодным способом из куска стекла. В этой же выборке отмечено несколько типов стеклянных бус, выполненных из отрезков тянутой трубочки: посеребренный бисер с коричневым внешним слоем, создающим эффект золочения (табл.2-8), посеребренные зонные бусы с голубым внешним слоем (табл.2-4), фиолетовые зонные одночастные бусы (табл.2-23). Из выполненных из тянутой палочки представлены бусы следующих типов: коричневые, в форме трубочки (табл.2-82), бесцветные, в форме куба со срезанными углами (табл.2-74), зонные одночастные с пятнистым орнаментом (табл.2-89). В этих же комплексах известны сердоликовые многогранно-эллипсоидные (табл.2-170) и хрустальные эллипсоидные (табл.2-180).

Период бытования предметов с аналогичными характеристиками в Прикамье впервые был выделен как самостоятельный хронологический этап Р.Д.Голдиной на материалах Агафоновского I могильника (1970, с.88-90); самим предметам было дано название вещей агафоновского типа. Материалы Аверинского II могильника значительно расширили как число этих комплексов, так и составляющие их предметы. По аверинским материалам более многочисленными в агафоновское время представляются ранние варианты шумящих подвесок (табл.3-33, 39) и более разнообразными – виды геральдических накладок.

Погребальные комплексы агафоновского типа имеют широкий ареал в Восточной Европе, но также и в Средней Азии и в Сибири в рамках конца VI – VII в. В комплексах с накладками геральдического облика известны различные монеты середины и конца VI, начала VII в., подтверждающие их датировку. Так, в могильнике Суук-Су в погребениях с инвентарем, близким агафоновскому, найдены монеты Юстиниана I (527–565 гг.) и Маврикия (597–602 гг.; Репников Н.И., 1906, с.1-29; 1909, с.105, 108; Пудовкин В.К., 1961, с.183, рис.1), в катакомбах XII, XXIII могильника Чми – монеты Хосрова I (531–549 гг.; Самоквасов Д., 1908), в склепе 34 могильника Чуфут-Кале – Юстиниана I (527–565 гг.; Кропоткин В.В., 1958, с.210), в могиле 25 Веслянского I могильника в Коми АССР – монеты Хосрова I (Савельева Э.А., 1979, с.93-95).

В Верхнем Прикамье, в частности на Агафоновском I могильнике, в комплексах с

инвентарем аналогичного облика также найдены – наряду с более ранними монетами Пероза, Кавада I – монеты Хосрова I: в могиле 81 – монета чекана 570 г., в могиле 45 – чекана 551 г., в могиле 65 – чекана 557 г. Кроме того, планиграфическое размещение могил на Агафоновском I могильнике, как и на Аверинском II (рис.3), также указывает на хронологически промежуточное положение захоронений с предметами агафоновского типа между ранними харинскими и последующими деменковскими. Таким образом, на основании планиграфического размещения могил, аналогий вещевому материалу и находкам монет на различных территориях, в том числе и в Прикамье, анализируемую группу могил с инвентарем агафоновского типа следует датировать VII в.

К следующей хронологической группе относятся 32 захоронения Аверинского II могильника, расположенные равномерно по всей площади могильника как в восточной, так и в западной его части (рис.3). Судя по размещению могил агафоновского времени на площади Аверинского II могильника, в это время активно использовалась преимущественно его восточная мысовая часть. Здесь могилы VII в. образуют компактную группу в середине мыса рядом с могилами VI в. Лишь одно захоронение VII в. (п.206) располагалось в западной части памятника. Возможно, на рубеже VI и VII вв. была сооружена и канава, ограничивающая мысовую часть памятника, в пределах которой зафиксирована основная часть могил на мысу. Уже в VII в. незначительное число могил, не вписавшись на основной площадке, было размещено за канавой, а в более позднее время, очевидно, когда канава уже перестала использоваться и «заплыла», некоторые могилы ее перекрывают (например, могила 118 относится к IX в.).

Для вещевого материала этих погребений характерны своеобразные детали поясных наборов: крупные цельнолитые пряжки с округлой или приостренной пластиной (табл.4-1-4); различные варианты прямоугольных (табл.4-5-7, 10), полуовальных (табл.4-9), калачевидных (табл.4-8, 11), Ж-образных (табл.4-12 13) круглых (табл.4-21) накладок, тройчаток (табл.4-18), плоских гладких наконечников ремней с фигурными задним концом или краями (табл.4-14, 17). В это время распространены различные виды плоских колесовидных (табл.4-15, 16, 22, 27) и шумящих подвесок: с арочной основой (табл.4-26), с изображением головы медведя (табл.4-24). Своеобразной приметой материальной культуры верхокамского региона этого времени являются шумящие подвески с круглой основой, украшенной псевдосканью и псевдозернью (табл.4-19, 29), шумящие подвески с трапециевидной основой (табл.4-28), а также коньковые подвески без шумящей части (табл.4-30). В составе описываемых комплексов известны конические пронизки обычно крупных размеров (табл.4-20), подвески-ложечки (табл.4-23), антропоморфные накладки (табл.4-27).

Бусинный материал этой группы имеет ряд отличительных признаков. Здесь встречаются крупные бочонкообразные посеребренные бусы с бесцветным или зеленым внешним слоем, изготовленные из тянутой трубочки (табл.2-3, 11). В этой же технике выполнены ребристо-цилиндрические голубые (табл.2-51), фиолетовые зонные одночастные (табл.2-81), мозаичные бусы (табл.2-88), а также бочонкообразная бусина с диагонально-линейным орнаментом (табл.2-90). Среди бус этого времени встречаются хрустальные, неправильной шарообразной формы, как бы состоящие из двух линз разной кривизны (табл.2-183). Преимущественно для описываемой хронологической группы характерны следующие типы бус, изготовленные из тянутой палочки (единично они известны и 3 более раннее время): синие бусы в форме куба со срезанными углами (табл.2-64); бочонкообразные бусы черного (реже зеленого, коричневого и синего) цвета с каплевидными рельефными глазками (табл.2-86); двухслойные бусы с основой из черного стекла, сверху покрытой красным глухим стеклом (табл.2-87); бирюзовые глазчатые бусы зонной формы (табл.2-83).

По составу сопровождающего инвентаря описываемые могилы абсолютно тождественны захоронениям деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII – VIII в., известной по Агафоновскому I, Деменковскому и другим могильникам Верхнего

Прикамья (Голдина Р.Д., 1985, с.128-131), а также неволинской стадии неволинской культуры Сылвенско-Иренского поречья, также датирующейся VIII в. (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1982, табл.1).

Вещи подобного облика в Неволинском могильнике датированы В.Б.Ковалевской последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А.Красновым – VIII в. (Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973, с.286), А.К.Амброзом – концом VII – первой половиной VIII в. (Амброз А.К., 1969, с.288, 299, рис.1, этап IV). В Пенджикенте детали поясов подобного стиля убедительно датируются монетами конца VII – 70-х годов VIII в. (Распопова В.И., 1965, с.81).

Определяя датировку этой группы могил Аверинского II могильника, нельзя игнорировать и монетный материал. С подобными вещами в Прикамье часто встречаются монеты Хосрова II (590–628 гг.). Они найдены в могилах 8, 63, 64 Деменковского (Генинг В.Ф., 1964, с.120), 1, 19 – Неволинского (Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W., 1969, S.50); Носковского (Шатров А.Н., 1899, с.81), Плесинского (Оборин В.А., 1964, с.204) могильников. С подобным инвентарем в захоронениях Верх-Саинского могильника найдены также монеты Хосрова II⁶ (погребение 38 – монета чекана 616 г., погребение 92 – чекана 613 г.). Кроме того, в могиле 92 найдена монета Хормизда IV (579–590 гг.), а в захоронении 53 обнаружена хорезмийская монета Савшафарна (тип Г/У) середины VIII в. За пределами Прикамья поясные наборы подобного типа были обнаружены с монетой Сюан-Цзюна (713–741 гг.) в кургане МТ-58 – IV в Западной Туве (Грач А.Д., 1960, рис.70, с.109, 129-139, 147).

Аналогии материалу, планиграфическое положение могил, данные монет позволяют датировать описываемую группу захоронений VIII в. (скорее всего, исключая последнюю четверть).

Следующую, наиболее многочисленную хронологическую группу образуют 115 могил Аверинского II могильника (рис.3), располагавшиеся частично – в юго-восточной части мыса, в основном – в западной части могильника, а также в юго-восточной – на небольшом мыске. Следует отметить, что могилы этого времени хорошо известны и на Русиновском, Щукинском, Горткушетском и других памятниках верхокамья.

Материал этих захоронений достаточно своеобразен. Здесь многочисленны височные подвески с привесками в виде грозди (табл.5-4), а также в виде сильно вытянутого, стилизованного шара (табл.5-10) со сглаженным четырнадцатигранником на одном из концов (табл.5-7). Весьма характерны цельнолитые пряжки с длинной, иногда орнаментированной пластиной и овальным кольцом (табл.5-1-3, 5), а также восьмеркообразные пряжки (табл.5-6, 8, 11, 13), литые прямоугольные, с приостренным концом и геометрическим орнаментом, наконечники ремней (табл.5-12, 14, 19). В могилах этого времени часто встречаются различные варианты накладок «салтовского типа»: с кольцом (табл.5-21-23), с изображением личины (табл.5-26, 27), в виде головы медведя (табл.5-28), с изображением голов коней (табл.5-37), орнаментированные, с шарнирным соединением (табл.5-33) и другие.

Ярким признаком этого периода является большое разнообразие шумящих подвесок: коньковых (табл.5-15), с изображением головы медведя (табл.5-16), арочных (табл.5-17, 18), круглых со спиральным орнаментом (табл.5-29), трубчатых (табл.5-31), коробочек (табл.5-35), уточек (табл.5-32). Получают массовое распространение подвески-костыльки (табл.5-25, 30), подвески – изображения клыка медведя (табл.5-20). Из железных изделий встречаются боевые топоры с вытянутым обухом (табл.5-36) и стремяна с вогнутым подножием и прямоугольной расплюсченной петлей (табл.5-38). Предметы конской упряжи часто украшены бронзовыми круглыми, сердцевидными (табл.5-24) и розеткоподобными (табл.5-34) накладками.

Основная масса бус этого времени изготовлена путем членения тянутой стеклянной трубочки: голубые зонные многочастные (табл.2-46), посеребренный с бесцветным слоем

---

6 Определение А.Б.Никитина.

бисер (табл.2-63), черные (табл.2-22) и бесцветные зонные одночастные бусы (табл.2-16), голубые бочонкообразные (табл.2-52), зонно-ребристые одночастные и многочастные различных цветов: голубого (табл.2-50), желтого (табл.2-34, 35), зеленого (табл.2-44, 45), фиолетового (табл.2-25, 26), красно-печеночного (табл.2-27), желтые ребристо-цилиндрические бусы (табл.2-33), голубые эллиптическо-цилиндрические (табл.2-54). В эту же группу вошла полосатая ковшеобразная бусина (табл.2-92), выполненная из стеклянной палочки и датирующаяся IX в. (Reinhard A., 1975, s.101-197), а также синяя бочонкообразная бусина, вырезанная из куска стекла холодным способом (табл.2-162).

Многие предметы, аналогичные описанным, имеют широкий ареал распространения в пределах второй половины VIII – IX в. Пояса с такими деталями известны на Кавказе, в Паннонии, в Поволжье, но особенно многочисленны на территории салтово-маяцкой культуры второй половины VIII – начала X в. (Степи Евразии., 1981, рис.37).

Находки монет в комплексах с описанным инвентарем в целом подтверждают эту дату. Так, в Стерлитамакском могильнике в Башкирии с подобными вещами найдены омейядский динар (705–706 гг.), 2 омейядских (712, 743 гг.) и 3 аббасидских (770, 774, 779 гг.) дирхема (Ахмеров Р.Б., 1955, с.164-166). Прямые аналоги предметам этой группы имеются также в материале кургана 2 могильника Катанда II, где обнаружена тюркешская монета (740–742 гг., Гаврилова А.А., 1965, с.67-68) и кургана 2 могильника Сростки I, где также найдена монета, чеканенная в пределах 766–780 гг. (там же, с.69). Наиболее близкий материал обнаружен В.Ф.Генингом при раскопках могильника Мыдланьшай в Северной Удмуртии (Генинг В.Ф., 1962), где в могилах обнаружено 19 куфических монет, чеканенных преимущественно в первой–третьей четвертях VIII в. (Янина С.А., 1962, с.129). Подобный набор инвентаря содержится и в синхронной группе могил Варнинского I могильника, исследованного В.А.Семеновым в бассейне р.Чепцы (Семенов В.А., 1980, рис.10). В погребении 18 Аверинского II могильника обнаружено пять непробитых омейядских и аббасидских дирхемов, чеканенных в 745–746, 777–778, 801, 802 гг.

Судя по внешним аналогиям, материалам и находкам монет, описываемая группа могил, как и многие другие комплексы урьинской стадии ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1985, с.131-133), датируется последней четвертью VIII–IX в. н.э.

Группа X в. представлена на Аверинском II могильнике 18-ю погребениями, располагавшимися в западной части памятника (рис.3). Обращает на себя внимание, что могилы этого времени более тяготеют к западной окраине массива, а также к завершению рядов захоронений. Нельзя не заметить и сокращения числа могил.

В могилах этой хронологической группы обнаружены серебряные височные подвески с полыми привесками, украшенные зернью и сканью (табл.6-1, 2), многочисленны височные подвески с привесками в виде грозди (табл.6-3, 5, 6), височные подвески с двумя привесками-цепочками (табл.6-12). Продолжают использоваться некоторые варианты накладок: с колечками (табл.6-8, 24), полуовальные орнаментированные, с прорезью в основании (табл.6-9, 10), некоторые типы наконечников ремней – двучастные (табл.6-17) и с геометрическим орнаментом (табл.6-22), по-прежнему встречаются, но становятся более массивными различные виды шумящих подвесок со спиралевидным орнаментом (табл.6-13, 16), с изображением головы медведя (табл.6-15). Появляются небольшие псевдовитые арочные подвески (табл.6-14), подвески-якорьки (табл.6-11), новые варианты литых бус-пронизок (табл.6-4, 7), кольцевидные подвески с поперечными нарезками (табл.6-21), перстни с крупными вставками (табл.6-20), новые типы птицевидных украшений (табл.6-79, 23), серебряные псевдовитые гривны (табл.6-18), многочисленны костяные гребни (табл.6-26) и различные предметы, украшенные каменными вставками, зернью и сканью (табл.6-25, 28). В это время бытует новая форма универсальных топоров – с выступами по обеим сторонам щековиц (табл.6-27).

Из бусинного материала с этой группой материальных остатков связаны бочонкообразные бусы с поперечно-линейным орнаментом, изготовленные следующим образом: стеклянная масса наматывалась по принципу «клубочка», а затем прокалывалось

отверстие для нити (табл.2-132), зонные с поперечно-линейным орнаментом, сделанные из накрученной трубочки (табл.2-131), и хрустальные эллиптически-эллипсоидные (табл.2-181).

В это же время получают распространение черные зонные бусы с глазчатым 8-образным орнаментом, выполненные по принципу «клубочка» (табл.2-130). Из бус, сделанных из тянутой трубочки, появляются в это время синие ребристо-зонные одночастные (табл.2-13), одночастные (табл.2-30) и многочастные (табл.2-31) «лимонки», изготовленные из глухого желтого стекла, одночастные и многочастные «лимонки», сделанные из бесцветного стекла, сверху покрытые слоем желтого глухого стекла (табл.2-37, 39), полосатые одночастные и многочастные зонные (табл.2-55, 56). Основа полосатых бус изготовлена из бесцветного полупрозрачного стекла, а полосы выполнены росписью. Из трубочки сделаны синие зонные многочастные бусы. Перечисленные виды бус появились в Верхнем Прикамье в X в., были популярны и в XI в.

Датировке этой группы вещей способствуют аналоги некоторым типам бус. В частности, черные бусы типа 130 присутствуют в слоях X – начала XI в. в Новгороде, Гнездове и Киеве, где они обнаружены под фундаментом Десятинной церкви (Щапова Ю.Л., 1956, с.178). Желтые «лимонки» Ю.Л.Щапова считает характерными для X–XI вв. (Щапова Ю.Л., 1956, с.174, 179).

Некоторое указание на хронологическую принадлежность этой группы вещей дают серебряные ювелирные изделия, вероятно, болгарского происхождения (табл.6-1, 25, 28). Подобные вещи хорошо известны как на территории собственно Волжской Болгарии (Степи Евразии..., 1981, рис. 79, 8, 13, 16), так и в Прикамье. Для датировки прикамских вещей важна находка серебряных ножен, украшенных в той же манере, что и аверинские (табл.6-25), в могиле 21 могильника Мыдланышай вместе с омейядскими дирхемами, чеканенными в 708–709, 709–710, 713–714, 725–728 и 747, и 748 гг. (Генинг В.Ф., 1962, с.21, табл.VII, 1). Судя по этой находке, подобные изделия начинают появляться в Верхнем Прикамье в IX в. Однако время их наибольшего распространения, видимо, X и XI вв.

Ювелирные украшения болгарского типа хорошо известны в могилах X–XI вв. Агафоновского II могильника (Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, рис.2, 44, 86, 88, 105), где они датируются указанным временем многочисленными внешними аналогами и саманидскими монетами чеканки 911–912 и 953–954 гг. (там же, с.42-44), а также западноевропейскими монетами чеканки 936–1066 гг. (там же, с.47). Так, подвеска, подобная аверинской (табл.6-28), обнаружена в могиле 81 Кичилькосьского I могильника вместе с монетой, чеканенной в Шейере при Конраде II (1024–1039 гг.). По мнению Э.А.Савельевой, данный комплекс не может быть датирован позднее второй половины XI в. (Савельева Э.А., 1987, с.154-155). Таким образом, описываемую группу верхокамских вещей на основании внешних аналогов следует относить к X–XI вв.

В состав вещевого материала следующей группы – XI–XII вв. – входят многочисленные разнообразные виды литых бубенчиков (табл.7-1, 2, 5, 8, 10), ребристые цилиндрические пронизки (табл.7-4), литые височные подвески с каплевидной привеской (табл.7-6), многовитковые перстни (табл.7-9), обломок фибулы с гранеными утолщениями на концах (табл.7-11, 22), массивные литые, иногда со вставками, основы шумящих подвесок (табл.7-12, 15, 20), литые наконечники ремней (табл.7-14), квадратные рамчатые (табл.7-18), сегментно-рамчатые (табл.7-16), лировидные (табл.7-19) пряжки, арочная основа шумящей подвески, украшенная зернью и сканью (табл.7-13), коньковая подвеска (табл.7-23), серебряная цепь ажурного плетения (табл.7-21), калачевидное кресало с язычком (табл.7-17) и железное стремя подтреугольной формы с расплюсченной петлей (табл.7-24).

С предметами этой группы чаще всего встречаются сложногограненные сердоликовые бусы (табл.2-169), шестнадцатигранные хрустальные (табл.2-185), битрапиевидные темно-бирюзового цвета (табл.2-195) и зонные со спиралевидным узором бусы (табл.2-

19), изготовленные путем накручивания стеклянной массы на твердую основу. Бусы, подобные типу 195, известны в слоях XII в. (а также более ранних) в древнем Новгороде (Щапова Ю.Л., 1956, с.170), и в слоях XI–XII вв. Старой Ладogi (Львова З.А., 1968, с.80). К этой же группе относятся бочонкообразные бусы с рельефным линейно-волнистым узором (табл.2-137), основа которых изготовлена массово из накрученной стеклянной трубочки, а орнамент выполнен индивидуально. В Новгороде аналогичные бусы известны в слоях XII – начала XIII в. (Щапова Ю.Л., 1956, с.177). Среди бус этой выборки встречаются посеребренные экземпляры древнерусского производства с желтым внешним слоем, имитирующим позолоту (табл.2-113). В Новгороде они появились в середине XI в. и существовали до начала XIII в. (Щапова Ю.Л., 1972, с.85).

Многие из перечисленных предметов этой группы имеют аналогии среди инвентаря XI–XII вв. вымской культуры (Савельева Э.А., 1987, рис.37, 13, 28, 38, 41 66 и др.). Подобные предметы найдены в комплексах XI–XII вв. Агафоновского II могильника (Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, рис. 2, 63, 74, 131, 134, 136, 120 и др.). Вероятно, в целом эту группу вещей верхокамской средневековой культуры можно датировать XI–XII вв.

И наконец, последняя группа включает в себя височные подвески с пятью полыми напускными бусинами (табл.8-1), подвески в виде знака вопроса – с бусиной (табл.8-7) и с 14-гранником на конце (табл.8-11), литые мелкие пронизки с псевдосканью (табл.8-2, 4, 9), круглые поясные накладки (табл.8-13) и бляшки (табл.8-3), серебряную бусину с зернью (табл.8-8), спиральные пронизки (табл.8-14), подвески – ромбическую с розеткой (табл.8-10), с изображением головы медведя (табл.8-16), круглую косо-решетчатую (табл.8-6), подвески-раковины (табл.8-15). Многочисленны железные рамчатые пряжки (табл.8-17-20, 25, 26), железные накладки (табл.8-21), единичны – скоба – приспособление для ношения топора (табл.8-22), кочедык (табл.8-27), листовидный, с упором, наконечник стрелы (табл.8-24), замок (табл.8-28) и ключи к замкам (табл.8-29, 30), массивный лесорубный топор (табл.8-31) и костяная псалия с изображением животного (табл.8-23).

Бусы этой хронологической группы изготовлены индивидуально путем накручивания стеклянной массы на твердый стержень. В их число входят: голубые зонные одночастные (табл.2-193) и кольцевидные (табл.2-194), светло-бирюзовые битрапиевидные (табл.2-196), желтые кольцевидные (табл.2-100) и ребристо-зонные одночастные (табл.2-101), зеленые битрапиевидные (табл.2-105), кольцевидные (табл.2-106), зонные одночастные (табл.2-107), черные кольцевидные (табл.2-110), битрапиевидные (табл.2-111), зонные одночастные (табл.2-108). Кольцевидные и битрапиевидные бусы из черного, голубого, зеленого глухого и полупрозрачного стекла известны в средневековых слоях Херсонеса, курганах Северо-Западной Руси XIII–XIV вв., в позднекочевнических курганах Поволжья, в мордовских могильниках XIII–XIV вв., в золотоордынских городах (Бусятская Н.Н., 1976, с.40). В этой же группе – черные пятнистые зонные одночастные бусы (табл.2-124), хорошо известные в курганах Северо-Западной Руси XI–XIV вв., в слоях XII–XIII вв. Болгара, могильниках Северного Кавказа, средневековых памятниках Средней Азии, курганах позднего средневековья Поволжья, памятниках Хорезма XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья XIII–XIV вв. (там же, с.41). Зонные бусы из непрозрачного черного стекла, украшенные разноцветной крошкой (табл.2-125), найдены также в слоях конца XI – начала XII вв. Саркела, памятниках Северного Кавказа, средневековых слоях Хорезма, слоях XII – начала XIII вв. Болгара, мордовских могильниках XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья XIII–XIV вв., позднекочевнических курганах Нижнего Поволжья, курганах вятичей (там же, с.41).

Зонные из черного (реже голубого) глухого стекла, орнаментированные белыми, желтыми, красными, голубыми стеклянными же нитями, образующими зигзагообразный рисунок (табл.2-122), хорошо известны в русских курганах XIII–XIV вв.,

золотоордынских памятниках Хорезма и Поволжья и позднекочевнических курганах (там же, с.42). Эллипсоидная бусина со спиралевидным орнаментом (табл.2-121) датируется по новгородской хронологии XII–XIII вв. (Щапова Ю.Л., 1956, с.177).

Многие предметы этой стадии имеют аналогии в материале XIII–XIV вв. вымской культуры Привычегодя (Савельева Э.А., 1987, рис. 37, 105, 119, 136, 144, 139, 140)

Таким образом, анализ вещей Верхокамья эпохи средневековья позволяет утверждать, что население этого региона на протяжении VI–XIV вв. создало яркую материальную культуру, эволюционировавшую во времени, имевшую характерные особенности в конкретные исторические периоды и испытавшую значительное воздействие со стороны своих ближайших соседей и весьма отдаленных областей.

Список использованных архивных материалов и литературы

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.ГІ-12. М. 120 с.

Амброз А.К., 1969. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА. №154. С.248-272.

Ахмеров Р.Б., 1955. Могильник близ г.Стерлитамака // СА. №22. С.153-176.

Бусятская Н.Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М. С.38-72.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л. 113 с.

Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // ВАУ. Свердловск. Вып.3. С.7-111.

Генинг В.Ф., 1964. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып.6. С.94-151.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск. Вып.12. С.58-121.

Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск. Вып.9. С.57-118.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА АН СССР. Вып.159. С.79-90.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 279 с.

Голдина Р.Д., 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.47-99.

Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.167-192.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1982. Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. С.122-131.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1988. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 267 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев р.Камы. Свердловск. 216 с.

Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск. С.39-61.

Грач А.Д., 1960. Археологические исследования в Кара-холье и Монгун-тайге // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т.1. С.73-150.

Деопик В.Б., 1959. Классификация бус Северного Кавказа IV–V в. // СА. №3. С.48-65.

- Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973. Рец. на кн.: I.Erdelyi, E.Ojtozi, W.Gening. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest // СА. №2. С.280-287.
- Кропоткин В.В., 1958.
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСГЭ. Вып.10. С.64-94.
- Львова З.А., 1976. Бусы I Поломского могильника. Ч.2 // Вопросы археологии Удмуртии, Ижевск. С.51-74.
- Оборин В.А., 1964. Камская археологическая экспедиция // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т.2. С.198-206.
- Пудовкин В.К., 1961. Нижний слой могильника Суук-Су // СА. №1. С.177-185.
- Распопова В.И., 1965. Поясной набор Согда VII-VIII вв. // СА. №4. С.78-91.
- Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники крымских готов // ИАК. Вып.19. С.1-29.
- Репников Н.И., 1909. Разведка и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. Вып.30. С.94-112.
- Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. Вып.158. С.91-96.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л. 200 с.
- Самоковасов Д., 1908. Могилы русской земли. М. 194 с.
- Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник – новый памятник полумской культуры. Ижевск. 135 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Археология СССР. М. 300 с.
- Шатров А.Н., 1899. Археологические сведения о Зюздинском крае // МАВГР. Т.3. С.75-86.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы Древнего Новгорода // МИА. №55. С.164-179.
- Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М. 200 с.
- Янина С.А., 1962. Куфические монеты из могильника Мыдланьшай // Вопросы археологии Урала. Вып.3. С.129-139.
- Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W., 1969. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest. Т.46. 199 с.
- Reinhard A., 1975. Mazaikaungen perlen Untersuchung zur verbreitung und datierung karolingerzeitlicher millifiori glasperlen in Europe // Acta prachistoria et Archaeologica 4. Berlin. S.101-197.

Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.)

Материалы памятников Верхнего Прикамья конца I – начала II тысячелетия н.э. впервые были выделены А.А.Спицыным, составившим первую хронологическую шкалу прикамских древностей (Спицын А.А., 1902, с.23-49). Абсолютные даты, предложенные А.А.Спицыным, подверглись позднее корректировке, но состав вещей в целом был определен правильно. М.В.Талицкий, изучавший памятники X–XIV вв., считал их принадлежавшими родановской культуре с двумя этапами: ранним – загарским и поздним – рождественским (Талицкий М.В., 1941, с.42; 1946, с.156-158; 1951, с.33-96). В работах О.Н.Бадера и В.А.Оборина обосновано деление родановской культуры на лаврятский (IX–XII вв.) и рождественский (XII–XV вв.) этапы (Бадер О.Н., 1953, с.80; Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с.188-210; Оборин В.А., 1953, с.145-160; 1953а, с.161-177; 1956; 1970, с.3-29).

Основу работ, посвященных характеристике изучения могильников IX–XV вв. (Смирнов А.П., 1952; Оборин В.А., 1953а, с.165-166) или хронологии отдельных категорий предметов украшений Верхнего Прикамья (Голубева Л.А., 1966, с.80-98; 1979), составляли отдельные случайные находки, плохо документированные раскопки небольшого числа погребений. Детальной хронологической шкалы для памятников после IX в. не было. Первая развернутая хронология прикамских древностей IX–XII вв. была разработана Р.Д.Голдиной и Т.К.Ютиной (Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с.39-61) на материалах Агафоновского II могильника.

В первые два десятилетия XXI в. Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного педагогического университета были проведены раскопки двух могильников: Рождественского, датируемого второй половиной X – первой половиной XI в. и Огурдинского могильника – нового выявленного памятника, датируемого рубежом X–XI в. – до середины – второй половины XI в.

Таким образом, к настоящему времени погребальные комплексы данных памятников дают представление о хронологии древностей могильников Прикамья IX–XII вв.

В настоящей работе представлена хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника. Агафоновский могильник расположен в 300 м к северо-востоку от д.Агафоново (Курья) и в 400 м к юго-западу от Агафоновского I могильника на распаханном ранее поле (рис.1).

Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета под руководством Р.Д.Голдиной в 1970, 1973, 1974 гг. раскопан Агафоновский II могильник, на котором исследовано 456 могил (рис.2). Эти материалы позволили разработать схему хронологического деления погребального инвентаря IX–XII вв. Основным методом работы был культурно-стратиграфический анализ (рис.3), для которого использованы металлические украшения костюмов из 79 погребений, содержащих не менее 2 типов вещей в каждом комплексе. В результате были выделены устойчивые группы встречающихся предметов. Выяснив относительную последовательность этих групп, мы получили общую схему развития погребального инвентаря. Сопоставление материалов с аналогами и находками монет позволило определить хронологические рамки бытования предметов каждой группы. В итоге было выделено 4 основные группы, датируемые IX, X, XI, XII вв., и 6 смежных (рис.4-8).

Анализ погребального инвентаря Рождественского и Огурдинского могильников, в целом, не меняет картину развития хронологии средневековых древностей Прикамья в IX–XII вв. Таким образом, хронология древностей Агафоновского II могильника является эталонной для средневековья Прикамья. Изучение аналогий средневековых древностей Прикамья в новгородских, приладожских, средневековых русских памятниках,

древностях Костромского Поволжья и Подмосковья, марийских древностях и памятниках Вычегодского края подтверждают обоснованность выделения хронологических групп древностей Агафоновского II могильника (Седов В.В., 2007; Мурашева В.В., 2000; Хвоцинская Н.В., 2004; Покровская Л.В., 1999; Казаков Е.П., 2010; Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2008; Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012; Григорьев А.В., 2000).

Планиграфически 18 погребений Агафоновского II могильника, относящихся к IX в. распределены следующим образом. Основная их часть сосредоточена в северо-восточном углу раскопа, в наибольшей территориальной близости к Агафоновскому I могильнику. Лишь три погребения из 18 фиксируются в центральной части раскопа, включенные в начальные ряды центральной части.

Из 13 погребений X века 5 погребений фиксируются в северо-восточной части раскопа (основную массу этой части раскопа, как указано выше, составляют погребения IX в.), 8 погребений X века расположены в центральной части раскопа, в его верхней северо-восточной части.

Следующие 32 погребения, датируемые XI веком, расположены в центральной части раскопа и распределены по всей ее площади достаточно равномерно.

Погребения, датируемые XII веком включают 16 погребений и размещены так же в центральной части раскопа. Значительное количество не датированных погребений распределено на всей площади раскопа. Но интерес представляют не датированные могилы, изученные в южной части раскопа. Данные погребения не датированы не только по причине плохой сохранности бронзовых вещей, не дающих возможность определения типологии предметов, но и тем, что в данной части могильника в погребениях малочислен бронзовый вещевой комплекс, а преобладает наличие предметов хозяйственного назначения и предметов вооружения, изготовленных из железа.

Очевидно, наблюдается изменение погребального обряда на могильнике, связанного, вероятно, с изменением социально-экономической характеристики древнего населения, оставившего данный могильник.

В целом, мы можем отметить логическую закономерность расположения хронологических групп погребений Агафоновского II могильника на площади могильника.

Наиболее ранние погребения IX в. занимают северо-восточную часть площадки могильника. Здесь встречаются и погребения X в. Эта ранняя часть погребений отделена от центральной группы погребений относительно разряженной площадкой, включающей, в основном, недатированные погребения. В верхней, северо-восточной части центральной группы погребений еще встречаются изредка погребения IX в., чуть большим числом представлены здесь погребения X века (7 погребений). Таким образом, на площади могильника достаточно четко фиксируются группы ранних и поздних погребений. В центральной части фиксируются погребения XI, и по периферии центральной части расположены погр. XII в.

Первая группа представлена 18 погребениями и включает предметы 25 типов с подтипами. Цельнолитые пряжки различаются способом соединения с ремнем и орнаментацией: с плоской орнаментированной задней пластиной (рис.4-19); с изображением головы барана (рис.4-22), восьмеркообразные различных вариантов (рис.4-1, 7, 10, 13). Среди вещей этой группы два типа перстней со вставками – цельнолитые (рис.4-14) и с припаянными щитком (рис.4-2). Интересен круглопроволочный браслет с орнаментированными вставками на расплюснутых концах (рис.4-3). Категория подвесок представлена клыками-разделителями в ожерельях (рис.4-5), кольцевидными (рис.4-9), ложками (рис.4-11), шумящими коньковыми (рис.4-16, 25), обнаружены бутыльчатые пронизки (рис.4-4). Височные подвески витые проволочные (рис.4-8) и с литыми гроздевидными привесками (рис.4-6). Заслуживают внимания массивные с гранеными утолщениями на концах орнаментированных колец сюльгамы (рис.4-12). Среди накладок много прямоугольных (рис.4-15, 17, 18, 23), украшенных растительным или

геометрическим орнаментом, а также трехсоставных (рис.4-20), с выступами на концах (рис.4-24) и сердцевидных с изображением личины (рис.4-21).

Аналоги вещам этой группы имеют широкое территориальное распространение. Так подковообразные фибулы распространены в Финляндии, Норвегии, континентальной части Швеции, Готланде, в восточной части Прибалтики (Лехтосало-Хиландер П.-Л., 1979, с.90-91, рис.7), Карелии (Кочкуркина С.И., 1981, с.136; 1982, с.26, рис.6-9, 11-12), в курганах X-XI вв. Ярославского Поволжья (Фехнер М.В., 1963, с.84, табл.1), в Приладожских, Гнездовских, Владимирских, Шестовицких курганах, слоях Новгорода, Петербургских курганах (Курганы..., 1896, табл.VIII, IX, XIV). Подобного типа фибулы встречены в Белоруссии, в могильнике у д.Яксудово, датированного А.А.Спицыным IX-X вв., а В.Антоневичем – X-XI вв. (Гуревич Ф.Д., 1962, с.120, рис.105-5; Спицын А.А., 1925, с.143).

Я.П.Петерсон и Х.Сальмо датируют их IX – первой половиной XI вв., М.В.Фехнер – X в. (Фехнер М.В., 1963, с.84, табл.1). По вопросу этнического происхождения подковообразных фибул единого мнения нет. М.В.Фехнер подковообразные фибулы в областях с финно-угорским населением считает предметом импорта из Прибалтики и Финляндии (Фехнер М.В., 1963, с.86). П.-Л.Лехтосало-Хиландер отмечает, что фибулы такого типа распространены как в скандинавских странах, так и в значительной степени финно-угорском мире Восточной Европы, поэтому для выяснения их культурной принадлежности необходим сравнительный анализ. Кроме того, последние исследования позволили датировать некоторые типы финских находок более ранним периодом, чем аналогичные фибулы из Прибалтики (Лехтосало-Хиландер П.-Л., 1979, с.90, 92).

Аналогии подковообразным застегкам с многогранными концами (рис.4-12) имеются в древностях Фенноскандии и датируются IX – началом XI в., встречены они и в материалах Изборска (Седов В.В., 2007. – с.322, рис.367).

В Прикамье фибулы с многогранными головками (рис.4-12) близкого типа встречены в Маловенижском могильнике (Иванова М.Г., 1982, с.57, рис.5-7) на Чепце, вероятное время которого X-XIII вв., в могильнике Шойнаты III (Королев К.С., 1979, с.28, рис.4-16), Кичилькосьском (Савельева Э.А., 1971, с.54, 195, табл.16-14) на Вычегде, в Веселовском на Вятке (Архипов Г.А., 1973, рис.24-4).

Подвески этой группы – отличительная особенность финно-угорского населения Прикамья.

Коньковая подвеска (рис.4-16) близка подвескам из могильников Прикамья – Плесинского, Баяновского, – где она датируется концом VIII-IX вв. (Голдина Р.Д., , табл.42-3; Голдина Р.Д., , табл.XIV-14, рис.16-126). Подобные подвески Л.А.Голубевой отнесены к началу X в., но исследователь отмечает их близость подвескам периода начала IX – начала X вв. (Голубева Л.А., 1966, с.88, рис.7-18) Коньковые подвески другого типа (рис.4-25) имеют ранние аналоги в комплексах Деменковского, Урьинского могильников, которые датируются В.А.Обориным и В.Ф.Генингом концом VIII – началом IX вв. Близкие аналоги есть в комплексах находок у д.Харино, Мальцевского клад, Рождественского городища, Редикарского и «Барсов городок» (Голубева Л.А., 1966, с.88, рис.7-14) могильников, встречаются близкие аналогии в комплексах Рождественского могильника (втор. пол. X – перв. пол. XI вв.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.140, рис.56, погр.26-7), Л.А.Голубевой датируются IX-X вв., в Прикамье распространяются в основном в первой половине X в. (Голубева Л.А., 1966, с.94, 95). Подобные экземпляры встречены в Марийской АССР – Дубовском могильнике X-XI вв. (Архипов Г.А., 1982, с.135); на Чепце – в Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл.V-2, 4), в Татарии – Танкеевском (Казаков Е.П., 1971, с.114, табл.XV-6), близкие аналоги в комплексах древностей Юго-Восточного Приладожья (Станкевич Я.В., 1947, с.101, рис.5).

Височные подвески (рис.4-8) имеют близкие аналоги в комплексах могильников Верхнего Прикамья: Урьинском, Плесинском, Редикарском, Агафоновском, Аверинском (Голдина Р.Д. Могильники VII-IX вв. ..., табл.34-19; Голдина Р.Д. Ломоватовская

культура... , табл. III-5-6). Медвежьи клыки-разделители в ожерельях известны в Каневском могильнике у д. Загарье (Спицын А.А., 1902, табл. VII-16).

Подвеска-ложка (рис. 4-11) имеет аналоги из сбора у с. Кудымкар (Спицын А.А., 1902, табл. 10, рис. 13), в Русиновском могильнике (Голдина Р.Д. Ломоватовская культура. табл. XXI-26).

Перстни со вставками (рис. 4-14) широко распространены в Прикамье: Шукинском, Аверинском, Баяновском могильниках Верхнего Прикамья (Голдина Р.Д., 1985, табл. II-24), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. II-45).

Аналоги сердцевидным накладкам с изображением личины (рис. 4-21) имеются в материалах Верхней Камы: Аверинском, Шукинском (Голдина Р.Д., 1985, табл. XII-28-31), Баяновском (Оборин В.А., 1953, табл. V-6), (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с. 46, рис. 23), Васиневском конца VIII – начала IX вв. (Кананин В.А. Отчет за 1977 г., рис. 155-4-6; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура. табл. XII-29), у д. Носково (Спицын А.А., 1902, табл. XXXVIII-10; Голдина Р.Д., 1985, табл. XII-29), в погребениях Варнинского (Семенов В.А., 1980, табл. XIII-10), Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962, табл. IV-14) могильников на Чепце. Подобные по форме и орнаментации накладки имеются в Кочергинском могильнике IX-XII вв. (Талицкий М.В., 1940, с. 161, табл. I-1a), в древностях Вятки (Архипов Г.А., 1973, с. 155, рис. 43-39), Башкирии (Мажитов Н.А., 1977, табл. I-171), на Нижней Каме, в Танкеевском могильнике (Казаков Е.П., 1971, табл. XX-63), в памятниках салтовской культуры (Плетнева С.А., 1961, с. 185, рис. 3; 1967, с. 163, рис. 44-14), мордвы (Иванов П.П., 1952, табл. XXVIII-6, 19).

Аналоги накладкам близкого типа (рис. 4-24) имеются в Прикамье в памятниках IX–XI вв. – Кочергинском (Талицкий М.В., 1940, с. 161, табл. I-1a), Аверинском II, Васиневском, Шукинском (Голдина Р.Д., 1985, табл. XII-66), Баяновском IX-X вв. (Оборин В.А., 1953, табл. V-5), (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с. 46, рис. 23), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. XIII-2); в Башкирии – памятниках IX-X вв., в I Бекешевском (Мажитов Н.А., 1981, с. 61-62, рис. 32-г; 34-28), Хусаиновском (там же, с. 48, рис. 24-5), Ямаши-Таусском (там же, с. 34, рис. 15-6, 12) курганных могильниках, в Татарии – Чишминском (Казаков Е.П., 1978, с. 22, рис. 5-15); в Оренбургской области – в Ромашкинском погребении (Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... рис. 64-6).

Прямоугольные накладки (рис. 4-18) с растительным орнаментом встречаются в курганах Ярославского Поволжья (Мальм В.А., 1963, с. 67, рис. 39-1), в погребении 5 грунтового могильника в Старой Ладоге, датированного не позднее X в. (Орлов С.Н., 1965, с. 97-98), комплексах VII-IX вв. на Алтае (Киселев С.В., 1936, с. 224, рис. 2).

Трехсоставные накладки (рис. 4-20) встречаются в памятниках Прикамья – Кочергинском IX-XII вв. (Талицкий М.В., 1940, с. 161, табл. I-1a), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. XIII-3), Рождественском (в комплексе вещей VI-IX вв.) (Оборин В.А., 1953а, табл. VI-2) могильниках.

Восьмеркообразные пряжки (рис. 4-1) имеют близкие аналоги в могильниках VII-IX вв. Верхнего Прикамья – Каневском, Аверинском II, Мальцевском, Плесинском, Аверинском I, Шукинском, Телячий Брод (Голдина Р.Д., 1985, табл. IX-1-5), Баяновском (Оборин В.А., 1953, табл. III-13), Кочергинском IX-XII вв. (Талицкий М.В., 1940, с. 165, табл. 4-54); на Чепце – в Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. XI-5-6), Мыдланьшай VIII-IX вв. (Генинг В.Ф., 1962, табл. III-10-11); в древностях Башкирии – Бекешевском II, Ишимбаевском, Лагереvском IX-X вв. курганных могильниках, Каранаевском могильнике (Мажитов Н.А., 1976, табл. I-134, 137; Мажитов Н.А., 1981, рис. 47-16; 42-6, 25). На Средней Каме пряжки такого типа встречаются в памятниках конца VIII–IX вв. неволинской культуры (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1982, с. 123, рис. 1-113), в области Нижнего Прикамья – в Танкеевском могильнике (Казаков Е.П., 1971, табл. XIX-21, 22), на Волге – Лядинском (Альбом древностей ..., 1941, с. 4, табл. III-12, 13).

Бутылочная пронизка (рис. 4-4) встречается в Плесинском (Голдина Р.Д. Могильники VII-IX вв. табл. 51-12), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. VII-25), Мыдланьшай

(Генинг В.Ф., 1962, табл.VII-25) могильниках. Ареал ее распространения и хронологический диапазон очень широкий.

Таким образом, погребальные комплексы первой группы имеют массовые аналоги в древностях синхронных памятников Прикамья и характерны для финно-угорского населения этого региона. Вместе с тем отмечаются связи с западными финнами Поволжья, Прибалтики, Карелии и скандинавских стран.

Важно отметить и то, что комплексы первой группы явились следствием развития предшествующей материальной культуры ломоватовских племен. Анализ многочисленных аналогов первой группы позволяет датировать комплексы IX в. н.э.

Ко второй группе относятся 13 погребений и вещи 23 типов. Интересны подвески: пластинчатые с подквадратной (рис.5-31) и полуовальной (рис.5-53) основами, пенсневидные с привесками-лапками (рис.5-38). В числе подвесок – плоские биякорьковые (рис.5-49) и шаровидные бубенчики с прорезью (рис.5-48), шумящие коньковые (рис.5-50). В группу входят круглопроволочный тонкий (рис.5-36) и пластинчатый (рис.5-37) браслеты, перстень с припаянным щитком, украшенный вставкой с зернью (рис.5-44), скульгама сплошная с небольшими утолщениями в месте приема иглы (рис.5-40); височные подвески: проволочная с заходящими друг на друга концами (рис.5-43) и слитой бипирамидальной гроздь (рис.5-51); пронизки: малые полусферические (рис.5-35), треугольные кольцообразные (рис.5-52) и уточки (рис.5-47). Зафиксированы полуовальные (рис.5-32), прямоугольные (рис.5-34) накладки; цельнолитые орнаментированные пряжки (рис.5-33, 42). Представляют интерес подвеска «всадница на коне, попирающая змею» (рис.5-39), антропоморфные изображения (рис.5-46) и гривна «глазовского» типа (рис.5-41).

Подвеска «всадница на змее» (рис.5-39) прикамского происхождения и отражает древние верования населения этого района, о чем неоднократно указывалось в литературе. В Верхнем Прикамье она встречается в памятниках коми-пермяков – селищах и могильниках: Бакинском, Загарском, Вереинском, Баяновском, Купросском, на Чепце – на городище Дондыкар, Качкашурском могильнике (Голубева Л.А., 1979, с.42), две подвески содержатся в Рябиновском кладе (Смирнов А.П., 1952, с.200, 222, табл.LVIII-5), где обнаружено семь монет, в том числе саманидский диргем, чеканенный в Самарканде в 950 г., монеты, чеканенные в Амале в 968 и 976 гг., в этом же кладе обнаружена гривна глазовского типа.

Подвеска «всадница на змее» встречается в областях с финно-угорским населением. Подвески такого типа обнаружены в комплексах Дубовского (Архипов Г.А., 1964, с.182, рис.6-3), Веселовского (Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960, рис.31-7; Архипов Г.А., 1973, с.22), Танкеевского (Архипов Г.А., 1973, с.22; Казаков Е.П., 1971, с.115, рис.XVI-21) могильников.

В Юго-Восточном Приладожье и на восточном побережье Ладожского озера они обнаружены в курганах у д.Карлухи, Сязнеги, в Прионежье – в курганах у с.Челмужи, Кокорино, в бассейне Северной Двины у с.Аксеново (Голубева Л.А., 1979, с.41-42, табл.16; Рябинин Е.А., 1981, с.24-27, табл.IX). В целом подвески этого типа датируются в данном районе X – началом XI вв.

Замечательна находка в комплексе гривны глазовского типа (рис.5-41). В бассейне р.Чепцы их найдено около 100 экземпляров. Район распространения очень широк – вплоть до Финляндии и Швеции. В Прикамье гривна имеет аналоги в Кочергинском могильнике (Талицкий М.В., 1940, табл.V-59), на Чепце – в Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл.IV-4), Поломском (Генинг В.Ф., 1958, с.112), Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962, табл.VI-7) могильниках, Рябиновском кладе (Смирнов А.П., 1952, с.200), в марийских древностях (Архипов Г.А., 1973, рис.18-1,2), могильниках Мордовии (Альбом древностей..., 1941, с.12, табл.XI-1).

Полые подвески-уточка (рис.5-47) широко распространены в Восточной Европе в областях с финно-угорским (в первую очередь Прикамье) и славянским населением. Эти

две линии развития (Восточная Европа и Прикамье) не всегда, по мнению Е.А.Рябинина, определяются родством происхождения, возможно и параллельное, независимое развитие объемных подвесок (Рябинин Е.А., 1981, с.35). Вместе с тем он не отрицает и возможную преемственность подвесок древнерусских земель с культурными традициями раннего железного века Поволжья и последующим этапом их развития на памятниках X в. Поволжья (там же, с.38). В свое время на сходство приладожских и городецких (дубровический тип) зооморфных полых подвесок указал П.П.Ефименко, считавший городецкие подвески основой полых зооморфных изображений северной группы финнов от Прикамья до Финского залива (Ефименко П.П., 1926, с.70-71).

В областях Древней Руси объемные птицевидные подвески появляются во второй половине X в. (Рябинин Е.А., 1981, с.38). В Прикамье подвески-уточки встречаются в древностях середины I тыс. н.э. в комплексах ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXIII-8-16; Оборин В.А., 1976, табл. 16-а-в) и, возможно, ранее.

Аналоги подвеске (рис.5-47) из Агафоновского II могильника есть в памятниках родановской культуры (Спицын А.А., 1902, табл. X-4), поломской – Варнинском могильнике (Семенов В.А., 1980, табл. V-12-14).

Височное кольцо (рис.5-43) с заходящими друг за друга концами имеется в материалах Шустинского курганного могильника XI-XIII вв. (Елизарова Н.А., 1950, с.116, рис.2-11), могильника Новинка II в Вологодской области, в комплексах X-XI вв. (Сабурова М.А., 1974, с.92, рис.5-2), в могильниках Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. 1-5, 7), Аверинском (Голдина Р.Д., 1985, табл. III-4).

Район сосредоточения коньковых подвесок (рис.5-50) – Гайнский на Верхней Каме и бассейн р.Инвы и Обвы. Датируются они по раскопкам Рождественского могильника и Кыласова городища (Анюшкар), а также по погребению в кургане 6 у д.Заозерье в Юго-Восточном Приладожье, где были найдены дирхем-подвеска 922-923 гг. и фибула типа Паульсен (Голубева Л.А., 1966, с.88, рис.7-20); в Баяновском могильнике, где она датируется IX-X вв. (Оборин В.А., 1976, табл.41-6) Известны находки в комплексах Малоаниковского могильника в Чердынском районе (Голубева Л.А., 1966, с.95-96).

Арочная подвеска с привесками-лапками (рис.5-38) имеет аналоги в находках у д.Харино (Спицын А.А., 1902, табл. XII-11), в могильниках Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962, табл. VI-10), в Весьякарском (Генинг В.Ф., 1979, с.102, табл. IV-4), в находках у д.Михалева (Голдина Р.Д., 1970, табл.46-4), близкий экземпляр в Танкеевском могильнике (Казаков Е.П., 1971, с.114, табл. XV-9), в Кочергинском (Талицкий М.В., 1940, с.163, табл. III-37, 38).

Пластинчатые браслеты с орнаментом широко встречаются в памятниках ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (Голдина Р.Д., 1985, табл. IV-23-40), на Чепце – в Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. III-4-9), Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962, табл. II-10, 11, 10а, 11а-в) могильниках.

Височное украшение (рис.5-51) находит аналоги в погребениях могильника Мыдланьшай (Там же, табл. I-14), в памятниках Верхнего Прикамья – Мальцевском могильнике (Голдина Р.Д., 1970, табл.34-10-11), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл. XII-20).

Шумящая подвеска (рис.5-31) имеет аналоги в находках X в. у с.Загарье (Спицын А.А., 1902, табл. XXXV-10) и Купрос (Спицын А.А., 1902, табл. XIV-9) в Варнинском могильнике (Семенов В.А., 1980, табл. V-16).

Прямоугольные накладки (рис.5-34) имеют близкие аналогии в материалах Рождественского могильника (2 пол. X – 1-я пол. XI вв.) ((Белафин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, рис.60, погр.48).

Инвентарь второй группы выразителен и характерен для пермского населения рубежа I-II тыс. н.э. Верхнего Прикамья. Есть вещи, имеющие широкое территориальное распространение. Это – подвески-бубенчики, уточки, некоторые типы височных подвесок, браслетов и т.д. Вместе с тем в группе представлены украшения, отражающие

высокий уровень развития металлургического производства древнего населения Верхнего Прикамья. Это гривна глазовского типа, подвеска «всадница на змее», коньковые шумящие подвески и т.д. Погребальные комплексы II группы по аналогиям и по находкам саманидских монет (в погребениях 86 и 296 Агафоновского II могильника) датируются X в. Время чеканки знаков 911-912 и 953-954 гг.⁷

Третью, самую многочисленную группу, составляют 32 погребения, содержащих 52 типа различных украшений. Наиболее разнообразны подвески: коньковые с изображением человеческой личины (рис.6-74), гребешок (рис.6-80), шумящая кольцевая с витыми стержнями (рис.6-96). Плоские подвески представлены крестовидными различных вариантов (рис.6-57, 86) и кольцевыми (рис.6-59, 104). Из объемных подвесок многочисленны различные колокольчики и бубенчики (рис.6-64, 65, 67, 69, 89, 98, 101). Кроме того, имеются различные варианты костыльков (рис.6-75, 84) и круглая бляшка, украшенная вставкой и сканью, входившая в состав какого-то украшения (рис.6-105). Из пронизок выделяются бутылчатая (рис.6-62), орнаментированные рожковые (рис.6-79, 99, 100), со вздутиями (рис.6-55, 56, 60, 66, 76, 81, 83, 95, 97).

Среди вещей этой группы – подвески: умбоновидная (рис.6-77), пенсневидная (рис.6-82); полуовальные (рис.6-68, 71, 102), круглые (рис.6-87, 106), прямоугольные (рис.6-70, 90); сердцевидные накладки (рис.6-94, 103); наконечник ремня, украшенный ромбами (рис.6-91); пластинчатые (рис.6-58), литые массивные с концами в виде голов животных (рис.6-93), витые (рис.6-72) браслеты; перстни с плоскими щитками (рис.6-61, 85); пряжка-колечко (рис.6-78), цельнолитая пряжка с приостренным концом задней пластины (рис.6-92); сьюльгама (рис.6-63); калачевидные височные подвески (рис.6-73, 88).

Крестовидные подвески в начале II тыс. н.э. широко были распространены на обширной территории Северной Руси (западной и восточной), Прибалтики, Скандинавии (Кочуркина С.И., 1981, с.148, табл.19-18; 1982, с.84, 85, рис.14-1). А.А.Спицын назвал их скандинавскими, С.И.Кочуркина считает их восточно-европейскими (Кочуркина С.И., 1973, с.26, табл.2-7). В областях с финно-угорским и славянским населением Древней Руси подвески встречаются в памятниках XI-XII вв. (Кочуркина С.И., 1982, с.84).

Крестовидные подвески имеют несколько вариантов. Подвески с украшением в виде трех кружков на концах перекладин (рис.6-57), по мнению А.Л.Хирвилуото, первоначально появились у славян (Хирвилуото А.-Л., 1979, с.107). В Финляндии имеются 8 экземпляров этого типа, в том числе в Турку. В Латвии они изготовлялись в XII-XIV вв. В целом в Финляндии славяно-византийские крестики появляются в XI-XIII вв., а в районе Рижского залива известны изготовления подражаний крестиков (там же).

Идентичные и близкие по типу крестовидные подвески имеются в памятниках корелы (могильник Кекомьяки) (Кочуркина С.И., 1982, с.85, рис.14-1), в Приладожье – в курганах у д.Алеховщина, Шангеничи – село, где найдены с монетами второй половины XI в., кургане Яровщина-3, где они встречены с вещами XI-XII вв. (Кочуркина С.И., 1973, с.33), в древностях XI-XII вв. славянских племен-волинян, радимичей (Седов В.В., 1982, с.101, 199, табл. XXV, XXVI-30, с.156, 221, табл. XVII-18), в Петербургских курганах (Курганы..., 1896, табл. V-7, 12).

А.А.Спицын датировал крестовидные подвески XI-XII вв.; Е.Кивикоски XI-XIII вв., Н.П.Журжалина отмечает, что подвески крестики, появившись в X в. во владимирских курганах, продолжают существовать и в XI-XII вв. (Журжалина Н.П., 1961, с.132).

В Прикамье крестовидная подвеска обнаружена в находке у д.Старица, А.А.Спицын датирует ее XI в. (Спицын А.А., 1902, с.37, табл. VIII-8).

Аналоги подвеске с изображением человека (рис.6-74) имеются в материалах Юго-Восточного Приладожья – в курганах у д.Заозерье, где датируются началом XI в. (Рябинин Е.А., 1981, с.20, 103, табл. VI-8), в бассейне р.Вычегды – Усть-Сысольском

---

⁷ Определение монет выполнено ст. научным сотрудником Государственного Эрмитажа И.Г.Добровольским.

могильнике (Королев К.С., 1979, рис.2-4), Крюково-Кужновском на Волге (Иванов П.П., 1952, табл.П-2), у д. Михалево в Пермской области (XI в.) (Спицын А.А., 1902, табл.ХІ-1).

Близкие по типу экземпляры коньковой подвеске-гребешку (рис.6-80) имеются в материалах Билярского городища (Голубева Л.А., 1979, с.60, 61, рис.22-1), где датируются IX-X вв., в Танкеевском могильнике (Казаков Е.П., 1971, табл.ХVІІ-21), на Верхней Каме – в комплексах Мелехинского и Мало-Аниковского могильников (Эрмитаж, ОИПК, секция северо-востока, колл. 571/983; ПГУ, кабинет археологии, погребение II; Голубева Л.А., 1979, с.60). Л.А.Голубева датирует их VIII-IX вв. н.э. (Голубева Л.А., 1979, с.60).

Несомненный интерес представляют калачевидные височные подвески двух типов: без орнамента (рис.6-73) и украшенные зернью, сканью (рис.6-88). В Прикамье, Вычегодском крае, Вятско-Ветлужском бассейне калачевидные подвески встречаются достаточно часто.

Подвеска простая, без украшений (рис.6-73) имеет аналоги в древностях синхронных памятников родановской культуры. В бассейне р.Чепцы они найдены в Омутницком (Семенов В.А., 1985, с.97, рис.2-15, 16), в Маловенижском (Иванова М.Г., 1982, с.57, рис.5-9), Весьякарском (Генинг В.Ф., 1979, табл.П-3), Чиргинском (Иванова М.Г., 1982, с.56) могильниках. Близкие аналоги есть в комплексах Рождественского могильника (втор. пол. X – первая пол. XI вв.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.143, рис.59, погр.44; с.167, рис.83, погр.113), встречены в древностях Огурдинского могильника (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.165, рис.54-14, 15, 16), в марийских древностях (Архипов Г.А., 1964, с.142, рис.8-4-6; 1973, с.131, рис.17-14-15), в Башкирии (Мажитов Н.А., 1976, с.198, табл.1-322; его же, 1981, с.74, рис.41-7).

Подвески с орнаментом (зернью и сканью) имеют аналоги в Рождественском, Михалевском могильниках на Верхней Каме (Оборин В.А., 1953а, с.174, табл.V-1; Спицын А.А., 1902, табл.VІІ-4, 9), в Омутницком могильнике на Чепце (Семенов В.А., 1985, с.97, рис.2-18), в комплексах могильников Шойнаты II и Шойнаты III конца XI – пер. пол. XII вв. (Королев К.С., 1979, рис.7-26; 3-10) на Вычегде, в жертвенном комплексе Усть-Ишимского кургана 13, который датируется X-XII вв. (Коников Б.А., 1984, с.94, 98, рис.4-8). В Приладожье височные подвески полулунной и калачевидной форм появляются во втор. пол. – конце X в. Височные кольца из Кудринского и Пустошенского могильников датируются XII в. (Голубева Л.А., 1973, с.46).

Подвески-костыльки (рис.6-75, 84) широко распространены в древностях ломоватовской (Голдина Р.Д., 1985, табл.ХХІ-1-6), ломоской (Семенов В.А., 1980, табл.VІ-28-32) культур, комплексах Рождественского могильника второй половины X – первой половины XI в. (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.140, рис.56, погр.26-12).

Подвеска с витыми привесками (рис.6-96) близка по типу экземплярам древностей XII в. Северного Кавказа, где подобные экземпляры встречены и в памятниках VIII-IX вв. (Ковалевская В.Б., 1981, с. 179, 273, рис.62-122, 146; 94-196) Характерна она и для древностей родановской культуры (Спицын А.А., 1902, табл.ХХ-12).

Украшение, орнаментированное зернью, сканью, вставками (рис.6-86), подобно находкам из Вильгортского клада, близка ему находка и из починка Верхне-Березовский (Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. с.60, рис.27-18, 14, 16; Спицын А.А., 1902, табл.П-6).

Пластинчатый браслет (рис.6-58), украшенный циркульным орнаментом, имеет аналоги в древностях Башкирии (Мажитов Н.А., 1977, с.199, табл.1-341; 1981, с.268, рис.90-43), в Рождественском могильнике на Верхней Каме (Оборин В.А., 1953а, с.173, табл.IV-13; Спицын А.А., 1902, табл.XV-15).

Витой браслет из двух проволок (рис.6-72) достаточно часто встречается в памятниках пер. пол. II тыс. н. э.

Браслет с концами в виде змеиных голов (рис.6-93) восходит к найденным из Борковского и Кузьминского могильников (Альбом древностей..., 1941, табл. XXIII-4), близкие по типу имеются в марийских древностях (Архипов Г.А., 1973, рис.32).

Пряжка (рис.6-78) аналогична экземплярам из Кочергинского могильника (конец X – начало XI в.) (Талицкий М.В., 1940, с.162, табл. II-20; III-39, 40), Весьякарского (IX-XII вв.) (Генинг В.Ф., 1979, с.102, табл. IV-5), близка находке из Кичилькосьского могильника на Выми (Савельева Э.А., 1968, с.260, табл. II-6). В качестве обувной застежки широко использовались древним населением Прикамья.

Подпрямоугольные (рис.6-102) и сердцевидные накладки (рис.6-103) с растительным орнаментом как составная часть пояса широко распространены как в Прикамье, так и областях Западной Сибири. А.А.Спицын накладки из Бакинского и Рождественского могильников датирует XIII-XIV вв. (Спицын А.А., 1902, табл. XVII-14, 19, 31; Оборин В.А., 1953а, табл. V-11), имеются аналоги им в Кичилькосьском могильнике (Савельева Э.А., 1968, с.260, табл. II-2, 13; IV-1, 6; 1971, с.196, табл. 17-1, 2, 6, 8), Усть-Ишимском кургане X-XII вв. в Прииртышье (Коников Б.А., 1984, с.89, рис.1). Накладки данных типов встречаются в комплексах Огурдинского могильника датируемом рубежом X-XI – первой половиной XI вв. (Белавин А.М., Крыласова Н.Б. – 2012, с.214).

Аналогии подпрямоугольным и сердцевидным накладкам имеются в комплексах Рождественского могильника (2 пол. X – 1-я пол. XI вв.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., с.143, рис.59, погр.47).

Сердцевидные со сквозным отверстием (рис.6-94) накладки имеют аналогии в Рождественском могильнике (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.145, рис.60, погр.48); Огурдинском могильнике (рубеж X-XI в. до середины – второй пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.176, рис.65-2, 3, 24, 26, 27)

Прямоугольные с узорчатой прорезью у основания накладки (рис.6-90) также имели массовое распространение. В Прикамье встречены в комплексах Юмского (Архипов Г.А., 1973, с.155, рис.43-68), Деменковского (Голдина Р.Д., 1970, рис.39-36), Рождественского (Оборин В.А., 1953а, табл. V-12; Белавин А.М., Крыласова Н.Б., с.152, рис.68); Огурдинском могильнике (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.177, рис.66-2) могильников и многих других.

Накладка (рис.6-71) имеет аналогии в погребении XIV «Черемисского кладбища» (Архипов Г.А., 1973, с.155, рис.43-49). В группу входят еще ряд накладок (рис.2-94, 70, 68), которые характерны для древнего населения начала II тыс. н.э.

Перстень (рис.6-61) аналогичен находке из Чердынского уезда (Спицын А.А., 1902, с.61, табл. XXIII-18).

Пронизки с вздутиями (рис.6-55, 56, 60, 83, 81, 95) – одна из наиболее массовых категорий украшений населения Верхнего Прикамья. Прототипы им можно привести в комплексах ломоватовской культуры, аналоги – в синхронных памятниках Прикамья, в первую очередь – Верхнего. Пронизки различаются как по размерам, так и по количеству вздутий и орнаментации разделительных зон. Они входили в состав сложных украшений и указывают на преобладание шумящих подвесок в этот период.

Аналогии пронизкам имеются в областях с финно-угорским населением Восточной Европы, где они именуются «игольниками» (Голубева Л.А., 1973, с.40-41, рис.4-25, 26). Некоторые из типов пронизок считаются этническим определителем для различных групп населения.

Аналогии пронизкам (рис.6-99) имеют аналогии в древностях Огурдинского могильника (рубеж X-XI – до середины – второй пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.174, рис.63-18).

Бусы-флакончики, близкие по типу пронизкам (рис.6-60), в памятниках Юго-Восточного Приладожья датируются X-XI вв. (Кочкуркина С.И., 1964, с.61), в этот период бытуют и игольники-пронизки (рис.6-55, 83) (Голубева Л.А., 1973, с.40-41, рис.4-25, 26). С.И.Кочкуркина отмечает своеобразие оятских финно-угорских курганов X-XI

вв., комплекс вещей которых не имеет аналогий среди культур окружающих территорий, а погребальный обряд характеризуется трупосожжением и труположением со следами бересты. Оятская группа – наиболее ранняя по сравнению с другими в Приладожье, определяется С.И.Кочуркиной как веская (Кочуркина С.И., 1973, с.61-62).

На наш взгляд, вопрос соотношения некоторых групп древнего населения Юго-Восточного Приладожья с областями Прикамья требует специального изучения. Так как массовые находки некоторых категорий предметов в Юго-Восточном Приладожье (бусы-флакончики одинарные и двойные – 250 экз.) X-XI вв. (там же), игольники-цилиндрические без петель, в том числе со вздутями – X-XI вв. (Голубева Л.А., 1973, с.40) и т.д., имеют еще более массовые как по количеству, так и числу пунктов этих находок аналоги в прикамских древностях не только II тыс. н.э., но что еще более важно – I тыс. н.э. (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXIII-XXIV). То же самое касается и других типов украшений: коньковых подвесок, уточек, гривен и т.д.

Внимательно изучив состав погребальных комплексов третьей группы, правомерно датировать их XI в. Эта дата подтверждается и находками западноевропейских монет: денария-подражания кельнскому чекану времени Генриха II (1002—24 гг.) и денария-подражания монетам Оттона III (983-1002) и Адельгейды второй четверти XI в., обнаруженным в погребении 78 Агафоновского II могильника; денария-подражания монетам Оттона (983-1002) и Адельгейды, второй четверти XI в. из погребения 174; денариев, чеканенных в Базеле, епископстве Беренгар (1055-72 гг.) и Гиттельде в середине XI в. из погребения 175; денария Оттона I (936-973 г.) из погребения 266; английского денария (пенни), чеканенного Эдуардом Исповедником (1042-66 гг.) из погребения 267 8.

До конца X в. области Европы, не имеющие собственных естественных источников серебра, получали его с Востока, через посредство Руси. В 60–70 гг. X в. прослеживается сокращение ввоза дирхема в Западную Европу (Потин В.М., 1968, с.44-45). Основными экспортерами монетного серебра во втор. пол. X-XI вв. были Германия и Англия. XI в. – время расцвета обращения западноевропейского денария (Там же, с.39, 41). Приток западноевропейских монет на Русь закончился в основном в начале XII в. (Там же, с.73). Таким образом, время попадания монет исследуемого могильника в погребения не должно выходить за пределы XI в., так как в XII в. западные монеты полностью исчезают. Таким образом, третья группа вещей относится в основном к XI в.

Четвертую группу составляют 20 типов вещей из погребений. В нее входят различные шумящие подвески, отмечающиеся массивностью – соединительные звенья снабжены щитками, привески – литые грушевидные с прорезями (рис.7-122) или длинные колокольчики (рис.7-136). Основа подвесок – арочная с умбончиками (рис.7-122), псевдофибула (рис.7-128), якорьковая (рис.7-132), составная из прямоугольных пластин (рис.7-137). Выразительны цельнолитые пряжки с фигурным кольцом, овальной задней пластиной, орнаментированной растительным узором (рис.7-129), лировидные (рис.7-134), орнаментированные восьмеркообразные, украшенные насечками (рис.7-140), в нижней части есть ушки для шумящих привесок (рис.7-139) и кольцевидные (рис.7-130). Дополняют группу пронизки-трубочки с утолщениями (рис.7-121), круглые с орнаментом (рис.7-123), трапецевидные (рис.7-124), розетковидные (рис.7-127), наконечник ремня с округлым концом (рис.7-125), калачевидная височная подвеска с циркульным орнаментом (рис.7-135), перстни: спиральновитой (рис.7-131) и с овальным щитком, украшенным зернью и сканью (рис.7-126), браслет (рис.7-133).

Вещи четвертой группы отличаются высоким уровнем технологии изготовления. Выразительна шумящая подвеска-пряжка (рис.7-128). Аналоги ей имеются в марийских древностях (Архипов Г.А., 1973, с.136, рис.22-5, 7), в материалах Танкеевского могильника (Казаков Е.П., 1971, с.114, табл.XV-4) в Котловском могильнике на Каме

---

⁸ Западноевропейские монеты определены ст. научным сотрудником Государственного Эрмитажа М.В.Потиним.

(Нефедов Ф.Д., 1899, табл.12-25), идентичную находку у д.Старица А.А.Спицын датирует XII в. (Спицын А.А., 1902, с.58, табл.XVI-6) Близкого типа подвески-пряжки встречены в древностях мордвы (Альбом древностей..., 1941, табл.I-6), в Прикамье – находка у д.Михалево (Спицын А.А., 1902, табл.XXXIII-17), Рождественском могильнике (2 пол. X – 1-я пол. XI в. (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.165, рис.81, погр.109). Подвеска (рис.7-132) аналогична находке у д.Харино (Там же, табл.XXXIV-31). Лировидные пряжки (рис.7-134) появляются во второй половине X в. (Мальм В.А., 1963, с.70) и становятся характерными для всей лесной полосы (Комаров К.И., 1974, рис.2-13), в Прикамье они найдены у д.Федорово (Спицын А.А., 1902, табл.XVI-9), в Веселовском (Архипов Г.А., 1973, рис.41-18), Рождественском (Оборин В.А., 1953а, с.174, табл.V-3), Стерлитамакском могильнике (Ахмеров Р.Б., 1974, с.246, рис.6-3), Шойнаты II (Королев К.С., 1979, рис.9-2) и др. Близкие этому типу экземпляры есть на Белом озере, в комплексах X-XI вв. (Голубева Л.А., 1961, с.206, рис.2-8), в домонгольских слоях Болгара, в Новгороде в слоях XI-XII вв., во Владимирских и Петербургских курганах, в комплексах X-XI вв. в Саркеле, в Средней Азии (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.44; Седова М.В., 1981, с.243, 258, рис.1-5), Верхней Волге (Комаров К.И., 1974).

Украшение из пластин с шумящими привесками (рис.7-137) обнаружено у д.Коча в Прикамье и датируется А.А.Спицыным XII в. (Спицын А.А., 1902, с.61, табл.XXIII-10). Пряжка (рис.2-140) имеет близкие аналоги во многих памятниках Прикамья – Маловенижском (Иванова М.Г., 1982, с.57, рис.5-6), Бакинском (Спицын А.А., 1902, табл.XXX-11).

Близкого типа пряжки с шумящими привесками (рис.7-139) известны по находкам у д.Горд-Кушет, Харино (Там же, табл.XVI-5-7) и т.д.

Спиральные перстни из проволоки, уложенной в несколько рядов (рис.7-131), аналогичны предметам, найденным в Шойнаты III (Королев К.С., 1979, рис.3-9), Варнинском (Семенов В.А., 1980, табл.II-37), Лядинском (Альбом древностей..., 1941, табл.II-14, IV-6, 9) могильниках, в Новгороде в слоях XI в. (Седова М.В., 1981, с.256, 257, рис.10-12, 14), мордовских древностях IX-X вв. Встречаются в комплексах X-XIV вв. (Смирнов А.П., 1952, с.127, табл.XXX-5, 9). Из вещей этой группы интересны витые браслеты (рис.7-133). Встречаются они среди Вятических курганов, часты у новгородцев. На северо-западе доходят до Эстонии, на северо-востоке – до Костромской губернии, имеются в Ленинградской, Псковской, Тверской, Ярославской, Московской, Калужской областях. По мнению А.А.Спицына, витые браслеты относятся к XIV-XV вв., они сопровождалась монетами, но А.В.Арциховский относит их ко II-III стадии вятических курганов, датированных XIII-XIV вв. (Арциховский А.В., 1930, с.11, 130, 149, 150, рис.2). В Ленинградской области украшения датируются XIII-XIV вв. (Курганы..., 1896, с.40, 46, табл.IV-6), хотя тонкие витые иных типов браслеты (близкие экземпляру из Агафоновского II могильника – рис.7-72) встречаются и в памятниках переходного периода – XII-XIII вв. Новгородские браслеты датируются XIV вв. (Седова М.В., 1981, с.248, 246, рис.8-4). В Ярополче Залесском он датируется XII – началом XIII вв. (Седова М.В., 1978, с.82-83).

Калачевидные подвески (рис.7-135), украшенные чеканным циркульным орнаментом, имеют аналоги в Юго-Восточном Приладожье в комплексах XII-XIII вв. (Голубева Л.А., 1973, рис.4-3), марийских древностях (Архипов Г.А., 1973, с.131, рис.17-17-18), близкие типы имеются в древностях корелы (Кочкуркина С.И., 1981, с.127, табл.3-4) и т.д.

Сопоставляя аналогии с предметами IV группы исследуемого могильника, можно, по всей вероятности, определить дату существования украшений XII в. В этот период продолжается изготовление шумящих подвесок разнообразных типов, орнаментация накладок, пластин, пряжек (рис.7-139) растительным орнаментом. Украшаются зернью и сканью (рис.7-126) вставки перстней и медальонов, псевдозернью – накладки (рис.7-123) и шумящие пряжки-подвески (рис.7-128, 139). Наряду с прикамскими имеются украшения, характерные для широкой территории Восточной Европы.

В пятую смежную группу входят предметы 5 типов: цельнолитая пряжка с изображением головы медведя и отверстиями шумящей части (рис.8-29), цельнолитая восьмеркообразная пряжка, украшенная елочковидными насечками (рис.8-30), круглопроволочные (рис.8-26) и восьмигранный с циркульным орнаментом (рис.8-28) браслеты, ложновитая гривна (рис.8-27).

Многочисленные аналоги имеют восьмигранный браслет с циркульным орнаментом (рис.8-28). Дротовые браслеты имеют аналоги в памятниках IX-X вв., а прототипы – в I тыс. н.э. в Прикамье, откуда они проникли в Среднее Поволжье.

Подобные экземпляры имеются на Верхней Каме в I тысячелетии н.э. – в Каневском, Агафоновском I, Баяновском, Плесинском, Аверинском, Шукинском могильниках (Голдина Р.Д., 1985, с.212, табл.IV-20-22), Кочергинском (Талицкий М.В., 1940, табл.I-9-11, II-15), на Чепце – Мыдланьшай (Генинг В.Ф., 1962, табл.II-9), Варнинском (Семенов В.А., 1980, с.108, табл.II-33-34), на Сылве встречен в комплексах неволинской культуры (Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Неволинского могильника). Аналоги есть в Башкирии (Мажитов Н.А., 1976, с.197, табл.I-289), Нижней Каме – Танкеевском могильнике, Билярском городище (Казаков Е.П., 1971, табл.XVIII-1, 2). Многогранные браслеты характерны для марийцев IX-XI вв., близкие типы имеются в Веселовском могильнике Поветлужья X-XI вв. (Архипов Г.А., 1973, с.33, табл.А, рис.31).

Браслеты с утолщенными концами (рис.8-26) характерны для культуры крымских готов. В могильнике Суук-Су V-VII вв. их больше всего. В некотором количестве они проникают в могильники окских финнов – Кузьминский, Борковский, Курманский, Кошибеевский (Арциховский А.В., 1930, с.17, рис.11).

Пряжка с изображением головы медведя (рис.8-29) имеет аналоги в комплексах могильника Шойнаты II (Королев К.С., 1979, рис.9-5), Загарском, где А.А.Спицын датирует ее X в. (Спицын А.А., 1902, табл.XVI-10), в поселенческом материале у д.Городище Вологодской области (Голубева Л.А., 1982, с.12). Восьмеркообразная пряжка (рис.8-30) имеет аналоги в материалах Прикамья I тыс. н.э. (Голдина Р.Д., 1985, табл.IX-21). Ложновитые гривны так же были широко известны финно-уграм бассейна Камы и Вятки (Архипов Г.А., 1973, с.132, табл.18).

Хронологический диапазон бытования предметов пятой группы определяется в пределах двух столетий IX-X вв.

Шестая смежная группа представлена флакончатой подвеской (рис.8-54) с выраженным устьем, геометрическим узором и прорезями. Подвески такого типа появляются уже во втор. пол. I тыс. н.э. Они широко известны в древностях Прикамья. Флакончатые подвески довольно часто встречаются в памятниках ломоватовского времени на Верхней Каме, где они, очевидно, и изготовлялись (Голдина Р.Д., 1985, табл.XXII-31, 35). А.А.Спицын и В.А.Оборин в комплексах Мальцевского и Плеховского могильников (Спицын А.А., 1902, табл.IX-14; Оборин В.А. Плеховский могильник, с.201, рис.62-4-6) датируют ее X в. Близкого типа игольник обнаружен в материалах Вакинского селища (Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2008, с.147, рис.90-20); Огурдинского могильника датируемого рубежом X-XI – серединой – второй половиной XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.174, рис.63-22); Рождественском могильнике (вторая пол. X – первая пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.173, рис.89, ж/к 1; с.172, рис.88, погр.125).

Близкие аналоги есть в Стерлитамакском (Мажитов Н.А., 1981, с.94, рис.50-17-18; Ахмеров Р.Б. Могильник близ города Стерлитамака. с.155, табл.I-3), Танкеевском могильниках, прототипы подвесок датируются второй половиной VI – первой половиной VIII в. (В.Ф.Генинг) (Казаков Е.П., 1971, с.143, табл.XVI-27).

Эта подвеска продолжает преемственность развития подобных украшений ломоватовского времени (Деменковская, Урынская стадия – конец VII-IX вв.) (Голдина Р.Д., 1985, рис.16-129) и существует на рубеже X-XI вв.

К седьмой смежной группе относятся простая проволоочная височная подвеска (рис.8-108), рожковая пронизка без орнамента (рис.8-110), восьмеркообразная пряжка с выемками при переходе к кольцу (рис.2-111), умбоновидная подвеска с лапками (рис.8-109), овальный в сечении проволоочный браслет (рис.8-107). Описанные предметы в Агафоновском II могильнике обнаружены в погребениях IX-XI вв.

Умбоновидная подвеска (рис.8-109) с привесками-лапками – характерное обувное украшение пермских народов. Прототипы имеются в ломоватовских древностях урьинской стадии конца VIII-IX вв. (Голдина Р.Д., 1985, с.226, табл.XVIII, рис.16), аналоги – в синхронных памятниках родановской культуры (Спицын А.А., 1902, табл.XVII-1), Рождественском могильнике (2 пол. X – 1-я пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.166, рис.82-погр.111), на Чепце (Генинг В.Ф., 1962, табл.VI-9; Иванова М.Г., 1982, рис.9-6, 8), Вятско-Ветлужском крае (Архипов Г.А., 1973, с.161, рис.51-1-5). Круглопроволочные простые височные подвески (рис.8-108) бытуют очень широко. Встречаются в ломоватовских памятниках (Голдина Р.Д., 1985, с.211, табл.III-3), в бассейне р.Чепцы (Генинг В.Ф., 1962, табл.I-1; Семенов В.А., 1980, табл.1-8-10), в древностях мари (Архипов Г.А., 1973, с.131, рис.17-3), на Нижней Каме (Казаков Е.П., 1971, с.122, табл.XXI-28), Башкирии (Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. с.41, 44, рис.20-16; 22-19).

Колоколовидные пронизки (рис.8-110) имеют широкий хронологический и территориальный диапазон, встречаются в областях с финно-угорским населением. В целом данная группа датируется IX-XI вв.

Восьмая группа содержит шумящие пластинчатые (рис.8-116) и арочные с умбончиками (рис.8-118) подвески, грушевидные бубенчики с прорезью (рис.8-120), шаровидные бубенчики с насечками и крестовидной прорезью (рис.8-113), шаровидные бубенчики без орнамента (рис.8-114), прямоугольные с прорезью (рис.8-115), литые овальные (рис.8-112) и круглые (рис.8-117) накладки.

Шумящая пластинчатая подвеска (рис.8-116) аналогична находкам у д.Михалево и Мысы, которые А.А.Спицын датирует XI-XII вв. (Спицын А.А., 1902, табл.XIV-4; XXXVI-21).

Еще одна шумящая подвеска (рис.8-118) находит параллели в находках у с.Модороб и Елево (Там же, табл.XIV-2; VIII-14).

Прямоугольные накладки с подпрямоугольной прорезью у основания (рис.8-115) находят аналоги на обширной территории от Алтая, Минусинского края, Монголии, Средней Азии (Пенджикент) до Ярославских курганов, Старой Ладogi, Венгрии (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.55-56, рис.10-A1). Хронологический диапазон так же широк – от VII-VIII вв. (Алтай, Тува) до X-XI вв. (Ярославское Поволжье, Гнездовские курганы и т. д.) (Мальм В.А., 1963, с.65-66. Рис.37-8). В Прикамье встречены в комплексах могильников Мыдланьшай, Поломском I, Деменковском (Голдина Р.Д., 1970, табл.39-34-35), Танкеевском (Казаков Е.П., 1971, с.121, табл.XX-49), Рождественском могильнике (2 пол. X – 1-я пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.158, рис.90) и т.д.

Многочисленны находки бубенчиков грушевидной формы с крестообразной прорезью и насечками (рис.8-113). Подобные подвески, по мнению Н.П.Журжалиной, появляются в конце X, но наиболее характерны для XI в. (Журжалина Н.П., 1961, с.129), известны они в Новгороде в слоях X – начала XII вв., в Болгарах в домонгольских слоях, в Саркеле в комплексе X-XI вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.12-1).

Многочисленны аналогии им и в древностях Прикамья, в Рождественском могильнике (2 пол. X – 1-я пол. XI в.) (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.145, рис.61, погр.51).

Вещи этой группы не претерпевают сколько-нибудь значительных изменений во времени, определяемом XI-XII вв.

В погребениях X-XII вв. встречаются шаровидные литые бубенчики (рис.8-142), пронизки средних размеров с двумя или тремя вздутиями, иногда разделенными орнаментированным пояском (рис.8-141, 143); рожковые с одним утолщением (рис.8-144), а также крупные с двумя вздутиями и прорезями пронизки (рис.8-145), относящиеся к девятой смежной группе. Аналоги вещам данной группы можно найти в материалах памятников Верхнего Прикамья (Голдина Р.Д., 1985, табл.ХХI, ХХII, ХХIV), Рождественском могильнике (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., с.170, рис.86, погр.120), Огурдинском могильнике, датируемом рубежом X-XI в. до середины – второй пол. XI в. (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, с.173, рис.62-36), а также в Приладожье (Голубева Л.А., 1973, с.40, рис.4-25, 26).

Последняя, десятая смежная группа объединяет сердцевидные накладки (рис.8-146), выпуклые бляшки со вставками, украшенные зернью и сканью (рис.8-147), имеющие аналогии в комплексах Рождественского могильника (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008, с.141, рис.57, погр.34, рис.61, погр.52), Огурдинском могильнике (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, рис.55, с.166), спиральновитые (рис.8-148) и малые конические (рис.8-149, 150) пронизки.

Пронизки, изготовленные из бронзовой пластины, свернутой в спиральку (рис.8-148), бытовали на обширной территории на протяжении длительного времени. Зафиксированы они в Прикамье (Спицын А.А., 1902, табл.Х-15, 16, 17, 18; Генинг В.Ф., 1962, табл.V-9-10; Семенов В.А., 1980, табл.VII-72-73), близкого типа украшения (рис.8-147) найдены у с.Пыскор (Спицын А.А., 1902, табл.XII-2), Огурдинском могильнике (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2012, рис.62-41). Сердцевидные накладки (рис.8-146) имеют близкие аналогии в Салтовском могильнике VII-X вв., в памятниках IX-X вв., в Новгороде, в комплексах конца XIII в., в Казахстане, в Венгрии (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.49, 53, рис.8-31), в погребении X в. могильника в Старой Ладоге (Орлов С.Н., 1965, с.97, рис.32-3), в Прикамье – ломоватовских (Голдина Р.Д., 1985, табл.40-3), Рождественском могильнике (Белавин А.М., с.146, рис.62, погр.56), в марийских древностях (Архипов Г.А., 1973, рис.43-5), мордовских (Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. табл.ХХХI-2).

Пронизки (рис.8-149, 150) – характерная особенность родановских комплексов, вещи данной группы бытуют на протяжении IX-XII вв.

Итак, погребальный инвентарь Агафоновского II могильника явился основой для выяснения хронологической шкалы родановских древностей IX-XII вв. Вместе с тем следует отметить, что представленная схема развития украшений требует внимательного анализа комплексов каждого хронологического периода. Интересные результаты, на наш взгляд, может дать изучение характерных особенностей и деталей каждой категории предметов, в первую очередь, подвесок с разнообразными привесками, бубенчиками, накладок и т.д. Представленная хронологическая шкала древностей IX-XII вв. впервые позволила обозначить линию развития бронзовых украшений костюма населения Верхней Камы. Продолжая традиции бронзолитейщиков ломоватовского времени, родановцы значительно расширяют ассортимент и технологические приемы изготовления сложносоставных, литых плоских и объемных украшений, разнообразны шумящие украшения, используются псевдокрученые приемы, распространяется техника скани и зерни. Анализ погребального инвентаря Агафоновского II могильника показывает, что подавляющее большинство типов вещей характерно для местного пермского населения Прикамья – древних коми- пермяков: Вместе с тем прослеживаются связи с западными финнами, населением Костромского Поволжья, Белого озера, Ярославского Поволжья, Карелии, Финляндии, славянскими племенами, булгарами и т.д.

Лесная полоса Восточной Европы в конце I – начале II тыс. н.э. была занята финно-угорским населением. Контакты населения Верхнего Прикамья с западными финнами по материалам нашего могильника прослеживаются уже в IX в. (подковообразные фибулы), в X в. они приобретают еще более активный характер. Это подтверждают и материалы

вымской культуры Коми края, где торговля и культурные связи перми вычегодской с населением Волго-Окского междуречья прослеживаются по археологическим данным не позднее X в. (Савельева Э.А., 1971, с.174). В финно-угорских областях Северной Руси, по наблюдениям Е.А.Рябинина, в XI в. начался, а в XII-XIII вв. еще более усилился, процесс нивелирования чудских древностей. «Большинство финно-угорских древностей этого периода теряет свою племенную «окраску» и распространяется на широких территориях» (Рябинин Е.А., 1979, с.100).

Анализ вещевого инвентаря Агафоновского II могильника – групп XI в., а также смежных – IX-XI, X-XI, X-XII вв., IX-XII вв. – показывает, что многие типы пронизок со вздутиями, флаконовидные подвески, бубенчики, зооморфные и коньковые подвески, истоки происхождения которых уходят в прикамские древности I тыс. н.э., находят аналоги в памятниках финно-угров лесной зоны – Костромского Поволжья (центральный регион), Волго-Окского междуречья, Белого озера, Приладожья и т.д., а также синхронных культурах Прикамья – перми вычегодской, древних мари, удмуртов и т.д.

Одним из фактов взаимоконтактов всего финно-угорского мира Восточной Европы является то, что уже в XII в. финское население Костромского Поволжья освоило изготовление изделий по Приладожским, Белозерским, Прикамским образцам (Рябинин Е.А., 1984, с.192). В конце XII в. новгородские ремесленники освоили выпуск некоторых типов шумящих финно-угорских подвесок (Рябинин Е.А., 1979, с.101).

С X-XI вв. фиксируются связи со славянским населением (Бадер О.Н., 1953, с.81; Оборин В.А., 1969, с.166). По мнению В.А.Оборина, часть вещей древнерусского происхождения (боевые мечи, широколезвийные топоры, древолазные шипы, кресты) попадала в Прикамье вместе с дружинами новгородских ушкуйников. Большая же часть древнерусских предметов проникла сюда в результате торговли (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с.43). С Новгородом связаны находки некоторых типов украшений костюма – решетчатые подвески, монетная гривна из д. Вотяки, перстни, оловянные кресты и кресты-энколпионы, а также драгоценная посуда из Романовского клада и д.Клепиковой, пряжки, яйцо-игрушка из. Анюшкарского могильника, Владимиро-Суздальское происхождение имеют серебряный шарнирный браслет из д.Сартаково, серебряные бляхи с чернью и зернью из д.Большое поле и с.Искор и т.д. (Там же, с.43-44). Вещи южнорусского происхождения (монетная гривна черниговского типа из д.Чигироб, шарнирный браслет киевского типа из Кырдымского городища, овручские шиферные пряслица из городища Анюшкар, киевские крестики с желтой выемчатой эмалью и другие) попадали в Прикамье через волжских булгар (Там же, с.43).

Но основной «путь проникновения славянских вещей (в том числе денежные слитки и керамика) шел к северу от болгарских земель, минуя их, через Вычегду на Вятку и Верхнюю Каму» (Бадер О.Н., 1953, с.81). Как указывает О.Н.Бадер, этот путь подтверждается и находками на Верхней Каме западноевропейских монет XI в., распространенных в то время в Новгороде и совершенно неизвестных в Волжской Булгарии. Кроме того, В.А.Обориным доказано происхождение плужного земледелия у коми-пермяков под преобладающим русским влиянием, а не болгарским, как считалось ранее (Оборин В.А., 1956, с.66-75).

Находки древнерусских вещей в могильниках и кладах (Романовский, Вильгортский), как правило, сопровождаются предметами родановского облика (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с.44). В XII в. поступление русских вещей на Верхнюю Каму значительно усиливается (Бадер О.Н. Указ. соч. с.81).

Материалы третьей и четвертой групп Агафоновского II могильника, датируемые XI и XII вв., наглядно подтверждают это положение. Часть вещей этой группы находит прямые или близкие аналоги в славянских древностях, наиболее яркие из них – крестики славяно-византийского типа, украшения с зернью и сканью, браслеты и т.д.

Пристального внимания заслуживает вопрос взаимоотношения населения Верхнего Прикамья и Булгарии. М.В.Талицкий, выделив в Верхнем Прикамье «родановскую

культуру», убедительно обосновал ее пермский этнос. Все последующие изыскания в этом направлении подтвердили, что эта культура является основой сложения древних коми-пермяков. Но вместе с тем, М.В.Талицкий отмечал, что этот «период проходит под знаком завязывания интенсивных связей с Булгарским государством. Эти связи создают возможность точной датировки комплексов, так как они в сильной степени определяли весь облик культуры верхнекамского населения в прошлом» (Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. с.79-80). Основой для этого явились материалы поселений, в первую очередь, керамика, а также некоторые типы украшений коллекции Теплоуховых, анализ которых был проведен А.А.Спицыным, и девять типов привесок, описанных А.П.Смирновым. Но, как отмечает сам М.В.Талицкий, «все типы этих украшений выработались на базе местных окско-камских культур». Изготавливались они как на верхнекамских городищах, так и булгарских (находка в Булгарах формочки для отливки бронзовых пронизок со вздутиями) (Там же, с.81). Несомненно, булгарским экспортом, по мнению М.В.Талицкого, являются серебряные, ювелирные филигранно-зерновые поделки. В основном это клады. Булгарской считается и филигранно-зерновая техника, так как, по мнению М.В.Талицкого, мастеров-ювелиров не могло быть среди верхнекамских жителей (Там же, с.82).

Со времени исследований М.В.Талицкого прошло много времени. За этот период накоплен значительный поселенческий, но что еще более важно — погребальный инвентарь. Анализ показывает, что массовыми находками являются вещи пермского происхождения. Булгарские вещи незначительны и являются результатом торгового обмена. Отсутствуют в Верхнем Прикамье и собственно булгарские некрополи, поэтому нет оснований говорить об участии булгар в этногенезе родановского населения. Наоборот, верхнекамские племена приняли участие в сложении населения Волжско-Камской Булгарии. Финно-угорский субстрат достаточно четко выделяется в материальной культуре обитателей булгарской территории конца I – начала II тыс. н.э. Подтверждают это и антропологические исследования.

Производство прикамских типов украшений в Волжско-Камской Булгарии было вызвано, вероятно, как собственными потребностями финского населения, так и сбытом, торговым обменом с соседними финно-угорскими районами. Аналогичный процесс наблюдается и в других финно-угорских областях лесной полосы, Новгороде, и не является чем-то особенным по отношению к Волжско-Камской Булгарии.

Влияние булгар на население Верхнего Прикамья в области политической ничем не подтверждается. Возможно, оно могло осуществляться в распространении экономических знаний, прогрессивных технологических приемов. Но этот вопрос требует анализа специалистов. Уже сейчас мы можем говорить о высоком самобытном уровне производства древних коми-пермяков. Результаты металлографического исследования предметов из черного металла с родановских памятников, по исследованиям В.И.Завьялова, показали достаточно высокий уровень и соответствие общему уровню развития восточно-европейского кузнечного ремесла (Завьялов В.И., 1984, с.19-20). Необходим анализ технологических приемов и бронзолитейного производства, техники скани и зерни. Уже предварительные исследования показывают искусство воплощения реалистических изображений зверей и человека в объеме и плоскости, что несомненно является отражением мастерства древних ювелиров.

Таким образом, не отрицая определенную роль влияния Волжско-Камской Булгарии на население Верхнего Прикамья, мы склонны большее значение придавать экономическим, культурным, торговым связям этого района с финно-угорскими областями Прикамья, лесной полосы Восточной Европы и Древней Руси. Не случайно, очевидно, древнее финно-угорское население Приуралья достаточно рано появляется в русских летописях. Состояние источников по родановской культуре позволяет говорить о самобытном пермском этносе древних коми- пермяков и несостоятельности в настоящее время термина «булгарская эпоха».

Литература

- Альбом древностей мордовского народа, 1941. Саранск.
- Андреев С.И., Терехова Н.В., 2011. Комплекс украшений Давыдовского городища // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 7. – М.: Институт археологии РАН. – 456 с., цв. вкл.
- Архипов Г.А., 1964. Дубовский могильник // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола. Вып. XIX.
- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX-XI вв. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., 1982. Раскопки Дубовского могильника // АО-1981. М.
- Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Ахмеров Р.Б., 1974. Археологические находки в Башкирии // СА. №2.
- Ахмеров Р.Б. Могильник близ города Стерлитамака.
- Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947-1952) // УЗ ПГУ. Харьков. Т. IX. Вып. 3.
- Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.
- Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: из-во Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 200 с.: илл.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с.Рождественск: Монография / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 603 с.: ил. 218 + прил. (36 с.), табл. – Библиогр. с.543-563.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 2012. Огурдинский могильник: Монография / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 259 с.: ил. 80 + прил (15 с.), табл. – Библиогр. С.239-250.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1962. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. // ВАУ. Свердловск. Вып.3.
- Генинг В.Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у дер.Весьякар (IX-XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ 9.
- Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Неволинского могильника // Архив ЛАИ УдГУ.
- Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1982. Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. – с.39-61.
- Голубева Л.А., 1961. Могильники X-XI вв. на Белом Озере // СА. №1.
- Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. №3. С.80-98.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом Озере (X-XIII вв.). М.
- Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М. Вып.Е1-59.
- Голубева Л.А., 1982. Работа Белозерской экспедиции // АО-1981. М.
- Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: «Гриф и К0». – 263 с.: ил. (Труды ТАЭ. Вып.2) – 263 с.
- Гуревич Ф.Д., 1962. Древности Белорусского Понеманья. М.-Л.
- Елизарова Н.А., 1950. Шустинский курганный могильник. Материалы по археологии Верхнего Поволжья // МИА. Вып.13.
- Ефименко П.П., 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии России. Л. Т.3. Вып.1.
- Журжалина Н.П., 1961. Датировка древнерусских привесок-амулетов // СА. №2.
- Завьялов В.И., 1984. Результаты металлографического исследования предметов из черного металла с памятников ломоватовской и родановской культур // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.

Захаров Р.Ф., Кузина И.Н., 2010. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Болгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток...

Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). – Пермь. – 162 с.: ил. 39 + 8 цв. вкл.

Иванов П.П., 1952. Материалы по археологии мордвы VIII-XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск.

Иванов П.П., 1952. Материалы по истории мордвы VIII-XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск.

Иванова М.Г., 1982. Городище Гурья-кар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск.

Иванова М.Г., 1982. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск.

Истомина Т.М., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском северо-востоке. Сыктывкар.

Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.

Казаков Е.П., 2007. Волжские болгары, Угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань.

Казаков Е.П., 2010. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX-XIII веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А.Макаров, В.Ю.Коваль; сост. В.Ю.Коваль, Ин-т археологии РАН. – М: Наука. – с.53-61.

Кананин В.А. Отчет за 1977 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д.68.

Киселев С.В., 1936. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // СА. №1.

Ковалевская В.Б., 1981. Северный Кавказ в X-XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Комаров К.И., 1974. Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге // СА. №3.

Конилов Б.А., 1984. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории Тажного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.

Королев К.С., 1979. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар.

Кочуркина С.И., 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л.

Кочуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы. Л.

Кочуркина С.И., 1982. Древняя корела. Л.

Крыласова Н.Б., 2006. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья: монография / Н.Б.Крыласова; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 352 с. – Библиогр.: с.326-345.

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2008. Материальная культура средневекового Предуралья. Часть I. Культура жизнеобеспечения: учебное пособие / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 184 с.: ил.

Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // МАР. СПб., 1896. Вып.20.

Лехтосало-Хиландер П.-Л., 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л.

Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII-XIV вв. М.

Мажитов Н.А., 1981. Южный Урал XII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала... С.62. Рис.34-28. С.61. Рис.32-г.

- Макаров Н.А., 2010. Русь и Волжская Болгария на Севере // Русь и Восток в IX-XVI вв.: новые археологические исследования. – М.
- Мальм В.А., 1963. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.
- Материальная культура средневекового Предуралья. В 2 ч. – Крыласова, Н.Б. Часть I. Культура жизнеобеспечения: учебное пособие / Н.Б.Крыласова, Ю.А.Подосенова; Перм. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., стер. – Пермь. – 183 с.: ил.
- Материальная культура средневекового Предуралья. В 2 ч. – Часть II. Белавин А.М. Культура производства. Вооружение. Торговля: учебное пособие / А.М.Белавин, А.В.Данич, Н.Б.Крыласова, Г.Т.Ленц и др.; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2010. – 189 с.: ил.
- Мурашова В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X-XIII вв.). М.
- Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. МАВГР. М. Т. III.
- Никитина Т.Б., 1990. Инвентарь могильника «Нижняя стрелка» // Древности Поветлужья. Йошкар-Ола. (АЭМК; Вып.17).
- Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим данным): Монография. – Йошкар-Ола: Мар НИИ. – 432 с. илл.
- Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М. – 296 с.
- Оборин В.А. Плеховский могильник на Каме // КСИИМК. Вып.36.
- Оборин В.А., 1953. Баяновский могильник на р.Косье // УЗ ПГУ. Харьков. Т.IX. Вып.3. С.145-160.
- Оборин В.А., 1953а. Рождественское городище и могильник // УЗ ПГУ. Харьков. Т.IX. Вып.3. С.161-177.
- Оборин В.А., 1956. К истории земледелия у коми-пермяков // СЭ. №2. С.66-75.
- Оборин В.А., 1956. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗ ПГУ. Харьков. Т.XI. Вып.3.
- Оборин В.А., 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.
- Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск. Вып.9. С.3-29.
- Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. Пермь. №191.
- Орлов С.Н., 1965. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // КСИИМК. Вып.65.
- Плетнева С.А., 1961. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья // Исследования по археологии СССР. Л.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. Вып.142.
- Покровская Л.В., 1999. Ювелирные украшения Новгорода X-XI вв.: (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М.
- Потин В.М., 1968. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л.
- Путиами средневековых торговцев., 2004. Сборник материалов «круглого стола» в рамках Международного (XVI Уральского) археологического совещания. Пермь, 6-10 октября 2003 г. / Под ред. А.М.Белавина. Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь. – 95 с.: ил.
- Рябинин Е.А., 1979. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л.

- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. Л. Вып.Е1-60.
- Рябинин Е.А., 1984. Финно-угры Костромского Поволжья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
- Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции // СА. Вып.2.
- Савельева Э.А., 1968. Средневековый могильник в верховьях Выми // УЗ ПГУ. Пермь. Вып.191.
- Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. М.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
- Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье / В.В.Седов; [отв. ред. Н.А.Макаров]; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука. – 413 с.: ил. – (Памятники отечественной науки. XX век.).
- Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
- Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. Ижевск.
- Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М. Вып.28.
- Спицын А.А., 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб. С.23-49.
- Спицын А.А., 1925. Литовские древности // Tauta ir Zodis. Т.III. Epe Lituana. Kaunas.
- Станкевич Я.В., 1947. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск.
- Талицкий М.В., 1940. Кочергинский могильник // МИА. Вып.1.
- Талицкий М.В., 1941. К этногенезу коми // КСИИМК. М.-Л. Вып.IX.
- Талицкий М.В., 1946. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // КСИИМК. Вып.XIII.
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. М.-Л. Вып.22. С.33-96.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Фехнер М.В., 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.
- Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький.
- Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахитовье). С.-Петербург. Российская академия наук Институт истории материальной культуры Труды. Том VI. – 290 с.: ил.
- Хирвилуото А.-Л., 1979. Связи между Финляндией и районами Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Л.
- Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А.Коновалов, Н.В.Ениосова, Р.А.Митоян, Т.Г.Сарачева. Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. М, Вост. лит., 2008. – 191 с.: ил.
- Эрмитаж, ОИПК, секция северо-востока, колл. 571/983; ПГУ, кабинет археологии, погребение II.

КИШЕРТСКИЙ МОГИЛЬНИК В БАССЕЙНЕ РЕКИ СЫЛВЫ

Одним из интереснейших памятников первой половины II тыс. н.э. в бассейне реки Сылвы является Кишертский могильник. Он расположен на площади многослойного поселения (Кишертское I – эпоха мезолита, неолита, финальной бронзы, раннего средневековья – неволинская культура), занимающего мыс, образованный террасой коренного берега Сылвы высотой 7 м и р.Кишерткой, на северо-восточной окраине с.Кишертъ. У подножия террасы, с западной и северной сторон, находится старичное болото с рядом озер и останец, высотой до 6 м (рис.1–1,2). Ранее площадка памятника распахивалась, а ныне занята коттеджным поселком.

Первое упоминание о могильнике относится к концу XIX в. и принадлежит П.П.Пономареву, описавшему находку черепа у подножия останца, имеющего название «Челпан», и «старинных серебряных вещи в виде подноса и ковши» «близ Усть-Кишертского села» (Пономарев П.П., 1896, с.169), скорее всего, происходящих оттуда же. Но в дальнейшем памятник не упоминался и был открыт в 1983 г. разведочным отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета под руководством О.В.Армаутинской, обнаружившей на площадке поселенческие материалы (Отчет за 1983 г., с.4-5). Повторное обследование, проведенное Е.Э.Киржнер в 1986 г., позволило, на основании находок человеческих костей, предположить существование в северной части селища погребального памятника (Отчет за 1986 г., с.3-4). В 1987 г. на памятниках были начаты стационарные исследования, продолженные в 1988 и 1990 гг. (Киржнер Е.Э., отчет за 1987 г., с.3-12; Водолаго Н.В., отчет за 1988 г., с.2-19; Пастушенко И.Ю., отчет за 1990 г.). Частично материалы были предложены вниманию специалистов в «Археологических открытиях Урала и Поволжья» (Водолаго Н.В., Коробейникова Т.А., Пастушенко И.Ю., 1989, с.48-49; Пастушенко И.Ю., 1991). Нашли в литературе отражение и наиболее интересные предметы торевтики (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., 2006; Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007, с.178, 186-188, рис.112–3-5, 120, 121, 122–1,2). Материалы некрополя были опубликованы и в полном объеме (Пастушенко И.Ю., 2006; 2007).

За три года работы на памятнике была вскрыта площадь 1166,5 кв. м, на которой изучены 33 погребения, а также остатки жилых и хозяйственных сооружений, относящихся к поселению. Целью данной статьи является публикация материалов могильника, поэтому на плане даны только очертания погребений. Площадка памятника подвергалась интенсивной распахке, что вызвало разрушение ряда погребений, одних частично, других полностью, о чем позволяют судить находки костей человека и отдельных вещей в пахотном слое и на поверхности. Выявить четкой закономерности в расположении могильных ям не удалось, они группируются в восточной и западной частях раскопа. В первом случае группа немногочисленна, всего пять могил, в их размещении не прослеживается системы и лишь очень условно можно считать рядом погребения №№30-32. В западной половине раскопа прослеживается два ряда погребений (№№11-15 и 19-20), ориентированных по линии СЗ-ЮВ. Также четко фиксируется «большой» ряд, вытянутый с севера на юг, – №№5-10, к нему, возможно, относятся и погребения №№16-18, несколько оторванные от основной части ряда. Такую же ориентацию ряда образуют могилы №№1 и 4. Часть погребений (№№21-29) расположены аморфной группой на южной оконечности «большого» ряда, среди нее условно можно наметить ряды, вытянутые по линии ССВ-ЮЮЗ (погребения №№25, 27, 29) и СЗС-ЮВЮ (погребения №№21, 23, 28). Возможно, что значительная разряженность могильных рядов объясняется разрушением части погребений (рис.2).

Захоронения на могильнике совершены в простых грунтовых ямах прямоугольной (57,5%), трапецевидной (30,3%), реже овальной (6,1%) формы; причем последняя и близкие к ней формы характерны для детских погребений и захоронений «карликов»

(№№13, 19). Исключение составляет погребение 10, имеющее заплечики; отсутствие в нем каких-либо остатков, позволяет предположить, что оно является кенотафом.

Могильные ямы неглубоки – до 70 см, лишь 25,7% погребений имеют глубину более 50 см. Как правило, размеры ям определены ростом умерших. В отдельных случаях (№№6, 7, 28) могилы несколько шире, чем необходимо для захоронения. Остатки деревянных погребальных сооружений не зафиксированы; только в погребении 1 отмечены следы дерева.

Ориентировка погребенных совпадает с ориентацией могил. Преобладает западная – 48,5%, и юго-западная – 22,8% ориентация. Реже встречено направление на СЗ и ЗСЗ – по 8,6%, ЮЮЗ – 5,7%, ЮЮЗ и С – по 2,9%.

Строгой закономерности в положении умерших проследить не удалось. Но, очевидно, основная масса погребенных была уложена вытянуто на спине, четкий поворот на правый бок фиксируется лишь в 5 случаях – 14,7% (№№3, 8, 18Б, 20, 33). Положение рук различно: вытянуты вдоль тела, одна или обе уложены на пояс или на грудь. Отмечен случай скрещенных ног (№14). Последний факт, а также находка у колена железного кольца, позволяют предположить, что ноги умершего были связаны. Возможно, что связаны были ноги и в погребениях 25, где найдена железная пряжка у щиколоток, и 24, здесь функции пут могла выполнять узда. В большинстве случаев (29,4%) голова умершего была уложена прямо – «лицом вверх», вместе с тем отмечен поворот головы на правый бок – «лицом к югу» (26,5%), и на левый бок (5,9%).

Следует отметить также несколько своеобразное положение умерших в погребениях 7 и 33. В первом случае, судя по сохранившимся трубчатым костям, умерший лежал с широко разведенными в стороны руками и ногами. Во втором – умершая была уложена на правый бок со слегка подогнутыми ногами, при этом ключицы лежали под коленями, а перед ними по фаланге пальцев. Возможно, что в этом случае мы имеем дело с каким-то ритуальным действием, связанным с расчленением тела погребенного. К сожалению, верхняя часть костяка нарушена пахотой, что оставляет наше предположение в области гипотез.

Сопровождающий инвентарь (украшения, предметы быта) расположен в захоронениях так же, как носился при жизни. Для других категорий находок следует отметить, что сосуды ставились либо справа в изголовье, либо у левого плеча. Копья и дротики клались справа от погребенного, стремена помещались в ногах, положение же удил различно. Интересно расположение шумящих подвесок в погребении 22, где они выступают в качестве жертвенного комплекса и лежат на ногах погребенного.

Предметы из Кишертского могильника не многочисленны, но весьма разнообразны и выразительны. Достаточно хорошо представлены украшения костюма, бусы, оружие, конская сбруя, орудия труда и быта, керамика. Так как ранее материалы памятника уже были введены в научный оборот, в данной работе приводятся не все изображения найденных предметов.

Наиболее яркой и представительной категорией находок являются украшения костюма. **Височные подвески** представлены серебряными височными кольцами с одной или тремя напускными бусинами, украшенными сканью и зернью, болгарского производства (рис.3–5,6,10,11). Кроме того имеются серьги простые круглопроволочные (рис.3–4,12,13) и витые (рис.3–1) из бронзы. Интересны две бронзовые подвески из детского погребения (№29), изготовленные из спиральных пронизок путем отгиба крайнего витка в крючок (рис.3–2,3).

Украшения рук немногочисленны – это спиральный в три с половиной витка бронзовый **перстень** (рис.3–19), два **железных пластинчатых браслета**, у одного концы завернуты в кольца (рис.3–18,20), и бронзовый (рис.3–17). Особенно интересен оригинальный **болгарский браслет** из серебра с позолотой. Центральная его часть украшена чеканным и черненным узором, а слегка расширяющиеся овальные концы –

позолотой, зернью, сканью и круглыми стеклянными вставками с подкладкой из бересты и цветной ткани (рис.3–21).

Популярны были ожерелья, состоявшие из бляхи-медальона, одной или в комплексе с бусами (№№4, 21, 22, 26; три бляхи с площади раскопа). Это могли быть: простая бронзовая слегка выпуклая бляха с отверстием для подвешивания (рис.5–17); серебряные, с бронзовой петлей для шнура, орнаментированные точечным (рис.5–11) или прочерченным (рис.5–10) узором. Могли в этой роли выступать болгарские серебряные с позолотой, зернью и сканью, со вставкой подвески (рис.4-1). Интересны медальоны, происходящие с площади раскопа. Один из них изготовлен из серебра, покрыт позолотой и выполнен в виде лунницы с замкнутыми концами. Украшен ободками скани, а зернью выполнен рисунок. К сожалению, бляха в плохом состоянии, поэтому сюжет полностью не восстанавливается, видны лишь фигуры лошади и человека, стоящих на «земной сфере» (рис.4–2). Изготовлена она либо по болгарской технологии местными мастерами, либо булгарами на заказ.

Второй медальон, диаметром 7,5 см, изготовлен из серебра с позолотой, слегка выпуклый, с двумя рельефными ободками по краю, внутренний имеет насечку. Пространство между ободками орнаментировано волютами в технике гравировки. В центре – изображение процветшего шестиконечного креста, что, как и побеги, подчеркнуто внутренней гравировкой. Фон затемнен разнонаправленной штрихованной гравировкой, ограниченной дугами, упирающимися во внутренний ободок (рис.4–5). На внутренней стороне видны следы пайки от крепления: петли или бусины-бочонка. Судя по технике исполнения и узору, медальон от оплечья-ожерелья изготовлен в княжеских мастерских Владимира во второй половине XII – начале XIII в. (Полубояринова М.Д., 1993, с.23).

В коллекции имеется еще ряд подвесок. Булгарская лунница из серебра с позолотой, украшенная сканью, зернью и стеклянной вставкой (рис.4–4); две бронзовые шумящие подвески, хорошо известные в Прикамье: одна – арочная (рис.5–3), вторая – биконьковая (рис.5–5). Каплевидные подвески: литые без орнамента (рис.5–15) и с гранением верхней части (рис.5–8,14,16). Близки им подвески грушевидной формы, найденные в погребении 21, – 58 экземпляров (44 малых и 14 более крупных). Они явно изготовлены в 2-3 литейных формах, часть их украшена только сегментовидными литыми дольками, почти все крупные подвески имеют чеканный узор в виде розетки (рис.5–6,7,9). Найденны также шаровидная подвеска-бубенчик с линейной прорезью (рис.5–4), фрагменты плоской подтреугольной (рис.5–1) и зооморфной – коньковой (рис.5–2) – подвесок. Оригинальна треугольная подвеска из янтаря (рис.4–3).

Пронизки представлены тремя экземплярами серебряных бус со сканным узором (рис.3–7-9), бронзовыми бляшками плоской (рис.5-13) и конической (рис.5–12) форм. А также пронизками колоколовидной (рис.3–16) и бутылочковидной (рис.3–15) форм, украшенных литой псевдосканью. К украшениям следует отнести также и **железную булавку** с головкой в виде вращающегося кольца (рис.7–14).

Поясная гарнитура хоть и не богата, но достаточно разнообразна. Это две бронзовые восьмеркообразные фигурные пряжки с лировидной рамкой и железным язычком, причем в одной случае он находится в месте крепления ремня (рис.6–27,28). Фрагментами представлены бронзовые восьмерковидная с прямоугольной рамкой, украшенная насечками, пряжка (рис.6–33) и зооморфная шарнирная пряжка, на рамке которой изображены головы лошади и медведя (рис.6–26). Имеется пять экземпляров железных пряжек: округлые рамчатые (рис.6–34,37), прямоугольно-рамчатая (рис.6–35), овально-рамчатая, у которой сечение рамки повторяет изделия из бронзы (рис.6–32), трехсоставная с прямоугольной пластиной (рис.6–36). Довольно многочисленны (12 экз.) поясные кольца, округлые и овальные в сечении, все из железа (рис.7–10,15,16). Также из железа изготовлены все поясные накладки (15 экз.), представленные экземплярами с подвижным кольцом (рис.7–1,3-5,7) и без них. Во втором случае их форма разнообразнее: овальные

(рис.7–11-13), прямоугольные с острым концом (рис.7–17,18) или с вогнутыми сторонами (рис.7–19), серповидные (рис.7–2), «фигурные» (рис.7–6,9). В коллекции имеется также экземпляр ложной пряжки, также из железа (рис.7–8).

Коллекция **бус** представлена 96 (58 из погр. 21) экземплярами, из них 19 рассыпались при выборке погребений. Преобладают стеклянные бусы – 83 экземпляра (в том числе рассыпавшиеся). Они представлены желтыми зонными – 46 экз. (10 рассыпавшихся; рис.6–1,2,7,8), зонными многочастными серого цвета плохой сохранности – 12 экз. (8 рассыпались; рис.6–10,15,16,21), крупными полупрозрачными оливкового (10 экз.; рис.6–12,18,23) и бирюзового (1 экз.; рис.6–17) цвета, а также черно-белыми полосатыми (2 экз.; рис.6–3,9), глазчатой (1 экз.; рис.6–22), граненой (1 экз.). Каменных бус гораздо меньше (13 экз.), среди них сердоликовые битрапещиевидные с 14 гранями (рис.6–5,13,19,24) и призматическая (рис.6–4), хрустальные призматическая (рис.6–25), шарообразная (рис.6–14) и бипирамидальная (рис.6–20), а также янтарная в виде низкого цилиндра-«таблетки» с отверстием в боковой грани (рис.6–6).

Предметы вооружения не многочисленны, но представительны. В коллекции имеются два **наконечника дротиков** с пером листовидной формы (рис.9–12,13), **наконечник копья** с пером в виде вытянутого четырехгранного стержня ромбического сечения со слегка вогнутыми сторонами (рис.9–14). Наиболее многочисленны **наконечники стрел**: долотовидные с упором (рис.9–9,11) и без (рис.9–8), ромбические с узелком в основании пера (рис.9–1,2), срезни (рис.9–4,5), граненые ромбического сечения (рис.9–7,10). Имеются также трехлопастной наконечник стрелы (рис.9–3), происходящий из пахотного слоя и, возможно, связанный с поселенческими материалами, как и фрагменты костяных наконечника стрелы и накладки, скорее всего, от лука, и кольчужное кольцо. В погребении 27 найдены также костяной наконечник стрелы неясной формы и сечения и железный колчаный крючок (рис.9–6), что в совокупности с тремя железными наконечниками стрел позволяет предположить наличие колчана. Из пахотного слоя происходят находки фрагментов двух палашей (рис.9–15).

Конская сбруя представлена удилами, стременами и подпружными пряжками. Из погребений и с площади раскопа происходит 15 **удил**, целых и во фрагментах. Основная их масса относится к широко распространенным двусоставным удилам с кольчатыми псалями (рис.10–2,4-6). Различия определяются сечением грызла (квадратное – 9 экз., овальное – 2 экз., круглое – 1 экз.) и сечением колец (круглое – 11 экз., овальное – 1 экз.). В одном случае на псалях зафиксированы обжимные пластины, для крепления ремня (рис.10–6). Второй тип представлен 1 экземпляром двусоставных удил с большими кольцами на концах грызел для продергивания двудырчатых псалий (рис.10–1). Достаточно оригинальны удила из погребения 24: слегка изогнутые стержни псалий (ромбического сечения) надеты на круглого сечения грызла и держатся на них за счет кольца и расширения центральной части грызла. К псалям прикована прямоугольная пластина с прорезью, в которой сохранились остатки железных обжимных пластин. В кольца грызел продеты круглого сечения кольца со следами клепки (рис.10–3). Кроме этого в пахоте найден фрагмент, происходящий, скорее всего, от асимметричных или трехсоставных удил.

Стремена (5 целых экз. и 4 – во фрагментах) принадлежат к одному типу, хорошо известному в памятниках кочевников, они отличаются друг от друга лишь сечением дужки, а также наличием или отсутствием небольшого «шпорообразного» выступа при переходе подножки в дужку стремени (рис.11).

Подпружные пряжки представлены тремя, скорее всего, костяными, от которых сохранились лишь железные язычки (рис.6–29-31).

Предметы быта представлены в основном **ножами**, имеющими уступы со стороны спинки и брюшка, резко или слабо выраженные. Из погребений происходит 13 экземпляров ножей (рис.8–6-8). Значительно реже встречены шилья – всего 2 экз. В погребении 29 найдена костяная рукоять либо от ножа, либо от шила. В коллекции

имеется четыре **кресала**: два двулезвийных овальной формы (рис.8–9,10) и два калачевидных (рис.8–4,5); в одном случае кресало найдено совместно с кремнем, несущим следы обивки (рис.8–2), в другом – с железным предметом, который, возможно, является трубочкой для трута или окантовкой кожаной поясной сумочки (рис.8–3). Найдены также железный ювелирный **молоточек** (рис.8–1) и **пряслице** из белого мягкого камня, возможно, гипса или известняка, овальное в сечении.

Керамика представлена 7 сосудах из погребальных комплексов и одним с площади раскопа, скорее всего, из разрушенного погребения. Вся она изготовлена от руки из хорошо отмученного глиняного теста, содержащего примесь тальковой породы, песка и измельченной органики. Поверхность сосудов тщательно обработана, в четырех случаях слегка подлощена. Обжиг костровой, цвет варьирует от серого и светло-коричневого до черного. По форме представлены небольшие горшки с округлым дном, цилиндрической, реже блоковидной или усеченноконической, достаточно высокой шейкой, переходящей в шаровидное тулово. В двух случаях на тулове имеются «ушки»: наlepные (рис.12–8) и выдавленные изнутри (рис.12–7). У самого маленького сосуда в месте перехода шейки в тулово имеется «ребро», дно уплощено (рис.12–2). Часть венчиков приострена, имеются срезанные внутрь, плоский и округлый. Два сосуда неорнаментированы (рис.12–2,5), остальные покрыты достаточно плотно гребенчато-шнуровым узором. Срез или внутренний край украшен оттисками гребенчатого штампа (рис.12–1,3,4,6,7), в одном случае насечками (рис.12–8). Шейка покрыта многорядными оттисками шнура одиночными (рис.12–3,6), а чаще сдвоенного (рис.12–1,4,7,8). Плечико орнаментировано вертикальной елочкой из гребенчатых оттисков (рис.12–1,3,7), шнуровыми подковками (рис.12–4,8), в одном случае – горизонтальной елочкой, верхняя ветвь которой частично заменена зигзагом (рис.12–6). В Сылвенском поречье аналогичная посуда найдена на городище Лобач и могильнике Селянино озеро. Она достаточно хорошо известна как чияликская (Казаков Е.П., 1976, с.32-33, 83). Кроме того, близкая по орнаменту, но крупнее по размерам и с иной примесью посуда известна в Нижнем Прикамье и в Волжской Болгарии (Хлебникова Т.А., 1984, с.106-112, 156-160, 223-225).

Основная масса погребального инвентаря датируется рамками XI – начала XIII в. Это шумящие подвески и пронизки прикамского облика (Савельева Э.А., 1987, с.108-110), восьмеркообразные пряжки (Косменко М.Г., 1992, с.204; Хузин Ф.Ш., 1991, с.46), подвеска-бубенчик (Хузин Ф.Ш., 1991, с.44), спиральновитой перстень (Седова М.В., 1961, с.122). На этот же период падает расцвет болгарского ювелирного производства, продукция которого хорошо представлена на памятнике (Хлебникова Т.А., 1963, с.308-309; Савельева Э.А., 1987, с.122; Руденко К.А., 2011, с.155-158). Железные детали поясной гарнитуры имеют явное сходство с аскизскими материалами, часто встречающимися в регионе (Руденко К.А., 2000; Белорыбкин Г.Н., 2000; Белавин А.М., 2003), хотя и отличаются неким примитивизмом, связанным, скорее всего, с изготовлением в среде местных мастеров. Значительна группа вещей, датирующаяся XII–XIII вв.: булавка с подвижным кольцом (Седова М.В., 1961, с.75; Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1963, с.106), стремена, точнее пик их использования (Кирпичников А.Н., 1973; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.15), стеклянные бусы – желтые зонные, черно-белые полосатые, округлые оливкового и бирюзового цвета (Щапова Ю.Л., 1956, с.91, 167, 168), граненая (Полубояринова М.Д., 1966, с.170), янтарная «таблетка» (Розенфельдт Р.Л., 1976, с.202). Временем с X по XII в. определяется бытование желтых и глазчатых стеклянных бус (Иванова М.Г., 1992, с.46), а X–XIII вв. – основной массы каменных (Фехнер М.В., 1959, с.152-156). В XII в. сосуществуют все типы найденных на могильнике кресал (Колчин Б.А., 1969, с.83). Наиболее узкую дату – вторая половина XII – первая треть XIII в. – имеет медальон с изображением процветшего креста (Полубояринова М.Д., 1993, с.23).

Таким образом, Кишертский могильник можно было бы датировать периодом XII – первая треть XIII в. Но в коллекции имеются каплевидные и шаровидные бронзовые подвески, широко встречающиеся в памятниках XI в. (Казаков Е.П., 1984, с.50), и удила со

стержневидными псалиями, имеющими на щитке два отверстия, выходящие из употребления в XI в. (Культура..., 1965, с.195). Вместе с тем, факт, что перечисленные вещи встречены в комплексах с вещами, появляющимися лишь в XII в., а также своеобразная конструкция удил, где псалии просто надеты на стержень грызла, а не закреплены в отверстиях на их концах, позволяют опустить дату не до всего XI в., а до рубежа XI–XII вв. Это дает возможность датировать памятник в целом рубежом XI–XII вв. – первой третью XIII в.

В заключении мы попытаемся определить место, занимаемое Кишертским могильником в истории населения Прикамья и Приуралья.

Нами было проведено сравнение ряда погребальных памятников региона: Кишертского, Селянино озеро, Кушулевского, Дербешкинского, Такталачукского и Азыметьевского I могильников, объединенных наличием гребенчато-шнуровой керамики, по методике, разработанной В.Ф.Генингом и В.А.Борзуновым и усовершенствованной Е.П.Бунатян (Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с.42-75; Бунатян Е.П., 1985, с.25-54). Наибольшую степень сходства по всем совокупностям признаков погребального обряда имеют могильники чияликского типа – Дербешкинский, Такталачукский, Азыметьевский I и Кушулевский (поздняя часть). Также высокую степень сходства продемонстрировали Кишертский, Селянино озеро и Кушулевский (ранняя часть) могильники. Это позволяет сделать вывод, что последние, и в частности Кишертский, некрополи представляют ранний этап чияликской культуры, период ее сложения. Исходя из того, что носителей чияликской культуры определяют как угров (Казаков Е.П., 1978, с.83-86), мы считаем, что исследуемый могильник также оставлен угорскими племенами.

Погребальный инвентарь свидетельствует о достаточно широких культурных связях населения, занимавшего Кунгурский лесостепной остров. Массовые находки ювелирных изделий болгарского типа говорят о тесных связях с Волжской Болгарией, которая являлась, вероятно, основным торговым партнером местных племен. Шумящие подвески указывают на определенные связи с родановцами, а пряжка приобского типа свидетельствует о контактах с зауральским населением. Более вероятно, что эти связи были не с нижнеобским населением, а с племенами юдинской культуры, где найдены аналогичные вещи и близкая керамика (Могильников В.А., 1987, табл.LXX-27, 29, 31, 33; LXXI-41).

Ряд черт погребального обряда, такие как западная ориентация, положение умерших лицом к югу или северу, позволяет говорить о том, что население, оставившее Кишертский могильник, было уже знакомо с исламом. Вместе с тем, основная масса черт в обрядности указывает на языческий характер памятника. Нам кажется возможным, что группа населения, проникшая на Среднюю Сылву и вступившая в тесные связи с волжскими булгарами, познакомилась от них и с мусульманской религией. Наличие явно «антимусульманских» признаков – положение умершего лицом к северу – свидетельствует об определенной идеологической борьбе среди сылвенского населения (Яблонский Л.П., 1978). Вместе с тем следует констатировать факт проникновения ислама на Сылву, а Кишертский могильник, с определенными оговорками, относить к кругу раннемусульманских памятников (Гарустович Г.Н., 1986, с.78).

Таким образом, Кишертский могильник оставлен сравнительно небольшой группой угорского населения, проникшей в Сылвенское поречье на рубеже XI–XII вв. Это население, как и основная масса лесостепных племен, вела полуоседлый образ жизни, поддерживала тесные культурно-экономические связи с Волжской Болгарией, что видно по вещевому инвентарю, и уже познакомилась с исламом. Определенные контакты имелись и с финно-пермскими племенами родановцев. В первой трети XIII в. это население или уничтожается монголо-татарами, или уходит, скорее всего, на запад, где сливается с племенами чияликской культуры и вместе с ними участвует в сложении башкирского этноса.

Библиография

Архивные материалы

Арматынская О.В. Отчет о разведочных работах в Кишертском районе Пермской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10084.

Водолаго Н.В. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 г. (Кишертский и Верх-Саинский могильники) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.277. Т.2.

Киржнер Е.Э. Отчет о полевых исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №11764.

Киржнер Е.Э. Отчет об археологических исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1987 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.267.

Пастушенко И.Ю. Отчет об исследовании Кишертских I поселения и могильника в Кишертском районе Пермской области в 1990 году // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.

Литература

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1963. Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань. С.103-111.

Белавин А.М., 2003. Древние хакасы и Пермское Предуралье (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. Пермь. С.72-79.

Белорыбкин Г.Н., 2000. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. С.127-149.

Бунатян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев. 227 с.

Водолаго Н.В., Коробейникова Т.А., Пастушенко И.Ю., 1989. Исследования средневековых могильников в Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. С.47-50.

Гарустович Г.Н., 1986. Раннемусульманские погребальные памятники и вопрос о распространении ислама в Южно-Уральском регионе (К постановке проблемы) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа. С.77-81.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. Свердловск. С.42-75.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А., 2007. Наследие народов Прикамья: Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск. 195 с.

Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск. 182 с.

Казаков Е.П., 1984. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань. С.39-64.

Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / СА САИ Е1-36. Л. 140 с.

Колчин Б.А., 1969. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1969. №65. С.7-120.

Косменко М.Г., 1992. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск. 222 с.

Культура Биляра. М., 1965. 215 с.

Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., 2006. Медальон оплечья из Кишертского могильника в Пермской области // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С.92-94.

- Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. С.163-235.
- Пастушенко И.Ю., 1991. Исследования Кишертских I поселения и могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. С.68-69.
- Пастушенко И.Ю., 2006. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. №9, 2005-2006. Казань. С.40-70.
- Пастушенко И.Ю., 2007. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Уфимский археологический вестник. Вып.6-7. Уфа. С.162-184.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар / Очерки ремесленной деятельности. М. С.161-219.
- Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М. 123 с.
- Пономарев П.П., 1896. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда, историко-географический и церковно-биографический очерк. Кунгур.
- Розенфельдт Р.Л., 1978. Янтарь на Руси (X-XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М. С.197-208.
- Руденко К.А., 2000. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. С.47-127.
- Руденко К.А., 2011. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань. 256 с.
- Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л. 200 с.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М. 196 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 275 с.
- Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. М., 1959. Вып.33.
- Хлебникова Т.А., 1963. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. №1. С.305-309.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М. 240 с.
- Хузин Ф.Ш., 1991. О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань. С.
- Щапова Ю.Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. М. №55. Т.1. С.164-179.
- Яблонский Л.П., 1978. Типы погребального обряда на средневековом мусульманском некрополе Селитренного городища // Полевые исследования ИЭ АН СССР. М. С.211-220.

Указатель к рисункам

№ рисунка	№ предмета	Местоположение
3	1, 4, 8, 14	погребение 26
	2, 3	погребение 29
	5, 6	погребение 18
	7, 19, 20	погребение 28
	9	погребение 27
	10, 17, 18, 21	погребение 21
	11	пахотный слой
	12, 13, 16	погребение 23
	15	погребение 22
4	1, 6	погребение 21
	2, 5	пахотный слой
	3, 4	погребение 26

5	1, 2, 4, 13, 14, 17	пахотный слой
	3, 5, 11, 15	погребение 22
	6, 7, 9	погребение 21
	8	погребение 12
	10	погребение 4
	12	погребение 6
	16	погребение 23
6	1, 4, 6-8, 11, 13, 19, 20	погребение 21
	25, 26, 36	пахотный слой
	3, 9, 18, 37	погребение 24
	5, 16, 21, 22, 23	погребение 22
	10, 15	погребение 28
	12, 17	погребение 12
	28	погребение 4
	29	погребение 1
	30, 35	погребение 25
	31	погребение 26
	32	погребение 20
	33	погребение 23
7	1, 9	погребение 3
	2	погребение 25
	3-5, 11-13	погребение 17
	6, 16	погребение 15
	14	погребение 27
	15	погребение 20
	7, 8	погребение 21
	10, 17, 18	погребение 26
	19	погребение 23
8	1, 2, 5	погребение 27
	3, 10	погребение 17
	4	пахотный слой
	6	погребение 23
	7	погребение 28
	8	погребение 3
	9	погребение 14
9	1	погребение 4
	2, 3, 9	пахотный слой
	4	погребение 17
	5	погребение 20
	6, 7, 10-12	погребение 27
	8	погребение 19
	13	погребение 18
	14	погребение 25
10	1	погребение 25
	2	погребение 27
	3	погребение 24
	4	погребение 28
	5	погребение 22
	6	погребение 23
11	1	погребение 1

	2	погребение 26
	3, 6	пахотный слой
	4	погребение 21
	5	погребение 22
12	1	погребение 22
	2	погребение 30
	3	погребение 29
	4	погребение 21
	5	погребение 12
	6	погребение 28
	7	погребение 24
	8	пахотный слой

ИЛЛЮСТРАЦИИ

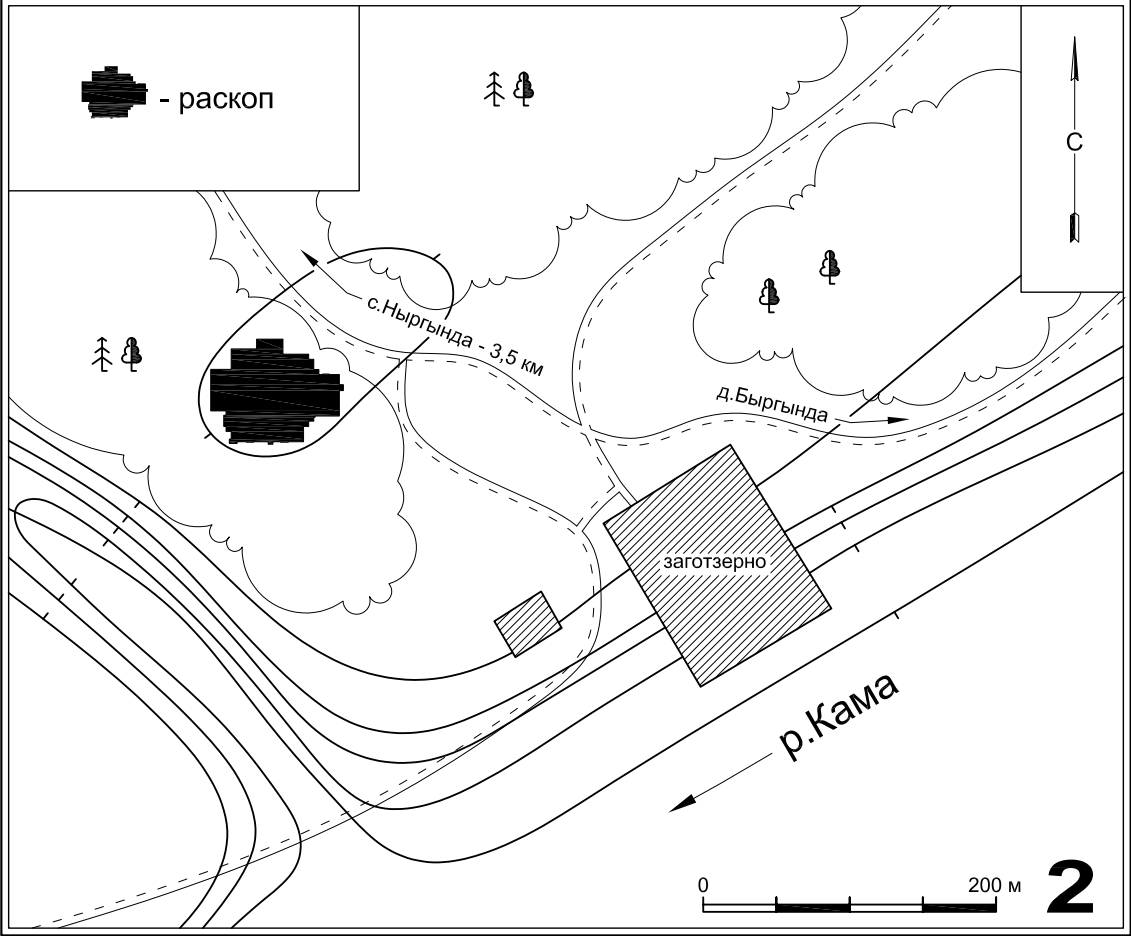
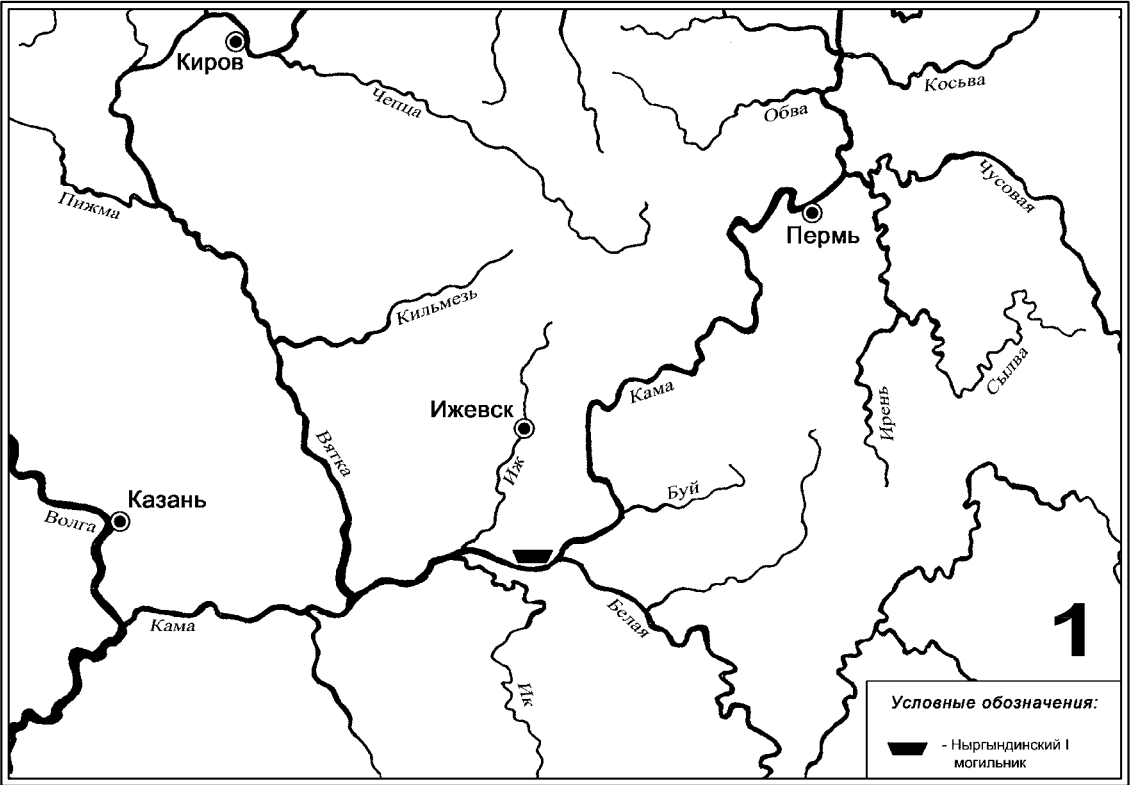

Рис. 1. Ныргындинский I могильник. 1 – схема расположения могильника; 2 – топографический план

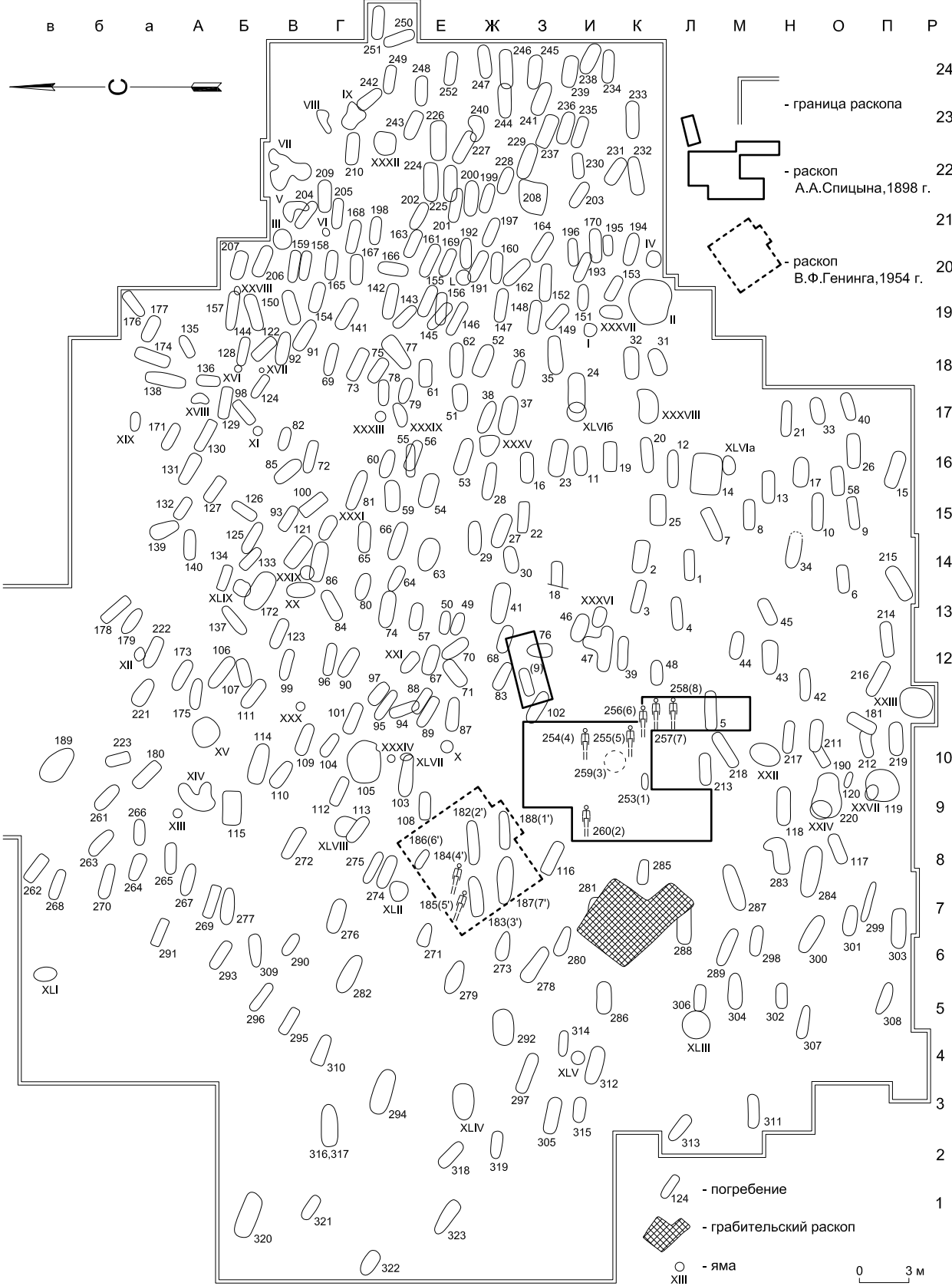

Рис. 2. Ныргындинский I могильник. План раскопа

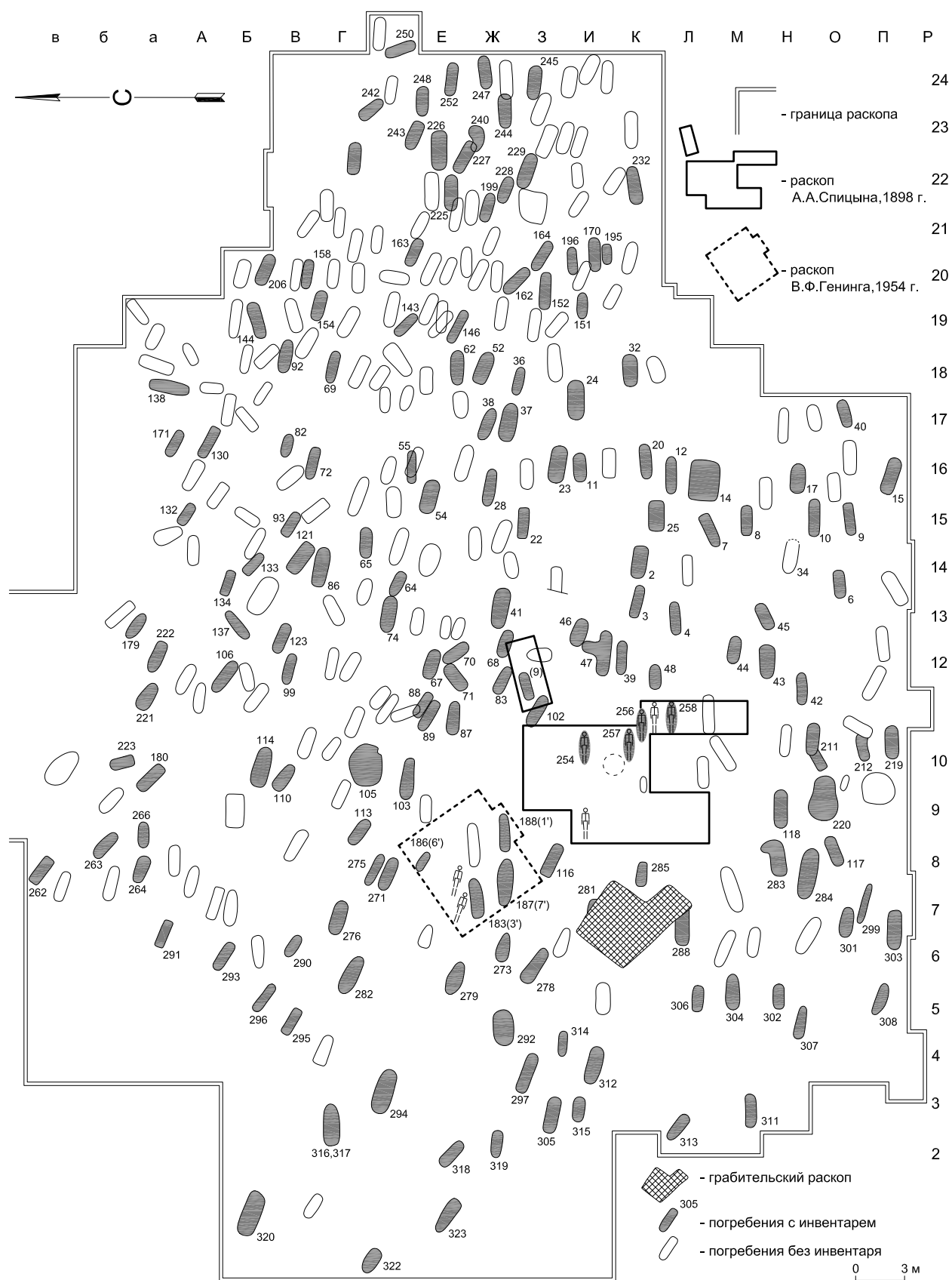

Рис. 3. Ныргындинский I могильник. Планиграфия погребений с инвентарем

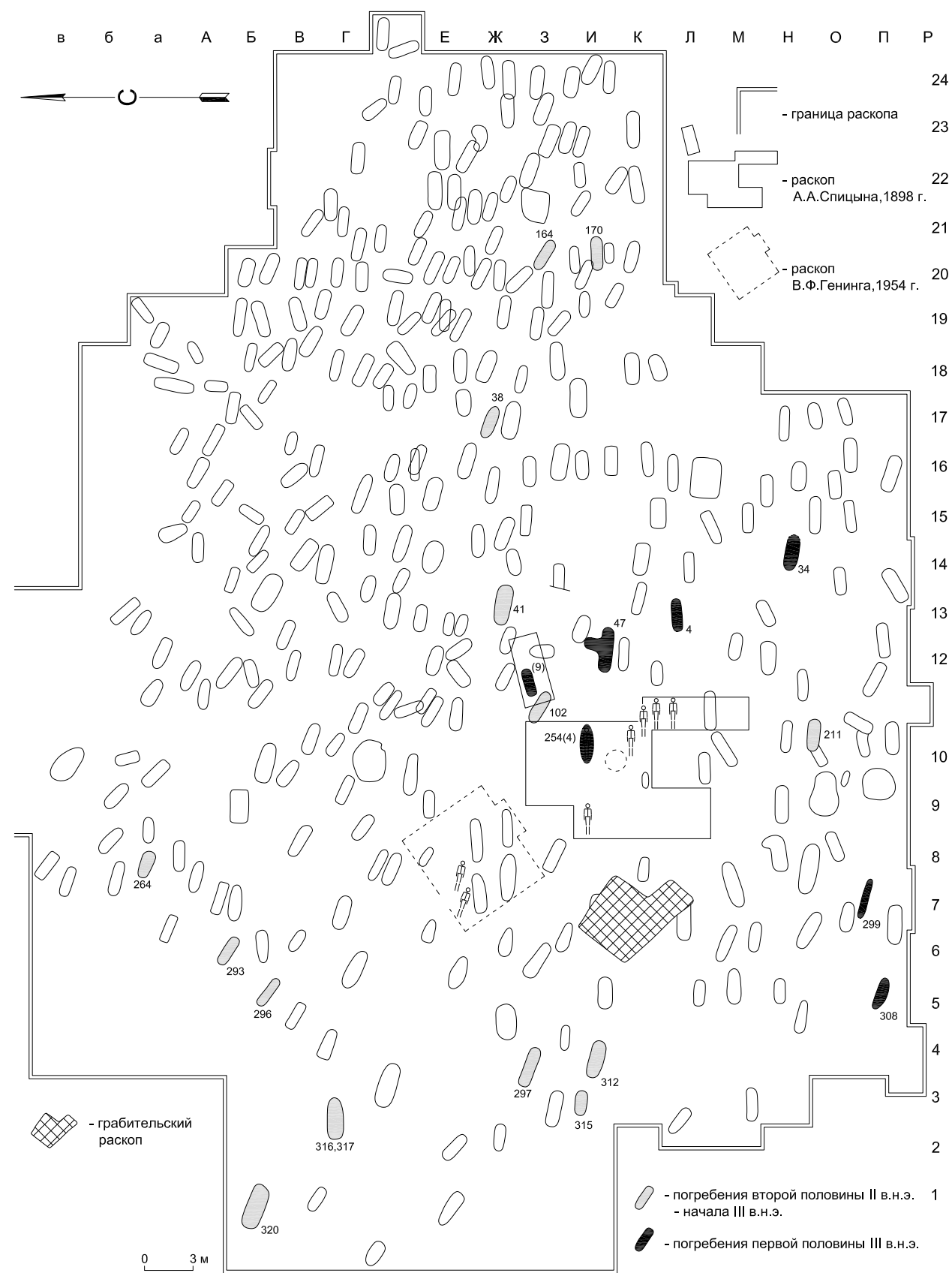

Рис. 4. Ныргындинский I могильник. Планиграфия датированных погребений

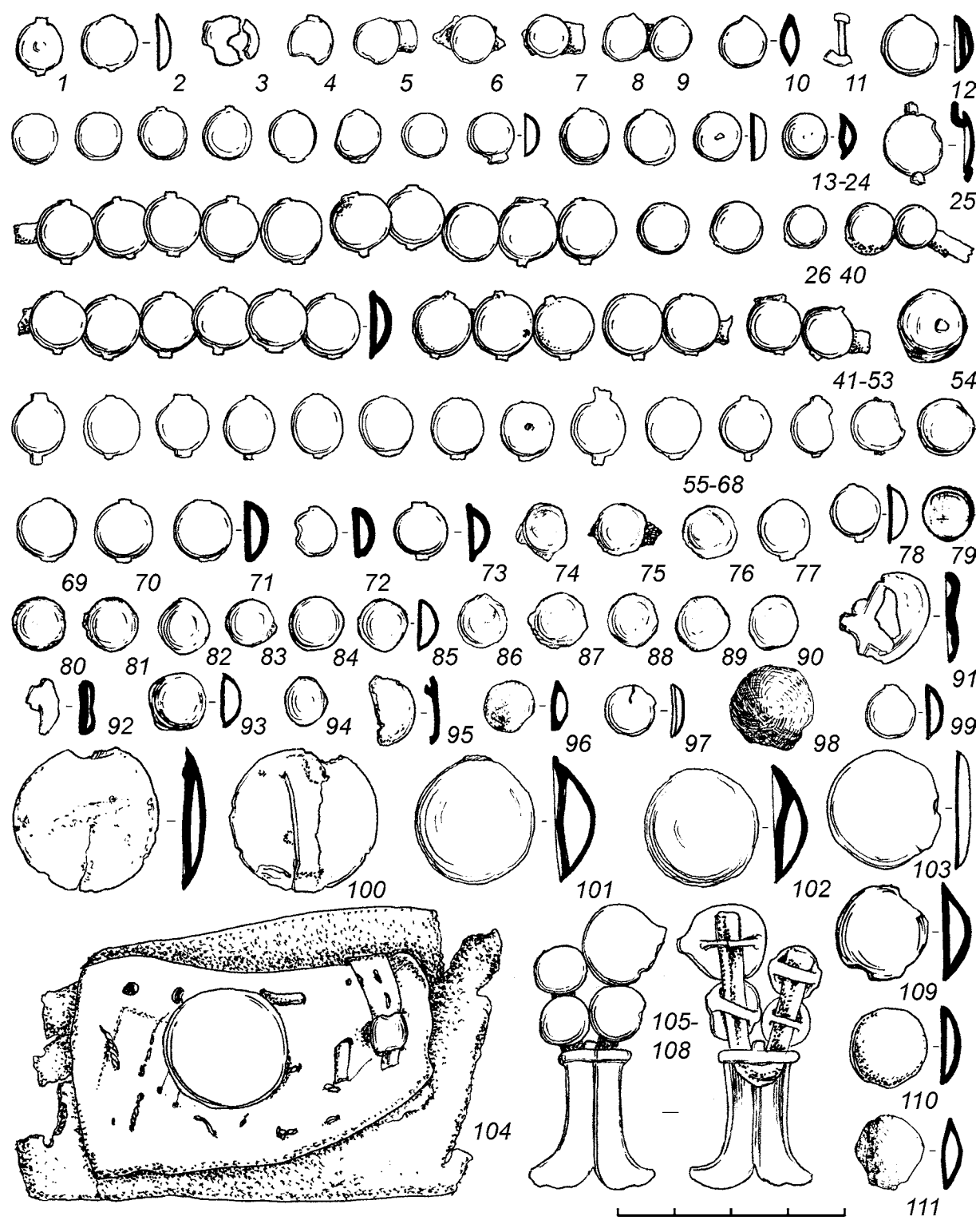

Табл. 1. Ныргындинский I могильник. 1-104, 109-111 – бляшки; 105-108 – бляшки с прозниками. 1-111 – бронза

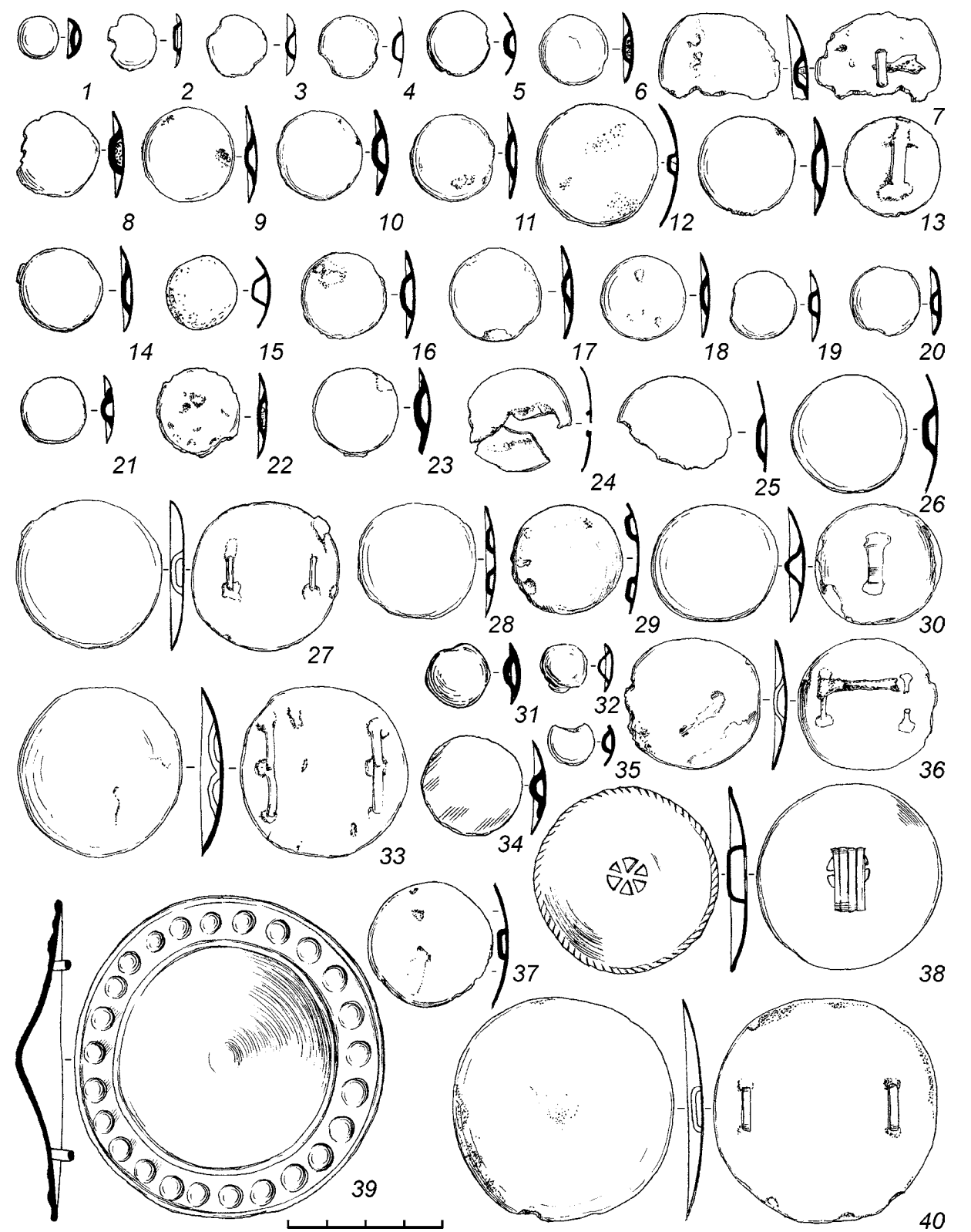

Табл. 2. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

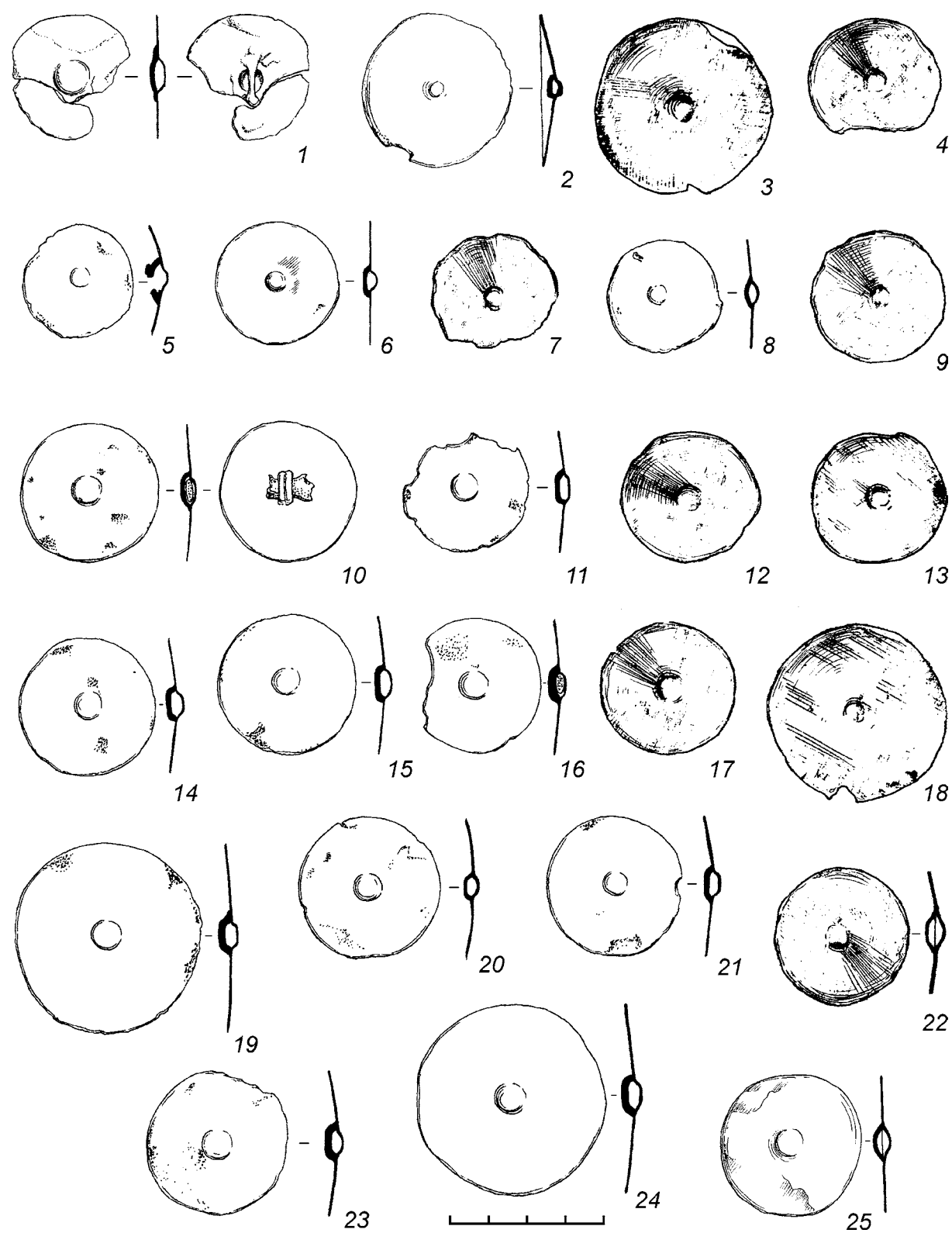

Табл. 3. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

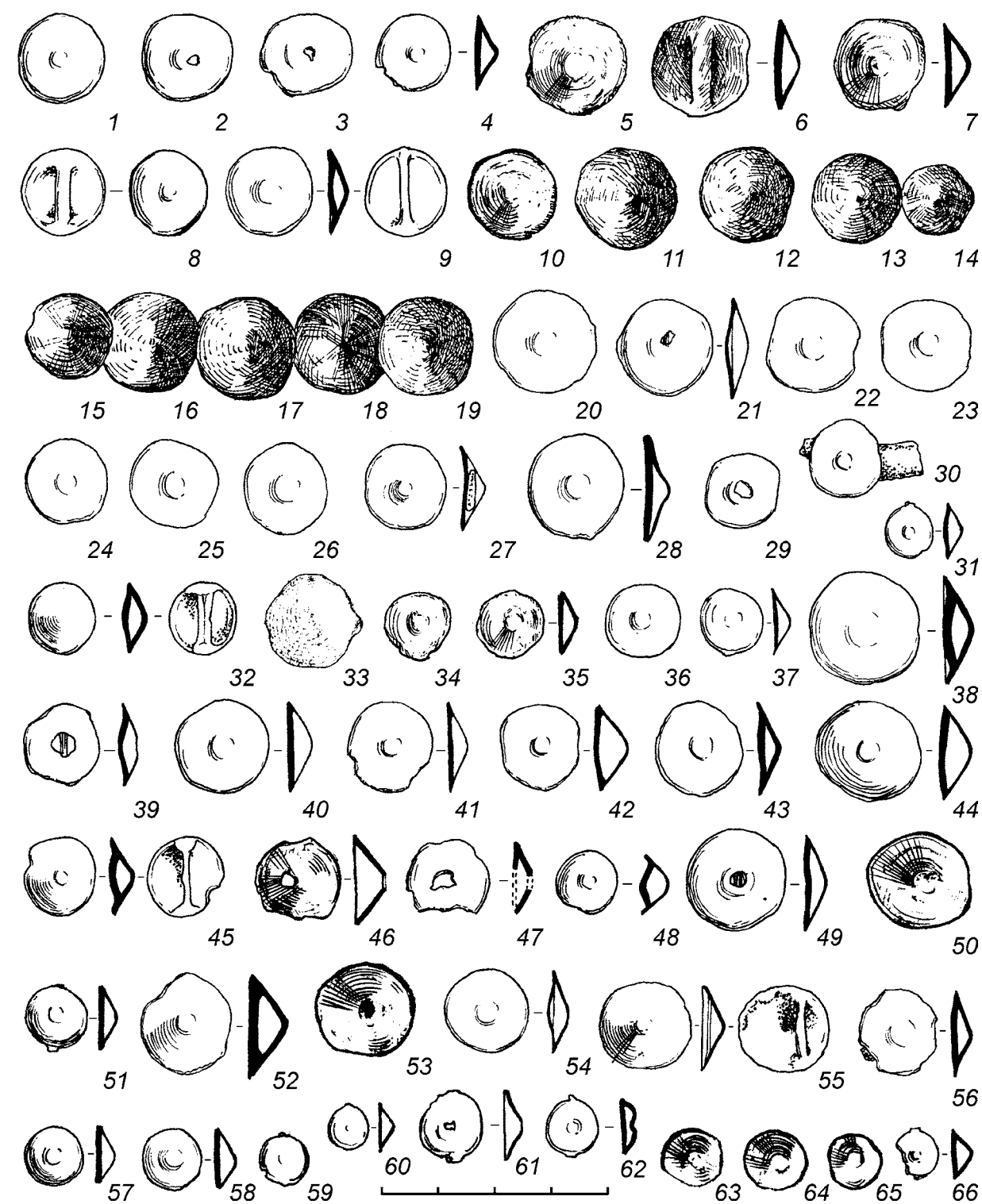

Табл. 4. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

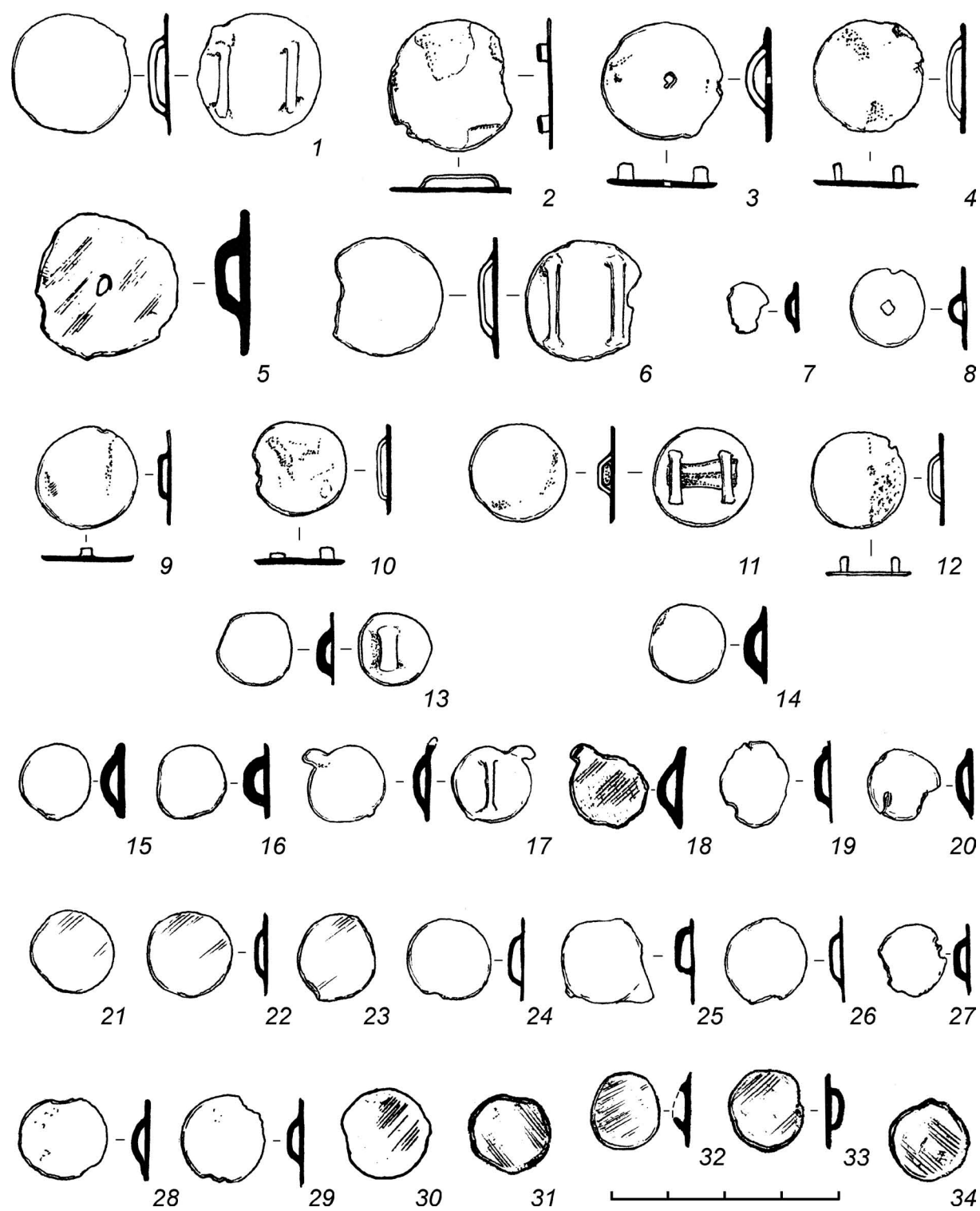

Табл. 5. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

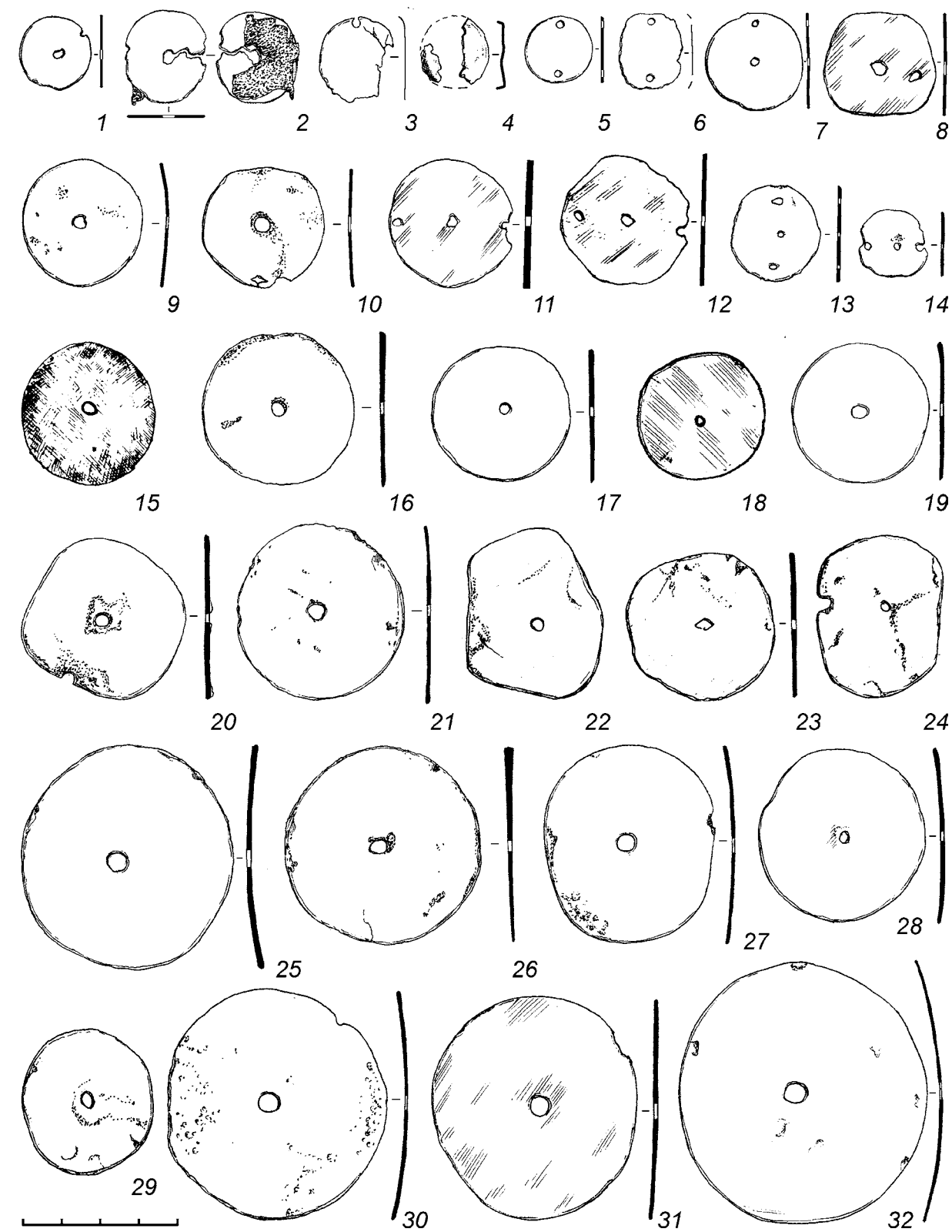

Табл. 6. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

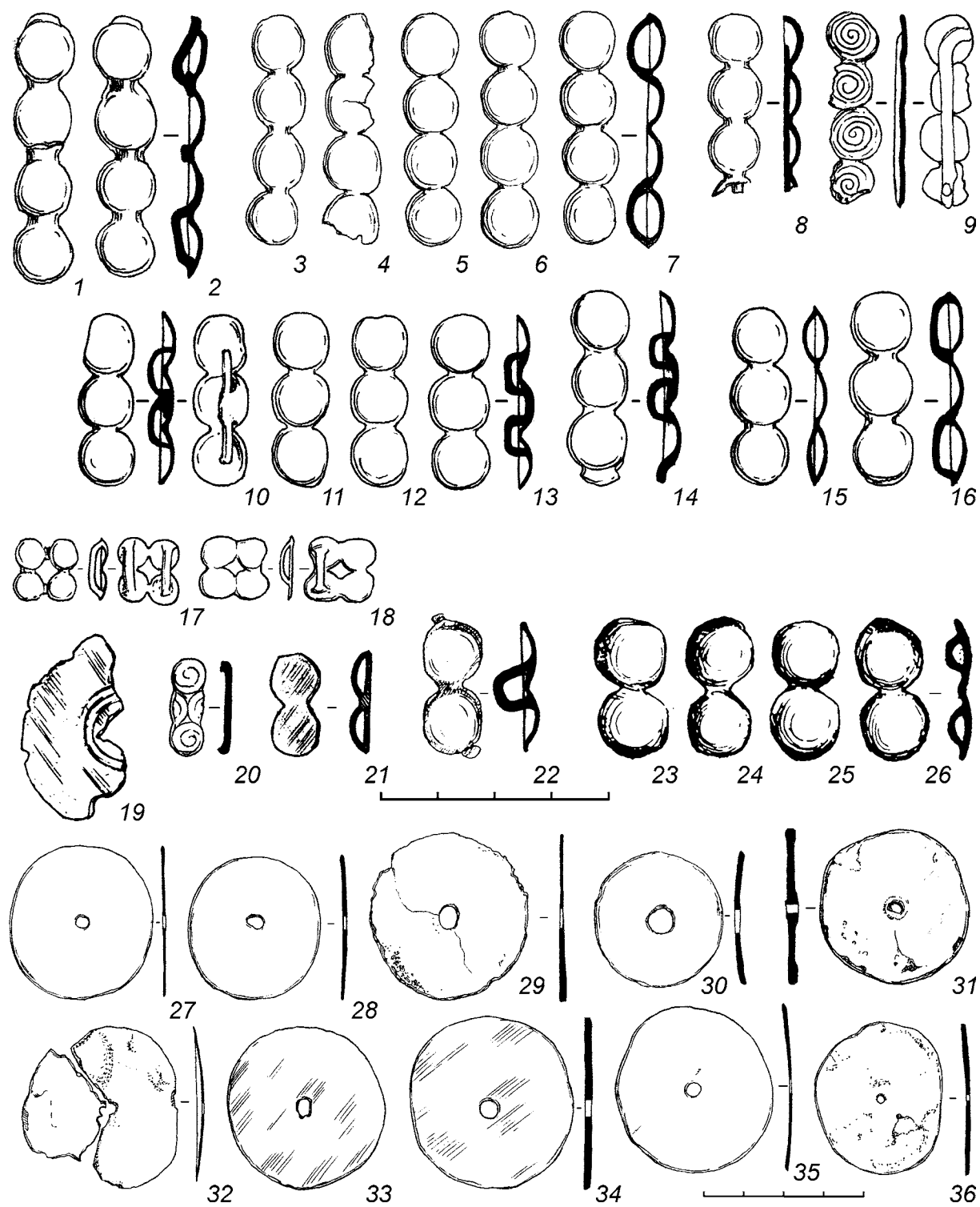

Табл. 7. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляшки

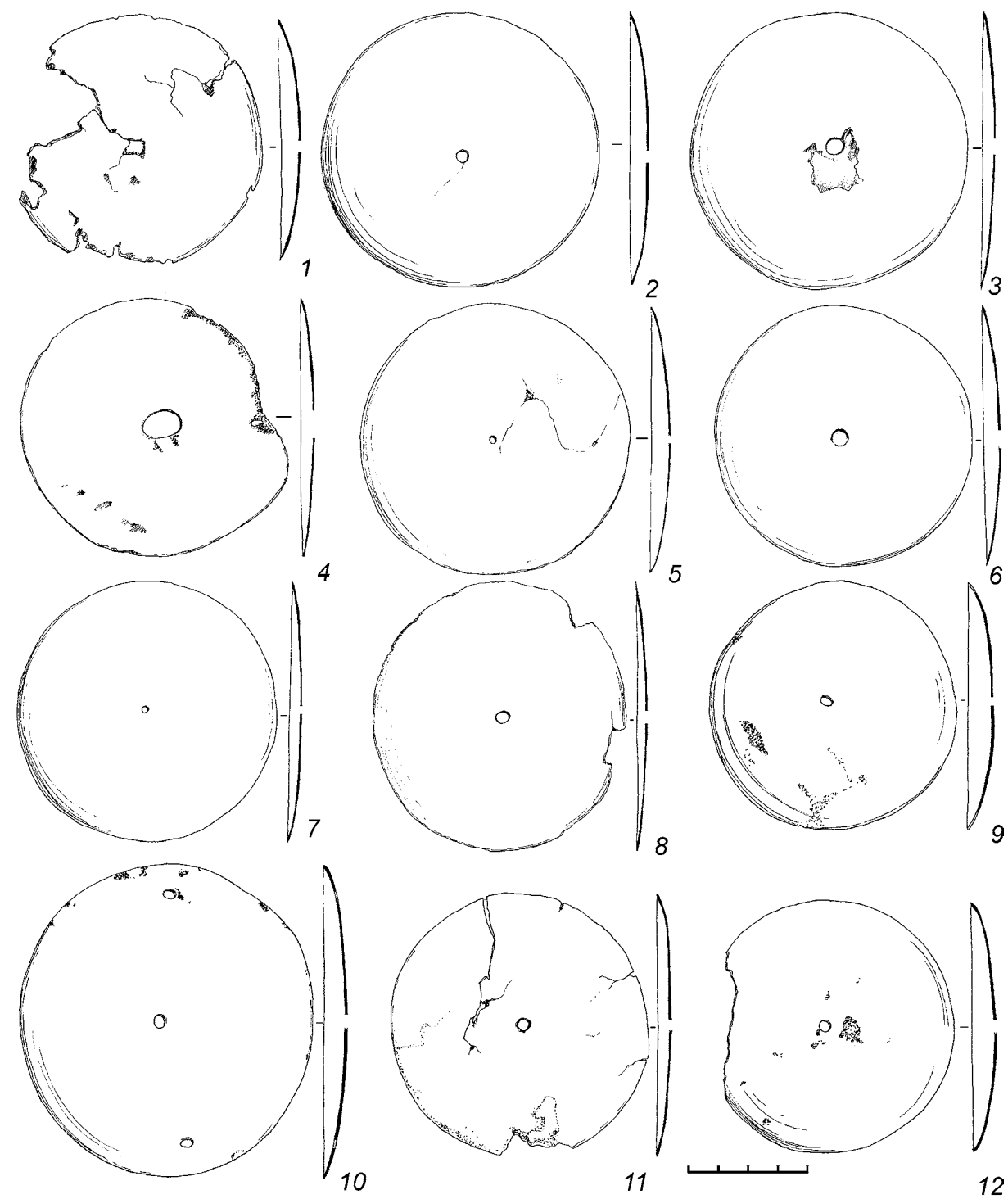

Табл. 8. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляхи

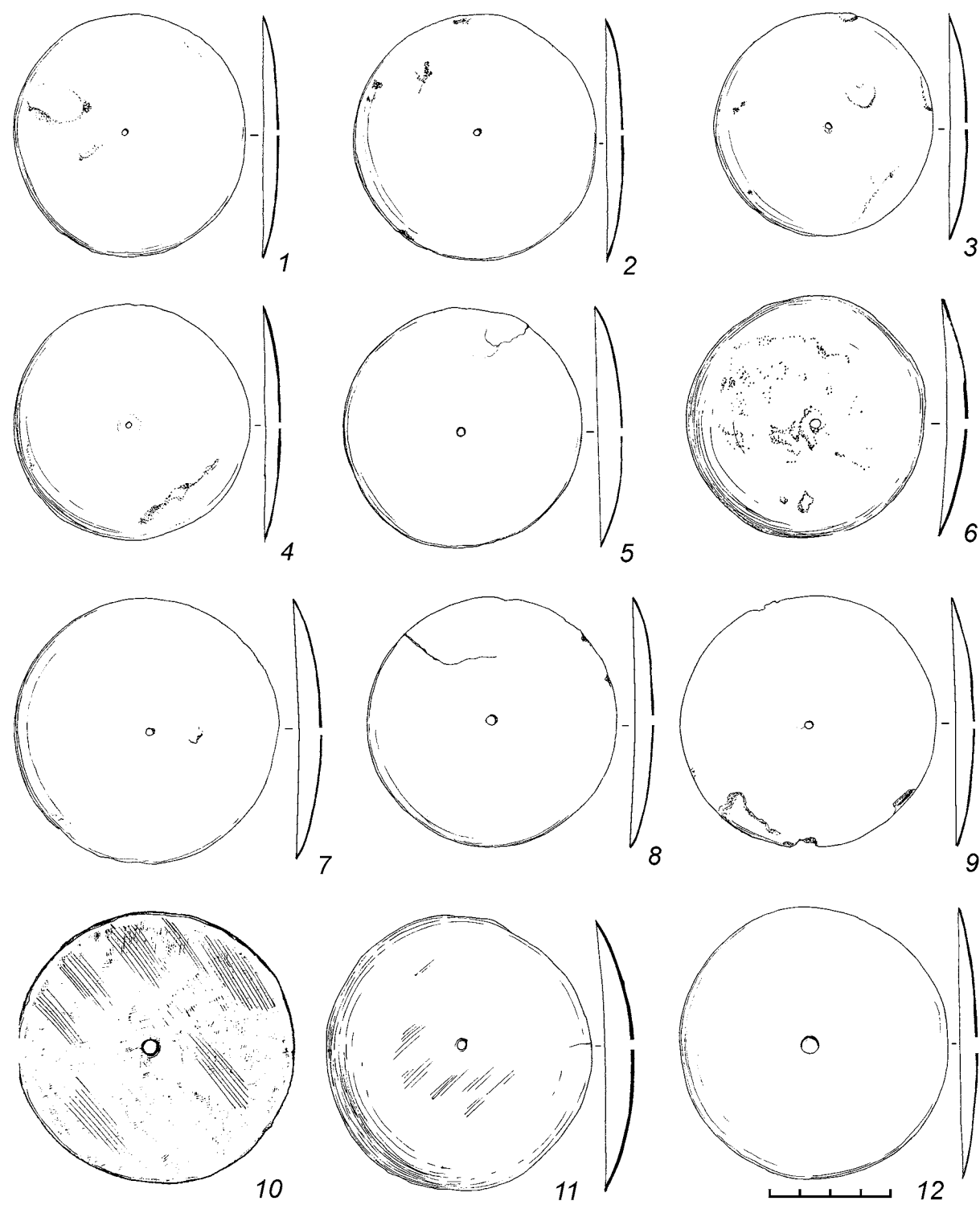

Табл. 9. Ныргындинский I могильник. Бронзовые бляхи

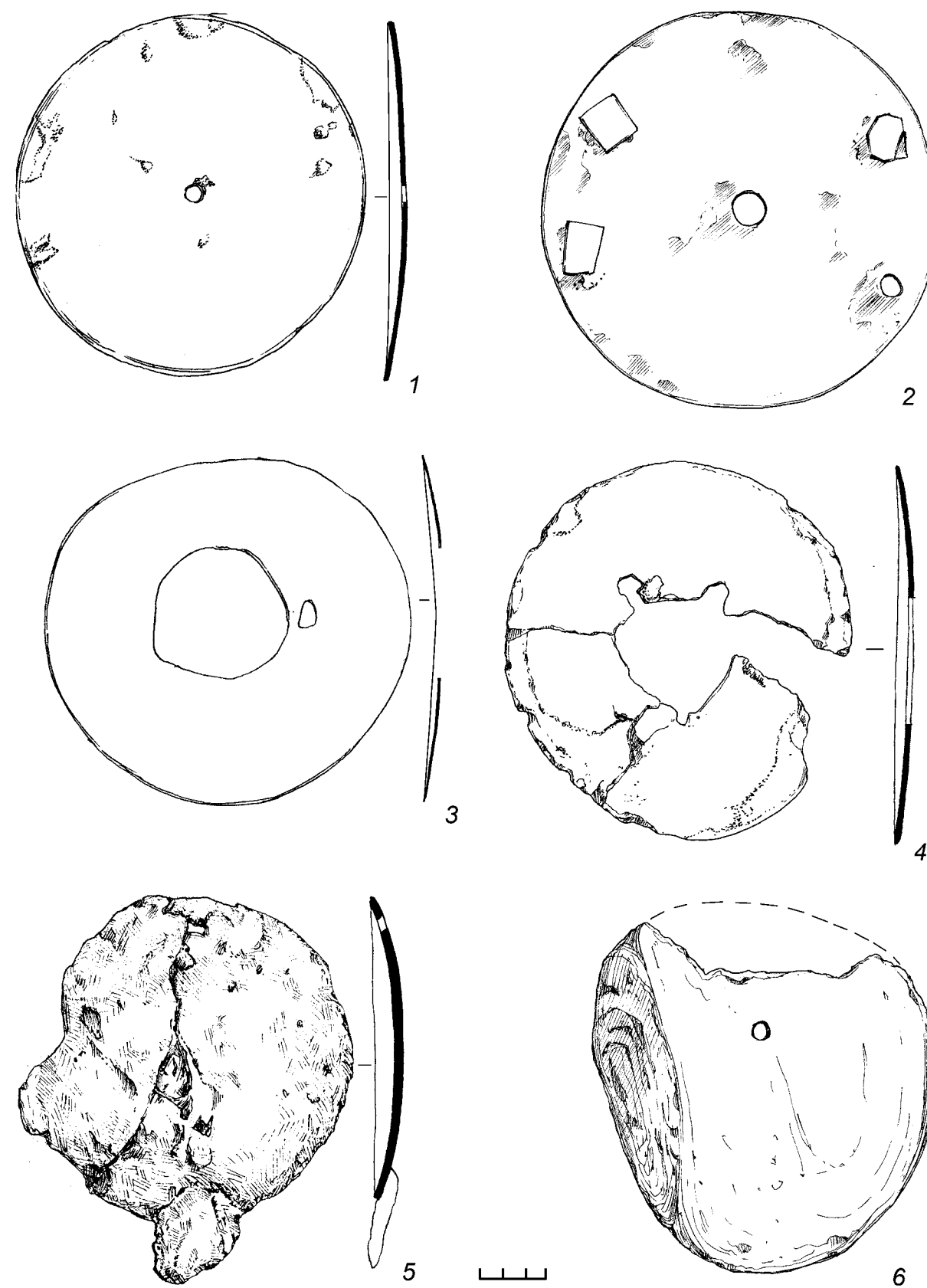

Табл. 10. Ныргындинский I могильник. Бляхи. 1-4 – бронза; 5 – железо; 6 – раковина

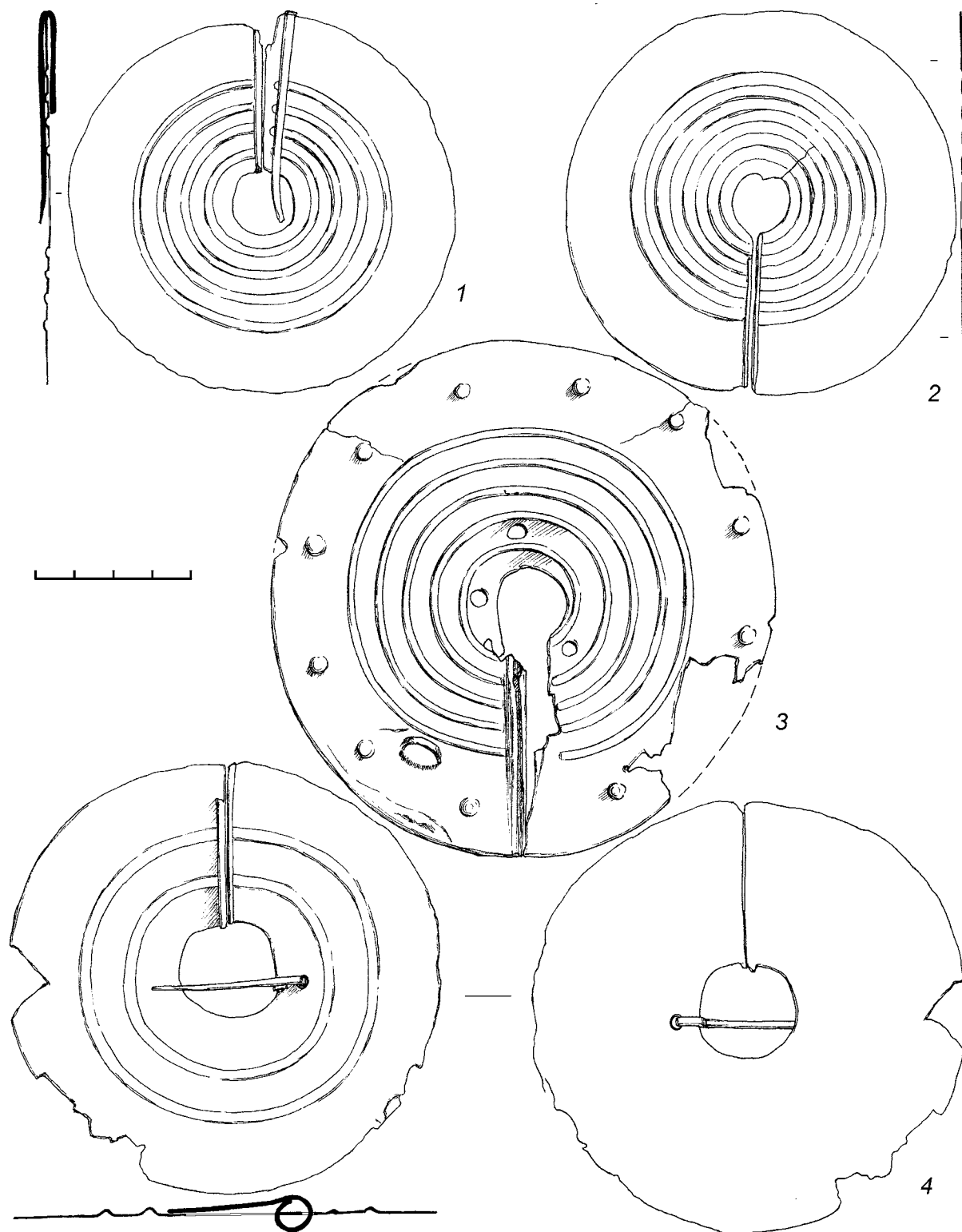

Табл. 11. Ныргындинский I могильник. Бронзовые застезжки-бляхи

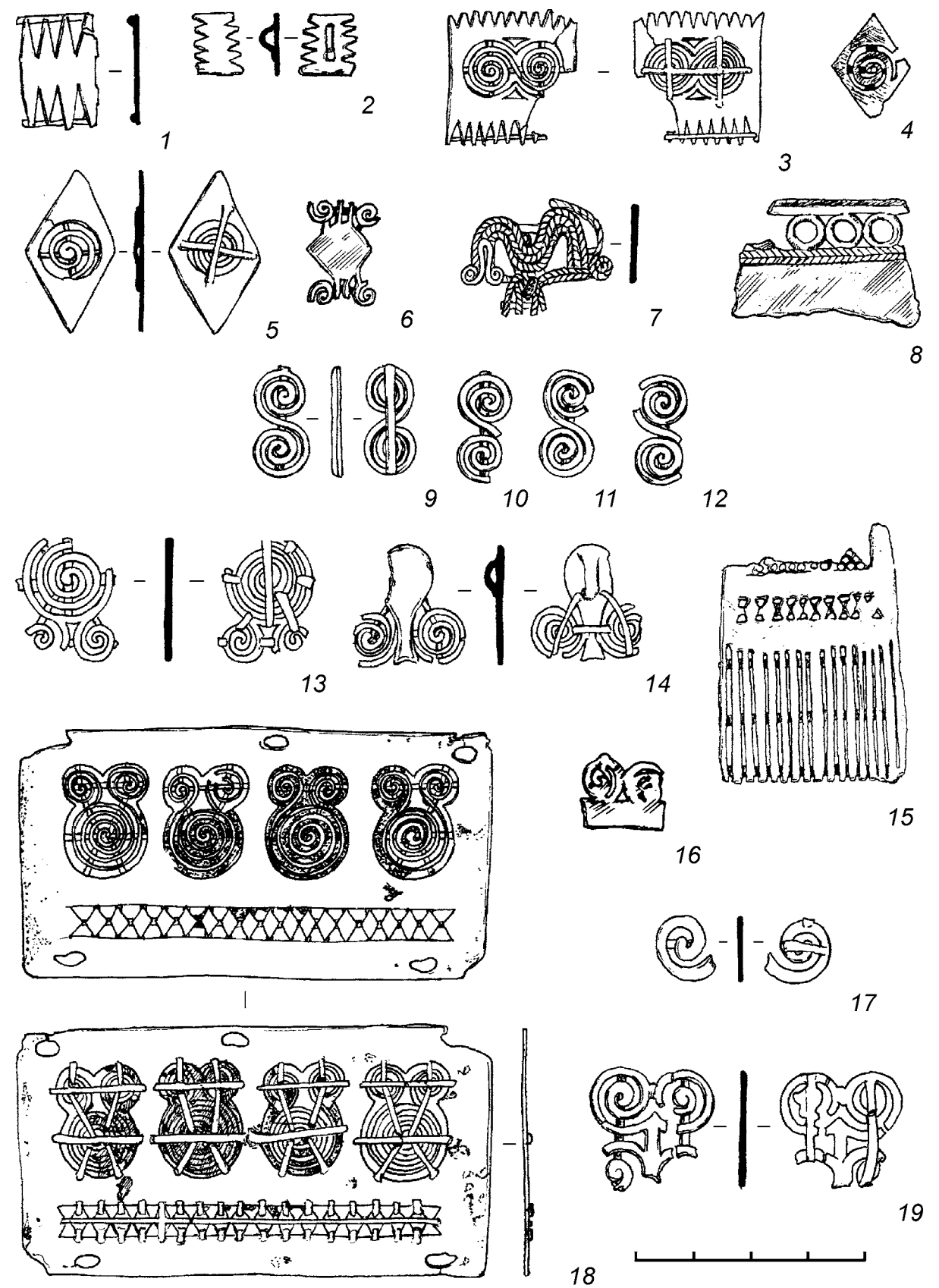

Табл. 12. Ныргындинский I могильник. Бронзовые накладки

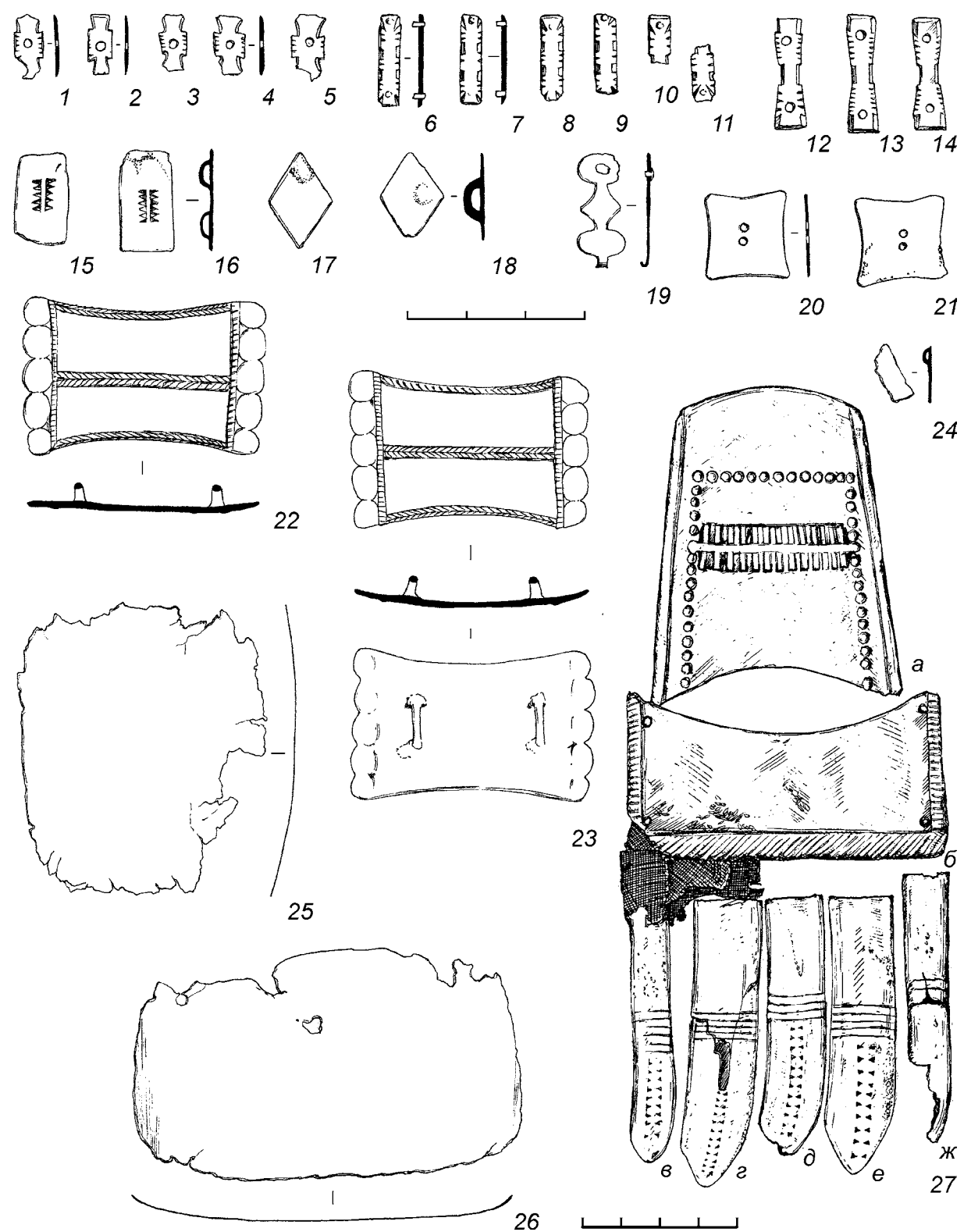

Табл. 13. Нырғындынский I могильник. 1-26 – накладки; 27 – наконник. 1-27 – бронза

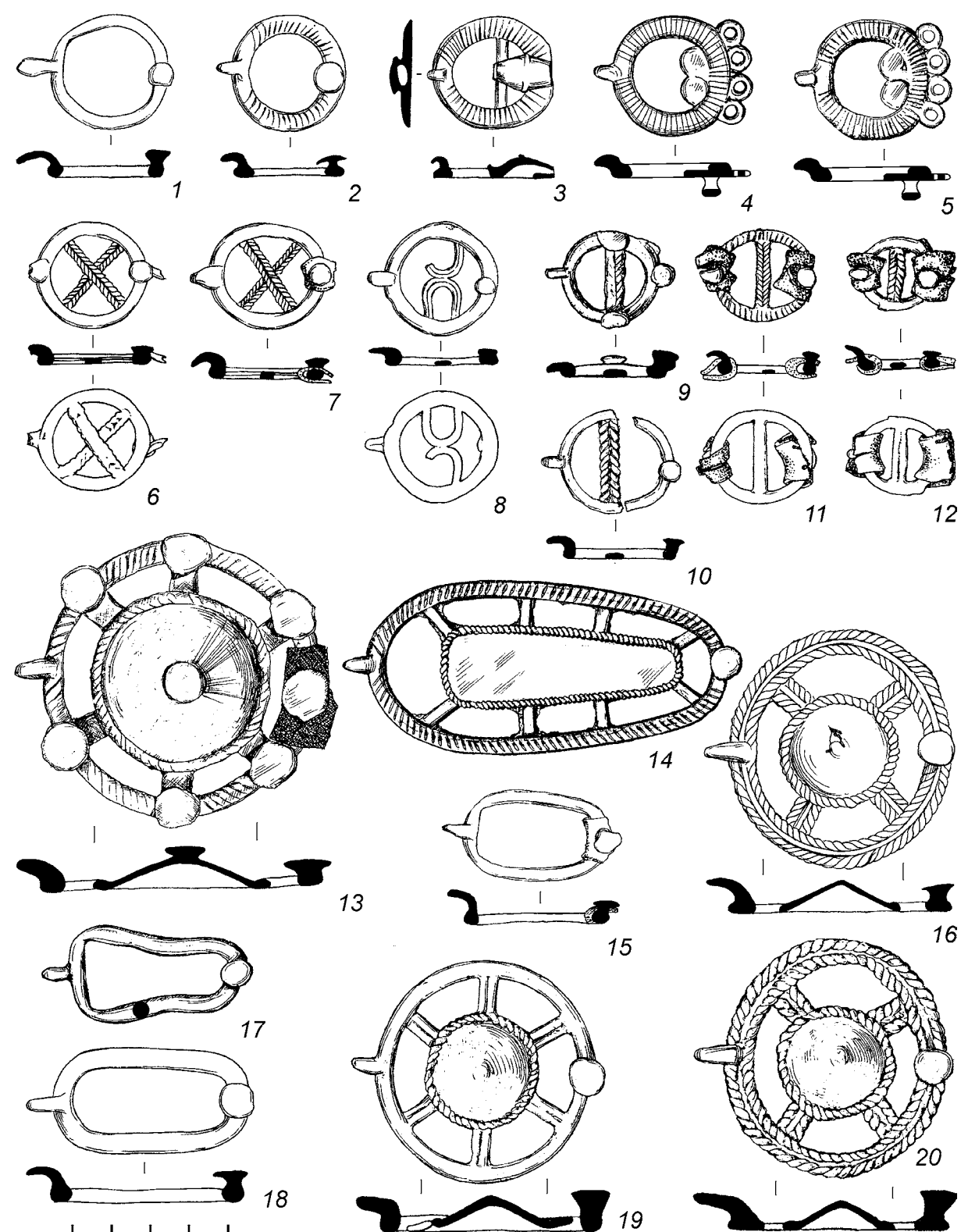

Табл. 14. Нырғындынский I могильник. Бронзовые застёжки с неподвижным крючком

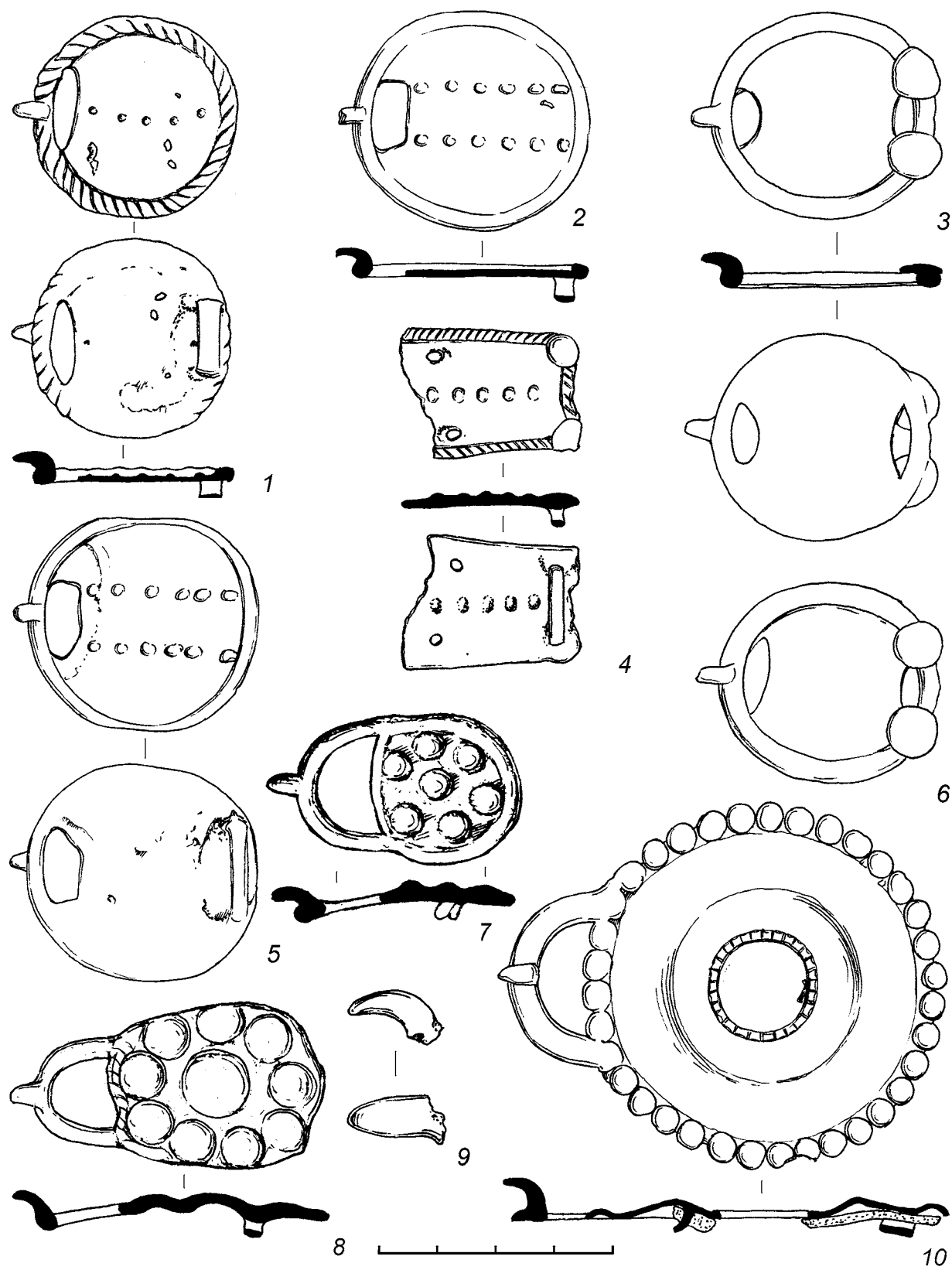

Табл. 15. Ныргындинский I могильник. Бронзовые застёжки с неподвижным крючком

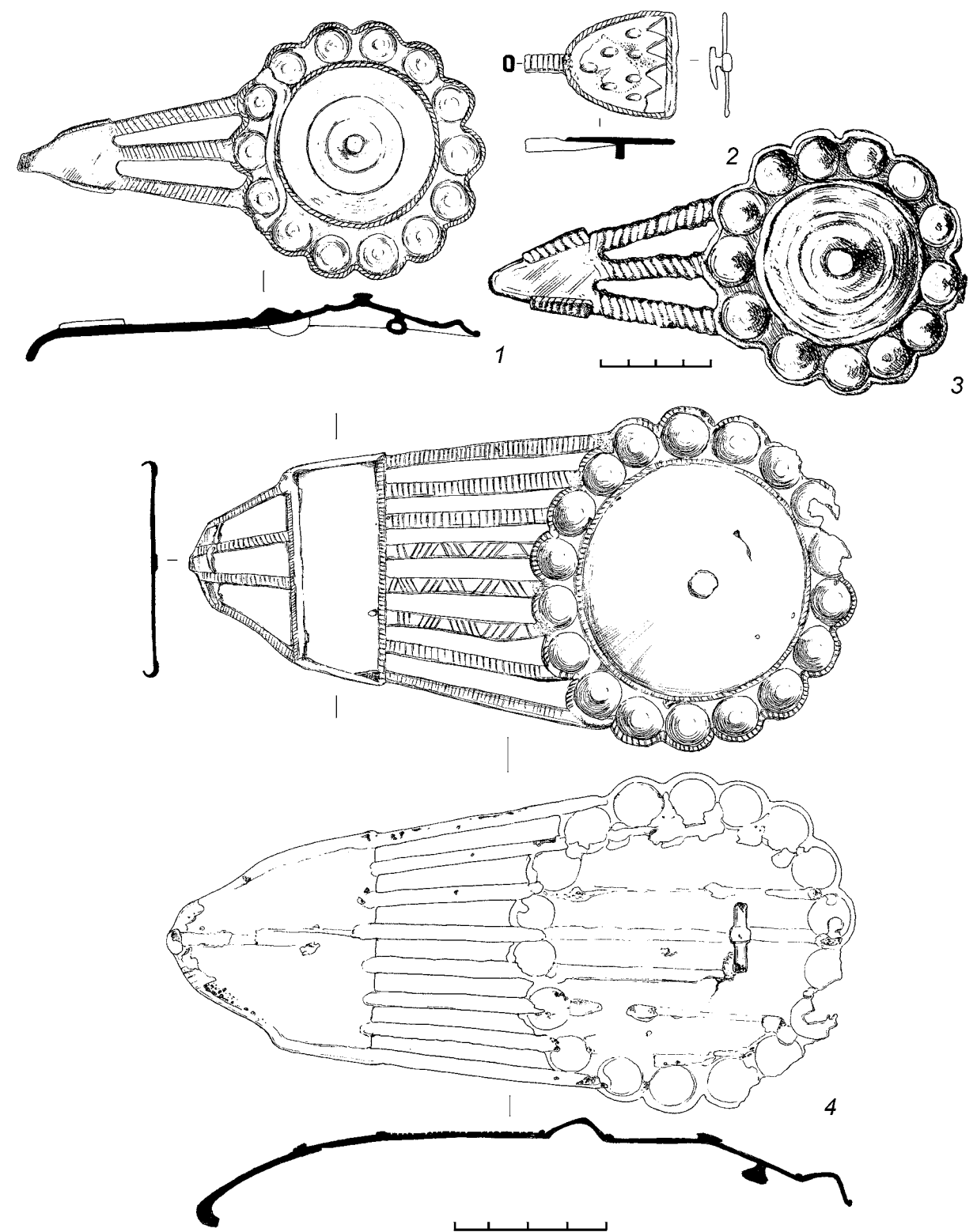

Табл. 16. Ныргындинский I могильник. Бронзовые эфедрообразные застёжки

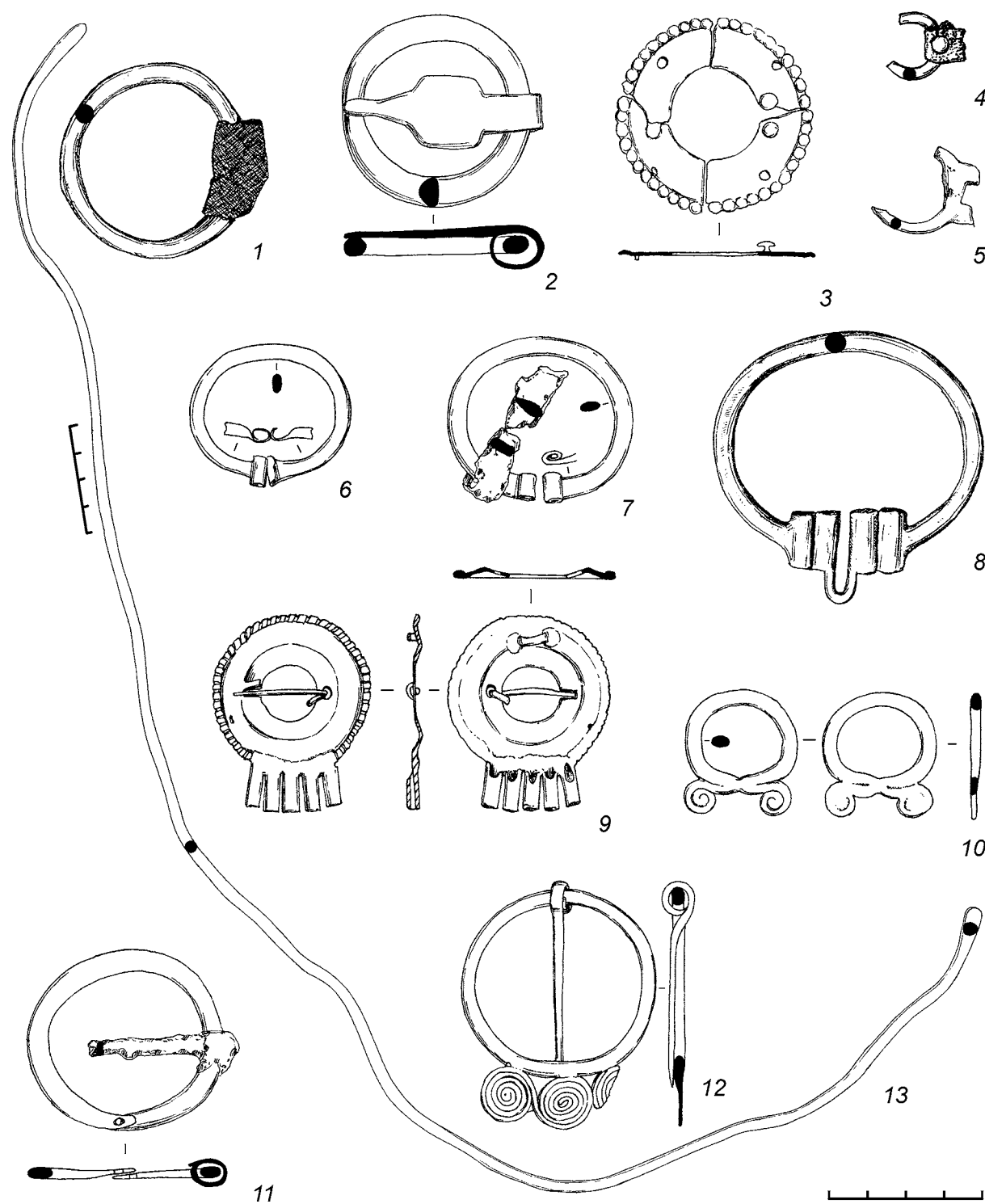

Табл. 17. Нырғындынский I могильник. 1-12 – сюльгамы; 13 – гривна. 1-6, 8-10, 12, 13 – бронза; 7, 11 – бронза, железо

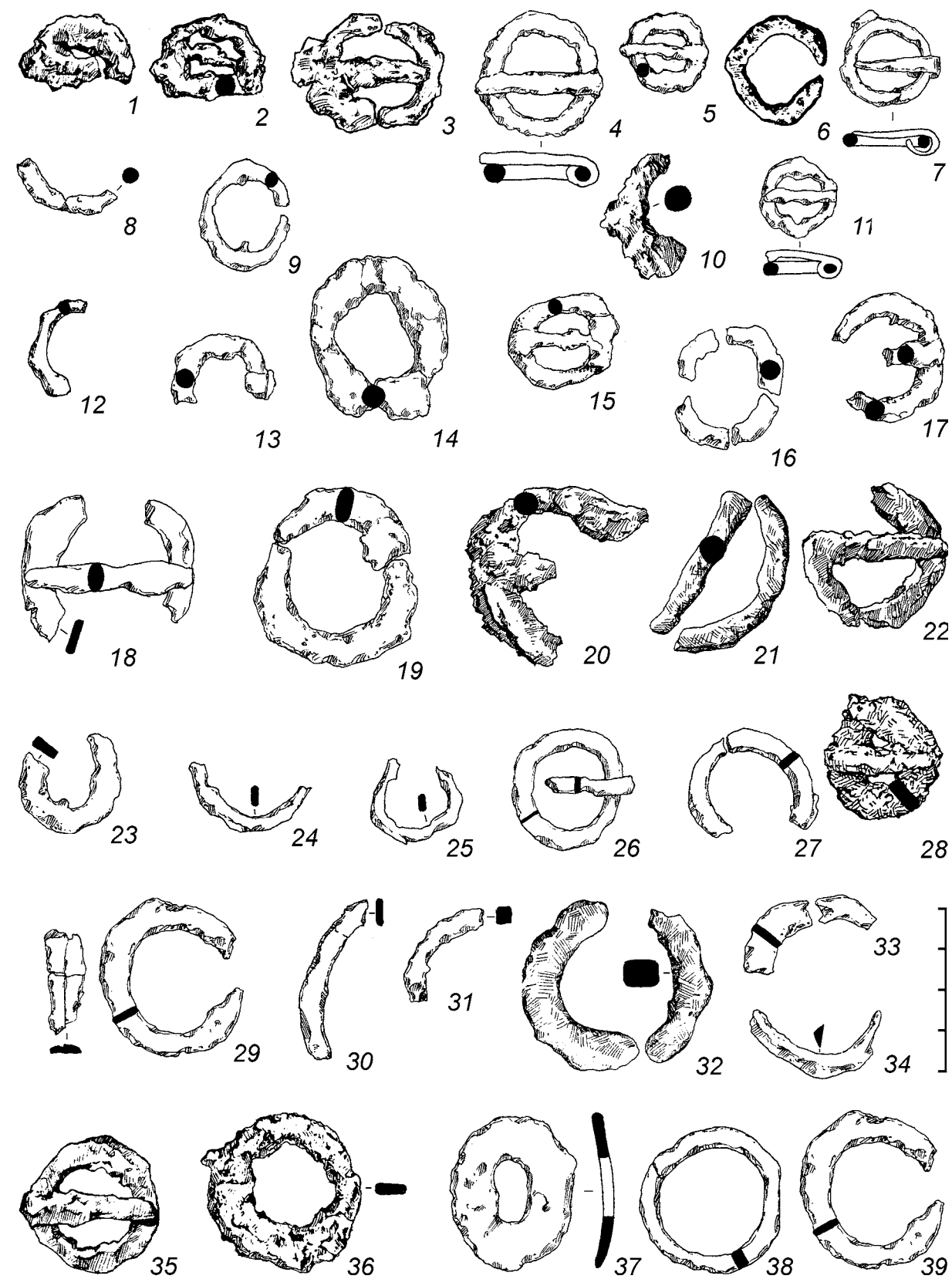

Табл. 18. Нырғындынский I могильник. Железные пряжки

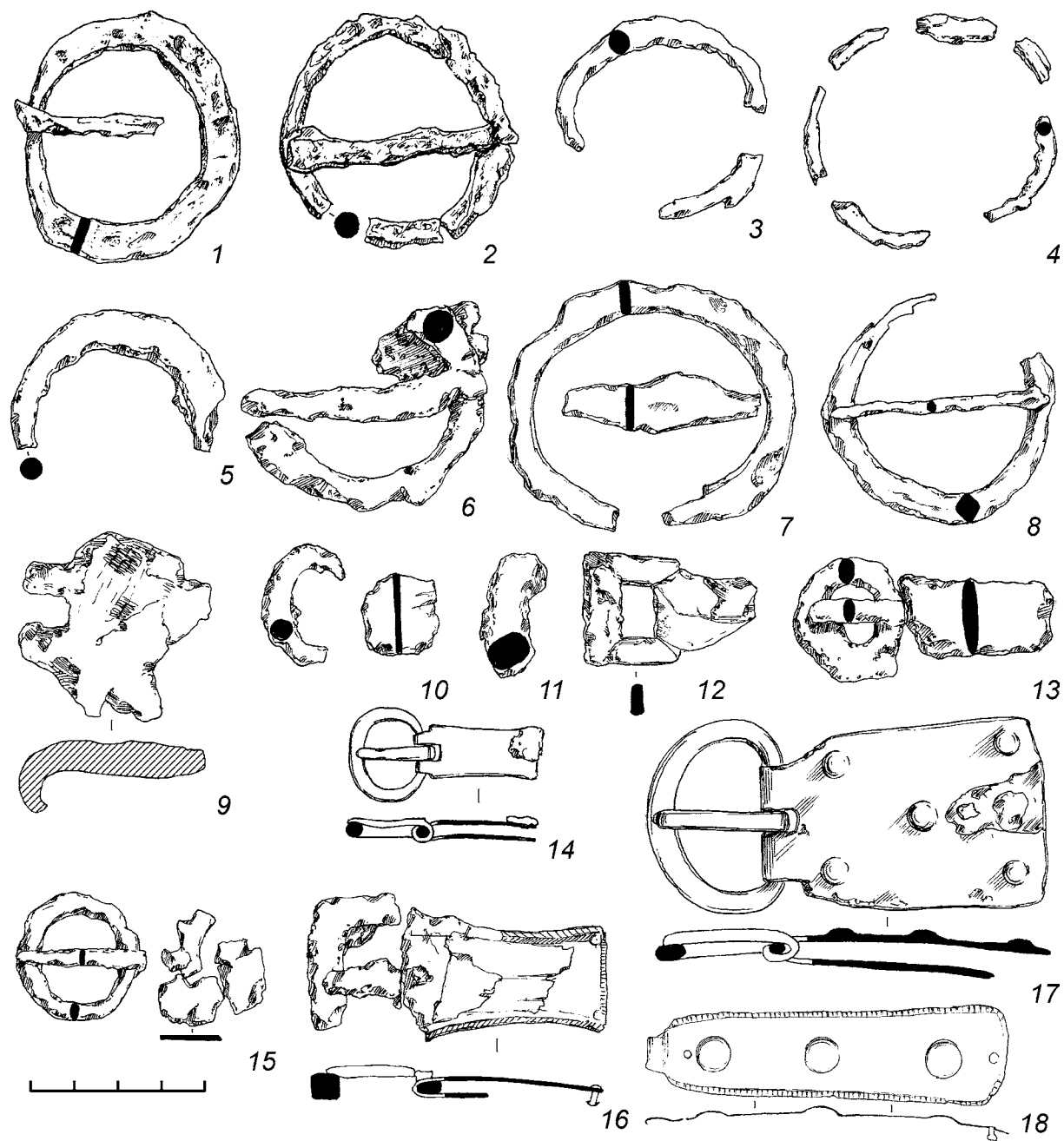

Табл. 19. Нырғындынский I могильник. 1-17 – пряжки; 18 – наконечник ремня. 1-13, 15, 16 – железо; 14, 17, 18 – бронза

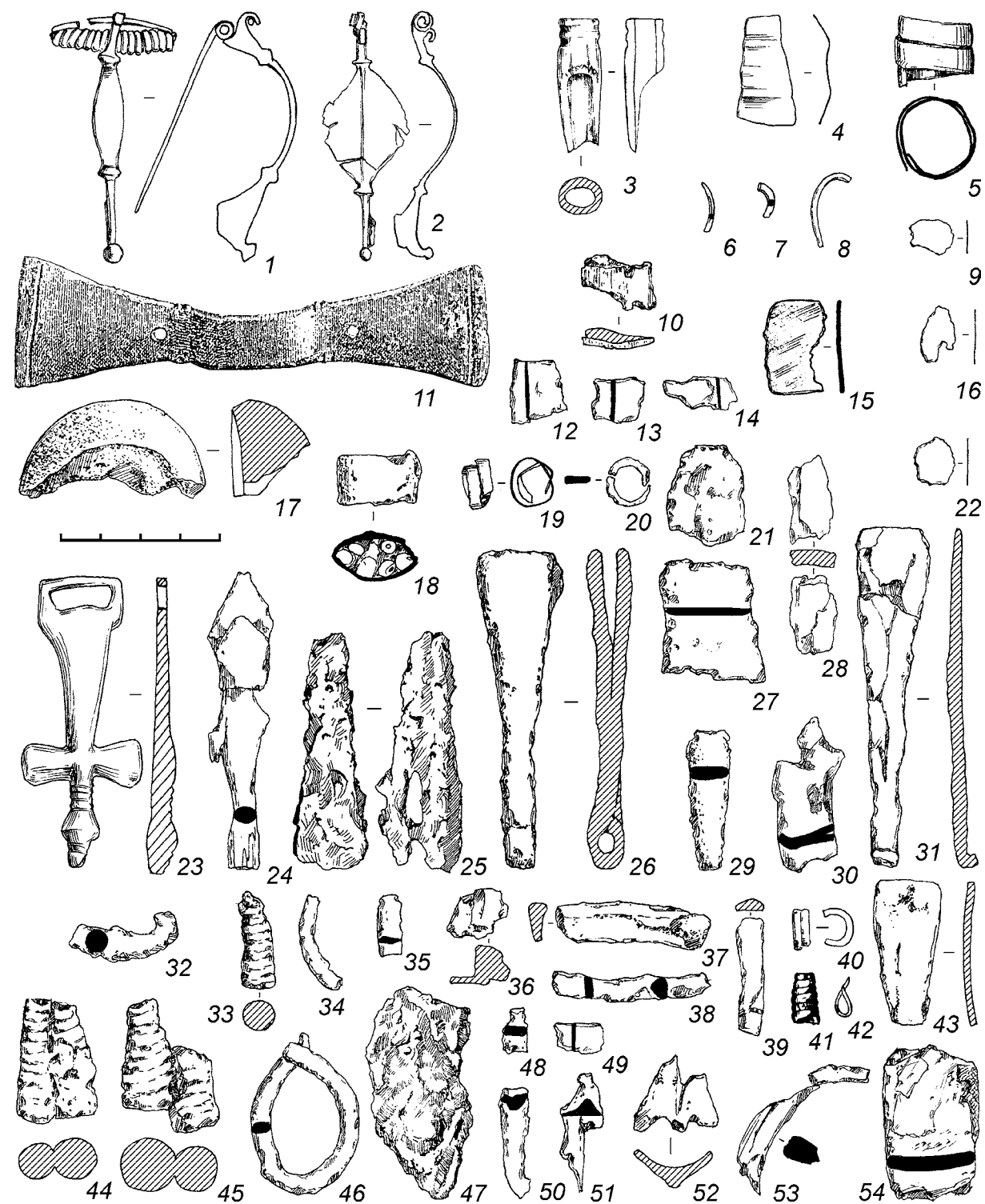

Табл. 20. Нырғындынский I могильник. 1, 2, 11 – фибулы; 3 – фрагмент застёжки; 4, 6-16, 18-22, 24-53 – фрагменты вещей; 5 – перстень; 17 – фрагмент пряслица; 23 – застёжка. 1, 2, 4-9, 11-16, 18-20, 22, 23, 39-43, 48, 49 – бронза; 3 – кость; 10, 21, 24-38, 44-47, 50-54 – железо; 17 – глина

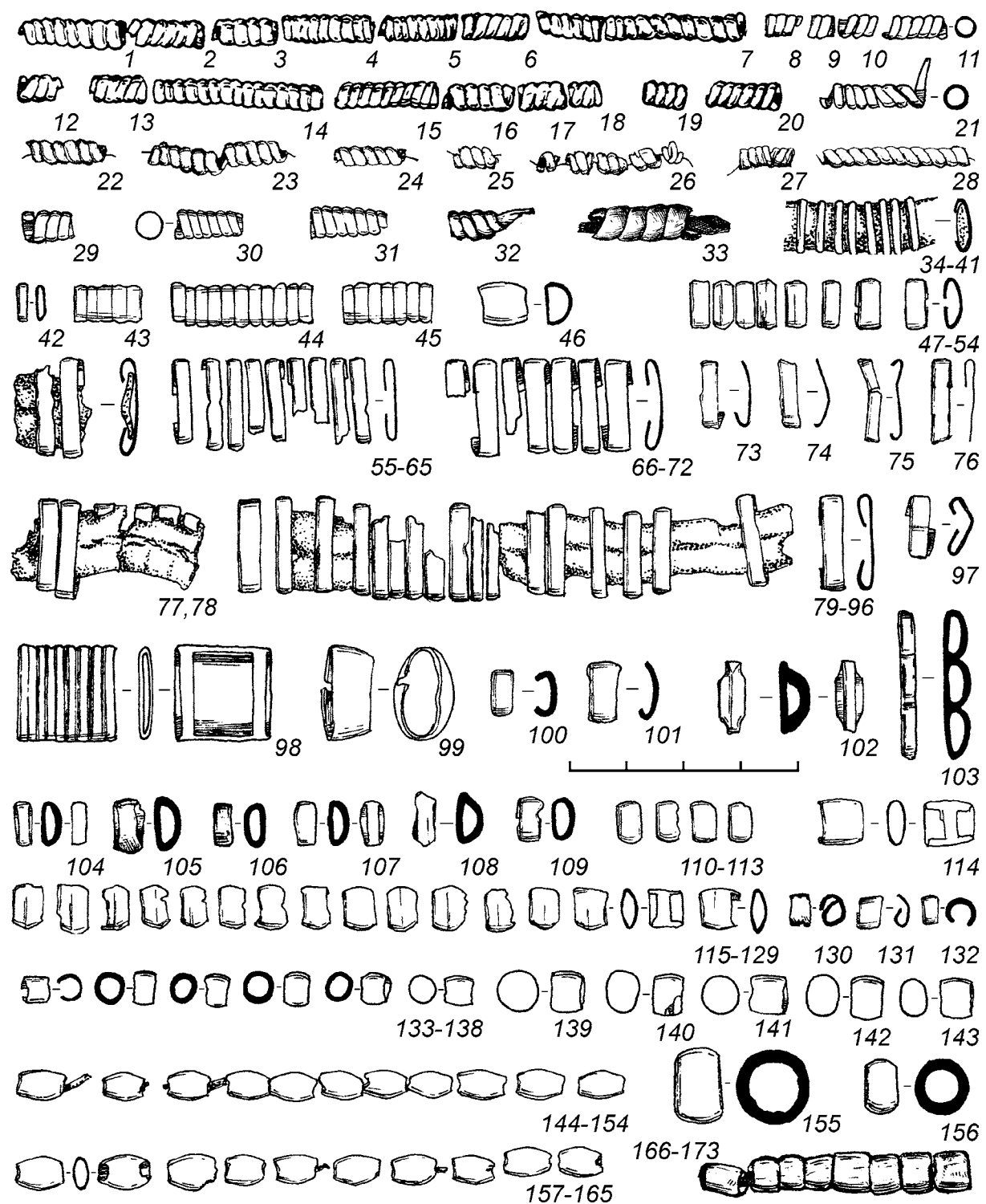

Табл. 21. Ныргындинский I могильник. Бронзовые пронизки

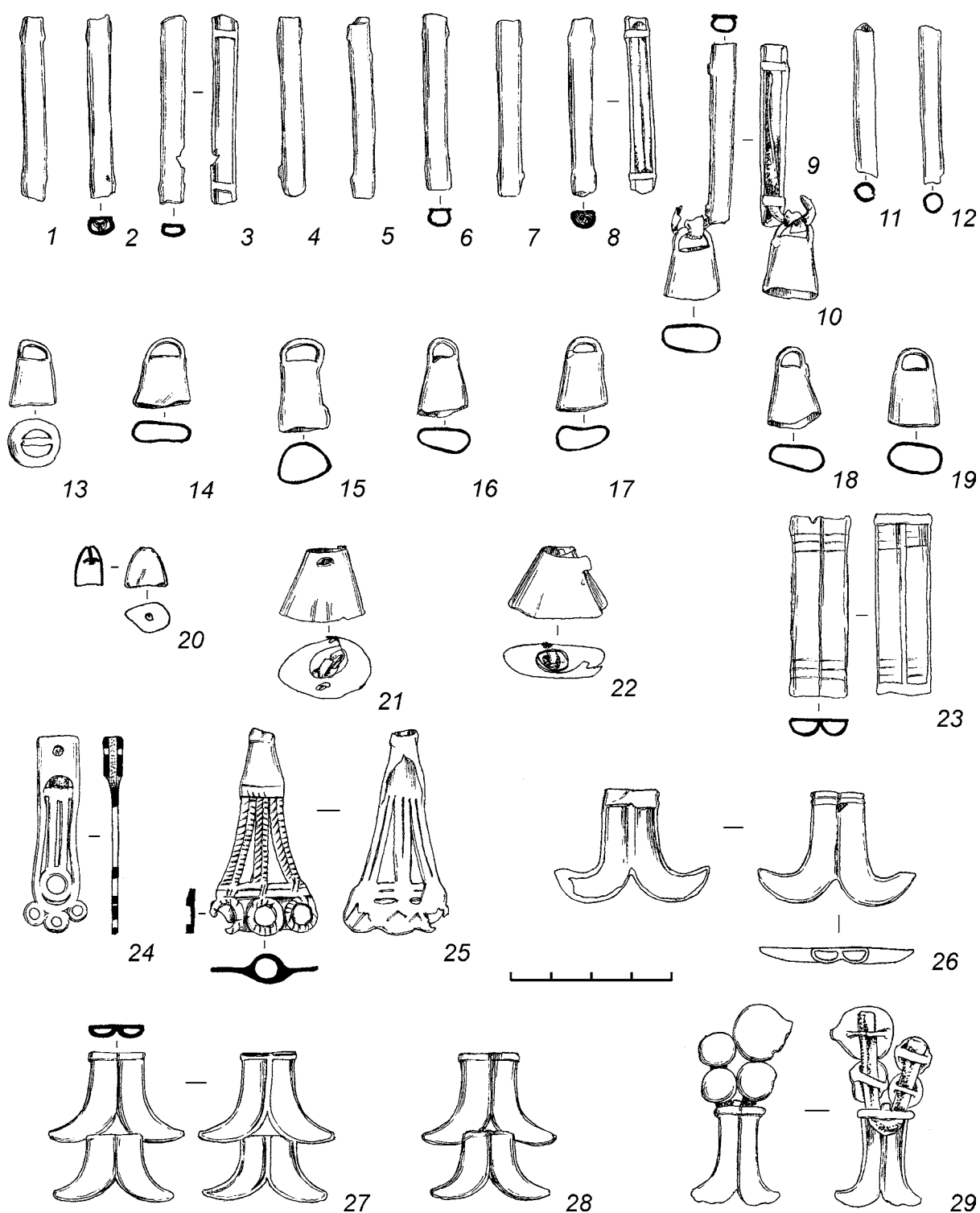

Табл. 22. Ныргындинский I могильник. 1-9, 11, 12, 23-29 – пронизки; 10, 13-22 – подвески.
1-29 – бронза

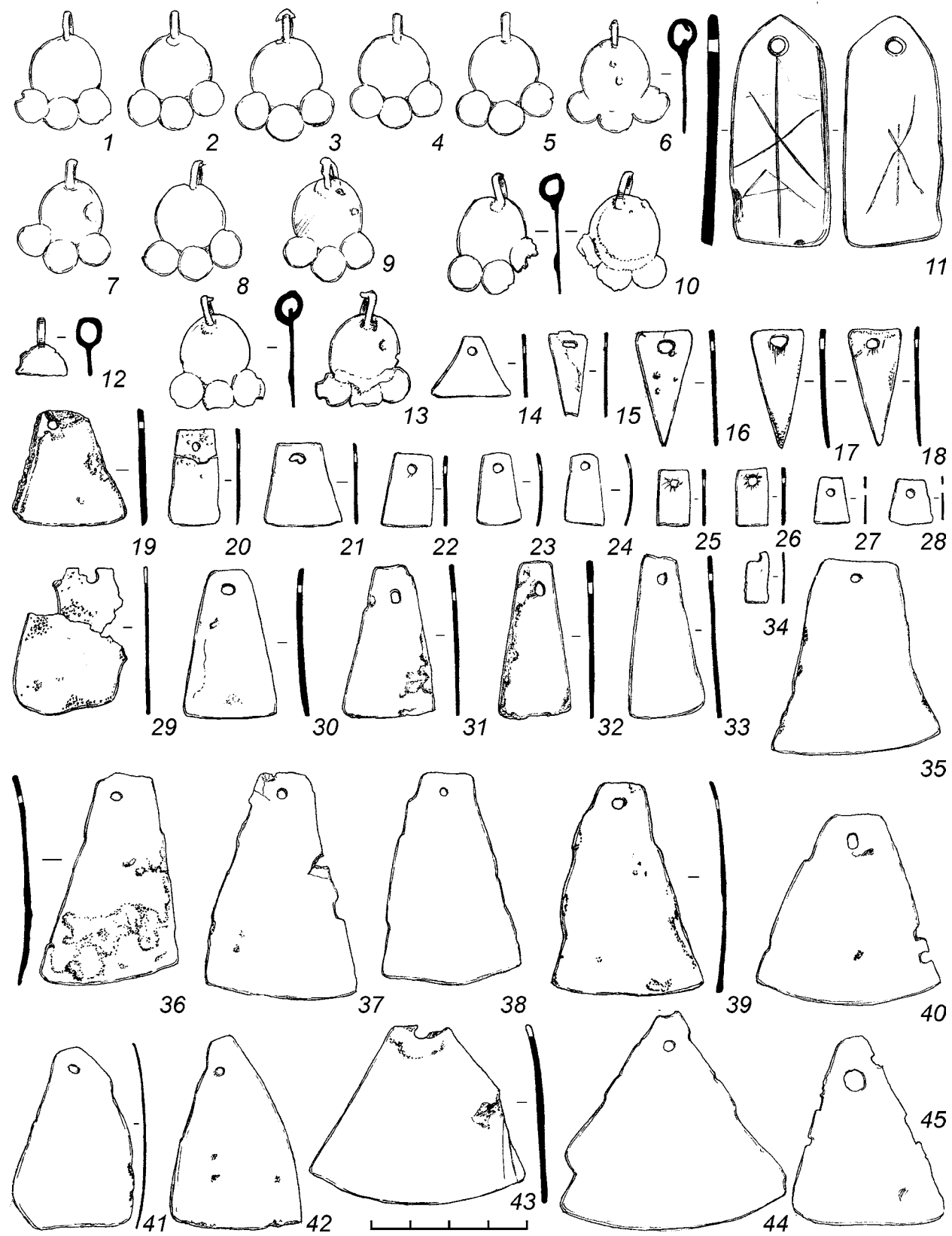

Табл. 23. Ныргындинский I могильник. Подвески. 1-10, 12-45 – бронза; 11 – камень

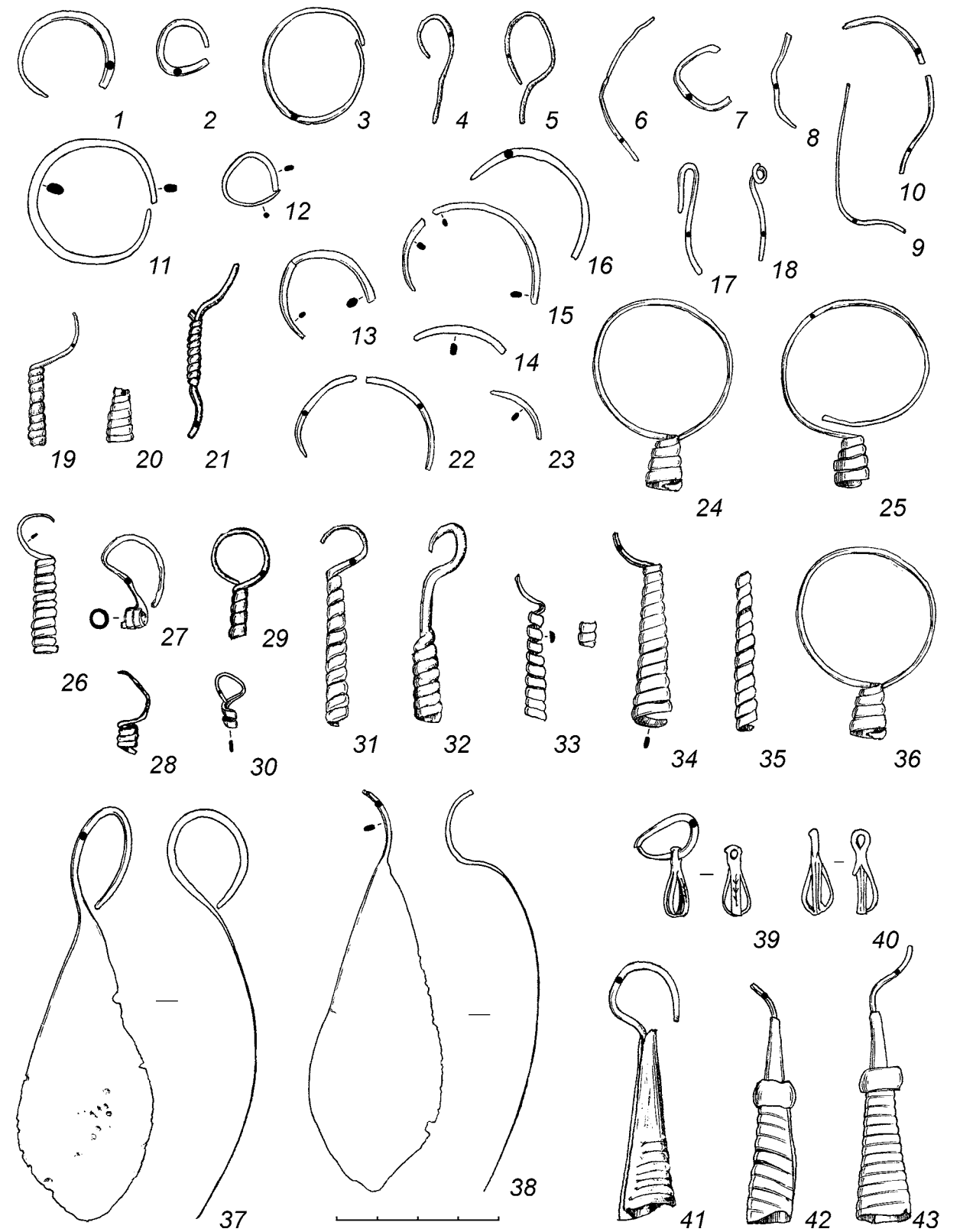

Табл. 24. Ныргындинский I могильник. Бронзовые височные подвески

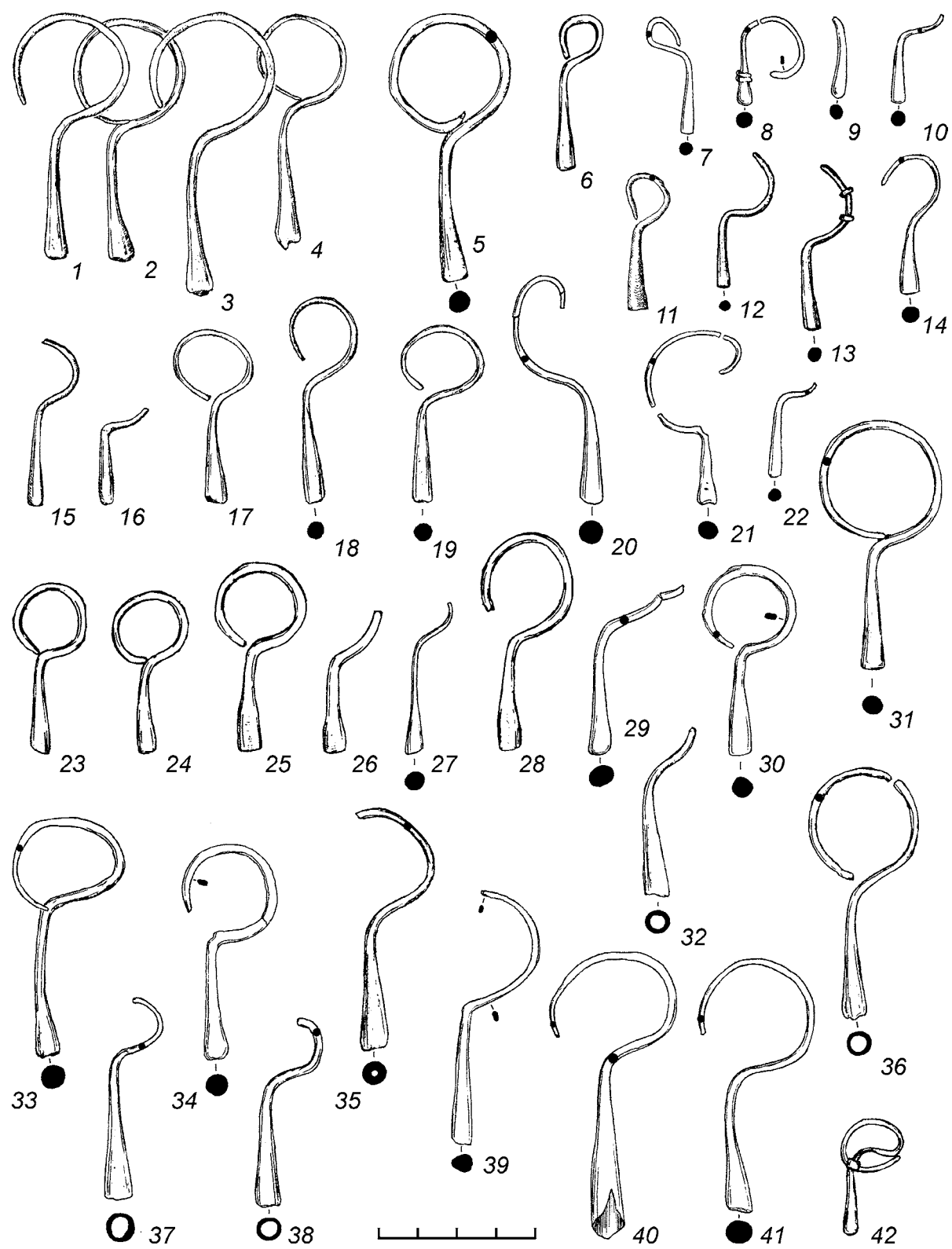

Табл. 25. Нырғындынський I моги́льник. Бронзові височні́е підвіски

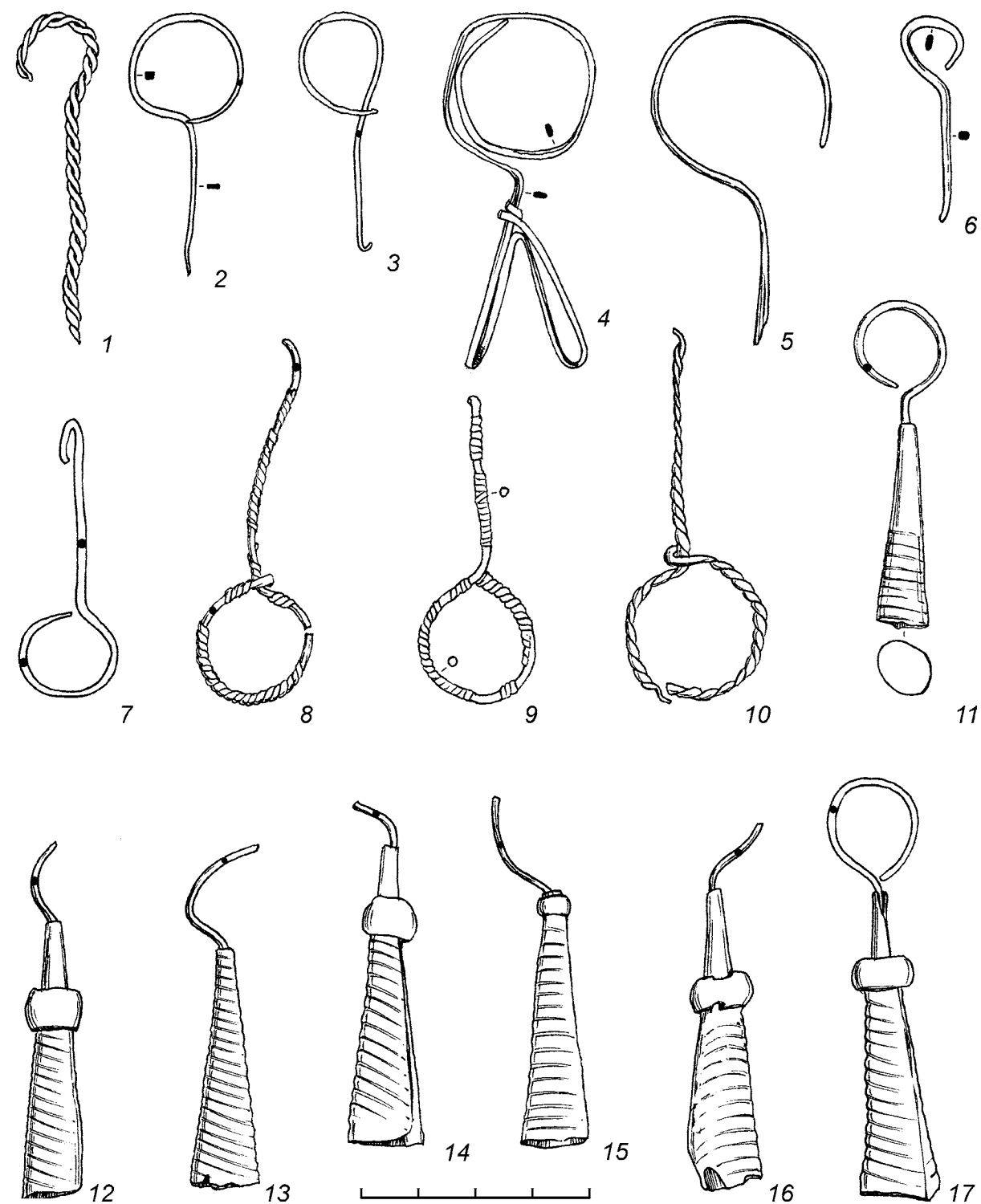

Табл. 26. Нырғындынський I моги́льник. Бронзові височні́е підвіски

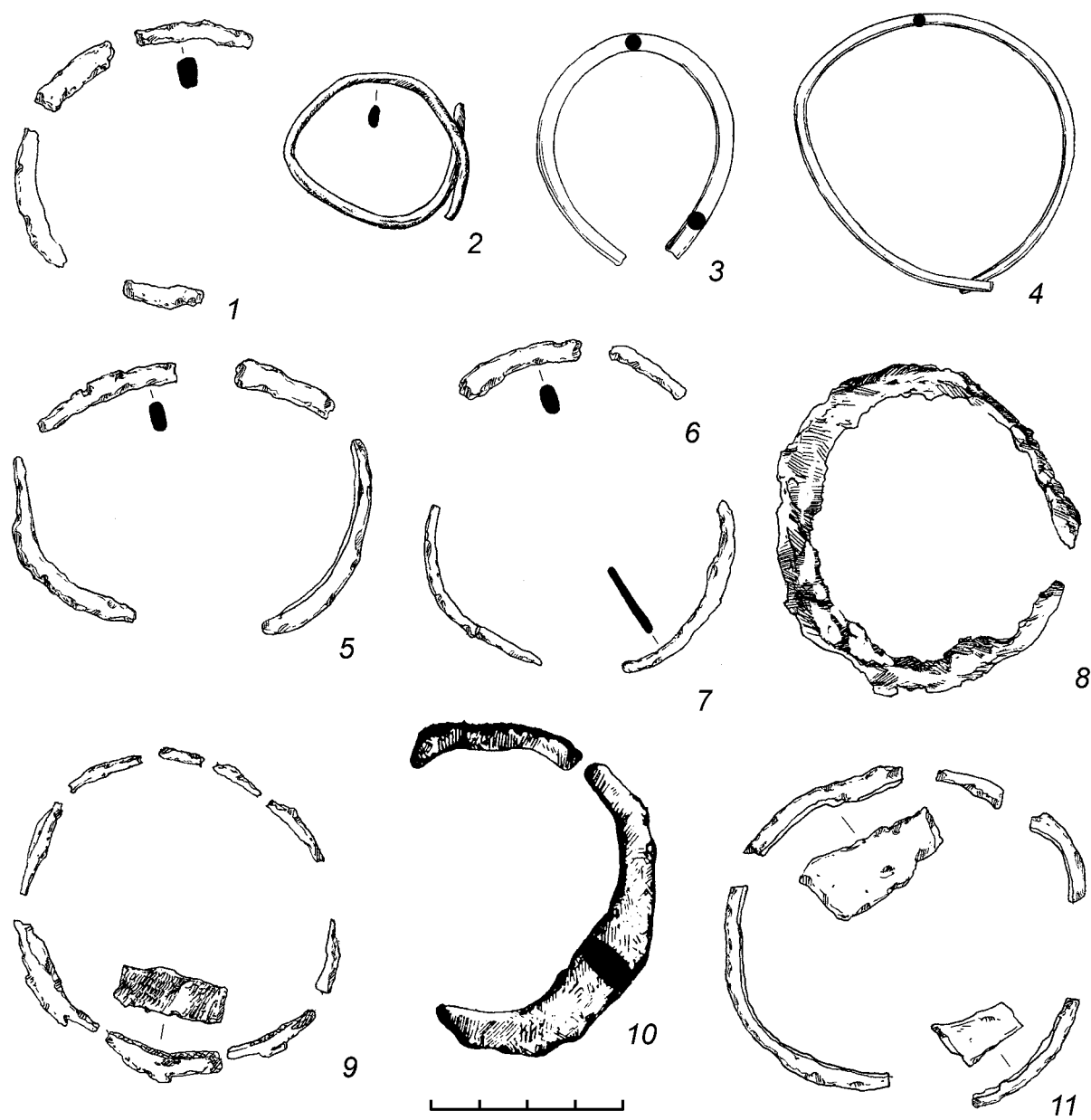

Табл. 27. Нырғындынский I могильник. Браслеты. 1, 5-11 – железо; 2-4 – бронза

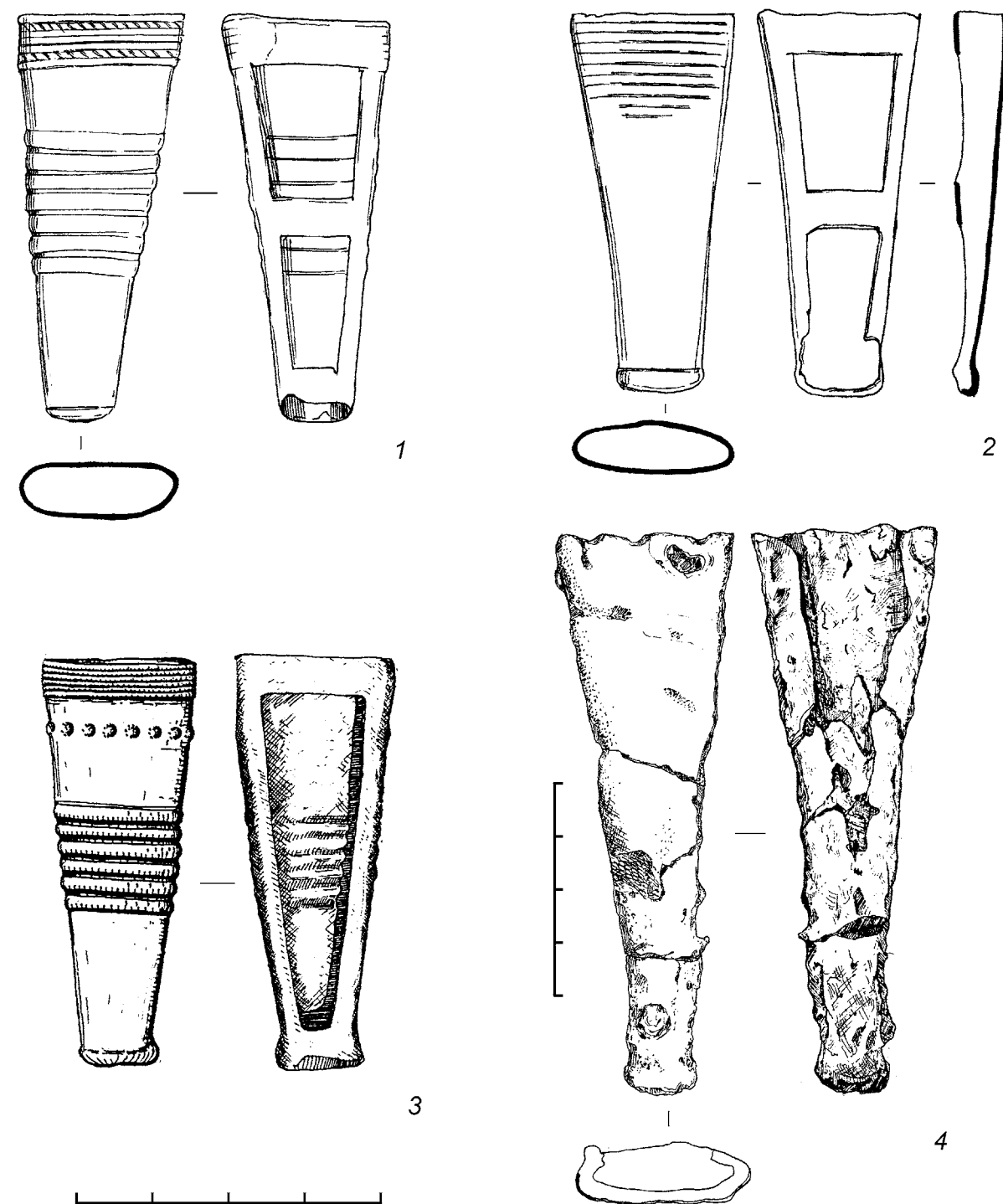

Табл. 28. Нырғындынский I могильник. Ножны. 1-3 – бронза; 4 – железо

Табл. 29. Нырғындынський I моги́льник. Железные ножи и их фрагменты

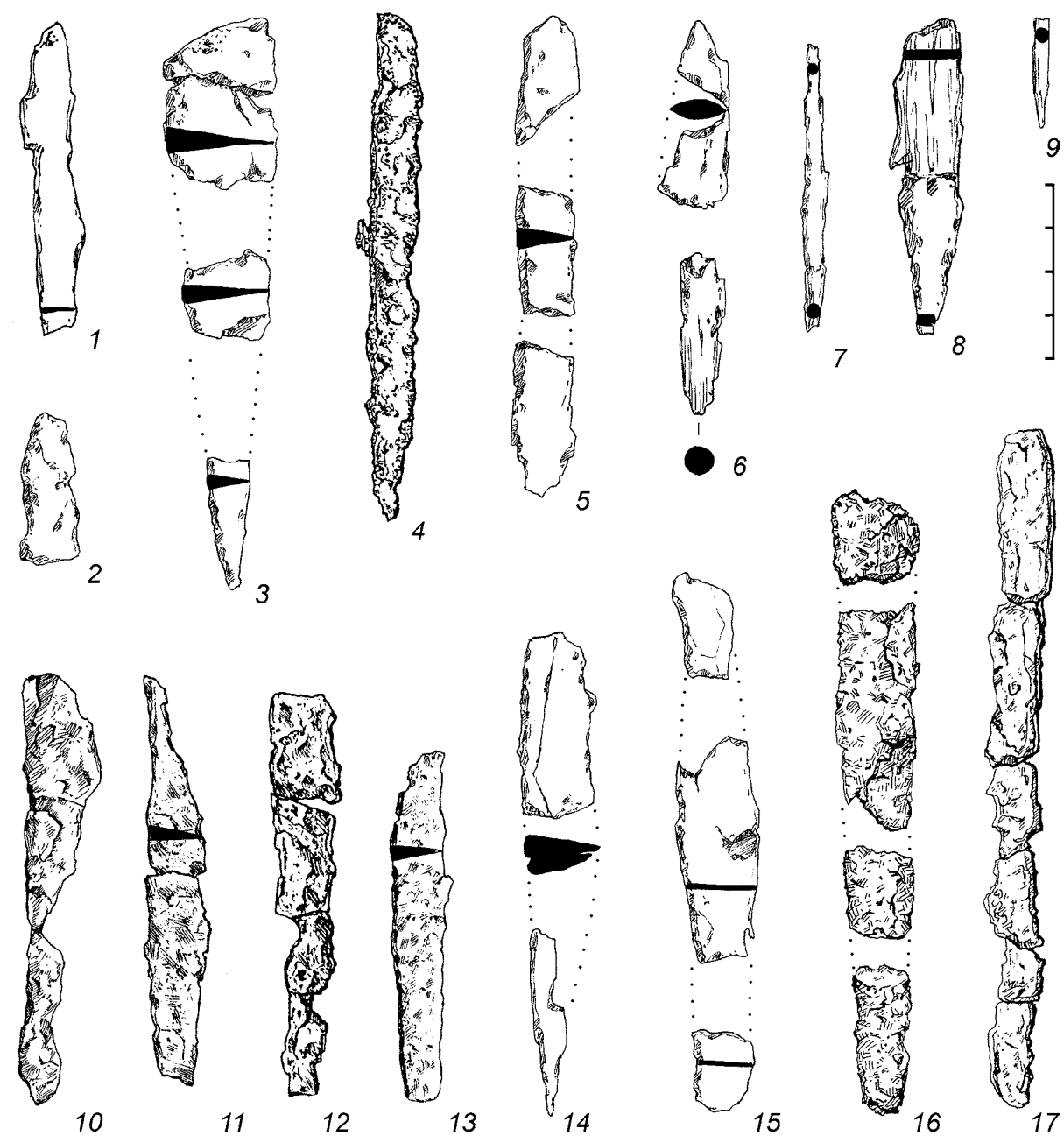

Табл. 30. Нырғындынський I моги́льник. 1-5, 10-17 – ножи и их фрагменты; 6 – наконечник стрелы; 7-9 – шилья. 1-17 – железо

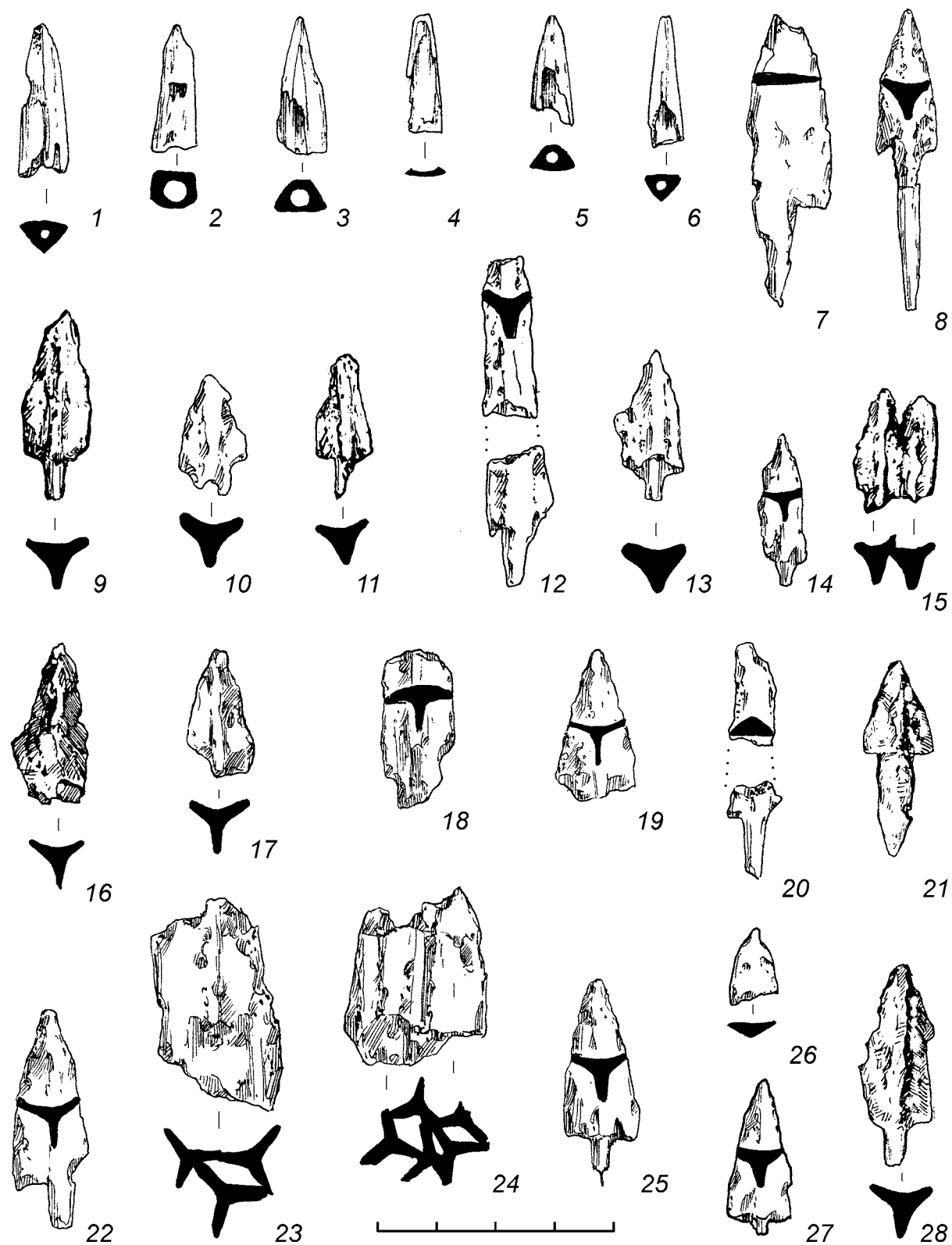

Табл. 31. Нырғындынський I моги́льник. Наконечники стрел. 1-6 – кость; 7-28 – железо

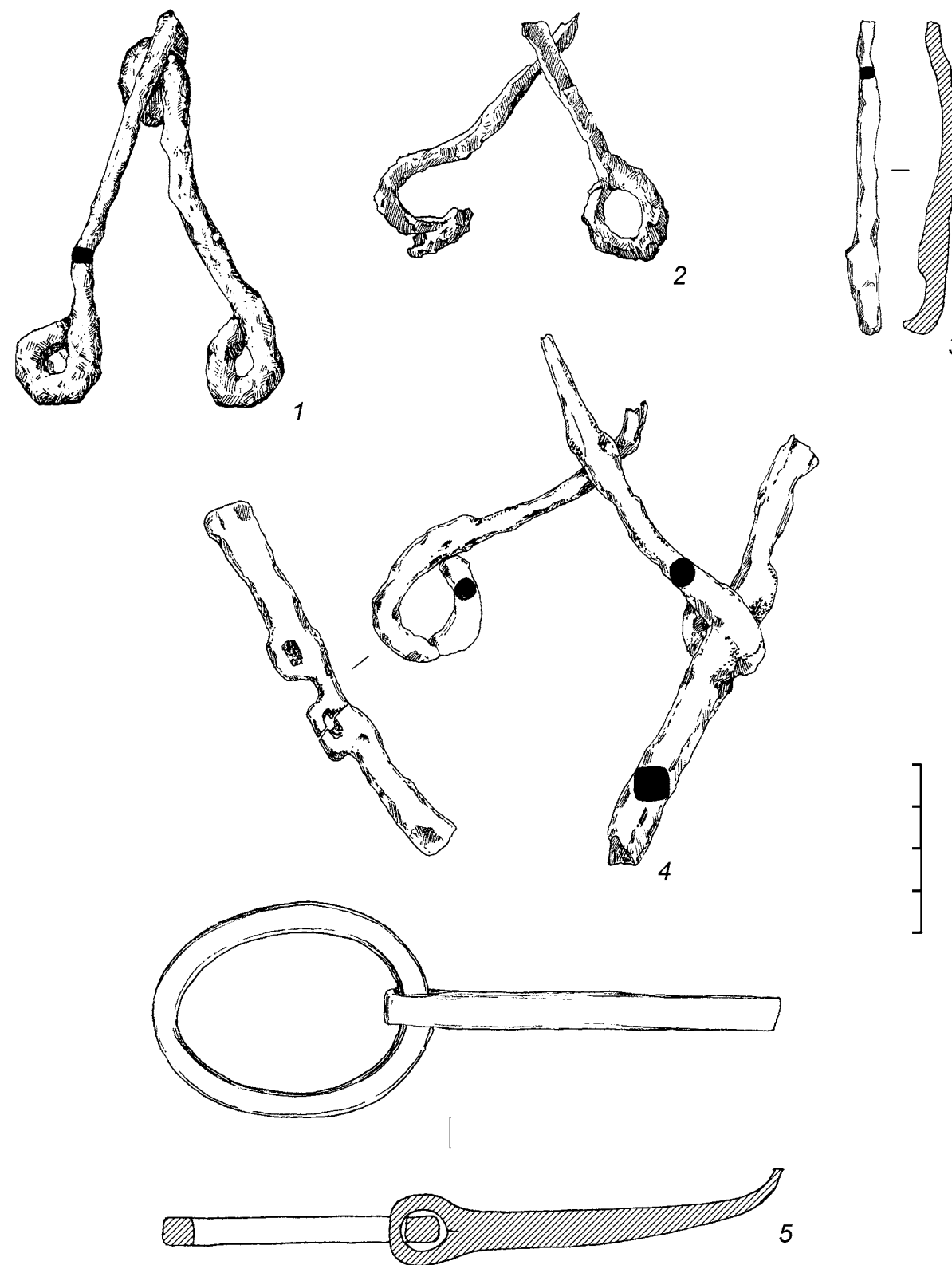

Табл. 32. Нырғындынський I моги́льник. Железные удила

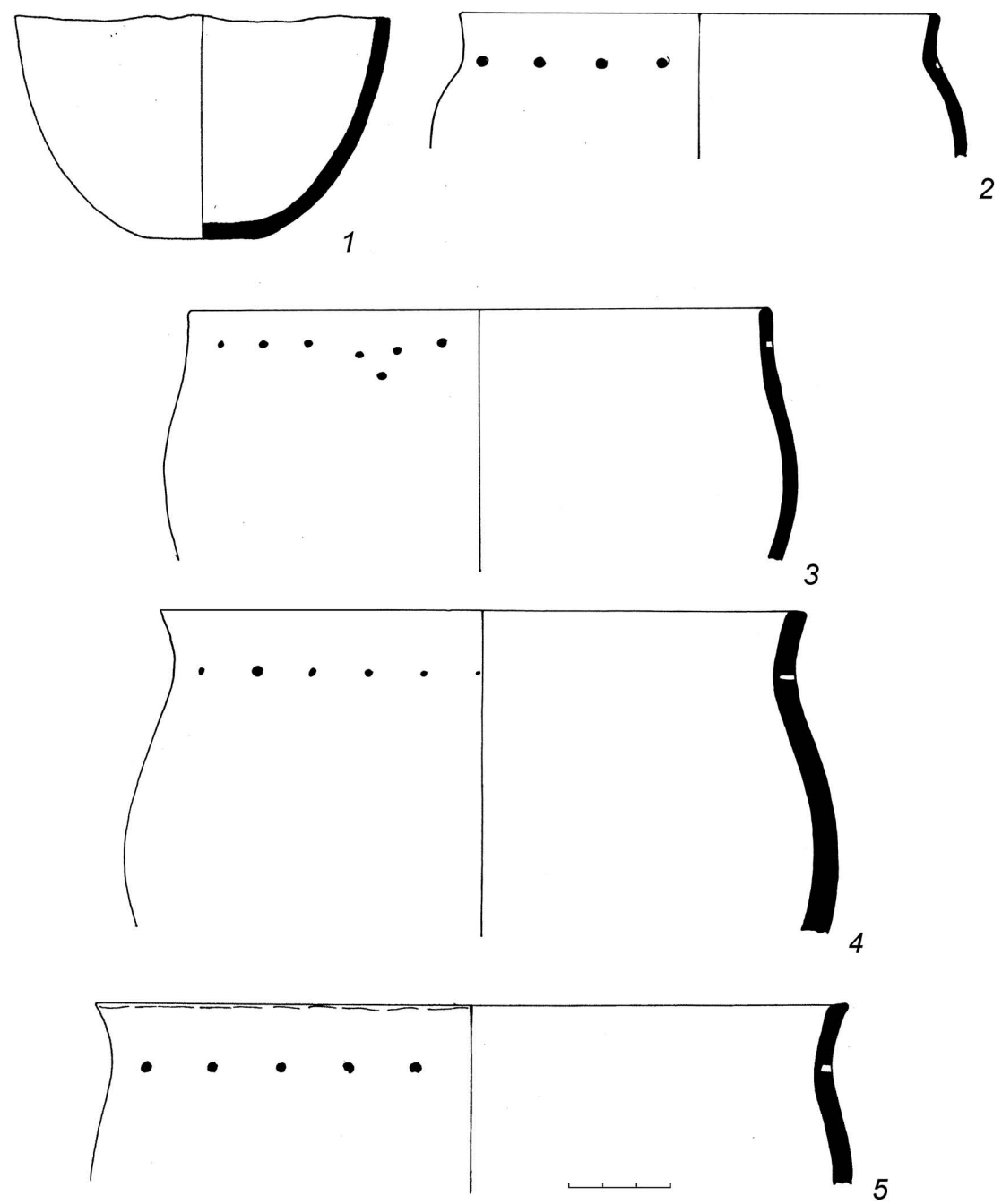

Табл. 33. Нырғындынський I моги́льник. Глиняные сосуды и их фрагменты

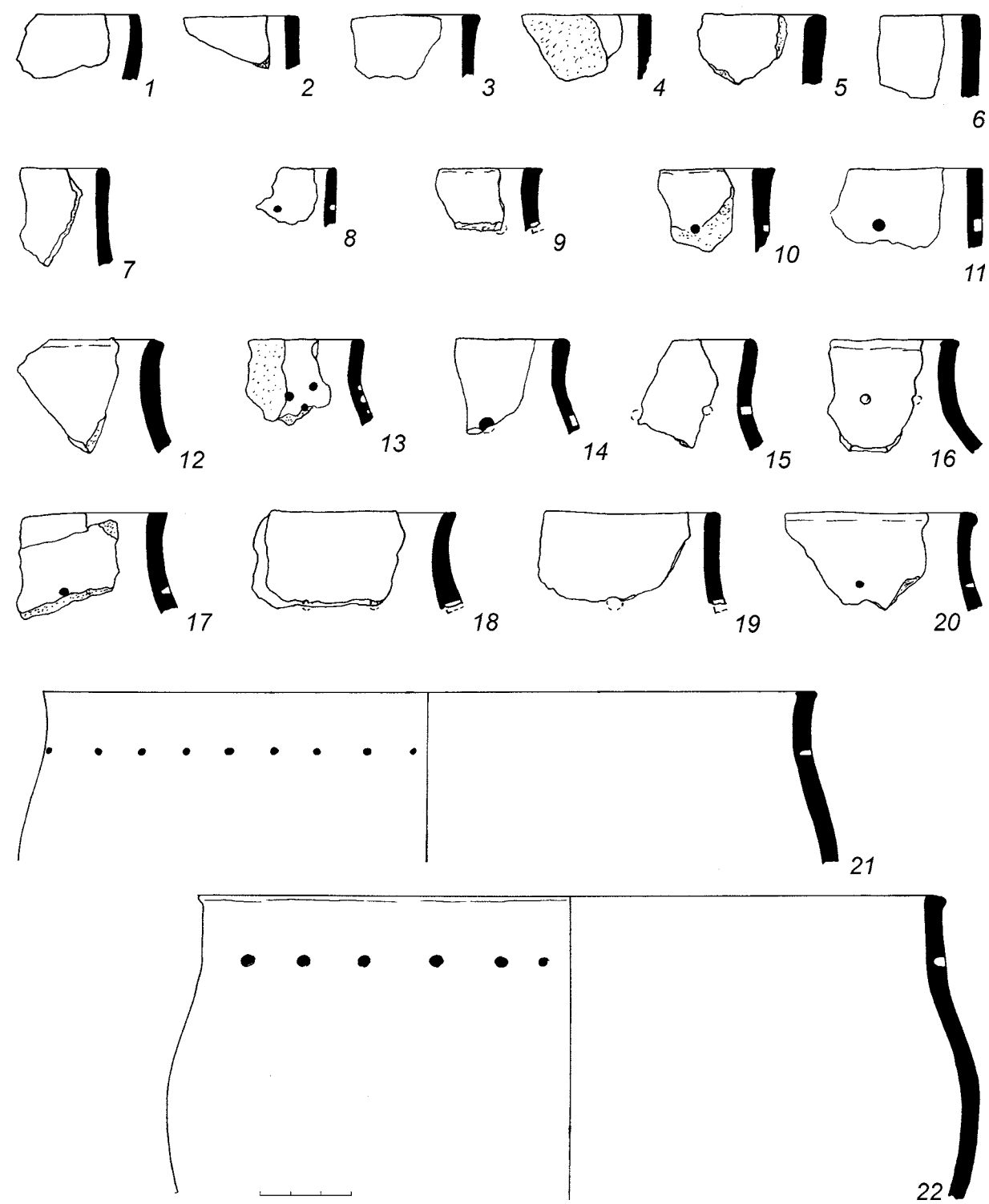

Табл. 34. Нырғындынський I моги́льник. Глиняные сосуды и их фрагменты

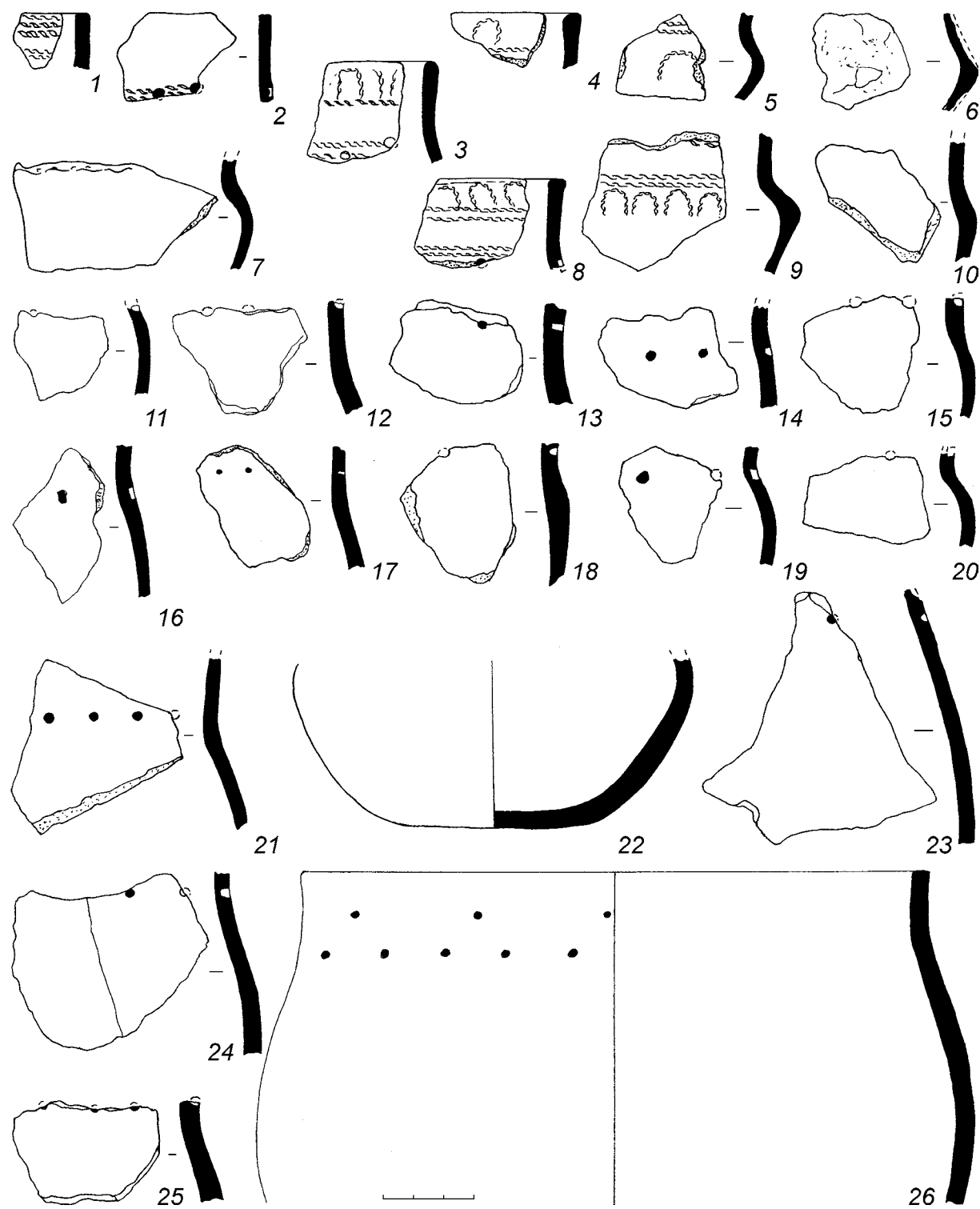

Табл. 35. Ныргындинский I могильник. Глиняные сосуды и их фрагменты

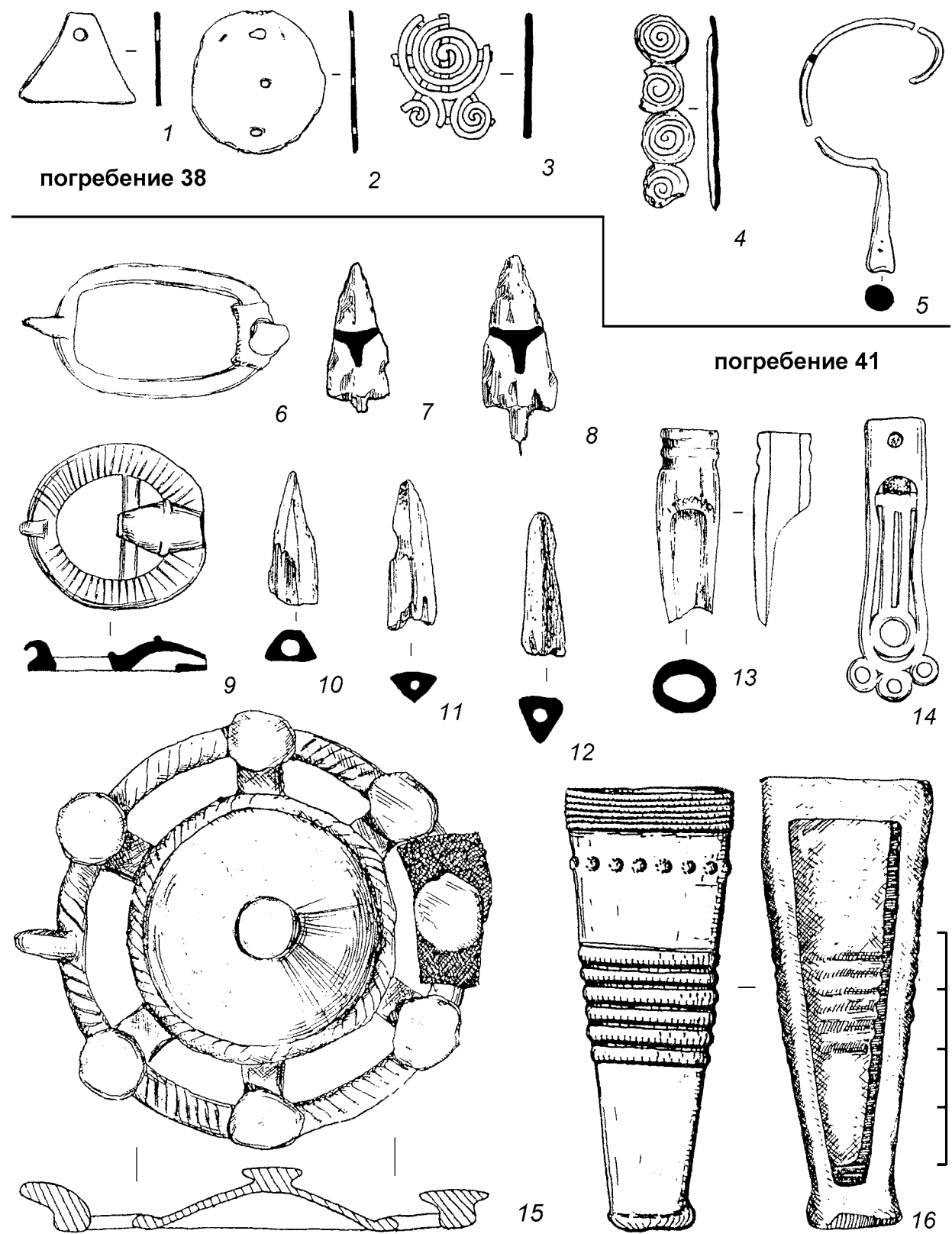

Табл. 36. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированных могил 38 и 41

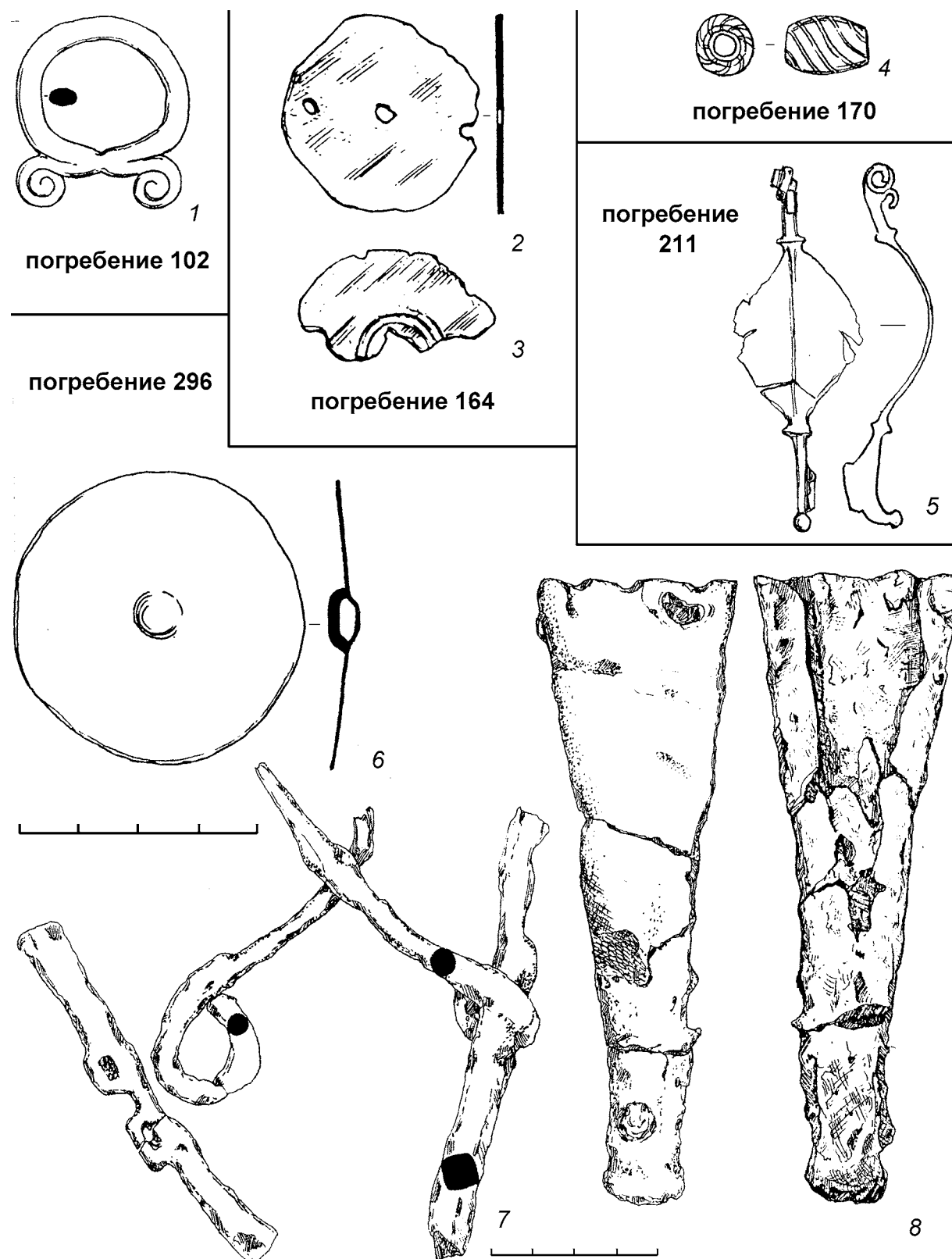

Табл. 37. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированных могил 102, 164, 170, 211, 296

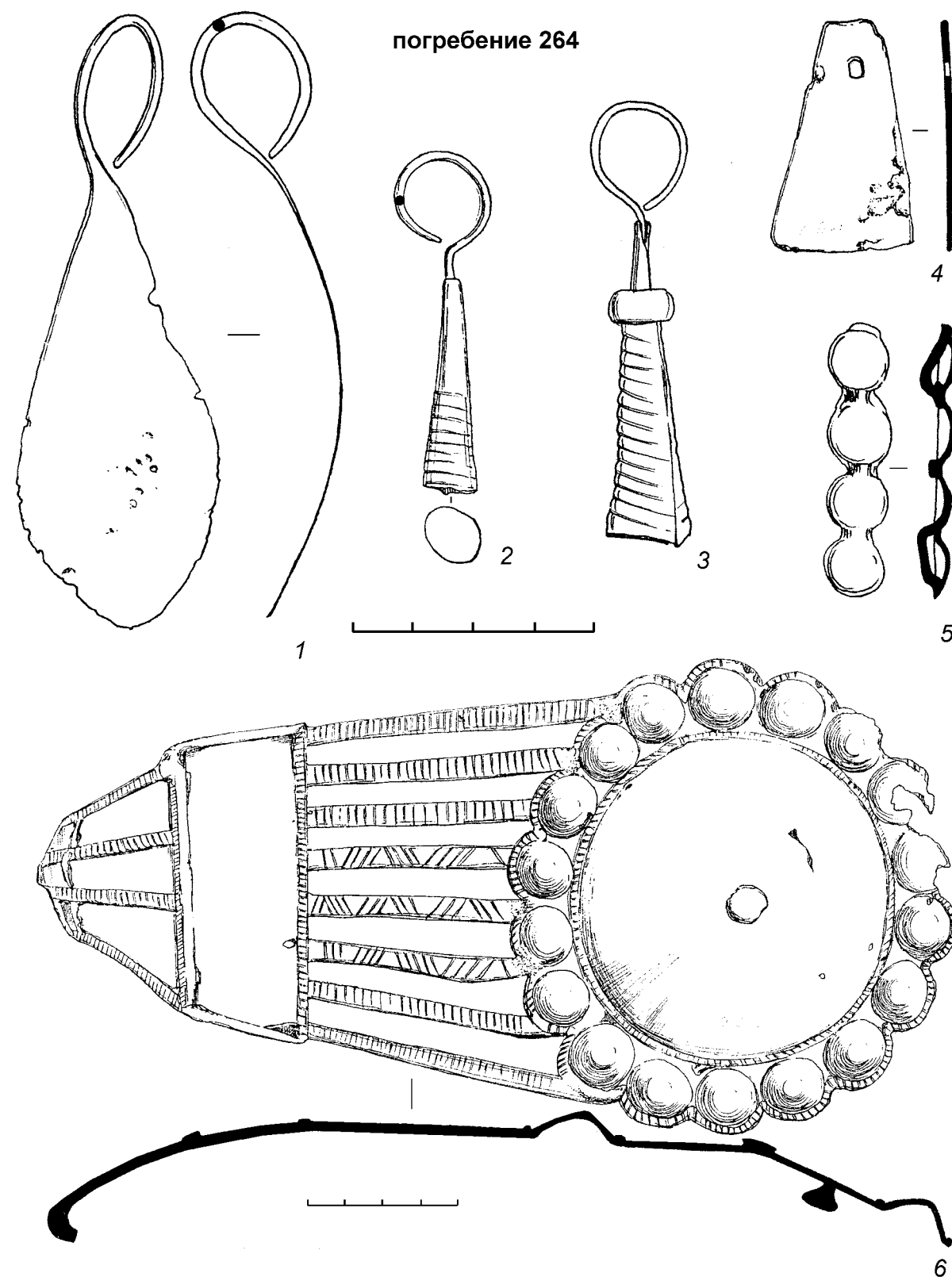

Табл. 38. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированной могилы 264

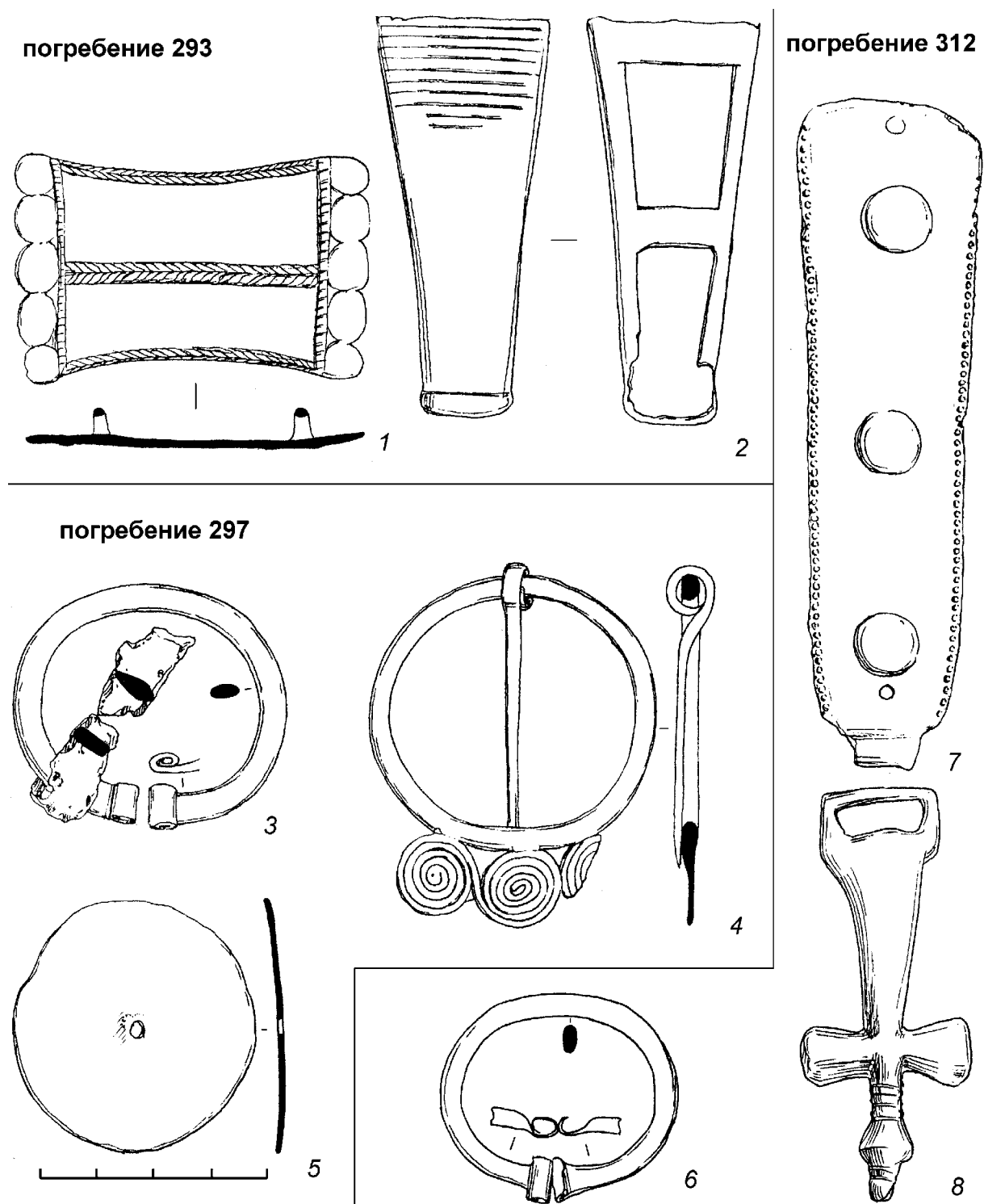
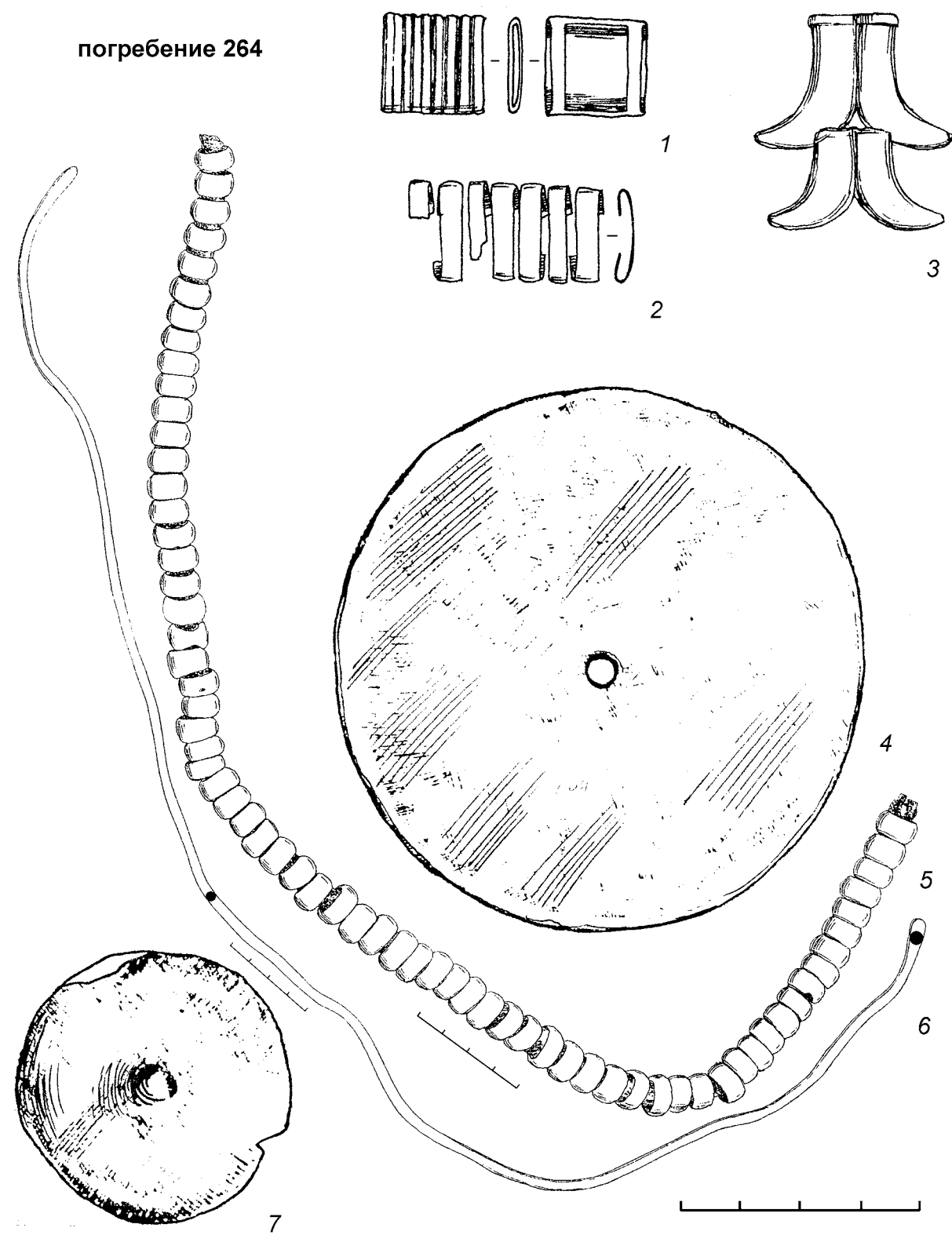

Табл. 39. Нырғындынський I могильник. Вещи из датированной могилы 264

Табл. 40. Нырғындынський I могильник. Вещи из датированных могил 293, 297, 312

погребение 315

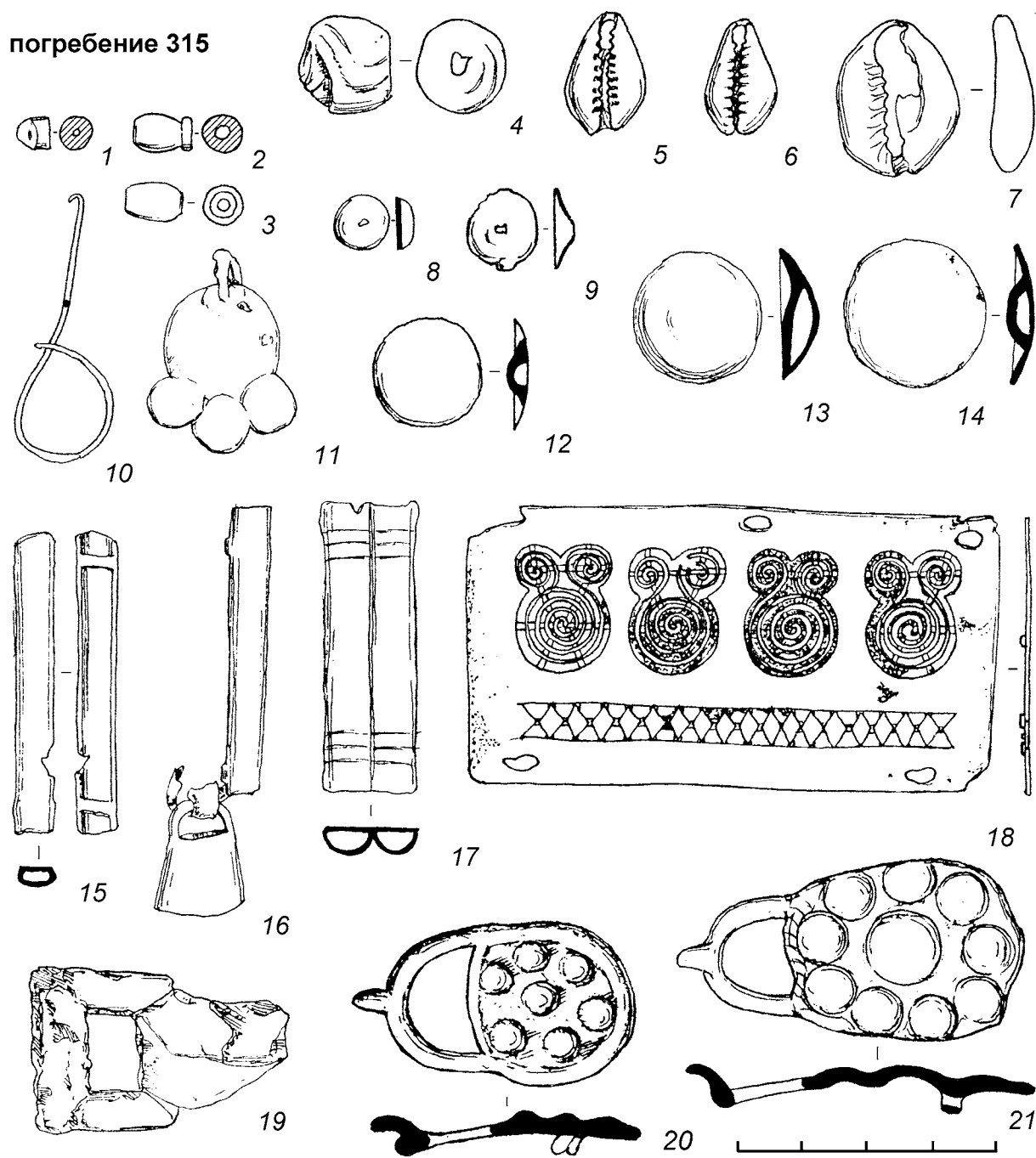

Табл. 41. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированной могилы 315

погребение 315

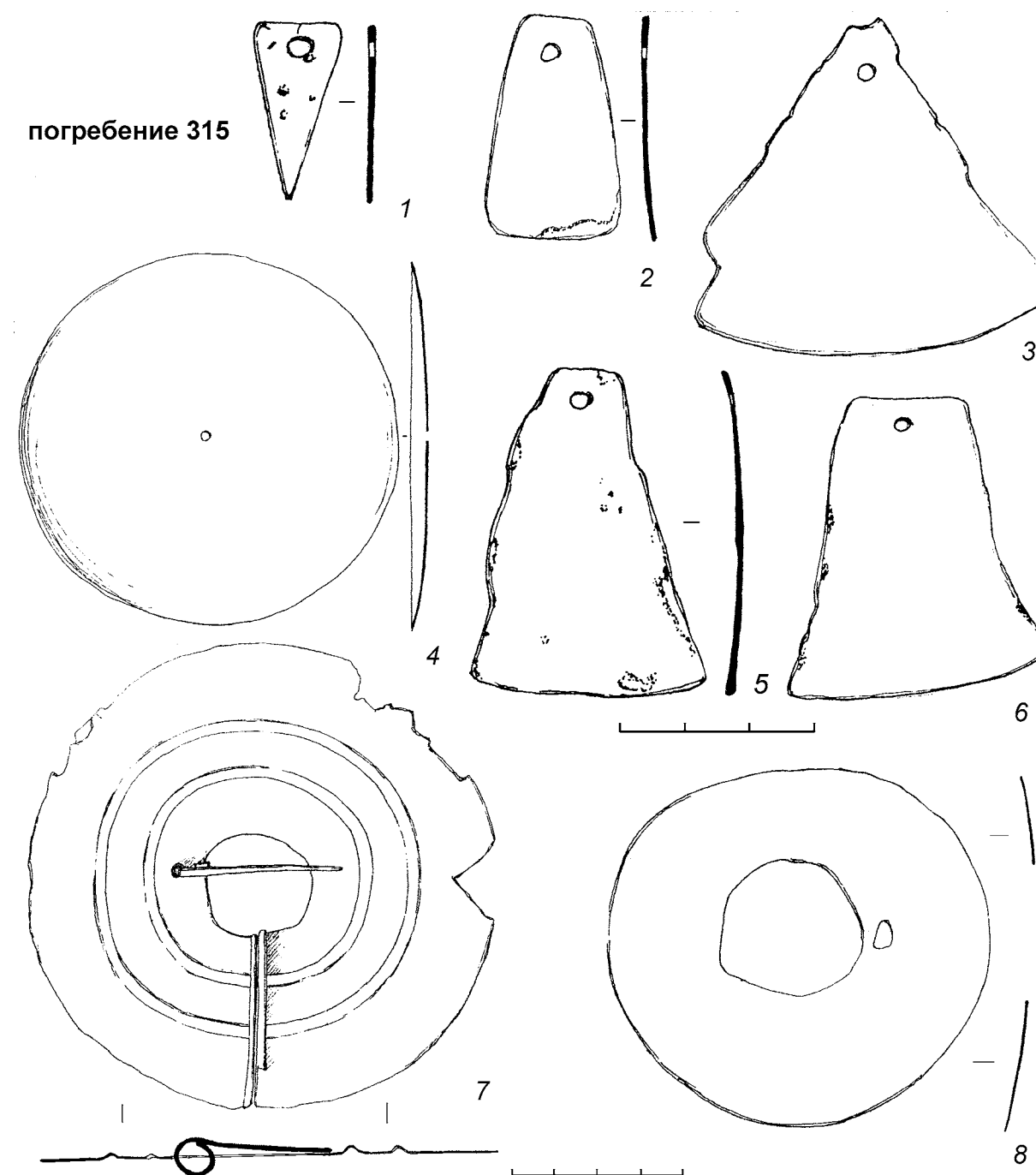

Табл. 42. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированной могилы 315

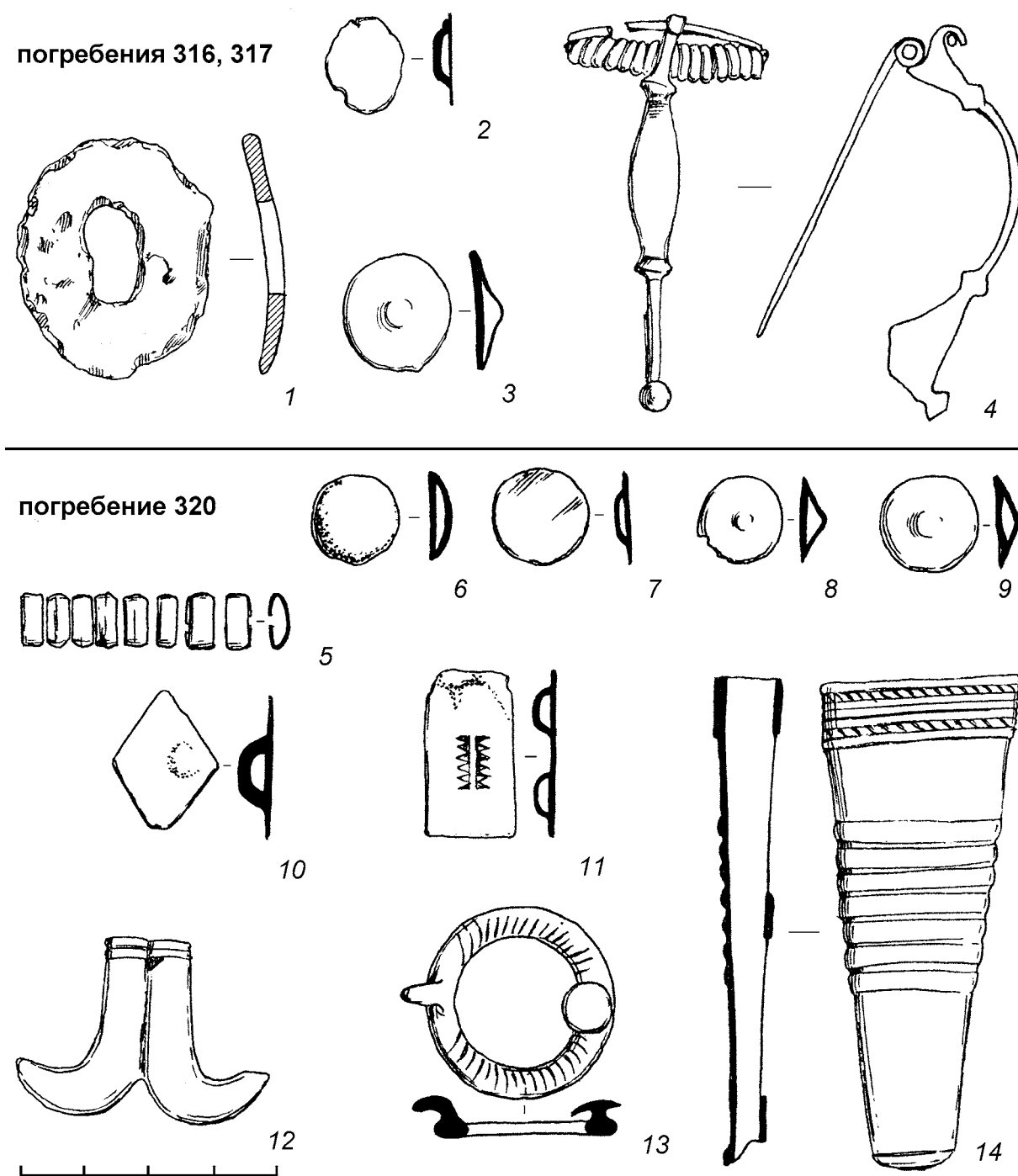

Табл. 43. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированных могил 316, 317, 320

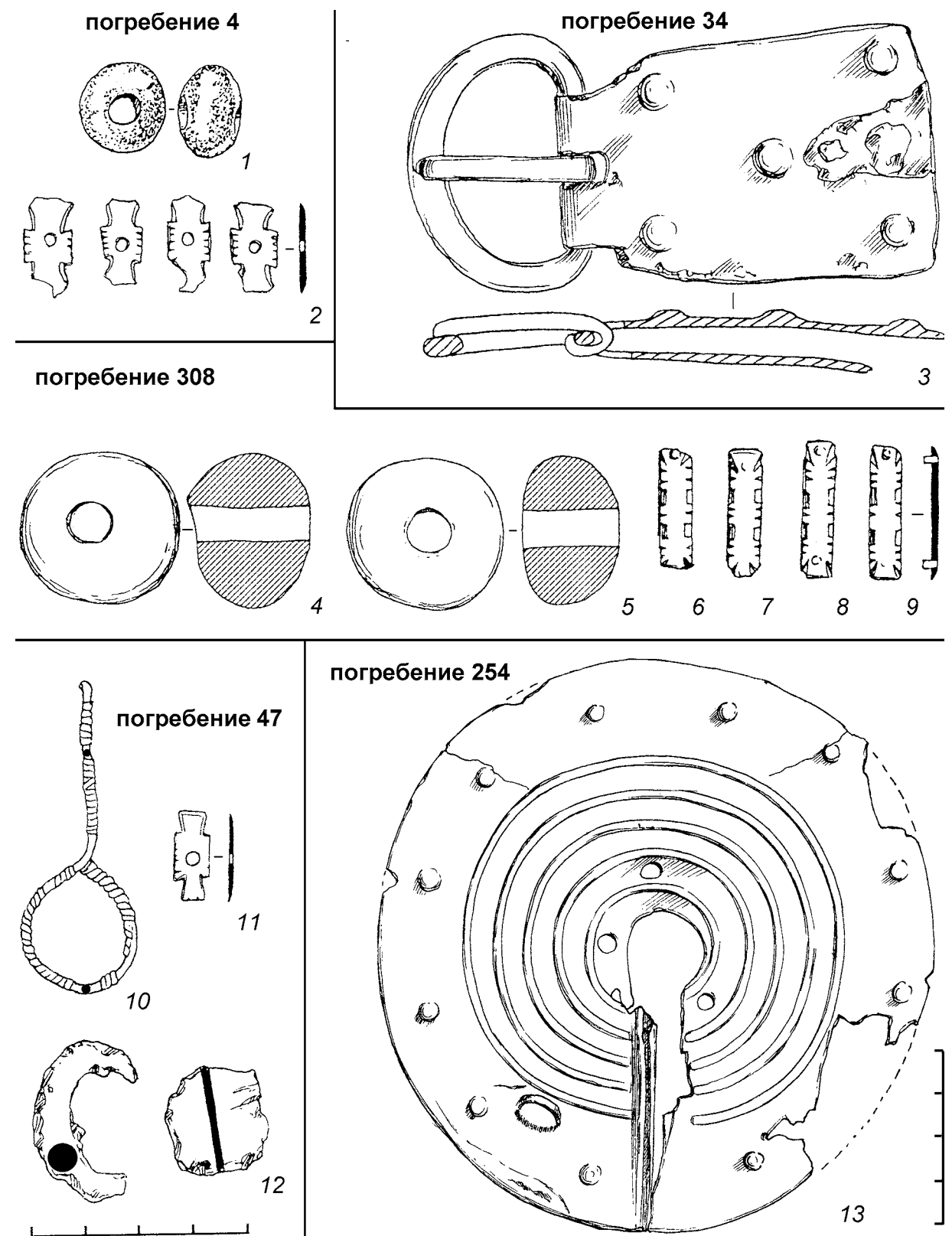

Табл. 44. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированных могил 4, 34, 47, 254, 308

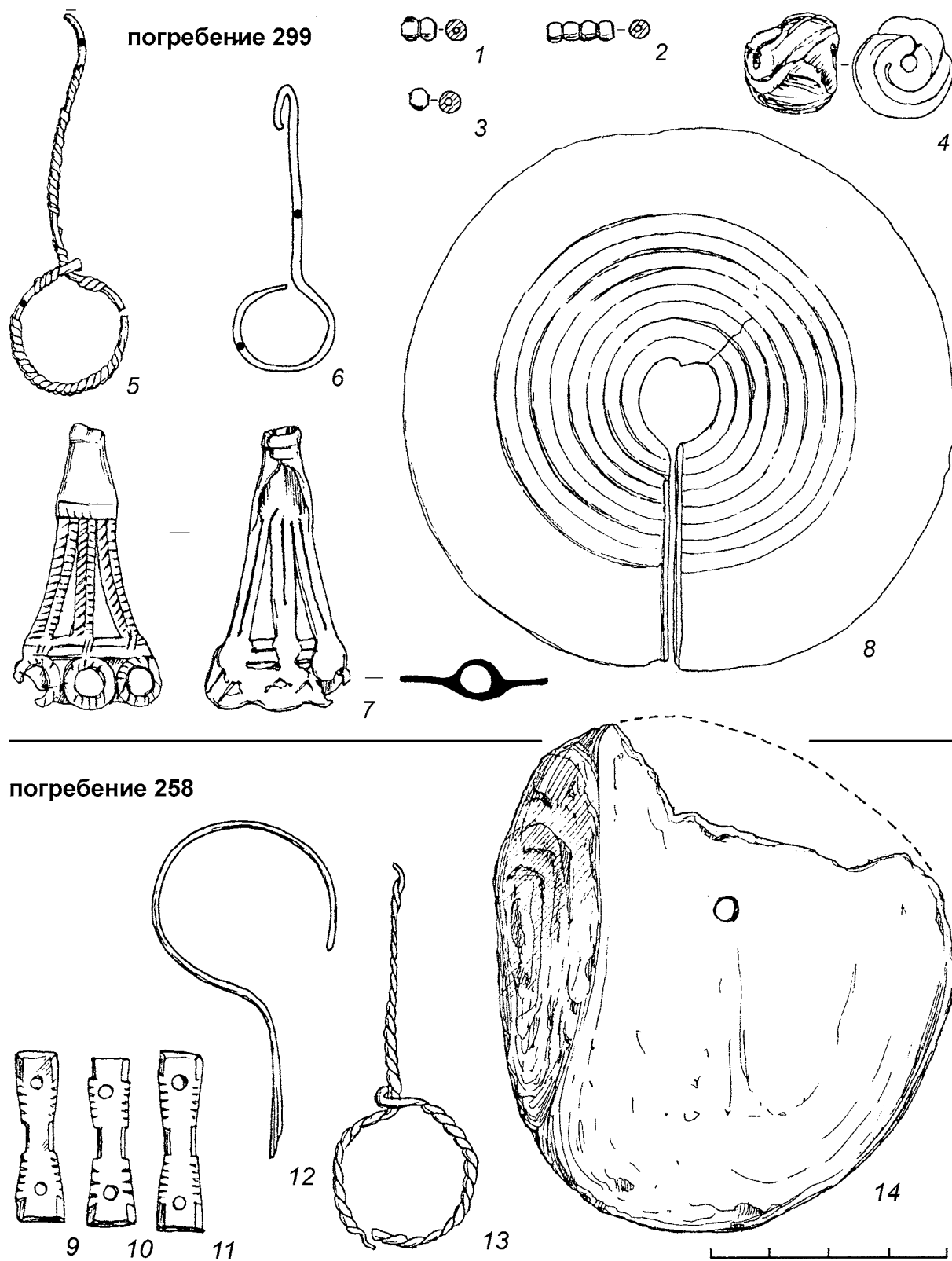

Табл. 45. Ныргындинский I могильник. Вещи из датированных могил 299 и 258

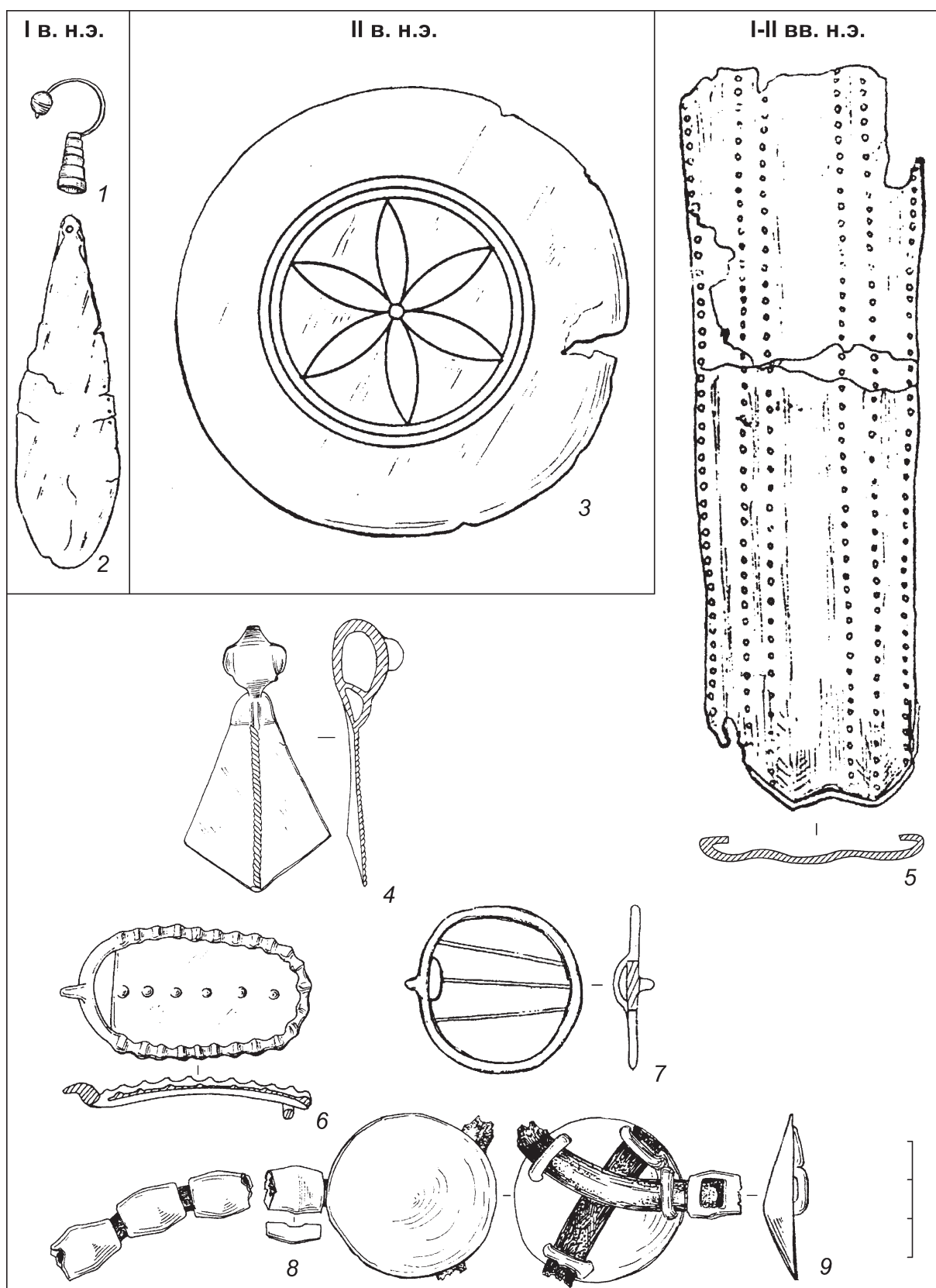

Рис. 1. Хронология погребальных комплексов Красноярского I могильника.
Группы I, II, I-II вв. н.э.

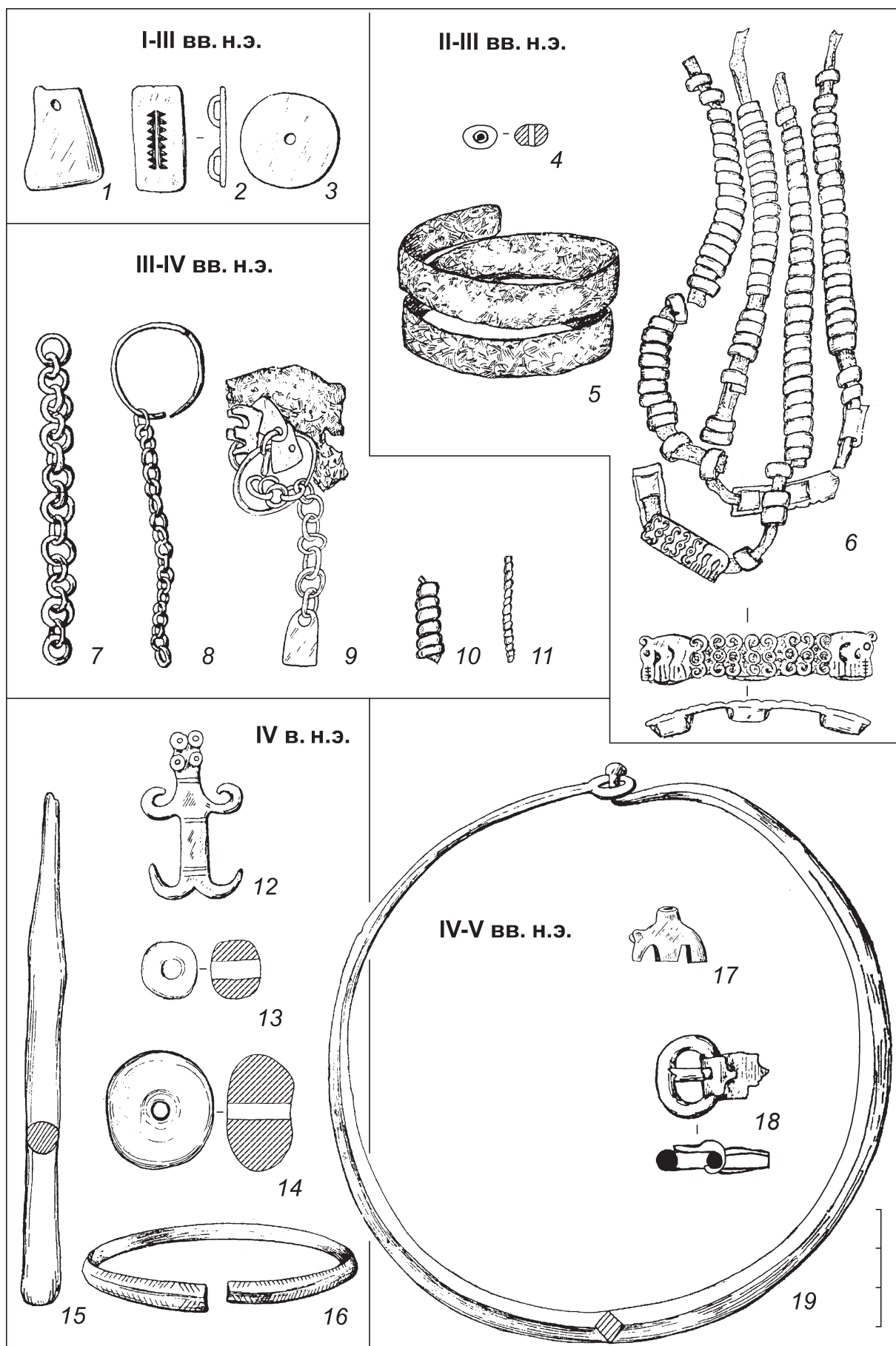

Рис. 2. Хронология погребальных комплексов Красноярского I могильника.
Группы I-III, II-III, III-IV, IV, IV-V вв. н.э.

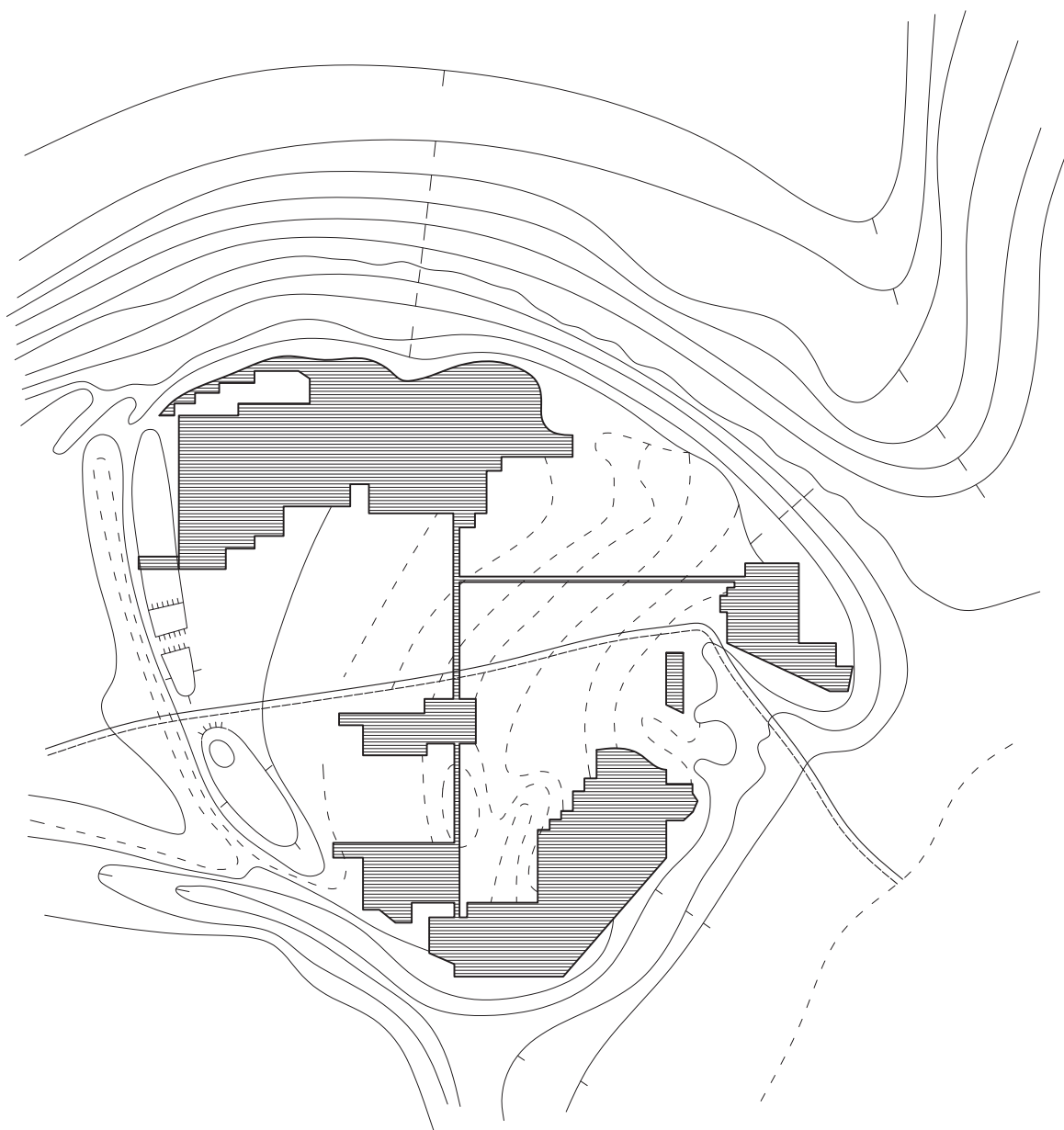

Рис. 1. Топографический план Зуевключевского I городища

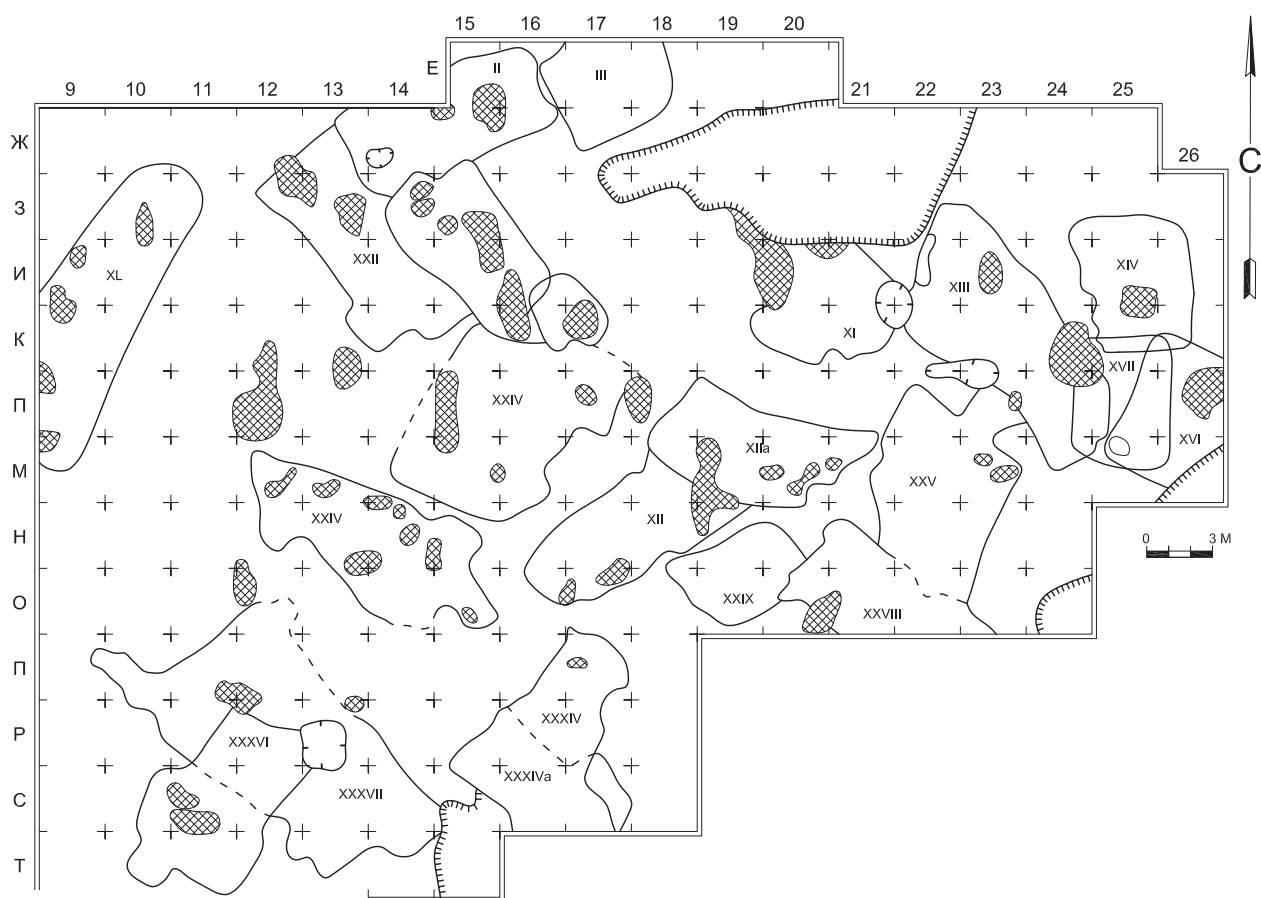
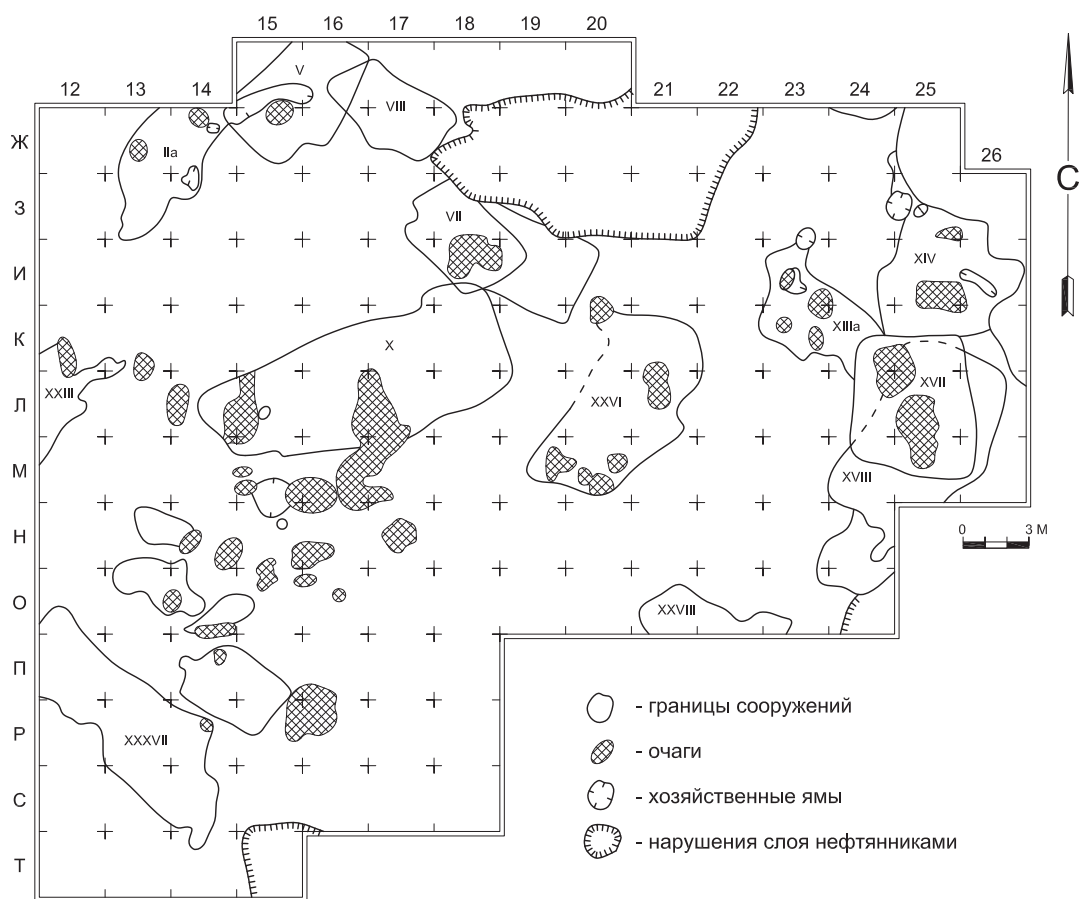

Рис. 2. План расположения сооружений в позднеананьинском слое (северный раскоп Е.М.Черных): 1 – сооружения нижнего горизонта; 2 – сооружения верхнего горизонта

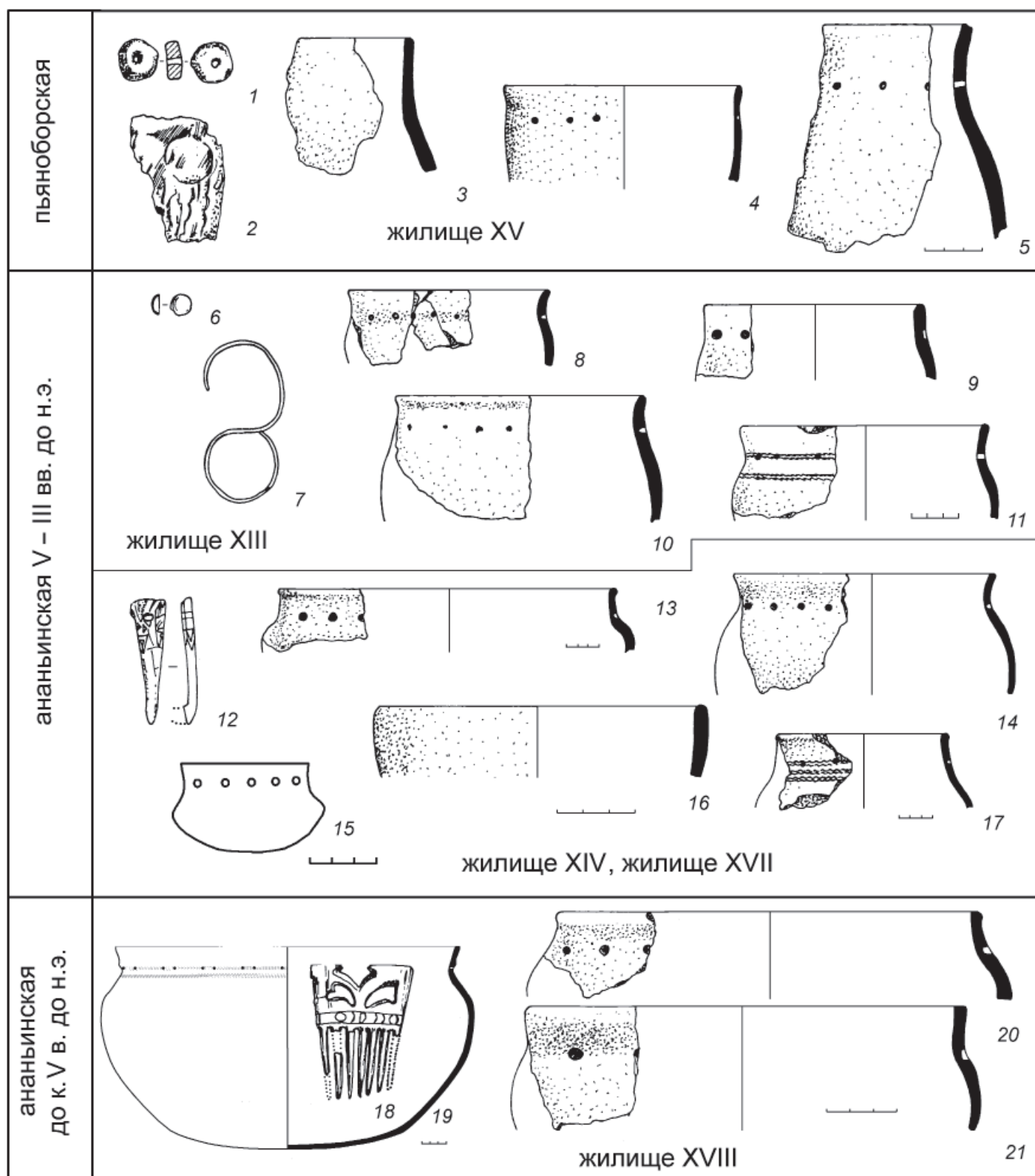

Рис. 3. Хроностратиграфия комплексов материальной культуры городища (раскоп XVIII)

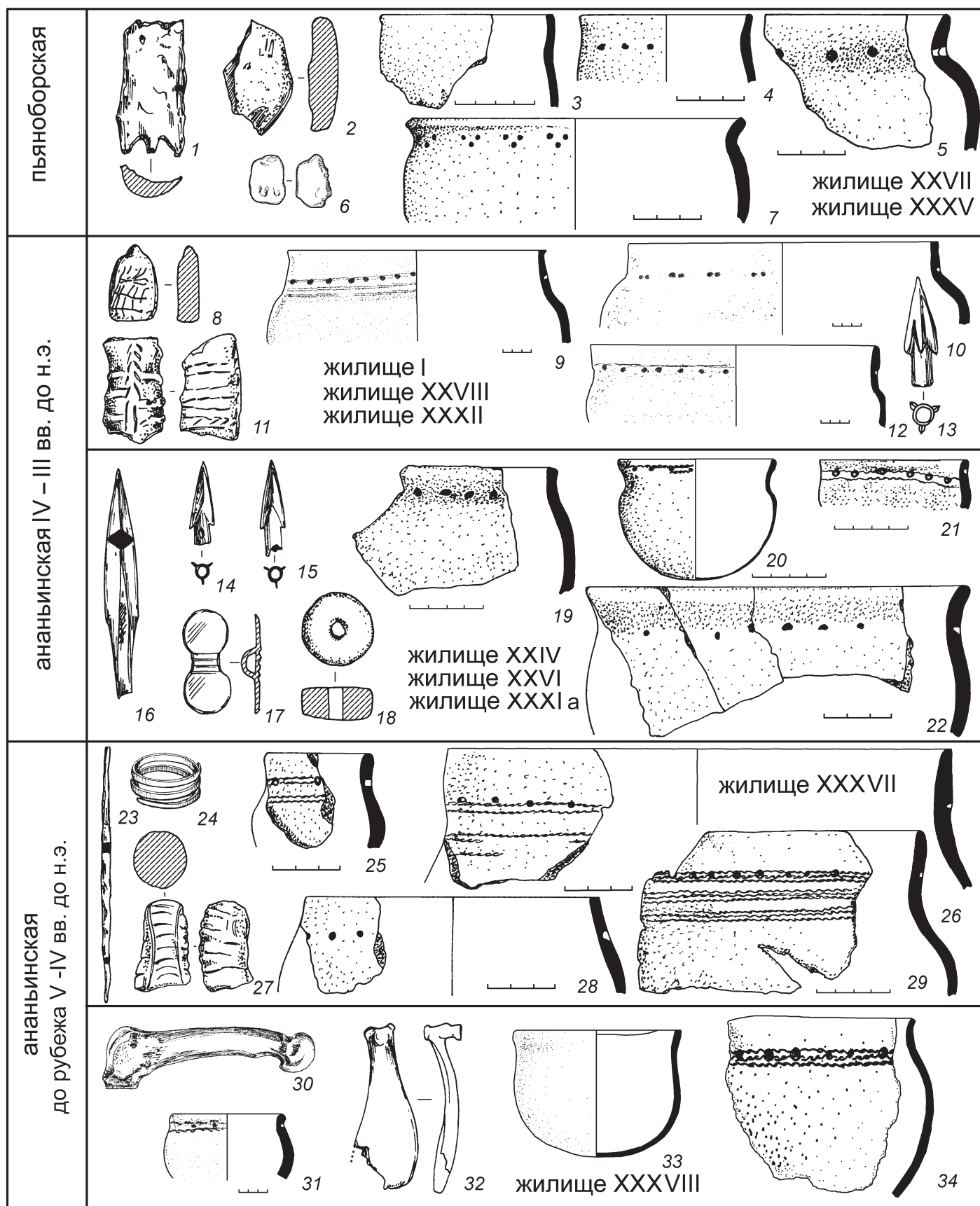

Рис. 4. Хроностратиграфия комплексов материальной культуры городища
(раскопы XXIII и XXVI)

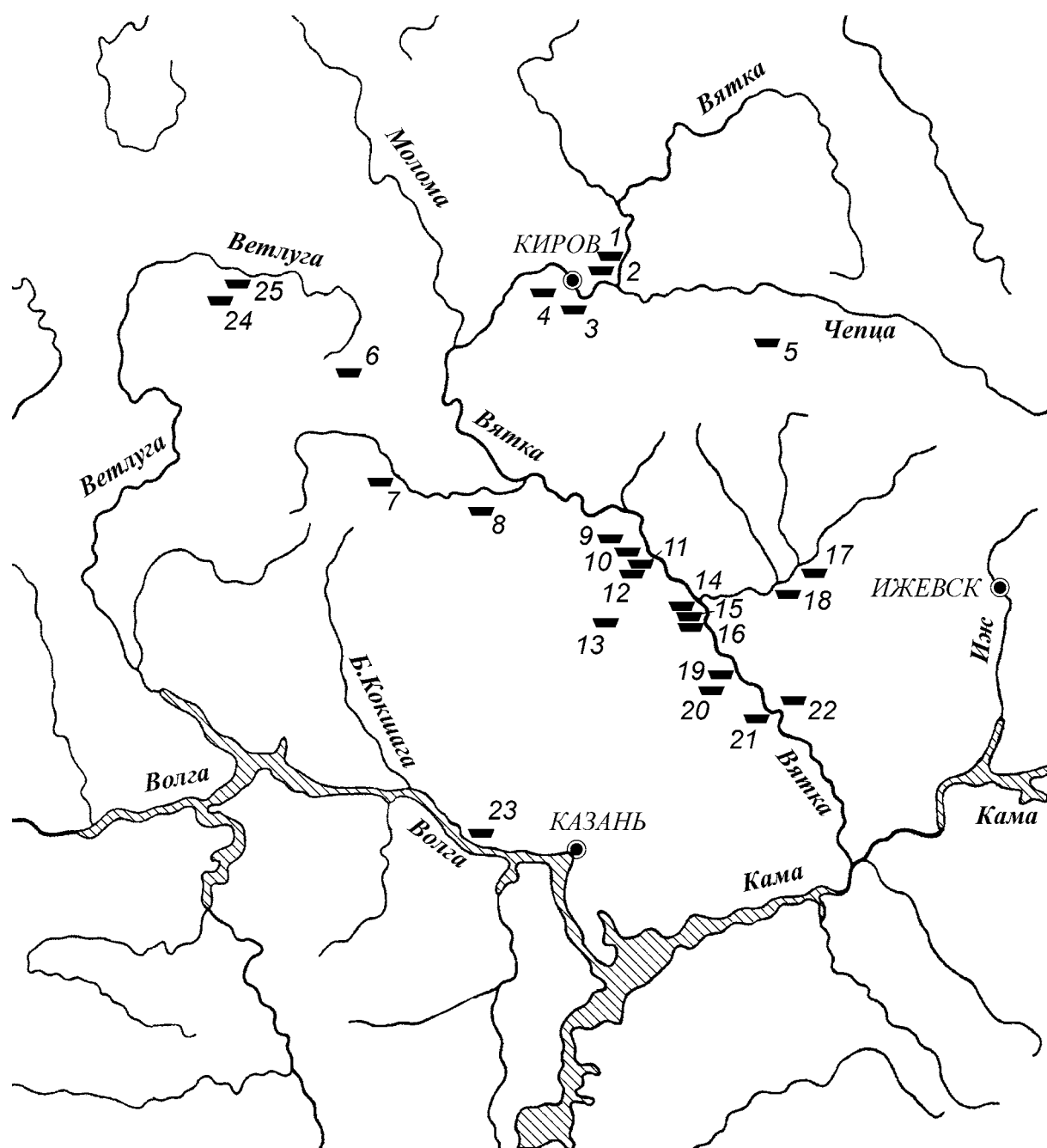

Рис. 1. Карта-схема погребальных памятников I – начала II тыс. н.э. в бассейне р.Вятки: 1. Первомайский могильник, 2. Концовский могильник, 3. Вятский могильник, 4. Стрижевский могильник, 5. Городищенский могильник, 6. Юмский могильник, 7. Худяковский могильник, 8. Кочергинский могильник, 9. Суворовский могильник, 10. Ошкинский могильник, 11. Красный ключ могильник, 12. Уржумский могильник, 13. Лопьяльский могильник, 14. Тюм-Тюмский могильник, 15. Воробьевский могильник, 16. Хлюпинский могильник, 17. Тат-Боярский могильник, 18. Вичмарский могильник, 19. Сунцевский могильник, 20. Азелинский могильник, 21. Атамановы Кости могильник, 22. Кordon могильник, 23. Мари-Луговской могильник, 24. Веселовский могильник, 25. Черемисское кладбище

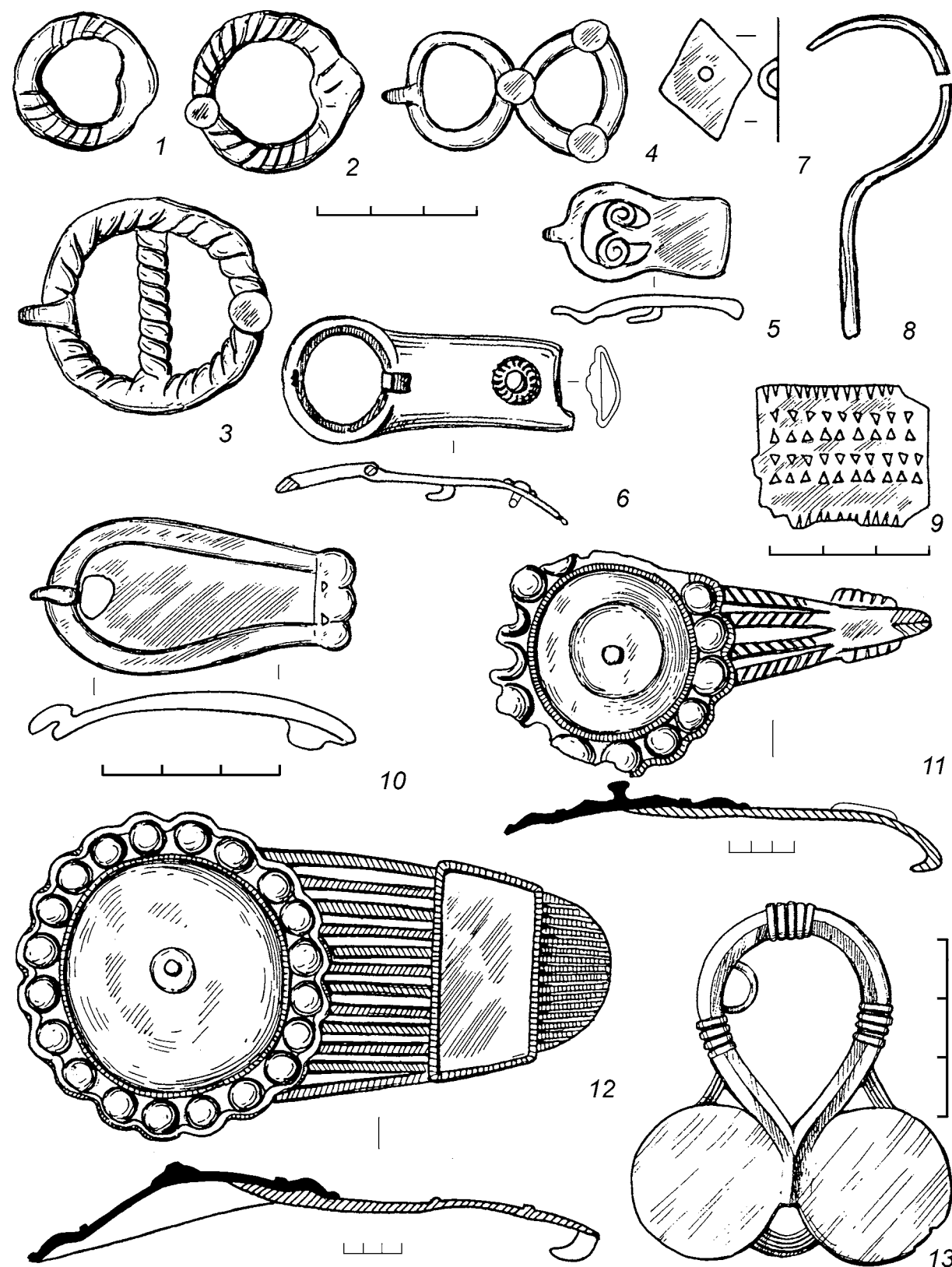

Рис. 2. Предметы хронологического периода конца I-II вв.

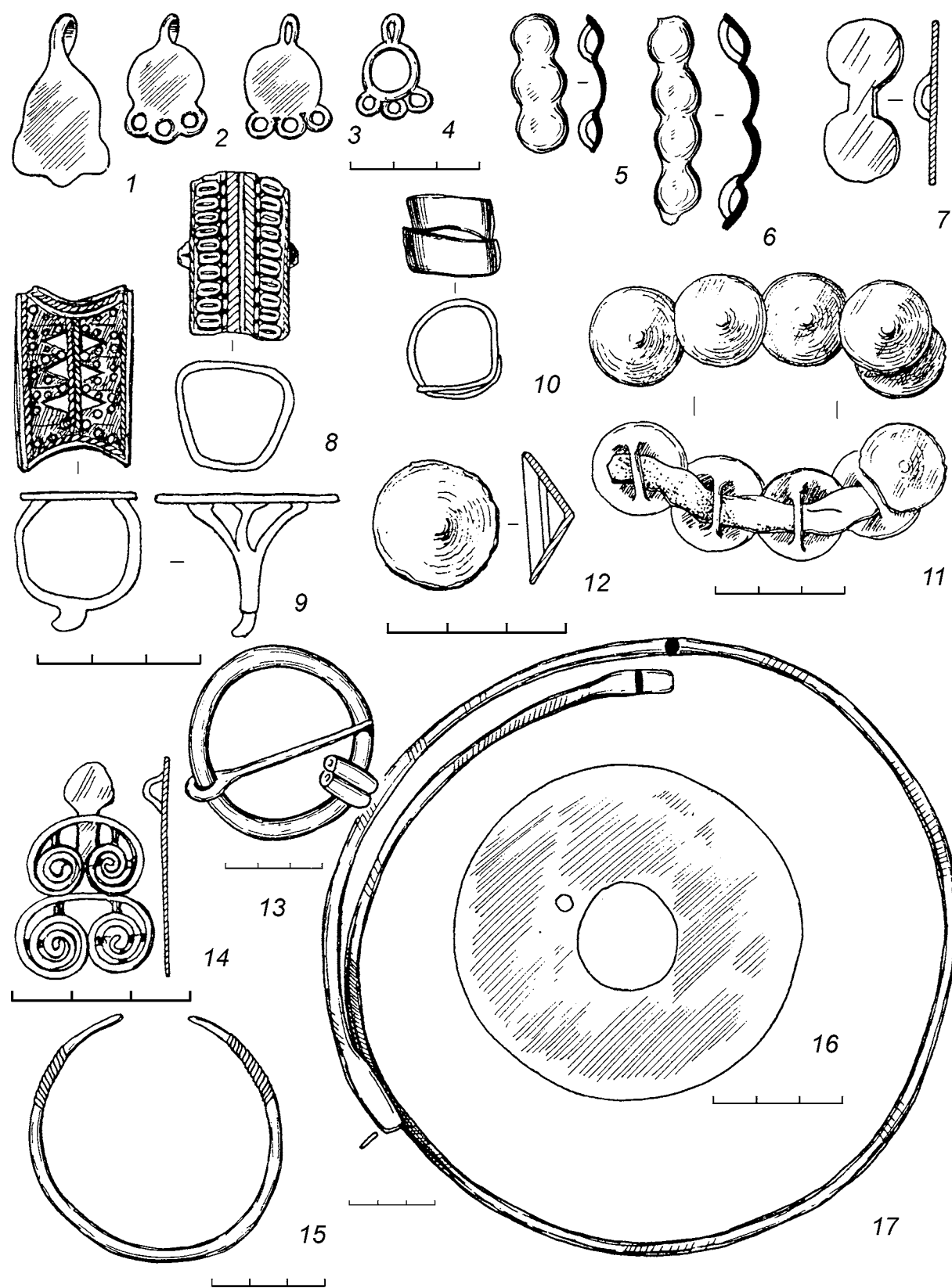

Рис. 3. Предметы хронологического периода конца I-II вв.

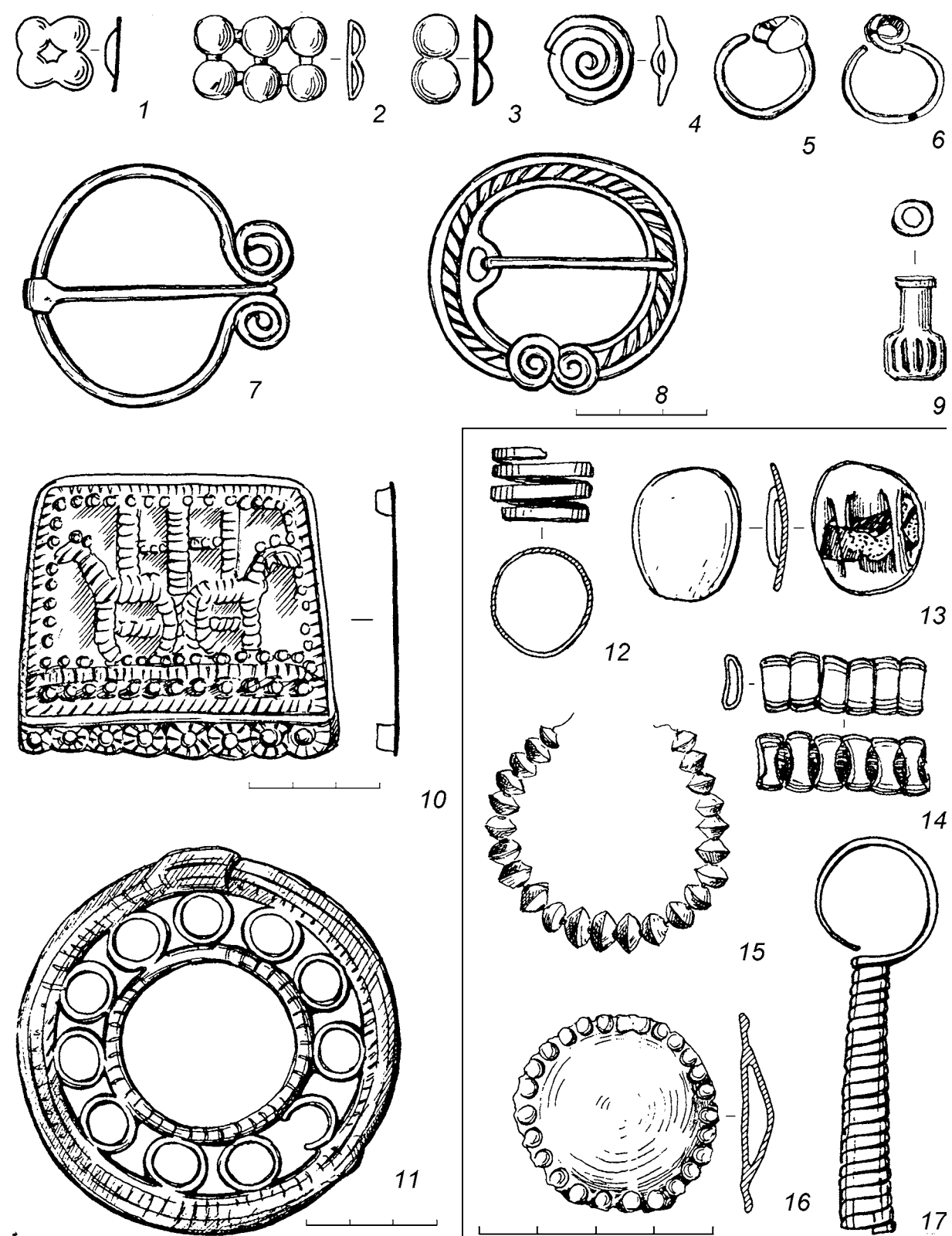

Рис. 4. Предметы хронологических периодов: А – конец II – начало III в.; Б – конец I – начало III в.

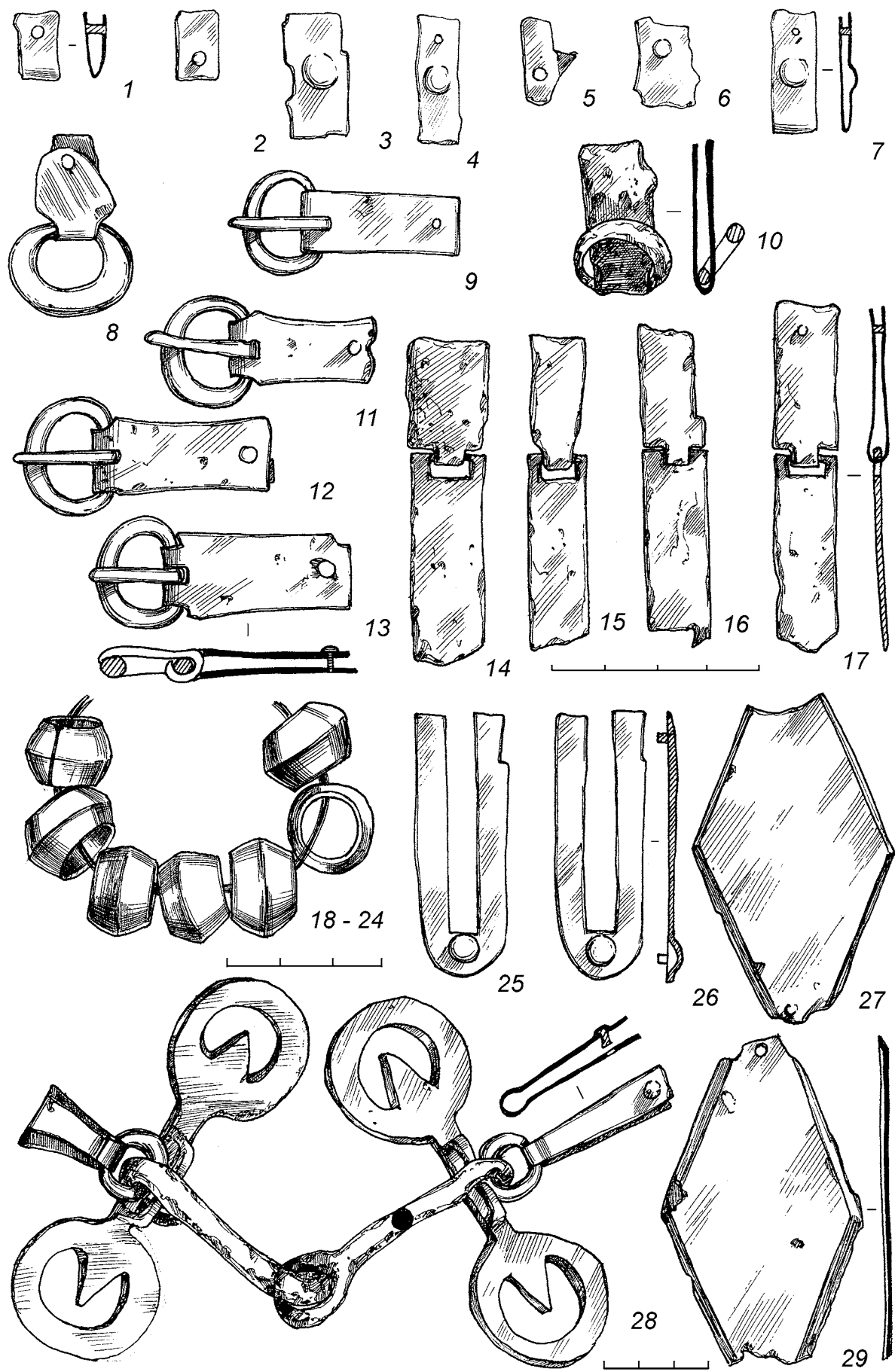

Рис. 5. Предметы хронологического периода III в. (узdechный набор)

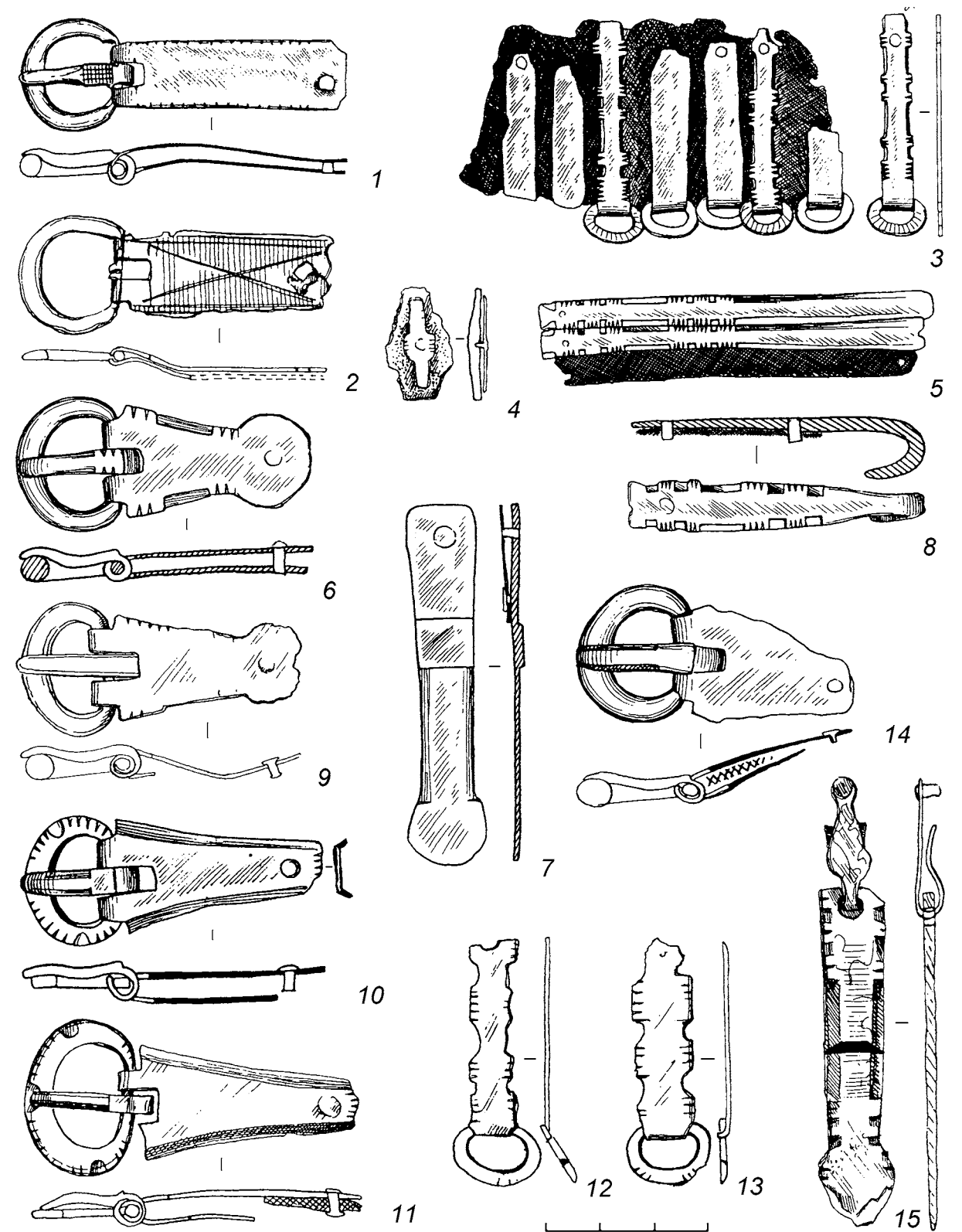

Рис. 6. Предметы хронологического периода III в. (ременные наборы)

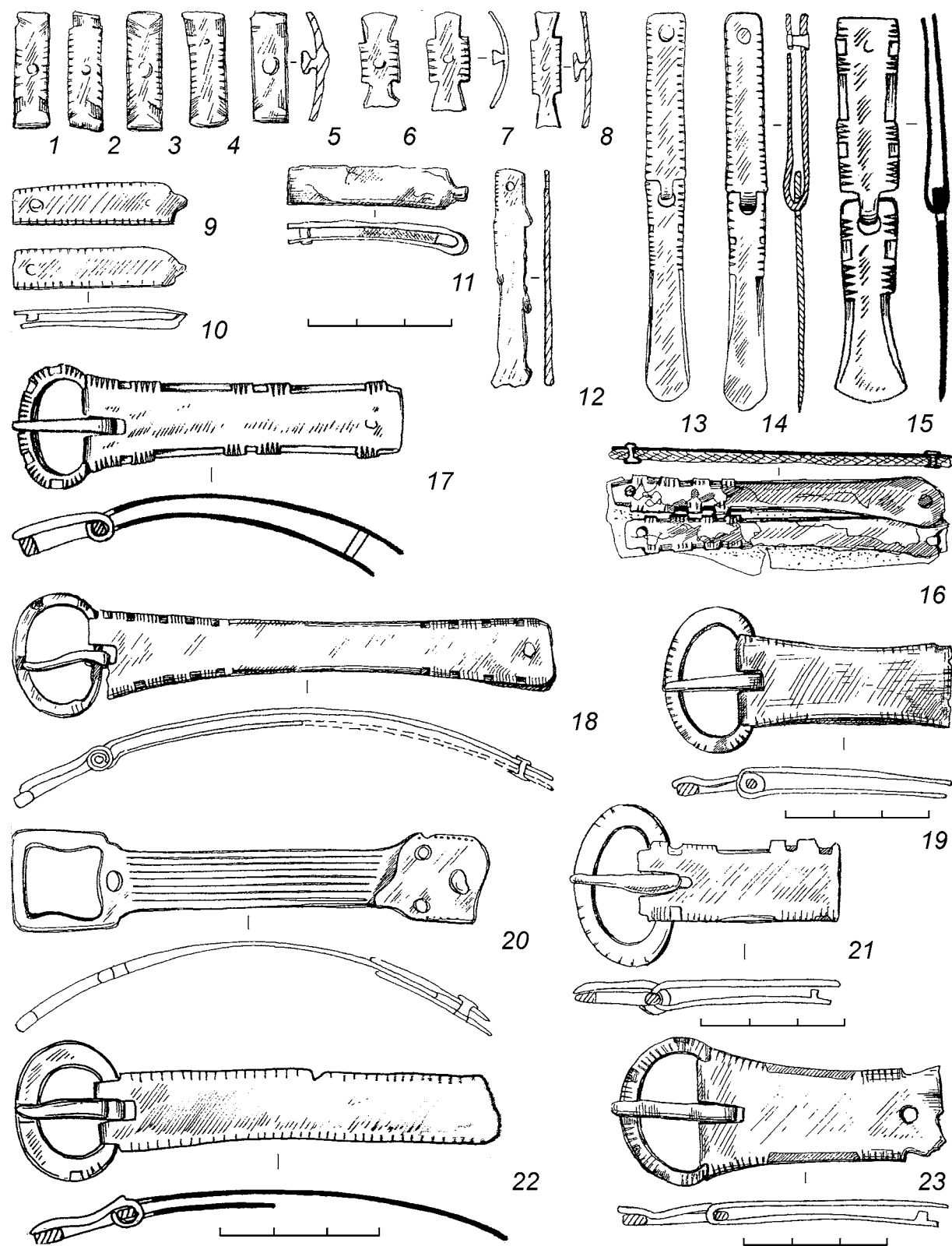

Рис. 7. Предметы хронологического периода III в. (ременные наборы)

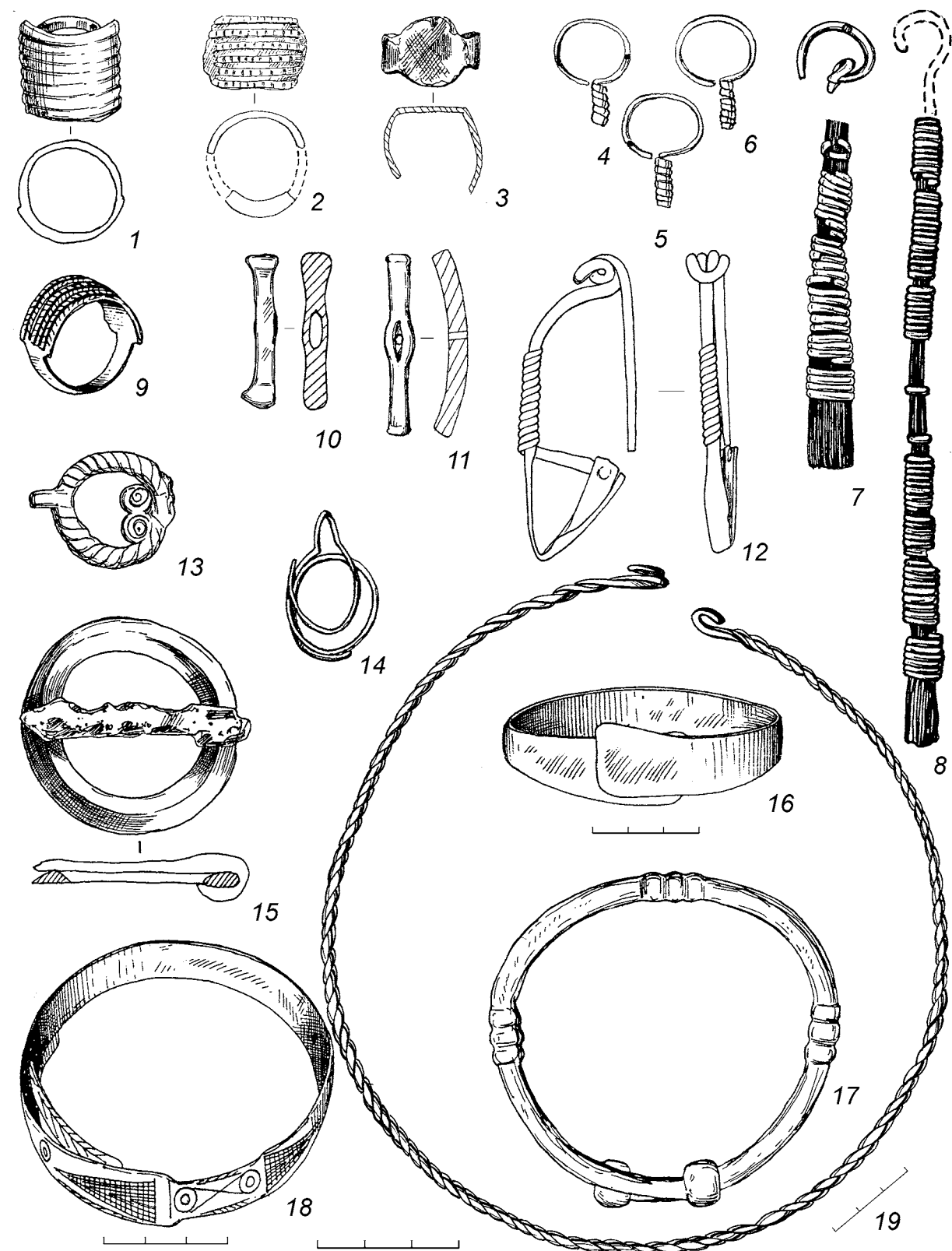

Рис. 8. Предметы хронологического периода III в.

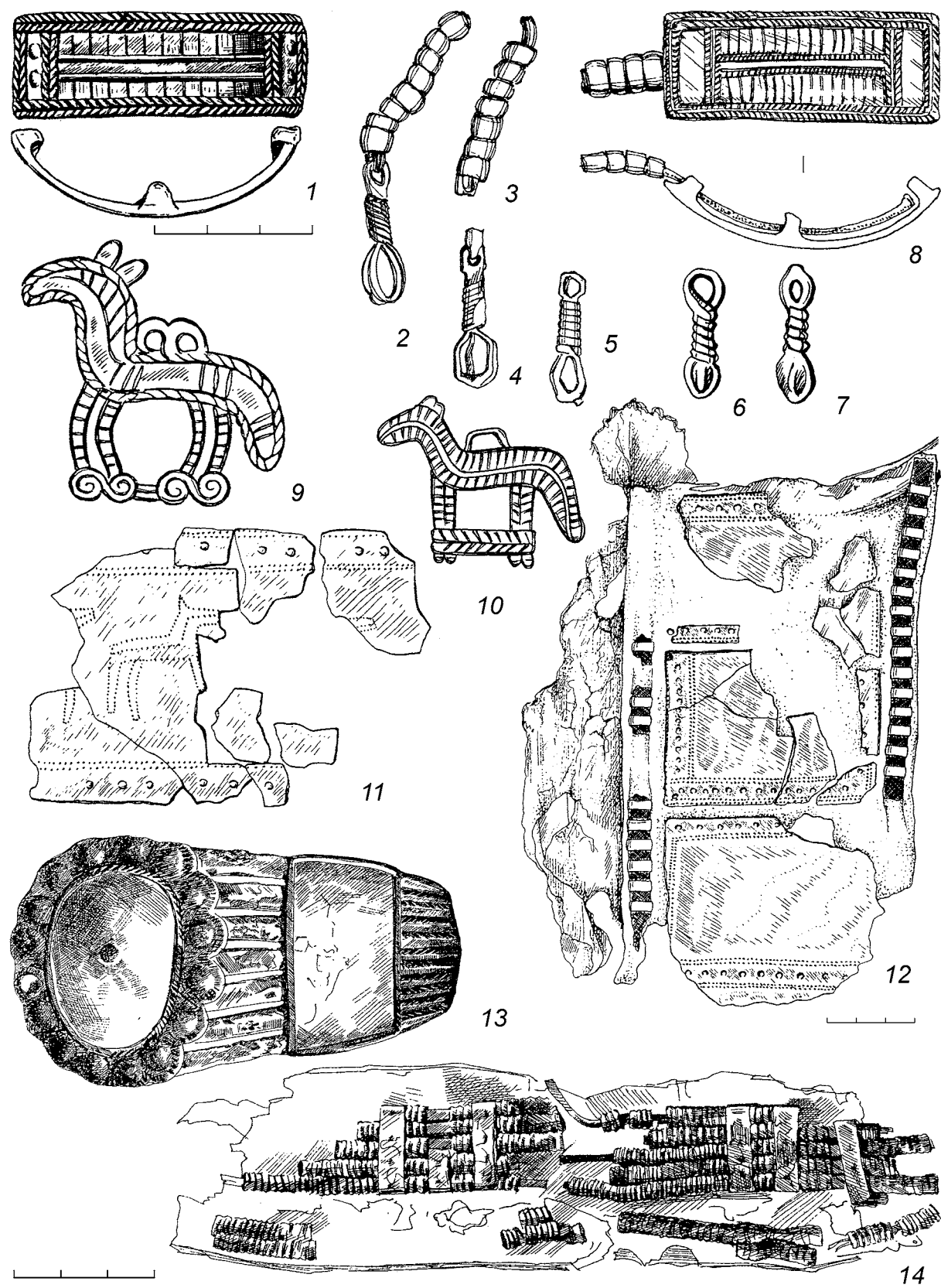

Рис. 9. Предметы хронологического периода III в.

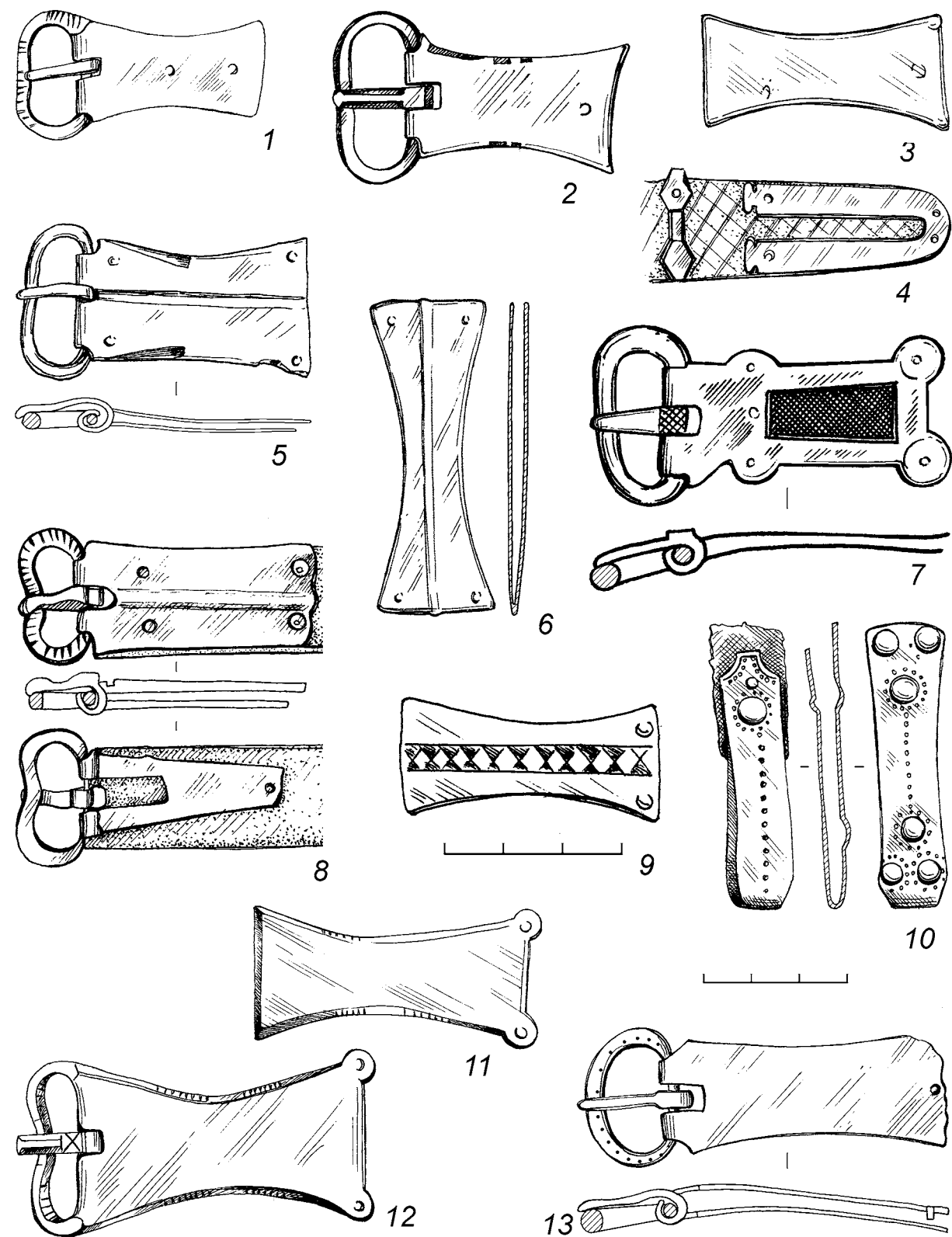

Рис. 10. Предметы хронологического периода IV в. (поясной набор)

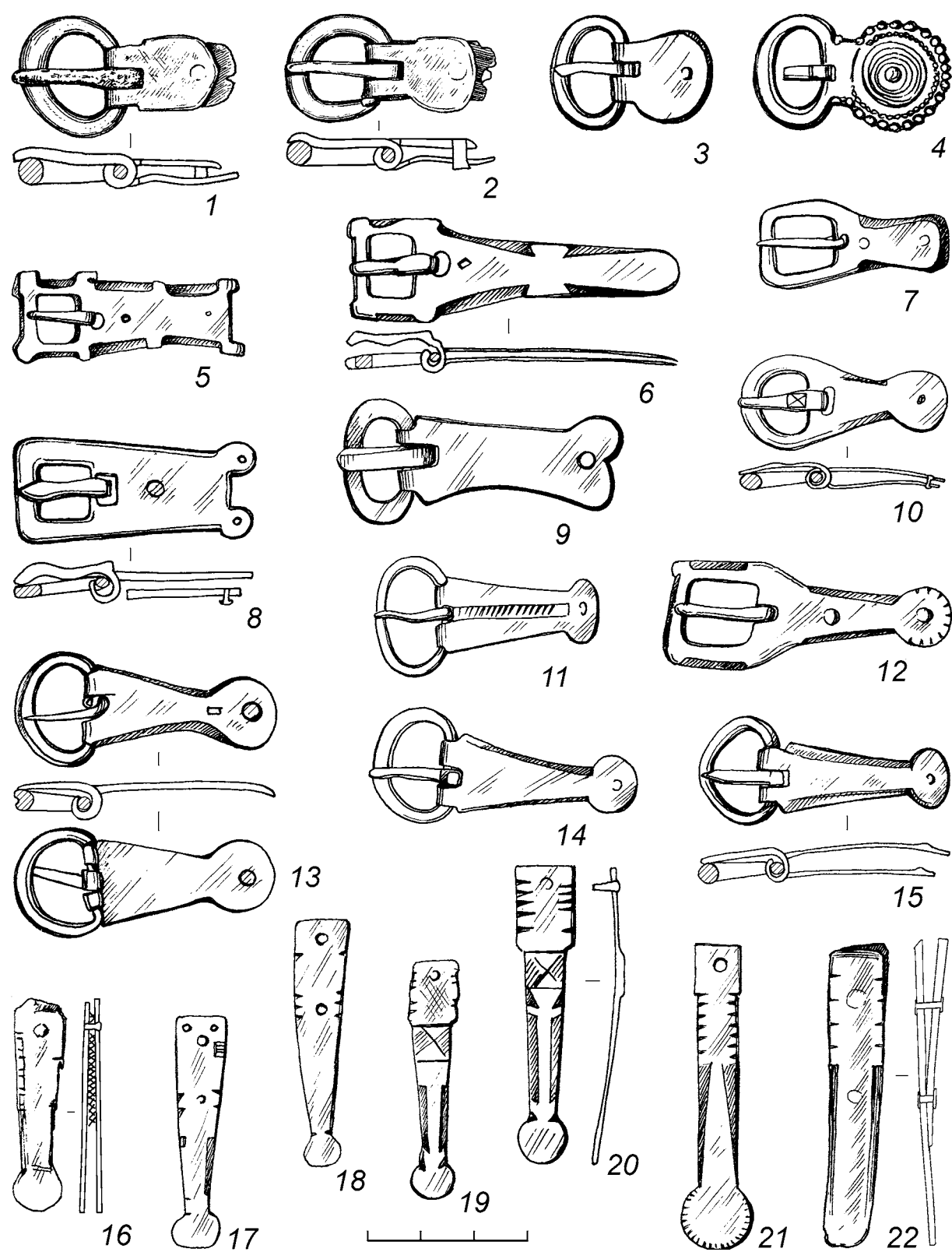

Рис. 11. Предметы хронологического периода IV в. (ременные наборы)

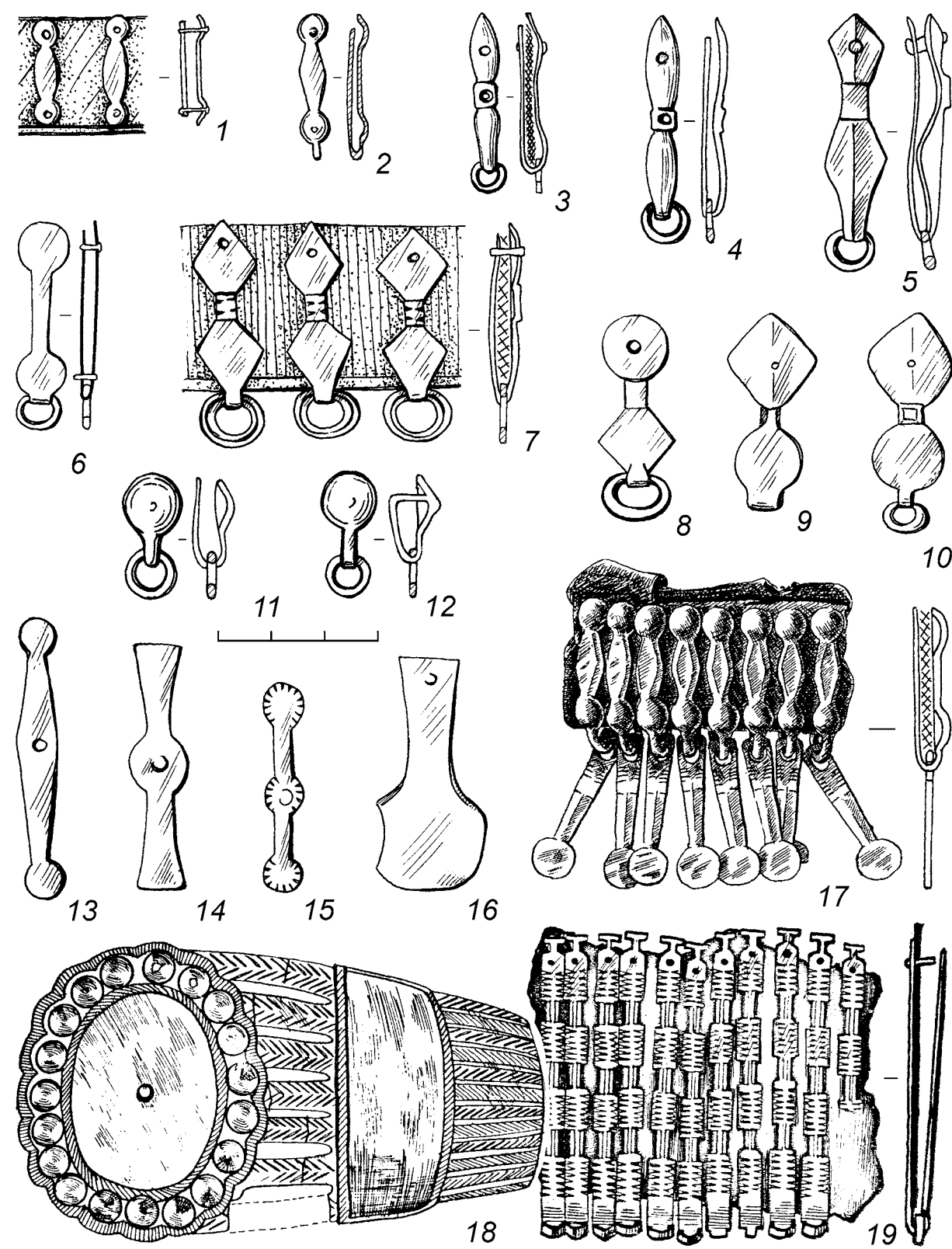

Рис. 12. Предметы хронологического периода IV в. (ременные наборы)

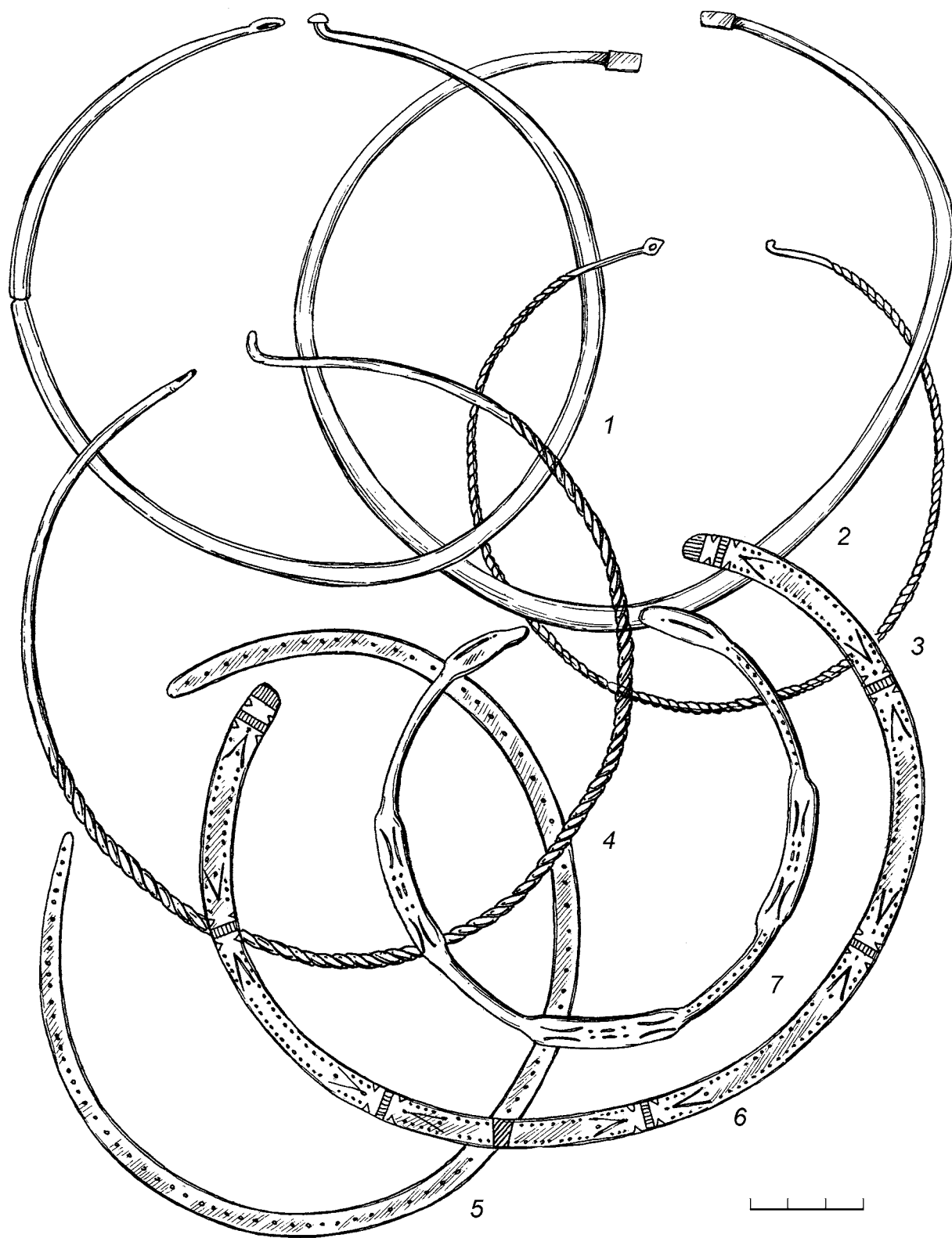

Рис. 13. Предметы хронологического периода IV в. (гривны)

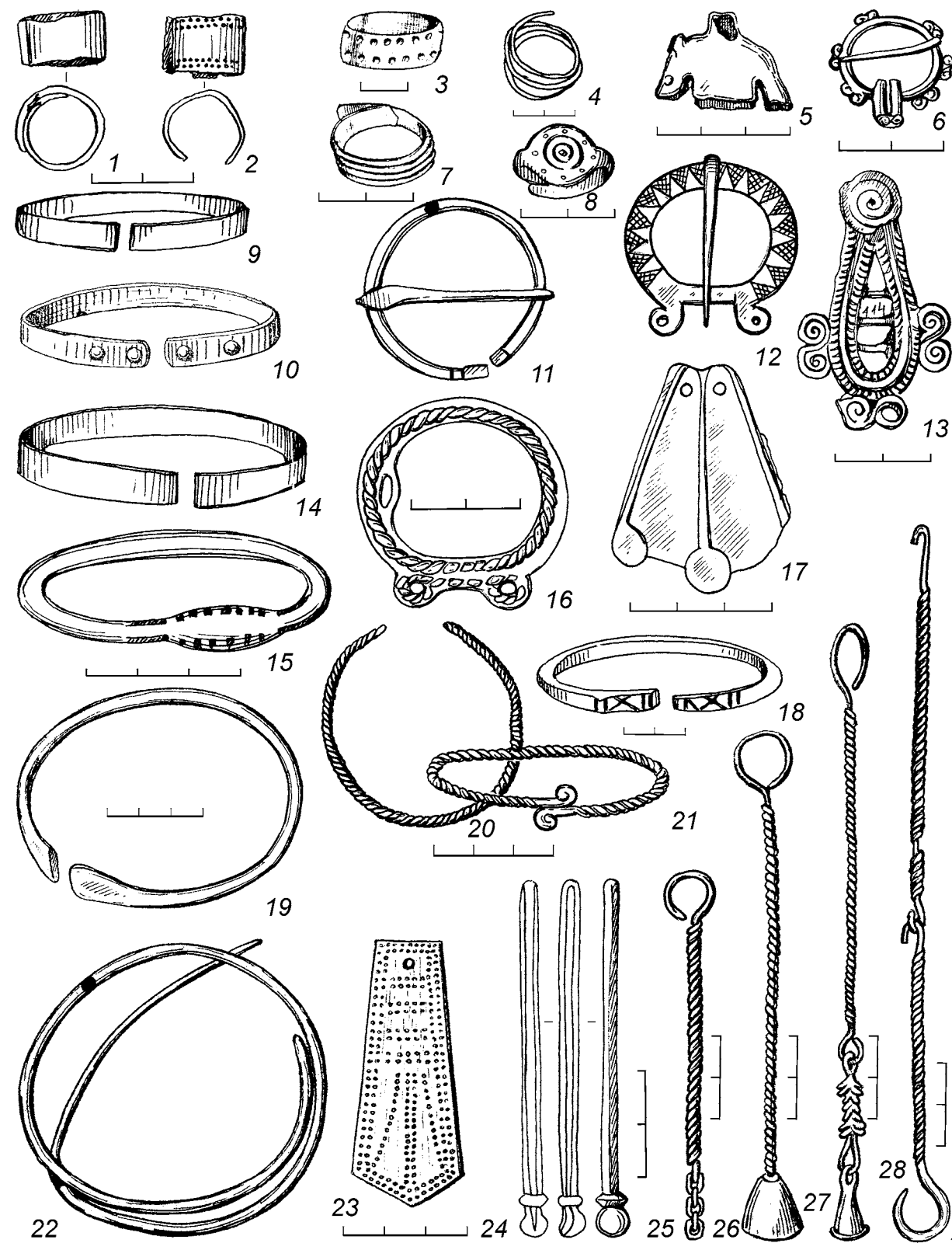

Рис. 14. Предметы хронологического периода IV в.

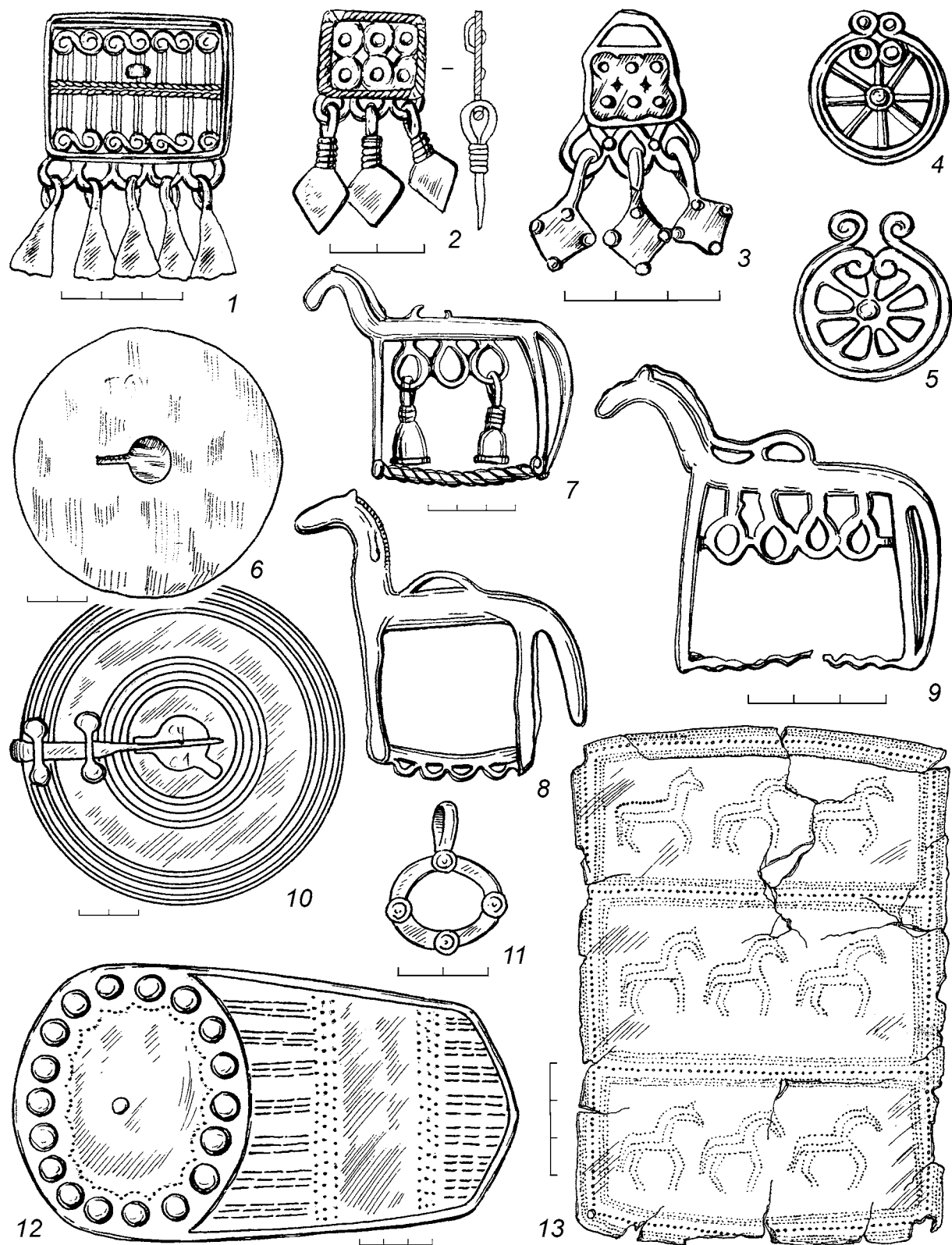

Рис. 15. Предметы хронологического периода IV в.

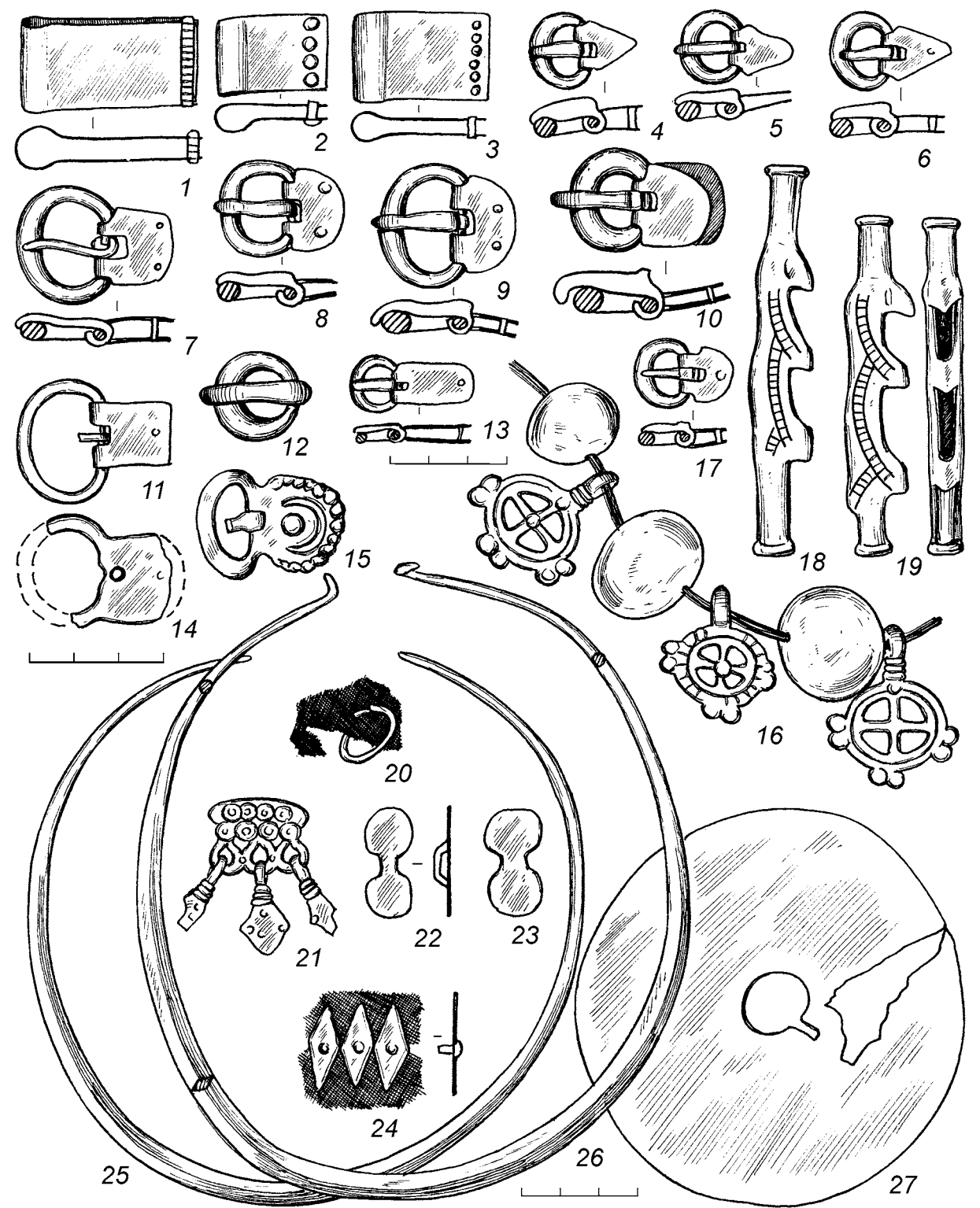

Рис. 16. Предметы хронологического периода конца IV-V вв.

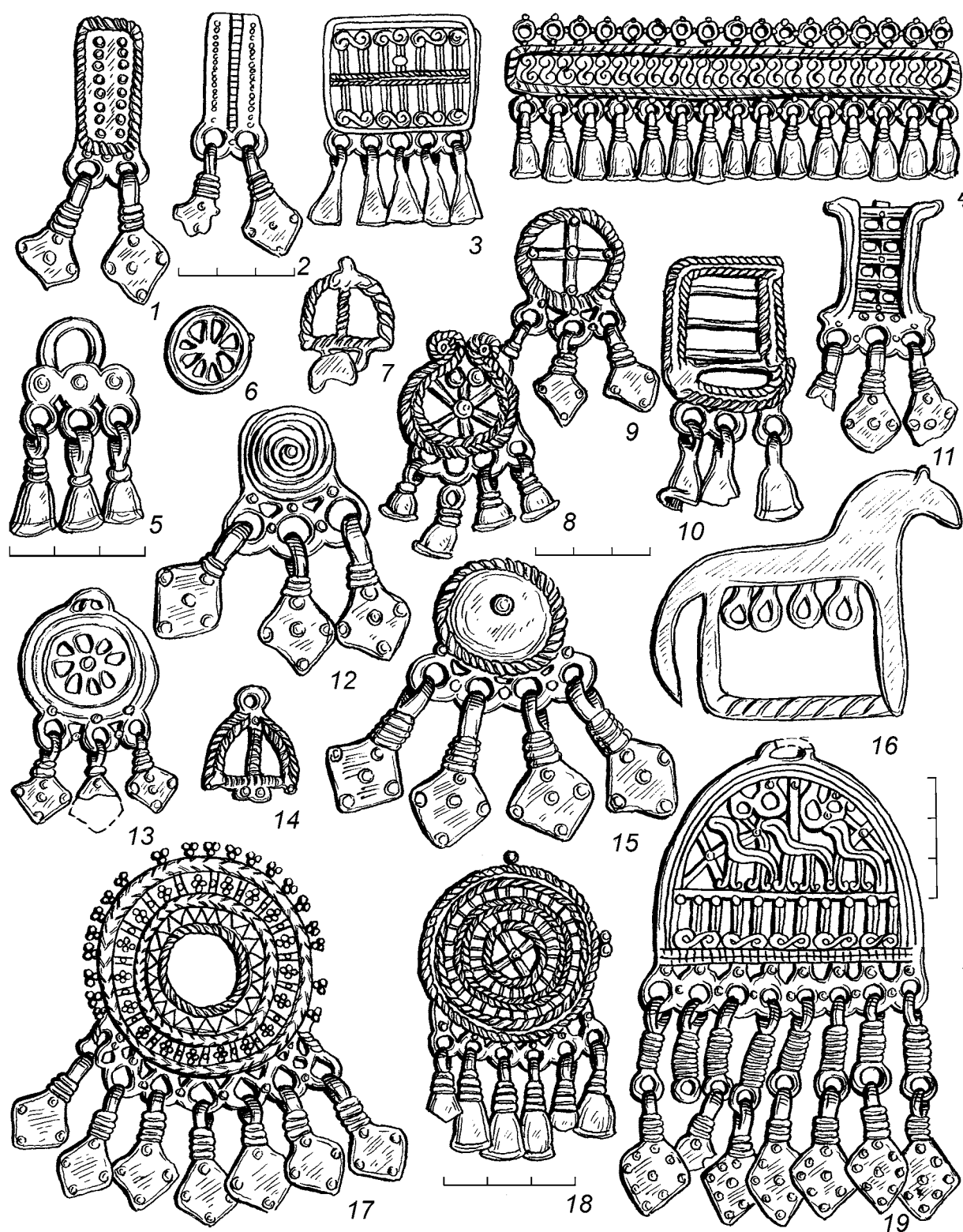

Рис. 17. Предметы хронологического периода конца IV-V вв.

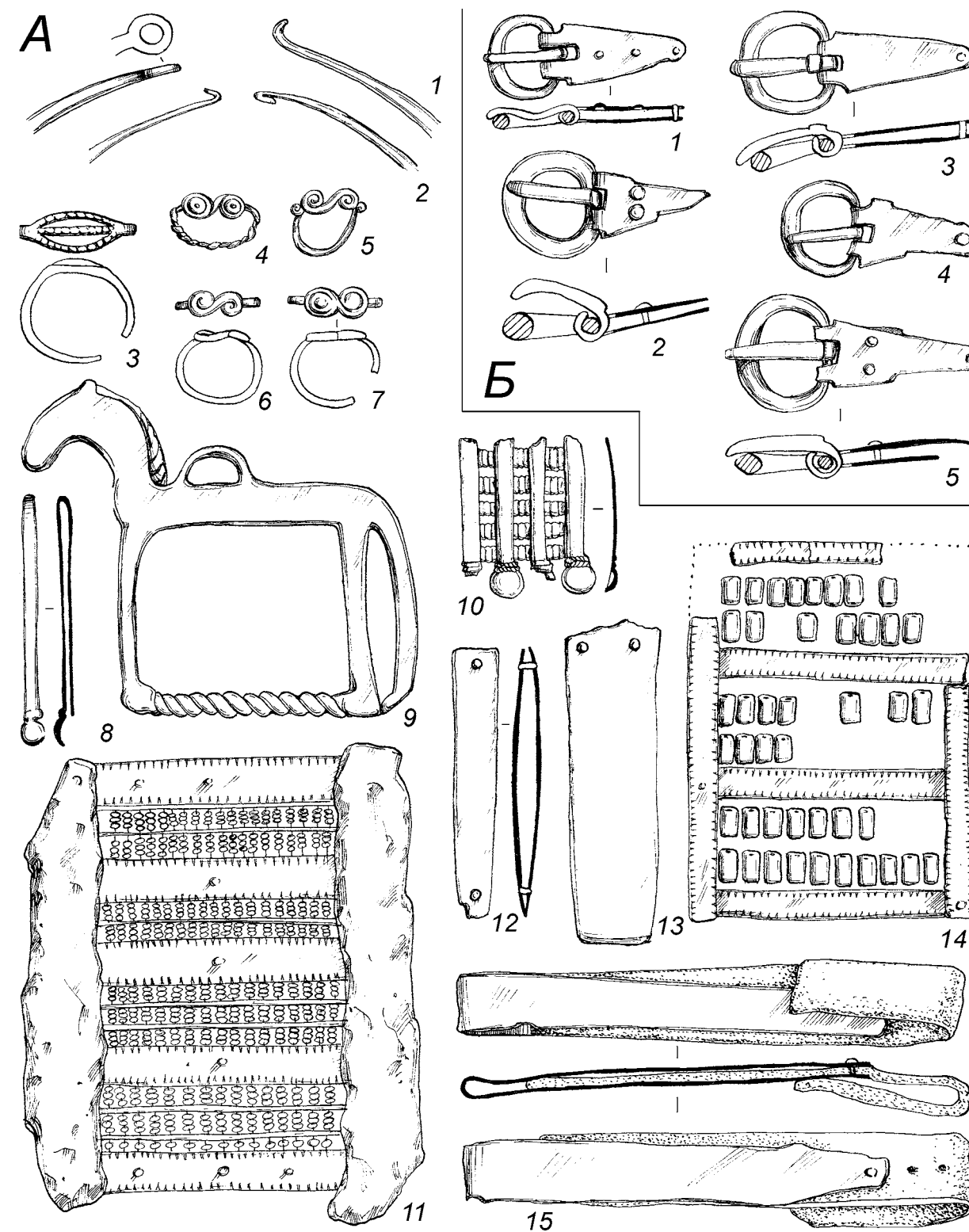

Рис. 18. Предметы хронологических периодов: А – IV-V вв.; Б – V-VI вв.

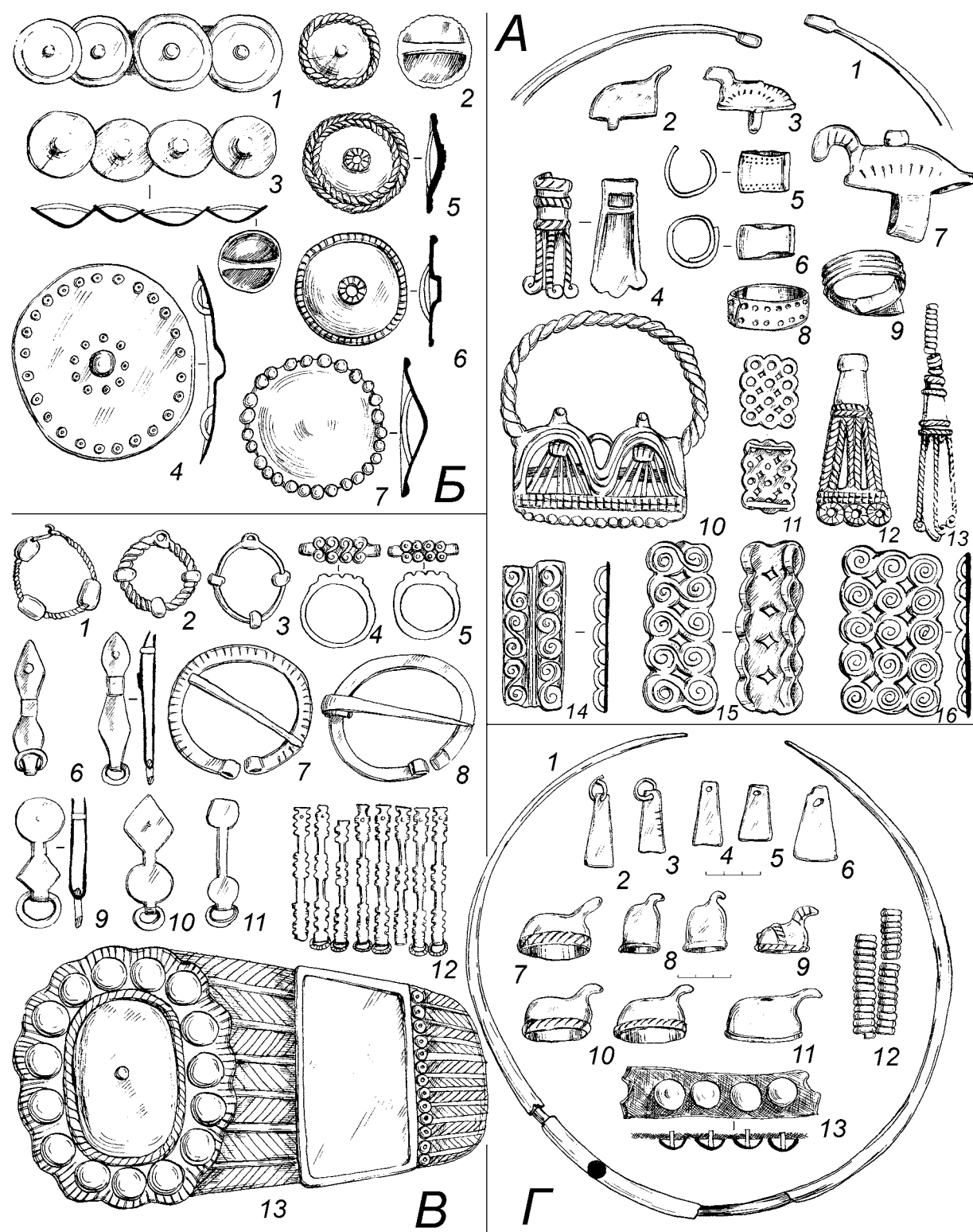

Рис. 19. Предметы хронологических периодов: А – II-IV вв.; Б – II-V вв.; В – III-V вв.; Г – II-VII вв.

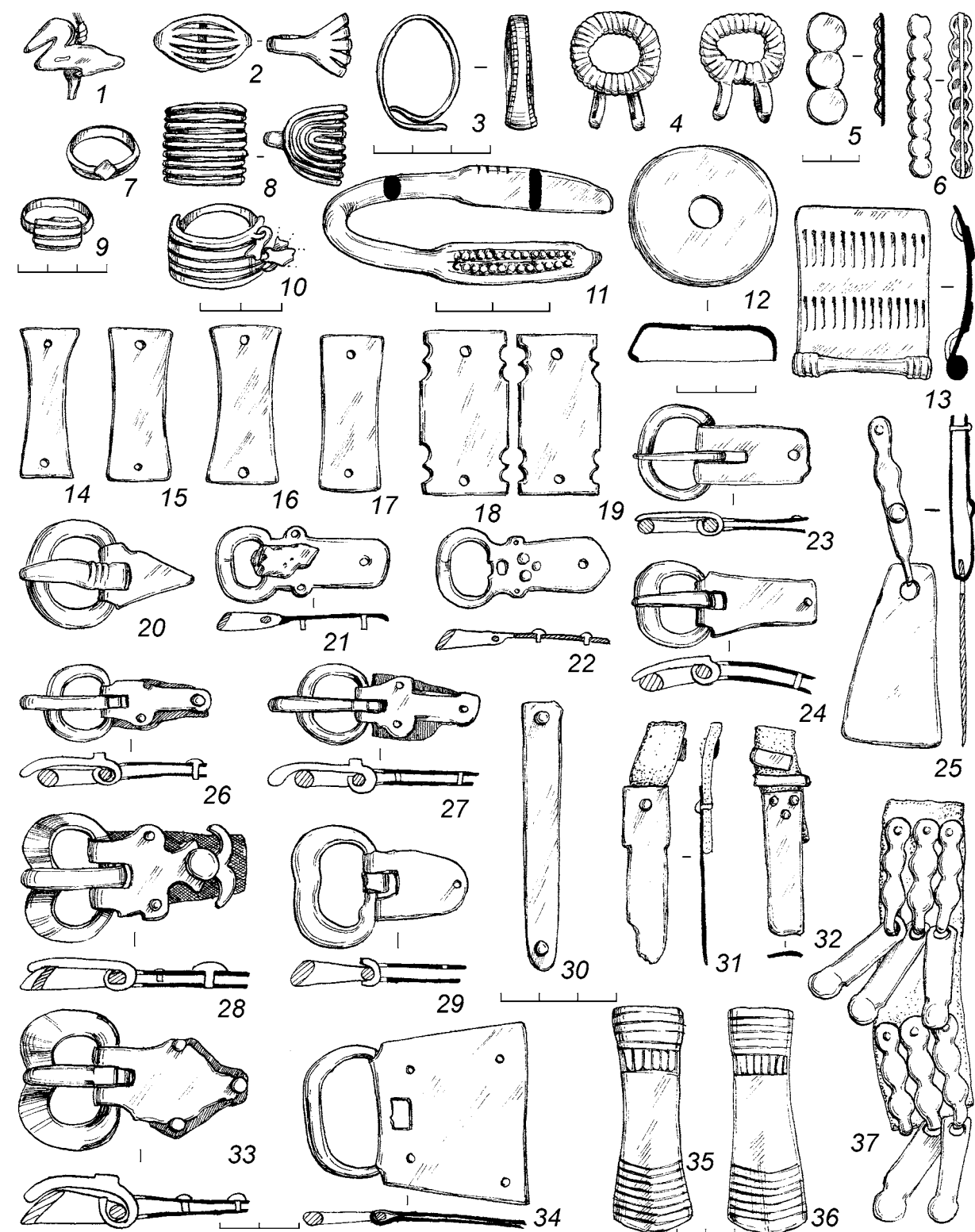

Рис. 20. Предметы хронологического периода VI в.

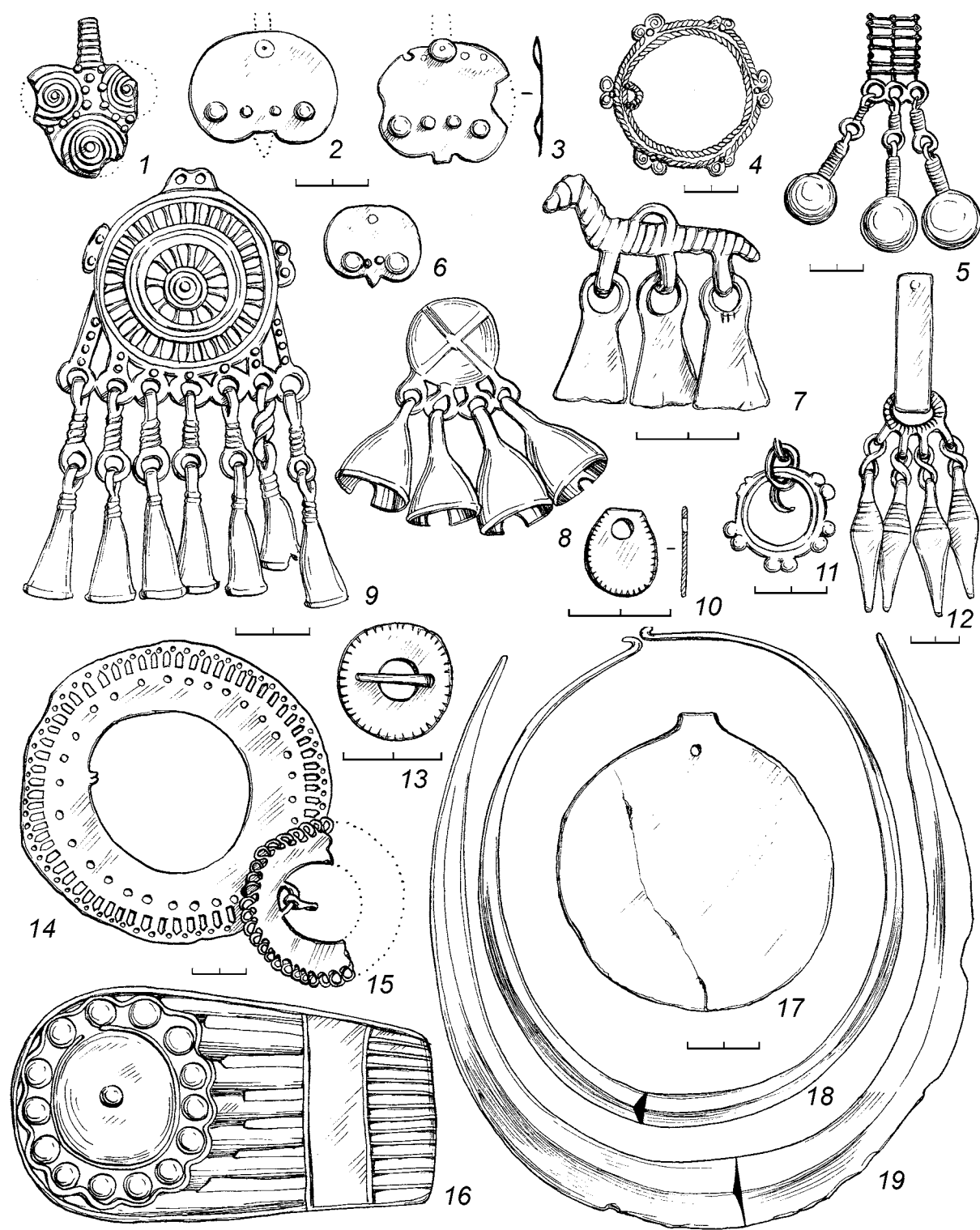

Рис. 21. Предметы хронологического периода VI в.

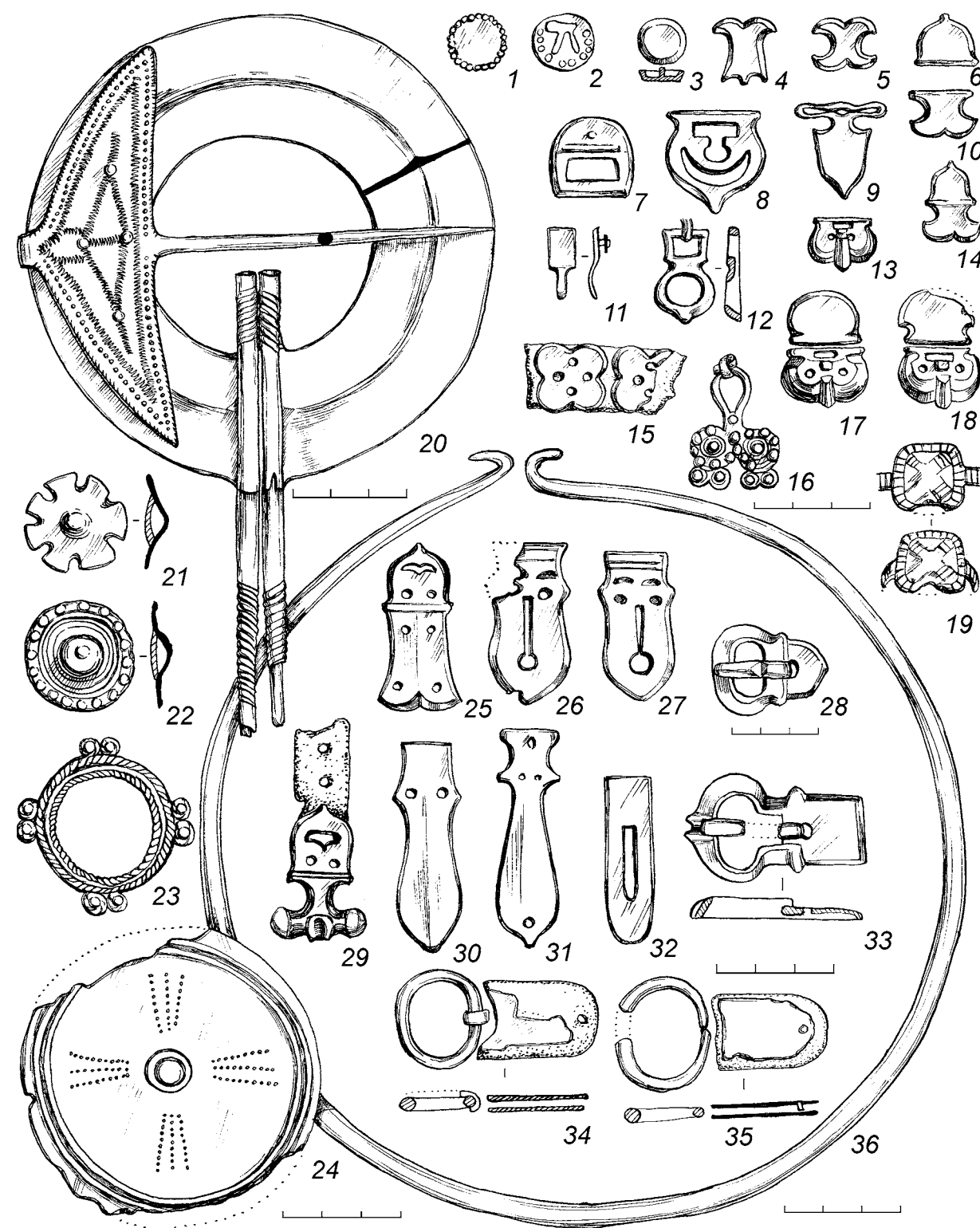

Рис. 22. Предметы хронологического периода VII в.

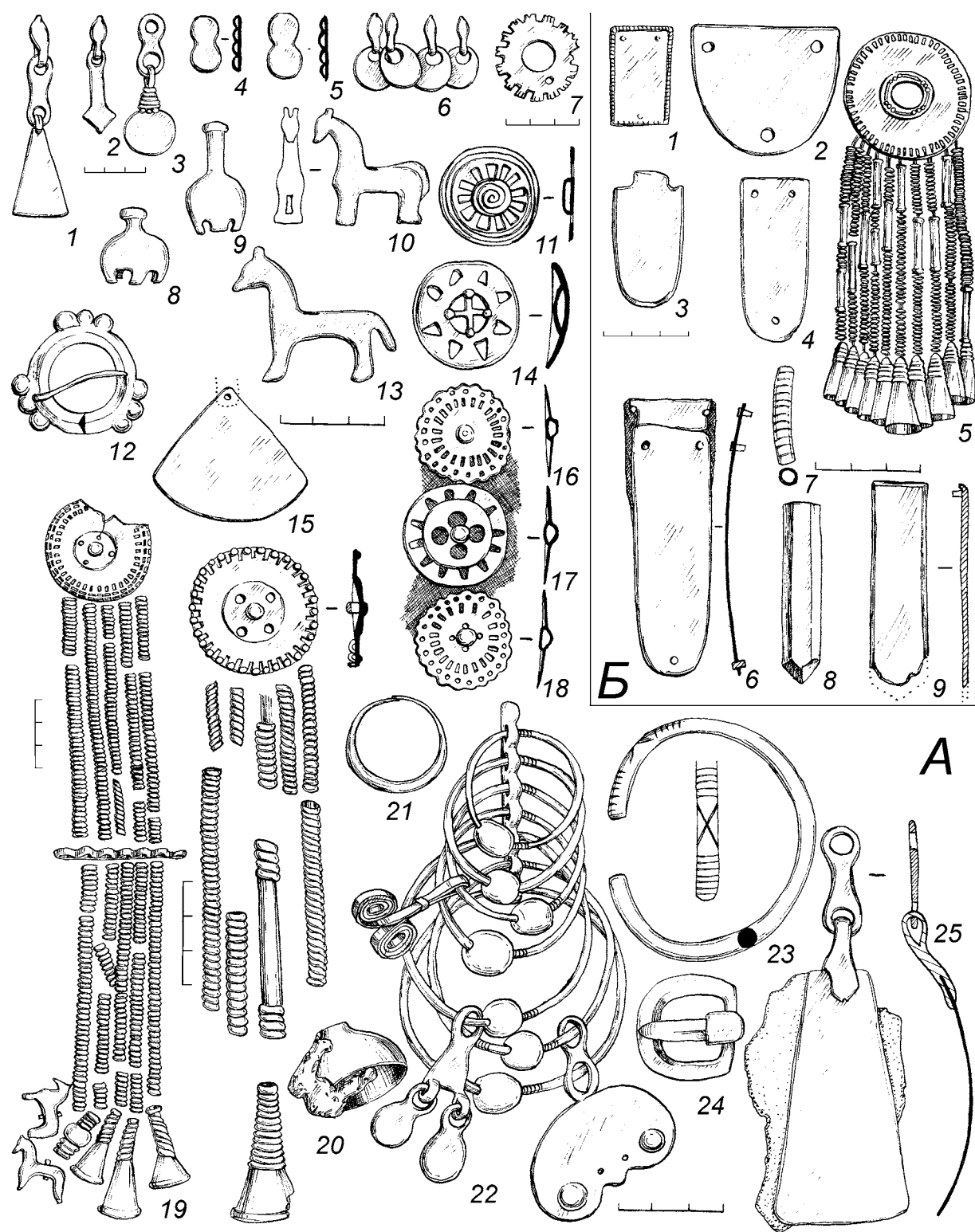

Рис. 23. Предметы хронологических периодов: А – VI-VII вв.; Б – VI-VIII вв.

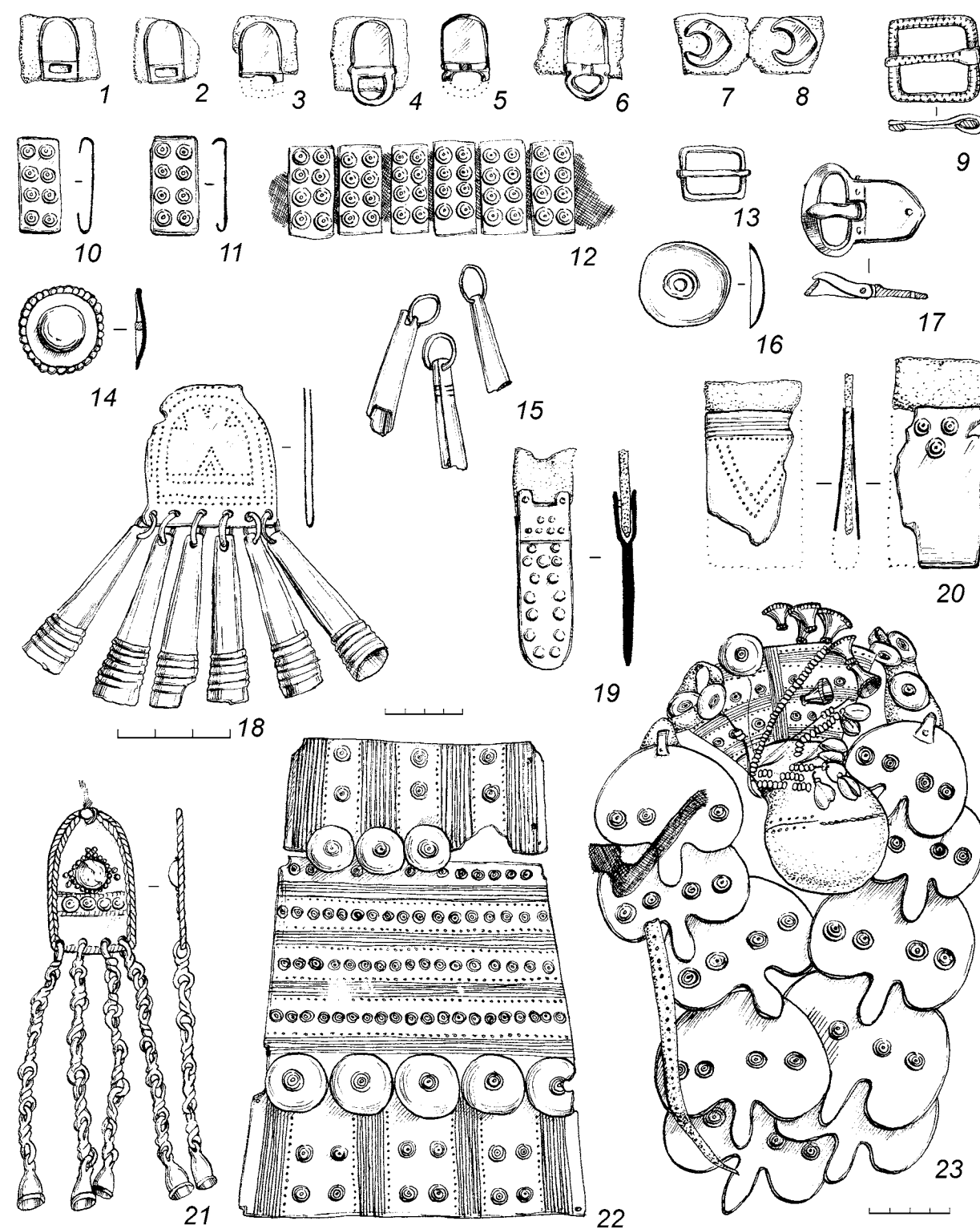

Рис. 24. Предметы хронологического периода VIII в.

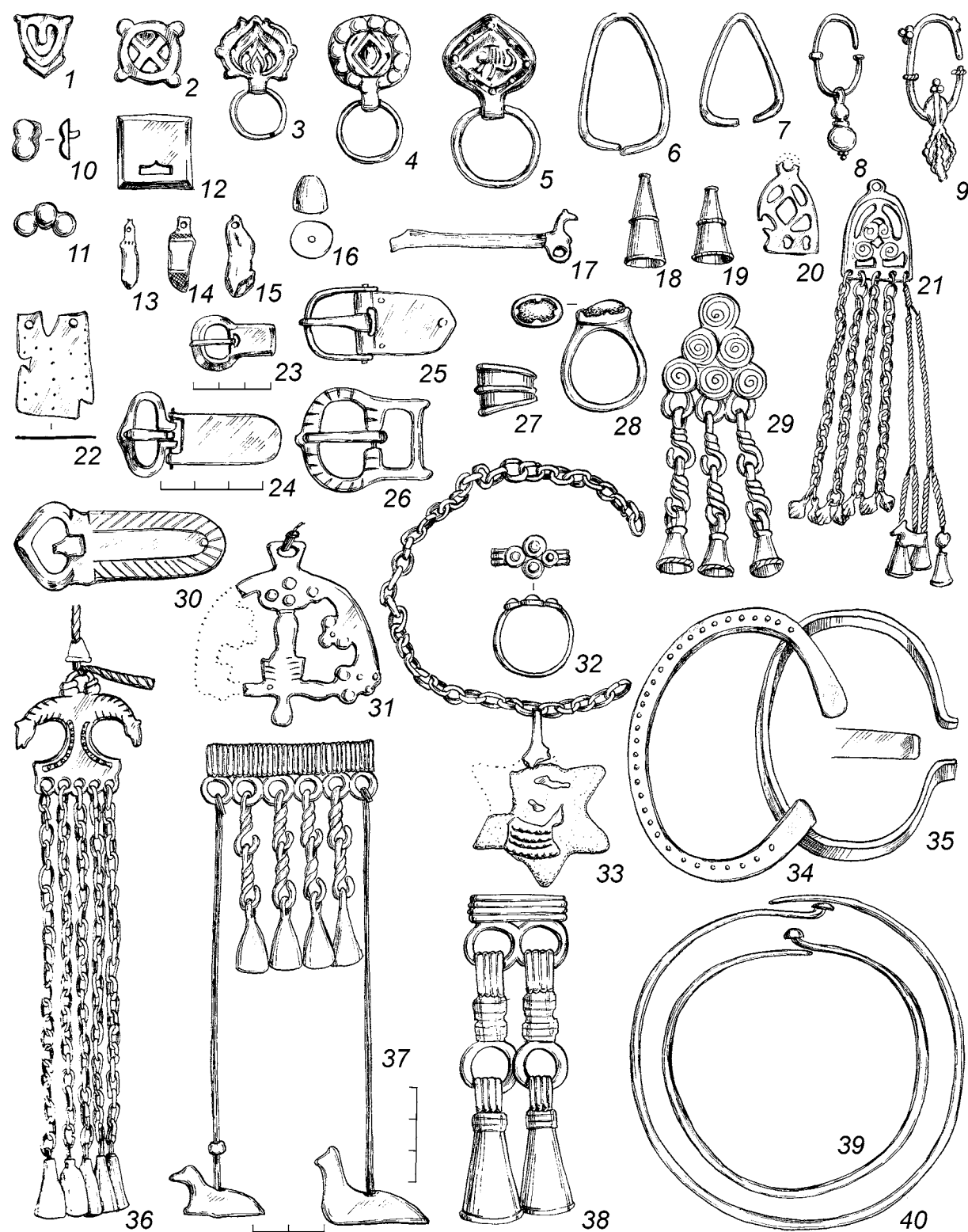

Рис. 25. Предметы хронологического периода IX в.

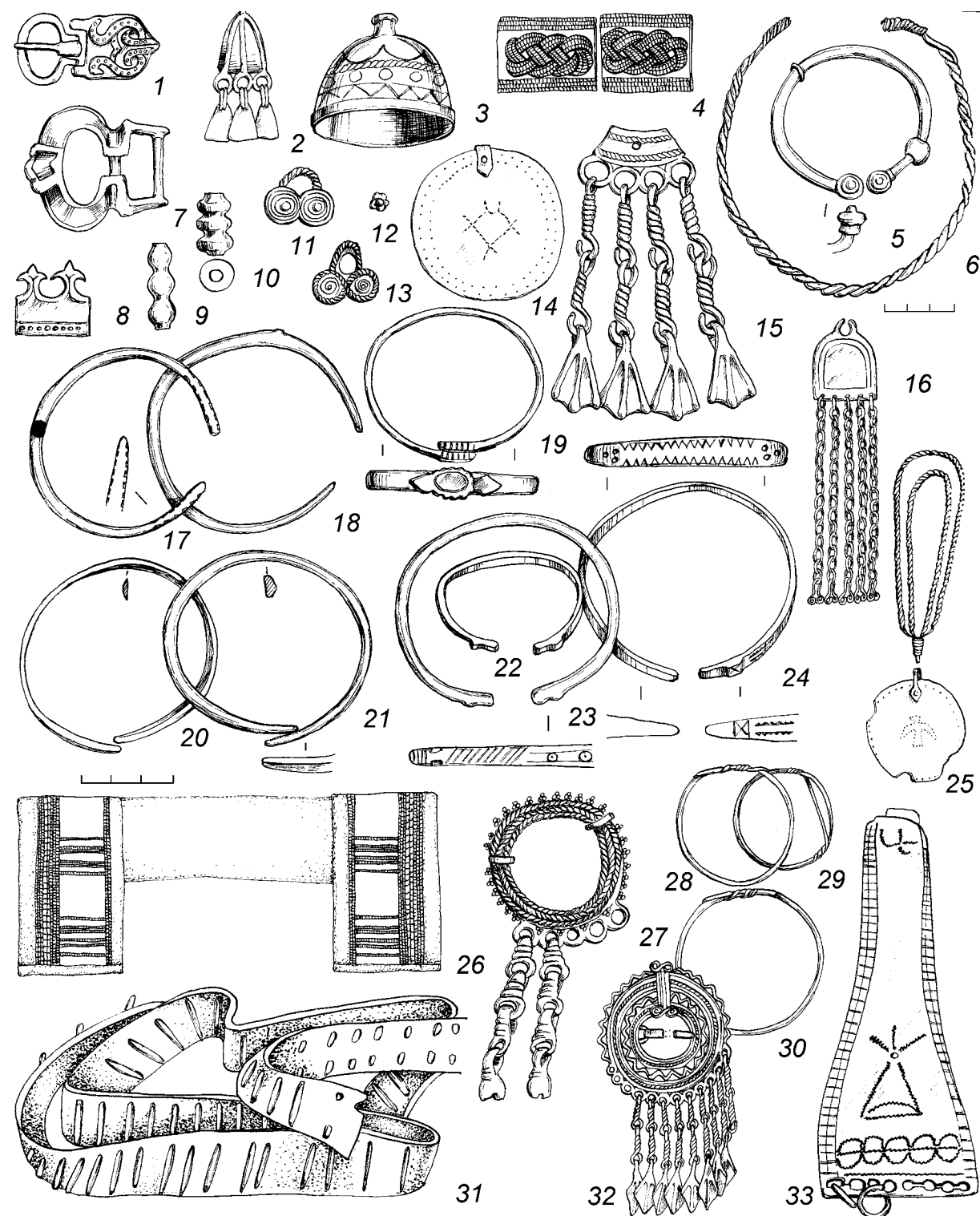

Рис. 26. Предметы хронологического периода X в.

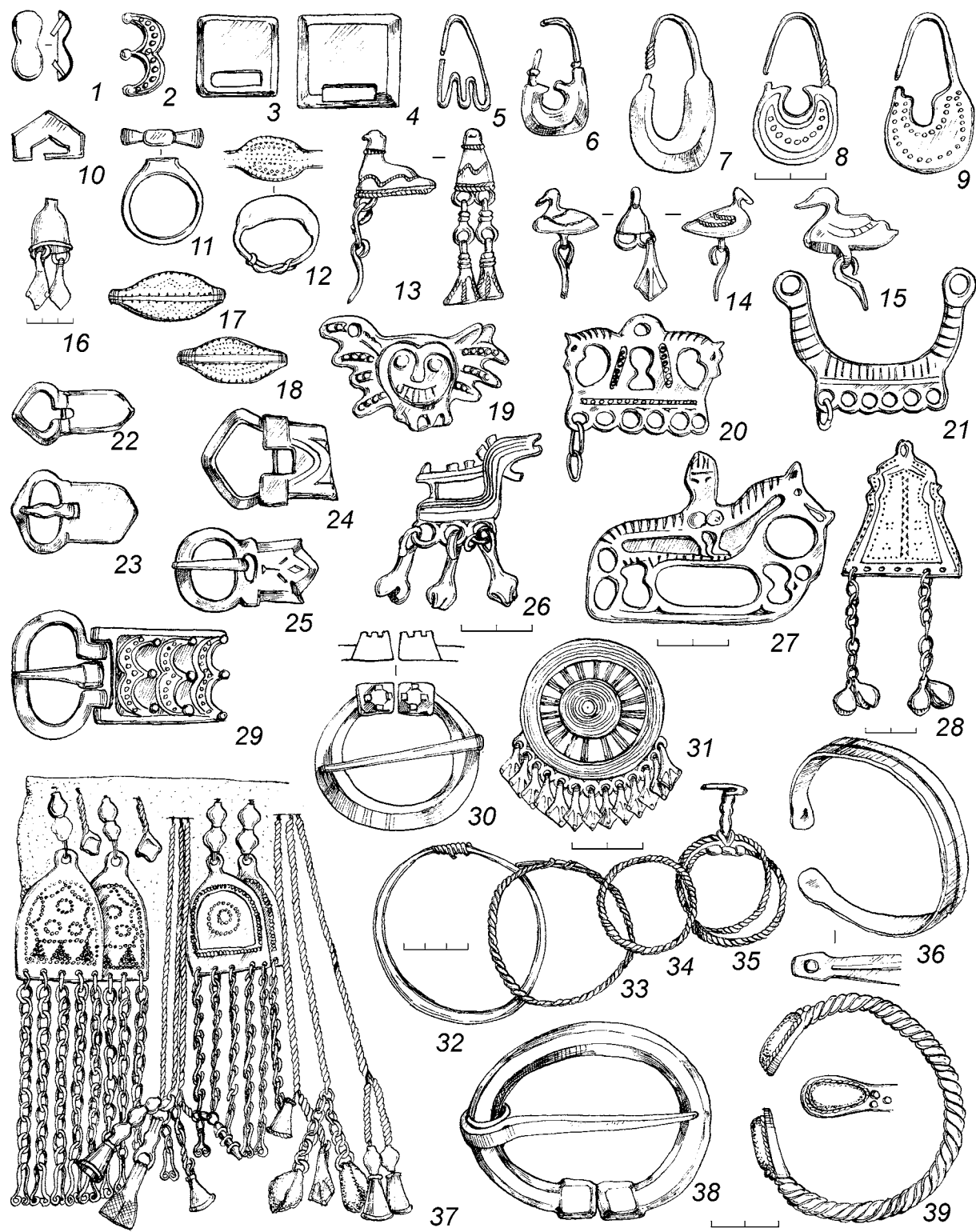

Рис. 27. Предметы хронологического периода XI в.

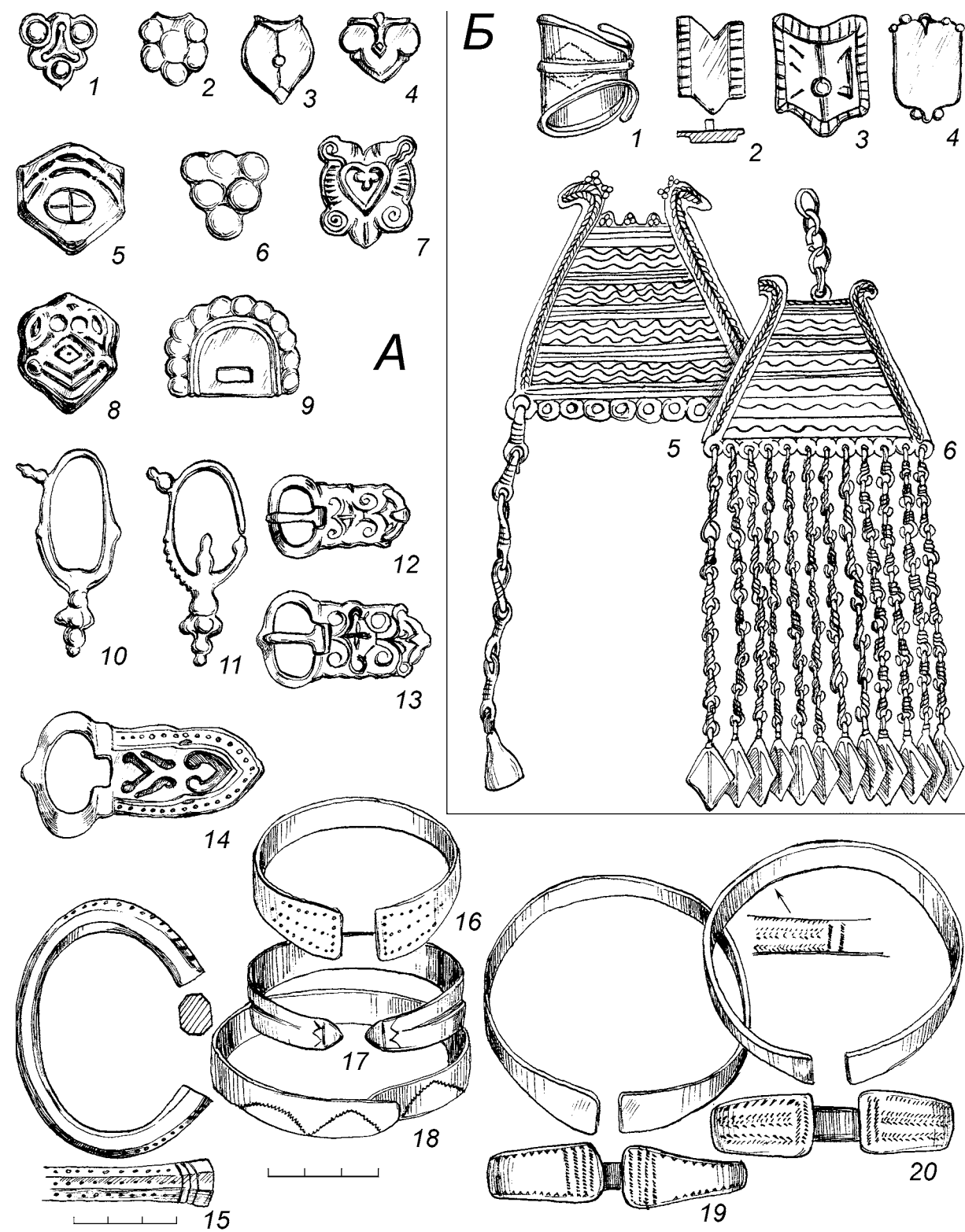

Рис. 28. Предметы хронологических периодов: А – IX-X вв.; Б – X-XI вв.

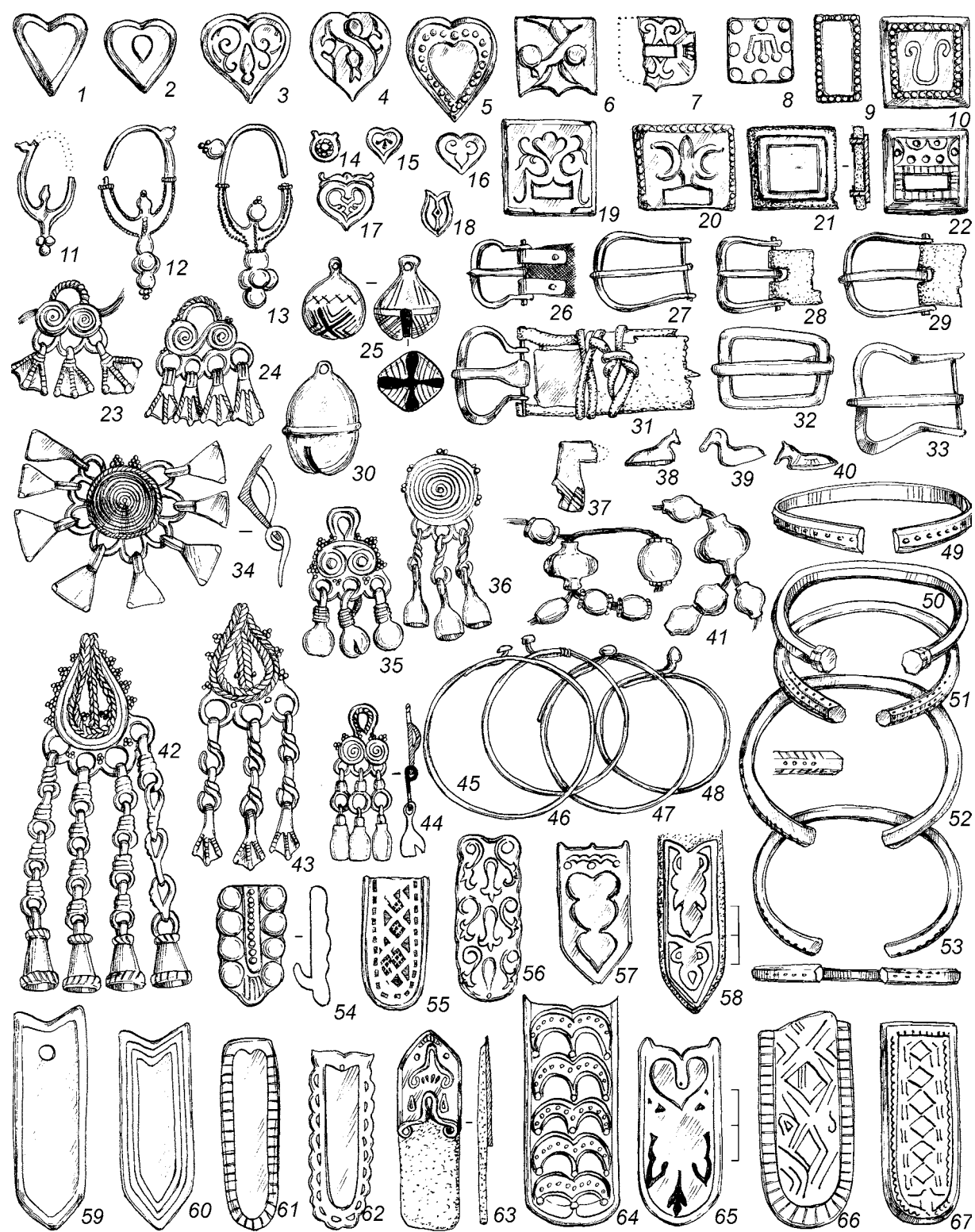

Рис. 29. Предметы хронологического периода IX-XI вв.

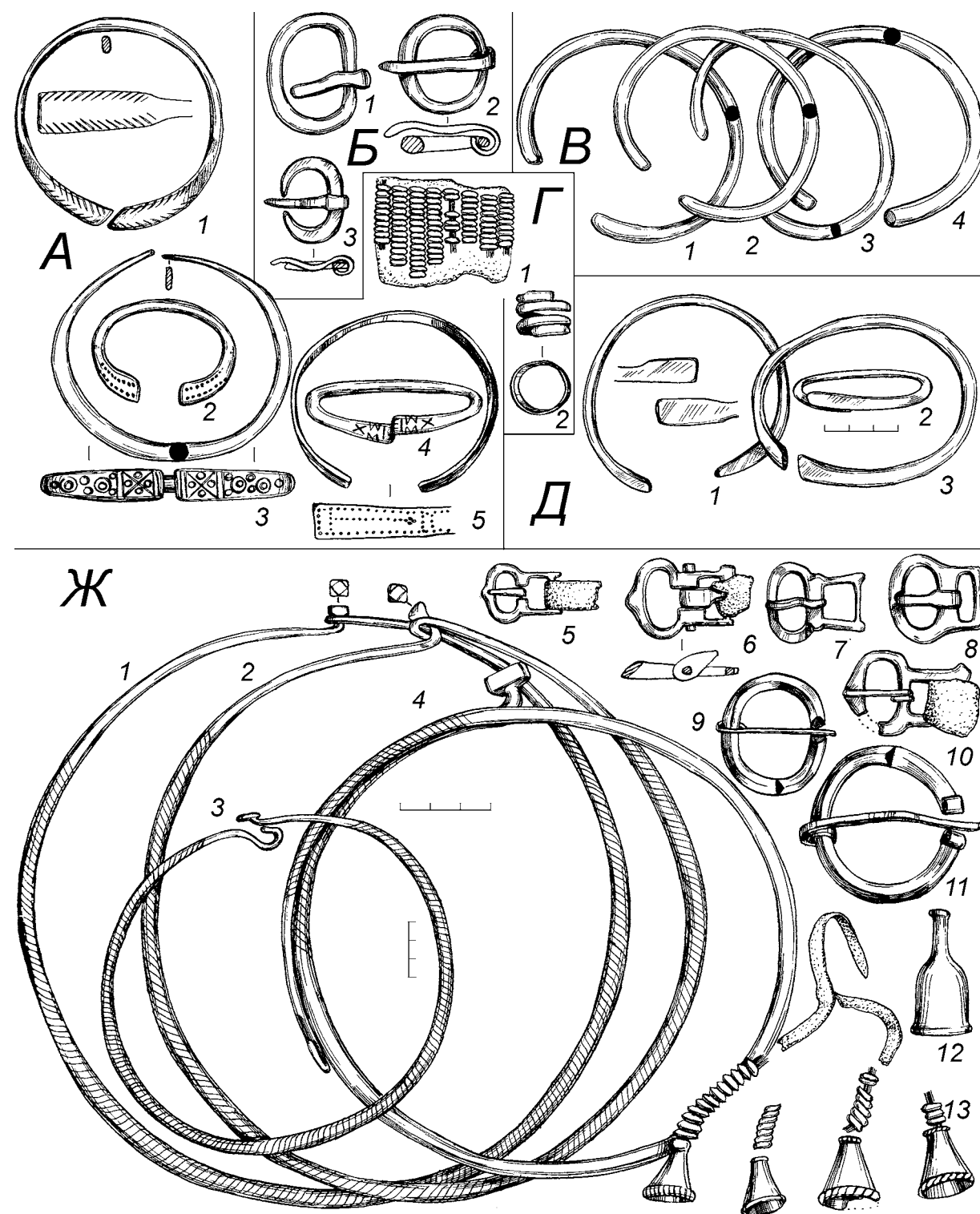

Рис. 30. Предметы хронологических периодов: А – IV-IX вв.; Б – III-X вв.; В – III-XI вв.; Г – II-XI вв.; Д – IV-XI вв.; Ж – II-XI вв.

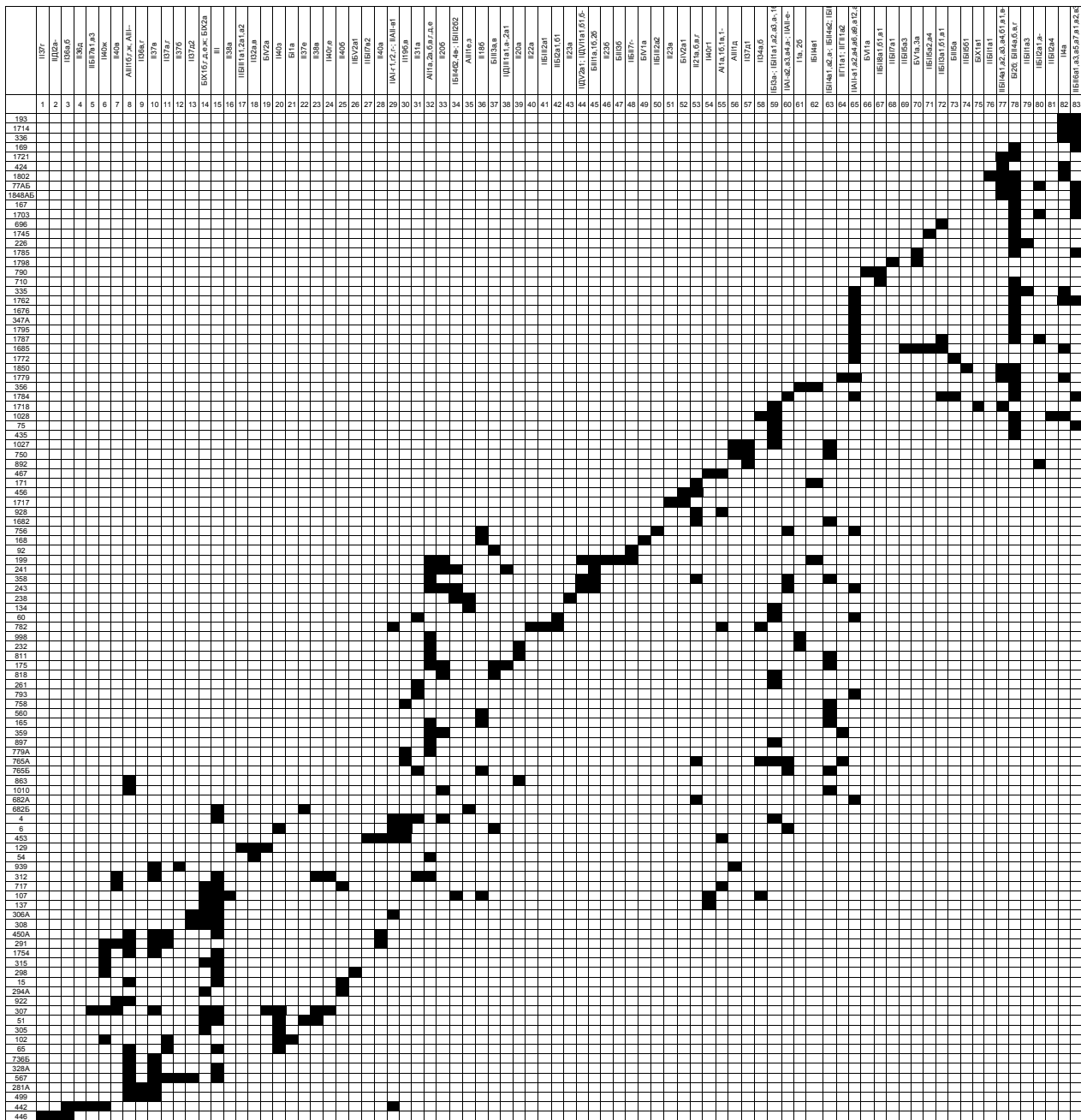

Рис.1. Тарасовский могильник. Взаимовстречаемость типов вещей

Рис.1. Тарасовский могильник. Взаимовстречаемость типов вещей. Первая основная группа: 1 – накладки ПЗ7г, 2 – пряжка ПД12а-, 3 – накладки ПЗ6а,б, 4 – накладки ПЗ6д, 5 – пряжки ПБП7в1,в3, 6 – накладки П40ж, 7 – накладки П40в, 8 – наборные наконечники АПШ-, 1б, 1г, 1ж, 9 – накладки ПЗ6г, 10 – накладки ПЗ7в, 11 – накладки ПЗ7а, 12 – ПЗ7б, 13 – накладки ПЗ7д, 14 – наборные наконечники БХ1б, 1г, 1д, 1е, 1ж, 2а, 15 – накладками из створок раковин *Turbo margaratus* III, 16 – накладка ПЗ8а, 17 – пряжка ПБП1а1, 18 – накладки ПЗ2а, 34в, 19 – наконечники БIV2а, 20 – накладки П40з, 21 – наконечник БП1а, 22 – накладки ПЗ7е, 23 – накладки ПЗ8в, 24 – накладки П40г,е, 25 – накладки П40б, 26 – пряжки ПБV2а1, 27 – пряжка ПБП7в2, 28 – накладки П40а. Первая смежная группа: 29 – пряжки ПА1-г-, г1,г2, 30 – накладки П19б,а, 31 – накладки ПЗ1а, 32 – наконечники АП1а, 2а, 2б, 2в, 2г, 2д, 2е, 33 – накладки П20б, 34 – БП2б2, 4б2, 4в-, 35 – наконечники АП1е, 1з, 36 – накладки П18б, 37 – наконечники БПЗа, 3в. Вторая основная группа: 38 – пряжки ПДП1а-, а1, 2а1, 39 – накладки П20а, 40 – накладки П22а, 41 – пряжка ПБП2а1, 42 – пряжки, 43 – накладки П23а, 44 – пряжки ПДV2а1, ПДV1а1, б1,б-, 45 – наконечники БП1а, 1б, 2б, 46 – накладки П23б, 47 – наконечник БПЗб, 48 – пряжки ПБП7г-, г1, 49 – наконечник БIV1а, 50 – пряжка ПБП2а2, 51 – накладки П23в, 52 – наконечники БIV2а1, 53 – накладки П21а,б,в,г. Вторая смежная группа: 54 – накладки П40г1, 55 – наконечники АП1а, 1б, 1в, 56 – наборные наконечники АПШд, 57 – накладки ПЗ7д1, 58 – накладки ПЗ4а,б, 59 – пряжки БЗ3а-, БП1а-, 1а1, 1а2, 1а3, 1б2, 1б4, 1б5, 3а-, 60 – пряжки ПА1-а-, -а2, -а3, -а4, -е-. Третья смежная группа: 61 – накладки П1а, 2б, 62 – пряжки БП4в1, 63 – пряжки БП4а-, а1, а2, в2, БП2а2, 64 – пряжки ПГП1а1, ПГП1а2, 65 – пряжки ПАП-а-, -а1, -а2, -а4, -а6, -а9, -а12, -б2, -г1. Третья основная группа: 66 – наконечники БV1а, 67 – пряжки ПБП8а1, б1, в1, 68 – пряжки ПБП7а1, 69 – пряжки ПБП5а3, 70 – наконечники БV1а, 3а, 71 – пряжки ПБП5а2, а4, 72 – пряжки ПБП3а1, б1, в1, 73 – наконечники БП5а, 74 – пряжка ПБП5б1, 75 – наборным наконечником БХ1в, 76 – пряжки ПБП1а1, 77 – пряжки ПБП4а1, а2, а3, а4, б1в-, в1, 78 – наконечники БП4а, 4б, 4в, 4г, 79 – пряжки ПБП1а3, 80 – пряжки ПБП2а-, а1, 81 – пряжки ПБП2а4, 82 – накладки П4а, 83 – пряжки ПБП6а1, а3, а5, а7, в1, в2, в3, г1.

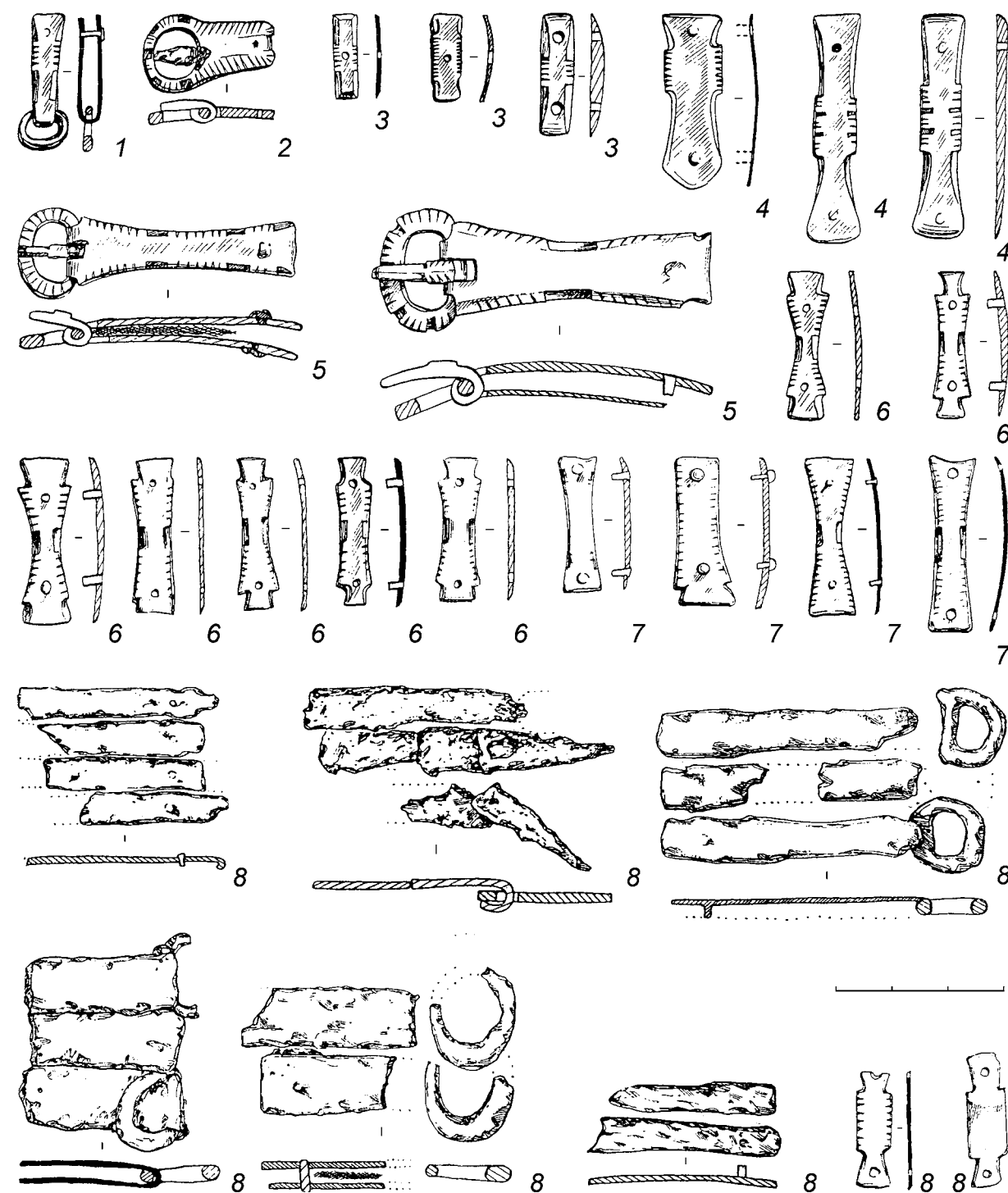

Рис.2. Тарасовский могильник. Вещи первой основной группы: 1, 3, 4, 6, 7, 9 – накладки; 2, 5 – пряжки; 8 – наборные наконечники

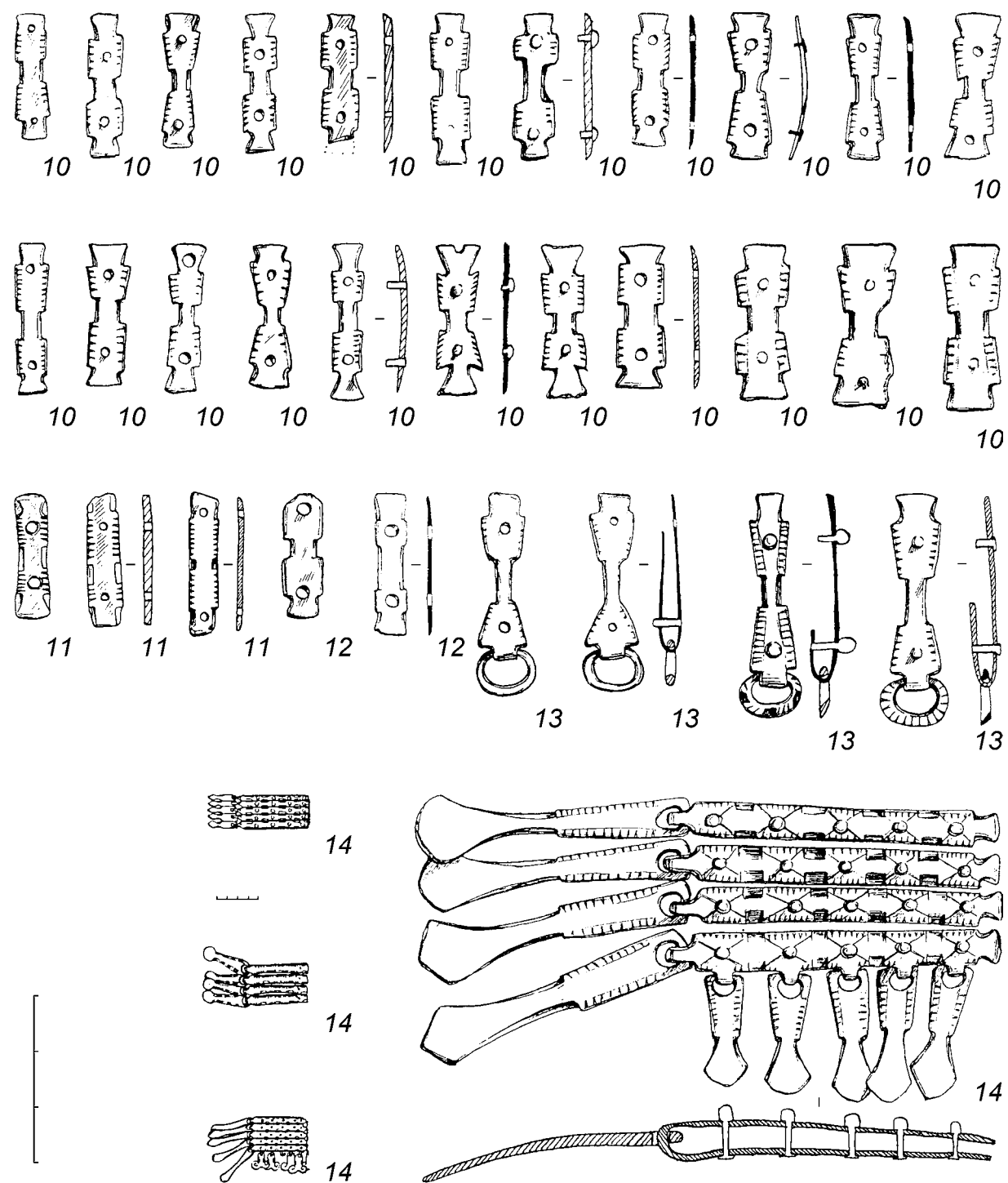

Рис.3. Тарасовский могильник. Вещи первой основной группы: 10-13 – накладки; 14 – наборные наконечники

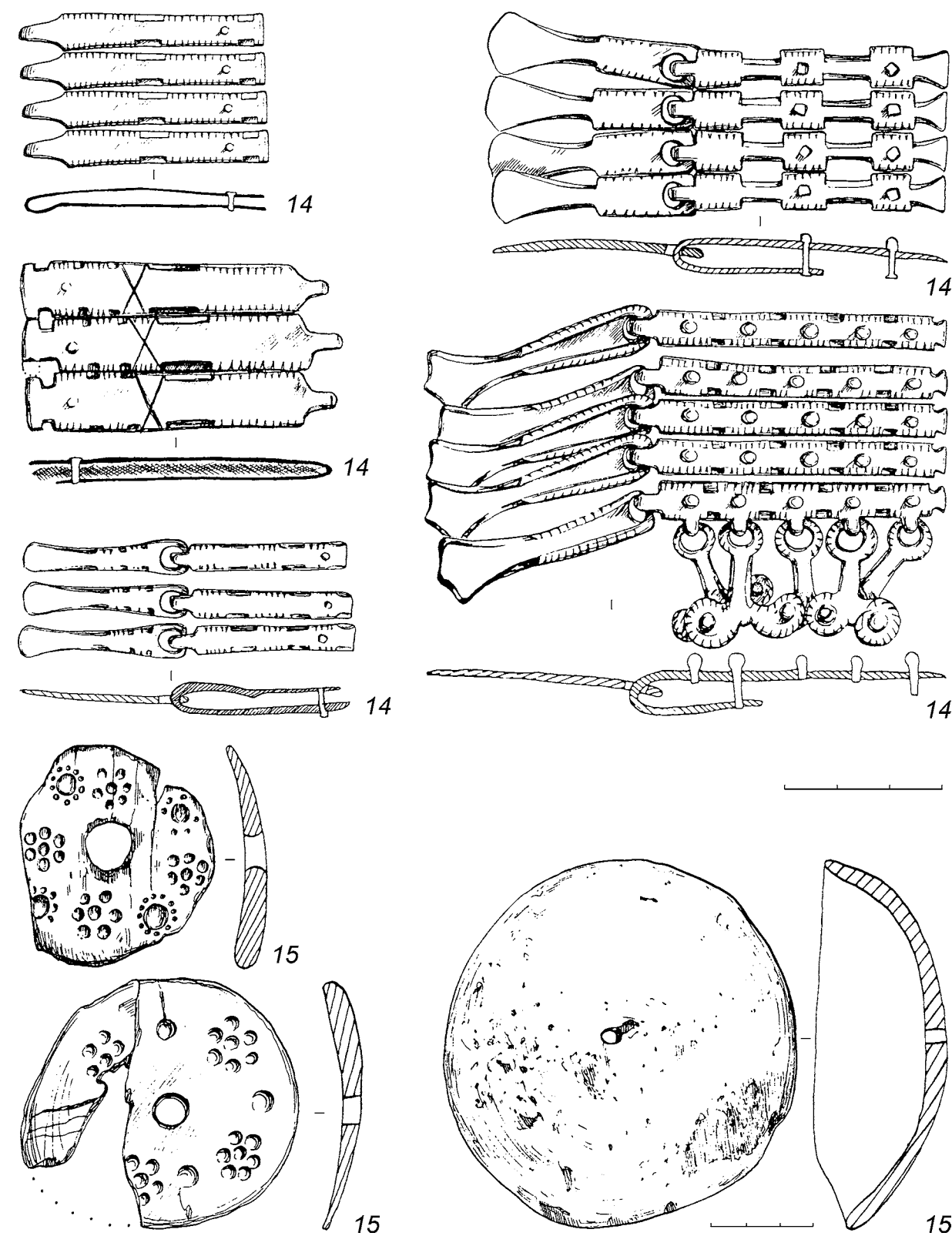

Рис.4. Тарасовский могильник. Вещи первой основной группы: 14 – наборные наконечники; 15 – накладки (раковина)

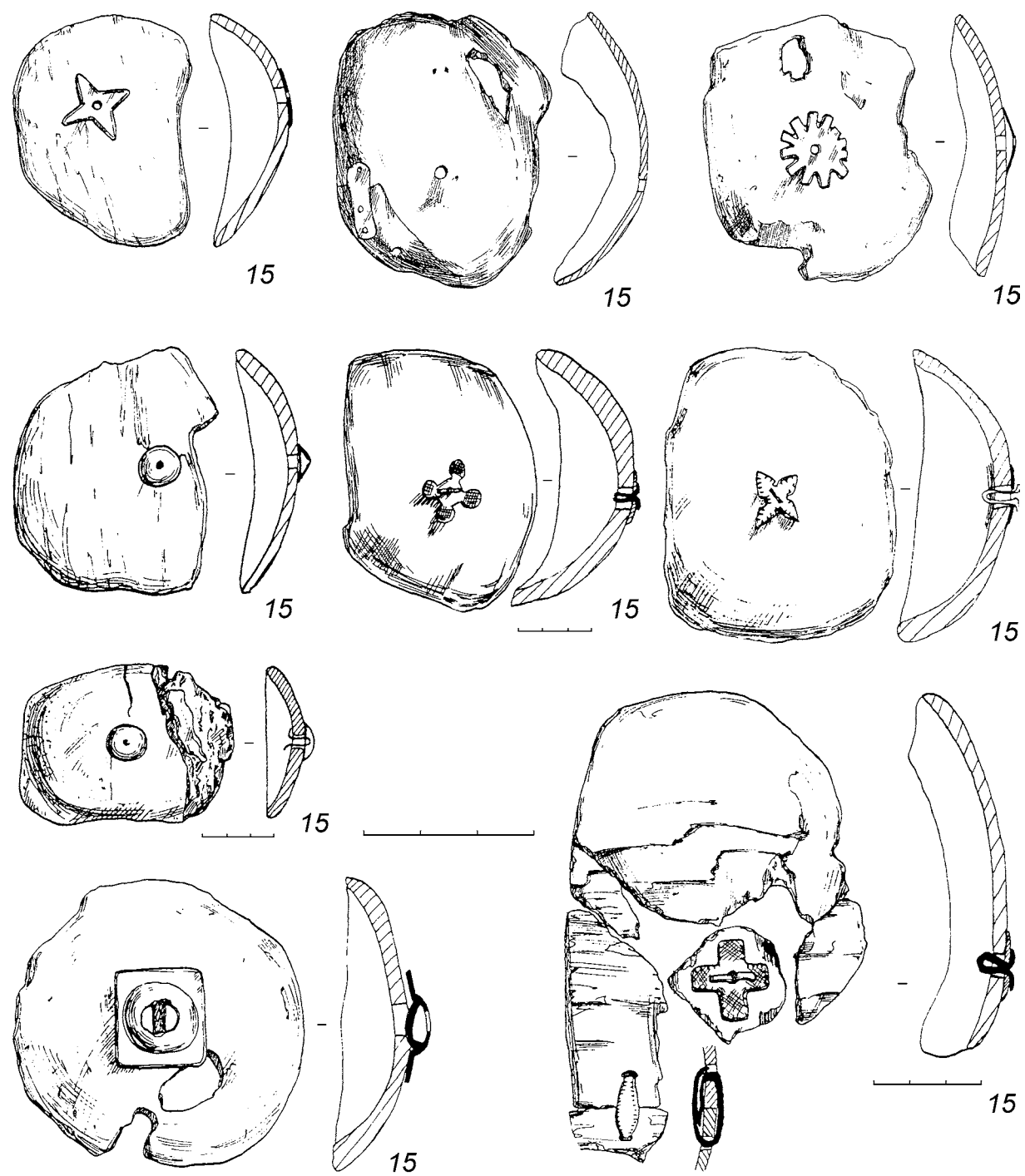

Рис.5. Тарасовский могильник. Вещи первой основной группы: 15 – накладки (раковина)

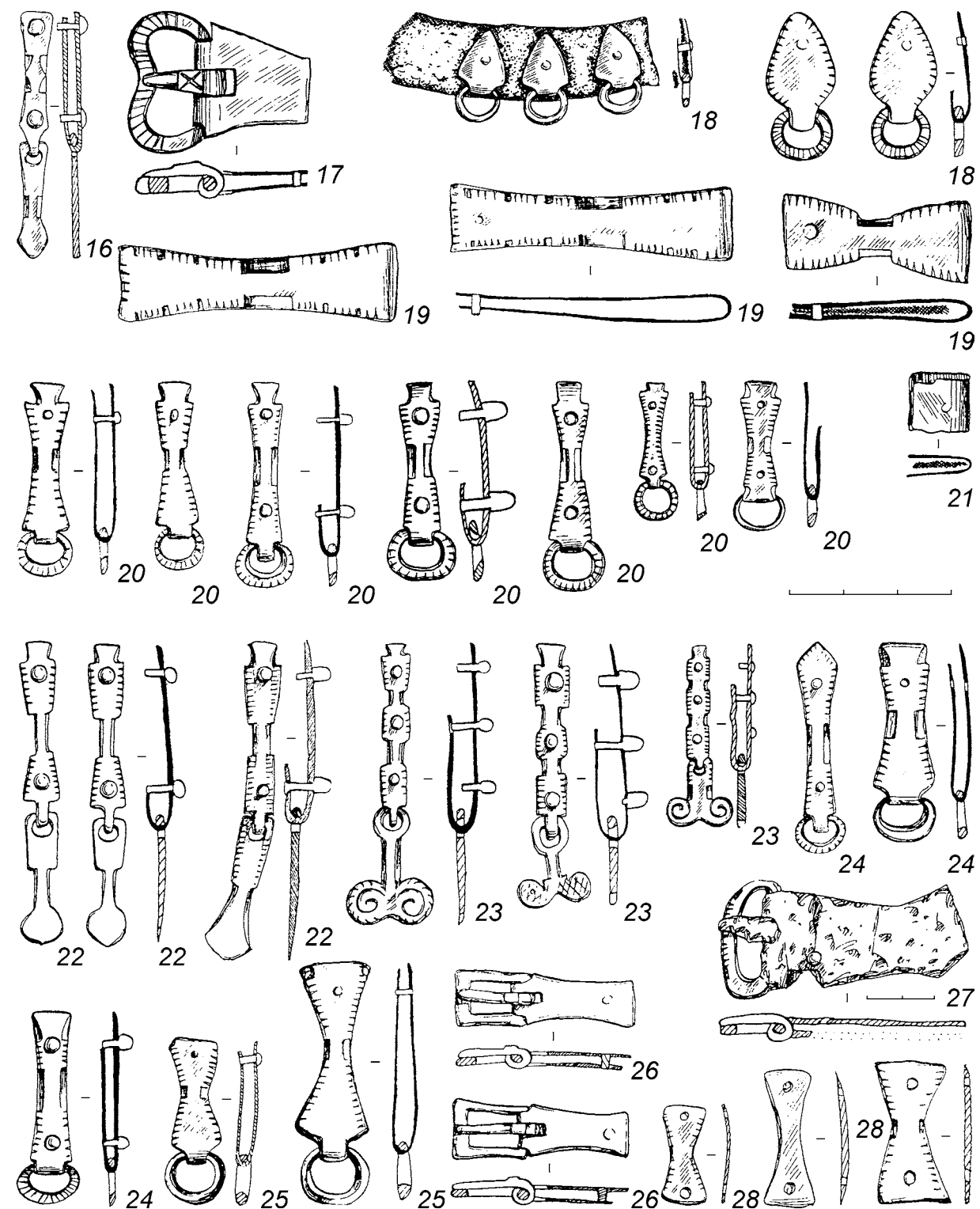

Рис.6. Тарасовский могильник. Вещи первой основной группы: 16, 18, 20, 22-25, 28 – накладки; 17, 26, 27 – пряжки; 19, 21 – наконечники

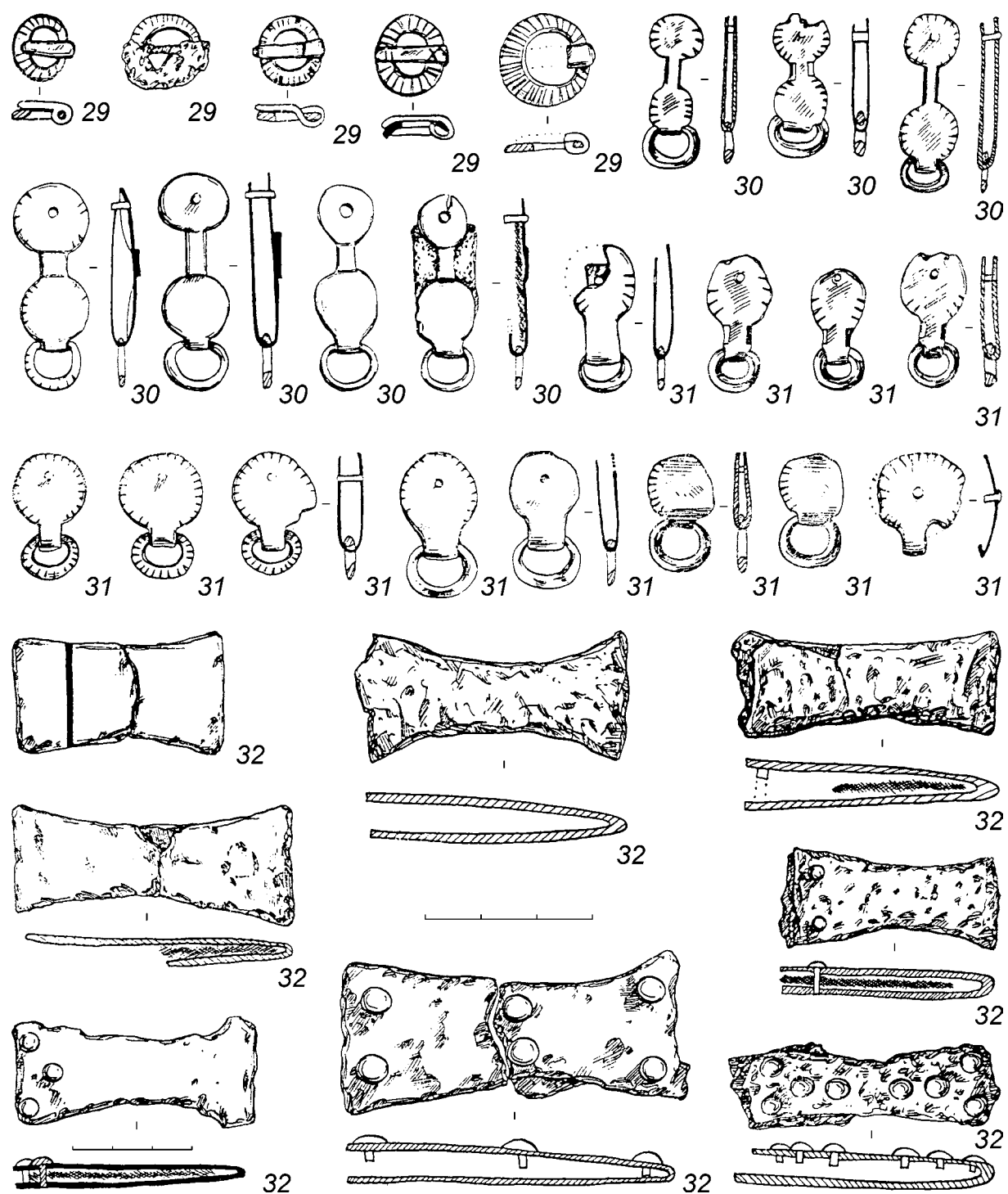

Рис.7. Тарасовский могильник. Вещи второй смежной группы: 29 – пряжки; 30, 31 – накладки; 32 – наконечники

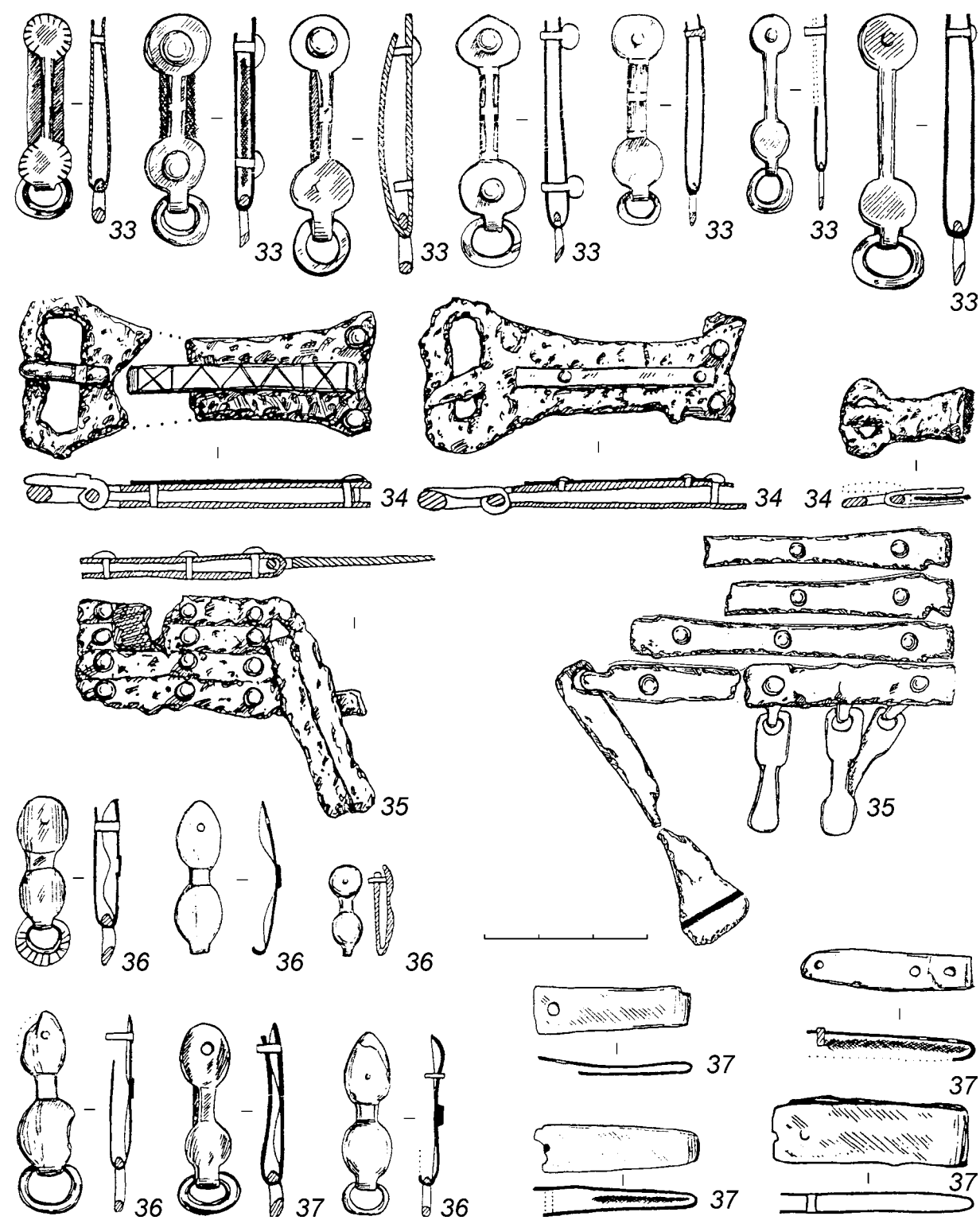

Рис.8. Тарасовский могильник. Вещи второй смежной группы: 33, 36 – накладки; 34 – пряжки; 35, 37 – наконечники

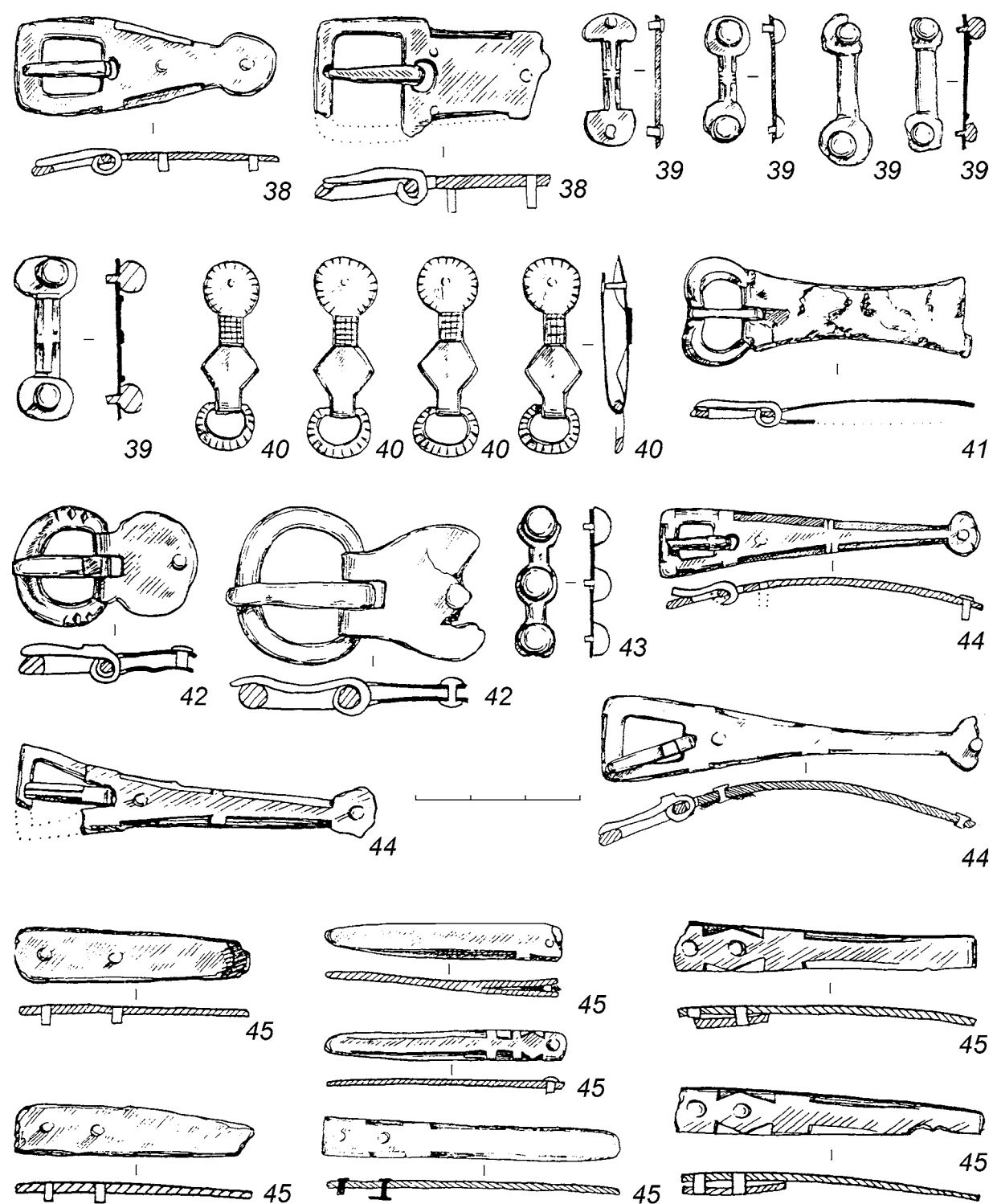

Рис.9. Тарасовский могильник. Вещи второй основной группы: 38, 41, 42, 44 – пряжки; 39, 40, 43 – накладки; 45 – наконечники

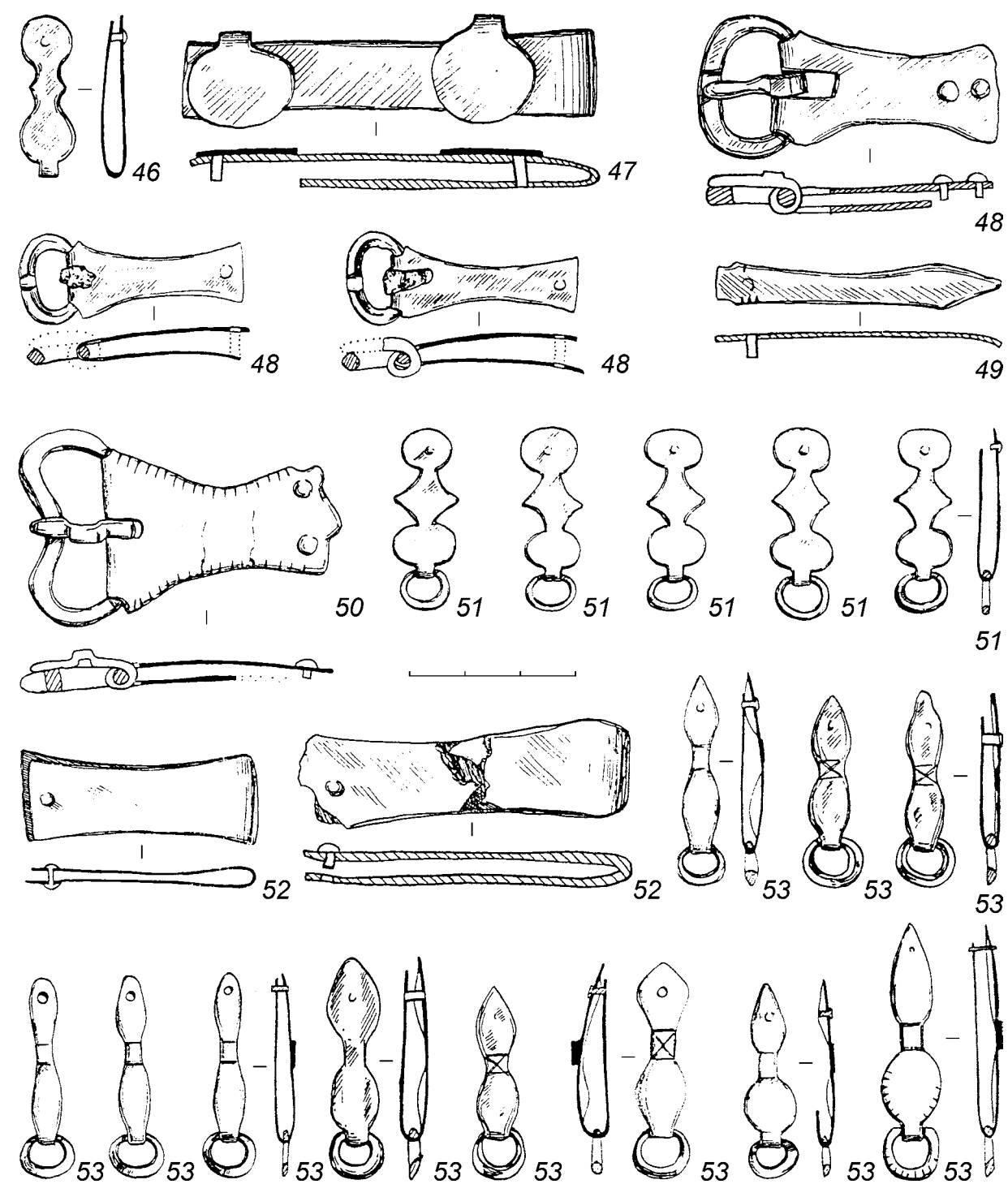

Рис.10. Тарасовский могильник. Вещи второй основной группы: 46, 51, 53 – накладки; 47, 49, 52 – наконечники; 48, 50 – пряжки

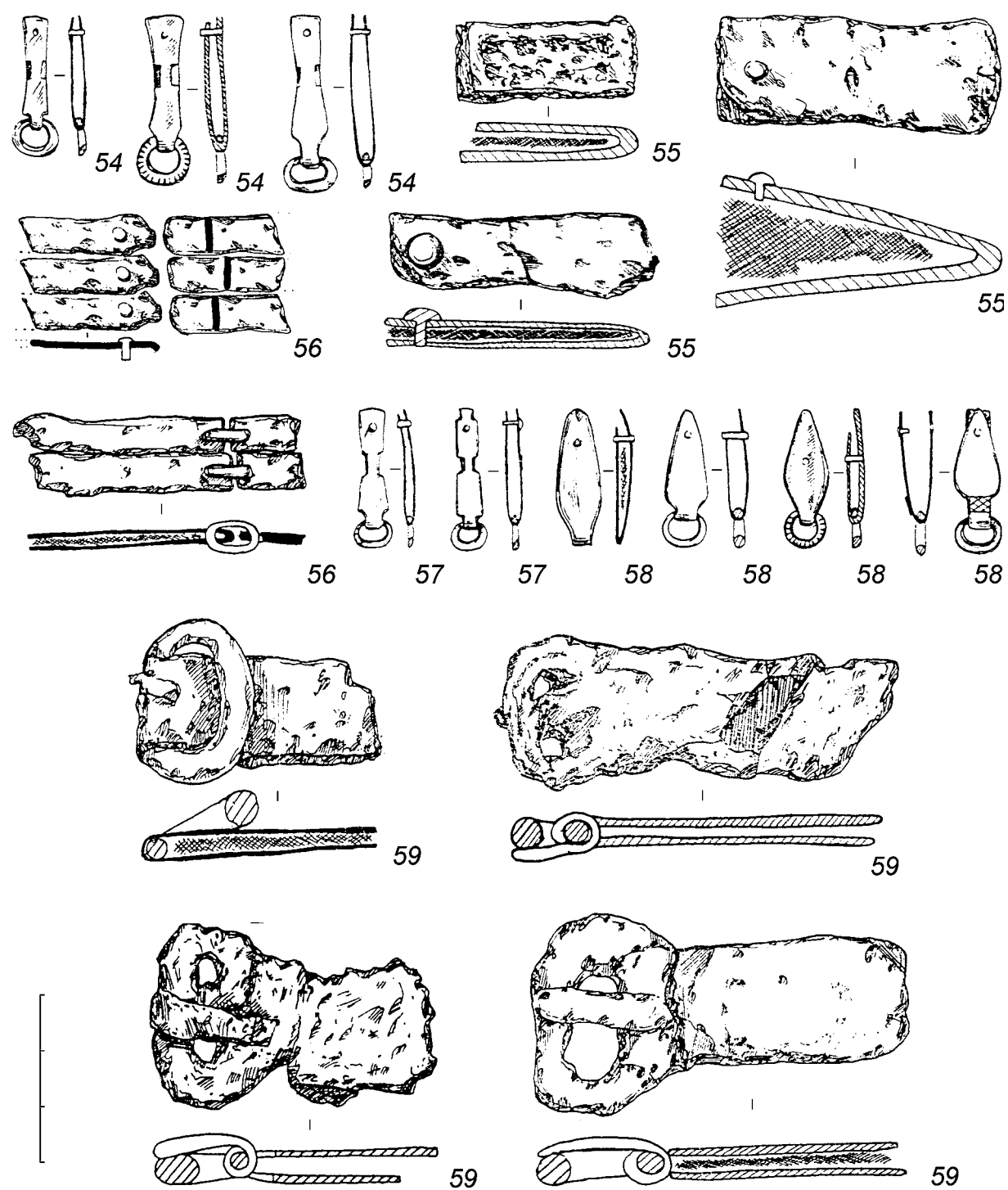

Рис.11. Тарасовский могильник. Вещи второй смежной группы: 54, 57, 58 – накладки; 55, 56 – наконечники; 59 – пряжки

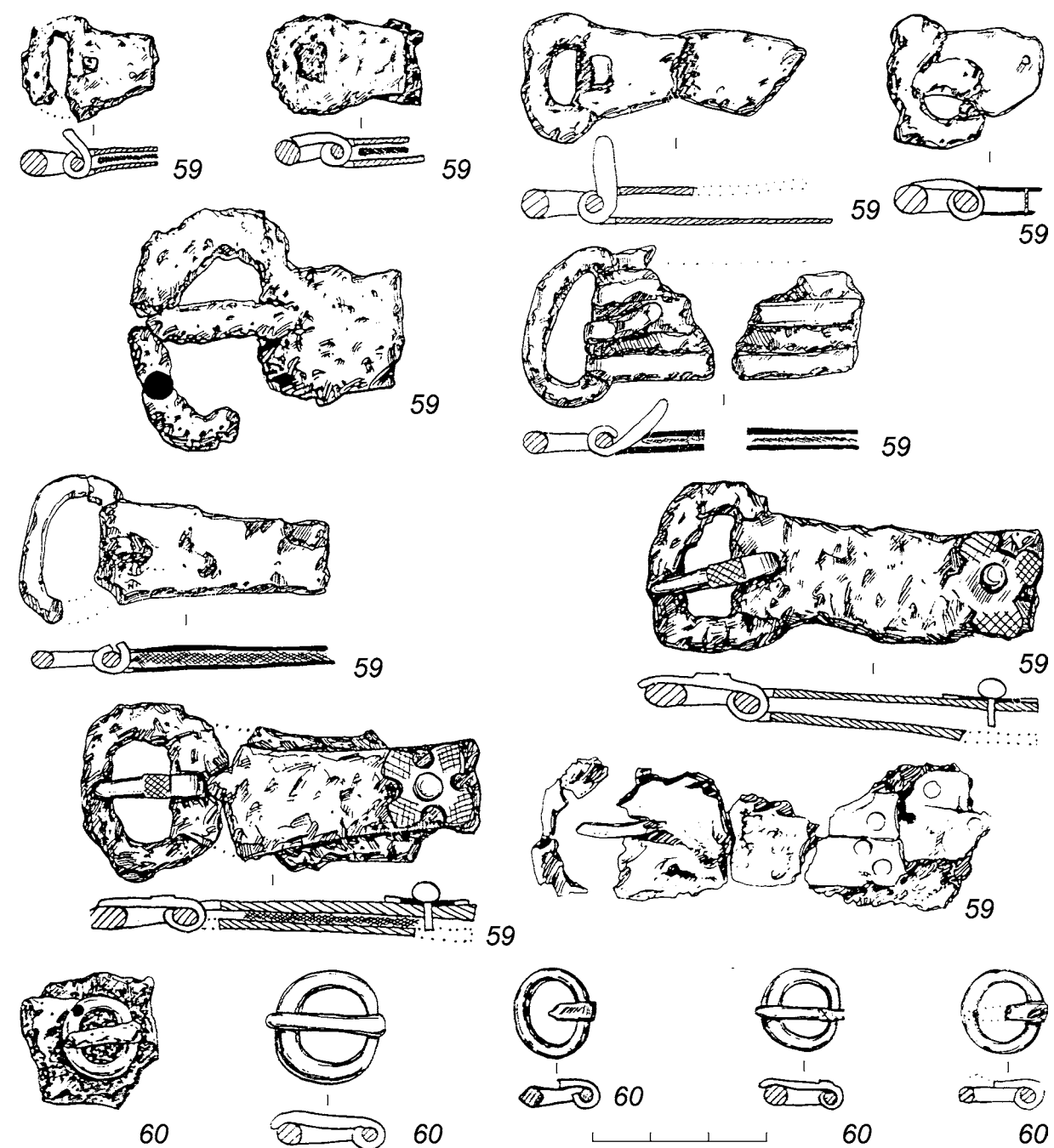

Рис.12. Тарасовский могильник. Вещи второй смежной группы: 59, 60 – пряжки

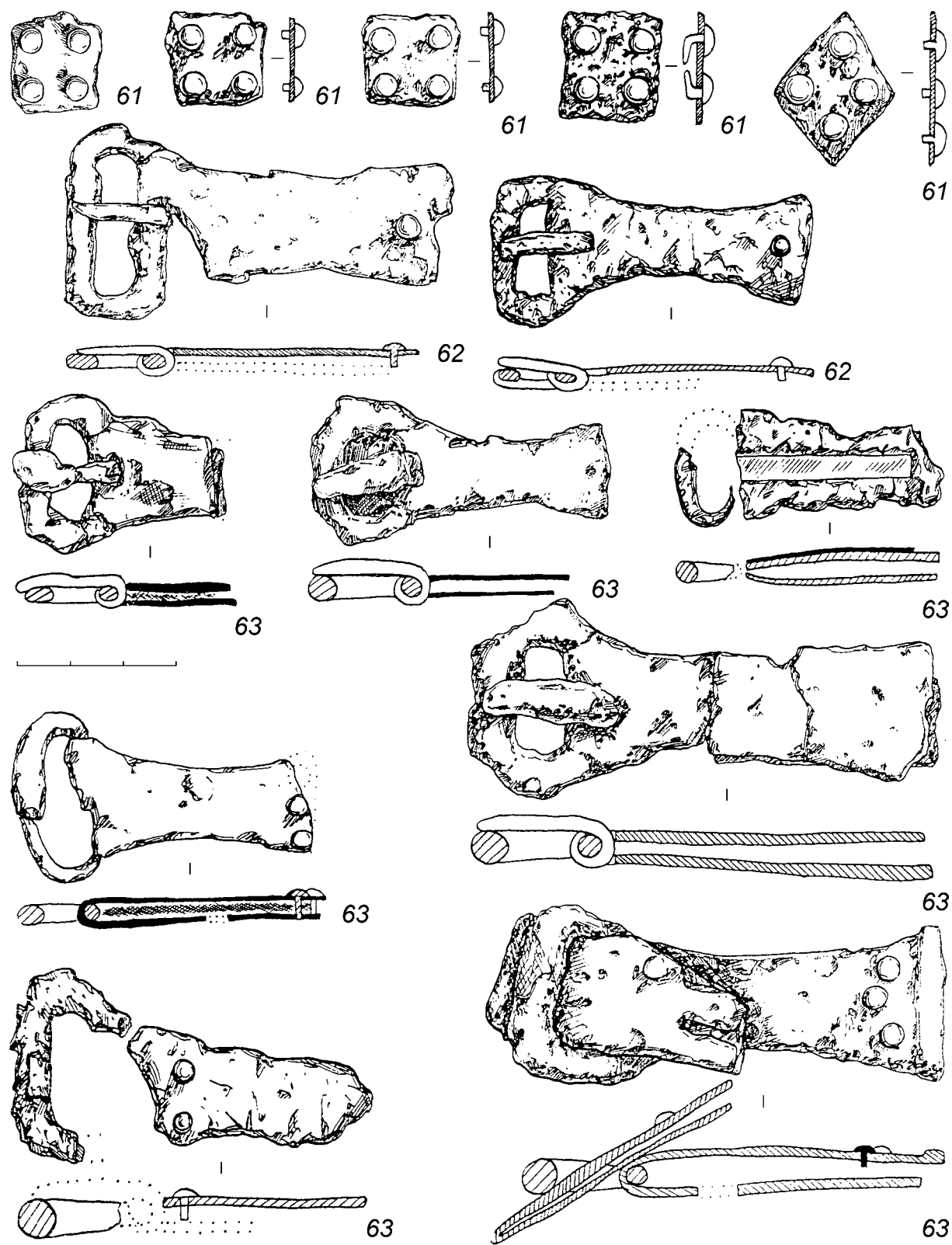

Рис.13. тарасовский могильник. Вещи третьей смежной группы: 61 – накладки; 62, 63 – пряжки

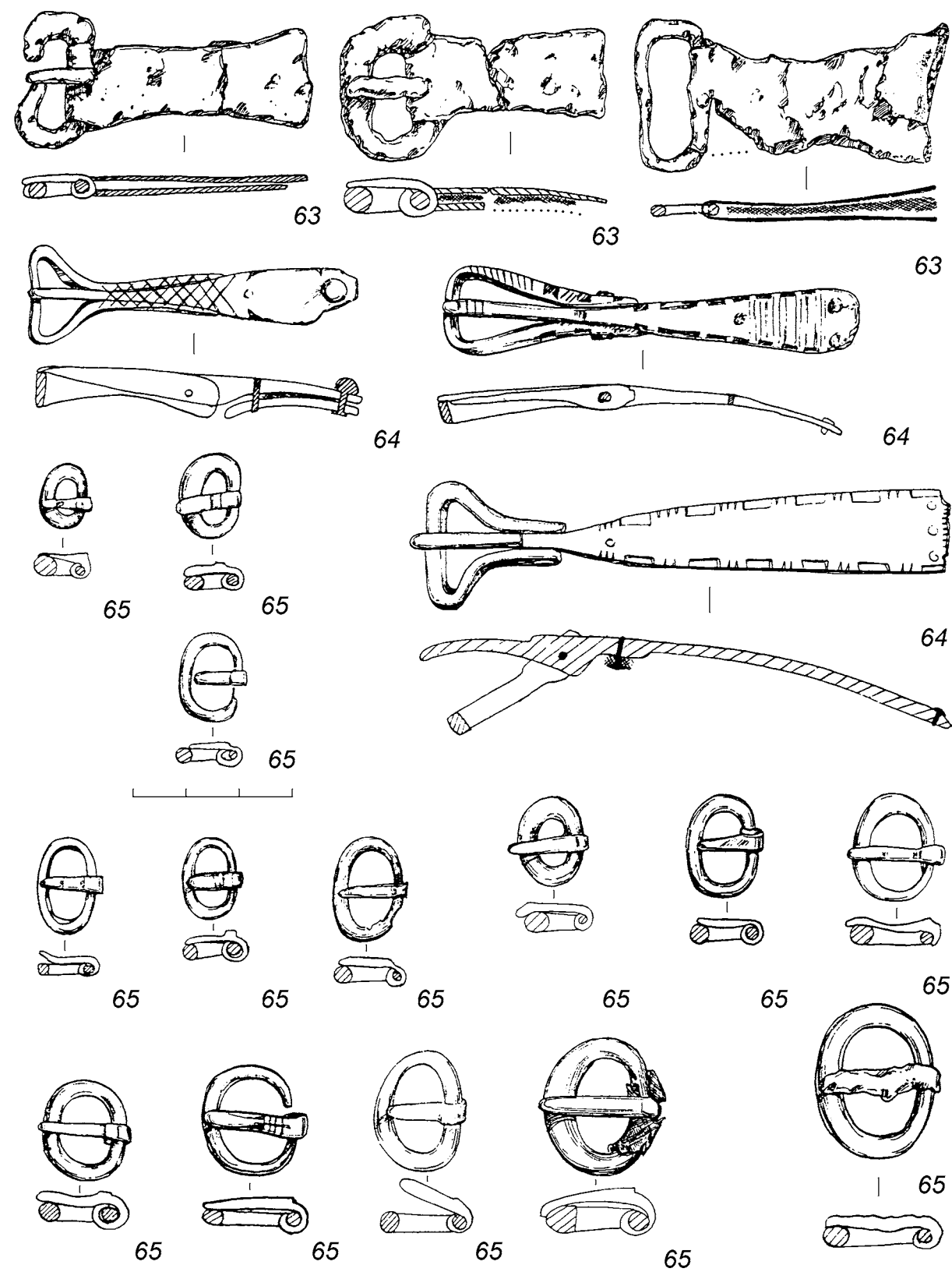

Рис.14. Тарасовский могильник. Вещи третьей смежной группы: 63-65 – пряжки

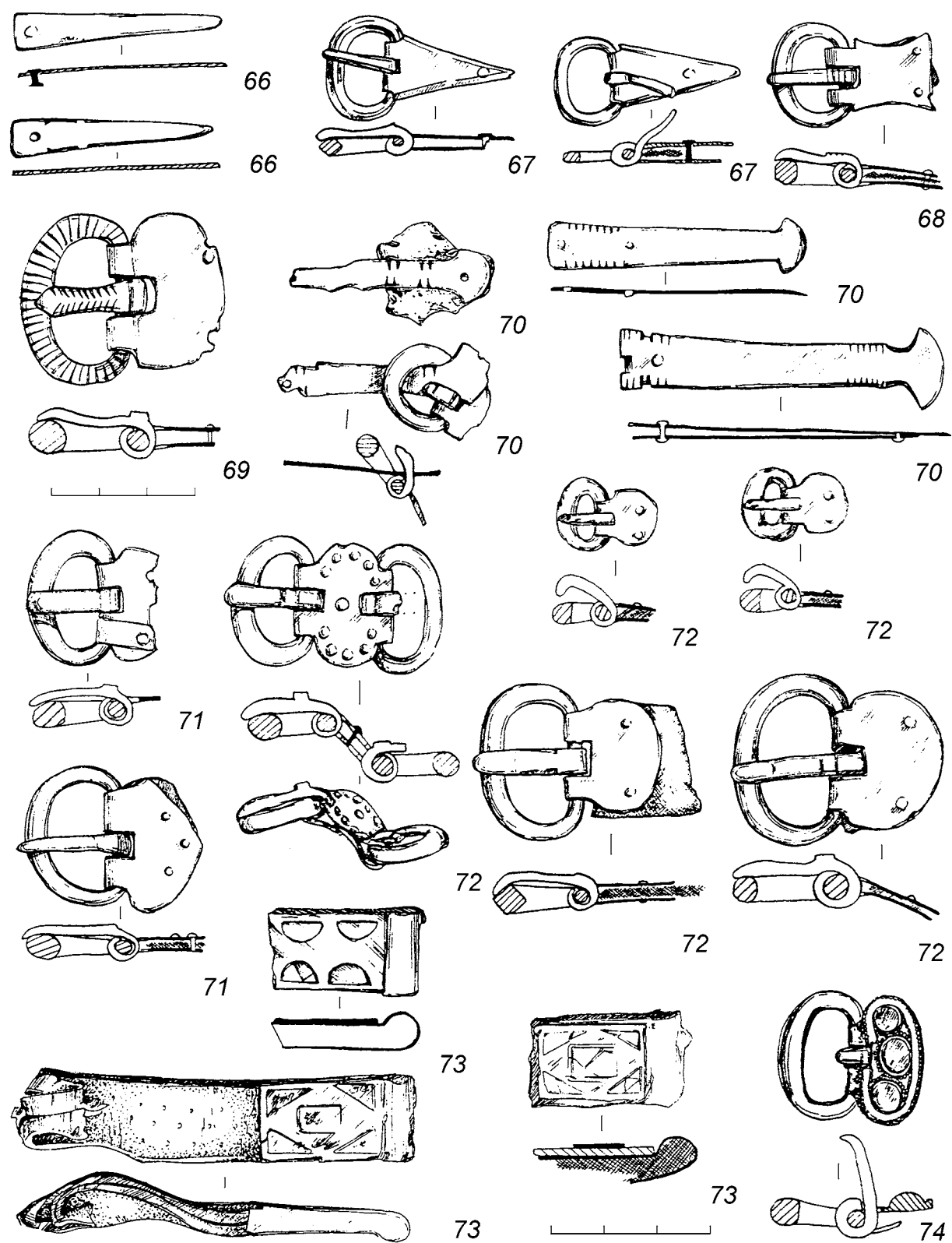

Рис.15. Тарасовский могильник. Вещи третьей основной группы: 66, 70, 73 – наконечники; 67-69, 71, 72, 74 – пряжки

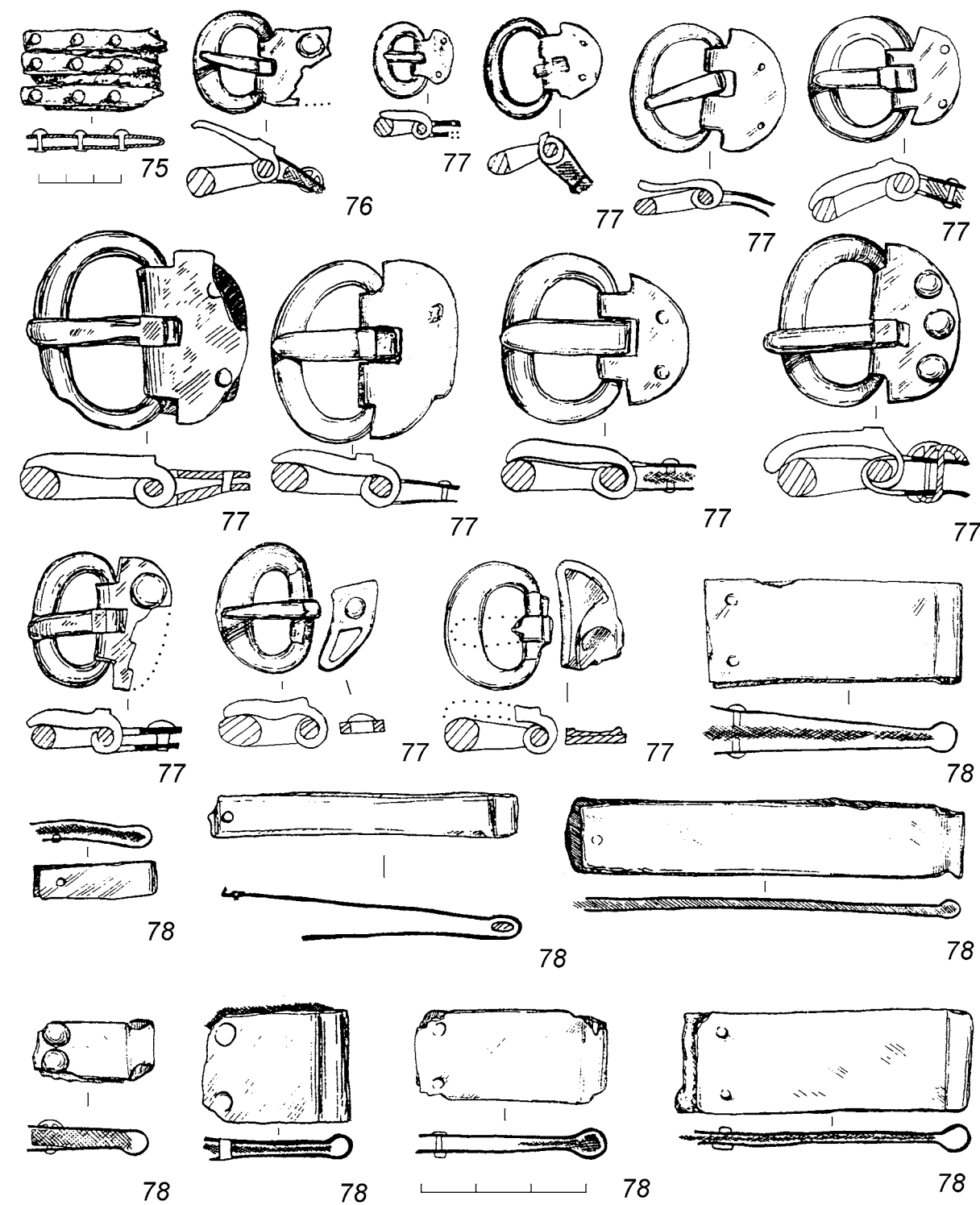

Рис.16. Тарасовский могильник. Вещи третьей основной группы: 75, 78 – наконечники; 76, 77 – пряжки

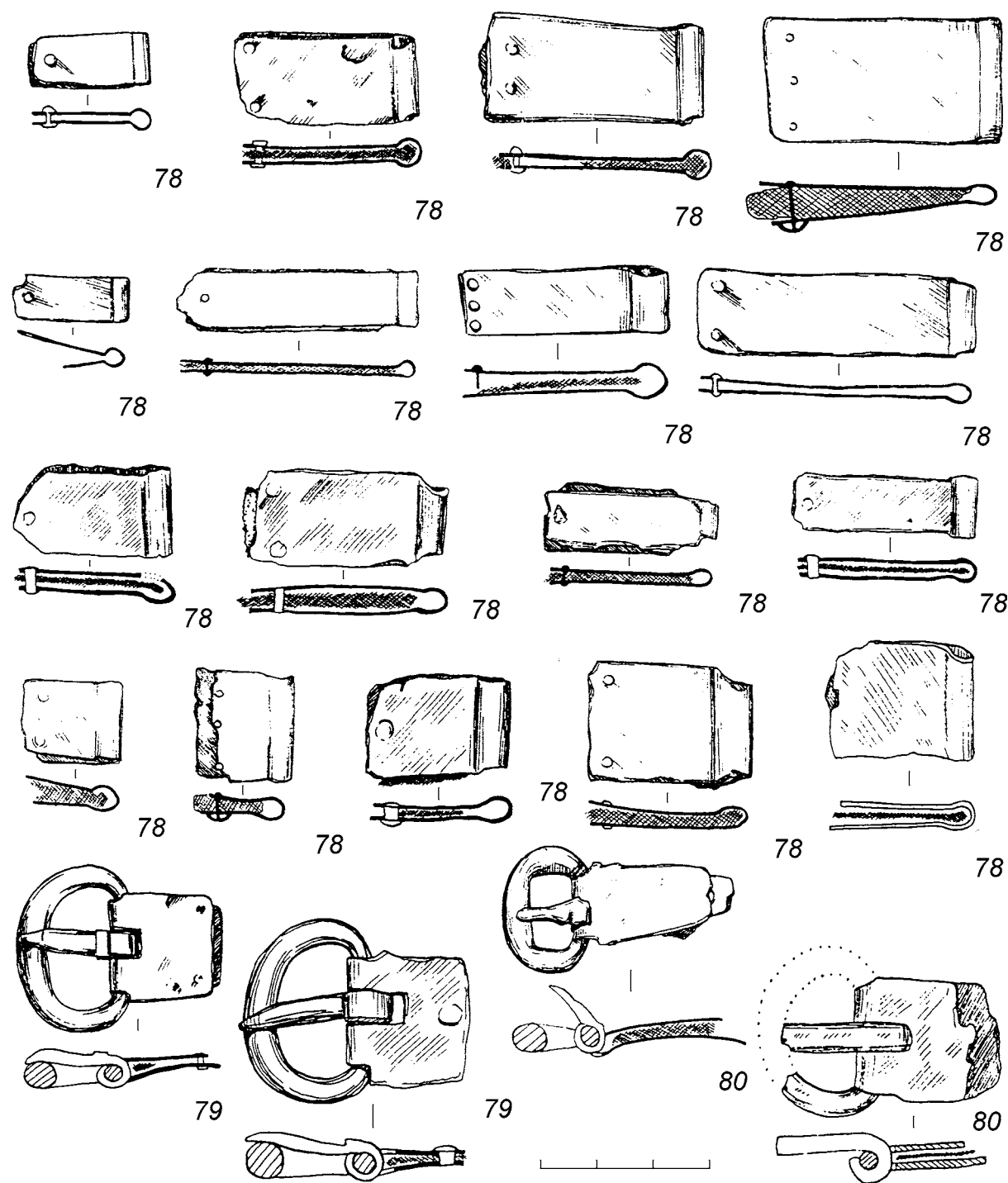

Рис.17. Тарасовский могильник. Вещи третьей основной группы: 78 – наконечники; 79, 80 – пряжки

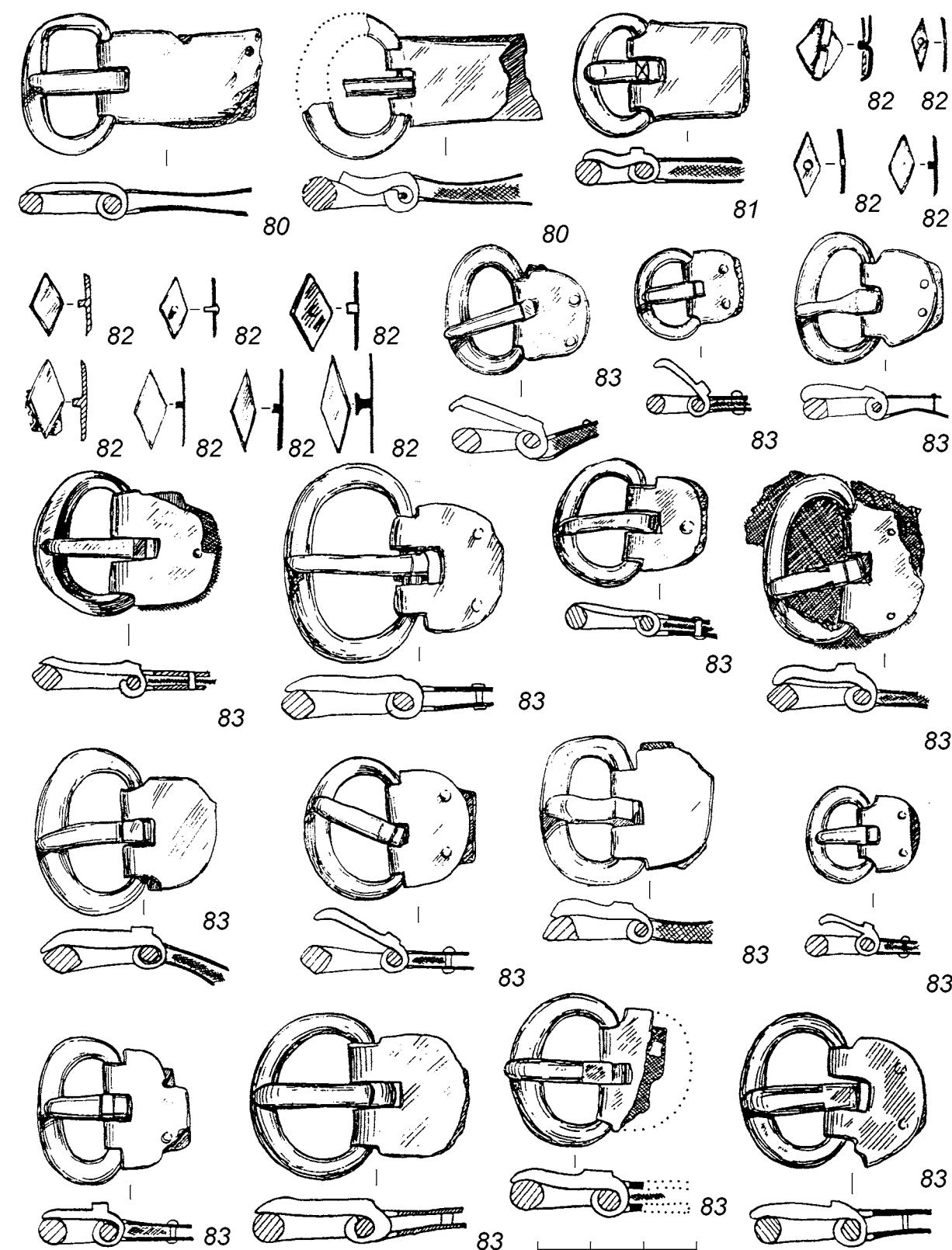
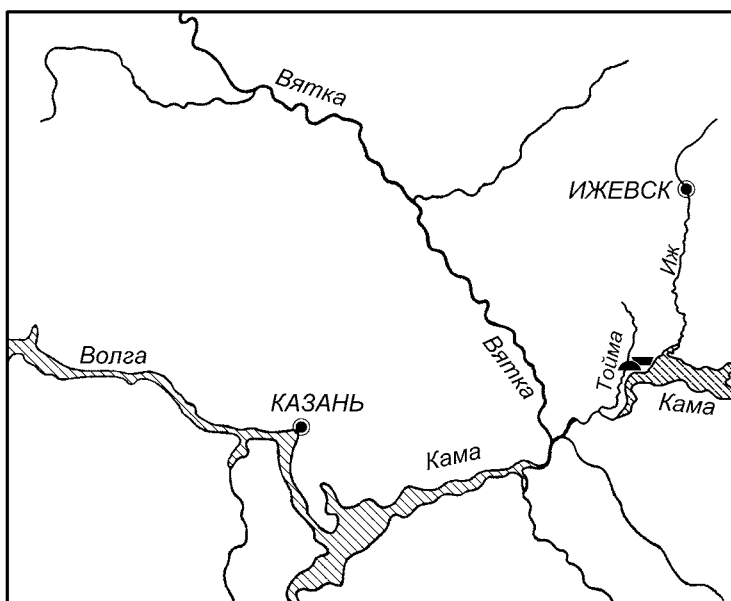
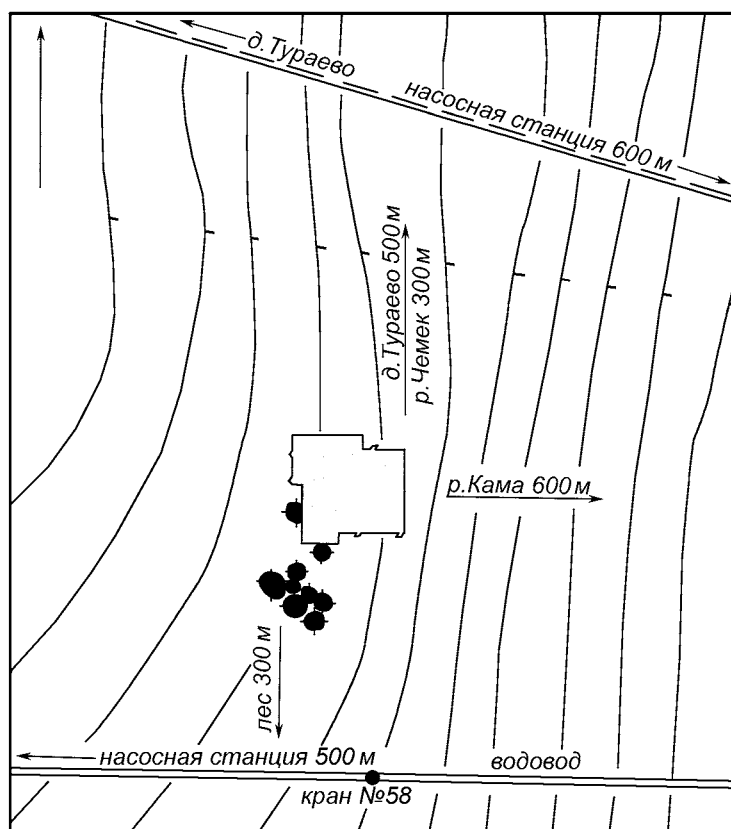

Рис.18. Тарасовский могильник. Вещи третьей основной группы: 80, 81, 83 – пряжки; 82 – накладки

Условные обозначения: - Тураевский I могильник

1

Условные обозначения: - курганы; - раскоп 1986-1990 гг.

2

Рис.1. Тураевский I могильник. 1 – схема расположения; 2 – топографический план

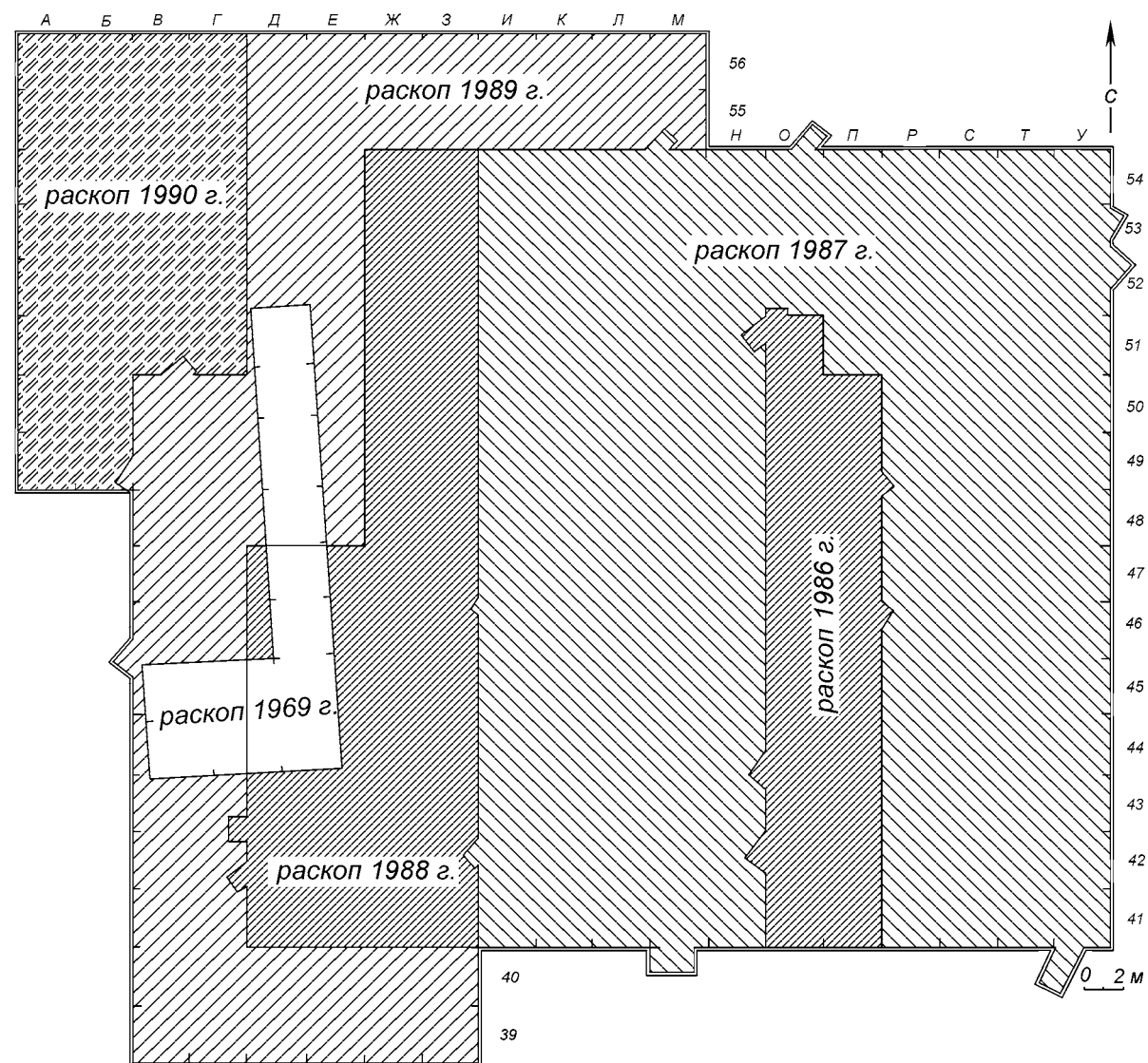

Рис.2. Тураевский I могильник. Схема раскопов 1986-1990 гг.

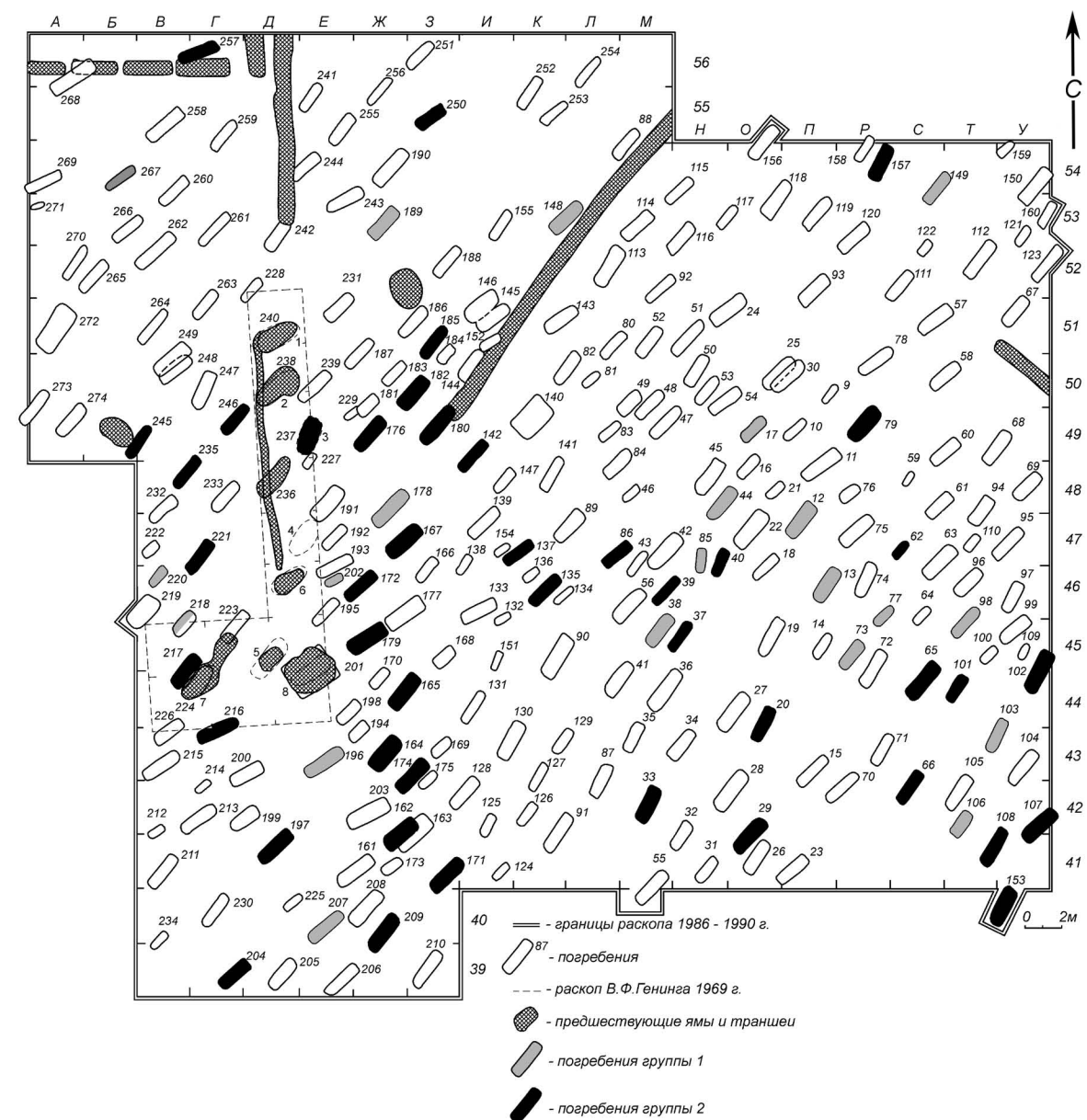

Рис.3. Тураевский I могильник. Планиграфическое распределение погребений групп 1 (вторая половина IV – начало V в. н.э.) и 2 (V в. н.э.)

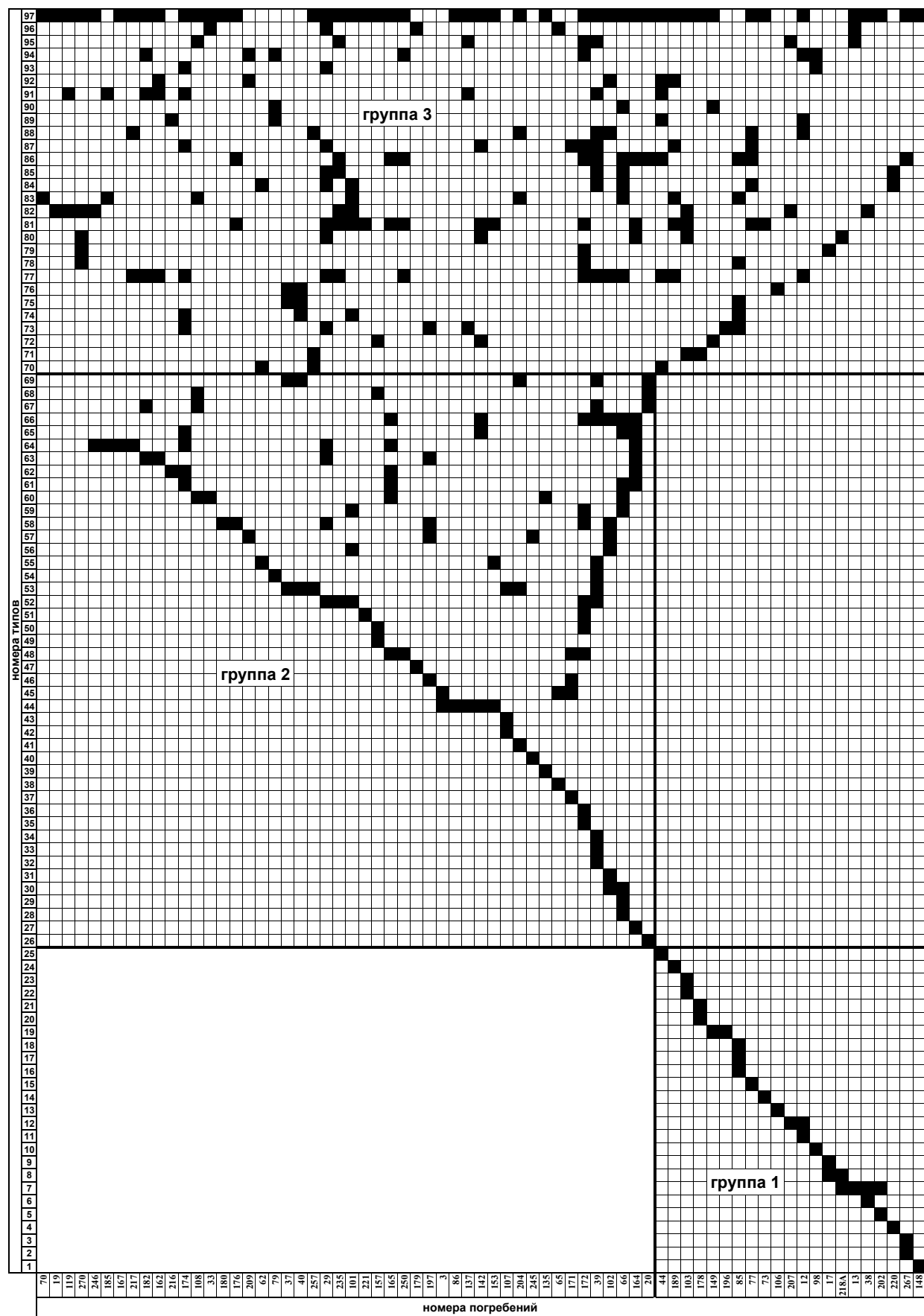

Табл.1. Тураевский I могильник. Взаимовстречаемость типов вещей

Табл.1. Тураевский I могильник. Взаимовстречаемость типов вещей. Группа 1 (вторая половина IV – начало V вв. н.э.): 1 – височная подвеска IIa; 2 – подвеска IX1a; 3 – пряжка ПБIV; 4 – фибула ДII; 5 – браслет I3a; 6 – пряжки IB; 7 – фибулы BIIa; 8 – подвески VIa; 9 – наконечники поясов I; 10 – пряжка IIIA1a1; 11 – пряжка IBII3a; 12 – подвески IIa; 13 – подвеска V3a; 14 – привески II2б; 15 – ПАIII-a; 16 – пряжки ПБII; 17 – пряжка ПБII2a1; 18 – пряжка IIIA; 19 – пряжки IAI-a, a1, 2; 20 – височная подвеска I2в; 21 – подвеска V2a; 22 – гривна IV2a; 23 – браслет II2; 24 – бляшки IIIa; 25 – наконечник пояса IAI. Группа 2 (V в. н.э.): 26 – накладки XIIIa; 27 – накладка ножжен ножа III2б; 28 – браслет VIa, б; 29 – привеска IX1a; 30 – браслет IIIa, в; 31 – накладки VIIIa; 32 – пряжка ПБIV1a1; 33 – накладка XIa; 34 – пронизка III-б; 35 – бляшки I4a; 36 – накладки IX1a; 37 – накладки VIIa; 38 – наконечник пояса IIAI2a; 39 – браслет I2; 40 – пряжка IIIAI2a1; 41 – пряжка ПБII3a1; 42 – подвески IV1a; 43 – пряжка ПБII4a1; 44 – гривны IIIa, б; 2a; 45 – пряжки IAI-a, a2; 46 – пряжки IAV-a, б; 47 – наконечник пояса IAIa; 48 – накладки VIIa, б; 49 – фибула AII2a; 50 – пронизки II-a, б; 51 – подвески VIIa; 52 – накладки II2г; 53 – наконечники ремней (поясов и обуви) PAIIa, б; 54 – накладки XIV1a, б; 55 – гривны VIa, б; 56 – пряжки IIIA; 57 – накладки IIIa, б, в; 58 – браслеты III, 1a; 59 – пронизки VI-a, б; 60 – фибула BI2a; 61 – накладки II2д, е; 62 – пряжки IB; 63 – накладки XIIIa, б; 64 – браслет II; 65 – накладки II2к, л, м; 66 – наконечники ремней (поясов и обуви) I, ПБ; 67 – пряжки – IBIIa; 2a, б; 68 – височные подвески I2б1, 2; 69 – накладки IV1a; 2a. Группа 3 (вторая половина IV – V вв. н.э.): 70 – браслеты IV1a, б; 71 – подвески IIIa, б; 72 – наконечники поясов IA; 73 – бляшки IIa; 2a; 74 – наконечники ремней (поясов и обуви) PAIIa; 75 – пряжки ПБIIa; 76 – пряжки PAI-a, a1; 77 – гривны I2a, б, в; 78 – подвески VIIa; 79 – пряжки IBII2б, 2б1; 80 – накладки XII2a, б, в, г, д; 81 – фибулы AI3a, б; 82 – гривны IIa, б; 83 – гривны IIIa; 2a; 84 – пронизки I-a, б; 85 – пронизки III-a; 86 – пронизки IV-a; 87 – бляшки I3a, б, в, г; 88 – фибулы BIIб; 2a; 89 – накладки XIIa, б, в; 90 – пряжки IBII; 91 – фибулы AI2a, б; 92 – пряжки IBIIa; 2a, 2a1; 93 – накладки IIa, б, в; 94 – наконечники ремней (поясов и обуви) IAI2; 95 – браслеты IIa, б, в; 96 – IBII; 97 – височные подвески IIб1, 2

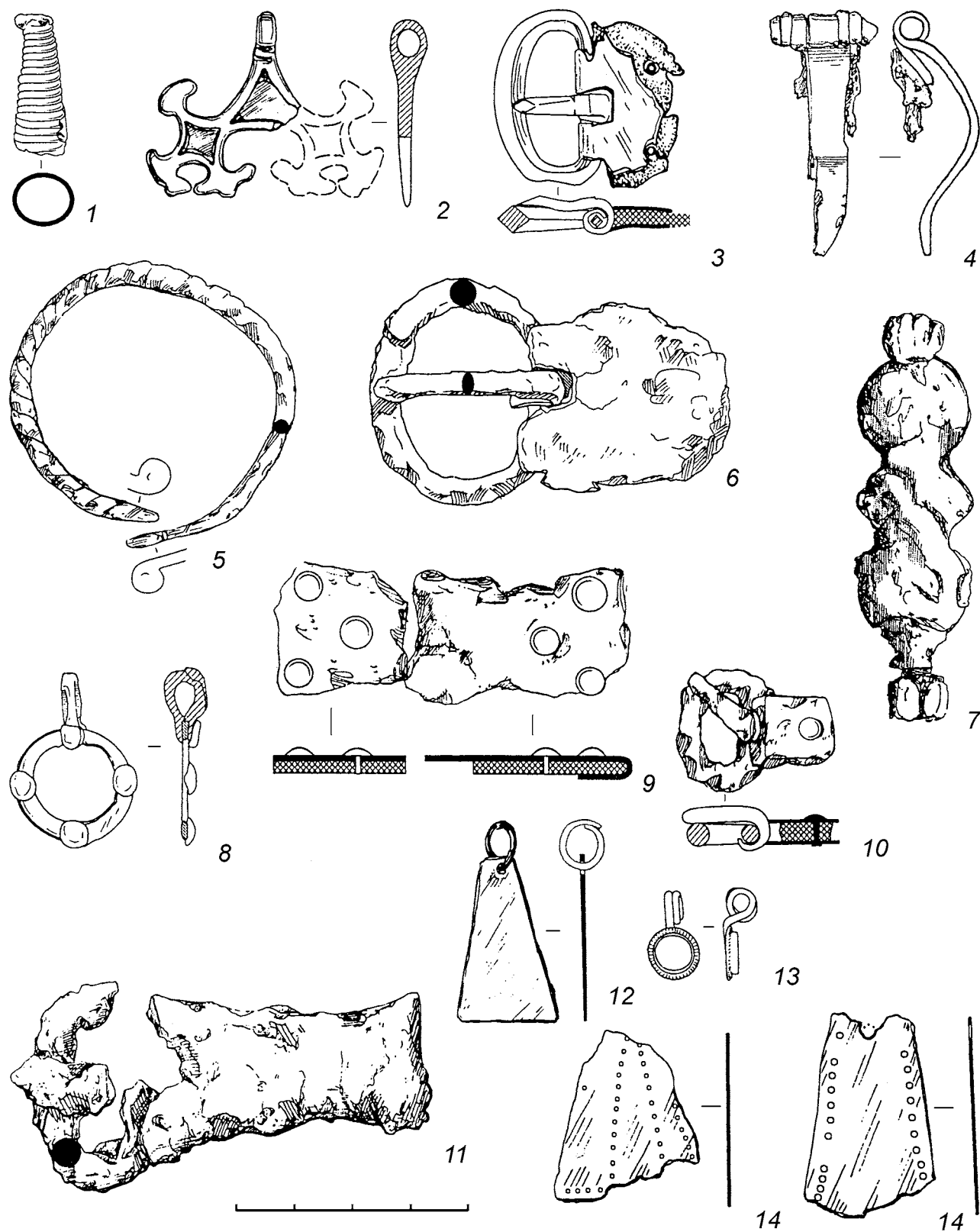

Табл.2. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 1 – конец IV – начало V вв. н.э.: 1 – височная подвеска; 2, 8, 12, 13 – подвески; 3, 6, 10, 11 – пряжки; 4, 7 – фибулы; 5 – браслет; 9 – наконечник пояса; 14 – привески. Здесь и далее (табл.2-14) номера предметов соответствуют порядковым номерам в таблице 1 – взаимовстречаемость типов вещей

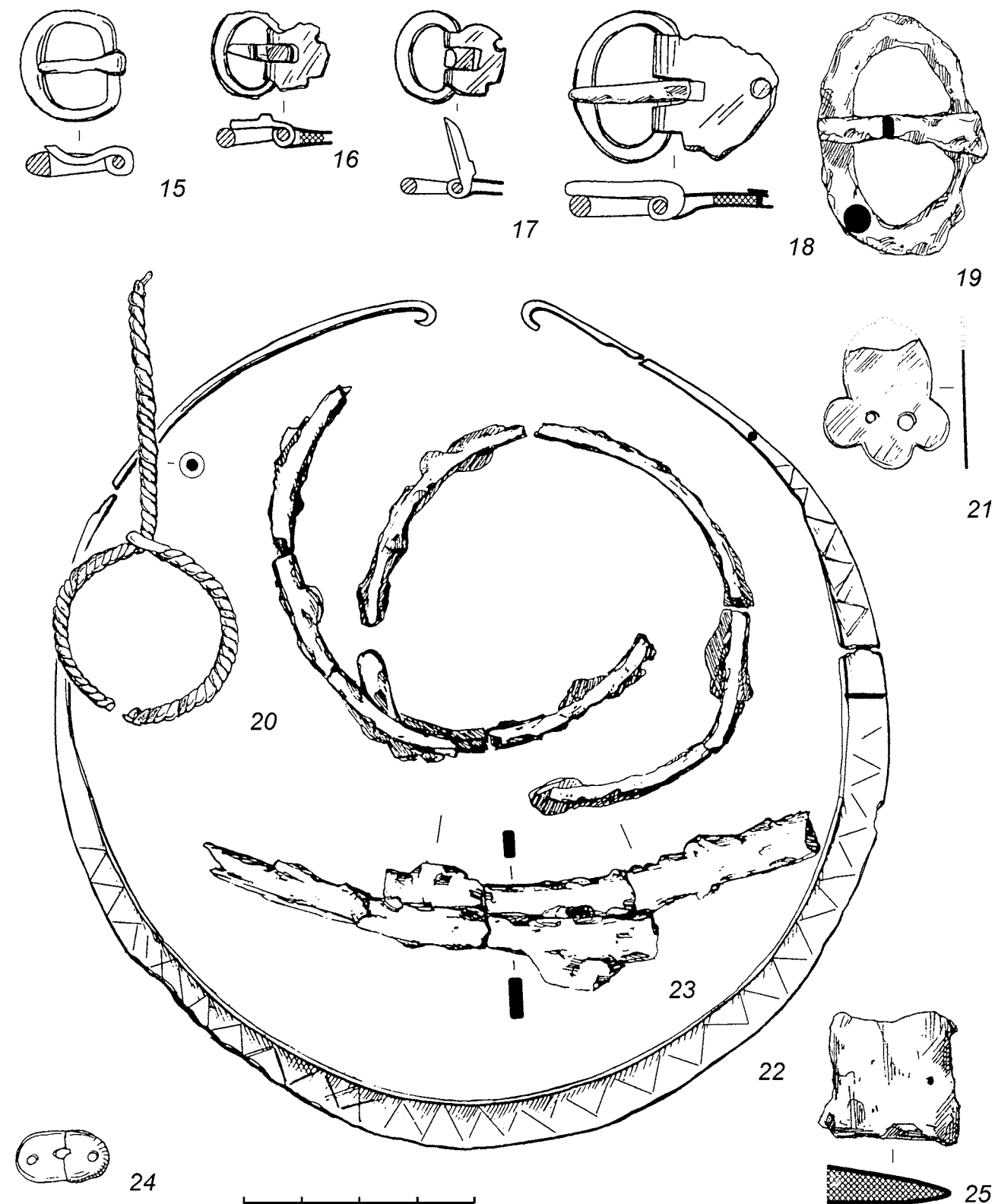

Табл.3. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 1 – конец IV – начало V вв. н.э.: 15-19 – пряжки; 20 – височная подвеска; 21 – подвеска; 22 – гривна; 23 – браслет; 24 – бляшка; 25 – фрагмент наконечника пояса

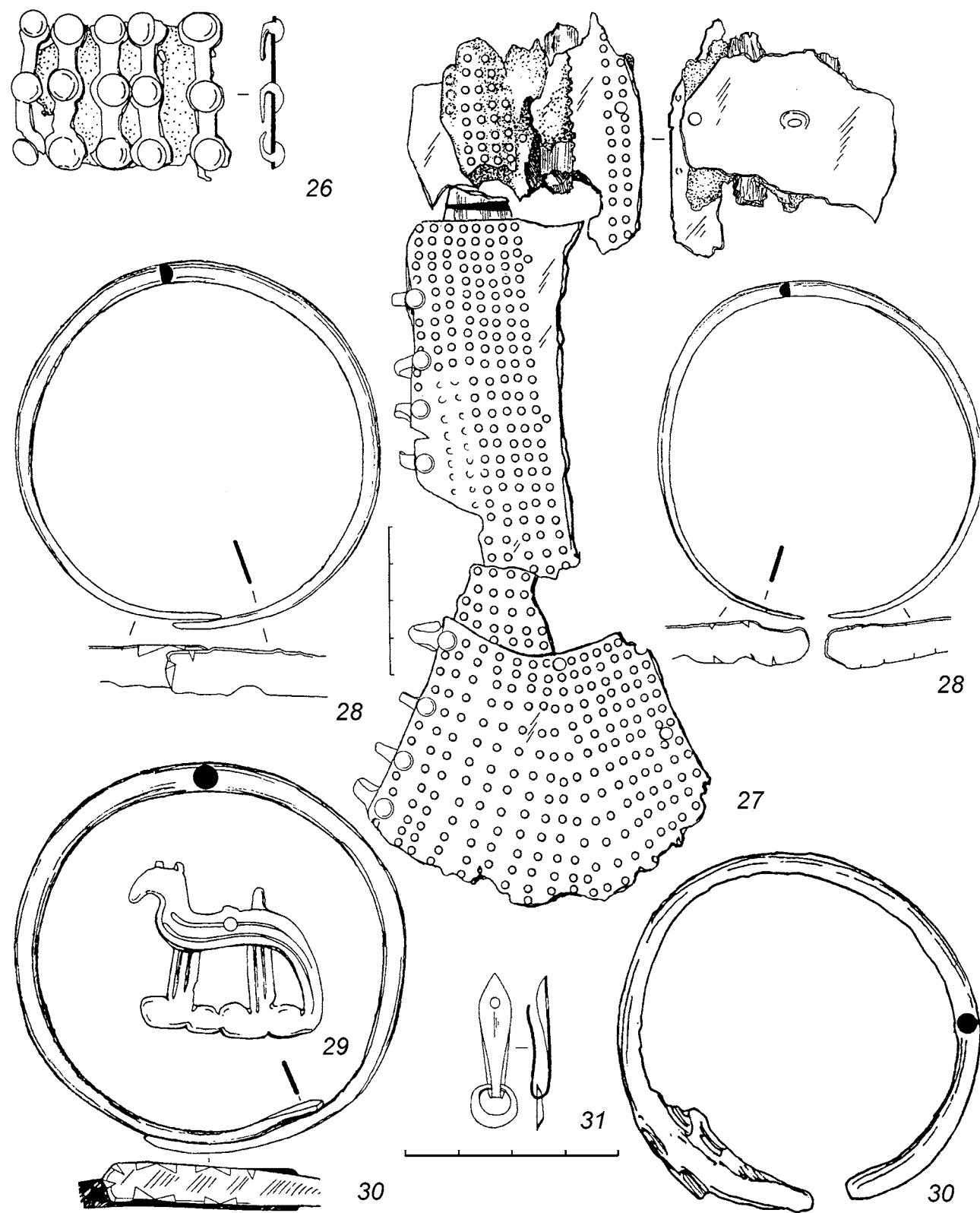

Табл.4. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 26, 31 – накладки; 27 – ножны; 28, 30 – браслеты; 29 – привеска

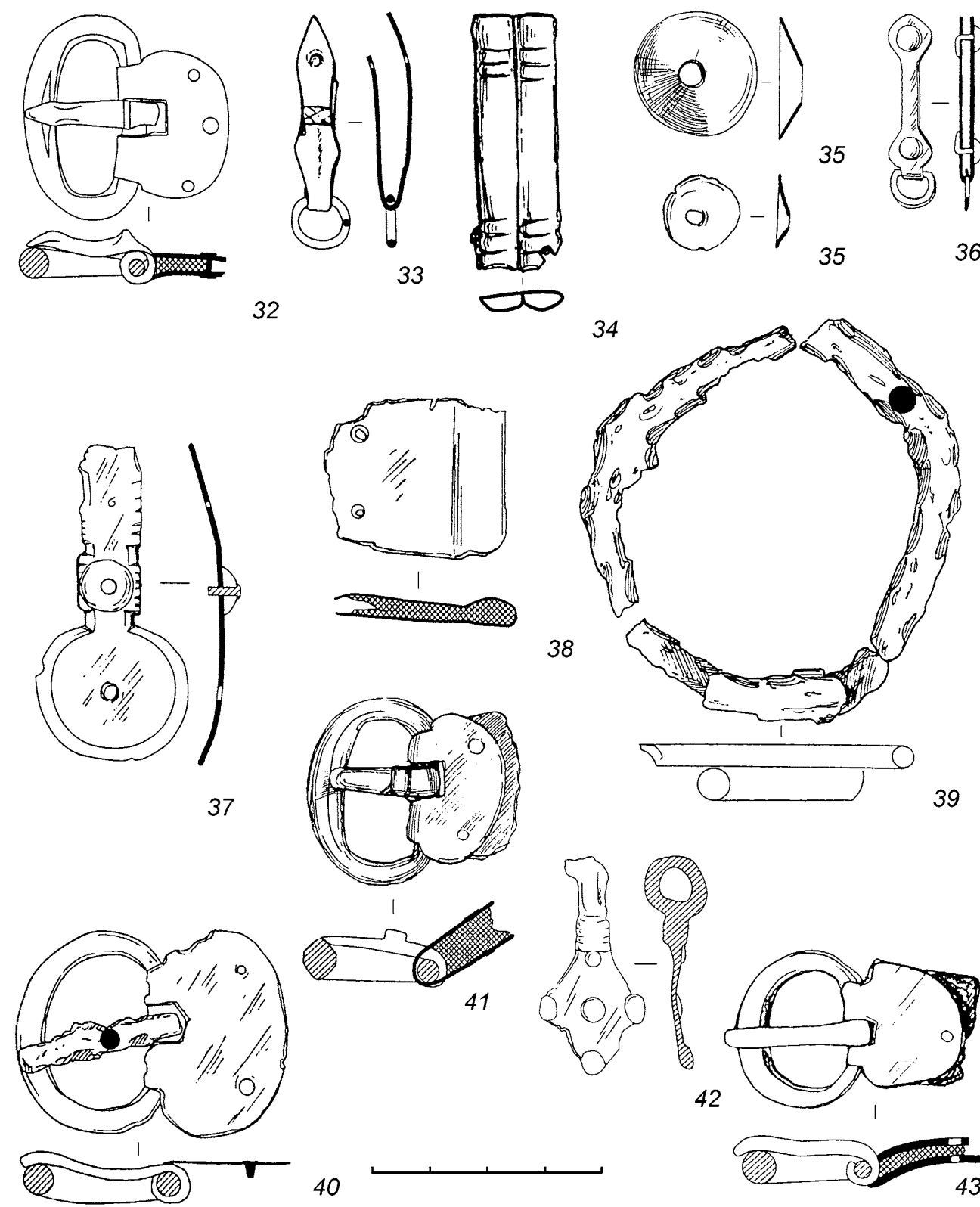

Табл.5. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 32, 40, 41, 43 – пряжки; 33, 36, 37 – накладки; 34 – пронизка; 35 – бляшки; 38 – наконечник пояса; 39 – браслет; 42 – подвеска

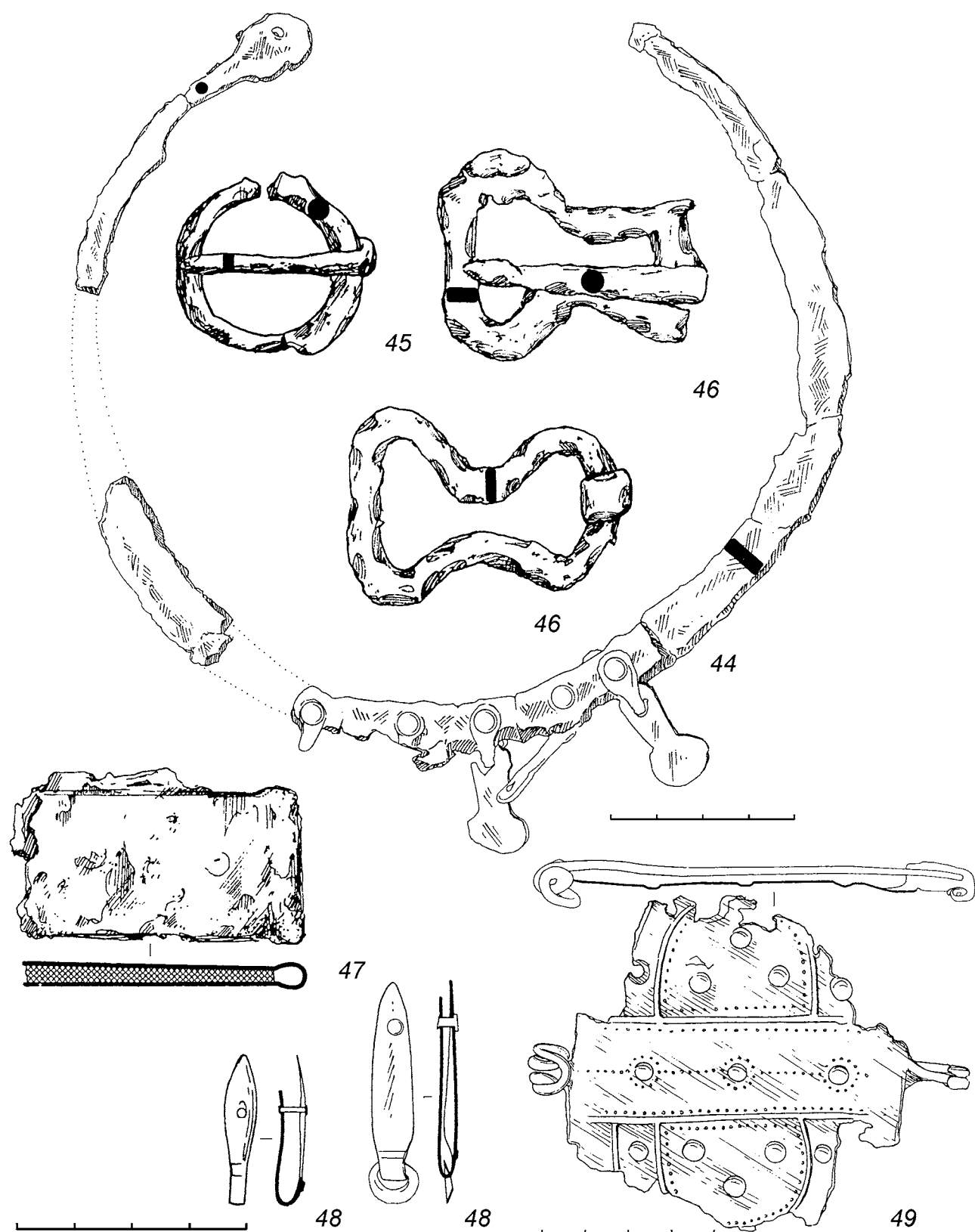

Табл.6. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 44 – гривна; 45, 46 – пряжки; 47 – наконечник пояса; 48 – накладки; 49 – фибула

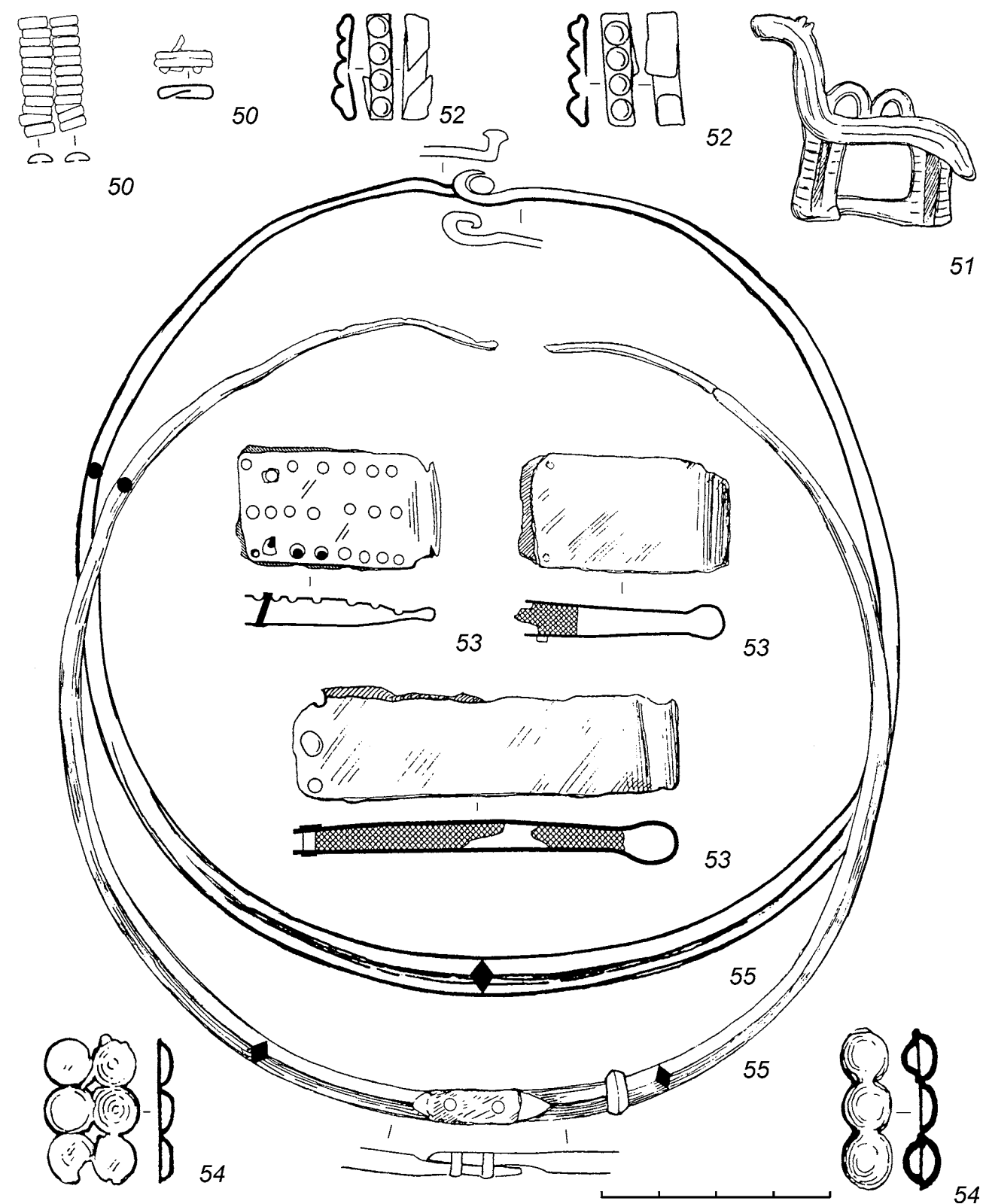

Табл.7. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 50 – пронизки; 51 – подвеска; 52, 54 – накладки; 53 – наконечники поясов; 55 – гривны

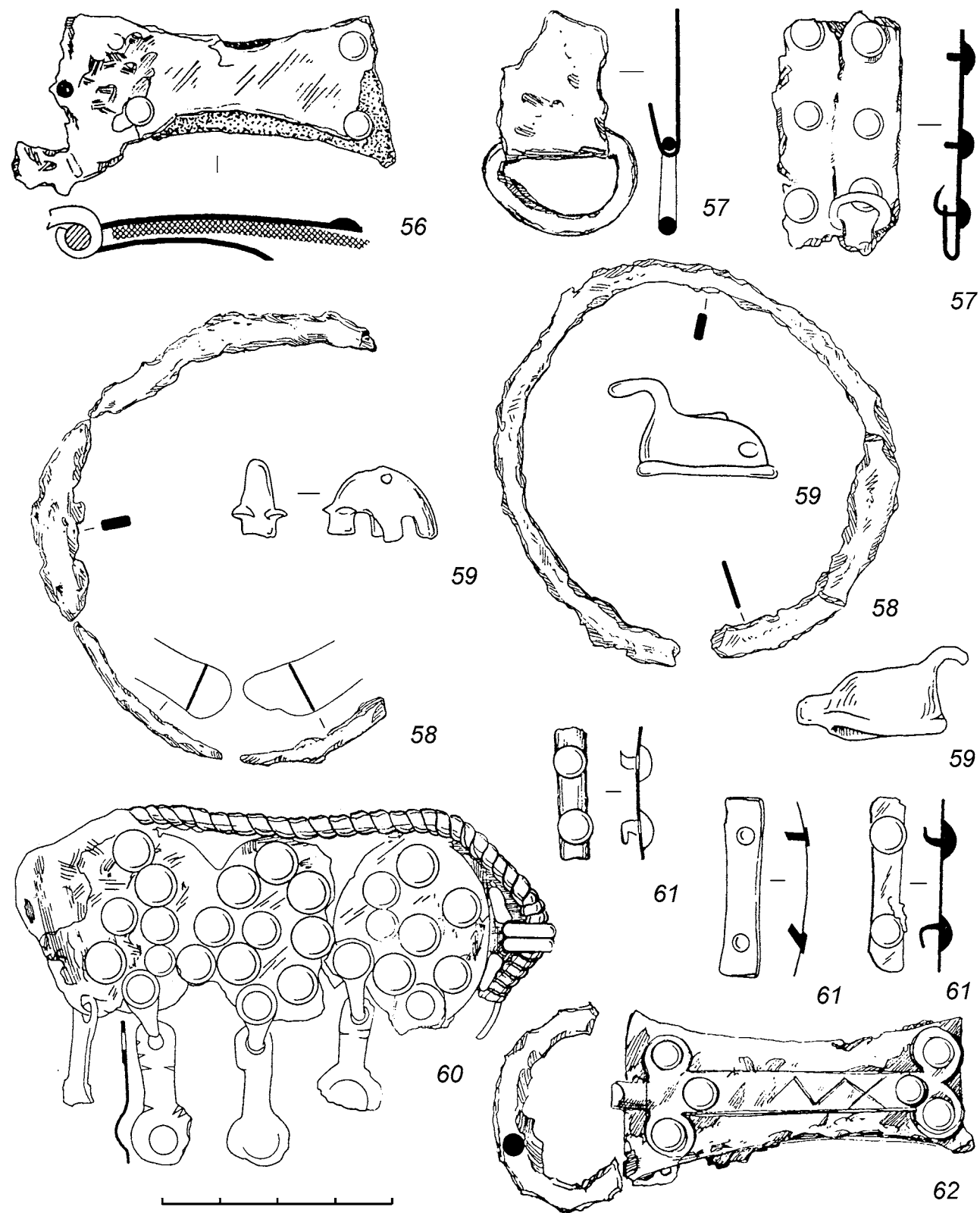

Табл.8. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 56, 62 – фрагменты пряжек; 57, 61 – накладки; 58 – браслеты; 59 – пронизки; 60 – фибула

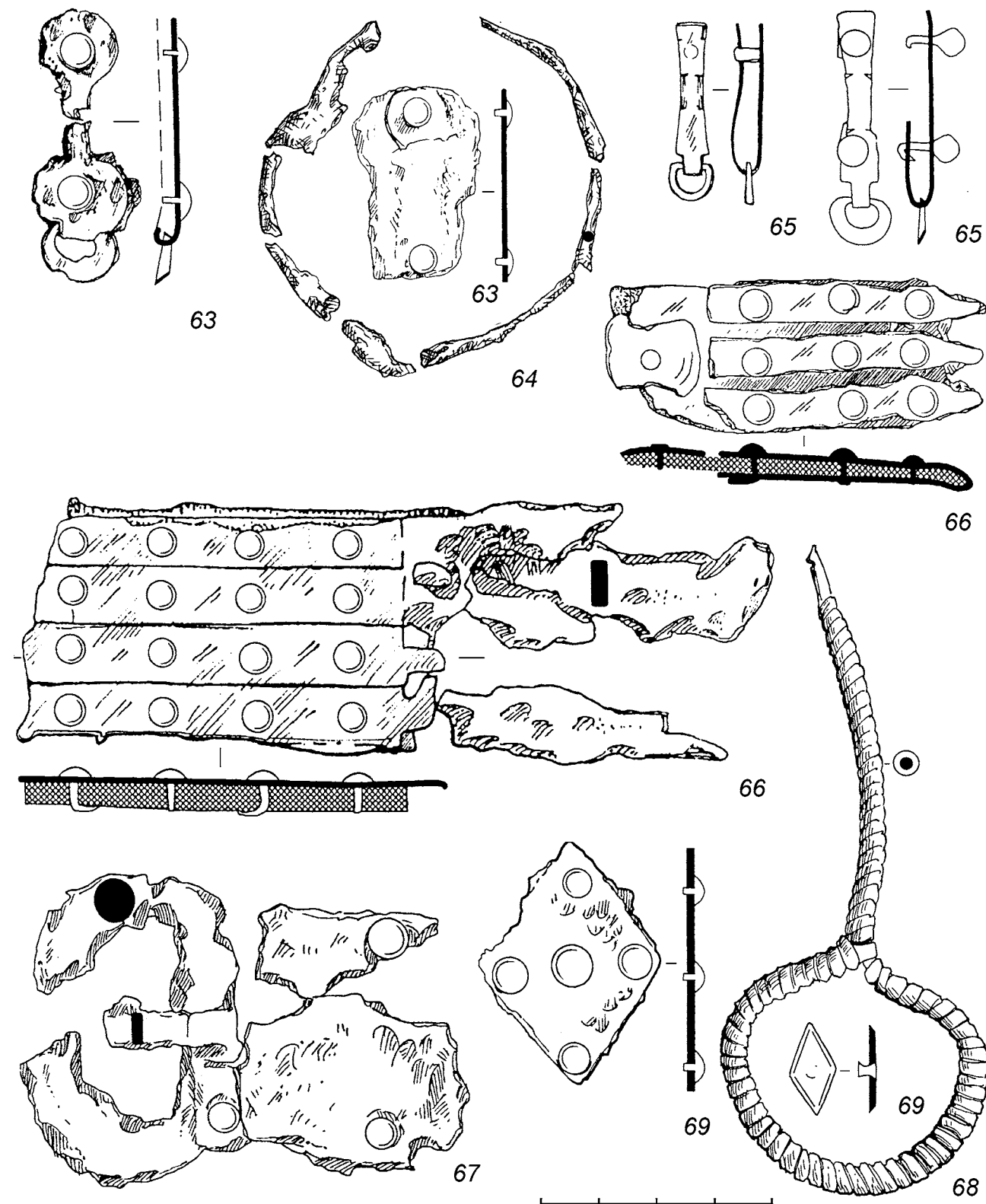

Табл.9. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 2 – V вв. н.э.: 63, 65, 69 – накладки; 64 – фрагменты браслета; 66 – обувной и поясной наконечники; 67 – пряжка; 68 – височная подвеска

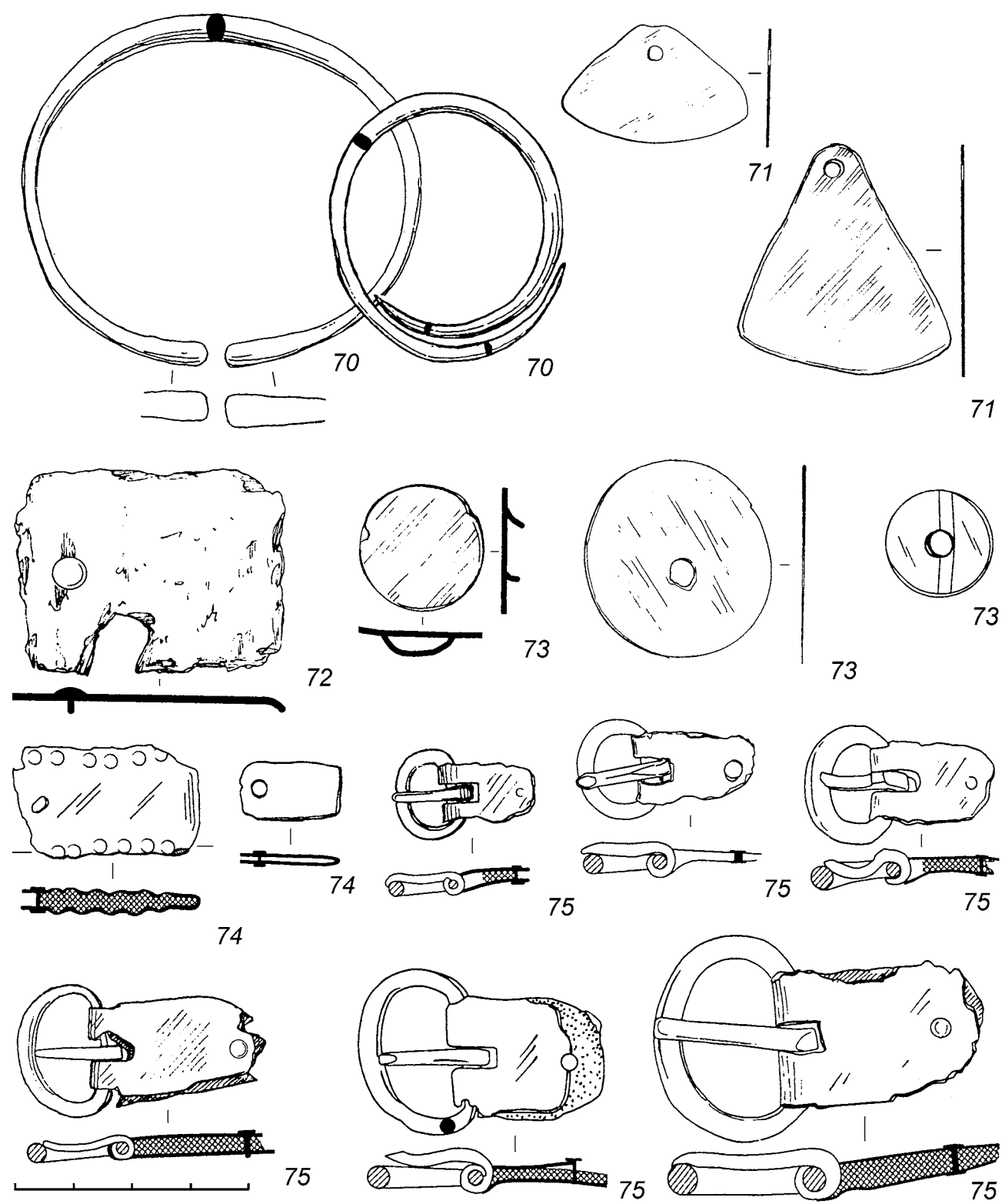

Табл.10. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 3 – вторая половина IV – V вв. н.э.: 70 – браслеты; 71 – подвески; 72, 74 – поясные и обувной наконечники; 73 – бляшки; 75 – пряжки

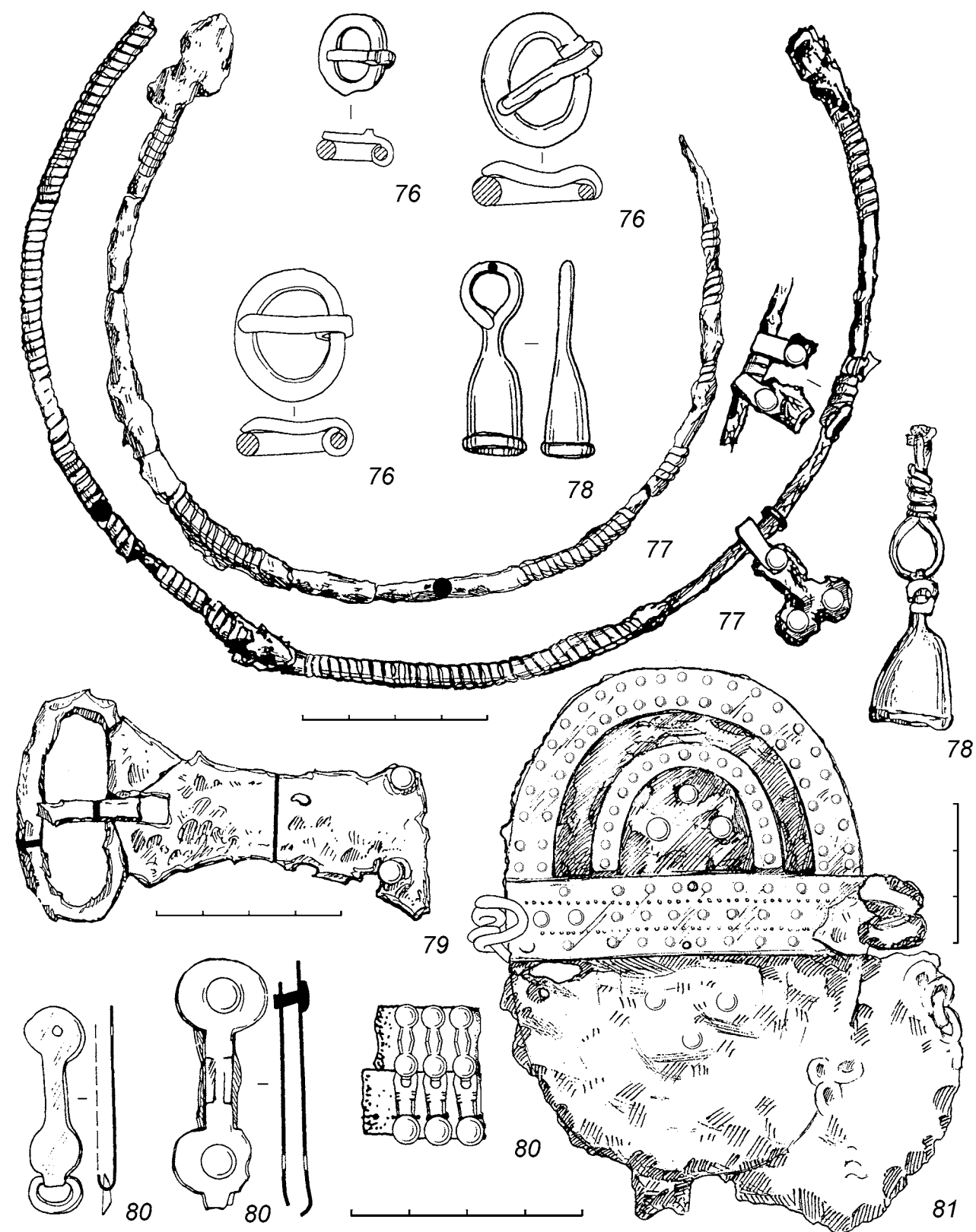

Табл.11. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 3 – вторая половина IV – V вв. н.э.: 76, 79 – пряжки; 77 – гривны; 78 – подвески; 80 – накладки; 81 – фибула

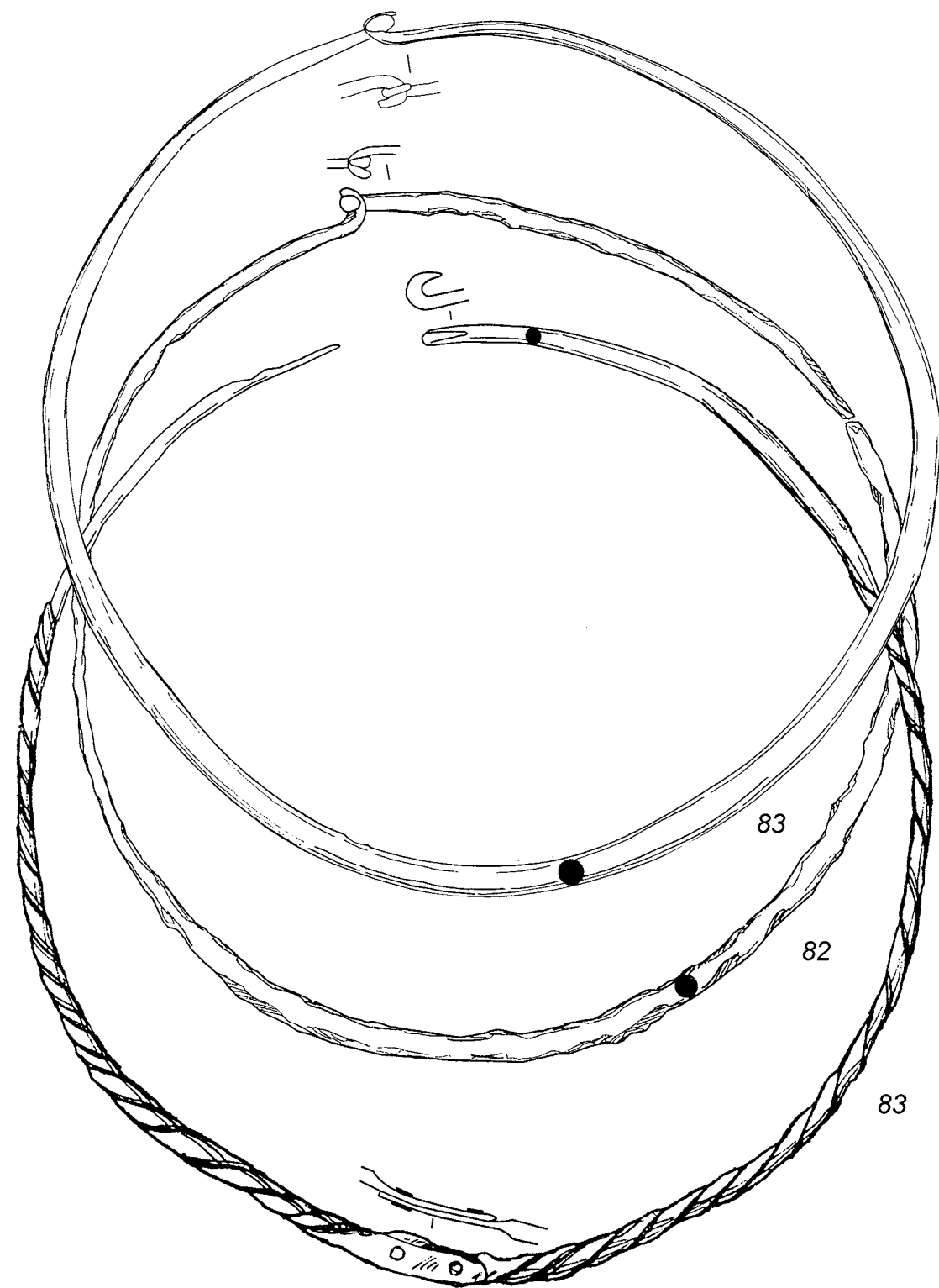

Табл.12. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 3 – вторая половина IV – V вв.
н.э.: 82, 83 – гривны

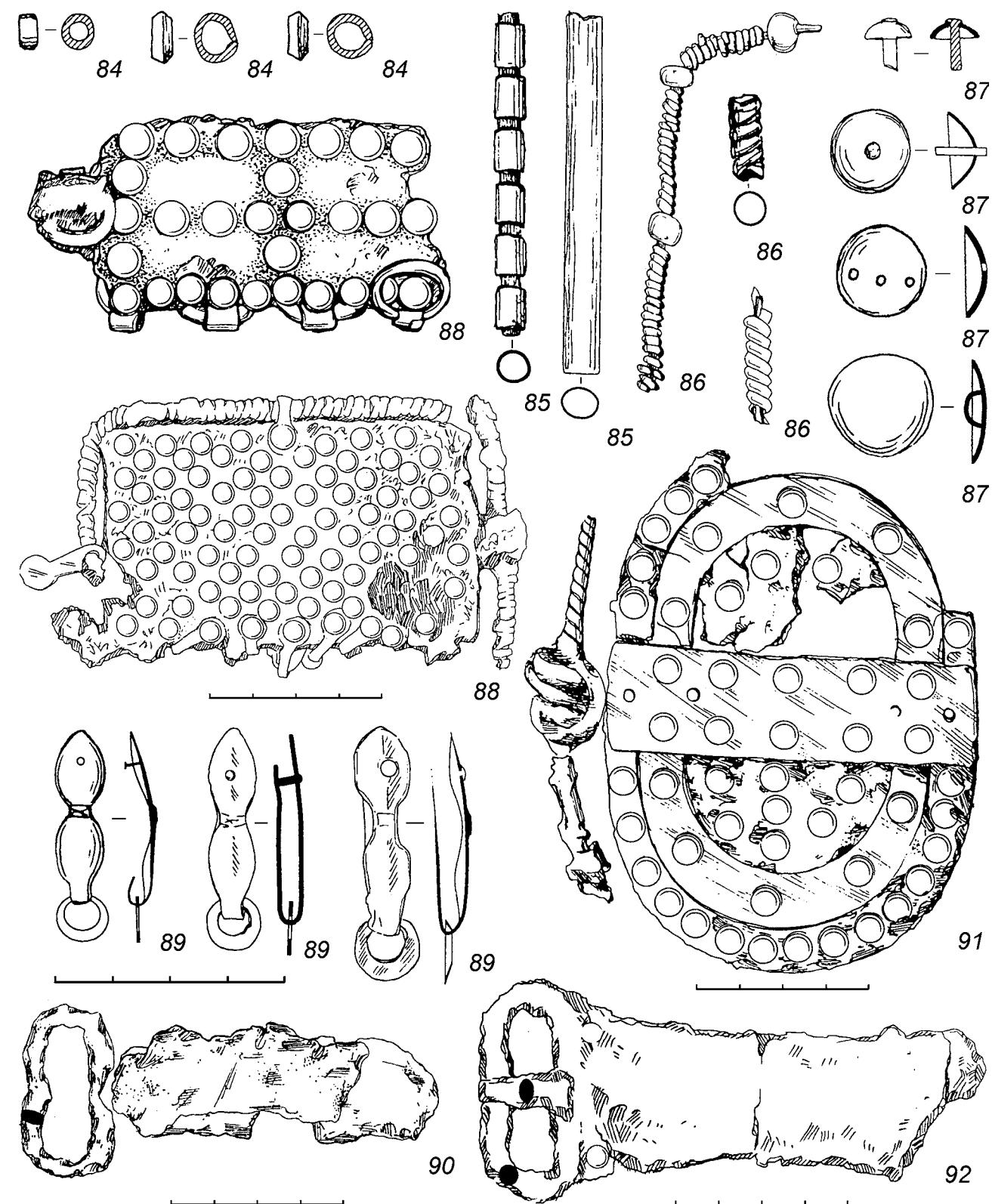

Табл.13. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 3 – вторая половина IV – V вв.
н.э.: 84-86 – пронизки; 87 – бляшки; 88, 91 – фибулы; 89 – накладки; 90, 92 – пряжки

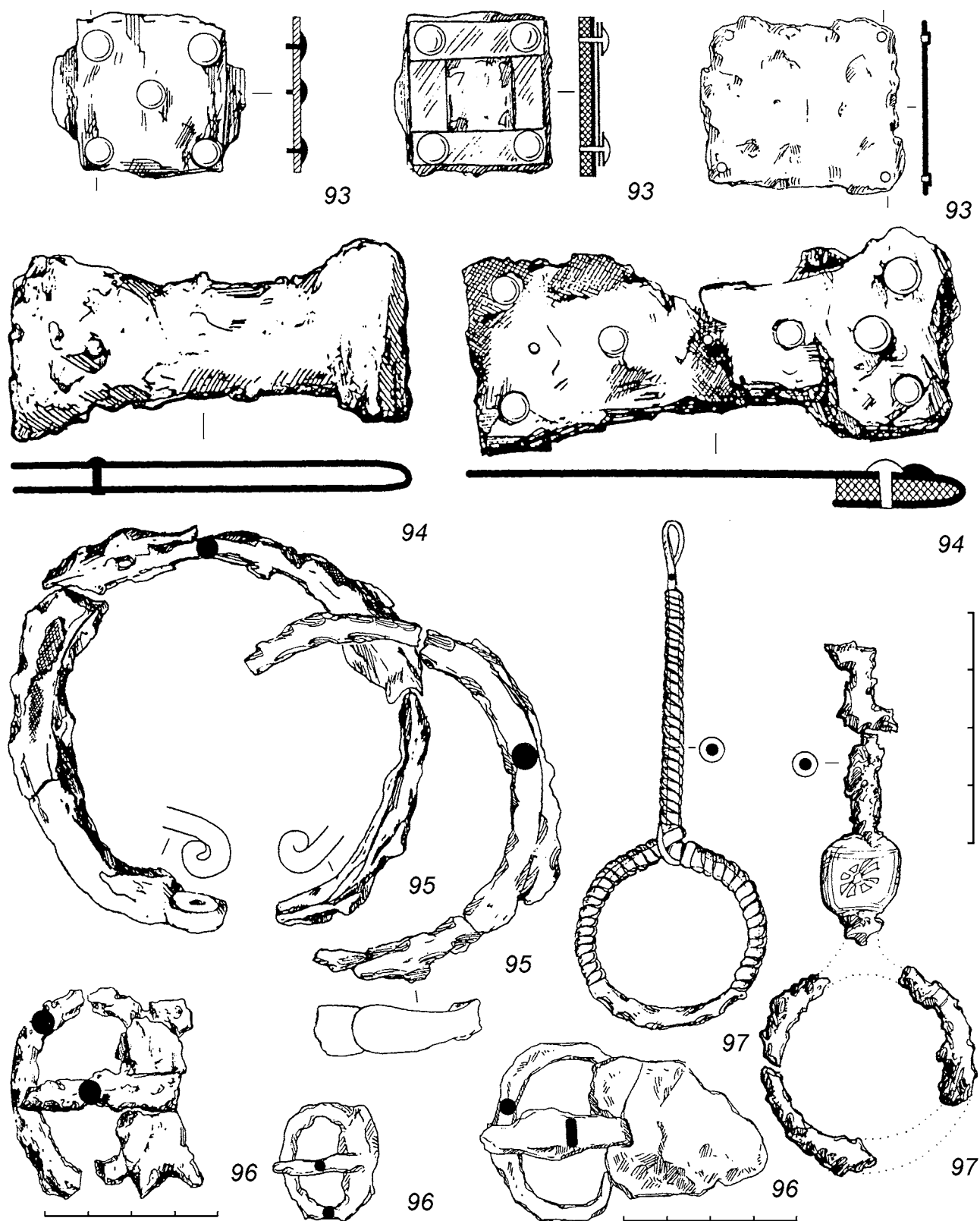
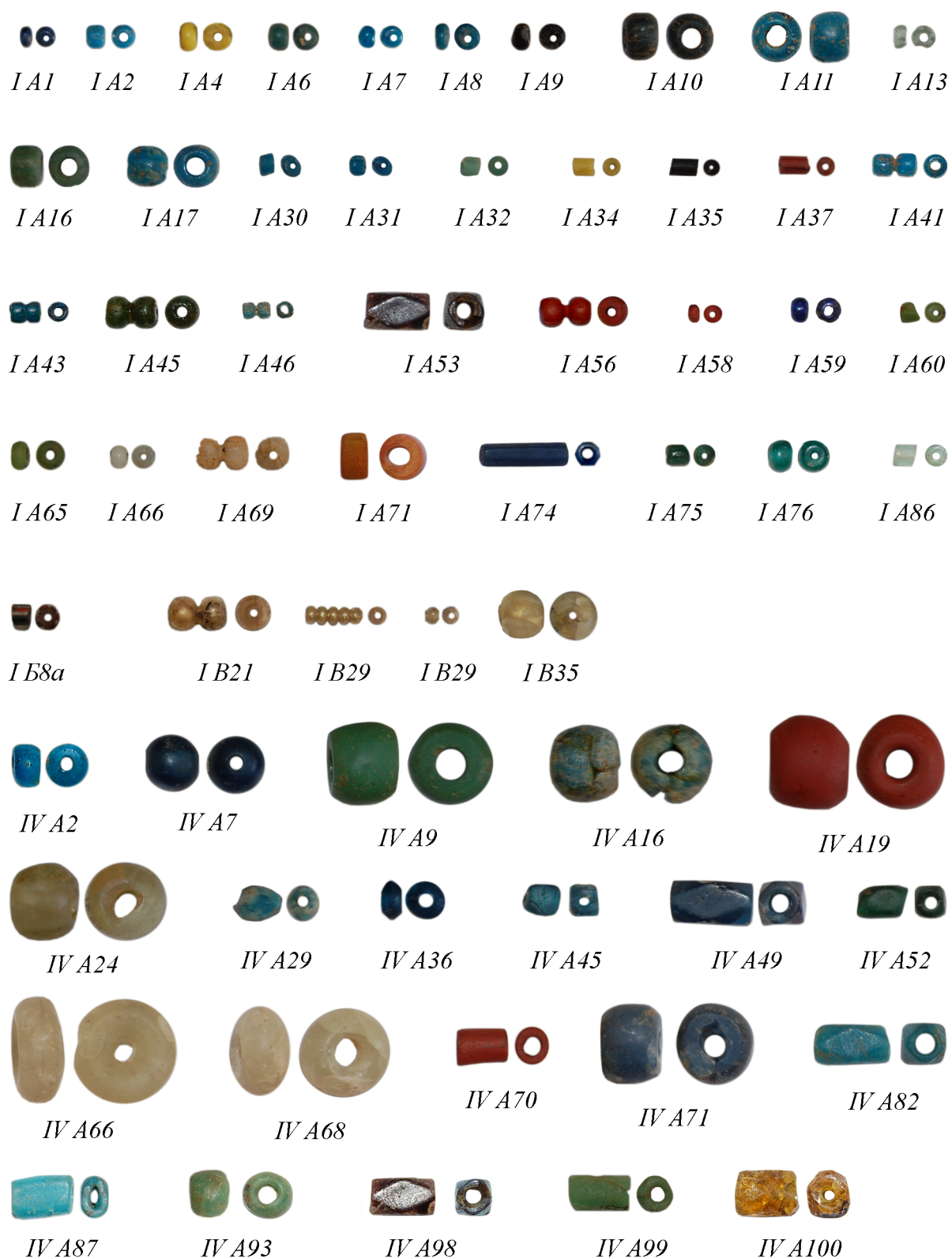

Табл.14. Тураевский I могильник. Вещи хронологической группы 3 – вторая половина IV – V вв. н.э.: 93 – накладки; 94 – наконечники поясов; 95 – браслеты; 96 – пряжки; 97 – височные подвески

Рис.1. Типология бус Тураевского I могильника

Рис.2. Типология бус Тураевского I могильника

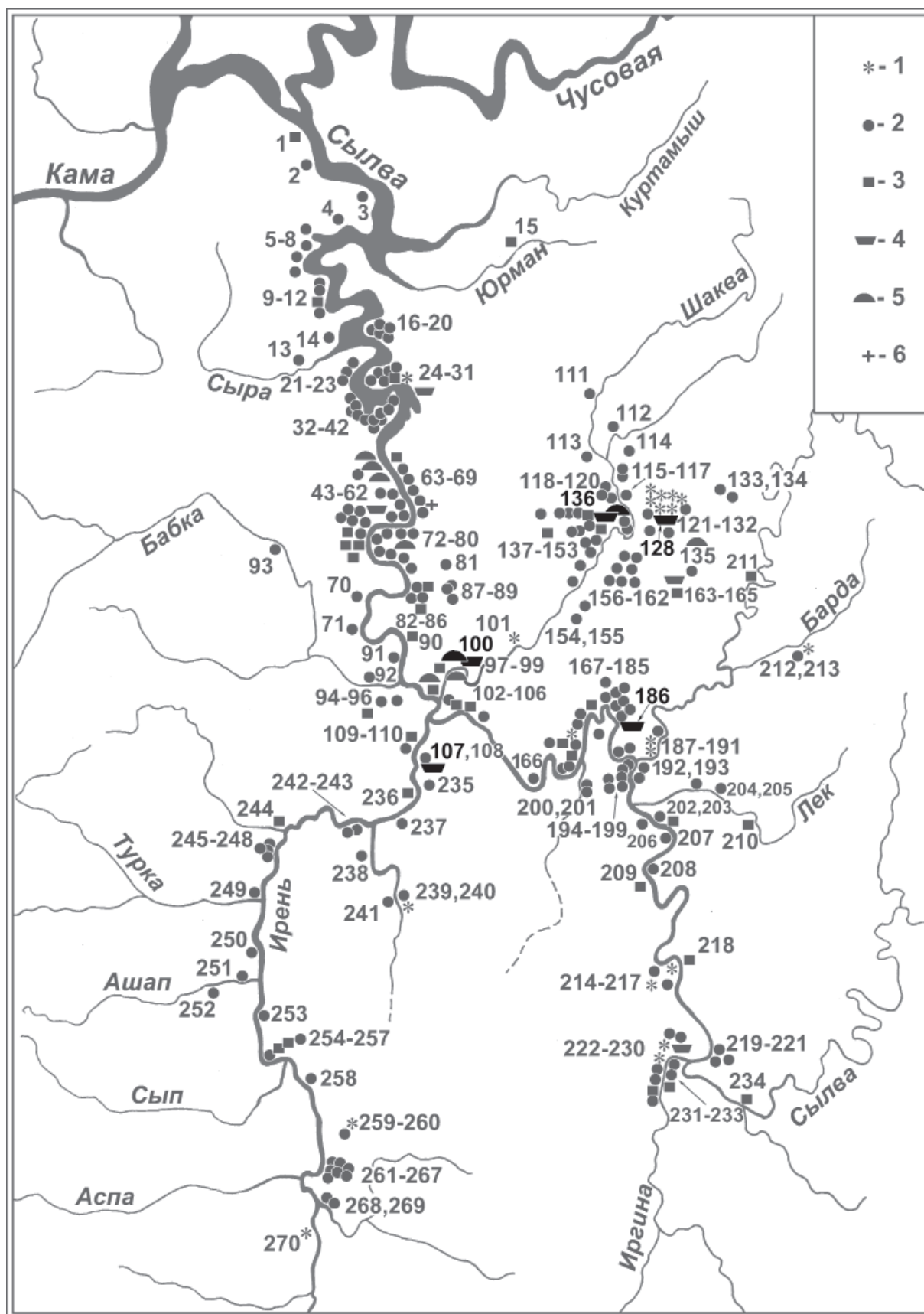

Рис. 1. Карта-схема размещения памятников неволинской культуры. Условные обозначения: 1 – место находки отдельных предметов, клад; 2 – поселение, селище; 3 – городище; 4 – бескурганный могильник; 5 – курганный могильник; 6 – костыще, жертвенное место. 1. Сылвенское (Пеганкова Гора) городище; 2. Усть-Вороновское селище; 3. Троица, селище; 4. Ерепетовское селище; 5. Усть-Бродовское селище; 6. Мыс-Бродовское селище; 7, 8. Жабрейские I, II селища; 9, 10. Никулино I, II, селища; 11, 12. Усть-Громотуха, городище и селище; 13. Горный, селище; 14. Староверское селище; 15. Городищенское городище; 16, 17. Насадка I, II, селища; 18-20. Карьи I-III, селища; 21-23. Горюшки I-III, селища; 24. Киселево, селище; 25. Стерляговские находки; 26, 27. Стелягово I, II, селища; 28. Ново-Стерляговское поселение; 29, 30. Елkinsкое (Городищенское) городище и селище; 31. Горбунятский могильник; 32-36. Гари I-V, селища; 37-41. Шатовские I-V селища; 42. Щелканы, селище; 43. Курган у озера Дикого; 44, 45. Заборские курганы и селище; 46-48. Калашниковский курганный могильник и I, II селища; 49-51. Гамовские I-III селища; 52-56. Новые, могильник и I-IV селища; 57-60. Якшевитские I, II селища и I, II городища; 61. Казарятское городище; 62. Подъельничное (Лысчаг) городище; 63-68. Ломотинские городище, I-IV селища и костыще; 69. Зуятское селище; 70. Снегиревское селище; 71. Каширино, селище; 72-74. Курманаевский курганный могильник и I, II селища; 75-79. Кинделинские I-V селища; 80. Кислое озеро (Дикуши), селище; 81. Пестеревское селище; 82, 83. Усть-Мечкинские селище и городище; 84, 85. Выползово I, II, селища; 86. Каширинское городище; 87, 88. Заспалово I, II, селища; 89. Урмы, селище; 90, 91. Подкаменное городище и селище; 92. Балалы, селище; 93. Усть-Курашим, селище; 94. Березовское селище; 95. Киселевское селище; 96. Новиковское городище; 97, 98. Спасское городище и курганы; 99. Бродовское (на Взъеме) городище; 100. Бродовский курганный могильник; 101. Комаровский клад; 102. Плехановские курганы; 103. Селянино Озеро, селище; 104. Кунгурское II городище; 105. Ермаково городище; 106. Филипповское селище; 107, 108. Неволинский могильник и II поселение; 109. Иренское (Рыбы) городище; 110. Неволинское I селище; 111. Грязнухинское селище; 112. Покровское селище; 113. Ванькинское селище; 114. Ермолинское селище; 115. Переборское селище; 116. Ремгимское селище; 117-120. Урасковские I-IV селища; 121-127. Бартымские клады; 128-132. Бартымский могильник и I-IV селища; 133-134. Пуздринское I, II селище; 135. Копчиковский курганный могильник; 136. Верх-Саинский могильник; 137-142. Верх-Саинские I, II городища, I-IV селища; 143. Антонковское селище; 144. Кокуйское городище; 145-149. Шаквинские III-V, IX, X селища; 150, 151. Пентюринские I, II селища; 152. Клычи, селище; 153. Карнауховское селище; 154. Рыжково, селище; 155. Заборьевское поселение; 156. Березовское поселение; 157-161. Старковские I-V селища; 162. Плотина I, поселение; 163. Морозовское городище; 164. Кляповский могильник; 165. Таз-Татарское селище; 166-169. Грибушинское городище, I-III селища; 170-172. Стрелкинские селище, городище и клад; 173. Ефтятское селище; 174, 175. Посадские I, II селища; 176. Лобач (Пеньковское) городище; 177. Зуятское селище; 178-182. Кошелевские I-V селища; 183, 184. Сухой Лог I, II, селища; 185. Тазовское (Сухой Лог) селище; 186. Сухой Лог, могильник; 187. Куделькинское селище; 188. Заборьевское селище; 189. Казенные находки; 190. Каракосовское селище; 191. Каракосовский (Усть-Кишертский) клад; 192. Андреевское селище; 193, 194. Шумковские I, II поселения; 195, 196. Морозковские II, IV селища; 197, 198. Косьвинские I, II селища; 199. Полетаевское I селище; 200, 201. Кишертские I, II селища; 202, 203. Гусельниковское (Занина Вышка) городище и селище; 204. Глинки, селище; 205. Нижняя Солянка, селище; 206, 207. Нижне-Подуковские I, II селища; 208, 209. Мазуевское селище и городище; 210. Бырминское (Осинцевское) городище; 211. Демидятское (Кривенское) городище; 212, 213. Кулагыжский клад и селище; 214, 215. Суксунский (Кошелевский) клад и селище; 216. Кошелевское местонахождение; 217. Шатлыкское селище; 218. Тохтаревское городище; 219-221. Боровые I-III селища; 222, 223. Усть-Иргинский могильник и селище; 224. Сивково, поселение; 225. Шестаковский клад; 226. Нижне-Шахаревский клад; 227, 228. Ключевские I, II селища; 229. Ключевское (Златоустовское) городище; 230. Говорынинское селище; 231, 232. Шахаревские I, II селища; 233. Иргинское городище; 234. Антоновское городище; 235. Басинское селище; 236. Комары, городище; 237. Ереминское селище; 238. Керинское селище; 239. Рубяжево, селище; 240. Куриловский клад; 241. Подзுவка, селище; 242, 243. Троицкие I, II селища; 244. Степановское (Ленское) городище; 245. Долгое Озеро, поселение; 246. Кокуй, поселение; 247. Кочерги, селище; 248. Нижняя Змеевка, селище; 249. Усть-Турка, селище; 250. Карьева, поселение; 251. Федуловка, селище; 252. Ашап, селище; 253. Андреевское селище; 254. Денисовка, селище; 255. Ключевское городище; 256, 257. Вторые Ключики, городище и селище; 258. Луговское селище; 259, 260. Пахомовские клад и селище; 261-263. Чашкинское Озеро I-III, селища; 264, 265. Озерное I, II селища; 266. Чайка, селище; 267. Плотское селище; 268, 269. Усть-Телес I, II, поселения; 270. Екатериновские находки

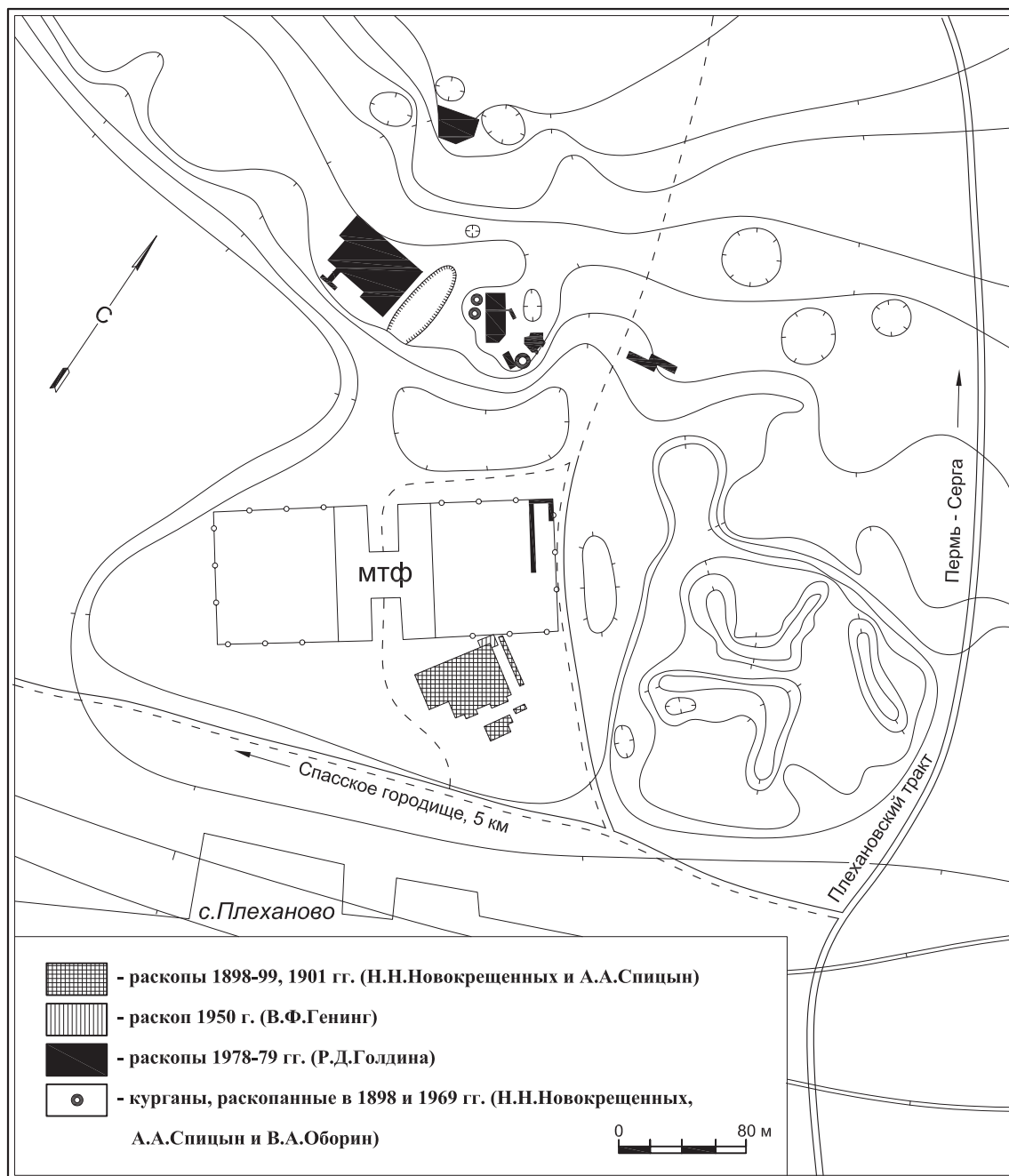

Рис. 2. Бродовский могильник. Топографический план

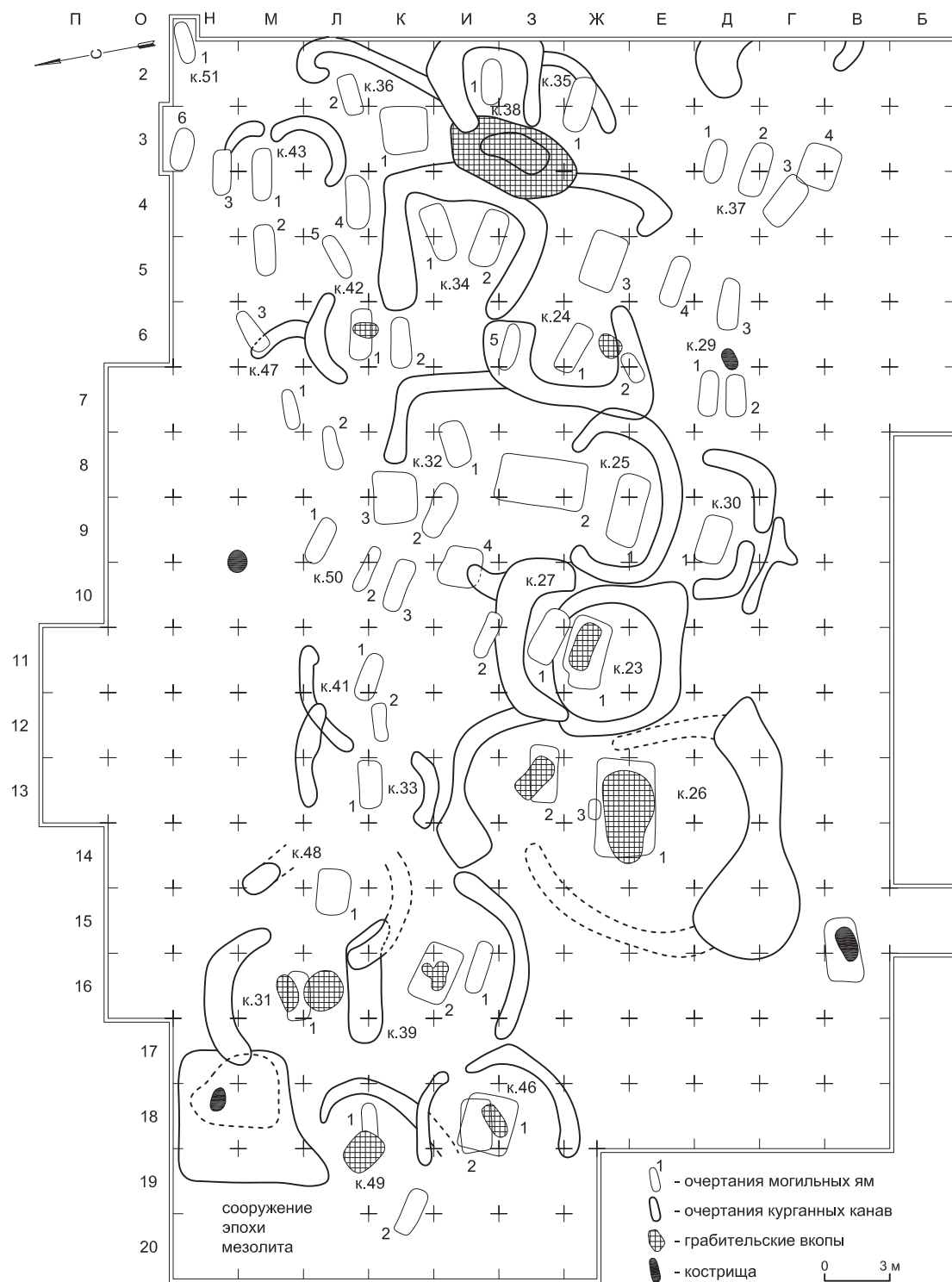

Рис. 3. Бродовский могильник. План раскопов VI, VIII, IX

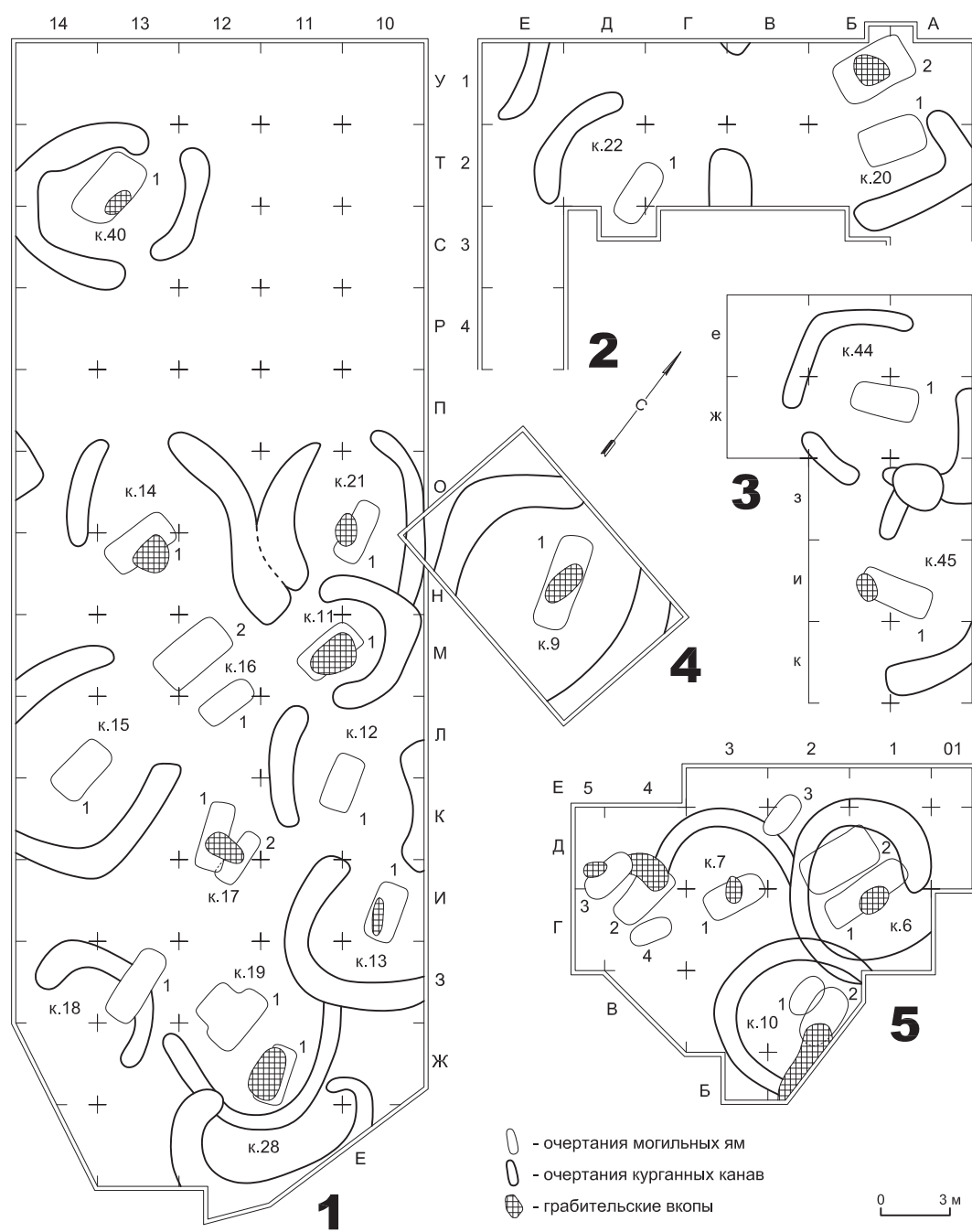

Рис. 4. Бродовский могильник. План раскопов: 1 – V, X; 2 – VII; 3 – XI; 4 – IV; 5 – II

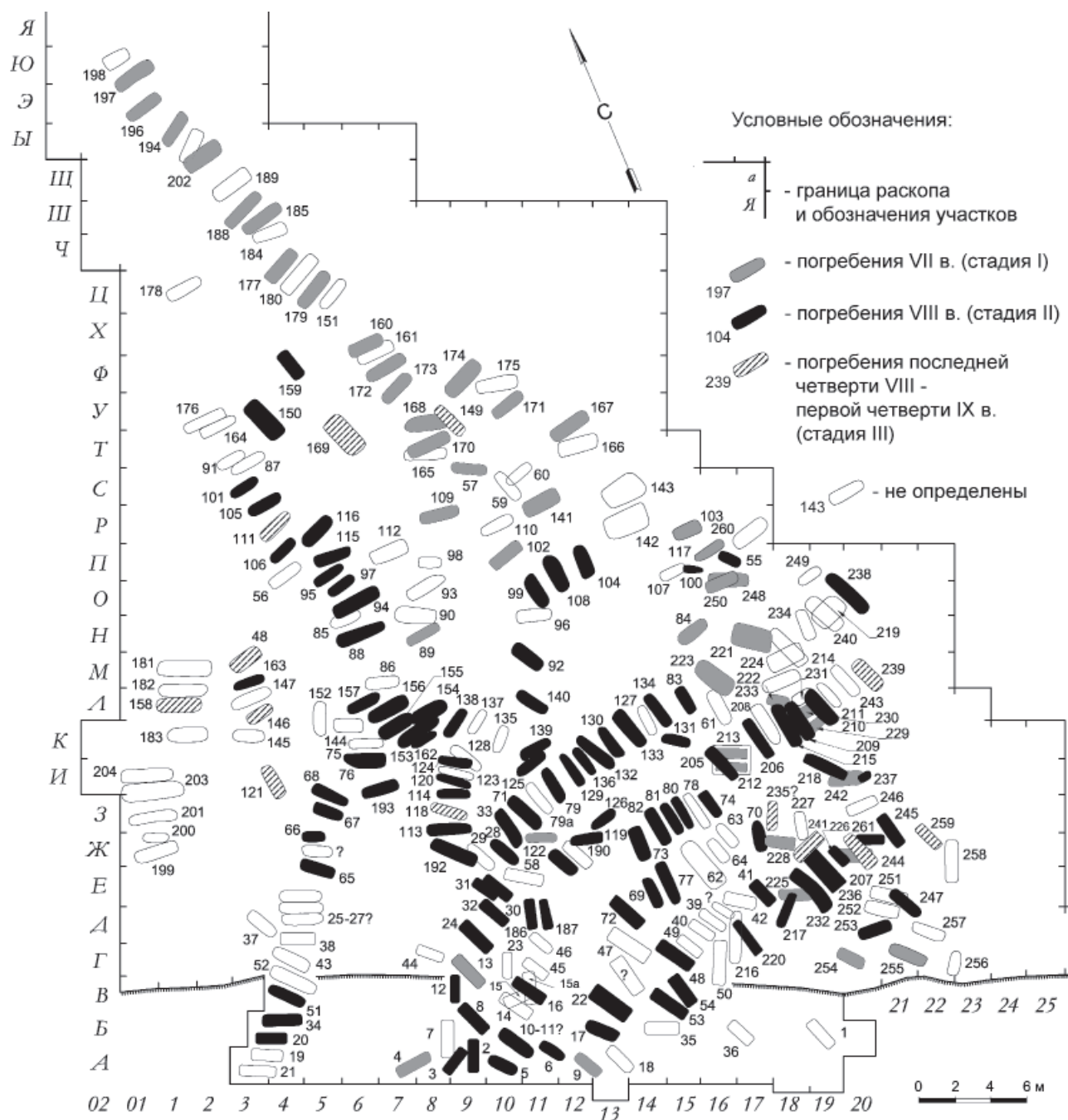

Рис. 5. Неволинский могильник. Планиграфия могил в соответствии со стадиями

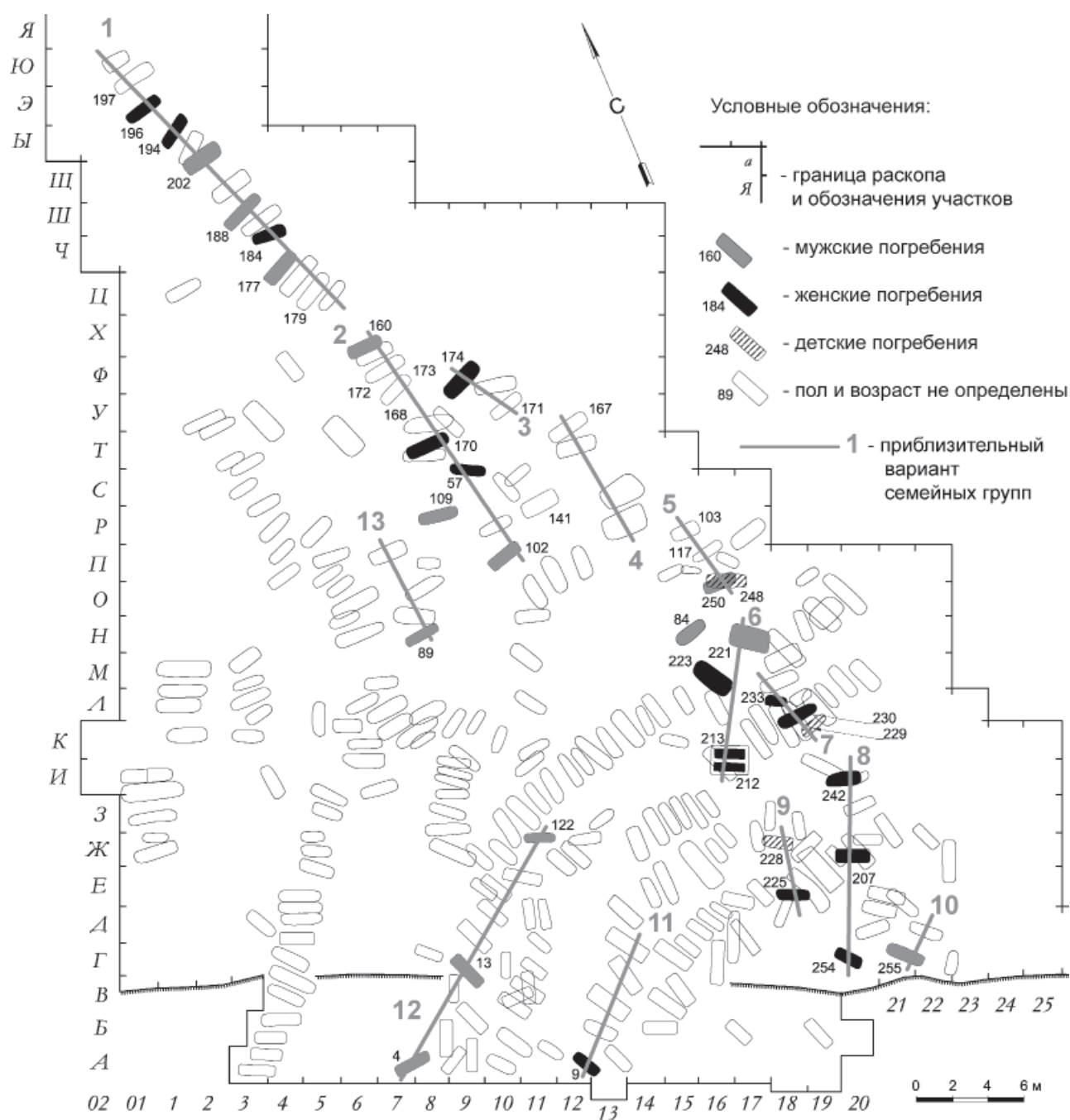

Рис. 6. Неволинский могильник. Планиграфия могил I стадии (VII в.)
в соответствии с полом и возрастом захороненных

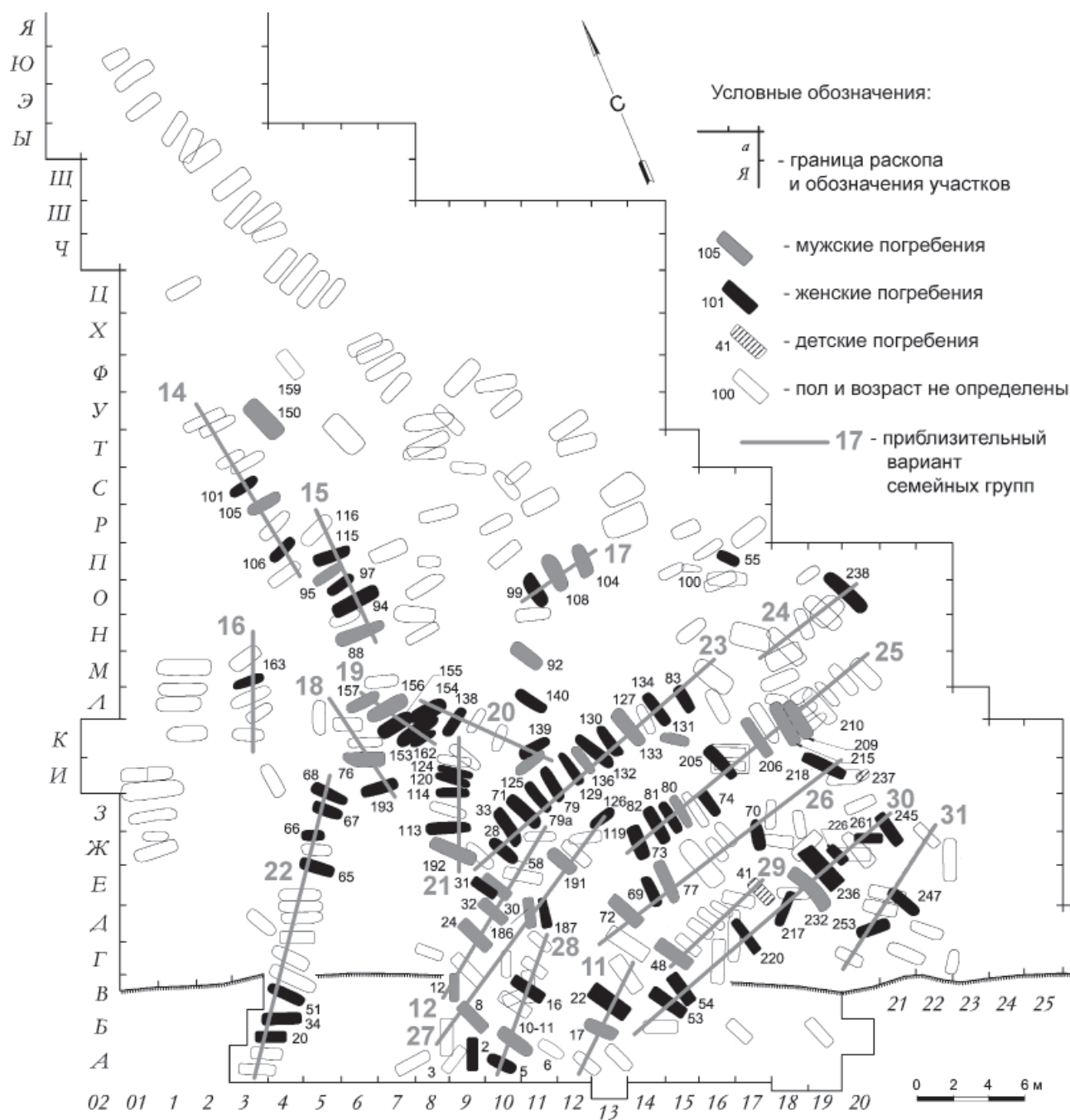

Рис. 7. Неволинский могильник. Планиграфия могил II стадии (VIII в.) в соответствии с полом и возрастом захороненных

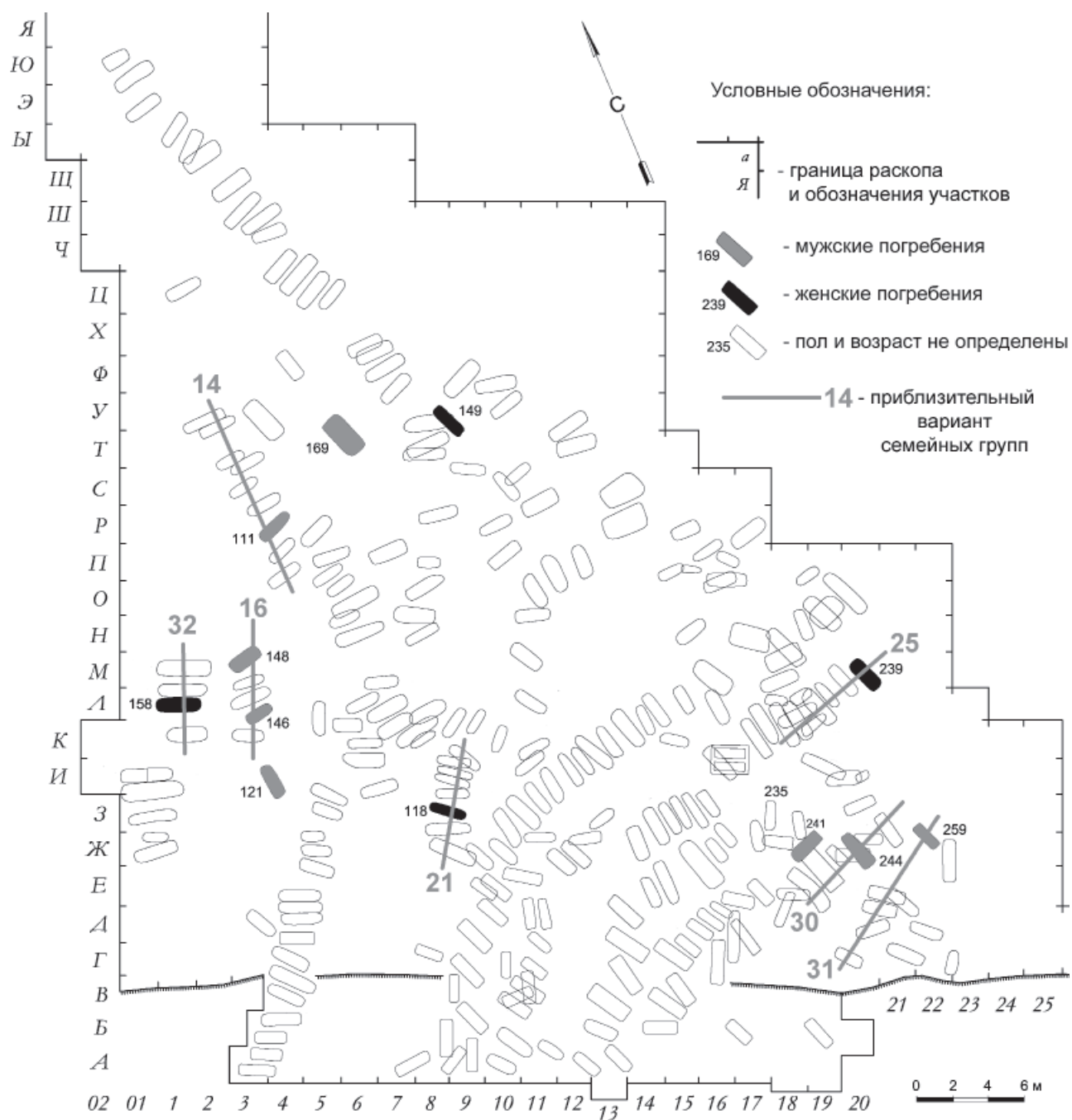

Рис. 8. Неволинский могильник. Планиграфия могил III стадии (последняя четверть VIII – первая четверть IX в.) в соответствии с полом и возрастом захороненных

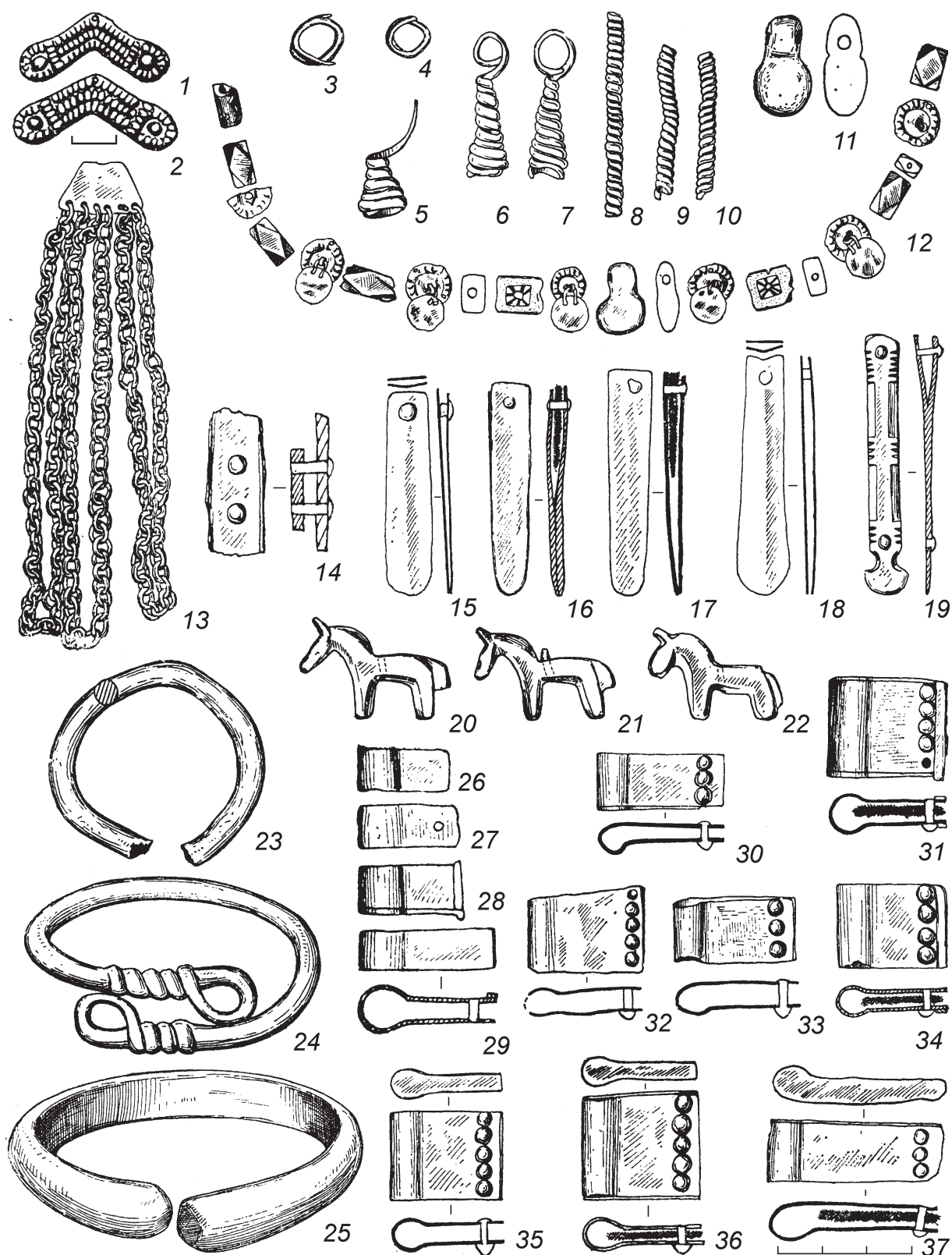

Табл. 1. Бродовский могильник. Погребальный инвентарь. 1, 2 – накладки; 3-7 – височные подвески; 8-10 – пронизки; 11, 13 – подвески; 12 – ожерелье из бус и подвесок; 14-19, 26-37 – наконечники ремней; 20-22 – пронизки-коньки; 23-25 – браслеты. 1, 2 – золото; 3-10, 13-37 – бронза; 11 – янтарь; 12 – золото, сердолик, янтарь, стекло

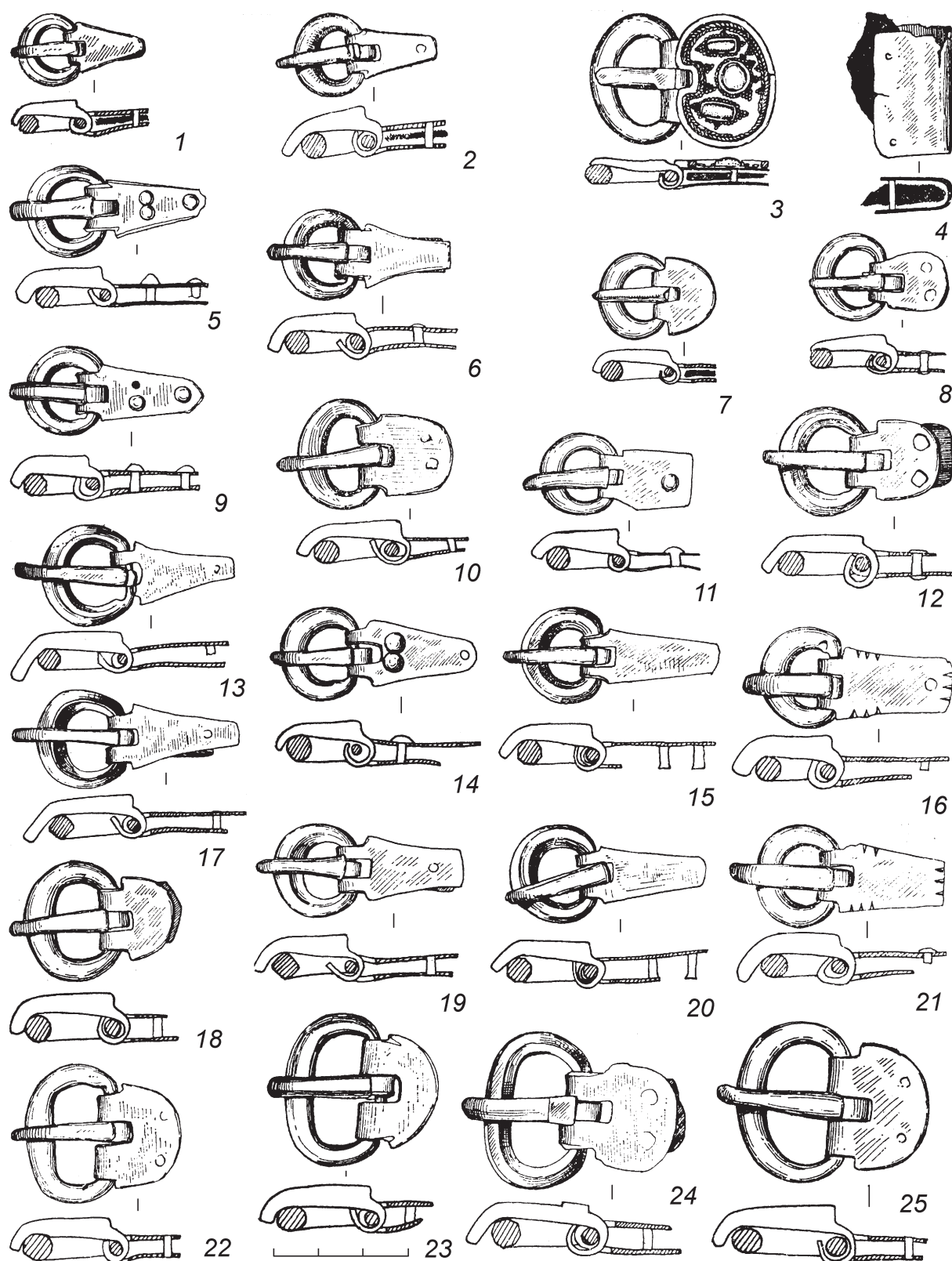

Табл. 2. Бродовский могильник. Погребальный инвентарь. 1-3, 5-25 – пряжки;
4 – наконечник ремня. 1-2, 4-25 – бронза; 3 – бронза, сердолик, позолота

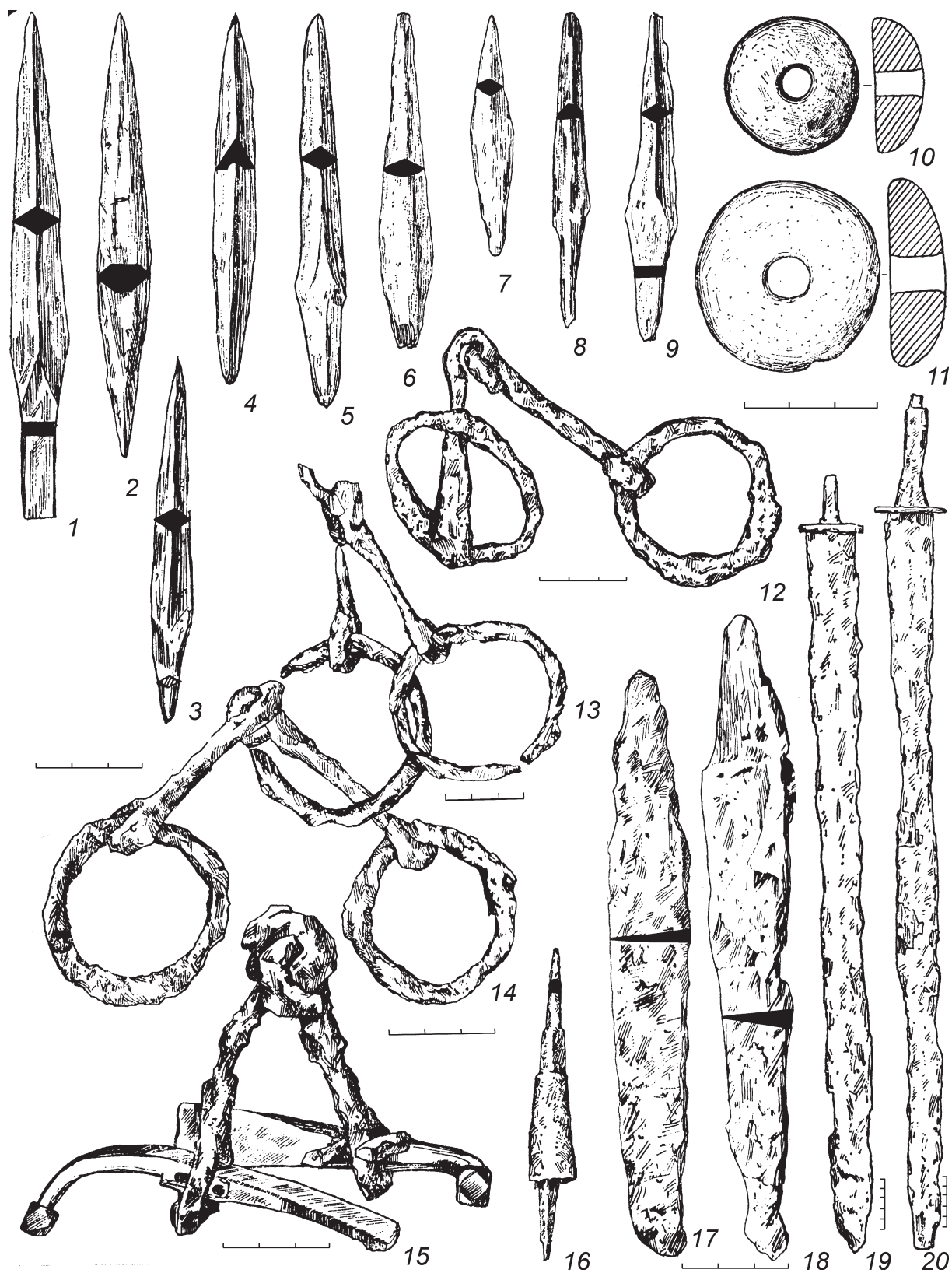

Табл. 3. Бродовский могильник. Погребальный инвентарь. 1-9, 16 – наконечники стрел; 10, 11 – пряслица; 12-15 – удила; 17, 18 – ножи; 19, 20 – мечи. 1-9 – кость; 10, 11 – глина; 12-14, 16, 20 – железо; 15 – железо, бронза

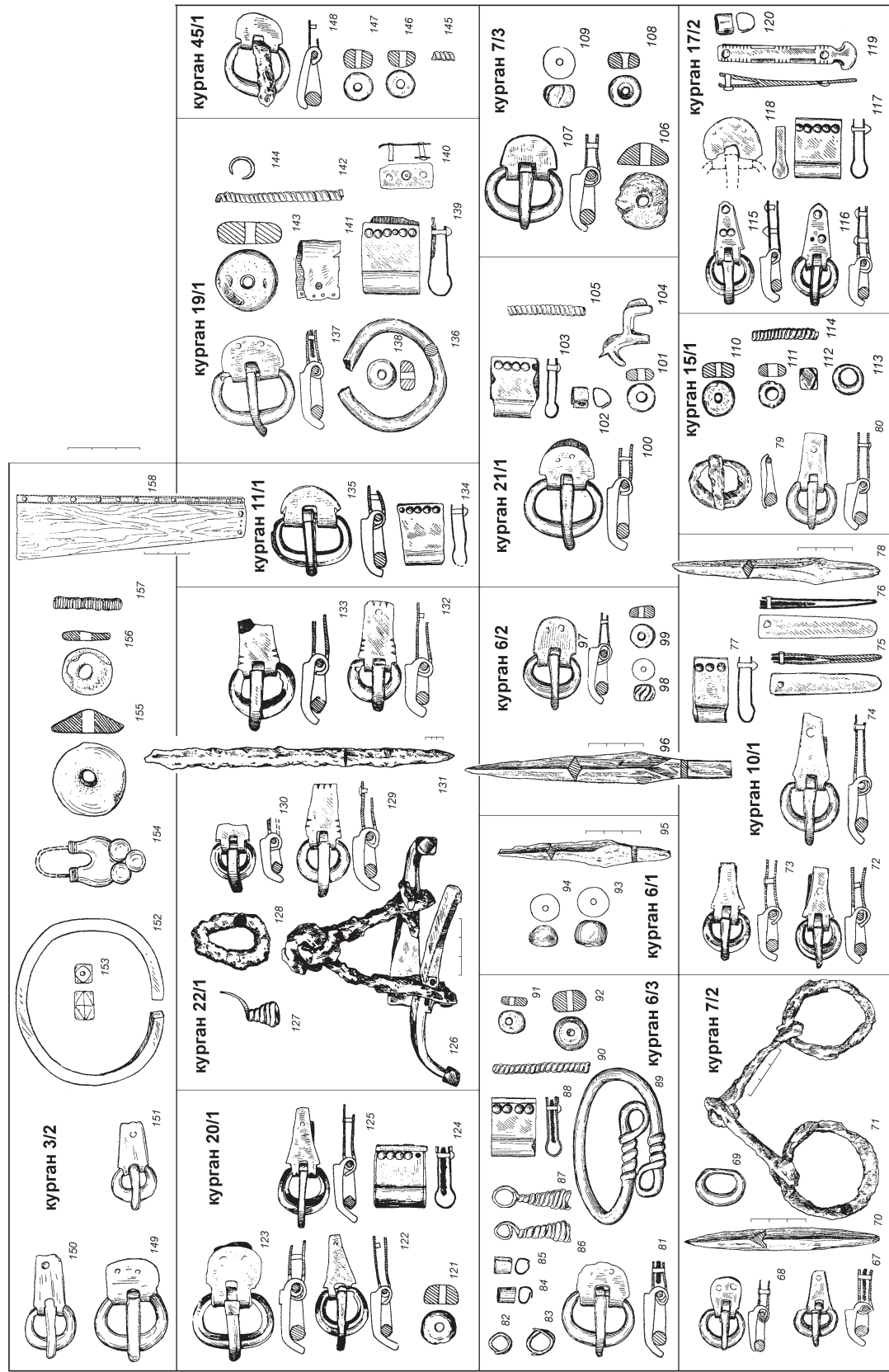

Табл. 5. Бродовский могильник. Комплексы второй половины V в.

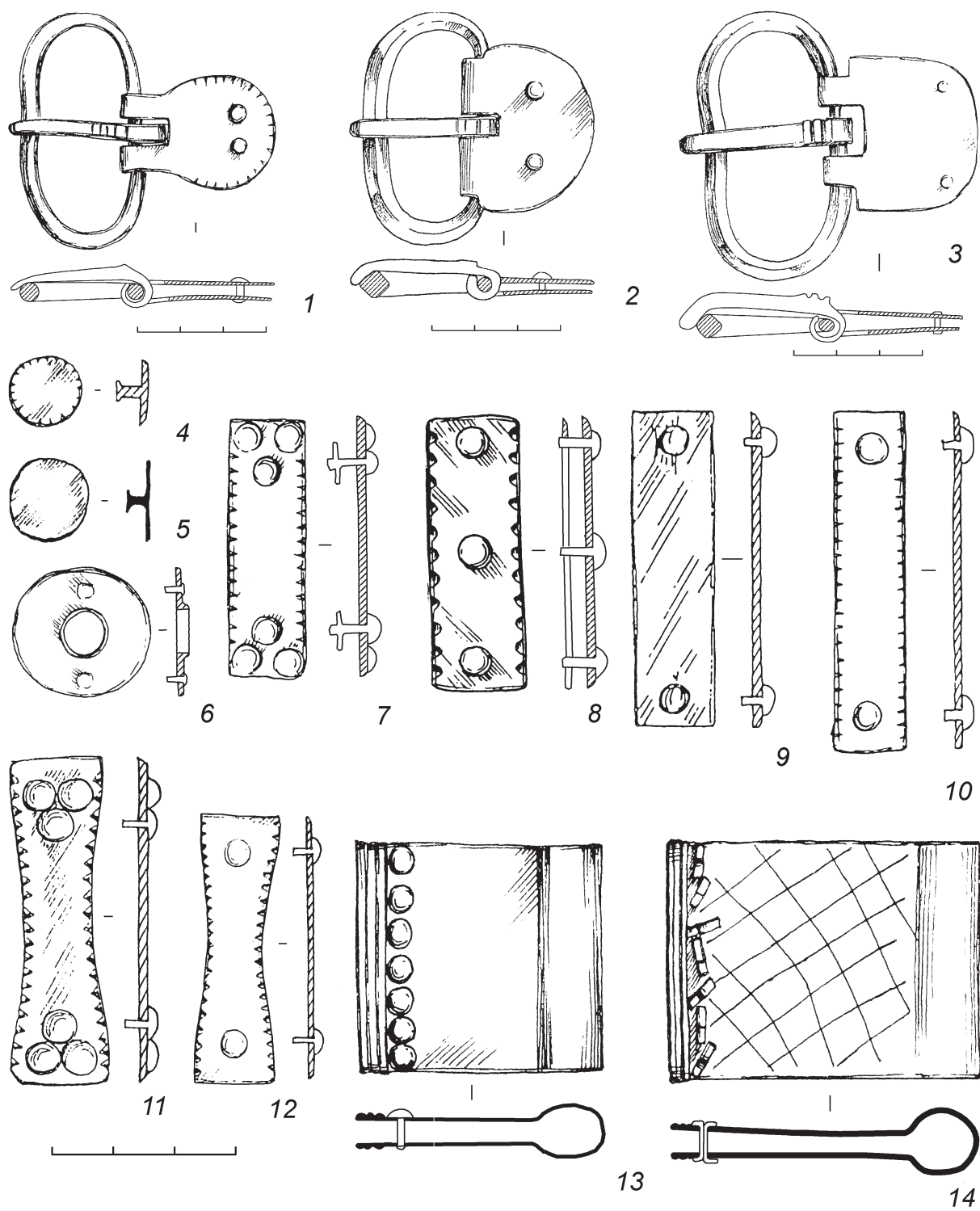

Табл. 6. Детали наборных поясов VI в. 1-14 – Верх-Сая

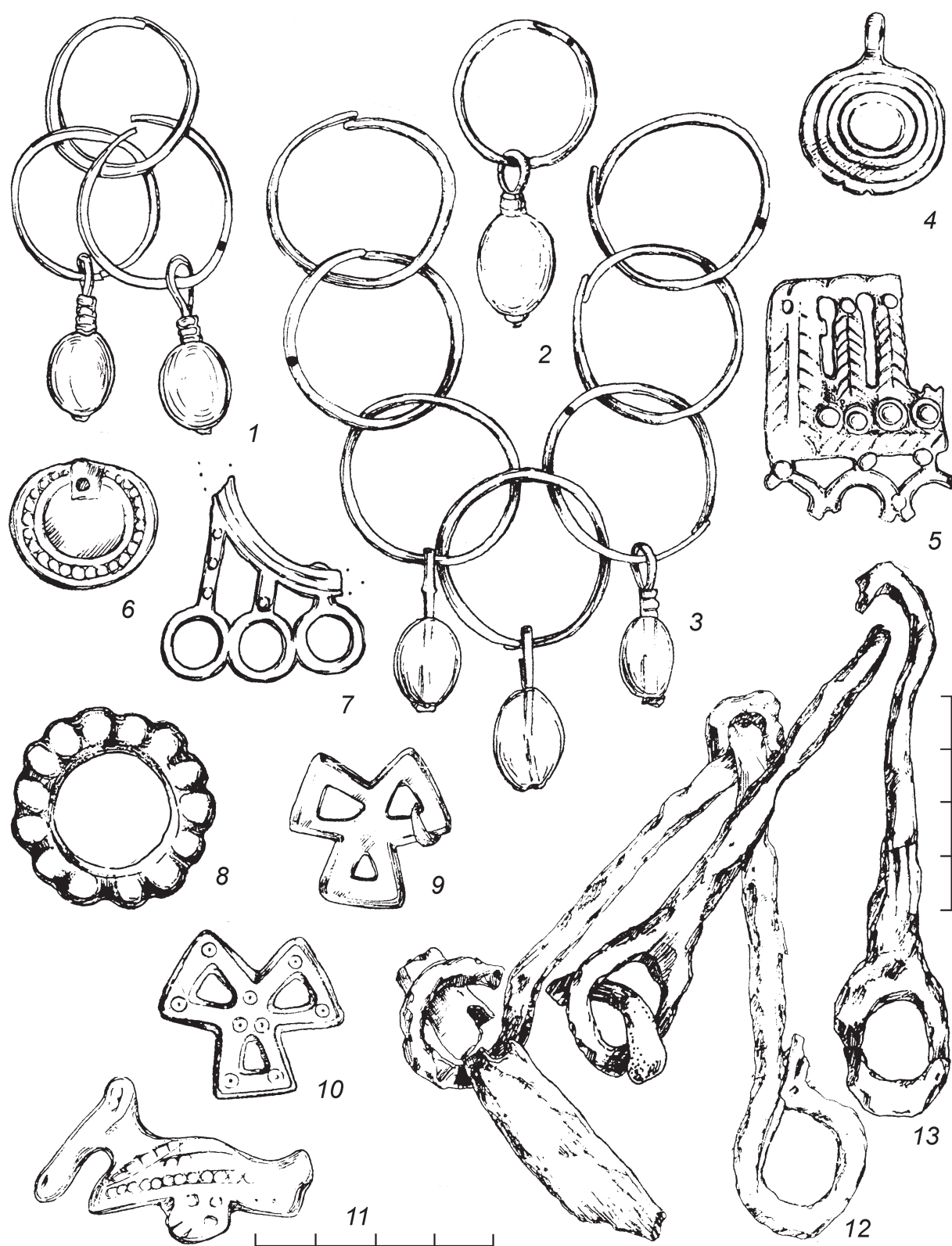

Табл. 7. Украшения и удила из женских могил VI в. 1-13 – Верх-Сая

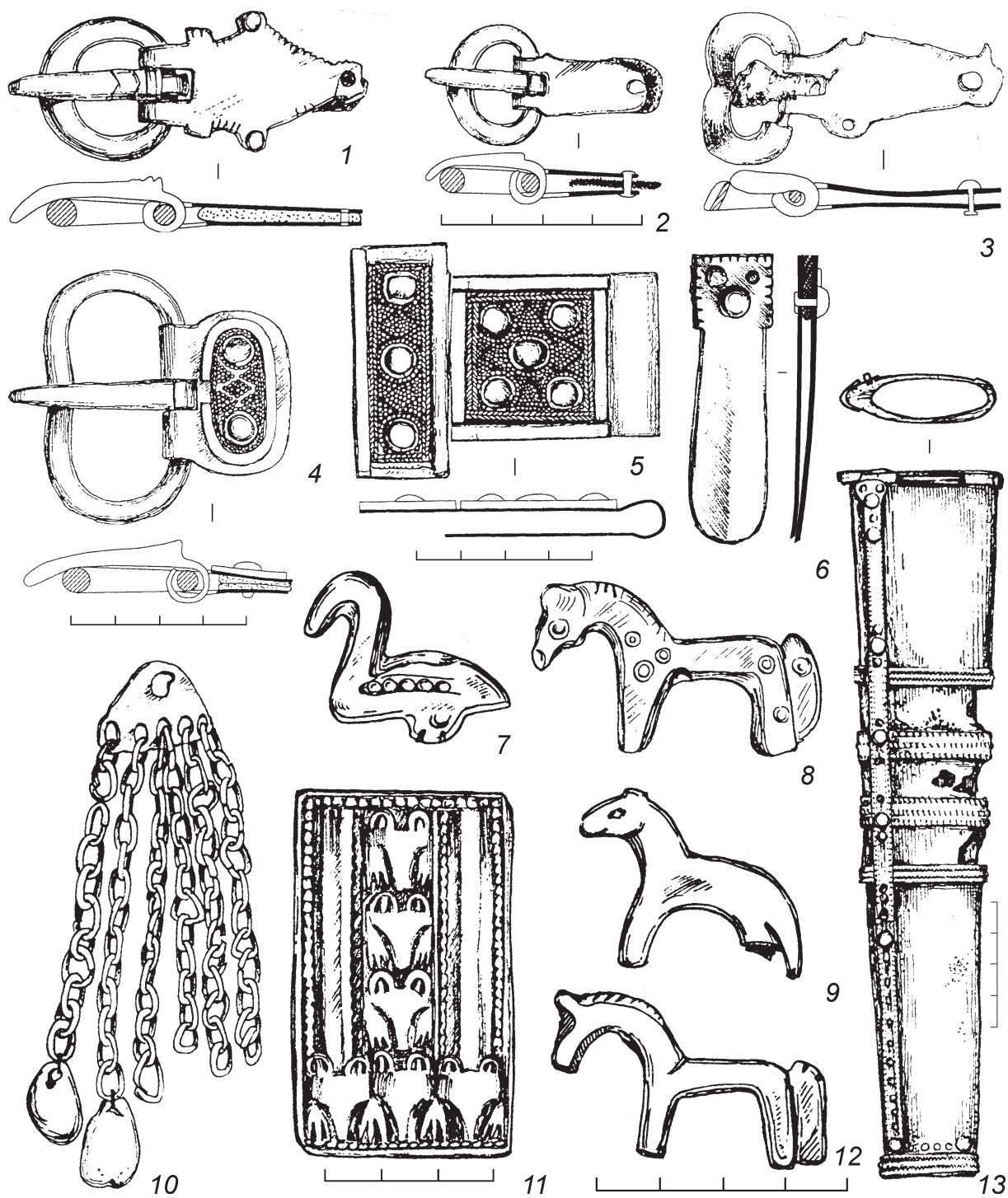

Табл. 8. Детали наборных поясов и украшения женщин первой половины VI в. 1-13 – Верх-Сая

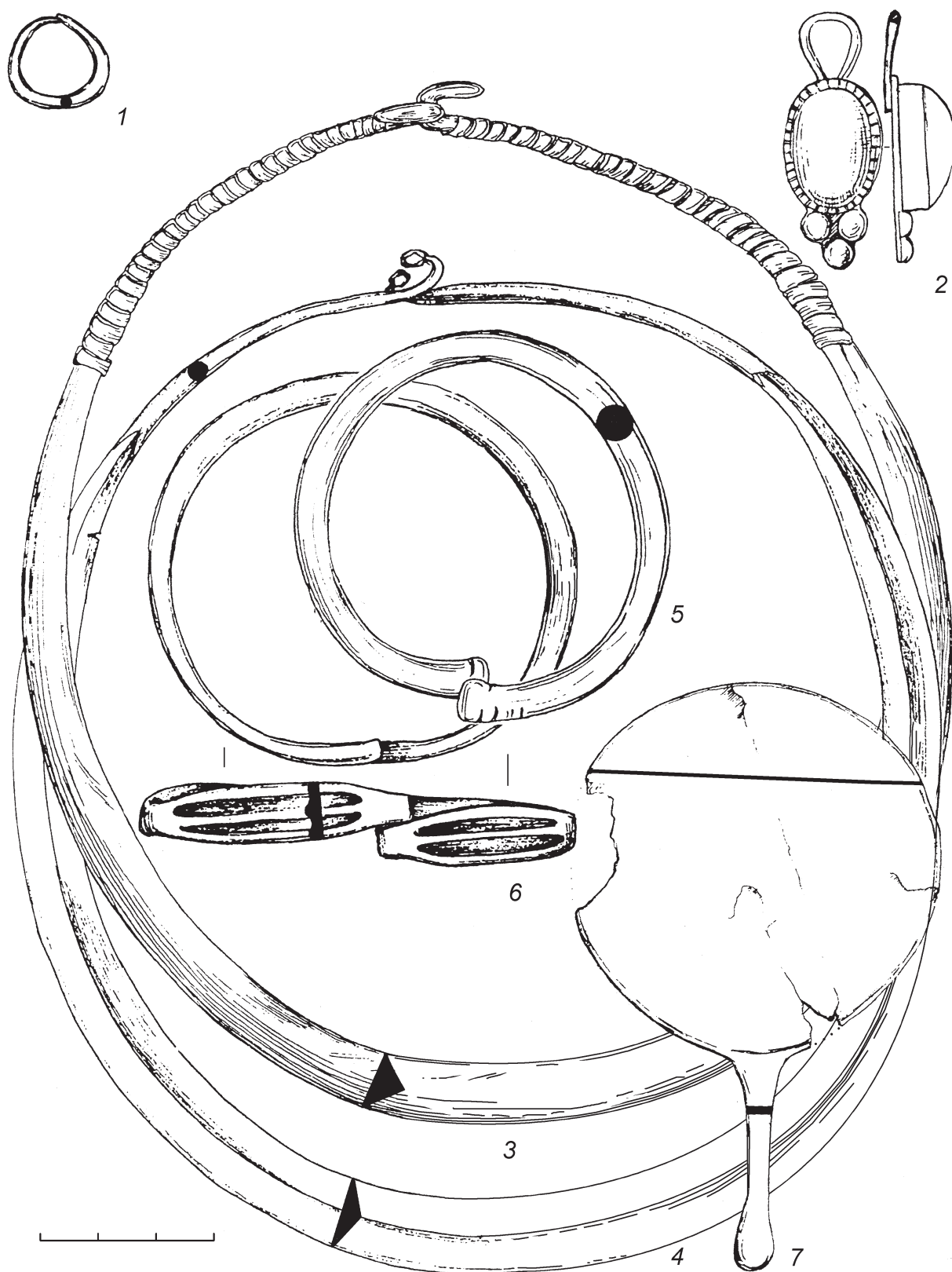

Табл. 9. Украшения женщин первой половины VI в. 1-7 – Верх-Сая

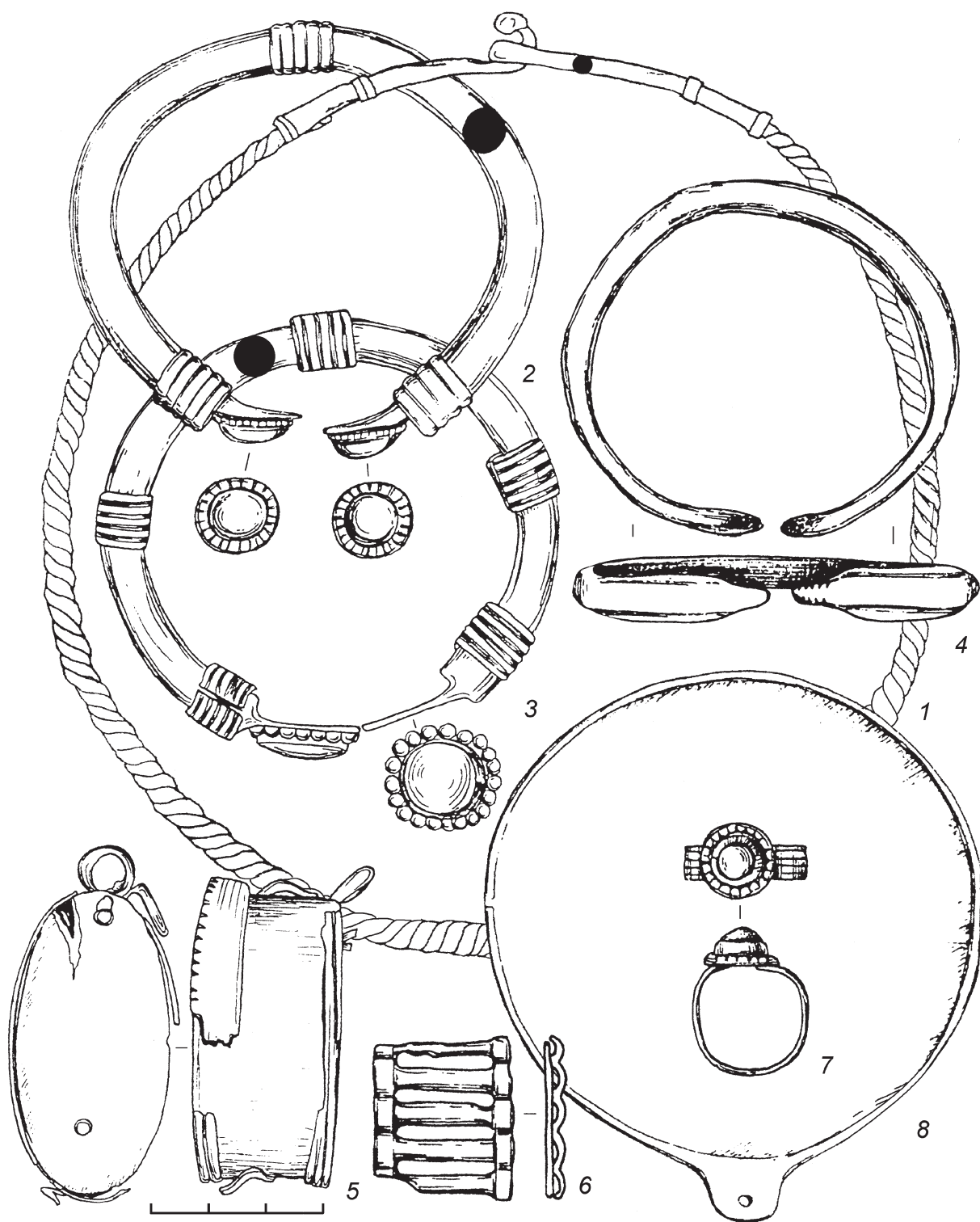

Табл. 10. Украшения женщин первой половины VI в. 1-8 – Верх-Сая

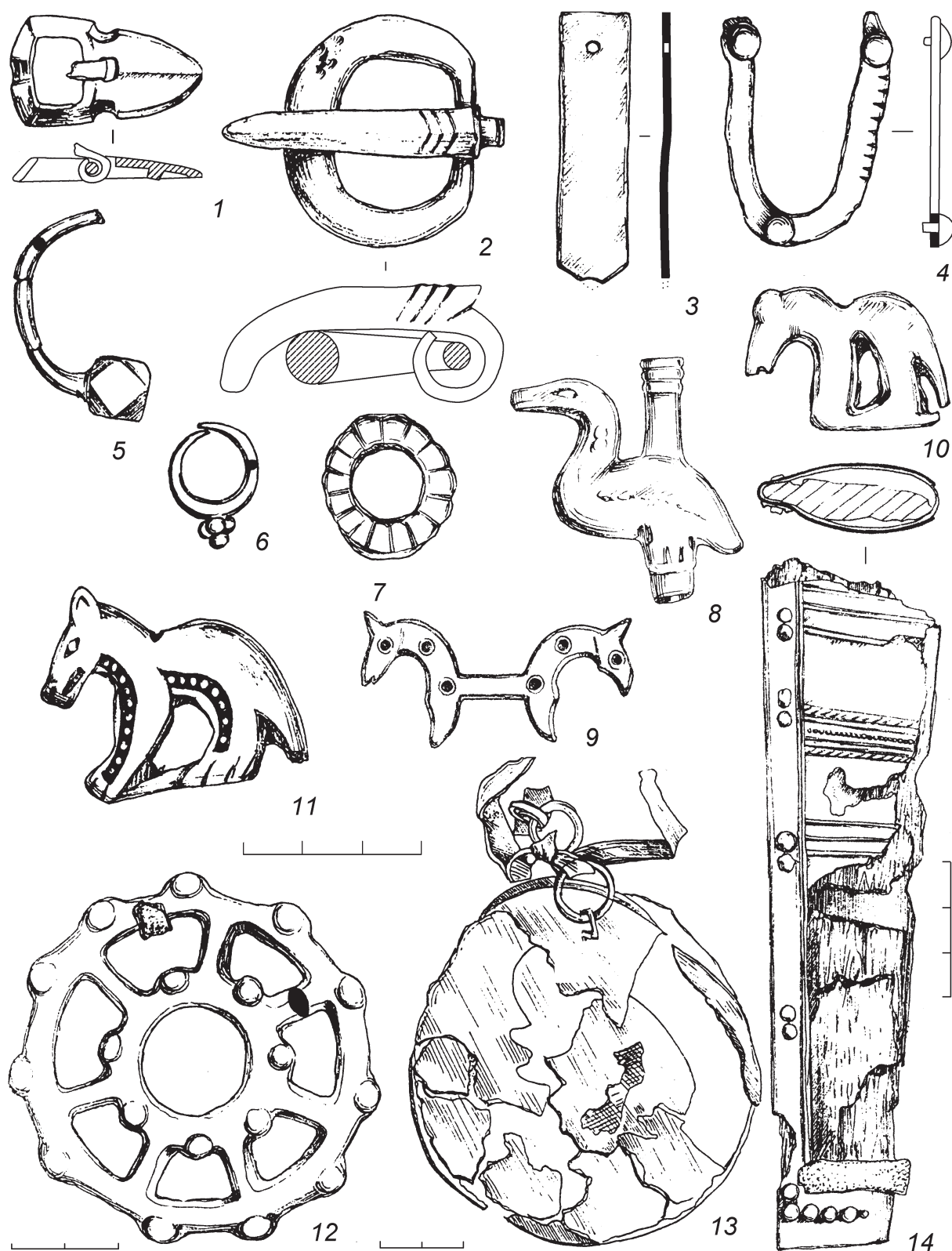

Табл. 11. Украшения второй половины VI в. 1-14 – ВерхСая

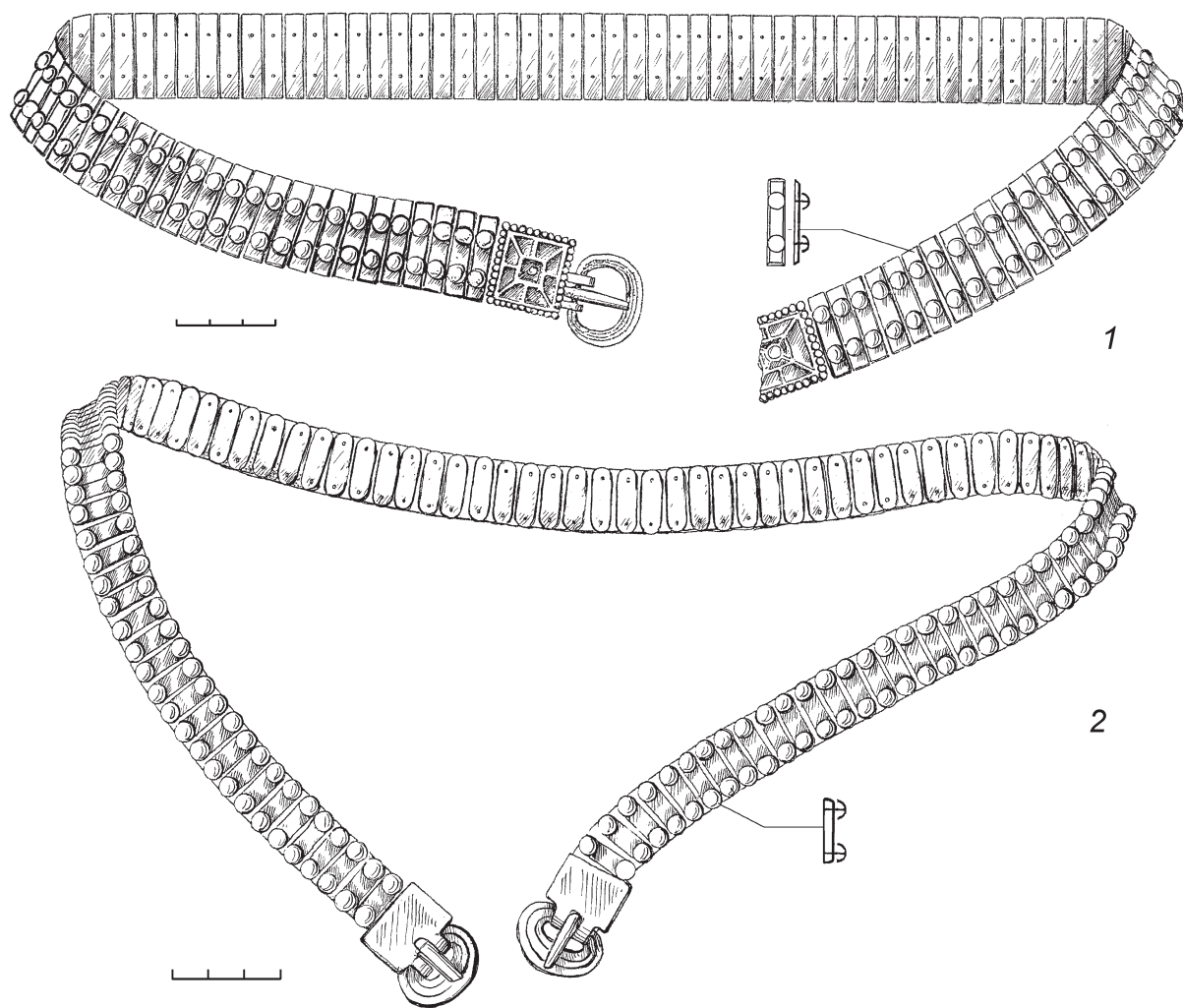

Табл. 12. Реконструкция поясов джетыясарской культуры. 1 – погребение в кургане 365 могильника Алтынасар 4о; 2 – погребение в кургане 356 могильника Алтынасар 4л (по Л.М.Левиной, 1996, рис.133)

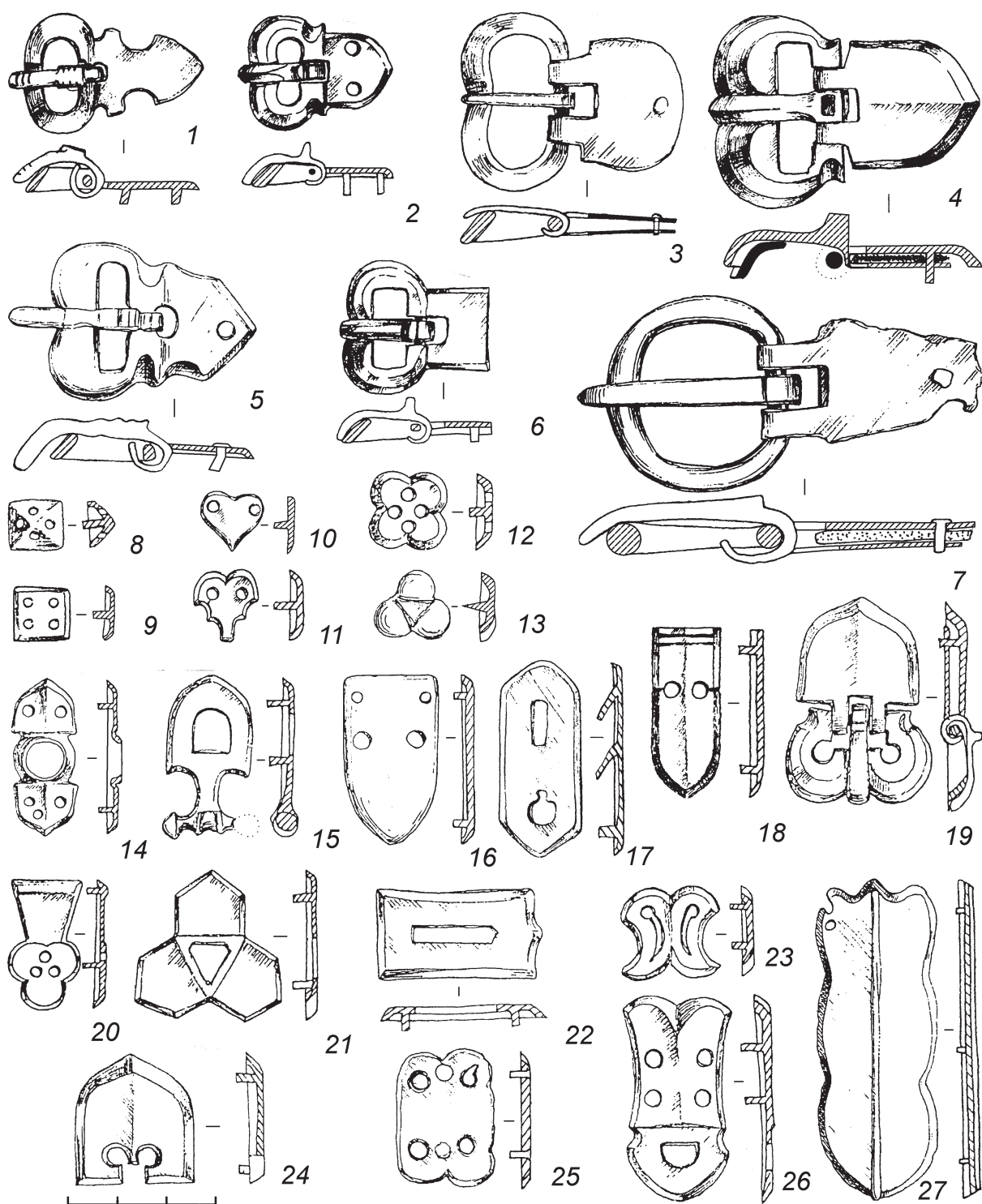

Табл. 13. Детали наборных поясов первой половины VII в. 1-27 – Верх-Сая

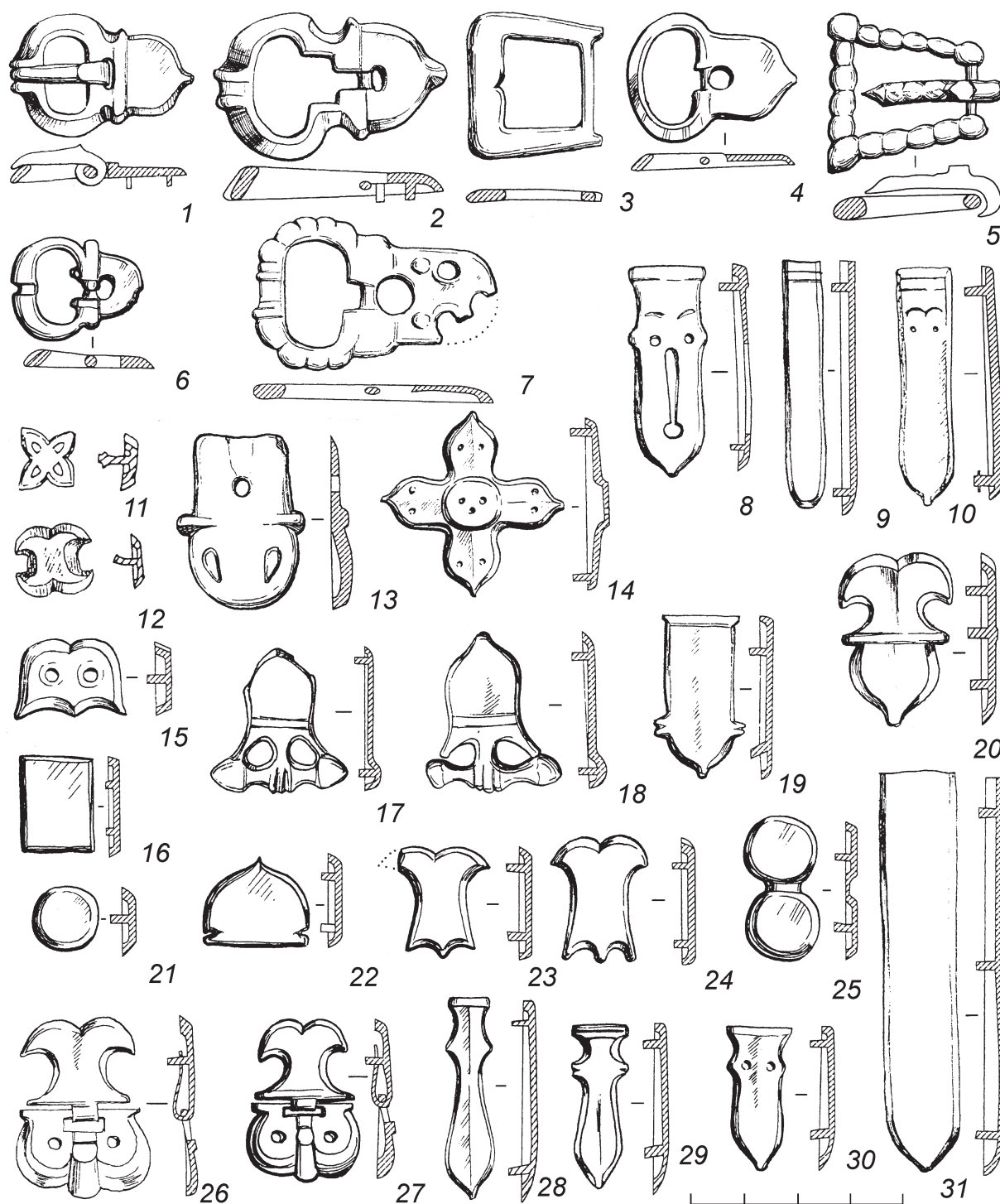

Табл. 14. Детали наборных поясов второй половины VII в.
1-9, 12-19, 21-31 – Невотино; 10, 11, 20 – Верх-Сая

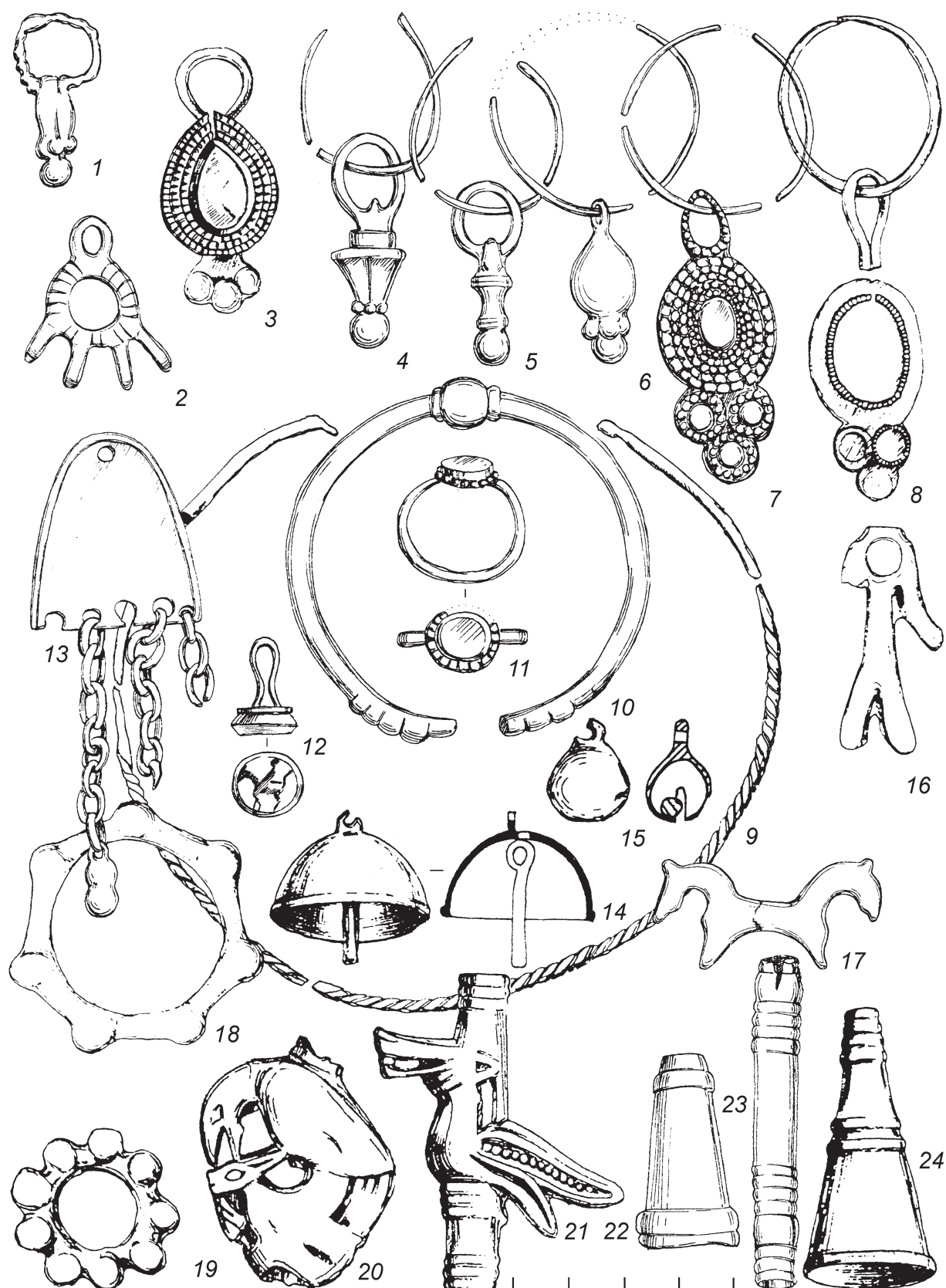

Табл. 15. Украшения женщин VII в. 1, 2, 4-7, 10-13, 17, 22, 23 – Неволіно;
3, 8, 9, 14-16, 18-21, 24 – Верх-Сая

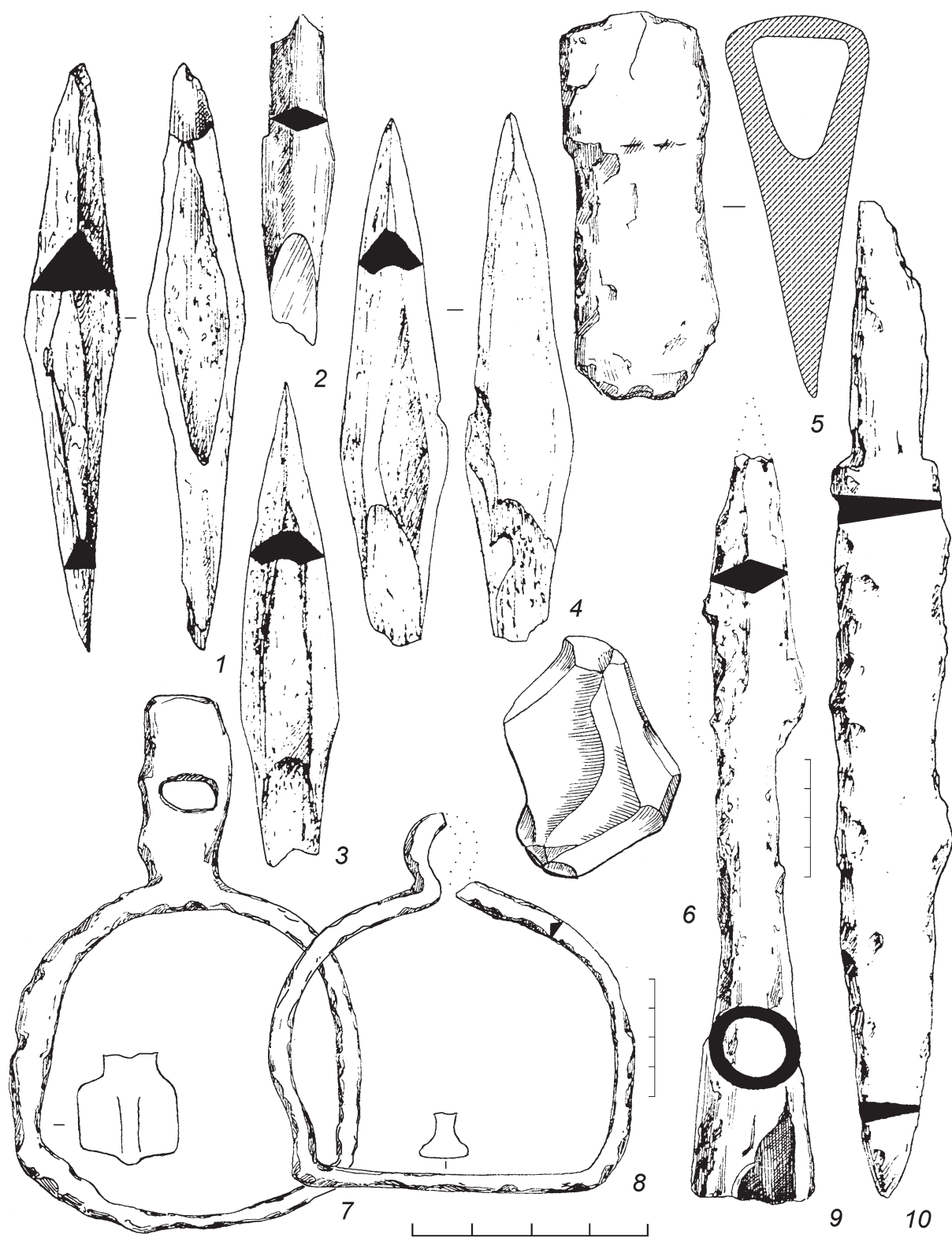

Табл. 16. Предметы из мужских погребений VII в.
1, 3, 4, 10 – Верх-Сая; 2, 5-9 – Невolino

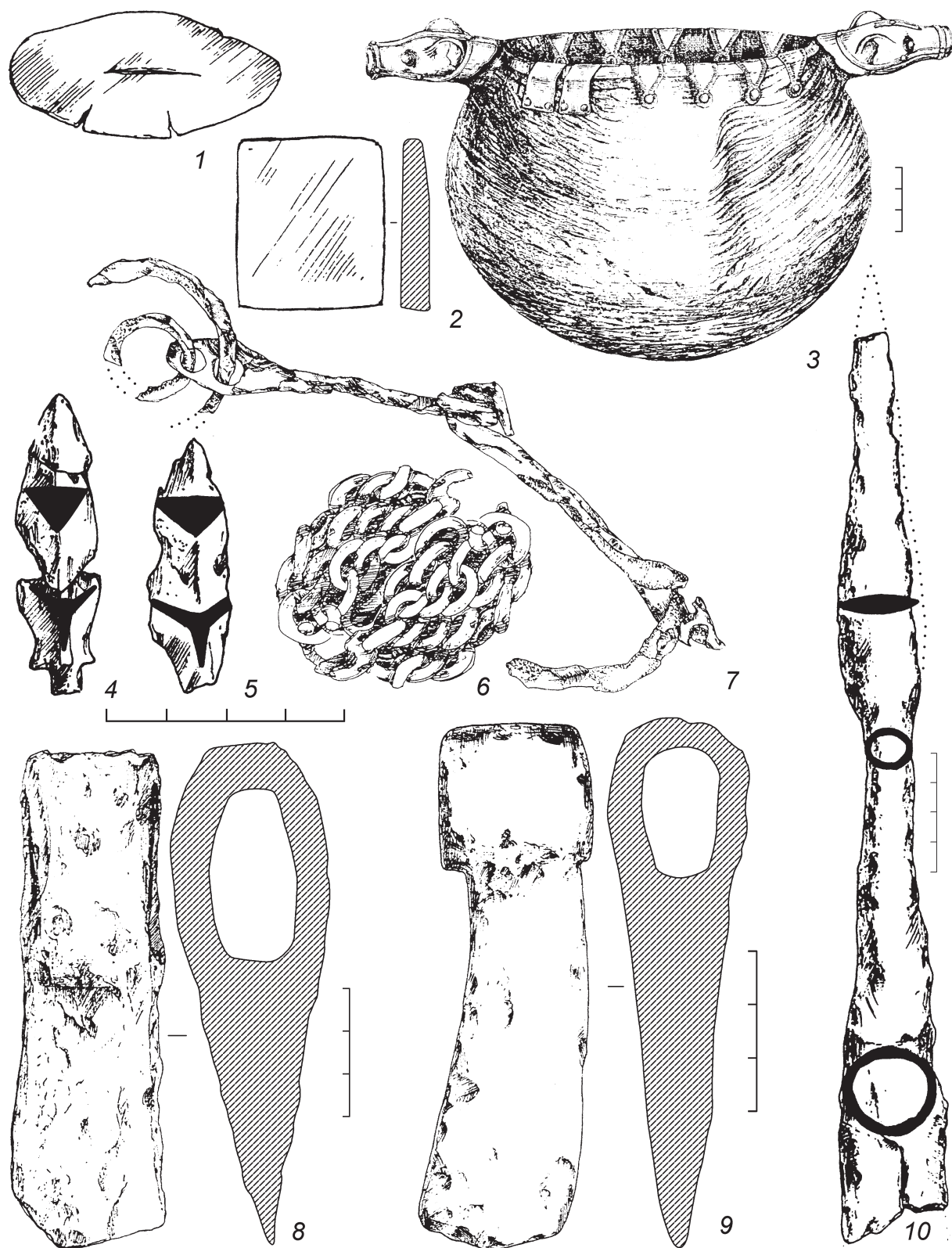

Табл. 17. Предметы из мужских погребений VII в. 1-10 – Верх-Сая

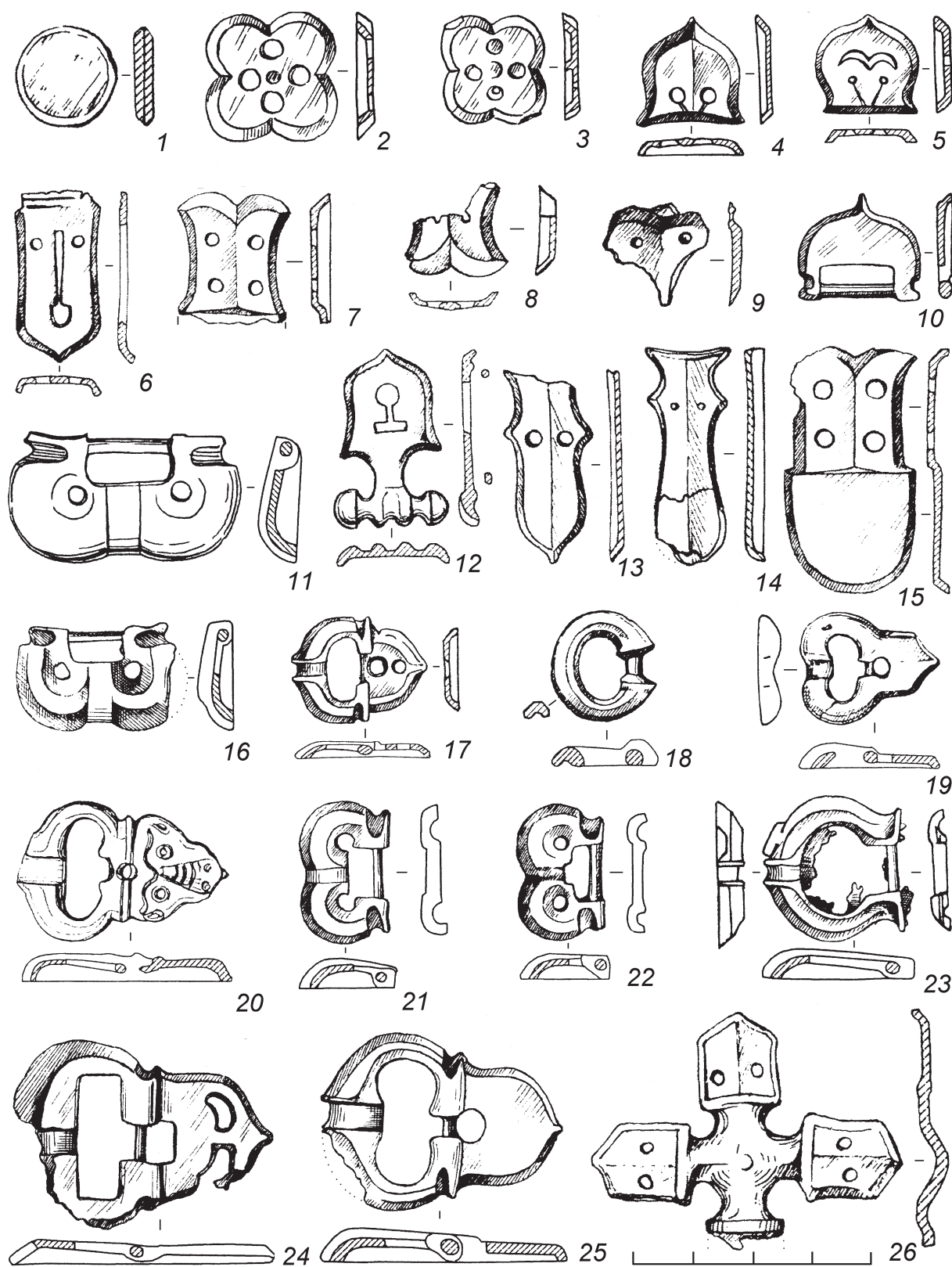

Табл. 18. Кузобаевский клад ювелира (по Т.И.Останиной, 2011, рис.4-6)

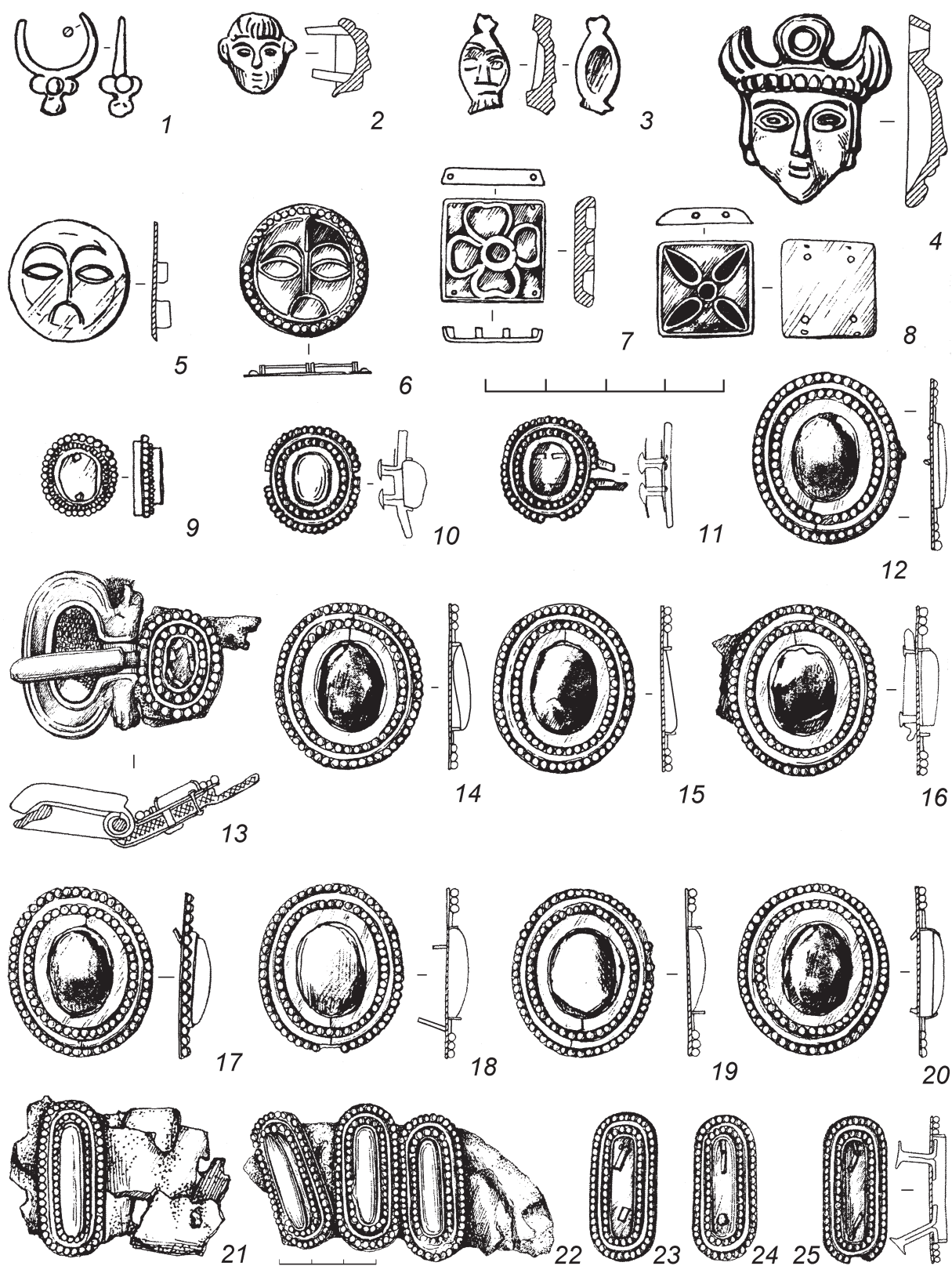

Табл. 19. Кузбаевский клад ювелира (по Т.И.Останиной, 2011, рис.7, 10, 11)

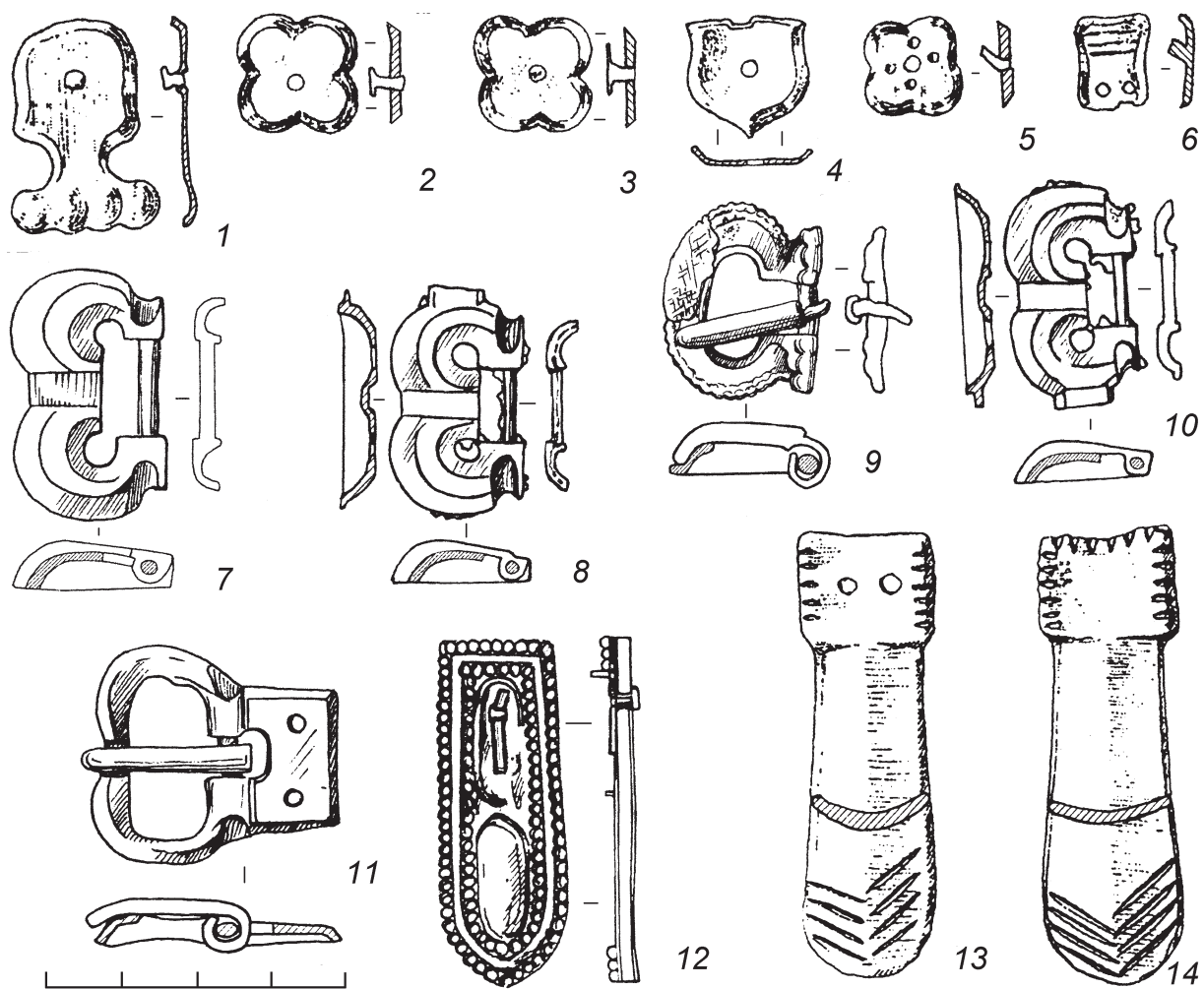

Табл. 20. Кузебаевское I городище (по Т.И.Останиной, 2011, рис.30)

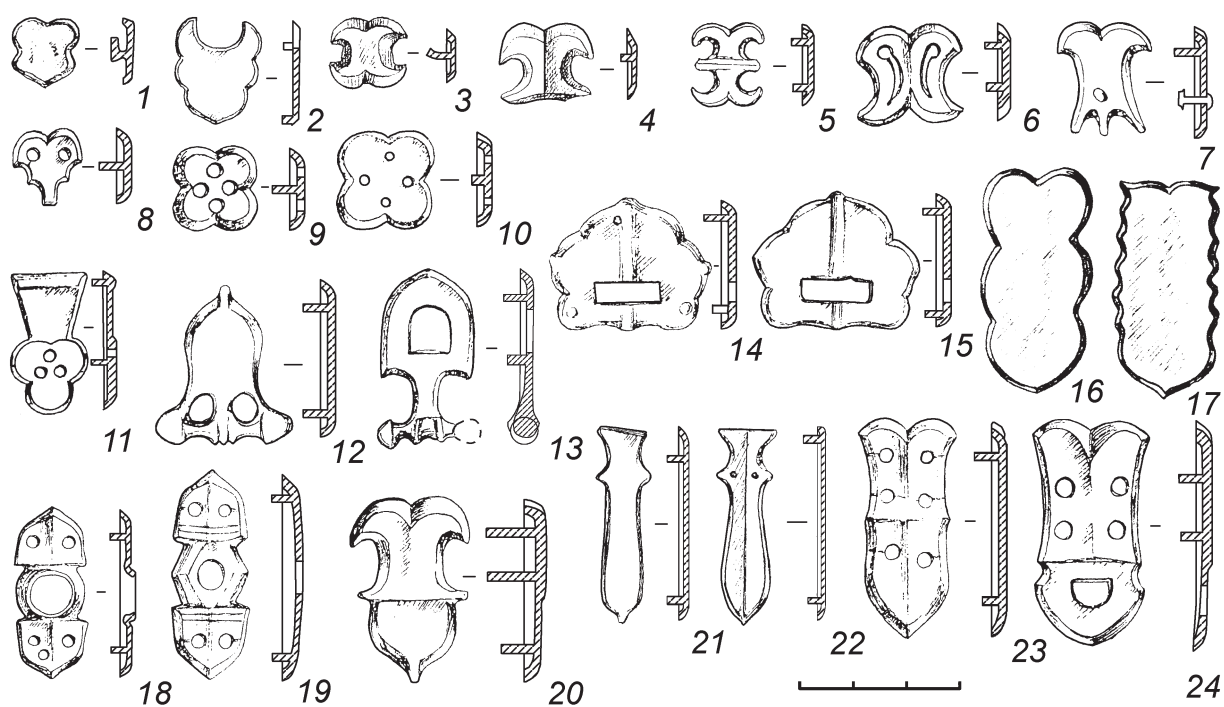

Табл. 21. Неволинская культура. 1-15, 18-24 – Верх-Саинский могильник: 1, 14 – сбор с поверхности; 2 – погр.130; 3 – кург.59, погр.1; 4, 7, 12, 20 – погр.120; 5 – погр.91; 6, 13, 24 – кург.15, погр.3; 8, 23 – погр.178; 9, 19 – кург.85, погр.1; 10 – кург.10 погр.1; 11, 18 – кург.102, погр.1; 15 – погр.65; 21 – погр.51; 22 – погр.92. 16, 17 – Неволинский могильник: 16 – погр.218; 17 – погр.209

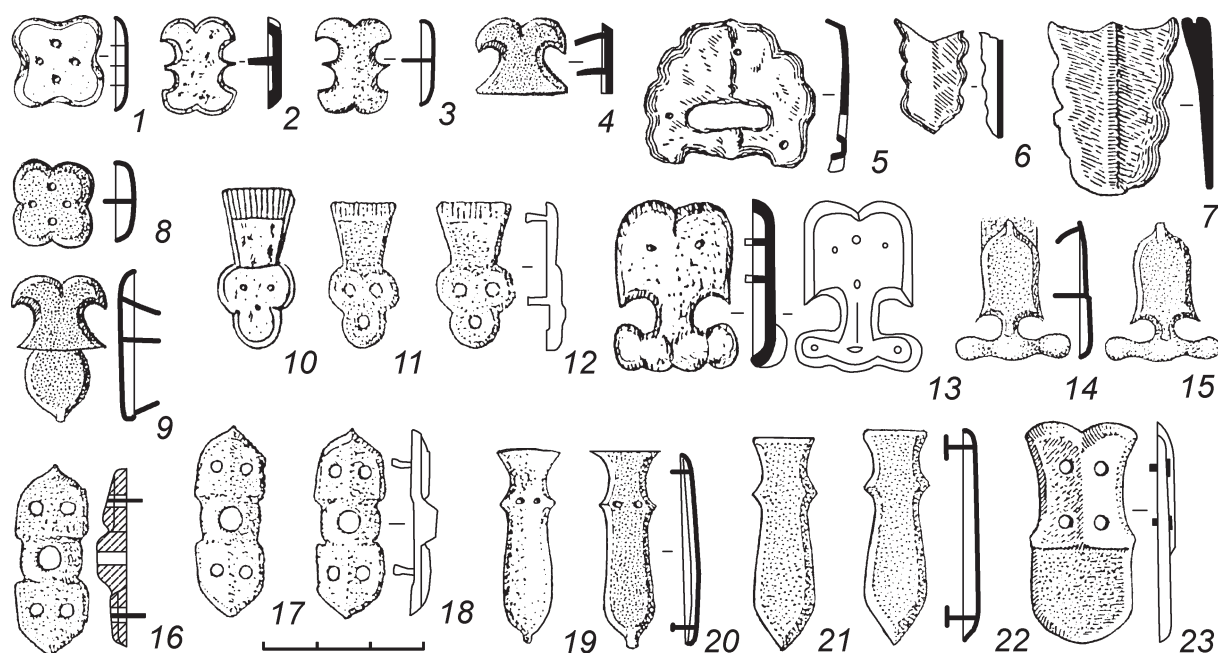

Табл. 22. Джетыясарская культура (по Л.М.Левиной, 1996). 1 – рис.132-18; 2 – рис.130-16; 3 – рис.130-17; 4 – рис.130-23; 5 – рис.132-55; 6 – рис.132-36; 7 – рис.132-48; 8 – рис.132-23; 9 – рис.130-20; 10 – рис.132-11; 11 – рис.132-2; 12 – рис.132-3; 13 – рис.132-29; 14 – рис.130-25; 15 – рис.130-26; 16 – рис.132-4; 17 – рис.132-5; 18 – рис.132-6; 19 – рис.131-8; 20 – рис.131-9; 21 – рис.131-2; 22 – рис.131-4; 23 – рис.132-28

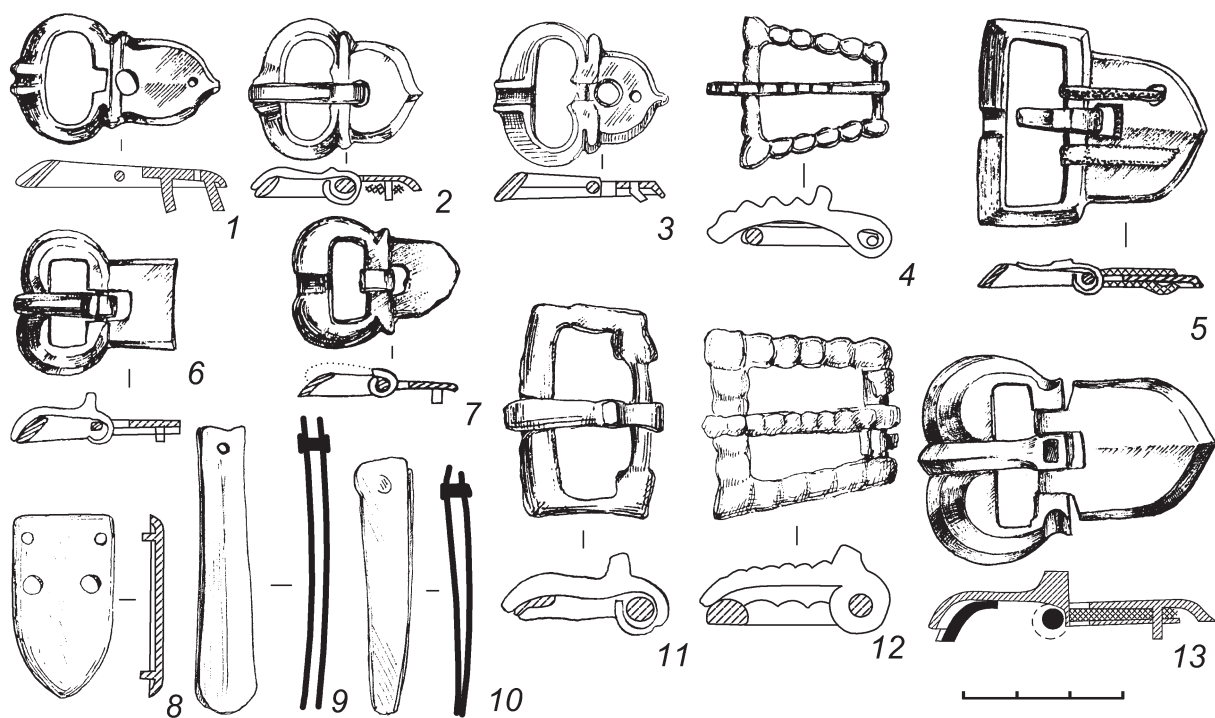

Табл. 23. Неволинская культура. Детали поясов. 1-8, 11-13 – Верх-Саинский могильник: 1 – погр.120; 2 – погр.92; 3 – погр.131; 4 – кург.70, погр.1; 5 – кург.48, погр.1; 6 – кург.85, погр.1; 7 – кург.10, погр.1; 8 – кург.9, погр.1; 11 – кург.57, погр.1; 12 – погр.118; 13 – кург.15, погр.3. 9, 10 – Бродовский могильник: 9 – кург.7, погр.1; 10 – кург.10, погр.1

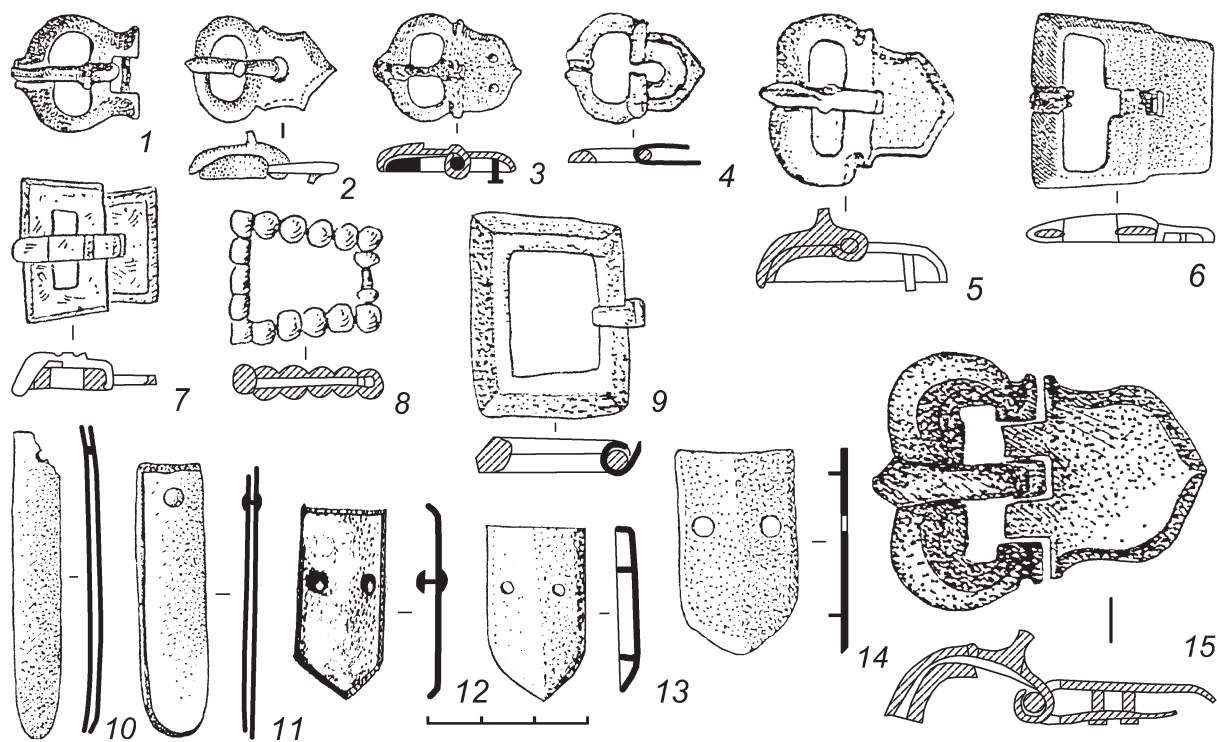

Табл. 24. Джетыясарская культура. Детали поясов (по Л.М.Левиной, 1996). 1 – рис.127-15; 2 – рис.127-11; 3 – рис.127-10; 4 – рис.127-9; 5 – рис.127-8; 6 – рис.128-7; 7 – рис.128-9; 8 – рис.128-24; 9 – рис.131-15; 10 – рис.129-38; 11 – рис.131-14; 12 – рис.128-2; 13 – рис.129-40; 14 – рис.131-13; 15 – рис.127-21

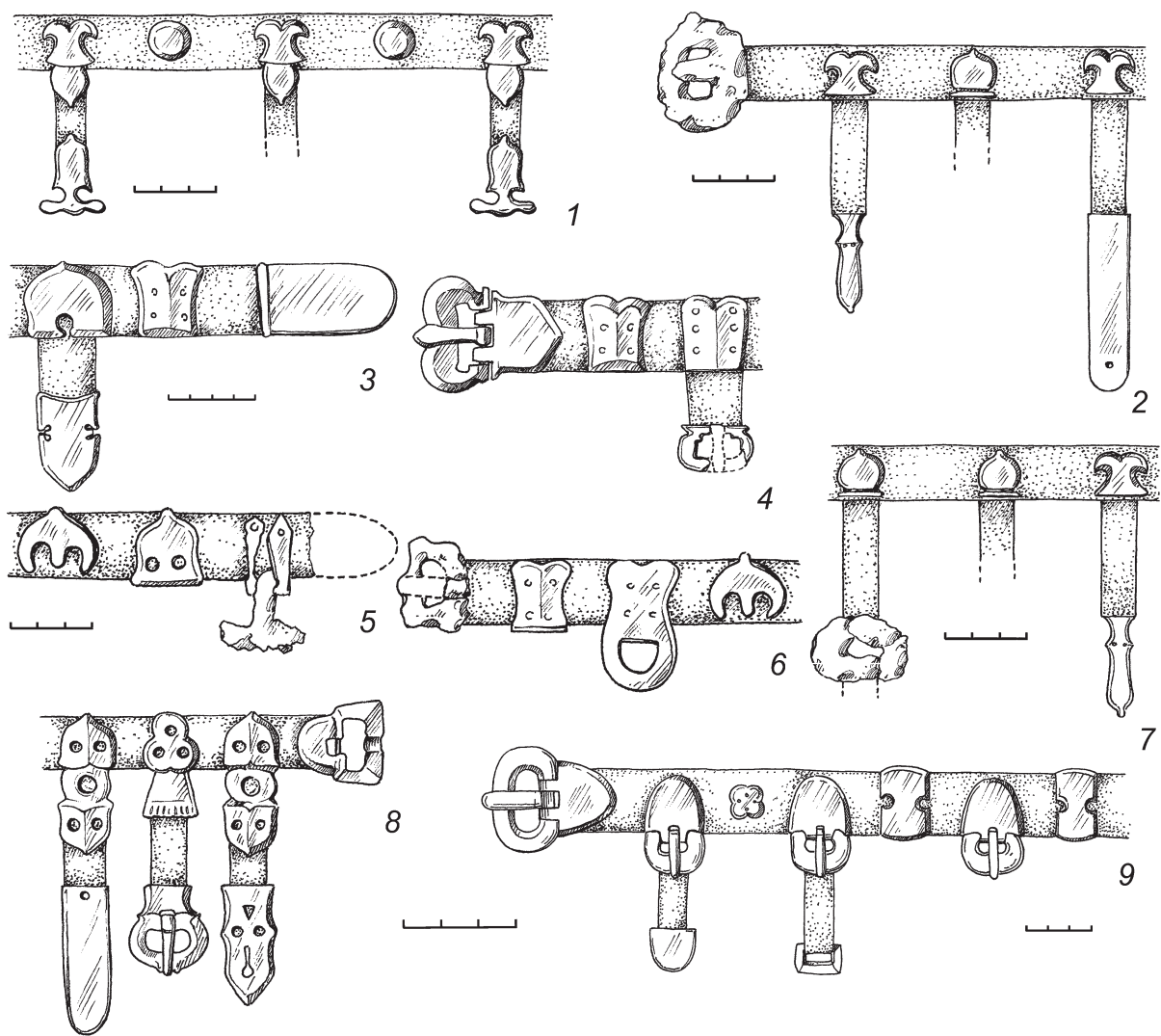

Табл. 25. Реконструкции поясов джетыясарской культуры (по Л.М.Левинной, 1996).
1, 2 – рис.136; 3-6 – рис.138; 8 – рис.135; 9 – рис.134

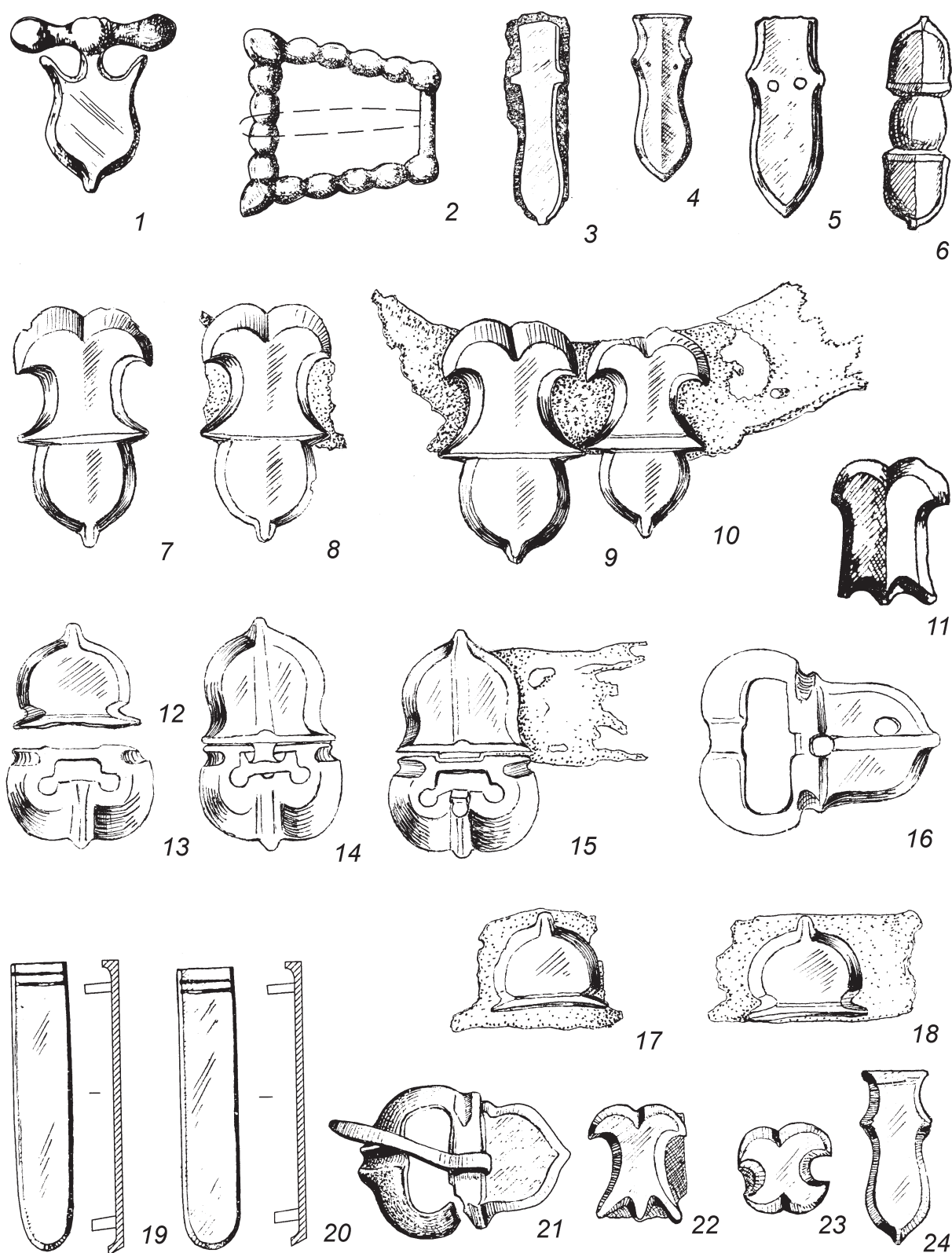

Табл. 26. Агафоновский I могильник. Материал из погребений. 1 – погр.2; 2 – погр.10; 3 – погр.48; 4 – погр.81; 5 – погр.91; 6 – погр.167; 7-10, 12-18 – погр.47; 11 – погр.122; 19, 20 – погр.42; 21-24 – погр.43

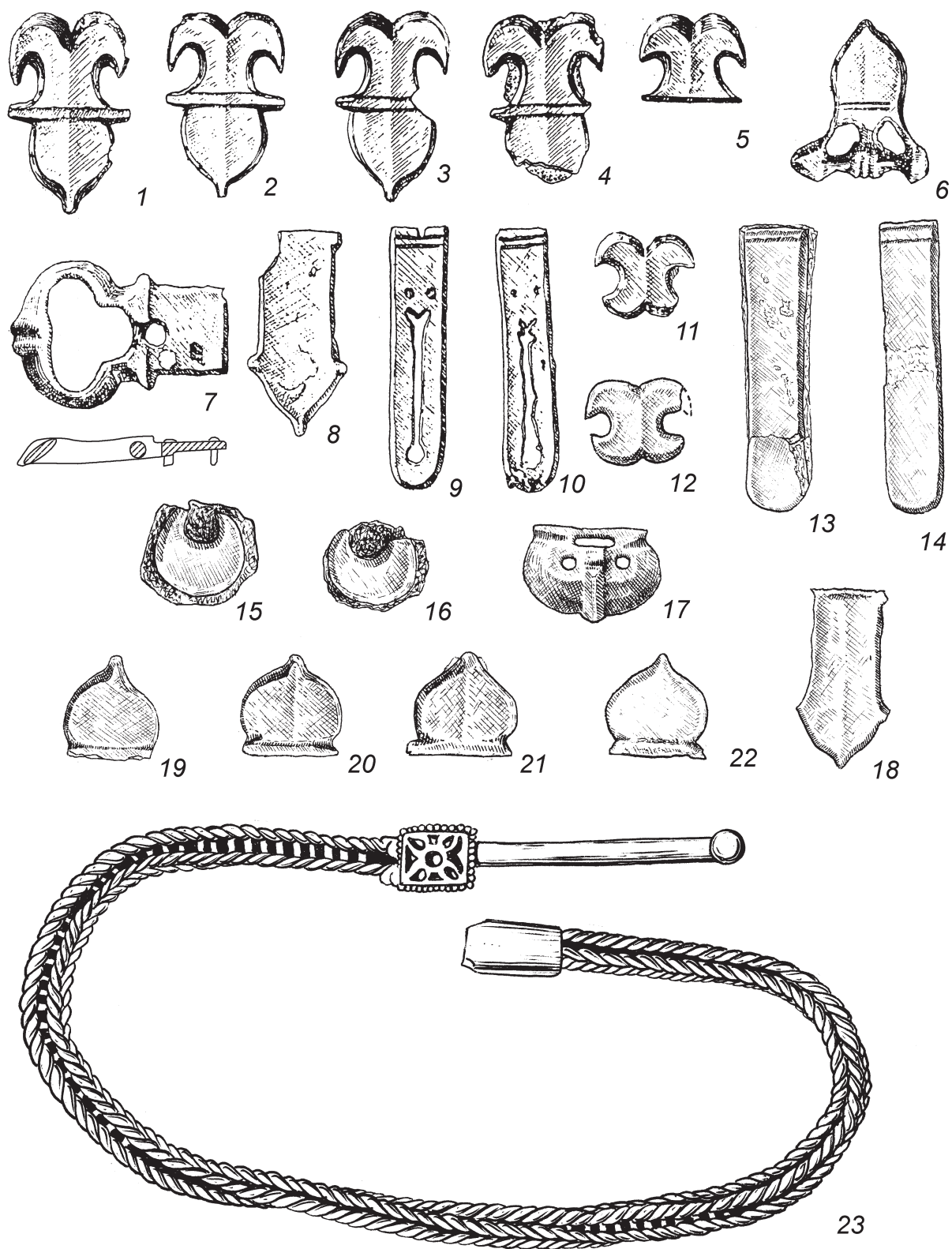

Табл. 27. Агафоновский могильник. Материал из погребений. 1-4 – погр.4; 12-23 – погр.13

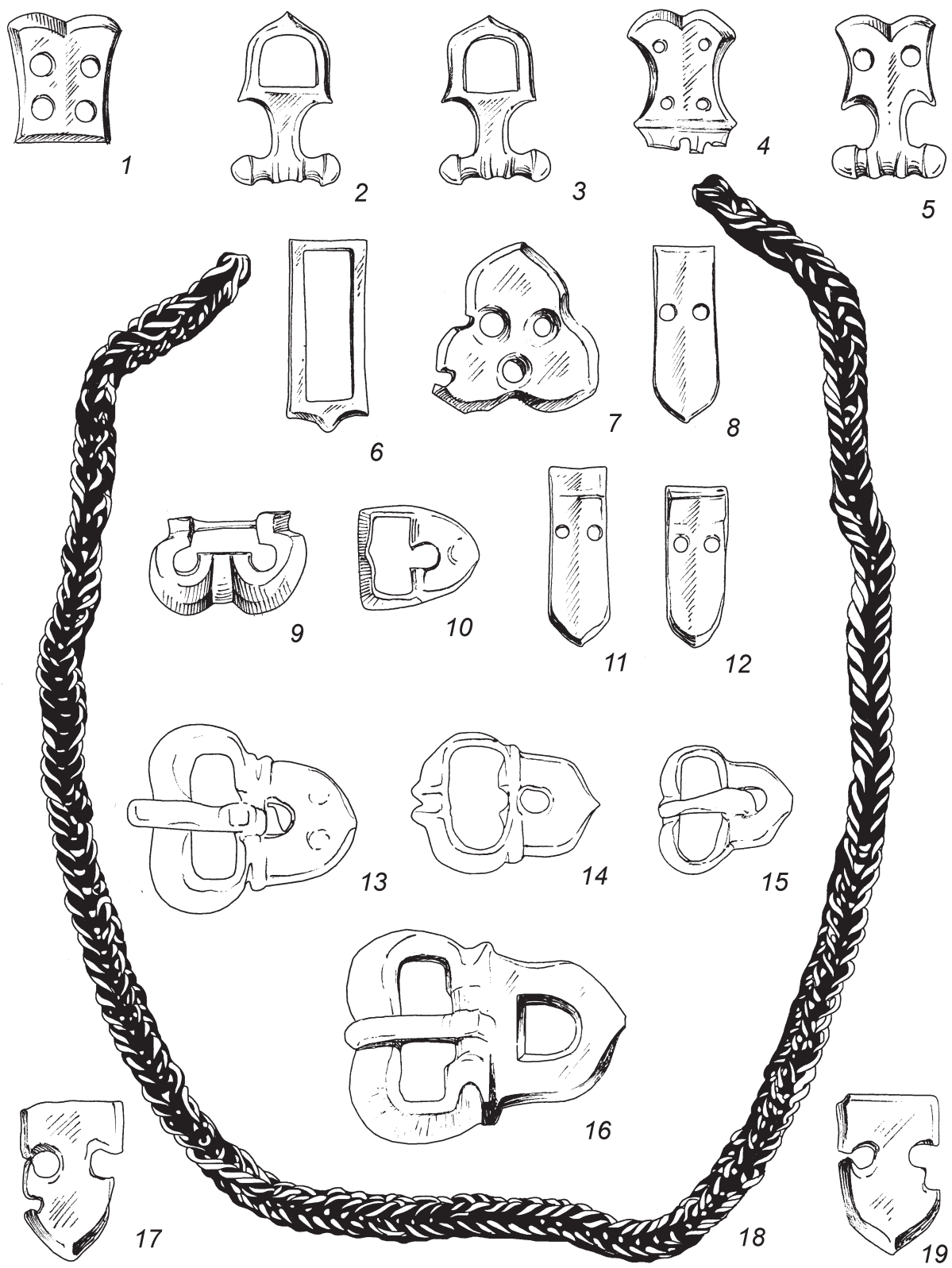

Табл. 28. Новиковское погребение. Накладки и пряжки (по: Balint Cs., 1992, taf.60);
цепь (по: Смирнов А.П., 1957, с.55, табл.VIII-10)

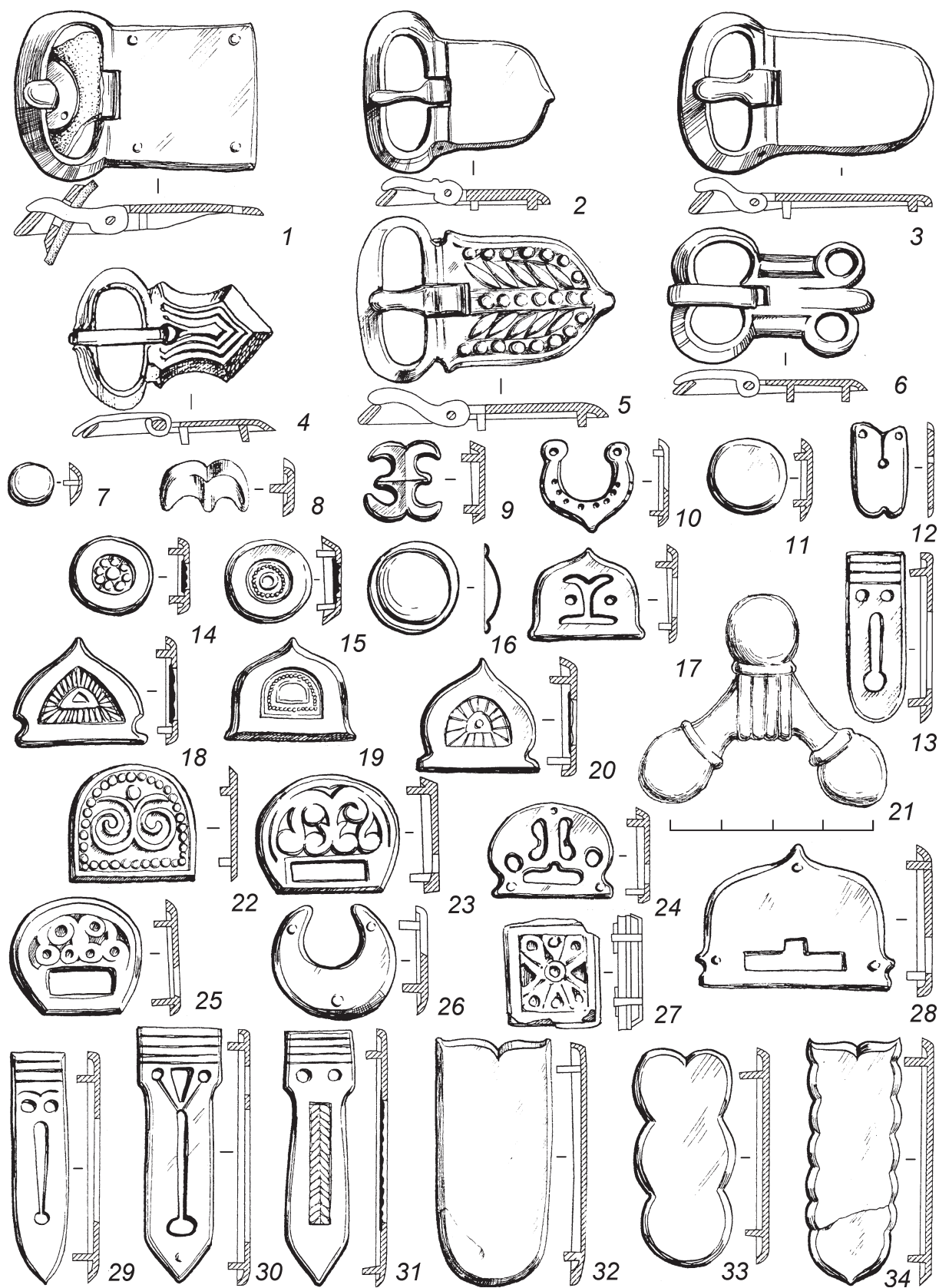

Табл. 29. Детали наборных поясов VIII в. 1-3, 5-12, 14-34 – Неволино; 4, 13 – Верх-Сая

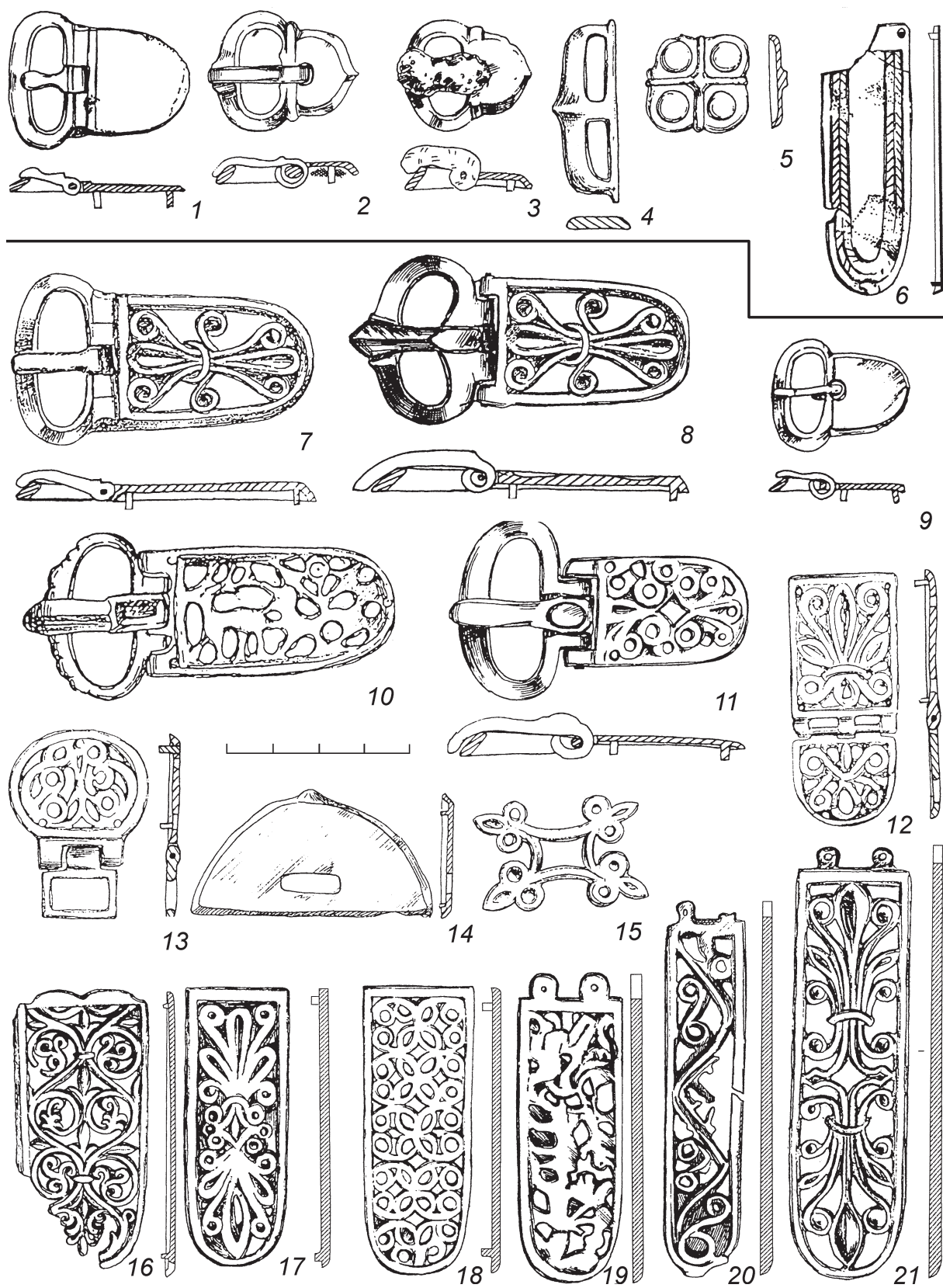

Табл. 30. Детали наборных поясов VIII в. 1-6 – первая половина VIII в.;
7-21 – вторая половина VIII в. 1-21 – Верх-Сая

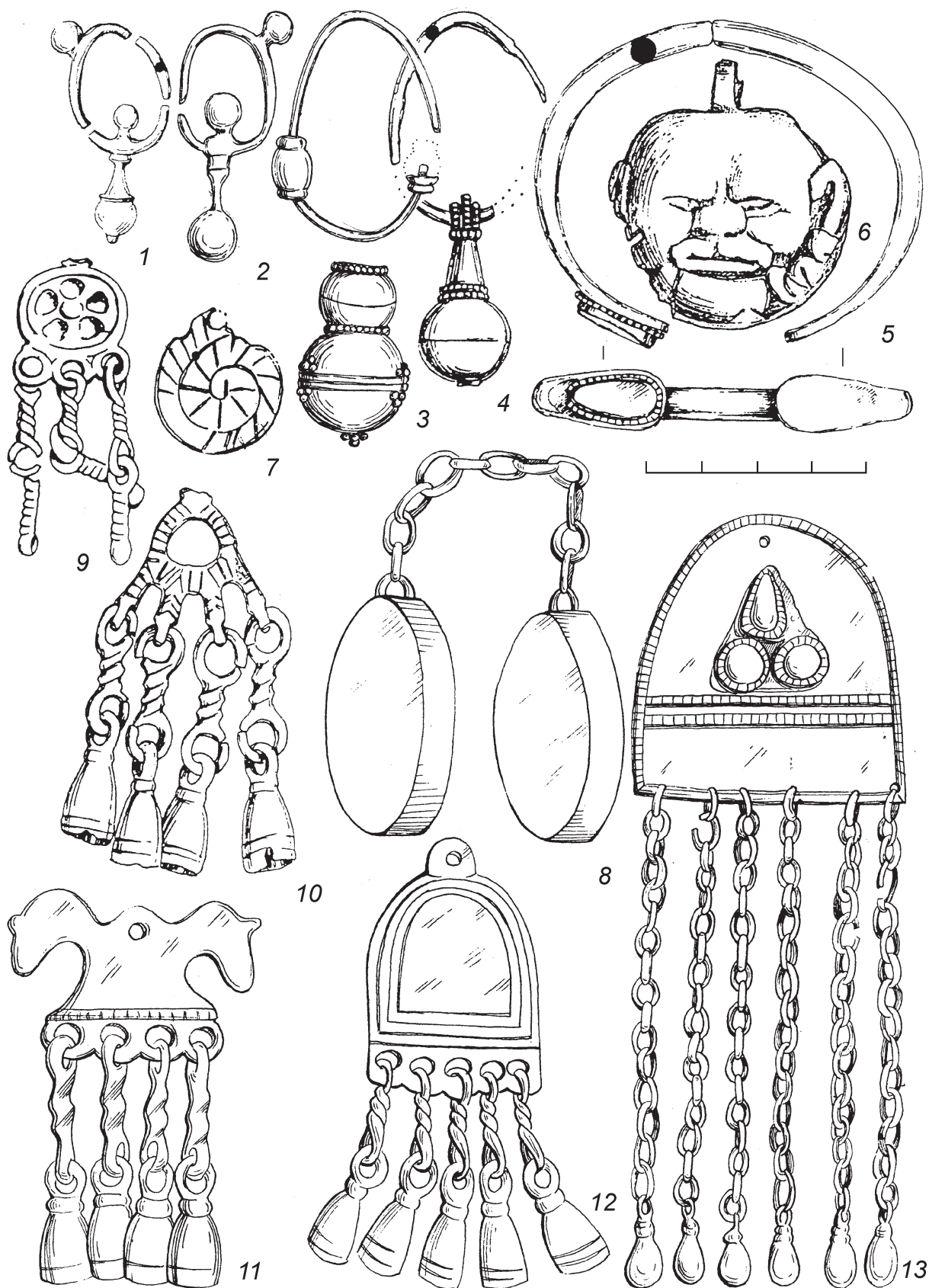

Табл. 31. Украшения женщин VIII в. 1, 4-7, 9, 10 – Верх-Сая; 2, 3, 8, 11-13 – Невотино

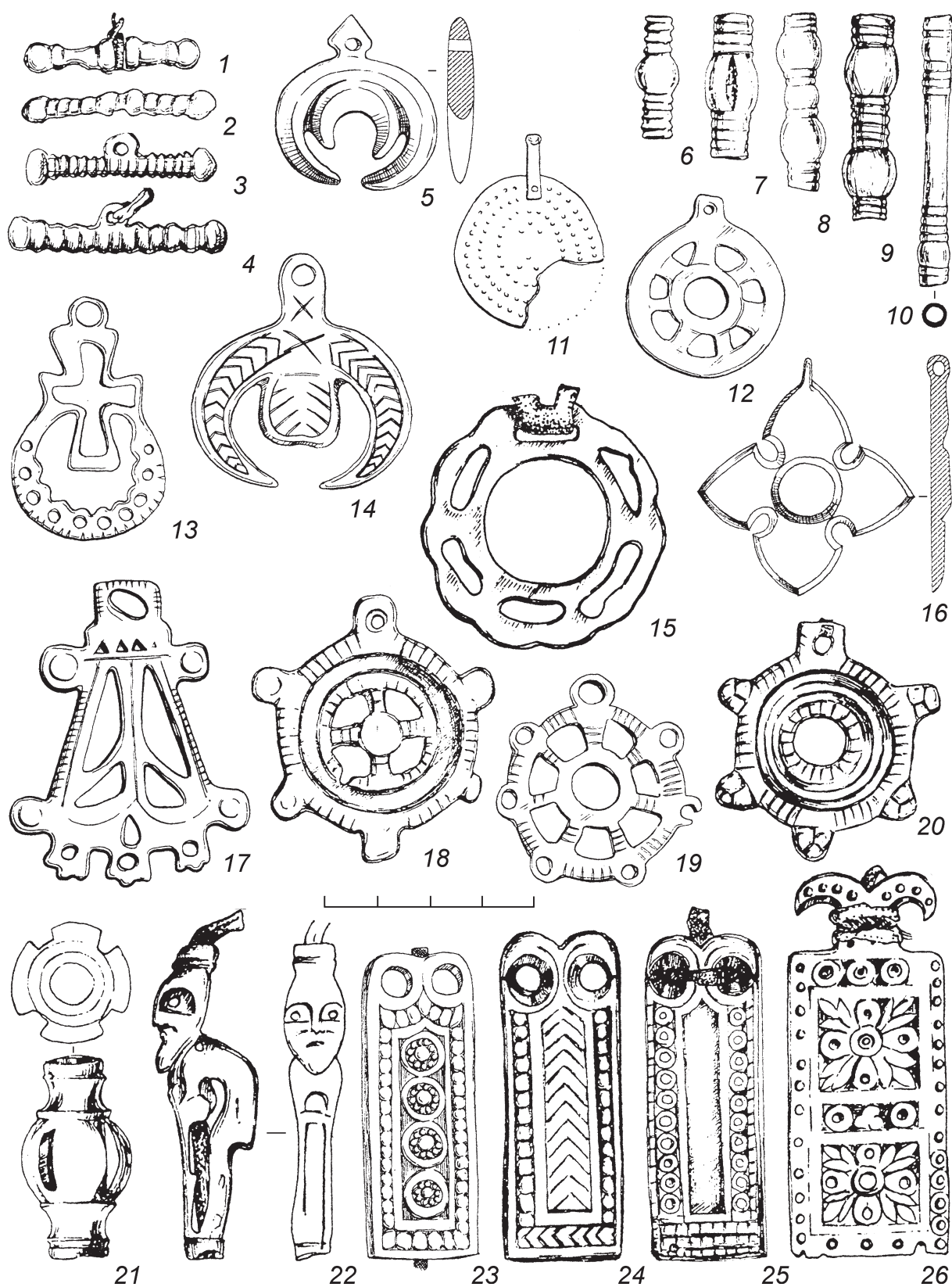

Табл. 32. Украшения женщин VIII в. 1-4, 6-10, 15, 20-22, 25, 26 – Верх-Сая;
5, 11-14, 16-19, 23, 24 – Неволіно

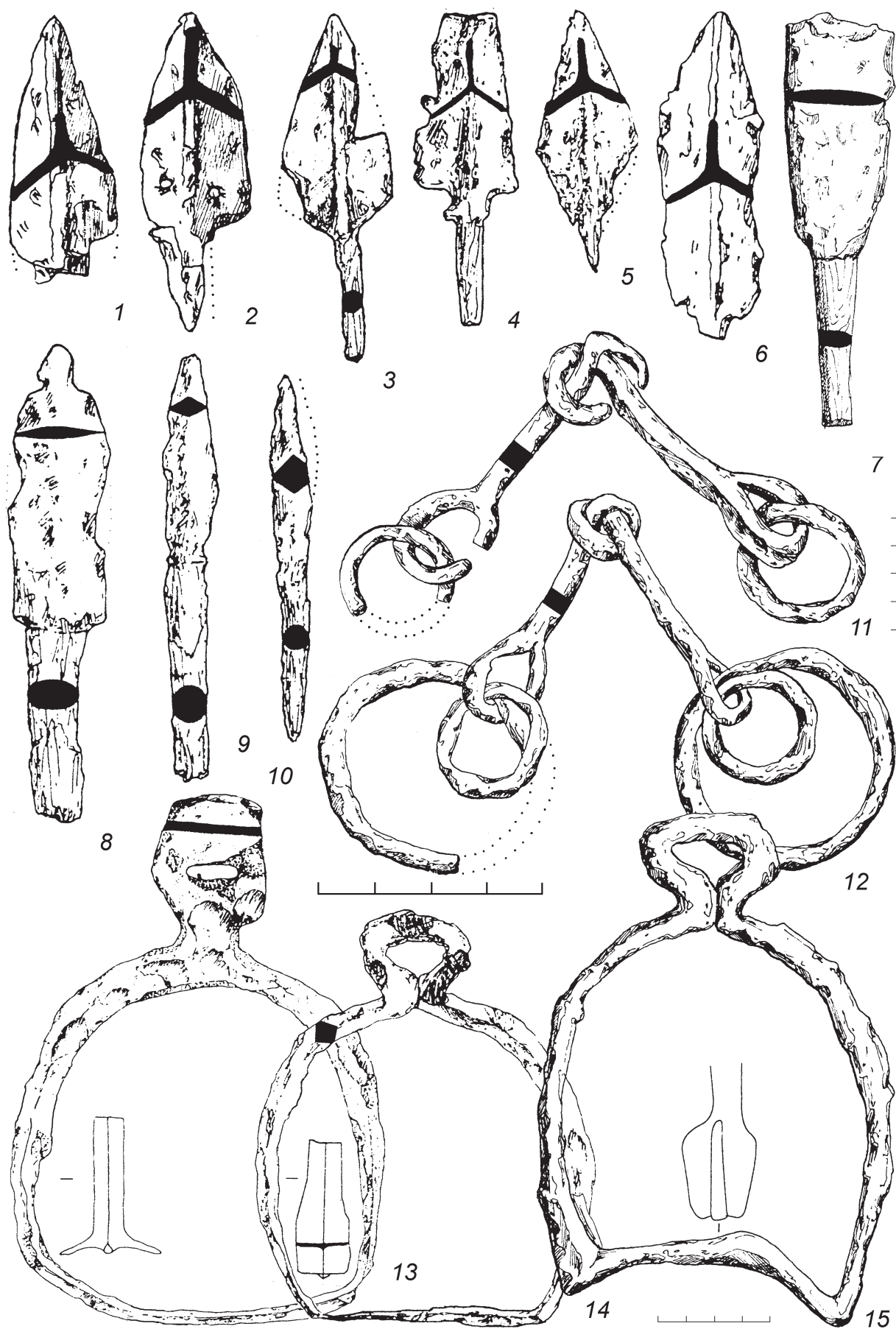

Табл. 33. Предметы из мужских погребений VIII в. 1-6, 8-10, 13, 14 – Верх-Сая;
7, 11, 12, 15 – Невolino

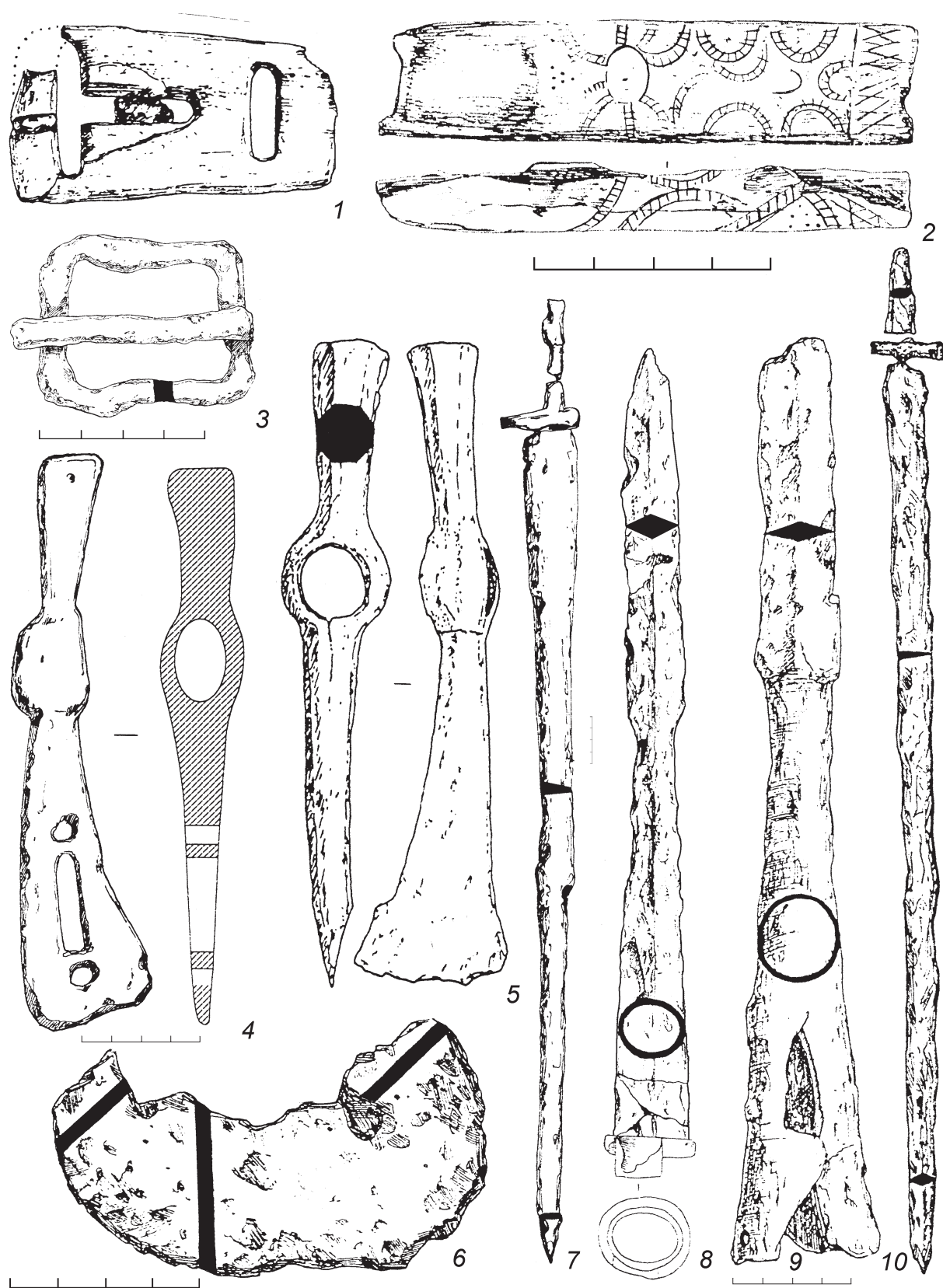

Табл. 34. Предметы из мужских погребений VIII в. 1-3, 5, 6, 8-10 – Верх-Сая; 4, 7 – Неволіно

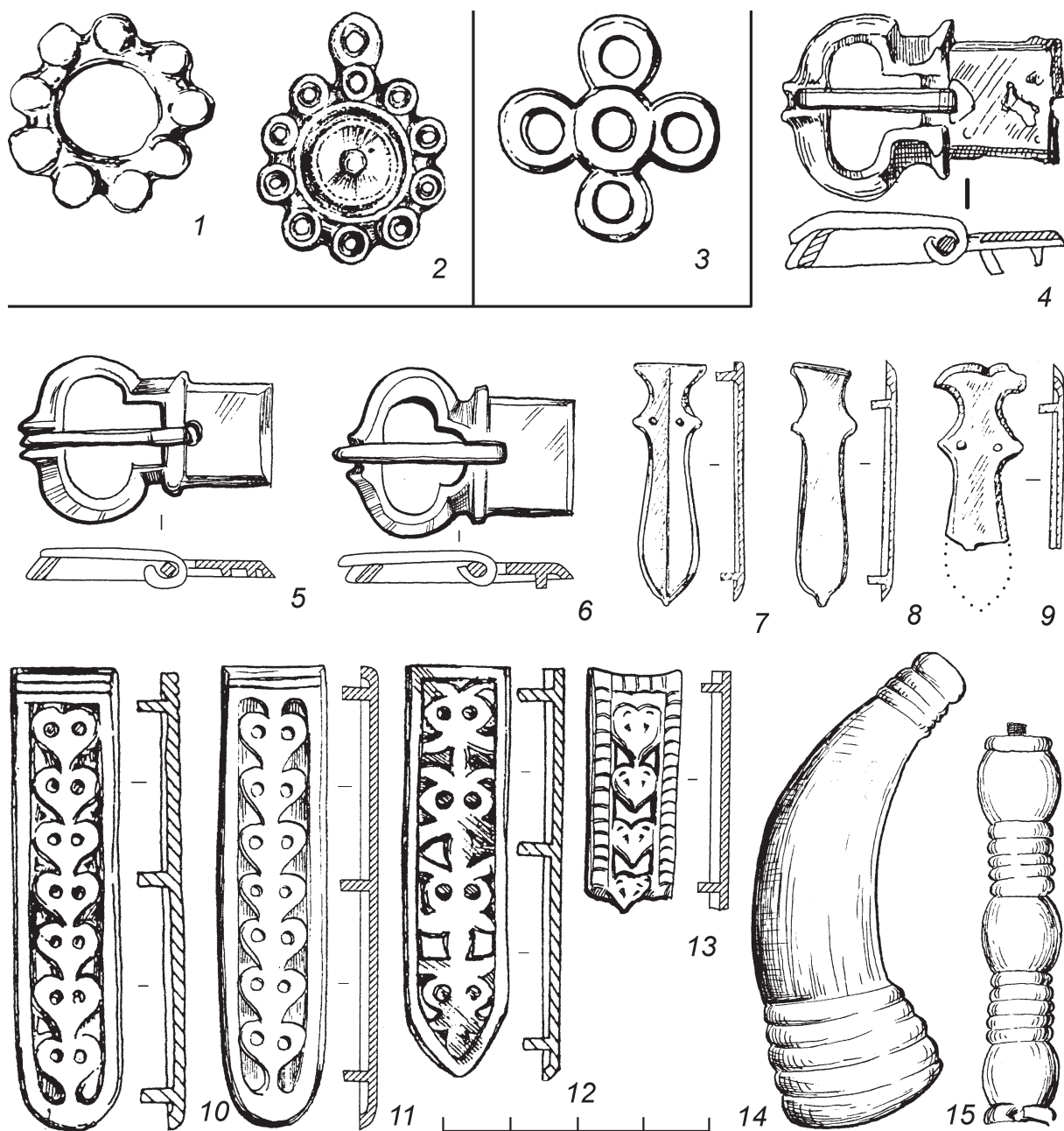

Табл. 35. Детали наборных поясов и украшения VI–VIII вв. 1, 2 – VI–VII вв.;
3 – VI–VIII вв.; 4–15 – VII–VIII вв.

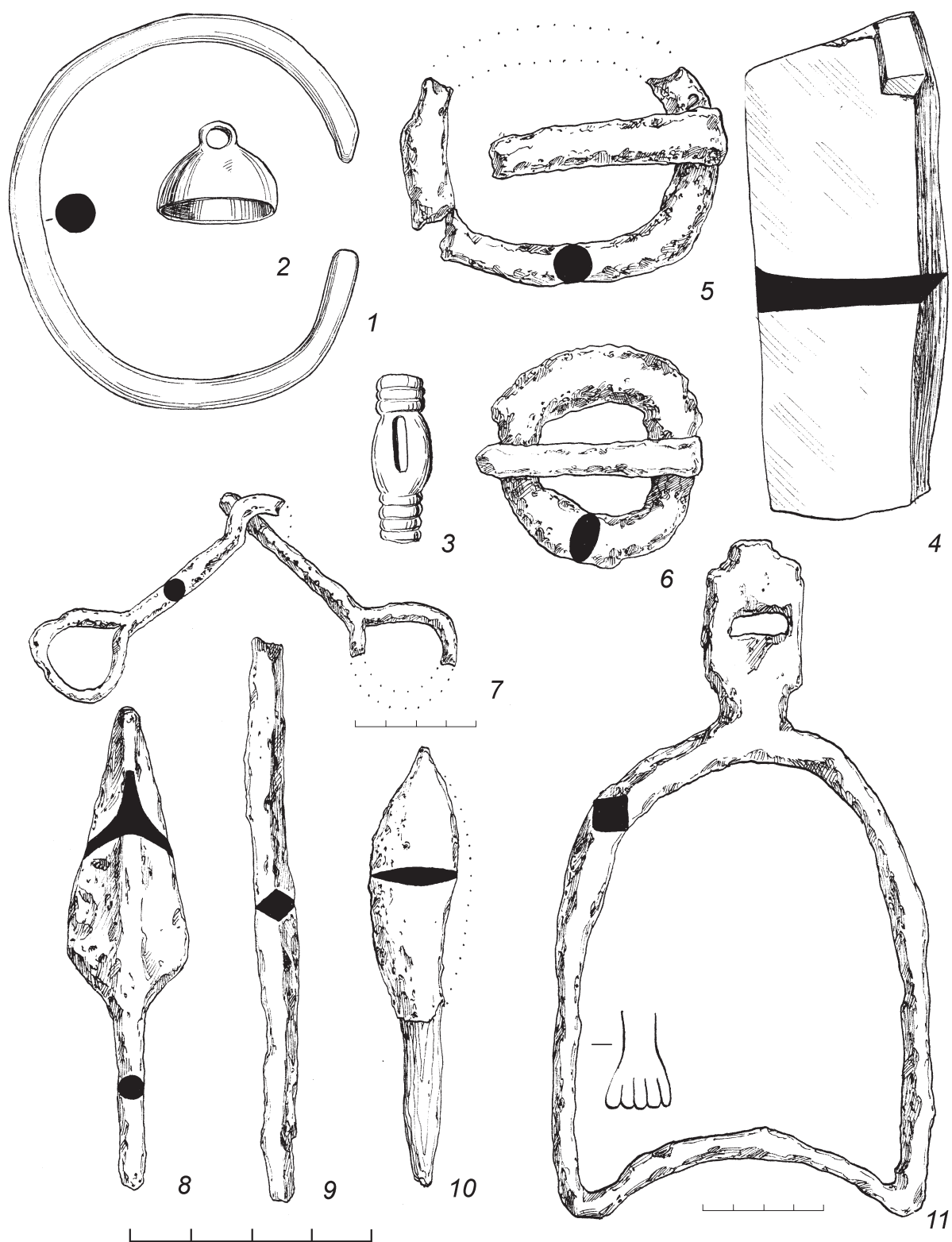

Табл. 36. Предметы из могил VII – первой четверти IX в. 1-11 – Неволино

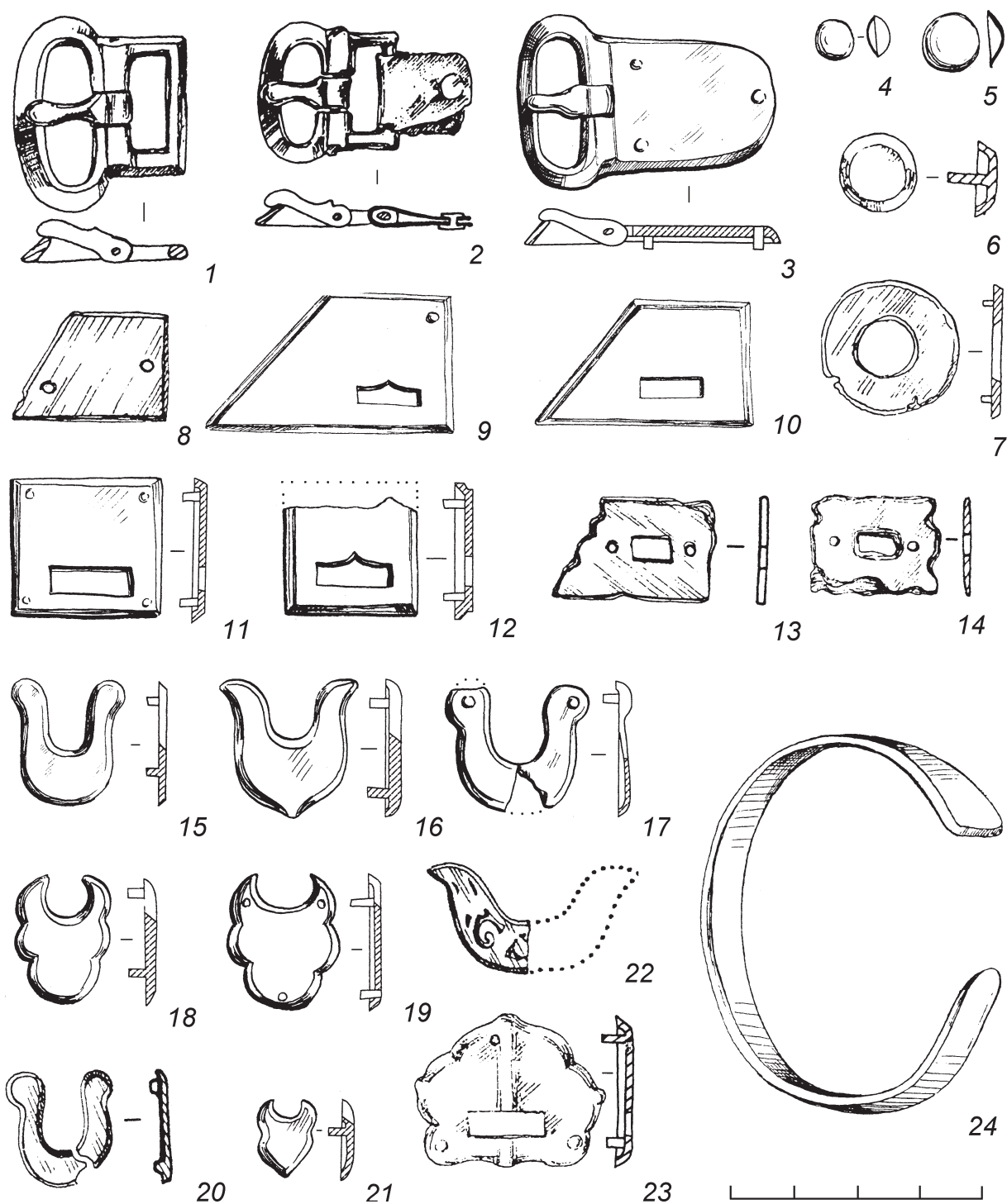

Табл. 37. Детали наборных поясов и украшения VIII – первой четверти IX в.
 1, 2, 6-8, 13, 14, 20, 22, 23 – Сухой Лог; 3-5, 9-12, 15-19, 21, 24 – Невolino

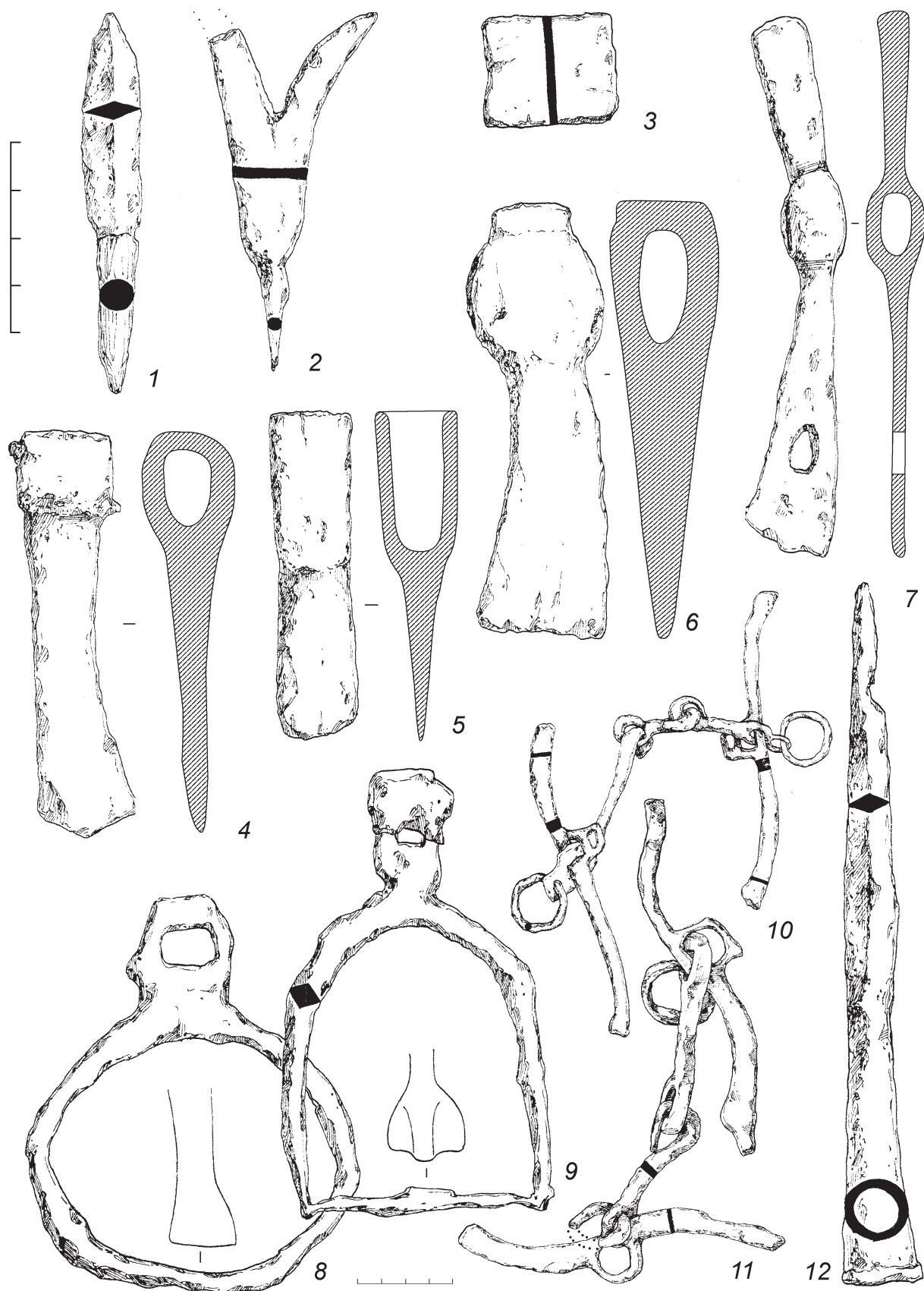

Табл. 38. Предметы из мужских могил VIII – первой четверти IX в. 1-12 – Неволино

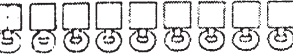

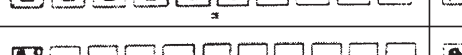

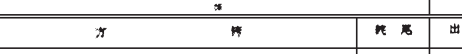

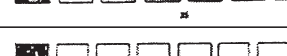

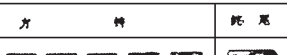

I 型	带扣	形制	不附环的带扣	带环的带扣	不附环的带扣	带尾	出处	
南越武帝墓出土						（图 见）	《文物》2000年第1期	
何家村唐代窖藏出土						（图 见）	《唐代金器研究》（《考古》1991年第1期）	
日本白凤美术馆藏唐代带具		?				（图 见）	《日本书纪》（《日本书纪》卷1）	
II 型	带扣	带尾	带“古直”的带扣			带尾	出处	
平鲁唐代窖藏出土								《文物》1981年第1期
上蔡晋代窖藏出土			（图 见）			（图 见）	《文物》1980年第1期	
辽宁朝阳市墓出土								《文物》1980年第1期
唐中书省窖藏出土								《文物》1979年第1期
故宫博物院藏唐代带具		?						《故宫博物院藏品大系》（《唐代部分》）
III 型	带扣	带尾	方形带扣			带尾	出处	
上蔡晋代窖藏出土								《文物》1980年第1期
日本白凤美术馆藏唐代带具								《日本书纪》（《日本书纪》卷1）
陕西乾县唐墓出土								《文物》1980年第1期
西安唐墓出土								《文物》1980年第1期
IV 型	带扣	方形带扣			带尾	出处		
日本大正时代唐墓出土							《大正时代唐墓出土文物》（《大正时代唐墓出土文物》）	

Табл. 39. Типологическая хронология поясных гарнитур Китая во времена правления династии Тан (по: Balint Cs., 2000, taf.2-2, с.145)

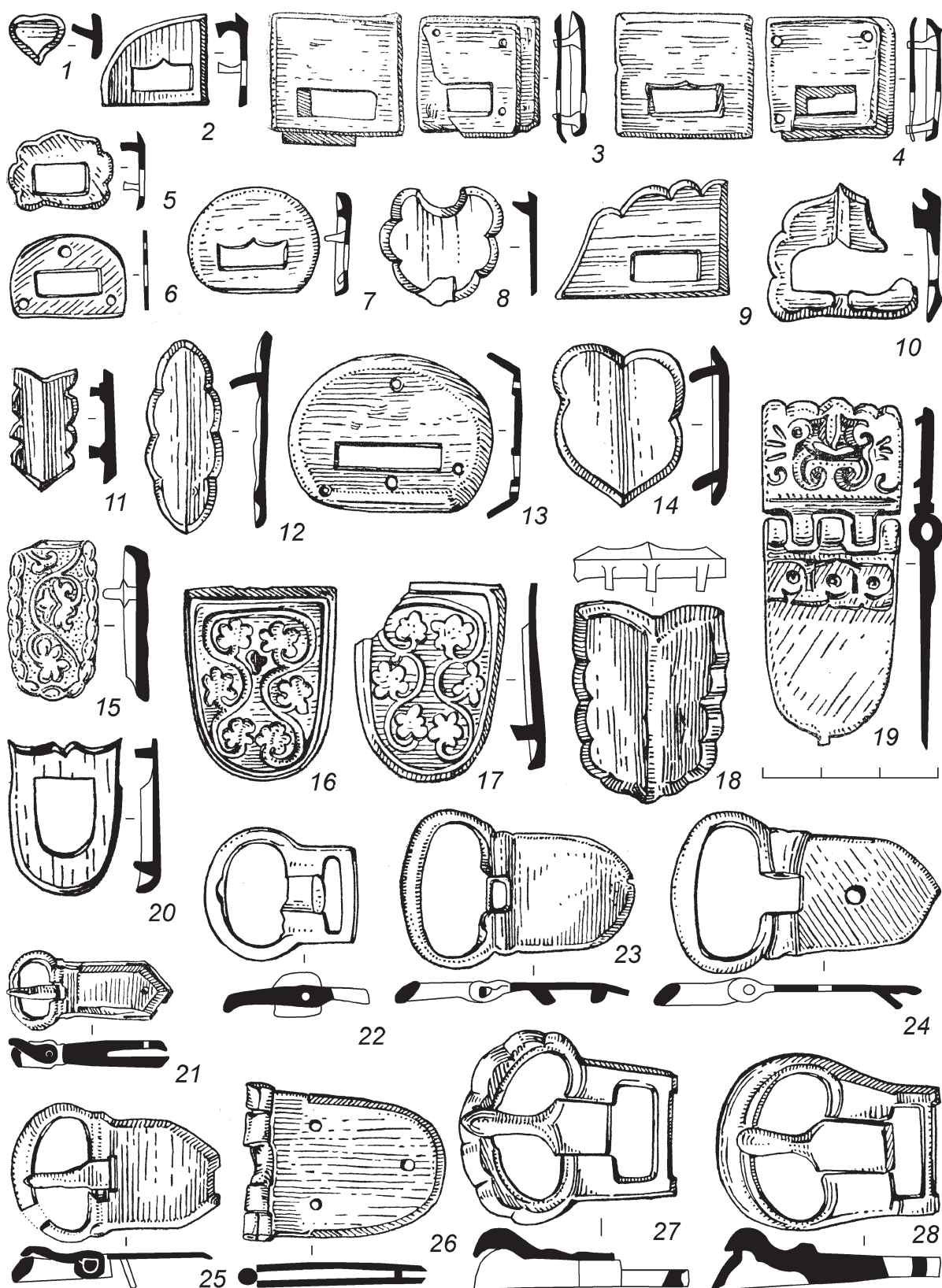

Табл. 40. Детали поясов восточного (катандинского, пенджикентского, согдийского) типов из Пенджикента (по: Распопова В.И., 1980, рис.61, 63, 64)

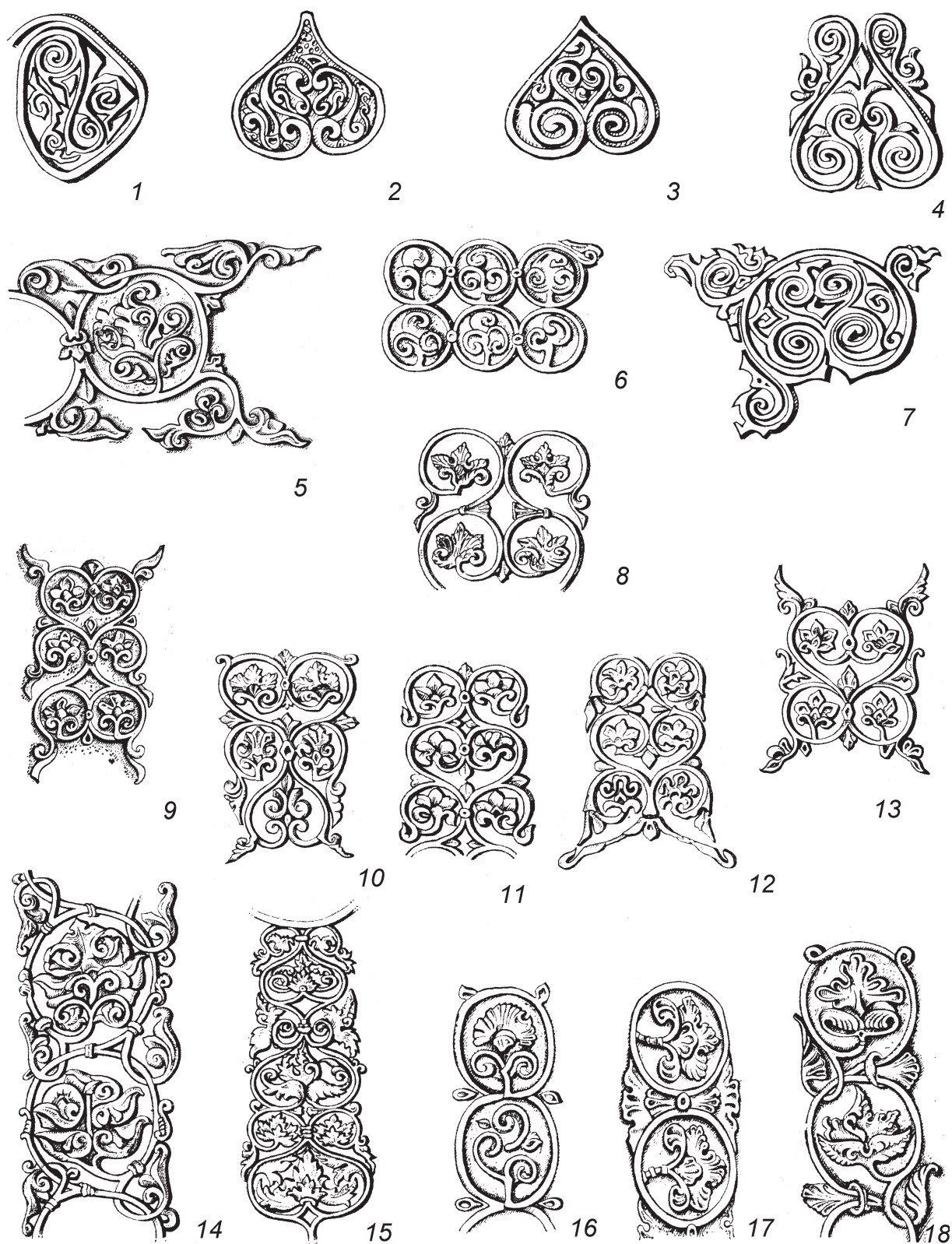

Табл. 41. Виды цветочного орнамента на металлических изделиях Византии IX–XII вв.
(по: Банк А.В., 1978, рис.15-17)

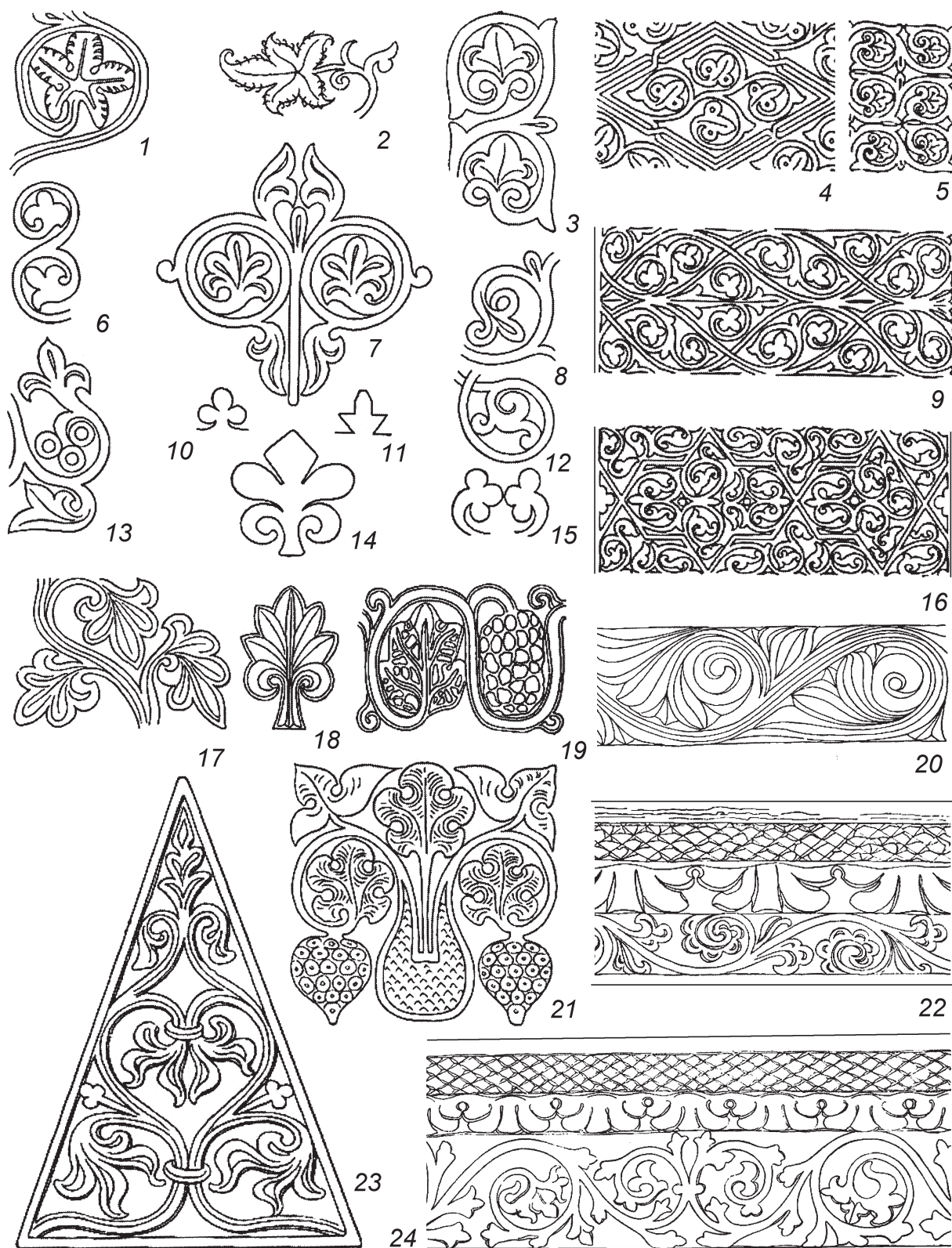

Табл. 42. Виды цветочного орнамента на росписях, глине, деревянных изделиях древнего Пенджикента, Средней Азии и Ближнего Востока (по: Беленицкий А.М., Пиотровский Б.Б., 1959, рис.18, 25-27, 29, 30)

Табл. 43. Предметы, украшенные растительными и зооморфными узорами. Бродовский могильник. 1-8, 10-14, 16-23, 25-28 – из раскопок А.А.Спицына и Н.Н.Новокрепленных; 9 – из раскопок В.Ф.Генинга; 15, 24 – из раскопок Т.К.Ютиной

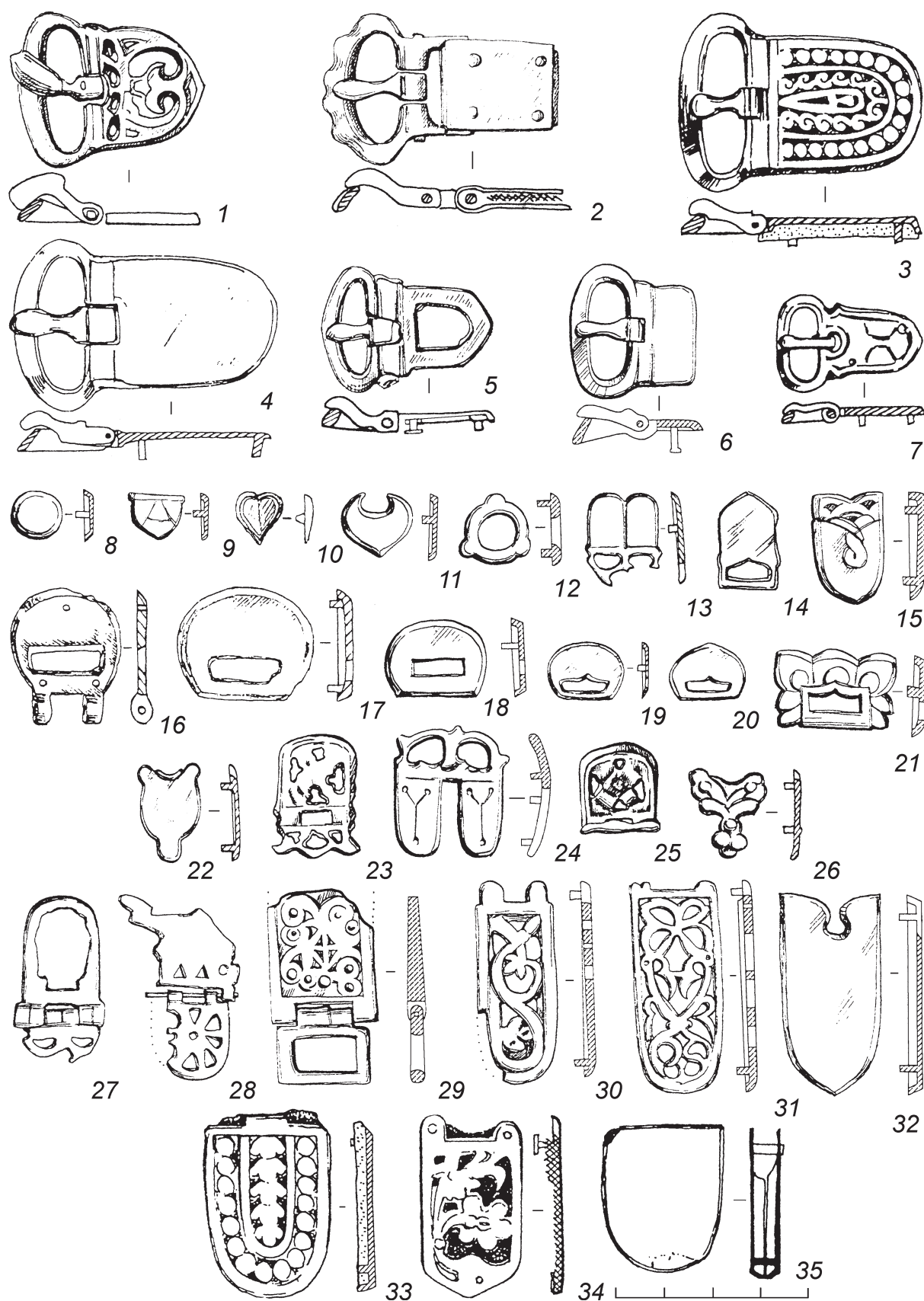

Табл. 44. Детали наборных поясов последней четверти VIII – первой четверти IX в. 1, 2, 5, 10, 13, 14, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 34 – Сухой Лог; 3, 4, 7, 16, 17, 33, 35 – Верх-Сая; 6, 8, 9, 11, 12, 15, 18, 21, 24, 27-32 – Неволينو

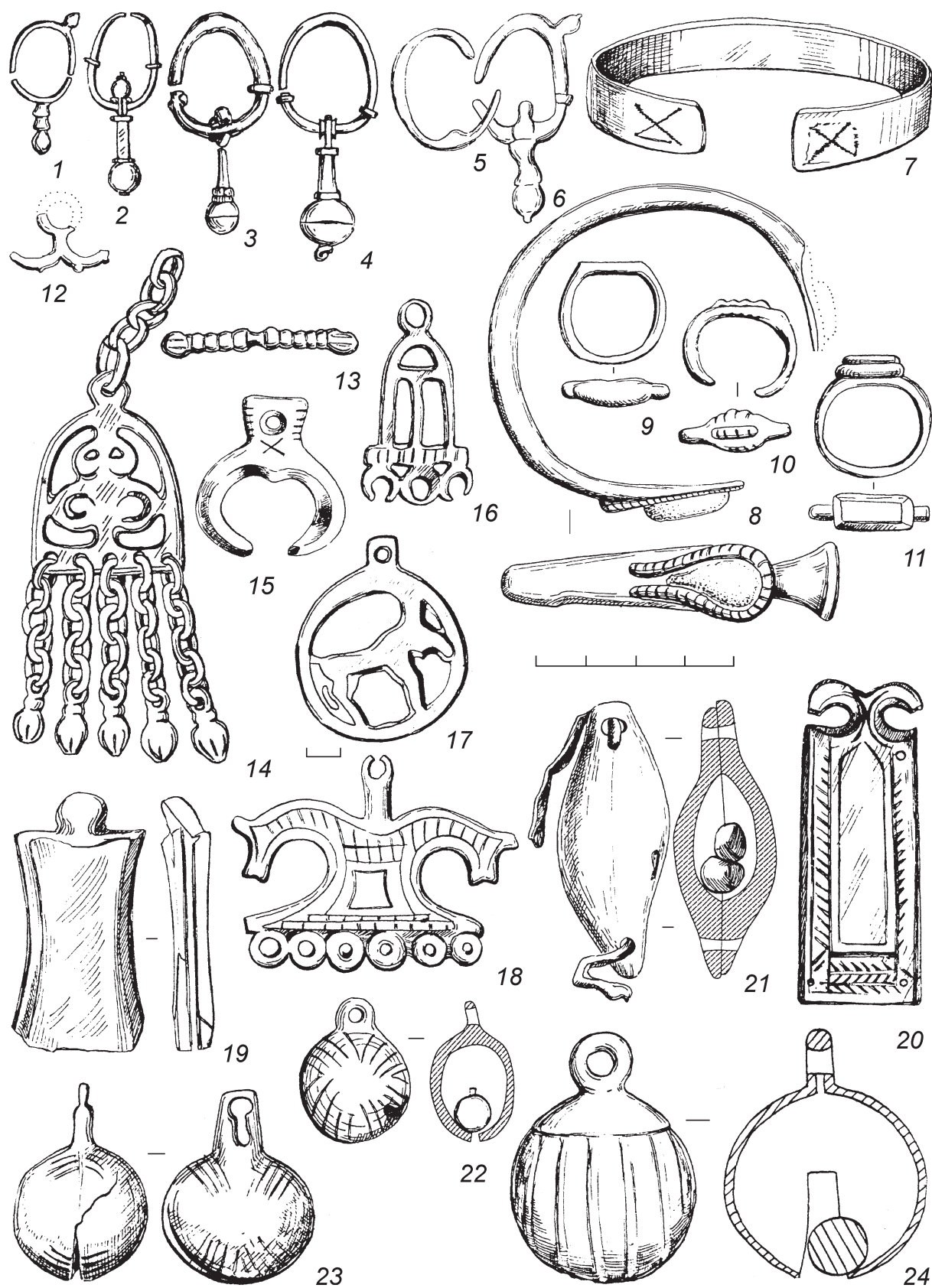
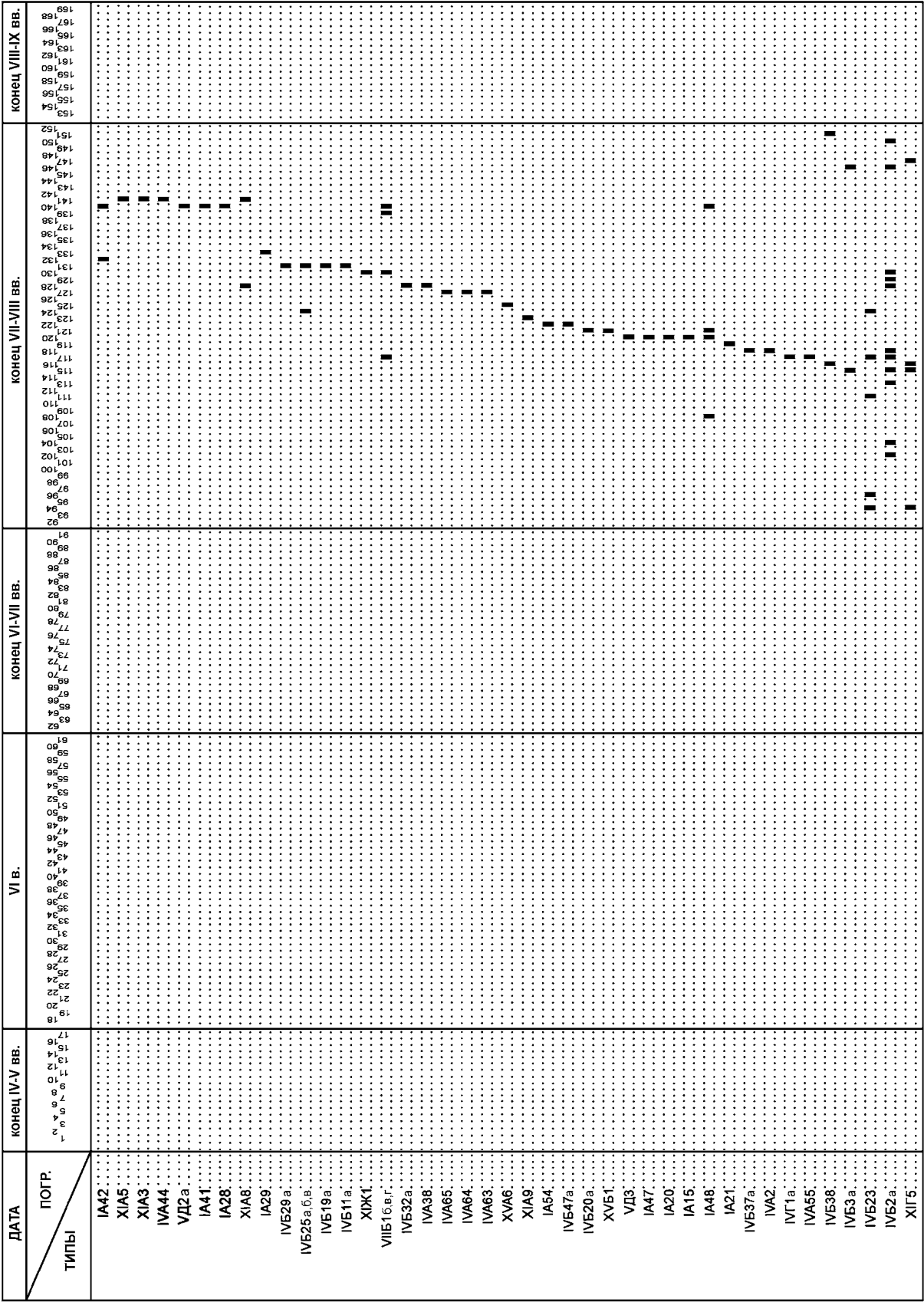

Табл. 45. Украшения из могил последней четверти VIII – первой четверти IX в. 1-4, 16, 19, 23, 24 – Сухой Лог; 5-12, 14, 15, 18, 21, 22 – Невотино; 13, 20 – Верх-Сая; 17 – Броды

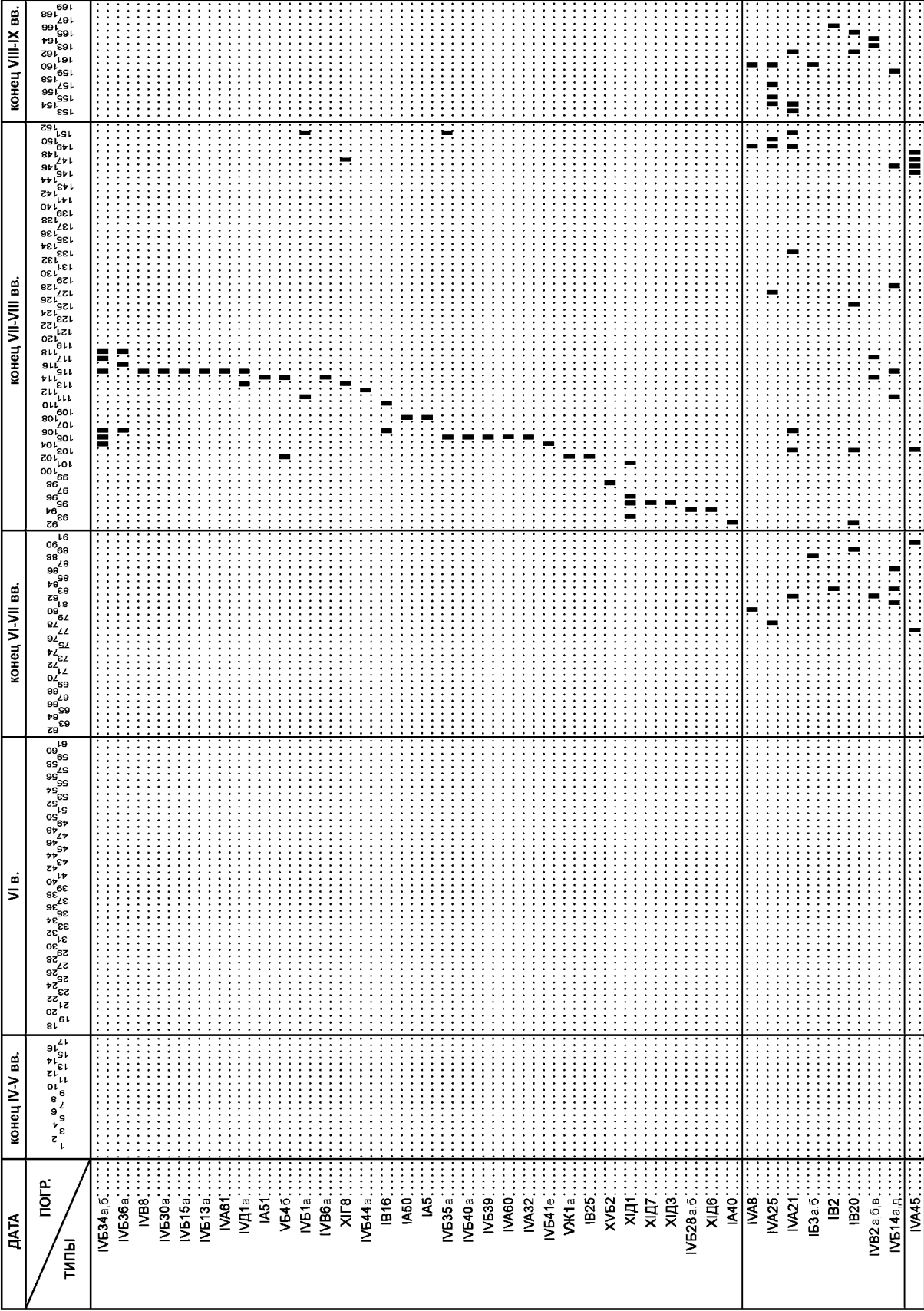
Дата	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.	
ПОГР. ТИПЫ	17 15 13 11 9 7 5 3 1	18 20 22 24 26 28 30 32 34 36 38 40 42 44 46 48 50 52 54 56 58 60	62 64 66 68 70 72 74 76 78 80 82 84 86 88 90	92 94 96 98 100 102 103 104 105 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 127 129 130 131 132 133 134 136 137 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151	153 154 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168	
	IA14					
	IB17					
	IVA41					
	IA52					
	VIIГ2а					
	IVГ5а,б,в					
	IVБ18 а					
	IA27					
	IA17					
	IB24					
	IB14					
	IB1					
	IB5а					
	IA22					
	IXA1					
	IVA35					
	IVA26					
	XIA7					
	VB6а					
	VE2а					
	IVA47					
	IVA39					
	IIIA7					
	IIIA3					
	IIIA1					
	IVA57					
	IVA29					
	VIIГ3а					
	IB22					
	IB2а					
	VB1а,б					
IVГ4а						
XIIA1						
VГ1а						
XIIA2						
VI59а						
VI55а						
VI54а						
IV55а						
V55а						
XVA4						

Рис. 1. Взаимовстречаемость типов бус неволинской культуры

Дата	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.
ПОГР. ТИПЫ	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17	18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60	61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91	92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152	153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168
IVГ6а,б					
XVБ5					
VB12а					
IIIA2					
IIA1					
IA26					
IB15					
IB9					
VB3а,VB2а,б					
IVA46					
IA19					
VIIГ1а,б,в					
VIIБ6а					
IA46					
IA24					
IA45					
IA10					
IVБ9а					
IVA58					
IVБ24а					
IIIA4					
IA25					
VB2а,в,г,д,е,ж,з,и					
VIIБ2а,б,г,д,е,ж					
IVБ33а,б,в					
IB18					
IB1а,б					
IB7					
IB21					
IVA37					
XIG1					
IA32					
XVA3					
IVБ4а					
IA44					
XIIA3					
IVA36					
IIIA6					
IIIA5					
IB23					
IIA2					

Продолжение рис. 1 (3)

Продолжение рис. 1 (4)

DATA	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.
ПОГР. ТИПЫ	17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60		62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90	92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152	153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169
IVA51 XIГ4 IA43 IA11 IVБ16 а IVГ3 а IVA14 XIД2					
XIIIA2 XIVA6 XIVA3 XIVA2 XIVA1 XIГ6 XA8 XA7 XA6 VIЕ1а VIБ8а IVБ43а IVБ42 а IVA34 IVA42 XIД5 XIA10 XIД4 IVA11 IVA43 IVA6 XVA1					
XIIIA1 IB10 IVБ21 а,б,ж XIA1 IVБ12 а,б,ж IVБ22 а,б,ж,о IB8 XIA2 IVA24 IB19 XIB2					

Продолжение рис. 1 (5)

дата	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.
погр. тип	1 3 5 7 9 11 13 15 17	18 20 22 24 26 28 30 32 34 36 38 40 42 44 46 48 50 52 54 56 58 60	62 64 66 68 70 72 74 76 78 80 82 84 86 88 90	92 94 96 98 100 102 104 106 108 110 112 114 116 118 119 121 123 125 127 129 131 133 135 137 139 141 143 145 147 149 151	153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167
XIГ3 IVA27 IVA10 VIIБ5а,б,в IB13 VIIБ3а,б,в XIГ2 IA3 XIB1 IVA54 ВД1а,б,в,жи IVA1 IVA18 IB12 IA7					
IVA22 IVA3 XIГ7 VIБ2а,б,в,г VIIБ2 а IVA23 IA1 IB11 VIIБ1а IVA5 IVБ26а VIГ2а IVA48 IVA7 XIE2 VIБ3а,б VB1а,б,в,г,д IVБ17а,б IVБ6а,в					
VIБ11а,б IVA13 XIГ9 VIIБ4 а IVA50 IA12 IVA52					

Продолжение рис. 1 (6)

DATA	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.
ПОГР. ТИПЫ	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17	19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60	61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90	91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152	153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168
ХА5 VIД2 а,б,в,г,д IVA19 IB4 IB5 XIB3 VIД1 а,б,в,г IB6 IVA20 XIA4					
IA4 IVA49 IVA16 IA35 IA9 IA13 XA2 IA33 XIVA4					
XA3 IA34 IA6 IA8 IVA53 IVA4 VIIБ7 а IVB1 а IVБ46 а VIB1 а,б,г XIE1 VIB5 а IVA40 XIB1 VIIГ2 а VIB3 а VD5 а IVB4 а IVБ45 а IA31 XIA6					

Продолжение рис. 1 (7)

DATA	конец IV-V вв.	VI в.	конец VI-VII вв.	конец VII-VIII вв.	конец VIII-IX вв.
ПОГР. ТИПЫ	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17	18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60	61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91	92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152	153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168
	IB4 a				
	IVB66				
	VIB10a				
	IVA33				
	IVA15				
	IVA12				
	IVA62				
	IVA17				
	XVB4				
	XVB3				
	VID4 a				
	XVA2				
	XB1				
	XA4				
	VIB4 a				
	VIA5				
	XIB5				
	IVB31 a				
	VID4 a				
	IVB5 a				
	VIB7 a,б				
	VIB2 a,б				
	IVB7 a				
	IVA56				
	IA30				
	IA2				
	VIB1 a				
	IVB3 a				
	VIA2				
	IVA28				
	VIA4				
	XA1				
	IVB10 a				
	IVB27 a				
	XIB4				
IVA30					
VIA1					
VIA3					
VIT1 a					
VIX2 a					
IA36					
IVE1 a					

Продолжение рис. 1 (8)

Дата	погр.	конца IV-V вв.	VI в.	конца VI-VII вв.	конца VII-VIII вв.	конца VIII-IX вв.
IA38						
XVA5						
XIIIБ2						
IA18						
XIVA5						
XA9						
XA10						
IA53						
IA37						

Рис. 1. Взаимовстречаемость типов бус неволинской культуры.

Условные обозначения. Могильники и №№ погребений. **Конца IV-V вв.**: 1 – Броды к.39, погр. 2 (далее 39/2); 2 – Броды 27/1; 3 – Броды 7/1; 4 – Броды 17/2; 5 – Броды 13/1; 6 – Броды 6/3; 7 – Броды 40/1; 8 – Броды 7/3; 9 – Броды 21/1; 10 – Броды 8/1; 11 – Броды 6/2; 13 – Броды 14/1; 14 – Броды 4/1; 15 – Броды 48/1; 16 – Броды 34/1; 17 – Броды 35/1. **VI в.**: 18 – Броды 19/1; 19 – Броды 45/1; 20 – Броды 20/1А; 21 – Верх-Сая 69/1; 22 – Верх-Сая 64/1; 23 – Верх-Сая 91/1; 24 – Верх-Сая 96/1; 25 – Верх-Сая 72/2; 26 – Верх-Сая 14/1; 27 – Верх-Сая 33/1; 28 – Верх-Сая 80/1; 29 – Верх-Сая 35/1; 30 – Верх-Сая 21/1; 31 – Верх-Сая 17/1; 32 – Верх-Сая 16/1; 33 – Верх-Сая 156; 34 – Верх-Сая 73/1; 35 – Верх-Сая 16/2; 36 – Верх-Сая 1/2; 37 – Верх-Сая 81/1; 38 – Верх-Сая 44/2; 39 – Верх-Сая 24/2; 40 – Верх-Сая 44/1; 41 – Верх-Сая 38/1; 42 – Верх-Сая 37/1; 43 – Верх-Сая 19/1; 44 – Верх-Сая 54/1; 45 – Верх-Сая 41/1; 46 – Верх-Сая 7/1; 47 – Верх-Сая 9/2; 48 – Верх-Сая 46/1; 49 – Верх-Сая 31/1; 50 – Верх-Сая 75/1; 51 – Верх-Сая 78/1; 52 – Верх-Сая 63 /1; 53 – Верх-Сая 79/2; 54 – Верх-Сая 147; 55 – Верх-Сая 98/1; 56 – Верх-Сая 40/1; 57 – Верх-Сая 16/4; 58 – Верх-Сая 20/1; 59 – Верх-Сая 12/2; 60 – Верх-Сая 52/1; 61 – Верх-Сая 125. **VII в.**: 62 – Верх-Сая 26/1; 63 – Верх-Сая 124; 64 – Неволдино210; 65 – Верх-Сая 4/1; 66 – Верх-Сая 10/1; 67 – Верх-Сая 101/1; 68 – Верх-Сая 102/1; 69 – Неволдино 230; 70 – Верх-Сая 131; 71 – Верх-Сая 37/2; 72 – Верх-Сая 37/2; 73 – Верх-Сая 54; 74 – Верх-Сая 12/1; 75 – Верх-Сая 3/1; 76 – Верх-Сая 116; 77 – Неволдино 174; 78 – Неволдино 225; 79 – Верх-Сая 100/1; 80 – Неволдино 170; 81 – Верх-Сая 24/1; 82 – Неволдино 223; 83 – Неволдино 213; 84 – Неволдино 228; 85 – Верх-Сая 74/1; 86 – Верх-Сая 79/1; 87 – Неволдино 233; 88 – Неволдино 2/2; 89 – Верх-Сая 83/1; 90 – Неволдино 243; 91 – Верх-Сая 71/1. **VIII в.**: 92 – Неволдино погр.199 (далее 199);93 – Верх-Сая 88; 94 -Верх-Сая 120; 95 – Верх-Сая 142; 96 -Верх-Сая 92; 97 – Верх-Сая 53; 98 – Верх-Сая 51; 99 – Верх-Сая 111; 100 – Верх-Сая 133; 101 – Неволдино 196; 102 – Неволдино 238; 103 – Неволдино 234; 104 – Верх-Сая 77; 105 – Верх-Сая 68; 106 – Верх-Сая 22; 108 – Верх-Сая 38; 109 – Верх-Сая 130; 110 – Верх-Сая 132; 111 – Верх-Сая 73; 112 – Верх-Сая 29; 113 – Неволдино 155; 114 – Верх-Сая 138 А; 115 – Неволдино 153; 116 – Неволдино 193; 117 – Верх-Сая 69; 118 – Неволдино 162; 119 – Верх-Сая 64; 120 – Верх-Сая 71; 121 – Верх-Сая 50; 122 – Верх-Сая 149; 123 – Верх-Сая 15; 124 – Верх-Сая 150; 125 – Верх-Сая 16; 126 – Верх-Сая 152; 127 – Верх-Сая 153; 128 – Верх-Сая 83; 129 – Верх-Сая 81; 130 – Верх-Сая 67; 131 – Верх-Сая 70; 132 – Верх-Сая 30; 133 – Верх-Сая 158; 134 – Верх-Сая 107; 135 – Верх-Сая 62; 136 – Верх-Сая 42; 137 – Неволдино 205; 138 – Верх-Сая 32; 139 – Верх-Сая 91; 140 – Верх-Сая 103; 141 – Верх-Сая 129; 142 – Верх-Сая 89/1; 143 – Сухой Лог 9; 144 – Сухой Лог 8; 145 – Неволдино 245; 146 – Неволдино 236; 147 – Неволдино 218; 148 – Неволдино 226; 149 – Неволдино 261; 150 – Неволдино 217; 151 – Неволдино 220; 152 – Верх-Сая 93. **IX в.**: 153 – Неволдино 148; 154 – Неволдино 253; 155 – Верх-Сая 82/1; 156 – Верх-Сая 155; 157 – Верх-Сая 137; 158 – Неволдино 187; 159 – Неволдино 154; 160 – Неволдино 239; 161 – Неволдино 158; 162 – Сухой Лог 12; 163 – Сухой Лог 4; 164 – Сухой Лог 10; 165 – Сухой Лог 20; 166 – Неволдино 163; 167 – Верх-Сая 44; 168 – Верх-Сая 56; 169 – Верх-Сая 74Б

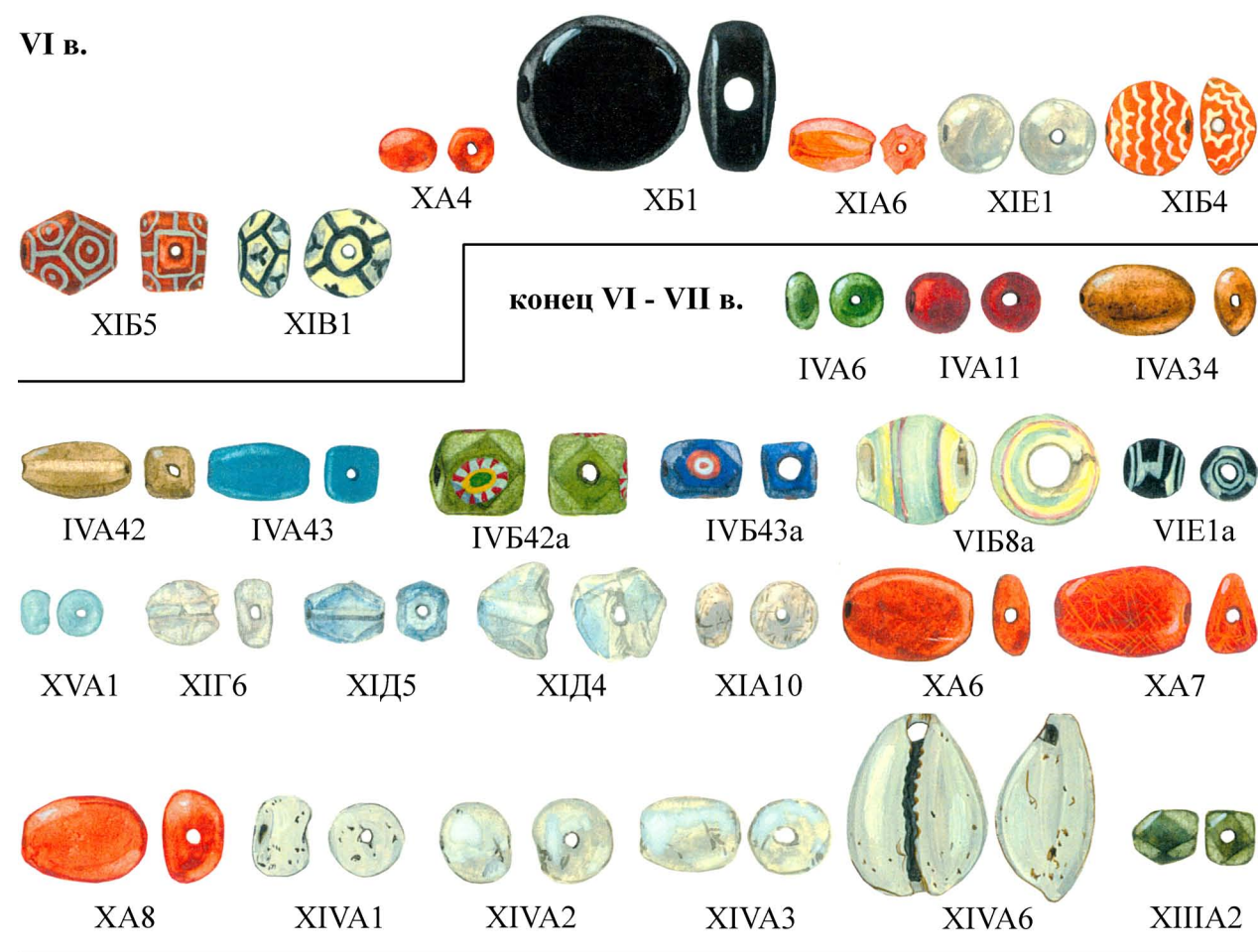
конца IV - V в.

Рис. 2. Хронологические группы бус неволинской культуры

VI в.

конец VII - VIII в.

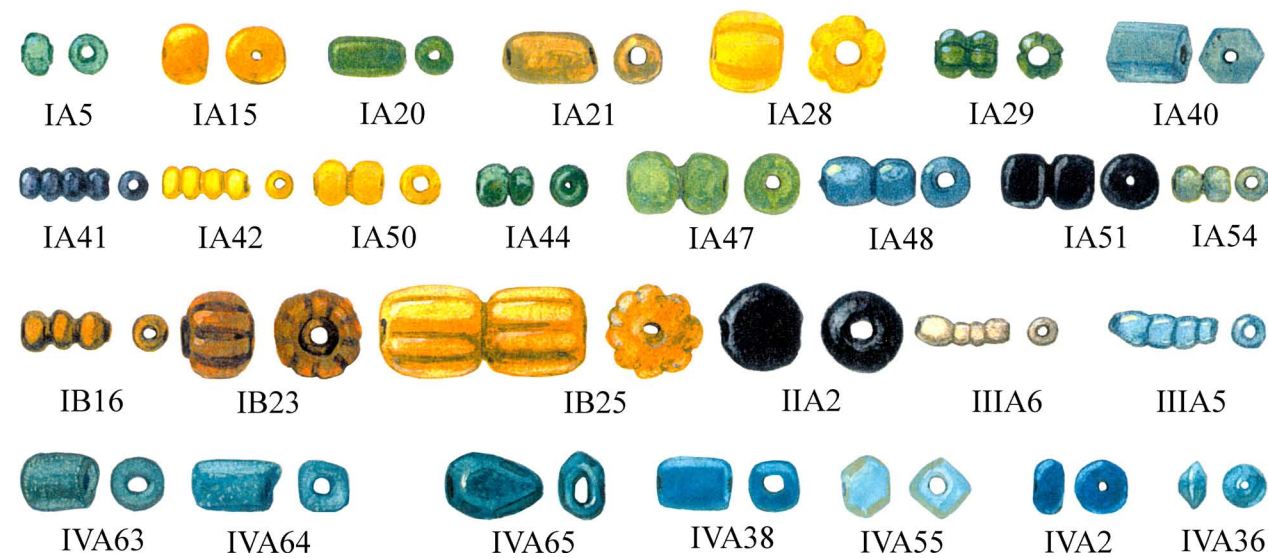

Рис. 3. Хронологические группы бус неволинской культуры

конец VII - VIII в.

Рис. 4. Хронологические группы бус неволинской культуры

Рис. 5. Хронологические группы бус неволинской культуры

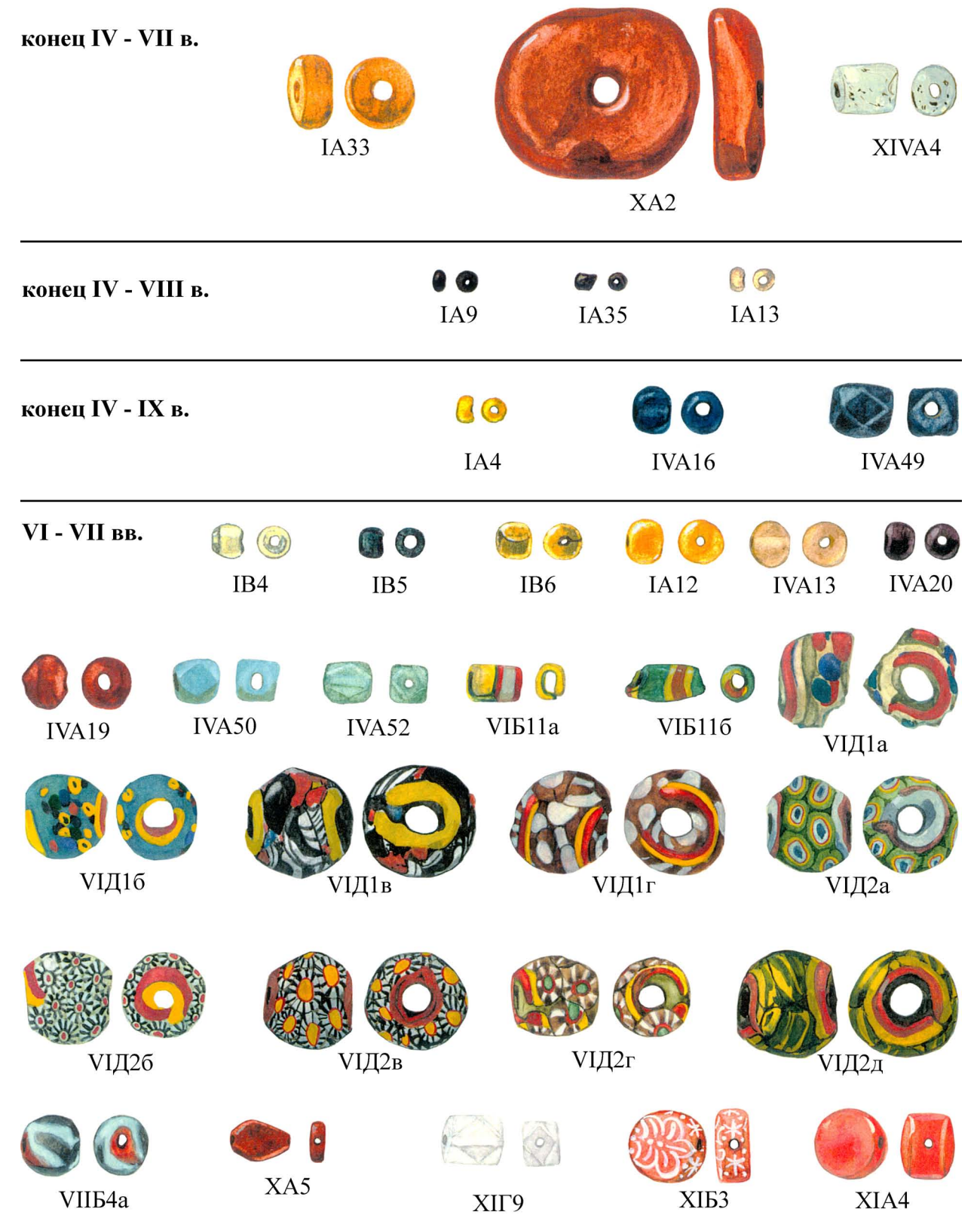

Рис. 6. Хронологические группы бус неволинской культуры

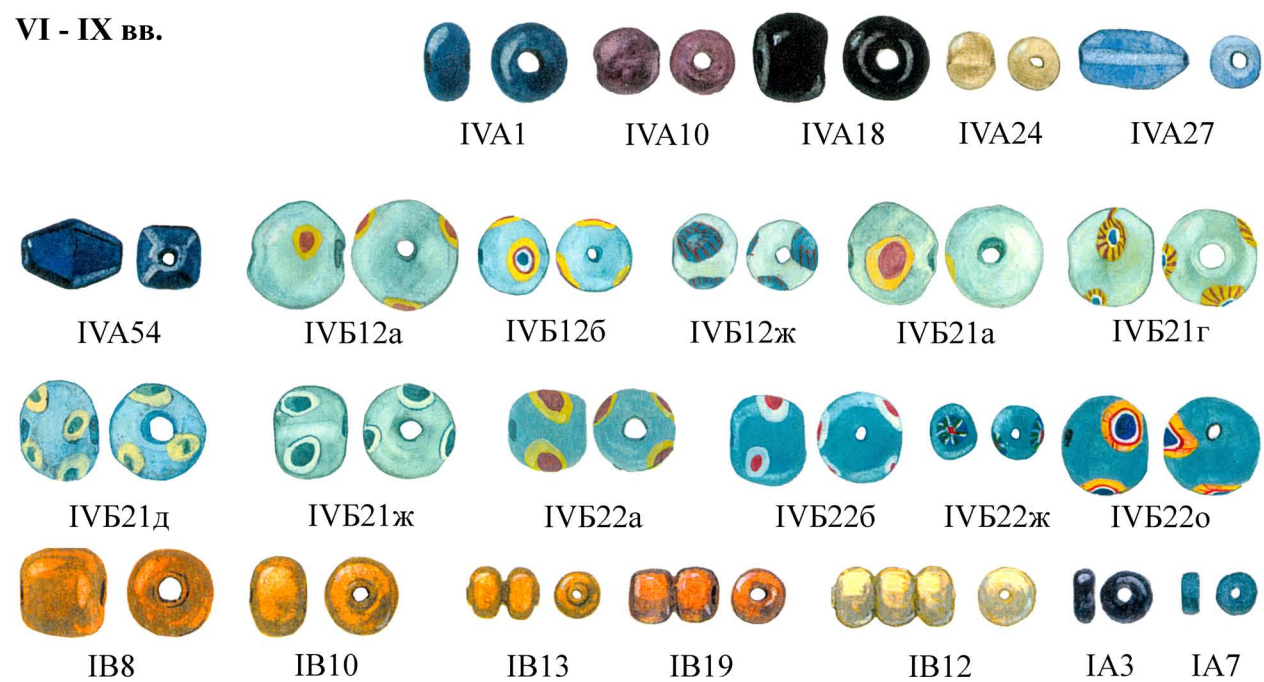
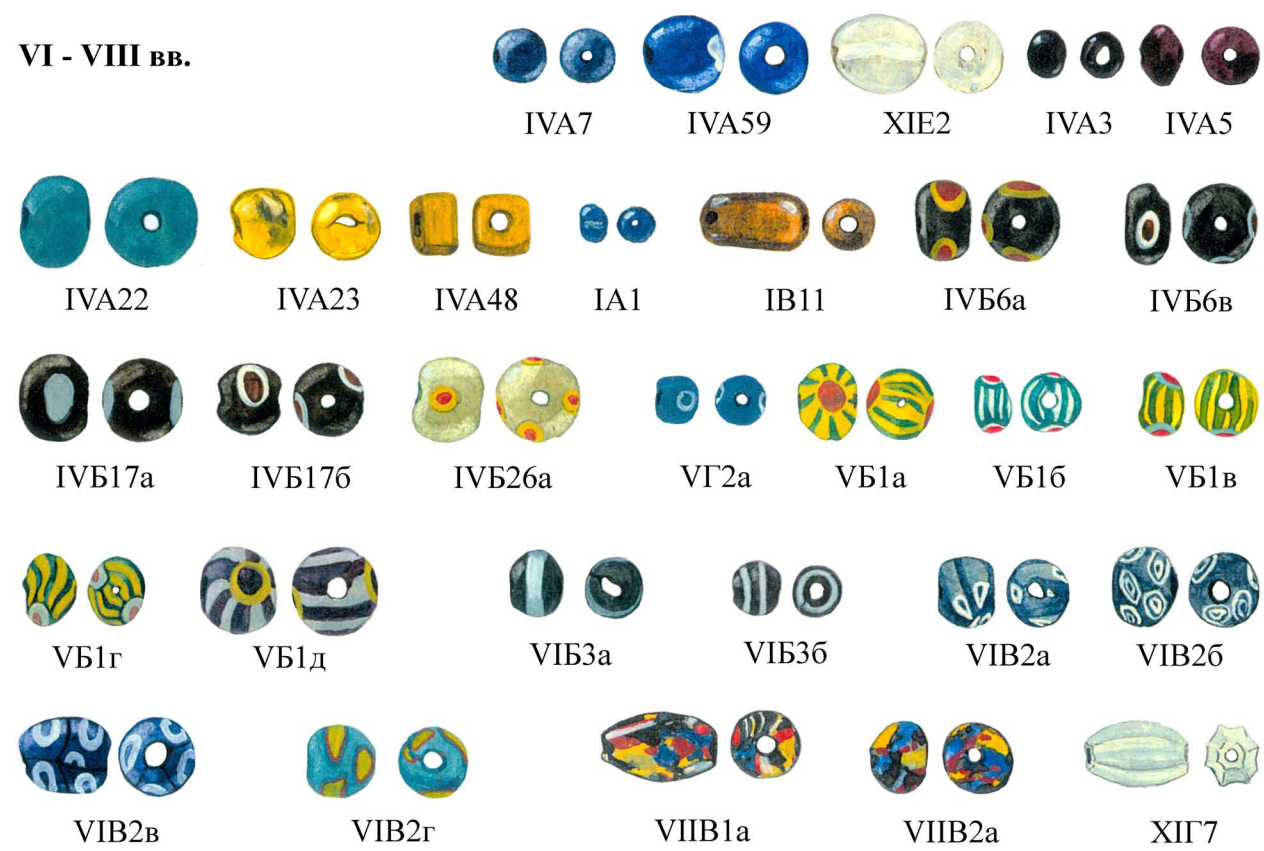

Рис. 7. Хронологические группы бус неволинской культуры

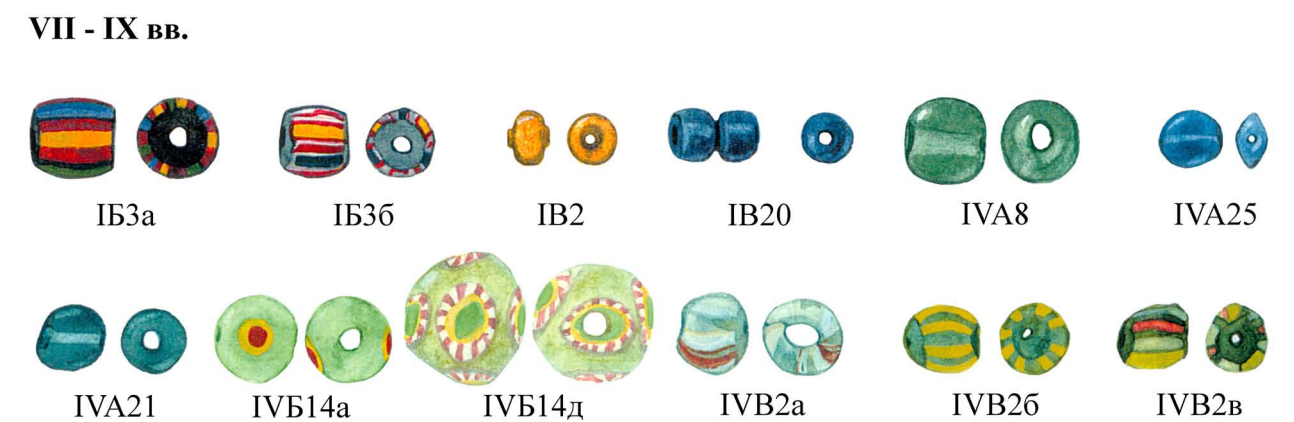
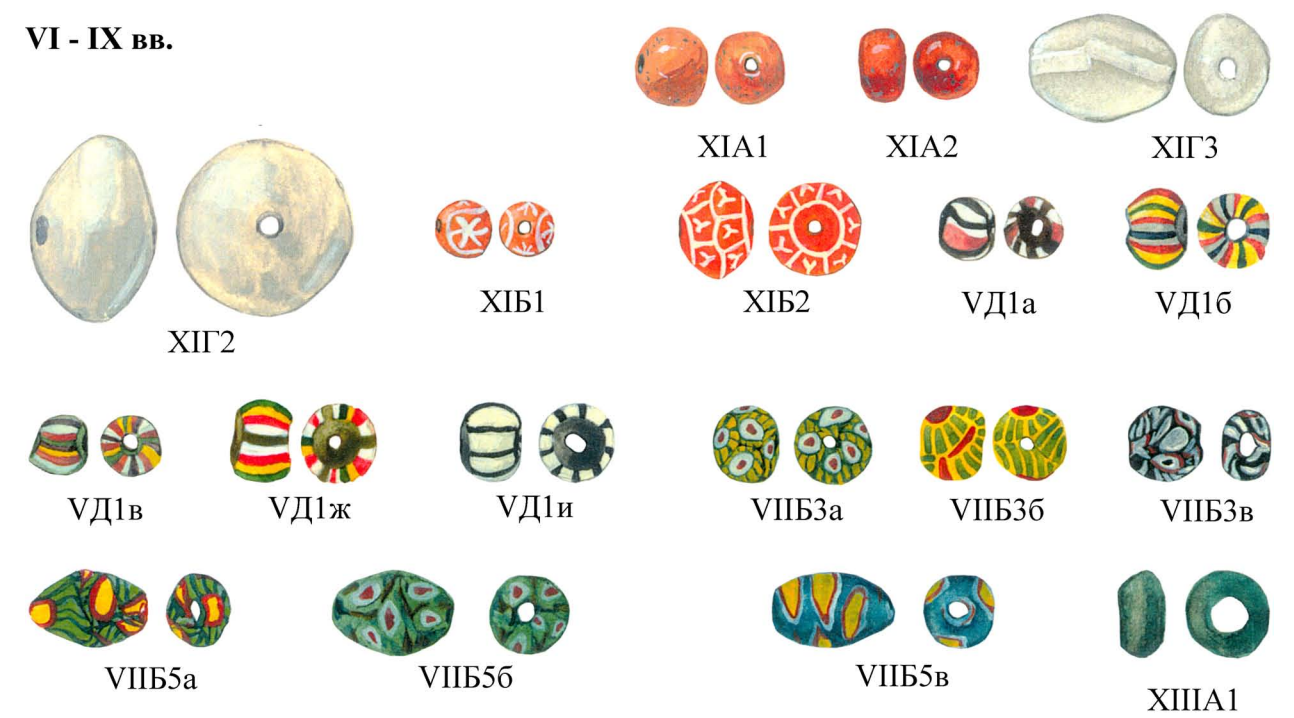

Рис. 8. Хронологические группы бус неволинской культуры

Рис. 9. Хронологические группы бус неволинской культуры

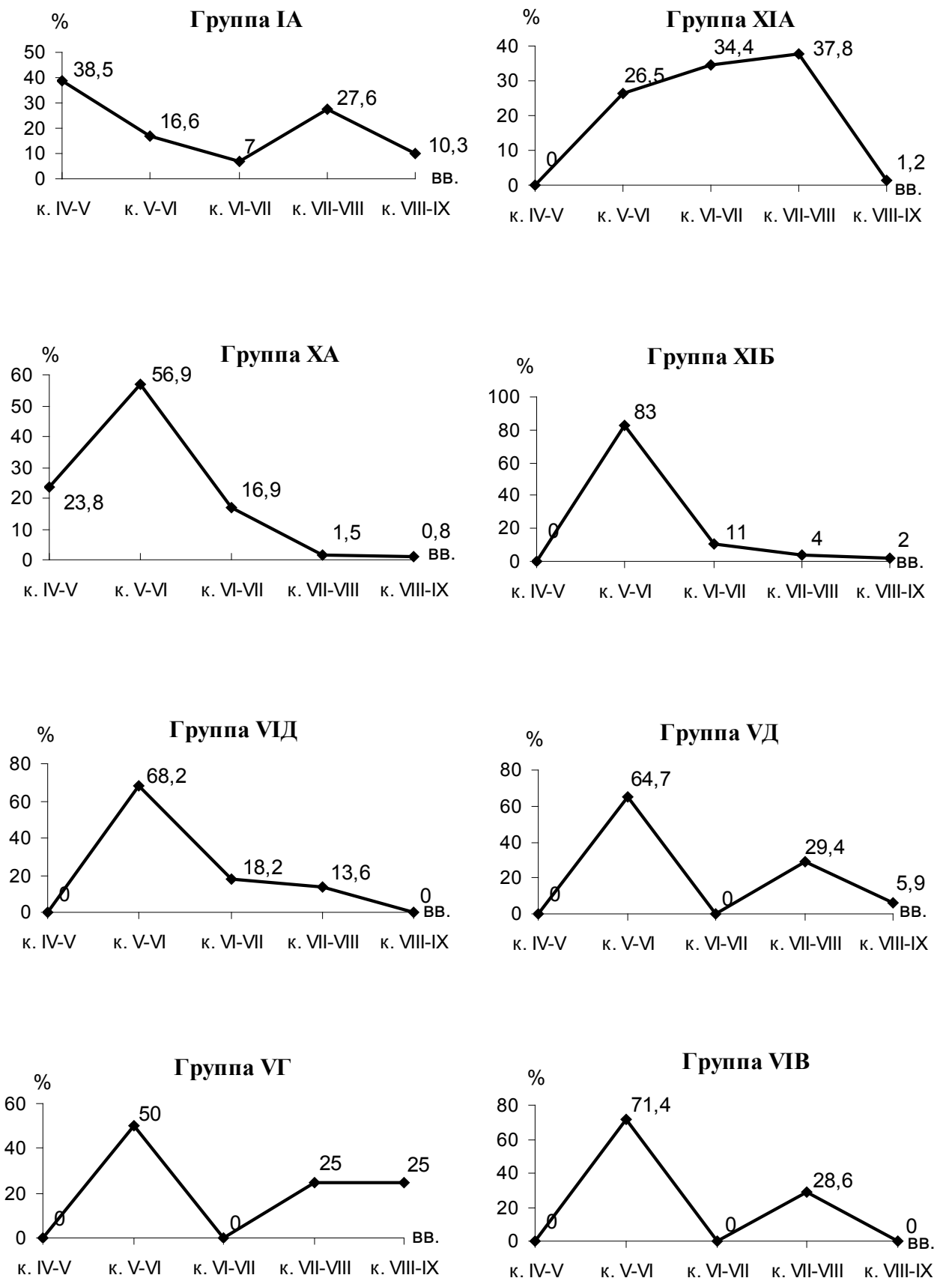

Рис. 10. Распределение различных групп бус по векам

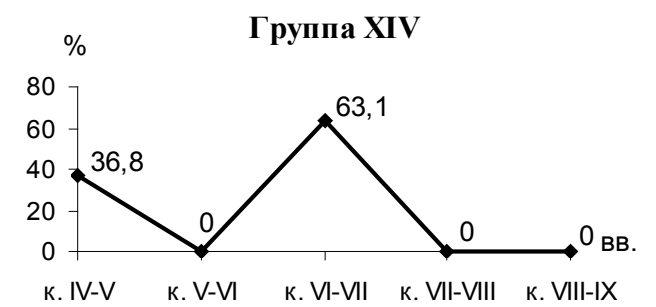
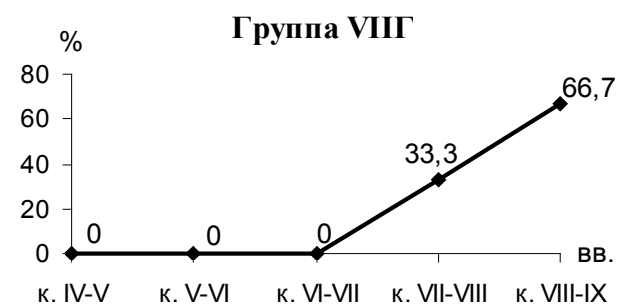
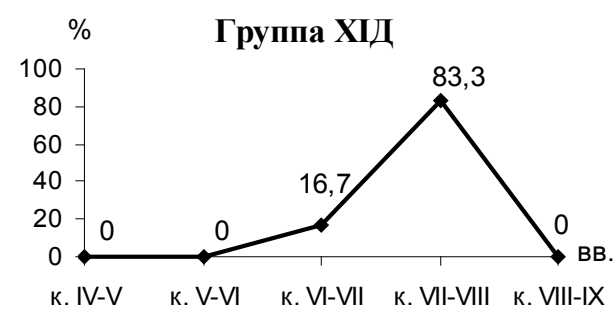
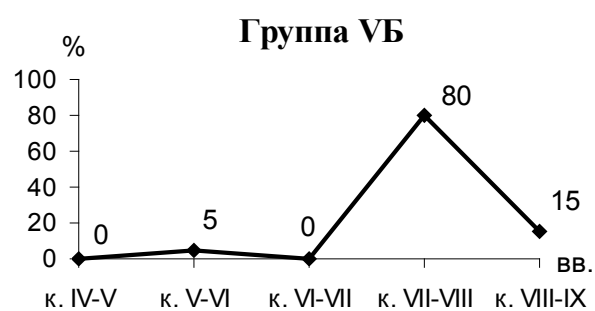
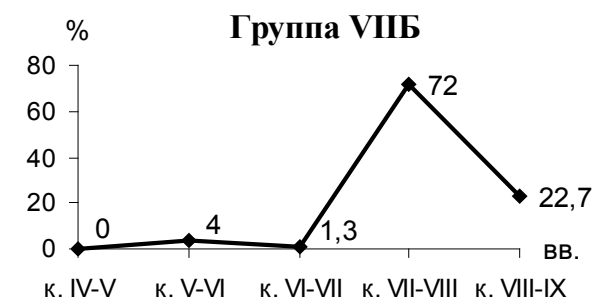
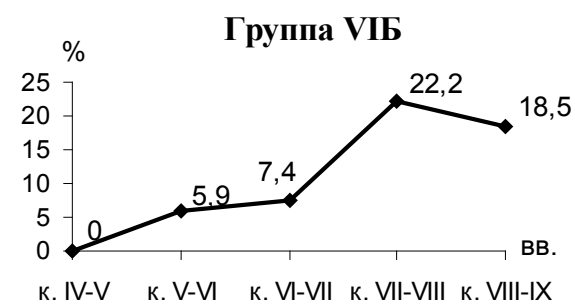
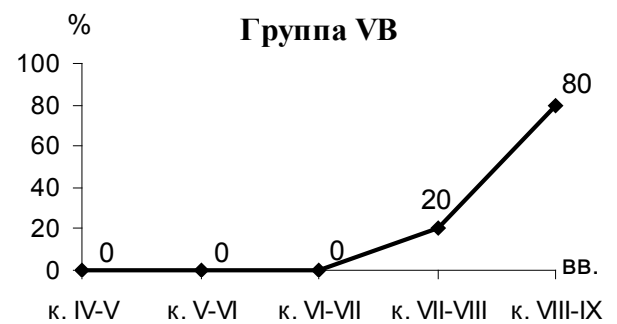
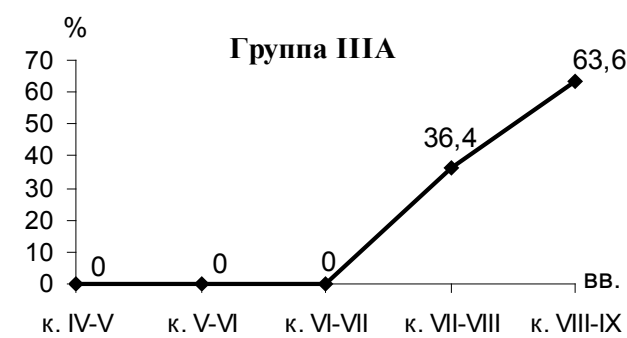
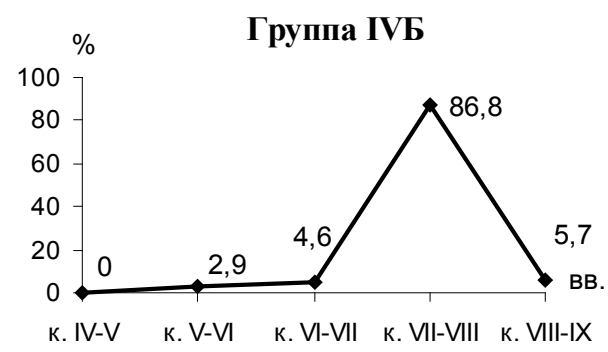
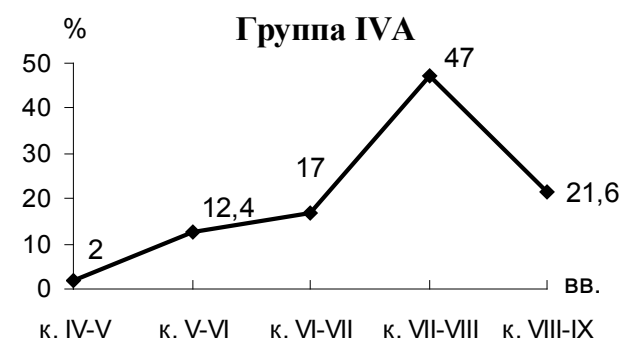
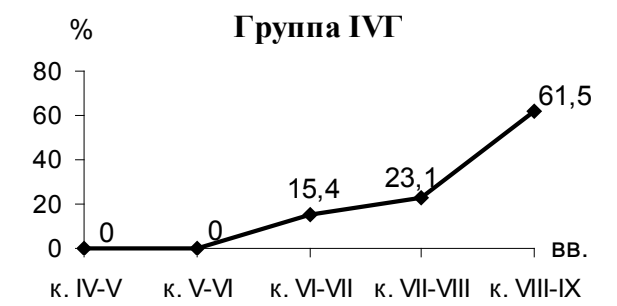
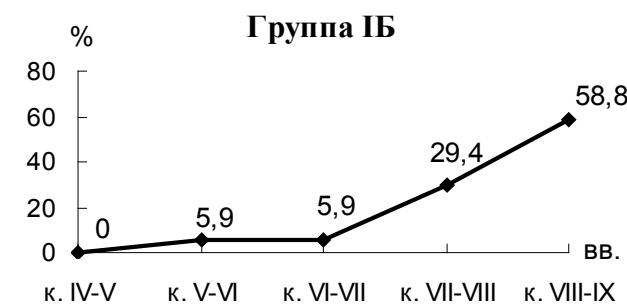
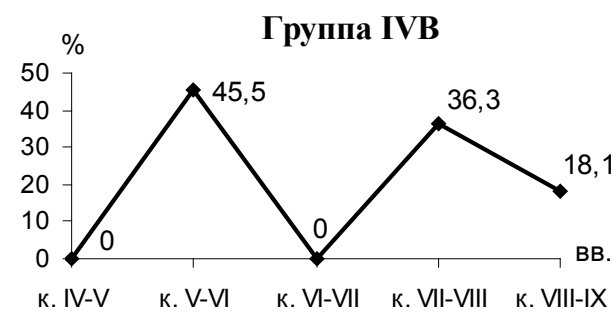
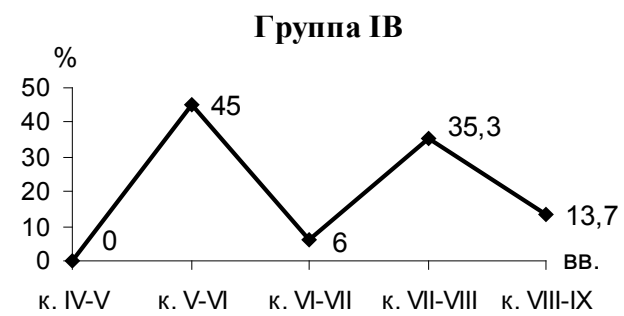

Рис. 11. Распределение различных групп бус по векам

Рис. 12. Распределение различных групп бус по векам

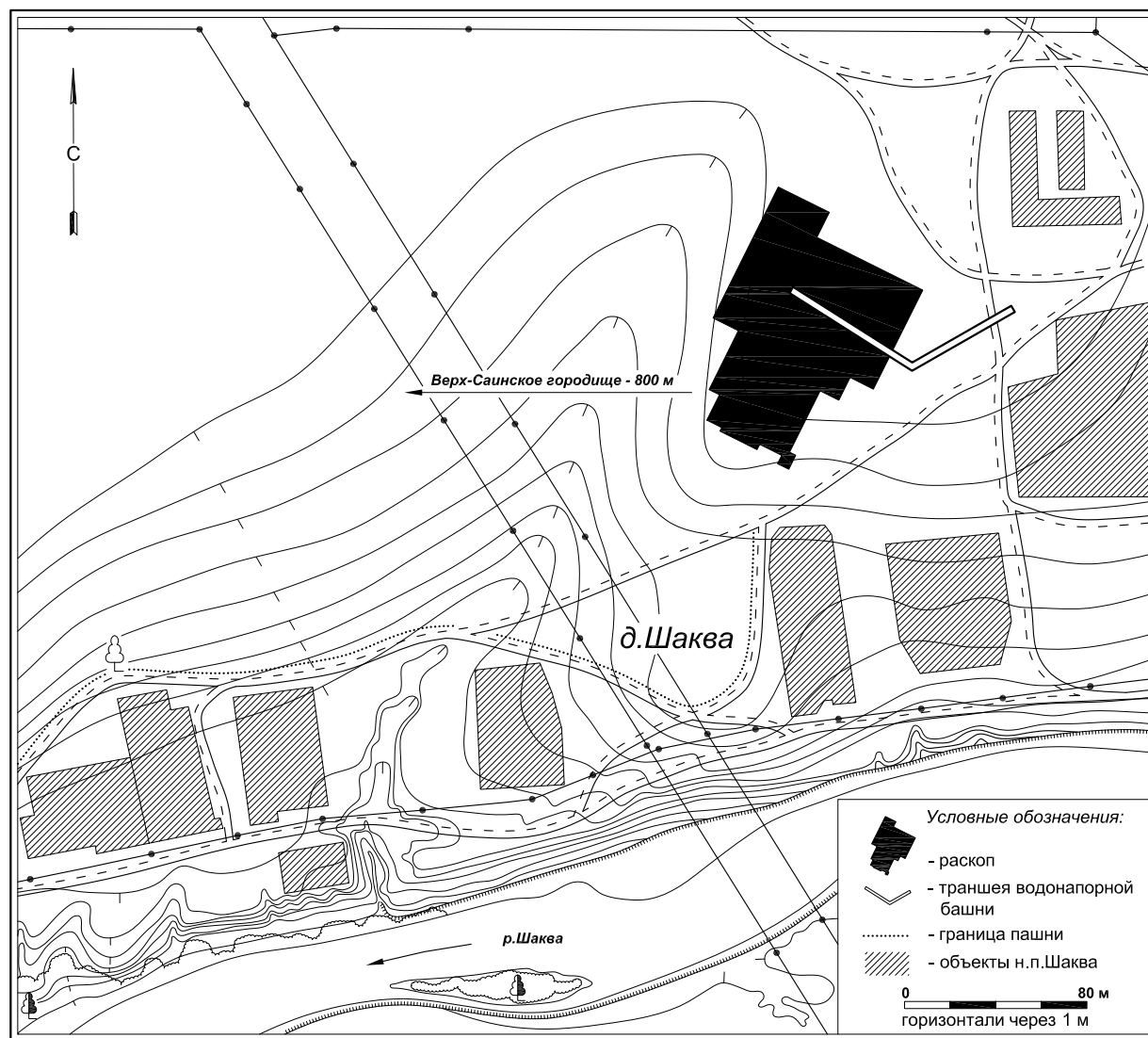

Рис. 1. Верх-Саинский могильник. Топографический план

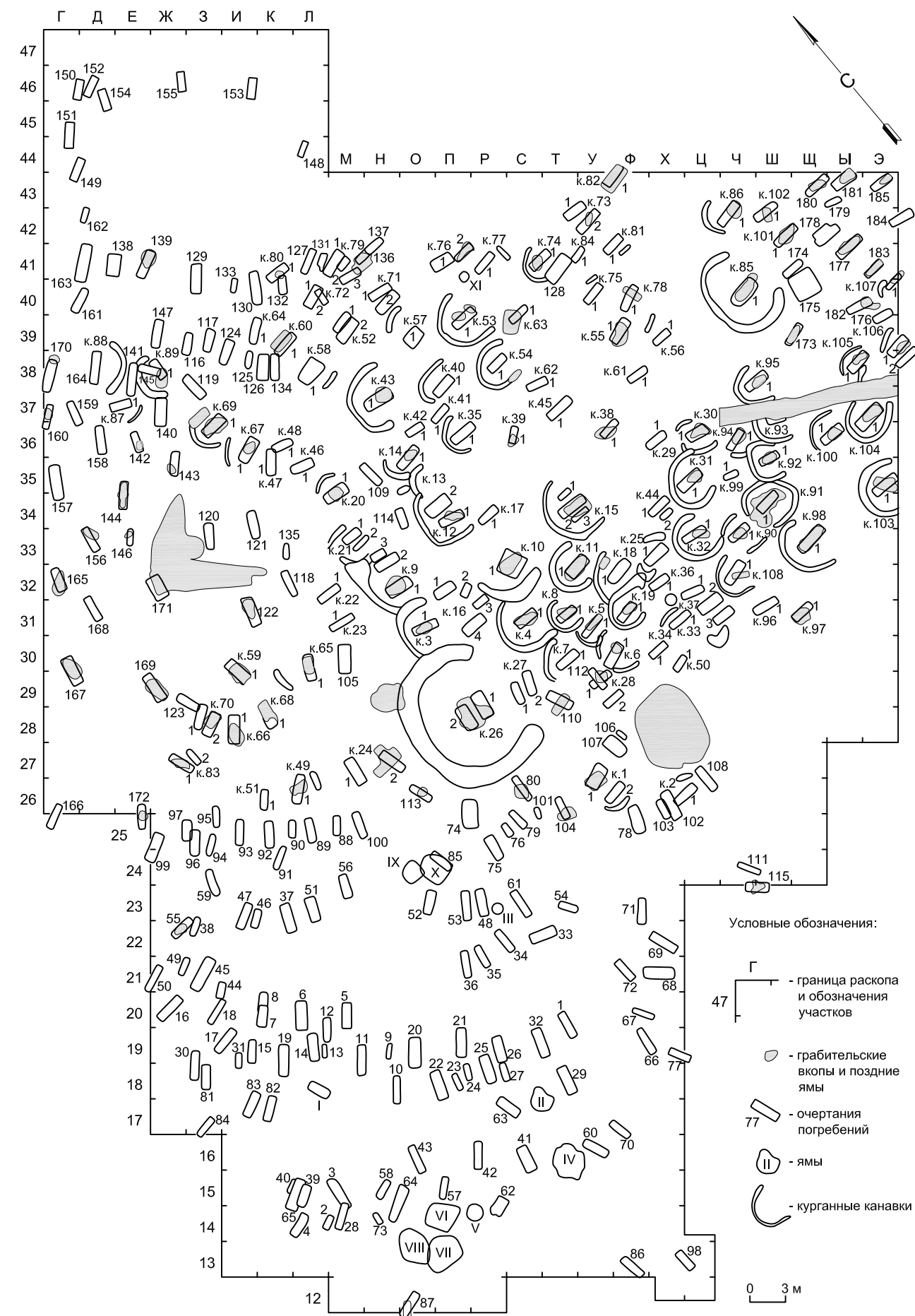

Рис. 2. Верх-Саинский могильник. Общий план раскопа

Рис. 3. Верх-Саинский могильник. Взаимовстречаемость металлических деталей поясов

Рис. 3. Верх-Саинский могильник. Взаимовстречаемость металлических деталей поясов. Группа 1 (первая половина VI в.): 1 – пряжка типа A1a1; 2 – наконечник ремня B1б; 3 – наконечник ремня A2a; 4 – пряжки A6a1, A6б1,2; 5 – наконечник ремня B4; 6 – пряжка A2a2; 7 – пряжка A3a1; 8 – пряжка A3б1; 9 – пряжка A2a1. Группа 2 (вторая половина VI в.): 10 – накладка B3; 11 – наконечник ремня E; 12 – пряжка B5в; 13 – пряжка D1a1; 14 – пряжка A1б1. Группа 3 (VI в.): 15 – пряжка A4a1, A4б1, A4в1; 16 – накладки A13a2,4, A13a4, A13в1,2; 17 – наконечники ремней A1a, A2a,б; 18 – накладки A1a,б; 19 – накладки A13б1, A13г. Группа 4 (первая половина VII в.): 20 – пряжка B7a1; 21 – накладка A4a; 22 – накладка A19б; 23 – пряжка A4г1; 24 – накладка A11a; 25 – накладка A11б; 26 – накладка A7; 27 – накладка A2е; 28 – пряжка B4a1; 29 – накладка A17б; 30 – накладка A18в; 31 – накладка A13е; 32 – пряжка A5a; 33 – накладка A8; 34 – накладка A13ж; 35 – накладка A2ж; 36 – накладка A27a; 37 – пряжка B4a1; 38 – накладка A24a; 39 – накладка A14б; 40 – накладка Г3б; 41 – накладка A30; 42 – накладка A21; 43 – пряжка B9г2; 44 – накладки A6a; 45 – накладки A24б; 46 – накладки A29; 47 – наконечник ремня Г2; 48 – пряжка A2a3. Группа 5 (вторая половина VII в.): 49 – пряжка D2a; 50 – пряжка B4д; 51 – накладка A3б1; 52 – накладка A2в; 53 – пряжка B8a2; 54 – накладка A14a; 55 – наконечник ремня Г4б; 56 – накладка A3г; 57 – накладка A15; 58 – накладка A18a; 59 – накладка A19a; 60 – накладка A27б; 61 – накладка A17a. Группа 6 (VII-VIII вв.): 62 – накладки A3a1-3; 63 – пряжка B4г1. Группа 7 (первая половина VIII в.): 64 – наконечник ремня Г1г; 65 – пряжка B1a3; 66 – пряжка Д4; 67 – накладка A6б; 68 – пряжка B8a1; 69 – пряжка B8a3. Группа 8 (VIII в.): 70 – накладка A13б4; 71 – наконечник ремня Г1б1; 72 – накладка A20a; 73 – накладка A16a; 74 – накладки A2б,в; 75 – пряжка B10a1. Группа 9 (вторая половина VIII в.): 76 – пряжки B1a1, B1б1; 77 – пряжка B9a1; 78 – накладка A23a; 79 – накладка A13д; 80 – накладка A10в; 81 – накладка A2д; 82 – пряжка B1a1; 83 – наконечник ремня Г1з; 84 – накладка A25в; 85 – пряжка B2б; 86 – накладка A25б; 87 – пряжка B1a2; 88 – накладка A26a; 89 – наконечники ремней Г1a1,2, Г1в1,2; 90 – накладка A22. Группа 10 (конец VIII – начало IX вв.): 91 – пряжка B5б1; 92 – наконечник ремня Г1д1; 93 – накладка A10г; 94 – накладка A25a; 95 – наконечник ремня A3; 96 – пряжка B1a2; 97 – накладка A9a; 98 – наконечник ремня Г1ж; 99 – пряжка B2a; 100 – пряжка B3a1. Группа 11 (VIII – начало IX в.): 101 – пряжка Г1; 102 – накладка A13a1; 103 – накладки A5a,б,г; 104 – накладка A9б; 105 – накладки A13б2,3.

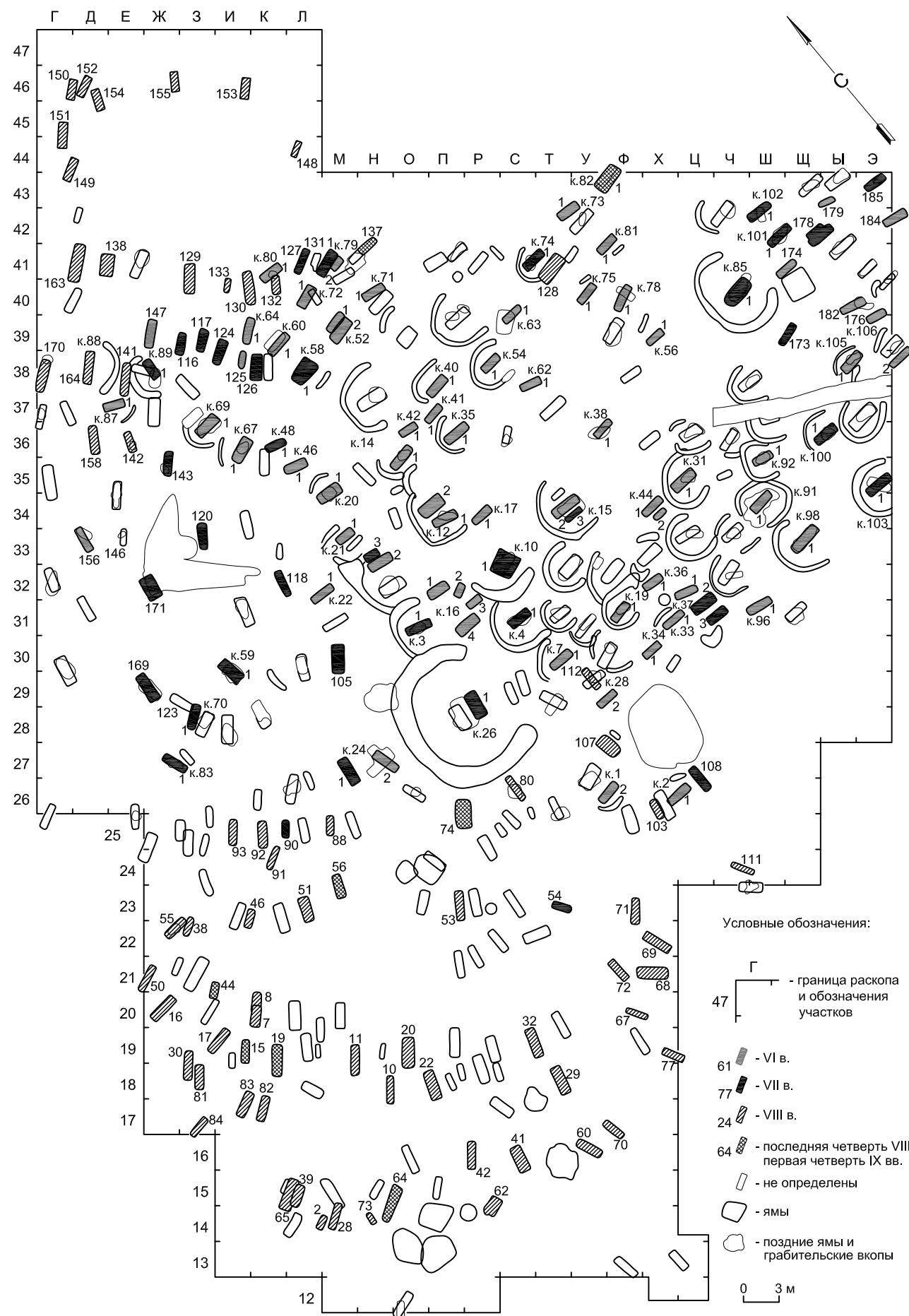

Рис. 4. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил в соответствии с датировкой

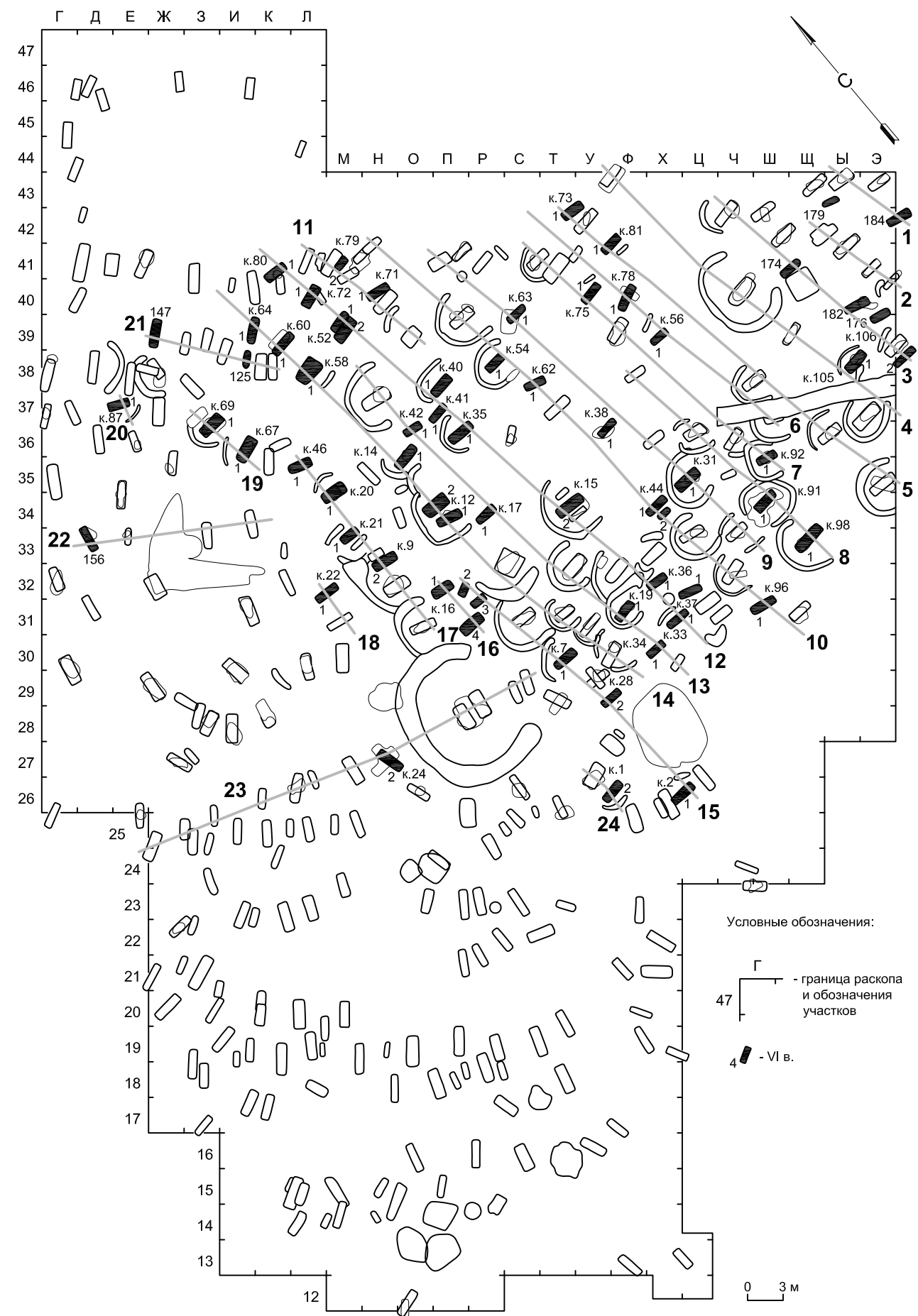

Рис. 5. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил VI в.

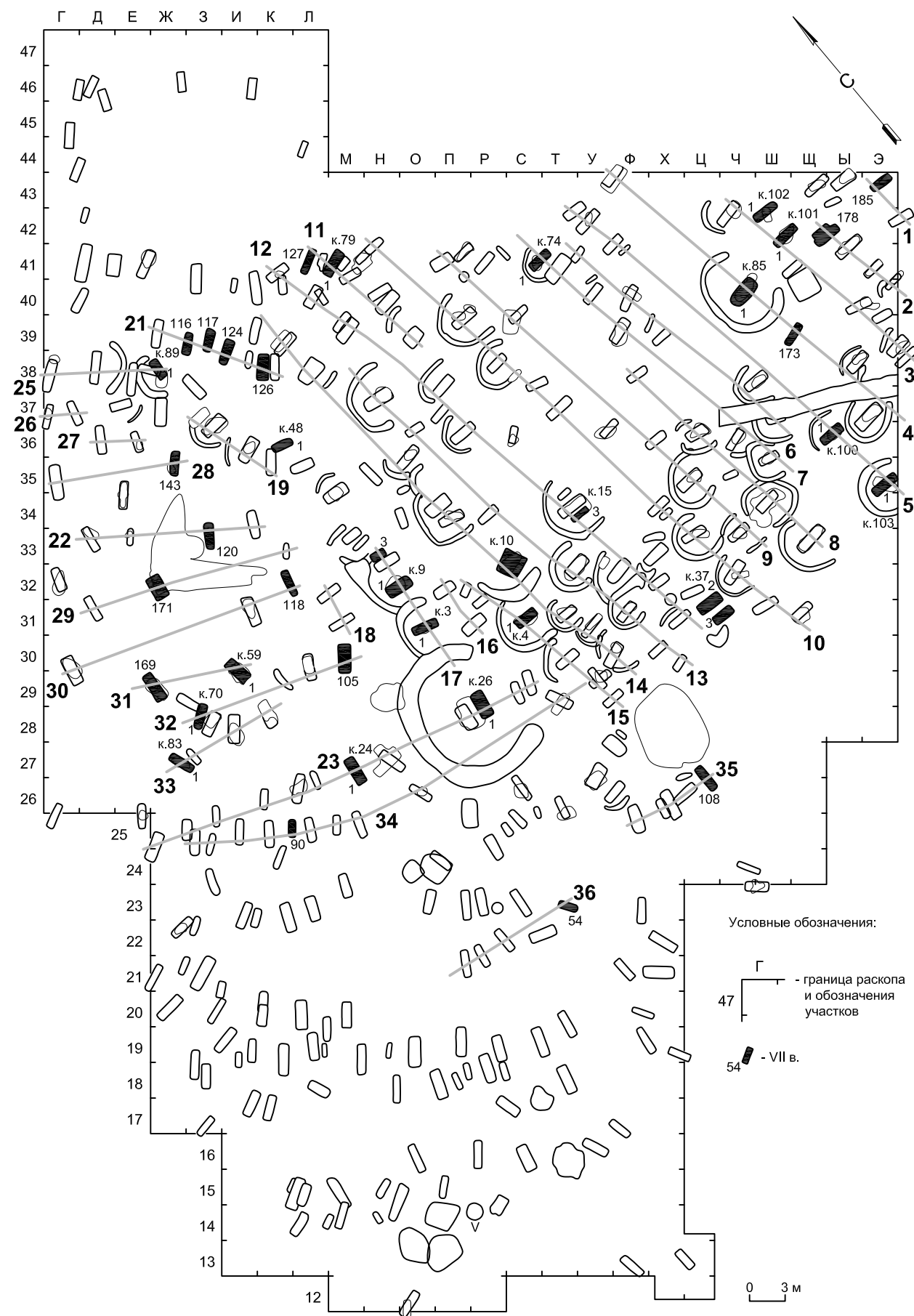

Рис. 6. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил VII в.

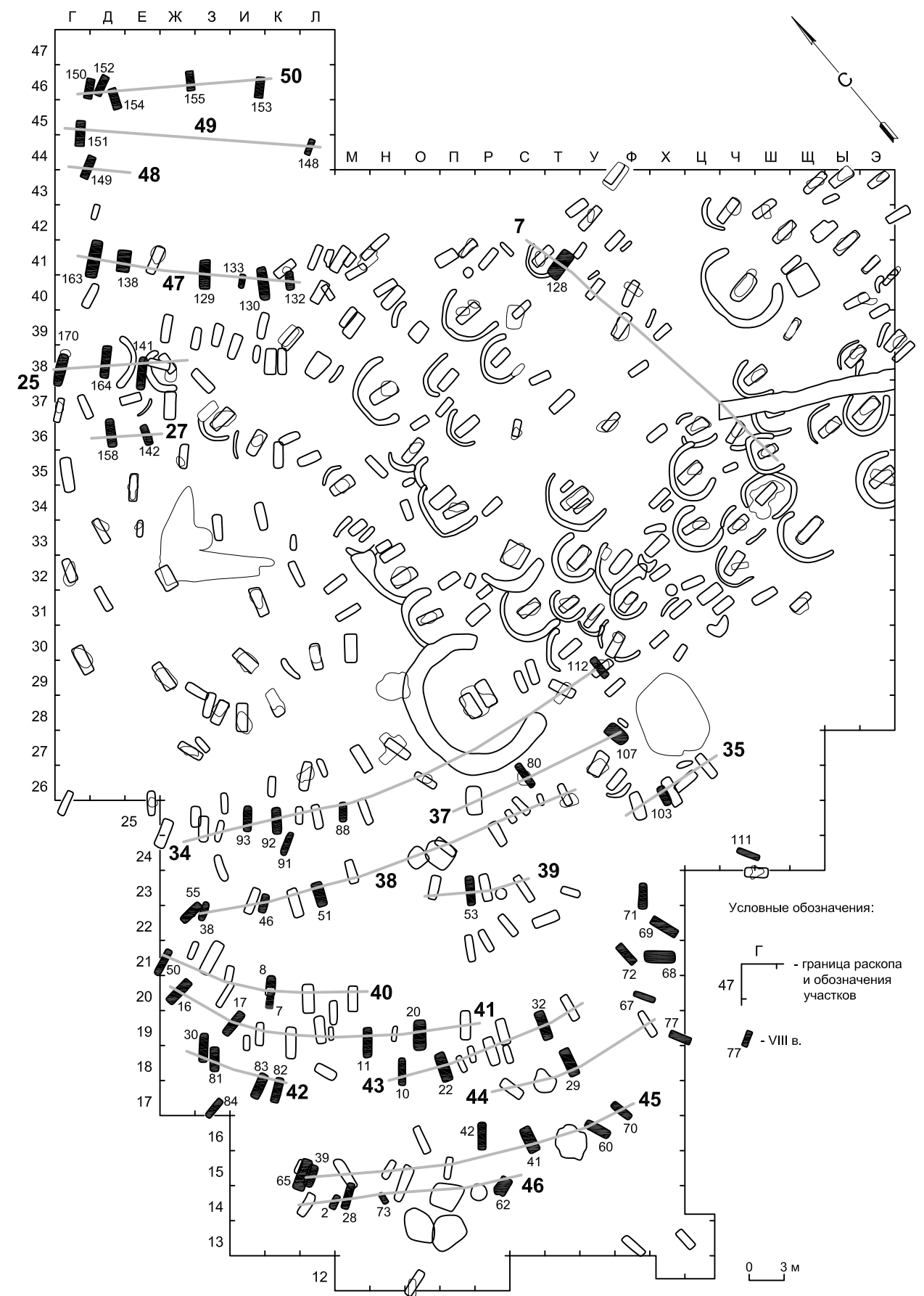

Рис. 7. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил VIII в.

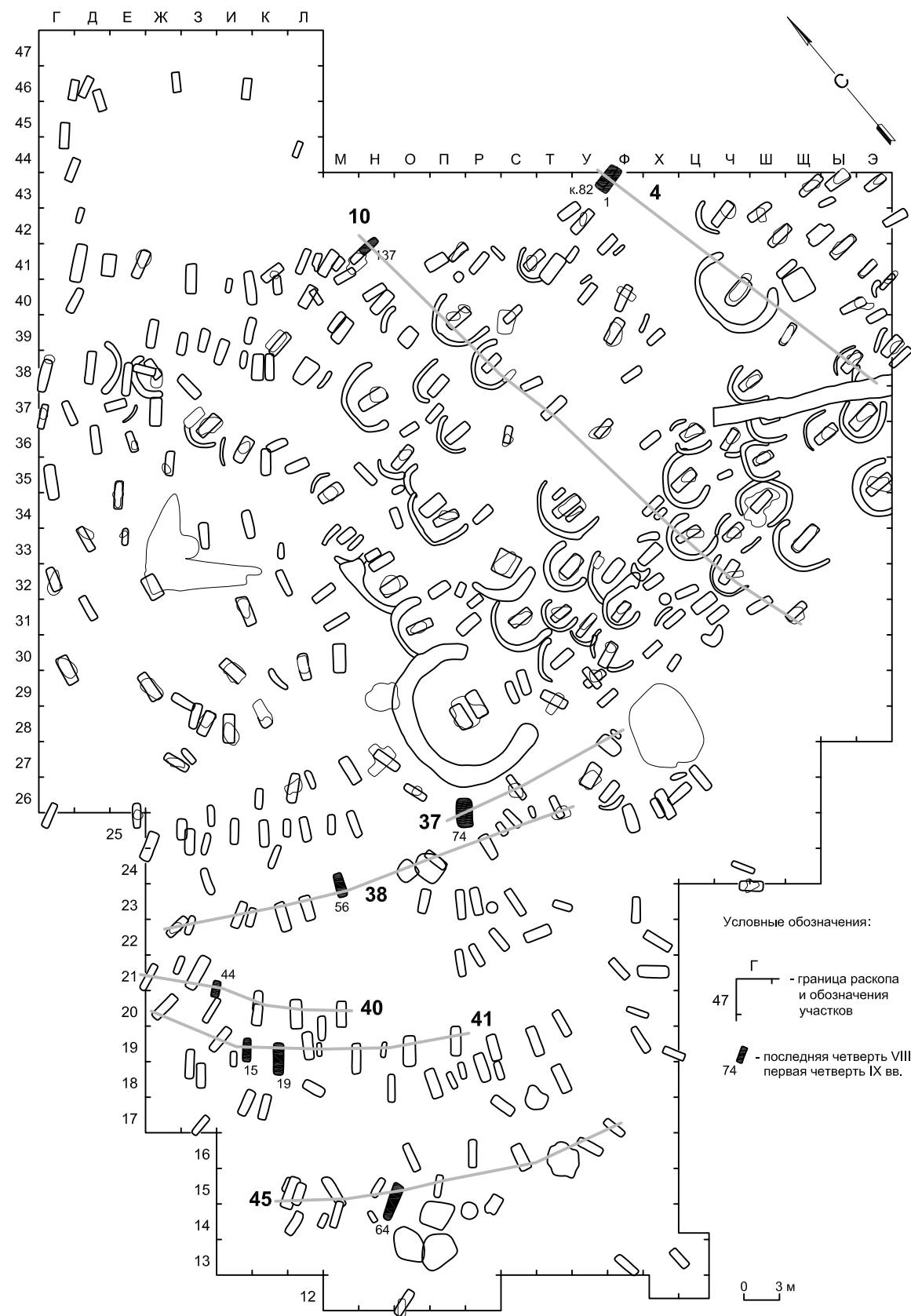

Рис. 8. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил последней четверти VIII – первой четверти IX в.

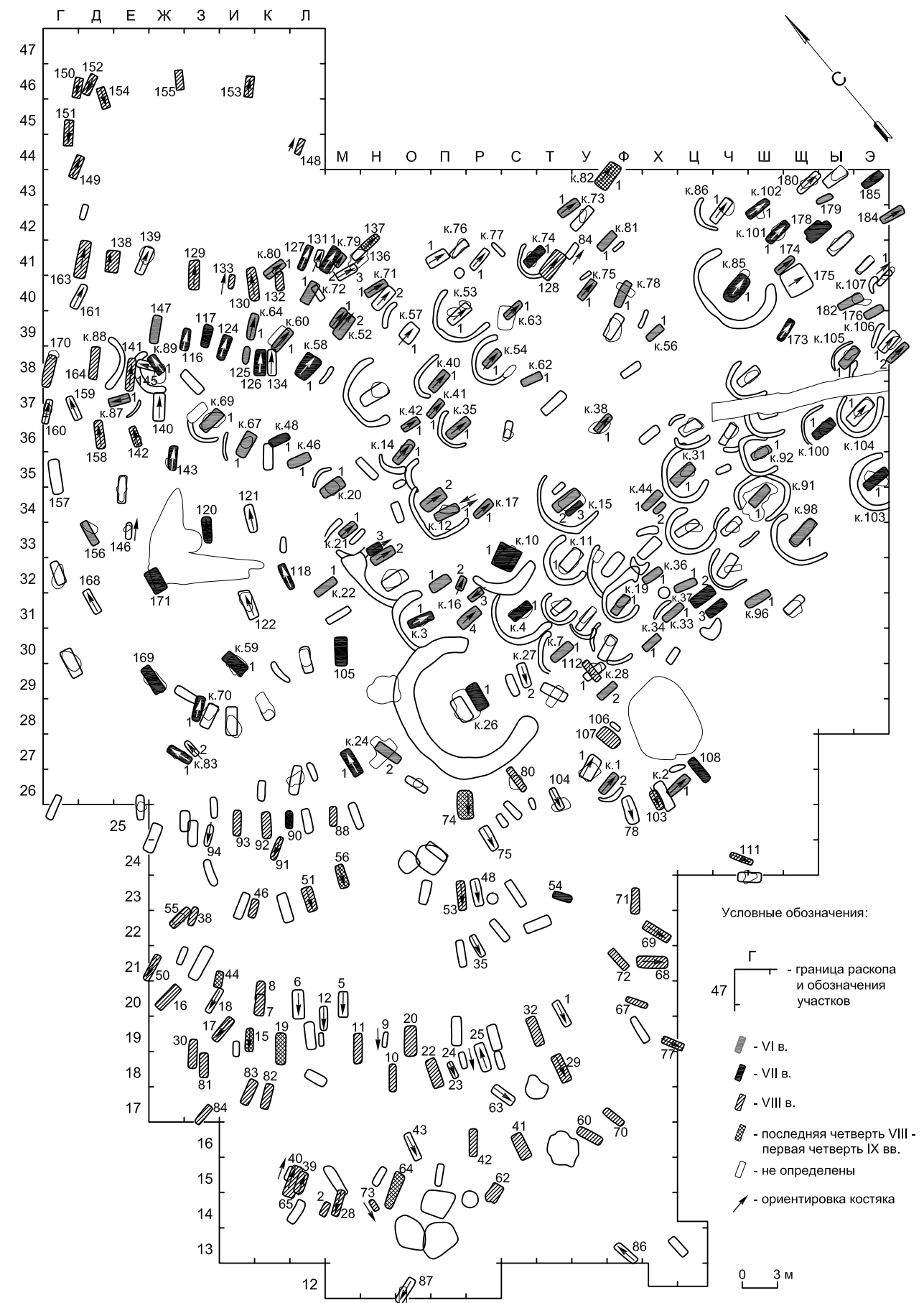

Рис. 9. Верх-Саинский могильник. Планиграфия могил в соответствии с хронологией и ориентировкой погребенных

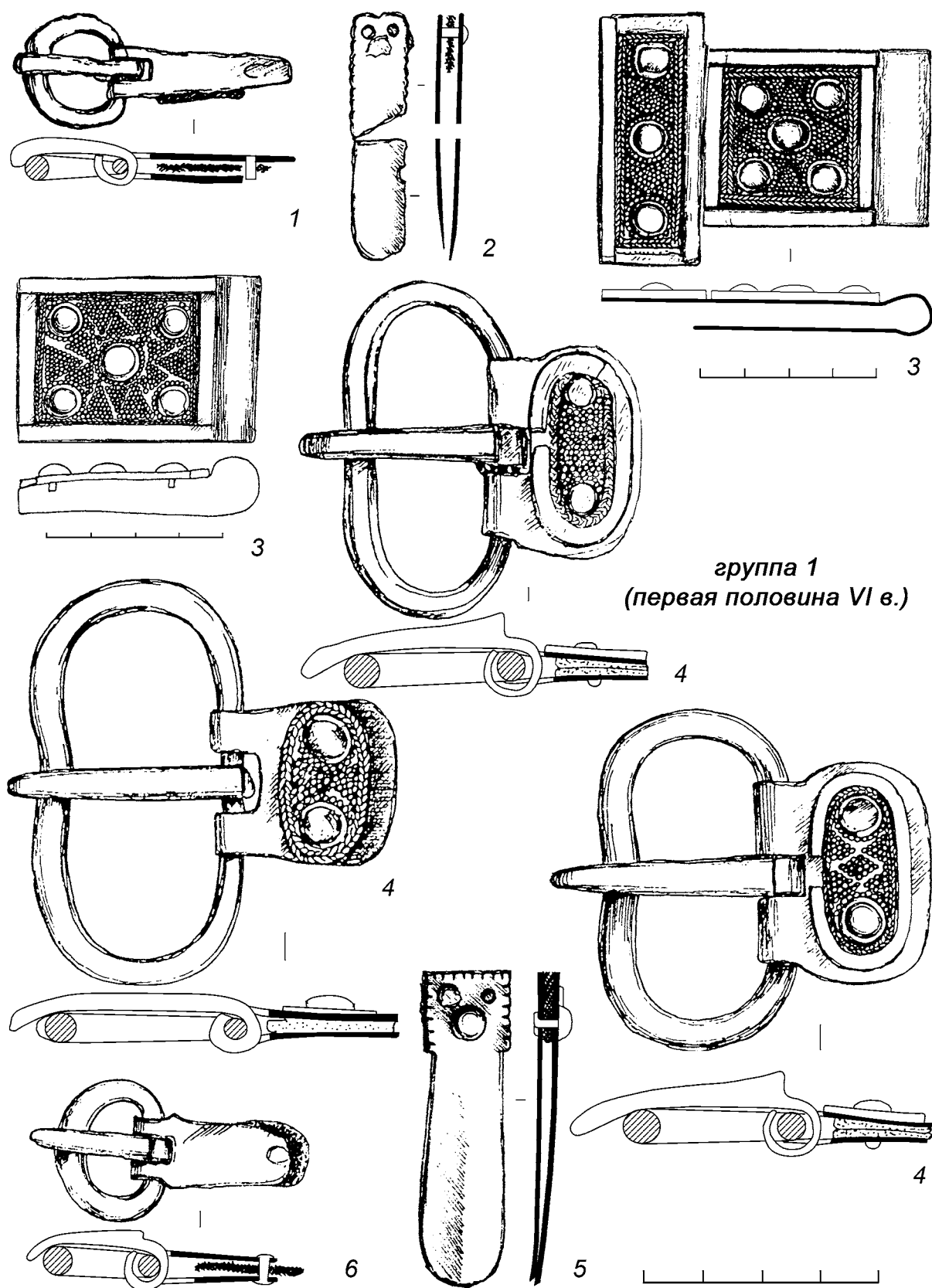

Табл. 1. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 1 (первая половина VI в.)

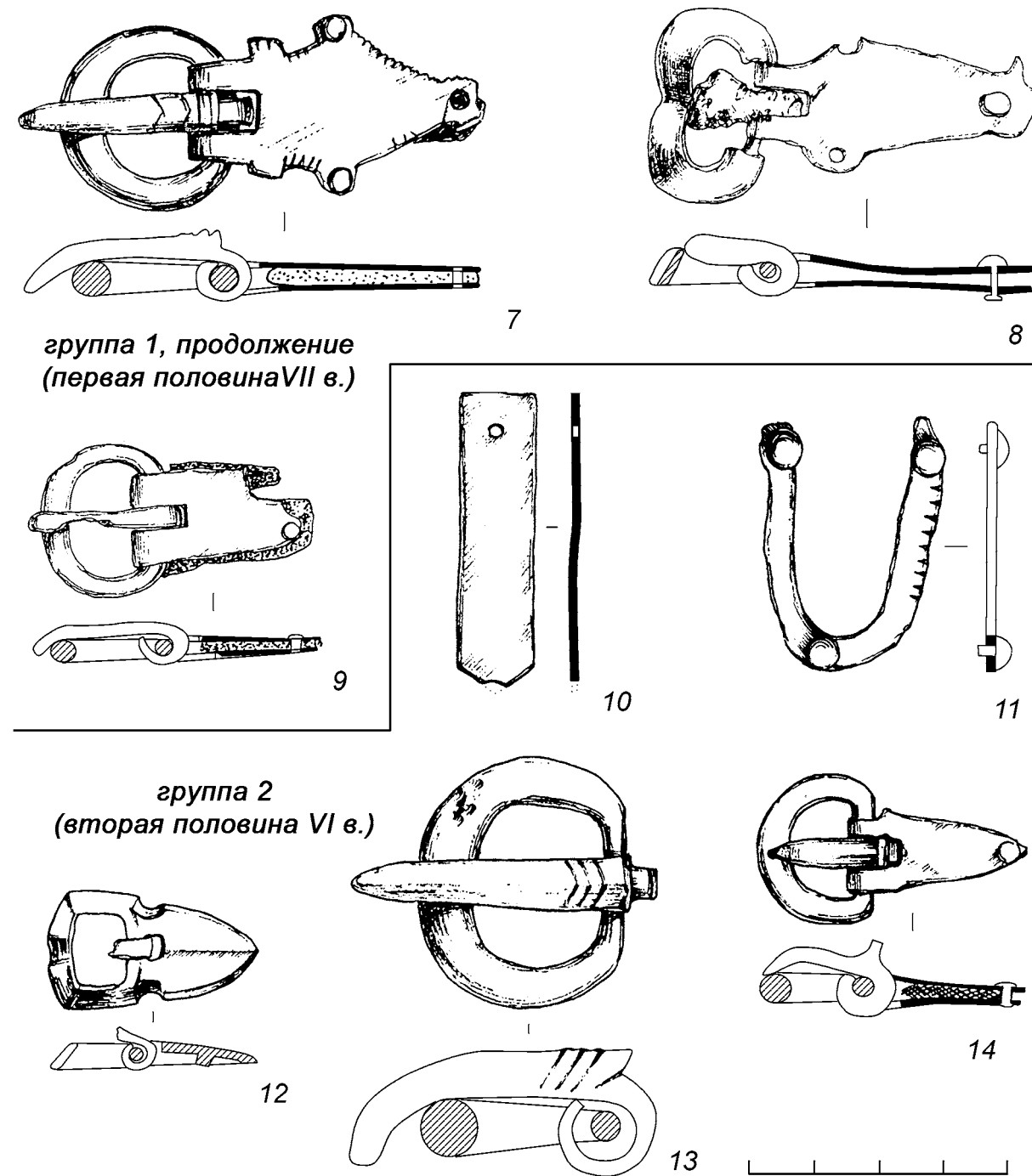

Табл. 2. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 1, продолжение (первая половина VI в.) и группу 2 (вторая половина VI в.)

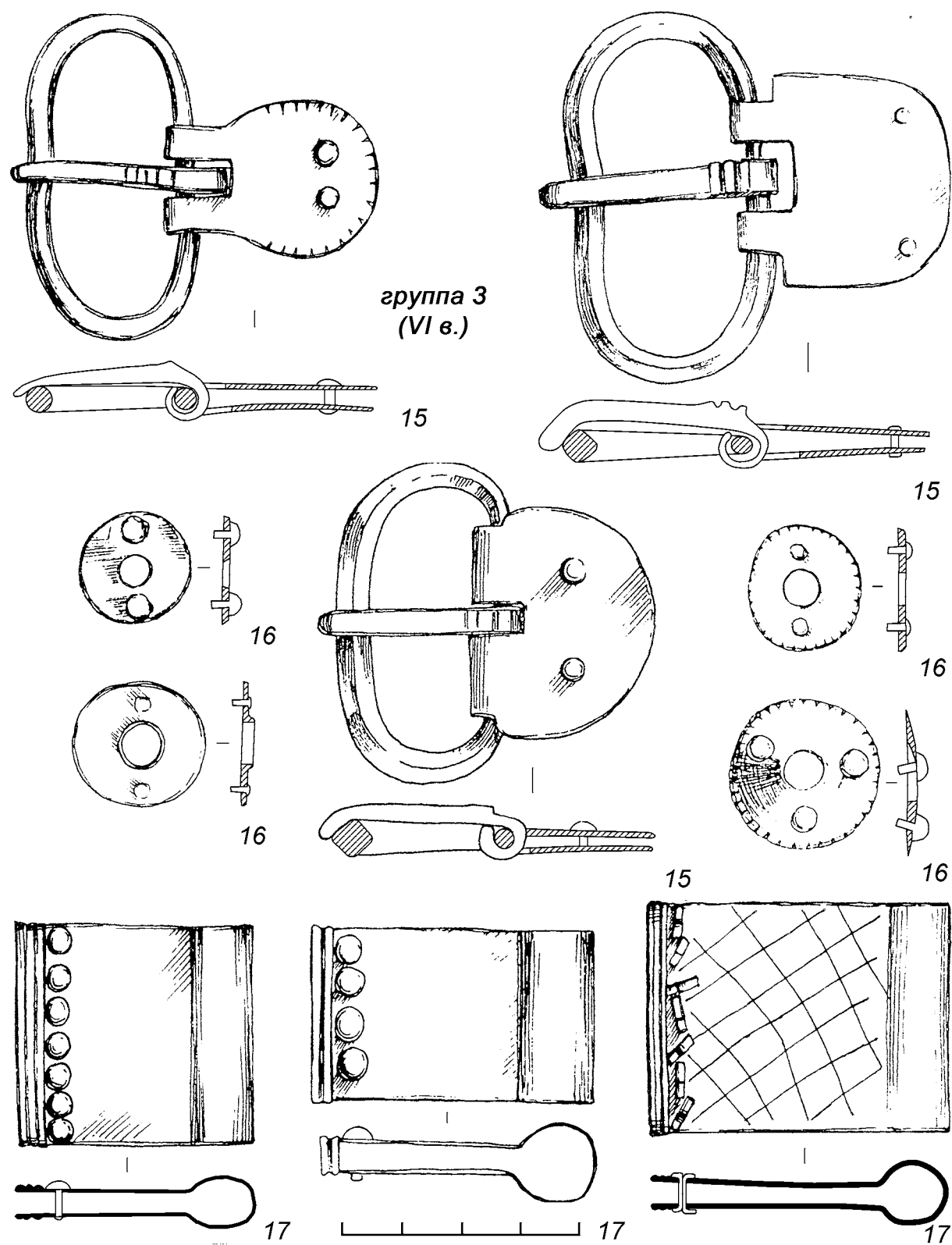

Табл. 3. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 3 (VI в.)

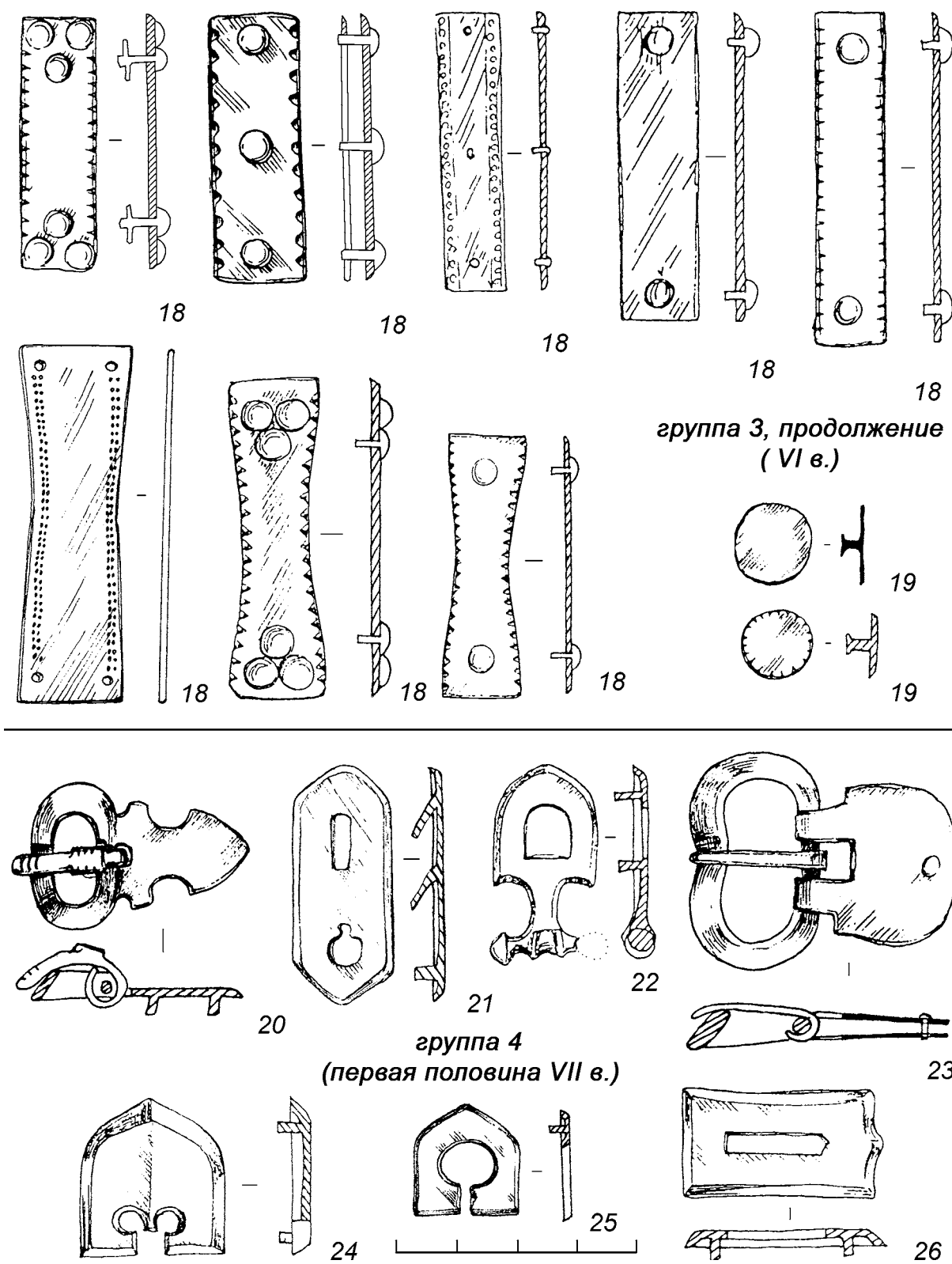

Табл. 4. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 3, продолжение (VI в.) и группу 4 (первая половина VII в.)

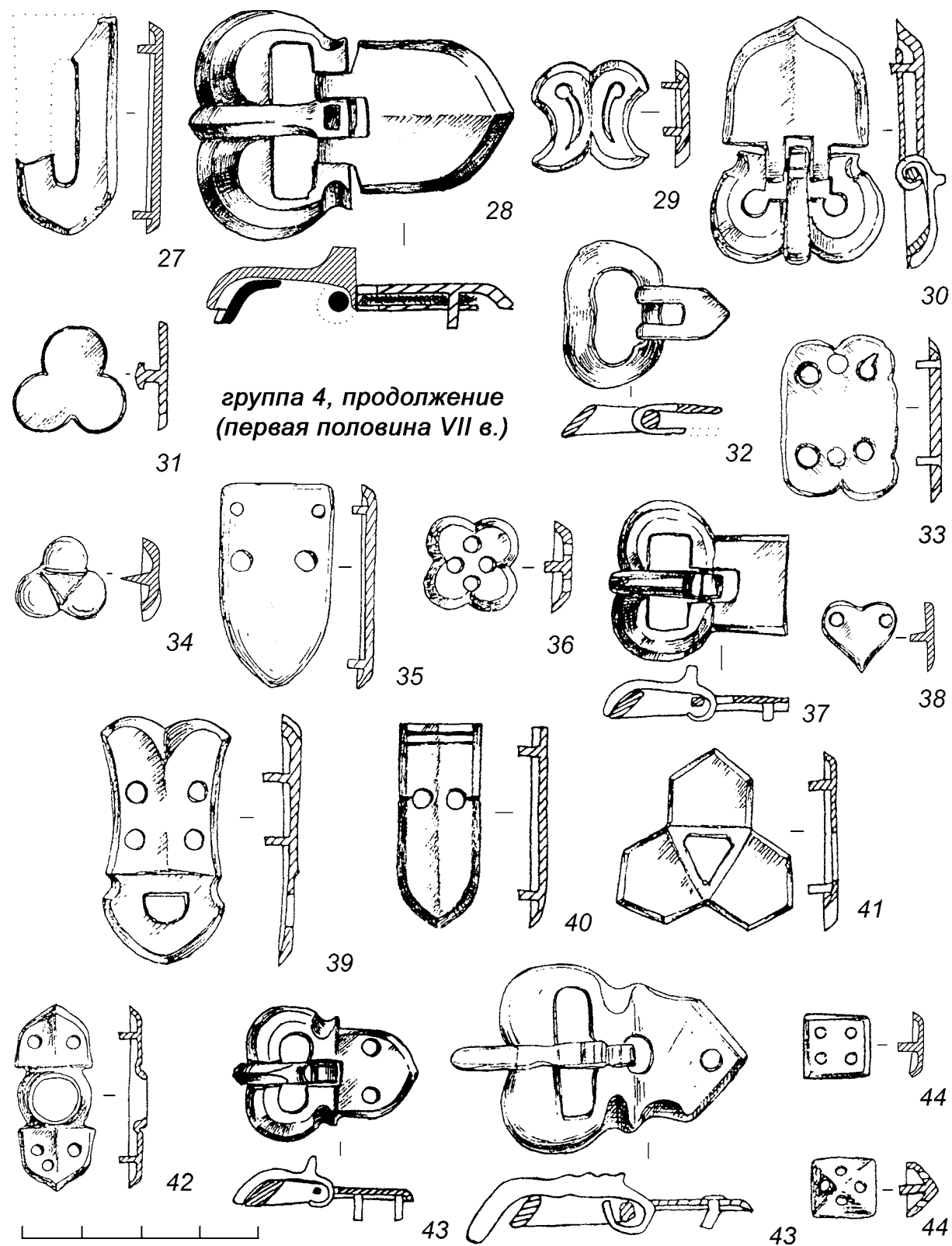

Табл. 5. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 4, продолжение (первая половина VII в.)

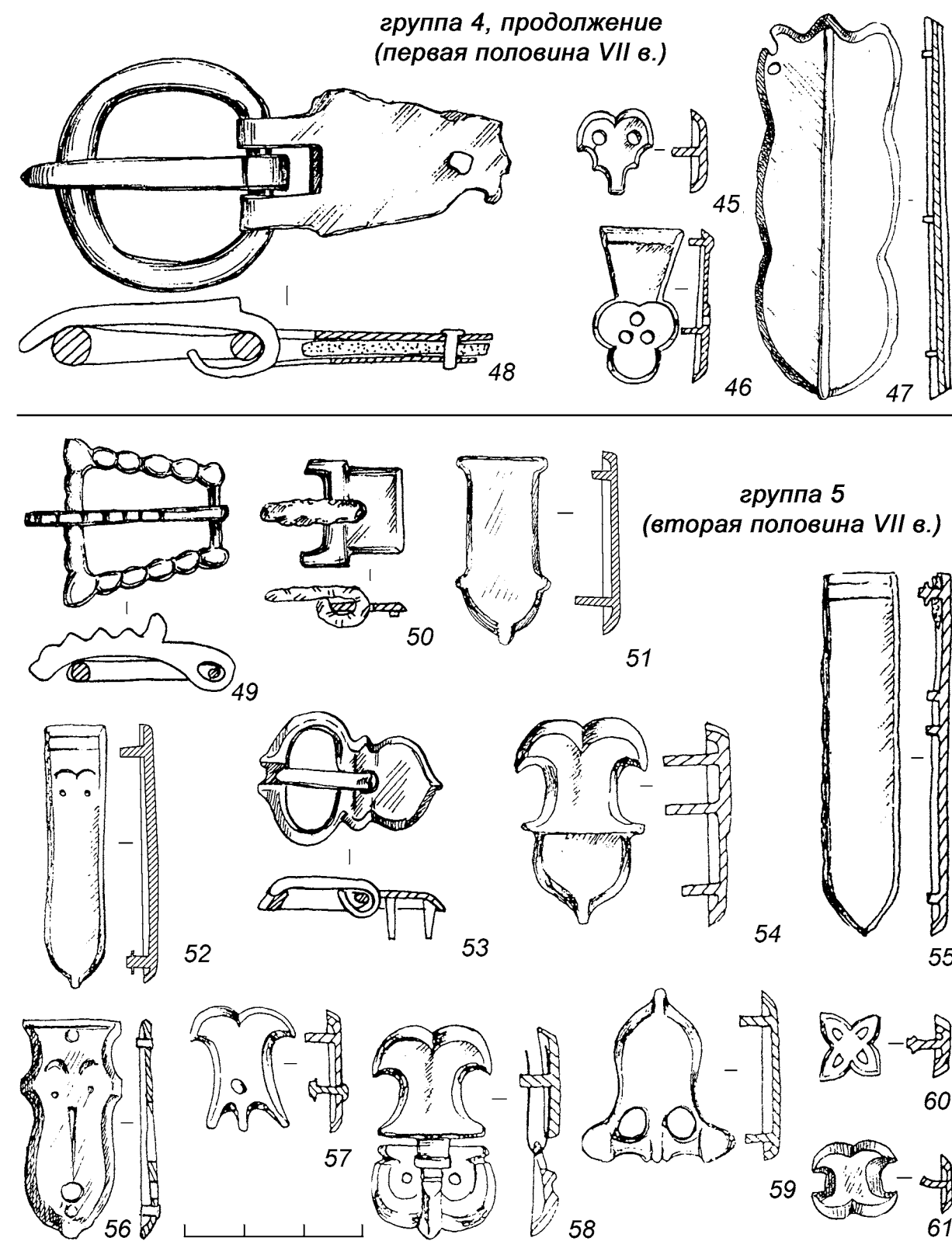

Табл. 6. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 4, продолжение (первая половина VII в.) и группу 5 (вторая половина VII в.)

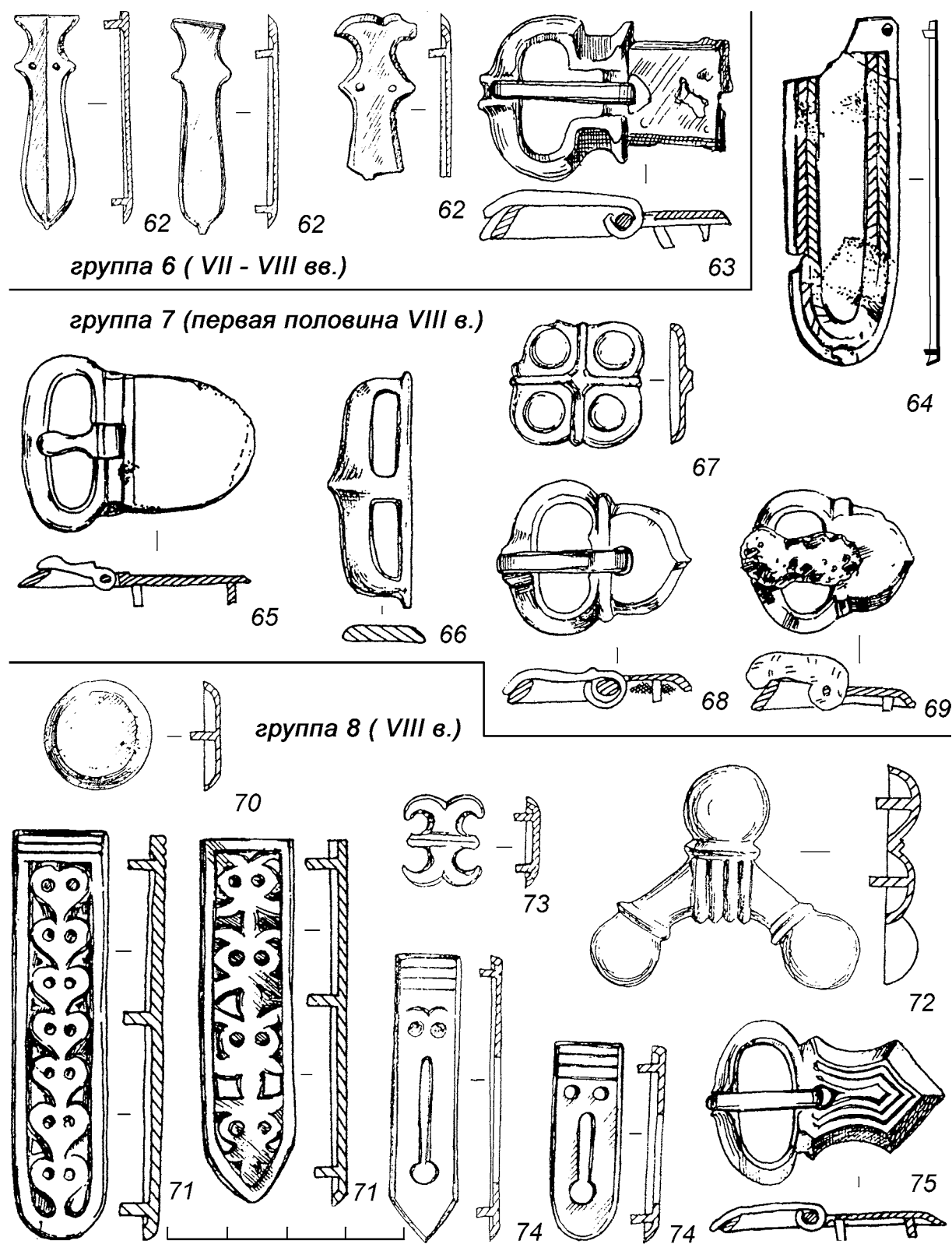

Табл. 7. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 6, продолжение (VII–VIII вв.), группу 7 (первая половина VIII в.) и группу 8 (VIII в.)

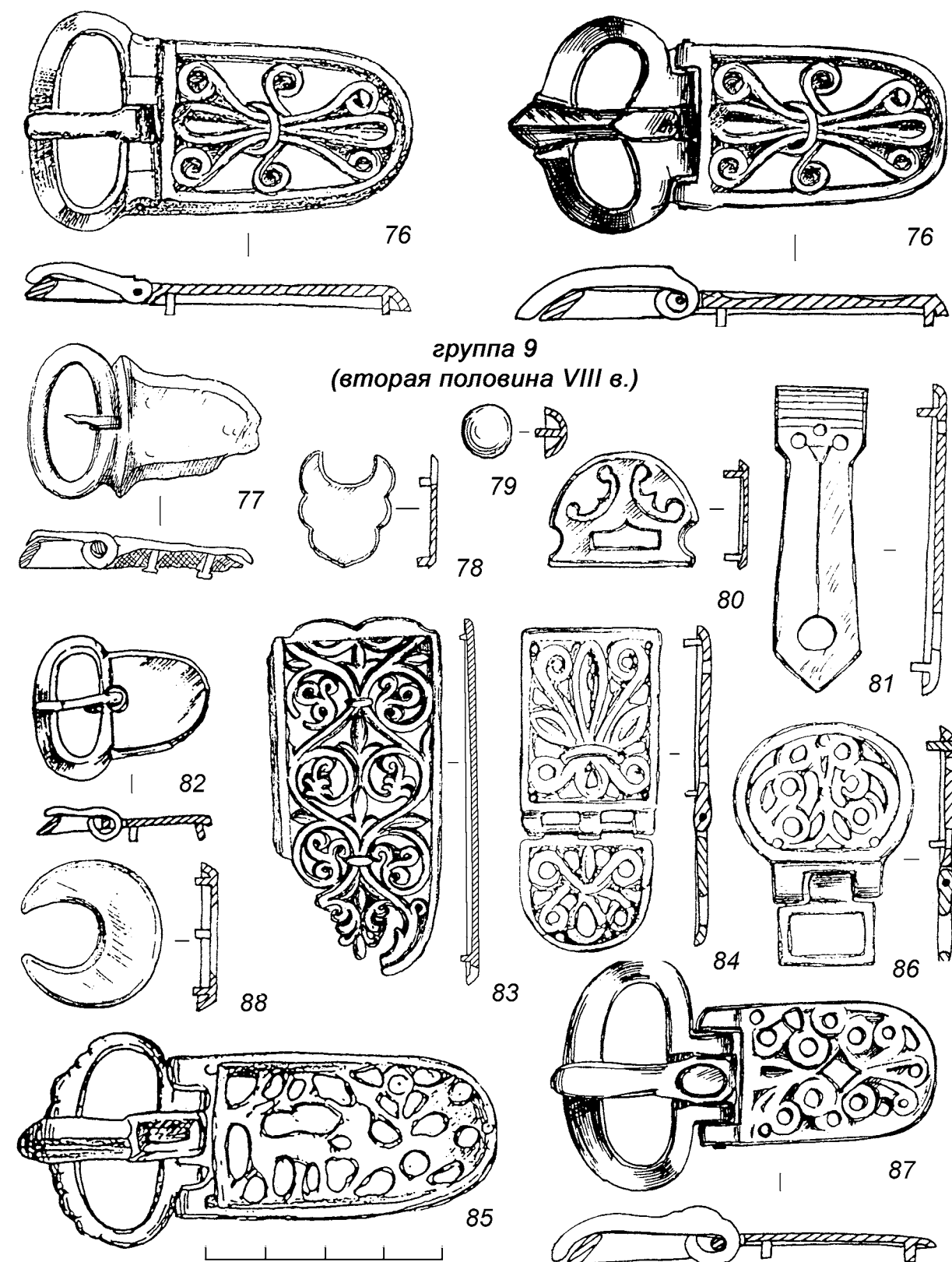

Табл. 8. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 9 (вторая половина VIII в.)

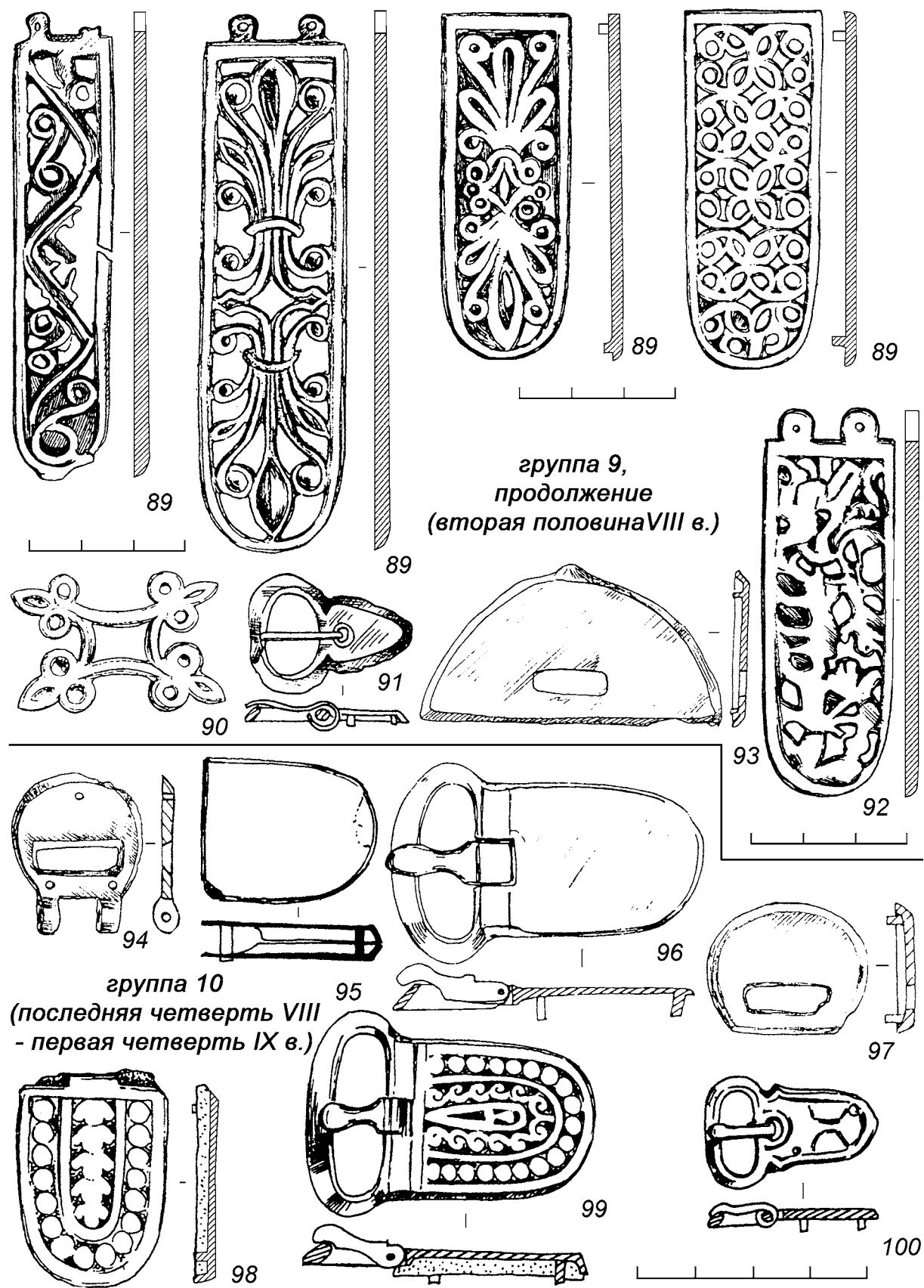

Табл. 9. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 9, продолжение (вторая половина VIII в.) и группу 10 (последняя четверть VIII – первая четверть IX в.)

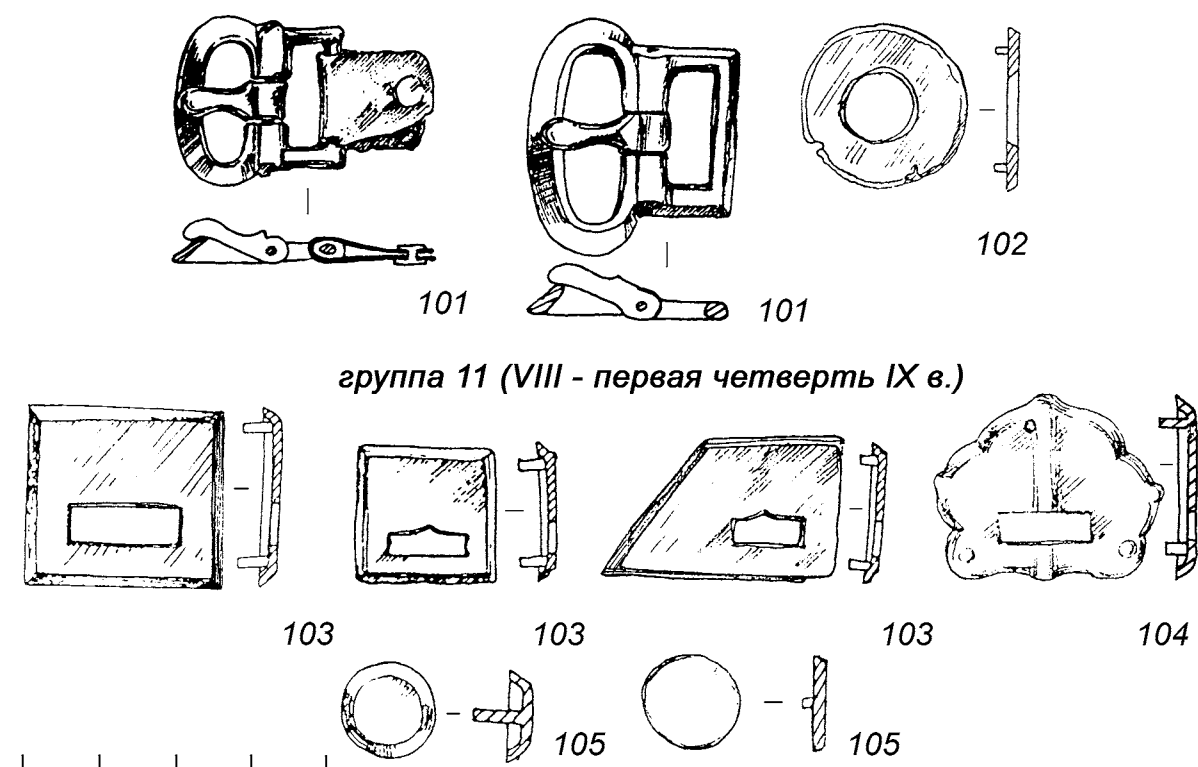

Табл. 10. Верх-Саинский могильник. Предметы, составляющие группу 11 (VIII – первая четверть IX в.)

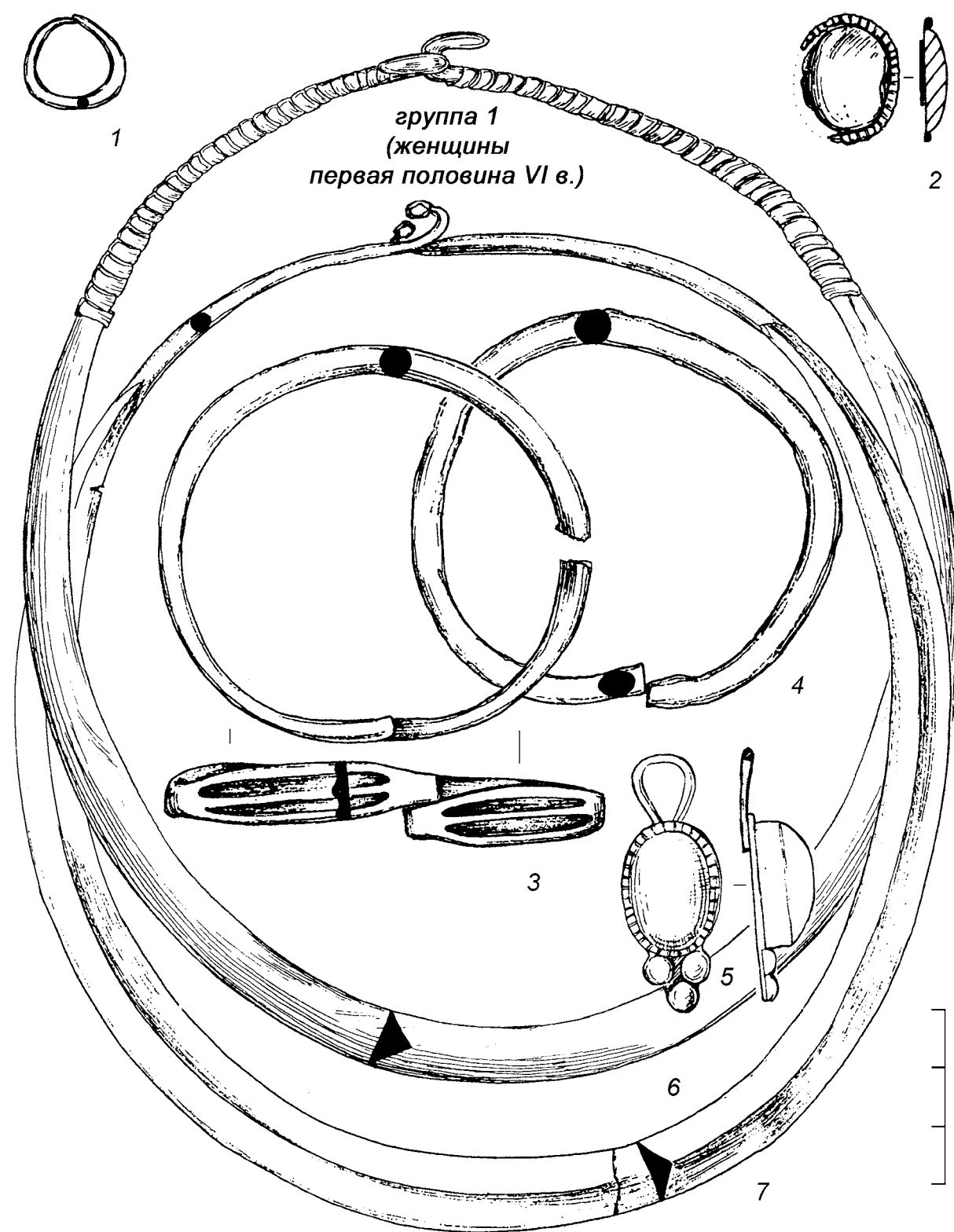

Табл. 11. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил первой половины VI в.
(группа 1)

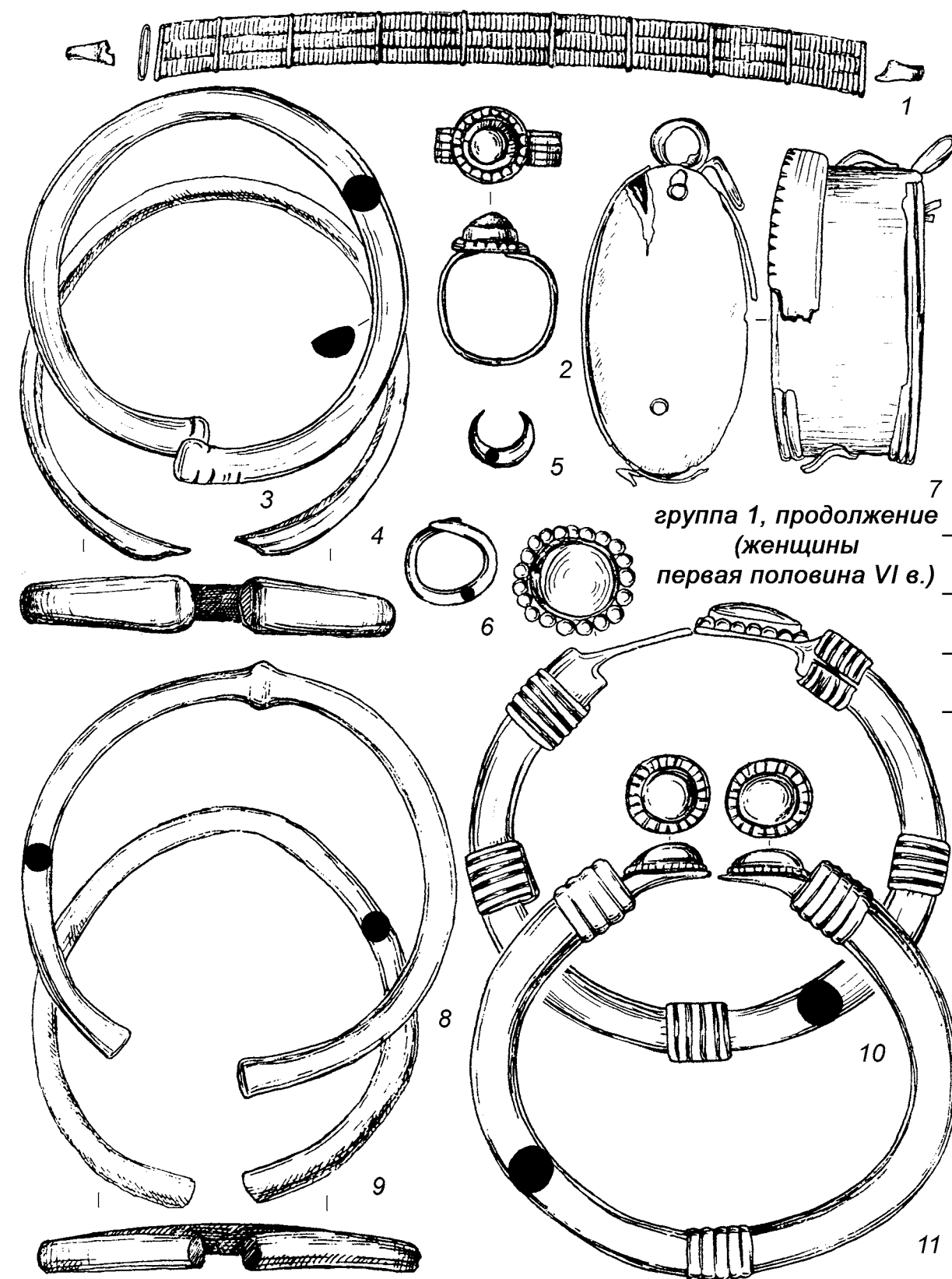

Табл. 12. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил первой половины VI в.
(группа I)

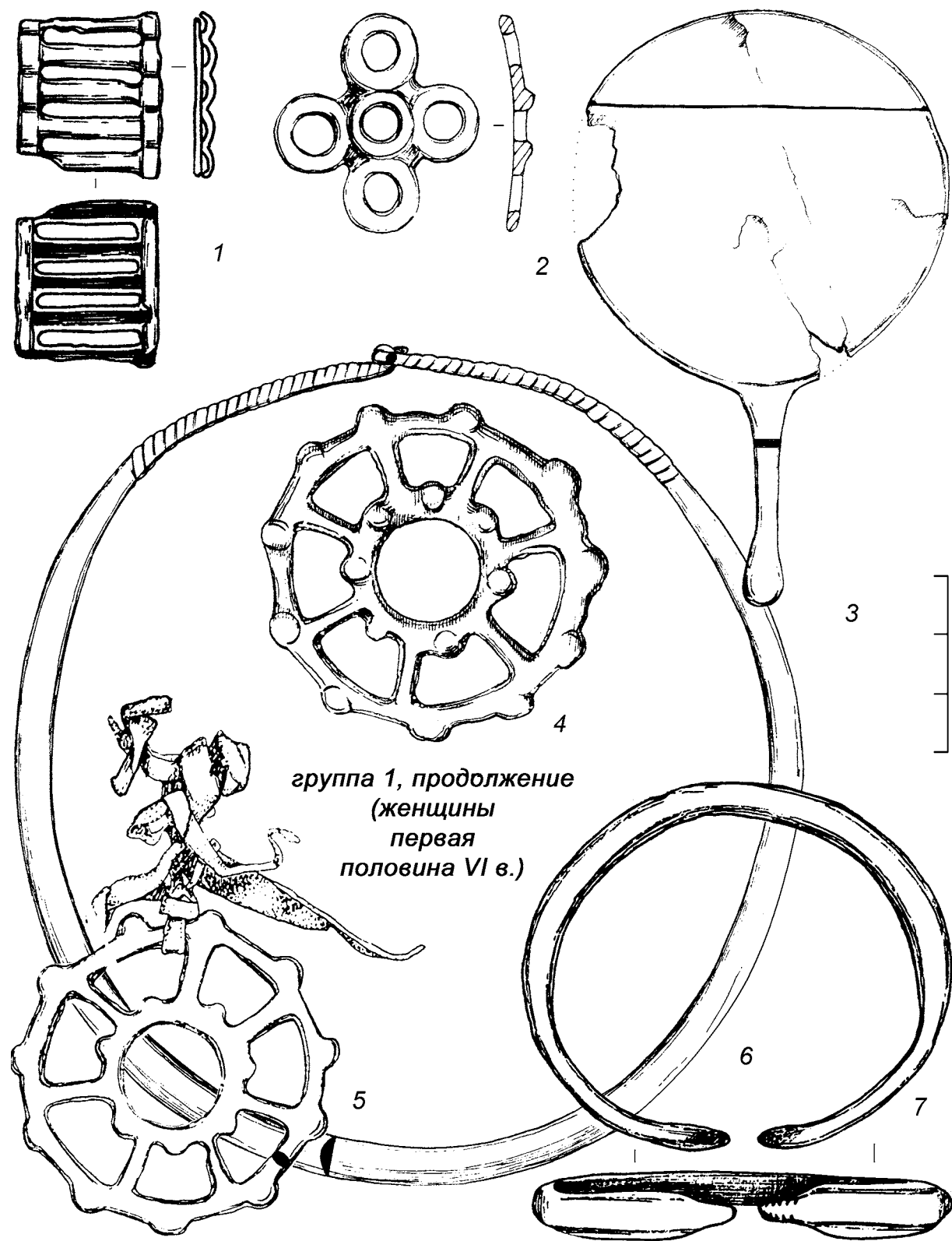

Табл. 13. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил первой половины VI в. (группа 1)

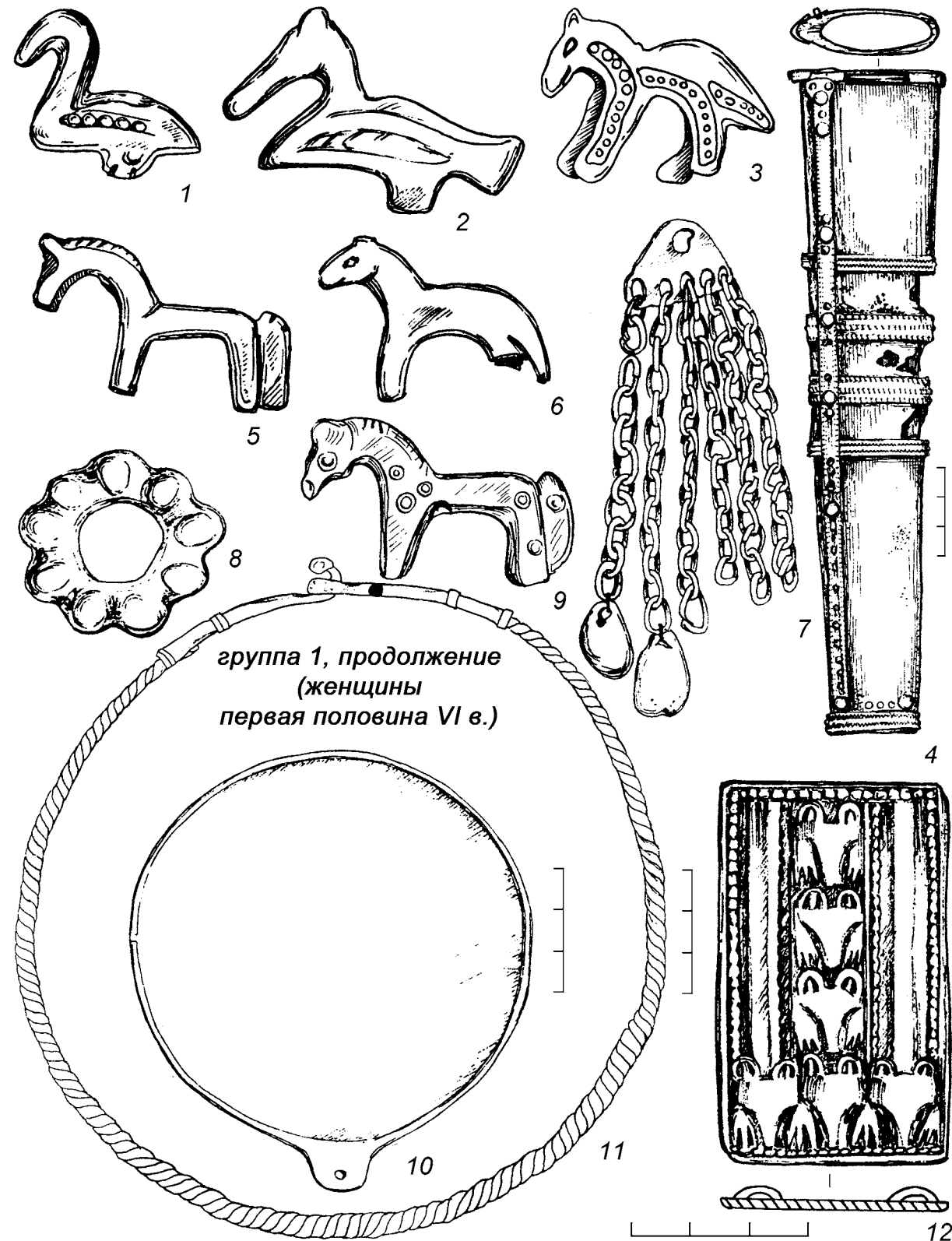

Табл. 14. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил первой половины VI в. (группа 1)

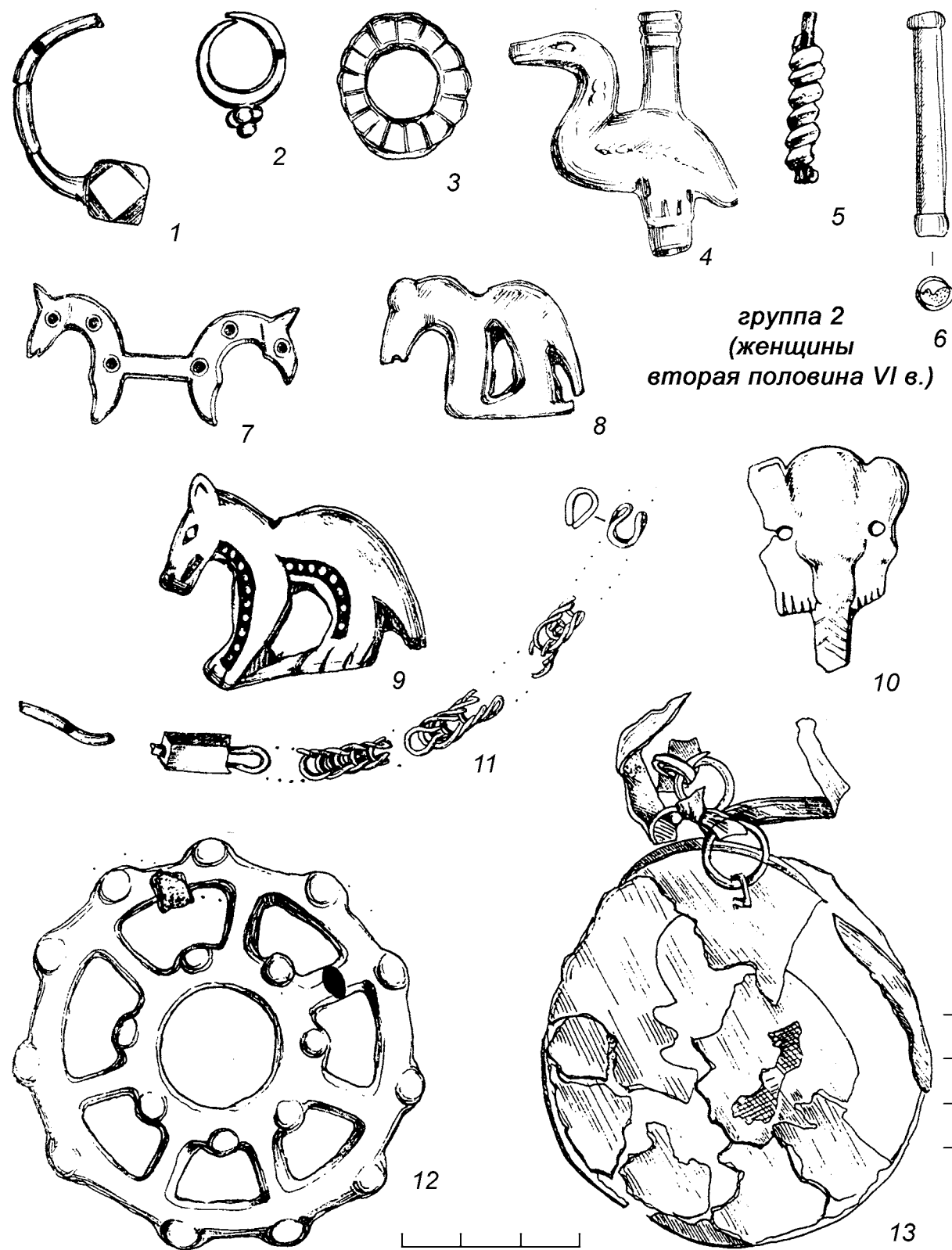

Табл. 15. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил второй половины VI в. (группа 2)

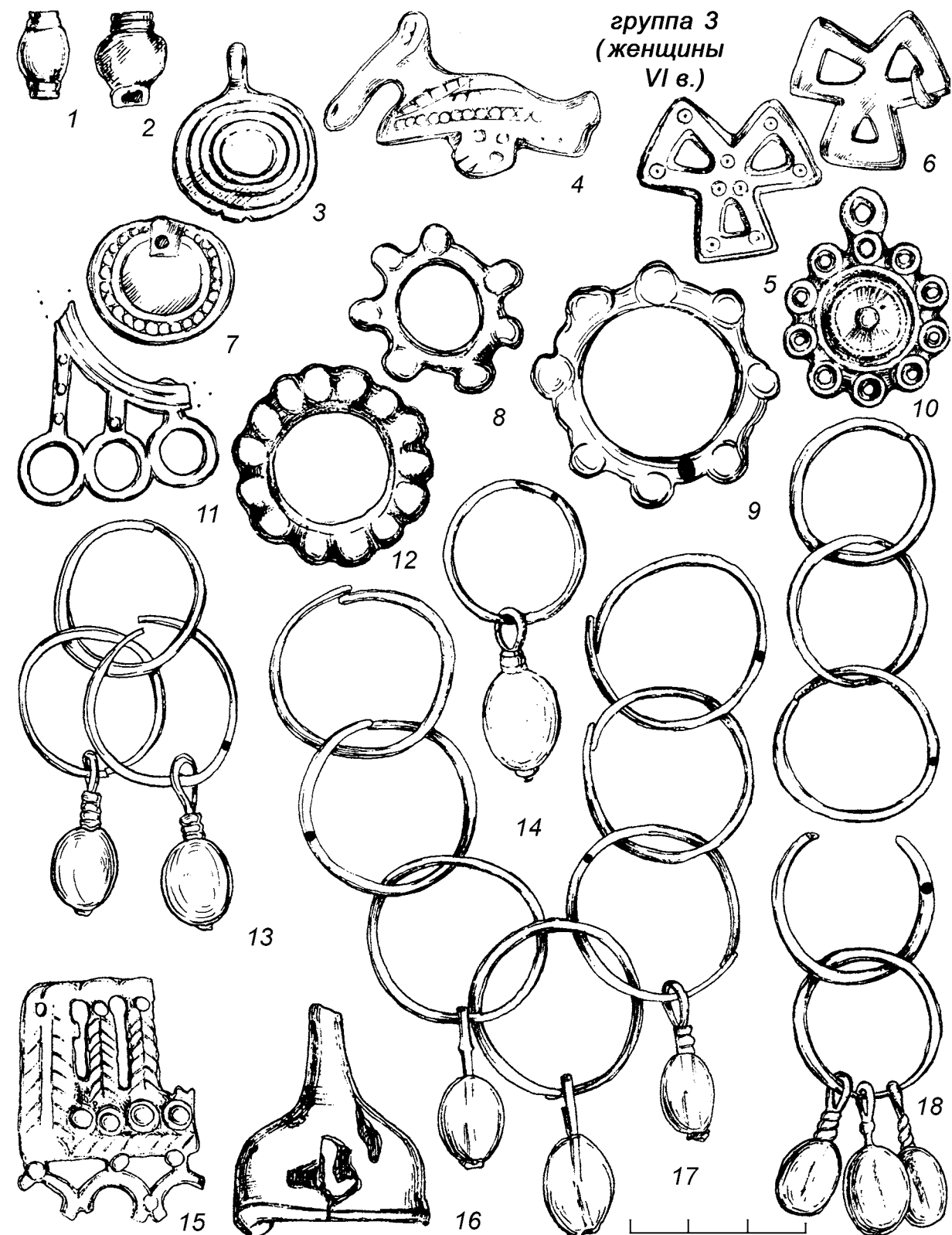

Табл. 16. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VI в. (группа 3)

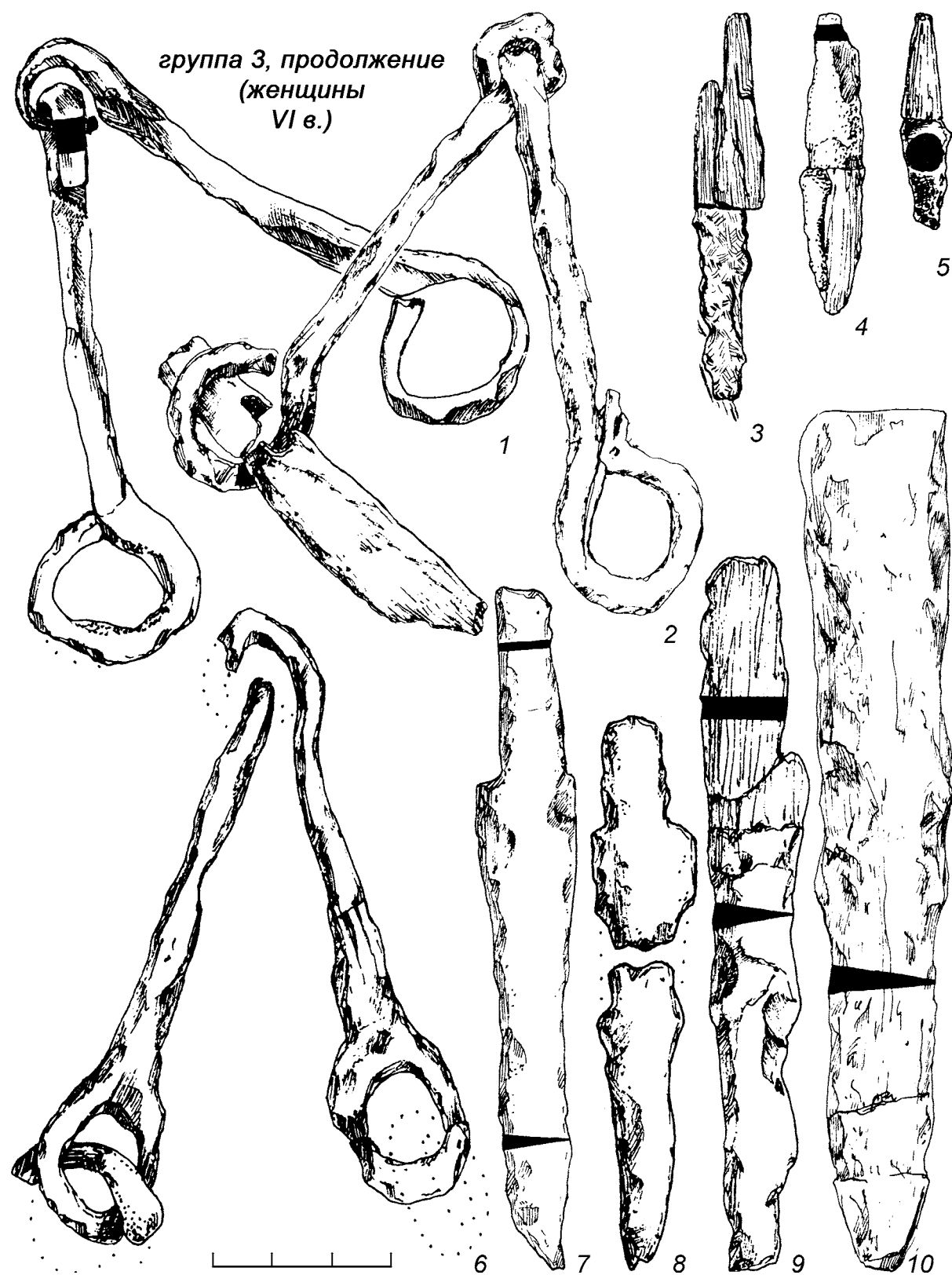

Табл. 17. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VI в. (группа 3)

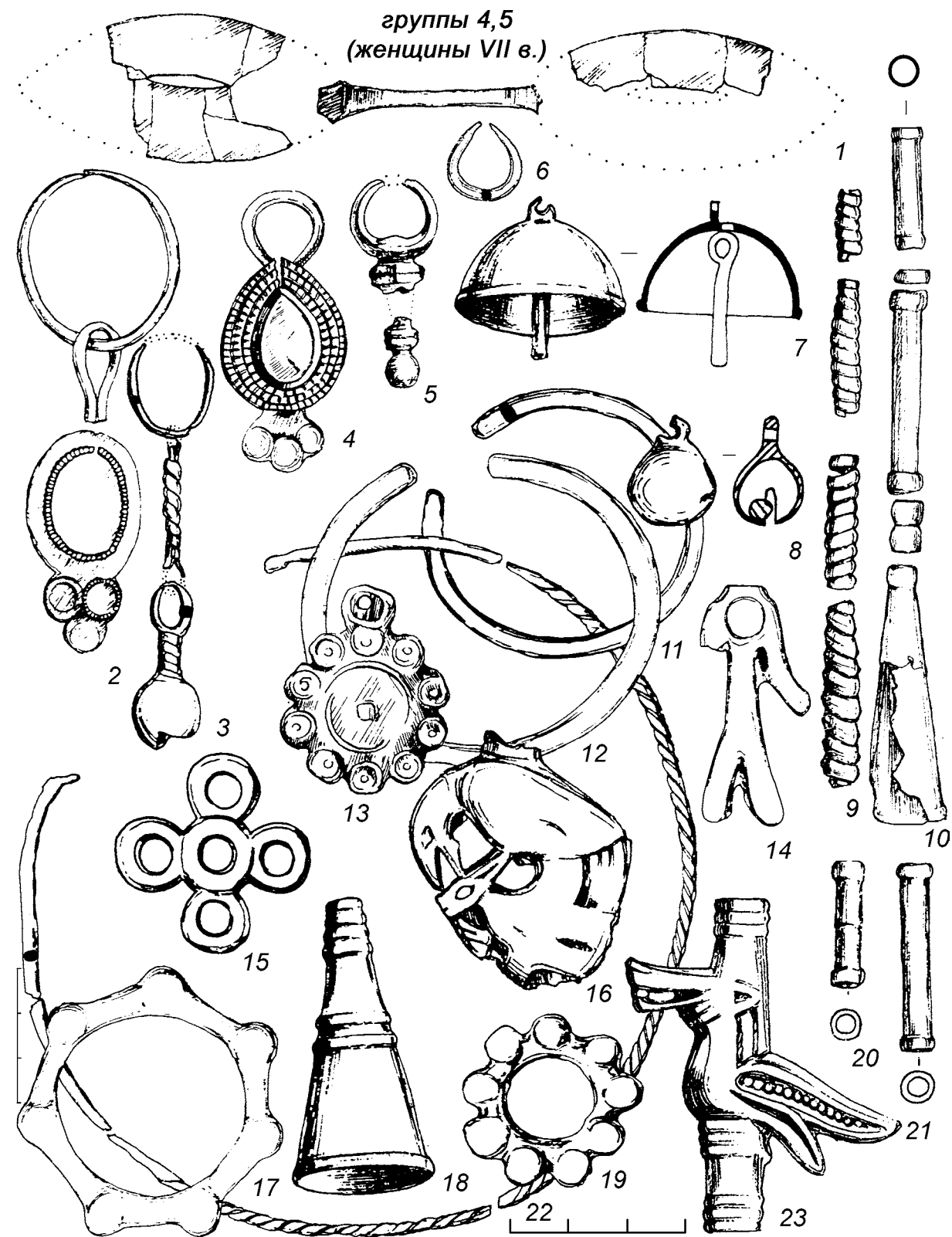

Табл. 18. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VII в. (группы 4, 5)

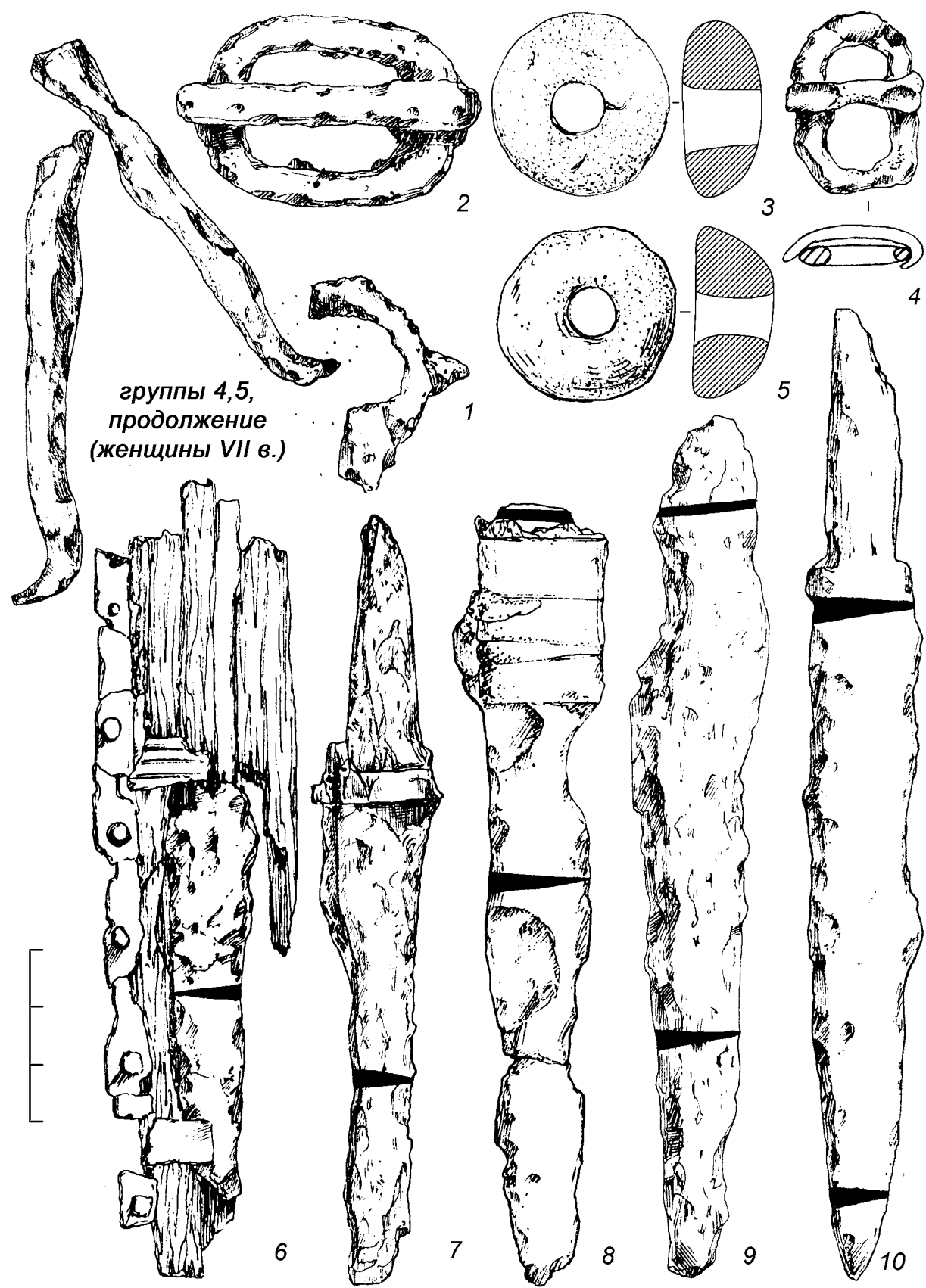

Табл. 19. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VII в. (группы 4, 5)

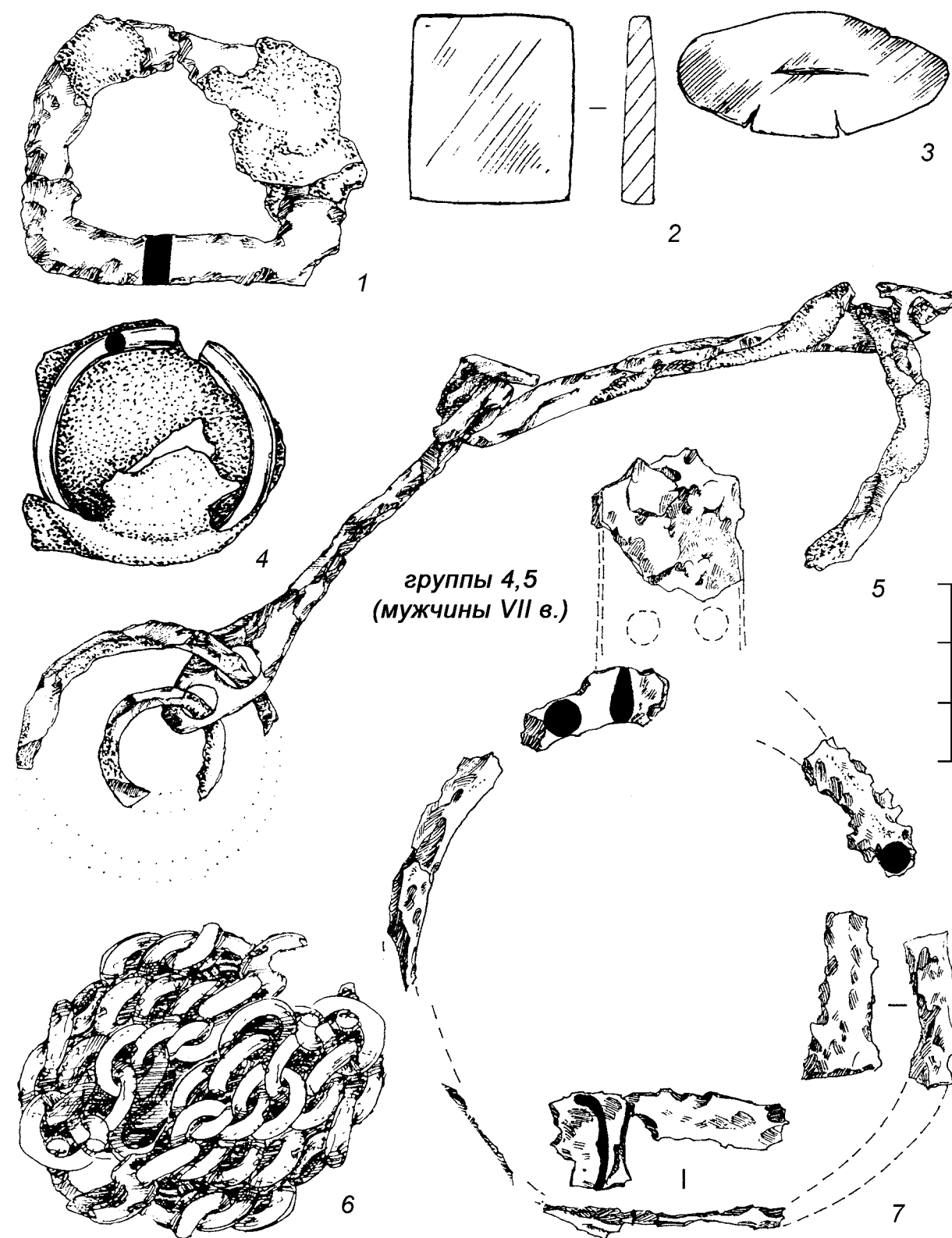

Табл. 20. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VII в. (группы 4, 5)

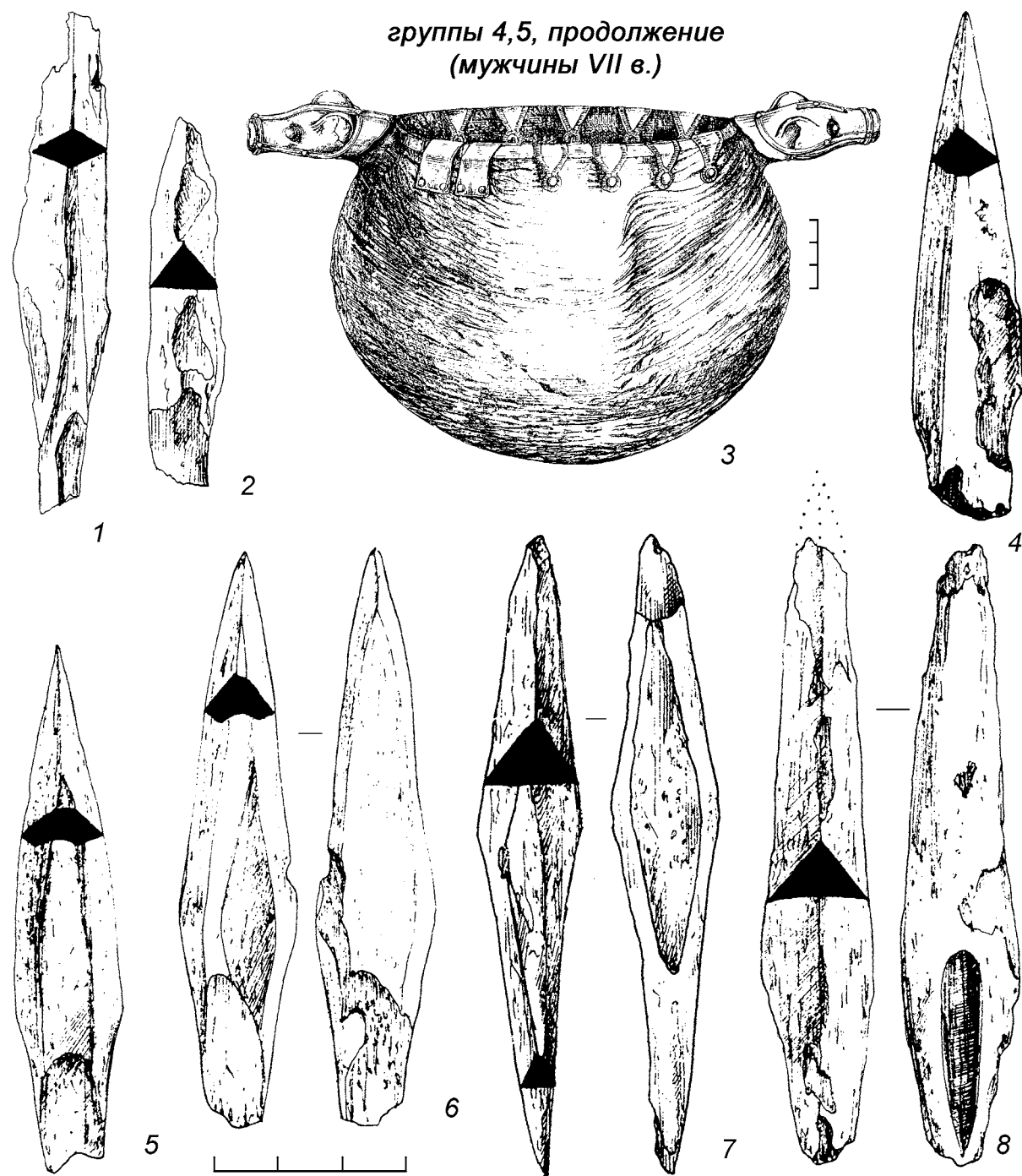

Табл. 21. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VII в. (группы 4, 5)

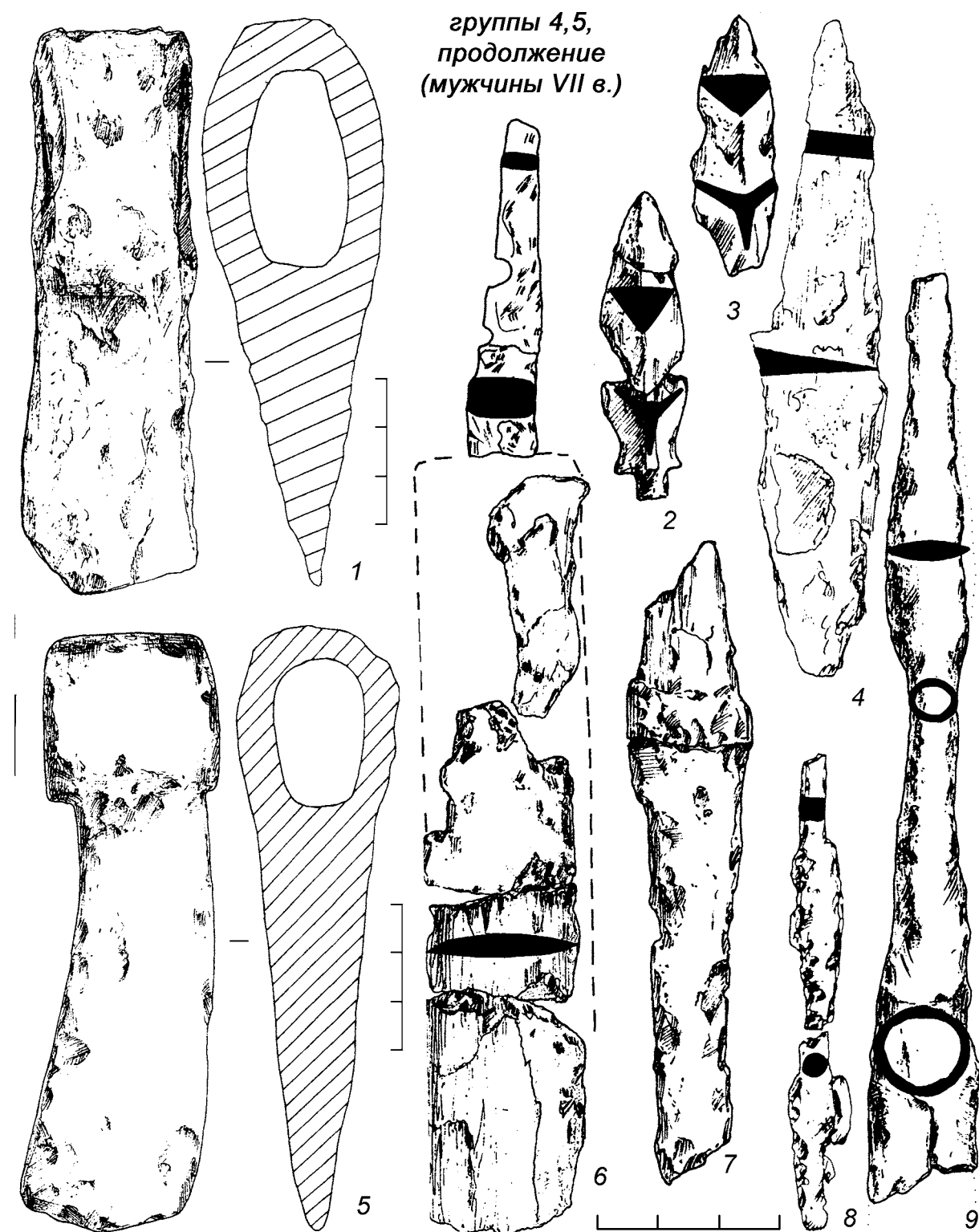

Табл. 22. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VII в. (группы 4, 5)

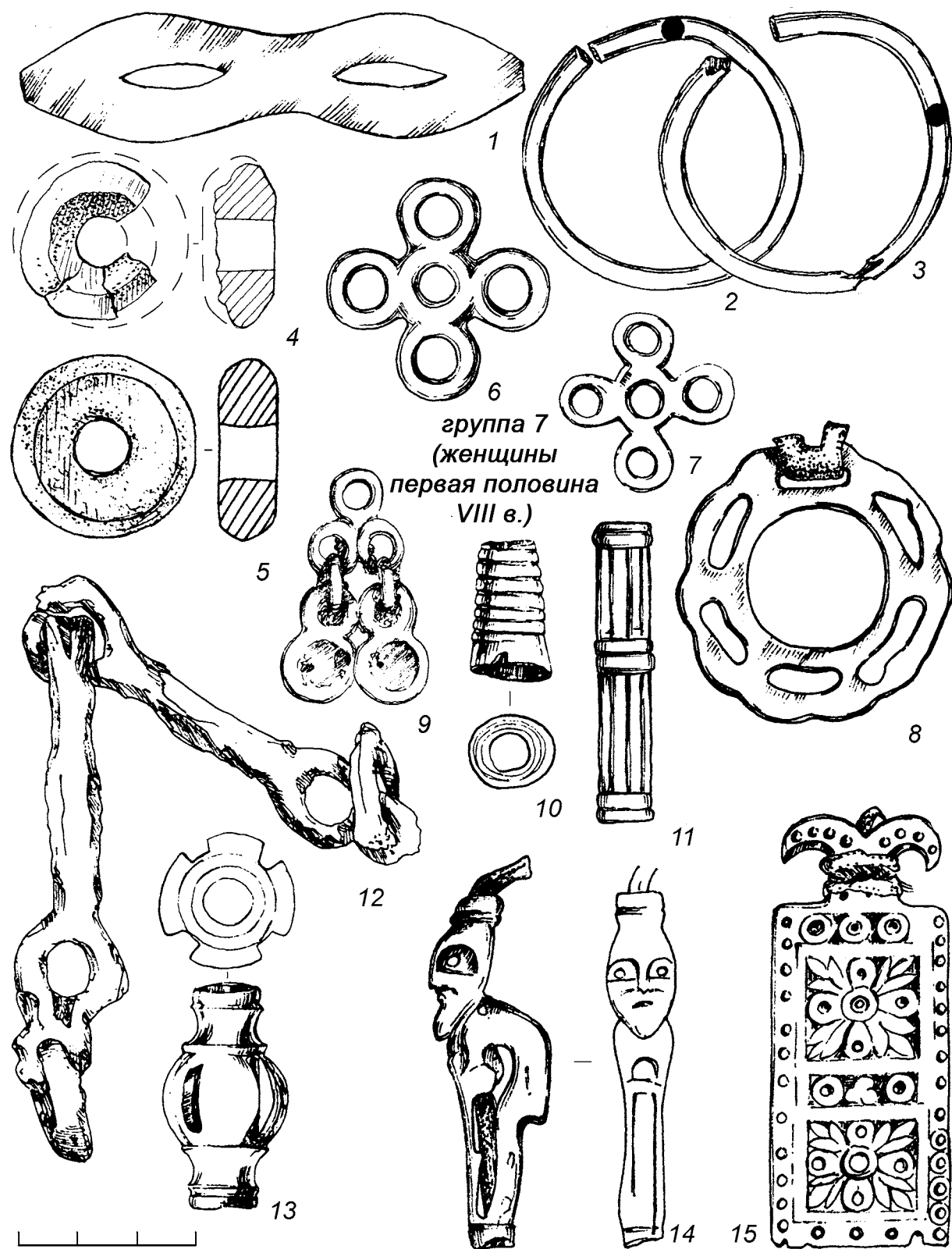

Табл. 23. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил первой половины VIII в. (группа 7)

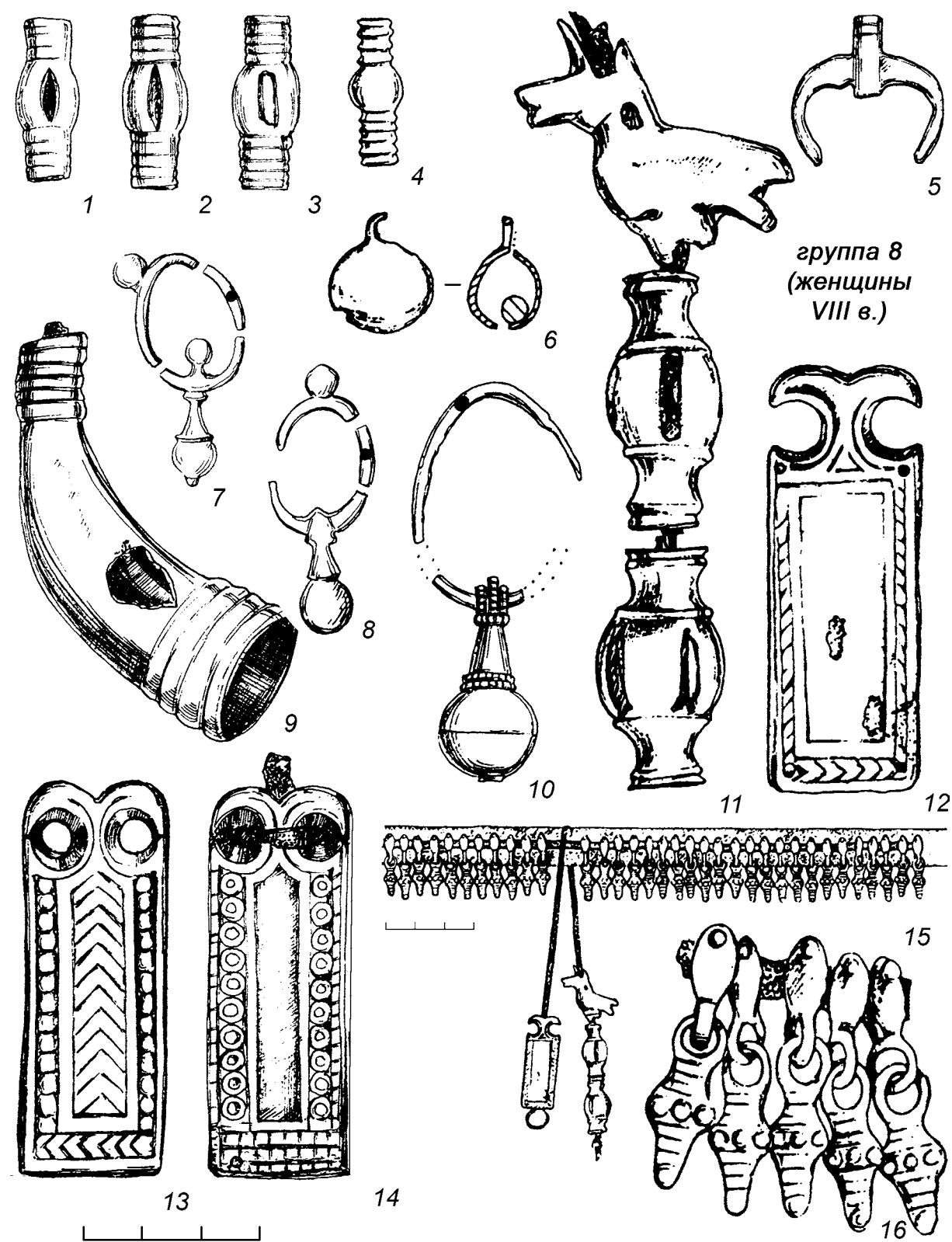

Табл. 24. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VIII в. (группа 8)

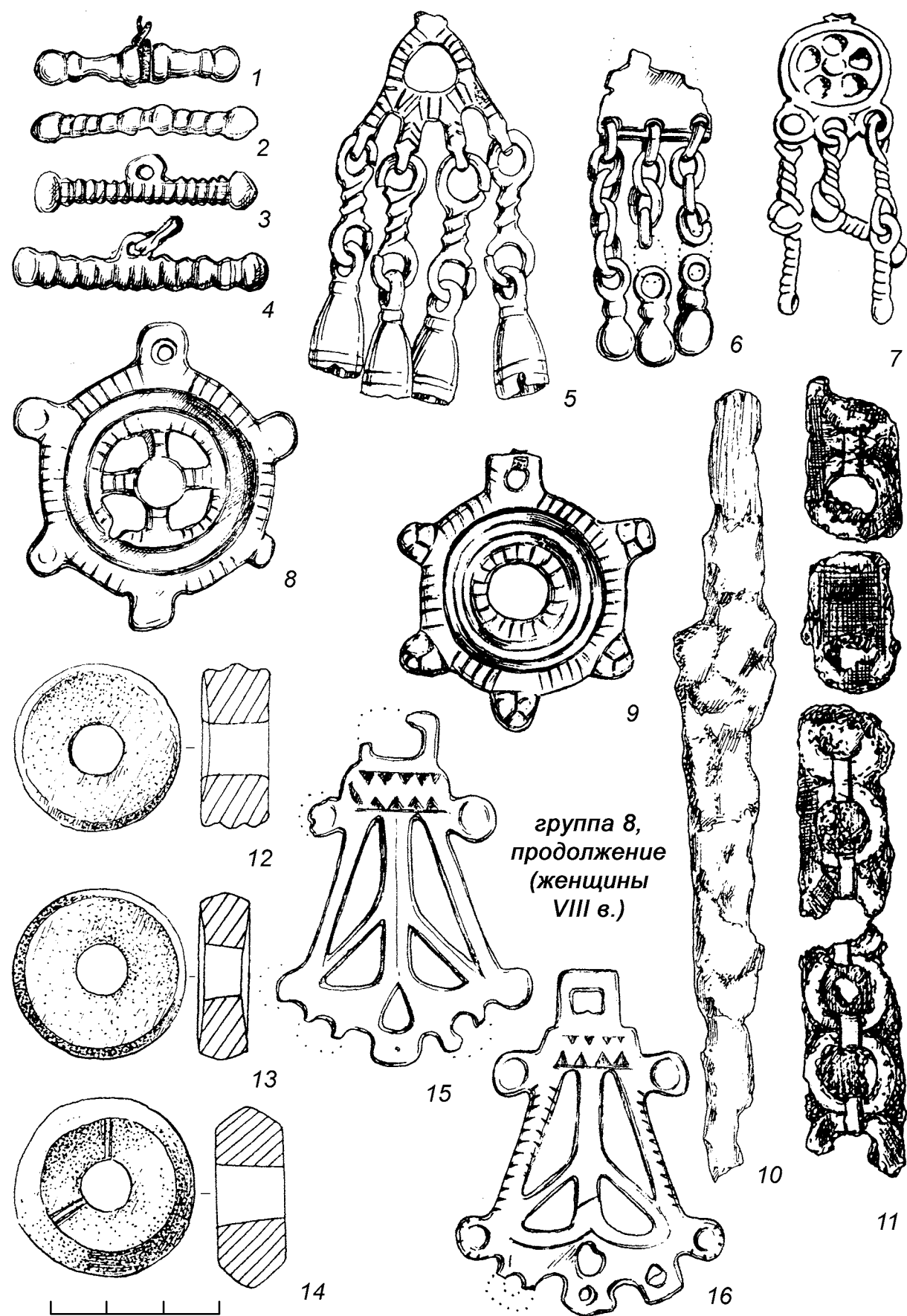

Табл. 25. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил VIII в. (группа 8)

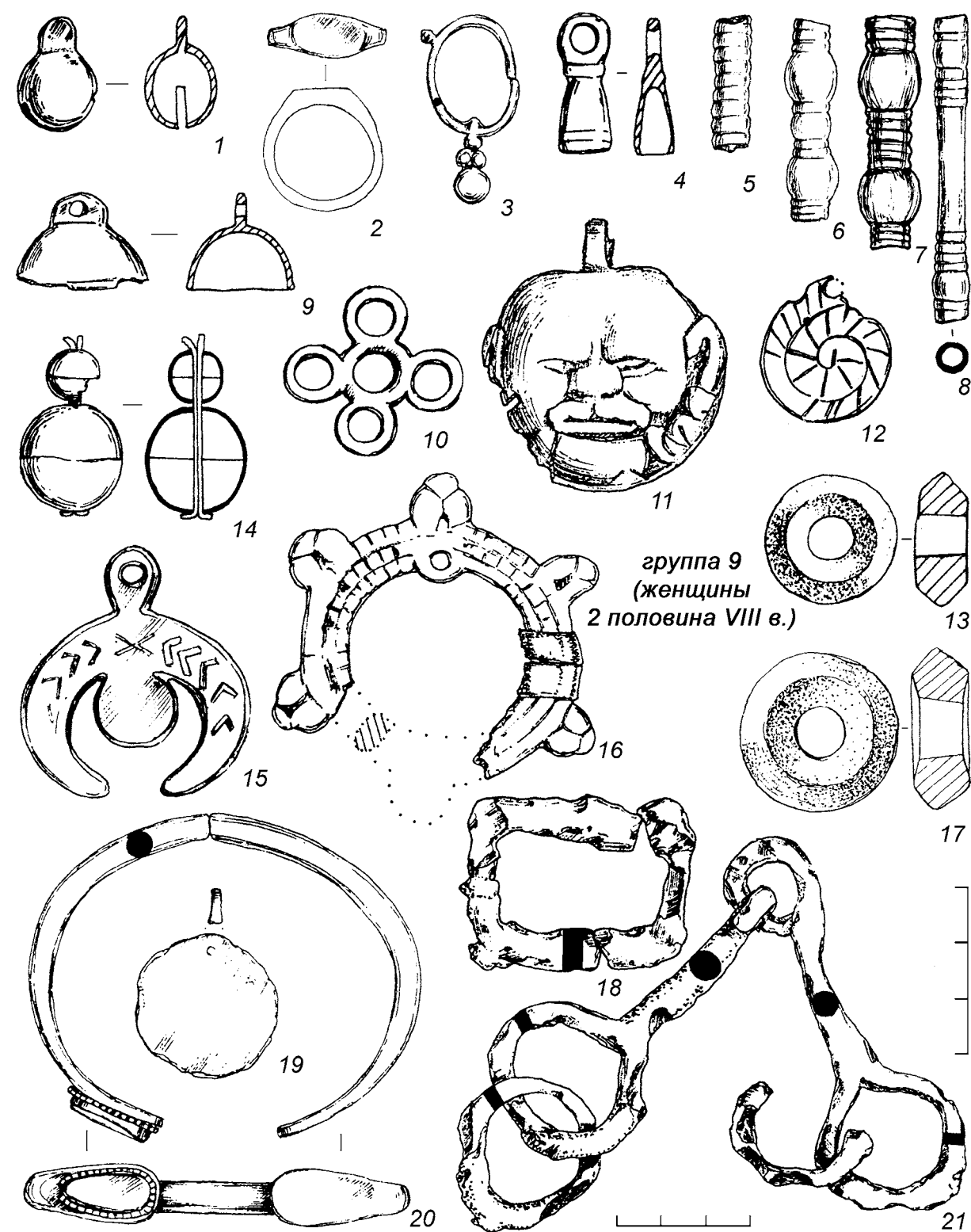

Табл. 26. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил второй половины VIII в. (группа 9)

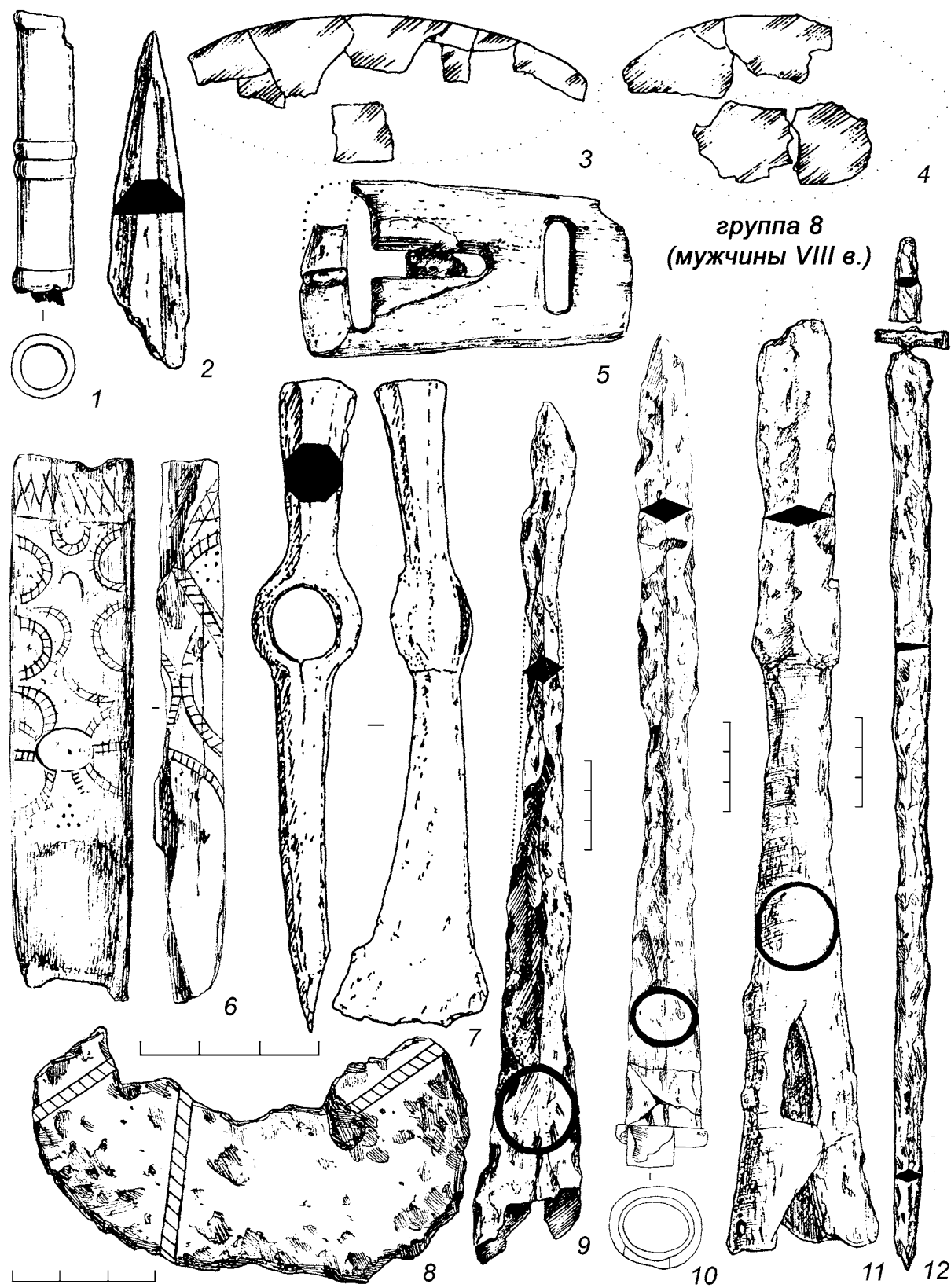

Табл. 27. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VIII в. (группа 8)

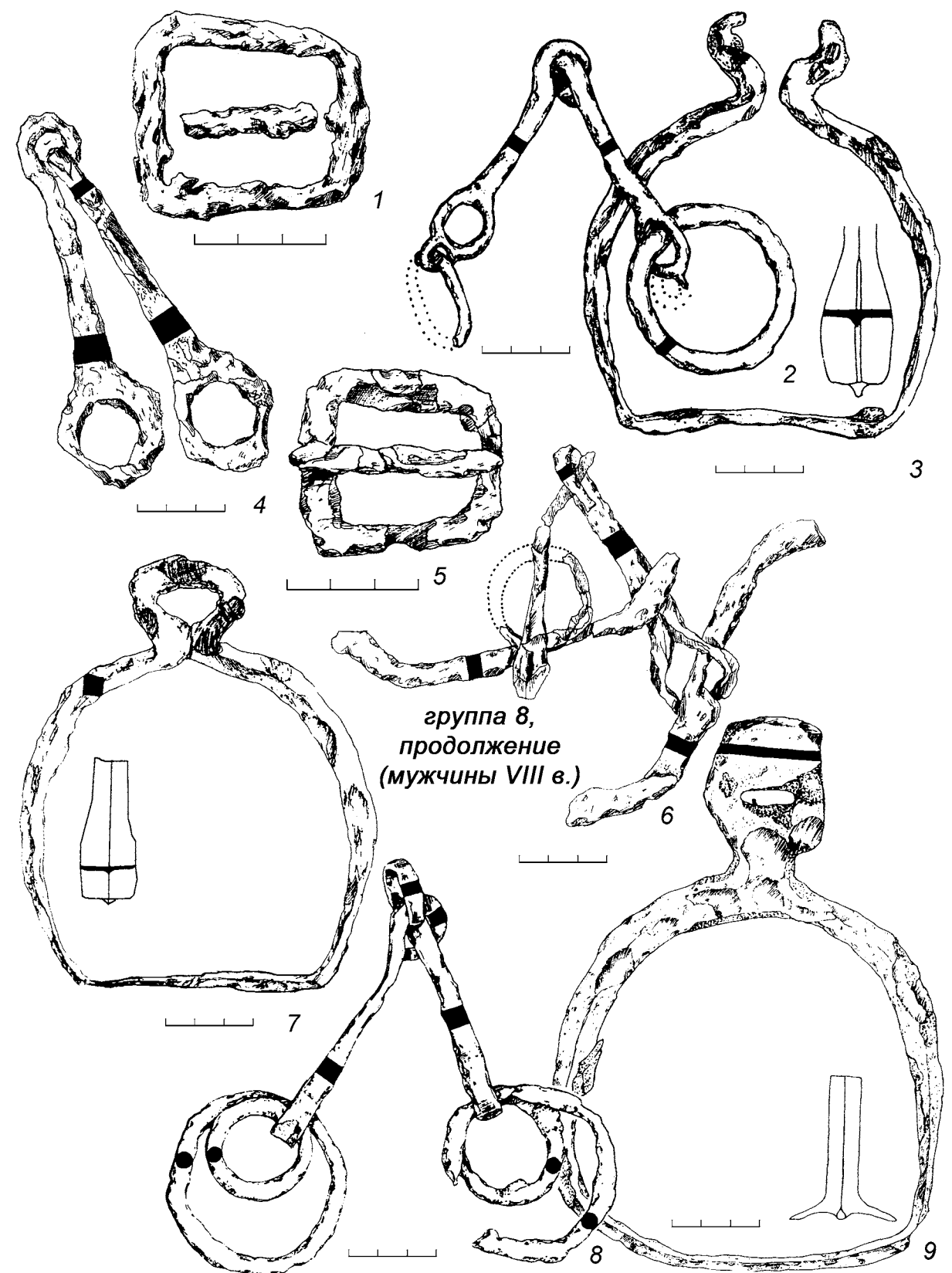

Табл. 28. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VIII в. (группа 8)

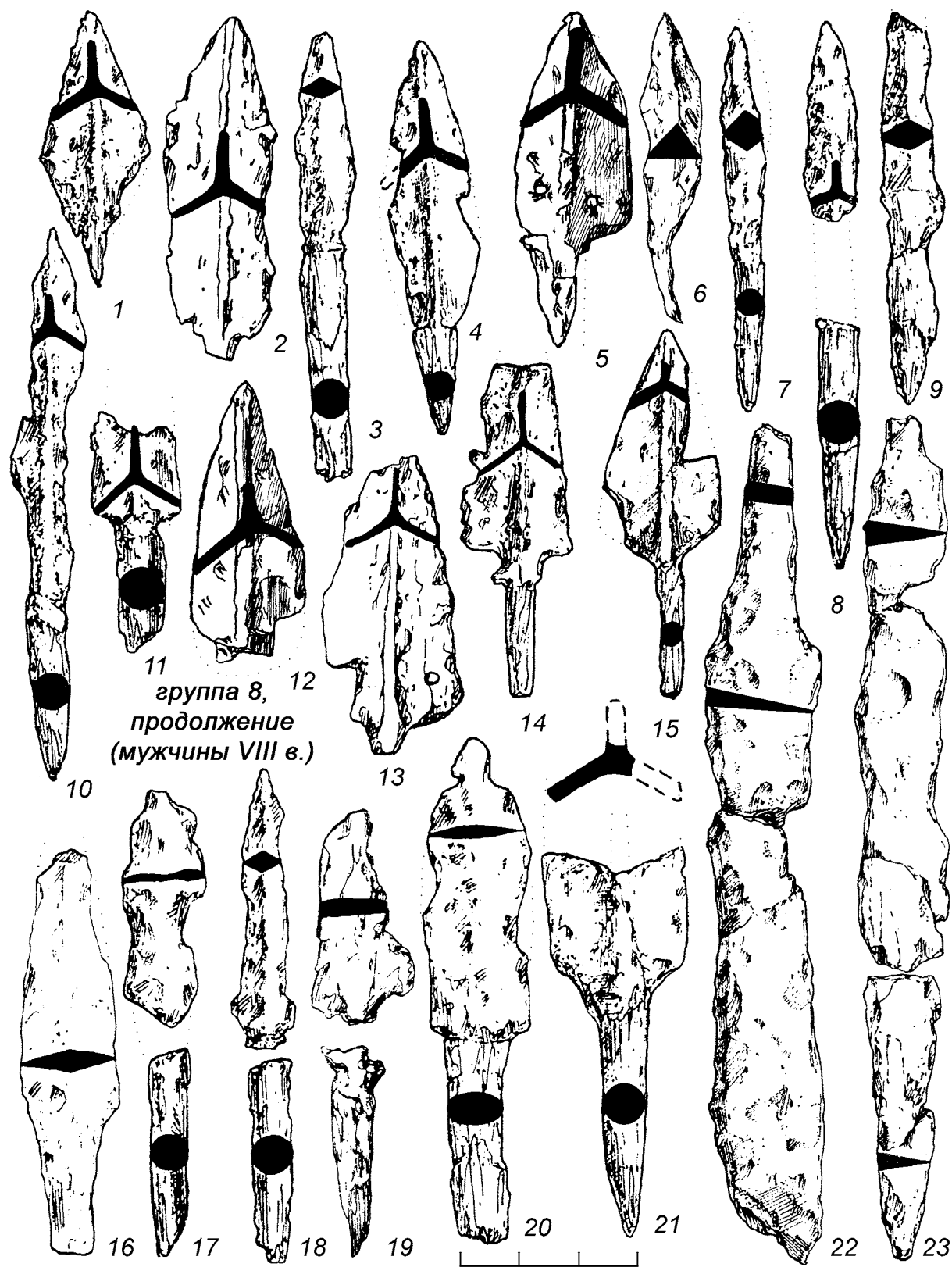

Табл. 29. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил VIII в. (группа 8)

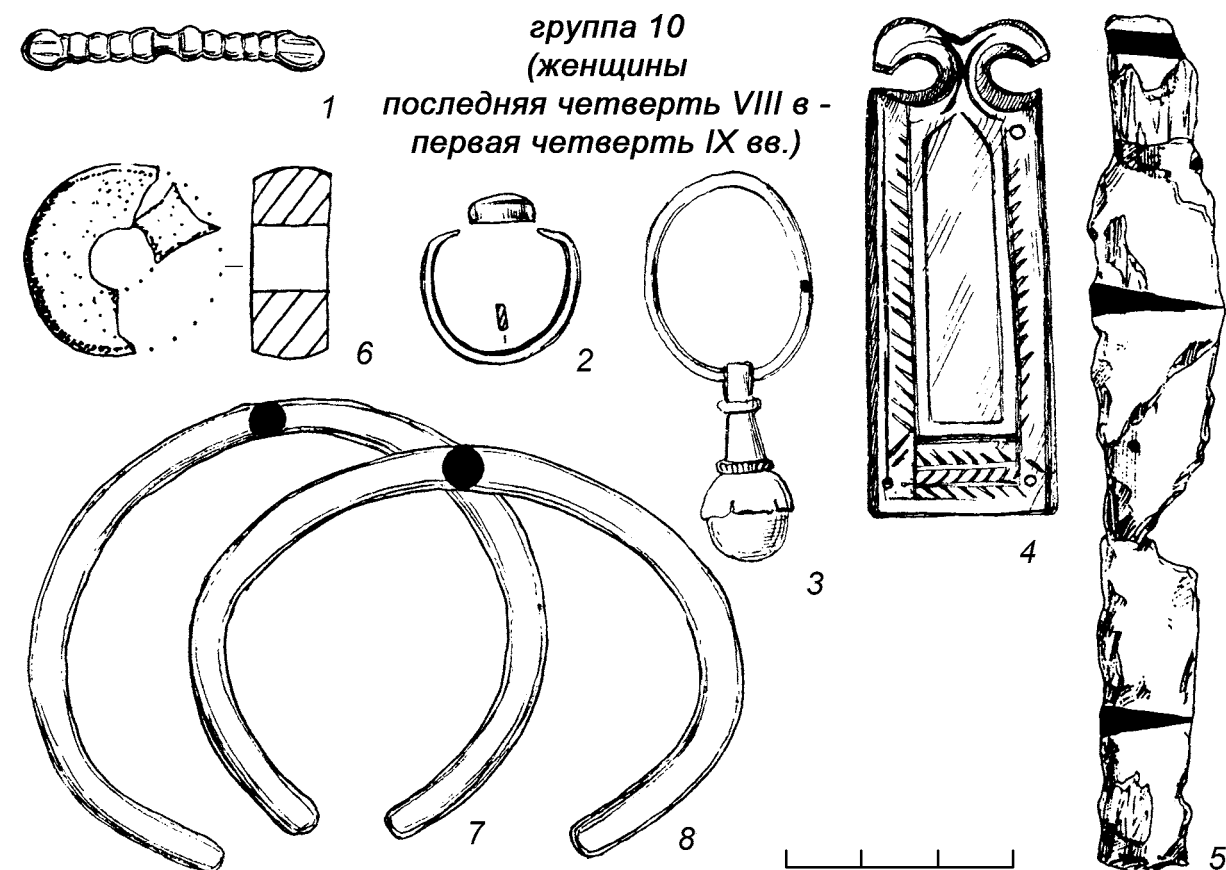

Табл. 30. Верх-Саинский могильник. Предметы из женских могил последней четверти VIII – первой четверти IX в. (группа 10)

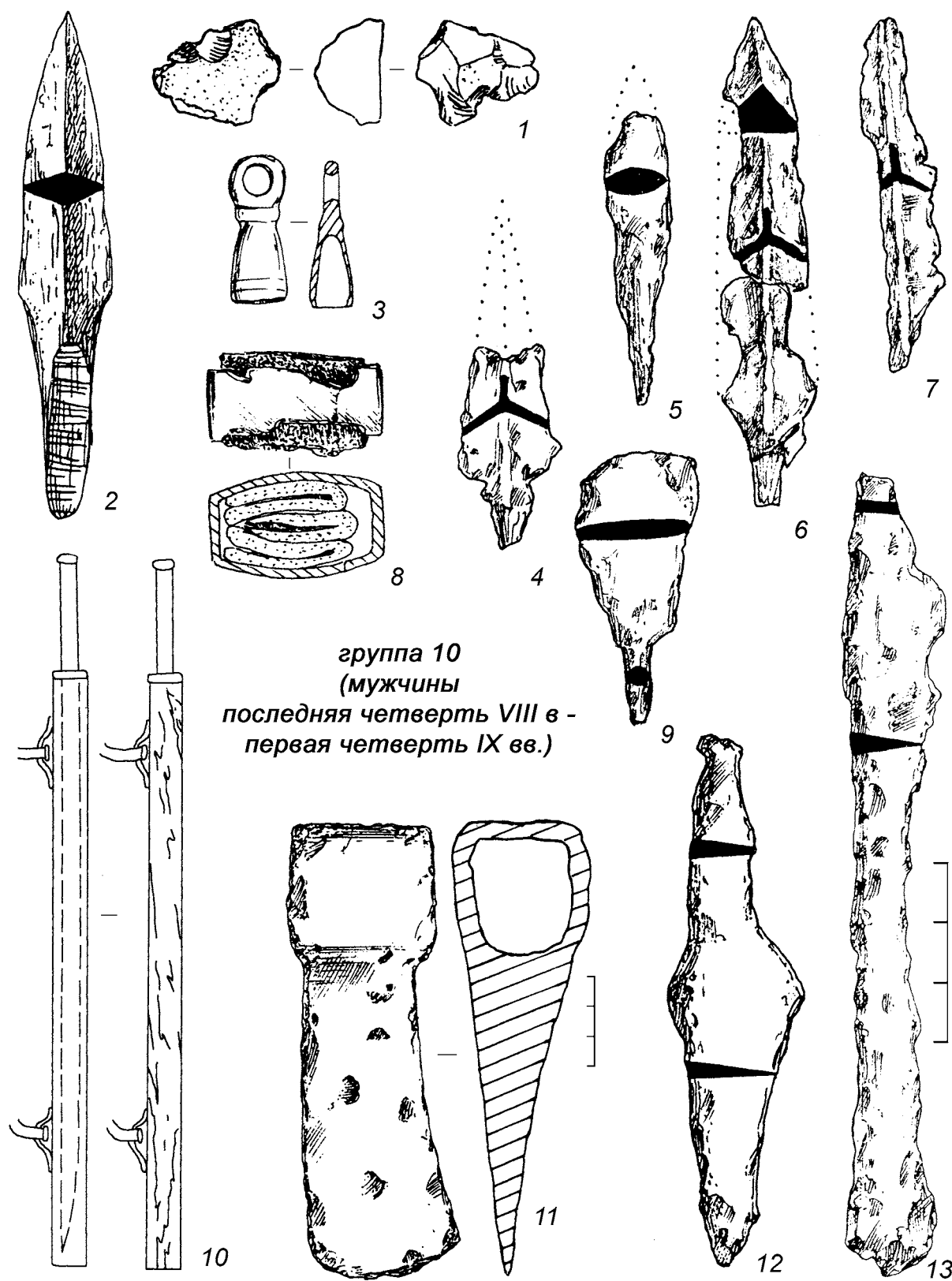

Табл. 31. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил последней четверти VIII – первой четверти IX в. (группа 10)

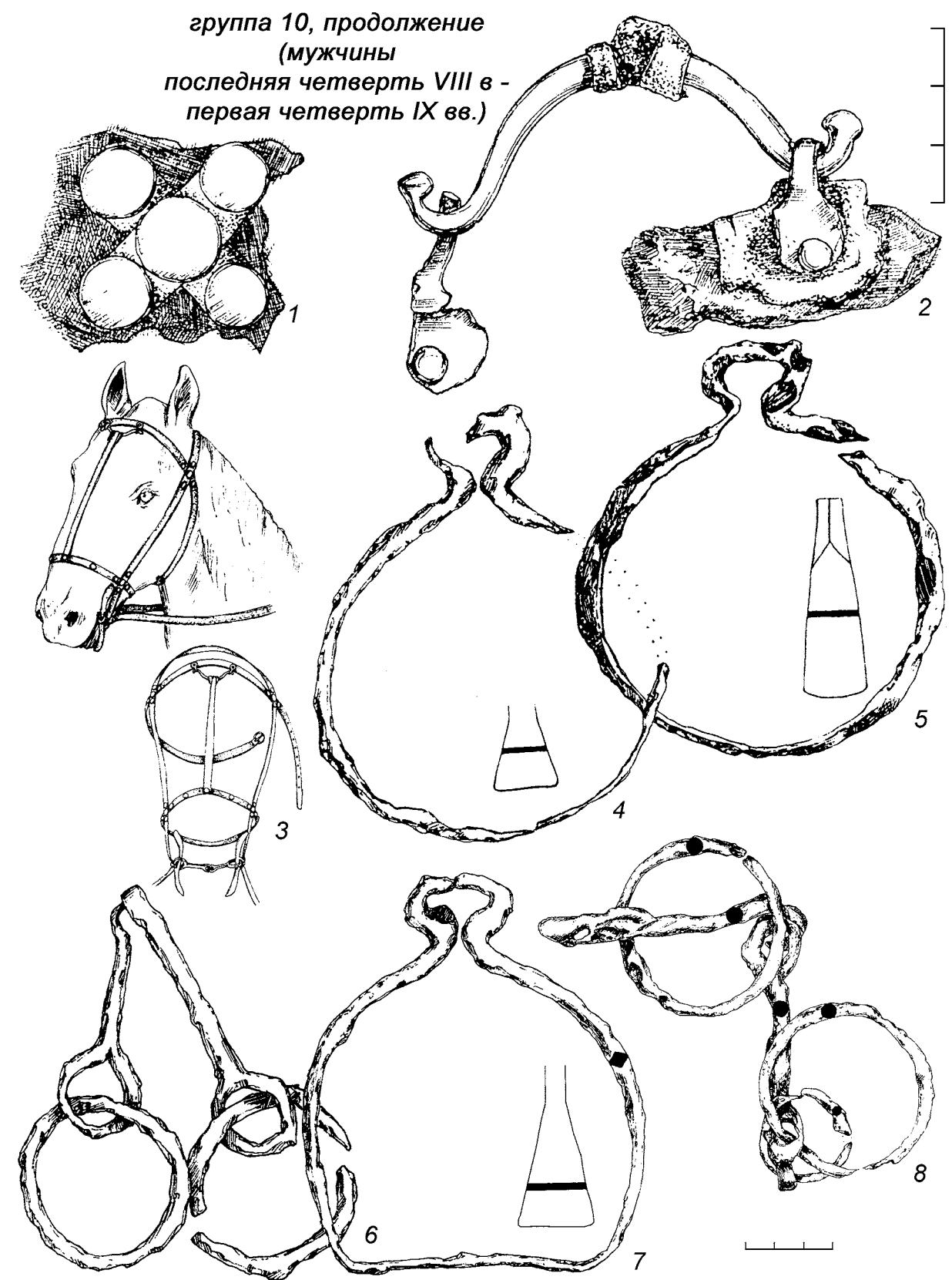

Табл. 32. Верх-Саинский могильник. Предметы из мужских могил последней четверти VIII – первой четверти IX в. (группа 10)

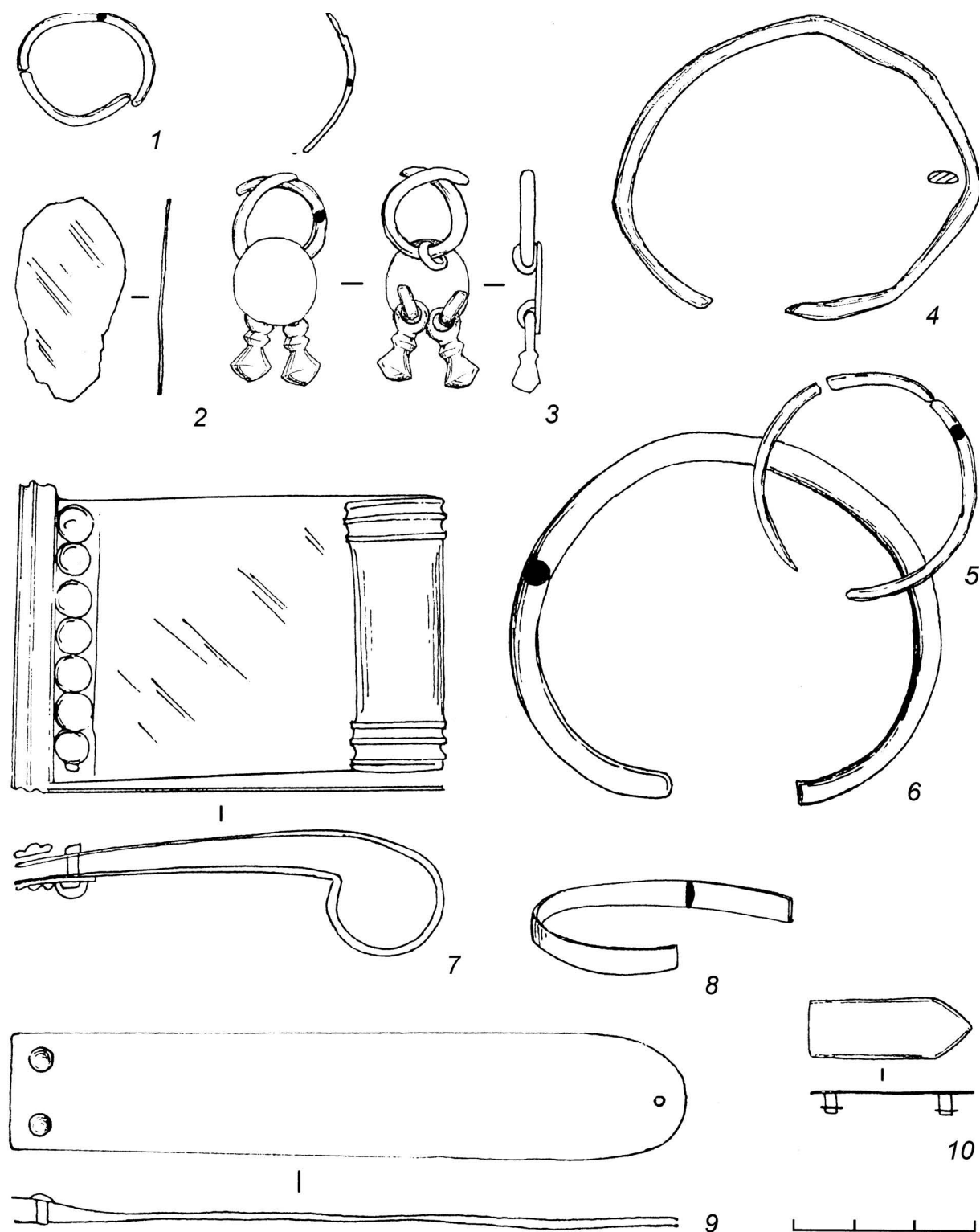

Рис. 3. Бартымский I могильник. 1-3 – височные подвески; 4-6, 8 – браслеты; 7, 9, 10 – наконечники ремней. 1, 3-10 – бронза; 2 – серебро

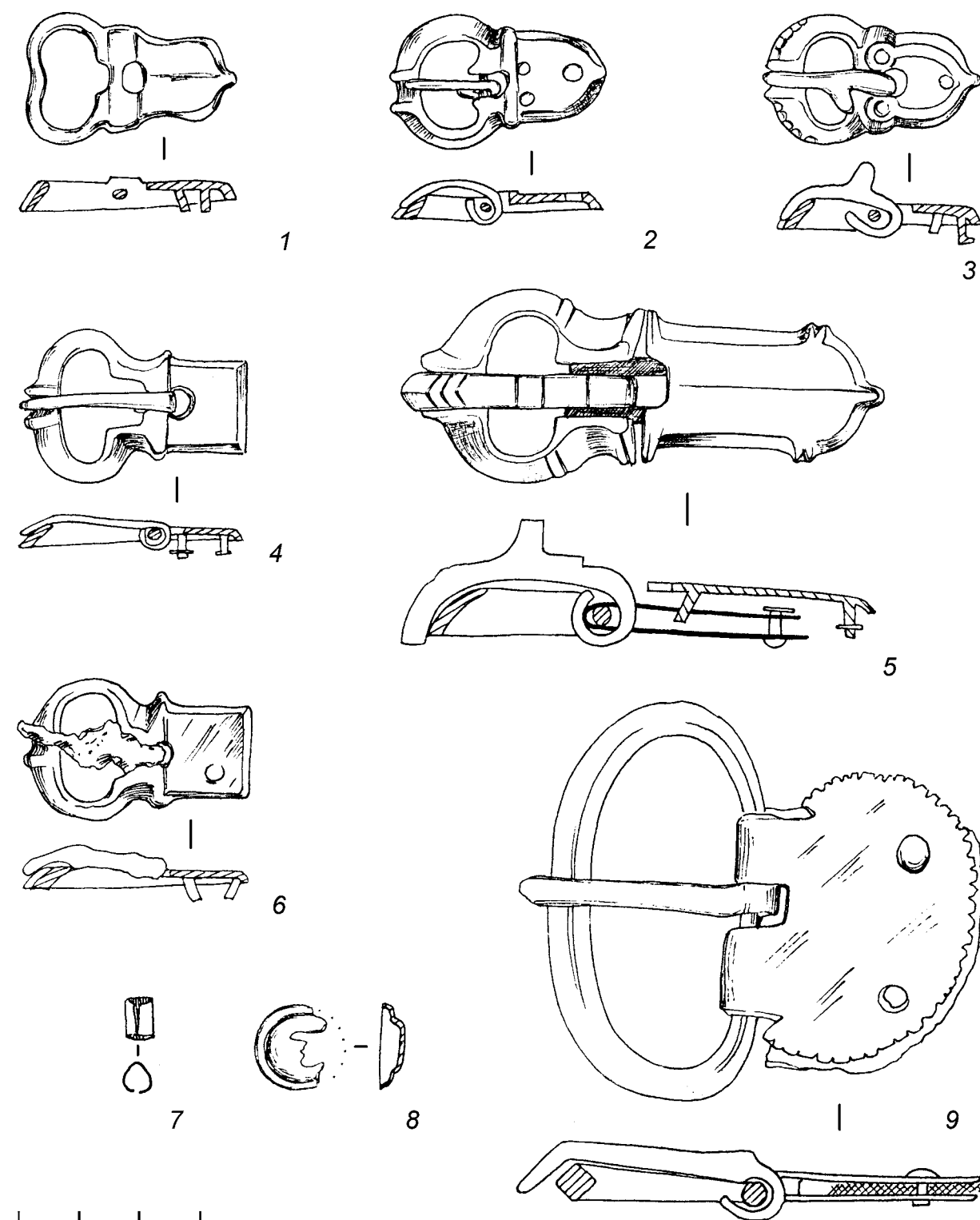

Рис. 4. Бартымский I могильник. 1-6, 9 – пряжки; 7 – обойма; 8 – накладка. 1-5, 7-9 – бронза; 6 – бронза, железо

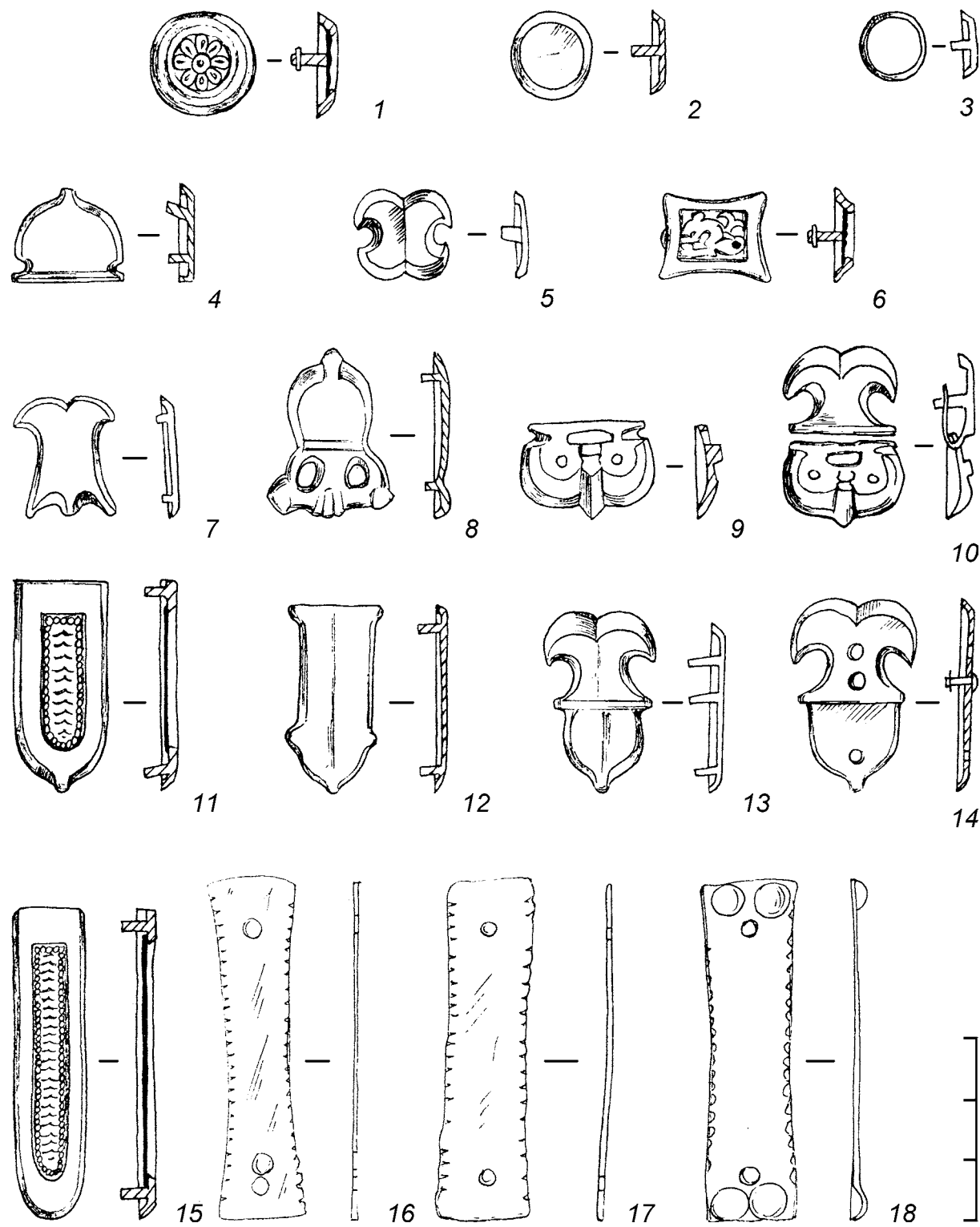

Рис. 5. Бартымский I могильник. 1-18 – накладки. 1, 6, 11, 15 – бронза, серебро; 2-5, 7-10, 12-14, 16-18 – бронза

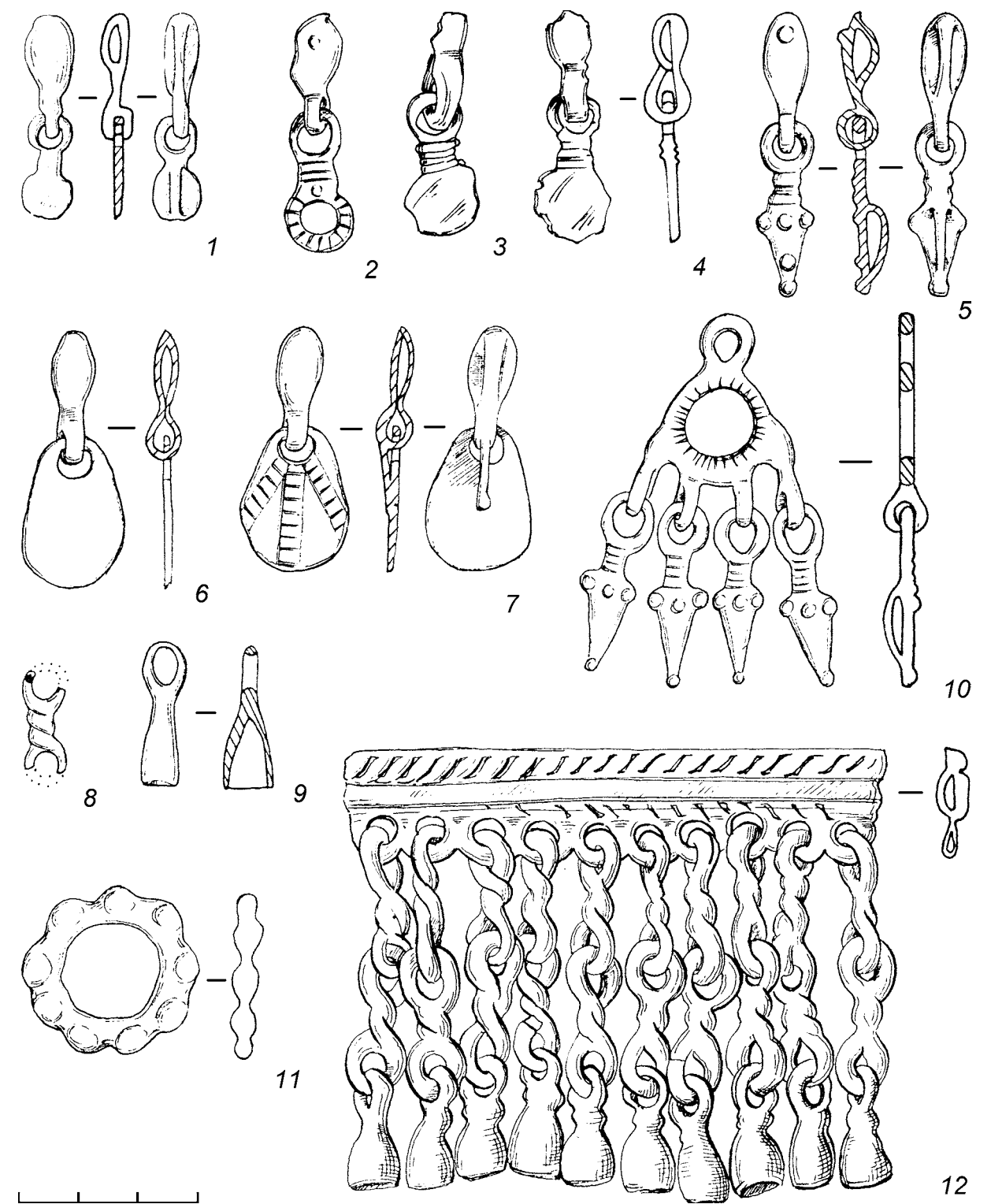

Рис. 6. Бартымский I могильник. 1-9 – привески; 10-12 – подвески. 1-12 – бронза

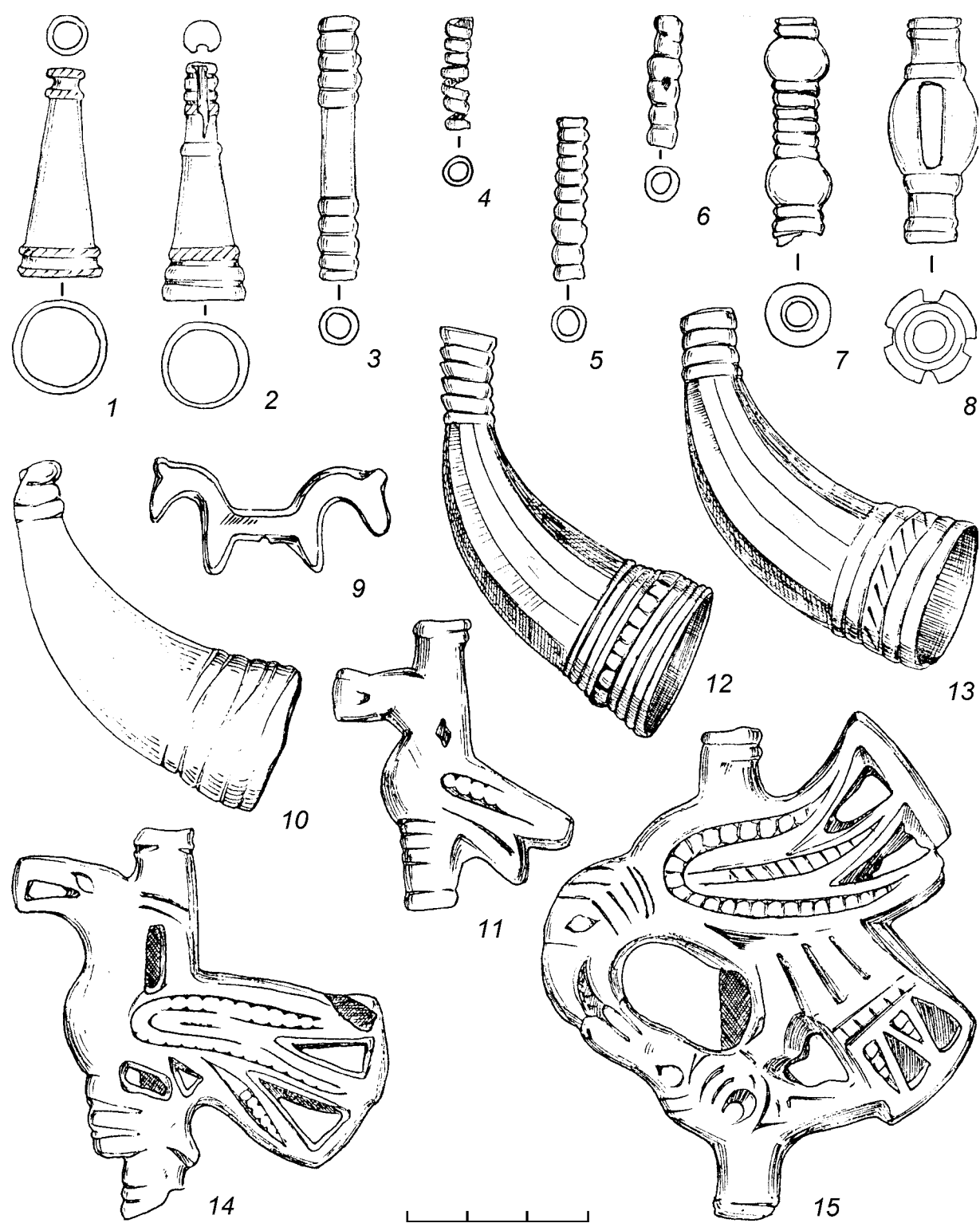

Рис. 7. Бартымский I могильник. 1-15 – пронизки. 1-15 – бронза

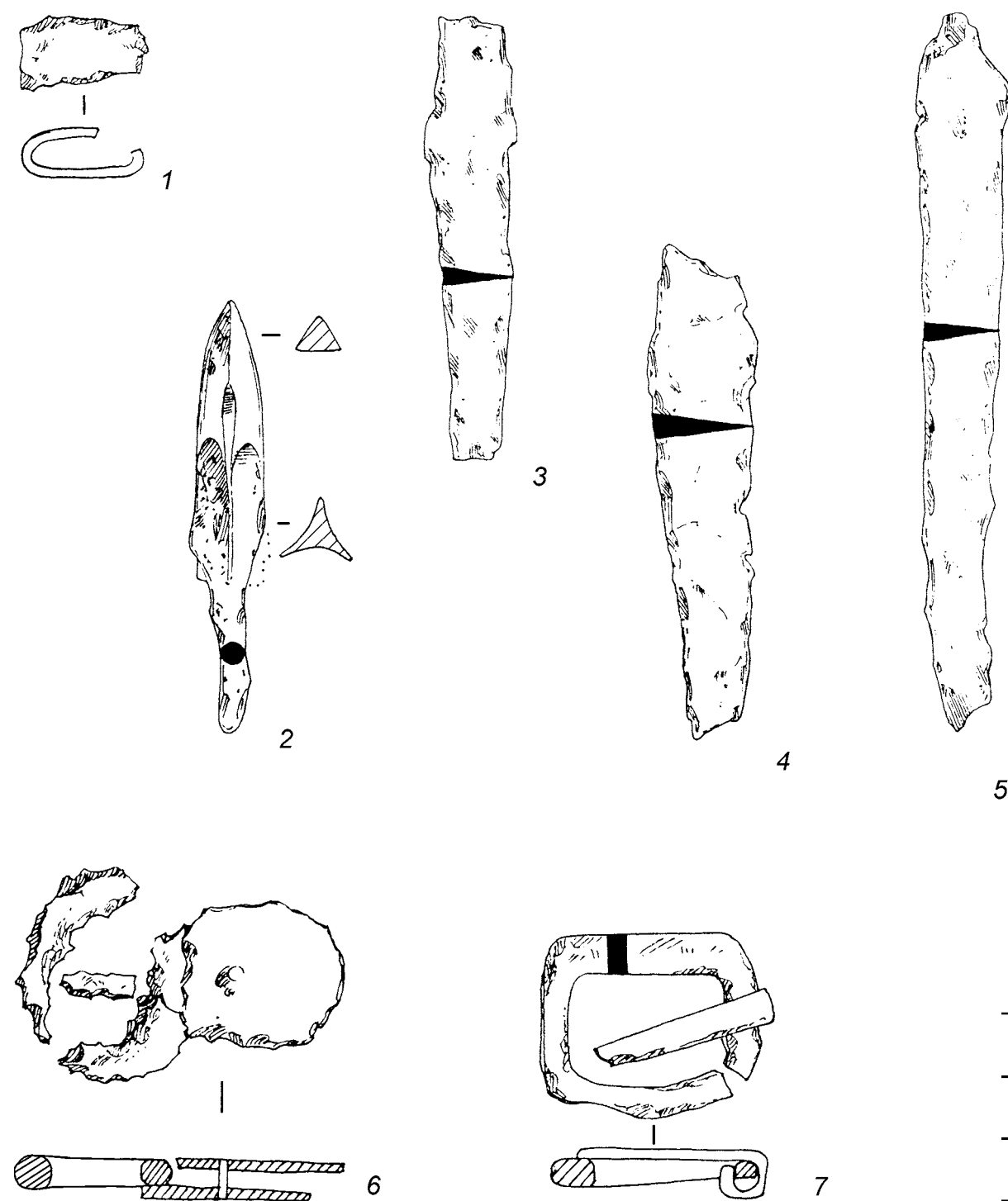

Рис. 8. Бартымский I могильник. 1 – обойма; 2 – наконечник стрелы; 3-5 – фрагменты ножей; 6, 7 – пряжки. 1-7 – железо

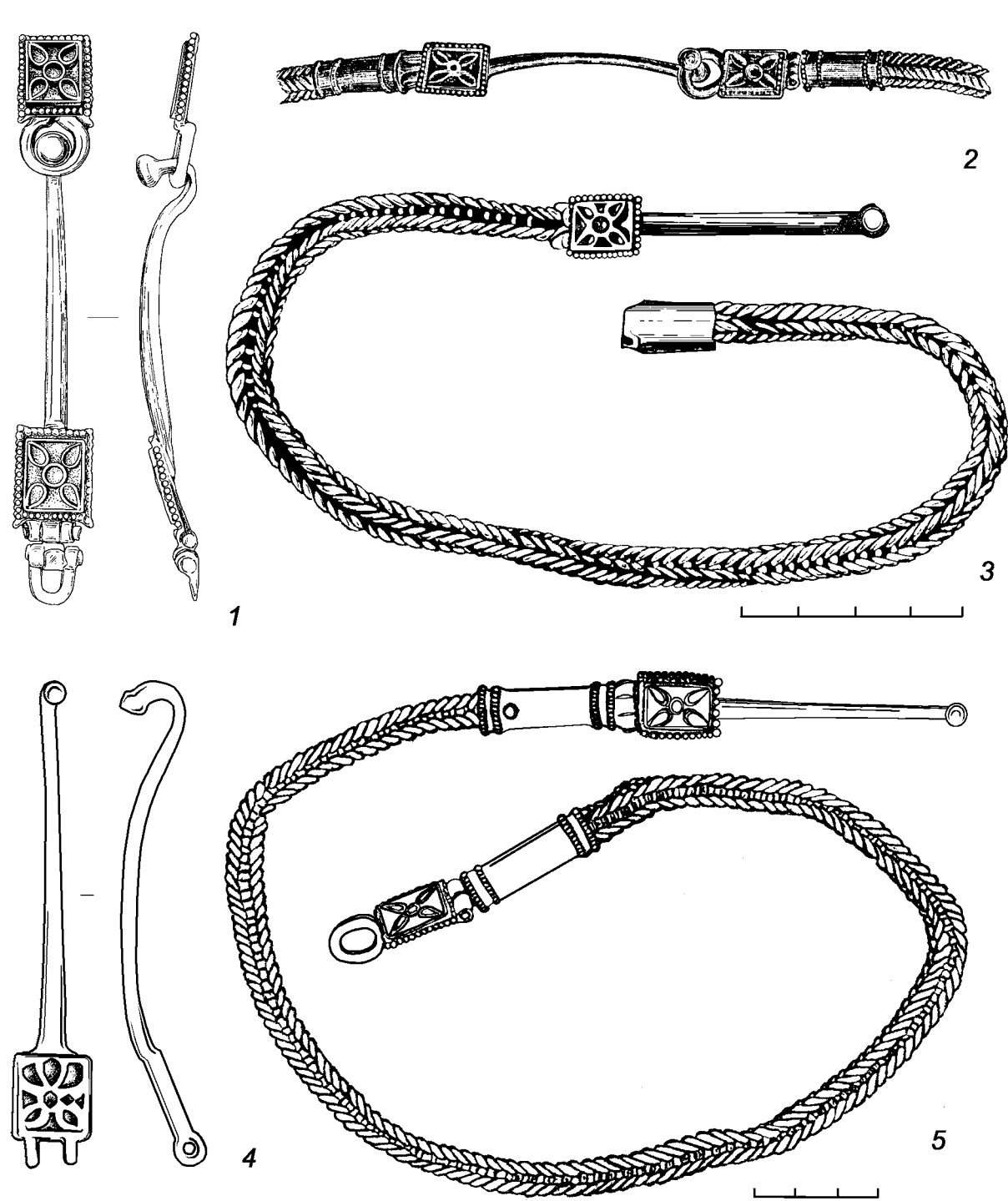

Рис. 9. Плетеные цепи из Приуралья. 1 – Бартымский клад 1950 г.; 2 – Шестаковский клад; 3 – Агафоновский могильник, погр.13; 4 – Поломский I могильник; 5 – могильник Такталачук, погр.115. 1-3, 5 – серебро; 4 – бронза

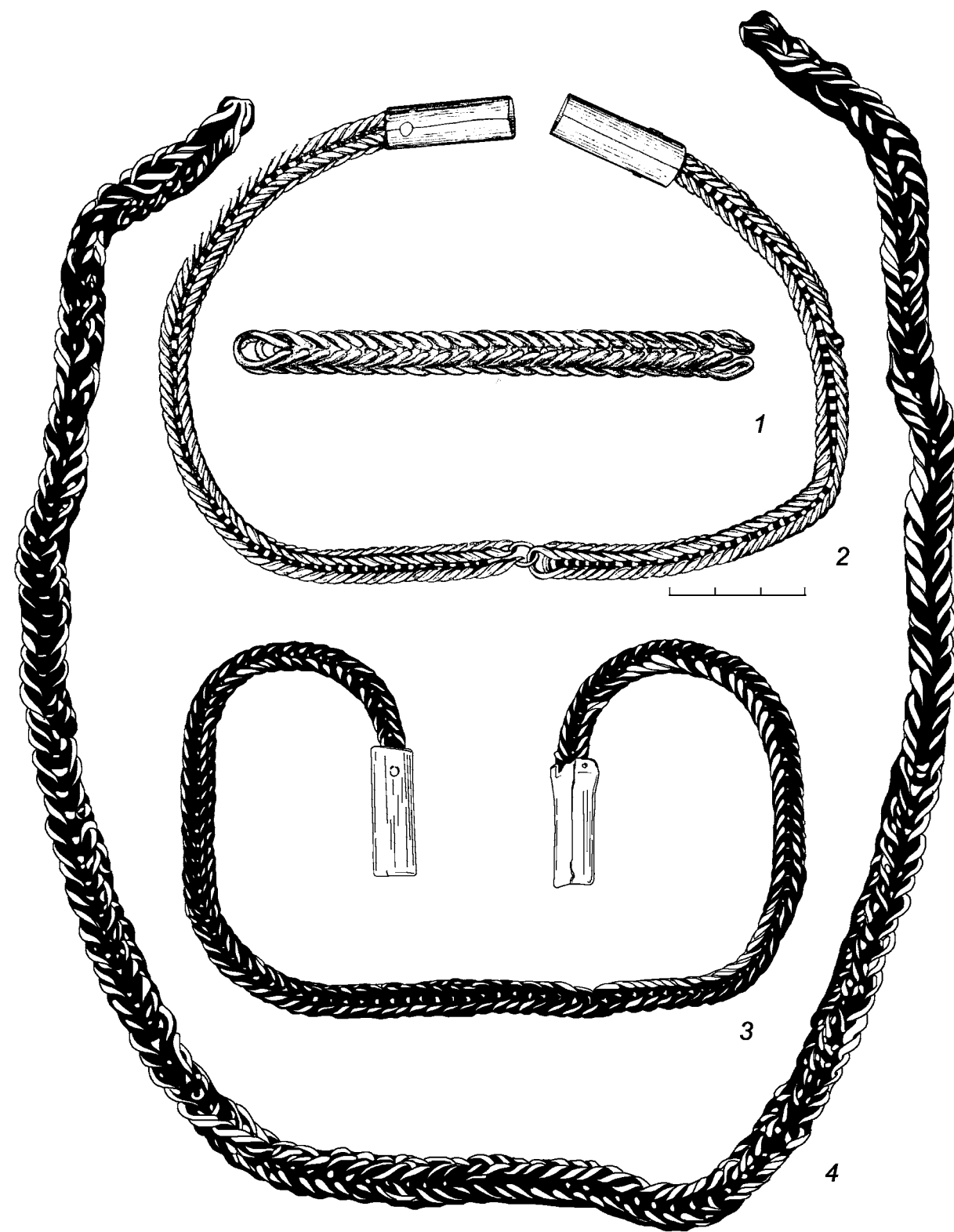

Рис. 10. Плетеные цепи из Приуралья. 1 – Ташкентский клад; 2 – Георгиевский клад; 3 – Подчеремский клад; 4 – Новиковский могильник. 1-3 – серебро; 4 – золото

Рис. 1. Бартымское I селище. Типология бус

Рис. 2. Бартымское I селище. Типология бус

Рис. 3. Бартымский I могильник. Типология бус

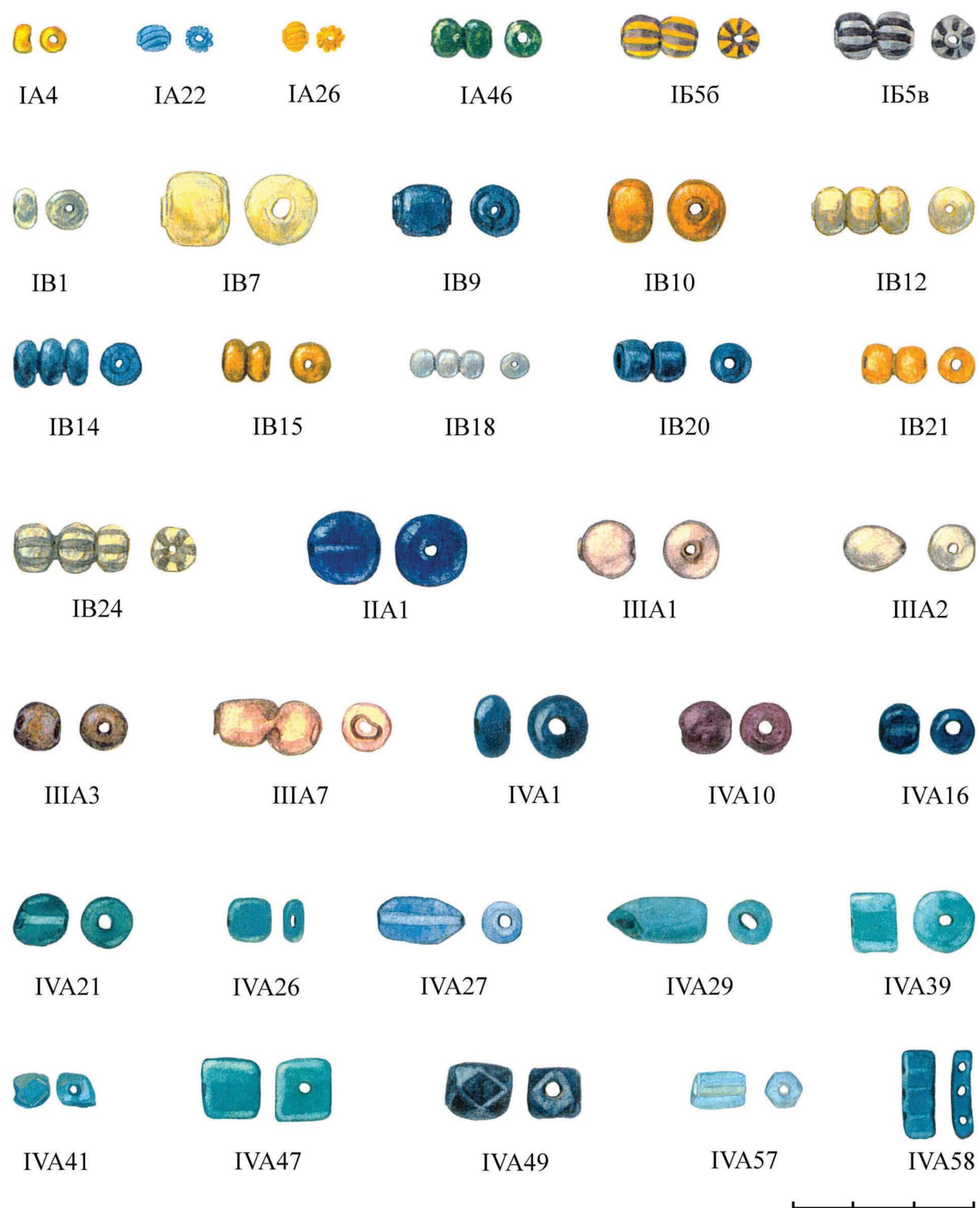

Рис. 1. Могильник Сухой Лог. Бусы

Рис. 2. Могильник Сухой Лог. Бусы

Рис. 3. Городище Лобач. Бусы

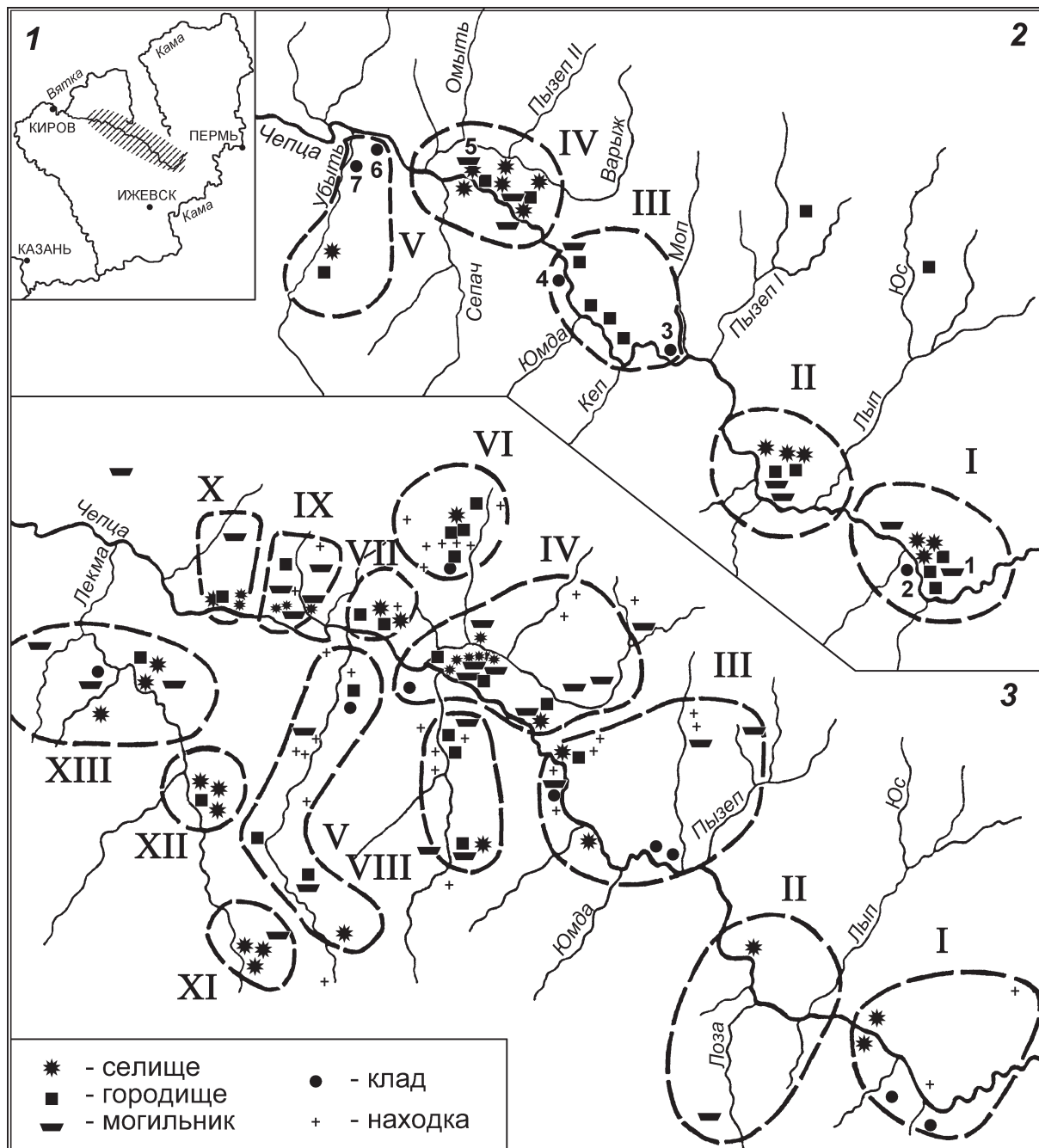

Рис. 1. Карта средневековых памятников бассейна р.Чепцы. 1 – местоположение полумско-чепецкой культуры; 2 – памятники полумской культуры, существовавшие в конце IV – IX вв.: I – Варнинская группа; II – Гыркешурская; III – Балезинская; IV – Весьякарская; V – Убытская; 3 – памятники чепецкой культуры, существовавшие в X–XIII вв.: VI – Дондинская; VII – Утемкарская; VIII – Сепычская; IX – Люмская; X – Кушманская; XI – Верхнелекминская; XII – Среднелекминская; XIII – Нижнелекминская группа. 1 – Варнинский могильник; 2 – Лесогуртский клад; 3 – Седьярский клад; 4 – Ягошурский клад; 5 – могильник Мыдланьшай; 6 – Глазовский клад; 7 – Чуринский клад

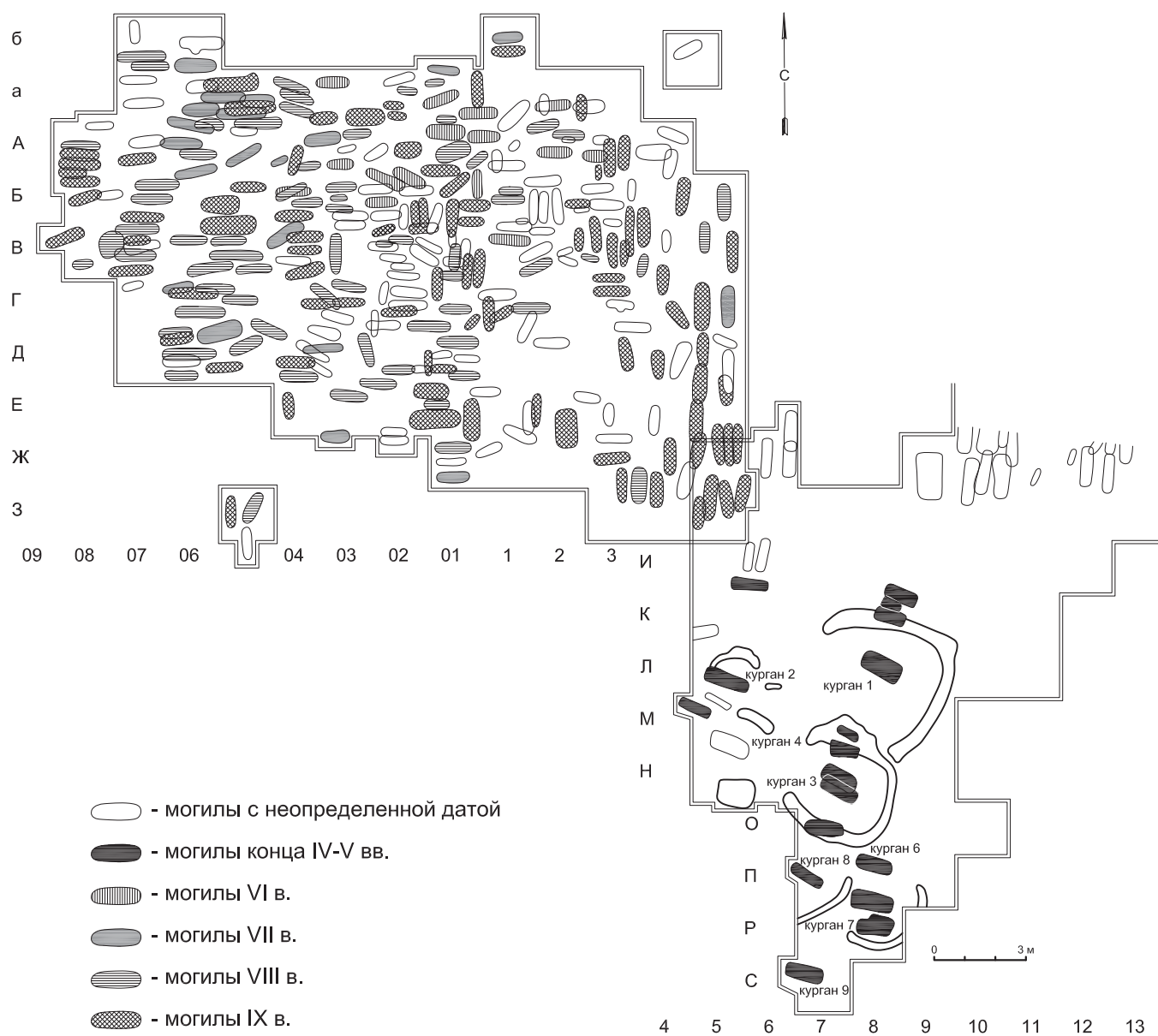

Рис. 2. Варнинский могильник. Размещение могил в соответствии с хронологическими группами (северо-западная часть раскопа по В.А.Семенову, 1980, рис.2; юго-восточная – по А.Г.Иванову, 1999, рис.2)

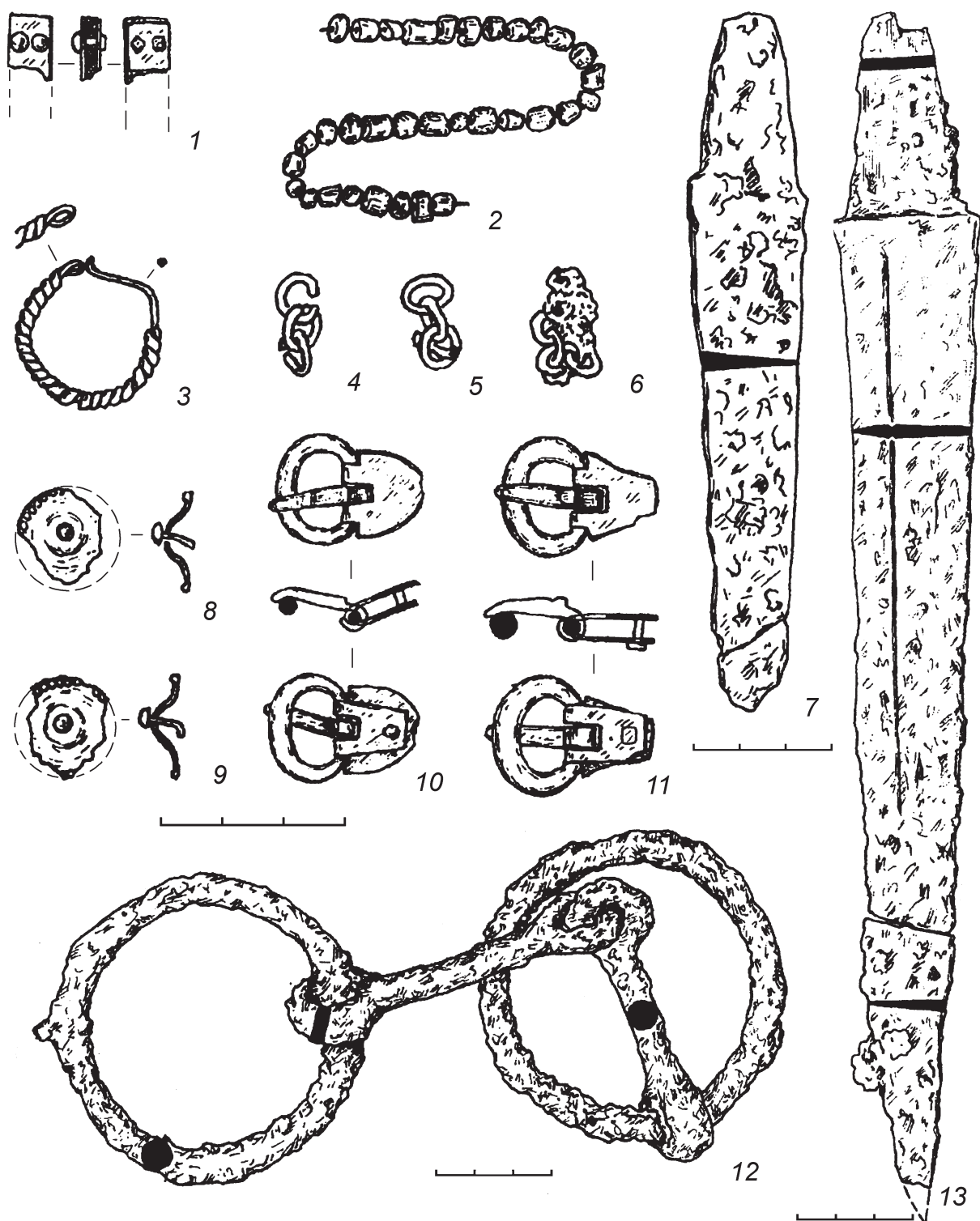

Рис. 3. Вещи варнишурской стадии полумской культуры (конец IV – V в.)
(по А.Г.Иванову, 1999, рис.3, 6, 7).

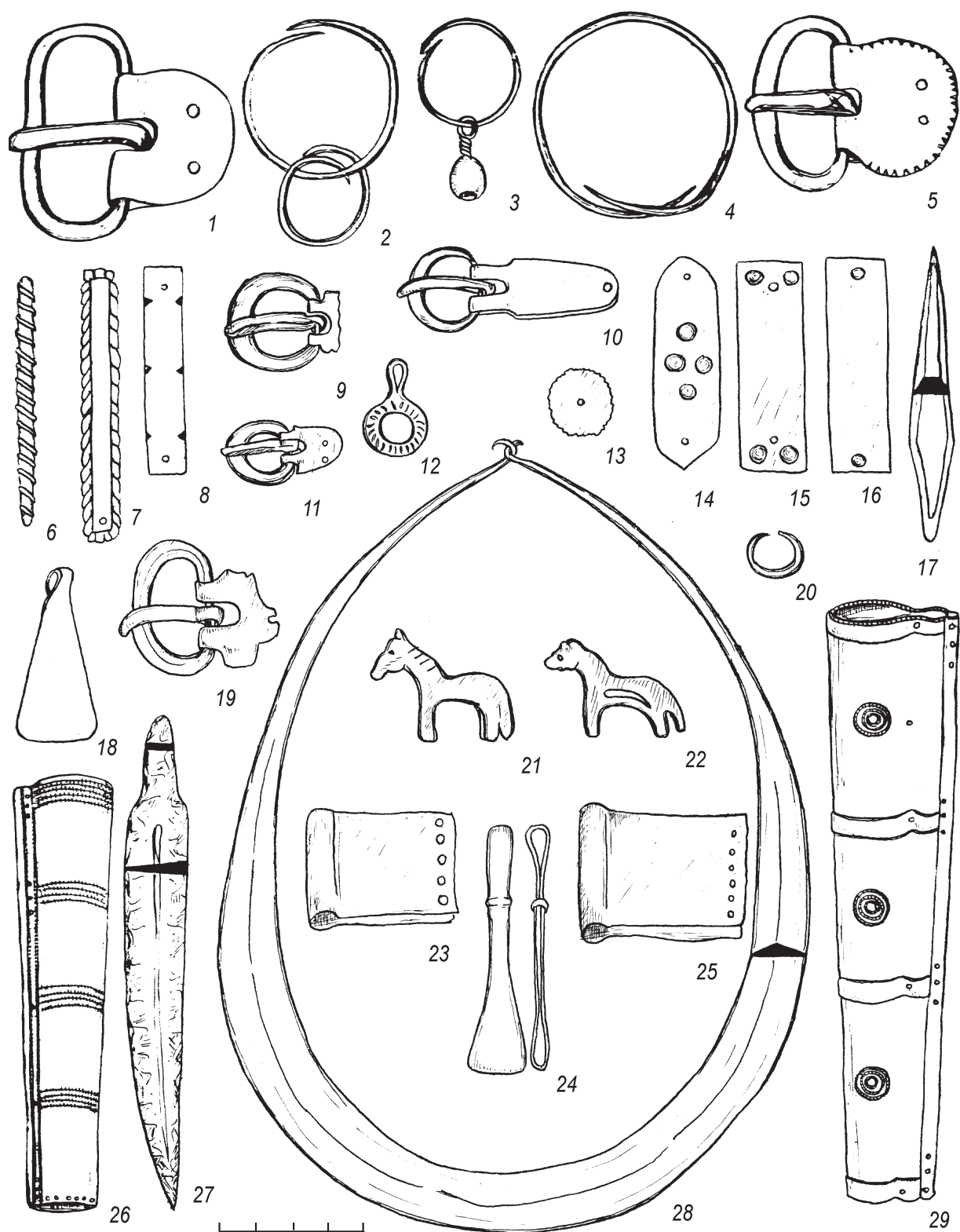

Рис. 4. Вещи гыркесхурской стадии полумской культуры (VI в.).

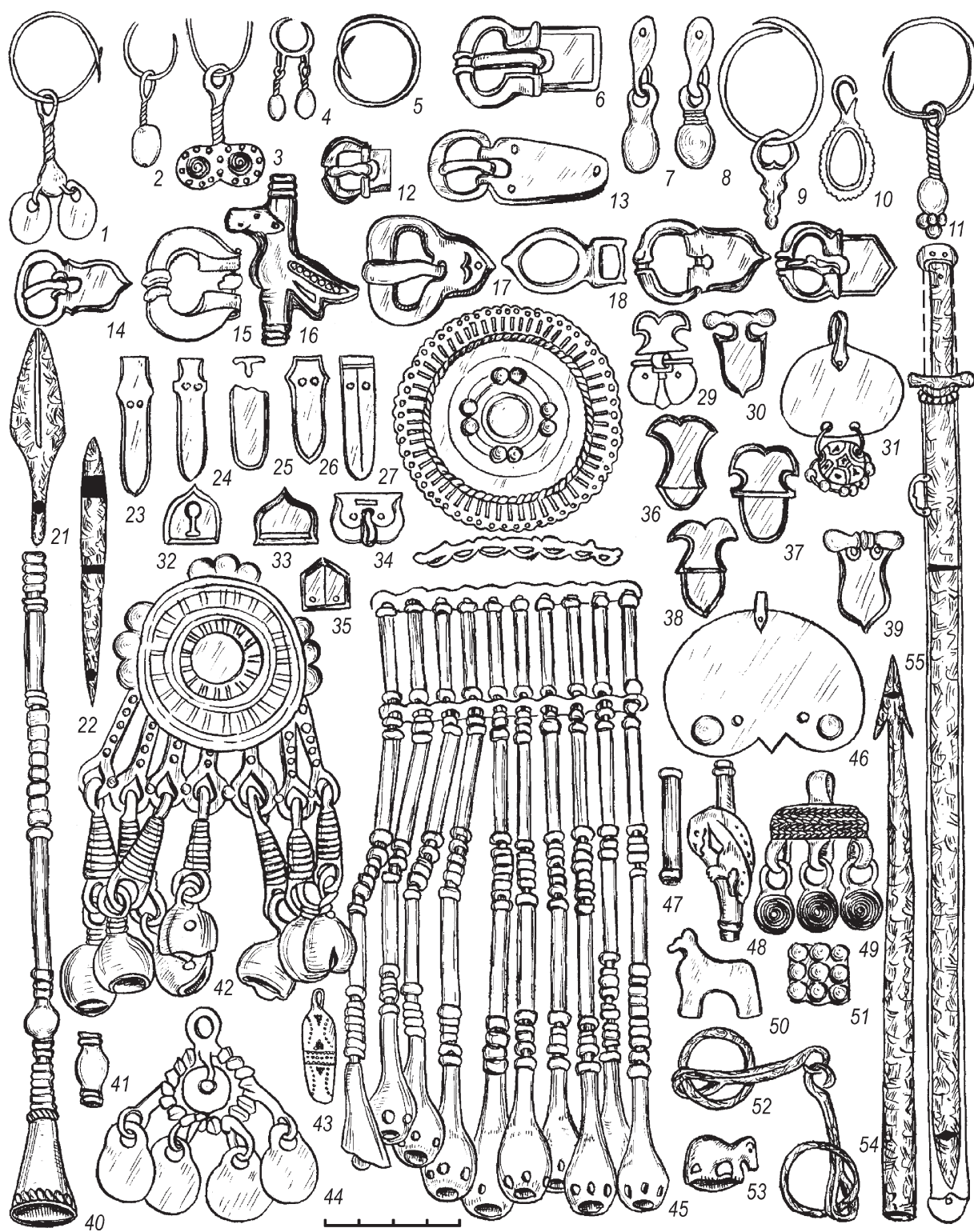

Рис. 5. Вещи варнинской стадии полемской культуры (VII в.).

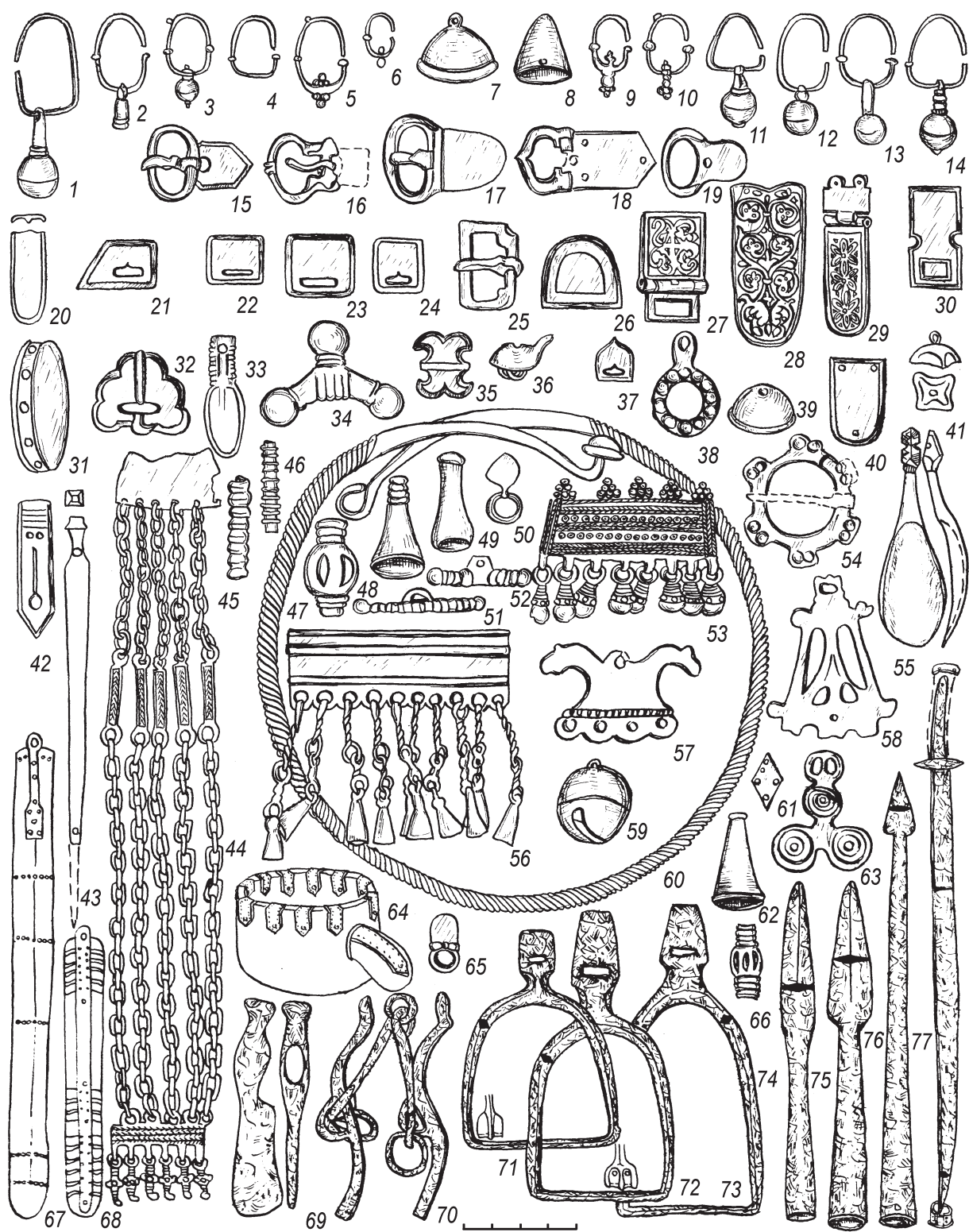

Рис. 6. Вещи весьякарской стадии полумской культуры (VIII в.).

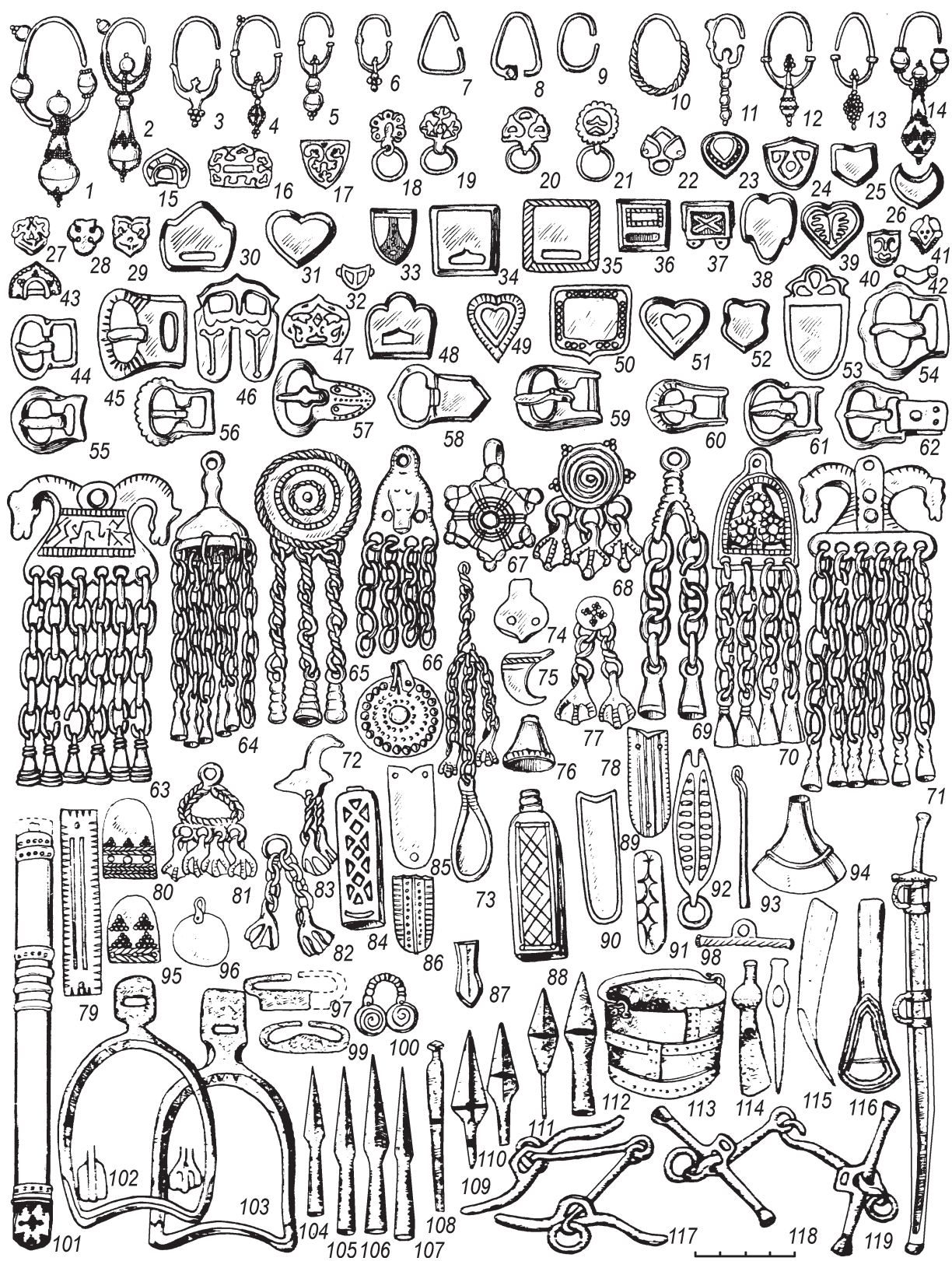

Рис. 7. Вещи мыдланьшайской стадии полумской культуры
(последняя четверть VIII – IX в.).

Дата	Верхнее Прикамье		Сылвенско-Иренское поречье	Бассейн р.Чепцы
	Ломоватовская		Неволинская	Поломская
	к у л ь т у р ы			
с т а д и и				
конец IV-Vвв.	харинская	бурковская	бродовская	гыркесшурская
VIв. без последней четверти		митинская	верх-саинская	
конец VI-VIIвв.	агафоновская		бартымская	варнинская
конец VII-VIIIвв.	деменковская		неволинская	весьякарская
конец VIII-IXвв.	урьинская		сухоложская	мыдланьшайская

Рис. 8. Схема соотношения хронологических стадий средневековых культур Прикамья.

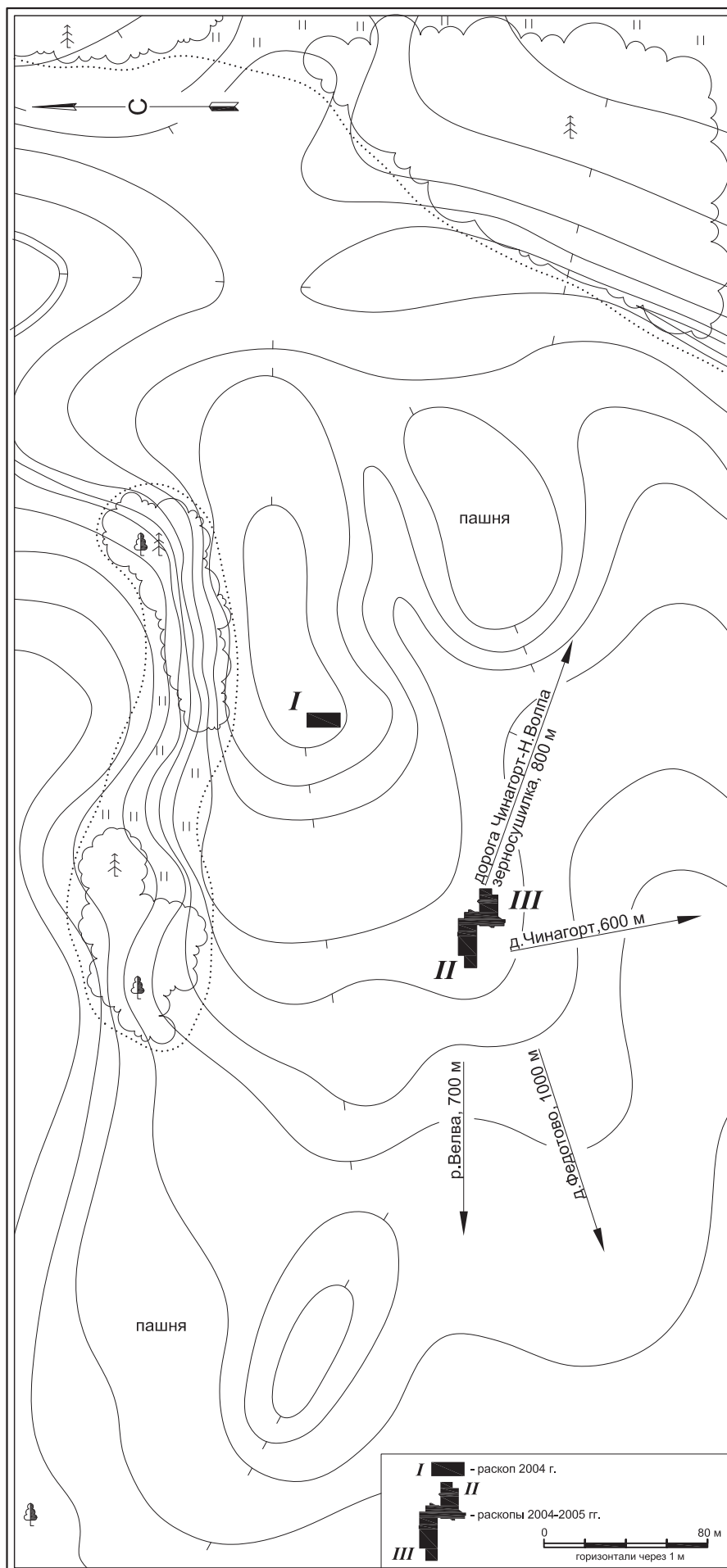

Рис. 1. Важгортский II (Чинагортский) могильник. Топографический план

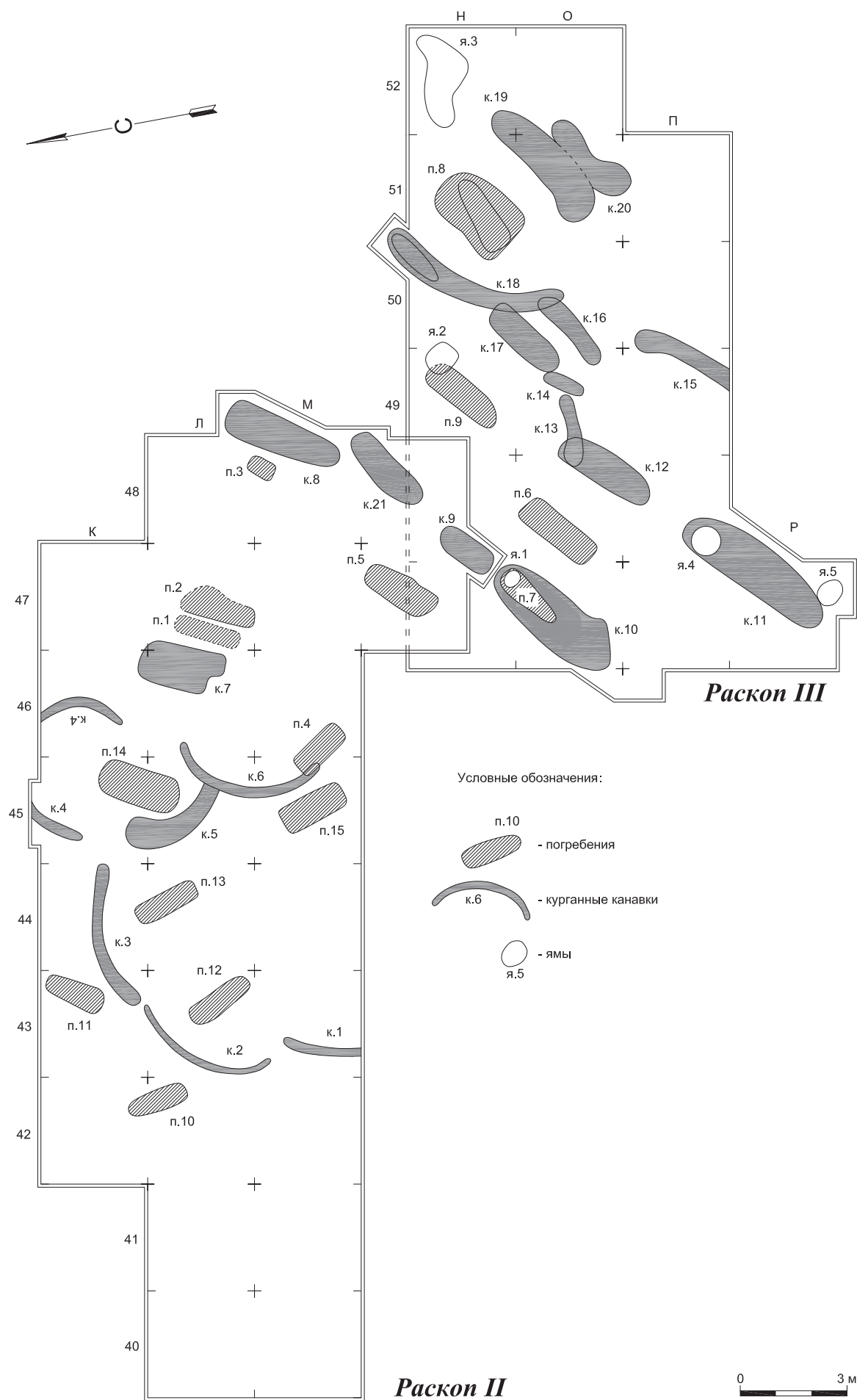

Рис. 2. Важгортский II (Чинагортский) могильник. План раскопов II (2004 г.), III (2005 г.)

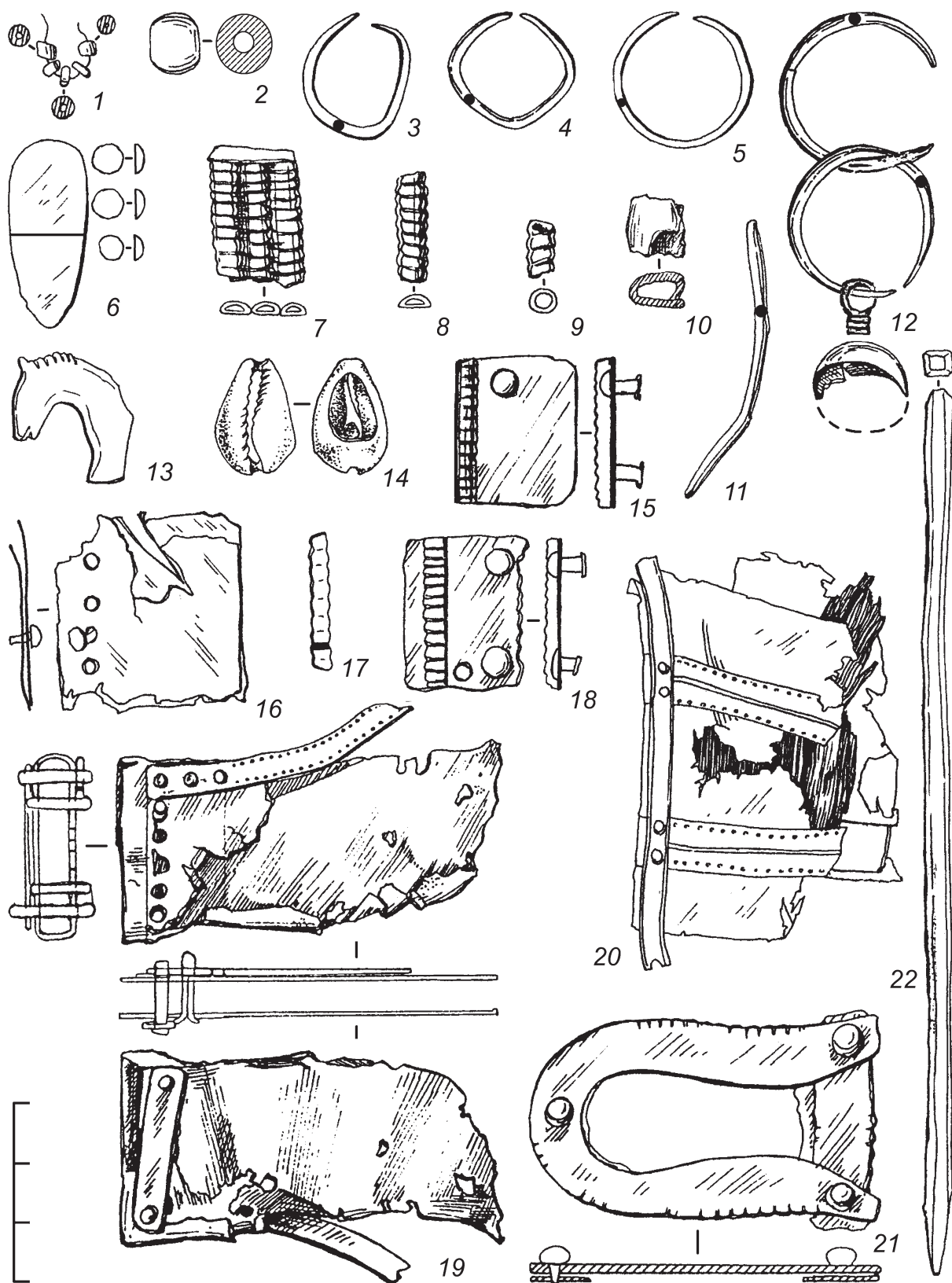

Рис. 3. Важгортский II (Чинагортский) могильник. Вещевой материал: 1 – бисер; 2 – бусина; 3-6, 12 – височные кольца и подвеска; 7-10 – фрагменты пронизей; 11 – фрагмент вещи; 13 – фрагмент подвески-конька; 14 – раковина каури; 15-19, 21 – обувные и поясные наконечники и их фрагменты; 20 – фрагмент ножен ножа; 22 – дрот. 1, 2 – стекло; 3-13, 15-19, 21, 22 – бронза; 14 – раковина; 20 – бронза, дерево

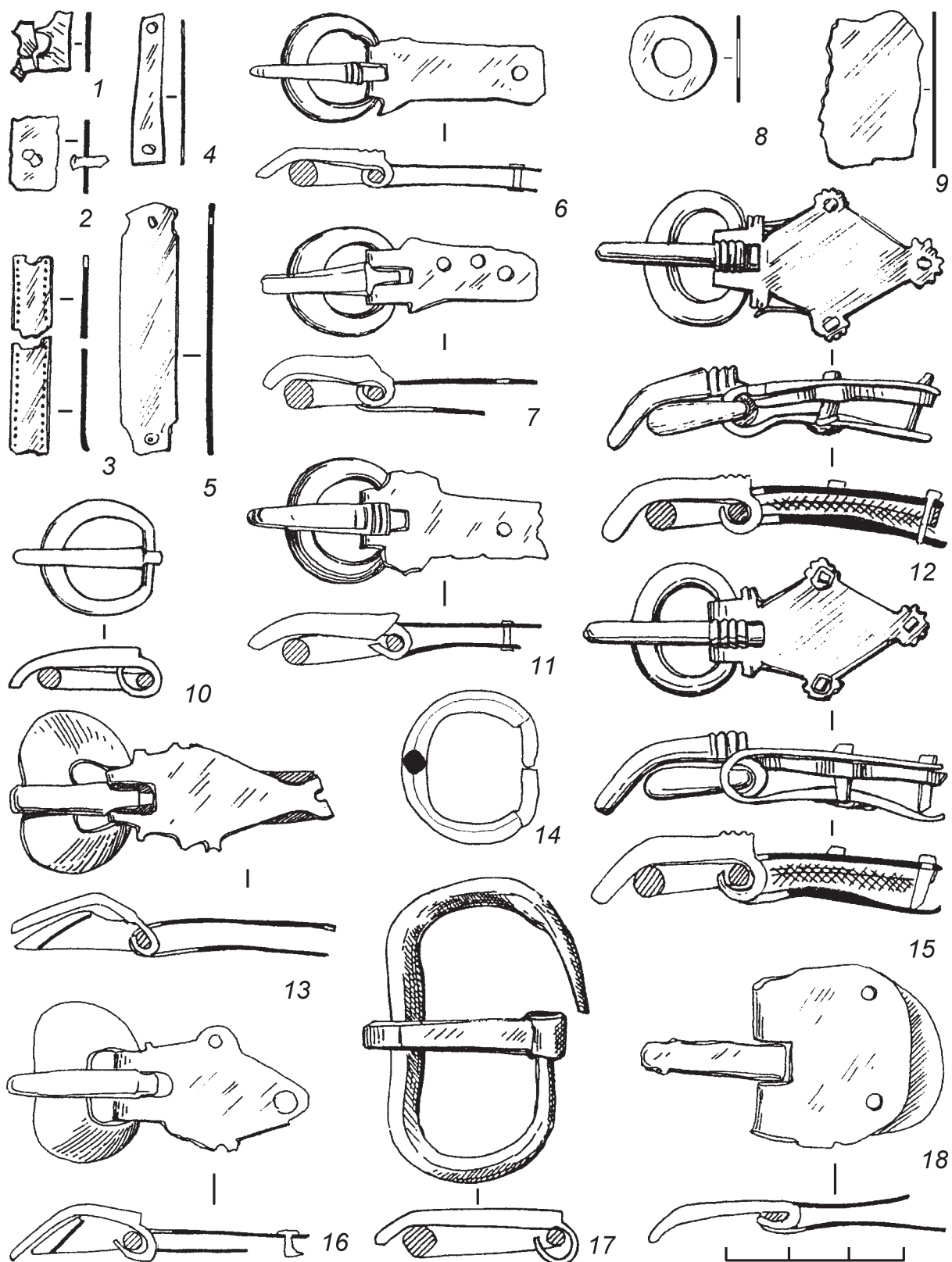

Рис. 4. Важгортский II (Чинагортский) могильник. Вещевой материал: 1-5, 8, 9 – накладки и их фрагменты; 6, 7, 10-18 – пряжки. 1-11, 13, 14, 16, 17 – бронза; 12, 15 – бронза, кожа; 18 – железо, бронза

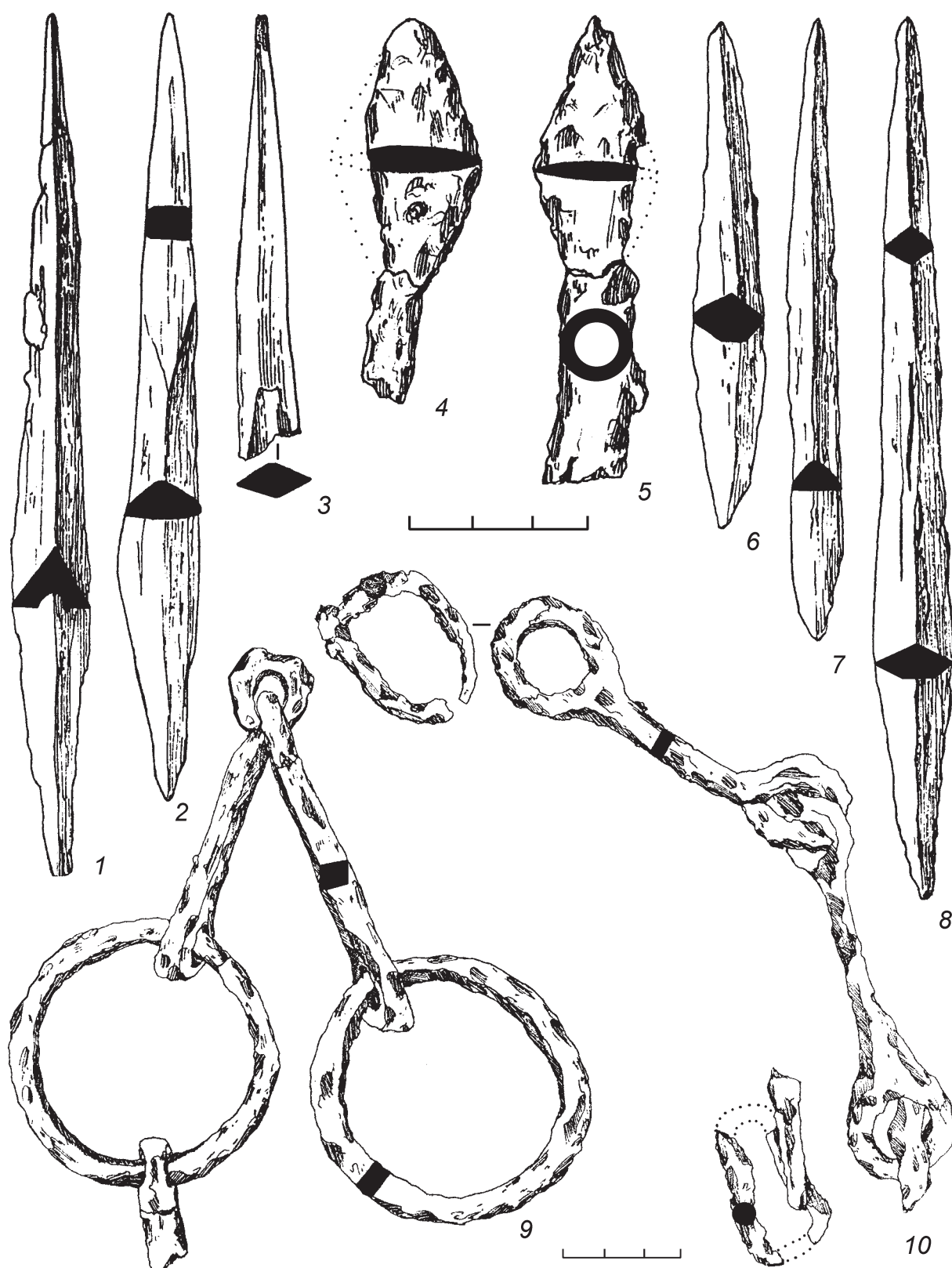

Рис. 5. Важгортский II (Чинагортский) могильник. Вещевой материал: 1-8 – наконечники стрел; 9, 10 – удила. 1-3, 6-8 – кость; 4, 5, 9, 10 – железо

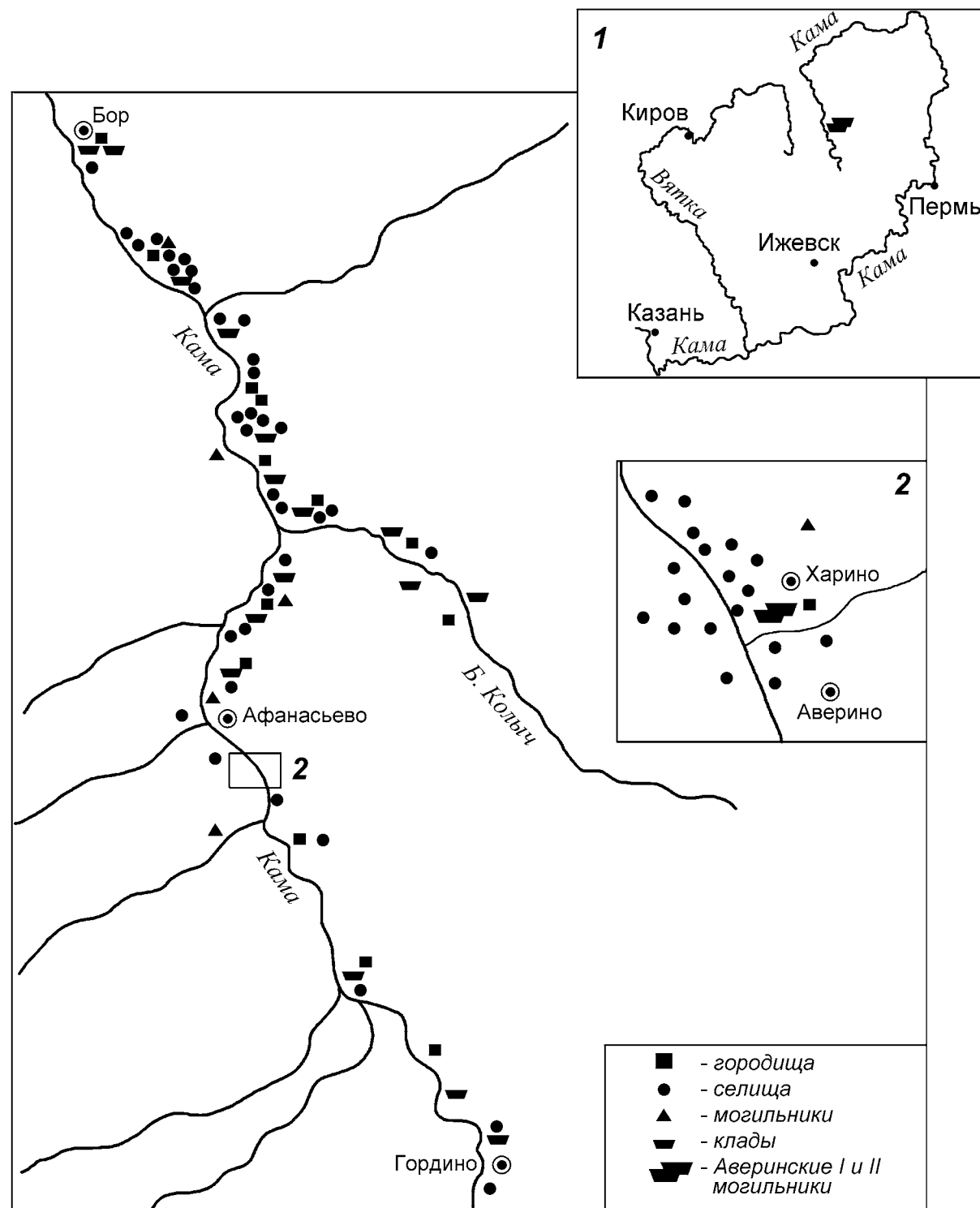

Рис. 1. Схема размещения средневековых памятников верховьев Камы. 1 – схема размещения Аверинских I и II могильников; 2 – размещение памятников в районе д.Харино и Авериино

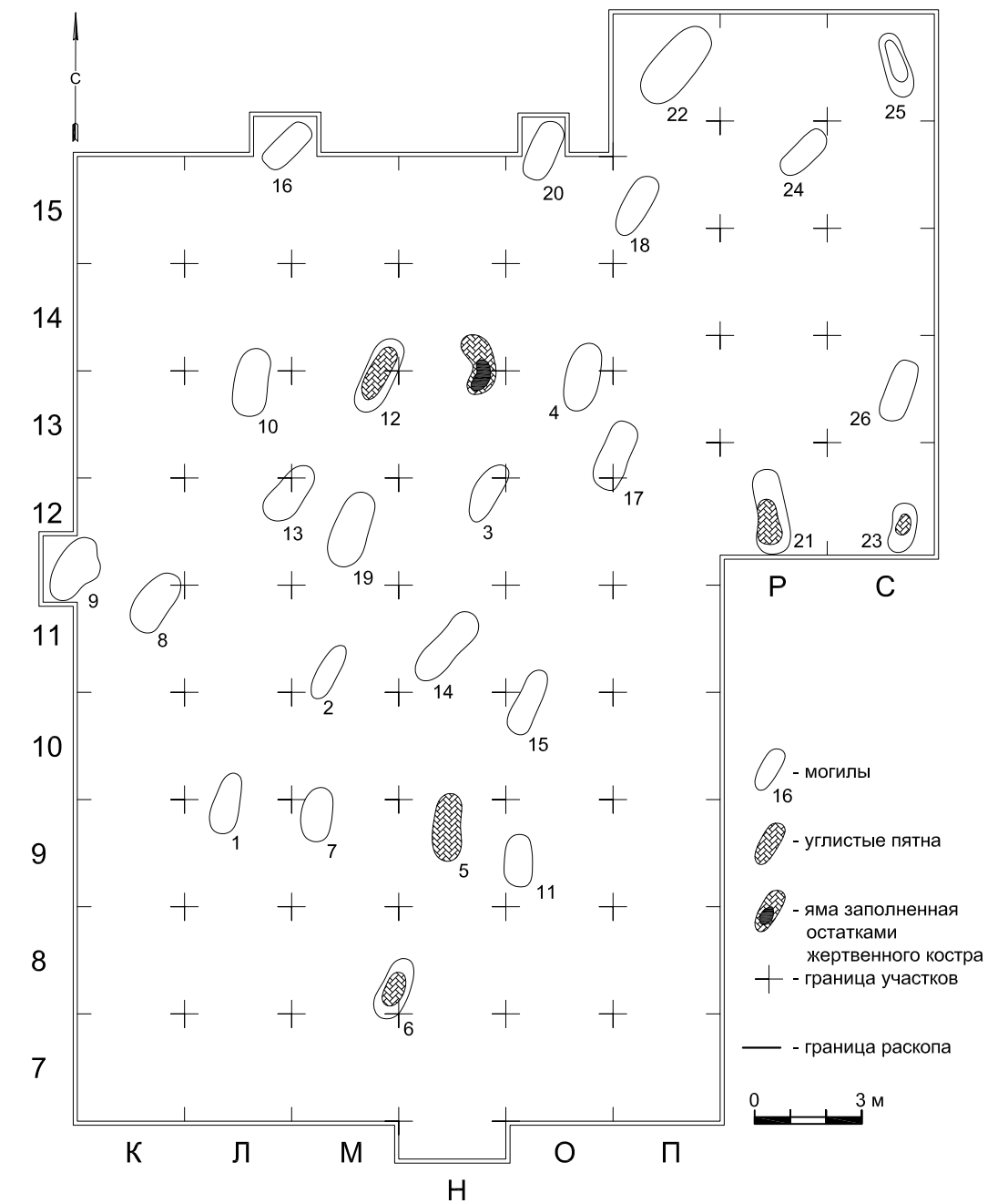

Рис. 2. Аверинский I могильник. План раскопа

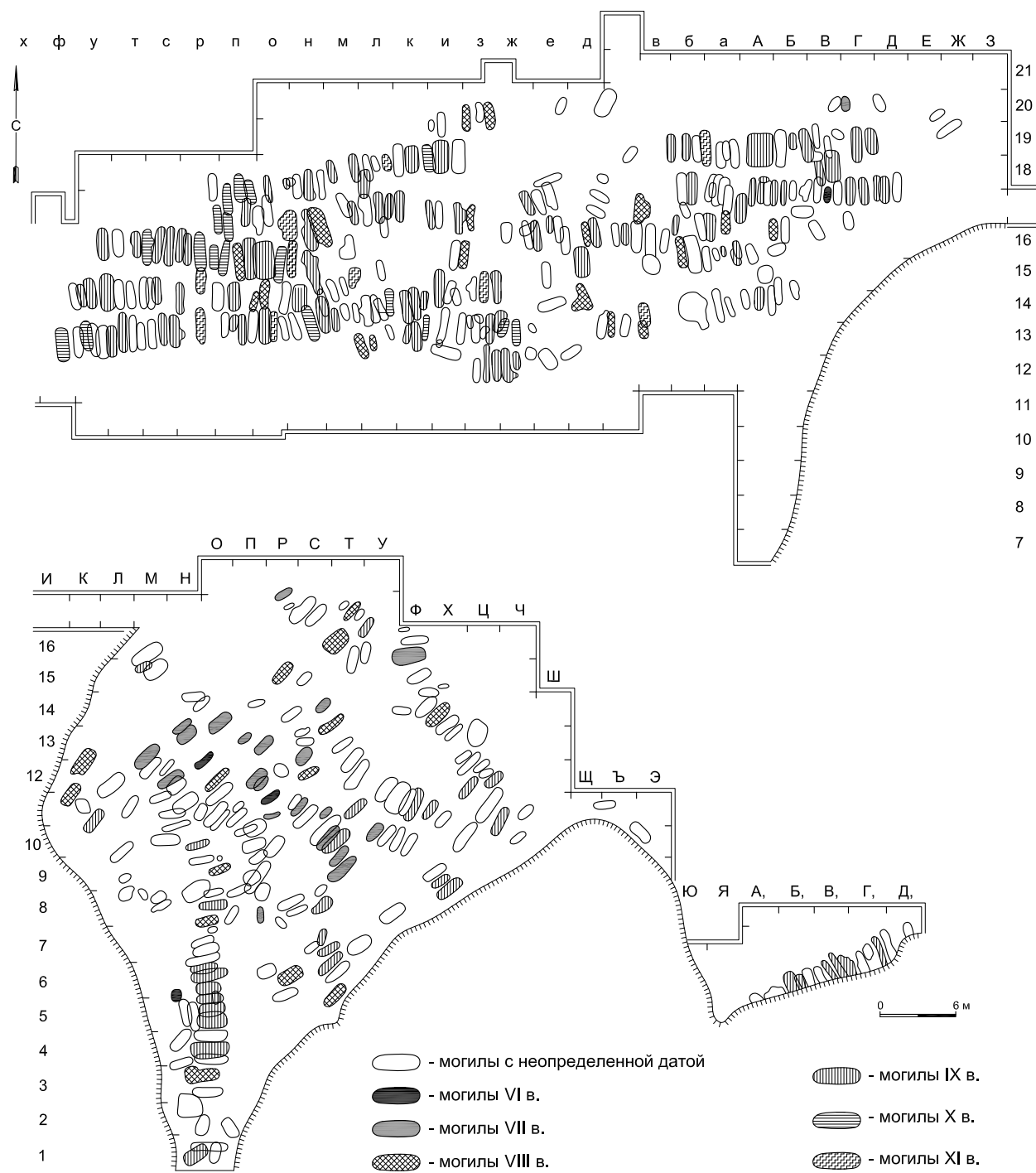

Рис. 3. Аверинский II могильник. Распределение могил по хронологическим группам

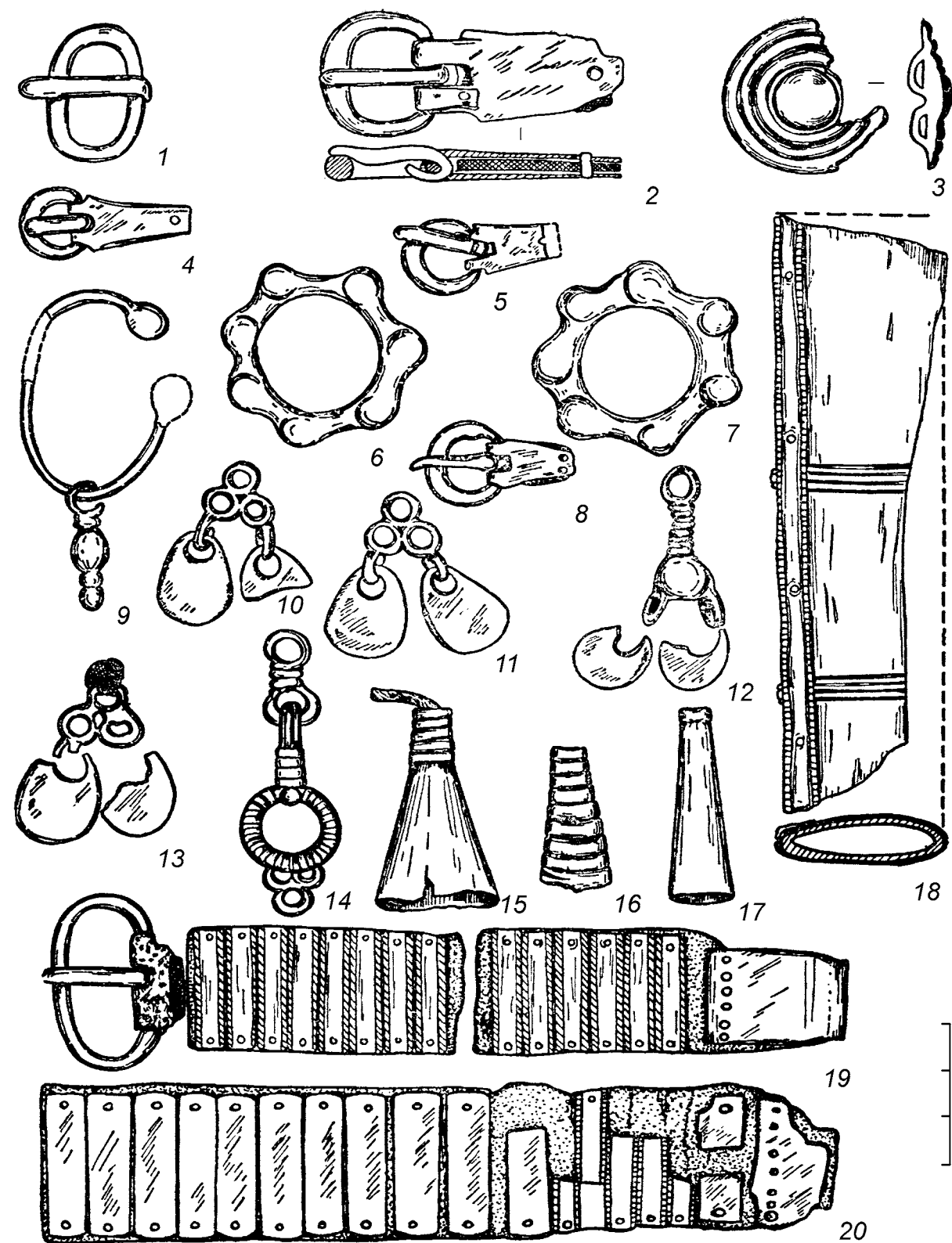

Табл. 1. Верхокамские древности VI в.

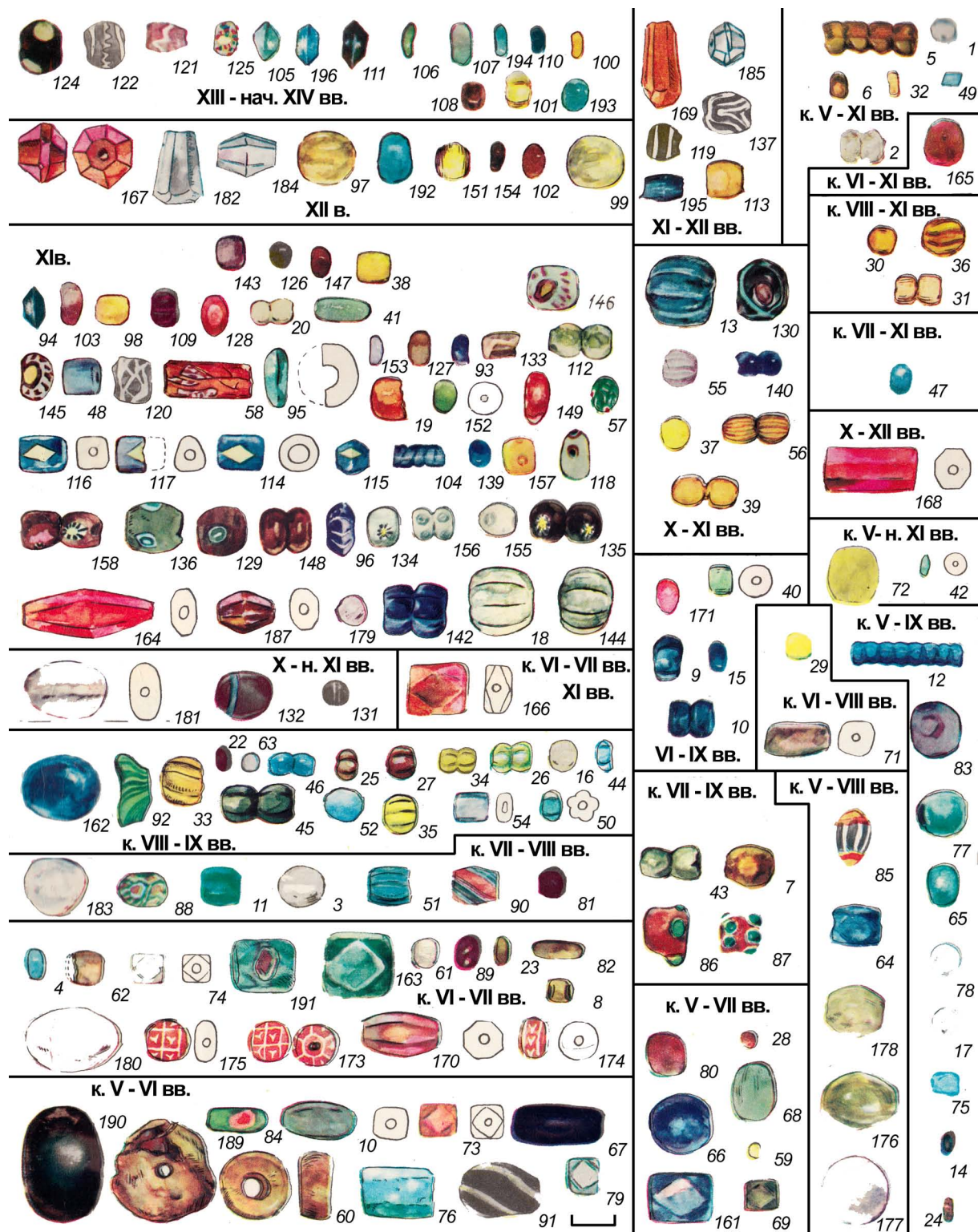

Табл. 2. Бусы

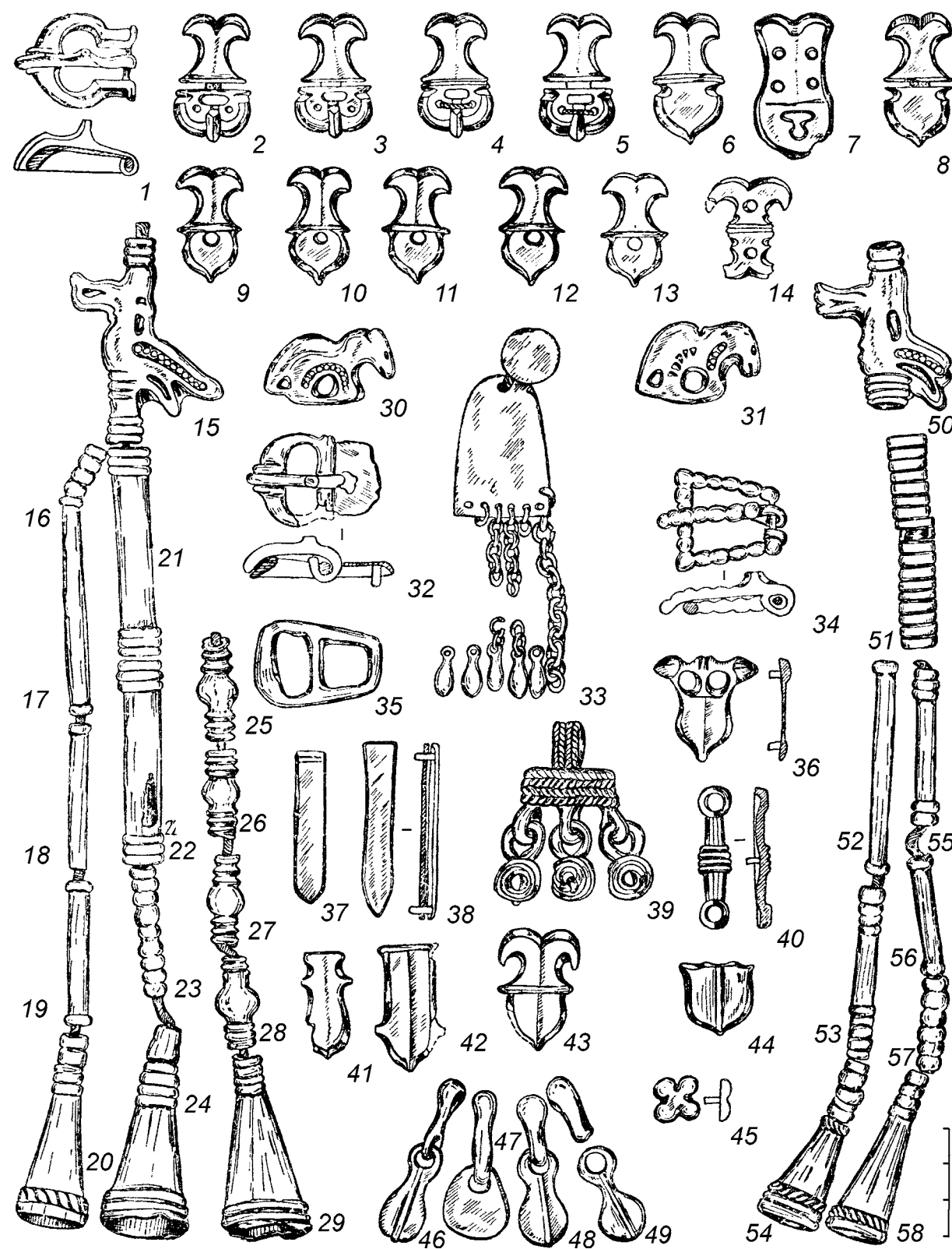

Табл. 3. Верхокамские древности VII в.

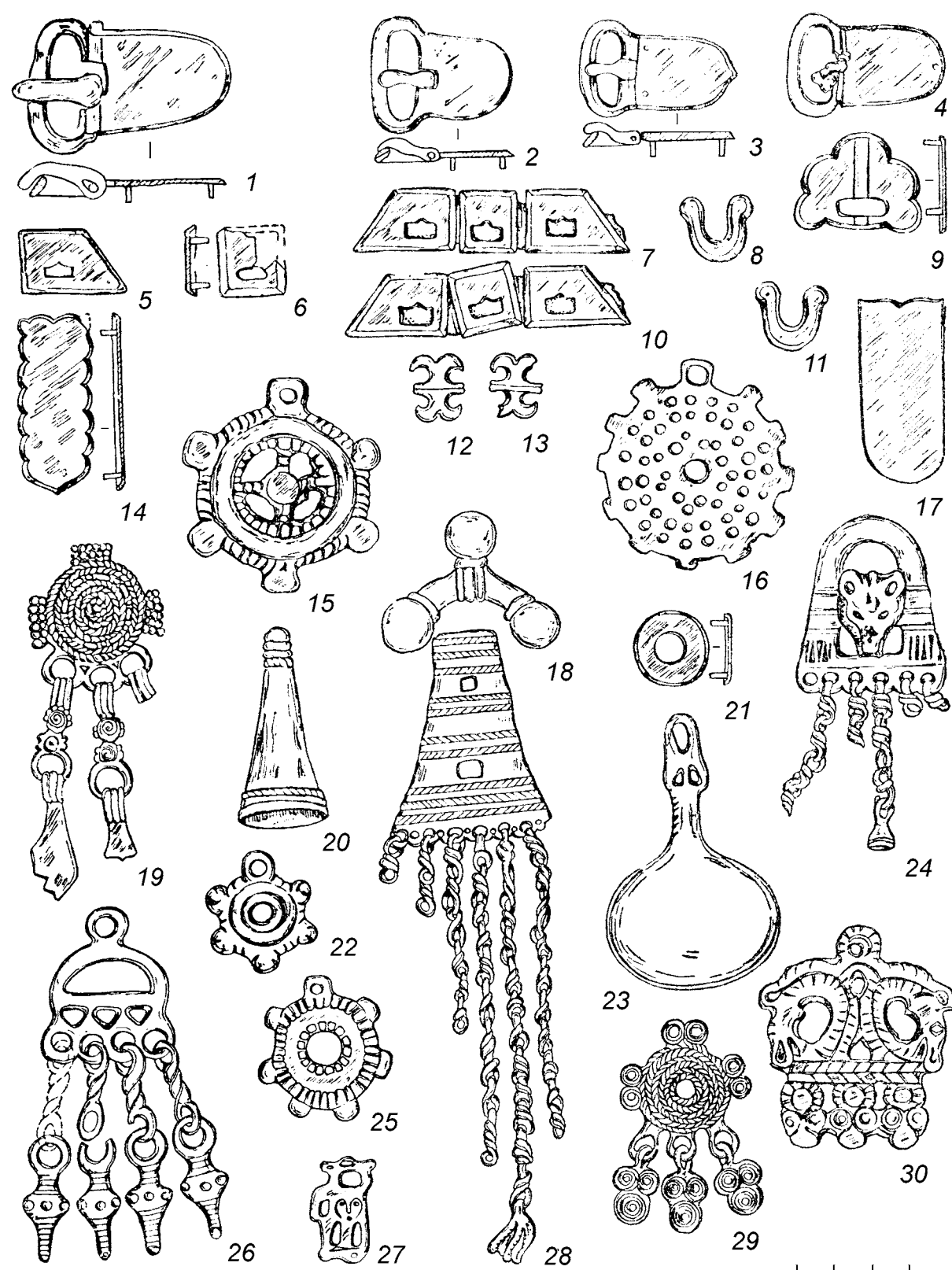

Табл. 4. Верхокамские древности VIII в.

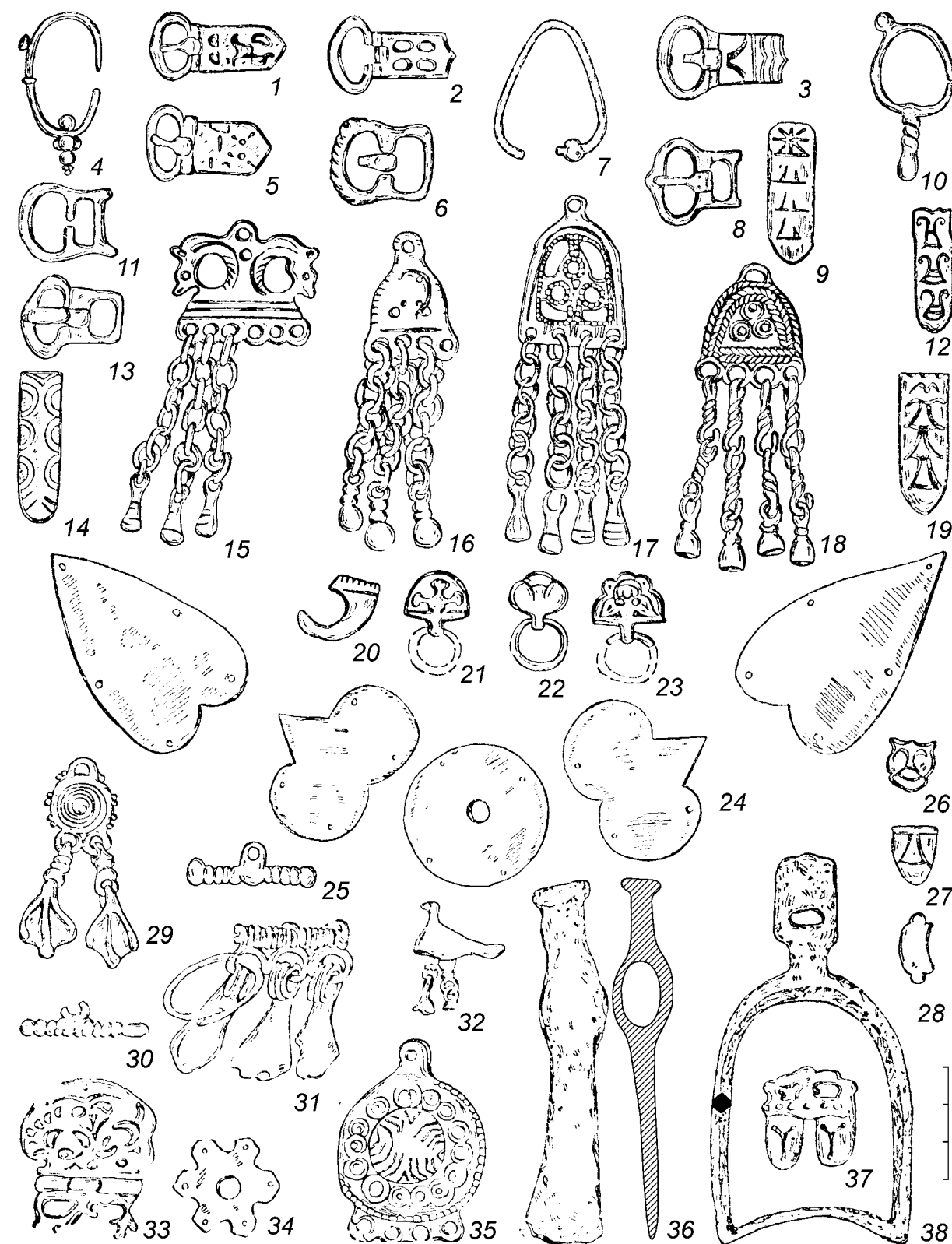

Табл. 5. Верхокамские древности IX в.

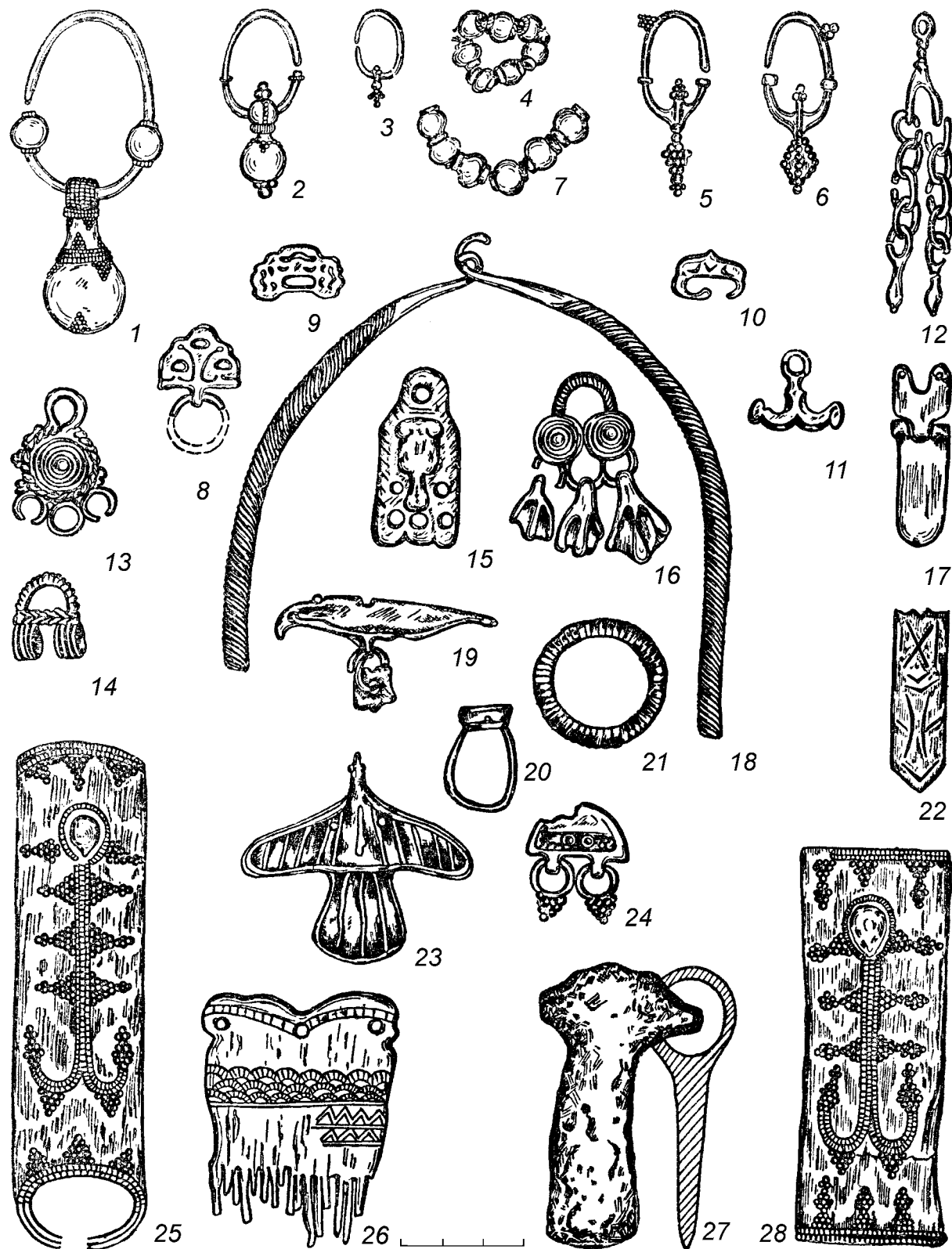

Табл. 6. Верхокамские древности X в.

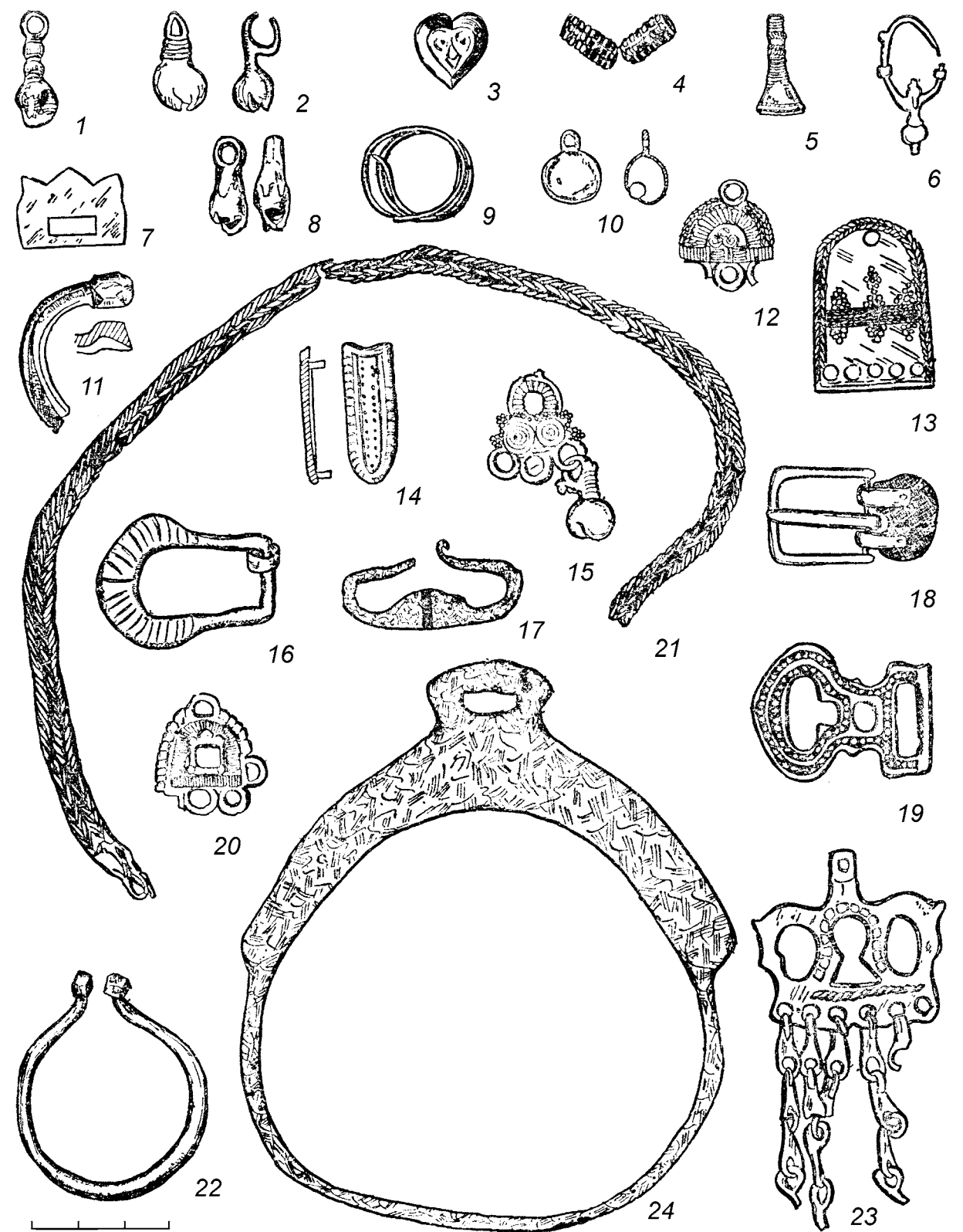

Табл. 7. Верхокамские древности XI-XII вв.

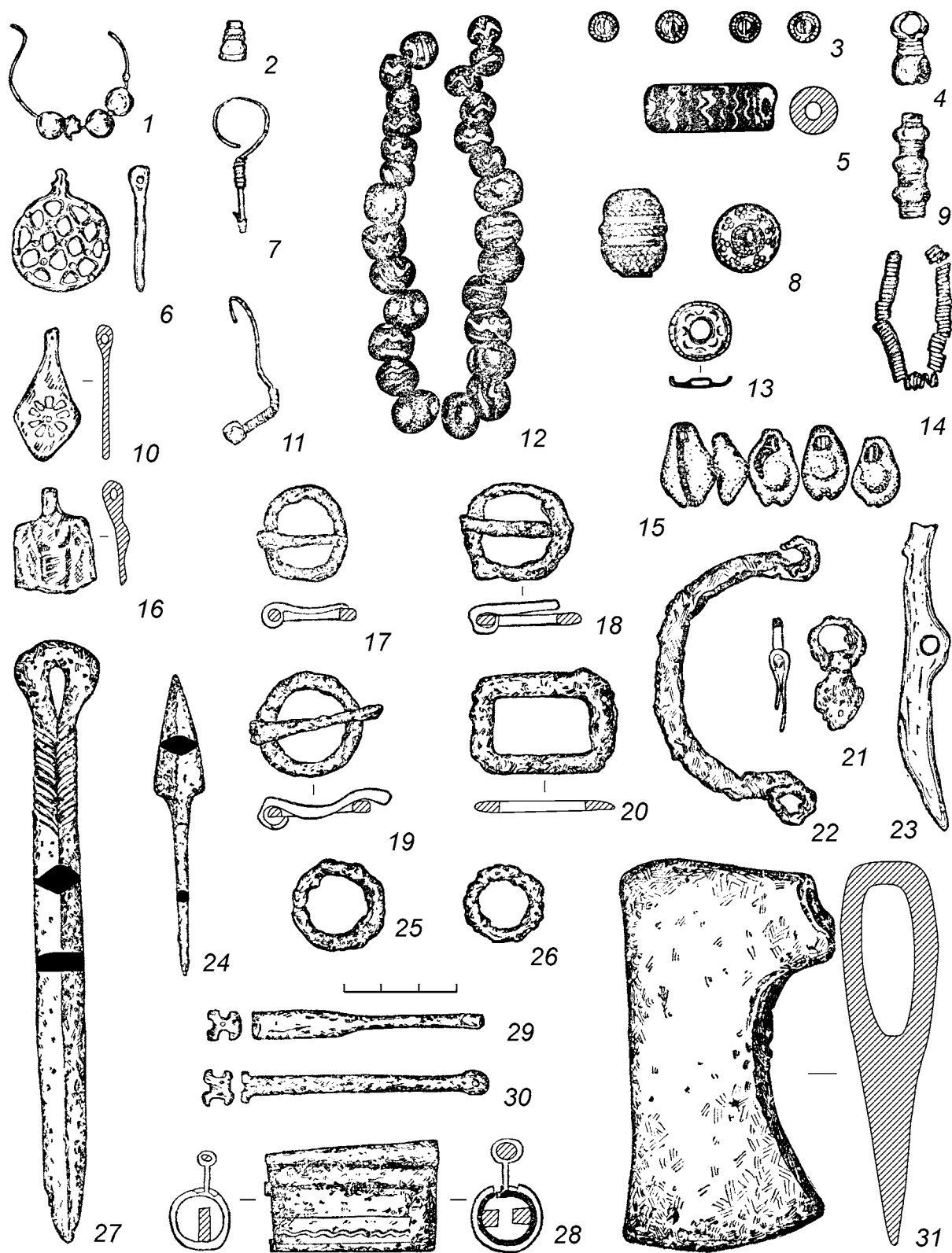
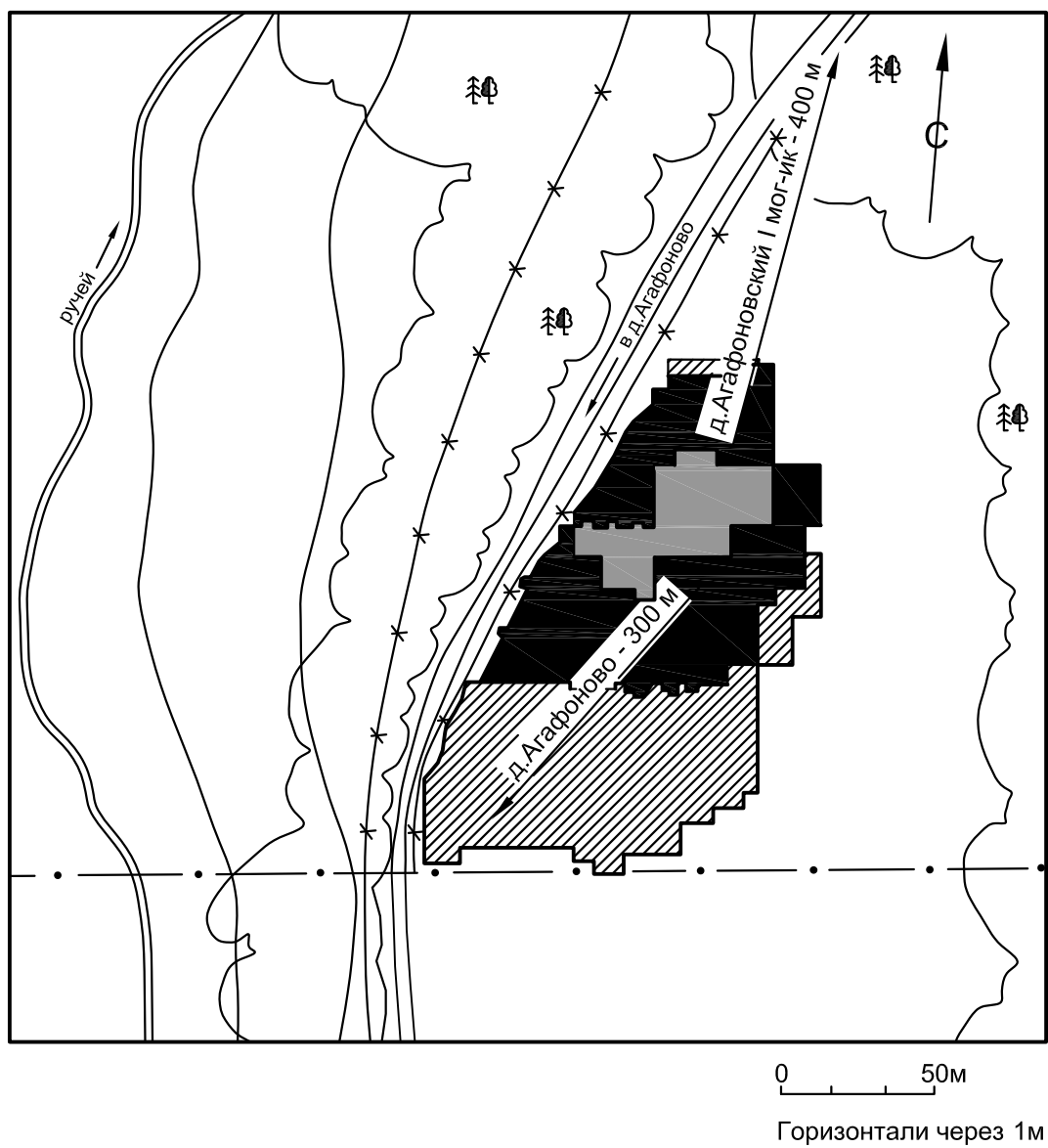

Табл. 8. Верхокамские древности XIII–XIV вв.

Условные обозначения:

-раскоп 1971 г.
  -раскоп 1973 г.
  -раскоп 1974 г.

Рис. 1. Агафоновский II могильник. Топографический план

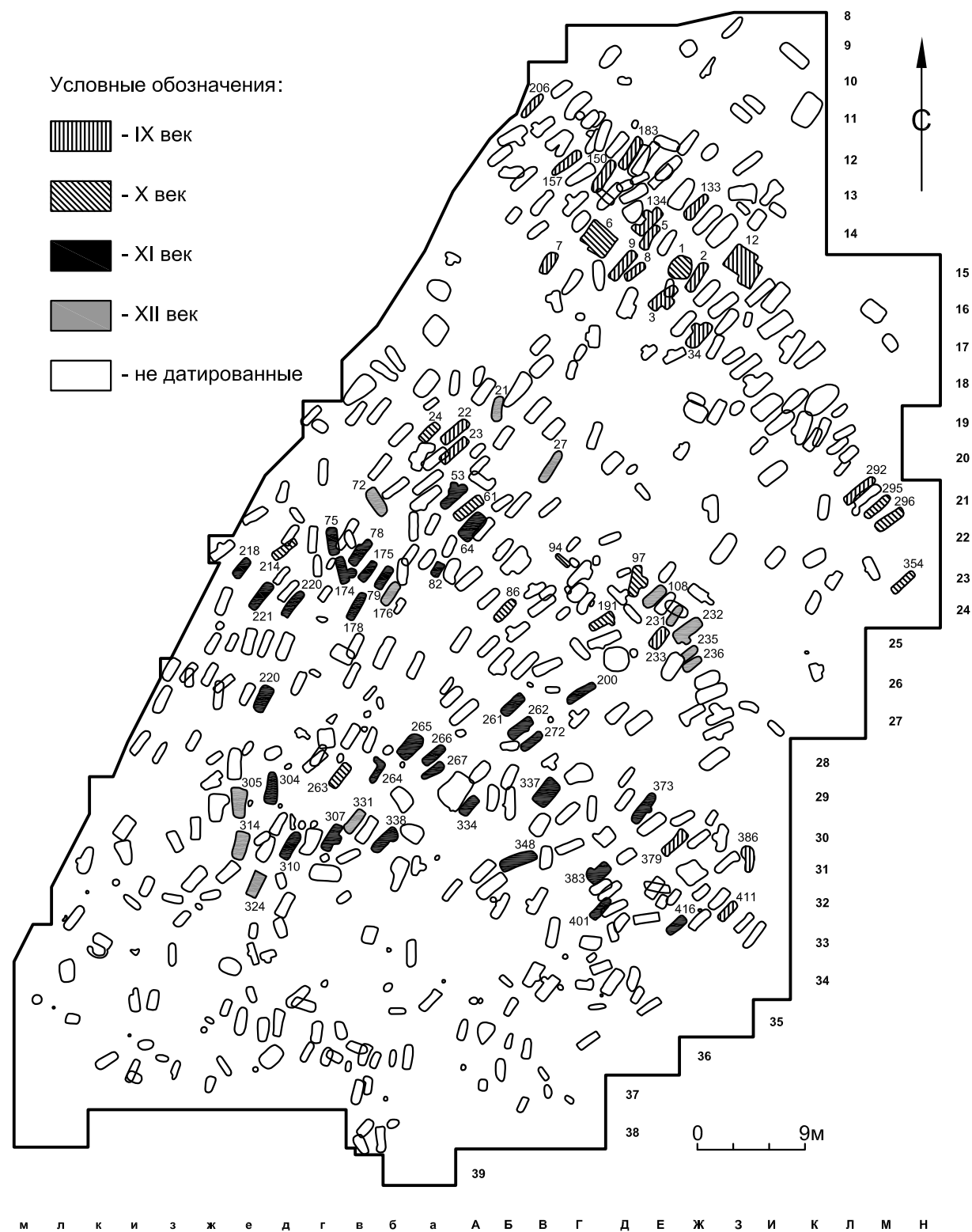

Рис. 2. Агафоновский II могильник. Общий план раскопа

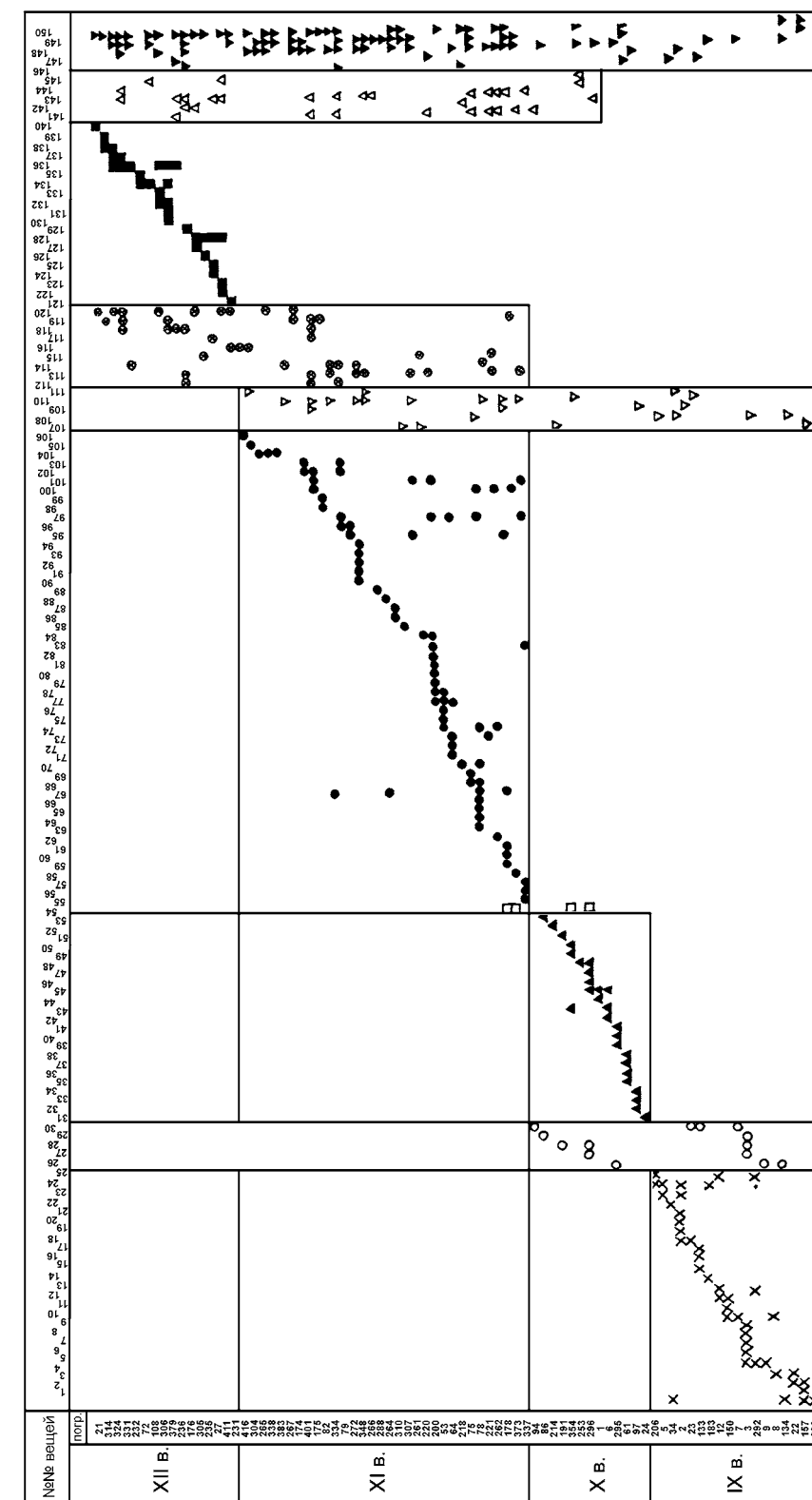

Рис. 3. Агафоновский II могильник. Изменение состава погребального инвентаря

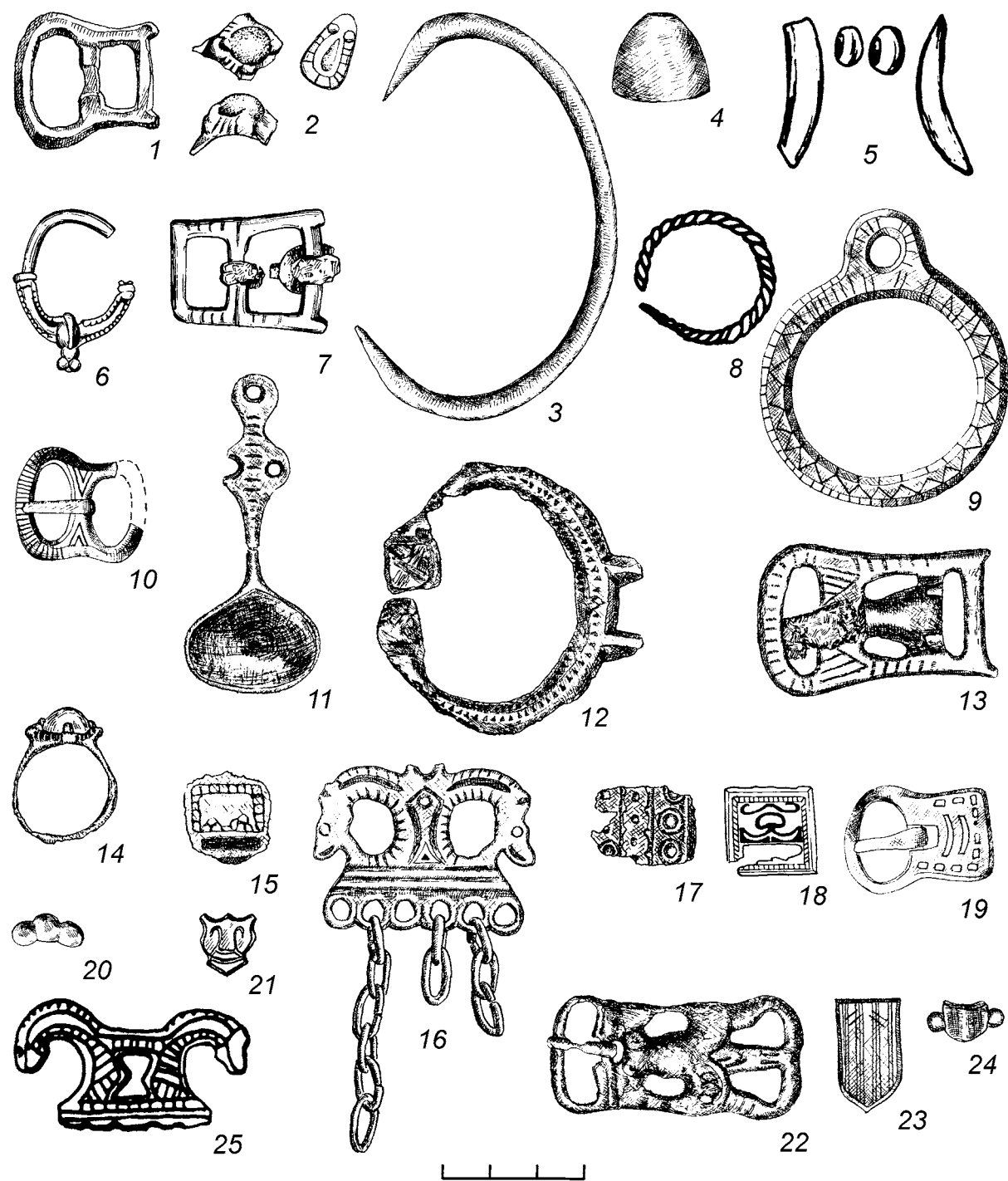

Рис. 4. Агафоновский II могильник. Бронзовые украшения костюма. Вещевой комплекс IX века

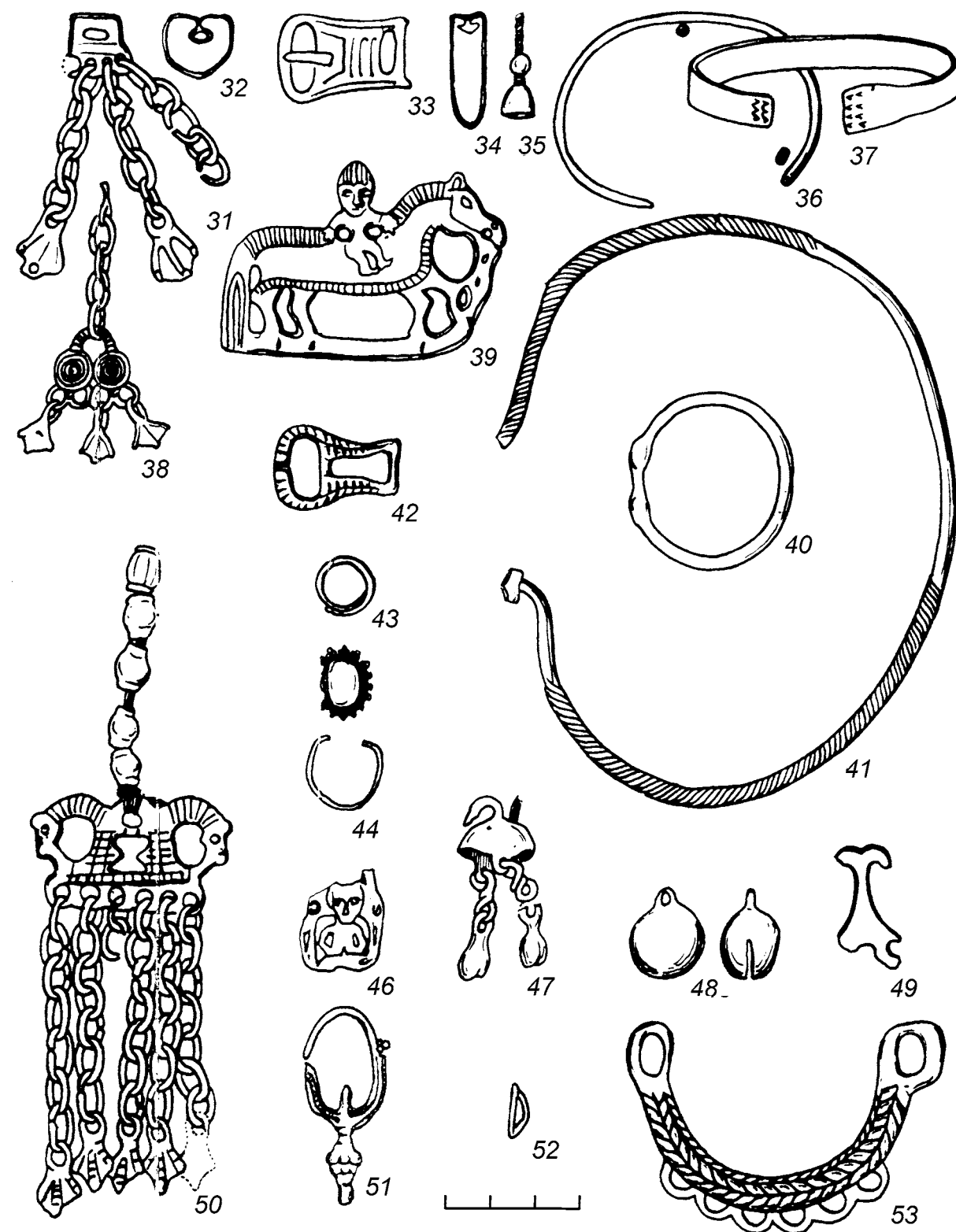

Рис. 5. Агафоновский II могильник. Бронзовые украшения костюма. Вещевой комплекс X века

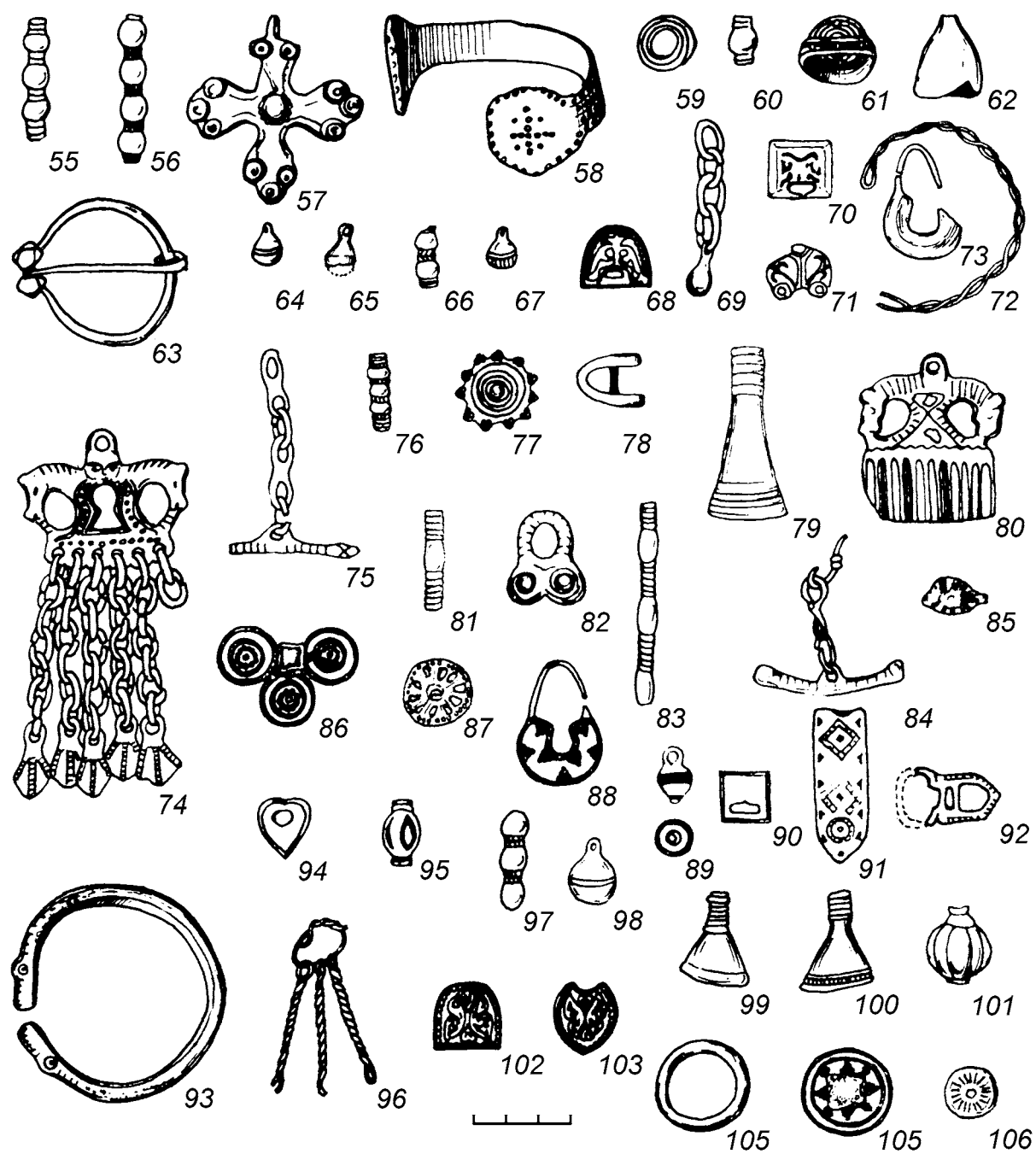

Рис. 6. Агафоновский II могильник. Бронзовые украшения костюма. Вещевой комплекс XI века

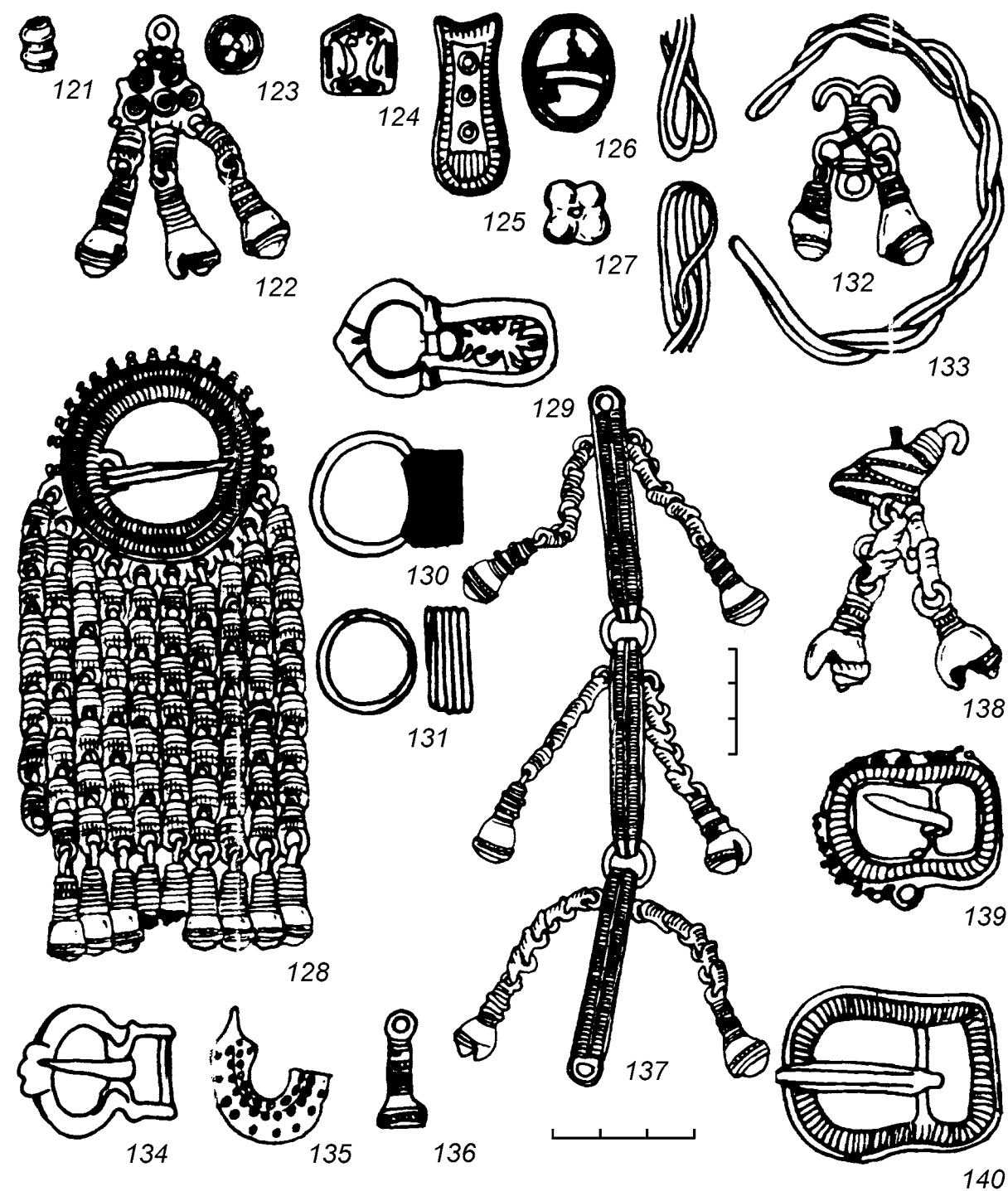

Рис. 7. Агафоновский II могильник. Бронзовые украшения костюма. Вещевой комплекс XII века

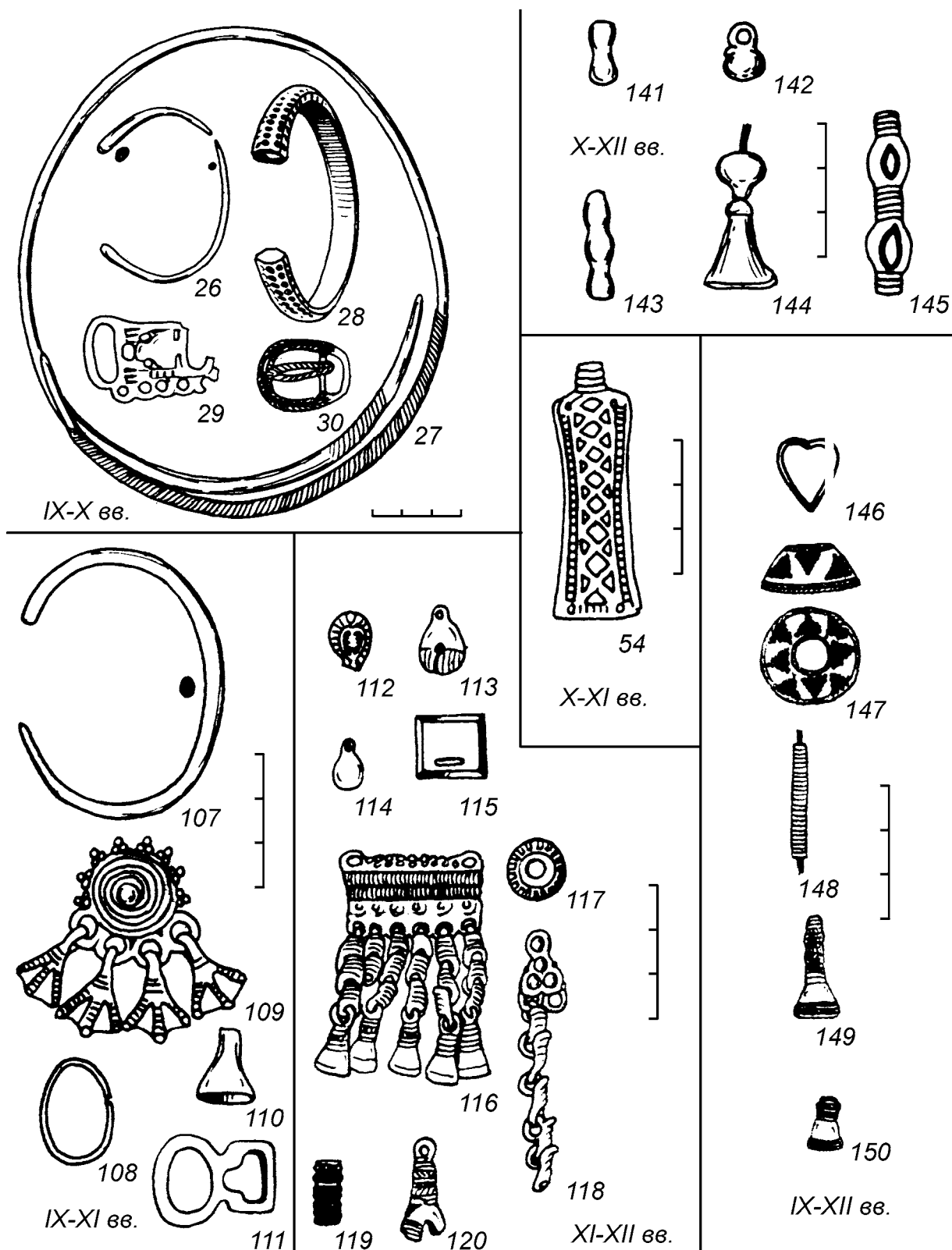

Рис. 8. Агафоновский II могильник. Бронзовые украшения костюма. Вещевой комплекс смежных хронологических групп

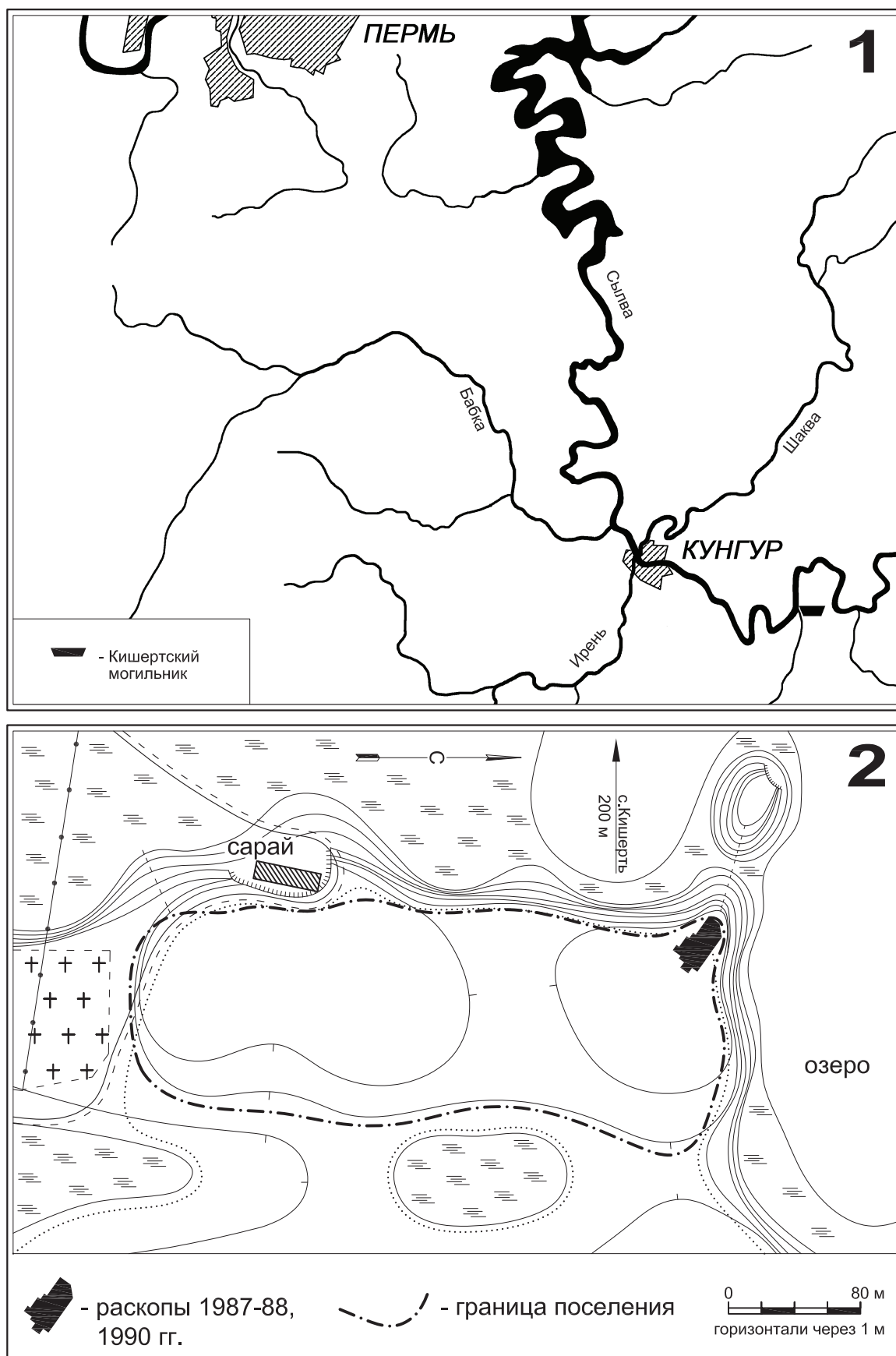

Рис. 1. Кишертский могильник. 1 – месторасположения памятника;
2 – топографический план памятника

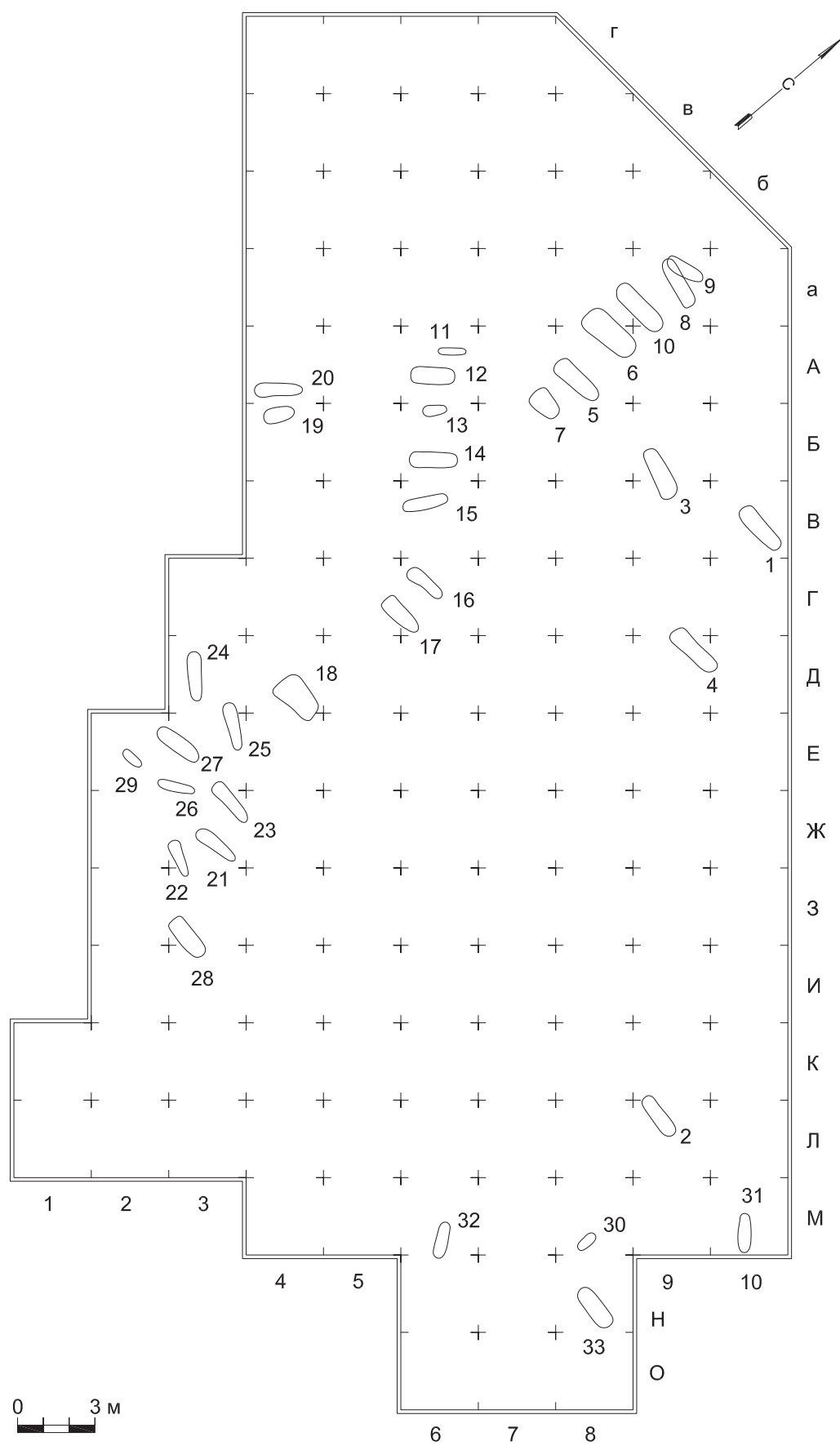

Рис. 2. Кишертский могильник. План раскопа

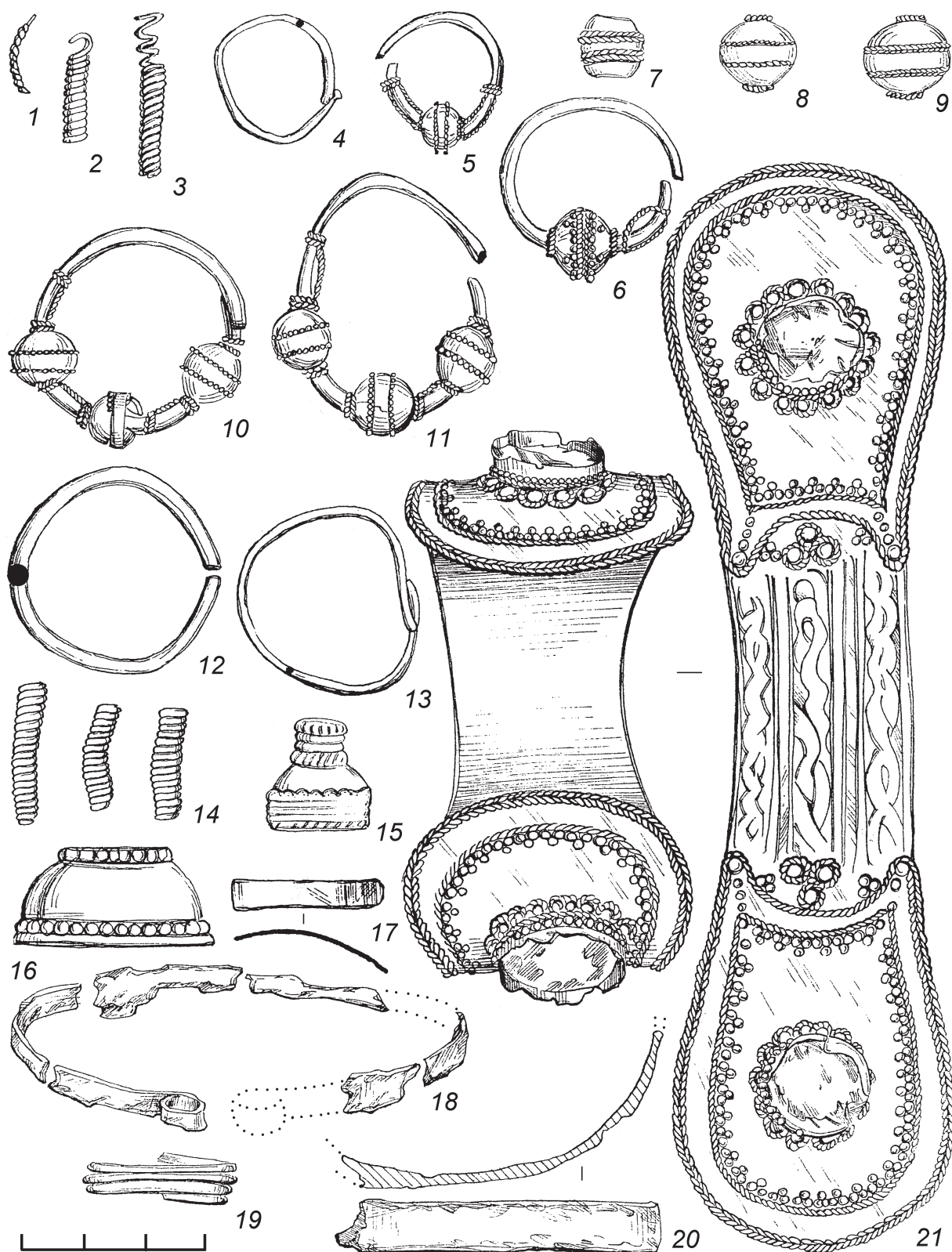

Рис. 3. Кишертский могильник. Украшения: 1-6, 10-13 – височные кольца; 7-9, 14-16 – про-
низки; 17, 18, 20, 21 – браслеты; 19 – перстень. 1-4, 12-17, 19 – бронза; 5-11 – серебро; 18, 20 – же-
лезо; 21 – серебро, позолота, стекло, ткань, береста

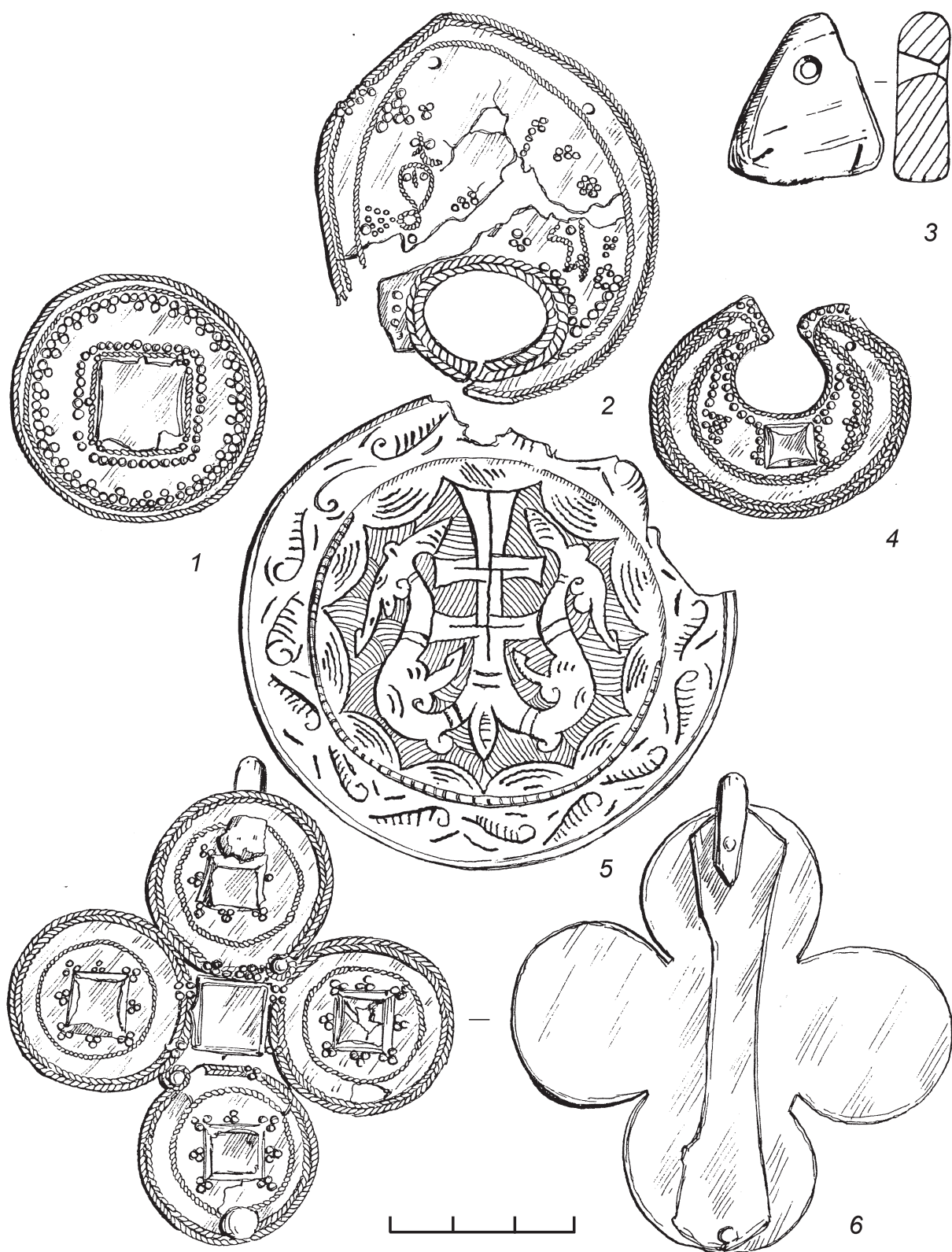

Рис. 4. Кишертский могильник. Подвески. 1, 4 – серебро, позолота, стекло, ткань, береста; 2, 5 – серебро, позолота; 3 – янтарь; 6 – серебро, позолота, бронза, стекло, ткань, береста

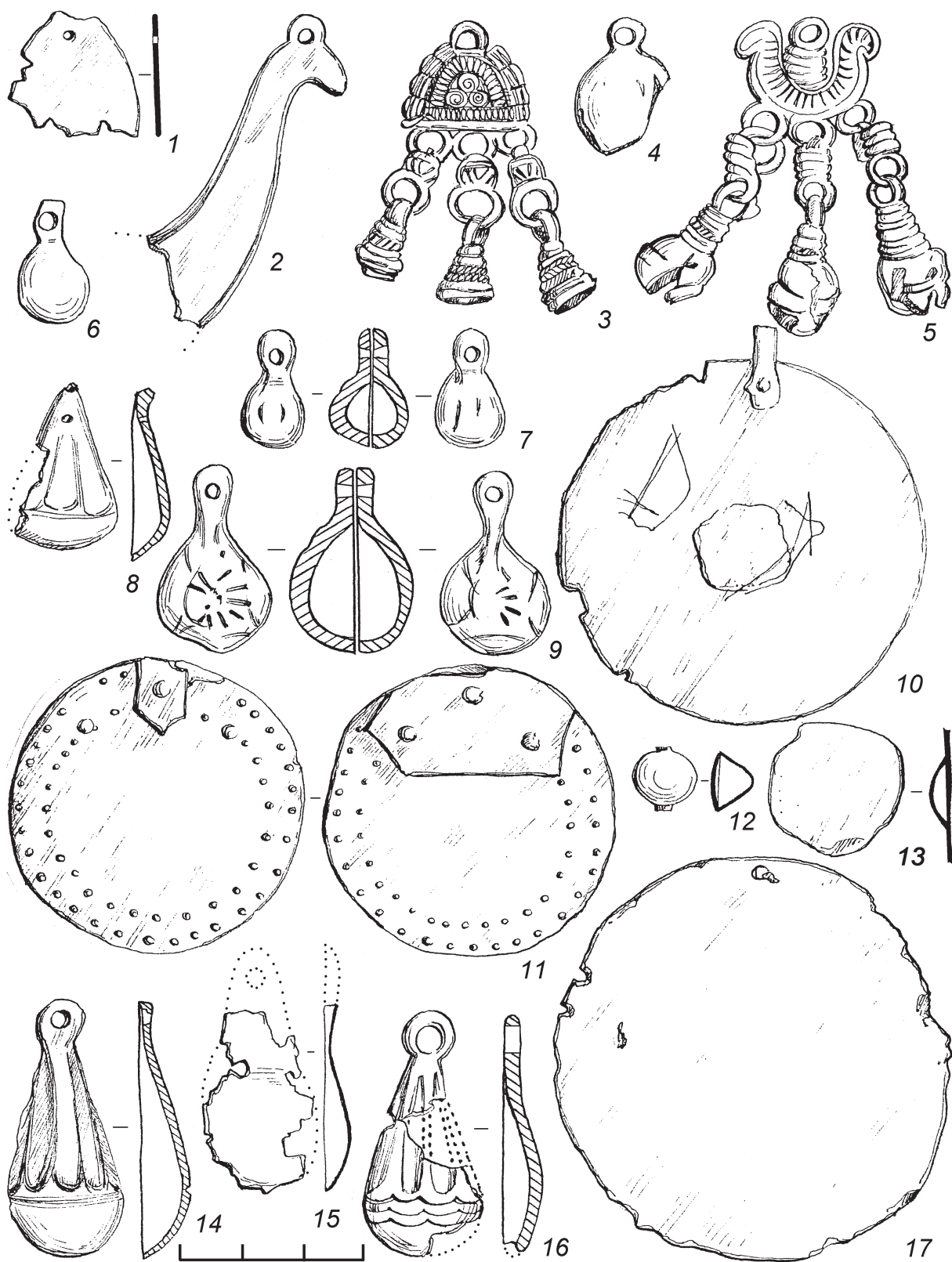

Рис. 5. Кишертский могильник. Украшения: 1-11, 14-17 – подвески; 12, 13 – пронизки.
1-9, 12-17 – бронза; 10, 11 – серебро, бронза

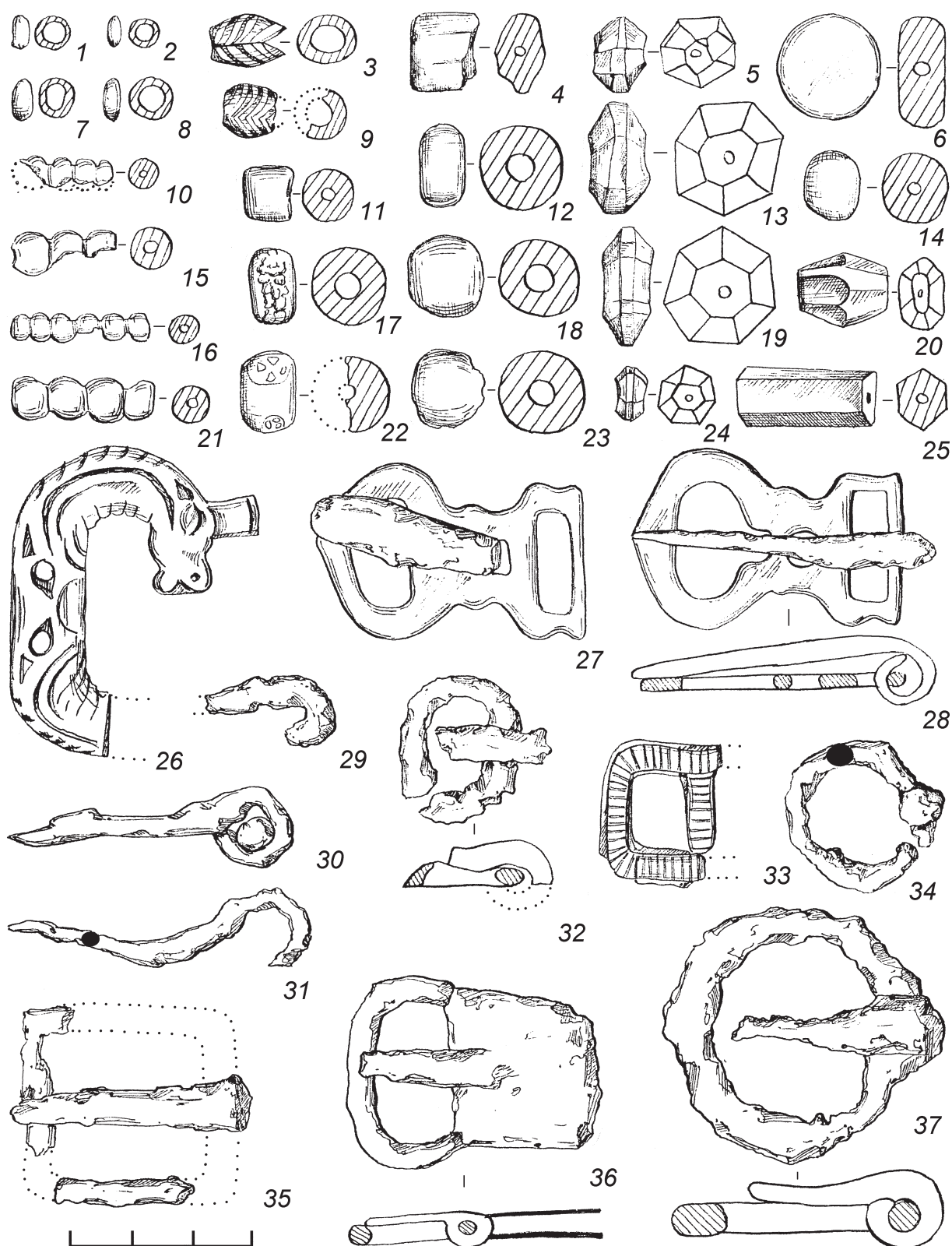

Рис. 6. Кишертский могильник. Украшения: 1-25 – бусы; 26-37 – пряжки. 1-3, 7-12, 15-18, 21-23 – стекло; 4, 5, 13, 19, 24 – сердолик; 6 – янтарь; 14, 20, 25 – хрусталь; 26, 33 – бронза; 27, 28 – бронза, железо; 29, 31, 32, 34-37 – железо; 30 – железо, кость

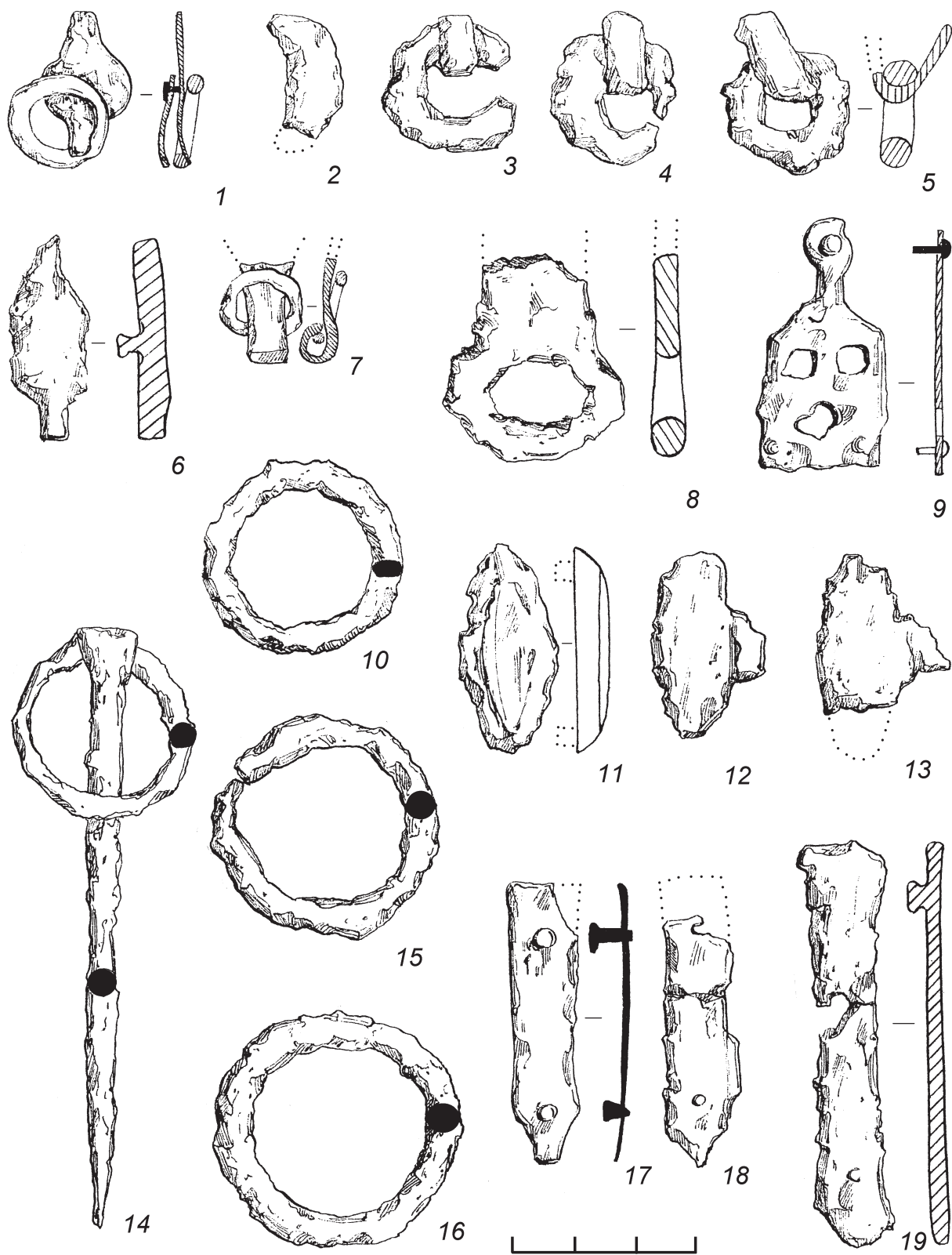

Рис. 7. Кишертский могильник. Железные украшения:
1-13, 15-19 – детали поясной гарнитуры; 14 – булавка

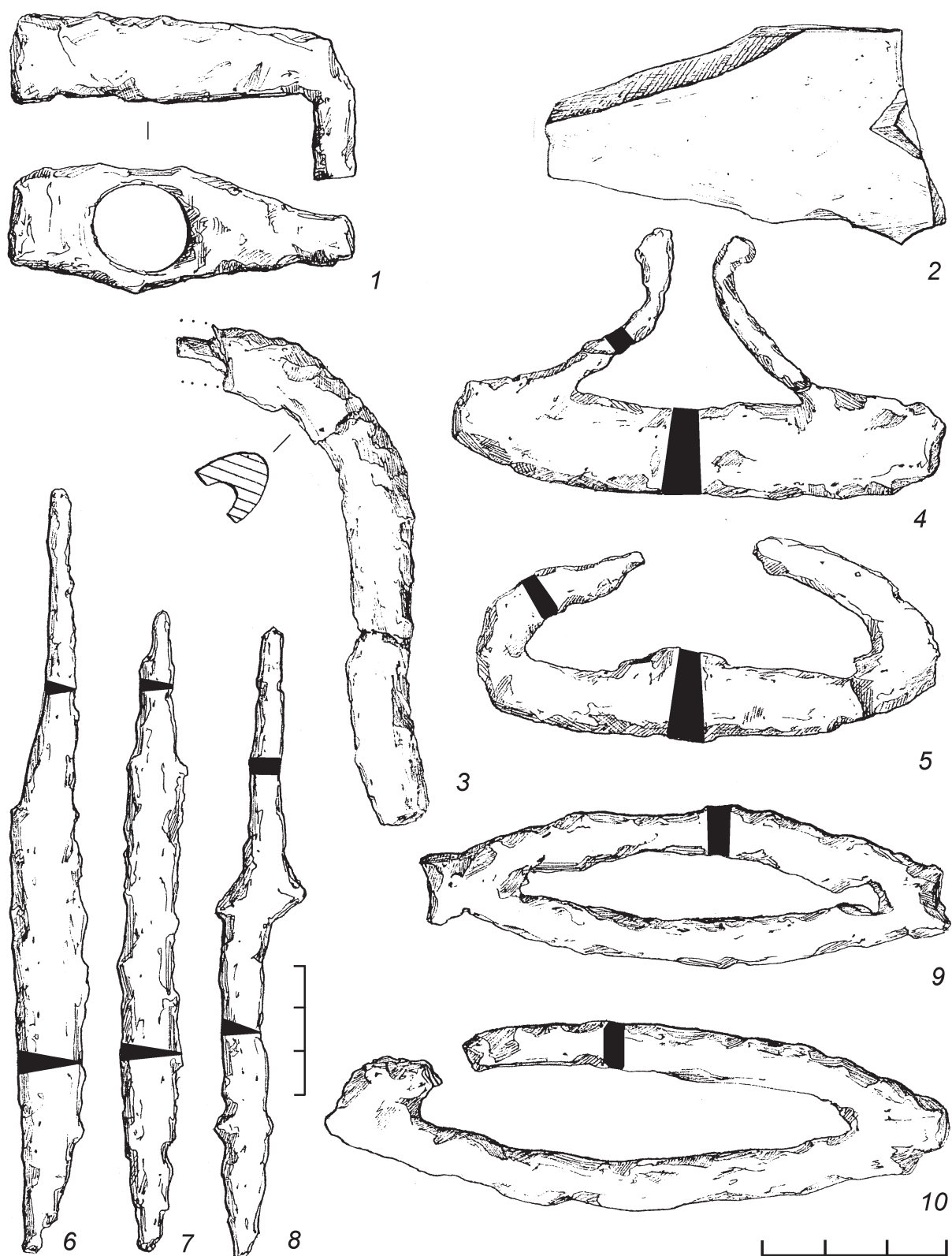

Рис. 8. Кишертский могильник. Орудия труда и предметы быта: 1 – молоток; 2 – кресальный камень; 3 – обкладка кожаной сумочки; 4, 5, 9, 10 – кресала; 6-8 – ножи. 1, 3-10 – железо; 2 – кремень

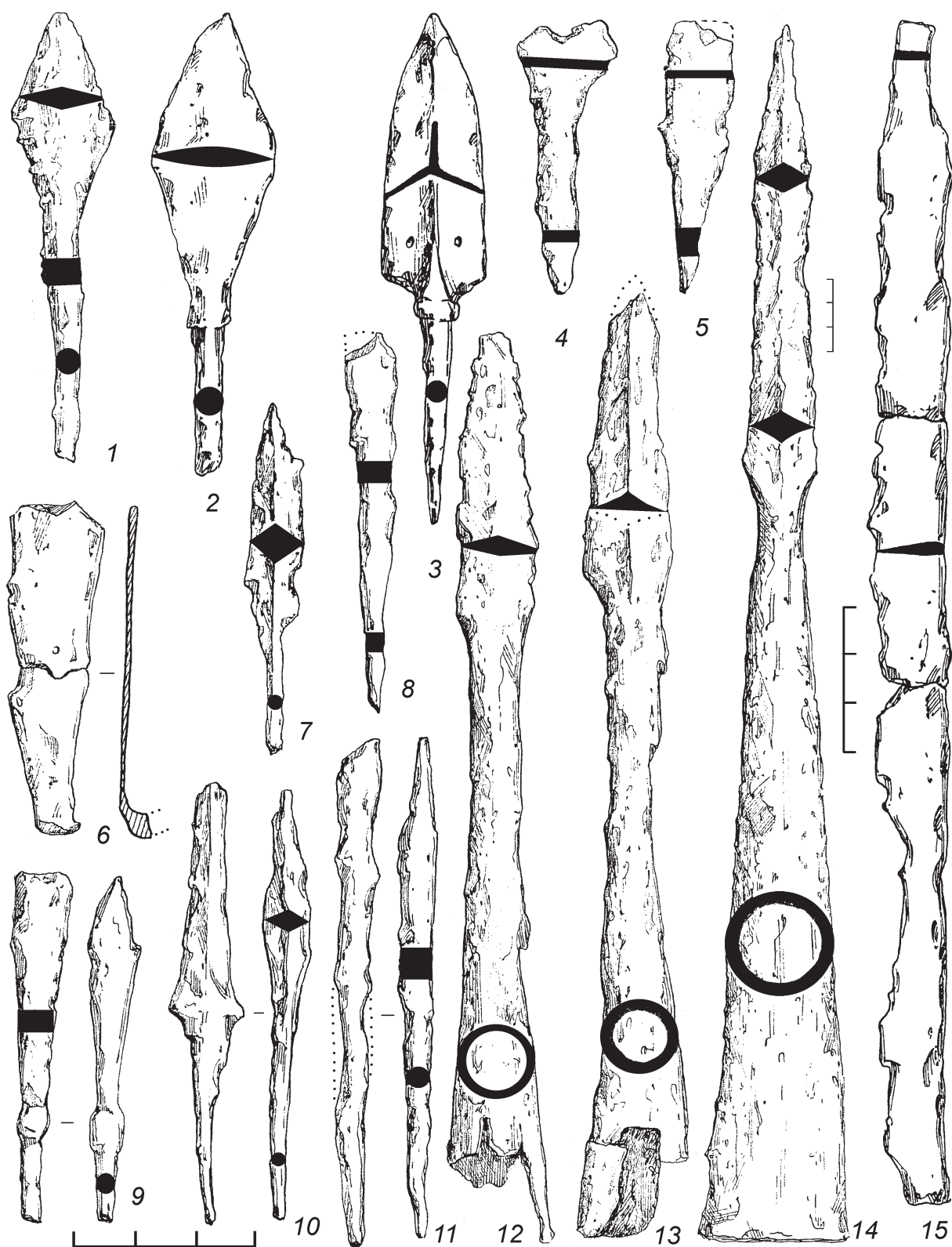

Рис. 9. Кишертский могильник. Железные предметы вооружения: 1-5, 7-11 – наконечники стрел; 6 – колчанный крючок; 12, 13 – наконечники дротиков; 14 – наконечник копья; 15 – палаш

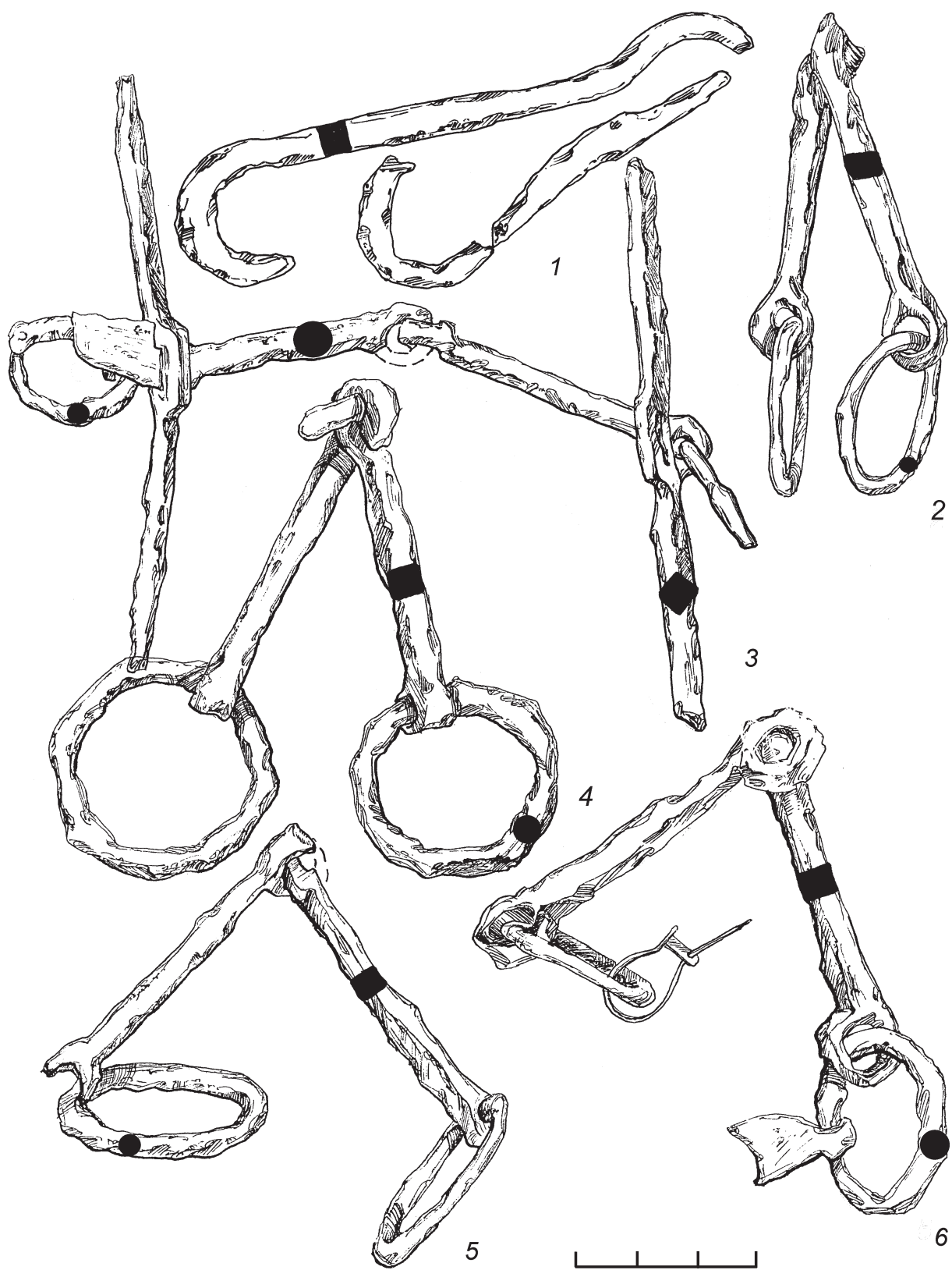

Рис. 10. Кишертский могильник. Железные удила

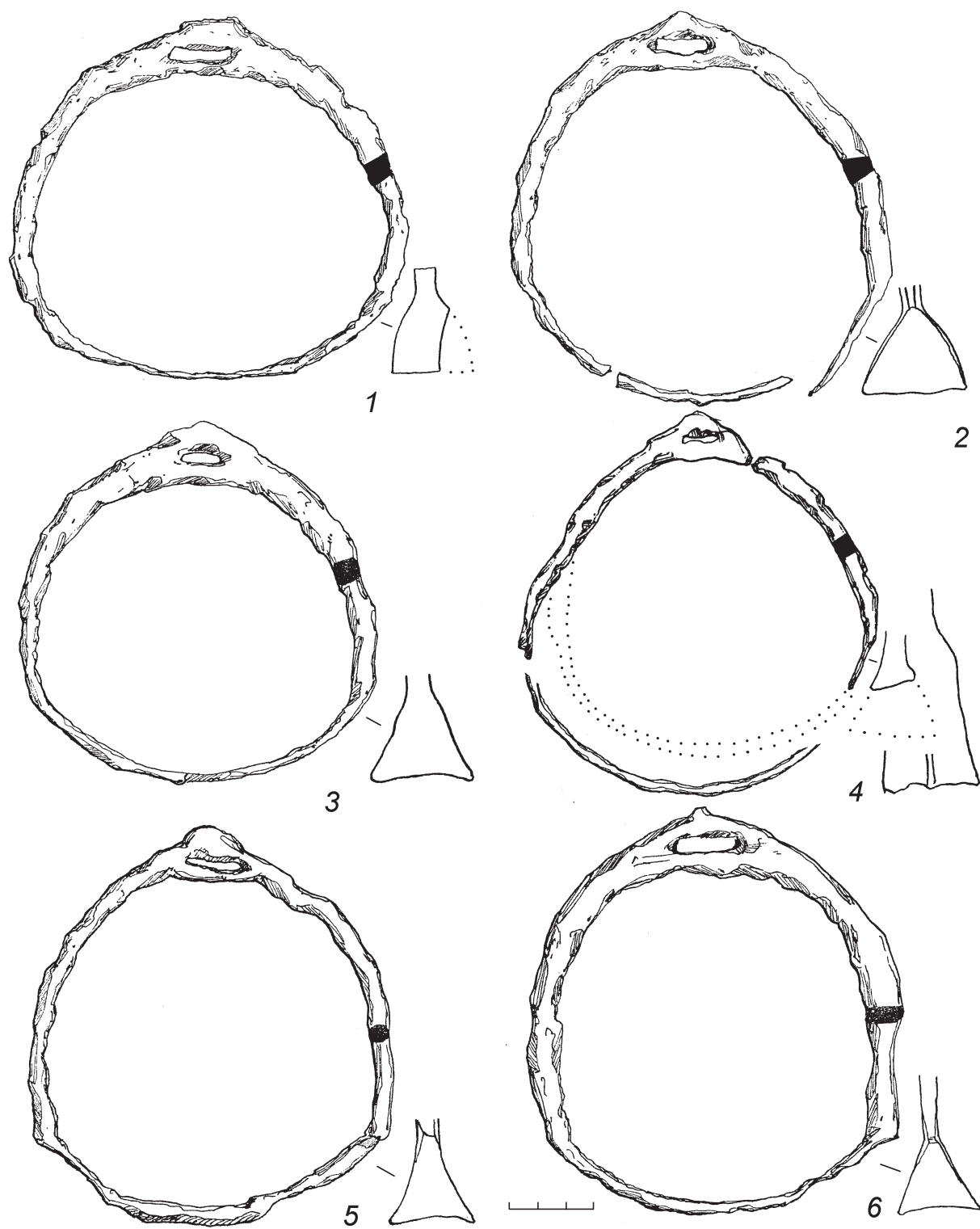

Рис. 11. Кишертский могильник. Железные стремяна

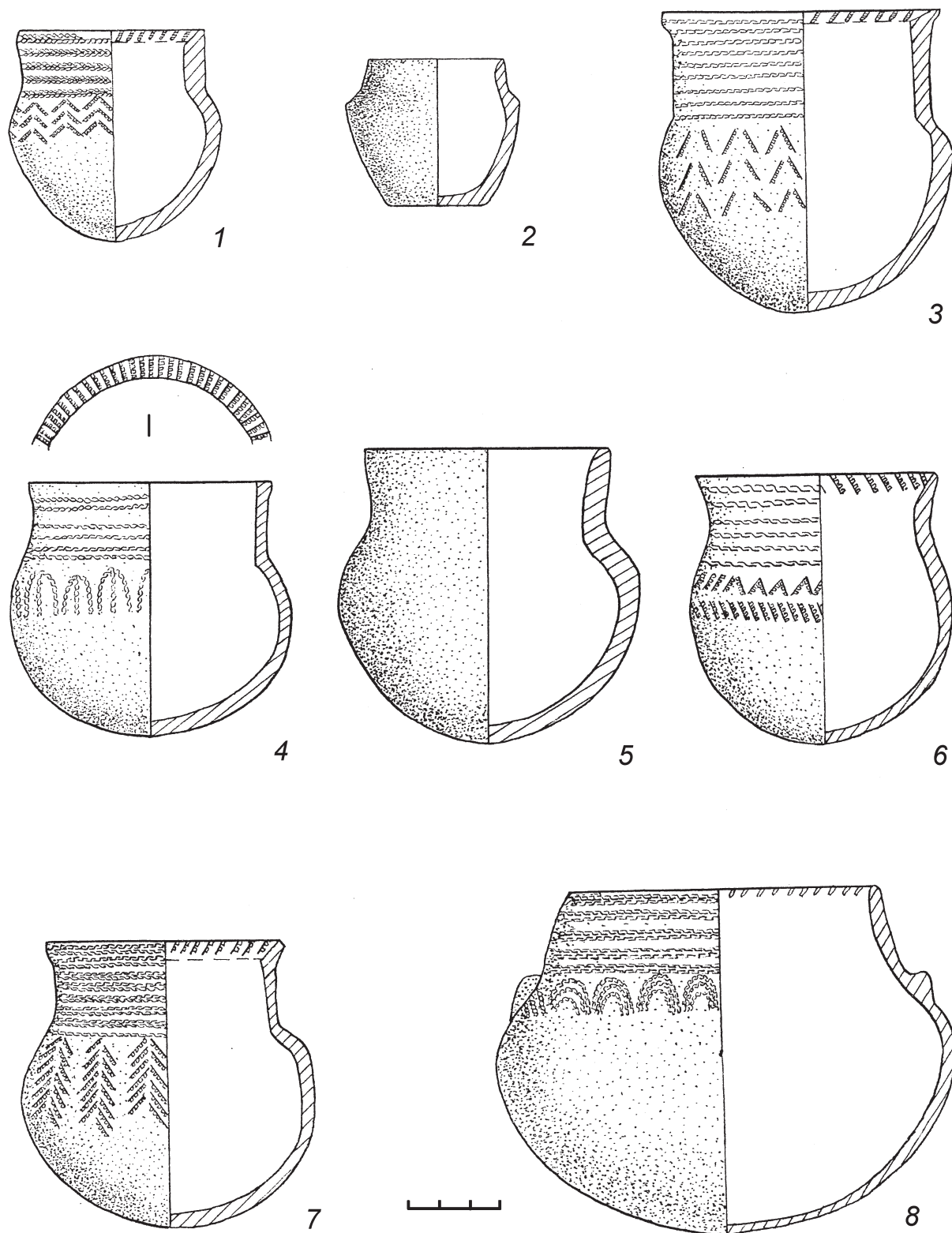

Рис. 12. Кишертский могильник. Глиняные сосуды